



КАРЕЛЬСКУЕ
НАРОДНУЕ
СКАЗКУ

КАРЕЛЬСКУЕ
НАРОДНУЕ
СКАЗКУ

Репертуар
Марии Ивановны
Михеевой





*Моим дорогим детям,
внукам и правнукам
с искренней любовью
посвящаю эту книгу.*



М. И. Михеева

КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

КАРЕЛЬСКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

Репертуар
Марии Ивановны
Михеевой

Петрозаводск
2010

УДК 398.21 (470.22)
ББК 82.3 (2Рос=Карел.)
К22

Составитель, автор вступительных статей и научного аппарата
канд. филол. наук *Н. Ф. Онегина*
Диалектологическая подготовка текстов и переводы с карельского языка
О. Э. Горшковой
Научный редактор – докт. филол. наук *Т. Г. Иванова*
Рецензенты: докт. филол. наук *Т. Г. Иванова*,
канд. филол. наук *В. П. Кузнецова*

К22 Карельские народные сказки. Репертуар Марии Ивановны Михеевой. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. 643 с.
ISBN 978-5-9274-0414-8

Публикация посвящена выдающейся сказочнице и рунопевнице Карелии М. И. Михеевой. Сборник содержит 74 ее текста всех разновидностей сказочной прозы, отражающей севернокарельскую традицию. Тексты даны на языке оригинала с переводами на русский при максимальной приближенности к оригиналу.

Вступительная статья и объемный научный аппарат посвящены не только творчеству М. И. Михеевой и ее месту в народной художественной культуре Карелии, но и проблемам истории изучаемого фольклорного жанра во взаимосвязях с русским и финским народнопоэтическим творчеством.

Книга предназначена филологам, фольклористам, этнографам, культурологам и всем читателям, интересующимся карельским фольклором.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (проект № 09-04-16069д)

ISBN 978-5-9274-0414-8

© Карельский научный центр РАН, 2010
© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Н. Ф. Онегина. М. И. Михеева, ее жизнь и место в народной художественной культуре Карелии	11
1. Биография М. И. Михеевой	11
2. Биографический очерк о фольклористке Э. С. Тимонен (Гуттари) (1916–1987)	17
3. История собирания, публикации и изучения карельских сказок	19
4. О сказочном репертуаре М. И. Михеевой в контексте севернокарельской традиции	26
4.1. Сказки о животных	27
4.2. Сказки волшебные	33
4.3. Сказки новеллистические, бытовые, сказки-анекдоты, кумулятивные, небылици, докучные и другие	71
Сказки о животных	83
1. Repo ta ukko kalalla	83
1. Лиса и старик на рыбной ловле	83
2. Hukka ta hero – kuomakset	84
2. Волк и лиса – кумовья	87
3. Ukko, akka ta orava	89
3. Старик, старуха и белка	91
4. Kontie ta tjami	93
4. Медведь и синица	95
5. Varis ta hero	97
5. Ворона и лиса	99
6. Kurki ta hero – kuomakset	101
6. Журавль и лиса – кумовья	101
7. Kalinan häistä lihat loppu	102
7. На свадьбе Калины мясо кончилось	104
8. Härän starina	106
8. Сказка про быка	108
9. Kurki ta vanhariika	110
9. Журавль и старая дева	111
10. Orava, kinnas ta niekla	112
10. Белка, рукавица да игла	114
Сказки волшебные	116
11. Monipäiset kiärmehet	116
11. Многоглавые змеи	123

12. Kissanpoika ta Jelena-prekrasnoi devuška	132
12. Копачий Сын и Елена-прекрасная девушка	138
13. Nenä halki – suolua siämeħ	144
13. Нос надвое, соли в рану	149
14. [Ruhä Miikkula]	154
14. [Святой Мийккула]	160
15. Kontie ta viisas tytär	166
15. Медведь и умная девушка	168
16. Vuakalintu, jouččenet, piessa ta kauppies	171
16. Птица вуака, лебеди, черт и купец	182
17. Mečäneläimet auttajina	194
17. Лесные животные-помощники	201
18. Tuhkimus	210
18. Тухкимус	212
19. Armottomat lapset	214
19. Сироты	217
20. Šuarilla on kaksikymmentä viisi poikua	219
20. У царя двадцать пять сыновей	226
21. Vanha saltatta	233
21. Старый солдат	237
22. Tuhkimus ta hiiri-morsien	241
22. Тухкимус и невеста-мышь	246
23. Pieni lintu-tyttöni	252
23. Маленькая девушка-птица	254
24. Šohegaripoika	256
24. Змееголовый парень	260
25. Petra-starina	264
25. Сказка о важеньке	268
26. Juakko-pastuhha	271
26. Пастух Юакко	272
27. [Ukon tytär ta Syöjättären tytär]	274
27. [Дочь старика и дочь Сюоятар]	275
28. Maitojoki-kiisseliranta	278
28. Молочная река – кисельные берега	279
29. Nätkkö-tyttären starina	281
29. Сказка о девушке-неряхе	283
30. Kultasirkka	285
30. Златокудрая Сиркка	287
31. Osrat-kakrat erilläħ, kiukua sijoillah	290
31. Ячмень, овес – отдельно, печь – на место	293
32. Sinireikaloini	296
32. Синепалая	300
33. Kaunis Skatona	304
33. Красивая Скатона	310
34. Ukon tytär Syöjättären vuateissa	315
34. Дочь старика в одежде Сюоятар	317
35. Narakkastarina	319
35. Сказка о сороках	326

36. Taikasormus	333
36. Волшебное кольцо	339
37. Pata-starina	346
37. Сказка о котле	347
38. Kõyhä velli ta pohatta velli	348
38. Бедный брат и богатый брат	351
39. Jauhinkivi	353
39. Жернов	355
40. Kulkiäroika	358
40. Парень-скиталец	362
41. Vetehini	366
41. Водяной	369
42. Lerrärölkyn starina	373
42. Сказка об Ольховой Чурке	379
43. Yheksän kullaista poikua	384
43. Девять золотых сыновей	390
44. Starina Turkin sultanista	396
44. Сказка о турецком султани	400
45. Kissalan linnan prinsessa	406
45. Принцесса Кошачьего замка	408
46. Kultakrovin starina	410
46. Сказка о золотом гробе	413
47. Unenäkiä tyremssikkä	416
47. Сон арестанта	425
48. Oropoijan starina	434
48. Сказка о мальчике-сироте	439
49. Kotitoin poika	444
49. Бездомный парень	445
Сказки новеллистические, бытовые, сказки-анекдоты, кумулятивные, не- былицы, докучные и другие	447
50. Viisas papin tytär	447
50. Умная дочь попа	450
51. Antti Puuhuaga	452
51. Антти Пуухуара	457
52. Ukko ta riessa nakrismualla	462
52. Старик и черт на репном поле	463
53. Viisas morsien	464
53. Умная невеста	465
54. Hölmöläiset	466
54. Жители деревни Хёлмёля	468
55. Seiðemen Simanua	469
55. Семь Симанов	470
56. Starina vanhasta pariskunnasta	471
56. Сказка о старой супружеской паре	473
57. Vastahakani Marina	475
57. Упрямая Марина	477
58. Ukko emäntänä	480
58. Муж в роли хозяйки	481

59. Vora Kliimo	482
59. Вор Клиймо	487
60. Viisas Homa	492
60. Умный Хома	495
61. Tietäjäakka	497
61. Ведунья	498
62. Höperö poika	500
62. Глупый парень	501
63. Vuota, tuamo, huomena	503
63. Погоди, мама, – завтра	506
64. Ville ta rapinakan ruhäveli	508
64. Вилле и любовник попадьи	513
65. Starina mylläristä	518
65. Сказка о мельнике	519
66. Čulistarina	520
66. Сказка о Чули	521
67. Kultakenkät – hopeapaklat	522
67. Золотые башмаки – серебряные оборы	528
68. Ruočšalaini ruotakoira	533
68. Швед, костлявая собака	534
69. Kol, kol, kolua	535
69. Кол, кол, колочек	536
70. Mirä tuolla näkyü?	536
70. Что там виднеется?	537
71. Kunne, hiiri, mänet?	537
71. Куда, мышь, идешь?	538
72. Kana muni munasen	538
72. Снесла курица яйцо	539
73. Narakka ta tervakatto	539
73. Сорока и просмоленная крыша	540
74. Härän starina	540
74. Сказка о быке	540
Примечания	541
Аннотированная опись сказок М. И. Михеевой из коллекций архива Карельского научного центра Российской академии наук	576
Указатель сюжетов всех сказок М. И. Михеевой, содержащихся в архиве Карельского научного центра Российской академии наук	585
Сюжетно-географический каталогизированный указатель карельских сказок архива КарНЦ РАН по Северной Карелии	588
Указатель сказочных сюжетов по Северной Карелии	629
Словарь местных и малопонятных слов	637
Список сокращений архивных и печатных источников	638
Приложение 1	
Руны М. И. Михеевой и некоторые другие произведения калевальской метрики, опубликованные в разных изданиях	641
Приложение 2	
Районы Карелии по административному делению 1968–1976 гг.	642



ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем сборнике представлена сказочная традиция северных карел на примере одной из талантливейших исполнительниц сказок М. И. Михеевой. В ее репертуаре не менее ста сказок, охватывающих все жанровые разновидности.

В сборник вошло 74 текста из хранящихся в архиве Карельского научного центра Российской академии наук (КарНЦ РАН) в записи собирательницы Э. С. Гуттари (Тимонен) (п. Калевала, 1947). Тексты даны на языке оригинала с переводами на русский и представляют собой наиболее полные и ценные образцы севернокарельской сказки. Порядок расположения материала по разделам следующий: 1) Сказки о животных; 2) Волшебные сказки; 3) Сказки новеллистические, бытовые, сказки-анекдоты, кумулятивные, небылицы, докучные и др. Заглавия сказок принадлежат исполнительнице, ее ремарки заключены в круглые скобки, а дополнения и уточнения составителей – в квадратные.

Работа по подборке и систематизации материала, по оформлению корпуса сборника, по написанию вступительных статей и составлению научного аппарата велась Н. Ф. Онегиной. Диалектологическая правка карельского оригинала и перевод текстов на русский язык сделаны О. Э. Горшковой.

При публикации архивных материалов используется графика современной карельской письменности, в частности, при письме не отражается различие шипящих звуков [с] и [ш] карельского языка, они передаются через *s*. Диалектологическая правка производилась с большой осторожностью с целью сохранения всех диалектных особенностей языка и с учетом того, что большинство записей сделано носителем финского (ингерманландского) языка Э. С. Гуттари. Изменениям подверглись лишь явные заимствования из финского языка (например, глагол *touhtua* «вспылить, рассердиться» заменен соответствующим карельским *siäntyö*). В основном же влияние финского языка в записях отразилось на написании окончаний иллатива в именах и в форме третьего инфинитива глаголов (фин. *kotiin, syömään*, карел. *kotih, syömäh*).

Тексты, ранее опубликованные в сборнике У. С. Конкка¹, в настоящем издании идут под номерами: 1, 3, 6, 8, 10 – сказки о животных, 13, 29, 35,

¹ Карельские народные сказки / Изд. подгот. У. С. Конкка. М.; Л., 1963 (далее – КНС I. См.: Список сокращений архивных и печатных источников).

38, 42, 43, 45, 46, 66 – волшебные. Они проверялись на соответствие архивным записям.

Русскоязычный перевод максимально приближен к оригиналу. Перевод текстов из сборника У. С. Конкка оставлен без изменений.

В сборнике имеется следующий научный аппарат: вступительная статья, дающая характеристику творческой манеры М. И. Михеевой; примечания к каждому тексту; аннотированная опись сказок М. И. Михеевой из коллекций архива КарНЦ РАН; указатель сюжетов всех сказок М. И. Михеевой; сюжетно-географический каталогизированный указатель карельских сказок архива КарНЦ РАН по Северной Карелии; указатель сказочных сюжетов по Северной Карелии; словарь местных и малопонятных слов. Также приведен Список сокращений архивных и печатных источников. Ссылки на сборники фольклорных материалов, вошедшие в данный Список, оформляются следующим образом: после сокращенного названия сборника указывается номер фольклорного текста внутри сборника либо указывается номер страницы после буквы «с» или «s».

В Приложении 1 дан список опубликованных рун М. И. Михеевой; в Приложении 2 называются районы Карелии по административному делению на 1968–1976 гг., когда проводилась интенсивная работа по записи севернокарельских сказок.

Самой большой благодарности заслуживает собирательница сказок М. И. Михеевой Э. С. Гуттари (Тимонен), сдавшая в академический архив обширные материалы по севернокарельскому фольклору 1950–1960-х гг. Именно благодаря ее усердию удалось выявить среди многих талантов наиболее яркую сказочницу севернокарельской исполнительской традиции.



М. И. МИХЕЕВА, ЕЕ ЖИЗНЬ И МЕСТО В НАРОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ КАРЕЛИИ

1. Биография М. И. Михеевой

Мария Ивановна Михеева не просто хранительница и исполнительница фольклорных произведений, но и одна из лучших мастериц народного творчества. От нее записаны как произведения самых крупных эпических жанров (руны, сказки), так и многие другие жанры, например, песни калевальской метрики (лиро-эпические, обрядовые, свадебные, балладные, кумулятивные (ketjulaulut)), причитания (свадебные, похоронные и бытовые), а также заговоры и ёйги². Из прозаических жанров отметим предания, легенды, мифологические рассказы. Богат ее репертуар по детскому фольклору и малым жанрам (пословицы, поговорки, приметы, загадки). Таким образом, репертуар М. И. Михеевой охватывает фактически все жанры карельского устного народного творчества. Как усваивалось и накапливалось такое духовное богатство?

М. И. Михеева родилась и жила в краю выдающихся сказителей, хранивших традиции прошлых веков. Весь уклад жизни в севернокарельских деревнях поддерживал устои предков: обычаи, обряды, сферу устного творчества. Народ жил в единении с природой, высокая духовность выражалась в его устной поэзии. Э. Лённрот писал в первой трети XIX в.: «Руны <...> услышат несколько поколений и после нас»³. И мы услышали голоса наших предков из глубины веков и должны быть благодарны людям, донесшим до нас это духовное богатство.

² В предисловии к книге «Карельские ёйги» сказано: «Ёйги – один из своеобразных, по-своему сложных и интересных жанров карельской устной поэзии. Это музыкальный жанр народной лирики, песни-импровизации <...> Этимология слов „joiku“, „joikua“ не выявлена» (Карельские ёйги / Изд. подгот. Н. А. Лавонен, А. С. Степанова, К. Х. Раутио. Петрозаводск, 1993. С. 6).

³ Путешествия Элиаса Лённрота. Путевые заметки, дневники, письма. 1828–1842 / Пер. с фин. В. И. Кийранен и Р. П. Ремшувой. Петрозаводск, 1985. С. 134.

Мария Михеева о своей жизни рассказывала так: «Родилась я в 1884 г. в дер. Алозеро (Alajärvi), ныне Калевальского района. Отец, Иван Васильевич Корккоев, был карелом из ближайшей деревни Войница. Мать, Варвара Петровна Иевлева, из д. Алозеро. На берегу чудесного озера Alajärvi я родилась и выросла. Здесь дедом Пекки (отцом матери) был построен добротный дом из длинных и толстых бревен. Дед был родом из местных лопарей, жилистый, сильный мужчина, хороший охотник и рыбак. Он женился на карелке Окку Иевлевой, была у них всего одна дочь Варвара (впоследствии мать Марии, рано умершая. – *Н. О.*) <...> Она умерла, когда мне было всего 13 лет. Нас осталось пятеро детей. Мне, старшей, пришлось нянчить ребят; бабушка жила с нами, помогала вести хозяйство»⁴. В описываемый период деревня жила не только рыбной ловлей, оленеводством и охотой, как во времена первонаселенников – лопарей; люди уже давно пахали землю, растили зерно, косили луга, держали скот. И все же любимым занятием для Марии на всю жизнь осталась рыбная ловля, ее так и называли Михеева-рыбачка. Позже (с 1965 г.), живя у сына в Ухте (Калевале), она регулярно ездила рыбачить в Алозеро. О детстве сказительница вспоминает так: «Много слышала рун от отца, когда были с ним на рыбной ловле. Он помнил все с детства, отец был родней Андрею Малинену (известный рунопевец из д. Войницы (Vuoninen), от которого в свое время записывал еще Э. Лённрот. – *Н. О.*)».

Также Мария Ивановна рассказывала, что во времена ее детства и юности в дом деда были вхожи все путники, ехавшие по делам и путешествующие из пограничных деревень (Ухта, Костомукша, Контокки и других), которые передвигались летом по озеру на лодках, зимой на лошадях, а ночевали обычно в Алозере. В гостеприимном доме деда Пекки вечерами всегда рассказывали сказки, пели руны. Дети сидели рядом со взрослыми, внимательно слушали (Из дневниковых записей Э. Тимонен. АКНЦк, 18, 1–10)⁵.

Ясно, что в карельских семьях начальные знания по устному творчеству были заложены в раннем детстве. «Starinoita ta runoja aloin oppia jo lapsena tuatolta ja vuabolta» – «Сказки и руны начала запоминать (учить) уже ребенком от отца, а сказки – от бабушки <...> Детская память цепкая, и все это заполнило душу на всю жизнь» (АКНЦк, кол. 22, л. 79).

А жизнь была долгая и сложная, как у всех женщин ее поколения. Она осталась после смерти мужа, Матти Михеева, кормилицей своих пятерых детей. Колхоз, военное лихолетье, эвакуация в Архангельскую область, возвращение на пепелище. «Много горя приняла, но по характеру была жизнерадостной, так выдержала все, не сломалась», – читаем о М. И. Ми-

⁴ Архив Карельского научного центра РАН (далее – АКНЦ), колл. 22, л. 79.

⁵ Здесь и далее ссылки на тексты, хранящиеся в рукописном архиве Карельского научного центра, оформляются следующим образом: после аббревиатуры указан номер коллекции и текста (единицы хранения) внутри коллекции. Литера «к» (АКНЦк) обозначает тексты на карельском языке, «в» (АКНЦв) – на вепском, «р» (АКНЦр) – на русском.

хеевой в биографической статье Э. Тимонен⁶, записавшей от нее практически весь репертуар – не только сказки, но и все остальные жанры.

Деревня Войница, откуда был родом отец М. Михеевой, стоит на Верхнем Куйтто, куда приезжал в свое время Э. Лённрот для собирания рун. В путевых заметках собирателя о той деревне сказано: «В это трудно поверить, но действительно, кроме малых детей, здесь не найдешь человека, который не припомнил бы отрывка из старинной руны», т. е. широкое бытование эпической песни в XIX в. было жизненной нормой. Когда собиратель стал записывать от 15-летнего парнишки о Вяйнямейнене, Йоукохайнене, Лемминкяйнене, то заметил, что они во многом отличаются от ранее собранных. Задав вопрос мальчику, где же он выучил эти руны, в ответ собиратель услышал: «Столько может спеть кто угодно, если не лень»⁷. Этот юнец, вероятно, впоследствии стал продолжателем рунопевческой традиции.

Все деревни в окрестностях озер Куйтто (Войница, Ладвозеро, Вокнаволок, Ухта, Ювяскуля, Чена, Аконлахти, Кивиярви и др.) в XIX в. слыли кладезем эпической поэзии. Не случайно первое значительное собрание рун Э. Лённрот записал в 1833–1834 гг. именно в Войнице от первоклассных певцов Малиненов, отца и сына; по достоинству он оценил и их соседа Вассила Киелевяйнена. Создатель «Калевалы» и его последователи позднее не раз ездили к рунопевцам в район Калевалы. В Ладвозере от Архиппа Перттунена было записано 60 высокохудожественных рун, сохранением которых потом прославились четыре поколения его рода⁸. Традиция сохранилась и сто лет спустя, как это предсказывал Э. Лённрот, чему примером являются калевальские сказительницы Т. А. Перттунен, М. А. Ремшу, Е. И. Хямляйнен, А. А. Карельская, М. П. Лесонен, М. И. Михеева, М. М. Хотеева и многие другие⁹.

От М. Михеевой, владевшей рунопевческим мастерством, записаны древние мифологические и стадиально более поздние руны: «Вяйнямейнен нисходит в утробу Випунена», «Вяйнямейнен освобождает солнце», «Охота на лося», «Лемминкяйнен на пиру в Пяйвелеле», «Анни отвергает жениха», «Куллерво узнает сестру» и др.¹⁰ Этот пласт ее творчества требует особого изучения.

Как правило, рунопевцы были одновременно и сказочниками. В семье Михеевых сказки рассказывали все: мать, отец, сестры, тети,

⁶ *Mihejeva M.* Karjalaisia kansansatuja. Petroskoi, 1951. S. 3–6 (далее – Mihejeva).

⁷ Путешествия Элиаса Лённрота. С. 103.

⁸ Избранные руны Архиппа Перттунена / Пер., вступ. ст. и прим. В. Я. Евсеева. Петрозаводск, 1948; *Kemppinen J.* Arhippa Perttusen runot. Helsinki, 1965; Рода нашего напевы. Избранные песни рунопевческого рода Перттуненов / Сост. Э. С. Кюру, Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1985.

⁹ См.: Карельские эпические песни / Предисл., подгот. текстов и коммент. В. Я. Евсеева. М.; Л., 1950 (далее – КЭП).

¹⁰ КЭП. С. 36–43. Список изданных рун М. Михеевой см. в Приложении 1.

дальние родственники. Многие девочке перешло от бабушки Окку Иевлевой. Из ремарок сказочницы узнаем о сюжетах, усвоенных в детстве от бабушки («маминой мамы»). В Алозере М. Михеева слышала сказки и от бывалых людей, о которых упоминает как об известных алозерских сказочниках – это Карпов Тимофей, Пааво Тимофеев, 90-летний старец Макар Васильев. На ночлеге по дороге на мельницу слышала она сказки от Михаила Митрофанова. Вспоминает М. Михеева и соседок-сказочниц: Елену Васильеву, Марию Ульянову и вдову-побирушку Окку Васильеву. Мать, имея многодетную семью, общалась с детьми в основном во время домашних работ: «Starinoita äiti kertoi kehätessä, verkkoja kutoessa ja muussa työssä, jouten ei ollut aikaa olla» – «Сказки мать рассказывала при прядении, вязании сетей и при других работах: не было времени бездельничать» (АКНЦк, 161, 757). «Это все, – вспоминает Михеева, – слышала в каждом доме <...>, и все они (сказки и руны) остались в памяти на всю жизнь» (АКНЦк, 22, 79).

В первые послевоенные десятилетия (1950–1960-е гг.) традиционный фольклор в регионе Калевалы не только широко бытовал, но и, как казалось, развивался. Устное творчество было востребовано. М. И. Михеева, как и многие другие носители фольклора, была вовлечена в общественную деятельность. С пением рун и сказыванием сказок она выступала и в школе, и в детском доме. Самой ей довелось учиться в школе только один год, но благодаря ликбезу сказочница умела читать и писать.

М. Михеевой было свойственно бережное отношение к духовному наследию своих предков. Поучительно ее высказывание в письме к Э. Тимонен о том, что услышанное от родителей нельзя забывать (АКНЦк, 161, 757). И она умела, судя по воспоминаниям писателя Павла Романовича Леонтьева – бывшего ухтинского (калевальского) детдомовца, передать свое душевное тепло детям: «Было это в 1948 г. Однажды летом нам сказали, что после обеда придет сказительница Мария Михеева, всем прийти в пионерскую комнату. Пришла такая тихая, милая, домовитая женщина лет 50–60-ти, по-простому, по-крестьянски одета, на ногах калоши с толстыми шерстяными носками... Начала говорить спокойно, мелодично, ласково глядя на нас, детей. Побеседовала с нами о быте, потом зазвучала как-то особо такая родная карельская речь: она пела руны. Это заворожило нас. У меня перед глазами рисовалось мое доброе довоенное детство. Мне чудилось, что я дома, мать подоила корову, разливает молоко по глиняным горшкам... Скорей всего, я и прослезился, но этого даже не замечал (все уже ушли), я сидел не шелохнувшись. Она, видимо, заметила мое состояние и: „Mistä sie, kultaseni, olet?“ – „Откуда ты, золотко?“ Услышав ответ, сказала, что помнит моих родителей...»

Далее П. Р. Леонтьев продолжает: «Выйдя на улицу, побрел по лесу, вдоль реки, к водопаду. В душе звучал ее напевный голос, ве-

щавший нам, детям, опаленным войной, чудесные истории, и это вызвало во мне такие бурные эмоции, что хотелось охватить любовью все вокруг: этих добрых женщин, озеро, бурлящие пороги, лес»¹¹. Эта любовь писателя к малой родине, к ее народу, зародившаяся в те далекие годы детства, ощущается в его творчестве и теперь. Такое вдохновение испытывало все послевоенное поколение взрослых и детей в карельских деревнях, слушая сказки, предания и руны от старших, тем более что не было тогда не только телевизоров, но порой и радио.

По поводу своей родословной М. Михеева рассказывала предание, хранящееся в семье. Вспоминая о первоначальниках деревни – лопарях, она говорила, что их род произошел от саама Чалли, одного из трех братьев (АКНЦк, кол. 22, л. 78). Такого рода воспоминания хранились не только в семье Михеевых. Недалеко от Калевалы находится деревня Охта. Жившая там семья Леонтьевых также считала своими предками саамов. «Охтинцев» звали «lappalaiset» – лопари (прозвище – liikanimi). В 1830-х гг. в Охте побывал Э. Лённрот, который писал, что там в это время жили две лопарские семьи. Местные жители позднее даже показывали места их обитания. П. Р. Леонтьев замечает: «Посмотришь на моих родственников и близких, ну что-то в них лопарское есть, наверное, и во мне тоже»¹².

Рассказывалось, что после ухода лопарей из этих краев стало убывать оленеводство, но охота на оленей и лосей продолжалась. Кстати, муж М. Михеевой был хорошим охотником. Обычным явлением в родном крае М. Михеевой было и коробейничество. Дед сказочницы «ходил» с товаром в Финляндию: «Äidin isä oli gerpuri» – «Дед был коробейником» (АКНЦк, кол. 161, л. 757). Он брал с собой и дочку, мать Марии, готовя ее к «вхождению в мир». Внучке же осваивать житейский опыт пришлось уже самостоятельно. Жила она уже в другую эпоху, т. е. в советское время, в период разрушения старого уклада жизни.

М. И. Михеева стала известна как сказительница рун благодаря деятельности фольклористов, журналистов и писателей, развернувшейся в середине XX в. В. Я. Евсеев в 1940–1950-е гг. и позже публиковал карельские руны, беря ранние записи (XIX в.) из многотомника «Древние руны финского народа»¹³, куда вошли тексты эпических песен из Карелии, Ингерманландии, Финляндии, а руны, собранные в советский период, – из архива КарНЦ, где хранились записанные советскими фольклористами

¹¹ Фонограммархив Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН (далее – ФИЯЛИ), касс. 3699/8 (здесь и далее через знак «/» указан номер записи на кассете), записано Н. Ф. Онегиной в августе 2007 г.

¹² ФИЯЛИ, касс. 3699/8.

¹³ Suomen kansan vanhat runot. I osa / Julkaissut A. R. Niemi. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seuran kirjapaino, 1908 (далее – SKVR I).

материалы¹⁴. Руны М. Михеевой и других сказителей и очерки о них появлялись в публикациях и других фольклористов и писателей¹⁵.

В послевоенные годы ученые обратились и к Михеевой-сказочнице. В 1951 г. был издан популярный сборник Э. Тимонен «Karjalaisia kansansatuja»¹⁶ (Карельские народные сказки). В нем представлено 27 сказок М. Михеевой. Составительница сборника подвергла тексты литературной обработке и дала их на финском литературном языке, в результате чего «в какой-то степени стерся карельский колорит сказок»¹⁷. Более десятка текстов из сказочной прозы М. Михеевой мы находим в научном сборнике У. С. Конкка «Карельские народные сказки» (КНС I), где тексты даны с переводами (6 сказок о животных и 6 волшебных).

В нашем сборнике из 100 текстов М. Михеевой, имеющих в архиве КарНЦ, публикуется 74. Это сказки разных жанровых разновидностей: о животных, волшебные, новеллистические, сказки-анекдоты, кумулятивные, докучные, небылицы и др. Самый крупный раздел нашего сборника – это волшебные сказки, прекрасно изложенные, с богатой сказочной обрядностью.

Вернемся к жизненной стезе М. Михеевой. Начиная с 1930-х гг. к сказителям постоянно привлекалось внимание советской общественности. В апреле 1941 г. М. И. Михеева была участницей конференции сказителей, прошедшей в с. Ухта (Калевала). Здесь она продемонстрировала свое рунореческое искусство. Участвовала сказительница и в праздновании 100-летнего юбилея «Калевалы» (1949). В 1951 г. М. Михеева выступила на смотре карельского искусства в Москве.

Не осталась она в стороне и от создания «новых» эпических песен на советскую тематику, например, о любви народа к вождям и советским героям. Гордясь подвигами народа не только военного, но и мирного времени, М. Михеева, например, создала «новину» о полете Ю. Гагарина в космос. Создавались «новины» в калевальской метрике и ритмике. Такое творчество

¹⁴ Карельский фольклор. Новые записи / Вступ. ст., подгот., пер. текстов и прим. В. Я. Евсеева. Под ред. В. Я. Проппа. Петрозаводск, 1949 (далее – Евсеев, 1949); КЭП; Karjalan kansan runot / Kokoon pannut V. Jevsejev. Tallin, 1976–1980. Т. 1–2; Карельское народное поэтическое творчество / Подгот. и пер. текстов В. Я. Евсеева. М.; Л., 1981 (далее – Евсеев, 1981).

¹⁵ На земле Калевалы // Будни Севера. Петрозаводск, 1956. С. 325–329; Laulu uudesta Sammosta: Runoja. J. Hämäläinen, M. Mihejeva, T. Perttunen. Petrozavodsk, 1959; Karjalaiset runon laulajamme // Punalippu. 1958. N 6. S. 111–119; Руны лучшие запели // Карелия. Годы. Люди. Петрозаводск, 1967. С. 132–140; Сказительница Марии Михеевой 85 лет // Коммунист Калевалы. 1969. 5 апреля; Timonen E. Ei mahti maahan jouda. Petroskoi, 1979. S. 73–91; Казаков Ю. Поедемте в Лопшеньгу. Рассказы. М., 1983. С. 430–438; Rugofev J. «Etsiessä onnen osaa...» M. Mihejevan 100-vuotispäiväksi // Punalippu. 1984. N 4. S. 78–88.

¹⁶ Mihejeva M. Karjalaisia kansansatuja. Petroskoi, 1951.

¹⁷ Конкка У. С. О собирании и некоторых особенностях карельских сказок // Карельские народные сказки / Изд. подгот. У. С. Конкка. М.; Л., 1963. С. 11.

было инициировано и поощряемо, прежде всего, фольклористами, подсказывавшими носителям народной поэзии актуальные темы¹⁸.

За заслуги в области развития карельского устного народного творчества сказительница была награждена Почетными грамотами Президиума Верховного Совета КАССР. В 1952 г. М. И. Михеева была принята в члены Союза писателей¹⁹. В настоящее время в поселке Калевала есть улица М. И. Михеевой, сохранился дом, в котором она жила последние годы, где сейчас образован музей. Могила сказительницы находится на поселковом кладбище. На могильной плите из белого мрамора высечен текст на русском и финском языках: «Михеева Мария Ивановна. 1884–1969»²⁰.

2. Биографический очерк о фольклористке Э. С. Тимонен (Гуттари) (1916–1987)

Элина Степановна (урожд. Пекки; по первому мужу – Гуттари) родилась в крестьянской семье ингерманландских финнов 19 октября 1916 г., в д. Мустыла под Петербургом (ныне Всеволожский р-н Ленинградской обл.). Здесь же она училась в финноязычной школе. В 1934 г. будущая собирательница карельского фольклора окончила Ленинградский педагогический техникум, где все предметы тоже велись на финском языке. Затем она три года работала учительницей в финноязычных школах Госненского района Ленинградской области.

Приехав в Петрозаводск, в 1937 г. Э. С. Тимонен поступила в Учительский институт, а в 1940 г. перешла в только что открывшийся Карело-Финский государственный университет, однако учеба была прервана войной. Попытка эвакуации не удалась: баржа с людьми во время бомбежки оторвалась от буксира и была прибита к шелтозерскому берегу, где уже хозяйничали финны. Элина Тимонен оказалась в оккупированной зоне, где прошла тюрьму и концлагерь строгого режима в Колвасозере на севере Карелии.

В 1944 г., после освобождения Петрозаводска, она продолжила учебу на финно-угорском отделении историко-филологического факультета университета. Ее дипломная работа была связана с фольклорной темой и получила

¹⁸ Критическую статью о «кампании по созданию произведений устного советского эпоса» см.: *Иванова Т. Г.* Сказитель и официальная политика в области фольклористики в 1930-е годы // *Мастер и народная художественная традиция Русского Севера*. Петрозаводск, 2000. С. 84–91. См. также подготовленный этим же исследователем раздел «Советский эпос 1930-х – 1940-х годов» в сборнике «Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора» (М., 2002).

¹⁹ Писатели Карелии. Биобиблиографический словарь. Петрозаводск, 2006. С. 194–196.

²⁰ Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Карельская АССР. М., 1977. С. 126–127.

высокую оценку. Диплом был получен в январе 1947 г., причем приказом по университету Э. С. Тимонен сразу же была зачислена в аспирантуру. Одновременно в феврале того же года Элину Степановну приняли на работу в Институт языка, литературы и истории Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР. Вместе с сотрудниками Института Э. С. Тимонен активно включилась в собирательскую работу по фольклору. Тогда же была сформулирована ее основная исследовательская тема – «Карельские народные сказки», которая была подсказана В. Я. Проппом и поддержана В. Я. Евсеевым и В. Г. Базановым.

Но эта успешно начатая деятельность через два года была неожиданно прервана. В 1949 г. Э. С. Тимонен уволили с работы и отчислили из аспирантуры. Все это происходило в рамках печально известной кампании по «борьбе с космополитизмом». К счастью, дальнейший арест не последовал. Мужу фольклористки, Антти Тимонену, в то время председателю Союза писателей Карелии, предложили с нею развестись – во избежание снятия с должности, но он не согласился бросить семью.

Оказавшись вне Института языка, литературы и истории, Э. С. Тимонен не оставила занятий фольклористикой: она обрабатывала собранный материал, подготавливая его для сдачи в архив, вела передачи по радио о сказителях, писала очерки на фольклористические темы в местные газеты и журналы. На жизнь в дальнейшем она зарабатывала переводами на финский язык произведений русских писателей: В. Катаева, В. Каверина, Л. Пантелеева и др.²¹

Самой яркой страницей в фольклористической деятельности Э. С. Тимонен было знакомство со сказочницей-карелкой М. И. Михеевой, тесные контакты с которой начались в конце 1940-х гг. Во время летних поездок в Ухту, где проживала М. И. Михеева, записи иногда шли целыми днями, порой даже на улице. В первый приезд собирательница и сказительница слаженно проработали две недели подряд, не покладая рук и живя душа в душу.

Приезжая в Петрозаводск по приглашению Института, М. И. Михеева всегда бывала в доме Э. С. Тимонен, которая встречала ее как родную. Сюда же сказочница присылала из Ухты свои самозаписи сказок (в основном это оказались повторные варианты сюжетов). Любую встречу собирательница и сказочница использовали для пополнения записей. В результате Э. С. Тимонен зафиксировала практически весь сказочный репертуар М. И. Михеевой (АКНЦк, колл. 22, в 5-ти томах), легший в основу данной книги. (В этом пятитомнике содержатся и другие записи собирательницы от М. И. Михеевой: руны, причитания, заговоры, свадебные песни, пословицы, поговорки, загадки, детский фольклор и пр.)

²¹ Подробности см.: ФИЯЛИ, касс. 3701/1, зап. Н. Ф. Онегиной и В. П. Кузнецовой в 2008 г. от дочери собирательницы Тимонен Нелли Антиевны.

Во время поездок в регион Калевалы Э. С. Тимонен не раз заезжала в Войницу, на родину отца М. И. Михеевой, где вела записи от М. С. Леттиевой, правнучки Андрея Малинена. В период с 1947 по 1967 г. она встречалась и с другими потомками известных рунопевцев времен Э. Лённрота, записывала от Т. А. Перттунен, М. А. Ремшу, Е. И. Хямяляйнен и др. (АКНЦк, 18, 1–105; 26/1, 1–86; 161, 1–766). В последних двух коллекциях находятся также руны, ёйги, заговоры и детский фольклор, записанные от М. И. Михеевой в 1948 г.

В 1960–1970-е гг. Э. С. Тимонен, работая уже с магнитофоном, продолжала записывать карельских народных сказителей – их эпические и обрядовые песни. В эти же годы фольклористка опубликовала в местных газетах и журналах («*Neuvosto-Karjala*», «*Punalippu*» и др.) множество очерков и рассказов о встречах со сказителями. На этой основе ею создан сборник «*Ei mahti maahan jouda*» – в весьма вольном переводе: «Живут среди народа руны»²². Здесь повествуется о рунопевцах и сказочницах М. Михеевой (с. 77–95), М. Ремшу, Т. Перттунен, Марии и Ульяне Малинен и др. Пишет Э. С. Тимонен и о продолжателях фольклорной традиции уже следующего поколения, например, о Марии Панфиловой и Пааво Михееве – дочери и сыне М. И. Михеевой. Под тем же названием по сценарию Э. С. Тимонен и с ее личным участием был создан телефильм «Живут среди народа руны». Впервые он был показан Карельским телевидением в 1975 г. Ведущее место в этом телефильме занимает Мария Ивановна Михеева, чье творчество сохранила для потомков Э. С. Тимонен.

3. История собирания, публикации и изучения карельских сказок

Прежде всего следует отметить своеобразие самой истории собирания карельского фольклора в целом, в том числе и карельских сказок. В дореволюционное время Карелия не имела своих научных кадров, поэтому изучением устного творчества и этнографии карел занимались в основном финские ученые²³.

Начало собирания и изучения карельской народной сказки относится к первой половине XIX в., когда усилиями представителей передовой демократической интеллигенции были заложены основы научной фольклористики. Основоположником изучения карельского фольклора, в том числе и народной сказки, как уже говорилось, явился Элиас Лённрот (1802–1884). Именно ему принадлежат первые записи не только рун, но и

²² *Timonen E.* Ei mahti maahan jouda. Lähikuvia runonlaulaista. Petroskoi, 1984.

²³ См.: *Кокка У. С.* О собирании и некоторых особенностях карельских сказок. С. 6–9.

сказок. Рассказывая об одной из своих многочисленных поездок, он в путевых заметках писал: «Пословиц, загадок и сказок было всюду много, но сказки были главным образом в русской Карелии и в ближайших приходах Сортаваль»²⁴.

Именно в эти места в 1836 г. Э. Лённрота сопровождал студент Гельсингфорсского университета Ю. Каян, которому было поручено собирать только сказки. Сам Э. Лённрот тогда записал 51 сказку (по другим данным – 80). Дело, начатое Э. Лённротом по собиранию фольклора карел и финнов, продолжали другие исследователи и, прежде всего, М. А. Кастрен. Позже сказочный эпос в Карелии записывали такие крупные собиратели, как Д. Э. Еуропеус (Европеус), Х. А. Рейнхольм, А. Е. Алквист.

Накопление фольклорных материалов велось также силами студентов и местной интеллигенции. Летом 1850 г. студенты Эрик Рудбек и Албин Ротман побывали в экспедиции по сбору сказок. По возвращении среди их записей было 58 текстов. Вскоре стало известно, что Эрик Рудбек (псевдоним – Эро Салмелайнен; 1830–1867) собирается издать сказки. К имеющемуся у него материалу он присоединил еще 18 тетрадей с записями сказок других собирателей (Э. Лённрота, Ю. Каяна, Д. Еуропеуса, А. Алквиста, Р. Полена, Х. Рейнхольма, К. Карьялайнена и др.). С 1852 по 1866 г. вышли четыре книги Э. Салмелайнена «Сказки и предания финского народа»²⁵, где впервые изданы наряду с финскими и карельские сказки. Этот сборник был переиздан в Хельсинки в 1955 г. в виде однотомника, состоящего из 4-х разделов. Сказки расположены гнездами по сюжетам. В примечаниях указано место записи каждого текста и перечислены варианты. Паспортные данные о сказочниках, к сожалению, здесь отсутствуют.

Находясь под влиянием эпохи, составитель сборника Э. Салмелайнен подверг народную сказку некоторой литературной обработке. Правда, оценивая этот аспект сборника, следует учесть замечание М. Хаавио во вступительной статье к нему. Он считает заслугой Э. Салмелайнена то, что последний был хорошо знаком с живой народной традицией и поэтому бережно относился к материалу народной сказки: «Сюжет, словарь, общие места и ритмика идут целиком от народной сказки»²⁶. Изученные нами карельские тексты из этого сборника не представляют собой значительных отклонений от народной традиции ни по структуре, ни по системе образов, ни по стилистической обрядности. Авторские привнесения сказываются в нехарактерных для сказки частностях: в мотивировках и описательных элемен-

²⁴ Elias Lönnrotin matkat. Helsinki, 1902. S. 255. В русском переводе см.: Путешествия Элиаса Лённрота. С. 164.

²⁵ Suomen kansan satuja ja tarinoita / Toimittanut Eero Salmelainen. Helsinki, 1852. 1 osa; 1854. 2 osa; 1856. 3 osa; 1866. 4 osa.

²⁶ Ibid. 1 osa. S. 7.

тах, что по стилю легко отличимо от народной манеры повествования и не является помехой для исследователей. Научная ценность сборника вне всяких сомнений. Примечательно, что первое научное издание подлинных русских сказок – сборник А. Н. Афанасьева – вышло в те же годы, что и финское собрание Э. Салмелайнена²⁷.

Русские ученые имели возможность ознакомиться с 12 карельскими сказками из сборника Э. Салмелайнена в переводе, сделанном для Ф. И. Буслаева. Тексты были напечатаны в книге И. А. Худякова «Материалы для изучения народной словесности» в разделе VII «Образцы финских сказок»²⁸. Из данных в разделе 15 сказок 7 записаны в Карелии, 5 – в районах Финляндии, заселенных карелами, 3 текста – в собственно Финляндии. При сверке перевода с оригиналом нами обнаружены некоторые сокращения описаний, в ряде случаев видоизменены отдельные сказочные формулы, трудные для перевода. Следует учесть и замечание самого И. А. Худякова: «Сохранившаяся часть перевода издается с немногими поправками, сделанными при обязательном содействии академика А. Шифнера; кроме того, мы позволили себе сглаживать иногда слишком резкие варваризмы»²⁹.

В конце XIX в. организатором собрания фольклора в Финляндии стал финский ученый Э. Аспелин. Он неоднократно подчеркивал значение собрания сказок. В частности, ученый призывал собирать сказки в «русской» Карелии³⁰. Именно здесь были записаны, по замечаниям финских ученых, зачастую лучшие и наиболее полные варианты фольклорных произведений (рун и сказок).

В 1882 г. Общество финской литературы поручило студенту Каарле Крону (Крону; 1863–1933), как в свое время Эрику Рудбеку, заняться собиранием сказочного эпоса. К. Крон, пользуясь стенографическим методом, собрал невероятно большое количество сказок и преданий (8500). Целенаправленно изучив материал, он издал двухтомный сборник финских народных сказок³¹. Здесь, как и в сборнике Э. Салмелайнена, наряду с финскими помещены и карельские сказки. Тексты этих изданий дают наиболее адекватное представление о живой народной традиции в XIX в. В предисловии к первому тому К. Крон замечает, что материал, собранный им и взятый из коллекций И. Сьёроса, И. Риннунена и М. Варонена, записан «слово в слово из уст народных»³². При чтении текстов постоянно чувствуется подлинный, не приглаженный

²⁷ Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. М., 1855–1864. Вып. 1–8.

²⁸ Худяков И. А. Материалы для изучения народной словесности. СПб., 1863. С. 50–127.

²⁹ Там же. С. 50.

³⁰ Конка У. С. О собирании и некоторых особенностях карельских сказок. С. 7.

³¹ Suomalaisia kansansatuja. 1 osa: Eläinsatuja / Toimittanut K. Krohn. Helsinki, 1886 (далее – SKS I); Suomalaisia kansansatuja. 2 osa: Kuninkaallisia satuja / Toimittanut K. Krohn ja L. Lilius. Helsinki, 1893 (далее – SKS II).

³² SKS I. S. 1.

стиль разговорной речи. Принцип издания одинаков в обоих томах. Вначале даются полные варианты сказок (они занимают первую часть сборника), затем к каждому типу приводятся сокращенные пересказы с указанием места записи и имени собирателя. Из 22 полных вариантов волшебных сказок 12 записаны в Карелии. Повторяемость вариантов по местности показывает, насколько распространен тот или иной сюжет в карело-финской традиции. Например, по сюжету СУС 567 («Чудесная птица»)³³ к полному тексту дано описание 37 кратких вариантов из Северной Карелии и Финляндии³⁴. К сожалению, ученые Финляндии признали сборник, напечатанный на финском языке, недоступным для иностранных исследователей и прекратили научные публикации подобного рода. Последующие выпуски сборника К. Крона так и не вышли в свет.

Начиная с 60-х гг. XIX в. карельские и финские сказки печатались в разрозненных изданиях, например, в ежегоднике «Suomi»³⁵ как материал для изучения диалектов. Хорошие тексты сказок помещены в трех языковедческих сборниках, вышедших в 1930-е гг. Это «Образцы карельского языка»³⁶, куда вошли старые и новые записи финских лингвистов. Целый ряд наиболее распространенных карельских и финских сказок в сокращенном виде и без указания места записи опубликовал А. Аарне в русских журналах «Живая старина» и «Этнографическое обозрение»³⁷.

Таким образом, повторим еще раз, в XIX – начале XX вв. приоритеты в собирании карельской сказки принадлежат финским ученым.

* * *

Русские ученые к публикации карельских сказок подключились лишь в последнюю четверть XIX в. Несколько сказок с переводом было напечатано в 1875 г. в «Олонецких губернских ведомостях»³⁸. В самом конце XIX в. три

³³ Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Отв. ред. К. В. Чистов. Л., 1979 (далее – Сравн. указ. сюжетов – СУС).

³⁴ SKS II. S. 191–206.

³⁵ Suomi. 2 jakso. N 8 (1867); 14 (1881); 17 (1885); 3 jakso. N 3 (1889).

³⁶ Karjalan kielen näytteitä / Julkaissut Eino Leskinen. Helsinki, 1932–1936. Osa 1–3 (Suomalaisen kirjallisuuden toimituksia; Osa 193) (далее – KKN I (osa 1), KKN II (osa 2), KKN III (osa 3)).

³⁷ Аарне А. Несколько параллелей финских сказок с русскими и прочими славянскими // Живая старина. 1898. Год 8. Вып. 1. С. 105–110; *Он же*. Финские сказки // Живая старина. 1901. Год 11. Вып. 1. С. 75–80; Вып. 2. С. 217–220; *Он же*. Эпюды в области финских сказок (финско-славянские параллели) // Этнографическое обозрение. 1898. Кн. 37, № 2. С. 125–128. См. также: Аарне А. Обзор деятельности Финского литературного общества // Этнографическое обозрение. 1898. Кн. 36, № 1. С. 121–123.

³⁸ Модестов Г. Корельские сказки // Олонецкие губернские ведомости. 1875. 19 апреля, № 28. С. 321–322; 14 мая, № 35. С. 388–389.

карельских варианта были опубликованы учителем Святозерской церковно-приходской школы Н. Ф. Лесковым в журнале «Живая старина»³⁹. Здесь сказки даны только в русском переводе, без карельских текстов.

В начале 1930-х гг. планомерную работу по сбору карельского фольклора возглавил Карельский научно-исследовательский институт (позднее – Карельский научно-исследовательский институт культуры). Первыми обследовались Калевальский, Олонецкий и Пряжинский районы. Интенсивной была собирательская работа по сказке в предвоенные годы (1936–1941). К собиранию материала привлекались студенты Карельского педагогического института и Педагогического училища.

Из года в год в Петрозаводске готовились научные кадры, сыгравшие впоследствии основную роль в становлении фольклористики Карелии. Самый большой вклад в собирание карельского фольклора (прежде всего эпоса) внес В. Я. Евсеев. Из собирателей сказок отметим тех, чьи записи по сказке составляют основной рукописный фонд архива КарНЦ⁴⁰. От 90 до 100 текстов записали К. Белова, Э. Гуттари, Ф. Фомкин; от 40 до 50 сказок собрали Т. Ананина, И. Герасимов, А. Галактионова, П. Куйкка, Т. Кундозерова, А. Николаевская, Ф. Титкова, И. Яковлев. От 20 до 30 текстов имеем в записях Ф. Блиновой, О. Демидовой-Пергамент, В. Кийранен, В. Кормуева, И. Пажлакова, Я. Ругоева, А. Суксиной, Т. Телкина, Н. Хрисанфова.

В 1930-е и в первые послевоенные годы был записан полностью репертуар таких крупных севернокарельских сказительниц и сказочниц, как М. А. Ремшу (52 сказки), М. М. Хотеева (32), М. И. Михеева (100). В 1970–1980-е гг. удалось записать многожанровый репертуар еще одной талантливой сказочницы-северянки А. Е. Салониemi (32 текста). Последние записи от нее сотрудники Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) сделали, когда сказочнице было уже 95 лет. Всего же, по нашим подсчетам, в Северной Карелии зарегистрировано 190 сказочников.

По Средней Карелии записи сказочного эпоса велись от 100 человек. Наиболее значительным репертуаром в этом регионе владели Т. Е. Туруев, А. Ф. Никифорова, М. И. Морозов. Из Южной Карелии отметим талантливых сказочников В. А. Соболева, С. И. Иванова, П. Н. Уткина, В. А. Гордеева, А. Е. Богданову. Здесь собран самый обширный материал – от 316 информаторов.

Во второй половине XX столетия ИЯЛИ Карельского научного центра системно вел работу по сбору фольклорно-этнографического материала. Большой вклад в собирание и научную обработку материала внесли сотрудники Института В. Я. Евсеев, У. С. Конкка, А. С. Степанова, Н. Ф. Онегина,

³⁹ Лесков Н. Мудрый Маччи // Живая старина. 1894. Год 4. Вып. 2. С. 224–225; Он же. Шут Григорий // Там же. С. 226–229; Он же. Пастух и дьявол // Там же. С. 230–232.

⁴⁰ См.: АКНЦ, ф. 1, оп. 2. В описи 2 содержатся карельские, ингерманландские, вепские сказки.

Н. А. Лавонен, Р. П. Ремшуева и др. По мере накопления материала шло его исследование. Если в 1960-е гг. еще можно было констатировать, что ряд карельских регионов мало обследован (бывшие Кестеньгский, Тунгудский, Ругозерский районы), то в 1970–1990-е гг. на названных территориях записи велись довольно интенсивно, причем собранные материалы вскоре были исследованы и изданы⁴¹.

Первая попытка научного издания собранных в советское время материалов была предпринята К. Ф. Беловой по коллекциям Олонецкой экспедиции 1936 г. Сборник издан в 1939 г. на карельском языке⁴². В нем из 31 текста волшебных сказок – 20, новеллистических и анекдотов – 11. Здесь представлены сюжеты, наиболее характерные для Южной Карелии. Вскоре были изданы небольшие популярные сборники двух севернокарельских сказочниц. В 1945 г. были опубликованы сказки Марии Ремшу – «*Karjalais-suomalaisia kansansatuja*»⁴³. Из 52 записанных от нее сказок в сборник вошло 20 сказок; из них 4 – о животных, 6 – волшебных, остальные 10 – новеллистические и сказки-анекдоты. Тексты даны на собственно карельском диалекте. Составительница П. Куйкка не подвергла тексты литературной обработке, от чего в 1951 г. не удержалась Э. Тимонен при публикации сказок Марии Михеевой на финском языке⁴⁴. В последнее издание вошло 27 текстов; из них сказок о животных – 11; волшебных – 13; бытовых, новеллистических – 3. Книга переиздана в 1958 г. в Таллинне. Перечисленные три сборника дают тексты без перевода на русский язык.

Печатались карельские сказки и на русском языке без текстов оригинала. Так, в 1947 г. И. Пажлаков издал «Карельские сказки» с текстами из разных районов республики⁴⁵. Здесь даны в основном переводы сказок из сборника К. Ф. Беловой, так что есть возможность судить о качестве переводов, о степени литературной обработки, об авторских привнесениях, весьма существенных, порой искажающих оригинал. Общее количество текстов в сборнике 38: сказок о животных – 3, волшебных – 23 и новеллистических – 12.

В сборнике «Карельский фольклор. Новые записи», изданном В. Я. Евсеевым в 1949 г. на русском языке, содержится 27 текстов: сказок о животных – 3, волшебных – 13, бытовых – 8. Много позже В. Я. Евсеев издал сборник избранных произведений разных жанров карельского народного творчества в пе-

⁴¹ Kiestingin kansanlauluja = Песенный фольклор Кестеньгских карел / Изд. подгот. Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1989; Устная поэзия тунгудских карел / Изд. подгот. А. С. Степанова. Петрозаводск, 2000; Карельские ёйги / Изд. подгот. Н. А. Лавонен, А. С. Степанова, К. Х. Раутио. Петрозаводск, 1993.

⁴² Карэлиан рахвахан суарнат / Сост. К. Белова. Петрозаводск, 1939 (далее – Белова). В этом издании карельский язык передан кириллицей.

⁴³ *Remsu M. Karjalais-suomalaisia kansansatuja*. Petroskoi, 1945 (далее – Remsu).

⁴⁴ *Mihejeva M. Karjalaisia kansansatuja*. Petroskoi, 1951.

⁴⁵ Карельские сказки / Составил, перевел с карел. и литературно обработал И. Пажлаков. Петрозаводск, 1947 (далее – Пажлаков).

реводе на русский язык⁴⁶. Здесь довольно обширный раздел посвящен сказкам: из 59 текстов сказок о животных – 16, волшебных – 27, бытовых – 16. Помимо материала из рукописного отдела ИЯЛИ В. Я. Евсеев вводит в научный оборот самые первые записи карельских сказок, сделанные финскими учеными еще в XIX в. (Э. Лённрот, Д. Еуропеус, К. Крон, М. Варонен, Ю. Каян, А. Генетц, К. Карьялайнен и др.). Всего таких текстов 26. Вторая половина сказочных текстов сборника – это записи, сделанные в основном составителем сборника (из Фонограммархива ИЯЛИ – 10, из рукописного отдела – 16 текстов).

У. С. Конкка, внесшая весомый вклад в публикацию карельского материала, начала издавать сказки с 1959 г. Речь идет о ее популярном русскоязычном сборнике «Карельские народные сказки»⁴⁷. В корпусе книги представлено 46 сказок из разных мест Карелии (сказок о животных – 9, волшебных – 17, бытовых – 20). В сборнике использован в основном архивный материал, 18 текстов взяты из предыдущих изданий.

Следующий сборник – «Карельские народные сказки», изданный У. С. Конкка в 1963 г., отражает севернокарельскую сказочную традицию и является полноценным научным изданием⁴⁸. В рецензии К. В. Чистова было отмечено: «Сборник „Карельские народные сказки“ представляет собой одновременно первую публикацию большого количества текстов и научно обоснованную национальную антологию, характеризующую карельский сюжетный репертуар. Все тексты, вошедшие в сборник, печатаются на диалекте исполнителя и в точном переводе на русский язык и сопровождаются весьма основательным комментарием»⁴⁹. В книге из 80 текстов сказок о животных – 12, волшебных – 39, новеллистических и бытовых (анекдотических) – 29.

Южнокарельский сказочный эпос представлен другим научным изданием У. С. Конкка, подготовленным ею совместно с А. С. Тупицной (Степановой) в 1967 г., – «Карельские народные сказки. Южная Карелия»⁵⁰. В сборнике опубликован 91 текст: сказок о животных – 5, волшебных – 39, новеллистических и бытовых (анекдотических) – 47.

Последние два сборника по Северной и Южной Карелии, как уже отмечалось, исполнены на высоком научном уровне. Отметим высококвалифицированные переводы текстов, содержательные вступительные статьи составительницы; каждый текст в сборниках имеет весомый комментарий в разделе «Примечаний».

⁴⁶ Карельское народное поэтическое творчество / Подгот. и пер. текстов В. Я. Евсеева. М.; Л., 1981.

⁴⁷ Карельские народные сказки / Сост., вступ. ст. и прим. У. С. Конкка. Петрозаводск, 1959.

⁴⁸ Карельские народные сказки / Изд. подгот. У. С. Конкка. М.; Л., 1963.

⁴⁹ Чистов К. В. Новое в изучении карельской сказки // Вопросы литературы. 1967. № 1. С. 228.

⁵⁰ Карельские народные сказки. Южная Карелия / Изд. подгот. У. С. Конкка, А. С. Тупицына. М.; Л., 1967 (далее – КНС II).

Хорошую подборку карельских сказок на языке оригинала можно найти в хрестоматии для школьников, подготовленной в 1991 г. А. С. Степановой, – «Aukaisen sanaisen arkun»⁵¹. Здесь опубликовано 5 сказок о животных, 9 новеллистических и анекдотических сюжетов из архива КарНЦ (записи 1930-х – 1940-х гг.).

Значительный раздел по сказочному эпосу карел содержится в научном сборнике А. С. Степановой «Устная поэзия тунгудских карел»⁵². Здесь даны 18 сказок на языке оригинала с переводом на русский язык (3 сказки о животных, 6 волшебных, 3 легендарных, 6 новеллистических). Это в основном записи первой половины XX в.: 6 текстов взяты из архивов Финляндии (1932), остальные 12 – из архива КарНЦ (в основном записи Я. Ругоева 1937 г.).

Таким образом, за весь XX век, без учета кумулятивных рифмованных сказок-песен, издано 426 карельских сказок.

Публикации, вошедшие в научный оборот, вкуче с архивными материалами, дают возможность серьезно изучать карельскую сказку: ее бытование и трансформации, межэтнические взаимодействия, самобытный характер локальных сказочных традиций и т. д. Собранный материал позволяет поставить вопрос о своеобразии карельской сказочной традиции в отличие от русской или вепской⁵³. К карельскому сказочному эпосу, как показал наш исследовательский опыт⁵⁴, применимы все общие теоретические положения, разработанные современной наукой.

4. О сказочном репертуаре М. И. Михеевой в контексте севернокарельской традиции

В репертуаре карел представлены все жанровые разновидности сказочного эпоса. Карельская сказка характеризуется большим количеством и разнообразием сюжетов (480 типов). По жанровым разновидностям они распределяются

⁵¹ Aukaisen sanaisen arkun = Хрестоматия по карельскому фольклору / Изд. подгот. А. С. Степанова. Петрозаводск, 1991 (далее – ASA).

⁵² Устная поэзия тунгудских карел / Изд. подгот. А. С. Степанова. Петрозаводск, 2000.

⁵³ Русские народные сказки Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1974 (далее – Ск. Поморья); Русские народные сказки Пудожского края / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина, Петрозаводск, 1982 (далее – Ск. Пудожья); Сказки Заонежья / Сост. Н. Ф. Онегина. Петрозаводск, 1986 (далее – Ск. Заонежья); *Versan rahvahan samad* = Вепские народные сказки / Сост. Н. Ф. Онегина, М. И. Зайцева. Петрозаводск, 1996 (далее – Вепс. ск.).

⁵⁴ *Онегина Н. Ф.* Русско-карельские фольклорные связи. Поэтика волшебной сказки. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1973 (АКНЦ, ф. 1, оп. 45, ед. хр. 137). Второй экземпляр рукописи находится в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (р. 1, оп. 49, ед. хр. 229).

следующим образом: сюжетов сказок о животных – 37, волшебных – 145, легендарных – 33, новеллистических – 60, сказок-анекдотов, в том числе об одуряченном черте, и разных дополнений к ним – 205. Эти данные основаны на материале 2070 текстов⁵⁵. По цифровым данным получается, что более всего в карельской традиции были распространены сказки-анекдоты. Однако это не так. Практикуемая в фольклористике система учета во многом не соответствует принципам научной классификации и, видимо, еще долго будет находиться в стадии становления. Следует принять во внимание, что раздел волшебных сказок в СУС и аналогичных ему указателях индексирует развернутые сюжеты, а раздел сказок-анекдотов фиксирует отдельные мотивы, поэтому наши количественные подсчеты весьма относительны.

Из учтенных нами 2070 карельских сказок к традиции Северной Карелии принадлежит 771 текст, т. е. почти 40 % из всего массива сказочной прозы. Текстов М. Михеевой, как мы уже указывали, – 100; по жанровым разновидностям они распределены так:

Разновидности сказок М. И. Михеевой	Кол-во текстов	Кол-во сюжетов в них
Сказки о животных	11	13
Волшебные	54	56
Бытовые, новеллистические	5	7
Сказки-анекдоты	18	29
Кумулятивные, докучные, неблуды и пр.	12	7
Всего	100	112

Как видим, более половины репертуара М. Михеевой составляют волшебные сказки; оставшиеся тексты распределились по разным рубрикам. В текстах М. Михеевой можно обнаружить практически все разновидности сказочного эпоса северных карел. Сюжетика ее сказок весьма разнообразна. Именно сюжет является одним из постоянных и устойчивых компонентов сказки. Он не создается сказочником-исполнителем, а переходит из поколения в поколение по традиции. Умение бережно хранить и воспроизводить устоявшиеся веками сказочные схемы – заслуга особо одаренных исполнителей, таких, как М. Михеева.

4.1. Сказки о животных

Судя по записям финских ученых XIX в., карелы имели богатый животный эпос. Большое количество текстов опубликовано в первой части сборника К. Крона «Финские народные сказки» (1886)⁵⁶, посвященной

⁵⁵ См. рукопись: Карельские сказки в архиве Карельского научного центра Российской академии наук. Каталог / Сост. Н. Ф. Онегина, А. Т. Пакконен; науч. ред. Н. Ф. Онегина (АКНЦ, ф. 1, оп. 50, ед. хр. 956).

⁵⁶ SKS I.

сказкам о животных. Одна треть текстов этого собрания репрезентирует традицию Карелии: из 328 сказок 128 записано в деревнях Олонецкого края⁵⁷. У. С. Конкка отмечает, что почти два десятка сюжетов не известны у русских, но являются общими для карел и финнов⁵⁸. Последние выводы можно слегка откорректировать, ибо столетия после публикации сборника У. С. Конкка накапливался материал, в результате чего пополнялся список сходных с русскими карельскими сюжетами. По СУС это типы 8, 31, 33, 36, 56 А, 70. Таким образом, одна часть сюжетного репертуара карел повторяет карело-финские версии, другая масса сказок о животных близка к русской традиции.

В целом по записям XX в., осевшим в архиве Карельского научного центра РАН, мы выявили 75 текстов сказок о животных, отражающих 37 сюжетов. Весь карельский материал по животному эпосу уложился в два раздела сюжетоуказателя (СУС):

1) Дикие животные (с № 1 по 100) – 17 сюжетов у карел (общерусских – 30).

2) Дикие и домашние животные (с № 100 по 150) – 20 сюжетов у карел (общерусских – 20).

Таким образом, почти две трети из известного общерусского сюжетного состава сказок о животных представлено в записях от карел 1930–1990-х гг.

Из 75 карельских текстов 40 отражают севернокарельскую традицию, при этом 10 сказок принадлежат М. Михеевой; из 37 сюжетов, зафиксированных в Карелии, к севернокарельской традиции относятся 23, причем в репертуаре М. Михеевой – 13.

Как видим, большая часть карельских сказок о животных собрана в Северной Карелии. В целом записи имеют малую вариативность: от одного до трех текстов на один сюжет. Только три сюжета повторяются более десяти раз. Назовем наиболее часто повторяющиеся сюжеты (в скобках из общего количества вариантов выделено количество севернокарельских; в последней колонке таблицы указываются номера сказок из нашего сборника):

СУС 1	«Лиса крадет рыбу с воза (саней)»	8 (8 вариантов)	№ 1
СУС 2	«Волк у проруби»	11 (8)	№ 4
СУС 20А	«Звери в яме»	3 (3)	№ 3
СУС 15	«Лиса-повитуха»	13 (5)	№ 2
СУС 56	«Лиса и дрозд (дятел)»	6 (5)	№ 4 и 5
СУС 60	«Лиса и журавль»	6 (4)	№ 6
СУС 159	«Бычок-смоляной бочок»	3 (3)	№ 8
СУС 130 А, В	«Зимовье (ночлег) животных»	7 (1)	№ 7
СУС 244А*	«Журавль и цапля»	2 (2)	№ 9
АА 90	«Белка, рукавица да игла»	11 (10)	№ 10

⁵⁷ Конкка У. С. О собирании и некоторых особенностях карельских сказок. С. 14.

⁵⁸ Там же.

Последняя сказка – «Белка, рукавица и игла» – в СУС не зарегистрирована, т. е. она отсутствует в восточнославянском репертуаре, поэтому мы индексируем ее по указателю Аарне-Андреева⁵⁹.

В карельских сказках этого жанра, как и в сказках других народов, действующими лицами являются животные, причем в основном лесные, очень редко домашние, еще реже встречаются сказки, где действуют и животные, и люди. Как правило, последние не являются главными, ведущими персонажами повествования. Эти сказки не представляют собой рассказов о реальной жизни животных и их повадках. Животные в сказках очень редко проявляют себя согласно своей природе, преобладает полное несоответствие действительности: лиса дружит с журавлем, собака – с дятлом, животные строят дом, разрабатывают пашню, молотят рожь и т. п. Отсюда возникает предположение, что сказки о животных возникли не из непосредственных наблюдений над жизнью и характером животных, а иным путем⁶⁰. Как известно, во многих повествовательных жанрах сюжет и действие первичны, действующие лица – вторичны, поэтому персонажи легко взаимозаменяемы. Так, в сказке М. Михеевой «Журавль и старая дева» (Сб., № 9⁶¹ – СУС 244А*) старая дева заменяет более привычную цаплю. В другой сказке *волк и лиса* делают пожар, а затем делят урожай (Сб., № 2 – СУС 1030+15). В вариантах этого же сюжета обычно засевают поле и затем делят урожай *медведь и мужик*. Иногда внутрисказочная замена персонажей приводит к отсутствию животного-персонажа вообще, например, в некоторых текстах делят урожай *мужик и черт*, и тогда сказка переходит в другую жанровую разновидность.

Наш сборник начинается со сказки о лисе, выкидывающей рыбу с воза старика (Сб., № 1 – СУС 1). Обычно этот сюжет не существует самостоятельно, как в данном случае, а контаминируется с другими сюжетами (см. комментарии к № 1 и 2). Для М. Михеевой контаминации в сказках о животных не свойственны. Из 10 текстов они отмечены только в трех: СУС 1030+15 – Сб., № 2; СУС 56А+2 – Сб., № 4; СУС 56А+33 – Сб., № 5. Из перечисленных последний вариант соединений – единственный из всех сказок карел. Первый из названных типов соединений, наоборот, дает вполне традиционное сочетание: «Дележ урожая» и «Лиса-повитуха» (СУС 1030+15). В карельских сказках с центральным персонажем лисой имеются и более длинные цепочки контаминаций: СУС 15+1+2+3 (АКНЦк 72, 84 – Кондопожский)⁶²; СУС 15+20А+21 (АКНЦк 10, 219 – Кемский). В районе Калевалы есть особые циклы, состоящие из пяти сюжетов:

⁵⁹ Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.

⁶⁰ О генезисе жанра, его развитии и о зрелом животном эпосе см.: Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса. М., 1987.

⁶¹ Здесь и далее подобным образом оформлены ссылки на сказки данного сборника.

⁶² Строчная буква «к», напомним, обозначает тексты на карельском языке, «в» – на вепсском, «р» – на русском.

СУС 1030+1+2+3+60(70) (АКНЦк, 13, 23 и 20, 20). Эти удачно скомпонованные многосюжетные варианты позволяют глубоко раскрыть образ лисы-трикстера: неравный дележ урожая, кража рыбы с воза, ловля волком (медведем) рыбы в проруби, лиса-повитуха, лиса и дятел (дрозд). У. С. Конкка о подобных севернокарельских сказках говорит, что они являются характерными примерами «гибкости и подвижности так называемого „э п о с а о л и с е“ (разрядка моя. – Н. О.)»⁶³. Это замечание она относит и к финским сказкам о лисе⁶⁴.

В сказках М. Михеевой во всех текстах, кроме последних двух, имеется действующий персонаж лиса, которая объединяет самые разные сюжеты. В сказке «Волк и лиса – кумовья» (Сб., № 2 – СУС 1030+15) эпизоды последовательно раскрывают характеры противоположных персонажей – хитрой лисы и незадачливого волка. Один мотив плавно переходит в другой, ибо все пять эпизодов обмана составляют единую последовательно нарастающую цепочку трикстерских проделок лисы. Она обманывает волка всюду: а) в риге – волк обмолачивает зерно, а лиса, сидя на колосниках, твердит: «Я потолок поддерживаю»; б) при дележке урожая заявляет: «большему нужна бо́льшая доля, меньшему – меньшая». Волку и достается мякина, а лисе – зерно; в) на мельнице – мякина не мелется, так лиса советует волку камешков под жернов бросить; г) сварили кашу – лиса убеждает волка, что вкус одинаковый, подставляя для пробы его же кашу, а не свою; д) добытое волком масло съедает лиса, обвинив добытчика⁶⁵. Лиса в сказках карел не просто хитрая, она коварная. Она объясняет белизну своей каши тем, что «промыла ее» в проточной воде. Волк и медведь, подражая ей, очередной раз оказываются в дураках: «Otetah hukka ta kontie ruumehet ta olet. Männäh hyö ta pannah jokeh likuomah virtapaikkah. Ottau virta ta viepi heiltä kaikki» – «Взяли волк и медведь мякину и солому, идут и кладут в реку мокнуть в проточную воду. Струя и вымывает все»⁶⁶. Следующее коварство лисы таково:

«Suat sieki, kun mänet tuonne avantoh, pissällät häntäs <...>» Tai mänöy, tai istuu avantoh persieneh, a repo läksi juoksomah tai karjuu joka ikkunan alla: «Hoi, ilmoitan naiset: Hukka pakanoiččou avantoh!» (АКНЦк, 20, 20).

«Добудешь и ты (рыбы), если пойдешь и сунешь хвост в прорубь <...>» Идет (волк) и садится задницей в прорубь, а лиса побежала и кричит под каждым окном: «Хей, слушайте (сообщу), женщины: Волк поганил прорубь!»

⁶³ КНС I. С. 502.

⁶⁴ Ср.: SKS I. 19, 25, 26, 28, 32, 38, 45. У аборигенов края, саамов, находим своеобразное сочетание сюжетов о лисе: СУС 20А+8+154+(без номера СУС). См.: Саамские сказки / Вступ. ст. и подгот. текста А. Ермолова. Мурманск, 1959 (далее – Саам. ск., 1959). С. 4–43.

⁶⁵ В такой же контаминации (СУС 1030+15 – Сб., № 2), с трикстерскими проделками лисы, см. тексты АКНЦк, 36, 15 (Кемский); 64, 30 (Медвежьегорский).

⁶⁶ ASA. S. 139.

В карельском животном эпосе мы находим и некоторое своеобразие в характеристике лисы по сравнению с русскими сказками. Она озабочена судьбой своих деток – лисят. «Repo-rukka <...> alla vuaran voivottelou» – «Лиса-бедняжка (горемыка) под горой причитает»:

Oi, miun polosein poikieni,
mihin laitoin lapsieni,
kun ollah Turussa turkkina,

<...>

kaupramiehen kaklustoina.

(АКНЦ, 20, 20).

Ой, мои бедные сыночки,

Куда отправила деточек,

Теперь они в Турку шубами

<...>

У купцов воротниками.

Эти лиро-эпические «песни» калевальской метрики, характерные для карельского «животного» эпоса, были широко распространены на севере Карелии⁶⁷. Речитатив калевальской метрики пронизывает многие жанры фольклора на родине М. Михеевой. Так исполнялись не только выборки из рун, которые использовались в качестве детских песенок (вплоть до колыбельных), но и кумулятивные песни и сказки, частушки, заговоры и т. д. По воспоминаниям давних лет, в семьях, где было много детей, пение-речитатив могло звучать «целый день» с редкими перерывами. Отметим в сказках о животных М. Михеевой эти красочные фрагменты. Особенно привлекательно здесь смотрятся метафорические замены, тропы, определяющие шуструю белку, избавившуюся от поставленной ловушки:

Pani pihet pirtin piällä –
lautasen lapukin piällä,

<...>

miulla, mečän juoksijalla,
rahararvan kantajalla,
huutehessa kuskajalla,
hämärässä häkläjällä (Сб., № 3).

Поставили клецки на крыше,
Ловушку на потолке

<...>

Для меня по лесу бегающей,
Денежный мех носящей,
В утренней росе бродящей,
В сумерках крадущейся.

С точки зрения поэтики сказки стихотворные вставки – это повторяющиеся медиальные формулы, организующие весь сюжет.

Некоторые карельские сказки о животных по краткости их содержания и нравоучениям можно соотнести с баснями. Так, севернокарельская сказка «Медведь и мышь» (СУС 75) повествует, как мышь спасает медведя, перегрызая сети, опутавшие его. В тексте открыто заявлена мораль: «Ты тогда насмеялся надо мной, <...> но как видишь, может и мышь заплатить добром за добро»⁶⁸. Сказка «Волк и белка» полностью совпадает с типом СУС 87*В «Почему белка всегда весела». Сюжет заканчивается так: «Ты каждому вредишь (о волке. – *Н. О.*), а я никому не приношу вреда, поэтому

⁶⁷ В 1970–1980-е гг. нам еще довелось записывать их и от А. Е. Салониemi. См.: Карельский фольклор. Хрестоматия = Karjalan rahvavan runoja. Lukukirja / Сост. Н. А. Лавонен. Petroskoi, 1992. С. 120–123. № 8–44.

⁶⁸ Евсеев, 1981. С. 223.

я всегда веселая, что меня никто со злобы не тронет»⁶⁹. Укажем, что в СУС зарегистрирован только украинский вариант; русские тексты не отмечены. Карельская сказка «Медведь, лиса и горшок масла» отражает сюжет «Медведь, лиса и волк» (СУС 51А*). Упомянутые сказки мы соотносим по форме и содержанию с баснями.

Подчеркнем, что варианты М. Михеевой не склонны тяготеть к басенной традиции, ее сказки обладают сюжетной самостоятельностью и завершенностью, т. е. они имеют завязку, развитие действия и развязку. Они имеют вполне развитую классическую форму.

В XIX в. в Карелии было много сказок с архаичными этиологическими мотивами. Как отмечает У. С. Конкка, сказочники рассказывали, «почему у зайца кончики ушей черные и почему у него заячья губа; почему у лисы грудка белая <...>, почему у гагарок ноги находятся не там, где у других птиц, и т. д.»⁷⁰ В материалах XX в. – в нашем сборнике и в архивных текстах КарНЦ – эти мотивы сохранились только в сюжете «Волк (медведь) у проруби» (СУС 2). Так, М. Михеева в своей сказке обобщает повествование: «И другие медведи стали бесхвостыми, как тот первый потерпевший» (Сб., № 4).

Аборигены края, саамы, оставили нам этиологические мотивы в более развернутом виде. «Звери не могли бежать: хвосты у них примерзли ко льду. Стали они рваться, метаться. Медведь и заяц оборвали себе хвосты, убежали без хвостов и теперь так ходят. Мышка содрала с хвоста весь пушистый мех и теперь так и ходит с голым хвостиком. Обгорелым коромыслом досталось горностаю, убежал, только кончик хвоста сделался черным»⁷¹.

Древнейшей формой животного эпоса являются тотемические мифы. Карельские сказки являют собой уже более зрелый животный эпос. Поэтому сказка М. Михеевой о старой деве, замыслившей выйти замуж за журавля, уже не воспринимается даже как реминисценция тотемического мотива о брачных отношениях человека с животным-предком. Сказочный эпос аборигенов-саамов, напротив, пронизан подобного рода мотивами, причем сказочники вплоть до XX в. сохраняют веру в рассказываемое. Сказочница-лопарка уверяет, например, что предок их семьи – олень Мяндаш (хирвас – самец, предводитель стада диких оленей): «Был Мяндаш. Все мы, живущие тут, на нашем Теплом наволоке, все мы кровей его жены – Мяндаш-каб. <...> Она нам вроде матери приходится – мадеракке»⁷².

⁶⁹ Евсеев, 1981. С. 229.

⁷⁰ Конкка У. С. О собирании и некоторых особенностях карельских сказок. С. 15.

⁷¹ Саам. ск., 1959. С. 57. См. также еще один пример этиологического мотива, связанный с морскими реалиями: «Рассыпалось по морскому льду все, что было в коробке, и превратилось в морские раковины, ракушки, звезды и кораллы» (там же. С. 69).

⁷² Саамские сказки / Запись, пер., обраб., предисл. и прим. В. В. Чарнолуского. М., 1962 (далее – Саам. ск., 1962). С. 94.

Сам Мяндаш-хирвас, научивший людей стрелять из лука, в свою очередь, укоряет саами-охотника за нарушение запрета: «И дал великий завет: в хирвасном стаде диких оленей не убивать – только одну важенку на прокорм семьи, но не больше того, а на самого хирваса – запрет. Так я учил!»⁷³ Другой постоянно повторяющийся в повествовательном фольклоре саамов мотив разворачивает тему женитьбы дикого оленя на женщине-лопарке Мяндуш-деве и его бегства от нее вместе с детьми-оленьями из-за другого нарушения запрета: «Нельзя шкуры, постели детские, ребячьей мочой замочить»⁷⁴. Саамский фольклор, в отличие от карельского и русского, демонстрирует глубокие связи с первобытной мифологией. Процесс превращения мифа в сказку здесь оказывается еще не завершенным.

Интересно, что в семье Иевлевых – Михеевых сохранилось древнее предание о саамах – первоначальниках края. Рассказывают, что их деревню основали три брата-саама Чалли, Патрикка и Хома; род Иевлевых ведет начало от лопаря Чалли (АКНЦк, 22, 78). В детстве М. Михеева слышала о том, что у саамов были «такие же сказки, как у карел». Напомним, что основную массу сказок она усвоила от бабушки по матери Окку Иевлевой, жившей в их семье и заменившей детям рано умершую мать. В этой семье, как и во всем Калевальском крае, в традиционной культуре чувствовалась связь времен, поколений и этносов.

4.2. Сказки волшебные

Наиболее ярко М. Михеева проявила себя как мастер волшебной сказки. Разительно соотношение в ее репертуаре количества волшебных и бытовых сказок (54 : 5). Понять сказочницу можно, осмыслив ее репертуар на фоне карельской сказочной традиции. В связи с этим встает проблема соотношения *индивидуального* и *коллективного* в фольклорном процессе. К. В. Чистов указывает, что нельзя понять мастера в отрыве от коллективной традиции. «„Немастера“ в своей совокупности, – подчеркивает исследователь, – вероятно, играли в истории формирования и развития каждой традиции не меньшую роль, чем отдельные Мастера, потому что традиция закреплялась и функционировала именно в своих массовых формах»⁷⁵. В последние десятилетия эта проблема рас-

⁷³ Саамские сказки / Сост. Е. Я. Пация; Под ред. Г. М. Керта. Мурманск, 1980 (далее – Саам. ск., 1980). С. 197.

⁷⁴ Саам. ск., 1980. С. 202. № 129. Такие же мотивы см.: Там же. С. 203. № 130; Саам. ск., 1959. С. 59; Саам. ск., 1962. С. 99.

⁷⁵ Чистов К. В. Мастер в народной художественной культуре Русского Севера // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера (Доклады III Международной научной конференции «Рябининские чтения-99»). Петрозаводск, 2000. С. 7.

считается «преимущественно с позиции постижения реального механизма функционирования конкретной локальной или исполнительской традиций»⁷⁶.

Рассмотрим характерные типы волшебных сказок М. Михеевой в сопоставлении со сказками региона Калевалы – прежде всего, с точки зрения композиции, структуры, смыслового наполнения сюжетной схемы и в связи с этим обратим внимание на обрядность сказки, трансформации сюжетов и образов, на межжанровые связи и другие значимые аспекты.

Для анализа нами используются архивные записи 1940–1980-х гг., а также изданные карельские сказки. Основным исходным материалом являются тексты нашего сборника.

* * *

В репертуаре волшебных сказок Северной Карелии заметное место занимают сюжеты змеборческого типа: СУС 300₁ «Победитель Змея» (14 текстов); СУС 300А «Бой на Калиновом мосту» (4 текста); СУС 301А, В «Три подземных царства» (6 текстов); СУС 301D* «Солдат находит исчезнувшую царевну» (5 текстов); СУС 303 «Два брата» (10 текстов). Таким образом, общее количество змеборческих сказок по Карелии – 39, из них севернокарельских текстов – 24. В сборнике М. Михеевой представлены самые традиционные сюжеты: «Победитель Змея» – СУС 300₁ (Сб., № 11); «Бой на калиновом мосту» – СУС 300А (Сб., № 12); «Три подземных царства» – СУС 301А, В (Сб., № 42).

На основе составленных нами структурно-типологических схем сопоставим одноуровневые элементы повествования для выявления особенностей рассматриваемых сказок.

Сюжет «Победитель Змея» (СУС 300₁)⁷⁷

I. Антагонист-змеи (или иное чудовище) разоряет царство, требуя царевен для насильственного супружества или чаще – пожирания (вредительство).

Царь подает клич о помощи. Герой, обычно чудесного происхождения, вместе с братьями или спутниками-богатырями соглашается отправиться на поиск.

Происходит бой с антагонистом (борьба-победа). В результате победы – ликвидация беды; царевны спасены.

II. Родственники антагониста (змеи) преследуют героя, но он избегает гибели. Возвращение. Свадьба.

Это самая общая схема сюжетов данного цикла. Наиболее постоянные элементы (функции) сказочниками используются выборочно, системно.

⁷⁶ Иванова А. А. Репертуар М. Д. Кривополеновой в фольклорной традиции Пинежья // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера. С. 75.

⁷⁷ Методика составления типологических схем основана на работе В. Я. Проппа «Морфология сказки» (М., 1969).

Мотивы же вообще оказываются очень подвижными, они могут переходить из сюжета в сюжет.

Рассмотрим сказку М. Михеевой «Многоглавые змеи» (Сб., № 11 – СУС 300₁).

Все сюжетные узлы, обозначенные нами на общей схеме, в сказке М. Михеевой наличествуют: «чудеснорожденный» герой, требования антагониста отдать царскую дочь на пожирание, борьба и победа над Змеем. Ложный герой (здесь солдат) наказан. Все три царские дочери спасены.

Обратимся к деталям. Герой сказки Эйрикки необычен: только что родившись (*vastasynputut*) и убежав из дома, он сразу же готов к подвигам. На вопрос, «почему весь город покрыт черным сукном», Эйрикки получает традиционный ответ: «Старшую дочь царя поведут на берег моря трехглавому Змею на съедение». Тогда герой вступает в борьбу за спасение царевен⁷⁸. Эпизод с первой царевной: «Поднялась волна, поднялась вторая волна, а на гребне *третьей волны* вышел *трехглавый Змей...*». После диалога со Змеем Эйрикки своим волшебным ножом снес головы Змею («*riät poikki*»): «Тело бросил в море, головы положил под камень». Среднюю дочь царя увезли к морю Змею на съедение: «Поднялась *волна, вторая, третья, четвертая, пятая, шестая*. На гребне *шестой волны* выходит *шестиглавый Змей*». Эйрикки и отрубил у Змея головы. «Тело выбросил в море, головы положил под камень». Наконец, спасение третьей царевны: «Оставили там *третью царевну [младшую]* плакать <...> Вот стало море волноваться <...> *Девятиглавый* уже выскочил... на гребне *девятой волны*». «Они начали бороться <...> Эйрикки говорит *девятиглавому*: „Смотри, твой дом горит!“ *Девятиглавый* как взглянул на рассвет, Эйрикки и *отсек девятую* голову. Тело он выбросил в море, а головы положил под камень».

Кульминационный эпизод сказки – борьба со Змеями, как и в других вариантах, воспроизводится трижды. Так проявляется характерный для сказочной традиции прием утроения. У М. Михеевой наличествуют три царевны, трижды происходит бой со Змеем, у трех Змеев по 3, 6, 9 голов, трижды выходит Змей из моря, море волнуется при его выходе в ритме тричности и т. д. Утроение бывает и в других жанрах (былины, руны), но, по замечанию В. Я. Проппа, «исконно утроение для самого древнего из всех жанров, а именно для сказки. Оно само есть признак большой древности»⁷⁹. Объяснение этому явлению он находит в истории числовых систем. Десятеричная система «есть результат абстракции, длительной работы человеческого ума». «Понятие числа как абстракции создавалось очень медленно, – указывает ученый. – Оно от единицы перешло к двум, а от двух к трем <...> Многие языки первобытных народов не знают числительных больше трех

⁷⁸ Цитаты по текстам нашего сборника начиная с раздела «Волшебные сказки» даны в переводе О. Э. Горпковой, остальные – в переводе Н. Ф. Онегиной.

⁷⁹ *Пропп В. Я.* Русская сказка. Л., 1984. С. 198.

<...>. На этой ступени человеческое мышление остановилось очень надолго <...> По-видимому, сюжеты сказок создавались именно в этот период»⁸⁰. Вот тогда-то в фольклоре интенсивность действий и стали выражать путем повторов, т. е. утроением действия.

Продолжение сказки (второй «ход») нарушает канон сказочной троичности, начиная новый ход сказки с тем же героем. У царя, оказывается, была еще одна дочь, *четвертая*. Она в пятилетнем возрасте потерялась. Змей, увидев девочку в саду, проглотил ее⁸¹ и похитил. Эйриikki отправляется вновь на поиск. Как и положено в волшебной сказке, деревянный шар (*riipallo*) превращается в золотой корабль. Эйриikki подумал: «Плыви, корабль, в то место, где находится младшая, четвертая дочь царя». Корабль останавливается среди моря. Здесь соблюден другой внутрисказочный принцип: «сказано-сделано». Эйриikki опускается на морское дно и находит там искомую красавицу. «Ой, братец, зачем ты пришел сюда Змеям на съедение? Это дом Змеев», – сообщает она. В подводном царстве наш герой попадает к отцу убитых им Змеев. На вопрос, где сейчас Змей-отец, девушка отвечает: «Он так раздосадован тем, что сыновья убиты: обошел все море в поисках вина, чтобы напиться». Здесь по традиции следовало бы ожидать боя со Змеем, но этого не происходит. Дальнейшие функции претерпевают бытовую замену. Мы помним, что дарительница дала Эйриikki необычный волшебный дар – котел, который «варит» вино. Хозяин Змеев упивается до бесчувствия, и герой отрубает у главного Змея голову. «Все змеи, что были на дне морском, упились». Сказочница с удовольствием завершает повествование: «Так погиб весь змеиный род».

Если построение и стилистика первого «хода» сказки М. Михеевой почти во всем были традиционны, то второй «ход», в противоположность, является воплощением творческой «фантазии» сказочницы, хотя логика повествования, кажется, и не нарушена. В сказке М. Михеевой произошли существенные трансформации второго «хода» по сравнению с классическими вариантами: здесь нарушен принцип сказочной троичности («четвертая дочь»); опущена, вернее трансформирована, функция боя со Змеем (вместо боя – опьянение вином «всего змеиного рода»).

Перейдем к другой сказке М. Михеевой на змееборческий сюжет – «*Кошачий Сын и Елена Прекрасная*» (СУС 303; 300А; 513А – Сб., № 12). Сказка начинается с чудесного рождения героя: «Были раньше муж и жена. Жена родила сына, собака родила сына и кошка родила сына, все родились в одну ночь». Мотив первоначальной бездетности родителей героя здесь опущен, рассмотрим его на другом севернокарельском тексте.

Супруги живут давно, но у них нет детей («*Ei ollun poikua polvenalla*»). Находится человек, могущий излечить царицу от бездетно-

⁸⁰ *Протт В. Я.* Русская сказка. С. 199.

⁸¹ Генезис мотива «проглатывания» находим в обряде инициации. См.: *Протт В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 225–229.

сти, он советует добыть рыбу. Рыба, отметим, у всех народов считалась особенно сильным средством стимулирования плодовитости, так как, в силу своей природы, она мечет много икринок. Первобытный человек, как известно, мыслит аналогиями: «Musikka läksi nuotalla. No, toi sieltä suuren hauvin. Toi, käski keittyä. Musikka sanou čarounalla: „Syö nyt tätä kalua, niin siitä saat pojan“». – «Мужик пошел рыбачить. Принес оттуда большую щуку. Принес, велел сварить. Мужик говорит царице: „Съешь теперь эту рыбу, так родишь сына“» (Remsu, s. 48). Съедает рыбу не только бездетная царица, но и служанка и корова; в один день все они рожают трех мальчиков, очень похожих друг на друга.

В сказке М. Михеевой мотив чудесного рождения героев дан в рудиментарном виде: они, «такие бойкие, красивые», родились в одну ночь. «Растут несколько дней, и Кошачий Сын становится взрослым. Говорит Кошачий Сын другим мальчикам: „А не отправиться ли нам отсюда в мир?“» Отправка из дома происходит как бы без видимых причин. Братья прибывают в змеиные края. «Им нужно было переправиться через реку: там был мост». Необходимый атрибут в этом сюжете – калиновый мост через реку. Это граница между мирами, которую охраняет Змей. Герой должен вступить с ним в борьбу. *Три ночи кряду* появляется Змей, каждый раз Кошачий Сын бьется с ним, а братья, не чуя беду, спят. В сказке М. Михеевой Змей выходит из реки верхом на коне и говорит своему коню: «Mitä krämpästeliyyt, korppien – voronjojen ruoka?» – «Что спотыкаешься, пища воронов – ворон?» Конь вещей, он понимает, что здесь его хозяина ждет противник, хотя Змей уверяет: «Один Кошачий Сын на свете достоин упоминания, и того костей не принес сюда ворон». Кошачий Сын хватает коня Змея за узду и говорит:

«– Ругай человека в глаза, а не за глаза!

Змей говорит:

– Выдуй своим чистым духом девятимерное поле для битвы.

Кошачий Сын говорит:

– Выдуй ты своим поганым духом, у тебя сил больше.

Девятиглавый как стал дуть, Кошачий Сын и отрезал у него восемь голов, девятую не смог отрезать: меч притупился, и силы кончились. <...> Говорит Кошачий Сын девятиглавому:

– Смотри, как к твоей жене идут другие мужчины!

Девятиглавый как взглянул в сторону дома, так Кошачий Сын и последнюю голову долой! Тело выбросил в море, головы сложил под мост в сундук».

На этом примере видны кульминационные функции борьбы и победы (Б – П) героя над антагонистом. Описание боя и стереотипы диалогов в сказке М. Михеевой даны в традиционном виде. Н. В. Новиков, исследуя этот кульминационный эпизод сказок о змеборчестве, отмечает: «В традиционный эпизод о змеборчестве включаются следующие мотивы:

а) словесная перепалка (диалог между змеем-антагонистом и героем); б) выдувание тока для боя; в) боевая схватка (поединок); г) победа героя»⁸². Наша сказочница все эти моменты соблюдает, т. е. стереотипные диалоги и функции (действия) героев даны типично, чего не наблюдаем у многих других сказочниц.

Для карельских текстов характерно стяжение (редукция) основных эпизодов или их существенное варьирование. Проиллюстрируем сказанное. Эпизод боя будет выглядеть иначе при замене действующих лиц. У талантливой калевальской сказочницы М. Ремшу змееборчество рисуется следующим образом: «Merestä nousou yheksipäini Smeja. Pekka sormustah kiännälti, miehet hypättih: „Mitä työtä, uusi herra?“ – „Leikkakua tuolta Smejalta piät, i pankua kallivon alla“».– «Из моря поднимается девятиголовый Змей, Пекка колечко повернул, выскочили мужики: „Какая работа, новый господин?“ – „Отрежьте у того Змея головы и положите под скалу“» (Remsu, s. 33). Здесь, как видим, со Змеем вместо героя расправляются волшебные помощники.

Еще оригинальнее оформлена функция борьбы-победы в сегежской сказке, где в начале борются собаки, сопровождающие героя и Змея. В этом же тексте отметим редукцию в описании эпизода боя героя со Змеем: «Бьются, бьются, опять и победил Василий Шутин; головы под камень, туловище в воду» (КНС I, 14). В южнокарельской сказке рисуются три боя с тремя Змеями: «(Иван-царевич) встал на камень, и вышел к нему шестиглавый Змей. Он все головы отрубил. Выходит девятиглавый Змей, и у того все головы отрубил. Последним вышел двенадцатиглавый Змей. Он одиннадцать голов отрезал, а двенадцатая стала с ним бороться, <...> но Иван-царевич, как был храбрый, то отрубил и двенадцатую голову» (КНС II, 6). Однако здесь полностью опущен диалог между противниками и отсутствуют подробности описания боя.

Два последних примера демонстрируют общую для карельской сказки середины XX в. тенденцию – сокращение основы в описании функций (редукция) и другие видоизменения. Тексты М. Михеевой, напротив, подтверждают приверженность сказочницы канону и ее стремление к художественной выразительности поэтических формул.

В схеме сюжета «Победитель Змея» отмечалось, что после победы над Змеями в сказке может быть развернуто повествование о преследовании героя родственниками антагониста. Так и происходит в упомянутой сказке М. Михеевой «Кошачий сын и Елена Прекрасная».

Итак, Змей повержен, герой с братьями возвращается домой, но Кошачий Сын знает, что нечисть сдастся не сразу. Он возвращается к дому Змея, якобы забыв шапку («Lakki unohtu...»), и узнает о кознях Змеих. Усыпляя ребенка, женщина поет: «Баю-баю, сыночек. Кошачий Сын

⁸² Новиков Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974. С. 185.

убил твоего отца. Когда Кошачий Сын отправится в путь, его будет мучить жажда. Я превращусь в серебряный колодец, золотой ковш. *Он будет пить воду и лопнет*». Под вторым окном слышно опять: «Баю-баю, сыночек. Кошачий Сын убил твоего отца. Когда он отправится в путь, его начнет морить сон. Я превращусь в пуховые перины, шелковое одеяло. *Он как ляжет на них, так и лопнет*». Под третьим окном: «Баю-баю, сыночек. Кошачий Сын убил твоего отца. Когда он отправится в путь, ему очень захочется есть. Я превращусь в стол (с едой). *Он как будет есть, так и лопнет*».

Разумеется, герою захотелось в дороге и жажду утолить, и поесть, и отдохнуть, но конь-помощник не позволяет ни к чему прикасаться и тем самым спасает его от козней ведьм-Змеих⁸³. Оживляет повествование имитация колыбельной песни.

Каноническая форма сказки о змеборчестве состоит и в том, что герой, убивая Змея, освобождает женщину, с которой он вступает в брак. Но в нашем случае бой со Змеем происходит не ради женщины, она как бы изъята из повествования, и все же затем вновь введена, чтобы начался новый «ход» сказки. Для этого в последней части повествования появляется новый антагонист, названный здесь Костяным (*luini mies*):

«Вдруг „Костяк“ берет лошадь героя под уздцы:

– Не поедешь домой, если не добудешь мне Елену Прекрасную в невесты, я тебя убью, как ты убил моих братьев (змеев)».

Герой отправляется добывать невесту Костяку, и в связи с этим ему приходится решать предсвадебные задачи царя. Здесь в повествовании появляются волшебные помощники. Это Парильщик (остужает жарко натопленную баню); Едок (съедает необыкновенно много пищи); Стрелок (метко стреляет, попадает в кольцо за три версты). Это эквиваленты персонажей русских сказок: Мороз, Обьедало, Опивало и др. (см.: СУС 513А). Они помогают герою жениться, выполняя трудные задачи царя. В. Я. Пропп выделяет их в особую категорию помощников-искусников: «Наиболее яркой фигурой из этих помощников является Мороз-Трескун, или Студенец. Изображается он разное, иногда и не изображается вовсе»⁸⁴. В сказке М. Михеевой они «невидимки». По мнению В. Я. Проппа, в этом сюжете «герой и его помощник есть функционально одно лицо». И далее: «... в сказке помощник может рассматриваться как персонифицированная способность героя»⁸⁵. В нашей сказке, повторим еще раз, все предсвадебные задачи царя решены традиционно помощниками героя.

⁸³ Традиционный общий эпизод для этносов Карелии и – шире – для всех восточнославянских народов (русских, белорусов, украинцев). См.: Новиков Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки. С. 56–57.

⁸⁴ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 181.

⁸⁵ Там же. С. 167.

Елена Прекрасная отдана Кошачьему Сыну в жены, а Костяк (Кашей) убит огненной стрелой. Наказание антагониста здесь явно противоречит традиции. Обычно смерть антагониста, именуемого в русских сказках Кашеем, далеко спрятана (см.: СУС 302₂). Об этом хорошо сказано в южно-карельской сказке: «Ох-ох, моя смерть далеко убрана, никто мою смерть не найдет. На берегу озера есть большое дерево, под ним выкопана большая яма, в той яме большой железный сундук, в сундуке живой волк, в животе у волка лиса, у лисы в животе заяц, а в зайце курица, у курицы яйцо, в яйце моя смерть» (КНС II, 6). В репертуаре М. Михеевой мотива «Смерть Кашея в яйце» вообще нет.

В рассматриваемом нами тексте М. Михеевой в череде контаминаций основным эпизодом является сюжет «Бой на калиновом мосту» (СУС 300А). Композиционная цепь выстроена сказочницей традиционно, варьирования в сторону редукции, «свертывания» текста не замечается. В других вариантах, записанных в последней четверти XX в., мы можем наблюдать в данном сюжете определенные трансформации. Это бывает, когда сказочник вспоминает только отдельные фрагменты сюжета и соединяет их произвольно. Продемонстрируем это на севернокарельском варианте. Герой, Кошкин Сын, как и у М. Михеевой, с названными братьями отправляются из дома искать работу и пропитание («tuõtä ta ruokua eššimäh»). Им сразу встречается старушка-вдова (leskiakka), которая советует остерегаться в пути: не пить воду из попутного колодца, не дотрагиваться до еды на столе у дороги, не ложиться отдыхать на приготовленную для путников постель с периной. Она же дарит волшебный платок, с помощью которого можно избавиться от бедствий. Перемещение этого эпизода *из конца в начало повествования* композиционно не оправдано. Нелогичность рассматриваемого варианта заключается в том, что попытка ведьм-Змей отомстить герою за гибель своих родичей (Змеев) происходит раньше, чем случилась их гибель от рук героя-змеборца.

Сюжет о змеборчестве в некоторых вариантах может содержать в себе древний мотив похищения Змеем небесных светил (СУС 300А*). В русском материале среди сотен сказок о змеборцах «Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка» регистрирует только семь текстов с данным мотивом. В записях 50-х гг. XX в. в сказках Карелии этот мотив не отмечен. Однако, читая севернокарельские тексты середины XIX в., мы обнаружили этот древний мотив в сборнике Э. Салмелайнена. Здесь четко выделяется мифологическое ядро сюжета: «Один злой человек проклял солнышко, потому что пекло сильно – девятиголовому змею и досталось оно; он как в море уходит, так уносит солнце с собой, как появляется на земле, так и солнышко нам снова светит. Другой человек с жестоким сердцем проклял луну <...> и шестиглавый змей овладел месяцем. Опять же злой человек похитил утреннюю зарю, так как она рано светила и мешала ему спать, так трехглавый змей унес и зарю, и у нас

всегда темно» (SKSjT, s. 209). Герой вместе со своими спутниками отправляется добывать космические ценности, чтобы вернуть блага своему народу. Примечательно, что карельские и ингерманландские руны, как и сказки, отражают этот же мотив.

В статье, посвященной 120-летию со дня рождения М. И. Михеевой, в одной из рун сказительницы (в переводе А. И. Мишина) читаем:

Солнце в Похьеле исчезло,
Запропал куда-то месяц.
Старый вещий Вяйнямёйнен,
вековечный заклинатель,
думу думает, гадает:
«И куда же солнце скрылось,
месяц запропал куда же?
Солнце надо разыскать,
месяц следует найти».

(«Курьер Карелии» от 27 мая 2004 г., № 97. С. 3.)

Далее Вяйнямёйнен отправляется в поход и борется с антагонистом (старухой Сариолы) за обладание волшебным предметом Сампо:

Крышку пеструю разбил.
Тотчас из середики Сампо,
из-под крышки той узорной
вышло солнце, засияло,
месяц ясный засверкал.

(Там же)

У М. Михеевой в руне совместились два мотива: добывание Сампо и освобождение солнца и луны.

У ингерманландцев также имеются руны о добывании небесных светил:

Как мы прежде поживали? <...>
Без луны, без солнца жили,
Без небесного светила.

Своеобразная трактовка мотива в ингерманландском фольклоре заключается в том, что добывает небесные светила девушка:

Дочь была у кузнеца –
Мудрая была девица, –
Отыскать решила солнце,
Выследить решила месяц.

Героиня отправляется в Хийтолу с сонным клубочком (совсем по сказочному канону):

Бросила клубочек сонный:
Хийтола мужей сморила,
Женщин Хито с ног свалила.

В сонном «царстве», добыв солнце и месяц, она водружает их себе «на темя и над бровями». Как и в сказке, девушка избавляется от погони, бросая волшебные предметы: камень («Здесь пускай скала родится»); гребешок («Пусть тут лес могучий встанет»); кувшин с водой («Пусть родится здесь река, у реки гора возникнет, чтоб погоне не пройти»).

Так та мудрая девица
Возвратилась в край родной <...>
Подняла на ветки солнце,
Вознесла луну на сучья,
Солнце ярко засияло,
Принялась луна светить⁸⁶.

Наши примеры обнаруживают межсюжетную связь жанров в карельском и родственном ему ингерманландском фольклоре (сказка / руна). Об общих мотивах разных жанров мы еще будем говорить и в дальнейшем.

Сюжет «Три подземных царства» (СВС 301А, В)

I. Чудеснорожденный герой вместе с братьями или с другими персонажами, случайно встреченными по дороге (с Усыней, Дубиней, Горыней и др.), отправляется в путь. Ему предстоит освободить от Змея или иных чудищ похищенных царевен (отправка).

По пути они останавливаются в доме враждебного дарителя, с которым происходит схватка. Герой побеждает обитателя лесной избушки, но тот убегает из плена и невольно указывает дорогу в иной мир, где находятся похищенные.

При помощи царевен-дарительниц герой побеждает антагониста (борьба – победа). Начальная беда ликвидирована.

II. Братья героя (или его спутники) похищают царевен, оставив освободителя под землей. Герою удается выбраться на верхний свет. Происходит узнавание истинного и обличение ложного героя (узнавание–обличение). Свадьба.

В репертуаре М. Михеевой в сюжетах этого типа схема выдержана.

«Сказка об Ольховой Чурке» (СВС 650А; 513А; 301А, В – Сб., № 42)

В карельском фольклоре, как и в традиции славянских народов, наличествуют самые разные мотивы чудесного рождения героя. Иногда ребенок создается из куска дерева, как в варианте М. Михеевой. «Старуха говорит старику: „Срубил бы ты в лесу ольховую чурку, хоть бы ее для забавы качали, раз у нас нет детей“. Старик идет в лес. Срубил ольховую чурку, принес ее домой. Старуха говорит старику: „Сделай колыбель, я буду ее качать“. Старик сделал колыбель. Старуха завернула ольховую чурку в тряпки, начала ее качать в колыбели. Качала три года <...>. Начала колыбель

⁸⁶ Киуру Э. С. Ингерманландская эпическая поэзия. Петрозаводск, 1990. С. 34–36.

сама по себе качаться. Старуха посмотрела: мальчик сидит в колыбели» (Сб., № 42). Этот мотив, как указывает В. Я. Пропп, восходит к мифам о создании первых людей⁸⁷. Сказка М. Михеевой отражает быстрый рост героя. «Ольховая Чурка говорит: „Принеси мне, мать, одежду. Я пойду пахать, отпущу отца“. Мать принесла ему одежду. А он как взрослый мужчина, хоть его только три года качали», т. е. он от рождения должен быть трехлетним мальчиком (ср.: «Стал трехдневный мальчик говорить») или «Сын за день вырос таким большим, [стал] как годовалый ребенок; за второй день – как двухлетний; за третий – как трехлетний. Спустя несколько дней, он стал уже взрослым»⁸⁸.

Чудесное рождение восходит к представлениям о реинкарнации. Будущий герой рождается взрослым потому, что он возвращенец из мира умерших. Он рождается во второй раз и появляется на свет взрослым именно как герой, как избавитель от бед людских. Таков и Ольховая Чурка⁸⁹. Он уходит из дому, не найдя применения своим силам. По дороге встречает других силачей, поименно они не названы, но нам понятно, что это эквиваленты русских персонажей Дубыня и Горыня («тот, кто деревья вырывал» и «тот, кто скалами стучал»). Они останавливаются в пустом доме и, найдя там полный достаток, режут, варят и едят домашний скот (овец, баранов, быков), но тут появляется мужичок с ноготок (в нашей сказке «старик сам ростом с локоть, а борода два локтя»), который поочередно избивает спутников героя, пока Ольховая Чурка не одолевает его. «Ольховая Чурка <...> расщепил березовый пень, и в ту щель положил бороду старика. Ее тут и прищемило. <...> Старик рвался, рвался, борода и оборвалась. <...> В скале была дыра. Старик туда юркнул... Ольховая Чурка... говорит: „...я пойду этого старика искать“» (Сб., № 42). По следу убежавшего старика герой попадает в иное царство, где находится царевна.

Н. В. Новиков рассматривает «старика сам ростом с локоть, а борода два локтя» исключительно как враждебного персонажа. Исследователь пишет: «Дед (мужичок) Сам с ноготок (локоток и пр.) – существо необычно маленького роста и с непомерно длинной бородой. Это злой карла восточнославянской сказки. <...> Сам с ноготок – существо дерзкое, злое, неблагодарное и коварное. Несмотря на свой ничтожно малый рост, он обладает огромной физической силой, перед которой может стать только главный герой сказки»⁹⁰. Мы же хотим подчеркнуть, что старик

⁸⁷ Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976. С. 233–234.

⁸⁸ Из сказки И. Шемейки. См. рукопись монографии В. П. Мироновой «Сюжет „Сватовство в мифической стране Хийтола“ в контексте эпической традиции» (с. 21), хранящуюся в секторе фольклора ИЯЛИ КарНЦ РАН.

⁸⁹ О чудеснорожденном герое карельских сказок см. в примечаниях к сборнику КНС I (с. 504).

⁹⁰ Новиков Н. В. Образы восточнославянской сказки. С. 158–159.

невольно указывает путь к искомому (царевнам), в связи с чем этот персонаж нами трактуется как *враждебный даритель*⁹¹. Функцию путеводительства он осуществляет вопреки своим желаниям.

Говоря о карельских героических сказках змееборческого типа, мы показали их разнообразие: даже в данном сборнике в репертуаре только одной сказочницы, М. Михеевой, оказалось три разновидности таковых (Сб., № 11, 12, 42).

* * *

В общей массе сюжетов волшебных сказок привлекают внимание сказки о невинно гонимых – еще один распространенный в Карелии тип. Назовем сюжеты, которые нашли место в нашем сборнике: СУС 707 «Чудесные дети» (Сб., № 43) (всего – 55 карельских текстов); СУС 403 «Подмененная невеста, жена, сестра» (Сб., № 34) (43 текста); СУС 510А «Золушка» (Сб., № 31) (44 текста); СУС 510В «Свиной чехол» (Сб., № 32) (32 текста); СУС 480* = АА 480А «Мачеха и падчерица» («Пряхи у проруби») (Сб., № 29) (15 текстов); СУС 480 = АА 480 *С «Мачеха и падчерица» («Игра в жмурки с медведем») (Сб., № 27) (14 текстов).

Исследователи отмечают, что если сюжет присутствует более чем в 15 текстах, то, значит, он имеет «широкое территориальное распространение» и отличается «особой устойчивостью традиционной формы»⁹². Широкое распространение в Карелии упомянутых сюжетов очевидно. Проанализируем отдельные из них.

Сюжет «Чудесные дети» (СУС 707)

На территории Карелии, по нашим сведениям, было зафиксировано 55 карельских вариантов сюжета «Чудесные дети» (СУС 707), из них севернокарельских – 31. Это самая популярная сказка, причем 50 карельских текстов представляют русскую версию сюжета, и лишь 5 вариантов демонстрируют западноевропейскую интерпретацию. От М. Михеевой записаны обе версии: Сб., № 43 – русская версия; Сб., № 44 – западноевропейская версия.

Приведем структурное описание русско-карельской версии сюжета⁹³.

1. Чудесных (золотых) сыновей царевны подменяют (вредительство); героиню закупоривают в бочку и бросают в море (новое вредительство); спря-

⁹¹ *Онегина Н. Ф.* Способы изображения дарителя в русской и карельской волшебной сказке // Русский фольклор: Проблемы художественной формы. Л., 1974. Т. 14. С. 132–143.

⁹² О систематизации сюжетов сказок восточных славян и сравнительном их изучении // Сравн. указ. сюж. С. 16.

⁹³ Структурно-типологическое описание западноевропейской версии и трактовку сюжета см.: *Онегина Н. Ф.* Русско-вепско-карельские фольклорные связи на материале волшебной сказки // Межкультурные взаимодействия в полиэтническом пространстве пограничного региона: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 75-летию ИЯЛИ КарНЦ РАН. Петрозаводск, 2005. С. 193–199.

танный сын вырастает в бочке и разламывает ее, пленные освобождаются, падают на остров (ликвидация беды). Им негде жить – сын, применяя свои магические умения, строит дворец (дом), мост и т. п. (трансфигурация).

II. Герой узнает об исчезнувших братьях (похищены антагонистом – вредительством); решает идти на поиск (отправка); мать печет колобки на своем грудном молоке (волшебное средство изготавливается), с их помощью найдены братья (ликвидация беды).

III. Для привлечения внимания царя недостает разных диковинок (недостача). Герой вновь применяет свои магические умения или волшебное средство и приобретает их (ликвидация недостачи); весть о них привлекает царя (царевича) и происходит встреча с детьми и их матерью (узнавание), виновники бедствия наказаны.

Рассмотрим основные звенья русско-карельской композиции, определяя место сказки М. Михеевой в общей сказочной традиции Карелии. Сопоставление с русским материалом выявляет структурно-синтагматическое сходство в сказках обоих народов.

«Девять золотых сыновей» (СУС 707 – Сб., № 43)

Начальное вредительство. Золотых детей подменяют зверятами (птицами и пр.): «Syöjätär mäni kotih, ottau kolme variksen poikua, ranou ne kultasien poikien tilalla». – «Сюоятар сходила домой, берет трех воронят и кладет их вместо золотых мальчиков». – Сб., № 43; «Сюоятар в дом приносит щенят». – ККН II, s. 5–9; «Яги – баба <...> на замен оставила трех поганных щенят». – Аф., 284⁹⁴.

Новое вредительство (Бросание детей в море). «Šuari ranou naisen rautaseh počkah poikah kera. Туённетäh роčka mereh». – «Царь посадил жену в железную бочку вместе с сыном. Бочку бросили в море». – Сб., № 43; «Жену сажает в бочку вместе с ребенком <...> и бросает в море». – ККН II, s. 5–9; «Посадили царевну с сыном в бочку <...> и бросили в океан-море широкое». – Аф., 284.

Ликвидация беды (Плененные освобождаются). «„Muassa miän pitäis olla. Mie potkuan роčkan piän“. Poika potkai роčkan piän. Huö ollah suaren rannalla...». – «„Мы, должно быть, на берегу. Я пну бочку“. Мальчик выбил дно бочки. Они оказались на каменистом берегу острова». – Сб., № 43; «Мальчик говорит: „Мама, благослови меня, я пну, чтобы дно вылетело“. – ККН II, s. 5–9; «Стала бочка на мель... „Магушка, я потянусь“. – „Потянись, дитя“. Как он потянулся – вмиг бочку разорвало. Вышли мать и сын на высокую гору». – Аф., 284.

Отправка героя на поиск братьев. «Luaji nännimaitohos rieska. Mie lähen ečšimäh sen riesan kera veikkojani». – «Сделай на грудном молоке пресную

⁹⁴ Варианты тех же мотивов: Аф., 285, 286; Аз., 14; Карн., 69; Ск. Поморья, 11; Ск. Пудожья, 46; Ск. Заонежья, 54; SKS II, s. 137–141; SKSjT, s. 93–103; ККН II, s. 54–56, 138–140, 169–171; Белова, 15; Конкка, с. 128–133; АКНЦк, 55, 154; 84, 115; 100, 6; 138, 80; 141, 1.

лепешку. Я пойду с этой лепешкой искать братьев», – обращается мальчик к матери. — Сб., № 43; «А мать надоила молока из своих груди, испекла на нем пресную лепешку и дала в дорогу». – ККН II, s. 5–9. «Нацедила она из своей груди молоко, на том молоке спекла восемь хлебов, отдала ему и отправила в путь». – Аф., 284.

Приведенные выше фрагменты из карельских и русских сказок убеждают, что в сказочной традиции обоих народов в данном сюжете наличествует не только общий набор функций, но и описание функций во многом дано одинаково. В целом примеры повествовательной стереотипии демонстрируют стабильность текстов русских и карельских сказок в русле названной версии⁹⁵.

Говоря о сюжете «Чудесные дети», В. Я. Евсеев замечает, что «сказители-карельцы могли усвоить эту сказку в основном лишь через устную фольклорную традицию допушкинского времени»⁹⁶. Он связывает появление русских сказочных версий в Карелии с перемещением карело-финского и старобрядческого русского населения на Север. Попытка исследователя приурочить миграцию сюжета 707 «Чудесные дети» в Карелию из регионов Псковского озера и с берегов Невы к петровской и послепетровской эпохе, на наш взгляд, не лишена оснований.

Интересно замечание собирателя XIX в. М. Варонена о том, что эту сказку знают почти все карельские сказители, с кем ему пришлось общаться, и что отклонения в вариантах рассказчиков незначительные⁹⁷. В архиве КарНЦ данная версия представлена в 50 вариантах. Отметим, что структурно-типологическую общность обнаруживают не только русские и карельские сказки, но и вепсские варианты сюжета⁹⁸.

Мотивы этого сюжета, как не сложно предположить, много древнее самого жанра. Генетически они связаны с мифом. К примеру, в античном мифе о Персее царю предсказано, что внук (сын дочери Данаи) лишит его жизни и престола. Чтобы спастись от предсказанного бедствия, царь сажает родившегося внука и его мать, свою дочь, в ларь и приказывает бросить этот ларь в море⁹⁹, т. е. события в мифе развиваются аналогично русской и карельской сказкам.

Близость к мифам ярко видна и в атрибутике персонажей карельских сказок. Так, текст М. Михеевой «Девять золотых сыновей», начинающий-

⁹⁵ Сказки поздних записей порой имеют в описании функций реминисценции «пушкинской» версии. См.: Ск. Поморья, 11; Ск. Пудожья, 45; АКНЦр, 58, 43; 126, 121; 127, 93.

⁹⁶ *Евсеев В. Я.* Карельские варианты пушкинских сказок // Известия Карельского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1949. № 3. С. 85.

⁹⁷ Собиратель перечисляет деревни, посещенные им: Vuokkiniemi, Uhtua, Jyskyjärvi, Kontokki, Rukajärvi – SKS II, s. 141.

⁹⁸ О вепсской сказке см.: *Онегина Н. Ф.* Вепсские волшебные сказки о невинно гонимых // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1983. С. 135–157.

⁹⁹ *Протт В. Я.* Русская сказка. С. 237.

ся, как и другие варианты, с беседы трех сестер об их необычных возможностях, сразу же преподносит нам чудо из чудес – обещание третьей из них родить *золотых* сыновей, у которых:

Kiät kultaset kalovehistä suahe,
Jalat hopieset pohkeista suahe,
Simčukkaiset silmillä,
Kuutomaiset kulmilla,
Otavaiset olkapäillä,
Taivoan tähet harteilla.

(Сб., № 43)

Руки золотые от запястий,
Ноги серебряные от икр,
Жемчужины на глазах,
По месяцу на висках,
По Большой Медведице на плечах,
Звезды небесные на спине.

В мифологии солнце, звезды, луна и все небесные светила – это атрибуты богов, сынов божьих и богинь. В одном из христианизированных карельских вариантов этот отличительный признак и приписывается сыну Бога. «Suaren haltijatär näkee otavan olkapäillä, kuun kulmilla, luule jumalan rojaksi». – «Хозяйка острова, увидев Большие Медведицы на плечах, месяц на висках, подумала, что это сын Божий» (SKS II, s. 139).

Наиболее полную «портретную» характеристику героя данного сюжета находим в севернокарельской традиции¹⁰⁰. Этот тезис можно подтвердить примерами из записей середины XIX в. В сказке, записанной Э. Лённротом в Ухте, на родине М. Михеевой, описание чудесных сыновей дано атрибутивной формулой, вариантом которой можно считать пример, данный выше из сборника М. Михеевой:

Otavainen olkapäillä
Kuutamoinen kulmaluilla
Päivyt ompi pääläella,
Tähdet taivan hartehilla,
Kädet on kulta kynnäpäistä,
Jalat polvista hopeaa».

(SKS II, s. 137 – запись Э. Лённрота (Ухта).

Варианты: s. 146 – запись Ю. Каяна

(Vuokkiniemi); s. 143 – запись К. Крона

(Suistamo); s. 147 – Lintujärvi и др.)

Большая Медведица на плечах,
Месяц на висках,
Солнышко на макушке,
Звезды небесные на спине,
Руки золотые от локтей,
Ноги от колен из серебра.

Основное отличие карельской сказки от русской (и вепсской) – наличествующая здесь амплификация. Этот образ мы находим не только в ранних записях, но и сказках северных карел, записанных более чем через сто лет после Э. Лённрота. Описываемые в карельских сказках божественное сияние солнца, золота, серебра, яркость небесных светил уходят глубоко в языческие времена. Сказка сохраняет архаические представления о мире.

Волшебная формула о чудеснорожденных золотых сыновьях очень устойчива в карельской сказочной традиции не только из-за своей поэтичности, но и благодаря калевальской метрике. Недаром Э. Лённрот использовал

¹⁰⁰ Варианты поздних записей см.: КНС I, прим. № 48 на с. 515; АКНЦк, 55, 154.

этот же формульный стереотип в «Калевале», применив его в описании женской красоты. Источником для Э. Лённрота в данном случае, видимо, была упомянутая калевальская сказка, записанная им в Ухте:

Kiitti puoli Pohjan muata,
Kun onpi kovin korea <...>
«*Kuuhut paistoi kulmaluulta,
Päivä rimmoilta risotti,
Otavainen¹⁰¹ olkapäältä,
Seitsentähtinen selältä*»¹⁰².

Хвалит девушку пол-Похьи,
Красоту ее возносит:
«*На висках сияет месяц,
На груди сверкает солнце,
На ключицах – Отавайнен,
На лопатках Семизвездье*».

Аналогичное описание женской красоты находим и в северокарельских сказках:

Kädet kultaset kalvosista,
jalat hopeiset polvista,
päivyt paistaa päälaelta,
kuutamaiset kulmaluulta,
otavaiset olkapäältä,
tähdet taivon hartioilta,
seitsentähtinen selästä.

(SKSjT, s. 33)

Руки золотые от запястья,
Ноги серебряные от колен,
Солнышко светит на макушке,
По месяцу на висках,
Большая Медведица на плечах,
Звезды небесные на спине,
Семизвездие на спине.

Сопоставление формул в карельских сказках, записанных в разное время, подтверждает мысль известного американского эпосоведа А. Б. Лорда: «Искусство сказителя (и сказочника. – *H. O.*) состоит <...> в способности по образцу имеющихся формул составлять и пересоставлять обороты, выражающие данные понятия»¹⁰³, т. е. формулы варьируются, нет прочно застывших клише даже в ритмизованных текстах.

В карельских сказках встречается, правда реже, и другая по стилистике и содержанию формула женской красоты. В сказке М. Михеевой она сохранена в описании героини:

Nahkasta läpi lihat
Näky neiččyöllä,
Lihasta läpi – luut,
Luista läpi ytimet –
Niin oli kaunis.

(Сб., № 35)

Сквозь кожу у девушки
Мясо просвечивало,
Сквозь мясо – кости,
Сквозь кости мозг виднелся –
Такая была красивая.

Vaateen läpi hipiä näkyvi,
Hipiän läpi liha näkyvi,
Lihan läpi luu näkyvi,
Luin läpi ydin näkyvi.

(SKSjT, s. 224)

Сквозь одежду тело видно.
Сквозь тело мясо видно,
Сквозь мясо кость видна,
Сквозь кость мозг виден.

¹⁰¹ Otavainen – Большая Медведица (Семизвездье).

¹⁰² Калевала. Изд. 3-е. Петрозаводск, 2001. С. 104.

¹⁰³ Лорд А. Б. Сказитель. М., 1994. С. 15.

В облике героини просматривается ее внутренняя сущность, внутренняя «красота», чистота ее души и помыслов. Трактовка женской красоты, понимаемая через внутреннее содержание человеческой плоти, по-видимому, представляет собой более древний вариант формулы. Данная формула, определяющая женскую красоту, наличествует и в народных эпических песнях карел:

Synty neiti Pohjolassa <...>

Lihan läpi luu näkyvi,

Luun läpi yvin näkyvi.

(SKVR I, № 692, s. 915.

Зап. Borenius. Vuonminen, 1872)

Родилась девушка в Похьёле <...>

Сквозь мясо кость видна,

Через кость мозг виден.

Приведенные нами примеры в очередной раз высвечивают прочные межжанровые связи (сказка / руна) в карельском фольклоре.

В русском фольклоре Карелии мы также можем отметить взаимосвязь сказочной и эпической (былинной) традиций. Формирование мотивов, сюжетов и других элементов в устном творчестве происходит в контексте общего фольклорного процесса, поэтому «...аналогичные образы, мотивы, коллизии можно встретить и в былинке, и в сказке, и в причитании...»¹⁰⁴. Исходя из этого постулата мы и продолжаем сравнение атрибутивных формул – на материале русских эпических песен и сказок Карелии.

В былинке Т. Г. Рябикина «О Дунае Ивановиче» Настасья королевична, стремясь избежать гибели от руки разгневанного мужа, причитает:

Принесу тебе я сына любимого:

По коленца ножки в серебре,

По локоточки рученьки в золоте,

На головушке по косицам будут

*Звезды частые*¹⁰⁵.

В Заонежье через столетие с лишним была записана сказка с той же традиционной формулой народнопоэтического стиля:

Принесла ему трех сыновей:

По колен ножки в золоте,

По локоток ручки в серебре

И на каждой волосиночке

По скаченой жемчужинке.

(Ск. Заонежья, № 57, с. 155)

В книге «Поэтические воззрения славян на природу» А. Н. Афанасьев, говоря о происхождении мифа, упоминает «золотую руку» Индры, «золотые»

¹⁰⁴ Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза. Истоки и полисемантизм образов. В 3-х т. СПб., 2001. Т. 1: Былички, бывальщизны, легенды. Поверья о «духах-хозяевах». С. 9.

¹⁰⁵ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. В 3-х т. Петрозаводск, 1989. Т. 1. С. 143. Зап. от Т. Г. Рябикина. Второй вариант: Там же. С. 312. № 43 (от К. И. Романова, Кижки).

руки греческого Аполлона и присовокупляет: «Наши сказочные предания о героях, у которых по локоть руки в золоте, по колени ноги в серебре, находят объяснение именно в этих мифических сближениях»¹⁰⁶.

На поздней стадии эволюции жанра происходят редукции формул. Продемонстрируем этот процесс – нисходящую линию трансформаций – на вепсском материале. Северновепсский вариант: у «золотых» сыновей «впереди солнце печет, сзади луна светит, на каждом волоске по жемчужинке висит, звездочки на мочках ушей» (NÄKM, 196). В южновепсском варианте: «Ноги у них *серебряные*, руки *золотые*, на затылке месяц сияет, во лбу солнце горит» (NEV I, 32). Запись на средневепсском диалекте: «Kädet kyn`ambreshessai kuldaižet, d`augat polvhessai hobedaižed». – «Руки до локтя золотые, ноги до колена серебряные» (NÄKM, 24). В самых поздних вепсских записях, в последней четверти XX в., у чудесных детей остались только реминисценции от былых атрибутов: «У одного волосок *медный*, у другого – *серебряный*, у третьего – *золотой*» (АКНЦв, 83, 12).

Здесь уместно напомнить, что сказочные формулы не являются застывшими клише. Стереотипия – это модель, по которой создаются и закрепляются конкретные формульные выражения, причем разные этносы по-разному варьируют эту модель. Например, этнически близкая карелам мордва существенно иначе описывает чудесного ребенка: у него «*железные пятки, каменная макушка, на лбу солнце, на затылке луна, проволокой обмотаны колени*» или: «На лбу у него солнце и луна, *железные пятки, каменные темечки, колени обернуты проволокой*» (Мордов. этногр. сб., с. 257). Иногда эти атрибуты находят объяснение в чисто этическом плане: «И сила у них была бы железная, воля каменная, сердце восковое»¹⁰⁷.

Приведенные ранее примеры из севернокарельских сказок XIX и XX вв. показали нам, что традиция данного региона сохранила довольно полные, типично карельские, атрибутивные формулы. Формульная устойчивость сказки, еще раз подчеркнем, подкрепляется калевальской метрикой, аллитерациями и параллелизмами. Наличие одинаковых традиционных формул в славянском фольклоре и в народнопоэтическом творчестве этносов Карелии нам представляется закономерным. У карел и русских в описании функций действующих лиц отмечается почти полная идентичность; лишь в портретной характеристике «золотых сыновей» есть существенные карельские привнесения, что делает атрибутивные формулы, с их своеобразной рунической стилистикой¹⁰⁸, самобытными.

Как уже было сказано, в карельской сказочной традиции наличествует и западноевропейская версия сюжета «Чудесные дети» (СУС 707 – Сб.,

¹⁰⁶ Афанасьев А. Н. Живая вода и вещее слово. М., 1988. С. 181.

¹⁰⁷ Аникин С. Мордовские народные сказки. СПб., 1909. С. 70.

¹⁰⁸ Подробнее о стихотворных вставках в карельских сказках см.: Горшкова О. Э. «Piili, piili, Piikkaseni...» // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1993. С. 121–133.

№ 44). В западноевропейской версии функции выстраиваются в совсем иной ряд. С самого начала, например, опущено одно из вредительств (подмена детей птенцами). Каждый «ход» сказки здесь дает иные, по сравнению с русской и карельской традицией, способы добывания волшебных предметов, поиска пропавших братьев, ликвидации беды. Происходит это из-за замены главного персонажа. В западноевропейской версии не сын, а дочь, брошенная в воду и спасенная, добывает диковинки и спасает братьев, т. е. различия исходят из «мужского» и «женского» начала в версиях.

Сюжет «Золушка» (СУС 510А)

I. Антагонист, обычно мачеха, превращает мать девушки в овцу и приказывает зарезать животное (околдовывание, затем уничтожение волшебного помощника).

Умирающая мать-овца просит дочь об услуге: не есть ее мяса, а кости или капли крови закопать в землю. Героиня выполняет наказ (исполнение просьб загробного дарителя). На могиле вырастает дерево, веточка с которого имеет магические свойства (получение волшебного средства). В итоге все задания мачехи падчерица выполняет: перебирает зерно, отделяет молоко от воды, чинит разломанную печь и т. п. (задача – решение).

II. Царевич выбирает невесту. Героиня волшебной веточкой (палочкой) вызывает чудесного коня, добывает нужные ей наряды, перевоплощается в красавицу и является на бал (трансфигурация).

Царевич находит исчезнувшую невесту по башмачку и другим ее вещам, которые при примерке оказываются ей впору (узнавание). Ложные героини выявлены (обличение). Свадьба¹⁰⁹.

Нам известны 44 карельских варианта, из них севернокарельских – 24 текста.

Коллизия мачехи – падчерицы в этом сюжете разрешается несколько иначе, чем в других сказках о невинно гонимых. Не демонические силы изводят падчерицу, а мачеха. Она дает задания, при исполнении которых неродная дочь должна погибнуть. Но девушке обычно помогают фантастические силы материнского рода. Обездоленная падчерица становится героиней сказки, а мачехина дочь, как и сама мачеха, всегда оказываются наказанными. «В славянских сказках мачеха лишена наивного мифологического демонизма», – отмечает Е. М. Мелетинский¹¹⁰. В карельских же сказках мачехе (Сююятар) приписываются черты ведьмы,

¹⁰⁹ Ввиду своеобразия в разработке сюжета описание дано в основном с точки зрения карельского материала. Схему с обозначениями разновидностей функций см.: *Онегина Н. Ф.* Из опыта структурно-типологического изучения русско-карельских сказочных параллелей // Фольклористика Российской Федерации. Л., 1975. С. 161–168.

¹¹⁰ *Мелетинский Е. М.* Герой волшебной сказки. М., 1958. С. 195.

очевидно, потому что она – женщина из чужого рода¹¹¹. Отсюда, в отличие от русских сказок, типичным оказывается околдовывание матери героини в начальной ситуации.

В нашем сборнике сюжет СУС 510А представлен в сказке М. Михеевой «Ячмень, овес – отдельно, печь – на место» (Сб., № 31). Рассмотрим основные мотивы этого текста на фоне других карельских и русских вариантов данного сюжета.

Начальное вредительство. Превращение матери героини в животное (околдовывание). Сююятар говорит: «Плюнь, шлюха, в ножны, обернись черной овцой!» – Сб., № 31; «Плюнь <...> в мои ножны, пройди между моих ног, превратись в черную овцу!» – SKSjT, s. 65. Затем, как в русских сказках, следует требование мачехи зарезать животное.

Вредительство. «Она [овца] такая плохая, не ест, не пьет: зарезать ее надо». – Сб., № 31; Говорит Сююятар мужу: «Теперь придется нам, муженек, эту овцу зарезать». – SKSjT, s. 65–73; те же мотивы: КНС I, 28; Евсеев, 1949, 47; ККН III, s. 40–42; КНС II, 19. Ср. в русских вариантах: «(Старуха) пришла к мужу: „Режь рябую корову!“ ... „Режь, да и только!“ Наточил ножик.» (Аф., 100); «Станут убивать меня, – коровушка говорит дочке, – так подавайся посмотреть» (Онч., 129; те же мотивы: Худ., 16; Аф., 101). Различие в метаморфозах умершей матери (овца / коровушка-буренушка) могут быть объяснены этнографическими материалами. В карельских сказках тотемом-покровителем материнского рода является именно овца, в иных сюжетах – баран.

Просьба загробного дарителя – реакция героини – получение волшебного средства. «Мать [овца] говорит: „Когда меня зарежут, ты не ешь ни похлебку, ни мясо. Собери в мешочек кости и отнеси на белую ниву, под белый камень“. Когда все мясо съели, дочь собрала все косточки в мешочек и отнесла на белую ниву, под белый камень». – Сб., № 31; «Девушка и не ела этот суп, только отнесла кости на межу, зарыла в землю, и из них там выросла береза большая». – SKSjT, s. 65–73; ср. русские варианты: «„А ты, красная девица, не ешь моего мяса, косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их рассади“. Хаврошечка все сделала, что коровушка завещала... и выросла из них яблонька». – Аф., с. 100; «Коровушка ей [дочке] отвечает: „Станут убивать меня... так на правой рукавце брызнет крови маленько. Ты возьми, отруби и посади под окошко, в землю закопай...“ Ну и посадила... Ну и стал ростеть сад». – Онч., 129. В этой русской сказке, записанной на территории Карелии, падчерица закапывает не кости, а капли крови. Эта же деталь не чужда и карельской сказке (см.: КНС I, прим. № 28 на с. 508). Морфологически функции закапывания костей или крови оказываются равноценными.

¹¹¹ О взаимоотношениях рода и семьи по карельской сказке см.: Коикка У. С. О собирании и некоторых особенностях карельских сказок. С. 19–20.

Дерево или куст, выросшие на могиле, у многих народов становились священными, отсюда сорванная с него ветка – волшебный дар¹¹². Девушка относит «косточки на белую ниву, под белый камень», плачет (букв. «на костях плачет»); мать дает ей палку (sauva). Волшебная палочка – эта же ветка, что выросла на могиле.

Перед смертью мать-овца всегда предупреждает, что ее мясо дочь не должна есть. Этот мотив явно связан с древними представлениями о тотемном животном, чье мясо можно было есть только при определенных обрядах. Ю. Крон отмечает, что обряд жертвоприношения сохранился в среде карел до конца XIX в. и что крестьяне-карелы ежегодно растили в качестве жертвенного животного или барана (pässiuhrin), или овцу (lammasuhrin), а позже быка (härkäuhrin)¹¹³. Во время обряда мясо жертвенного животного съедалось только мужчинами, а кости или опускались на дно озера, или закапывались, как это происходит и в наших сказках. Женщин к языческому пиршеству не допускали. В местном предании говорится, как крестьянин-карел из деревни Суднозеро (Venehjärvi) дал кусочек мяса от жертвенного барана дочке, и в тот же день начались невзгоды: медведь задрал трехгодовалого быка¹¹⁴. Описанные ритуальные правила и являются истоками сказочного мотива-запрета: «А ты, доченька, не ешь моего мяса, когда меня зарежут»¹¹⁵.

Итак, предварительное испытание оказалось одинаковым во всех вариантах – и в карельских, и в русских. Далее начинаются различия карельских и русских сказок. Волшебный дар (ветка с дерева, выросшего на могиле, или палочка, подаренная загробной дарительницей матерью-овцой) в дальнейшем находит свое применение только в карельских сказках, в то время как в русских – вновь понадобился волшебный помощник. Карельская сказка: «Мать дает дочери палку [волшебную]... Девушка пошла домой, пошевелила палкой ячмень с овсом и говорит: „Отделись ячменем от овса, печь – на место!“ Ячмень и овес тут же отделились, печь встала на место» (Сб., № 31). Русская: «К завтрему дали пять пудов напристь. <...> А коровушка ей в ответ: „Красная девица, влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь – все будет сработано“» (Аф., 100).

¹¹² О мотиве волшебного дерева на могиле см.: *Протт В. Я.* К вопросу о происхождении волшебной сказки (Волшебное дерево на могиле) // Советская этнография. 1934. № 1/2. С. 128–151.

¹¹³ См.: *Kronh J.* Suomen suvun pakanallinen jumalanpalvelus. Helsinki, 1894. S. 173–178.

¹¹⁴ *Ibid.* S. 174.

¹¹⁵ Поклонение тотемным предкам позже забылось, а ритуальные правила превратились в обращенную форму запретов: «Медвежатину на Водлозере не ели еще и потому, что верили, что медведи произошли от людей» (*Логинов К. К.* Этнолокальная группа русских Водлозерья. М., 2006. С. 134).

Несмотря на то что формы основного испытания в карельской и русской сказке разные, все же во всех случаях выполнить задания мачехи героине помогает умершая родительница.

Карельские варианты в отличие от русских имеют дополнительный тур испытаний: перевоплощение Золушки, узнавание ее по утерянному башмачку (или другим предметам) и обличение ложной героини (дочери Сюоятар). В русской же сказке развивается мотив чудесного «брачного дерева». Е. М. Мелетинский отмечает, что мотив Золушки, получившей от загробной дарительницы – матери богатые одежды и чудесного коня для поездки на царский пир, не характерен для русской сказки: «Как для славянского фольклора типичен рассказ о падчерице – служанке, которой помогала чудесная корова, так для западноевропейских вариантов характерен рассказ о Золушке – Сандрильоне, потерявшей башмачок на королевском балу и пленившей принца»¹¹⁶. Значит, карельская сказка, включая вариант М. Михеевой (Сб., № 31), в этом звене близка к западной традиции.

Карельская «Золушка – Тухкимус» изобилует своеобразно разработанными деталями¹¹⁷. Так и в нашем варианте Сюоятар стругает своим дочерям пальцы рук, ног, чтобы им стали в пору примериваемые предметы (перчатки, обувь). Падчерица в карельской сказке не столь кротка, как в русской. Она, побывав неузнанной на царском балу, ломает то руку, то ногу у дочери мачехи и всюду, где может, обманывает свою завистливую сестру. Падчерица сталкивает под мост мачехину дочь, как в нашем варианте, и та превращается в цветок (дудку)¹¹⁸. При попытке сорвать его Сюоятар узнает погубленную дочь и мстит падчерице, превращая ее в северокарельских сказках в важенку (олениху), а в южнокарельских и вепских – в лебедя или утку. В таком случае к сюжету 510А примыкает новый сюжет СУС 409 («Мать-рысь»)¹¹⁹.

Соотнося этнографические материалы с фольклорными, мы находим отголоски вышесказанного и в карельских сказках. Нас заинтересовал ритуал, напомнивший действия Сюоятар в сказках карел. «Среди карел, – пишет Ю. Ю. Сурхаско, – зафиксирован своеобразный обряд оберегания брачующихся, когда исполнителем выступал не колдун, а мать жениха или невесты, чтобы отдать сына, отправляющегося „брать“ невесту под охрану своего духа-покровителя (haldie), мать как бы символически рож(д)ала его заново: встав в дверях (или возле печки), она упиралась

¹¹⁶ Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. С. 204.

¹¹⁷ Эти яркие эпизоды порой переходят в русские сказки Карелии. См.: КНС I, прим. № 28 на с. 508.

¹¹⁸ См.: SKSjT, s. 65–73; КНС I, 28; КНС II, 19; KKN III, s. 40–42; Вепс. ск., 3.

¹¹⁹ Варианты по СУС 510+409: КНС I, 28; КНС II, 19; АКНЦк, 13, 8; 29, 41; 52, 6; 55, 155; 64, 23; 70, 94; 83, 145; 101, 12а; 114, 22; 132, 79; 132, 144; 134, 44; 134, 122; 137, 3; 141, 25.

одной ногой в косяк (о бок печи), и жених должен был пролезть в образованные ногами матери „ворота“»¹²⁰.

Есть также примеры оберега будущей невесты. В семейной обрядности карел существовал так называемый институт *ad'vo* – гостьба девушек-невест или девушек брачного возраста у близких родственников. Прежде чем отправить дочь в гости, мать должна была произнести заклинания для поднятия «лемби» (славутности) дочери. Она с дочерью обходила трижды стол в избе, говоря: «Как этот стол на виду, так и раба божья (имя) была бы на виду»¹²¹. Но самое примечательное то, что мать, передавая дочери узел с одеждой, широко расставляла ноги, упираясь о косяк двери, заставляла дочь проползти между ног с тем, чтобы на празднике (в гостях) ее «не испортили» (*ei rikottu*)¹²². Это тоже ритуал свадебного обряда карел.

Вспомним заговор колдуньи Сюоятар в карельской сказке: «Плюнь <...> в мои ножны, пройди между моих ног, превратись в черную овцу» (SKSJТ, s. 65). Это явно обращенная форма свадебного заговора – оберега от порчи невесты или жениха: в сказке, в отличие от обряда, вместо оберега описанное действие становится околдовыванием (порчей).

О Сюоятар как древнем мифологическом образе, отождествляемом со змеем-драконом рун-заклинаний, пишет У. С. Конкка¹²³. Это типично карельский эпический персонаж, связанный в представлении народных сказителей с водной стихией. Но в сказках Сюоятар дана в антропоморфном виде, и у сказочников она ассоциируется с ведьмами карельских поверий. Олицетворяя злое начало, Сюоятар превращает героиню в уточку (СУС 403), ее мать – в овцу или важенку (СУС 510А), а падчерицу – в лебедя (СУС 409), сама же она может принять облик других людей. В сказках мы имеем дело с персонифицированным образом, в котором, на наш взгляд, ассимилировались три сказочных персонажа: яга, мачеха и ведьма.

Отметим также, что под влиянием богомильских (апокрифических) и библейских легенд в образе Сюоятар проявляются черты, связывающие ее с Сатаной (см.: KKN II, s. 120). По ее заклинанию на земле появляются болота, горы и всякая нечисть (змеи, жабы и т. п.). В восточнославянской

¹²⁰ Сурхаско Ю. Ю. Религиозно-магические элементы карельской свадьбы // Этнография Карелии. Петрозаводск, 1976. С. 147.

¹²¹ Никольская Р. Ф. Традиционно-бытовая культура // Карелы. Петрозаводск, 1983. С. 140–141.

¹²² Там же. С. 141. Аналогичные действия отмечены в русском охотничьем обряде Водлозерья. См.: Логинов К. К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. С. 143.

¹²³ Конкка У. С. О собирании и некоторых особенностях карельских сказок. С. 21–23. Подробнее о Сюоятар см.: Krohn K. Lapalieto Syöjätär. Suomalainen tiedeakatemia. Esitelmät ja pöytäkirjat. Helsinki, 1912.

традиции данные мотивы наличествуют в космогонических легендах о Сатане¹²⁴. Логична форма расправы над сказочной ведьмой: Сююятар сжигают в смоляной яме. Этот мотив восходит к архаическим представлениям об очистительной роли огня. Ведьма даже в огне продолжает свои заклинания: «Пусть мои ноги превратятся в дьяволов, мои руки – в змей...». Подобные этиологические мотивы карельских сказок тоже связаны с местными верованиями.

Итак, в вариантах сюжета «Золушка» (СУС 510А) карельская сказка демонстрирует переплетение карельской традиции с русской и западноевропейской. Морфологически карельская сказка совпадает с русской в предварительном испытании (просьба дарителя – реакция героини – получение волшебного средства), в то время как формы основного и дополнительного испытаний разрабатываются в соответствии с западноевропейской традицией.

Особенность контаминации сюжетов «Золушка» (СУС 510А) и «Мать-рысь (карельск. – важенка)» (СУС 409) заключается в том, что подобное соединение сюжетов характерно лишь для карел: такой контаминации нет ни в русской, ни в финской традиции.

Индивидуальная манера М. Михеевой проявилась в том, что она вообще не увлекалась контаминациями, предпочитала в волшебных сказках односюжетные повествования. И в данном случае сказочница разделила сюжеты, дополнила в каждом отдельные эпизоды, вписала в художественную ткань яркие краски и таким образом создала две самостоятельные сказки (Сб., № 31 – СУС 510А; Сб., № 25 – СУС 409 «Сказка о важенке (оленихе)»).

Сюжет «Амур и Психея» (СУС 425А)

Из-за нарушения табу исчезает брачный партнер героини. Она отправляется на его поиски (отправка).

Встреча с дарителем – предварительное испытание и получение чудесного предмета – «не продажного, а заветного».

Путь к исчезнувшему супругу. Встреча с ним.

Расколдовывание «звериного» супруга (ликвидация беды). Возобновление брака. Возвращение.

Обозначенные в СУС под разными индексами сказки 425А «Амур и Психея», 425С «Аленький цветочек» и 432 «Финист – ясный сокол», на наш взгляд, структурно представляют один тип, и поэтому рассматриваются в одном ряду. Сюжет представлен в 18 карельских вариантах, из них северокарельских – 6. Сказка М. Михеевой разрабатывает версию СУС 425А – Сб., № 24.

¹²⁴ Порфирьев И. Из области малорусских народных легенд (Сказания о ветхозаветных событиях и лицах) // Этнографическое обозрение. 1892. № 1. С. 81.

Заглавие сюжета СУС 425А идет от литературной обработки, сделанной Апулеем в античности¹²⁵. В. Я. Пропп, анализируя текст Апулея, утверждает, что «народная сказка дает более архаическую форму сюжета»¹²⁶.

В карельской сказке, как и всей фольклорной традиции, в сюжете «Амур и Психея» девушка отдана замуж за чудовище. Но у Апулея хозяин сада, куда попадает героиня, вовсе не чудовище, а чудесный сын богини Амур. Животный облик исчезнувшего мужа (жены), явленный в народных сказках, может быть объяснен древними тотемистическими представлениями. Чудовище карельской сказки выступает в разных ипостасях: образах змеи, собаки или реже трехглавого морского зверя (SKS II, 11a, s. 70), в облике снопа соломы («kuin olkukuro» – АКНЦк, 46, 5), медведя (КНС II, 16) и т. п.

Карельская «Психея» у М. Михеевой в сказке «Змееголовый парень» (СУС 425А – Сб., № 24) тоже отдана замуж за чудовище, у которого две головы, причем вторая голова – как у змеи («niin kun mavolla»). Во вводной части повествования можно отметить искажение общенародного оригинала. Начало здесь нестандартное, ибо взято из другого сюжета («Людоед» – СУС 406). Чудовище съедает своих жен: «Наутро идут смотреть – только косточки остались» (Сб., № 24). В другой сказке невесты сватам говорят: «Не пойдем мы к нему на съедение» <...>. «Опять как утром пришли (родители), так одни кости, от жены ни духу» (КНС I, 21)¹²⁷. Супруг-людоед пожирает всех, кроме своего победителя (победительницы). «Женщина избилла три кнута, змееголовый превратился в собаку. <...> Собака и говорит: „Раз ты не удержала язык за зубами, останешься теперь без меня“, – и убежала» (Сб., № 24). Или: «Она зажигает свечу (спичку) и смотрит, какой он» (SKS II, 11a). Капля воска или искра от спички падает спящему на волосы, и он исчезает. Итак, развитие основного сюжетного звена начинается с потери нечеловеческого (звериного) брачного партнера, а далее – с решения героини отправиться в поиск. С этого момента развитие действия происходит одинаково во всех сюжетах: «Амур и Психея», «Аленький цветочек» и «Финист – ясный сокол»¹²⁸.

Итак, героиня отправляется в поиск: «Mie lähen miestä eččimäh». – «Я пойду мужа искать» (Сб., № 24); «Попробую я мужа поискать, если найду, то это

¹²⁵ См.: *Апулей*. Золотой осел. Метаморфозы. М., 1956; литературную обработку русской сказки «Аленький цветочек» см.: *Аксаков С. Т.* Собр. соч.: В 4-х т. М., 1955. Т. 1.

¹²⁶ *Пропп В. Я.* Русская сказка. С. 221.

¹²⁷ Это не единственное отклонение в исходной ситуации в карельских сказках этого типа, началом также бывает сюжет «Шкура виши» (СУС 621).

¹²⁸ См.: Гуря, 16, прим. на с. 325. Финист – бессмертная птица, которая в старости себя сжигает и вновь восстает из пепла еще более прекрасной, чем была. В русских сказках Карелии: Филист, ясный сокол (Ск. Пудожья, 21) или Фефелист, ясный сокол (Ск. Заонежья, 76).

мое счастье» (КНС II, 16); «Она решила, что сколько может, будет передвигаться вперед (в поисках мужа. – *Н. О.*)» (SKS II, 11a, s. 71). Ср. русскую сказку: «А пошла гыть перегарного мужа искать» (Онч., 178). Многие сказки этого типа сохраняют интересную в историческом смысле деталь, отражающую некоторые черты древнего обряда. «Leskiakka sanou: Mäne rautaseppäh ta tavota kolmet rautaset kenkät, kolme rautaista sauvua ta kolme rautaista proskurua. Kun lähet matkah, ni sihi mäne, kuni nämä kaikki kulutat». – «Пойди к кузнецу и закажи трое железных башмаков, три железных посоха и три железные просвиры. Когда отправишься в путь, то иди до тех пор, пока не износишь все это» (Сб., № 24). Или: «Не найдешь меня, пока не износишь трех пар железных ботинок, и чтобы во рту три железных просвиры истаяли». «Жена идет, одни ботинки начинают изнашиваться, просвирка во рту тает...» (SKS II, зап. Холмстедт, s. 227; то же в записи Крона, s. 228).

Во всех карельских вариантах путеводительство дано в соответствии с общерусской сказочной традицией. Ср.: «Прежде три пары башмаков железных истопчешь, три посоха чугунных изломаешь, три просвиры каменных изгложешь, чем найдешь меня, добра молодца!» (Аф., 234; те же мотивы: Ск. Пудожья, 21; Ск. Заонежья, 76; Терск., 59, 88; Аф., 235; Худ., 39; ЗВ, 74). «Железная обувь есть признак отправления героя в иной мир»¹²⁹, – полагает В. Я. Пропп. Эти же детали, по мнению В. Я. Проппа, отражают черты древнего похоронного обряда: «Предполагалось, что умерший странствует пешком в иной мир. Поэтому ему клали в могилу посох, на который он мог бы опираться, прочную обувь, которая с наступлением железного века становится (в сказках. – *Н. О.*) железной, наконец, давали с собой хлеб. Каменный хлеб <...> есть субститут имевшего здесь когда-то место обычного хлеба»¹³⁰.

По традиции героиня должна встретиться с дарителем, пройти предварительное испытание и получить волшебные предметы, узнать место пребывания мужа, найти и расколдовать чудесного (звериного) супруга, т. е. таким образом ликвидировать беду, возобновить брак. Большая часть карельских сказок эту схему и выдерживает. Попасть к мужу в доме ведьмы героине помогают полученные от старушки-задворенки диковинки, «не продажные, а заветные»: «веретёшко серебряно» и «пялица золотые». Позарившись на названные предметы, ведьма пускает героиню к мужу.

В сказке М. Михеевой действие разворачивается иначе. Функция испытания героини в нашей сказке явно выпала, но здесь есть эквивалент испытания – изношенные обувь и прочие предметы: «Она шла до тех пор, пока не износились башмаки на ногах, посох в руке, просвира во рту». В сказку вводится парная функция: задача – решение. У Сюоятар приготовлено на две недели «три амбара льна и шерсти» для прядения. Героиня выполняет рабо-

¹²⁹ *Протт В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. С. 51.

¹³⁰ *Протт В. Я.* Русская сказка. С. 221.

ту в срок и говорит Сюоятар: «Я не возьму никакой платы, но если ты дашь мне своего мужа на ночь, этого будет достаточно». Далее муж с женой убегают, предварительно оградив себя от погони: «Пусть здесь появится такой меч, что отрубит ноги, когда Сюоятар бросится нам вдогонку».

Согласно карельским народным верованиям, от злого духа можно было уберечься разными способами. Обычно очерчивали три раза железным предметом (косой, топором, ножом и пр.) круг. Можно было, произнеся заклинание, силой вербальной магии «построить» защиту от нечистых. В сказке нашего сборника героиня «прочертила палкой на дороге [знаки]», сказала заклинание, и злая сила Сюоятар была погублена. Ясно, что карельская сказка не отступает здесь от обычных заклинательных норм.

Связь сказок карел с их традиционной бытовой культурой проявляется и в том, что сама сказка использовалась как элемент обряда, связанного с магическими оберегами. Карелы верили, что пространство вокруг человека в форме замкнутого круга делает его недосыгаемым, недоступным для злых духов, поэтому вечерами они рассказывали сказки, чем якобы охраняли своё жизненное пространство. Так, калевальская сказочница А. А. Ремшугева в 1947 г. сообщила о традиции сказывания: «Надо было рассказывать сказки во время святок, хоть (бы) три сказки за вечер. Когда рассказывали, из-за каждой сказки железный обруч образовывался вокруг того дома <...>, чтобы плохой дух (нечистый) не мог прийти в дом»¹³¹.

*Сюжет «Мачеха и падчерица» («Пряхи у проруби»)
(СУС 480* = АА 480А)*

В поле нашего зрения находится 16 карельских вариантов данного сюжета, из них севернокарельских – 7. В данном сюжете можно выделить две разновидности, определяемые разными типами предварительного испытания героини.

Задача – решение. В первой версии сюжета мачеха отправляет падчерицу за упавшим в прорубь веретеном. В ином мире девушку испытывают домашними работами. «„Пойди в хлев. Подои коров и убери хорошенько“. <...> Девушка греет воду и моет их хорошенько. Коров кормит, доит <...> „Как новая служанка работала?..“ Коровы говорят: „Хорошо вымыла, накормила, теплое поило дала, хорошо подоила!“ (Сб., № 29); «„Сходи-ка сперва вычисти хлев“. <...> Девушка идет и вычищает хлев, руками поднимает ноги у коров, встряхивает, вычищает ноги, подолом вытирает всё. <...> „Какова была служанка?“ – „Хорошая“, – отвечают коровы» (SKSjT, s. 357–363).

В старых и новых карельских записях описание дано в рамках быта, хотя основа этого сюжета имеет древнее ядро, что мы отметим ниже. Продолжим

¹³¹ Лавонен Н. А. О древних магических оберегах (По данным карельского фольклора) // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С. 75.

примеры обытовления из карельских сказок: «Mäne lehmät pese, <...> sikoja pese» – «Иди и прибери у коров, <...> у свиней» (букв. – вымой) (АКНЦк, 12, 133); «Akka pyritti tyttöä piiiaksi» – «Старуха попросила девушку быть служанкой» (АКНЦк, 12, 51); «Händä pandih lehmie korjama» – «Ее послали у коров прибирать» (АКНЦк, 63, 7). Отправку героини из дому мотивируют порою так: «Ruatuo eššimäh, jotta sais rahua ta puokua» – «(отправилась) работу искать, чтобы добыть денег и еды» (АКНЦк, 2, 120)¹³². Ср. с русской сказкой Поморья: «Поди-ко, поди куда-нибудь наниматься, Машенька, в работницы» (АКНЦр, 126, 84)¹³³. В сказке М. Михеевой, оказавшись в «ином царстве», девушка сообщает: «Läksin työtä – puokua eššimäh» – «Пошла работы – еды искать» (Сб., № 29).

Во второй версии данного сюжета, бытующей у карел и русских, героиня встречает в ином мире благодарных животных. «Идет, идет <...> навстречу ей стадо коров: „Девушка, девушка, подои нас! Дадим лучшую корову тебе“. Девушка взяла подоила их всех, вымя помыла. Дали ей лучшую корову. Опять идет, идет. Табун лошадей навстречу: „Девушка, подрежь нам, подкороти хвосты и гривы. Дадим мы тебе лучшую лошадь...“» (КНС II, 17). Или: «Menöy sinne ga sie kaikkiluaduv zivattua... Siid tuldih lehmäd, häi juotti. Tuldih hevod da hirnojah, häi otti dai hebozil andai». – «Идет туда, а там всякие животные <...> Потом пришли коровы – она попоила. Пришли лошади и ржут, она взяла да и коням дала [воды]» (АКНЦк, 132, 68; те же мотивы: АКНЦк, 1, 17; 45, 12; 50, 8; 2, 120). Ср. русский вариант: «Идет дальше – ей навстречу коровьи пастухи: „Девушка, подпаши под намы, подмаши под намы“. Она подпахала под ими, подмахала под ними. Они говорят: „Спасибо, девушка, обратно пойдешь – долг не забудем“. Идет она лугом, стрету ей жеребцови пастухи: „Девушка, подпаши под нами...“» (Карн., 5).

Приведенные фрагменты описывают предварительное испытание, которое добродетельная девушка, разумеется, выдерживает. Так происходит и в карельской, и в русской сказке Карелии. А. П. Разумова отмечает, что именно такие мотивы, как «встреча с пастухами и их стадами лошадей, коров, овец», характерны для сказок Русского Севера¹³⁴. Мы можем дополнить, что наиболее близки к подобным вариантам не только карельские и вепские тексты, но и сказки мордвы и коми (Мордов. этногр. сб., с. 350–356; Фольклор Коми, 32).

Задача – решение. Основное испытание. Вознаграждение. «„Что теперь делать?“ ... „Натопи баню и вымой хорошенько детей“. Она идет, топит

¹³² Карельские сказки первой версии см.: SKSjT, s. 357–363; Kultur., s. 330–333; Suom., s. 259–260.

¹³³ Текст издан. См.: Ск. о мачехе и падчерице, 43.

¹³⁴ Ск. Поморья, прим. № 69 на с. 360. Дополнительно см.: Белом., 38; Ск. о мачехе и падчерице, 39 (Беломорский р.), 38 (Архангельская губ.); АКНЦр, 93, 175 (Пудожье).

баню, воду греет, веники готовит. <...> Старуха кладет в берестяной короб лягушат и ящериц... Девушка вымыла детей поодиночке, окатила чистой водой, положила в короб. <...> Подняла на припечек. <...> [Старуха] дает девушке в награду два сундучка. Девушка пошла, взяла один сундучок в одну руку, другой сундучок в другую руку, а по пути нашла еще и валеж» (Сб., № 29). Ср. русский вариант: «„А вот, Маша, стопи мене байню“ <...> Старуха Маше дала корзинку и сказала: „На-ко, вымой моих детушек“». Понесла Маша корзинку в байню <...>, а там были гады: жилюхи, лигухи и все ползучие червячки. Маша помыла их водой, поддала пару веником. Их попарит – водой польет. Собрала обратно в корзинку и покрыла тряпкой. Понесла к старухе <...> Старуха дала Маше коробочку и дала ей золотое веретешечко» (Ск. Заонежья, 21).

Героиня хорошо справляется с заданием хозяйки. «„Huväsistikö kylvetti?“ Lapset sanotah: „Huväsesti. Sie et ole meitä ni konsa niin hyväsesti pressyn“». – «„Хорошо ли выпарила?“ Дети говорят: „Хорошо. Ты никогда нас так хорошо не мыла“» (Сб., № 29).

В этих сказках лесная старуха (akka), чаще всего названная Сюоятар, является эквивалентом Яги. Баба Яга, как показал В. Я. Пропп, – это хозяйка леса, поэтому ее дети – «гады ползучие» и неползучие (лягушки, ящерицы и т. п.). Хозяйка леса в сказках наделена чертами ведьмы, как и в народных поверьях и быличках. «Являясь неизменными атрибутами ведовства, – указывает И. А. Разумова, – лягушки, змеи, ящерицы, как известно, широко используются в знахарской практике. В сказке же с помощью этих „нечистых“ существ проверяются нравственные качества героини»¹³⁵. Добродетельная девушка безропотно моет их в бане по наказу будущей дарительницы. Так поступает и героиня сказки М. Михеевой «Девушка-неряха» (Сб., № 29).

Архаичные мотивы, персонажи и их атрибуты подвергаются различным трансформациям, в которых мы можем выявить общие для русской и карельской традиции закономерности и специфические особенности каждой из национальных традиций. Рассмотрим образ классической русской Яги и ее эквивалентов, сравнивая этот персонаж с соответствующими героями карельских сказок (Syöjätär, Syöjättäri, Syötär-akka, Syöväintteri, Syöväintterihä, Syöväinteroin akka, Tarankazen akka). Начнем анализ с первой встречи героини с дарительницей – лесной старухой Ягой.

Основной формой жилища русской Яги считается избушка в лесу – избушка на курьих ножках: «Шла, шла, шла, стоит избушка на курьих ножках. Она и говорит: „Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, ко мне воротамы, чтобы мне зайти да выйти“. Избушка повернулась к лесу глазами, к ней воротамы» (Сказки Поморья, 69). То же самое находим в записи

¹³⁵ Разумова И. А. Сказка и быличка: Мифологический персонаж в системе жанра. Петрозаводск, 1993. С. 17.

А. И. Никифорова: «Повернись, избушка, к лесу глазами, ко мне воротами» (Ск. о мачехе и падчерице, 38 – Архангельская губ.). В большинстве же карельских сказок нет упоминания ни леса, ни курьих ножек, ни вращения избушки; упоминается только дом (*talo, pirtti*) (Сб., № 29; КНС II, 17; АКНЦк, 2, 120; 12, 51; 12, 133; 45, 12; 50, 80; 63, 7).

Далее укажем на редукцию диалога в карельской сказке по сравнению с русской: «Она (героиня) вошла в избушку и говорит: „Terveh tänne! – Tule terveh!“ – „Здравствуйте! – Здравствуйте, проходите!“» (АКНЦк, 12, 133 – Калевальский р-н). В карельской сказке повествование выглядит весьма буднично и совершенно вне сказочного канона: «Встретила домик, зашла в него, а там роженица. Женщина ребенка родила: „Девушка, голубушка, истопи мне баню и вымой меня и моего ребенка“» (КНС II, 17). В этом тексте женщина-роженица функционально исполняет роль дарительницы; хотя она и указывает дорогу «на верхний свет», однако никаких признаков фантастики в этом эпизоде нет.

В текстах М. Михеевой, впрочем, можно найти больше реминисценций, связывающих ее старуху с русской Ягой: «*talossa on koukkuleuka akka*» – «В доме старуха, *подбородок кочергой*» (Сб., № 29; ср. с другим вариантом: «*Vanha akka istuu kiukuuan korvalla*» – Сидит старуха *на припечье*») (АКНЦк, 12, 51 – Калевальский р-н). По словам В. Я. Проппа, «очаг как родовой признак переносится на образ Яги»¹³⁶, правда, атрибуты ее в поздних сказках связаны не столько с очагом, сколько с принадлежностями кухни: печь, кочерга, помело и пр.

В ранее цитируемой русской заонежской сказке (Ск. Заонежья, 21) диалог героини с лесной старухой близок к классическому стереотипу. Хотя обитательница избушки и не названа, но она типичная Яга: и запах живого человека она ощущает («русский дух»), и поит и кормит пришедшую с «верхнего света» героиню. В сказке же М. Михеевой диалог редуцирован, как и во многих других карельских вариантах. То, что «акка» тоже «кормит, поит» героиню, уже не воспринимается как испытание «пришельца» из другого мира. Бывает в сказках Карелии и большее нарушение канона. Так, диалог, начатый традиционно («Фу, фу, фу! На Руси не бывала, русского духу не слыхала, русский дух пришел!»), вдруг прерывается совершенно обытовленной формулой: «Приходи, садись на лавочку, ступеньки под лавочку, дельнички на столбичек, по-деревенски. Сама садись за пряжу. <...> Ну вот, теперь пришла, так и будешь у меня жить» (Ск. о мачехе и падчерице, 43 – Поморье). И вновь в поморской сказке читаем: «„Подит-тко, поди, девушка, подит-тко, поди, красная. Раздевайся, ступеньки под лавочку, платьице на гвоздичек, рукавички на полочку, платочек на грядочку“. Ну и девушка разделась. „Ну, садись-ко, я тебе работу даю. Топи-ко баенку, да помой-ко у меня ребятишек“» (Ск. о мачехе и падчерице, 39 – Беломорский р-н).

¹³⁶ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 78.

Коли старуха «носом уголья гребет, языком печь пашет», то в ней явственно прочитываются черты Яги. Мы соответственно ожидаем «детей» лесной старухи: ящериц, змей, лягух. Однако в некоторых вариантах вместо гадов наличествуют вполне антропоморфные сыновья Яги: «У меня семеро детей, *семь сыновей*» (Ск. о мачехе и падчерице, 39); «Да поди-тко, поди, девица, да поди-тко, поди, красная, затопи баенку, да намой-ко у меня ребятишек, у меня *семеро сыновей*» (Ск. Поморья, 69). Такой антропоморфизации лесных персонажей мы не заметили в карельских сказках¹³⁷. В севернокарельской сказке Сюоятар заставляет героиню, как обычно в этом сюжете, мыть в бане ее лесных обитателей: лягушат, ящериц, мышат («Skokunan poigia, čičiliuskoja, hiiren poigia»). Или иначе: «Mäne syötä minun žiivatat» – «Иди, покорми моих животных» (АКНЦк, 38, 29). Тут же имеется ремарка сказочницы: «Siellä oli hukan da kondien poigia. Niän syötti da vielä silitteli heidä» – «Там были волчата и медвежата. Она их покормила да еще и погладила».

В сказках Яга предстает не только дарительницей. Исследователи выделяют образ Яги-похитительницы (или людоедки). В рассматриваемом сюжете в одном из карельских вариантов читаем: «Пришла Сюоятар и говорит: „Пустите меня на огонек“ <...> На третий раз пустили». Все легли спать, а младшая дочь проснулась и видит, как Сюоятар «ест уже пятую ее сестру» (АКНЦк, 38, 29). Данный мотив (каннибальство), напомним, является основополагающим для сюжетов «Брат и сестра у ведьмы» (СУС 327А) и «Мальчик с пальчик у ведьмы» (СУС 327В), которые наличествуют в нашем сборнике (Сб., № 18, 19, 20).

В целом анализ сказок на сюжет «Мачеха и падчерица» («Пряхи у проруби») (СУС 480* = АА 480А) в очередной раз убеждает нас в том, что карельская сказка, в том числе и текст М. Михеевой, содержит в себе больше архаических мотивов, чем русская сказка Карелии.

*Сюжет «Мачеха и падчерица» (СУС 480 = АА 480 *С)*

I ход. Мачеха изгоняет падчерицу (вредительство). Отец увозит ее из дома в лес (посредничество). Враждебно настроенный даритель пытается погубить героиню (испытание). Она обнаруживает положительные качества: находчивость, кротость, доброту (реакция героини). Результат – получение материального вознаграждения. Возвращение домой.

II ход. Отец увозит из дома другую дочь (мачехину). При встрече с дарителем она реагирует отрицательно. Не получив волшебного дара, ложная героиня погибает.

В нашем распоряжении имеются 14 сказок на этот сюжет. Из них севернокарельский текст (помимо варианта М. Михеевой) всего один (АКНЦк, 9, 38 – Кемский р-н). Самостоятельные версии сюжета – «Игра

¹³⁷ В среднерусской сказке такая тенденция нами замечена (Ск. о мачехе и падчерице, 42 – Калужская обл.).

в жмурки с медведем» (СУС 480 = АА 480 *С) и «Морозко» (СУС 480 = АА 480 *В) – считаются известными только в русском фольклоре¹³⁸, но среди карел эти сказки тоже бытуют, хотя в Северной Карелии они и не получили широкого распространения¹³⁹. Как и в большинстве сказок этого цикла, началом служит изгнание падчерицы в лес, девушка выдерживает испытания в мире лесных демонов благодаря волшебному помощнику – мышке.

В репертуаре М. Михеевой версия «Игра в жмурки с медведем» (СУС 480 = АА 480 *С) воплощена в сказке «Дочь старика и дочь Сюоятар» (Сб., № 27). Повествование начинается со знакомого нам *предварительного испытания (просьба-исполнение)*: «Сварила она загусту, стала есть. Смола превратилась в масло, она ест загусту с маслом. Прибегает мышь: „Дай мне, сестрица, загусту: я спасу тебя от смерти“. Девушка дала ей загусту» (Сб., № 27). Этот же мотив есть и в других карельских сказках: «Затапливает Маша вечером печь, варит загусту (кашу)... Прибегает мышь и говорит: „Дай, Маша, красная девица, мне загусту“. Маша и дала на ложке мышке загусту» (КНС I, 26); «Luadi talkkunua staučazeh. Rubei syömäh, da tuli hiiri, sanov: „Anna minule talkkunua!“ – „Ka eule luzikkua tostu“ – „Syön mie kápälelle, ku andanet“. Andoi Dun’oi hänel talkkunua» – «Размешала в чашке кашу из толокна. Стала есть, вдруг прибегает мышка, говорит: „Дай мне каши (толокна)!“ – „Да нет второй ложки“. – „Поем я и лапкой, если дашь“. Дала Дуня ей каши толокняной» (АКНЦк, 74, 53). Ср. поморский вариант: «„Буду кашу варить, ланно!“ Расклала огонь, начала варить. Вдруг прибегает мышка: „Девушка, девушка, дай кашки на красной ложке!“ Она зачерпнула кашки, положила ей. Мышка сказала: „Ну, спасибо, девушка, я тебе помогу“» (Корг., 75). Выдержав испытание, героиня приобретает помощника – мышку.

Основное испытание. «В избу входит огромный старик и говорит: „Постели мне постель“ <...> Девушка постелила постель. Погасили свет. Прибежала мышь, превратила девушку в иголку и воткнула в щель в стене. Старик пошел искать девушку, чтобы съесть. Мышь начала бегать, колокольчики-бубенчики звенят... *В полночь пропел петух, старик и свалился мертвый.* <...> Во дворе стоят сани с золотом, вторые – с серебром, третьи – с самоцветными камнями» (Сб., № 27); «Открыла дверь, а там медведь. „А ну-ка, Маша, красная девица, давай играть в жмурки“, – медведь говорит. И привязал Маше колокольчик на шею. Начали, а мышка подбежала, колокольчик у Маши взяла. Мышка бежит под лавкой <...> Уже устал медведь и говорит: „Ну, развяжи, Маша, платок“ <...> Маша

¹³⁸ Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. С. 196.

¹³⁹ О сюжетах типа «Мачеха и падчерица» (СУС 480А*, В*, С) см.: Онегина Н. Ф. Из опыта структурно-типологического изучения русско-карельских сказочных параллелей // Фольклористика Российской Федерации. Л., 1975. С. 161–168.

открыла двери и смотрит: во дворе стоят сундуки с одеждой и со всяким добром» (КНС I, 26; те же мотивы: АКНЦ, 92, 6; Евсеев, 1949, 49; Suom., s. 261–262 и др.). В русской сказке Карелии читаем: «И вдруг является медведь: „А ну-ка, девка, давай в жмурки играть!“ – „Ну, давай! Только я тебе первому завяжу глаза“... А мышка взяла колокольчик и говорит: „Я буду бегать, он меня не догонит, а ты ложись“. Мышка бегает, а медведь ю ловит. <...> „Ну, девка, не могу тебя поймать!“ Ну, и ушел медведь. Через некоторое время приходит с сундуком. А в сундуку там только чего нет!» (Ск. Заонежья, 74, те же мотивы: Корен., XII; Корг., 75; Ск. о мачехе и падчерице, 22 (Беломорский р-н), 27 (Пудожский р-н), 29 (Лоухский р-н); АКНЦ, 29, 116 (Беломорский р-н); 6, 115; 85, 35; 92, 17; 93, 216; 138, 191 (Пудожский р-н) и т. д.).

При всем сходстве в описании функций (что демонстрируют приведенные фрагменты карельских и русских сказок) в тексте М. Михеевой мы отметим и некоторые видоизменения. В сказке нашего сборника замечаем замену враждебного дарителя. Тотемный предок (медведь) здесь заменен лесным демоном более позднего происхождения. Это «огромный старик» (леший), который олицетворяет нечистую силу. С пением петухов заканчиваются враждебные действия демона: «В полночь пропел петух, – старик и свалился мертвый» (Сб., № 27). Петух, как отмечают исследователи, – «священная птица, пением которой, согласно языческим верованиям, изгоняются враждебные человеку мифические силы»¹⁴⁰. Этот мотив, как известно, наиболее характерен для несказочной прозы (былички).

Изучая обряд инициации и сравнивая его со сказкой, В. Я. Пропп приходит к выводу, что уведенные в лес дети (в сказке) всегда попадают «к страшному для них и таинственному существу, которое их испытывает, а затем награждает»¹⁴¹. На ранней стадии жанра таковым «страшным существом» является Яга, а позже – ее эквиваленты. В кондопожской сказке читаем: «Вдруг Маша видит: едет на ступе баба Яга, костяная нога. На песте едет и пестом понукает, и метлой заметает. Бросила свою ступу в сених баба Яга и зашла к Маше в лесной станок: „Фу-фу, русским духом здесь пахнет <...> Ну, давай-ка мы с тобой поиграем в жмурки. А вот платок, завяжи мне глаза“. Маша завязала ей платком глаза. А старуха торнула в руку звучный колокольчик, а мышка подбежала и говорит Маше: „Дай мне колокольчик, а сама спрятайся за печку“ <...> Схватила мышка колокольчик и побежала по всему станку <...> Рассердилась баба и стала швырять в нее дровами и палками, но попасть не смогла. „Ну-ка, девушка, отвяжи мне мои глаза!“» (АКНЦ, 88, 4). После этого Яга дарит героине мешки, переполненные «золотыми деньгами».

По мере развития сказки в роли «страшного существа» начинает выступать целый ряд персонажей: в сказке Михеевой – «огромный старик»,

¹⁴⁰ Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза. Т. I. С. 104.

¹⁴¹ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 82.

явно леший. Или: «К ей идет большой-большой старик» (АКНЦр, 58, 57 – Лоухский р-н). Иногда враждебный даритель и назван лешим (АКНЦр, 93, 216 – Пудожский р-н). В других вариантах эту роль играет медведь (Ск. о мачехе и падчерице, 27 – Пудожский р-н) и другие персонажи (Ск. о мачехе и падчерице, 25, 26, 30).

Н. А. Криничная отмечает: «Появление „хозяина“ в виде медведя (в быличке и сказке) неудивительно: ведь в русской традиции он относится к числу наиболее почитаемых животных, и это почитание восходит к культуре тотемных предков»¹⁴². О более древней ипостаси хозяина леса напоминает В. Я. Пропп: «Леший всегда есть не что иное, как переименованная Яга»¹⁴³. Итак, Яга, медведь, леший и другие заменяющие их персонажи – это все демоны, испытывающие девушку и награждающие ее за добродетели. О генезисе мотива испытания ученый высказывает следующее предположение: «... может быть, игра в жмурки с медведем в лесной избушке представляет собой отражение плясок, которым выучивались в лесу, т. е. нечто похожее на ритуальный танец»¹⁴⁴.

* * *

Анализ карельских волшебных сказок мы завершим сюжетом о чудесном бегстве, широко распространенным в карельской и восточнославянской традиции.

Сюжет «Чудесное бегство» (СУС 313А, В, С)

I. Антагонист (морской царь, водяной, чужеземный царь, черт и т. п.) выманивает свою жертву (вредительство). Обещанный сын отправляется из дому (отправка). Герой встречает купающихся девиц – колпиц (утиц, лебедей и т. п.). Одна из них, дочь антагониста, вынуждена просить о возвращении ей спрятанной во время купания одежды. Герой исполняет просьбу (приобретение волшебного помощника).

С помощью девушки он решает предсвадебные задачи водяного царя или иного антагониста (задача – решение). Женитьба на царевне.

II. Но молодожены вынуждены спасаться бегством (преследование – спасение). Вернувшись домой, герой забывает наказы жены и ее саму, но волшебница-жена находит способ напомнить о себе (возобновление брака).

В поле нашего зрения находятся 39 карельских сказок на данный сюжет, из них севернокарельских – 10. Сказку М. И. Михеевой см. в Сб., № 16.

«Птица виака, лебеди, черт и купец» (СУС 222В; 313В, С)*

В типе СУС 313А, В, С зачином является ложная услуга антагониста. Он то ли освобождает отцу героя корабль (лодку), остановленный посередине моря, то ли бороду из озера (колодца), то ли запирает ларец,

¹⁴² Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза. Т. I. С. 350.

¹⁴³ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 57.

¹⁴⁴ Там же. С. 106.

сбрав в него высыпаемое добро (стадо, дворец), то ли просто помогает найти дорогу домой – все делается за выкуп: «Отдай то, чего дома не знаешь». Иначе говоря, варьируется описание одной и той же функции.

Иногда сказки этого типа предваряются сюжетом «Мышь и воробей» (СУС 222В*), где рисуется война птиц со зверями. Вынесенный к началу эпизод выкармливания отцом героя раненой птицы (орла, ястреба, глухаря и т. п.), дарящей затем чудесный ящичек, является вводным «ходом», подготавливающим нанесение вреда и в связи с этим дающим импульс для развития основной коллизии. В тексте нашего сборника наличествует именно такое начало: выкармливание раненой птицы (Vuakalintu), которая дарит отцу героя волшебный ящичек. Опуская вводный эпизод, мы проиллюстрируем основные звенья композиции в параллели с русской классической сказкой, дабы лучше увидеть связь этой карельской версии с общерусской традицией.

Вредительство (обманный договор). «Что в этой коробочке? Дай, посмотрю». Оттуда появилось всякого добра, какого только в мире может быть. И мужик не может вернуть все это обратно. Появился бес, мужик ростом с дерево, и обещает убрать все добро обратно в коробочку, заявляя: «Если отдашь мне то, что у тебя дома родилось, тогда уберу». Мужик пообещал (Сб., № 16). Ср. русский вариант: «Взял он красный сундучок <...> и открыл, а оттудова столько разного скота вышло, что глазом не окинешь <...> „Как мне будет собрать все это стадо великое в такой маленький сундучок?“ <...> Вышел из воды человек <...> „Пожалуй, я помогу твоему горю, соберу тебе все стадо, только с уговором: Отдай мне, чего дома не знаешь“. <...> „Собери, – говорит, – отдам тебе, чего дома не знаю“» (Аф., 219).

При любой разновидности ложной услуги мужик всегда соглашается отдать то, «чего дома не знает». Находясь далеко, он и не подозревает, что речь идет о сыне, родившемся в его отсутствие. Обещанный сын подрастает и отправляется к водяному. В нашем тексте в роли водяного выступает бес, что является поздней модификацией персонажа, появившейся под влиянием христианской религии, превратившей демонов низшей мифологии в «нечисть».

Испытание героя (приобретение волшебного помощника). «Летят три лебедя. Они сбрасывают с себя одежду и превращаются в прекрасных девушек. <...> Парень незаметно от девушек подошел и взял одежду третьей девушки <...> „Здесь, видимо, есть человек <...> Скажи, кто ты: [годишься] в отцы – так в отцы; в матери – так в матери, в братья – так в братья, в сестры – так в сестры, в женихи – так возьму и в женихи“» (Сб., № 16). Ср. русский вариант: «Тут прилетели двенадцать колпиц (утиц), стали купаться. Царевич спрягал у старшей сорочку <...> Стала молить, стала просить добра молодца: „Отдай, – говорит, – мою сорочку; придешь к батюшке, водяному царю, в то времечко я тебе сама пригожусь“» (Аф., 219).

То же самое мы находим в карельских вариантах середины XIX в.: «Парень... взял одежду самой красивой девушки. [Она] стала умолять, говорит: „Кто бы ни был унесший мою одежду, отдай обратно. Будь мне матерью или братом, или сестрой, или мужем, я согласна“» (SKSjT, s. 162). Девушка-птица становится первой советчицей героя и в качестве волшебного помощника помогает решить все задачи антагониста.

Наиболее частые задания в карельской и русской сказочной традиции Карелии следующие: 1) в одну ночь подготовить пашню, вырастить урожай и к утру из смолотого зерна испечь хлеб, пироги и т. д. (SKSjT, s. 157–164; КНС II, 8; АНКЦк, 20, 8; Сб., № 16; Аф., 224, 225; Сок., 66; Карн., 1; Никиф., 49); 2) в одну ночь построить церковь, дворец или мост (SKSjT, s. 157–164; КНС II, 8; Сб., № 16; Аф., 219, 220, 223; Карн., 1; Никиф., 41; Корг., 6); 3) объездить неезженного жеребца (Сб., № 16; Аф., 224, 225; Онч., 153); 4) выбор невесты. Последняя задача имеется во всех карельских и русских сказках этого вида и решается идентично: невеста заранее сообщает жениху свои приметы. Особым разнообразием форм отличаются именно свадебные задачи.

В большинстве карельских сказок есть мотив «подготовки пашни». В тексте нашего сборника: «... разработать на скале поле в тысячу сажений в каждую сторону». Наиболее типичный вариант: «Вот какую работу дам: этой ночью тебе надо здесь подсеку рубить, сделать пожогу, потом вспахать, посеять и пшеницу вырастить за ночь, смолотить и к тому времени, как я встану, испечь хлеб» (КНС II, 8). В данном случае в сказку вводятся общекарельские этнографические реалии, отражающие хозяйственный быт северного края: подсека, пожога, поле на скале, заготовка дров.

В сказке М. Михеевой предсвадебные задачи выполняет сам жених, что не характерно для сказок: «Парень <...> говорит: „Приходите маленькие бесы дрова рубить“ или „помогать <...> поле копать“» (Сб., № 16). Как правило, чудесные помощники подчиняются не ему самому, а его невесте. В одном из карельских вариантов читаем: «Ну, девушка крикнула: „Слуги верные, сделайте за этого человека все!“ Стали деревья рубить и пожогу делать и пахать, и сеять» (КНС II, 8). Ср. русский текст: «Василиса Премудрая вышла на крылечко и крикнула громким голосом: „Гей вы, слуги мои верные! Ровняйте-ка рвы глубокие, снесите каменьё острое, засевайте рожью колосистою, чтоб к утру поспело!“» (Аф., 222).

В связи с мотивом предсвадебных задач вновь отметим схождения сказочных мотивов с рунами: «Старик Хийси [хозяин Хийтолы] говорит кузнецу: „Сумеешь вспахать змеиную гору, дерн змеиной горы перепахать?“ <...> Кузнец перепахал гору, вспахал другую, стал пахать третью» (КЭП, с. 298). И в сказке, и в эпической песне задачи на испытание жениха, как мы уже говорили, всегда трудные, они рассчитаны на его гибель, но герой рун сам преодолевает все трудности: заговаривает укушенную змеем ногу («puhuu d'allan paremmakse ennisty»), выбирается из утробы

проглотившей его щуки («Выпиливает три ребра, выходит из чрева щуки» – КЭП, с. 249), приобретая магические способности.

В исследуемой сказке магическая сила волшебной помощницы (невесты героя), помимо других эпизодов, проявляется в момент бегства героев от антагониста. Отметим сходство форм бегства и спасения в карельских и русских вариантах. Перечисление этих форм было бы слишком громоздким, назовем только две основные разновидности. Один путь спасения – превращение бегущих в разные предметы и живые существа. Второй путь спасения – бросание предметов, превращающихся в преграды: щетка – лес, гребень – лес, камень – гора, полотенце – огненная река (та же система образов как в упомянутой ингерманландской эпической песне). В отдельных вариантах может иметь место и совмещение обеих форм.

В тексте М. Михеевой наличествует первый путь спасения, превращения: пастух – корова, церковь – поп, ламба – ерш и т. д. Сказочницей использована и излюбленная концовка сказки – издевка над антагонистом (бесом-оборотнем). На его просьбу «повернись головой, я тебя проглочу» ерш говорит: «Хороший глотальщик проглотит и с хвоста!» «Ерш плавниками вспорол ему брюхо <...> черт тут и скончался».

Сказка М. Михеевой в основном укладывается в русло русско-карельской сказочной традиции, опирающейся на каноны XIX в. Необычным в тексте нашей сказочницы оказалось только дополнительное испытание. М. Михеева прибавила эпизод из сюжета «Диво-дивное» (СУС 571): мужчины приглашены «на свидание» к героине, поочередно прилипают к дверной ручке, оставаясь в этом нелепом положении до утра.

Однако зерном рассматриваемого сюжета является тема «человек – водяной». Архаический сюжет построен на столкновении человека, члена рода, с «хозяином рыб» – водяным. В основе сказки лежит мотив жертвоприношения хозяину водных стихий. Впрочем, тексты XIX и XX вв. уже далеки от архаического типа. Мотив «Отдай то, чего дома не знаешь» вошел в сказку тогда, когда жертвоприношение водяному как плата за рыболовство стало забываться. Позднее конфликт с водяным заменится столкновением героя с нечистой силой, чертом – персонажами христианского характера.

На территории Карелии и сопредельных регионов сюжет в карельской, вепсской и русской традиции встречается в своеобразной версии о запродаже водяному не сына, а новорожденной дочери. Героиня стремится избежать брака с водяным, она спасается от поезжан водяного (черта и т. п.) с помощью козы (козла, барана), которая увозит ее, пряча в тюк соломы (сена). Спасенная девушка выходит замуж за царевича. Далее возникает мотив «подменённой жены». Колдунья пытается уничтожить чудесного помощника (козла), но ей это не удается.

Героине здесь во всем помогает тотемный предок (коза, козел, баран), т. е. силы материнского рода. В одной из сказок есть даже упоминание о

родственной связи героини сказки с животным предком: «А коза и говорит: „Когда тебя родили, то на родины меня не позвали, когда тебя крестили – на крестины меня не позвали, а когда пришло тебе горе, так ты просишь меня, старую козу“» (Ск. Заонежья, 19). Представим лишь самый характерный эпизод этой версии сюжета «Чудесное бегство» в интерпретации разных этносов Карелии.

Бегство от «водяной силы»

Карельские	Вепские	Русские
<p>Девушка идет к козе, на шее повисла и плачет: <...> Коза говорит: «Я положу тебя в сани, навоз снизу, навоз сверху, и отвезу тебя в поле, спрячу, пока ищут» (АКНЦк, 72, 41).</p>	<p>«Козлик, куда мне бежать?» – «Запихайся в пук соломы, а я привяжу тебя к санкам, спрячу тебя...» Козлик привязал его (пук соломы) к санкам и побежал (Вепс. ск., 15).</p>	<p>«Коза-магушка, спаси с водяниковой силы» <...> «Иди к отцу, проси оповенки... клади сена порядочно, и сядь в это сено, закупоришься, чтобы было не видно» (Ск. Заонежья, 19).</p>
<p>Баран и говорит девушке: «Заройся в сноп соломы, спрячься!» Девушка и спрягалась. Идет баран, тащит сани (КНС I, 23).</p>	<p>«Ну что же мне делать?» – говорит девочка [козе]. – «Возьми в сарае тюк сена, положи в санки. А сама заберишься в этот тюк. Я возьму в руку веревочку и пойду с тобой, куда глаза глядят» (Вепс. ск., 1).</p>	<p>Посадили царевну в кережку и козлика запрягли (Карн., 64).</p> <p>«Ну, Настасья златовласая, ложись в санки!..» Он одеяльцем прикрыл ей и повез (Ск. Пудожья, 34).</p>

В русской сказке Карелии данная финно-угорская версия (бегство девушки от водяного) до 1930-х гг. была представлена лишь тремя текстами (Онч., 56 и 128; Карн., 64). В настоящее время известны 12 русских текстов, а также 15 карельских и 6 вепских сказок¹⁴⁵. Дополнила эти накопления литовская исследовательница Б. Кербелите. Она в письме мне сообщает о своем предположении: «Ваша сказка¹⁴⁶ и несколько вариантов, записанных от русских староверов Литвы, а также литовская сказка родственны генетически». Полагаем, что подобную версию сюжета – чудесное бегство героини от грозящего ей замужества с водяным – можно

¹⁴⁵ Угро-финская версия сюжета «Чудесное бегство» у карел. Бел., 5; КНС I, 22 и 23; АКНЦк, 2, 35 (Лоухский р-н); 45, 5 (Сегежский р-н); 79, 14 (Кондопожский р-н); 72, 41; 79, 235 (Суоярвский р-н); 67, 72 (Медвежьегорский р-н); 50, 7 (Муезерский р-н); 132, 96; 132, 134; 135, 84; 137, 17; 140, 14 (Олонецкий р-н). Вепские варианты сюжета: НАКМ, 25; NVM 61; Вепс. ск., 1, 8, 15; АКНЦк, 57, 9. Русские тексты сюжета: Онч., 56, 60, 128; Карн., 64; Сок., 66; Никиф., опись № 118; Ск. Пудожья, 34; Ск. Заонежья, 19; АКНЦр, 73, 224 (Пудожский р-н); 79, 813 (Сегежский р-н); 56, 235 (Кемский р-н); 166, 30 (Прионежский р-н).

¹⁴⁶ Ск. Заонежья, 19.

обнаружить у саамов и поволжских угров. Однако этими разысканиями специально мы не занимались.

И. А. Разумова, анализируя содержание сборника «Вепские народные сказки», пишет: «Н. Ф. Онегина отметила особую „финно-угорскую“ версию сюжета „Чудесное бегство“ (СУС 313А). <...> На наш взгляд, это не столько версия, сколько самостоятельная сюжетная разновидность (курсив мой. – Н. О.). Подходящей аналогии нет ни в восточнославянском указателе, ни у Аарне-Томпсона»¹⁴⁷. Данный взгляд на сказки подобного рода вполне имеет право на существование. Здесь же, анализируя три вепских варианта финно-угорского сюжета (Вепс. ск., 1, 8, 15), исследовательница делает вывод, что «вепские варианты в силу их „прозрачной“ структуры позволяют выявить типологию сразу нескольких известных сюжетов и прояснить механизм сюжетообразования»¹⁴⁸. Нам остается лишь согласиться с нею и только дополнить, что все сказанное по данному поводу относится в полной мере и к карельской сказке.

Итак, сюжет «Чудесное бегство» (СУС 313А, В, С) бытует в карельском фольклоре в двух версиях – «русской» и «финно-угорской». Последняя версия – «женский» вариант сюжета «Чудесное бегство» – выявлена нами и не отмечена в СУС. Сказка М. Михеевой (Сб., № 16) – это поздняя интерпретация первой из названных версий.

4.3. Сказки новеллистические, бытовые, сказки-анекдоты, кумулятивные, небылицы, докучные и другие

М. И. Михеева, как уже было сказано, является мастером волшебной сказки. Сказки других жанров – новеллистические, бытовые, сказки-анекдоты, кумулятивные, небылицы и другие – в ее репертуаре занимают скромное место, но тем не менее они также представляют большой интерес.

Бытовые сказки, определенным способом отражающие современную сказочнику действительность, были распространены по всей Карелии. Все сюжеты, записанные от М. И. Михеевой, хорошо известны как карельской, так и русской традиции. Рассмотрим основные тематические группы сказок, характерные для карел.

Один из самых ярких блоков бытовых сказок представляют сюжеты о супругах, причем взаимоотношения мужа и жены рисуются в гротесковом и юмористическом плане. Герои – муж, жена, жених, невеста, любовник – попадают в обстоятельства, не возможные в реальной жизни. Сказочная трактовка темы супружеских отношений предстает перед нами в разнообразном виде. В ряде сюжетов осмеиваемым персонажем оказывается муж. Это особо ярко видно в сюжете «Муж выполняет работу жены»

¹⁴⁷ Разумова И. А. Заметки о поэтике вепских сказок // Вепсы: история, культура и межэтнические контакты. Петрозаводск, 1999. С. 175.

¹⁴⁸ Там же.

(СУС 1408). Жена легко управляется с работой не только по дому, но и на пожне (на пашне), в то время как у мужа дома все валится из рук и он творит много бед. В результате муж становится мишенью для насмешек. Незадачливый муж тащит корову на крышу избы, чтобы она там пощипала травку; он привязывает ее на крыше, а конец веревки, опустив через трубу, опутывает вокруг своей ноги и ложится в доме отдыхать; при падении коровы с крыши герой оказывается вздернутым вверх ногами в трубу, головой же он попадает в чугунок с кашей, кипящей на загнётке. Спасает мужа жена. «Жена выхватила мужа за волосы из котла: „Я же не просила тебя самого себя варить“», – иронизирует сказочница устами своей героини. Тут же она добавляет свою реплику: «И я это видела – жалкое было зрелище» (Сб., № 58).

Основные мотивы в повествовании сказок о супругах выстраиваются в цепочку эпизодов. В варианте М. И. Михеевой отражены мотивы, наиболее характерные для карельской традиции: «У него поставлено тесто для хлеба <...>, тесто свинья съела»; «Кошка прыгнула с печи, съела колбасу, и побежал [он] с пробкой [от пивной бочки] в руке прогонять кошку: весь квас вытек из бочки»; «Мужик привязал маслобойку веревкой на спину, чтобы, пока он ходит, сливки взбивались в масло» <...> «Как стал набирать воду ведром из колодца – все сливки вылились ему на голову и в колодец» (Сб., № 58). Такого рода эпизоды-мотивы можно называть в любом количестве и в любом порядке. Сюжет, таким образом, оказывается очень подвижным, склонным ко множеству вариаций.

Бытовая сказка, в которой осмеиваемым персонажем является муж, выворачивает наизнанку патриархальный мир деревни, где главенствовал мужчина. «Смех торжествует над всем, что отягощает семью и отношения супругов непосильным грузом бед и несчастий, – пишет Ю. И. Юдин. – Тем самым этот веселый, всепобеждающий сказочный смех освобождает сознание от подавляющей власти гнетущих обстоятельств семейной жизни»¹⁴⁹.

Равным образом осмеиваемым персонажем в сказке может стать женщина. Если в новеллистической сказке содержатся мотивы героизации и моральной стойкости женщины-жены (СУС 888 «Жена вызволяет мужа» – Евсеев, 1981, с. 291–293; СУС 887 «Терпеливая жена» – Сб., № 32), то в бытовой – супруга (невеста) рисуется гротесковыми красками. Так, в северокарельских сказках (в том числе и у М. И. Михеевой) жена не узнает мужа в «святом Еремее» (Николае Дупленском) и просит его отпустить ей грехи: «Не исповедуешь ли ты меня, я уже такая старая, и у меня накопилось много грехов» (Сб., № 56 – СУС 1380). Еще комичнее эпизод наивной веры жены в то, что муж может заболеть и умереть от «молочной

¹⁴⁹ Юдин Ю. И. Дурак, шут, вор и черт (Исторические корни бытовой сказки). М., 2006. С. 167.

каши» с маслом, чего она желает, чтобы ей было вольготнее встречаться с дружками.

Жена в бытовой сказке нередко изображается злой, строптивой, упрямой, неверной. В ряде сюжетов обыгрывается мотив упрямства жены. Из-за своенравного характера женщина попадает в реку (Сб., № 57), в болотную яму (КНС I, 59); она настойчиво доказывает допрашивающим, что видела глухаря (куропатку) в мереже, а щуку в силке, в результате чего ее признают сумасшедшей (Сб., № 57). В широко распространенном в русской традиции сюжете «Злая жена в яме» (СУС 1164) герой избавляется от злой жены, спихнув ее в яму, где живут черти; спустя некоторое время черт просит мужа спасти его от злой женщины. В карельской сказке М. И. Михеевой в роли черта выступает бык: «Не бросай меня, братец, в реку к Марине! У меня было два рога, так один уже выдрала!» Мужик сбрасывает быка в реку: «Живите там и Марины, и быки!» (Сб., № 57). В этих поздних сказках о супругах смех вызывает не только поведение жены, но и супруга, поступки которого по-житейски оправданы.

Проявление твердой мужской власти демонстрирует хорошо известный в мировой сказочной традиции сюжет «Укрощение строптивой» (СУС 901). Упрямство и лень жены здесь преодолевается мужем нередко довольно грубыми способами. Стоит отметить, что в карельской традиции этот сюжет мало популярен: нам он известен только в двух вариантах¹⁵⁰. Большинство карельских сказок отличается «своей мягкостью, незлобливостью». По нашему мнению, У. С. Конкка права в своих наблюдениях, когда пишет: «Народное творчество карел и наблюдения за их семейными отношениями показывают, что к женщине в Карелии всегда относились с уважением, несмотря на патриархальную форму семьи, женщина играла в семье отнюдь не последнюю роль. Об этом говорят и эпические песни, и свадебные, и сказки»¹⁵¹.

Сказки о супругах тематически нередко переплетаются со сказками о попах. Как и в русской традиции, у карел распространен сюжет СУС 1536В «Мужик хоронит трех попов» (АКНЦк, 112, 5; 132, 155). Здесь обманутый муж вместо быка убивает любовников жены; затем он просит пьяницу (солдата, сапожника) утопить убитых, подкладывая одного за другим трупы, причем пьяница принимает очередной труп за вернувшегося с того света; по пути пьяница хватает подвернувшегося живого попа и также его топит. В одной из севернокарельских сказок таким же образом была утоплена и жена: «Мы встретились, я подумал, что покойник [была выброшена на голову белая скатерть], и я ее в падун бросил» (КНС I, 60). В данном мотиве Ю. И. Юдин усматривает прямое усвоение и переосмысление бытовой сказкой доисторических верований и

¹⁵⁰ Устная поэзия тунгудских карел. С. 221–224; АКНЦк, 140, 15.

¹⁵¹ Конкка У. С. О собирании и некоторых особенностях карельских сказок. С. 47.

представлений. «Так сказка может комически обыгрывать древнейшие представления о возможности возвращения покойников с того света», – отмечает исследователь¹⁵².

В сюжете «Мужик хоронит трех попов» в роли наказанного любовника (любовников) чаще всего оказывается священнослужитель. Сам по себе образ попа (дьячка) достаточно поздний: он сложился, по-видимому, только в позднее средневековье, когда в России сформировалась система церковных приходов и поп стал для русской деревни привычной фигурой. Однако образ попа вошел в сюжеты, древние по своему происхождению, существовавшие ранее в сказочном эпосе. Поп является одной из разновидностей образа дурака, характерного для сказочной традиции: со стороны героя-шута он терпит издевательства и насмешки. В публикуемой сказке М. И. Михеевой над любовником-попом издевается работник: «Взял он ведро горячей воды, замешал в ней мякину и вылил прямо на попа. Поп с криком бросился бежать» (Сб., № 64 – СУС 1725). В другой сказке работник расправляется с дьяконом, спрятавшимся в корзине на чердаке, следующим образом: «Берет корзину с пухом – как вытряхнет через окно на улицу! (а дом был двухэтажный). Дьякон плюхнулся вниз» (КСН II, 80).

У большой мастерицы бытовой сказки М. Ремшу сказано, что для влюбленного попа женщиной по уговору с мужем был приготовлен ящик, куда герои положили мякину, перьев, и внутри ящик обмазали смолой. Сюда и угодил незадачливый любовник. Народу объявили, что в ящике оказался черт, которого показали орущей толпе (АКНЦк, 19, 92). Ю. И. Юдин, выявляя древние основы описанного сказочного мотива, замечает: «Перед нами по существу все тот же по своему происхождению неумытый, животноеобразный герой <...> мы можем указать на то, что традиционные черты в облике осмеянного любовника связаны с теми древними формами любовно-брачных отношений, которым в сословно-классовом обществе противопоставляется официально узаконенный брак»¹⁵³.

Однако архаические основы образа попа в сказке, бытовавшей в XIX–XX вв., прочитываются с большим трудом. Главным становится сатирическое осмеяние духовных лиц, которым сказочная традиция приписывает лицемерие и сластолюбие. Сказка ставит попа-любовника в заведомо унижительно-смешное положение: «Работник смотрит в передний угол: „Какой старый образ тут, здесь надо зажечь много свечей, не божий ли это сын?“ В первую очередь зажег свечу перед носом попа – поп молчит. Зажег свечу перед подбородком <...> у попа борода как вспыхнула с треском – поп бежать» (Сб., № 64). В сюжете «Живой человек изображает образ (статую) святого» (СУС 829) попадья велит попу-любовнику

¹⁵² Юдин Ю. И. Дурак, шут, вор и черт. С. 172.

¹⁵³ Там же. С. 161.

раздеться, встать на стол и, раскинув руки, не шевелиться: «Будешь, как крест, а на кресте – бог распятый» (КНС II, 80).

Особенно выделяются бытовые сказки о шутах, объединенные общим главным героем-обманщиком. Остроумные проделки героя вызывают смех, несмотря на то, что козни его порой жестоки. Он презирует глупость, позорит корыстолюбцев и стремится отомстить недоброжелателям. Монотонность повседневного быта крестьян в бытовых сказках нарушается странными выходками сказочных шутов. Своеобразен сам образ шута, он не только хитрец и обманщик; порой он просто весельчак, способный развеселить, развеять скуку.

Сюжет в этой группе сказок представляет собой ряд эпизодов, где речь идет об отдельных шутовских проделках. Герой провоцирует своих антагонистов, играя на их корысти и готовности поверить во что угодно ради собственной выгоды. Так, в одной из сказок ловкачу-шуту удается продать простакам за большие деньги «чудесные предметы». В северно-карельских сказках среди этих «чудесных предметов» встречаются животные: лошадь, якобы испражняющаяся деньгами, серебром-золотом (Сб., № 60; КНС I, 67, 68; КНС II, 74). Любопытен мотив с лошадьми, которых шут якобы добыл из воды: алчные, но доверчивые простаки (поп, порой даже царь – Remsu, s. 60–65) желают получить таких же лошадей и позволяют бросить себя в мешке в реку. Здесь, без сомнения, в комической форме отразилось древнее верование о подводных стадах водяного, отраженное в мифических рассказах карел.

В одном из сюжетов шут перед простаками разыгрывает сцену «оживления плеткой» им же «убитой» жены. Глупцы, не подозревая обмана, убивают своих жен, которых купленная плеть-живилка не оживляет (КНС I, 67, 68; ср.: АКНЦр, 69, 18; 79, 343). Часто встречается в карельской традиции мотив «мести из могилы»: шут, будто бы умерший и зарытый, колет из могилы своих недругов (Сб., № 60; Remsu, s. 60–65; КНС I, 67; ср.: Ск. Поморья, 46). Истоки этого сказочного мотива связаны с верованиями, запрещающими осквернять могилы, ибо умерший может отомстить: «О змей, какой был при жизни, такой и после смерти!» (КНС I, 67; тот же мотив: Remsu, s. 60–65).

Герой-шут за большие деньги продает глупцам котел (горшок), который якобы сам варит еду (Remsu, s. 60–65; КНС I, 67, 68, 69); шапку, которая якобы сама платит за купленное, стоит только сказать «Все заплачено» (Remsu, s. 80–82; КНС I, 69; ср.: Ск. Заонежья, 5; АКНЦр, 79, 688; 124, 92). Одураченные господа покупают у героя также пику, которая «находит» пирожки под снегом (Сб., № 60). В нашей сказке говорится, что деньги испражняет конь: «Пойдемте смотреть в мою конюшню. Я как ударю коня плеткой, так он и выронит сто-рублевку из-под хвоста» (Сб., № 60). Как известно, в волшебной сказке «чудесные предметы», добытые из иного мира («тридцать девятого царства»), приносят героям реальное благо; в бытовой сказке купившие «чудесные предметы»

глупцы оказываются ни с чем: горшок «не варит»; пирожки не появляются из ничего; вместо денег (золота) простак набирают в мешок из-под хвоста лошади только ее испражнения.

Во многих мотивах, связанных со сказочным шутком, можно найти отражение древнейших доисторических верований, представлений и обрядовых практик. Так, например, в сюжете СУС 1538* «Шут-невеста» герой переодевается девушкой, и вместо сестры его «выдают замуж» (КНС I, 67; КНС II, 74). Этот мотив заставляет вспомнить зимние календарные праздники, обряды ряжения, во время которых принято было переодеваться в одежду противоположного пола. Шутовской обман сказки, таким образом, использует обрядовое «ряжение».

С другой стороны, в карельских бытовых сказках мы можем отметить реалии, близкие их быту. Например, вместо привычных для русской традиции (впрочем, как и для карельской) лошадей из подводного мира героями-простакми могут добываться олени (КНС I, 68 – Ухта Калевальского р-на), что весьма близко и понятно жителям Крайнего Севера, имевшим некогда свои стада оленей.

Своеобразие сказочного шута, по мнению Ю. И. Юдина, заключается в том, что он «всегда оказывается за рамками всякой житейской обыденности». «Он выделен бывает уже самим названием „шут“, указывающим на его непохожесть, необычность, странность, отъединенность от окружающих. <...> Шутки и шутовские проделки бывают подлинным призванием сказочного героя, выступают истинной его профессией, не признаваемой окружающими за полноценный род занятий»¹⁵⁴. Исследователем справедливо подмечено типологическое сходство сказочного шута и его живого «двойника» – скомороха. Оба персонажа находятся как бы вне социума и совершенно незащитны, оба имеют одинаковое «призвание»: шутство – скоморошество¹⁵⁵.

И в русском, и в карельском фольклоре значимую позицию занимают сказки о хитром и ловком воре – еще одна тематическая группа. Сюжетная композиция этой группы сказок тоже не является постоянной и неизменной. Рассказчик отбирает из известных в традиции мотивов наиболее запомнившиеся и выстраивает из них сюжетную линию. Один и тот же мотив в карельской сказке может быть представлен во множестве разных вариантов, значительно различающихся по деталям. В качестве примера приведем мотив воровства быка ловкачом. В варианте Михеевой (Сб., № 59) и в южнокарельской сказке (КНС II, 72) воровство осуществляется с помощью подброшенных на пути простака одного за другим сапог. В другом варианте Клиимо, переодетый в одежду хозяина, забирает быка, обманув таким образом бдительность сторожей (КНС I, 65). Порой в этом же

¹⁵⁴ Юдин Ю. И. Дурак, шут, вор и черт. С. 82.

¹⁵⁵ Там же. С. 84.

сюжете герой на спор крадет не жеребца или быка, как это обычно бывает, а собаку хозяина: он заманивает пса куском мяса вовнутрь шкуры убитой коровы (КНС II, 71).

Воровство сундучка (шкатулки, ларца) с деньгами происходит следующим образом: Климо (Мокки) заставляет обворовываемых покинуть место, которое они сторожат: он подставляет им труп, который хозяин, стороживший сундук с деньгами, принимает за живого человека (вора) и стреляет в него; решив, что убил вора, обворовываемый отправляется прятать труп, а в это время ловкий вор спокойно уносит деньги (Сб., № 59; КНС I, 65; КНС II, 71). Во многих текстах, как и в нашем, парень выманивает у попа деньги, а самого священника сажает в мешок, чтобы «ангел (бог) поднял его на небо» (КНС I, 65; КНС II, 71; АКНЦк, 47, 10; 75, 3; 92, 48; 94, 89; 94, 1; 134, 89).

При этом следует понимать, что жизненная достоверность самой ситуации воровства совершенно не интересует ни рассказчика, ни слушателей. «Само воровство вовсе не вызвано стремлением героя к личному обогащению, – подчеркивает Ю. И. Юдин. – Для него важно высмеять, показать ничтожность и глупость пользующихся богатством, властью и всеобщим почетом духовных и светских владык жизни»¹⁵⁶.

Еще одна группа бытовых сказок – сказки о дураках. Карельские бытовые сказки не выбиваются из известного русла сказочной традиции. Тексты М. И. Михеевой, мастерски изложенные, особо подчеркивают эту традиционность. Главный герой в сюжетах этого рода постоянно попадает в смешные и нелепые положения. Текст нашего сборника так и озаглавлен: «Глупый парень». Здесь мать посылает сына на базар: «Есть ведро масла, так пойдя, продай это масло в городе – заработаем денег». Парень принимает пень, стоящий у дороги, за мужика: «Купи, мужик, масло». На молчание пня он реагирует по-своему: «Видимо, ты немой, раз не разговариваешь. Вот ведро с маслом, только завтра я приду за долгом – приготовь деньги». На следующий день парень подходит к пню – ведро оказывается пустым: «„Плати теперь деньги, раз масло съел <...> Так ты не хочешь платить? Ты мне заплатишь!“ – и ударил пень „по уху“». Пень с треском развалился, а оттуда из-под корней пня показался мешок с золотом» (Сб., № 62; СУС 1643 «Дурак и береза»). В русских вариантах герой-дурак может продавать не масло, а быка, причем предлагать товар не пню, а березе (Ск. Заонежья, 32; Ск. Поморья, 42 и др.). Взаимозаменяемость элементов внутри мотива в группе сказок о дураках, как и в предыдущих тематических группах, – явление обычное. В репертуаре Михеевой мотив «дурацкой» продажи представлен еще в одном виде: сын-дурак едет продавать мясо быка, по пути встречает свору собак, собачий лай принимает за просьбу продать мясо (Сб., № 62). Несмотря на нелепость поведения дурака, ему всегда везет: он получает деньги, правда, следует отметить, что

¹⁵⁶ Юдин Ю. И. Дурак, шут, вор и черт. С. 58.

в данной сказке происходит некоторая «рационализация» сказочного мотива: деньги дураку отдают хозяева собак.

Замечено, что внутренние побуждения сказочного дурака всегда самые лучшие. Его добрые намерения при худом разуме приводят к невысказанным и смешным поступкам. Буквально применяя советы своей матери, он говорит все невпопад и не к месту, в результате чего его каждый раз бьют. Обратимся к сюжету «Набитый дурак» (СУС 1696): «На поле выдергивают репу. Парень начал выбрасывать репу с поля – его и побили!». Мать говорит дураку, что надо было про собранный урожай сказать: «Дай бог четвертью мерить, саями домой возить». Назавтра герой встречает похоронную процессию, которой желает: «Дай бог четвертью мерить, саями домой возить». Он опять оказывается побитым, а мать учит его говорить: «Прости, покойничек!» В следующем эпизоде дурак проходит мимо горящей риги и произносит нараспев: «Прости, покойничек!» Его опять бьют, приговаривая: «Придешь еще сюда петь на пожаре?!» Мать советует ему при пожаре брать ведро воды и помогать заливать огонь. Герой видит, как мужик развел у дороги огонь и палит свинью; дураку же мерещится пожар. «Парень набрал ведро воды и выплеснул на огонь! Мужик побил парня» (Сб., № 63). Этот набор «дурацких» действий в названном сюжете характерен и для русских сказок Карелии (Никиф., 5; Онч., 134; Карн., 9 – Заонежье; АКНЦр, 29, 76 – Поморье; 73, 131з; 92, 34; 102, 84 – Пудожье). В данном сюжете сказка высмеивает «буквальное» выполнение приказа (совета), оказывающегося неприемлемым в определенной ситуации.

Ю. И. Юдин убедительно доказывает, что многие мотивы сказок о дураках, как и сказок о шутах и ловких ворах, своими корнями уходят в эпоху анимизма и тотемизма¹⁵⁷. Во время обряда инициации, указывает исследователь, посвящаемый впадает во временное безумие. Прямая связь «безумия» посвящаемого с образом дурака из бытовой сказки, считает ученый, очевидна. Фольклорист также отмечает прямые связи образа сказочного дурака с юродивыми. В подкрепление своей мысли он цитирует А. М. Панченко: «Парадоксальность, присущая юродивым, свойственна также персонажам сказок о дураках. „Юродивый“ и „дурак“ – это, в сущности, синонимы»¹⁵⁸.

Исследователи выделяют две сюжетные группы сказок о дураках: «о глупых индивидуумах» и «о глупых народах». У каждого отдельного народа глупым обычно выступает определенный соседний этнос или жители определенной местности. У русских это пошехонцы, у болгар – габровцы и т. д. В целом ряде этих сказок герой в начале повествования отправляется искать людей глупее, чем кто-либо из его домочадцев, и находит их. Дураки, как правило, мыслят внешними аналогиями. «Так не тянет эта печь – приходится

¹⁵⁷ Юдин Ю. И. Дурак, шут, вор и черт. С. 94–95.

¹⁵⁸ Там же. С. 106.

мешком дым носить на улицу», – объясняют они свои нелепые действия (СУС 1245). Мешком можно носить многое, так почему же не носить мешком дым или свет. В другом мотиве мужик, не умеющий плавать, говорит: «Я поплыву: смогу и я плавать, раз утки умеют». В результате он тонет: «Это оказалось опаснее, чем плавать в гречневом поле» (Сб., № 54 – СУС 1290). «Дурацкая логика» заставляет сказочных персонажей варить толокно в озере и нырять в воду, чтобы первый нырнувший «не съел там все толокно один» (Сб., № 55 – СУС 1260).

В карельской традиции есть два образа глупых соседей: у северных карел и финнов – хёлмёляiset (жители д. Хёлмёля); у южных карел – киндасовцы (жители д. Киндасово Пряжинского р-на). Особо примечательны разнообразием мотивов южнокарельские сказки о киндасовцах (КНС II, № 57–64). По «Указателю» – это сказки из раздела «О глупцах и простаках» (СУС 1200–1349).

Карельский сказочный материал подтверждает известный тезис о том, что основной структурной единицей бытовых сказок становится не сюжет как комплекс мотивов, а отдельный мотив. Сказки строятся как цепочки мотивов. Исходными и постоянными оказываются некоторые действия героев, связанные с доисторической действительностью. Сопутствующие же элементы (образный состав, мотивировки событий и т. д.) могут полностью трансформировать эти исторические истоки, изменить их, в отличие от волшебных сказок, до полной неузнаваемости.

* * *

Скажем несколько слов о кумулятивных (цепных) и докучных сказках. Основной художественный прием кумулятивных сказок, как указывает В. Я. Пропп, «состоит в каком-либо многократном повторении одних и тех же действий или элементов, пока созданная таким образом цепь не порывается или же не расплетается в обратном порядке»¹⁵⁹. По форме исполнения исследователи выделяют два вида кумулятивных сказок. Первый – это сказки эпического плана. Они рассказываются эпически спокойно, как и всякие другие сказки. Кумуляция как художественный прием позволяет развернуть в сказке значимый сюжет. Так, сказка М. И. Михеевой «Золотые башмаки – серебряные оборы» (Сб., № 67) состоит из одинаковых «эпических звеньев». В качестве экспозиции здесь использован мотив из сюжета СУС 20С («Звери бегут от кончины мира (войны)»). Старик испуган: «Война началась, война началась! Старухе стрельнули в голову, а я сам убегаю без портков» (Сб., № 67). Далее идет «ряд встреч» старика: с волком, медведем, ламбушкой; диалог со всеми встречными повторяется один и тот же, и старик всех встреченных по очереди

¹⁵⁹ *Пропт В. Я.* Фольклор и действительность. С. 243. Принципы кумуляции рассмотрены, в основном на материале Русского Севера, в статье С. М. Лойтер «О жанровой специфике кумулятивной сказки» // Проблемы изучения русского устного народного творчества. Республиканский сборник. Вып. 6. М., 1979. С. 18–28.

проглатывает (первая кумуляционная цепочка). Далее сказка развивается по схеме сюжета «Петух и жерновцы» (СУС 715А), однако основным действующим персонажем здесь является не традиционный петух, а старик (ср.: КНС I, 50; КНС II 41; Евсеев, 1981, с. 270–272). Царь-антагонист пытается уничтожить назойливого старика, но последнего спасают звери-помощники. Царь вынужден откупиться от «пляшущего», чтобы тот вышел из его утробы, и в конце концов дарит герою «золотые башмаки». Здесь начинается новая «цепочка диалогов» старика со встречными персонажами и обмен золотых башмачков сперва по восходящей линии (на кошку; кошки – на собаку; собаки – на барана и т. д.), а затем – по нисходящей (от лучшего к худшему). В конечном счете цепочка «расплетается» (СУС 1415 «Мена»). Такая сказка по форме является кумулятивной (цепной), но по сути во многом близка к волшебным сказкам: она рассказывается эпически спокойно, размеренно.

Кумулятивный принцип композиции используется и в сказках-небылицах. Примером может послужить «Сказка о мельнике» (Сб., № 65), рассказанная М. И. Михеевой также в спокойной повествовательной («эпической») манере. Небылицы составляют особый вид сказочного творчества. Это рассказы о совершенно невозможных в реальной жизни событиях. В сказке М. И. Михеевой из-за грузного веза у лошади сломался хребет; мельник рубит ореховое дерево и вставляет его лошади вместо хребта; из хребта вырастает дерево и ветки его проникают через крышу конюшни (СУС 1892). Далее хозяин забирается по веткам на небо (СУС 1889К); жена срубает ветви со спины лошади, и мельнику приходится опускаться с неба на веревке, сплетенной из «овсяных высевок», и т. п. (Сб., № 65).

Тот же принцип композиции (кумуляция) наличествует и в тексте на сюжет «Глиняный Иванушка» (СУС 2028). Укажем, что исследователи для сказок кумулятивного построения, как и для других видов этого жанра, находят древние истоки. Так, В. Я. Пропп отмечает, что кумуляция входит в систему некоторых обрядов¹⁶⁰. Тут же он дает ссылку на И. И. Толстого, который указал, что сказочному глиняному пареньку соответствует античный миф об Эрисихтоне. Герой этого мифа был наказан богами неутолимый голодом: «Эрисихтон пожирает одно блюдо за другим и никак не может насытиться. Постепенно поглощает он все имеющиеся в доме продовольственные запасы и весь животный инвентарь на дворе и в поле»¹⁶¹. В карельской сказке о Чули кумуляция и смысловой ряд также основан на мотиве пожирания. Чули съедает всех встречных, пока козы не свалили на него сосну: «У Чули живот и лопнул, оттуда вышли все» (Сб., № 66).

Помимо «эпических сказок» с кумулятивной композицией, в карельской традиции можно найти и примеры формульной кумуляции, создаваемой диалогами, основанными на вопросах и ответах. Для этих сказок характерна

¹⁶⁰ *Протт В. Я.* Русская сказка. С. 297.

¹⁶¹ Там же. С. 297–298.

стихотворная форма. «Калевальские кумулятивные стихи (песни-сказки. – *Н. О.*) сложены калевальской метрикой, большинство имеют своеобразный напев», – пишет Р. П. Ремшугева и далее перечисляет самые распространенные типы сюжетов: «Пойдем, сестрица в Ляккёля», «Жил да был Онни-Манни», «Где топор?», «Едет мышь на лыжах», «Первый Ютти»¹⁶². Все перечисленные сюжеты имеются в репертуаре М. И. Михеевой, но ее тематика, подчеркнем, оказалась гораздо шире (См.: Аннотированная опись сказок М. И. Михеевой из коллекции архива КарНЦ РАН, № 76–89).

Кумулятивные сказки-песни распространены в основном на севере Карелии. В нашем каталоге отмечено 49 текстов, из них в районе Калевалы – 32, в Лоухском районе – 17, в Южной Карелии зафиксированы только редкие единичные записи. В репертуаре М. И. Михеевой зафиксировано 12 кумулятивных текстов.

Кумулятивные сказки формульного типа имеют своеобразную технику исполнения. В. Я. Пропп пишет: «Нагромождению или наращиванию событий здесь соответствует нагромождение и повторение совершенно одинаковых синтаксических единиц, различающихся лишь обозначением все новых и новых синтаксических субъектов или объектов или других синтаксических элементов»¹⁶³. Подобное построение можно наблюдать в кумулятивных сказках нашего сборника. В книге публикуются варианты карельских кумулятивных рунопевческих песен-сказок (СУС 2016*; 2018). Их внутренний строй проявится уже в первых строках:

– Кол, кол, колочек,
Дай, бабка, горшочек.
– Зачем тебе горшочек?
– Попа кормить.
– Зачем тебе поп?
– Ребенка крестить и т. д. (Сб., № 69)

– Что там виднеется?
– Камень там виднеется.
– А что на макушке камня?
– Топор на макушке камня и т. д. (Сб., № 70)

– Куда, мышь, идешь,
Коротконогая, трусишь?
– В лес иду, бедняжка,
В глушь, несчастная и т. д. (Сб., № 71)

¹⁶² *Ремшугева Р. П.* К вопросу о локализации карельских кумулятивных песен // Местные традиции материальной и духовной культуры народов Карелии (Тезисы докладов). Петрозаводск, 1981. С. 24–25.

¹⁶³ *Пропп В. Я.* Русская сказка. С. 246.

Карельские формулировки рядов кумуляций всегда самобытны по содержанию. Они исполнялись со своеобразным напевом на утеху детям.

Обратим внимание на текст «Швед – костлявая собака» (Сб., № 68). В экспозиции здесь раскрываются деяния и намерения шведа-завоевателя («Убил отца, убил мать, пришел меня убивать»), а далее перечисляются действия героя, убегающего от погони. Запись от М. И. Михеевой – самая полная из имеющихся вариантов¹⁶⁴.

Докучные сказки – еще один жанр сказочного фольклора – редко удастались внимания собирателей. По Северной Карелии нам известно всего два текста, причем оба от М. И. Михеевой. Это сказка о сороке, у которой то хвост, то клюв увязнет в просмоленной крыше (Сб., № 73 – СУС 2300), и сказка о быке – классический вариант «про белого бычка» (Сб., № 74 – СУС 2300). Повторы, на которых держится докучная сказка, по сути дела бесконечны: «Надо рассказать сказку о быке?» Микко говорит «Надо», Матти говорит «Надо», Олли говорит «Надо» и т. д. Таким образом перебирают имена всех слушателей и после каждого утверждения задается тот же вопрос, что был вначале, пока детям не надоест. «Это, собственно, не сказки, – замечает В. Я. Пропп, – а прибаутки или потешки, которыми стараются отвлечь детей, когда они слишком настоятельно требуют рассказывания сказок. Таких прибауток имеется несколько типов. Они как бы дополняют сказочные жанры»¹⁶⁵.

* * *

В поле нашего зрения находится еще много других аспектов, связанных с творчеством талантливой сказочницы и рунопевицы М. И. Михеевой, но в силу целого ряда причин мы вынуждены ограничиться сказанным выше. Тем не менее надеемся, что общее впечатление о личности сказочницы, ее сказках, их связи с общенародным процессом и всей традиционной культурой Северной Карелии у читателей сборника сложилось.

Н. Ф. Онегина

¹⁶⁴ Kiestingin kansanlauluja = Песенный фольклор кестеньгских карел. С. 225.

¹⁶⁵ Пропп В. Я. Фольклор и действительность. С. 50.



СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

1. Repo ta ukko kalalla

Panou ukko kokkua järveh ta rysyä niihi kokkih. Lähtöy rysillä huomena. Mänöy jystäy rysän. Nostau – rysä on täysi matikkua. Hänellä on ahkivo, minne panna kalat. Pani rysän jällellä järveh ta läksi kotihih matikka-ahkivuo vetämäh ta suksilläh hihtäy.

Repo juoksentelou puoleh-toiseh tiellä ta kačcou, kun ukko vetäy matikkua, ajattelou: «Millähän nuo matikat saisi ukolta ahkivosta?» Heittäytyy kuolleheksi tiellä. Ukko tulou revon kohtah:

– Kačohan, pyhä Petri anto kalua ta nyt pyhä Miikkula revon.

Ukko nossaltou revon ahkivon matikkojen piällä. Jakkuh heittäy piällä, kun kuuma tuli. Iče hihtäy, ei kačaha jällellä päin.

Repo ahkivosta kaikki syyti matikat tiepuoleh. Ukko tuli kotihih i karjuu:

– Tuo, akka, vakka, matikkoja ottua ahkivosta!

Akka juoksou vakan kera. Ukko sanou:

– Täysi ahkivo on matikkua ta vielä on repo jakun alla!

Akka kohottou jakkuo ahkivosta.

– Tiälä ei ole, – sanou, – repuo, eikä matikkua.

Ukko kiivastu semmosekse, jotta mintäh sielä ei ole.

Akka sanou:

– Tule, kačo, vet on tyhjä ahkivo!

Ukko kačcou:

– Kyllä se repo oli peijakas ta syyti miulta ahkivosta kaikki matikat.

Repo sai matikat, ukko jäi tyhjäkse.

1. Лиса и старик на рыбной ловле

Ставит старик крюки в озеро и мережи на эти крюки. Идет на другой день мережи смотреть. Пришел, прорубил лед, поднимает мережу – мережа полна налимов. У него ахкиво*, куда положить рыбу.

* Значение слов, отмеченных знаком *, см. в конце сборника: «Словарь местных и малопонятных слов».

Опустил мережу обратно в озеро и потащил домой ахкиво с налимами, идет на лыжах.

Лиса бежит по дороге с одной обочины на другую и смотрит, как старик тащит налимов, думает: «Как бы достать этих налимов у старика из ахкиво?» Притворяется мертвой на дороге. Старик подходит к лисе:

– Смотри-ка, святой Петри дал рыбы, да теперь святой Мийккула – лису.

Старик бросает лису в ахкиво на налимов. Куртку свою бросает на лису – жарко стало. Сам идет на лыжах, не смотрит назад.

Лиса из ахкиво всех налимов побросала на обочину дороги. Старик пришел домой и кричит:

– Неси, жена, корзину, налимов из ахкиво переложить!

Старуха бежит с корзиной. Старик говорит:

– Полное ахкиво налимов, да еще лиса под курткой!

Старуха приподнимает куртку:

– Здесь нет, – говорит, – ни лисы, ни налимов.

Старик даже вспылил: как это там ничего нет?

Старуха говорит:

– Иди, посмотри, ведь пустое ахкиво.

Старик смотрит:

– Ну и лиса, чертовка, побросала у меня из ахкиво всех налимов.

Лисе достались налимы, старик остался ни с чем.

2. Hukka ta repo – kuomakset

Hukka ta repo ollah kuomakset. Hyö pietäh huuhtua. Heilä kasvau ruista äijä. Leikatah ruispelto, pannah riiheh, jotta ruvetah puimah. Riihi kuivau. Mäntih repo ta hukka riiehtä puimah. Ruvehtih puimah vil'lojah. Repo hyppäi partisilla. Sanou hukalla:

– Pui, pui, kuomasen, laki piähäs lankieu, mie lakie pitelen.

Hukka sanou:

– Pitele, pitele, kuomasen. Mie puin yksin.

Tai hukka pui sen riihen. Olet vei pihalla. Viskai rukehet. Toiseh tukkuh mäntih rukehet, toiseh ruumenet.

Hukka sanou:

– Nyt jo, kuomasen, viskain nämä rukehet, tule nyt jakamah.

Repo hyppäi partisilta tai pyyhitäh eri tukkuh rukehet, eri ruumenet.

Repo sanou:

– Suuremmalla pitäy suurempi tukku, pienemmällä pienempi. Mie kumpasen tukun takua näkyneen – se miula, sie kumpasen – se siula.

Mänöy repo nuistukun tuaksi, nousou varpahuissillah, jotta näkyis ta sanou:

– Nävyntkö, kuomasen, tämän tukun takuata?

Hukka sanou:

– Nävyt, nävyt, kuomasen.

Mänöy repo ruumentukun tua tai lojahtau muate, jottei näkyis, sanou:
 – Nävyinkö, kuomasen?
 Hukka sanou:
 – Et nävy.
 Repo sanou:
 – No ruumentukku siula, kun olet suurempi, rukehet miula, kun olen pienempi.
 Pannah kumpaniki sualehet värččih ta lähetäh melličällä. Repo pani ičelläh rukehet jauhoutumah. Ne ruttoseh jauhoutu.
 No hukka panou ruumenet, ne ei ni mäne kiven alla.
 Hukka sanou:
 – Mintäh, kuomasen, siun rukehet jyräi ta jauhoutu niin ruttoseh, ta miun muuta ei kun suhajau, eikä mäne kiven alla?
 Repo sanou:
 – Kivi tylčöy, kivi tylčöy. Pane kive sekah, ruttosempah jauhoutuu.
 Hukka pani kive sekah. Viijäh kotihih jauhot. Ruvetah keittämäh huttuo uutisvil'loista. Repo kun keittäy, niin revon huttu röčköttäy, a hukan huttu hupsuttau. Hukka sanou:
 – Mintäh, kuomasen, siun huttu röčköttäy, a miun huttu hupsuttau?
 Repo sanou:
 – Siun on paremmat jauhot, ni sillä hupsuttau.
 Suatih huttuh valmehekse. Ruvettih syömäh. Hukka sanou:
 – Mintäh, kuomasen, siula on valkie huttu, a miun on musta? Anna sie maistua.
 Repo ottau hukan kattilasta huttuo, panou omahas, sanou:
 – Maistele tuosta, vet yhen makuni on?
 Hukka maistelou, sanou:
 – Niin on.
 Repo sanou:
 – Sanoinhan mie, jotta yhenmakuni on. Läkkä, kuoma, eččimäh, emmäkö löyvä voita hutun särpimekse.
 Hukka juoksou meččäpirtillä ta šanou:
 – On voita renki.
 Hukka viey voreinkin kotih. Illalla repo sanou:
 – Mie lähen kävelömäh, siitä syömmä, kun tulen.
 Iče mänöy aittah ta syöy voita. Tulou pirttih. Hukka kysyy:
 – Missä, kuomasen, kävelit?
 Repo sanou:
 – Kuomina-puapoloina.
 Hukka kysyy, mitpä nimet lapsilla. Repo sanou:
 – Piältä nuoltu, piältä nuoltu.
 (A hän kun piältä nuoli voita, ni siksi i sano piältä nuoltu).
 Hukka sanou:
 – Hyvät on nimet.

Ollah toiseh päiväh. Repo sanou:
 – Lähen kävelen hot missä kylässä.
 Hiän mäni aittah ta puolen renkie i söi voita. Tulou järelläh pirttih.
 Hukka kysyy:
 – Missä kävit, kuomasen?
 – Kävin kuomina–puapoloina.
 Hukka kysyy:
 – Mit nimet?
 Repo sanou:
 – Keskinuoltu, keskinuoltu.
 Hukka sanou:
 – Hyvät nimet.
 Ollah kolmanteh päiväh. Repo sanou:
 – Pitäy lähtie kävellä kylässä hot missä.
 Hukka jäiy kotih. Repo mäni aittah ta nuoli loppusen voin. Tulou pirttih.
 Hukka kysyy:
 – Missä, kuomasen, kävit?
 Repo sanou:
 – Kuomina–puapoloina.
 Hukka kysyy:
 – Mit nimet?
 Repo sanou:
 – Pohja nuoltu, pohja nuoltu.
 Hukka sanou:
 – Hyvät nimet, hyvät nimet.
 Mänöy hukka voita käymäh – voi syöty. Hukka kysyy:
 – Mihi sai voi?
 Repo sanou:
 – Hiiret söi, hiiret söi.
 Hukka sanou:
 – Mistä nyt suamma voita, kuomasen?
 Repo sanou:
 – Huomeneksella kun nouset, pane tervasio puita kiukuah, anna alkau lämmitä, mie mänen meččäh.
 Noustih huomeneksella. Repo läksi meččäh ta sanou:
 – Kun kiukua alkau hiilipuolillah lämmitä, niin pane juskat umpeh ta nouse huohlah istumah n'i persiestäs alkau tippuo voita.
 Niin repo läksi meččäh. Hukka pani kiukuan lämmitä. Jo alko olla kiukua piäsypuolillah. Hukka pani juskat umpeh. Nousi huohlah voita valuttamah. Istuu köhjöttäy huohlassa, renkin panou alla, jotta siihe tippuu voi. Kiukuasta rupei kuuma tulomah. Hukalta karvat syyttih ta hukka siihe i palo. Repo juoksou meččässä nytki vielä, a hukkua emmä ole nähnyen sen päivän peräh enyä.

2. Волк и лиса – кумовья

Волк и лиса – кумовья. Они засевают подсечное поле. У них вырастет много ржи. Жнут рожь в поле, отвозят в ригу, чтобы вымолотить. Снопы высохли. Пошли лиса и волк в ригу молотить. Стали молотить зерно. Лиса вскакивает на колосники, говорит волку:

– Молоти, молоти, куманек, потолок на голову падает: я потолок подерживаю.

Волк говорит:

– Держи, держи, кума. Я смолочу один.

И волк смолотил все зерно. Солону вынес на улицу. Провеял рожь. В одну кучу сложил рожь, в другую – мякину.

Волк говорит:

– Я уже, кума, провеял всю рожь, иди теперь делить.

Лиса спрыгнула с колосников, и они смели в отдельную кучу рожь, в отдельную – мякину.

Лиса говорит:

– Бóльшему нужна бóльшая доля, мёньшему – мёньшая. Из-за которой кучи я буду видна – та мне, из-за которой ты – та тебе.

Идет лиса за кучу с рожью, поднимается на цыпочки, чтобы была видна, и говорит:

– Видна ли я, куманек, из-за этой кучи?

Волк говорит:

– Видна, видна, кумушка.

Идет за кучу с мякиной и ложится, чтобы не была видна, говорит:

– Видна ли я, куманек?

Волк говорит:

– Не видна.

Лиса говорит:

– Ну, куча мякины тебе, так как ты больше, рожь мне, так как я меньше.

Кладут оба добычу в мешки и идут на мельницу. Лиса положила свою рожь молотья. Она быстро промолотась.

– Ну, волк положил мякину – она и не проходит под жернов.

Волк говорит:

– Почему, кума, твоя рожь «громыхала» и промолотась так быстро, а моя только шуршит и не проходит под жернов?

Лиса говорит:

– Жернов затупился, жернов затупился. Смешай с камешками, быстрее сметется.

Волк положил камней вперемешку.

Отнесли домой муку. Начали варить кашу из нового зерна. Лиса как варит, так каша лисы бурлит, а волчья каша пыхтит. Волк говорит:

– Почему, кума, твоя каша бурлит, а моя пыхтит?

Лиса говорит:
– У тебя мука лучше, поэтому у тебя и пыхтит.
Сварили кашу до готовности. Начали есть. Волк говорит:
– Почему, кума, у тебя белая каша, а моя черная? Дай попробовать.
Лиса берет из кастрюли волка каши, кладет в свою, говорит:
– Попробуй отсюда, ведь одинаковая по вкусу?
Волк пробует, говорит:
– Так и есть.
Лиса твердит:
– Говорила же я, что одинаковая по вкусу. Пошли, кум, искать, не найдем ли масла, чтобы добавить в кашу.
Волк бежит в лесную избушку и говорит:
– Есть ведро масла.
Волк несет ведро с маслом домой. Вечером лиса говорит:
– Я пойду прогуляюсь, потом будем есть, когда вернусь.
Сама идет в амбар и ест масло. Приходит в избу. Волк спрашивает:
– Где, кумушка, ходила?
Лиса говорит:
– Повивальной бабкой [была].
Волк спрашивает, какие имена у детей. Лиса говорит:
– Сверху вылизанный, сверху вылизанный.
(А она как сверху слизала масло, так и говорит: сверху вылизанный.)
Волк говорит:
– Хорошие имена.
Наступил другой день. Лиса говорит:
– Пойду погуляю хоть где-нибудь по деревне.
Сама пошла в амбар и съела полведра масла. Приходит обратно в избу. Волк спрашивает:
– Где была, кумушка?
– Была бабкой-повитухой.
Волк спрашивает:
– Какие имена?
Лиса говорит:
– До середки вылизанный, до середки вылизанный.
Волк говорит:
– Хорошие имена.
На третий день лиса говорит:
– Надо пойти погулять хоть где-нибудь по деревне.
Волк остается дома, а лиса пошла в амбар и вылизала оставшееся масло. Пришла в избу. Волк спрашивает:
– Где, кумушка, ходила?
Лиса говорит:
– Бабкой-повитухой.
Волк спрашивает:
– Какие имена?

Лиса говорит:
 – Дно вылизано, дно вылизано.
 Волк говорит:
 – Хорошие имена, хорошие имена.
 Пошел волк за маслом – масло съедено. Волк спрашивает:
 – Куда делось масло?
 Лиса говорит:
 – Мыши съели, мыши съели.
 Волк говорит:
 – Где теперь возьмем масла, кума?
 Лиса говорит:
 – Утром как встанешь, положи смоляные дрова в печь, пусть начнет топиться, я схожу в лес.
 Встали утром. Лиса пошла в лес и говорит:
 – Когда печь протопится, останутся угли, так закрой вьюшки и поднимись на припечье, тогда из ж... начнет капать масло.
 Так лиса пошла в лес. Волк затопил печь. Уже печь на подходе. Волк закрыл вьюшки. Поднялся на припечье масло вытапливать. Сидит-посиживает, ведро под ним, чтобы туда масло капало. Из печи жар пышет. У волка шерсть загорелась, волк там и сгорел. Лиса бегаёт в лесу ещё и теперь, а волка с того дня больше не видели.

3. Ukko, akka ta orava

Ukko ta akka oltih jo vanhat. Ruvettih hyö kiukualla muate. Pirtin piällä tuli orava. Sielä lotajau, krapajau, ei anna heilä yörauhua. Akka sanou ukolla:

– Mäne pane lautani pirtin piällä, eikö se orava puutu.

Ukko nousi pirtin piällä ta pani sinne lautasen. Tuli takasin pirttih, rupei muate. Jo orava tuas ni tuli pirtin piällä. Tai puuttu lautaseh. Sielä lotajau lautasessa. Akka sanou ukolla:

– Mäne ota, jo orava puuttu lautaseh.

Ukko nousou pirtin piällä, rupei ottamah oravua lautasesta. Tai toreuvuttih ukko ta orava. Orava kun löi korvalla ukkuo, hiän i kirpoi pirtin piältä. Ukko kuoli. Orava otti salmosta ahkivon ta pani ukon ahkivoh. Läksi vetämäh ukkuo ahkivossa. Tuli jänis vastah, kysyy oravalta:

– Mitä vejät, orava?

Orava sanou:

– Vejän ukkuo, hyvyä miestä.

Pani pihet pirtin piällä,

Lautasen lapukin piällä,

Iče puuttu pihtihih,

Lankei lautasih –

Miula, mečän juoksijalla,

Rahakarvan kantajalla,

Huutehessa huksajalla,
 Hämärässä häkläjällä.
 Jänus sanou:
 – Ota milma vetämäh.
 Orava sanou:
 – Haukkua palani ukkuo tai vejämmä kahen.
 Lähettih vetämäh. Vejetäh kotvani. Tulou hukka vastah, kysyy:
 – Mitä vejät, jänis?
 – En mie vejä, orava vetäy, – sanou jänis.
 Hukka kysyy:
 – Mitä vejät, orava?
 – Vejän ukkuo, hyvyä miestä.
 Pani pihet pirtin piällä,
 Lautasen lapukin piällä,
 Miula, mečän juoksijalla,
 Rahakarvan kantajalla,
 Iče puuttu pihtihih,
 Lankei lautasih.
 Sanou orava hukalla:
 – Haukkua palani ukkuo ta lyöttäyvy vetämäh.
 Vejetäh vähän aikua. Tulou kontie vastah.
 – Mitä vejät, hukka?
 – En mie vejä, jänis vetäy.
 – Mitä vejät, jänis?
 – En mie vejä, orava vetäy (orava kun on isäntä).
 Orava sanou kontiella:
 – Syö ukkuo palani ta lyöttäyvy vetämäh.
 Kontie i söi ukon niin, jotta jäi vain muruni piätä ahkivoh.
 Tulou repo vastah, kysyy:
 – Mitä vejät, kontie?
 – En mie vejä, hukka vetäy.
 Hukka sanou:
 – En mie vejä, orava vetäy.
 – Mitä vejät, orava?
 Orava sanou:
 – Vejän ukkuo, hyvyä miestä.
 Pani pihet pirtin piällä,
 Lautasen lapukin piällä,
 Miula, mečän juoksijalla,
 Rahakarvan kantajalla,
 Huutehessa huksajalla,
 Hämärässä häkläjällä.
 Iče puuttu pihtihih,

Lankei lautasih.
 Orava sanou revolla:
 – Syö tuo loppuni ukko.
 Repo söi sen viimeesen piäpalasen. Vejetäh tyhjä ahkivuo koko joukolla.
 Kontie sanou:
 – Nälkä tuli. Ku pienin, ku pienin, se syyvväh!
 Orava syötih. Vejettih tuas vähäni aikua, kontie tuas sanou:
 – Nälkä tuli. Ku pienin, ku pienin, se i syyvväh!
 Jänis syötih. Repo sanou hukalla:
 – Läckä pakoh. Syöy miät kontie.
 Hukka ta repo meččäh pakoh juoksomah. Kontie vetäy yksinä tyhjä ahkivuo.
 Sanou kontie:
 – Nälkä tuli. Ku pienin, ku pienin, se i syyvväh!
 Käcahtau jälelläh: ei ni ketänä matalla, kun tyhjä ahkivo. Kontie siänty pahanpäiväsekse. Löi ahkivon puuhu säpälehikse, iče läksi meččäh. Siihe i loppu starina.

3. Старик, старуха и белка

Старик да старуха были уже старые. Легли они на печи спать. На крышу избы пришла белка. Там скребется, стучит, не дает им покоя ночью. Старуха говорит старику:

– Пойди, поставь ловушку на крышу, не попадет ли белка.

Старик встал на крышу и поставил ловушку. Пришел обратно в избу, лег спать. Белка опять и пришла на крышу. Да и попала в ловушку. Гремит там в ловушке. Старуха говорит старику:

– Иди, возьми, белка уже попала в ловушку.

Старик поднялся на избу, стал вынимать белку из ловушки, да и разодрались старик и белка. Белка как ударила старика по уху, он и упал с крыши. Старик умер. Белка взяла возле угла [дома] ахкиво и положила старика в ахкиво. Потатила старика в ахкиво. Встретился заяц, спрашивает у белки:

– Что везешь, белка?

Белка говорит:

– Везу старика, доброго человека:

поставил клещи на крыше,
 ловушку на потолке,
 для меня, по лесу бегаящей,
 денежный мех носящей,
 в утренней росе бродящей,
 в сумерках крадущейся.

Сам попал в клещи,
 угодил в ловушку.

Заяц говорит:
– Возьми меня везти [старика].
Белка говорит:
– Откуси кусок от старика, да и потянем вдвоем.
Повезли дальше. Тащат некоторое время. Идет волк навстречу, спрашивает:
– Что везешь, заяц?
– Не я везу, белка везет, – говорит заяц.
Волк спрашивает:
– Что везешь, белка?
– Везу старика, доброго человека:
поставил клещи на крыше,
ловушку на потолке,
для меня, по лесу бегущей,
денежный мех носящей.
Сам попал в свои клещи,
угодил в ловушку.
Говорит белка волку:
– Откуси кусок от старика и давай вези.
Везут недолго. Идет медведь навстречу.
– Что везешь, волк?
– Не я везу, заяц везет.
– Что везешь, заяц?
– Не я везу, белка везет (белка ведь была за хозяина).
Белка говорит медведю:
– Давай вези [старика] и съешь кусок старика.
Медведь так съел старика, что остался только кусок головы в архиво.
Идет лиса навстречу. Спрашивает:
– Что везешь, медведь?
Медведь говорит:
– Не я везу, волк везет.
Волк говорит:
– Не я везу, белка везет.
– Что везешь, белка?
Белка говорит:
– Везу старика, доброго человека:
поставил клещи на крыше,
ловушку на потолке,
для меня, по лесу бегущей,
денежный мех носящей,
в утренней росе бродящей,
в сумерках крадущейся.
Сам попал в свои клещи,
угодил в ловушку.

Белка говорит лисе:
 – Съешь остатки этого старика.
 Лиса съела оставшийся кусок головы. Везут пустое ахкиво все вместе.
 Медведь говорит:
 – Есть захотелось. Кто меньший, кто меньший, того съедим!
 Белку съели. Везли опять немного времени, медведь опять говорит:
 – Есть захотелось. Кто меньший, кто меньший, того съедим!
 Зайца съели. Лиса говорит волку:
 – Давай убежим, съест нас медведь.
 Волк и лиса убежали в лес.
 Медведь везет один пустое ахкиво. Говорит медведь:
 – Есть захотелось. Кто меньший, кто меньший, того съедим!
 Оглянулся назад – никого нет, кроме пустого ахкиво. Медведь сильно рассердился, трахнул ахкиво о дерево, сам пошел в лес.
 На этом и кончилась сказка.

4. Kontie ta tijani

On ennen tijani. Luatui pesän pajikolla. Muniu kolme jäiliččyä. Hautou ne jäiličät. Tulou kolme poikaista. Lähtöy pojillah ruokua eččimäh. Mitä karpäistä suanou, niitä syöttäy poikasillah. Tulou kontie pajikon luokse, missä on tijasen pojat. Pojat jo piästih lentoh ta lennettih koivun oksilla. Kontie siänty pahapäiväsekse, söi pesän tai pajikon revitteli. Tulou tijani. Kontie mäni meččäh. Kaččou, kun on pajikko revitelty, pesä syöty ta i pojat mihi lienöy suatu.

Pojat sanotah koivun oksilta:

– Myö olemma, muamo, tiälä. Kun tuli mi lienöy hyvin suuri ta rupei meitä syömäh, myö pakoh. Pesän söi tai pajikon revitteli.

Tijani sanou:

– Oliko miun suurus?

Pojat sanotah:

– Et ole ni silmän suurus sie, niin suuri oli.

Tijani pörhistäy sulkah, siipeh ta kysyy:

– Oliko näin suuri?

Pojat sanotah:

– Et ole ni korvan suurus, se oli niin suuri.

Tijani arvuau, jotta kontie oli. Kysyy pojiltah:

– Mihi päinpä läksi se suuri mänömäh?

Pojat sanotah:

– Tuonne mäni meččäh.

Tijani sanou pojillah:

– Työ olkua tässä, mie lähen suan hänen kiini ta vien suutuh.

Läksi tijani lentämäh tai sai kiini, tarttu hänellä korvah, sanou:

– Siekö miun pojat ajoit pesästä, pesän söit, ta pajikon revittelit?

Kontie sanou:
 – Mie.
 Tijani sanou:
 – Mitä sie siinä ruavoit?
 Kontie sanou:
 – A mie olen sieltä syöjä, sieltä suaja, miun pitäy syyvvä, mitä mistä suan.
 Tijani sanou:
 – Lähe suutuh linnalla.
 Tai viey tijani kontien suutupaikkah. Sanou sut`jalla:
 – Tämä kontie miula pahua ruato, mitä suutit nyt?
 Sutja sanou:
 – Suutimma myö hänen hännättömäkse.
 Kontie sanou:
 – Elkyä työ miulta suutikkua koko häntyä, jättäkyä puoli häntyä.
 Kontiella puoli häntyä jätettih. Tijani läksi poikieh luo. Kontie mäni meččäh ta itköy, kun häneltä puoli häntyä suutittih.
 Tulou repo vastah kontiella, kysyy:
 – Mitä itet, kontie?
 Kontie sanou:
 – Iten kun hännättömäkse suutittih, vain ei ne koko häntyä, kuin puoli häntyä.
 Repo sanou:
 – Lähe meilä, rupiemma yhessä elämäh.
 Siitä männäh kontien keralla revon kotih. Repo on löytän matikkakesselin. (Tuommosen kuin siun kesseli tuola nurkassa.) Repo ta kontie ruvettih kuomaksikse. Kontie kysyy:
 – Mistä sie, kuomasen, olet matikkua suanun?
 Repo sanou:
 – Ka mie olin onkella viime yönä.
 – Mistä sie, kuomasen, onkitit ta millä?
 – Mie mänin pappilan avantoh, ta pissin häntäni. Joka karvah tarttu matikka.
 Kontie sanou:
 – Lähen ni mie, on miula vielä puoli häntyä.
 Läksi kontie onkella. Se on jo pimie ilta.
 Kontie mänöy, panou häntäh avantoh, ta iče avannon piällä istuutuu rähähtäy.
 On hyvin pakkani yö.
 Kontieltä alko häntyä näpissellä pakkani, kun alko kylmyä avantuo.
 Kontie ajattelou:
 – Nyt niitä puuttuu, kun alko näin näpissellä häntyä. Pitäy nostua nämä matikat jiän piällä, ni siitä onkitan toista.
 Kontieltä koko takapuoli kylmi avantoh, ajattelou:
 – Nyt tarttu niin äijän matikkua, jotta en suata nostua.

Ei piäse kontie avannosta, siinä istuu.

Huomeneksella pappilan piijat tullah vejellä. Lyyvväh korennulla kontieta. Kontie kisalti häntäh, puoliki häntyä jäi sinne. Hiän mänöy revon luo, sanou:

– Niin äijäkö lienöy puuttun matikkua, vain lienöykö siitä häntä katen, kun pappilan piijat korennulla lyöti.

Repo sanou:

– Kun et liikutellun, niin se kylmi. Mie luajin tulen tähä, niin lämpiet. Repo kokoi tervasta ta luati tulen. Kontiella sanou:

– Istuuhu, kuoma, tähä tulen piällä lämpiämäh.

Kontie siihi palo ta repo iče pakoh. Muutki kontiet jäi hännättömikse, kun siltä yheltä kontielta oli häntä suutittu.

4. Медведь и синица

Была раньше синичка. Свила она гнездо в ивняке. Снесла три яйца. Высиживает эти яйца. Вылупляется три птенчика. Отправилась она еду искать птенцам. Какую муху поймает, ту и скармливает птенцам. Приходит медведь к ивняку, где синичкины птенцы. Птенцы уже научились летать и вспорхнули на ветки березы. Медведь расшвирипел, съел гнездо и ивняк разметал. Медведь ушел в лес. Явилась синица, смотрит – ивняк растерзан, гнездо съедено, и птенцы куда-то делись.

Птенцы говорят с веток березы:

– Мы, мама, здесь. Как пришел кто-то очень большой и хотел нас съест, мы улетели. Гнездо съел и ивняк разметал.

Синица говорит:

– Был ли [тот] с меня ростом?

Птенцы говорят:

– Ты даже меньше его глаза, такой большой был.

Синичка распушила перья, крылья и спрашивает:

– Был ли такой большой?

Птенцы говорят:

– Ты даже меньше его уха, он был такой большой.

Синичка догадалась, что это был медведь. Спрашивает у птенцов:

– В какую сторону этот большой отправился?

Птенцы говорят:

– Туда в лес пошел.

Синица говорит своим птенцам:

– Вы будьте здесь, я пойду поймаю его и отведу в суд.

Полетела синица, поймала, вцепилась ему в ухо и говорит:

– Это ты моих птенцов выгнал из гнезда, гнездо съел и ивняк растрепал?

Медведь говорит:

– Я.

Синица говорит:

– Что ж ты натворил?

Медведь говорит:

– А я такой едок, такой добытчик: мне надо есть, где что достану.

Синица говорит:

– Пойдем в город судиться!

И отвела синица медведя в суд. Говорит судье:

– Этот медведь мне зло сделал, что присудишь теперь?

Судья говорит:

– Присудим мы: быть ему без хвоста.

Медведь говорит:

– Не отсуживайте вы у меня весь хвост, оставьте хоть полхвоста.

Медведю полхвоста оставили. Синица отправилась к птенцам. Медведь пошел в лес и плачет, ведь у него полхвоста отсудили. Идет лиса на встречу медведю, спрашивает:

– Что плачешь, медведь?

Медведь говорит:

– Плачу, потому что присудили мне быть бесхвостым, но не совсем бесхвостым, оставили полхвоста.

Лиса говорит:

– Пойдем к нам, будем вместе жить.

Идут с медведем в лисий дом. Лиса нашла кошель с налимами. (Такой же, как твой кошель в том углу.) Лиса и медведь стали кумовьями. Медведь спрашивает:

– Откуда ты, кума, достала налимов?

Лиса говорит:

– Да я была на рыбалке прошлой ночью.

– Где ты, кума, удила и чем?

– Я пошла на поповскую прорубь и опустила туда свой хвост. На каждую шерстинку прицепилось по налиму.

Медведь говорит:

– Пойду и я, есть у меня еще полхвоста.

Пошел медведь на рыбалку. Уже был темный вечер. Медведь идет, опускает хвост в прорубь, и сам на прорубь сел-взгромоздился. Стоит очень морозная ночь. Медведю стало хвост пощипывать, когда прорубь стала замерзать.

Медведь думает:

– Теперь их [налимов] попадетсЯ, раз так начало хвост щипать. Надо этих налимов поднять на лед, а потом наужу еще.

У медведя вся задница примерзла к проруби, думает:

– Теперь прицепилось так много налимов, что не смогу поднять.

Не может медведь оторваться от проруби, сидит там. Утром поповские служанки приходят за водой, бьют медведя коромыслом. Медведь как рванул хвост – и половинка хвоста осталась там. Он идет к лисе, говорит:

– То ли так много наловилось налимов, то ли потому, что поповские служанки коромыслом били, – хвост оторвался.

Лиса говорит:
– Если не шевелил [хвостом], то он примерз. Я разведу здесь огонь, так согреешься.
Лиса собрала в кучу смолья и развела огонь. Медведю говорит:
– Садись, кум, сюда на огонь погреться.
Медведь тут и сгорел, а сама лиса убежала. И другие медведи остались бесхвостыми, когда у того медведя хвост отсудили.

5. Varis ta repo

On ennen varis. Luatiu pesän suureh mäntyh. Muniu kolme jäliiččyä. Hautou ne pojakse. Alkau niitä syöttyä. Käyt niillä ruokua eččimäh. Suau niillä matuo, liipukkaista, kärväistä ta niillä syöttäy poikie.

Pojat ollah jo väkisuuret. Repo kaččou, kun variksella on niin suuret pojat, jotta päitä jo pissälletäh ikkunasta. Alkau repo leikata hännälläh sitä puuta. Varis kaččou pesästäh:

– Mitä ruat, reposeseni?

Repo sanou:

– Ruan, hyvyä ruan. Leikkuan puuta suksikseni. En ole ni missä nähnyh tämmöistä puuta.

Varis sanou:

– Elä, reposeseni, leikkua.

Repo sanou:

– Kun antanet yhen poikasen, ni en leikkua. Kun et antane, ni puun leikkuan ta iččes syön.

Varis revolla luou yhen poikaseh. Repo sen söi ta tulou tuas toisena päivänä. Alkau hännälläh leikata puuta. Varis pissältäy piäh ikkunasta ta kysyy:

– Mitä ruat, reposeseni?

Repo sanou:

– Ruan, hyvyä ruan. Leikkuan puuta suksikseni. Ei ole ni missä näin hyvyä suksipuuta kuin tämä.

Varis sanou:

– Elä, reposeseni!

Repo sanou:

– Kun antanet yhen poikasen, niin en leikkua, kun et anna, niin puun leikkuan ta iččes syön.

Varis hänellä tuas luou poikasen. Iče nousou puunlatvah ta alkau itkie. Lentelöy harakka siinä. Kuuntelou, kun varis itköy. Harakka kysyy varikselta:

– Mitä itet, kuomaseni?

– Iten kun, kun repo käyt kahtena päivänä tätä miun pesäpuuta leikkuamah suksikseh. Miun on pitän antua jo kaksi poikaista, kun ois leikan puun. Yksi on enämpi jälellä miula poikani.

Harakka sanou:

– O, hölmö, hölmö, variskuoma. Eihän revolla ole veistä, eikä kirvestä.

Hännälläh häilyttelöy vain. Nyt kun tänäpäinä tulou hännälläh leikkuamah puuta, sie sano: «Syö, repo, sittuas, siula ei ole veistä, eikä kirvestä, hännälläs häilyttelet».

Tai tulou repo. Alkau leikata puuta hännälläh. Varis sanou revolla:

– Syö, repo, sittuas, siula ei ole veistä, eikä kirvestä, hännälläs häilyttelet.

Repo sanou:

– Ken siula anto viisahutta, et sie iče ois ollun niin viisas.

Varis sanou:

– Harakka–kuomani anto viisahutta.

Repo sanou:

– Minnepä hiän läksi lentämäh, harakka?

Varis sanou:

– Tuonne meččäh päin läksi lentämäh.

Repo läksi harakalla jälkeh. Kaččou: harakka lentelöy. Repo heittäyty kuolleheksi ta ojenti kieleh suusta. Harakka kaččou, kun on repo tiellä: «Vuota lähen, n’okin». Harakka kun rupei kieltä n’okkimah, repo hänen ruussalti hampahih ta rupei syömäh harakkua. Harakka sanou:

– Elä reposesi syö näin uutena. Muinein kuin rupei [repo] ämmörukkuani syömäh, niin kuto vakan välläsen ta kattien vielä vällemmän. Pani siitä ämmöni vakkah, sen termän alla vierömäh. Sen luut hauvuttih vakassa pehmieksi, siitä oli hyvä i syyvvä.

Repo otti kisko pärettä, kuto vakan välläsen ta kattien vielä vällemmän. Panou harakan vakan siämeh ta kattien pissältäy piällä. Työntäy vakan termyä ales vierömäh. Vakka kun läksi vierömäh termyä ales, kate avautu ta harakka lentoh i sanou revolla:

– Syö, repo, sittua, oli nero suahakses, ei ollun neruo syyvväkses.

Repo jäi siihe pahalla mielin ta ajattelou:

– Vuota, lähen eččimäh, enkö ketä löyvä vielä.

Tulou kurki vastah revolla, kysytäh toini toiseltah: minne mänet ta mitä ečit. Molommat ollah syömisen puuttiessa, ruokua ečitäh. Kurki sanou:

– Mie tuola aitavieressä nävin nyletyn vasikan lihat. Läkkä syömäh.

Kurki lentäy ielläh, repo juoksou jälestä. Mies on kaivan kolmie sylvä syvän hauvan. Siihi olkien piällä on pannun nyletyn vasikan. Kurki ta repo kun mäntih olkien piällä ta ruvetih kiistah syömäh lihoja, molommat upottih hautah. Sieltä ei piässä pois, hypitäh. Huomeneksella tulou mies kaččomah, eikö mitä elukkua olle männyn ritah – olet on liikkun. Kurki kun kuuli miehen tulovan, hiän heittäyty kuollehekse, a repo hyppiy. Mies kaččou, sanou:

– Ka pyhä Miikkula on antan revon ta kuren. Kurkiraiska on jo kuollun.

Mies ottau sorkista kuren ta luou hauvan laijalla, a revon tappau hauvan pohjassa.

Kurki läksi lentämäh ta sanou:

– Kuren pri–luu, repo viisas, viisas, kurki vielä viisahampi.

Niin repo kuoli, kurki, varis ta harakka jätih elämäh.

Siihi se i loppu.

5. Ворона и лиса

Жила-была ворона. Свила она гнездо на большой сосне, снесла три яйца, высидела из них птенцов, начала их кормить. Добывает им еду: червяков, бабочек, мух и ими кормит птенцов.

Птенцы уже большими стали. Лиса смотрит, что у вороны такие большие птенцы, уже головы высовывают из окна. Начинает лиса «рубить» хвостом это дерево. Ворона смотрит из гнезда:

– Что делаешь, лисичка?

Лиса говорит:

– Делаю доброе дело: рублю дерево на лыжи. Нигде не видела такого дерева.

Ворона говорит:

– Не руби, лисонька.

Лиса говорит:

– Если дашь одного птенчика, то не буду рубить. Если не отдашь, то дерево срублю и саму тебя съем.

Ворона кинула лисе одного птенца. Лиса его съела и приходит опять на другой день. Начала хвостом дерево «рубить». Ворона высунула голову из окна и спрашивает:

– Что делаешь, лисонька?

Лиса говорит:

– Делаю хорошее дело: рублю дерево на лыжи. Нет нигде такого хорошего дерева для лыж, как это.

Ворона говорит:

– Не надо, лисонька.

Лиса говорит:

– Если дашь одного птенчика, то не буду рубить, если не дашь, то дерево срублю и саму тебя съем.

Ворона ей опять кидает птенца. Сама поднимается на вершину дерева и начинает плакать. Тут летит сорока. Слышит, что ворона плачет. Сорока спрашивает у вороны:

– Что плачешь, кумушка?

– Плачу, что лиса приходит второй день, чтобы срубить это мое дерево с гнездом на лыжи. Мне пришлось уже отдать двух птенчиков, чтобы не срубила дерево. Один только остался у меня птенец.

Сорока говорит:

– О, глупая, глупая, ворона-кума. Ведь нет у лисы ни ножа, ни топора. Только хвостом машет. Сегодня как придет хвостом рубить дерево, ты скажи: «Ешь, лиса, свое дерьмо; у тебя нет ни ножа, ни топора, только хвостом помахишься».

Да и приходит лиса. Начинает рубить дерево хвостом. Ворона говорит лисе:

– Ешь, лиса, свое дерьмо; у тебя нет ни ножа, ни топора, только хвостом помахишься.

Лиса говорит:

– Кто тебя надоумил? Ты сама не была такой умной.

Ворона говорит:

– Сорока-кума надоумила.

Лиса говорит:

– Куда же она полетела, сорока?

Ворона говорит:

– Туда, в сторону леса полетела.

Лиса отправилась вслед за сорокой. Смотрит: сорока летает. Лиса прикинулась мертвой, аж язык высунула изо рта. Сорока смотрит – лиса лежит на дороге. «Погоди, пойду, поклюю». Сорока как начала клевать язык, лиса схватила ее зубами и начала есть сороку. Сорока говорит:

– Не ешь, лисичка, меня так, сырой. Бывало, раньше [лиса] как начала есть мою бедную бабушку, то сплела корзину просторную и крышку еще просторнее, положила потом мою бабушку в корзину и толкнула ее под гору катиться. Кости ее размякли в корзине, потом и есть было хорошо.

Лиса взяла, нащипала лучины, сплела корзину просторную и крышку к ней еще просторнее, положила сороку в корзину и крышкой закрыла сверху. Толкнула корзину катиться под гору. Корзина как покатила под гору, крышка открылась, сорока полетела и говорит лисе:

– Ешь, лиса, дерьмо; смогла поймать, да не сумела съесть.

Осталась лиса в плохом настроении и думает:

– Погоди-ка, пойду искать, не найду ли еще кого.

Идет журавль навстречу лисе, спрашивают друг друга: «Куда идешь и что ищешь?» Оба есть хотят, еду ищут. Журавль говорит:

– Я там около забора видел мясо освежеванного тельенка. Пошли есть!

Журавль летит впереди, лиса бежит следом.

Мужик выкопал яму глубиной в три сажени, на нее поверх соломы положил освежеванного тельенка. Журавль и лиса как встали на солому и начали наперебой есть мясо, оба и провалились в яму. Оттуда не могут выбраться, как ни прыгают. Утром приходит мужик посмотреть, не попался ли какой зверь в яму, [видит] – солома сдвинулась. Журавль как услышал, что мужик пришел, притворился мертвым, а лиса прыгает. Мужик смотрит, говорит:

– О, святой Мийккула дал лису и журавля! Журавль, бедняжка, уже сдох.

Мужик берет журавля за ноги и кидает на край ямы, а лису на дне ямы убивает.

Журавль взлетел и говорит:

– Журавль при-луу, лиса хитрая, хитрая, а журавль еще хитрее.

Так лисы не стало, а журавль, ворона и сорока остались живы.

На этом и [сказке] конец.

6. Kurki ta repo – kuomakset

Repo sanou kurella:

– Tule huomena meilä päiväkesräh.

Kurki ottau kuosalipiäh ta värttinäh ta mänöy revon luo. Alkau kesrätä. Repo rupei kuomua kostittamah. Keitti lintua kattilalla. Linnan kuato prälähyytti kallivolla. Linta kallivuo myöte i juoksi. Repo sanou kurella:

– Rupie syömäh, kuoma, lintua.

Kurki rupei syömäh. N`okki, n`okki kallivolta lintua – ei ni mitänä suanun. Repo iče nuoli kaiken linnan kallivolta. Kurki lähtöy poikes ta sanou:

– Tule, repo-kuoma, huomena miun luo päiväkesräh.

Repo kesryäy kotvasen. Kurki keittäy lintua vierahalla tai kuatau hyvin korkieh pyöhtimeh linnan. Kurki sanou revolla:

– Tule nyt, kuoma, syömäh.

Kurki pissälti piäh pyöhtimeh ta kaikki sen linnan i söi. Repo nuoleksenteli laitoja, eikä suanun kun sen verran, min verran sai kurki kallivosta.

Repo lähtöy pois, sanou:

– Tältä ei passipuo, söit kaiken linnan.

Kurki sanou:

– Kuoman lahjat kohakkah. Mitein sie syötit milma eklein, niin mie silma tänäpäinä.

Sen pituni se.

6. Журавль и лиса – кумовья

Лиса говорит журавлю:

– Приходи завтра днем к нам прясть.

Журавль берет свою куделю да веретено и идет к лисе. Начинает прясть. Лиса стала кума угощать. Сварила линду* в котелке. Линду выплеснула на скалу – линда по скале и потекла. Лиса говорит журавлю:

– Иди кушать, кум, линду.

Журавль начал есть. Клевал, клевал линду со скалы – ничего не получил. Лиса сама слизала всю линду со скалы. Собирается журавль уходить и говорит:

– Приходи, лиса-кума, завтра ко мне прясть.

Назавтра придет лиса сколько-то времени. Журавль варит линду для гости и выливает линду в очень высокую маслбойку. Журавль говорит лисе:

– Иди теперь, кума, есть.

Журавль сунул голову в маслбойку и съел всю линду. Лиса края лизала и не получила того, что журавль смог съесть со скалы.

Лиса уходит, говорит:

– За это и спасибо не скажу: сам всю линду съел.

Журавль говорит:
– Теперь, кума, мы квиты: как ты кормила меня вчера, так и я тебя сегодня.
Такой длины эта сказка.

7. Kalinan häistä lihat loppu

Talossa pietäh häitä. Kalina on pojan nimi. Kalinan häistä loppu lihat.
Sanotah:

– Pitäy heponi tappua lihakse.

Kissa kuuntelou kiukuan korvalla. Se mänöy sanou heposella:

– Kalinan häistä lihat loppu, silma tapetah lihakse.

Heponi lähtöy pakoh. Mänöy kissa jälelläh pirttih. Mänäh hevoista tappamah – heponi on puannun. Sanotah:

– Pitäy lehmä tappua.

Kissa tuas mänöy liäväh ta sanou:

– Kalinan häistä lihat loppu, silma tapetah.

Lehmä pakoh heposella jälkeh. Kissa jälelläh pirttih. Mänäh lehmyä tappamah – ei ole lehmyä.

– Mitä nyt tapamma? Tapamma koiran.

Kissa tuas tiijon koiralla. Koira pakoh heposella ta lehmällä jälkeh.
Ruvetah koirua tappamah – ei ole koirua.

– No tapamma kissan.

Kissa tuas pakoh heposen, lehmän ta koiran peräh. Heilä tulou orava vastah, kysyy:

– Minne työ mänettä?

Sanotah:

– Kalinan häistä lihat loppu, ni meijät ois tapettu, myö läksimä pakoh.

Orava sanou:

– Tapetah ne i milma, ottakkua i milma.

Orava läksi mukah.

Tulou jänis vastah, kysyy joukolta:

– Minne mänettä?

– Kalinan häistä lihat loppu, myö mänemmä pakoh, kun meijät ois tapettu.

Jänis sanou:

– Tapetah ne milmaki, ottakkua matkah.

Tulou repo vastah ta kysyy:

– Minne mänettä?

Sanotah:

– Kalinan häistä lihat loppu, meijät ois tapettu, ni myö läksimä pakoh.

Repo sanou:

– Tapetah ne milmaki, ottakkua matkah.

Tulou hukka vestah, kysyy:

– Minne mänettä?

– Kalinan häistä lihat loppu, meijät ois tapettu, myö pakoh.

– Tapetah ne milmaki, ottakkua matkah.

Tulou kontie vastah, kysyy:

– Minne mänettä?

– Kalinan häistä lihat loppu, ni meijät ois tapettu, myö pakoh.

Kontie sanou:

– Tapetah ne milmaki, ottakkua matkah!

– Tule!

Niin hyö suurella sakilla lähettih ielläh mänömäh.

Mečässä on talo. Männäh siihe. Kissa rupei heitä järjestämäh, ketä mihiki panou töihe. Heposen panou pihalla ta sanou:

– Sisällä piässä, vain ulos elä piässä, potkua hyvin kun ken tulou.

Lehmän asettau siltatanhuon ovilla ta sanou:

– Sisällä piässä, vain kun ulos lähtöy, puse sarvillas.

Kontien panou sinčin ovilla ta sanou:

– Sisällä piässä, vain kun ulos lähtöy, pure jalka poikki.

Hukan panou pirtin ovilla ta sanou:

– Sisällä lase, vain pois kun lähtöy, pure kiät lujilla hampahillas.

Jäniksen panou laučan alla ta sanou:

– Sie hyvin juoksentele ta krapaja laučan alla.

Oravan panou kiukualla pärieh krapajamah, niinkun tikkuja eččimäh.

Kissa mänöy kiukuan peräh.

Ollah siinä kotvani. Ajau kaksi rosvo, yksi sanou:

– Ketä meilä on tullun? Mänen kačon.

Se mänöy pirttih, pimiessä ei niä ni mitä.

Rupei kiukualta eččimäh pärettä. Orava tarttu käsih puromah. Kaččou: hiiloksessa hunkalon perällä on tuli. (Ne kun kissan silmät kiiluu.) Mäni hiiloksesta tulta. Kissa häneltä silmät piestä kisko kynsilläh. Piäsi kissalta käsistä kirvestä ottamah laučan alta, jotta tappau ken häntä kynsi. Tai jänis tarttu puromah. Läksi rosvo juoksomah ulos. Hukka puri häneltä kiät ta – miehen kontiella. Kontie puri siäret poikki, loi lehmällä miehen. Lehmä puski hänen, trähni heposella. Heponi potkai rävähytti siitä rejestä piäličči, missä toini rosvo oli. Nousou rosvo häjin tuskin rekeh. Toini rosvo kysyy:

– Ka mitä sielä oli, kun sie olet näin veressä?

– Elä, veikkon, kysy, ennenkuin olemma ajan kaksikymmentä viisi kilometrie.

Siitä rupei sanomah:

– Kun mänin pirttih, ei kuulun, eikä näkyn mitänä. Rupein pärettä eččimäh, sielä oli semmoni kraatari, jotta niekloillah pisti miulta kiät. Hyppäsin hiiloksessa tulta puhumah: sielä oli semmoni kraatari, jotta repi silmät. Rupesin laučan alta kirvestä eččimäh, sielä oli suutari ta alko orasillah pissellä miulta käsie. Läksin juoksomah ovista, sielä oli vielä parempi suutari. Se

pissälti orasillah miulta kiät läpi, loi miun sinčin ovilla. Sielä oli hiihtäjämies, se keihähilläh jalat pisteli ta loi miun siltatanhuon luo sepällä käsih. Seppä miun pihtilöillä viänteli pahanpäiväsekse, siitä hiän loi vielä suuremmalla sepällä miun käsih. Se seppä kun pal'l'allah heittälytti milma, ni mie lensin monta sylvä. Nyt emmä mäne ilmasessa ijässä elämäh sinne, mäнемmä siihe, kunne tie meilä on.

No, ne elukat jätih siihe ijäkseh elämäh. Vieläkö nyt elettäneh.
Siihe se loppu.

7. На свадьбе Калины мясо кончилось

В доме празднуют свадьбу. Калина – это имя парня. На свадьбе Калины кончилось мясо. Говорят:

– Надо лошадь забить на мясо.

Кошка слушает на печи. Она идет, говорит лошади:

– На свадьбе Калины мясо закончилось, тебя забьют на мясо.

Лошадь убегает. Идет кошка обратно в избу. Идут лошадь забивать – лошадь сбежала. Говорят:

– Надо корову забить.

Кошка опять идет в хлев и говорит:

– На свадьбе Калины мясо кончилось, тебя забьют.

Корова убежала вслед за лошадью. Кошка обратно в избу. Идут корову забивать – нет коровы.

– Кого теперь зарежем? Зарежем собаку.

Кошка опять известила собаку. Собака убежала вслед за лошадью и коровой. Хотят собаку резать – нет и собаки.

– Ну, зарежем кошку.

Кошка – в бега вслед за лошадью, коровой и собакой. Им попалась белка навстречу, спрашивает:

– Куда вы идете?

Говорят:

– На свадьбе Калины мясо кончилось, и нас бы зарезали, но мы убежали.

Белка говорит:

– Они и меня зарежут, возьмите и меня [с собой].

Пошла белка вместе с ними. Идет заяц навстречу, спрашивает у них:

– Куда идете?

– На свадьбе Калины мясо кончилось, мы убегаем: нас бы зарезали.

Заяц говорит:

– Они и меня зарежут, возьмите меня с собой.

Идет лиса навстречу и спрашивает:

– Куда идете?

Говорят:

– На свадьбе Калины мясо кончилось, нас бы зарезали, но мы убежали.

Лиса говорит:

– Они и меня зарежут, возьмите с собой.

Идет волк навстречу, спрашивает:

– Куда идете?

– На свадьбе Калины мясо кончилось, нас бы зарезали, но мы убежали.

– Они и меня зарежут, возьмите меня с собой.

Идет медведь навстречу, спрашивает:

– Куда идете?

– На свадьбе Калины мясо кончилось, и нас бы зарезали, но мы убежали.

Медведь говорит:

– Они и меня зарежут, возьмите меня с собой.

– Пошли!

Так они большой компанией идут дальше. В лесу стоит дом. Заходят туда. Кошка начала ими руководить, кому какую работу дает. Лошадь оставляет во дворе и говорит:

– Вовнутрь пускай, только наружу не выпускай, лягни хорошенько, если кто придет.

Корову ставит у крыльца и говорит:

– Вовнутрь пусти, но как на улицу кто пойдет – бодай рогами.

Медведя ставит в сених и говорит:

– Вовнутрь пусти, но как на улицу кто пойдет – перекуси ногу.

Волка ставит к дверям избы и говорит:

– Вовнутрь пусти, но как будет выходить – кусай за руки крепкими зубами.

Зайца отправляет под скамью и говорит:

– Ты резво бегай и скребись под лавкой.

Белке велит на печи скрести лучиной, как будто спички ищет. Кошка пристраивается в углу на печи.

Побыли там немного. Едут два разбойника, один говорит:

– Кто к нам пришел? Пойду посмотрю.

Он идет в избу, в темноте ничего не видит. Начал на печи искать лучину – белка вцепилась в руки, начала кусать. Видит он – в загнетке на конце шестка* – огонь (это глаза кошки блестят). Потянулся за огнем – кошка у него глаза когтями и выцарапала. Отбилась от кошки и [полез] под лавку за топором, чтобы убить того, кто его поцарапал, – тут заяц принялся кусать. Побежал вор на улицу – волк прокусил ему руки и кинул мужика медведю. Медведь искусал ему ноги, кинул мужика корове. Корова боднула его, швырнула лошади. Лошадь лягнула его [так, что он перелетел] через те сани, в которых другой разбойник был. Разбойник с трудом забирается в сани. Другой разбойник его спрашивает:

– Да что там было, что ты весь в крови?

– Не спрашивай, браток, прежде чем отъедем за двадцать пять километров.

Потом начал рассказывать:

– Как вошел в избу, ничего не было видно и слышно. Начал лучину искать, а там оказался такой портной, что иголками истыкал мне руки. Бросился я огонь раздуть в загнетке – а там такой портной, что мне глаза выцарапал. Стал я под скамьей топор искать – а там был сапожник и начал шилом колоть мне руки. Побежал я к дверям, а там был еще хлеще сапожник: он проткнул мне руки шилом насквозь, кинул меня в сени к дверям. Там был лыжник. Он пиками мне ноги исколол и кинул меня на крыльцо в руки кузнецу. Кузнец клещами скрутил меня, несчастного, а потом кинул еще большему кузнецу в руки. Этот кузнец как шарахнет меня молотом по голове, так я пролетел много саженьей. Теперь уж никогда в жизни не вернемся туда жить, пойдем туда, куда дорога приведет.

Но, эти животные и остались там жить навечно. Может и теперь живут. Тут и конец.

8. Härän starina

Oli ennen ukko ta akka. Heilä on härkä, suuri hyvin härkä. Ta tuli hyvin vihaseksi se härkä. Akka sanou ukolla, jotta «tapa pois härkä, kun rupesi niin vihaseksi». Ukko otti veičen ta mäni liäväh ta rupesi hivomah sitä veistäh. Härkä kysyy, jotta «miksi sie, ukkosen, veistäh hivot?»

– Ka akka käski silma tappua – veistäni hivon.

Härkä sanou:

– Elä, ukkosen, tapa milma, piässä milma meččäh – mie tuon hyvän otuksen – ta tervua miulta selkä.

Ukko tervasi härältä selän ta piästi meččäh härän. Tai mäni semmoseh suorantaseh, termärintaseh, päiväpaistoseh. Alko syyvvä härkä siinä syksyttellä. Tulou kontie hänen luo. Kysyy härältä:

– Mitä ruat, härkäsen?

Härkä vastasi hänellä:

– Tässä syyvvä syksyttelen, tässä juuvva juksuttelen suorantasessa, päivänpaistosessa. Suu kun sopličča, piä kuin jumin kurikka, häntä kun Hämehen miekka, perse kun pellon veräjä.

Kontie sanou:

– Ota sie, härkäsen, milma selkähäs, kun on niin kaunis ta levie selkä.

A kontiella on se mieli, jotta hiän kun selkäh piäsöy härällä, nin hiän suau syyvvä härän. Härällä mieleh ni oli:

– Otan, – sanou, – tule sie selkäh.

Tai kontie nousi härällä selkäh. Läksi smökyimäh laukkuamah, ta jo kontie hyppyäis selästä pois, ka selkä kun on tervattu, nin ei ni piäse. Kontie huutau:

– Heitä tuolla mättähällä, heitä tällä mättähällä!

No ei mihinä, kun härkä laukkai kotih ta seinäh kohti. Kontielta kun piä jymähti seinäh, ta siihi i kuoli. Ukko otti otuksen, nylki nahkan.

Oltih tuas huomeneh. Akka sanou, jotta «pois pitäy härkä tappua, ukko». Niin, ta ukko mänöy tuas liäväh ta rupieu veistäh hivomah. Härkä kysyy:

– Miksi sie, ukkosen, veistäh hivot?

– Silma tappua.

Härkä sanou:

– Elä, ukkosen, tapa milma – työnnä meččäh, tervua selkä: mie tuas tuon hyvän otuksen.

Ukko tervai selän härältä, työnsi meččäh. Härkä mäni siih samah paikkah – suorantaseh, termärintaseh, päiväpaistoseh, Tulou repo. Sanou härällä:

– Mitä ruat, härkäsen?

– Tässä syyvvä syksyttelen, tässä juuvva juksuttelen. Suu kun sopličča, piä kuin jumin kurikka, häntä kun Hämeheh miekka, perse kun pellon veräjä.

Repo sanou jotta «ota, härkäsen, milma selkähäs, kun siula on niin kaunis ta silie selkä».

– Otan, otan, tule, – revolla sanou härkä, – nouse selkäh.

Niin ta repo nousi tuas härällä selkäh ta härkä läksi laukkuamah. Jo hiän siitä pois selästä hyppyäis, no ei piäse, kun puuttu tervah. Repo tuas huutau, niinkun kontie:

– Heitä tällä mättähällä, heitä tuolla mättähällä, heitä tällä mättähällä, heitä tuolla mättähällä!

Tai tuas laukkasi kotih härkä ta seinyä vassen hyppäi, ta piä revolta kun paukahti seinäh, nin siihi i kuolla kellahti. Ukko tulou vastah tuas hyvällä mielin, kun härkä toi hyvän otuksen. No härän panou liäväh, revon nylköy – ta tuas nahkan sai hyvän. No ta muatah tuas yö kellotetah.

Akka sanou:

– Tapa pois, ukko, härkä, kun on noin vihani (kolmannen kerran – kaikkiččihan se pitäy kolme kertua, hos mitä taro).

No tuas kun veičen ottau ta mäšnöy liäväh, alkau hivuo veistäh. Ta härkä kysyy:

– Miksi, ukkosen, veistäh hivot?

– Silma tappua.

Härkä sanou:

– Elä, ukkosen, tapa milma. Työnnä meččäh, tervua selkä – tuon hyvän otuksen.

Ukko tervai selän härältä ta piässälti meččäh.

No, härkä mänöy siih samah paikkah tuas – suorantaseh, termärintaseh, päiväpaistoseh. Tulou jänis (viimesekse jänis–raiska tulou). Jänis sanou härällä:

– Mitä ruat, härkäsen, tässä?

– Ka tässä syyvvä syksyttelen, tässä juuvva juksuttelen. Suu kun sopličča, piä kuin jumin kurikka, häntä kun Hämeheh miekka, perse kun pellon veräjä.

– Ota milma selkähäs, – jänis sanou härällä.

– Tule sie, nouse selkäh.

Jänis nousi selkäh. Härkä läksi laukkuamah. Jänis–raiska rupieis happyämäh selästä, ka ei ni piäse, kun tervah puuttu. Tuas karjuu jänis:

– Heitä tällä mättähällä, heitä tuolla mättähällä!

Ei mitänä kun härkä laukkai kotih ta vei ukolla otuksen. Ka ukko hyvällä mielin otti jäniksen ta tappo. Ta pani härän liäväh.

Ta akka mi lienöy lapalivo ollun, kun ukon pakotti härkyä tappamah. Jo ukko panou hevosen, val’l’astau, panou härän lihat rekeh, kontien lihat rekeh, revon lihat rekeh, tai jäniksen lihat. Tai nahkat kaikki. Siitä lähtöy linnalla, myöy ne lihat ta nahkat ta suau hyvin äijän rahua lihoista ta nahkoista. Ta siitä kun hiän luati suuren talon ičelläh, kuin čuarin palatin, niillä rahoilla. Ta siinä akkah kera eletäh vieläki, kun ei liene kuoltu.

Tai loppu. Siinä on nyt se härän starina.

8. Сказка про быка

Были раньше старик да старуха. У них был бык, огромный бык. И стал очень злым этот бык. Старуха и говорит старику, что «зарезь быка, раз стал такой злой». Старик взял нож и пошел в хлев и начал точить свой нож. Бык спрашивает, что «для чего ты, старичок, нож свой точишь?»

– Да старуха велела тебя зарезать – вот и точу свой нож.

Бык говорит:

– Не режь, старичок, меня, отпусти меня в лес – я принесу тебе хорошую добычу, засмоли мне спину.

Старик засмолил у быка спину и отпустил в лес быка. Да и пошел [бык] на край болота, на склон холма, на солнышко. Начал бык тут есть-пощипывать [траву]. Подходит к нему медведь. Спрашивает у быка:

– Что делаешь, бычок?

Бык ответил ему:

– Тут [траву] ем-пощипываю, тут пью-попиваю на краю болота, на солнышке. Рот [у меня] как соплича*, голова как дубина, хвост как меч из Хяме, зад как ворота на поле.

Медведь говорит:

– Возьми ты, бычок, меня на свою спину, раз у тебя такая красивая и широкая спина.

А у медведя на уме, что он как заберется на спину быка, то он быка съест. Быку того и надо:

– Возьму, – говорит, – залезай на спину.

И медведь залез на спину быка. Помчался бык галопом, медведь уже соскочил бы со спины, но спина как засмолена, так и не может соскочить. Медведь кричит:

– Высади на ту кочку, высади на эту кочку!

Но никуда не высадил, примчался бык домой и прямо об стену. Медведь как головой ударился об стену, так тут и подох. Старик взял добычу, содрал шкуру.

Дожили опять до утра. Старуха говорит, что «надо быка зарезать, старик». Да, и старик идет опять в хлев и начинает свой нож точить. Бык спрашивает:

– Для чего, старичок, нож свой точишь?

– Чтобы тебя зарезать.

Бык говорит:

– Не режь, старичок, меня, отпусти в лес, засмоли спину – я принесу тебе хорошую добычу.

Старик засмолил спину, отпустил в лес. Бык пошел на то же самое место – на край болота, на склон холма, на солнышко. Приходит лиса, говорит быку:

– Что делаешь, бычок?

– Тут [траву] ем-пощипываю, тут пью-попиваю. Рот как соплича, голова как дубина, хвост как меч из Хяме, зад как ворота на поле.

Лиса говорит, что «возьми, бычок, меня на свою спину, раз у тебя такая красивая и гладкая спина».

– Возьму, возьму, садись, – лисе говорит бык, – залезай на спину.

Да, и залезла лиса на спину быка, и бык помчался галопом. Она уже со спины соскочила бы, но не может, потому что прилипла к смоле. Лиса опять кричит, как и медведь:

– Высади на эту кочку, высади на ту кочку, высади на эту кочку, высади на ту кочку!

Да опять как примчался бык домой и на стену наскочил, лиса головой как ударилась об стену, так тут и лапки вверх, подохла. Старик опять довольный встречает быка, за то что тот принес хорошую добычу. Ну, быка ставит в хлев, с лисы шкуру сдирает – опять шкуру хорошую получил. Ну, опять ночь переспали.

Старуха говорит:

– Зарежь, старик, быка, раз такой злой (в третий раз – всегда ведь надо три раза, что ни плети).

Ну, опять [старик] берет нож и идет в хлев, начинает свой нож точить. И бык спрашивает:

– Для чего, старичок, нож свой точишь?

– Чтобы тебя зарезать.

Бык говорит:

– Не режь меня, старичок. Отпусти в лес, засмоли спину – принесу хорошую добычу.

Старик засмолил спину у быка и отпустил в лес. Ну, бык идет опять на то же самое место – на край болота, на склон холма, на солнышко. Приходит заяц (последним бедняжка заяц приходит). Заяц говорит быку:

– Что, бычок, здесь делаешь?

– Да тут [траву] ем-пощипываю, тут пью-попиваю. Рот как соплича, голова как дубина, хвост как меч из Хяме, зад как ворота на поле.

– Возьми меня на свою спину, – заяц говорит быку.

– Садись, залезай на спину.

Заяц залез на спину. Бык пустился галопом. Бедняга заяц хотел бы соскочить со спины, но не может, потому что к смоле прилип. Опять кричит заяц:

– Высади на эту кочку, высади на ту кочку!

Но не тут-то было, бык примчался домой и доставил старику добычу. И старик довольный взял зайца и зарезал. И поставил быка в хлев.

А старуха, как была лапаливо*, так заставила-таки старика резать быка. И старик лошадь запрягает и кладет бычью тушу в сани, медвежью тушу в сани, лисью тушку в сани, да и заячью тушку. И шкуры все. Потом едет в город и продает эти туши и шкуры и получает много денег за мясо и шкуры. И потом он построил себе большой дом, как царский дворец, на эти деньги. И в нем живет со старухой и поныне, если не умерли. Да и конец. Вот она, сказка про быка.

9. Kurki ta vanhapiika

Oli ennen kurki ta vanhapiika. Vanhapiika luatiu kekälehistä ičelläh pikkaraisen pirtin. Kutou kiukuan pirttih. Tulou kurki vanhah piikah sulhasikse. Vanhapiika kysyy:

– Mitä sie läksit?

Kurki sanou:

– Siun sulhasikse, lähe miula akakse.

Vanhapiika sanou:

– Missäpä siula on koti?

Kurki sanou:

– Miula on koti tuolla mättähällä.

Vanhapiika sanou:

– En lähe, kun olen näin pitälti neičystän, ni olen yksinäni.

Kurki mänöy suolla. Vanhapiika ajattelou: «Mintäh mie en männyn kurella, vuota lähen pyrkimäh».

Panou vanha piika virsut jalkahah, sviitkah piälläh. Mänöy kuren luo ta sanou:

– Nyt mie läksisin, kun ottanet miun.

Kurki sanou:

– En ota, kun kerta et tullun silloin, kun kysyin. Nyt en ota.

Vanhapiika lähtöy pahalla mielin suota kualamah. Mänöy röntöstäy. Lunta satau, vihmuu. Hänen kasto pahanpäiväsekse. Mänöy kotih, jaksautuu, panou sviitkah kuivah, virsut heittäy jalasta, hattarat panou kuivah. Iče kiroutuu siinä: «Kun mie olin niin huima, jotta läksin ta kaikki vuattieni kastelin».

Kurki ajattelou suolla mättähällä: «Mintäh mie en ottan, vuotahan kun pyritän uuvvestah!»

Mänöy vanhanpiijan oven tua, kolistau. Vanhapiika kysyy:
 – Ken on sielä oven takuana?
 Kurki sanou:
 – Mie olen, tulin siuh sulhasikse, lähe nyt miula.
 Vanhapiika sanou:
 – En lähe, enkä ovie avua, kun et kerran ottan. Sviitkani kassoin ta virsuni vielä ei ole kuivettu. Mäne matkahas!
 Kurki mänöy suolla. Vanhapiika ajattelou: «Mintäh mie en männyn, vuotahan lähen pyrkimäh».
 Suorieu tuas sihe entiseh pukuh ta lähtöy kurella pyrkimäh. Mänöy ta sanou:
 – Nyt läksin, kun ottanet miun.
 Kurki sanou:
 – En ota. Kävin, kun et tullun, ni mäne pois.
 Vanhapiika tuas suota kualau ta möčäjäy, jotta vielä kun mie tullen siula pyrkimäh. Mänöy kotihih, nousou kiukualla.
 Kurki ajattelou: «Mintäh mie en häntä ottan, kun noin oli hyvissä vuatteissa. Vuotahan lähen kosjomah, eikö nyt lähe».
 Kurki mänöy vanhanpiijan luo sanou:
 – Mie läksin siuh sulhasikse.
 Vanhapiika sanou:
 – Kun et ottan, nyt en lähe.
 Niin kurki tuas pois, ta niin hyö loppumattomih kosjottih toisijah.

9. Журавль и старая дева

Были раньше журавль и старая дева. Старая дева строит себе из головешек маленький домик. Ставит печь в избе. Приходит журавль свататься к старой деве. Старая дева спрашивает:
 – Зачем ты пришел?
 Журавль говорит:
 – К тебе свататься, иди за меня замуж.
 Старая дева говорит:
 – Где же у тебя дом?
 Журавль говорит:
 – У меня дом на той кочке.
 Старая дева говорит:
 – Не пойду, раз я уже так долго была в девушках, то буду одна.
 Журавль идет на болото. Старая дева думает: «Почему я не пошла за журавля, погоди, пойду проситься [замуж]».
 Обувает старая дева лапти на ноги, свитку на себя. Идет к журавлю и говорит:
 – Теперь бы я пошла [за тебя], если возьмешь меня.
 Журавль говорит:
 – Не возьму, раз не пошла тогда, когда просил; теперь не возьму.

Старая дева идет в плохом настроении, бредет по болоту. Идет, еле плетется. Снег пошел, заморосило. Она совсем промокла. Приходит домой, раздевается, вешает свитку сушиться, лапти снимает с ног и портянки вешает сушиться. Сама ругается: «Какая же я была глупая, что пошла к [журавлю] и всю одежду промочила».

Журавль на болоте, на кочке думает: «Почему я не взял ее? Подождика, пойду снова позову».

Подходит к дверям старой девы, стучит. Старая дева спрашивает:

– Кто там за дверью?

Журавль отвечает:

– Я, пришел к тебе свататься, иди теперь за меня.

Старая дева говорит:

– Не пойду и дверь не открою, раз сразу не взял. Свитку промочила, и лапти еще не высохли. Иди своей дорогой!

Журавль идет на болото. Старая дева думает: «Почему я не пошла? Дай-ка, пойду попрошусь снова». Одевается опять в тот же прежний наряд и идет к журавлю проситься. Приходит и говорит:

– Теперь пришла, если возьмешь меня [замуж].

Журавль говорит:

– Не возьму. Я приходил, раз не согласилась, то иди прочь.

Старая дева вновь бредет по болоту и бубнит: «Чтоб я еще пришла к тебе проситься». Приходит домой, поднимается на печь.

Журавль думает: «Почему же я не взял ее, ведь она была в таких хороших одеждах. Погоди-ка, пойду сватать, может, теперь пойдет?»

Журавль приходит к старой деве и говорит:

– Я пришел к тебе свататься.

Старая дева говорит:

– Раз не взял, теперь не пойду.

Так журавль опять [ушел] прочь, и так они бесконечно сватались друг к другу.

10. Orava, kinnas ta niekla

On ennen kolme vellestä: orava, kinnas, niekla. Hyö lähetäh mečällä. Tulou kolme tiehuarua. Orava (heistä vanhin) sanou:

– Kaikin lähemmä eri tietä, ken mitä suanou sualista, sen pitäy huhuta.

Niekla i löytäy männessäh tervaskannon. Niekla huhuou:

– Kiijä, kiijä, kintahaisen,

oravaisen oikuttele!

Niekla–rukka löyvön löysi,

sai suuren sualehen!

Ne juossah (kinnas ta orava).

– Löysin mie tervaskannon, – niekla sanou.

– Mi sualis tämä on, tervaskantojahan on täysi mečča.

Häntä lyöti siinä. Mäntih tuas eri tietä. Niekla löytäy vesilammin ta alkau huhuta:

– Kiijä, kiijä, kintahaisen,
oravaisen oikuttele!

Niekla–rukka löyvön löysi,
sai suuren sualehen!

Kinnas ta orava tullah:

– Mitä sie löysit?

Niekla sanou:

– Vesilammin löysin.

Nieklua lyyvväh, pieksetäh:

– Mi tämä suuri sualis on, kun vesilampini on!

Lähetäh tuas eri huaroilla mänömäh.

Niekla mänöy suon laitah. Kaččou, kun petrakarja suolla syyvväh kortehta. Niekla mänöy kaikkein suurimman petran eteh mättähällä ta pistäytyy korttehen siämeh. Suuri petra söi korttehen tai nieklan söi marahas. Niekla pistelöy, pistelöy petralla marua – tai kuolou petra. Tulou niekla petran marasta ta karjuu tuas vellijäh:

– Kiijä, kiijä, kintahaisen,
oravaisen oikuttele!

Niekla–rukka löyvön löysi,
sai suuren sualehen!

Kinnas ta orava sanotah:

– Emmä nyt lähe, niekla tuas valehtelou, min lienöy tervaskannon löytän.

Niekla tuas toisen kerran:

– Kiijä, kiijä, kintahaisen,
oravaisen oikuttele!

Niekla–rukka löyvön löysi,
sai suuren sualehen!

Kinnas ta orava sanotah:

– Emmä nyt lähe, niekla tuas valehtelou, min lienöy vesilammin löytän.

Niekla huhuou kolmannen kerran:

– Kiijä, kiijä, kintahaisen,
oravaisen oikuttele!

Niekla–rukka löyvön löysi,
sai suuren sualehen!

Tullah kinnas ta orava:

– Mi siula nyt on sualis?

Niekla sanou:

– Mie ammuin petran.

Petra venyy kellottau kuollehena mättähällä. Kinnas ta orava piätä silitetäh nieklalta:

– Kun näin hyvän sualehen sait, nin nyt olet hyvä veikko.

Tai nyletäh se petra.
 – No nyt pitäis miän ruveta keittämäh, nin ei ole kattilua.
 Nickla sanou oravalla:
 – Siula kun on terävät kynnet, nin mäne kiso tuohta, luajimma tuohesta kattilan ta sillä keitämmä lihua.
 Nickla ompeli tuohiropehen kattilakse.
 – Ka ei ole vettä, – sanotah. – Mistä nyt vettä suamma?
 Nickla sanou:
 – Löysinhan mie vesilammin, sielä on vettä.
 Kinnas kävi vettä.
 – Ka ei mielä ole i puita, millä keittyä tätä lihua.
 Nickla sanou:
 – Löysinhan mie tervaskannon.
 Nickla juoksou tervaskannon, ruvettih keittämäh. Siitä hyö keitetih, syötih ta loppuset lihat vietih kotihih. Niitä vielä i nyt syyvväh, kun ei liene loputtu.

10. Белка, рукавица да игла

Было раньше три брата: белка, рукавица, игла. Отправляются они на охоту. Пришли на перекресток трех дорог. Белка (из них старшая) говорит:
 – Каждый пойдет по своей дороге. Кто найдет добычу, должен кричать.
 Игла и находит по пути смолистый пень. Игла кричит:
 – Лети, лети, рукавичка,
 белочка, поспеши:
 иголочка находку нашла,
 большую добычу раздобыла!
 Они прибегают (рукавица и белка).
 – Нашла я смолистый пень, – игла говорит.
 – Что это за добыча – смолистых пней полон лес.
 Побили ее [иглу] за это. Идут опять по разным дорогам. Игла находит ламбу и начинает звать:
 – Лети, лети, рукавичка,
 белочка, поспеши:
 иголочка находку нашла,
 большую добычу раздобыла!
 Рукавица и белка приходят:
 – Что ты нашла?
 Игла говорит:
 – Ламбу нашла.
 Иглу бьют, колотят:
 – Что это за большая добыча – ламба!
 Опять расходятся в разные стороны. Игла идет на край болота. Смотрит – стадо оленей на болоте хвощ шиплет. Игла идет на кочку перед самым боль-

шим оленем и втыкается в сердцевину хвоща. Большой олень съел хвощ и иглу проглотил в свой живот. Игла колет, колет в животе оленя, и умирает олень. Выходит игла из живота оленя и кричит своим братьям:

– Лети, лети, рукавичка,
белочка, поспеши:
иголочка находку нашла,
большую добычу раздобыла!
Рукавица да белка говорят:

– Не пойдем, опять игла врет – какой-нибудь смолистый пень, верно, нашла.

Игла опять, второй раз:
– Лети, лети, рукавичка,
белочка, поспеши:
иголочка находку нашла,
большую добычу раздобыла!
Рукавица и белка говорят:

– Не пойдем, опять игла врет – какую-нибудь ламбушку, верно нашла.

Игла зовет третий раз:

– Лети, лети, рукавичка,
белочка, поспеши:
иголочка находку нашла,
большую добычу раздобыла!
Приходят рукавица да белка:
– Какая там еще у тебя добыча?

Игла говорит:
– Я подстрелила оленя.

Олень лежит мертвый на кочке. Рукавица да белка глядят иглу по голове:

– Коли такую хорошую добычу нашла, теперь ты хороший братец.
Освеживали оленя.

– Теперь надо бы нам сварить, так котла нет.

Игла говорит белке:

– У тебя когти острые, так иди, надери бересты, сделаем из бересты котел и в нем сварим мясо.

Игла сшила из бересты котел.

– Так воды же нет, – говорят. – Где воды достанем?

Игла говорит:

– Я же нашла ламбу, там есть вода.

Рукавица сходила за водой.

– Так у нас же нет дров, чтобы мясо сварить.

Игла говорит:

– Я же нашла смолистый пень.

Игла сбегала за смолистым пнем, стали варить. Потом они сварили, поели и остатки мяса унесли домой. Еще и сейчас его едят, если уже не кончилось.



СКАЗКИ ВОЛШЕБНЫЕ

11. Monipäiset kiärmehet

Oli ennen akka ta ukko. Akka suau joka päivä yhen pojan. Tuas erähänä päivänä suau pojan. Poika kaččou, kun on pirtti täynnä poikua, hos päitä myöte kävele, ei ole enämpyä tilua. Vastasyntynyt poika lähtöy pakoh juoksomah. Toisena päivänä suau naini tuas pojan. Seki läksi pakoh, kun niin äijän oli lapsie. (Syntyisipä nykyjäh niin äijän lapsie, ni kyllä naiset suatais palkintoja.) Jälkimmäini poika juoksou, juoksou ta tavottau sen toisen pojan. Ielläpäin juoksija poika kačahtau jälelläh. Kysyy toiselta pojalta:

– Mistä sie olet?

Poika sanou:

– Mie olen siitä talosta, missä joka päivä poika suahah.

Toini sanou:

– Ka siitä olen ni mie.

– No myöhän olemma vellekset.

Vanhempi poka kysyy:

– Joko silma on rissitty ta joko siula on nimi?

Toini sanou:

– Ei.

– No, ei ole ni milma rissitty, vain nyt kun tulou joki, ni myö rissimmä toisena ta panemma nimet.

Tuli joki. Hyö mäntih čuklahettih molommat jokeh ta siinä ristiivvyttih. Vanhemmalla pojalla pannah nimeksi Eirikki, nuoremalla Luasari.

Eirikki sanou:

– Nyt sie, Luasari, mäne yhtä tietä, mie mänen toista. Kun hätä tulou siula eli miula, ni mainičemma nimie ta siitä pitäy tulla toisien luokse.

Hyö lähettih astumah toini toista tietä, toini toista tietä. Mänöy Eirikki čuarin linnalla. Pyrkiy leskiakkaseh vatieralla. Leskiakkani hänen ottou. Eirikki sanou:

– Mie lähen tuonne linnalla kävelömäh vähäseksi aikua.

Akka sanou:

– Mäne, ka ei pie pitälti olla, tule pois.

Niin Eirikki läksi linnalla. Tulou vanha akka vastah. Sillä on yksi silmä. Eirikki rupei akalta kiskomah ainutta silmyä. Akka sanou:

– Elä, poikan, miulta silmyä kiso. Mie annan siula hyvän esinehen, annan linkkuveičen. Sitä kun liikahuttelet, ni se ruatau vaikka mitä, tappau vaikka koko muajilman, jos tahot.

Eirikki otti linkkuveičen, pisti kormanoh. Mänöy leskiakkaseh. Akka rupieu kiruomah, kun oli niin pitältä. Huomeneksella Eirikki alko tuas pyrkie:

– Työnnä milma, akkasen, linnalla.

Akka sanou:

– Mäne, vain elä ole niin pitälti kuin eklein olit.

Poika läksi ta mäni samah kohtah, missä oli ekleinki. Sama akka tulou vastah. Eirikki hyppäi tuas akan piällä ta alko kiskuo sen ainutta silmyä. Akka sanou:

– Elä, poikan, kiso miulta silmyä. Mie annan siula hyvän esinehen.

Akka antau Eirikillä puusta luajitun pallon ta sanou:

– Kun mänet meren rantah ta vasemella kantapiälläs pyörähät pallon piällä, ni siula tulou semmoni laiva, jotta mihi käset, sinne mänöy.

Poika otti pallon, pisti kormanohos ta juoksi meren rannalla. Pani pallon vasemen kantapiän alla ta pyörähti, siihi tuli laiva. Laiva sanou:

– Mihi männä, uusi herra?

Eirikki vastuau:

– Ei männä ni mihi, kun palloksi jälelläh.

Eirikki pisti pallon kormanoh ta mäni tuas leskiakan luo. Leskiakka tuas kiruou, tuosta ottau, ta tästä tavottau, kun niin pitälti oli linnalla. Ollah huomenekseh päiväh. Eirikki tuas akalta pyrkiy:

– Työnnä milma, akkasen, vielä tänä päivänä linnalla, jotta mie osuasin sielä kävellä.

Akka sanou:

– En työnnä enämpi, vain jos mänet oikein vähäseksi aikua, ni vielä tämän kerran lasen.

Eirikki tuas juoksi samah paikkah. Siinä tuas seiso sama yksisilmäni akka. Eirikki tuas hyppyäy ta alkau silmyä kiskuo akalta.

Akka sanou:

– Mitä sie, poika, miulta joka päivä silmyä kiset? Jos jätät milma rauhah, ni mie annan siula vielä yhen esinehen. Annan siula semmosen kattilan, mi keittäy niin äijän viinua, jotta ei ni konsa lopu, kun et kieltäne keittämästä.

Eirikki pistäy kattilan kormanoh ta lähtöy mänömäh leskiakkah. Kaččou matatessah, kun mussalla hal'akalla on vuorattu koko linna. Mänöy akan luo ta kysyy:

– Mintäh, akkasen, on mussalla hal'akalla vuorattu koko linna?

Akka sanou:

– Čuarin vanhinta tytärtä viijäh meren rantah kolmipäisellä smejjalla

syötäväksi, ni siitä murehesta on linna vuorattu mussalla hal'akalla. Tämä iltana lähemmä i myö siun kera, Eirikki, kaččomah sitä.

Tuli ilta myöhäni, kaikki rahvas ta Eirikki ta akka lähettih kaimuamah čuarin tyttärtä. Čuarin tytär on pantu mustah kariettah, musta heponi on val'assettu eteh. Kaikki itetäh, ollah pahoillah. Vietih čuarin tytär merenrantah. Čuari on pannun yhen sotamiehen vahtimah, jotta eikö vois puolustua smejalta. (Eirikki pistäyty kiven tua leskiakalta peittoh ta jäi sinne.) Niin tytär istuu siinä karietassa. Sotamies nousi puuhu ta sito iččieh puuhu kiini, jottei näkis surmua, kun kolmipäini smeja rupieu syömäh tyttärtä.

Eirikki mänöy čuarin tyttären luo ta sanou:

– Eči miulta piätä, mie rupien siun polven piällä venymäh. Jos mie uinuon, ni pissä milma kantapiäh orasella, kun vesi rupieu lensuomah ta kolmipäini smeja tulou.

Eirikki uinoi hänellä polvella. Tytär itköy ta piätä eččiy Eirikiltä. Rupei vesi lensuomah ta smeja tulou. Tytär pistäy orasella kahtapiäh. Eirikki hyppäi pystyh. Nousi ualto, nousi toini ualto, kolmannen uallon nenässä nousi kolmipäini smeja heposellah:

– Mitä korskut, konnan ruoka, hirnut, häjyn heponi? Yksi on Eirikki mualla mainittava, senki luita ei ole korppi kantan tänne.

Silloin Eirikki hyppäi kolmipäisen smejan heposen luo, otti suičista kiini ta sanou:

– Hauku miestä silmissä, elä silmien takuana.

Kolmipäini korsahtau:

– Joko olet tänne joutun?

Eirikki vastuau:

– Tässä olen.

Kolmipäini sanou:

– Puhu puhtahasta puarustas kolmimiärähini sotatanner.

Eirikki sanou:

– Puhu sie pakanasta puarustas, sie olet parempi puhumah, siula on kolme piätä.

Kolmipäini kun rupei puhumah – Eirikki linkkuveičelläh piät poikki. Ruumehen loi mereh, piät pani kiven alla. Mäni akan luo. Sotamies solahti puusta ta sanou čuarin tyttärellä:

– Sie sano, jotta mie pelassin siun, muitein tapan silma.

Huomeneksella tulou čuari ikävissäh kaččomah, jotta mitein kolmipäini on syönyt tyttären – tytär elävänä, kaunis. Sotamies sanou:

– Mie sen pelassin. Leikkain kolmipäiseltä piät poikki.

Čuari mänöy kotihis tyttären ta sotamiehen kera. Eirikki mäni akan luo. Se tuas kiruou:

– Missä lienet tuas veteliytytn? Tuas on linna vuorattu mussalla hal'akalla, kun čuarin keskimmäistä tyttärtä pitäy viijä kuusipäisellä smejalla syötäväksi. Myö lähemmä tuas kaččomah, vain sie, Eirikki, elä pakene.

Illalla lähettih čuarin tyttärtä mussalla karietalla viemäh kuusipäisellä syötäväksi. Akka ta Eirikki lähettih niisi kaččomah. Tytär jätettih merenrantah.

Sotamies on tuas pantu varteiččomah. Hiän nousou puuhu ta sitou iččieh kiini, jotta ei kirpuois, kun kuusipäini rupieu syömäh čuarin keskimmäistä tytärtä.

Čuarin tytär jäi kariettah istumah. Istuu ta itköy. Eirikki tuas oli peittäytyn kiven tua ta mänöy čuarin tyttären luo, sanou:

– Eči miulta piätä. Kun mie uinonnen ta vesi rupieu liikkumah, ni pissä milma orasella kantapiäh.

Eirikki uinoi tyttären polvella. Vesi alko lensuo. Tytär nossattau, nossattau, Eirikki ei voi miteinkänä herätä. Viimein tytär pistäy häntä kahtapiäh. Poika hyppäi ylös. Nousi ualto, toini, kolmas, nelläs, viijes, kuuvves. Kuuvvennen uallon nenässä nousi kuusipäini smeja. Heponi kuorskahtelou. Kuusipäini sanou heposellah:

– Mitä korskut, korppijen, variksijen ruoka? Yksi Eirikki on mualla mainittava, senki luita ei ole korppi kantan tänne.

Eirikki otti heposen suičista kiini ta sanou:

– Hauku miestä silmissä, elä silmien takuana.

Kuusipäini sanou:

– Joko olet, konna, tänne tullun?

– Tässä olen.

Kuusipäini sanou:

– Puhu puhtahasta puarustas kuusimiärähini sotatanner.

Eirikki sanou:

– Puhu sie pakanasta puarustas, siula on enämpi päitä.

Kuusipäini kun rupei puhumah, Eirikki löi kuusipäiseltä piät poikki. Ruumehen loi mereh. Piät pani kiven alla. Iče mäni tuas leskiakkah. Ei käynyn enämpi tytön luo. Sotamies puusta solahtau, sanou čuarin tyttärellä:

– Kačo, mie siun pelassin kuusipäiseltä. Jos et sano, jotta mie pelassin, ni mie tapan siun.

Tytär sanou:

– Sanon, sanon, jotta sie pelassit.

Čuari tulou huomeneksella tuas kaččomah, jotta mitein on kuusipäini syöryn tyttären. Tytär, elävä, kaunis istuu karietassa sotamiehen kera. Tytär, sotamies ta čuari männäh hyvällä mielellä kotih, kun sotamies pelasti. Eirikki kun vai pu kuusipäistä tappuas's'a, ni makuau koko päivän. Akka kiruou:

– Koko päivän makuat ta yöt juoksentelet. Tuas tänä päivänä on linna vuorattu mussalla hal'akalla. Čuarin nuorinta tytärtä viijäh yheksipäisellä smejalla syötäväksi.

Eirikki sanou:

– Lähemmäkö i myö, akkaseni, kaččomah, kun sinne viijäh čuarin tytärtä?

Akka sanou:

– Mie silma en ota, kun sie joka kerta pakenet.

Eirikki sanou:

– Ota vielä tämä kerta.

Niin lähettih tuas čuarin tytärtä viemäh yheksipäisellä syötäväksi. Ta akka i Eirikki lähettih kaččomah. Akka sanou:

– Vain pakene elä.

Eirikki tuas akalta käsistä pakeni, pistäyty kiven tua peittoh.

Siihi heitälletih čuarin tytär itkömäh. Sama sotamies jätetih puolustamah. Sotamies tuas puuhu nousou, sitou iččeh, jotta ei kirpuois, kun yheksipäini rupieu syömäh tyttärtä. Eirikki mäni čuarin tyttären luo ta sanou:

– Eči piätä. Kun mie uinonnen, ni pissä milma orasella kantapiäh.

Samassa Eirikki uino. Čuarin tytär pissältäy hänellä sormeh imennöi sormuksen. Jo alko meri liikkuo. Čuarin tytär ei voi ni miteinkänä herättäy Eirikkie. Lopulta hiän pistäy orasella kahtapiäh. Yheksipäini jo hyppäi heposeh kera yheksänmen uallon nenässä ta hepo kuorskahtelou noussessah. Yheksipäini sanou:

– Mitä korskut, konnan ruoka, hirnut, häjyn heponi? Yksi on Eirikki mualla mainittava, senki luita ei ole tänne korppi kantan.

Eirikki ottau hevoista suičista kiini ta sanou:

– Hauku miestä silmissä, elä silmien takuana.

Yheksipäini sanou:

– Joko, konna, tänne olet kulken?

– Tässä olen.

Yheksipäini sanou:

– Puhu puhtahasta puarustas yheksänmiärähini sotatanner.

Eirikki sanou:

– Puhu sie, siula on lujempi henki. Siula on monta piätä.

Yheksipäini rupei puhumah. Eirikki leikkai linkkuveičelläh yheksipäiseltä piätä. Kaheksan piätä leikkai, yheksättä ei ni voinun leikata – veičči tylčcy. Hyö alettih torata. Yheksipäini jo voitti allah Eirikin ta meinuu kuristua. Mečän takuata justih rupei päivä nousomah. Eirikki sanou yheksipäisellä:

– Kačo, kun kotis palau.

Yheksipäini kun kačautau päivännousuh, Eirikki ni leikkai yheksänmen piän poikki. Hiän ruumehen luou mereh ta piät pistäy kiven alla. Eirikki on niin kauhien väkövä. Hiän mänöy leskiakkah. Čuari tulou meren rantah kaččomah, mitein on asiet. Tytär on elävä, terveh. Sotamies istuu vierellä ta sanou:

– Mie pelassin tyttären.

Niin hyö männäh čuarin kotih kaikin. Čuari sanou sotamiehellä:

– Kun sait pelastua kaikki tyttäret, nin nyt ota kolmesta paras morsiemekses ta rupie meilä vävyksi.

Sotamies sanou:

– Nuorimman tyttären mie otan.

Nuorin tytär sanou:

– En mie mäne, ottakkah toisie.

Čuari sanou:

– Kun hiän pelasti, ta siun ottau, ni pitäy männä!

Nuorimmalla tyttäreellä on ajatus, jotta se mies hänen pitäy suaha, kellä hiän sormuksen pani sormeh. Hiän sanou tuatollah:

– Kun miula hiät tulou sotamiehen kera, ni tiältä linnalta on kaikki miesväki käsettävä häihi.

Niin hyö käsetäh kaikki miesväki, mitä sillä linnalla oli, hiävierahaksi.

Leskiakkaki tuli häitä kaččomah. Tytär kysyy:

– Joko nyt on kaikki miesväki tältä linnalta häissä?

Akka sanou:

– Meilä on yksi poika, vain se ei lähten.

Čuarin tytär sanou:

– Se on tuotava vaikka väkeh, jos ei lähe!

Ta niin sotamiehet kävi hakemassa Eirikin häihi.

Heilä häitä pityässä oli tapana antilahan tarjota potnoskalla tai prikalla kaikilla vierahilla viinua pikarilla.

Eirikki kun tuli, ni istuutu kattilalaučan piähä. Tytär kun tokati ta tunsi Eirikin, ni mäni tariččomah hänellä viinua. Eirikki laski sormukseh sormestah viinapikarih. Tytär ihastu siihi niin, jotta otti Eirikin kiästä kiini. Viey tuaton luo ta sanou:

– Tämä on, tuatto, miun palastaja, eikä sotamies. Tässä on tämä sormus, min mie kariatassa pissällin hänellä sormeh.

Sotamies kiistelöy, jotta hiän pelasti ta jotta Eirikki on varastan tyttäreltä sormuksen.

Eirikki sanou:

– Läkkä merenrantah, ni näytämmä, jotta mitein missä on tehty.

Niin hyö lähetäh, Eirikki ta sotamies ta čuari, merenrantah, missä oli tappelu smejojen kera. Eirikki sanou sotamiehellä:

– Näytä nyt, mihi olet ruumehet pannun, mihi piät.

Sotamies sanou:

– Ruumehet loin mereh, a piät panin kiven alla.

Eirikki sanou:

– Mäne nyt näytä piät ta nossalla kivi, min alla olet pannun.

Sotamies yrittäy nossaltua, ta kivi ei liikaha. Eirikki mänöy ta nossaltua yhellä sormellah, sielä on kaheksantoista piätä. Sanou sotamiehellä:

– Tule luo yksi näistä mereh.

Sotamies rupei kohottamah piätä. Ei lekaha piät, ne on niin suuret ta jykiet.

Eirikki yhellä sormellah kaikki luoksentelou mereh.

Jo čuari sanou:

– Tämä se on pelastan, jo se näkyy olennosta.

Niin hyö männäh čuarih. Čuari sanou:

– Nyt se on totta. Otatko naisekses nuorimman tyttären? Rupiemmako häitä pitämäh?

Eirikki sanou:

– Otan ta rupiemma. Kaikki teijän sukulaiset pitäy häihi kuččuo.

Čuari sanou:

– Olis vielä yksi kaikkein nuorin nelläs tytär, mi kato puissosta viisivuotisena.

Eirikki sanou:

– Mie lähen eččimäh tyttärtä, ta siitä rupiemma häitä pitämäh. Anna, čuari, miula kymmenen laivamiestä.

Čuari sanou:

– Pitäiskö i laiva?

Eirikki sanou:

– Laivua miula ei pie.

Čuari antau kymmenen miestä i lähetäh merenrannalla.

Eirikki ottau kormanostah pallon, min sai yksisilmäseltä akalta. Pani vasemman kanapiän alla ta pyörahti. Siitä tuli kultani laiva. Niin hyö lähettih ajamah laivalla. Eirikki ajattelou: «Mäne, laiva, siihi paikkah, missä on nuorin, nelläs tytär». Mäni kesellä mertä, laiva pietty siihi. Eirikki sanou laivamiehillä:

– Mie sitouvuun kettinkih, laskekkua milma merenpohjah. Kun mie lekahutan kettinkie, työ nostakkua milma pois, olkua niin uskolliset, kyllä mie teilä maksan.

Eirikki laskeutu meren pohjah. Tuli tie. Hän läksi tietä myöte mänömäh. Talo on meren pohjassa. Mänöy taloh. Nuori tytär, kaunis istuu stolan piässä ta ompelou.

– Oi, veikkon, mitä tänne tulit matoloilla syötäväksi? Tämä on matojen talo.

– Tulin čuarin tyttärtä eččimäh, mi on puissosta katon. Etkö tiijä, missä hiän on?

Tytär sanou:

– Michän se i olen. Mie kun viisivuotisena mänin huomeneskastiella puistoh, mato luikerteli ta otti miun suuhuh ta nieli. Sillä piäkiärmehellä on kolme poikua: kolmipäini, kuusipäini, yheksipäini. Eirikki-nimini mies on niiltä leikannun piät poikki.

Eirikki kysyy tyttäreltä:

– Missäpä se kiärmis nyt on?

Tytär sanou, jotta se on niin harmistun, kun pojat on tapettu ta koko meren on käynyn ympäričči viinua eččimässä, jotta jois, eikä ole löytän.

Eirikki sanou:

– Miula on viinankeitäntäkattila. Se keittäy viinua vaikka kuin äijän.

Tytär sanou:

– Mäne peittoh, mie sanon, jotta tiälä kävi viinankeitäjämies.

Tytär peitti Eirikin. Tulou vihasena piäkiärmis ta karjuu:

– En suanun mistänä viinua!

Tytär sanou:

– Tässä kävi viinankeitäjämies, ni mie en ruohtin kieltyä, jotta mitä sie sanot. Justih senkun pani oven kiini.

Kiärmis sanou:

– Mäne juokse jälkeh, etkö tavota, jotta tulkah viinua keittämäh!

Tytär karjuu ovesta:

– Hoi, viinankeitjä, tule jälelläh, meilä isäntä ruttoseh tarviččis viinua!

Viinankeitjä ta tytär männäh pirttih. Kiärmis karjuu viinankeitjäjällä:

– Suatatko viinua keittyä?

– Suatan.

– Keitä ruttoseh!

Eirikki ottau kattilan kormanostah, ajattelou: «Keitä viinua». Kattila rupei keittämäh viinua. Sitä tulou niin äijän, jotta kaikki astiet täyttyy. Kiärmis juou niin äijän, jotta ei voi enämpi liikkua ni miten, jo on niin tietämättömänä.

Kaikki, mitä merenpohjassa oli matoja, kun suatih tietyä, jotta viinankeittäjä on, tultih viinua juomah.

Tytär sanou:

– Nyt jo riittäy. Kaikki mavot sai jo kyllältil viinua.

Kiukuan perässä on vielä yksi vanha kiärmis harmissah, kun pojat tapettih. Se on piäkiärmehen akka ta poikien muamo. Hän sanou:

– Antakkua miulaki hoti yksi mal' a viinua.

Hänellä annettih niin äijän viinua, jotta hän halkei.

Eirikki löi isäntäkiärmeheltä piän poikki. Siihi kuoli koko kiärmehen suku. Eirikki kertou sillä tyttärellä kaikki, koko elämäkertah. Niin hyö lähetäh tyttären kera poikes čuarin kotih. Männäh siihi paikkah, missä Eirikin laiva seisou. Hän liikuttau kettinkie, jotta nossettais heitä laivah. Laivamiehet nossettih molommat, Eirikin ta tyttären, laivalla. Niin hyö mäntih čuarih. Čuari otti ilosesti vastah, kun se viimeniki tytär löyty, Eirikki sen toi, sanou:

– Nyt rupiemma häitä pitämäh kolmannesta tyttärestä.

Eirikki sanou:

– En mie ota häntä, mie otan tämän, min löysin merenpohjasta. Se on oikein kaunis.

Čuari sanou:

– Kun otat, se on siun valta. Ota kumpi hyvänsä.

Eirikki sanou:

– Suanko mieki käskie sukulaisieni häihi?

Čuari sanou:

– Vaikka kuin äijä, jos on.

Ta Eirikki mainiččou, jotta: «oli miula velli Luasari». Kun Luasarin nimie mainittih, ni hän sillä kertua tuli siihi ta kysyy:

– Mitä tarvičet?

– En mitänä, kun vain häissä olet.

Eirikki sanou čuarilla:

– Anna tyttäristäs kolmas, mi oli miula ensin eholla, tällä miun vellellä morsiemekse.

Čuari sanou:

– Ottakkah vain!

Siinä hyö yhtä aikua piettih hiät. Hyö molommat piästih čuarin vävyiksi.

Siihi se loppu ta loppukkah.

11. Многоглавые змеи

Были раньше жена и муж. Жена рождает каждый день одного сына. В один из дней опять родила сына. Мальчик видит, что изба полна мальчиков, хоть по головам ходи – нет больше места. Новорожденный сын бросается

наутек. На следующий день женщина опять родила сына, – и тот сбежал, раз так много было детей. (Рождалось бы сейчас так много детей, так женщины получали бы награды.) Последний сын бежит, бежит и догоняет другого мальчика. Впереди бегущий мальчик оборачивается [и] спрашивает у второго мальчика:

– Ты откуда?

Мальчик отвечает:

– Я из того дома, где каждый день рождается по сыну.

Другой [мальчик] говорит:

– И я оттуда.

– Так мы же братья.

Старший мальчик спрашивает:

– Тебя уже крестили, и есть ли у тебя имя?

Второй отвечает:

– Нет.

– И меня не крестили, но сейчас, когда встретится река, мы окрестим друг друга и дадим имена.

Встретилась река. Они нырнули оба в реку и там окрестились. Старшему мальчику дали имя Эйрикки, младшему – Луасари.

Эйрикки говорит:

– Теперь ты, Луасари, иди по одной дороге, а я пойду по другой. Если беда стрясется у тебя или у меня – назовем имя [друг друга], и тогда надо прийти друг к другу.

Отправились они шагать один по одной, другой – по другой дороге. Приходит Эйрикки в царский город, просится на квартиру к вдове. Вдова его принимает. Эйрикки говорит:

– Я пойду погуляю немного по городу.

Вдова говорит:

– Иди, только недолго [гуляй], возвращайся.

И Эйрикки пошел в город. Встречается ему старуха, у нее один глаз. Эйрикки стал выдирать у старухи единственный глаз. Бабка говорит:

– Не вырывай, сынок, у меня глаз. Я дам тебе хорошую вещь, дам складной нож. Его как пошевелишь, так он сделает что угодно, убьет хоть весь мир, если захочешь.

Эйрикки взял складной нож, сунул в карман. Приходит к вдове. Вдова начинает ругать [его], что так долго пропадал. Утром Эйрикки опять стал просить:

– Пусти меня, бабушка, в город.

Вдова говорит:

– Иди, только не будь так долго, как вчера был.

Парень пошел и пришел на то же место, где и вчера был. Та же самая старуха идет навстречу. Эйрикки опять набросился на старуху и стал выдирать ее единственный глаз. Старуха говорит:

– Не вырывай, сынок, у меня глаз. Я дам тебе хорошую вещь.

Старуха дает Эйрикки деревянный шар и говорит:

– Когда придешь на берег моря и повернешься, [стоя] левой пяткой на шаре, у тебя появится такой корабль, что куда ни велишь, туда и отправится.

Парень взял мяч, сунул в карман и побегал на берег моря. [Там] он положил шар под левую пятку и повернулся [на нем] – появился корабль. Корабль говорит:

– Куда плыть, новый господин?

Эйрикки отвечает:

– Не надо куда-то плыть, а [надо обернуться] обратно в шар.

Эйрикки сунул шар в карман и опять пошел к вдове. Вдова снова ругает, на чем свет стоит, что так долго был в городе. Дожили до завтрашнего дня. Эйрикки опять просит вдову:

– Пусти меня, бабушка, еще сегодня в город, чтобы я умел там ходить [ориентироваться].

Вдова говорит:

– Больше не отпущу; но если только совсем ненадолго, то еще на этот раз отпущу.

Эйрикки опять побегал на то же место. Там опять стояла та же самая одноглазая старуха. Эйрикки опять бросается [на нее] и начинает вырывать глаз у старухи. Старуха говорит:

– Что ты, сынок, каждый день у меня глаз вырываешь? Если оставишь меня в покое, то я дам тебе еще одну вещь. Я дам тебе такой котелок, который будет варить столько вина, что [оно] никогда не кончится, если только ты не велишь перестать варить.

Эйрикки засовывает котелок в карман и отправляется к вдове. По пути видит, что черным сукном покрыт весь город. Приходит к вдове и спрашивает:

– Почему, бабушка, весь город покрыт черным сукном?

Вдова отвечает:

– Старшую дочь царя поведут на берег моря трехглавому змею на съедение, и из-за этого горя город покрыт черным сукном. Сегодня вечером пойдем и мы с тобой, Эйрикки, смотреть на это.

Наступил поздний вечер. Весь народ – и Эйрикки с вдовой – отправились провожать царевну. Царевну посадили в черную карету, в карету запряжена черная лошадь. Все плачут, переживают. Привезли царевну на берег моря. Царь поставил одного солдата охранять [царевну]: может, сможет защитить [ее] от змея. (А Эйрикки спрятался от вдовы за камень и остался там.) Так царевна сидит в этой карете. Солдат влез на дерево и привязал себя к дереву, чтобы не видеть гибели [царевны], когда трехглавый змей будет есть девушку.

Эйрикки подходит к царевне и говорит:

– Поищи у меня в голове; я прилягу к тебе на колени. Если я усну,

уколи меня шилом в пятку, когда вода заволнуется и появится трехглавый змей.

Эйрикки уснул у нее на коленях. Девушка плачет и ищет в голове у Эйрикки. Заволновалась вода: выходит змей. Царевна уколола Эйрикки шилом в пятку; Эйрикки вскочил. Поднялась волна, поднялась вторая волна, а на гребне третьей волны вышел трехглавый змей на своем коне. Конь всхрапывает, выходя. Трехглавый [змей] говорит коню:

– Что хранишь, жабий корм, ржешь, негодный конь? Один лишь Эйрикки на свете достоин упоминания, и того костей не принес сюда ворон.

Тогда Эйрикки подскочил к коню трехглавого змея, взял его под узды и говорит:

– Ругай человека в глаза, а не за глаза.

Трехглавый фыркнул:

– Ты уже здесь?

Эйрикки отвечает:

– Здесь я.

Трехглавый говорит:

– Выдуй своим чистым духом трехмерное поле для битвы.

Эйрикки говорит:

– Выдуй ты своим поганым духом: ты лучше дуешь, у тебя три головы.

Трехглавый как стал дуть, Эйрикки своим складным ножом – головы прочь. Тело бросил в море, головы положил под камень. Пошел к вдове.

Солдат спустился с дерева и говорит царевне:

– Ты скажи, что я тебя спас, иначе я тебя убью.

Наутро царь, печальный, приходит посмотреть, как трехглавый съел его дочь, – дочь живая, красивая. Солдат говорит:

– Я ее спас, отрезал у трехглавого головы.

Царь идет с дочерью и солдатом домой. Эйрикки пришел к вдове. Та снова ругает:

– Где ты опять шлялся? Снова город покрыт черным сукном, потому что среднюю дочь царя надо отвести шестиглавному змею на съедение. Мы опять пойдем смотреть, только ты, Эйрикки, не убегай.

Вечером повезли царевну в черной карете шестиглавному [змею] на съедение. Вдова и Эйрикки тоже пошли смотреть. Девушку оставили на берегу моря. Солдата опять приставили охранять [ее]. Он влезает на дерево и привязывает себя, чтобы не упасть, когда шестиглавый будет есть среднюю дочь [царя]. Царевна сидит в карете, сидит и плачет. Эйрикки опять спрятался за камень и выходит [оттуда] к царевне и говорит:

– Поищи у меня в голове. Если я усну и вода придет в движение, уколи меня шилом в пятку.

Эйрикки уснул на коленях у девушки. Вода заколыхалась. Девушка будит, будит – Эйрикки никак не может проснуться. Наконец девушка ткнула его в пятку; парень вскочил. Поднялась волна, вторая, третья, чет-

вертая, пятая, шестая. На гребне шестой волны выходит шестиглавый змей. Конь всхрапывает. Шестиглавый говорит своему коню:

– Что храпишь, корм воронов-ворон? Один Эйрикки на свете стоит упоминания, и того костей не принес сюда ворон.

Эйрикки взял коня под уздцы и говорит:

– Ругай человека в глаза, а не за глаза.

Шестиглавый спрашивает:

– Ты, негодяй, уже прибыл сюда?

– Здесь я.

Шестиглавый говорит:

– Выдуй своим чистым духом шестимерное поле для битвы.

Эйрикки говорит:

– Выдуй ты своим поганым духом, у тебя голов больше.

Шестиглавый как стал дуть – Эйрикки и отсек у шестиглавого головы. Тело выбросил в море, головы положил под камень. Сам опять пошел к вдове, не подходил больше к девушке. Солдат слезает с дерева, говорит царевне:

– Смотри, я спас тебя от шестиглавого [змея]. Если не скажешь, что я тебя спас, я тебя убью.

Девушка говорит:

– Скажу, скажу, что ты спас.

Наутро царь опять приходит посмотреть, как шестиглавый съел его дочь, – дочь живая, красивая, сидит в карете с солдатом. Царевна, солдат и царь идут домой радостные, что солдат спас [царевну]. А Эйрикки так устал, сражаясь с шестиглавым, что спит весь день. Вдова опять ругает:

– Целый день спишь, а ночи бегаешь. Опять сегодня город покрыт черным сукном: младшую дочь царя поведут девятиглавому змею на съедение.

Эйрикки спрашивает:

– Бабушка, мы тоже пойдем посмотреть, как царевну поведут туда?

Бабка говорит:

– Я тебя не возьму, раз ты каждый раз убегаешь.

Эйрикки говорит:

– Возьми еще на этот раз.

Так отправились опять провожать царевну девятиглавому [змею] на съедение. И вдова с Эйрикки пошли посмотреть. Вдова говорит:

– Только не убегай.

Эйрикки опять сбежал от бабки, спрятался за камень.

Оставили там [на берегу] царевну плакать. Того же солдата поставили охранять [ее]. Солдат опять влезает на дерево, привязывает себя, чтобы не упасть, когда девятиглавый [змей] будет есть девушку. Эйрикки подходит к царевне и говорит:

– Поищи [у меня] в голове. Если я усну, уколи меня шилом в пятку.

Эйрикки тут же уснул. Царевна надела ему на палец именное колечко. Вот стало море волноваться. Царевна никак не может разбудить Эйрикки. Наконец она ткнула [его] шилом в пятку. Девятиглавый [змей] уже выскочил со своим конем на гребне девятой волны, и конь всхрапывает, выходя. Девятиглавый спрашивает:

– Что храпишь, жабий корм, ржешь, негодный конь? Один лишь Эйрикки на свете стоит упоминания, и того костей не принес сюда ворон.

Эйрикки берет коня под уздцы и говорит:

– Ругай человека в глаза, а не за глаза!

Девятиглавый говорит:

– Ты уже, жаба, добрался сюда?

– Здесь я.

Девятиглавый говорит:

– Выдуй своим чистым духом девятимерное поле для битвы.

Эйрикки говорит:

– Выдуй ты, у тебя сильнее дыхание: у тебя много голов.

Девятиглавый стал дуть – Эйрикки отсек своим складным ножом у него головы, восемь голов отсек, а девятую не смог: нож притупился. Они начали бороться. Девятиглавый уже поднял под себя Эйрикки и хочет задушить. Из-за леса как раз начало вставать солнце. Эйрикки говорит девятиглавому:

– Смотри – твой дом горит!

Девятиглавый как взглянул на рассвет – Эйрикки и отсек [у него] девятую голову. Тело он выбросил в море, а головы положил под камень; Эйрикки ужасно силен. Он идет к вдове.

Царь приходит на берег моря смотреть, как дела, – дочь жива, здорова. Солдат сидит рядом и говорит:

– Я спас [твою] дочь.

Отправились они все вместе домой к царю. Царь говорит солдату:

– Раз ты спас всех дочерей, бери теперь лучшую из трех себе в невесты и стань нашим зятем.

Солдат говорит:

– Я возьму младшую дочь.

Младшая дочь говорит:

– Я не пойду [за него], пусть берет других.

Царь говорит:

– Раз он спас и выбирает тебя – надо идти.

А младшая дочь думает о том, что ей нужен тот мужчина, которому она надела кольцо на палец. Она говорит отцу:

– Когда у меня будет свадьба с солдатом, все мужчины этого города должны прийти на свадьбу.

Так они велят всем мужчинам, что были в том городе, быть гостями на свадьбе. И вдова пришла посмотреть на свадьбу. Царевна спрашивает:

– Все ли мужчины этого города прибыли на свадьбу?

Вдова говорит:

– У нас есть один парень, но он не пошел.

Царевна говорит:

– Его нужно привести хоть силком, если [сам] не пойдет!

И солдаты привели Эйрикки на свадьбу.

У них было принято, чтобы невеста подносила всем гостям вино в рюмках на подносе. Когда Эйрикки пришел, он сел на край лавки для посуды [у входа]. Девушка как заметила и узнала Эйрикки, так подошла предложить ему вина. Эйрикки опустил кольцо с пальца в бокал с вином. Девушка так этому обрадовалась, что взяла Эйрикки за руку, подвела к отцу и говорит:

– Вот это, отец, мой спаситель, а не солдат. Вот то кольцо, которое я в карете надела ему на палец.

Солдат спорит, что это он спас [царевну], и что Эйрикки украл у девушки кольцо. Эйрикки говорит:

– Пойдем на берег моря и покажем, как и где [все] происходило.

Так они – Эйрикки, солдат и царь – отправляются на берег моря, где была битва со змеями. Эйрикки говорит солдату:

– Покажи теперь, куда ты положил тела, куда – головы.

Солдат говорит:

– Тела я бросил в море, а головы сложил под камень.

Эйрикки говорит:

– Иди теперь покажи головы и приподними камень, под который ты их сложил.

Солдат пытается приподнять, но камень не двигается. Эйрикки подходит и поднимает [его] одним пальцем, там – восемнадцать голов; говорит солдату:

– Подойди и брось одну из них в море.

Солдат пытается приподнять головы – головы даже не качнутся: такие они большие и тяжелые. Эйрикки одним пальцем побросал все [головы] в море. Царь говорит:

– Это он спас, это уже видно по человеку [букв. по существу].

И идут они к царю. Царь говорит:

– Теперь это правда. Возьмешь ли ты в жены младшую дочь? Будем ли справлять свадьбу?

Эйрикки говорит:

– Возьму и будем. Всех ваших родственников надо пригласить на свадьбу.

Царь говорит:

– Есть еще одна, самая младшая, четвертая дочь, которая пропала в парке в пятилетнем возрасте.

Эйрикки говорит:

– Я отправлюсь на поиски царевны, а потом справим свадьбу. Дай мне, царь, десять матросов.

Царь спрашивает:

– Корабль тоже нужен?

Эйрикки отвечает:

– Корабль мне не нужен.

Царь дал десять матросов, и [они] пошли на берег моря.

Эйрикки достал из кармана мяч, который он получил у одноглазой старухи, положил под левую пятку и повернулся [на нем]. Появился золотой корабль, и они отправились в плавание на корабле. Эйрикки подумал: «Пльиви, корабль, в то место, где находится младшая, четвертая дочь царя». Корабль приплыл на середину моря и остановился там. Эйрикки говорит матросам:

– Я привяжусь к цепи, а вы опустите меня на дно моря. Когда я качну цепь, вы поднимите меня, будьте так верны, я вам отплачу.

Эйрикки опустился на морское дно. Появилась дорога. Он пошел по дороге. Стоит дом на дне морском. Входит [Эйрикки] в дом. Молодая, красивая девушка сидит за столом и вышивает.

– Ой, братец, зачем ты пришел сюда змеям на съедение? Это дом змей.

– Я пришел искать царевну, которая пропала в парке. Ты не знаешь, где она?

Девушка говорит:

– Так это я и есть. Когда я в пять лет пошла при утренней росе в парк, приполз змей, взял меня в рот и проглотил. У этого главного змея три сына: трехглавый, шестиглавый и девятиглавый. Мужчину по имени Эйрикки отрубил у них головы.

Эйрикки спрашивает у девушки:

– А где сейчас этот змей?

Девушка говорит, что он так раздосадован тем, что сыновья убиты; обошел все море в поисках вина, чтобы напиться, но не нашел. Эйрикки говорит:

– У меня есть котелок для варки вина, он наварит вина хоть как много.

Девушка говорит:

– Спрячься, а я скажу, что сюда приходил винокур.

Девушка спрятала Эйрикки. Главный змей приходит злой и кричит:

– Нигде не нашел вина!

Девушка говорит:

– Сюда заходил винокур, но я не посмела задержать его: [не знала], как ты к этому отнесешься. Вот только что дверь закрыл [за собой].

Змей говорит:

– Беги вслед – может, догонишь: пусть приходит вино варить!

Девушка кричит [стоя] в дверях:

– Эй, винокур, вернись! Нашему хозяину срочно требуется вино!

Винокур и девушка входят в избу. Змей кричит винокуру:

– Ты умеешь варить вино?

– Умею.

– Вари побыстрей!

Эйрикки достает из кармана котелок, думает: «Вари вино», – котелок стал варить вино. Его получается так много, что вся посуда заполнилась. Змей выпивает так много, что уже не может пошевелиться, уже без чувств. Все змеи, что были на дне морском, как узнали, что [тут] есть винокур, пришли пить вино.

Девушка говорит:

– Теперь хватит: все змеи уже напились вина вдоволь.

За печкой еще одна старая змея досаждает, что сыновей убили: это же на главного змея и мать [убитых] сыновей. Она говорит:

– Дайте и мне хоть одну чашу вина.

Ей дали столько вина, что она лопнула.

Эйрикки отрубил у главного змея голову. Так погиб весь змеинный род. Эйрикки рассказал девушке обо всем, всю историю своей жизни. Так они отправляются с девушкой домой к царю. Подходят к тому месту, где стоит корабль Эйрикки. Он дергает за цепь, чтобы их подняли на корабль. Матросы подняли обоих – Эйрикки и девушку – на корабль. Так они прибыли к царю. Царь встретил их с радостью, что и последняя дочь нашлась – Эйрикки ее привез. Царь говорит:

– Теперь будем справлять свадьбу третьей дочери.

Эйрикки говорит:

– Я не на ней женюсь, я женюсь на этой, которую нашел на дне морском. Она очень красивая.

Царь говорит:

– Раз женишься [на младшей дочери] – на то твоя воля; выбирай, какую хочешь.

Эйрикки спрашивает:

– Могу ли и я пригласить своих родственников на свадьбу?

Царь отвечает:

– Хоть как много, если есть.

И Эйрикки говорит, что «был у меня брат Луасари». Как только имя Луасари было названо – тот тут же появился и спрашивает:

– Что тебе надо?

– Ничего, главное, чтобы ты был на свадьбе.

Эйрикки говорит царю:

– Отдай третью из своих дочерей, которая сначала мне предлагалась, этому моему брату в невесты.

Царь говорит:

– Пусть берет!

Так они вместе справили свадьбу; они оба стали зятьями царю.

На этом она [сказка] кончилась – и пусть кончилась.

12. Kissanpoika ta Jelena-prekrasnoi devuška

Oli ennen ukko ta akka. Akka suau pojan, koira suau pojan, tai kissa suau pojan. Kaikki nämä poikalapset synty yhtenä yönä. Hyö ollah niin vilkkahat, kaunehet. Kasvetah siinä monies päivä. Kissanpoika sanou toisilla pojilla:

– Emmäkö myö lähe tästä koista muajilmalla?

Ne, Akanpoika ta Koiranpoika hyvin i suostu lähtömäh. Yöllä kaikin otetah tallista heposet ta lähetäh heposen selässä ajamah. Ajetah koko päivä. Tulou myöhäni ilt. Heijän piti ajua jovesta poikki. Siinä on silta. Sillankorvasta nousou oikein likani tie, niinkun siinä olisi mitä hyvin pahoin ruattu. Tai suuri talo on sillankorvassa. Männäh taloh kaikin kolmen. Ollah siinä, syyvväh. Kissanpoika sanou:

– Emmä myö tähä uskalla näin jäähä yökse. Hos kenen meistä on mäntävä varteiččomah sillankorvah. Jovesta voipi noussa hos mitä, kun tie on noin mulloissettu sillankorvassa.

Niin Kissanpoika käsköy Akanpojan varteiččomah ta sanou:

– Jos mi hätä tulou sielä, nin tuot miula sanan.

Akanpoika mäni sillankorvah, istu kotvasen, tai uinoin.

Kissanpoika kävelöy sielä huonehissa, löytäy oikein terävän miekan, ottau sen. Arvelou kissanpoika: «Vuota lähen kačon, kun ei se Akanpoika olis uinon, jottei meitä tapettais tiälä».

Kissanpoika istuu siinä vähäsen aikua. Jovesta nousou heposen selässä kolmipäini smeja. Heponi krämpästeliytyy siinä noussessah. Kiärmis sanou:

– Mitä krämpästeliyyt, korppien-voronojen ruoka? Yksi on Kissanpoika mualla mainittava, senki luita ei ole korppi tänne kantan.

Kissanpoika ottau kolmipäisen heposen suiččiloista kiini, sanou:

– Hauku miestä silmissä, elä silmien takuana!

Kolmipäini sanou:

– Puhu puhtahasta puarustas, kolmimiärähini sotatanner.

Kissanpoika sanou mavolla:

– Puhu sie pakanasta puarustas, sie olet väkövämpi puhumah.

Kolmipäini kun rupieu puhumah, Kissanpoika häneltä i leikkai kolme piätä. Ruumehet panou mereh, piät sillan alla arkkuh. Iče Kissanpoika mänöy pirtti. Akanpoika makuau älvöttäy kero kahallah. Päivä valkenou. Akanpoika havaččeutuu ta mänöy pirtti. Kissanpoika sanou:

– Oliko mitä sillankorvassa?

Akanpoika sanou:

– Koko yön issuin sillankorvassa, ei näkyn ni mitänä.

Toisena iltana sanou Kissanpoika:

– Nyt sie, Koiranpoika, mäne sillankorvah varteiččomah. Kun hätä tulou, kuču milma. Uinuo elä!

Lähtöy Koiranpoika sillankorvah varteiččomah. On sielä kotvasen, tai uinuo.

Kissanpoika hivou miekkua, lähtöy kaččomah, jotta mitä sielä tuas on.

Jovesta nousou kuusipäini smeja. Heponi kompasteliutuu, krämpästeliytyy. Smeja sanou:

– Mitä kompasteliuvut, krämpästeliyyvt? Yksi on Kissanpoika mualla mainittava, senki luuta ei ole korppi tänne kantan.

Kissanpoika sanou:

– Hauku miestä silmissä, elä silmien takuana!

Kuusipäini sanou:

– Puhu puhtahasta puarustas, kuusimiärähini sotatanner.

Kissanpoika sanou:

– Puhu sie pakanasta puarustas, sie olet väkövämpi puhumah.

Kuusipäini kun rupieu puhumah, Kissanpoika silloin i löi smejalta kuusi piätä. Loi ruumehet jokeh, piät sillan alla arkkuh. Mänöy pirttih: tulou Koiranpoika hänellä jälkeh. Kissanpoika kysyy:

– Nävitkö mitä?

– Ei ni mitänä näkyn, – sanou Koiranpoika.

Kissanpoika sanou:

– No nyt se pitäy lähtie miun tänä iltana, kun on miun vuoro.

Kissanpoika pisti lakeh veičen ta sanou:

– Kun tästä veičen piästä rupieu veri tippumah, ni työ tulkua apuh, silloin miula on hätä.

Akanpoika ta Koiranpoika uinottih. Kissanpoika sielä varteiččou. Nousou yheksipäini smeja heposen selässä.

Smeja karjuu:

– Mitä krämpästeliyyvt? Yksi on Kissanpoika mualla mainittava, senki luuta ei ole korppi tänne kantan.

Kissanpoika ottau hevoista suičista kiini ta sanou:

– Hauku miestä silmissä, elä silmien takuana!

Smeja sanou:

– Puhu puhtahasta puarustas, yheksänmiärähini sotatanner.

Kissanpoika sanou:

– Puhu sie pakanasta puarustas, siula on enämpi väkie.

Yheksipäini kun rupieu puhumah, Kissanpoika i leikkai siltä kaheksan piätä. Yheksättä ei voimun leikata. Miekka tylčöy ta väki mäni. Yheksäs piä kun jäi leikkuamatta, ni Kissanpoika ei voi enämpyä pityä puolieh yheksipäisellä.

Kissanpoika sanou yheksipäisellä:

– Kačo, kun naises luo mänöy toisie miehie!

Yheksipäini kun kačahti kotih päin, silloin Kissanpoika i viimesen piän pois. Loi jokeh ruumehet, piät panou sillan alla arkkuh. Mänöy taloh ta hiän on niin vaipun kovasta työstä, jotta paikalla paukahti lattiella venymäh. Veičenniästä on veri juossun niin, jotta verilampi on lattiellä. Koiranpoika ta Akanpoika vain muattih, eikä nähty veistä, eikä ni mitänä.

Nostau Kissanpoika Akanpoikua ta Koiranpoikua tai sanou:

– Vertä on lampi lattiella. Työ että kačo, jotta tulisitta hätäh. Nyt mejän pitäy lähtie pois tästä. Tähä voipi tulla hos ketä, ta teijät tapetah tähä.

Noussah heposilla selkäh. Ajettih yli sillan. Kissanpoika sanou Akanpojalla ta Koiranpojalla:

– Työ ajakkua ielläh, a mie käyn taloh, lakki unohtu.

Kissanpoika kun ajo talon luo, ni se talo oli jo muuttun kolmeksi taloksi. Kissanpoika kuuntelou ikkunan alla, jotta mitä kuuluu talosta. Talossa naini laulau lapsie tuuvvittuas's'a: «Tuuti, tuuti, pojaistani, Kissanpoika tuattos tappo. Kun Kissanpoika lähtöy mänömäh, hänellä tulou hyvin jano. Mie muutun hopieseksi kaivoksi, kultaseksi kauhaksi. Hiän kun rupieu juomah vettä, tai halkieu».

Kissanpoika mänöy toisen talon ikkunan alla. Tuas sielä tuuvvittau naini lasta ta sanou: «Tuuti, tuuti, pojaistani, Kissanpoika tuattos tappo. Hiän kun lähtöy ajamah, hänellä tulou hyvin uni. Mie muutun sulkasiksi perinöiksi, sulkkuseksi täkiksi. Hiän kun rupieu siihi muate, tai halkieu».

Se oli kuusipäisen naini.

Kissanpoika mänöy kolmannen talon ikkunan alla. Sielä laulau naini: «Tuuti, tuuti, pojaistani, Kissanpoika tuattos tappo. Hiän kun lähtöy ajamah, hänellä tulou hyvin nälkä. Mie muutun stolaksi. Hiän kun rupieu syömäh, tai halkieu».

Se oli yheksänpäisen naini.

Kissanpoika lähtöy ajamah. Hänellä tuli hyvin jano. Tulou hopieni kaivo, kultani kauha, ajattelou: «Vuota, lähen tuosta juon vettä». Heponi potkai Kissanpoikua, ennenkuin hiän ehti solahtua ta samassa Kissanpoika muisti, jotta tämänhän onki se kaivo, mistä naini laulo. Niin häneltä mäni jano.

Kissanpoika ajau tuas ielläh. Tuli hänellä hyvin uni. Jo on heposen selästä kirpuomassa. Kaččou: kun tiepuolessa on luajittu hyvä sija. Sulkaperinät, sulkkuni täkki. Kissanpoika ajattelou: «Tuoho pitäy ruveta muate, kun on noin hyvä sija». Yritti solahtamah heposen selästä. Heponi tuas potkuau. Samassa Kissanpoika muistau, mitä kuusipäisen naini laulo. Niin häneltä mäni uni.

Ajau vähän matkua tuas, jo tuli nälkä Kissanpojalla. Siinä on ruokua pantu stola täysi, ajattelou: «Tuosta mie lähen syömäh». Jo solahti heposen selästä. Heponi tuas potkai hyvin lujasti. (Anto merkin, jotta ei pie syömäh ruveta.) Kissanpojalla tuas juohtu mieleh, jotta tässähän se on yheksipäisen naini ruokastolana. Nälkä mäni ohi. Kissanpoika läksi ielläh ajamah.

Tulou kaksi tiehuarua. Ajattelou: «Kumpaista tietä lähtie?» Yht'äkkie heposen otti kiini luini mies, luuranko:

– Minne mänet, Kissanpoika? – sanou Luuranko.

Kissanpoika sanou Luurankolla:

– Kotih mänen.

– Et mäne kotih. Jos et suane miula Jelena-prekrasnoi devuškuu morsiemekse, ni mie siun tapan, kun sieki miun vellet tapoit.

Kissanpoika lupua suaha ta ajattelou, jotta eikö hiän piäse pakoh siitä Luumiehestä. Lähtöy ielläh ajamah. Alko paissa tiepuolessa näkymätöin:

– Kunne mänet, Kissanpoika?
– Mänen Jelena-prekrasnoi devuškaa luisella miehellä morsiemekse käymäh.

Näkymätöin sanou:

– Ota milma matkahas. Milma sielä tarvičet.

Kissanpoika sanou:

– Mitä sie sielä ruat miula?

– Mie kylven.

– No, jumala kansua suvaiččou. Lähe matkah!

Alko tiepuolessa tuas paissa näkymätöin:

– Minne mänet, Kissanpoika?

Kissanpoika sanou:

– Jelena-prekrasnoi devuškaa luisella miehellä morsiemekse käymäh.

– Ota i milma matkahas. Milma sie sielä tarvičet.

Kissanpoika sanou:

– Mitä sie sielä ruat?

– Mie sielä syön. Mie olisin syöjä.

– No lähe, jumala kansua suvaiččou.

Männäh tuas vähäsen matkua. Alkau paissa tiepuolessa näkymätöin:

– Minne mänet, Kissanpoika?

– Jelena-prekrasnoi devuškaa morsiemekse luisella miehellä käymäh.

– Ota milma matkahas.

Kissanpoika sanou:

– Mitä sie sielä ruat?

Sanou:

– Mie ammun.

– No lähe, jumala kansua suvaiččou.

Lähetäh hyö nellä matkalaista: kolme näkymätöintä ta Kissanpoika. Männäh linnalla, missä on Jelena-prekrasnoi devuška. Se on čuarin tytär. Näkymättömät sanotah Kissanpojalla:

– Sie mäne ta ala kos’s’uo. Mitä čuari sanou, sie sano meilä.

Kissanpoika on rohkie. Mänöy čuarin luo ta alkau kosjuo tyttärtä. Čuari sanou:

– Kun voinet kylyn kylpie, kun myö lämmitämmä, ni suat tyttären.

Kissanpoika sanou, lämmitäkyä työ kyly. Mie ajattelen tässä, voinenko kylpie.

Kissanpoika mänöy näkymättömien luo ta sanou:

– Nyt mejän pitäis kylpie.

Kylpijä sanou:

– Mäne sano, jotta mie kylven, vain elä sano, jotta tiälä on muita kylpijie.

Mänöy Kissanpoika, sanou:

– Joko voit männä?

Čuari sanou:

– Jo voit, kyly on valmis.

Se kyly on lämmitetty helmikuumaksi, se kivitukku on kaikki ruskie ta sinne pitäis männä nyt kylpömäh.

Kissanpoika mänöy näkymättömien luo ta sanou:

– Männä pitäis kylpömäh.

Kylpijä näkymätöin mäni kylpömäh. Rupei kylpömäh. Se paikalla jähty koko kyly.

Mänöy Kissanpoika čuarih ta sanou:

– Sepä oli kyly, kun ei yhellä miehellä riittän lölyö. Kesen piti lähtie pois.

Čuari meinuu: «No tämähän on kylpijä».

Kissanpoika sanou:

– No, joko nyt annat tyttäres?

Čuari sanou:

– Annan, kun voinet yksin syyvvä, mitä murkinaksi laitetah.

Kissanpoika sanou:

– Syön. (Hiän kun tietäy, jotta hänellä on syöjä matassa.)

Čuari sanou:

– Tule huomena syömäh, – ta čuari sano, mihi aikah pitäy tulla.

Kissanpoika mänöy näkymättömien luo ta sanou:

– Huomena mejjän pitäy lähtie syömäh.

Oltih huomeneh ta lähettih näkymättömän kera syömäh.

Kissanpoika sanou čuarilla:

– Joko on murkina valmis, mie läksin syömäh?

– Jo, – sanou čuari ta vief syömäh Kissanpojan ruokahuoneheh.

On kolme lipasta. Niissä on tuahta. Čuari sanou:

– Syö nyt murkina, – ta pissältäy oven kiini.

Kissanpoika sanou Syöjällä:

– Syö, syö.

Še rupieu syömäh ta kaiken söi. Vielä nuoli lippahat puhtahaksi, niin kun pesi.

Čuari tulou, avuuu oven ta kysyy:

– Joko söit?

Kissanpoika sanou:

– Jo söin ta kaikki lippahatki nuolin. Niin oli vähä, jottei yksi mies piässyn kylläseksi.

Čuari ajattelou: «Eipä niitä tämmösie syöjje ole vielä ollun, kun tämä on».

Kissanpoika sanou:

– Joko nyt annat tyttären?

Čuari sanou:

– En vielä, vain jos suanet ampuo miun tyttären sormuksen läpi, kun panemma sen paččahan nenäh kolmen virssan piähä, ni siitä annan.

Kissanpoika sanou:

– Suan ampuo.

Čuari sanou:

– Tule huomena, – ta sanou ajan.

Kissanpoika mänöy näkymättömien luo ta sanou:
– Nyt on annettu viimeni tehtävä: ampuo čuarin tyttären sormuksen läpi kolmen virssan piähä paččahan nenäh, siitä saisin Jelena-prekrasnoi devuškan morsiemekse Luumiehellä.

Mäntih huomena ammuntapaikalla. Čuari sanou:

– Nyt pitäis ampuo.

Čuari ei kerin i kačahtua Kissanpoikua, kun ampuo pačkahti ta pulikka mäni siih paikkah, mihi čuarilla oli tarkoitus.

– No joko annat tyttäres morsiemekse Luisella miehellä?

Čuari sanou:

– Nyt annan, kun täytit tehtävät.

Niin čuari kučču tyttäreh. Tytär sanou:

– Et ole antan milma kelläkänä ta nyt annoit. Tämä Kissanpoika on kuulusin mies muajilmassa.

Niin čuari anto tyttäreh. Piettih hiät. Lähettih mänömäh sinne päin, mistä Kissanpoika tuli. Mäntih siih paikkah, mistä Kmpuja läksi.

Ampuja sanou:

– Mie jiän tähä, sie mäne.

Kissanpoika kiitteli hyvistä tevoista näkymätöntä ta jatko matkuah.

Mäntih siitä siih kohtah, mistä läksi näkymätöin syöjä. Syöjä sanou:

– Mie jiän täh. Sie mäne, mihi olet mänijä.

Kissanpoika kiitteli ta läksi ielläh.

Mäntih siih paikkah, mistä Kylpijä läksi. Se sanou:

– Mie jiän tähä paikkah, sie mäne.

Kissanpoika tuas kiitteli ta läksi Jelena-prekrasnoi devuškan kera mänömäh ielläh. Tulou oikein kaunis talo. Siih heijän pitäy männä yöksi, kun ilta tuli jo.

Mäntih taloh. Talossa on naini, lattiella kävelöy ta sanou:

– Mihi sie, tyttön, nyt olet mänössä? (Se naini on Jelenan täti, Jelenan muamon čikko.)

Jelena-prekrasnoi devuška kertou tämän kaiken starinan täjilläh, jotta tuatto anto häntä morsiemekse ta jotta tämä Kissanpoika viey häntä.

Tätih sanou:

– Mitä siun pitäy männä Luisella miehellä, etkö sie mäne tällä Kissanpojalla?

Tytär sanou:

–Mänisin mie, vain jos sie juohatat, mitein männä Luisesta miehestä kyličči.

Muattih siinä yö. Täti antau heilä tulisen nuolen ta sanou:

– Kun mänettä lässä Luista miestä, ni hiän hyvällä mielellä rupieu nakramah ta avuau kerosesh ta sanou: «Jopahan toit Jelena-prekrasnoin devuškan morsiemekse». Lyö tällä tulisella nuolella sitä kerosesh, ni se palau.

Niin Kissanpoika ta tytär mäntih Luisen miehen luo. Hiän kun rupei nakramah, hyö kerosesh suatettih tulini nuoli, ta se palo.

Jelena-prekrasnoi devuška sanou:

– Nyt olen mie siun, ta sie miun, ta mänemmä siun omilla mailla.
Niin Kissanpoika oli voittan kaikki vastahkäymiset, sai Jelena-prekrasnoin
deuškän morsiemekse ta niin hyö alettih elyä.

12. Кошачий Сын и Елена-прекрасная девушка

Были раньше муж и жена. Жена родила сына, собака родила сына и кошка родила сына; все эти сыновья родились в одну ночь. Они такие бойкие, красивые. Растут [они] несколько дней. Кошачий Сын говорит другим мальчикам:

– А не оставить ли нам дом и пойти в мир?

Те, Сын Женщины и Сын Собаки, с радостью согласились пойти. Ночью берут в конюшне по лошади и верхом отправляются [в путь]. Едут целый день. Наступает поздний вечер. Им нужно было перейти через реку, там был мост. От конца моста ведет очень грязная дорога, как будто там творилось что-то неладное. И большой дом стоит у моста. Все трое входят в дом. Побыли там, поели. Кошачий Сын говорит:

– Мы не осмелимся остаться здесь на ночь просто так. Кто-нибудь из нас должен пойти сторожить к мосту: из реки может выйти кто-нибудь, раз дорога так перепажана у моста.

И Кошачий Сын велит Сыну Женщины идти в охрану и говорит:

– Если там какая-нибудь беда случится, принеси мне весть.

Сын Женщины пришел к мосту, посидел некоторое время и уснул.

Кошачий Сын ходит по комнатам, находит очень острый меч [и] берет его. Думает Кошачий Сын: «Дай пойду проверю, как бы не уснул этот Сын Женщины, чтобы нас не убили здесь».

Кошачий Сын посидел там [у моста] немножко – из реки поднимается верхом на коне трехглавый змей. Лошадь спотыкается, выходя. Змей говорит:

– Что спотыкаешься, пища воронов-ворон? Один лишь Кошачий Сын на свете достоин упоминания, и того костей не принес сюда ворон.

Кошачий Сын берет коня трехглавого [змея] под уздцы, говорит:

– Ругай человека в глаза, а не за глаза.

Трехглавый говорит:

– Выдуй своим чистым духом трехмерное поле для битвы.

Кошачий Сын говорит змею:

– Выдуй ты своим поганым духом, ты сильнее дуешь.

Трехглавый как начал дуть, Кошачий Сын и отсек у него три головы. Тело бросает в море, головы кладет в сундук под мостом. Сам Кошачий Сын идет в избу.

Сын Женщины спит, раскрыв рот. Светает. Сын Женщины просыпается и идет в избу. Кошачий Сын спрашивает:

– Что-нибудь было у моста?

Сын Женщины отвечает:

– Всю ночь просидел у моста, ничего не видел.

На второй вечер говорит Кошачий Сын:

– Теперь ты, Сын Собаки, иди к мосту сторожить. Если беда стряется, зови меня. Только не усни!

Отправляется Сын Собаки к мосту сторожить. Побыл там какое-то время и уснул.

Кошачий Сын точит меч и отправляется [к мосту] посмотреть, что там будет.

Из реки выходит шестиглавый змей. Лошадь спотыкается, оступается. Змей спрашивает:

– Что спотыкаешься, оступаешься? Один Кошачий Сын на свете достоин упоминания, и того костей не принес сюда ворон.

Кошачий Сын говорит:

– Ругай человека в глаза, а не за глаза!

Шестиглавый говорит:

– Выдуй своим чистым духом шестимерное поле для битвы.

Кошачий Сын говорит:

– Выдуй ты своим поганым духом, ты сильнее дуешь.

Шестиглавый как стал дуть, так Кошачий Сын и отрубил у змея шесть голов. Тело бросил в реку, а головы сложил в сундук под мостом. Приходит в избу; Сын Собаки приходит следом за ним. Кошачий Сын спрашивает:

– Видел ли что?

– Ничего не было видно, – отвечает Сын Собаки.

Кошачий Сын говорит:

– Ну, теперь надо мне идти [сторожить] сегодня вечером, раз моя очередь.

Кошачий Сын воткнул в потолок нож и говорит:

– Когда с конца ножа начнет капать кровь, вы приходите на помощь, тогда я в беде.

Сын Женщины и Сын Собаки уснули. Кошачий Сын там сторожит.

Выходит [из реки] девятиглавый змей верхом на коне. Змей кричит [коню]:

– Что спотыкаешься? Один Кошачий Сын на свете достоин упоминания, и того костей не принес сюда ворон.

Кошачий Сын берет коня под уздцы и говорит:

– Ругай человека в глаза, а не за глаза!

Змей говорит:

– Выдуй своим чистым духом девятимерное поле для битвы.

Кошачий Сын говорит:

– Выдуй ты своим поганым духом, у тебя сил больше.

Девятиглавый как стал дуть, Кошачий Сын и отрезал у него восемь голов, девятую не смог отрезать: меч притупился, и силы кончились. Девятая

голова как осталась неотрезанной, так Кошачий Сын и не может больше справиться со змеем. Говорит Кошачий Сын девятиглавуму:

– Смотри, как к твоей жене идут другие мужчины!

Девятиглавый как взглянул в сторону дома, так Кошачий Сын и последнюю голову – долой. Тело выбросил в море, головы сложил под мост в сундук. Приходит в дом; и он так устал от тяжелой работы, что тут же свалился на пол полежать. С конца ножа натекло столько крови, что на полу [образовалась] ламба крови. А Сын Собаки и Сын Женщины только спали, не видели ни ножа, ничего.

Поднимает Кошачий Сын Сына Женщины и Сына Собаки и говорит:

– Ламба крови на полу, а вы не смотрите, чтобы прийти на помощь. Теперь нам нужно уходить отсюда: сюда может прийти кто-нибудь и нас убьют здесь.

Садятся [они] по коням. Переехали через мост. Кошачий Сын говорит Сыну Женщины и Сыну Собаки:

– Вы поезжайте дальше, а я вернусь в дом: шапку забыл.

Когда Кошачий Сын подъехал к дому, тот дом уже превратился в три дома. Кошачий Сын слушает под окном, что слышно из дома. В доме женщина поет, усыпляя ребенка: «Баю, баю, сыночек, Кошачий Сын убил твоего отца. Когда Кошачий Сын отправится в путь, его будет мучить жажда. Я превращусь в серебряный колодец-золотой ковш. Он будет пить воду и лопнет».

Кошачий Сын подъезжает под окно второго дома. Там тоже женщина усыпляет ребенка и говорит: «Баю, баю, сыночек, Кошачий Сын убил твоего отца. Когда он отправится в путь, его начнет морить сон. Я превращусь в пуховые перины, шелковое одеяло. Он как ляжет на них, так и лопнет».

Это была жена шестиглавого змея.

Кошачий Сын подъезжает под окно третьего дома. Там женщина поет: «Баю, баю, сыночек, Кошачий Сын убил твоего отца. Когда он отправится в путь, ему очень захочется есть. Я превращусь в стол. Он как будет есть, так и лопнет».

Это была жена девятиглавого змея.

Отправляется Кошачий Сын в путь. Ему очень захотелось пить. Появляется серебряный колодец с золотым ковшом; думает [Кошачий Сын]: «Дай, пойду воды выпью». Конь лягнул его прежде, чем он успел слезть, и тут же Кошачий Сын вспомнил, что это же и есть тот колодец, о котором пела женщина. И жажда прошла.

Едет Кошачий Сын дальше. Ему очень захотелось спать – чуть ли с лошади не падает. Видит – у дороги сделана хорошая постель: пуховые перины, шелковое одеяло. Думает Кошачий Сын: «Надо прилечь здесь, раз такая хорошая постель». Попытался слезть с лошади – лошадь опять лягнула. Кошачий Сын сразу вспомнил, о чем пела жена шестиглавого змея. Так и сон прошел.

Едет опять некоторое время; уже есть захотелось Кошачьему Сыну, а тут стол накрыт, еды полон. Думает [Кошачий Сын]: «Тут я и поем». Уже и с коня слез. Конь опять лягнул очень сильно: дал знать, что не надо есть. Кошачий Сын опять понял, что это же и есть жена девятиголового змея в виде стола с едой. Голод прошел.

Едет Кошачий Сын дальше. Встречается перекресток двух дорог. Думает [Кошачий Сын]: «По которому пути ехать?» Вдруг его лошадь берет под уздцы костяной человек, костяк.

– Куда едешь, Кошачий Сын? – спрашивает Костяной Человек.

Кошачий Сын отвечает Костяному Человеку:

– Домой еду.

– Не домой едешь. Если не добудешь мне Елены-прекрасной девушки в невесты, я тебя убью, как и ты убил моих братьев.

Кошачий Сын обещает и думает, как бы ему сбежать от Костяного Человека. [Вдруг] у дороги заговорил невидимка:

– Куда едешь, Кошачий Сын?

– Еду за Еленой-прекрасной девушкой в невесты Костяному Человеку.

Невидимка говорит:

– Возьми меня с собой. Я тебе там пригожусь.

Кошачий Сын говорит:

– А что ты там для меня сделаешь?

– В бане попарюсь.

– Ну, бог любит народ. Присоединяйся!

Опять у дороги заговорил невидимка:

– Куда едешь, Кошачий Сын?

Кошачий Сын отвечает:

– За Еленой-прекрасной девушкой в невесты Костяному Человеку.

– Возьми и меня с собой, я тебе там пригожусь.

Кошачий Сын спрашивает:

– Что ты там будешь делать?

– Я там буду есть, я едок.

– Ну, присоединяйся, бог любит народ.

Проехали немного пути; [опять] заговорил у дороги невидимка:

– Куда направляешься, Кошачий Сын?

– За Еленой-прекрасной девушкой в невесты Костяному Человеку.

– Возьми меня с собой.

Кошачий Сын спрашивает:

– Что ты там будешь делать?

Отвечает [невидимка]:

– Я буду стрелять.

– Ну, поехали, бог любит народ.

Отправляются они в путь вчетвером: три невидимки и Кошачий Сын. Прибывают в город, где живет Елена-прекрасная девушка – это царевна. Невидимки говорят Кошачьему Сыну:

– Ты иди и начинай свататься. Что скажет царь, ты скажи нам.

Кошачий Сын смелый. Он идет к царю и начинает свататься к его дочери. Царь говорит:

– Если сможешь попариться в бане, которую мы истопим, так получишь дочь.

Кошачий Сын говорит:

– Вы истопите баню; я тут подумаю, смогу ли попариться.

Кошачий Сын идет к невидимкам и говорит:

– Нам надо бы попариться.

Парильщик говорит:

– Пойди скажи, что «я попарюсь», только не говори, что здесь есть другие парильщики.

Кошачий Сын идет и спрашивает:

– Уже можно идти?

Царь отвечает:

– Уже можно, баня готова.

Баня истоплена горячая, каменка просто красная, и туда сейчас надо идти париться.

Кошачий Сын идет к невидимкам и говорит:

– Надо идти париться.

Парильщик невидимый пошел париться. Начал париться – и баня тут же остыла.

Идет Кошачий Сын к царю и говорит:

– Ну и баня – одному человеку не хватило пару. Пришлось уйти, не допарившись.

Царь удивляется: «Вот это парильщик».

Кошачий Сын говорит:

– Ну, уже отдашь дочь?

Царь отвечает:

– Да, коль сможешь один съесть то, что приготовят на завтрак.

Кошачий Сын говорит: «Съем», – он знает, что у него Едок с собой.

Царь говорит:

– Приходи завтра есть, – и царь сказал, в какое время надо прийти.

Кошачий Сын приходит к невидимкам и говорит:

– Завтра мы должны пойти есть.

Дожили до утра и отправились [Кошачий Сын] с невидимкой есть.

Кошачий Сын спрашивает у царя:

– Готов ли завтрак, я иду есть?

– Готов, – отвечает царь и ведет Кошачьего Сына есть в столовую.

Стоят три ларца, в них – навоз. Царь говорит:

– Завтракай, – и закрывает дверь.

Кошачий Сын говорит Едоку:

– Ешь, ешь.

Тот начал есть и все съел, еще и облизал ларцы дочиста, будто вымыл.

Царь приходит, открывает дверь и спрашивает:

– Уже съел?

Кошачий Сын отвечает:

– Уже съел и даже ларцы облизал: так было мало, что даже один человек не наелся.

Царь думает: «Таких едоков еще не бывало, как этот».

Кошачий Сын спрашивает:

– Ну, теперь отдашь дочь?

Царь говорит:

– Пока нет, но если сможешь выстрелить через кольцо моей дочери, которое мы установим на столбе на расстоянии трех верст, тогда отдам.

Кошачий Сын говорит:

– Я смогу выстрелить.

Царь говорит:

– Приходи завтра, – и называет время.

Кошачий Сын приходит к невидимкам и говорит:

– Теперь дано последнее задание: выстрелить через кольцо царевны на столбе в трех верстах [отсюда], тогда получу Елену-прекрасную девушку в невесты Костяному Человеку.

Назавтра пришли на место, откуда надо было стрелять.

Царь говорит:

– Теперь надо стрелять.

Царь не успел и взглянуть на Кошачьего Сына, как грянул выстрел, и пуля попала в то место, которое называл царь.

– Ну, теперь отдашь дочь в невесты скелету?

Царь говорит:

– Теперь отдам, раз выполнил задания.

И царь позвал дочь. Дочь говорит:

– Ты не отдавал меня никому, а теперь отдал. Этот Кошачий Сын – самый знаменитый человек на всем свете.

Так царь отдал свою дочь. Справили свадьбу. Отправились в путь в ту сторону, откуда пришел Кошачий Сын. Прибыли на то место, откуда отправился Стрелок. Стрелок говорит [Кошачьему Сыну]:

– Я останусь здесь, ты иди [дальше].

Кошачий Сын поблагодарил невидимку за добрые дела и продолжил свой путь.

Прибыли на то место, откуда отправился невидимый едок. Едок говорит:

– Я останусь здесь. Ты иди туда, куда путь держишь.

Кошачий Сын поблагодарил [Едока] и отправился дальше.

Прибыли на то место, откуда отправился Парильщик. Тот говорит:

– Я останусь в этом месте, а ты иди [дальше].

Кошачий Сын опять поблагодарил [невидимку] и отправился с Еленой-

прекрасной девушкой дальше. Встречается очень красивый дом. В нем им придется переночевать, поскольку уже наступил вечер. Вошли они в дом. В доме женщина ходит по избе и спрашивает:

– Куда ты, доченька, путь держишь? (Эта женщина – тетя Елены, сестра матери Елены.)

Елена-прекрасная девушка рассказывает всю эту историю своей тете, что отец отдал ее в невесты, и что этот Кошачий Сын везет ее [к Костяному Человеку].

Тетя спрашивает:

– Зачем тебе выходить [замуж] за Костяного Человека? Ты не хочешь выйти за Кошачьего Сына?

Девушка отвечает:

– Я бы вышла [за него], если ты научишь, как избавиться от Костяного Человека.

Переночевали они тут. Тетя дает им огненную стрелу и говорит:

– Когда приблизитесь к Костяному Человеку, он от радости засмеется, раскроет свою глотку и скажет: «Привел-таки Елену-прекрасную девушку [мне] в невесты». Пусти эту огненную стрелу ему в глотку, и он сгорит.

Пришли Кошачий Сын с девушкой к Костяному Человеку. Тот как засмеялся, они и отправили ему в глотку огненную стрелу, и он сгорел.

Елена-прекрасная девушка говорит:

– Теперь я твоя, а ты мой, и мы отправимся в твои родные края.

Так Кошачий Сын победил все трудности, получил в невесты Елену-прекрасную девушку, и стали они жить [вместе].

13. Nenä halki – suolua siämeh

Oli kerran ukko ta akka, heilä kolme poikua. Hyö kun oltih köyhät, ni vanhin poika sanou:

– Tuatto, muamo, prostiet, plahosloviet milma čuarih kasakaksi.

Vanhemmat sanotah:

– Hospoti prostikkah, mäne!

Poika mänöy čuarin pihalla, kaččelou kellisteliytyy ikkunoihi.

Čuari pistäy piäh ikkunasta. Kysyy pojalta:

– Mitä kaččelet, poika?

Poika sanou:

– Työtä-ruokua eččisin. Eikö čuari-kormeličalla olle mitä työtä?

Čuari sanou:

– Tule meilä pirttih, meilä on työtä i ruokua! Kun voinet tänä yönä varteijja miun tyttären, jotta minne tytär käyt, nin suat sata rupl’ua.

Čuari panou pojan tyttären huoneh oven tua seisomah ta varteimah, jotta minne se tytär mänöy. Tytär solahči ikkunasta i mäni männessäh. Poika ei tietän ni mitänä. Čuari kysyy pojalta:

– Tiijätkö, missä kävi?
 Poika sanou:
 – En tiijä, ovi ei liikkun.
 Čuari sanou:
 – Kun et tiijä, nin et ni palkkua sua.
 Halkai pojalta nenän, suolua pisti välih ta sanou:
 – Mäne, kusta tulit!
 Poika mänöy itkien kotih, kun nenä on halki ta suolua siämessä.
 Kesimmäini poika sanou:
 – Vuota, kun mie lähen čuarih kasakaksi, käytkö miula niin pahoin.
 Mänöy ta kysyy:
 – Onko työtä ta ruokua, čuari-kormeličča?
 Čuari sanou:
 – On meilä työtä ta ruokua. Kun voinet varteija miun tyttären tämän yön aikana, jotta mihi hiän käyt, nin suat sata rupl'ua.
 Poika sanou:
 – No, kuottelen mie.
 Tai pannah hänet varteimah čuarin tyttären oven tuaksi. Poika uino oven tuaksi.
 Čuarin tytär solahti ikkunasta. Kävi, missä hänen oli käytävä, ta tuli jälelläh.
 Huomeneksella čuari kysyy:
 – Tiesitkö, missä tytär kävi?
 – En tiijä, kun ei ovi liikahtan.
 – No kun et tietän, ni et ni palkkua sua. Mäne kotihis.
 Čuari häneltä nenän halkai ta suolua siämeh.
 Sanou kolmas poika, Tuhkimus:
 – Antakkua, kun mie lähen čuarih kasakaksi.
 Tuattoh ta muamoh sanotah:
 – Kun ei paremmatkana osattu olla kasakkana, nenäh vain mänetettih, nin sinne ei ole silma tarvis. Vain kun tahtonet, nin mäne.
 Tuhkimus läksi pyrkimäh kasakaksi.
 Kuuntelou tien vieressä, kun kaksi näkymätöintä riijelläh. Riita kuuluu, vain nävy ei.
 Tuhkimus kysyy:
 – Mitä työ riitelettä, kun että sovi?
 Sanotah:
 – Meilä kun jäi tuatto-rukasta semmoni lakki, jotta kun piähä pissämmä, nin ei niä ni ken. Nyt sitä riitelemmä, jotta kumpi se sen suau. Etkö, veikkon, suuti – kumpasella se joutuu.
 Tuhkimuksella annettih käteh lakki. Paikalla ilmestyy kaksi miestä.
 Tuhkimus sanou:
 – Mie luon kiven ilmah: kumpi sen suau ensimmäksi kiini, se i suau lakin.
 Tuhkimus loi kiven ilmah, iče pisti lakin piäh ta mäni männessäh. Häntä ei enämpyä ni nähty. Tullah miehet siihi paikkah, mistä lähettih juoksomah kivej tavottuassa. Ei ni ole lakkie – se mäni. Miehet sanotah:

– No hyvä oli, kun vei meiltä sen lakin, jotta myö pääsimä riitelömästä.
Jo Tuhkimus mänöy čuarih. Lakkih pissälti kormanoh, jotta čuari näkis häntä. Čuari kysyy:

– Mitä kävelet, poika, tiälä?

Tuhkimus sanou:

– Työtä-ruokua eččimässä.

Čuari sanou:

– Meilä on työtä ta ruokua. Kun voinet varteija miun tyttärtä tänä yonä, jotta missä hiän käyt, nin suat sata rupl'ua. Kun mänet tyttären oven tua, nin elä uinuo oven tua, jotta niät, konsa hiän lähtöy.

Tuhkimus sanou:

– Mie oven tuakse en rupie varteiččomah. Čuarissa on monta ovie ta ikkunua. Siihi huoneheh pitäy piässä, missä on tytär.

Čuari sanou:

– Ei se tytär piässä siihi huoneheh, missä on iče, vain kun voinet väkeh piässä sinne.

Tuhkimus pisti lakin piäh ta muuttu näkymättömäksi. Iče mäni čuarin tyttären huoneheh. Häntä ei niä ni ken, kun on lakki piässä. Tytär pakajau ičekseh: «Pitäis lähtie ruttoseh. Mintäh mie näin myöhässyyn?»

Tytär sitou iččeh nuorah, sen sitou nuaklah ta iče solahtau ikkunasta nuorua myöte muah. Tuhkimus hänellä jälkeh solahtau. Tytär ei ni tiijä. Siinä oli heponi karietan eteh val'l'assettu ta kuski, ken sitä čuarin tyttärtä käyttelöy.

Nousi čuarin tytär kariettah, ta Tuhkimus hänellä reunah istuutu.

Čuarin tytär kysyy:

– Mintäh tässä karietassa on nyt näin ahas?

Tuhkimus kun siinä istuu köhöttäy, nin čuarin tyttäreellä on ahas istuo. Čuarin tytär sanou kuskilla:

– Mintäh meilä matka joutuu näin hil'l'akkaiseh? Aja hyvin hevoista!

Kuski sanou:

– Totta se on paha keli. Ei voi heponi matata.

Ajettih vaskiseh meččäh. Sielä on vaskiset puut. Ajettih vaskini meččä läpi. Tuli vaskini järvi. Vaskisen järven rannassa on vaskini veneh ta vaskiset aivot. Tytär nousi veneheh, tai Tuhkimus veneheh. Kuski jäi rannalla vuottamah.

Tytär souti vaskisen järven. Mäni hopiesen meččän rantah. Siinä on hopieni heponi ta hopieni reki. Čuarin tytär istuutu rekeh. Tuhkimus istu viereh. Čuarin tytär ei niä Tuhkimusta. Hiän ajattelou: «Mintäh reki on näin jykie ta matka joutuu hil'l'akkaiseh?» (A Tuhkimus on rejessä, nin sen takie se on jykie ta matka joutuu hil'l'akkaiseh.)

Tuli hopieni järvi, sen järven rannassa hopieni veneh, hopieset aivot. Čuarin tytär souti hopiesen järven toiseh rantah: tuli kultani meččä. Siinä on kultani heponi, kultani reki. Tytär istuutu rekeh, tai Tuhkimus. Ajettih kultasen järven rantah. Siinä on kultani veneh ta kultaset aivot. Čuarin tytär istuutu veneheh, tai Tuhkimus veneheh. Soutau kultasen järven poikki. Järven rannassa on kultani

suuri talo. Mänöy čuarin tytär taloh, tai Tuhkimus jälkeh näkymättömänä. Sielä on vanha, pikkaraini, hyvin paha ukko. Sanou čuarin tyttärellä:

– Mintäh nyt näin myöhäh tulit?

Tytär sanou:

– Niin oli paha keli, jotta heposet ei voinun matata ta mintäh lienöy ollun soutuaki niin jykie.

Ukko on stolalla pannun syömiset, juomiset ta sanou:

– Syö ruttoseh, jotta piäsemmä kisuamah.

Ruvettih syömäh. Hyö ei keritty ni mitänä syyvvä, kun Tuhkimus kaikki söi.

Ukko sanou:

– Hyväksi olet nyt nälästyn, kun niin kiirehen kautta kaikki söit.

No syötih ta ruvettih lattiella kisuamah tytär ta ukko. (A se ukko on čuarin tytön sulhani. On min luo käyvä!)

Tytär sanou:

– Nyt miun pitäy lähtie paikalla pois, kun niin pitälti viivyin matalla.

Tuhkimuksella on sumčča. Hiän otti ta pani stuulat, stolat, astiet, samovuarat ta kaikki siihi sumččah. Čuarin tytär kun läksi ovesta ulos, nin Tuhkimus tempai i ukon sumččah, ta sanou:

– Iänettä ole sumččassa!

Mäntih kultaseh veneheh ta souvettih kultani järvi poikki. Čuarin tytär ihmettelöy, kun on jykie veneh. Piästih kultasen mečän laitah. Tuhkimus panou kultasen venehen ta aivot sumččahah. Kultamečästä ajettih läpi kultasella heposella. Tuhkimus matan varrella katkou kultasie oksie ta panou sumččahah. Čuarin tytär sanou ičekseh: «A-voi-voi, kuin olin pitälti, jo huomeneslintuset hypitäh puissa, kun rapsau». (Se rapsau, kun Tuhkimus oksie katkou.) Kun kultamečästä läpi ajettih, mäntih hopiesen järven rantah. Tuhkimus panou sumččahah kultasen heposen ta kultasen rejen.

Souvettih hopiesella venehellä hopieni järvi hopiesen mečän laitah. Tuhkimus pani hopiesen venehen ta aivot sumččahah. Ajetah, Tuhkimus tuas katkou hopiesesta mečästä oksie ta pistäy sumččahah. Tytär tuas sanou: «A-voi-voi, kuin olin pitälti, jo huomeneslintuset hypitäh puissa, kun rapsau». Tultih vaskisen järven rantah. Souvettih vaskisella venehellä vaskisen mečän laitah. Tuhkimus tuas pissältäy sumččahah vaskisen venehen ta aivot. Siinä rannassa vuotti čuarin tyttären oma heposeh. Ajetah sillä läpi vaskisen mečän. Tuhkimus tuas katkou vaskisista puista oksie ta pissältäy sumččahah. Tytär tuas sanou, kun oksat rapsetah: «A-voi-voi, kuin mäni pitälti. Jo huomeneslintuset hypitäh puissa. Tuatto sielä nousou – ta mi tullou miula».

Piästih hyö viimein čuarin pihah. Tytär kun nousi kariatasta – Tuhkimus sumččahah heposen, rejen ta kuskin. (Sielä ollah kaikki!) Tuhkimus vei sumčan kylyn lauteijen alla peittoh. Iče mänöy čuarin tyttären oven tua ta seisou sielä töröttäy, kuin Hovattaisen akliskaini paita. Tulou čuari ta kysyy:

– Saitko tyttären varteija, missä kävi tänä yönä?

Tuhkimus sanou:

– Sain tai tiijän, missä kävi.

Čuari sanou tyttärelläh:

– Avua ovi!

Tuhkimus ta čuari männäh tyttären luo. Čuari sanou:

– Tämä poika sanou, jotta hiän tietäy, missä sie käyt.

Čuarin tytär sanou:

– Sano nyt, kun tiijät.

Tuhkimus luvettelou mečät, järvet ta kaikki, mitä oli nähyn ta kuullun. Kaiken sanou, mitä on starinassa.

Čuarin tytär sanou:

– Sie valehtelet, eihän niitä ole olomassa semmosie mečcie, eikä järvie.

Čuari sanou Tuhkimuksella:

– En mie tiijä, onko niitä semmosie olomassa, mitä sie sanot. Ei miun tytär kehtua semmosen ukon luo käyvä. Sie valehtelet, kyllä sie tulet tapettavaksi.

Tuhkimus sanou:

– Kyllä mie voin teilä näytytäki. Ne on miula kylyn laučan alla sumčassa.

Mie lähen, käyn iče.

Čuari sanou:

– Emmä myö silma ičcies voi työntyä, sie voit puata.

Tuhkimus sanou:

– Käykyä iče, kun että milma piässä.

Čuari työntäy kaksi miestä käymäh kylyn lauččojen alta sumččua. Männäh miehet kylyn lauččojen alta sumččua – ei ni lekaha, niin on jykie. Tullah, sanotah čuarilla:

– Se on niin jykie, jotta emmä suanun sitä liikkumah.

Čuari sanou Tuhkimuksella:

– No, mäne käy iče.

Kaksi miestä panou varteiččomah, jottei Tuhkimus pakene.

– Pankah vaikka kolme!

Tuhkimus mänöy kylyh. Ottau yhellä kiälläh, nossaltau selkäh sumčan ta tuou sen čuarin ta čuarin tyttären eteh. Avai sumčan. Sieltä nosti ensimmäisenä kuskin, heposen ta rejen. Sanou:

– Tällä heposella ta rejellä läksimä tästä ikkunan alta ajamah.

Čuarin tytär niin varajau, jotta ei ole uusi, eikä kypsä, kun hänen matka alko tulla ilmi. Tuhkimus nostau sumčasta vaskisen heposen, vaskisen rejen ta vaskiset oksat ta sanou:

– Tällä heposella ajoma ta tämmösestä mečästä vaskisen järven rantah.

Nostau sumčasta vaskisen venehen ta airoit:

– Tämmösellä venehellä soutima hopiesen mečän reunah.

Tuhkimus nostau sumčastah hopiesen heposen, hopiesen karietan ta hopiesie oksie.

– Tämmösellä heposella ta karietalla myö ajoma tämmösen mečän läpi kultasen järven rantah.

Nostau sumčastah kultasen venehen ta kultaset airoi, sanou:
 – Tämmösellä venehellä soutima kultasen järven yli. Mänimä kultaseh taloh.
 Nostau sumčastah kultaset stolat, stuulat, samovuarat, kaikki astiet ta sanou:
 – Näillä stuulilla myö istuma, tältä stolalta ta näistä asteista myö söimä, tästä samovuarasta joima.
 Ruassaltau sumčastah ukon ta näyttäy čuarilla.
 – Tässä on siula vävy! Tämän ukon kera siun tyttäres lattiella kisai.
 Ukko sanou:
 – Suanko mie tässä häitä tanssie, tämä on miun morsien?
 Čuari sanou:
 – Tämä ukko pitäy hirtytä.
 Ukko kun rupei plässimäh, tai hyppäi ikkunasta. Sinne i mäni. Siitä vävystä jätih kaikki siihi.
 Čuarin tytär sanou, kun ei voimun enyä mitänä salata:
 – Kyllä tämä on kaikki totta. En mie olis uskon, jotta semmoista miestä on muajilmassa, ken milma varteiččou...
 Čuari sanou Tuhkimuksella:
 – Kun ottanet tämän morsiemekses, nin suat, kun et ottane, nin suat palkan ta mäne kotihis.
 Tuhkimus sanou:
 – Mistäpä köyhällä tulou čuarin tytär naiseksi muuvvalta!
 Piettih hiät. Tuhkimus piäsi čuarin vävyksi.
 Tai sielä olin i mie häissä, ta sielä miula annettih viinua pohjattomalla pluohtkanalla. Enkä mie piässyn paljon humaltumah. Annettih miula sieltä hernehini ruoska, nakrehini satula. Tulin mie kotikyläh. Poikajoukko juostih miula vastah, syötih miulta hernehini ruoska, nakrehini satula, mie en suanun ni mitänä.
 I siihi se i loppu. (Enämpi en voi ni mitä keksie.)

13. Нос надвое, соли в рану

Были раньше старик и старуха, у них – три сына. Так как они были бедны, то старший сын говорит:
 – Отец, мать, простите-благословите меня в работники.
 Родители говорят:
 – Господь простит, иди!
 Парень идет на царский двор, разинув рот смотрит на окна. Царь вынул голову из окна, спрашивает у парня:
 – Что смотришь, парень?
 Парень говорит:
 – Работы да хлеба ишу. Нет ли у царя-кормильца какой-нибудь работы?
 Царь говорит:
 – Заходи в избу, у нас есть и работа, и хлеб. Если сможешь этой ночью укараулить, куда ходит моя дочь, то получишь сто рублей.

Царь велит парню встать за дверью дочерней спальни и сторожить, куда дочь уходит. Дочь выскользнула в окно и пошла своей дорогой. Парень ничегошеньки и не знал. Царь спрашивает у парня [утром]:

– Знаешь ли, куда [она] ходила?

Парень говорит:

– Не знаю, дверь не открывалась.

Царь говорит:

– Раз не знаешь, так и платы не получишь.

Расколочил надвое у парня нос, посыпал соли в рану и говорит:

– Иди, откуда пришел!

Парень с плачем идет домой – нос расколот, да рана солью посыпана.

Средний сын говорит:

– Постой-ка, я пойду в работники к царю, случится ли со мной так же.

Идет к царю и спрашивает:

– Нет ли работы да хлеба, царь-кормилец?

Царь говорит:

– Есть у нас работа да хлеб. Если сможешь этой ночью укараулить, куда уходит моя дочь, то получишь сто рублей.

Парень говорит:

– Ладно, я попробую.

И велит ему встать за дверью царевой дочери. Царева дочь вышла в окно. Сходила, куда ей надо было, и вернулась обратно.

Утром царь спрашивает:

– Узнал, куда дочь ходила?

– Не узнал, так как дверь не открывалась.

– Ну, раз не узнал, так и платы не получишь. Иди себе домой.

Царь ему нос надвое расколочил и солью посыпал.

Говорит третий сын, Тухкимус:

– Дайте-ка я пойду к царю в работники.

Отец и мать говорят:

– Раз уж другие, получше тебя, не смогли работать у царя, только носов своих лишили, то ты там не нужен. Но если уж хочешь, так иди.

Тухкимус пошел проситься в работники. Прислушивается – у дороги двое невидимых спорят. Спор слышен, а никого не видно. Тухкимус спрашивает:

– О чем вы спорите, договориться не можете?

Говорят:

– Нам от покойного отца досталась такая шапка, что как ее наденешь, никто тебя не увидит. Теперь вот спорим, кто ее получит. Не рассудишь ли, братец, кому она достанется?

Дали шапку в руки Тухкимусу. Тут же появляются двое мужчин. Тухкимус говорит:

– Я брошу камень в воздух: кто первый его поймает, тот и получит шапку.

Тухкимус бросил камень в воздух, сам надел шапку и пошел дальше. Его больше и не видели. Возвращаются мужчины на то место, откуда побежали за камнем. Нет шапки – исчезла. Говорят мужчины:

– Ну и хорошо, что унес у нас эту шапку, освободил нас от спора.

Тухкимус идет к царю. Шапку сунул в карман, чтобы царь мог его видеть. Царь спрашивает:

– Зачем ходишь здесь, парень?

Тухкимус говорит:

– Работы и хлеба ищю.

Царь говорит:

– У нас есть работа и хлеб. Если сможешь укараулить мою дочь этой ночью, то получишь сто рублей. Когда встанешь за дверью дочери, так не усни, чтобы увидел, когда она выйдет.

Тухкимус говорит:

– Я за дверью не стану сторожить. В царском доме много дверей и окон. В ту комнату меня пусти, где дочь.

Царь говорит:

– Дочь не выпустит в свою комнату, но если сам сумеешь попасть силой...

Тухкимус надел шапку и стал невидим. Сам пошел в комнату царевой дочери. Его никто не видит, раз шапка на нем. Девушка говорит про себя: «Надо бы скорей ехать. Что же это я так задержалась?» Девушка обвязывается веревкой, веревку привязывает к гвоздю и спускается из окна по веревке на землю. Тухкимус спускается за ней, девушка про это не знает. Там лошадь в карету запряжена и кучер [сидит], который цареву дочь возит.

Поднялась царева дочь в карету, а Тухкимус рядом с ней сел. Царева дочь спрашивает:

– Почему в этой карете теперь так тесно?

А это Тухкимус так развалился, что царевой дочери тесно сидеть. Царева дочь говорит кучеру:

– Почему у нас путь так медленно убывает? Погоняй-ка лошадь хорошенько!

Кучер говорит:

– Верно, дорога неважная. Лошадь не может везти.

Заехали в медный лес. Деревья там были из меди. Проехали медный лес. Приехали к медному озеру. На берегу медного озера – медная лодка с медными веслами. Царева дочь села в лодку – и Тухкимус в лодку. Кучер остался на берегу ждать.

Лодка переплыла медное озеро, пристала к берегу у опушки серебряного леса. Там серебряный конь и серебряные сани. Царева дочь села в сани, Тухкимус сел рядом. Царева дочь не видит Тухкимуса. Она думает: «Почему же сани такие тяжелые и путь медленно продвигается?» (А ведь Тухкимус сидит в санях, так поэтому и тяжело, и путь медленно продвигается.)

Показалось серебряное озеро, там серебряная лодка, серебряные весла. Царева дочь гребла на другой берег серебряного озера. Показался золотой лес. Там золотая лошадь, золотые сани. Девушка села в сани – Тухкимус тоже. Приехали к золотому озеру. На берегу золотая лодка и золотые весла. Царева дочь садится в лодку – и Тухкимус в лодку. Гребет [царева дочь] через золотое озеро. На берегу озера стоит большой золотой дом. Царева дочь идет в дом – и Тухкимус невидимкой за ней. Там старый, маленький, уродливый старик. Говорит царевой дочери:

– Почему сегодня так поздно приехала?

Девушка говорит:

– Такая была плохая дорога, что лошади никак не могли везти, да и грести почему-то было тяжело.

Старик уже приготовил на столе еду, питье и говорит:

– Ешь быстрее, чтоб скорей пойти поиграть.

Сели кушать. Не успели ничего поесть, как Тухкимус все съел.

Старик говорит:

– Ну и проголодалась же ты, так быстро все съела.

Ну, поели, и начали на полу играть девушка и старик. (А этот старик – жених царевой дочери. Было к кому ездить!) Девушка говорит:

– Теперь мне надо сразу же уезжать, раз так задержалась в пути.

У Тухкимуса была с собой сума. Он взял да положил стулья, стол, посуду, самовар и все в эту суму. Когда царева дочь вышла за дверь, Тухкимус схватил старика и его сунул в суму да говорит:

– Чтоб голоса не подавал в суме!

Пришли к золотой лодке и переплыли золотое озеро. Царева дочь удивляется, почему лодка тяжелая. Пристали к опушке золотого леса. Тухкимус кладет золотую лодку и весла в суму. Через золотой лес ехали на золотой лошади. Тухкимус по дороге ломает золотые ветки и кладет в свою суму. Царева дочь говорит про себя: «А-вой-вой, как долго я ездила, уже утренние птицы прыгают по веткам». (А это Тухкимус ветки ломает.)

Как проехали золотой лес, приехали на берег серебряного озера, Тухкимус кладет в свою суму золотую лошадь и золотые сани. Переплыли на серебряной лодке серебряное озеро и пристали к опушке серебряного леса. Тухкимус сунул лодку и весла в свою суму. Едут, Тухкимус опять ломает в серебряном лесу ветки и сует в свою суму. Девушка опять говорит: «А-вой-вой, как я долго езжу, уже утренние птички прыгают на ветках». Приехали на берег медного озера. Переплыли на медной лодке медное озеро и пристали к опушке медного леса. Тухкимус опять кладет в свою суму медную лодку и весла. На этом берегу ждала цареву дочь ее собственная лошадь. Едут на ней через медный лес. Тухкимус опять ломает ветки с медных деревьев и сует в свою суму. Девушка опять говорит, когда ветки трещат: «А-вой-вой, как долго я была. Уже утренние птицы прыгают на деревьях. Отец там проснется – что-то со мной будет».

Добрались они наконец до царского двора. Девушка вышла из кареты – Тухкимус в свою суму лошадь, сани и кучера. (Там теперь все!) Тухкимус отнес свою суму в баню и спрятал под полук. Сам идет к дверям царевой дочери и стоит там, как аглицкая рубаха Ховатты. Приходит царь и спрашивает:

– Укараулил дочь, куда она этой ночью ходила?

Тухкимус говорит:

– Укараулил да и знаю, куда ходила.

Царь говорит дочери:

– Открой дверь.

Тухкимус и царь заходят к царевой дочери. Царь говорит:

– Этот парень говорит, что он знает, куда ты ходишь.

Царева дочь говорит:

– Говори, коли знаешь.

Тухкимус перечисляет леса, озера и все, что видел и слышал. Все рассказывает, что и в сказке есть.

Царева дочь говорит:

– Ты врешь, ведь таких лесов и озер на свете нет.

Царь говорит Тухкимусу:

– Не знаю, есть ли на свете такое, о чем ты говоришь. И стала бы моя дочь ездить к такому старику! Ты врешь и наверняка будешь убит.

Тухкимус говорит:

– Я могу вам и показать. Все это у меня в бане под полком в суме. Я пойду сам схожу.

Царь говорит:

– Мы не можем тебя одного отпустить, ты можешь сбежать.

Тухкимус говорит:

– Сходите сами, раз меня не пускаете.

Царь посылает двух человек принести суму из бани. Идут мужчины за сумой – даже не шелохнется, такая тяжелая. Возвращаются, говорят царю:

– Она такая тяжелая, что с места не могли сдвинуть.

Царь говорит Тухкимусу:

– Ну, сходи сам.

Двух человек приставили к Тухкимусу, чтоб не сбежал.

– Приставьте хоть троих!

Тухкимус идет в баню. Берет одной рукой, взваливает суму на спину и приносит ее царю и царевой дочери. Открыл суму. Оттуда сперва поднял кучера, лошадь и сани. Говорит:

– На этой лошади и в этих санях мы поехали отсюда из-под окна.

Царева дочь так испугалась, что сама не своя [букв.: не сырая и не вареная], когда ее поездки стали обнаруживаться. Тухкимус уже вытаскивает из сумы медную лошадь, медные сани и медные ветки да говорит:

– На этой лошади ехали через такой лес на берег медного озера.

Поднимает из сумы медную лодку и весла:
– На такой лодке ехали до опушки серебряного леса.
Тухкимус вынимает из сумы серебряную лошадь, серебряную карету и серебряные ветки:
– На такой лошади и в такой карете мы ехали через такой лес к берегу золотого озера.
Поднимает из сумы золотую лодку и золотые весла, говорит:
– На такой лодке переплыли золотое озеро. Пришли в золотой дом.
Вынимает из сумы золотой стол, стулья, самовар, всю посуду и говорит:
– На этих стульях мы сидели, за этим столом и из этой посуды мы ели, из этого самовара пили.
Хватает из сумы старика и показывает царю:
– А тут тебе зять! С этим стариком твоя дочь играла на полу.
Старик говорит:
– Могу ли я здесь свадьбу играть, ведь это моя невеста?
Царь говорит:
– Этого старика надо повесить.
Старик начал плясать и выпрыгнул в окно. С тем и ушел. От этого зятя все тут осталось.
Царева дочь говорит, раз ничего не может скрыть:
– Все это правда. Только не верилось мне, что есть на свете такой человек, кто меня укараулит.
Царь говорит Тухкимусу:
– Если возьмешь ее в жены, то бери, а если не возьмешь, то получишь плату да можешь идти домой.
Тухкимус говорит:
– Где же бедняку еще представится случай жениться на царевой дочери!
Сыграли свадьбу. Тухкимус стал царевым зятем.
И я там была на свадьбе, и там мне дали вина в посудине без дна. Немного я опьянела. Дали мне там гороховую плеть, седло из репы. Приехала я в родную деревню. Ватага мальчишек побежала мне навстречу, съели у меня гороховую плеть и седло из репы, мне ничего не досталось.
И на этом эта [сказка] и кончилась. (Больше ничего не могу придумать.)

14. [Pyhä Miikkula]

Pohatta velli lavkalla kaupiččou. Toini velli on köyhä ta sillä on äijän lasta. Hänen akka sanou:
– Mäne pohatalta velleltä kysy rahua, jotta voisima ostua heposen, emmäkö rupie tienauksella elämäh.
Köyhä velli mänöy pohatan vellen luo ta sanou:
– Etkö sie anna miula velaksi kuutta rupl'ua?
Pohatta velli sanou:
– Mitä sie sillä rahalla ruat ta konsa sie sen maksat?

– Miula on ičelläni nellätoista rupl'ua, ta kun kuusi rupl'ua antasit, ni saisin heposen. Emmäkö rupieis tienauksella paremmin elämäh.

Pohatta velli antau hänellä kuusi rupl'ua rahua. Köyhä velli sanou:

– Kun mie en voine maksua, nin maksau Pyhä Miikkula nämä kuusi rupl'ua miun iestä.

Mänöy köyhä velli ta ostau linnalta heposen. Alkau ajella heposella ta vähäsen tienuau. Suau kolme rupl'ua rahua. Viey sen pohatalla vellellä velasta. Toini kolme rupl'ua jäiy vielä maksamatta. Köyhä velli kuolou. Ruumis suoritetah ta pannah kropuh. Pohatalla vellellä sanotah:

– Velles kuoli, tuossa nyt viijäh häntä hautah.

Pohatta velli juoksou lakittomin päin ta sanou:

– Kačo, rosvo, kun jätti kolme rupl'ua maksamatta ta iče kuoli.

Pohatta velli alko lyyvvä vičalla kerran ruumista, toisen Pyhän Miikkulan kuvua ta sanou:

– Maksanetta hot kumpani.

Maksuau yksi kolmannen vellivainuan poika. Hiän jo kävi työssä linnalla. Sanou pohatalla tiätällä:

– Elä lyö ruumista ta Pyhän Miikkulan kuvua. Miula on kolme rupl'ua ta maksan sen velan.

Pohatta velli lakkua lyömästä. Ruumis viijäh hautah. Poika makso kolme rupl'ua pohatalla vellellä. Poika mänöy kotih meččäpolkuo pitkin. Tiellä tulou vastah harmuapiä pikkaraini ukko. Kysyy pojalta:

– Mistä päin matkuat?

Poika sanou:

– Matkuan linnalta, töistä.

Ukko sanou:

– Ota, poikan, milma kasakakses.

Poika sanou:

– Oi, ukkoseni, myö olemma oikein köyhät ta miula on vain vanha muamo. Suamma kolme funttua leipyä. Mitä sie meilä kasakoičet?

Ukko sanou:

– Pitäy teilä vettä kantua ta puuta suaha.

Poika sanou:

– Meilä on yksi viččapauka, millä muamo vettä kantau, ta puuksi muamo keryäy lastuja. Meilä ei pie kasakkua.

Ta poika lähtöy mänömäh kotih päin. Sanou muamollah:

– Meilä kasakka pyrkiy.

Muamo ihmettelöy:

– Mi huima se lienöy ollun, kun myö emmä iče tuijä, kun päivästä piäličči piässä.

Huomena tuas poika tulou töistä kotih meččäpolkuo pitkin. Tuas samassa paikassa näyttäytyy ukko ta pyrkiy kasakaksi.

Poika sanou:

– Emmä tarviče kasakkua, kun olemma köyhät.

Poika tulou kotih, kertou muamollah. Muamo sanou:

– Aja sie se ukko pois tieltäs, kun turhua pyrkiy. Mitä myö köyhät kasakalla ruamma?

Kolmantena päivänä tuas, kun poika tulou työstä, nin samassa paikassa ukko alkau pyrkie kasakaksi.

Poika sanou:

– Kun et uso, nin lähe kaččomah, jotta myö olemma köyhät.

Männäh ukon kera kotih ta poika sanou:

– Tässä on, muamo, kasakka!

Ukko ottau renkin ta juoksou rannasta vettä ottamah. Tuou lastuo pohatan vellen pihasta. Akka kaččou valmista, kun kasakka ruatau. Muatah yötä. Akka nousou makuamasta. Mänöy pihalla. Pohatta velli suorieu kolmella koraplilla ulkomailla kaupalla. Tulou akka pirttih ta sanou ukolla:

– Pohatta velli suorieu ulkomailla kolmella laivalla ta eloja kannetah.

Ukko sanou:

– Eikö teilä ole mitä alusta? Tai mie venehen luatisin.

Akka sanou:

– Ei ole kun laivanpaloja niemen takuana, senki on tuuli revittän.

Ukko sanou:

– Eikö hänestä saisi vielä luatie venehtä?

Akka sanou:

– Mitä siitä suau, kun on kaikki hajonnun.

Ukko sanou pojalla:

– Onko siula rahua, ossa tiätällä nuakloja, jotta rupiesima luatimah venehtä?

Poika sanou:

– Miula on kolme kopeikkua rahua, mie mänen ta ossan nuakloja.

Akka sanou:

– Heittäkkyä tyhjä pakina, mistä työ sen venehen luajitta, kun ei ole mitänä materialie?

Poika sanou:

– Kyllä mie ossan.

Ukko pyytäy näyttämäh laivanpohjan ta ihastuu siihi.

Akka keittäy vesirokkua ta käsköy poikah kuččumah pois ukon kolkuttelemasta syömäh.

Poika mänöy niemen tua ukon luo – ka kultani laiva.

Poika ihmettelöy, kučču syömäh ukkuo. Ukko sanou:

– Mäne, mie tulen. Vielä moniehan nuaklan isen.

Poika mäni pirttih, kaččou, laiva tulou rantah. Näyttäy muamollah. Akka ei uso ensin, vain laiva se oli. Jo ukko tulou pirttih. Sanou:

– Mäne kysymäh tiätältäs tavarua myötäväksi.

Akka kieltäy mänömästä.

– Kuitenki tyhjäh mänöy.

Niin poika mäni tiätältäh kysymäh tavarua. Tiätä antau mitä lienöy rippeitä ta kankaspakan kappalehie. Poika tulou nijen kera ukon luo. Ukko sanou:

– Nyt lähemmä myöki ulkomailla tavaroita kaupiččomah kultasella laivalla. Ukko sanou:

– Mitä suamma parissa, nin puolekkah juamma.

Lähetih hyö ajamah. Jo ajettih sivu pohatan vellen laivoista ta mäntih čuarin rantah. Čuari ei lase heitä maihi. Sanou: «Siitä vasta piäsettä, jos täytättä miun antamat tehtävät». Samoin čuari sanou pohatalla vellellä:

– Miun tytär on kirikössä ta sillä pitäy olla joka yö yksi mies syötäväksi. Ei eny riittä rahvasta. Kun antanetta joka yö yhen miehen hänellä syötäväksi, nin suatta kaupita.

Kasakka-ukko sanou pojalla:

– Miun luvatta elä rua mitänä.

Pohatta velli sanou köyhän vellivainuan pojalla:

– Etkö sie mäne varteičcomah sitä tytärtä kirikköh? Myö maksamma siula.

Poika sanou:

– Annahan käyn ukon luona, jos hiän piästäy, nin mie voim lähtie.

Poika kysyy ukolta, voisiko hiän lähtie. Ukko sanou:

– Sano tiätälläs, kun antanou siula yhen laivan täyven tavarua, nin sie voit lähtie varteimah.

Pohatta velli lupai čuarin läsnäollessa laivan täyven tavarua. Iče arvelou: «Lupuan mie hänellä laivan, vain ei hiän elävänä tule takasin kuitenkin. Syöy se tytär hänet».

Poika tulou ukon luo ta sanou:

– Sopimus luajittu. Suan täyven laivan.

Ukko sanou:

– Kun lupai, ni mänet illalla.

Poika lähtöy illalla. Ukko antau hänellä lukukirjan ta nevou istuutumah kriilassulla ta kiertämäh iččeh kaksi kertua myötähpäivvyä ta yksi kerta vastahpäivvyä kirjalla, nin tulou ympäri kolme rautaista aitua.

Poika mäni kirikköh: kierti kaksi kertua myötähpäivvyä ta kerran vastahpäivvyä kirjalla ta tuli kolme rauta-aitua hänen ympäričči. Luki kotvasen aikua kirjua. Sillan alta nousou tytär. Sillä on suussa vuaksan pituset rautaset hampahat. Tytär sanou:

– Tulitpahan ulkomailta. Vielä olet rautasien aitojen siämeh istuutun, vain kyllä mie siut syön.

Tytär alkau purra rauta-aitua. Purou, purou aitua, jotta sais syyvvä pojan. Kukko laulo puoliyön aikana. Tytär kirpoi karsinah. Ei suanun poikua syyvvä. Čuari sanou:

– Mänkyä korjakkua luut. Yöllä sielä oli semmoni tora, jotta johan se sen pojan söi.

Sotamiehet männäh kaččomah: poika vain lukou kirjua, eikä ole enyä rautaista aitua ympärillä. Sotamiehet ihmettelöy, mitein hiän on säilyn. Poika mänöy tervehenä pohatan tiätän luo. Tiätä kysyy čuarilta:

– Joko nyt voit ruveta kaupiččomah tavaroita?

Čuari sanou:

– Ensin on sluušittava toini yö kirikössä ta siitä vasta piäsettä kaupalla.

Poikua pyritetäh tuas lähtömäh kirikköh yöksi. Poika sanou:
 – Käyn ukolta kysymässä, kun luvannou, nin lähen.
 Poika kysyy ukolta. Ukko sanou:
 – Mäne kun pyritetäh, vain kun antanou tiätä toisen laivan.
 Poika sanou:
 – Kun annat toisen laivan, nin mänen.
 Tiätä sanou:
 – En voi antua toista laivua.
 – Kun et anna, nin pane omie miehie.
 Kuitenki tiätän piti luvata toini laiva. Ukko sanou tuas:
 – Mäne samalla keinoin, kierrä iččes tällä kirjalla myötäh ta vastahpäivvä,
 nin tulou rautani aita, eikä hiän sua silma syyvvä.
 Poika mäni kirikköh, kiersi iččeh, tuli kolme rautaista aitua, alko lukie tuas kirjua. Nyt kirikön sillan alta nousou tuas tytär entistä vihasempi, vielä pitemmät hampahat suussa ta sanou:
 – Mie jo yön olin nälässä ta nyt on siun turha varuo aijoilla, mie siut syön.
 Rupei syömäh rautasie aitoja. Syöy aijan, syöy toisen ta jo kolmatta purou, niin on nälässä.
 Tuli puoliyön aika. Kukko laulo. Tytär kirpoi tuas karsinah. Poika jäi terveheksi. Čuari sanou:
 – Mänkyä korjakkua luut! Kiriköstä kuulu niin kova jyrinä. Kyllä se nyt jo söi sen pojan.
 Männäh sotamiehiet kaččomah. Poika vain lukou kirjua tervehenä. Ihmetelläh:
 – Mitein henkih jäit jo toisena yönä, kun aikasemmin kaikki söi?
 Poika mänöy tervehenä tiätän luo ta se sualivoiččou, kun toini laiva mäni, eikö omie miehie vois antua syötäväksi.
 Čuarilta kysyy pohatta tiätä:
 – Joko nyt annat kaupita?
 Čuari sanou:
 – Kun voinetta kolmannen yön vielä sluušie kirikössä, siitä suatta kaupita.
 Pohatalla vellellä tulou tuas ajatukset, jotta kun omie miehie ei vois panna syötäväksi ta laivat mänöy. Lopulta kumminki pyrittäy vellen poikua mänömäh yöksi kirikköh ta lupuai kolmannen laivan. Poika suostu, kun ukko lupai. Ukko käski kiertämäh kolmeh kertah myötäh päivyä ta lukomah kirjua:
 – Kun tytär rupieü syömäh viimeistä aitua, nin ise vasemmasta olkapiästäs piäličči häntä oččah. Silloin hampahat kirpuou siltä, viha mänöy, eikä se syö enyä ketänä.
 Poika mäni kirikköh. Kierti kolme kertua myötäh päivyä, tuli kolme rauta-aitua ympäričči. Alko lukie kirjua. Tytär nousi ta pitillä hampahilla söi jo kaksi aitua.. Kun rupei syömäh kolmatta, nin poika iski vasemman olkapiän piäličči kirjalla tytärtä oččah. Siltä hampahat kirpoi, eikä alkan olla vihani yhtänä. Tytär istuutu pojan viereh ta alko paissa, niin kun ihmini ainaki. Poika kysyy tyttäreltä:
 – Mitein sie olet tänne joutun ta miksi söit niin äijän rahvasta?

Tytär sanou:

– Miula kun pakananmuan čuarin poika kävi sulhaseksi, mie en männyn ta siitä miun noita-akka kiroi pahah valtakuntah. Nyt sie miun sait ihmiseksi.

Huomeneksella čuari sanou:

– Mänkyä keräkyä luut, jo se on nyt syönyn pojan.

Sotamiehet tullah kirikköh kaččomah. Hyö issutah vierekkäh, kirjua luvetah. Tytär omilla jalkasillah astuu čuarin kotih. Čuari ta čuarin akka ihastu ikihyväksi, kun tytär piäsi pahojen vallasta.

Poika mänöy tiätän luo ta sanou:

– Olin kirikkössä kolme yötä ta nyt miula kuuluu kolme laivua.

Pohatta tiätä sanou:

– En mie anna!

Vain kun čuarin aikana oli luajittu sopimus, nin oikeus piätti antaa köyhällä pojalla laivat.

Poika mäni čuarin luo. Čuari sanou:

– Sie kun sait miun tyttäreni pois pahojen vallasta, nin voit ottua hänet naisekses.

Poika sanou:

– En mie omasta piästäni tiijä ottua. Miun pitäy kysyö ukolta ensin.

Poika sanou ukolla:

– Nyt taritah miula morsienta, rupienko ottamah?

Ukko sanou:

– Kun kelvannou ičelläs, nin ota.

Mäntih ukon kera čuarih ta sanottih:

– Otamma myö tämän morsiemekse.

Ta niin siinä hiät piettih.

Čuari sanou:

– Yheksän laivua annan prituanoiksi, kun hänet pelassit.

Tavarua lastatah täyvet laivat ta sanotah:

– Nyt mänkyä kotih!

Ukko sanou:

– Läkkä, poika, morsiemes keralla meren rannalla ensin kävelömäh.

Hyö männäh kotvan aikua kaupunkista pois, jotta ei heitä enämpyä nävy.

Ukko sanou:

– Nyt ruvekka jakamah eloja. Miula puolet.

Poika lupau puolet.

Ukko sanou:

– Annatko naisestaki puolet?

Poika sanou, jotta annan.

Morsien halattih kaheksi. Ukko sanou pojalla:

– Seiso tässä vähäsen aikua.

Ukko ottau ruumehen kappalehet ta čuurulla ta kolikalla pesi kappalehet hyväksi, liitti ne yhteh ta puhalti henken. Siitä tuli kaunehmpi kuin oli ennen. Ukko sanou:

– Tässä on, poika, morsiemes. Mie en häntä tarviče. Pesin vain hänet pois kaikesta pahasta. Kaikki hyvät työt luajin siula sen takie, kun kielsit pohattua vellie lyömästä milme vičalla ta maksoit velan. Mie olen se Pyhä Miikkula.

Ukko kato.

Poika sai lähtie kotih. Hänellä oli kaksitoista laivua eluo. Kolmastoista kulantani laiva oli oma.

Niijen kera vei naiseh kotih. Laitto hyvät huonehet ta alko elyä elvetellä. Oli eluo ta vielä hänestä jäi.

Sen pituni se.

14. [Святой Мийккула]

Богатый брат торгует в лавке. Другой брат бедный, и у него много детей. Его жена говорит:

– Сходи, попроси у богатого брата денег, чтобы мы могли купить лошадь: может, сможем зарабатывать на жизнь.

Бедный брат идет к богатому брату и говорит:

– Не дашь ли ты мне в долг шесть рублей?

Богатый брат говорит:

– Что ты будешь делать с этими деньгами, и когда ты вернешь [долг]?

– У меня у самого есть четырнадцать рублей, и если бы ты дал шесть рублей, я бы мог купить лошадь: может, на заработки будем лучше жить.

Богатый брат дает ему шесть рублей. Бедный брат говорит:

– Если я не смогу вернуть долг, то Святой Мийккула вернет эти шесть рублей за меня.

Идет бедный брат и покупает в городе лошадь. Начинает ездить на лошади и немного зарабатывает. Получил три рубля денег и относит их брату – другие три рубля остаются еще неоплаченными. Бедный брат умирает. Тело обряжают и кладут в гроб. Богатому брату говорят:

– Твой брат умер, вон несут его в могилу.

Богатый брат бежит с обнаженной головой и говорит:

– Смотри-ка, разбойник: три рубля не вернул – а сам умер.

Богатый брат стал бить вицей: один раз – по телу, другой – по образу Святого Мийккулы и говорит:

– Заплатите, хоть один из вас.

Идет один из сыновей третьего, тоже покойного брата – он уже работал в городе; говорит дяде:

– Не бей покойника и образ Святого Мийккулы: у меня есть три рубля, и я заплачу долг.

Богатый брат перестал бить; тело отнесли в могилу. Парень отдал три рубля богатому брату. Идет парень домой по лесной тропинке. По дороге ему встречается маленький седой старичок, спрашивает у парня:

– Откуда путь держишь?

Парень отвечает:

– Иду из города, с работы.

Старик говорит:

– Возьми, сынок, меня к себе в батраки.

Парень говорит:

– Ой, дедушка, мы очень бедные, и у меня только старая мать. Получаем три фунта хлеба. Что ты у нас можешь делать?

– Надо же вам воду носить и дрова заготовливать.

Парень говорит:

– У нас только одна лоханка, которой мать воду носит, а на дрова мать собирает щепки – не нужен нам батрак.

И парень пошел в сторону дома. [Дома] говорит матери:

– К нам просится батрак.

Мать удивляется:

– Что это за сумасшедший, когда мы сами не знаем, как день прожить.

Назавтра опять парень возвращается с работы домой по лесной тропинке. Опять в том же месте показался дед и просится в батраки.

Парень говорит:

– Не нужен нам батрак, ведь мы бедные.

Парень приходит домой и рассказывает [об этом] матери. Мать говорит:

– Прогони ты этого старика прочь с дороги, ведь зря просится. Что нам, бедным, делать с батраком?

На третий день опять, когда парень шел с работы, в том же самом месте старик стал проситься в батраки. Парень говорит:

– Раз не веришь – пойди и увидишь, что мы бедные.

Приходят они со стариком домой, и парень говорит:

– Вот, мама, работник!

Старик берет деревянное ведро и бежит на берег за водой, приносит щепки со двора богатого брата – женщина смотрит, как старик делает все наготово. Поспали ночь. Женщина встает, идет во двор. Богатый брат собирается [отправиться] на трех кораблях за границу торговать. Приходит женщина в избу и говорит старику:

– Богатый брат собирается за границу на трех кораблях; товары несут [на суда].

Старик говорит:

– Нет ли у вас какого-нибудь судна – и я бы лодку смастерил.

Женщина отвечает:

– Нет ничего, кроме днища судна за мысом, – и то ветер растрепал.

Старик говорит:

– Может, еще удастся сделать из него лодку?

Женщина говорит:

– Да что из него сделаешь, когда все развалилось!

Старик говорит парню:

– У тебя есть деньги? Купи у дяди гвоздей, чтобы мы могли начать делать лодку.

Парень говорит:

– У меня есть три копейки – я пойду и куплю гвоздей.

Мать говорит:

– Прекратите пустой разговор: из чего вы ее сделаете, если нет никакого материала?

Сын говорит:

– Я все же куплю.

Старик просит показать ему днище корабля, и оно ему понравилось.

Женщина варит похлебку на воде и посылает сына сказать старику, чтобы тот перестал стучать и шел обедать.

Сын идет за мыс к старику – а там – золотой корабль! Парень удивляется; зовет старика обедать. Старик говорит:

– Иди, я приду: забью еще несколько гвоздей.

Парень пришел домой, смотрит – корабль подходит к берегу; показывает матери. Женщина сначала не поверила, – но это был корабль. Вот старик входит в избу, говорит:

– Иди попроси у своего дяди товар для продажи.

Мать запрещает [сыну] идти:

– Все равно зря пропадет.

Парень пошел просить у дяди товар. Дядя дает какие-то [зерновые] отходы и куски ткани. Парень приходит с ними к старику. Старик говорит:

– Теперь и мы отправимся торговать за границу на золотом корабле. Что заработаем вдвоем – поделим поровну.

Отправились они в плавание. Уже проплыли мимо кораблей богатого брата и подошли к царскому берегу. Царь не разрешает им сойти на берег, говорит:

– Лишь тогда сможете сойти, если выполните мои поручения.

Также царь говорит богатому брату:

– Моя дочь в церкви, и ей каждую ночь требуется один человек на съедение – уже не хватает народа. Если будете давать каждую ночь одного человека ей на съедение, то можете торговать.

Старик-батрак говорит парню:

– Без моего разрешения ничего не делай.

Богатый брат говорит сыну своего покойного бедного брата:

– Не пойдешь ли ты в церковь сторожить царскую дочь? Мы заплатим тебе.

Парень отвечает:

– Дай-ка схожу к деду: если он отпустит, то я смогу пойти.

Парень спрашивает у старика, можно ли ему пойти [сторожить царевну]; старик говорит:

– Скажи своему дяде, если даст тебе один корабль, полный товара, – ты можешь пойти сторожить [царевну].

Богатый брат в присутствии царя пообещал корабль, полный товара, а сам думает: «Пообещаю я ему корабль, только все равно он живым не вернется: съест его эта царевна».

Парень приходит к старику и говорит:

– Договор заключен – я получу полный [товара] корабль.

Старик говорит:

– Раз обещал, так пойдешь вечером.

Вечером парень отправляется [сторожить]. Старик дает ему книгу для чтения и советует сесть на клирос и обвести вокруг себя книгой круг – два раза по солнцу и один раз против солнца – вокруг него появятся три железные ограды. Пришел парень в церковь, обвел вокруг себя книгой круг – два раза по солнцу и один раз против солнца – и появились три железные ограды вокруг него. Почитал некоторое время книгу – из-под пола выходит девушка. Во рту у нее железные зубы величиной с пядь. Девушка говорит:

– Приехал-таки из-за границы, еще и за железные ограды сел, да все равно я тебя съем.

Девушка начинает грызть железную ограду. Грызет, грызет ограду, чтобы смогла съесть парня. В полночь пропел петух – девушка упала в подвал, не смогла съесть парня. Царь говорит:

– Идите уберите кости: ночью там была такая драка, что уже она съела этого парня.

Солдаты идут посмотреть – а парень читает себе книгу, и уже нет железной ограды вокруг него. Солдаты удивляются, как он сохранился. Парень идет, здоровый, к богатому дяде. Дядя спрашивает у царя:

– Теперь уже можно начать торговать?

Царь отвечает:

– Сначала надо отслужить еще одну ночь в церкви – только потом сможете торговать.

Опять просят парня отправиться в церковь на ночь. Парень говорит:

– Схожу спрошу у старика: если разрешит, тогда пойду [в церковь].

Парень спрашивает у старика – старик говорит:

– Иди, раз просят, но только если дядя даст второй корабль.

Парень говорит [дяде]:

– Если дашь второй корабль, то пойду.

Дядя говорит:

– Не могу дать второго корабля.

– Коли не дашь, так ставь своих людей [сторожить царевну].

Дяде все-таки пришлось пообещать второй корабль. Старик говорит опять:

– Иди таким же образом обведи вокруг себя этой книгой круг по солнцу и против солнца – и появится железная ограда, и она [царевна] не сможет тебя съесть.

Парень пришел в церковь, очертил вокруг себя круг – появились три железные ограды; стал опять читать книгу. И опять из-под пола церкви выходит девушка, злее прежнего, зубы во рту еще длиннее, и говорит:

– Я уже ночь была голодной, и теперь тебе ограды не помогут – я тебя съем.

Стала [она] есть железные ограды: съела ограду, съела вторую и уже третью грызет, так проголодалась. Наступила полночь. Пропел петух. Девушка опять упала в подпол. Парень остался цел.

Царь говорит:

– Идите уберите кости! Из церкви слышался такой грохот – наверняка она теперь уже съела этого парня.

Пошли солдаты смотреть – парень читает себе книгу, невредимый. Удивляются:

– Как ты остался жив уже вторую ночь, если раньше [она] всех съедала?

Парень идет, здоровый, к дяде, и тот жалуется, что уже второй корабль пропал; может, своих людей стоило отдать на съедение. У царя богатый брат спрашивает:

– Теперь уже позволишь торговать?

Царь говорит:

– Если сможете еще третью ночь отслужить в церкви, тогда можете торговать.

Богатый брат опять размышляет о том, что и своих людей не хотелось бы отдавать на съедение, и корабли пропадают. Наконец все же просит племянника пойти на ночь в церковь и обещает третий корабль. Парень согласился, поскольку старик разрешил. Старик велел обвести [вокруг себя] круг трижды по солнцу и читать книгу.

– Когда девушка будет есть последнюю ограду, ударь ее через левое плечо в лоб – тогда у нее выпадут зубы, пройдет злость, и она больше ничего не станет есть.

Парень пришел в церковь, обвел вокруг себя круг три раза по солнцу – появилось три железных ограды; начал читать книгу. Вышла девушка и своими длинными зубами съела уже две ограды. Когда она начала грызть третью, парень ударил девушку через левое плечо книгой в лоб. У той выпали зубы, и она перестала быть злой. Девушка села рядом с парнем и заговорила, как обыкновенный человек. Парень спрашивает у девушки:

– Как ты сюда попала и почему съела так много народа?

Девушка отвечает:

– Когда ко мне сватался царский сын из поганой страны, я не пошла за него, и за это ведьма заклала меня [поместив] в злое царство. Теперь ты сделал из меня человека.

Наутро царь говорит:

– Пойдите соберите кости: теперь уж она съела парня.

Солдаты приходят в церковь посмотреть – они [парень с девушкой]

сидят рядом, читают книгу. Девушка своими ногами идет в царский дом. Царь и царица очень обрадовались, что их дочь освободилась от власти злых сил.

Парень идет к своему дяде и говорит:

– Я был в церкви три ночи, и теперь мне принадлежат три корабля.

Богатый дядя говорит:

– Я не дам!

Но поскольку договор был заключен в присутствии царя, то суд постановил отдать бедному племяннику корабли.

Парень пошел к царю. Царь говорит:

– Раз ты освободил мою дочь от власти злых сил, то можешь взять ее себе в жены.

Парень говорит:

– Я не могу это сам решить, я должен сначала спросить у деда.

Парень говорит старику:

– Теперь мне предлагают невесту; брать ли мне ее?

Старик говорит:

– Если тебе самому годится, так бери.

Пошли они со стариком к царю и говорят:

– Мы возьмем эту [девушку] в невесты.

Тут и свадьбу справили. Царь говорит:

– Я дам девять кораблей приданого за то, что спас ее.

Нагрузили полные корабли товара и говорят:

– Теперь отправляйтесь домой!

Старик говорит:

– Пойдем, сынок, погуляем сначала по берегу вместе с твоей невестой.

Они отошли довольно далеко от города, так, что их больше не было видно. Старик говорит:

– Давай теперь делить добро. Мне – половина.

Парень обещает отдать половину. Старик спрашивает:

– А половину жены отдашь?

Парень говорит, что «отдам». Невесту раскололи надвое. Старик говорит парню:

– Постой здесь немножко.

Старик взял части тела и песком и голиком помыл их хорошенько, соединил их и вдунул [в тело] дух. Она [девушка] стала красивее, чем прежде. Старик говорит:

– Вот, сынок, твоя невеста. Мне она не нужна, я только отмыл ее от всего плохого. Все добрые дела я сделал для тебя потому, что ты запретил богатому брату бить меня вицей и заплатил долг. Я – тот самый Святой Мийккула.

Старик исчез. Парень мог отправляться домой. У него было двенадцать кораблей добра, тринадцатый – золотой корабль – был свой. С ними он

привез жену домой. Построил хорошие хоромы и стал жить-поживать. Добра хватило, и даже еще осталось после него.

Вот такой длины сказка.

15. Kontie ta viisas tytär

Olipa kerran ukko, akka ta kolme tyttärtä. Ukko sanou akallah:

– Mie lähen halkuo leikkuamah meččäh. Työnnä päivällä tyttärtä tuomah miula evästä murkinaksi. Tulkah oikien kiän tietä, mie panen piällisen rippumah puun oksalla merkiksi.

Läksi ukko meččäh. Akka laittuau ruokua ta sanou tyttärelläh:

– Mäne vie tuatollas evästä meččäh. – Pani evästä tyttärellä, ei ni muistan sanou, jotta oikien kiän tietä on mahtava, ta jotta piällini on pantu merkiksi.

Tytär läksi mänömäh vasemman kiän tietä. Kontie tuli vastah tyttärellä, ruassalti selkäh ta vei kotihih.

Ukko mänöy kotihih illalla ta kysyy:

– Mintäh et työntän tyttärtä tuomah evästä?

Akka sanou:

– Työnnin, ukkoseni, vain jos ei tuonun ni se mäni kontien tietä.

Toisena päivänä ukko tuas mäni halkuo leikkuamah meččäh, ta käsköy keskimmäistä tyttärtä tuomah evästä oikien kiän tietä myöte, missä on piällini puun oksalla.

Akka valmisti murkinan ta sanou keskimmäisellä tyttärellä:

– Mäne vie tuatollas evästä.

Akka ei muistan neuvuo tietä. Tytär mäni kontien tietä. Kontie tuli vastah ta vei tyttären.

Illalla ukko mänöy kotih:

– Päivän olen nälässä ollun, kun et työntän evästä tuomah.

Akka sanou:

– Mie työnsin.

Kolmantena päivänä ukko tuas lähtöy meččäh halkuo leikkuamah ta kučuu evästä. Neuvou oikien puolisen tien, missä on piällini merkinä.

Akka luatiu murkinan, käsköy nuorimman tyttären viemäh evästä. Eikä muissa neuvuo tietä.

Nuorimmanki tyttären kontie vei.

Ukko tulou kotih ta sanou:

– Miksi et työntän evästä?

Akka sanou:

– Ka mintäh en työntän, kun työnsin nuorimman tyttären tuomah.

Ukko kiruou akkua ta akka ukkuo. Kontie tappo vanhimman ta keskimmäisen tyttären. Nuorimman tyttären otti morsiemekseh. Kontie lähtöy meččäh ta sanou morsiemellah:

– Kahteh aittah käy, kolmanteh elä käy.

Tytär mänöy aittah. Sielä on kaikkie syömistä, juomista. Mänöy toiseh aittah: sielä on vuatetta, jalkinehta. Ajattelou: «Olis tiälä kaikkie, vain enhän mie voi kontien keralla elyä... A mintäh ei käsken kolmanteh käyvä. Vuota kačon, mitä on kolmannessa». Avuau aitan. Sielä on ruumehet ripusettu lakeh. Čikotki on ripusettu puisen piällä. Veri tippuu. Kesellä puista kultasormus pyöriy. Tytär rupieu sormusta ottamah, ta se niin pyöriy, jotta ei sua ni miteinkänä pois. Ajattelou: «Pitäh lähtie pois, kontie tulou».

Hänellä sormi i vereyty. Rupei pesömäh sormie. Veri ei ni lähe sormesta. «Min nyt kontiella sanon?»

Ottau kiäriy ripakon, jottei kontie näkis.

Tulou kontie, sanou:

– Vaipun olen, pane ruokua, eči piätäh!

Näköy, jotta sormessa on ripakko. Kysyy:

– Mi se on?

Tytär sanou:

– Leipyä kun leikkain, nin vijotin sormen.

Kontie siihä puhuu, jotta ruttoseh parenis.

Tytär sanou:

– Etkö sie mäne tuatollani viemäh kostinččua?

Kontie sanou:

– Mie ensin uinahan, siitä illačulla käyn.

Kontie uinahtau. Tytär virottou vanhimman čikon ta panou kesselih. Kontie nousou makuamasta ta kysyy:

– Joko panit, armahaiseni, kostinččua?

Tyttö sanou:

– Jo panin.

Kontie läksi viemäh tyttären tuatolla kostinččua kesseli selässä. Koirat haukkuu. Luou kesselin selästäh, rävähyttäy iče pakoh. Perässä ammutah, vain ei osuttu. Tulou kontie ta sanou:

– En ni konsa enämpi lähe, sielä tapetah.

Ollah toiseh päiväh. Kontie lähtöy meččäh. Tytär sillä aikua virottou keskimmäisen čikon ta panou kesselih, jotta eikö tuas kontie mänis tuatolla viemäh kostinččua. Tulou kontie meččästä, sanou morsiemella:

– Pane ruokua!

Kontie söi.

Tytär tuas sanou:

– Etkö veis kostinččua tuatollani?

Kontie tuas otti kesselin selkäh, joksi länčöttä vajan luo. Koirat tuas haukkumah. Kontie kesselin selästäh ta hätin tuskin piäsi pakoh.

Tytär sanou:

– Mäne, ukkoseni, tuas meččäh. Mie varussan kesselin, kun tulet ni juoksutat tuatollani.

Kontie sanou:

– Varajan, koirat sielä haukutah, tapetah milma.

Kontie läksi meččäh. Tytär nosti pirtin piällä huumharen ta suoritti sen naisen vuatteih. Rukin huumharella eteh, jotta hiän on iče kesryämässä pirtin piällä. Otti suuren lippahan. Sen täyteh hyvie vuatteita ta kallehuksie aitasta. Aitan pani lukkuh, iče mäni lippahan siämeh ta lippahan lukkuh.

Kontie tulou meččästä. Kaččou: pirtin piällä morsien kesryäy. Sanou:

– Sinnekö nousit kesryämäh?

Tytär sanou lippahasta:

– Tiälä olen, vie lipas tuatollani.

Kontie ottau lippahan selkähäh, lähtöy viemäh. Kantau röhveltäy. Jo sanou:

– Ylen on jykie, mitä pani siämeh. Vuota kun syön puolet.

Naini sanou lippahasta:

– Niän, niän, kun olen pirtin piällä, jotta syömäh rupiet. Elä syö, slokamennikka, kostinččua!

Kontie sanou:

– Kačo, kun nousi pirtin piällä, ni sieltä se miuta i varteiččou.

Kontie pačkai lippahan selästäh. Se palasiksi. Koirat haukutah. Kontiella ei ole aikua kaččuo lipasta. Juoksou kontie kotih. Karjuu pirtin piällä:

– Tule pane ruokua!

Huummar ei virka mitänä, eikä tule alas. Kontie hyppäi pirtin piällä ta löi huummarta korvalla:

– Etkö lähe ruokua antamah!

Huummar kun läksi vierömäh katon alas. Kontie sitä kiini tavottamah, jottei naini kuolis. Ta siih i kirpoi i kuoli.

Tyttäret piästih elämäh entiselläh.

Sen pituni starina.

15. Медведь и умная девушка

Жили однажды старик, старуха и три дочери. Старик говорит старухе:

– Я пойду в лес заготавливать дрова. Отправь днем дочь, чтобы принесла мне еды к завтраку. Пусть идет по правой дороге; я повешу в знак вершницу* на ветку дерева.

Отправился старик в лес. Старуха приготовила еду и говорит дочери:

– Иди отнеси отцу еду в лес.

Положила дочери провизию и забыла сказать, что надо идти по правой дороге и что в знак повешена рукавица.

Дочь пошла по левой дороге. Встретился девушке медведь, закинул ее на спину и отнес к себе домой.

Старик приходит вечером домой и спрашивает:

– Почему ты не отправила дочь принести мне еды?

Старуха говорит:

– Отправила, муженек, но если она не принесла – значит, пошла медвежьей дорогой.

На следующий день старик опять пошел в лес заготавливать дрова и велит средней дочери принести еду по правой дороге, где висит верхница на ветке дерева. Старуха приготовила завтрак и говорит средней дочери:

– Иди отнеси отцу поесть.

Старуха забыла сказать о [правильной] дороге. Дочь пошла по медвежьей дороге. К ней вышел медведь и отнес девушку [к себе].

Вечером старик приходит домой:

– Целый день был голодный, потому что ты не послала [дочь] принести мне еды.

Старуха говорит:

– Я послала.

На третий день старик опять отправляется в лес рубить дрова и просит [принести] провизию; велит идти по правой дороге, где есть знак – верхница. Старуха готовит завтрак, велит младшей дочери отнести провизию и забывает сказать про дорогу.

И младшую дочь унес медведь.

Старик приходит домой и говорит:

– Почему ты не послала мне еды?

Старуха отвечает:

– Да как же не послала, когда послала младшую дочь отнести [еду].

Старик ругает старуху, а старуха – старика.

Медведь убил старшую и среднюю дочь, младшую дочь взял себе в невесты. Медведь отправляется в лес и говорит своей невесте:

– В два амбара заходи, в третий не ходи.

Девушка идет в амбар – там всякой еды и питья. Идет в другой амбар – там одежда, обувь. Думает: «Все здесь есть, да ведь я не смогу жить с медведем... А почему он не велел ходить в третий [амбар]? Дай-ка посмотрю, что есть в третьем». Открывает амбар – там тела подвешены к потолку, и сестры подвешены над деревянной бочкой. Кровь капает. В центре бочки крутится золотое колечко. Девушка попыталась взять кольцо, а оно так крутится, что никак не взять. Думает [девушка]: «Надо уходить, медведь придет». Палец у нее и запачкался в крови. Стала она мыть палец – кровь не смывается с пальца. «Что я теперь медведю скажу?» Завязывает [палец] тряпочкой, чтобы медведь не увидел.

Приходит медведь, говорит:

– Я устал. Подай еды, поищи в голове!

Видит, что на пальце повязка; спрашивает:

– Что это?

Девушка отвечает:

– Когда резала хлеб, поранила палец.

Медведь дует на него, чтобы быстрее зажил.

Девушка говорит:

– Не отнесешь ли ты моему отцу гостинцев?

Медведь говорит:

– Я сначала вздремну, потом вечером схожу.

Медведь уснул. Девушка оживляет старшую сестру и кладет в берестяной кошель. Медведь встает и спрашивает:

– Дорогая моя, ты уже положила гостинцы?

Девушка отвечает:

– Уже положила.

Медведь с кошельем на спине пошел относить гостинцы отцу девушки. Собаки залаяли. Медведь скинул кошель со спины, сам бросился наутек. Вслед ему стреляли, но не попали. Приходит медведь [домой] и говорит:

– Больше никогда не пойду: там убьют.

Живут до следующего дня. Медведь уходит в лес. Девушка тем временем оживляет среднюю сестру и сажает в кошель: может, медведь опять отнесет отцу гостинцы. Приходит медведь из леса, говорит невесте:

– Подай еду!

Медведь поел. Девушка опять говорит:

– Может, отнесешь гостинцев моему отцу?

Медведь опять взвалил кошель на спину, добежал вперевалку до [отцовского] крыльца. Собаки опять стали лаять. Медведь – кошель со спины и едва-едва смог сбежать.

Девушка говорит:

– Иди, муженек, опять в лес. Я приготовлю кошель: когда придешь, так отнесешь его моему отцу.

Медведь говорит:

– Боюсь я: собаки там лают, убьют меня.

Медведь отправился в лес. Девушка подняла на крышу избы ступку и нарядила ее в женскую одежду. Перед ступкой поставила прялку: якобы она сама прядет на крыше. Взяла большой сундук, его битком [набила] одеждой и драгоценностями из амбара. Амбар закрыла на замок, сама залезла в сундук и закрыла сундук на замок.

Приходит медведь из леса, смотрит – на крыше избы его невеста прядет; говорит:

– Ты туда забралась прясть?

Девушка из сундука отвечает:

– Здесь я. Отнеси сундук моему отцу.

Медведь берет сундук себе на спину и отправляется. Несет-покрахтывает. Вот уже говорит:

– Очень тяжелый [сундук]; что она туда положила? Дай-ка съем половину.

Жена говорит из сундука:
– Вижу, вижу – на крыше избы сижу – что есть собираешься. Не ешь, злодей, гостинцев!
Медведь говорит:
– Смотри-ка, забралась на крышу избы и оттуда следит за мной.
Медведь скинул сундук со спины, тот – на кусочки. Собаки лают – медведю некогда смотреть на сундук. Прибегает медведь домой, кричит на крышу избы:
– Приди подай еду!
Ступка ничего не говорит и вниз не спускается. Медведь прыгнул на крышу избы и ударил ступку по уху:
– Пойдешь, наконец, кормить!
Ступка как покатилась вниз по крыше, медведь – ее доставать, чтобы жена не погибла, да так и упал и умер.
Девушки стали жить по-прежнему.
Такой длины сказка.

16. Vuakalintu, jouččenet, piessa ta kauppiess

Oli ennen naini ta mies. Mies sanou naisellah:
– Lähen meččäh, enkö sais lintuja eli mitä otuksie.
Mänöy mies peltojen perillä. Vuakalintu huas's'alla istuu. Mies ojenti pyssyh ta rupei ampumah lintuo. Lintu sanou:
– Elä milma ammu! Ota milma kotihis ruokittavaksi koko vuuvveksi.
Mies yrittäy toisen kerran ampumah ta sanou:
– Mitä mie siusta ruokkisin?
Lintu tuas pyytäy:
– Elä ammu, ota ruokittavaksi vuuvveksi.
Mies yrittäy vielä kolmannen kerran ampuo. Lintu tuas sanou:
– Elä milma ammu. Ota milma ruokittavaksi vuuvveksi. Ruan ajallah hyvyä siula.
Ukko ottau linnun. Se sanou:
– Mie kävin mečcon kera sotah, meččo miulta ampu jalan poikki ta nyt olen ruanittu.
Ukko viey kotihih linnun ta alkau syöttyä lintuo. Lintu oli siinä jo kuukauven verran, sanou:
– Piässä, isäntä, milma ikkunasta ulos, mie lähen lentämäh, jotta joko mie parenin.
Lintu lentelöy vähän aikua ta tuli jällelläh, sanou:
– En vielä voi lentyä, kipie olen.
Oli tuas lintu vähän aikua ta jo tuas pyrkiy:
– Piästäkkyä nyt, joko lienen parennun.
Piäseth lintu ulos ikkunasta. Hiän lenteli sielä vähän aikua ta tuli takaisin.
Oli tuas lintu jonkun aikua ta jo sanou:
– Piästäkkyä nyt milma, olisin jo kuin parennun, joko voinen lentyä.

Piässetti lintu tuas lentelömäh. Hiän lenti ylös taivahalla ta koko päivän lentelöy. Isäntä jo meinuu:

– Jo se ruokittava nyt pakeni.

Tulou lintu illalla kotih, sanou:

– Nyt olen jo parennun. Isäntä, lähe palkkua ottamah miun ruokkimua. Meilä on pitkä matka, tapa lehmä evähiksi.

Isäntä tappo lehmän, kiäri lihat nahkan siämeh, otti ne selkäh ta iče linnulla selkäh.

Emäntä kiruou:

– Jo vuuvven ruokkima ta nyt ainuon lehmän tapoit ta otit evähikses.

Lintu läksi lentämäh ta nousi ylös pilvih. Lenti suuren meren piällä, sanou miehellä:

– Näkyykö mertä?

– Näkyy sen verran, kuin pienen puisen pohja.

Lintu loi miehen selästäh mereh ta iče liitäyty alla, jotta mies ei piäse hukkumah.

Lintu sanou:

– Pölässytkö?

– Pölässyin, – sanou mies.

Lintu sanou:

– Niin pölässyin i mie, kun ensi kerran rupeit milma ampumah huas's'alta.

Lintu lentäy toisen meren piällä, vielä suuremman. Nousou taivahalla pilvilöih suahe. Sanou miehellä:

– Näkyykö mertä?

Mies sanou:

– Näkyy, niinkun sieklan pohja.

Tuas lintu pačkai miehen selästäh mereh ta iče alla liitäyty, jottei mies hukkuisi. Kysyy mieheltä:

– Pölässytkö?

Mies sanou:

– Pölässyin niin kovasti, jotta meinain kuolla.

Lintu sanou:

– Niin se i mie pölässyin, kun toisen kerran rupeit ampumah huas's'alta.

Lintu tuas lentäy kolmannen meren piällä, vielä suuremman. Nousou ylipuolella pilvien. Kysyy mieheltä:

– Näkyykö mertä?

Mies sanou:

– Näkyy, sen verran kuin kupin pohja.

Lintu heittäy tuas miehen selästäh mereh ta iče alla liitäyty. Kysyy:

– Pölässytkö?

Mies sanou:

– Niin pölässyin, jotta en tiijä enämpi, mitä sanuo.

Lintu sanou:

– Niin pölässyin mie, kun sie pyssyn otit ta rupeit kolmannen kerran ampumah. Nyt on siula ensimmäini velka jo maksettu.

Ta niin hyö lähettih ielläh lentämäh. Lintu neuvou:

– Sie luo lentäissä miula lihakappalehie suuhu. Miula on nälkä ta vielä on pitkä lennettävä, enneinkun perillä piäsemmä.

Lintu lentäy, mies luou lihakappalehie hänellä suuhu. Piästih meriltä maihi. Lintu istuutu suuren puun latvah. Siitä lintu sanou:

– Tämän kallivon piällä on miun čikon koti.

Čikolla on vaskini talo. Mäntih pirttih. Čikko juoksou sepyämäh ta sanou:

– Missä, veikkon, viiviyit näin pitälti, kokonaista kolme vuotta?

Vuakalintu vastuau:

– Olin, čikkoni, mečon kera sovassa. Meččo ampu milma jalkah. Tämä mies ruokki milma vuuvven. Millä nyt, čikko, maksamma ruokintavaivat?

Čikko sanou:

– On millä maksua.

Syöttäy ta juottau heijät. Ta ollah siinä yötä. Huomeneksella sanotah:

– Nyt mejän pitäis lähtie poikes tästä.

Čikko sanou:

– Mitä nyt otat palkkua?

Velli sanou:

– Anna palkaksi hänellä kl'učeskoi koropočkani.

Čikko sanou:

– En mie sitä anna, vaikka koko talon annan.

Velli sanou:

– Myö emmä taho muuta ni mitä, lähemmä pois niin.

Lintu otti ukon selkäh ta lenti pirtin piällä. Rävähyyti siipijäh pirtin piällä, pirtti sytty palamah, sanou:

– Tässä on siula, myö ottima kaikki.

Lintu sanou miehellä:

– Nyt mänemmä toisen čikon luo. Hänellä on hopieni koti. Kun čikko rupieu tariččomah palkkua, ni sano, jotta mie en ota ni mitänä muuta, kun kl'učeskoin koropočkaisen.

Hyö mäntih toisen čikon kotih, hopieseh taloh. Čikko juoksou vastah:

– Missä, veikkon, olet ollut? Mie olen jo siuta kuollehena pitän.

– Mečon kera sotua kävin, ni meččo ampu jalkani poikki. Tämä mies miun otti ta ruokki vuuvven, ta siinä parenti jalkani. Millä voinet, čikko, palkan maksua?

Čikko sanou:

– On millä maksua.

Syöttäy ta juottau heitä, yötä pitäy. Sanotah:

– Nyt mejän pitäy lähtie tuas ielläh.

Čikko sanou:

– Mie en tiijä, mitä tämä ruokkija ottanou palkaksi.

Mies sanou:

– Kun antanet kl'učeskoin koropočkaisen, ni muuta en taho.

Čikko sanou:

– En anna sitä, vaikka koko talon antanen.

– No kun et anna, ni jii terveheksi.

Lintu otti miehen selkäh ta lenti talon piällä. Rävähytti siipijäh, talo sytty palamah. Lintu sanou:

– Annoit ni kaikki nyt talot tai tavarat, kun et antan kl’ucesoita koropočkaista. Nyt lennämmä kolmannen čikon luo. Hänellä on kultani talo. Kun rupieu tariččomah palkkua, kysy tuas kl’ucesoita koropočkaista.

Lintu lenti kolmannen, nuorimman čikon luo, sillä on kultani talo. Männäh pirttih. Čikko tuas juoksou kaklah:

– Missä, veikkon, olet ollut, mie olen jo kuollehena pitän?

– Mečon kera kävin sotua. Meččo ampu jalkani poikki. Tämä mies miuta vuuvven ruokki ta parenti jalan. Millä voinemma miehellä maksua palkan?

Čikko sanou:

– Voinemma, on millä maksua.

Ollah mies ta lintu yötä siinä. Sanotah:

– Nyt mejän pitäis jo poikes lähtie.

Čikko kieltäy:

– Elkyä lähtekkyä, olkua vielä, kostikkua meilä tässä.

Mies sanou:

– Kovin pitälti mänöy, milma naini vuottau.

Čikko sanou:

– Kun lähtenettä, ni mitä, mies, tahot palkkua?

Mies sanou:

– Kun antanet kl’učeskoin koropočkaisen, muuta en taho ni mitänä.

Čikko sanou:

– Sen suat, ta hyvällä mielellä annanki, kun veikkoni parennit.

Ta niin antau kl’učeskoin koropočkaisen miehellä.

Vuakalintu sanou miehellä:

– Mie lähen ta suatan siun tiellä, ni sie mäne tietä myöte. Kun mänet vähän matkua, nin tulou semmoni koneh, mi vicy siut kolmessa tunnissa kotihis.

Mies läksi astumah tietä myöte. Koropočkaini on hänellä kainalossa. Ajattelou: «Mitä tässä koropočkassa on, otan ta kačon».

Sieltä tuli kaikkie, mitä muajilmassa on oluo ta eluo. Eikä mies sua niitä takaisin vakkaseh. Mies itköy, kun avai koropočkaisen ta kun ei tiijä, mihi ičen männä: «Tulispa hot piessa ta auttais panna nämä elot koropočkaiseh, ni antasin sillä niistä puolet».

Tai tulou piessa, puijen pivus mies, kysyy:

– Mitä tahot?

Mies sanou:

– Jos panisit nämä elot vakkaseh, ni antasin puolet.

Piessa sanou:

– En taho elojas, mie olen piessa. Kun antanet miula mitä on koissas syntyn, ni panen.

Mies antau luvan. Piessa pani elot koropočkaiseh ta iče kato pois. Mies ajattelou: «Mitä sielä koissa lienöy syntyn? Jos ois lehmä suanun vasikan, kissa poikaset, eli koira pennut, ni ne ei äijän maksais hos piessalla joutuis. Sanohan se vuakalintu olovan semmosen konehen, mi miut viey kotih ruttoh».

Eteh tulou koneh. Siinä ei ole ajajua, eikä mitänä. Mies istuutu koneheh. Koneh läksi mänömäh. Yht'äkkie mies joutu kotihis pihalla. Nousi konehesta – se kato. Mänöy pirttih: akka on vanhennun niinkun ukko ičeki kävellessäh. Lattiella kävelöy oikein kaunis poikalapsi. Poika kysyy vierahalta:

– Mistä, tiätä, olet?

Akka ei tunne ukkuo ta sanou:

– Niin vanha ois i siun tuatto, kuin tämä vieras on.

Ukko pyrkiy yöksi. Akka sanou:

– On tässä ollun muutaki rahvasta, ni ole i sie.

Ukko sanou:

– Vet mie olen tämän talon isäntä ta siun ukko.

Kertou retkeh naisellah. Naini sanou:

– Sie kun läksit, mie jäin vačan kera ta sain näin kaunehen pojan.

Ukolla tuli niin paha mielestä, kun hiän oli luvannun piessalla, mitä on hänen poissa ollessa koissa syntyn, ta oliki syntyn niin kaunis poika. Ukko mäni pihalla ta loi kl'učeskoin koropočkaisen pihalla. Siihi tuli semmoni talo, niinkun linna ta kaikkie, mitä tarviččou elosta. Ukko, akka, poika ta koko pereh ruvettih pohattana elämäh siinä uuvvessa koissa.

Erähyänä päivänä toisien poikien kera kaunis poika kisuau leskiakkasen pihalla ta juoksentelou. Leskiakkasen ikkuna on kahallah. Rokkapata oli jähtymässä ikkunalla. Poika kun löi sauvalla kakarua, se lenti rokkapatah ta pata rikkoutu. Akka rupei poikua kiruomah, kun rikko rokkapatasen, sanou:

– Sie arapaskoilla kost'alla olet luvattu ta vielä tulet pahua ruatamah. Mäne sinne, kunne on silma tuattos luvannun!

Poika loi kepin kiästäh ta mäni kotihis. Tuatto kiukuan piällä itköy:

– Voi, mie poloni, kun lupain piessalla tuommosen poikani. Ennein ois pitän antua kaikki elot.

Poika sanou:

– Kun olet, tuatto, miun piessalla luvannun, ni mie lähen.

Niin hiän pyörähti ta läksi. Tien vieressä on lampi. Lentäy kolme joučenta. Ne heitetäh vuattiet piältäh ta muututah kaunehiksi tyttäriksi. Kaksi tyttärtä heitti vuattieh yhteh tukkuh, kolmas heitti erikseh. Poika mäni tyttären tietämättä ta otti kolmannen tyttären vuattiet, mänöy meččäh ta peittäy. (Tyttäret kun ei konsana oltu nähty lammin laijalla ihmistä, ni ei tuijetty varuokana.)

Tyttäret noustih järvestä, ruvettih suoriemah. – Ei ole yhen vuatteita. Tytär itköy ta sanou:

– Kyllä kai tiälä on ihmimi ta peitti miulta vuattiet. Sano, ken olet: kun tuatoksi, nin tuatoksi. Jos muamoksi, nin muamoksi. Jos velleksi, nin velleksi. Jos čikoksi, nin čikoksi. Jos sulhaseksi, nin otan ni sulhaseksi.

Poika tulou meččästä vuattiet kainalossa:

– Sulhaseksi rupien.

Tytär kysyy pojalta:

– Mihi sie olet mänössä?

– Mie olen mänössä arapaskoilla kost’alla kasakaksi, tuatto oli miun luvannun.

Tytär sanou:

– Sehän on miun tuatto, pitälti on silma vuottan ta nyt se on jo vihani. Hiän ei ole miun oikie tuatto. Miut on kirottu hänen tyttäreksi. Nuo toiset kaksi tytärtä ollah piessan omie tyttärie.

Nyt tytär panou vuattiet piälläh ta muuttuu jouččeneksi i sanou:

– Mie panen siut siipeni alla. Tuatto on siula vihani, kun viivyit niin pitälti. Sie sano hänellä, jotta en voinun tulla aivommin, kun on matka pitkä ta mua kivini. Tule miun luo yheksän aikana, mie neuvon, mitein pitäy elyä tiälä.

Niin joučen otti siipeh alla pojan ta läksi lentämäh piessän kotih. Joučen muuttu tuas tyttäreksi, kun tulou sinne. Piessa on oikein vihani. Ei antan tyttärellä sinä iltana i ruokua, siitä sakosta, kun jäi toisista.

Poika mänöy pirttih. Luatiu tervehyön. Isäntä istuu stolan piässä ta karjuu:

– Mintäh tulit näin myöhäh, jo olet kolme päivyä myöhästyn!

Poika sanou:

– Aijaltah mie sieltä läksin, vain kun oli matka pitkä, mua kivini, ni en joutun aivommin.

Piessa syöttäy pojan ta kysyy:

– Joko lähet töihi?

– En vielä, pitäy vähäni levähtyä, kun on näin myöhäni aika.

Isäntä viey pojan omituiseh huoneheh ta sanou:

– Sie tässä elä ta makua.

Poika on kello yheksäh suahe ta mänöy tyttären luo. Isäntä oli jo ruvennun muate. Poika ta tytär kun yhteh luvattih männä, nin poika oli koko yön tyttären luona. Huomeneksella tytär herättäy pojan aikaseh ta sanou:

– Nyt isäntä antau siula työtä: leikata halkuo. Siun on suatava sata sylvä mittattuo, ta mittuamatointa kaksi vertua.

Tytär juottau pojalla pullosta elävyä vettä, jotta tulis väkie. Neuvou:

– Isäntä antau siula kirvehet ta sahat. Sie kato ta sano: miula pitäy lujemmat.

Poika mäni omah huoneheh. Isäntä tulou:

– Nouse jo pois, kasakka!

Poika mänöy isännän luo. Syöy, murkinoiččou. Isäntä sanou:

– Mie annan sahan ta kirvehen. Mäne meččäh ta leikkua halkuo sata sylvä mittattuo, toini verta mittuamatointa, muitein piäs mänetät.

Isäntä anto kasakalla kirvehen ta sahan. Kasakka katko ne kaikki ta sanou:

– Ei miula nämä käy, miula pitäy olla paremmat vehkehet.

Vaikka kuin äijän piessa oisi kantan kirvestä ta sahua, kasakka ne kaikki katko i sanou:

– Miula pitäy paremmat.

Piessa antau omat kirvehen ta sahan. Kirves ta saha painau yheksän puutua. Poika ottau ne ta lähtöy meččäh, sanou:

– Tulkua, pienet piessat, halkuo leikkuamah!

Sillä kertua tuli meččä täysi pienie piessoja ta ruttoh tuli sata syltä mitattuo halkuo ta toini verta mittuamatointa. Mänöy kasakka kotih. Piessa sanou:

– Et näin ruttoh leikannun, pitäy lähtie kaččomah.

Käy kaččomassa ta sanou:

– Hyvin on ruattu.

Kasakka syöy, juou ta mänöy tuas omah huoneheh. Isäntä rupieü muate. Kasakka hiipiy hil' l' akkaiseh tuas morsiemeh luo. Makuau sielä yötä. Morsien sanou:

– Nyt isäntä antau siula työtä kallivosta kuokkie peltuo tuhannen syltä kunneki päin. Isäntä antau kuokkua ta lapieta. Sie riko ne kaikki. Hiän antau omat asiet, niillä sie rua ta kuču pienie piessoja avuksi.

Siitä morsien panou elävyä vettä pulloh, jotta poika tulis väköväksi. Poika juou vejen ta mänöy omah huoneheh. Isäntä tulou ta nostau:

– Nouse nyt poikes töihi.

Antau hänellä murkinan ta sanou:

– Tuas pitäy männä töihi. Kuoki kallivosta tuhat syltä kunneki päin. Pelto tulou neliskulmani.

Isäntä antau kuokkua ta lapieta. Poika sanou:

– Ei nämä kessä mitänä. Miula pitäy olla paremmat asiet.

Isäntä siänty pahanpäiväseksi, sanou:

– Siula ei kessä koko talon asiet, kaikkihan sie rikot.

Viimein isäntä tuou hänellä oman kuokkah ta lapieh. Lähtöy poika töihi.

Mänöy kallivon luo. Kučču:

– Tulkua kaikki pienet piessat apuh isännällä peltuo kuokkimah.

Piessoja tuli niin äijän, jottei silmillä niä kaikkie, ta alettih kuokkie. Suatih pelto ruttoh.

Kasakka mänöy piessa-isännän luo ta sanou:

– Valmis on pelto.

Isäntä sanou:

– En uso, jotta näin ruttoh pellon sait. Lähen kaččomah.

Käy kaččomassa, tulou ta sanou:

– Hyvin on ruattu.

Niin hyö syyvväh tuas. Kasakka mänöy omah huoneheh. Tulou ilta. Kaikki ruvettih muate. Kasakka mänöy morsiemeh huoneheh. Morsien sanou:

– Huomena isäntä luatiu tanssit. Keh sie mieltynet, sen antau siula morsiemekse. Miuhu kun mieltynet, ni meijät tahtou tappua. Hiän luatiu omat kaksi tytärtä ta miut yhennäkösiksi. Kun myö seisomma rinnakkah, ni mie panen vartukan nahmon hyvin vähäsen pitemmäksi. Siitä sie primieti miut ta kuču kisuamah.

Muattih yö. Huomeneksella morsien nossattau aikaseh kasakan. Poika mänöy omah huoneheh. Päivällä isäntä siitä hyvästä, kun kasakka niin hyvin ruato, luati tanssit, iče rupei soittamah. Sanou kasakalla:

– Mäne nyt ota tytär kisuamah!

Poika kävelöy, kävelöy, kačcelou, eikä voi ni miteinkänä huomata, jotta kulla se nahmo olisi pitempänä. Viimein huomai ta otti oman morsien kisuamah. Isäntä suuttu, veti soittoh halki ta karjuu:

– Siihikö i miellyit?

Ta ajau pois kisuamasta. Morsien sanou:

– Nyt se muuttau mejjät kanoiksi. Vain kun tuntenet miut, ni silloin jäät tappamatta. Mie panen vasemman jalan varpahan hyvin pikkusen pitemmällä. Kačo tarkkah ta siitä sie miut tiijät.

Isäntä vei tyttäret pihalla ta muutti ne kaikki kanoiksi.

– Tule nyt, kasakka, kaččomah, tunnetko morsiemes?

Kasakka mänöy, kaččou, kaččou ta viimein näköy yhellä pikkuista pitemmän vasemman jalan varpahan ta sanou:

– Tässä on miun morsien.

Isäntä siänty ta ajo kaikki pois, ta sano:

– Et vielä sua naisekses sitä tyttäretä.

Naini sanou:

– Nyt se muuttau mejjät kaikki tyttäret yhennäkösiksi tammavarsoiksi. Mie panen takajalan hiukkasen tuaksi päin, siitä voit erottua milma.

Isäntä muutti tyttäret kaikki varsoiksi, ta kuččuu kasakkaa:

– Tule kaččomah, tunnetko, missä on siun morsiemes?

Kasakka tuas kävelöy ta kačcelou ympäri varsoista. Huomuu yhellä takajalan olovan hiukan tuaksi päin. Sanou:

– Tämä on miun morsien.

Kaikki mäntih omih huonehieh. Morsien sanou sulhasellah:

– Nyt mäne ossa linnalta kaksi puutua liinua, kaksi tynnyrie tervua ta puno niistä yön aikana ruoskua, tervua ne ruosat oikein kovaksi ta varussa tallin ovikorvah kaksi suurta säkkie čuuruo. Itolis's'a muuttuu hevoksi ta käsköy ottamah kolmen lukun takuata heposen ta kul'ajia sillä. Sie kun mänet, ni avua tallin ovet. Sieltä tulou vastah heponi. Sie ise pal'l'alla oččah ta lyö ruosalla.

Kasakka mäni, osti linnalta liinua, tervua ta luati niin monta ruoskua, kun tuli. Čuurut varusti tallin ovikorvah. Huomeneksella tulou isäntä:

– Nouse pois, kasakka, mänet nyt kul'aimah. Ota tallista heponi kolmen lukun takuata, ajele niin pitälti, kun kehtuat.

Piessa meinai, jotta hiän kun muuttuu heposeksi, ta kasakka kun rupieuj ajelomah, ni hiän i potkiu kasakan kuolijaksi.

Isäntä muuttu heposeksi. Kasakka mänöy hevoista ottamah. Tallin ovipielessä on kolmen puutan painava pal'l'a. Kasakka avuu oven, heponi sieltä avuu jo vastah kaksi ovie. Kasakka sitä pal'l'alla oččah. Heponi siihi i kuatu. Kasakka nostau heposella čuurusäkit selkäh. Tempuu ruosat, ta iče heposella selkäh. Lyöy pačkuttau hevoista ta sanou:

– Isäntä on käsken ajella, ei muuta kun mäne, heponi.

Kasakka löi kaikki ruosat kappalehiksi heposen selkäh. Heponi kuatu, eikä piässyn enämpi ni mihi. Viey kasakka heposen tallih ta iče mänöy pirttih. Isäntä on tullun tuas kenenkänä tietämättä pirttih. Sanotah:

– Isäntä on meilä hyvin kipie, eikö hiän kuole.
Isäntä kun oli heposena, ni kasakka löi siltä kulmah puhki, ta perki verih ruosilla.

Morsien sanou:

– Nyt mejän pitäy lähtie pakoh, kun isäntä on kipienä.

Niin hyö yöllä lähettih pakoh, jotta itolis's'a ei tiijä. Männäh vähäni matkua, päivä alko valota. Itolis's'a nousi makuamasta ta sanou toisilla piessoilla:

– Mänkyä nossattakkua kasakka töihi.

Sanotah:

– Kasakkua ei ole, mihi lienöy männyn.

Isäntä sanou:

– Mänkyä ruttoseh, juoskua jälkeh, ne puattih morsiemeh keralla.

Morsien sanou männessäh sulhasella:

– Mie muutun lehmäksi ta siun muutan paimeneksi. Kun kysytäh miestä, ni sie sano, jotta mie olen jo kolmekymmentä vuotta tässä paimentan tätä lehmyä, enkä ole nähny.

Morsien muuttu ruttoseh lehmäksi, kasakka paimeneksi ta kun kačahettih jällelläh – jo heitä ajetah takua.

Piessat kysytäh:

– Etkö tässä nähny nuorta pariskuntua matkuavan?

Paimen sanou:

– Mie tässä kolmekymmentä vuotta olen paimentan, enkä ole nähny.

Piessat lähettih takaisin ta sanottih isännällä, jotta ei löyvetty pariskuntua.

Piessa sanou:

– Nävittäkö lehmyä ta paimenta?

Ne sanotah:

– Näkimä.

– No se oliki justih se pariskunta.

Piessat tuas lähettih juoksomah jälkeh, eččimäh lehmyä ta paimenta.

Ne oli muuttun takaisin ihmisiksi. Morsien sanou:

– Mie muutun kiriköksi, siun muutan papiksi. Kun piessat matatah ta kysytäh, jotta ettäkö ole nähny matkuavan nuorta pariskuntua, ni sie sano: mie olen tässä kirikössä molin kolmekymmentä vuotta jumalua, enkä ole nähny.

Niin piessat tultih kirikön luo. Kysytäh papilta:

– Etkö ole nähny matkuavan tässä nuorta pariskuntua?

– En ole. Kolmekymmentä vuotta olen molin tässä kirikössä, enkä ole nähny ketänä matkuavan.

Piessat tuas jällelläh isännän luo. Sanotah:

– Myö emmä nähny muita, kun pappi oli sielä kirikössä, ta se sano, jotta ei ole tässä ketänä matannu.

Piessa siänty pahanpäiväseksi ta sanou:

– Siinä ne oliki kirikkönä ta pappina.

Iče hyppäi lentämäh. Pappi ta kirikkö tuas muututtih ihmisiksi. Naini sanou miehellä:

– Nyt tulou iče itolis's'a. Mie muutun vesilammeksi, sie muutu kiiskiseksi.

Juuri kerittih muuttuo naini vesilammeksi, mies lampeh kiiskiseksi. Silloin itolis's'a lentäy lintuna lampih ta sanou:

– Nyt työ puututta. Mie lammin juon ta kiiskisen syön.

Rupei kiiskistä nielömäh. Kiiski hännälläh pyörittäy, iče piätäh kiven alla pistäy.

– Kiänny päin, ni mie siun nielen.

Kiiskini sanou:

– Hyvä nielijä nielöy ni hännin.

Itolis's'a vettä juomah:

– Juon mie lammin ta suan mie siun syyvvä.

Joi niin äijän sitä vettä, jotta meinuau haleta. Vielä oli vähäni lammin pohjassa vettä. Kiiskini ni mäni piessan vačan alačči ta evilläh halkai siltä maran. Vesi juoksi kaikki marasta lampih ta itolis's'a siihi kuoli.

Naini ei ni voi muuttuo lampivejestä ihmiseksi. Kiiskin muuttau mieheksi ta sanou:

– Mäne sie pois. Miun pitäy olla kolme vuotta tässä vetenä. Sie elä vuota milma, muitein miun pitäy olla ikäni vesilampina.

Mies mänöy kotih. Laittau kolme kaupputa. Alkau kaupputa. Mänöy kolme vuotta. Mies ei enämpi muissakana morsienta ta alkau kosjuo čuarin tyttärtä. Yht'äkkie muisti vesilampie – lampi siinä samassa muuttu tyttäreksi ta tulou samalla linnalla, missä on sulhani. Tytär pyrkiy vatieralla leskiakalla, kysyy:

– Mitäpä tällä linnalla kuuluu?

Leskiakka sanou:

– Ei mitänä muuta, kun tiälä on oikein pohatta kauppies, mistä lienöy tullun. Nyt čuarin tyttärestä ruvetah sillä häitä pitämäh.

Tytär mänöy linnalla. Ostau vehnäjuhio ta luatiu vehnäpullie. Mänöy yhen sulhasen prikaččikan luo ta sanou:

– Etkö ossa vehnäpullie?

– Mitä mie niitä ossan, kun meilä on niitä ičelläni. Ossan kun piässät iččes luo yöksi milma.

Tytär sanou:

– Tule kello yhentoista aikana illalla. – Antau atressin, mänöy akan luo ta sanou:

– Elä ole vihani, miula tulou vierasta tänä iltana.

Akka sanou:

– Tulkah.

Tuli kello yksitoista yöllä. Tulou riijari. Tytär ruatau töitäh. Prikaččikka kävelöy ikävissä, eikä malta vuottua tyttärtä. Jo sanou:

– Alahan jaksautuo, jotta käymmä yhteh krovattih.

Mies riisuutu alusvuateisillah. Tytär sanou:

– Miula on vielä työtä. Pitäy lähtie halkoja tuomah.

Mies sanou:

– Elä sie lähe, mie käyn halot, sie jaksauhu.

Niin hiän juoksi ta toi halot. Rupieu ovie avuamah. Tytär vejälti oven kiini ta sanou:

– Pie, skiäkä, vierasta kiini.

Vieras siihi ni tarttu. Sylissä on halot ta käsi on skiäkässä kiini, eikä piässyn pois siitä koko yössä, ennein kun vasta huomeneksella. Siitä juoksou kotih alusvuateisillah.

Päivällä tytär lähtöy tuas vehnäsen kaupalla. Mänöy toiseh kauppah. Sielä on tuas myömässä poikamies.

– Ettäkö ossa vehnäistä?

Prikaččikka sanou:

– Meilä on ičelläni vehnäistä myötävänä, vain kun olet niin kaunis ta jos piässät yöksi vierehes, nin mie ossan jonkun pullan.

– Piässän, piässän, tule yhentoista aikana illalla.

Niin hiän anto atressin. Mäni leskiakkaseh ta sanou:

– Miula, akkaseni, tulou illalla vierasta.

– Tulkah.

Yksitoista aikana tulou prikaččikka, ta sanou:

– Riisuuvvu, ta tule miun kera krovattih.

Tytär sanou:

– Miula on vielä työtä. On tuotava jauhosäkki, jaksanenko mie sitä kantua pirttih.

Prikaččikka jo on pal'lahin jaloin ta alusvuateisilla i juoksou säkkie käymäh pihalta.

Tytär pisti oven kiini ta sanou:

– Pie, skiäkä, vierasta kiini!

Vieras tarttu skiäkäh. Jauhosäkki sylissä, käsi skiäkässä kiini, eikä piäse ni kunne.

Akka sanou:

– Piässä pirttih vieras.

Tytär sanou:

– Ei piäsetä, hänen on sielä hyvä olla.

Muattih huomenekseh. Tytär sanou:

– Piässä, skiäkä, vieras pois.

Piästi vierahan pois. Se läksi alusvuateisillah.

Tytär tuas vehnäistä sriäppi ta sanou akalla:

– Mie tuas tänäpäivänä lähen vehnäistä kaupalla ta nakran yhen.

Mäni iče kauppiehan luokse, sillä, mi oli hänen sulhasena.

– Etkö kauppies ossa vehnäleipyä?

Kauppies sanou:
 – Mitä sie, repaleh, tulet tänne kaupiččomah, meilä on omua vehnäistä. Vain kun olet niin kaunis ta jos piässät vierehes yöksi, ni ossan.
 Tytär sanou:
 – Tule yhentoista aikana illalla.
 Mänöy tuas leskiakkaseh. Iltah suahe hyö siinä oltih. Tulou yksitoista kello.
 Kauppies tulou miärättyh aikah. Tytär syöttäy, juottau hänen, luatiu sijan ta sanou:
 – Nyt rupiemma muate.
 Muatessa tytär kysyy mieheltä:
 – Onko siula konsa ollun naista?
 Mies sanou:
 – Ei ole ollun.
 – Mitä sie tulit miun, köyhän tytön, luo? Siehän olet čuarin tytön kera kihloissa?
 – En ole, se on ihmisien valehuksie.
 Tytär sanou:
 – Nyt on viimeni yö siula elyä, jos valehtelet. Mie olen silma monta kertua surman tieltä piästän. Mie olen se vesilampi. Etkö muissa, jotta mie olin siun naini?
 Mies antieksi pyytäy, ta tunnustau kaiken. Nyt hyö mäntih jälelläh yhteh. Čuarin tyttären pettämisestä piti maksua sakko, vain se jäi pojasta. Kauppies ta naini ruvettih elämäh onnellisena, eletäh vieläi nyt, kun ei liene kuoltu.

16. Птица вуака*, лебеди, черт и купец

Были однажды жена и муж. Муж говорит жене:
 – Пойду в лес: может, добуду птиц или каких-нибудь зверей.
 Вышел мужик за огороды – на прясле сидит птица вуака. Мужик на-
 правил ружье и хочет застрелить птицу. Птица говорит:
 – Не стреляй в меня! Возьми меня к себе домой и корми целый год.
 Мужик второй раз пытается выстрелить и говорит:
 – С чего бы я стал тебя кормить?
 Птица опять просит:
 – Не стреляй, возьми на откорм на год.
 Мужик еще в третий раз пытается выстрелить; птица опять говорит:
 – Не стреляй в меня, возьми на откорм на год: в свое время я сделаю
 для тебя добро.
 Мужик берет птицу. Та говорит:
 – Я воевала с глухарем, глухарь прострелил мне ногу, и теперь я ранена.
 Мужик относит птицу домой и начинает кормить ее. Птица находится
 тут уже месяц; говорит:
 – Выпусти, хозяин, меня из окна на улицу: я отправлюсь в полет [про-
 верить], уже ли я поправилась.

Птица полетала немного времени и вернулась обратно, говорит:

– Не могу еще летать, еще больна.

Птица побывала еще некоторое время и опять просит:

– Выпустите теперь: может, я уже поправилась.

Птицу выпустили через окно. Она полетала там некоторое время и вернулась обратно. Опять побывала птица некоторое время и говорит:

– Выпустите меня теперь: я как будто уже здорова, может, смогу летать.

Выпустили птицу опять полетать. Она поднялась высоко в небо и летает целый день. Хозяин уже думает: «Эта откормленная [птица] теперь уже сбежала». Вечером птица возвращается домой, говорит:

– Теперь я здорова. Хозяин, пойдем за наградой за то, что кормил меня. Нам предстоит долгий путь, забей корову на еду в дорогу.

Хозяин забил корову, завернул мясо в шкуру и взял себе на спину, а сам [сел] на спину птице. Хозяйка ругается:

– Целый год кормили, а теперь единственную корову забил и взял в дорогу на еду.

Птица отправилась в полет и поднялась высоко в облака. Летит над большим морем и спрашивает мужика:

– Видать ли море?

– Видно столько, как будто [это] дно маленькой бочки.

Птица сбросила мужика со спины в море и сама ринулась вниз, чтобы мужик не утонул. Спрашивает птица:

– Испугался?

– Испугался, – отвечает мужик. Птица говорит:

– Вот так и я испугалась, когда ты в первый раз хотел меня сбить выстрелом с прясел.

Летит птица над вторым морем, еще большим. Поднимается в небо до облаков; говорит мужику:

– Видать ли море?

Мужик отвечает:

– Видно: словно дно решета.

Опять птица скинула мужика со своей спины в море и сама опустилась вниз, чтобы мужик не утонул. Спрашивает у мужика:

– Испугался?

Мужик отвечает:

– Испугался так сильно, что чуть не умер.

Птица говорит:

– Вот так и я испугалась, когда ты второй раз хотел меня застрелить.

Опять птица летит над третьим морем, еще большим. Поднимается выше облаков; спрашивает у мужика:

– Видать ли море?

Мужик говорит:

– Видать: такое же, как дно чашки.

Птица опять сбросила мужика со спины в море и сама опустилась вниз. Спрашивает:

– Испугался?

Мужик отвечает:

– Так испугался, что уже не знаю, что и сказать.

Птица говорит:

– Так и я испугалась, когда ты взял ружье и собрался в третий раз застрелить меня. Теперь тебе первый долг оплачен.

И так они полетели дальше. Птица наказывает:

– Ты бросай во время полета куски мяса в рот: я голодна, а еще долго надо лететь, прежде чем прибудем на место.

Птица летит, мужик бросает куски мяса ей в рот. Долетели с морей до земли. Птица села на вершину большого дерева. Говорит птица:

– На этой скале – дом моей сестры.

У сестры медный дом. Вошли они в избу. Сестра бежит обниматься и говорит:

– Где ты, братец, пропадал так долго, целых три года?

Брат отвечает:

– Я, сестрица, воевал с глухарем. Глухарь выстрелил мне в ногу. Этот человек кормил меня год. Чем теперь, сестрица, оплатим за кормление?

Сестра отвечает:

– Есть чем отплатить.

Кормит и поит их. Они тут переночевали, наутро говорят:

– Теперь нам пора уходить отсюда.

Сестра спрашивает:

– Что возьмешь в награду?

Брат говорит:

– Дай ему в награду коробочку с ключиком.

Сестра говорит:

– Могу отдать хоть весь дом, но ее я не отдам.

Брат говорит:

– Ничего другого нам не надо, уйдем так.

Птица взяла мужика на спину и взлетела над избой, ударила крыльями над избой – изба загорелась; говорит:

– Вот тебе: мы забрали все.

Птица говорит мужику:

– Теперь отправимся к другой сестре. У нее серебряный дом. Когда сестра начнет предлагать награду, ты скажи, что «я не возьму ничего другого, кроме коробочки с ключиком».

Прибыли они к другой сестре, в серебряный дом. Сестра бежит навстречу:

– Где ты, братец, пропадал? Я уже считала тебя умершим.

– Я воевал с глухарем, так глухарь прострелил мне ногу. Этот человек

взял меня и кормил целый год и ногу вылечил. Чем можешь, сестра, оплатить долг?

Сестра говорит:

– Есть чем заплатить.

Кормит их и поит, на ночь оставляет. Говорят [они]:

– Теперь нам пора отправляться дальше.

Сестра говорит:

– Не знаю, что этот кормилец возьмет в награду.

Мужик говорит:

– Если дашь коробочку с ключиком, так другого я не желаю.

Сестра говорит:

– Хоть весь дом отдам, но ее я не дам.

– Ну, коли не дашь, так будь здорова.

Птица взяла мужика на спину и взлетела над домом. Ударила крыльями – дом вспыхнул. Говорит птица:

– Теперь все отдала – и дом, и вещи – раз не дала коробочку с ключиком. Теперь полетим к третьей сестре. У нее золотой дом. Когда она начнет предлагать награду, проси опять коробочку с ключиком.

Птица прилетела к третьей, младшей сестре; у нее золотой дом. Входит в избу. Сестра опять бежит, бросается на шею:

– Где ты, братец, пропадал, я уже считала тебя мертвым.

– Воевал с глухарем. Глухарь прострелил мне ногу. Этот человек кормил меня год и вылечил ногу. Чем бы мы могли оплатить ему долг?

Сестра говорит:

– Сможем, есть чем заплатить.

Мужик и птица переночевали там; говорят:

– Теперь нам уже пора возвращаться.

Сестра отговаривает:

– Не уходите, побудьте еще, погостите здесь у нас.

Мужик говорит:

– Слишком много времени уйдет, меня жена ждет.

Сестра говорит:

– Ну, раз уходите, так чего ты, мужик, хочешь в награду?

Мужик отвечает:

– Если можешь, дай коробочку с ключиком, другого я ничего не хочу.

Сестра говорит:

– Ты получишь ее, отдам с удовольствием, раз вылечил брата, – и отдала коробочку с ключиком мужику.

Птица вуака говорит мужику:

– Я провожу тебя до дороги – ты иди по дороге. Когда пройдешь немного, появится такая машина, которая доставит тебя за три часа домой.

Мужик пошел по дороге. Коробочка у него под мышкой. Думает [мужик]: «Что в этой коробочке? Дай, посмотрю». Оттуда появилось всякого добра, какого только в мире может быть, и мужик не может вернуть все

это обратно в корзинку. Мужик плачет, что открыл коробочку и не знает, куда самому деваться: «Появился бы хоть черт и помог убрать это добро в коробочку, так я бы дал ему половину этого».

И появился бес – мужик ростом с дерева – и спрашивает:

– Чего хочешь?

Мужик отвечает:

– Если бы ты убрал это добро в корзинку, я бы отдал тебе половину [его].

Бес говорит:

– Не хочу я твоего добра: я бес. Если отдашь мне то, что у тебя дома родилось – тогда уберу.

Мужик пообещал. Бес сложил добро в коробочку, а сам исчез. Мужик думает: «Что же там дома могло родиться? Если корова принесла теленка, кошка котят или собака щенков – так это недорого стоит, если окажутся у беса. Птица вуака же сказала, что есть машина, которая быстро доставит меня домой».

Перед ним появилась машина: в ней нет водителя, ничего. Мужик сел в машину. Машина отправилась. Мигом мужик оказался во дворе своего дома. Вышел из машины – она исчезла. Входит в избу – жена постарела, как и сам мужик за время странствия. По избе ходит очень красивый мальчик. Мальчик спрашивает у гостя:

– Дядя, ты откуда?

Жена не узнает мужа и говорит:

– Такого же возраста, как и этот гость, должен быть и твой отец.

Мужик просится на ночлег. Жена говорит:

– Бывали здесь и другие люди, можешь и ты остаться.

Мужик говорит:

– Ведь я хозяин этого дома и твой муж, – и рассказывает о путешествии жене. Жена говорит:

– Когда ты ушел, я осталась с животом и родила такого красивого мальчика.

Мужик так огорчился, что пообещал бесу то, что во время его отсутствия родилось в доме, а родился такой красивый мальчик.

Мужик вышел во двор и бросил коробочку с ключиком на землю – там появился такой дом, что дворец и всякое добро, какое только нужно. Муж, жена, сын и вся семья стали жить богато в этом новом доме.

Однажды красивый мальчик вместе с другими мальчиками играет и бегает во дворе вдовы. Окно вдовы раскрыто, на окне студится горшок с похлебкой. Мальчик как ударил палкой по деревянному мячу – он залетел в горшок с похлебкой, и горшок разбился. Вдова стала ругать мальчика за то, что он разбил горшок с похлебкой, и говорит:

– Ты обещан арабскому гостю, и еще приходишь хулиганить. Иди туда, куда тебя отец обещал [отдать]!

Мальчик выбросил палку из рук и пошел домой. Отец на печи плачет:

– Ой, я несчастный: пообещал черту своего сына. Лучше надо было отдать все имущество.

Сын говорит:

– Раз ты, отец, пообещал меня черту, так я пойду.

Так он развернулся и пошел. На обочине дороги – ламбушка. Летят три лебедя. Они сбрасывают с себя одежду и превращаются в прекрасных девушек. Две девушки оставили свою одежду в одном месте, третья – отдельно. Парень незаметно от девушек подошел и взял одежду третьей девушки, отнес в лес и спрятал. (Девушки никогда не видели на берегу ламбины людей, поэтому и не остерегались.) Девушки прибежали с озера, стали одеваться – нет одежды одной из них. Девушка плачет и говорит:

– Здесь, видимо, есть человек: он спрятал мою одежду. Скажи, кто ты: [годишься] в отцы – так в отцы, в матери – так в матери, в братья – так в братья, в сестры – так в сестры, в женихи – так возьму и в женихи.

Парень выходит из леса с одеждой под мышкой:

– Буду женихом.

Девушка спрашивает у парня:

– Куда ты путь держишь?

– Я иду в батраки к арабскому гостю: отец меня пообещал.

Девушка говорит:

– Так ведь это мой отец; он долго тебя ждал и теперь уже зол. Он мне не настоящий отец: меня заклили быть его дочерью. Эти две другие девушки – родные дочери беса.

Девушка оделась, обернулась в лебедушку и говорит:

– Я возьму тебя к себе под крыло. Отец зол на тебя, что тебя так долго не было. Ты скажи ему, что не мог прийти раньше, потому что путь долгий, а дорога каменистая. Приди ко мне в девять часов – я научу тебя, как здесь надо жить.

И лебедушка взяла парня к себе под крыло и полетела к бесову дому. Лебедушка опять превратилась в девушку, когда прилетела туда. Черт был очень зол, даже не покормил дочь в тот вечер в наказание за то, что она отстала от других.

Парень заходит в дом, здоровается. Хозяин сидит за столом и кричит:

– Почему ты пришел так поздно – уже на три дня опоздал!

Парень говорит:

– Вовремя я отсюда вышел, да путь был такой долгий, а дорога каменистая, что не успел прийти раньше.

Бес кормит парня и спрашивает:

– Ты уже пойдешь на работу?

– Нет еще: надо немного отдохнуть – уже так поздно.

Хозяин отвел парня в отдельную комнату и говорит:

– Ты спи и живи здесь.

Парень дождался девяти часов и пошел к девушке – хозяин уже лег

спать. Поскольку парень и девушка договорились жениться, парень провел ночь у девушки. Рано утром девушка будит парня и говорит:

– Сейчас хозяин даст тебе работу: рубить дрова. Тебе нужно заготовить сто саженой замеренного и в два раза больше незамеренного [леса].

Девушка напоила парня живой водой из бутылки, чтобы появилась сила; советует:

– Хозяин даст тебе пилы и топоры. Ты переломай их и скажи: мне нужны более крепкие.

Парень ушел в свою комнату. Приходит хозяин:

– Вставай, работник!

Парень идет к хозяину, ест, завтракает. Хозяин говорит:

– Я дам тебе пилу и топор: иди в лес и наруби дров – сто саженой замеренных и столько же незамеренных, иначе лишишься головы.

Хозяин дал батраку топор и пилу – батрак сломал их и говорит:

– Эти мне не годятся, мне нужны орудия получше.

Сколько бы топоров и пил ни приносил черт, батрак все их переломал и говорит:

– Мне нужны лучше.

Бес дает свои топор и пилу. Топор и пила весят девять пудов. Парень берет их и отправляется в лес; говорит:

– Приходите, маленькие бесы, дрова рубить!

Тут же лес стал полон маленьких бесов, и быстро было заготовлено сто саженой замеренных дров и столько же – незамеренных. Батрак идет домой. Бес говорит:

– Ты не мог так быстро нарубить, надо пойти посмотреть.

Сходил, посмотрел и говорит:

– Хорошо сделано.

Батрак ест, пьет и опять идет в свою комнату. Хозяин ложится спать. Батрак опять тихо пробирается к своей невесте, спит там ночь. Невеста говорит:

– Теперь хозяин даст работу: выкопать на скале поле в тысячу саженой в каждую сторону. Хозяин даст мотыги и лопаты – ты сломай их все. Он даст свои орудия – ими ты работай и позови маленьких бесов в помощь.

Затем девушка наливает живую воду в бутылку, чтобы парень стал сильным. Парень выпивает воду и идет в свою комнату. Приходит хозяин и будит:

– Вставай, на работу пора.

Дает ему завтрак и говорит:

– Опять надо идти на работу. Прокопай на скале по тысяче саженой в каждую сторону: поле получится квадратным.

Хозяин предлагает мотыги и лопаты. Парень говорит:

– Эти ничего не выдерживают, мне нужны орудия получше.

Хозяин страшно рассердился и говорит:

– У тебя никакие орудия не выдержат, ты же все ломаешь!

Наконец хозяин приносит ему свою мотыгу и лопату. Парень уходит на работу. Подходит к скале, зовет:

– Приходите, все маленькие бесы, помогать хозяину поле копать!

Бесов появилось так много, что всех глазом не окинуть, и начали копать. Поле было быстро готово. Батрак идет к хозяину-бесу и говорит:

– Поле готово.

Хозяин говорит:

– Не верю, что ты так быстро смог вскопать поле. Пойду, посмотрю.

Сходил, посмотрел, приходит и говорит:

– Хорошо сделано.

Они опять поели. Батрак уходит в свою комнату. Наступает вечер, все ложатся спать. Батрак идет в комнату своей невесты. Невеста говорит:

– Завтра хозяин устроит танцы; в кого ты влюбишься, ту отдаст тебе в невесты. Если ты влюбишься в меня, то нас захочет убить. Он сделает своих двух дочерей и меня одинаковыми. Когда мы будем стоять рядом, я сделаю завязку на фартуке чуть подлиннее – по ней ты узнаешь меня и пригласишь танцевать.

Прospали ночь. Утром рано невеста будит работника. Парень идет в свою комнату. Днем хозяин, в награду за то, что батрак так хорошо работал, устроил танцы, сам стал играть [аккомпанировать]. Говорит батраку:

– Иди пригласи девушку танцевать!

Парень ходит, ходит, и никак не может определить, у кого завязка длиннее. Наконец увидел и пригласил свою невесту танцевать. Хозяин рассердился, прервал игру и кричит:

– В нее и влюбился? – и прогнал с танцев. Невеста говорит:

– Теперь он превратит нас в кур. Если ты узнаешь меня, то останешься в живых. Я выставлю большой палец левой ноги немного вперед, смотри внимательнее – и по нему ты меня узнаешь.

Хозяин вывел дочерей на улицу и превратил их в кур.

– Иди теперь, батрак, смотри – узнаешь ли свою невесту?

Батрак подошел, смотрит, смотрит – и наконец замечает у одной из них чуть более длинный большой палец на левой ноге и говорит:

– Вот моя невеста.

Хозяин рассердился, прогнал всех и сказал:

– Пока еще не получишь эту дочь в жены.

Девушка говорит:

– Сейчас он превратит всех нас, своих дочерей, в одинаковых кобылиц. Я поставлю заднюю ногу чуть-чуть назад: по ней ты сможешь отличить меня.

Хозяин обратил всех дочерей в молодых кобылиц и зовет батрака:

– Иди смотри – узнаешь, где твоя невеста?

Батрак опять ходит вокруг кобылиц и рассматривает. Замечает, что у одной из них задняя нога немного отставлена назад, говорит:

– Вот моя невеста.

Все разошлись по своим комнатам. Невеста говорит своему жениху:

– Теперь пойд и купи в городе два пуда льна, две бочки смолы и сплети изо льна за ночь плети, просмоли их, чтобы они стали очень жесткими, и поставь наготово у дверей конюшни два больших мешка песка. Идолище превратится в коня и велит взять из-за трех замков коня и кататься на нем. Ты как пойдешь, так открой двери конюшни – оттуда выйдет конь. Ударь его кувалдой в лоб и бей плетью.

Батрак пошел, купил в городе льна, смолы и сделал столько плетей, сколько вышло. Приготовил песок у дверей конюшни. Утром приходит хозяин:

– Вставай, работник, пойдешь теперь гулять. Возьми в конюшне коня из-за трех замков и катайся на нем столько, сколько захочешь.

Бес думал, что когда он превратится в коня и батрак будет на нем ездить, он запинаят батрака до смерти.

Хозяин превратился в коня. Батрак идет за конем. У дверей конюшни – трехпудовая кувалда. Батрак открывает дверь – конь уже открыл ему навстречу две двери. Батрак ее – кувалдой в лоб, конь тут и упал. Батрак поднимает на спину коню мешки с песком, хватает плети и сам – на коня верхом. Бьет, колотит коня и говорит:

– Хозяин велел ездить, так что пошел, конь!

Батрак износил все плети о спину коня, конь упал и больше не мог идти. Батрак отвел коня в конюшню, а сам пошел в избу. Хозяин уже пришел незаметно от всех домой. Говорят [батраку]:

– Хозяин у нас очень болен, может, даже умрет.

Когда хозяин был конем, батрак пробил ему висок и исхлестал до крови плетями.

Невеста говорит:

– Мы должны бежать, пока хозяин болен.

Так они сбежали ночью, чтобы идолище не знал. Прошли немного пути – начало светать. Идолище встал ото сна и говорит другим бесам:

– Идите, разбудите батрака на работу.

Ему говорят:

– Батрака нет, куда-то ушел.

Хозяин говорит:

– Быстрее бегите за ними: они сбежали с невестой.

Невеста говорит жениху по дороге:

– Я обернусь коровой, а тебя превращу в пастуха. Когда будут спрашивать про мужчину, ты скажи, что «я уже тридцать лет пасу здесь эту корову и не видел [никого]».

Невеста быстро обернулась коровой, батрак – пастухом, и они как глянули назад – за ними уже погоня. Бесы спрашивают:

– Не видел ли ты, не проходила ли здесь молодая пара?

Пастух отвечает:

– Я уже тридцать лет здесь пасу и не видел.

Бесы вернулись обратно и сказали хозяину, что не нашли парочку. Бес говорит:

– Видели ли вы корову и пастуха?

Те отвечают:

– Видели.

– Ну, это как раз и была та парочка.

Бесы опять побежали вслед, искать корову и пастуха. А те уже превратились обратно в людей. Невеста говорит:

– Я превращусь в церковь, а тебя превращу в попа. Когда бесы будут проходить и спросят, что «не видел ли ты, не проходила ли здесь молодая пара», ты скажи: «Я в этой церкви уже тридцать лет молюсь богу и не видел».

Так бесы подошли к церкви, спрашивают у попа:

– Ты не видел, не проходила ли здесь молодая пара?

– Не видел. Тридцать лет молюсь в этой церкви и не видел, чтобы кто-нибудь проходил.

Бесы опять вернулись к хозяину; говорят:

– Мы не видели никого, кроме попа в церкви, и он сказал, что здесь никто не проходил.

Бес сильно рассердился и говорит:

– Там они и были в виде церкви и попа! – и сам полетел [следом].

Поп и церковь опять превратились в людей. Женщина говорит мужчине:

– Теперь явится сам идолище. Я превращусь в ламбу, а ты ершиком обернись.

Только успели обернуться женщина ламбой, мужчина – ершом в ламбе – тут же идолище птицей прилетает на ламбу и говорит:

– Теперь вы попались: я озеро выпью, а ерша съем.

Хочет проглотить ерша – ерш хвостом вертит, а сам голову под камень сует.

– Повернись головой – я тебя проглочу.

Ерш говорит:

– Хороший глотальщик проглотит и с хвоста.

Идолище – воду пить:

– Выпью я ламбу и тебя съем.

Выпил столько воды, что вот-вот лопнет. Еще осталось немного воды на дне ламбы – ершиком и прошел под живот черта и плавниками вспорол ему брюхо. Вода вытекла вся из брюха в ламбу, а идолище тут и умер.

Женщина и не может обернуться из озерной воды в человека. Ерша превратила в человека и говорит:

– Ты уходи. Я должна три года оставаться здесь водой. Ты не жди меня, иначе мне придется весь век быть водой.

Мужчина уходит домой. Открывает три магазина, начинает торговать. Проходит три года. Мужчина уже и забыл свою невесту и начинает свататься к

царевне. Вдруг он вспомнил о ламбушке – ламба в тот же миг превратилась в девушку и приходит в то же царство, где и жених находится. Девушка просит-ся на квартиру к вдове; спрашивает:

– Какие новости в этом царстве?

Вдова говорит:

– Никаких, кроме того, что есть здесь очень богатый купец – откуда-то приехал – так ему с царевной будут справлять свадьбу.

Девушка идет в город, покупает пшеничную муку и печет булочки. Идет к одному из приказчиков жениха и говорит:

– Не купишь ли ты у меня пшеничных булочек?

– Зачем я их буду покупать, если они у нас у самих есть. Куплю, еслипустишь меня к себе на ночь.

Девушка говорит:

– Приходи в одиннадцать часов вечера.

Дает адрес, идет к вдове и говорит:

– Не сердись: ко мне придут гости сегодня вечером.

Вдова говорит:

– Пусть приходят.

Наступило одиннадцать часов. Приходит ухажер. Девушка занимается своими делами. Приказчик ходит, скучает, уже надоело ждать девушку; говорит:

– Начинай-ка раздеваться – ляжем в одну кровать.

Мужчина разделся до нижнего белья. Девушка говорит:

– У меня еще дела: надо сходить за дровами.

Мужчина говорит:

– Не ходи, я принесу, ты раздевайся.

Так он побежал и принес дрова, стал открывать дверь – девушка дверь захлопнула и говорит:

– Держи, дверная ручка, гостя! – гость к ней и прилип. В охапке – дрова, а рука прилипла к ручке – так и не смог оторваться от нее всю ночь, лишь только утром. И побежал домой в нижнем белье.

Днем девушка опять пошла продавать булочки. Приходит в другой магазин. Там опять продает холостяк.

– Не купите ли булочек?

Приказчик говорит:

– У нас и у самих есть булочки в продаже, но раз ты такая красивая и еслипустишь к себе на ночь, то я куплю несколько булочек.

– Пущу, пущу, приходи в одиннадцать вечера.

Так она дала адрес. Приходит к вдове и говорит:

– Ко мне, бабушка, вечером придут гости.

– Пусть приходят.

В одиннадцать часов приходит приказчик и говорит:

– Раздевайся и ложись со мной в кровать.

Девушка говорит:

– У меня еще дела: надо принести мешок с мукой; смогу ли я принести его в избу?

Приказчик уже босиком и в нижнем белье – и побежал на улицу за мешком. Девушка закрыла дверь и говорит:

– Держи, дверная ручка, гостя!

Гость прилип к ручке: держит мешок с мукой, рука прилипла к ручке – не может вырваться. Вдова говорит:

– Пусти гостя в избу.

Девушка говорит:

– Не пущу, ему и там хорошо.

Проспали до утра. Девушка говорит:

– Отпусти, дверная ручка, гостя. – [Ручка] отпустила гостя. Тот побегал в нижнем белье.

Девушка опять напекла булочек и говорит вдове:

– Я сегодня снова пойду торговать булочками и соблазню одного.

Сама пошла к купцу, тому, который был ее женихом:

– Не купишь ли, купец, пшеничного хлеба?

Купец говорит:

– Что ты, оборванка, пришла сюда торговать, у нас есть свои булочки.

Но раз ты такая красивая и еслипустишь к себе на ночь, то куплю.

Девушка говорит:

– Приходи в одиннадцать вечера.

Возвращается опять к вдове. Побыли до вечера. Наступает одиннадцать часов. Купец приходит в назначенное время. Девушка кормит, поит его, стелет постель и говорит:

– Теперь ляжем спать.

В постели девушка спрашивает у мужчины:

– У тебя когда-нибудь была женщина?

Мужчина отвечает:

– Не было.

– Зачем ты пришел ко мне, бедной девушке? Ты же обручен с царской дочерью.

– Нет, не обручен, – это вранье.

Девушка говорит:

– У тебя осталась последняя ночь жизни, если ты врешь. Я много раз спасала тебя от смерти. Я – та ламбушка. Ты забыл, что я была твоей женой?

Мужчина просит прощения и все признает. Они снова стали жить вместе. За обман царевны пришлось заплатить штраф, но она отстала от парня. Купец и его жена стали жить счастливо, еще и сейчас живут, если не умерли.

17. Mečäneläimet auttajina

Oli ennenin ukko ta akka. Ukolla ta akalla tytär ta poika. Ukko ta akka ruvetih kuolomah, sanotah lapsilla:

– Elkyä mänkyä yksi miehellä, toini naimah. Eläkyä kahen hyväsesti.

Vanhemmat kuollah. Lapset jäitih kahen elämäh. Hyö alettih kasvaa. Loppu syömiset. Syötih koko talo. Enämpyä heilä ei ole ni mitä. Poika sanou tyttärellä:

– Lähemmä muajilmalla, mitä myö rupiemma tässä kahestah elämäh, kun meilä on nälkä.

Niin hyö lähetäh. Matatah tietä myöte kotvani. Tytär sanou:

– Milma rupei juottamah, miula pitäis vettä.

Poika sanou:

– Mänemmä vähän matkua, kun tulou joki tai puro. Tästä emmä sua vettä.

Matattih vähäni aikua. Kaččou poika, jo tuli joki. Poika sanou tyttärellä:

– Sie issu tällä mättähällä, mie lähen käyn vettä.

Mäni poika joven rannalla. Kaččou: siinä on oikein suuri tulini koski. Hänellä ei ollun astieta, millä ottua vettä. Hiän ottau lakillah. Sih lakkiih tuli vejen kera pikkaraini hauki. Poika ajattelou: «Vien tämän hauvin čikollani, annahan syöy, kun on nälkä».

Hauki rupei pakajamah:

– Elä syö milma, piässä milma jokeh.

Poika sanou:

– Ka jos mie veisin siut syötäväksi, ni ei äijyä läksis nälkä.

Hauki sanou:

– Kun niin hyväsesti sanoit ta piässä, ni mie siula sanon esinehen, jotta se siula tarviččou. Kosen alla on kaksi kive. Kivien välissä on pokkaraini kultani miekka. Toisin aijoin kun virran pyörä pyöriy kivien piältä ni se kimaltelou, jotta niät, missä se on. Vain se on niin raskas, jotta et jaksa nostua. Siirrä kive, jotta se nousou polven piällä. Miekassa on kruuvvi. Sitä kun kiännällät, ni sieltä tipahtau tippani! Pissä se suuhus. Siitä se muuttuu kepieksi, niin kun koivun lehti. Čikollas elä sano, jotta sie tämän miekan olet löytän.

Poika piässälti hauvin jokeh ta iče mäni kosen alla. Otti miekan, niinkun hauki oli käsken. Pistäy miekan kormanoh, ottau vettä lakillah ta viey čikollah. Čikko on uinon mättähällä. Čikko nousou, ryppyäy vejen ta hyö lähetäh matkah. Mänmäh vähän matkua tietä myöten. On suuri talo mečässä. Mänmäh taloh. Sielä on katettu stola ruuvalla yheksällä henkellä. Syömistä on joka lajie. Pojalla ta tytöllä on niin kova nälkä, jotta enämpi ei voija toistah nähä. Poika sanou tytöllä:

– Ruvekka syömäh!

– Kyllä tähä on tulijua, vain kova on nälkä, ruvekka syömäh!

Poika sanou tyttärellä:

– Kun syömmä, nin mäne kiukuan perillä peittoh, a mie jian tähä istumah.

– Elä, veikko, jiä. Tapetah silma. Tule sieki peittoh.

Poika jäi istumah penkillä, tytär mäni peittoh kiukuan perillä. Tulou yheksän miestä. Ne onki piessoja. Tämä kun on piessojen koti. Sanotah pojalla:

– Kuin olet uskaltan tulla vierahah kotih?

Poika sanou:

– Tulin.

Yksi mies otti miekan ta meinai sivaltua pojalta piän poikki ta sanou:

– Ensin piä poikki ta siitä vasta syömäh.

Poika sanou:

– Elä sivalla vielä, kačomma kumpaselta ensin sivalletah.

Poika otti miekan kormanosta ta sivalti kaikilta piessoilta piät poikki. Sanou čikollah:

– Tule nyt pois kiukuan peristä.

Ruumehet luotih karsinah ta lukku kiini. Tytär ta poika ruvettih siinä piessojen talossa elämäh. Siinä on syömistä ta juomista kaikenmoista, mitä vain hyö suvajah.

Poika alko käyvä mečällä joka päivä. Tappau sielä lintuja ta tuou. Miekkah heittäy seinällä.

Yhtenä päivänä tuas poika mänöy mečällä. Karsinasta alko paissa tyttärellä:

– Ota, čikkoni, piässä milma tiältä pois!

Yheltä piessalta oli jänyn yksi suoni leikkuamatta, ni sen piä virkko.

Tytär sanou:

– En mie ruohi piästyä, miulta veikko piän leikkuau, kun suau tietyä.

– Lase pois, ei leikkua.

Tytär piästäy piessan karsinasta. Piessa sanou tyttärellä:

– Rupie miula morsiemekse, tapamma veikkos, jottei luaji siula pahua.

Tytär sanou:

– Et sie voi sitä tappua, kun se on niin väkövä, vain kyllä mie morsiemekse voin ruveta. Tuossa on seinällä miekka, kun suanet sillä hänen omalla miekalla piän leikata.

Rupei ottamah piessa seinältä miekkua. Ei sua sitä liikkehellä, kun se on niin jykie. Piessa sanou tyttärellä:

– Kun tulou veikkos, ni juota häntä humalah ta kysy missä hänellä on väki.

Piessa mänöy karsinah. Veikko tuli mečästä. Tytär oli laittan hyvän ruuvvan, tariččou veikolla viinua. Poika rupei syömäh, juou viinua ta humaltuu. Poika sanou čikollah:

– Juo sieki.

Čikko ei juo. Poika humaltu jo ylen pahoin. Čikko kysyy vellettä:

– Missä siula on väki, kun olet niin väkövä?

Poika sanou:

– Mitä sie sillä tiijolla ruat? Tuossa on vastakolikassa.

Piessa karsinassa kuuntelou.

Poika lähtöy tuas huomeneksella mečällä. Tytär pistäy piessan karsinasta. Se nousu pirttih.

Otetah kolikka, se revitetäh ta poltetah, jotta pojan väki mänis.
 Piessa mäni, kohottelou seinältä miekkua – ei lekaha. Sanou tytöllä:
 – Juota vielä tänä iltana toini kerta velles humalah, eikö siitä sano.
 Tulou velli mečästä. Piessa mänöy karsinah. Tytär tuas laittau ruuvvan ta juottau vielä enemmän viinua vellellä:
 – Juo, velli, vaipuna olet!
 Poika juou tuas niin äijän, jotta ei tiijä äijyä mitänä enämpi.
 Tytär tuas kysyy:
 – Sano sie, velli, missä siula on väki?
 Poika sanou:
 – Miun väki on kiukuahavussa. Vain mitä sie sillä tahot tietyä? Sie arvelet milma uhhotie?
 Čikko sanou:
 – En, veikkoni. Kahen olemma ni olomassa. Mitä mie semmoista meinuasin?
 Huomeneksella poika läksi tuas mečällä. Tyttö piästi tuas piessan karsinasta. Hyö otettih kiukuahavu ta poltettih, jotta siinä pojan väki palau. Piessa tuas rupei ottamah miekkua seinältä – ei vielä lekaha. Piessa sanou:
 – Valehtelou se silma. Muulla konstilla se on suatava tietyäh. Nyt kun velles tulou, sie heittävyvy hyvin kipieksi krovattih läsimäh. Sano, jotta tässä näin unissani, jotta viijen kilometrin piässä on kontie suanun penikat. Kun saisit siltä kontielta maituo, ni mie piäsisin tauvista. Hiän kun lähtöy mänömäh, ni se kontie hänen syöy.
 Tuli velli. Piessa mäni karsinah. Čikko läsiy krovatissa ta sanou:
 – Voi, veikkoni, kun en voi mitänä niin olen kapie.
 Velli kysyy:
 – Mi siula, čikconi, tuli? Millä sie nyt parensit?
 – Kun saisit maituo kontielta, ni sillä mie piäsisin.
 Velli sanou:
 – Kyllä sie, čikko, nyt milma surman tiellä toimitat, vain lähen mie.
 Poika söi, otti miekkah ta läksi kontielta maituo käymäh. Kontie ei olekana yhtänä vihani, vain nakrua rekettäy ta sanou:
 – Tule, tule maituo käymäh. Tervehtä sairahana läsität.
 Poika sanou:
 – Mistä mečänpeto tietäy? Anna maituo!
 Kontie lypsäy maituo kuppah ta käsköy viemäh.
 Poika viey majjon čikollah, jotta hiän piäsis terveheksi. Muatah yö kellotetah. Lähtöy poika mečällä. Nousou piessa karsinasta ta sanou tytöllä:
 – Heittävyvy vielä paremmin kipieksi. Sano, jotta hurmehtauvuin tässä vähäsen, ta unta nävin semmoista, kun viijen kilometrin piässä on jalopeura. Siltä kun saisit maituo, nin en tulis enyä konsana kipieksi.
 Tyttö ruatau, niinkun piessa käski.
 Poika söi ta läksi hakemah jalopeuralta maituo. Jalopeura nakrua rekettäy ta kysyy:

– Mitä läksit tänne?
 – Pitäis suaha siulta maituo, kun čikko tuli kipieksi. Hiän näki unissah, jotta kun juou jalopeuran maituo, ni siltä parenou.
 Jalopeura sanou:
 – Maituo mie annan, vain piessan petoksissa olet.
 Poika sanou:
 – Mistä mečänpeto tietäy?
 Jalopeura antau maituo. Poika viey sen čikollah.
 – Parene nyt!
 Poika lähtöy tuas meččäh. Piessa nousou ta meinuu: «Min myö sillä keksimmä?» Sanou tytöllä:
 – Rupie läsimäh ta sano, jotta pitäis suaha yheksän meren takua piessojen piäliköltä sappi. Sen kun söisin, ni en ijässäni enämpi läsisin.
 Velli tuli mečästä. Tytär tuas läsivänä.
 – Oi, veikkoni, olen ollut niin tusassa. Unissani nävin, jotta kun saisit yheksän meren takua piessojen piälikön sabin, ni sillä mie parenisin.
 Velli sanou:
 – Surman suuhu sie milma toimitat, vain lähen mie.
 Poika ottau miekkah ta lähtöy piessalta sappie suamah. Pojan on matattava kontien ta jalopeuran kyličči. Kontie ta jalopeura kysytäh:
 – Mihi nyt, ristivelli, mänet?
 Sanou:
 – Čikko tuli niin kipieksi, eikä parene muulla, kun jos piäpiessalta saisin sabin.
 Kontie ta jalopeura sanotah:
 – Piessan pauloissa olet, vain voimma myö lähtie siun kerallas.
 Ta niin hyö lähettih kolmen. Männäh suuren meren rannalla. Kaivetah rantah kolmen sylen syvyyni hauta ta pannah se poika sinne hautah.
 Sanotah:
 – Myö kučumma oravaveikkuo. Hiän on piessojen piäliköllä laivalla kapitanina. Vain myö kun karjumma, ni sie et kessä i halkiet.
 Kontie kun ränkähiti. Poika hauvassa kaikki lankei. Ollah vähäni aikua: ei kuulu laivua.
 Jalopeura kil’l’ ahtau – hauta halkei kaheksi.
 Jo oravakapitani tulou laivallah yheksän meren takua. Kontie ta jalopeura nossetah poika hauvasta kiirehesti ta sanotah oravalla:
 – Missä sie niin pitälty olet ollut, kun myö olemma vuottan?
 Orava sanou:
 – Isäntyä vein yheksän meren tuakse laivalla. Kuulin mie kun kontie ränkähiti, vain en piässyn.
 Kontie ta jalopeura käsetäh oravua neuvomah pojalla mitein hiän saisi piäpiessalta sabin.
 Jalopeura ta kontie lähettih kotihis. Orava läksi laivalla, otti pojan matkah piäpiessan luo. Hyö mäntih piessan rantah. Orava sanou:

– Sie mäne piessan pirttih. Sielä on piessalla čuarin tytär naisena. Se siun ottau hyvin vastah. Sie mäne karsinah. Kun čuarin tytär rupieu piessalta piätä eččimäh ta piessa kun uinuou, ni sie sivalla siltä piä poikki miekalla. Piessan kurkusta lähtöy vierömäh renkas. Tallua se kaheksi kappaleheksi. Toini kappaleh pissä tuleh, toini kormanoh.

Poika mäni pirttih, orava läksi piessua käymäh yheksän meren takuata. Pirtissä on kaunis naini. Se kysyy:

– Mitä, raukka, tulit tänne piessalla syötäväksi?

Poika sanou, jotta semmosella ta semmosella as`s`alla olen. Sie siirrä polvijas, kun piessa uinuou piätä eččiessä, jotta mie lyön piän poikki.

Kačotah: jo piessa ta orava ollah rannassa. Pojan naini pissältäy karsinah, iče ruokua laittamah. Tulou piessa pirttih ta on vihasena, kun kapitani tuli niin myöhäh käymäh häntä.

Naini ruttoseh panou piessalla ruokua. Piessa käsköy piätä eččimäh. Naini eččiy piätä. Piessa uinoi, naini lippai kiälläh poikua karsinasta. Poika hyppäi ta löi miekalla piessua kaklah. Se ei männynkänä aivan poikki. Piessa sanou iče:

– Lyö vielä toini kerta.

Renkas läksi kerosesta vierömäh. Poika tallai sen piällä. Se kaheksi. Siinä oli piessan henki. Otettih sappi. Čuarin tytär sanou:

– Mäne nyt vie čikollas sappi. Mie mänen kotih čuarih. Siitä tulet milma eččimäh morsiemekses. Tässä on siula miulta sormus.

Niin hyö lähettih. Poika jätällettih meren rannalla. Orava läksi viemäh čuarin tytärtä laivalla kotih.

Poika mäni čikon luo. Piessa kaččou ikkunasta:

– Elävänä tulou. Ei auttan tämäkänä keino. Juota vielä hyvin velli humalah.

Čikko otti sabin, vain ei hän sitä juo. Sanou:

– Jo parenin, nyt en tule enyä ni konsa kipieksi. Siitä vain voin tulla kipieksi, kun et sano, missä siula on voima?

Poika sanou:

– Kun siula niin mieli on tietyä, ni mie sanon. Se on tuossa miekassa. Onnacko sie miun uhhotit. Miekassa on ruuvvi. Sitä kun kierrät, nin tipahtau tippani. Sen kun syöt, ni miekka tulou kepieksi kuin koivunlehti.

Poika uinoi humalassa. Piessa nousi karsinasta. Hyppäi miekkah, kiersi ruuvvista. Söi tipan. Miekka muuttu kepieksi kuin koivunlehti. Siitä piessa potkuau poikua:

– Nouse nyt, kumpani meistä on kumpani.

Poika nousou ta sanou čikollah:

– Hyvin olet ruatan. Niin miula kontie ta jalopeura sanottih, jotta tervehtä läsität.

Piessa kysyy naiseltah:

– Lyömmäkö nyt häneltä piän poikki, vain mitä ruamma?

Čikko sanou:

– Emmä leikkua. Kaivamma silmät pois piästä.

Kaivettih silmät ta työnnettih meččäh. Yksi pikkaraini leipäkappaleh annettih evähäksi. Čikko jäi piessan kera elämäh. Poika kävelöy, kävelöy ta joutuu sinne čuarin linnalla, puistoh, missä čuarinväki käyväh istumassa. Sokieella pojalla oli hivukset ta kynnet kasvan pitäksi. Puistoh keräytyy istujie. Sokie poika kuulou niinkun ois sen naisen iäni, mi oli piessalla morsiemena. Sokie otti sormestah sormuksen, min se naini oli antan ta alko sormusta hypitellä kiästä käteh. Joku näköy sen ta sanou:

– Voi, kun tuolla sokieella on kaunis kultani sormus.

Čuarin tytär, entini piäpiessan naini, kuulou sen ta mänöy kaččomah sitä sormusta. Sanou:

– Näytä miula sormusta. Tämä on kuin miun sormus. Mistä olet tämän suanun?

Sokie sanou:

– Istuuvu miun viereh, mie sanon, mistä olen suanun tämän sormuksen.

Sokie kertou, mitein hiän sai sormuksen. Tytär otti kiästä kiini sokieta ta sanou:

– Miusta häitä pietäh sotasankarilla, vain sie olet miun mies.

Niin hiän vei sokien tuattoh eteh ta sanou:

– Tämä mies miut sai piessan vallasta. Mie otan hänet miehekseni, enkä mäne sotasankarilla.

Tuattoh vihastu kovasti ta ajo sokien ta tyttären pois luotah. Anto kuitenkin luvan elyä parin kilometrin piässä olovassa pienessä mökissä. Yhen pienen leivän anto evähäksi. Naini otti sokien kiästä ta talutti sen ulos kaupunkista. Sokie sanou:

– Eikö tässä missä ole kive eli hakuo, jotta istusimma levähtämäh kotvaseksi aikua?

Naini sanou:

– On tässä, istuuvumma tällä havolla.

Hyö istuuvuttih siihi. Lenti kaksi pientä linnuista puun latvah. Alettih paissa lintuset:

– Tämä pariskunta kun männäh tuoh pieneh mökkih, ni se räjähtäy ta hyö kuollah.

Sokie oli mečässä kävellessäh oppin linnunkielen. Naini sanou:

– Läkki nyt jo poikes sinne yöpaikalla!

Mies sanou naisella:

– Kačo, kuin äijän on kello jo?

Naini sanou:

– Viittä minuuttie vailla kaksitoista. Jo nyt on aika männä sinne yöpaikkah.

Mies sanou:

– Anna kučun viisi minuuttie vielä, siitä mänemmä.

Justih mökki räjähti ta niin se siinä palo.

Naini kysyy:

– Mi paukaus se semmoni oli?

Sokie mies sanou:

– Se mökki räjähti, jos olisima männyn sinne, olisima kuollun. Eikö ole mitä latuo, mihi mänisimä yöksi?

Tytär tiesi tuattoh niityt ta lavot. Mäntih heinälatoh ta ruvettih siinä muate. Naini uinoin. Mies ei vielä uinon. Lenti lavon piällä kaksi linnuista. Lintuset paissah:

– Kun huomeneksella alkau päivä rusottua, i kun tämä naini veis sokien niityllä ta pesis sokien silmät kastehella apilasheinien nenästä, ni se tulisi näköväksi.

Mies sanou naisellah:

– Nouse pois, kačo, joko päivä rusottau?

Naini kaččou ta sanou:

– Jo päivä rusottau.

Mies käsköy viemäh hänet niityllä.

Naini vei sokien niityllä. Mies kopeloiččou käsillä ta ottau kassetta apilasheinistä i pyyhältäy silmäh. Näkömäh rupei mies.

– Kiitetty jumala, kun miula nävön anto.

Naini sanou:

– No nyt se hyvä tuli ta myö piäsemmä elämäh.

Mies sanou naisellah:

– Mäne nyt kaupunkih tuaton kotihis. Mie lähen čikolla kostamah. Siitä tulen siun luo.

Naini läksi kaupunkilla, mies omilla teillä. Mies mänöy jalopeuran ta kontien luo ta sanou:

– Nyt, raukat, olen kärsin monta tuskua ta ikävystä. Kun voinetta lähtie, ristivellet, ni lähen čikkuo ta vävyö kostamah.

Jalopeura ta kontie sanotah:

– Orava pitäy suaha matkah.

Jalopeura huutau oravaveikkuo. Orava tulou. Keskussellah, mitein suaha miekka pois piessalta. Orava sanou:

– Mie käyn kaččomah ikkunasta, emmäkö mitein piäse pirttih, kun piessa naisineh ruvetah muate?

Orava hyppyäy seinällä, kaččou ikkunasta: Pariskunta on syömässä, miekka on stolalla.

Orava juoksou toisien luo ta sanou:

– Syömässä ollah, ruttoh ruvetah muate.

Vähän ajan kuluttuo orava läksi tuas kaččomah, joko muatah.

Jo on ruvettu muate. Stolalla lamppu palau, miekka vierellä. Juoksou toisien luo ta sanou:

– Jo on muate ruvettu, lähtekkyä. Mie mänen truvasta sisällä ta avuan oven. Työ tulkua ta ottakkuo miekka.

Orava nousi katolla, mäni hil’l’akkaiseh pirttih, ta avuau ovet. Pariskunta ei kuule ni mitä. Poika mäni, pyöräytti miekan ruuvvin. Kämmeneltä soi tipan. Sai voiman takaisin. Jalopeura kil’l’ahti oikein kovalla iänellä. Piessa naisineh heräi. Poika sanou:

– No nyt nouskua vastuamah vierahie.

Ne noustih. Poika sanou:

– Mitä nyt ruan? Leikkuanko piät, vain kaivanko silmät, niin kun työ miulta?

Piessa ta čikko sanotah:

– Nyt on siun valta, luaji mitä kačot.

Poika puhkuau silmät ta työntäy pariskunnan ulos. Antau pienet leivän kappalehet ta sanou:

– Mänkyä, niinkun miun laitoitta.

Piessojen talo pantih tuleh. Jalopeura, kontie ta orava sanottih olovan velleksie ta mäntih yhessä meččäh. Mies mäni linnalla naistah käymäh. Sielä tuas pietäh häitä. Čuari tahtou antua tyttäreh suuriarvosella. Tytär vuottau kovasti miestäh, entistä sokieta. Kun naini näki miehen matkuavan kavulla, hiän niin ikkunasta hyppäiki hänellä kaklah.

Pariskunta mänöy meččäh velleksien luo, jalopeuran, kontien ta oravan. Orava on vanhin velli ta isäntä. Hiän sanou:

– Leikkua piä naiselta ta laita hettieh.

Mies ei taho leikata, vain jalopeura sanou:

– Elä toista käskyö vuota, se on leikattava!

Poika leikkuau naiseltah piän ta upottau hettieh. Siitä jalopeura sanou:

– Leikkua meiltä kaikilta piät ta upota hettieh, ta siitä luo miekka ta hyppyä piällä iče.

Poika leikkai kaikilta piät, luou ne hettieh sekä miekan, ta iče hyppäi piällä.

Hyö kavottih ta siih tuli niin kaunis puisto. Sielä oli naini, sokie mies, nellä vellestä: orava, kontie, jalopeura ta miekka. Ne muuttu ihmisiksi. Ne oli nellä čuarin poikua ta tytär viijes. Hyö puhissetih sokie mies kauneheksi: parran ta kynnet pois, kaikki pukeutu sotaupseriloiksi. Orava rupei pakinua pitämäh vävyllä:

– Myö olemma kaikki čuarin poikie ta yksi čuarin tytär. Noita-akka kiroi meijät ta piessa vei. Sielä olemma tähä suate ollun. Sillähän mie käsin piät leikata, jotta puhistuisima piessan vallasta. Sie kun olet ihmini, ni siun piätä ei tarvinnun leikata. Nyt lähemmä čuarin kotih.

Ta hyö lähettih. Puisto kato ta muuttu samaksi hettieksi. Kun tultih čuarih, ni čuari kaččou:

– Niin olis kuin miun lapset, vain mistähän nuo olis tultu?

Hyö kerrotah koko tämä starina, mitein hyö on vajellettu ta piästy pahan vallasta. Čuari anteeksi pyytäy vävylläh ta tyttärelläh, kun käski menetellä niin pahasesti.

Vävy pantih linnalla čuariksi siitä hyvästä, kun hiän pelasti kaikki čuarin pojat ta tyttären piessan vallasta.

Niin ruvettih elämäh onnellisesti.

17. Лесные животные-помощники

Были раньше старик и старуха. У старика и старухи – дочь и сын. Старик и старуха собрались умирать; говорят детям:

– Ты не выходи замуж, а ты не женись. Живите вдвоем хорошенько.

Родители умерли. Дети остались жить вдвоем. Они растут. Закончи-

лась еда: они съели все, что было в доме, больше у них ничего нет. Парень говорит девушке:

– Пойдем [ходить] по свету, что мы здесь вдвоем будем жить, если мы голодные.

И они отправились. Прошли немного по дороге – девушка говорит:

– Я хочу пить, мне надо воды.

Парень говорит:

– Пройдем немного, пока не появится река или ручей – здесь негде взять воды.

Прошли немного. Парень смотрит – появилась река. Парень говорит девушке:

– Ты садись здесь на кочку, я пойду схожу за водой.

Парень пришел на берег реки, смотрит – там огромный огненный водопад. У него не было посуды, чем взять воды – он зачерпнул шапкой. В эту шапку вместе с водой попала маленькая щука. Парень думает: «Отнесу эту щуку сестре, пусть ест, раз кушать хочется». Щука заговорила:

– Не ешь меня, отпусти меня в реку.

Парень говорит:

– А если бы я отнес тебя на съедение, не намного бы убавился голод.

Щука говорит:

– Раз ты так хорошо сказал и отпустишь, так я подскажу тебе вещь, которая тебе пригодится: под водопадом есть два камня, между камней – маленький золотой меч. Иногда, когда поток воды стекает с камней, он поблескивает, так что увидишь, где он. Только он такой тяжелый, что ты не сможешь его поднять. Отодвинь камень, чтобы он лег на колено. На мече есть винтик, когда его повернешь – оттуда капнет капелька, возьми ее в рот: тогда [меч] станет легким, как березовый листок. Сестре не говори, что ты нашел этот меч.

Парень отпустил щуку в реку, а сам пошел под водопад. Взял меч, как велела щука, засунул меч в карман, набрал шапкой воды и отнес сестре. Сестра уже уснула на кочке. Сестра встала, выпила воды, и они отправились в путь. Прошли немного пути – в лесу стоит дом. Входят в дом. Там накрыт стол на девять человек, еда – всякая. Парень и девушка такие голодные, что уже друг друга не видят. Парень говорит сестре:

– Давай поедим!

– Сюда должны прийти, но так хочется есть – давай поедим!

Брат говорит сестре:

– Когда поедим, ты спрячься за печь, а я останусь здесь сидеть.

– Не оставайся, брат, тебя убьют, ты тоже спрячься.

Парень остался сидеть на лавке, а девушка спряталась за печью. Входят девять мужчин, а это бесы (это бесов дом) – и говорят парню:

– Как ты посмел войти в чужой дом?

Парень говорит:

– Посмел.

Один мужчина достал меч и собрался отсечь у парня голову и говорит:

– Сначала – голову долой, а потом – есть.

Парень говорит:

– Не отсекай пока, посмотрим, кто первый головы лишится.

Парень вынул меч из кармана и отсек у всех бесов головы. Говорит сестре:

– Теперь выходи из-за печи.

Тела сбросили в подпол и закрыли на замок. Брат и сестра стали жить в этом доме бесов. Там – всякой еды и питья, всего, чего только они не пожелают. Парень стал ходить на охоту каждый день, ловит там птиц и приносит. Меч оставляет на стене.

Однажды парень опять уходит на охоту. [Вдруг] из подпола с девушкой заговорили:

– Выпусти меня, сестрица, отсюда! – У одного беса одна жила осталась неперерезанной, так это его голова говорила.

Девушка говорит:

– Я не смею выпустить: у меня брат голову отрубит, если узнает.

– Выпусти, не узнает.

Девушка выпустила беса из подпола. Бес говорит девушке:

– Стань мне невестой, убьем брата, чтобы не сделал тебе плохого.

Девушка говорит:

– Ты не сможешь его убить: он такой сильный, но невестой я могу стать. Вон на стене – меч: может, сможешь его собственным мечом отрубить у него голову.

Стал бес снимать со стены меч – не может его сдвинуть, такой он тяжелый. Бес говорит девушке:

– Когда придет твой брат, ты напои его допьяна и спроси, в чем его сила.

Бес ушел в подвал. Брат пришел из леса. Сестра приготовила вкусную еду, предлагает брату вина. Брат ест, пьет вино и хмелеет. Говорит сестре:

– Выпей и ты.

Сестра не пьет. Парень уже сильно опьянел. Сестра спрашивает у брата:

– Где твоя сила, что ты такой сильный?

Парень говорит:

– Зачем тебе знать? Вон, в голике.

Бес в подполе слушает.

Утром парень опять уходит на охоту. Девушка выпускает беса из подвала, тот поднимается в избу. Берут голик, рвут его и сжигают, чтобы у парня сила пропала. Бес идет, пытается приподнять меч на стене – тот не двигается. Говорит девушке:

– Напои еще второй раз сегодня вечером брата допьяна – может, тогда расскажет.

Приходит брат из леса. Бес ушел в подпол. Сестра опять готовит еду и поит брата вином еще больше:

– Пей, брат, ты устал!

Парень опять выпивает так много, что уже ничего не понимает. Девушка опять спрашивает:

– Скажи ты, брат, где твоя сила?

Парень говорит:

– Моя сила в печном помеле. Только зачем тебе это знать? Ты задумала погубить меня?

Сестра отвечает:

– Нет, братец, нас только двое, зачем бы я такое задумала?

Утром парень снова отправился на охоту. Девушка опять выпустила беса из подпола. Они взяли печное помело и сожгли, чтобы вместе с ним сгорела сила парня. Бес опять пытается снять меч со стены – тот все еще не трогается с места. Бес говорит:

– Он тебя обманывает. Другим способом это надо выведать. Теперь, когда брат придет, ты притворись очень больной и ляг в постель. Скажи, что «приснилось тут, что в пяти километрах отсюда у медведицы появились детеныши. Кабы ты добыл молока той медведицы, так я бы оправилась от болезни». Он как пойдет [за молоком], так медведица его съест.

Пришел брат. Бес ушел в подпол. Сестра больная лежит на кровати и говорит:

– Ой, братец, ничего не могу, такая больная.

Брат спрашивает:

– Что с тобой, сестра? Как бы ты поправилась?

– Если бы ты раздобыл молока у медведицы, оно бы меня вылечило.

Брат говорит:

– Теперь ты, сестра, отправляешь меня на смерть, но пойду я.

Парень поел, взял свой меч и отправился за молоком к медведице. А медведица вовсе даже не злая, смеется-хохочет и говорит:

– Иди, иди за молоком. За здоровой, как за больной, ухаживаешь.

Парень говорит:

– Откуда лесная хищница знает? Дай молока!

Медведица надаивает молока в чашку и велит отнести. Парень приносит молоко сестре, чтобы та выздоровела. Проспали ночь, провалялись. Парень уходит на охоту. Из подпола поднимается бес и говорит девушке:

– Притворись еще более больной. Скажи, что «задремала тут немножко, и приснился такой сон, что в пяти километрах отсюда есть львица. Если бы ты добыл ее молока, я бы больше никогда не заболела».

Девушка поступает так, как велит бес. Парень поел и пошел за молоком львицы. Львица смеется-хохочет и спрашивает:

– Зачем ты сюда пришел?

– Надо бы взять у тебя молока: сестра заболела. Ей приснилось, что если она попьет молока львицы, то этим вылечится.

Львица говорит:

– Молока я дам, но только бес тебя дурит.

Парень спрашивает:

– Откуда это лесной зверь знает?

Львица дала молока, парень отнес его сестре:

– Поправляйся теперь!

Парень опять уходит в лес. Бес выходит и думает: «Что бы нам придумать?» Говорит девушке:

– Притворись больной и скажи, что «надо бы достать из-за девяти морей желчный пузырь предводителя чертей. Если бы я его съела, то больше вовек бы не болела».

Брат приходит из леса – сестра опять больная.

– Ой, братец, я так страдаю. Приснилось мне, что если бы ты раздобыл из-за девяти морей желчный пузырь предводителя чертей, то этим бы я вылечилась.

Брат говорит:

– В пасть смерти ты меня отправляешь, но пойду я.

Парень берет свой меч и отправляется добывать желчный пузырь черта. Парню надо проходить мимо медведицы и львицы. Медведица и львица спрашивают:

– Куда теперь, крестный брат, путь держишь?

Отвечает:

– Сестра так сильно заболела, и поправится только, если я добуду желчный пузырь главного беса.

Медведица и львица говорят:

– Бесовской сетью ты опутан, но можем мы пойти с тобой.

И так они пошли втроем. Приходят на берег большого моря, выкапывают на берегу яму глубиной в три аршина и опускают парня в эту яму. Говорят:

– Мы позовем брата-белку: он – капитан на корабле у предводителя чертей. Но когда мы будем кричать, ты не выдержишь и лопнешь.

Медведица как рывкнула – парень в яме аж упал. Подождали немного – не слышать корабля. Львица крикнула – яма раскололась надвое.

И вот капитан-белка прибывает на корабле из-за девяти морей. Медведица и львица быстро поднимают парня из ямы и говорят брату-белке:

– Где ты был так долго, мы уже заждались?

Брат-белка отвечает:

– Отвозил хозяина на корабле за девять морей. Слышал я, как медведица рывкнула, но не смог прибыть.

Медведица и львица велят белке посоветовать парню, как ему добыть желчный пузырь главного беса.

Медведица и львица отправились домой. Капитан-белка пошел на корабль и взял парня с собой к главному бесу. Причалили они к бесову берегу. Белка говорит:

– Ты иди в избу беса. Там у беса царевна в женах. Она тебя хорошо примет. Ты пойдешь в подпол. Когда царевна будет искать в голове у беса и

бес уснет, ты отруби ему голову мечом. Из горла беса выкатится кольцо; ты наступи на него, чтобы оно раскололось надвое: одну часть брось в огонь, другую себе в карман.

Парень пошел в избу, капитан-белка отправился за бесом за девять морей. В избе красивая женщина, она спрашивает:

– Зачем ты, горемыка, пришел сюда черту на съедение?

Парень говорит, что «по такому-то и такому делу я здесь. Ты отодвинь колени, когда бес уснет, пока ты ищешь у него в голове, чтобы я мог отрубить у него голову».

Смотрят – уже бес и белка [причалили] к берегу. Женщина прячет парня в подполе, сама – еду готовить. Бес входит в избу, он злой, потому что капитан так поздно прибыл за ним. Жена быстро подает ему еду. Бес велит поискать у него в голове. Женщина ищет у него в голове. Бес уснул. Женщина поманила парня рукой из подпола. Парень подскочил и ударил беса мечом по шее – и не перерубил ее до конца. Бес сам говорит:

– Ударь еще раз.

Из горла покатилося кольцо. Парень наступил на него, оно – пополам: в нем была жизнь беса. Взяли желчный пузырь. Царевна говорит:

– Пойди теперь отнеси своей сестре желчный пузырь. Я пойду домой, к царю. Приходи потом сватать меня себе в невесты. Вот тебе от меня колечко.

И они отправились. Парня оставили на берегу, а царевну капитан-белка повез на корабле домой.

Парень пришел к сестре. Бес смотрит из окна:

– Живой идет: и это средство не помогло. Напой еще раз брата хорошенько.

Сестра взяла желчь, но не пьет ее. Говорит:

– Я уже поправилась, больше никогда не заболела. От того только могу заболеть, если не скажешь, где твоя сила.

Парень говорит:

– Раз тебе так хочется знать, то я скажу: она в этом мече. Видно, ты меня угробишь. На мече есть винтик, если его повернешь – капнет капелька; когда ее проглотить, меч станет легким, как березовый листок.

Парень захмелел и уснул. Бес вышел из подпола, подскочил к мечу, покрутил винтик. Проглотил капельку – меч стал легким, как березовый листок. Потом бес пинает парня:

– Вставай теперь – [посмотрим], кто из нас есть кто.

Парень встает и говорит сестре:

– Вот ты как поступила. Так мне медведица и львица и сказали, что «вместо больной здоровую лечишь».

Бес спрашивает у жены:

– Отрубим ему теперь голову или что сделаем?

Сестра отвечает:

– Не будем отрубать. Выколем у него глаза.

Выкололи у него глаза и отправили в лес, один маленький кусочек хлеба дали ему в дорогу. Сестра осталась жить с бесом.

Парень бродил, бродил и оказался в царском городе, в парке, куда царские приближенные приходят посидеть. У слепого парня отросли волосы и ногти. В парке собралось много народа. Слепой парень слышит, как будто говорит та женщина, которая была в невестах у черта. Слепой снял с пальца кольцо, которое эта женщина ему дала, и стал перекидывать его с руки на руку. Кто-то увидел это и говорит:

– Ой, какое у этого слепого красивое золотое кольцо.

Царевна, бывшая жена главного беса, слышит это и идет посмотреть на это кольцо; говорит:

– Покажи мне кольцо. Оно похоже на мое кольцо; где ты его взял?

Слепой отвечает:

– Садись рядом со мной: я расскажу тебе, где я взял это кольцо.

Слепой рассказал, как он получил это кольцо. Девушка взяла слепого за руку и говорит:

– Меня выдают замуж за героя войны, но ты – мой муж.

Так она привела слепого к отцу и говорит:

– Этот мужчина освободил меня от власти беса. Я возьму его в мужья, а не пойду за героя войны.

Отец сильно рассердился и прогнал слепого и дочь, но все же разрешил жить в находящейся в двух километрах [от царского города] маленькой избушке. Один маленький хлебец дал в дорогу. Женщина взяла слепого за руку и вывела его из города. Слепой говорит:

– Нет ли здесь где-нибудь камня или свалившегося дерева, чтобы мы могли присесть и отдохнуть хоть немного?

Жена отвечает:

– Есть тут, присядем на это свалившееся дерево.

Они присели. Прилетели две птички на вершину дерева; заговорили птички:

– Когда эта пара войдет в ту маленькую избушку, она взорвется, и они погибнут.

Слепой, блуждая по лесу, выучил птичий язык. Жена говорит:

– Пойдем же уже на место ночевки.

Муж говорит жене:

– Посмотри, сколько уже времени?

Жена отвечает:

– Без пяти двенадцать. Теперь уже пора идти на ночлег.

Муж говорит:

– Дай [посидеть] еще пять минут – потом пойдем.

Тут избушка взорвалась, и так она и сгорела. Жена спрашивает:

– Что это был за грохот?

Слепой говорит:

– Это избушка взорвалась: если бы мы пошли туда, мы бы погибли. Нет ли какого-нибудь сарая, куда мы могли бы пойти на ночь?

Девушка знала, [где находятся] отцовские луга и сараи. Они пошли на сеновал и легли там спать. Жена уснула. Муж пока не спал. Прилетели на крышу сеновала две птички. Птички разговаривают:

– Если бы утром, когда начнет заниматься заря, эта женщина отвела слепого на луг и помыла глаза слепого росой с кончиков травы клевера, он стал бы зрячим.

Муж говорит своей жене:

– Вставай, посмотри, уже ли заря занимается?

Жена смотрит и говорит:

– Уже занимается.

Муж велит отвести его на луг. Жена отводит его на луг. Муж на ощупь собирает росу с клевера и протирает глаза, – он стал видеть.

– Благодарение Господу за то, что дал мне зрение.

Жена говорит:

– Как хорошо! Теперь мы сможем жить.

Муж говорит жене:

– Вернись теперь в город, к отцу. Я пойду, отомщу сестре, потом приду к тебе.

Жена пошла в город, муж – своей дорогой. Муж приходит к львице и медведице и говорит:

– Пришлось мне, братцы, вытерпеть много страданий и неприятностей. Можете ли, крестные братья, пойти помогать мне: я иду мстить сестре и зятю.

Львица и медведица говорят:

– Надо позвать белку.

Львица криком призывает брата-белку – белка приходит. Обсуждают, как забрать у черта меч. Белка говорит:

– Я схожу, посмотрю через окно – может, нам удастся как-нибудь попасть в избу, когда бес с женой лягут спать.

Брат-белка прыгнул на стену, смотрит в окно: супруги едят, меч лежит на столе. Белка бежит к остальным и говорит:

– Они едят, скоро лягут спать.

Немного спустя брат-белка опять отправился посмотреть, уже ли [супруги] спят – уже легли спать; на столе горит лампа, меч лежит рядом. Белка бежит к остальным и говорит:

– Уже легли спать – идите. Я пролезу внутрь через трубу и открою дверь, вы войдите и заберите меч.

Брат-белка забрался на крышу, тихонько проник в избу и открыл дверь. Супружеская пара ничего не слышит. Парень вошел, повернул винтик на мече, съел капельку с ладони – вернул себе силу. Львица очень громко взвизгнула – бес с женой проснулись. Парень говорит:

– Вставайте гостей встречать.

Те поднялись. Парень говорит:

– Что мне с вами сделать? Отрубить головы или глаза выколоть, как вы у меня?

Бес с сестрой отвечают:

– Теперь твоя воля – делай, как знаешь.

Парень выколол им глаза и выгнал пару на улицу, дал им по маленькому кусочку хлеба и сказал:

– Отправляйтесь, как и вы меня отправили.

Дом бесов сожгли. Львица, медведица и белка назвались братьями и вместе ушли в лес. Мужчина пошел в царский город за женой. А там опять справляют свадьбу: царь хочет выдать дочь за очень важного [господина]. Царевна ждет с нетерпением своего мужа, бывшего слепого. Когда женщина увидела, что ее муж идет по улице, она так с окна и прыгнула ему на шею.

Супружеская пара идет в лес к братьям: львице, медведице и белке. Белка – старший брат и хозяин. Брат-белка говорит:

– Отсеки у жены голову и брось в родник.

Муж не хочет отскатать, но львица говорит:

– Не жди второго приказа: ее надо отсечь!

Парень отсекает голову у жены и топит в роднике. Потом львица говорит:

– Отсеки у всех нас головы и утопи в роднике, а потом брось меч и сам прыгни сверху.

Парень отсек у всех головы, бросил их и меч в родник и сам прыгнул следом. Они все исчезли, а на этом месте появился очень красивый парк. В нем были женщина, [бывший] слепой мужчина и четыре брата: [бывшие] белка, медведица, львица и меч, – они превратились в людей. Это были четыре царевича и пятая – царевна. Они очистили слепого мужчину: отрезали бороду и ногти. Все надели офицерские костюмы. [Бывший] брат-белка рассказал зятю:

– Мы все – сыновья и одна дочь царя. Ведьма заклала нас, и бес унес. Там мы были до сих пор. Поэтому я и велел отсечь нам головы, чтобы мы очистились от власти беса. Теперь мы пойдем домой к царю.

И они отправились. Парк исчез и опять стал родником.

Когда [все] пришли к царю, царь смотрит:

– Как будто бы мои дети, но откуда они взялись?

Они рассказывают всю эту историю: как они странствовали и как освободились от власти зла. Царь просит прощения у зятя и дочери за то, что так плохо поступил.

Зятя сделали в царстве царем за то, что он освободил всех сыновей и дочь царя из-под власти беса.

И стали они жить счастливо.

18. Tuhkimus

Oli ennenin ukko ta akka. Heilä on kolme poikua. Yksi nuorin poika on tuhkimus, nimi Iivana. Vanhemmat (viisahimmat) kaksi poikua suoritah heinäruatoh. Iivana pyrkiy niisi heinällä. Toiset sanotah:

– Lähemmä peitočči Iivanasta, emmä ota Iivanua.

Pojilla pannah evähäksi kahteh säkkih leipyä. Iivanua kun ei luvattu ottua matkah, hiän yhestä säkistä puissalti leivät ta iče säkkih. Ajattelou: «Otatta ta vielä i kannatta».

– Läckkä ruttoseh pakoh Iivanasta, – sanotah toiset.

Lähettih, otettih säkit selkäh. Millä on Iivana säkissä, se sanou:

– On niin jykie, ruvekka syömäh.

Ruvettih leipäsäkkie avuamah. Iivana sanou:

– Jo i tavotin, nyt jo piäsen jälkeh teitä.

Hyö säkin suun jällelläh umpeh ta juoksomah, jottei Iivana tavottais.

Ei voija matata ta sanotah:

– Jykie on, puolentakka näitä leipie.

Ta avatah säkin suu. Iivana hyppyäy säkistä. Häntä ruvetah lyömäh. Iivana sanou:

– Elkyä lyökyä, mie toisen kerran luajin teilä hyvyä.

Pojat eksyttih. Ei löyvetty nurmie. Mäntih meččäh. Sielä on suuri talo. Stolalla on kaikkie ruokua. Talossa ei ole ni ketänä. Hyö syötih ta sanotah:

– Kyllä tänne tulou kennih, mänkä karsinah piiloh.

Huomeneksella tulou vanhin neičyt – tytär, panou kiukuan lämmitä. Lämmittäy sen pirtissä. Avai karsinan oven. Sanou:

– Nouse, vanhin pokko, muamollani paissoksi.

Pojat hätävyttih ta sanotah:

– Mäne, veikkon Iivana, sie, sie kun olet pahin.

Iivana hyppyäy pirttih. Tytär sanou:

– Käy lapiella, paissan silma muamon syötäväksi.

Tuhkimus panou jalan kuohlah, toisen lapiella, piän lattiella ta puskou vastahakua. Tytär sanou:

– Ei sillä keinoin.

Tuhkimus sanou:

– Rupie juohattamah, millä keinoin.

Tytär rupei lapiella. Iivana pisti sen kiukuah, korventi hyväksi ta panou stolalla, iče mäni karsinah.

Tulou akka:

– Huh-huh-huh, kun on tytär hyvän paissan paistan, – ta rupieuo syömäh tytärtäh. Söi paissan ta sanou:

– Oli kuin omua vertä.

Pojat ollah toiseh päiväh karsinassa. Tuas tulou huomeneksella keskimmäini tytär ta panou kiukuan lämpiemäh. Avuau karsinan oven ta sanou:

– Tule, keskimmäini pokko, muamollani paissoksi.

Toiset pojat muanitetah Iivana. Iivana hyppyäy. Tytär käsköy lapiella. Iivana sanou:

– Rupie juohattamah, mie en malta.

Tytär rupei juohattamah, asettuu lapiella, hiän pisti tyttären kiukuah, korventi sen, pani stolalla, iče mäni karsinah.

Tulou akka pirttih:

– Oi, kun on tyttäreni muamollah tuas hyvän paisson paistan.

Söi tyttären ta sanou:

– Oli kuin omua vertä.

Huomeneksella tulou akan nuorin tytär. Avuau karsinan oven:

– Nouse, nuorin pokko, muamollani paissoksi.

Iivana hyppyäy karsinasta tyttären luo. Se käsköy lapiella. Iivana sanou:

– Rupie juohattamah.

Tytär rupieu juohattamah, hiän sen kiukuah. Kuulou, akka tulou. Hiän kesen paistomista t'orni u tyttären pois kiukuasta, iče mänöy karsinah. Akka puri luita ta sanou:

– Nyt roissot syötettih oma tyttäreni miula.

Akka keittäy suuren kattilan jauhohuttuo. Panou voita kattilah pesoksi ta sanou:

– Nouskua, pokot, huttuo syömäh.

Toiset varatah, Iivana ei varaja. Hiän sanou:

– Talluan, akka, huttukattilah, – ta talluau luapotti jalalla kesellä huttukattilua. Tuhkimus toreutu akan kera. Tuhkimus voitti akan ta halkuau kaheksi. Akka siihi mänöy. Sanou vellilläh:

– Nouskua pois huttuo syömäh.

Vellet syyvvh. Tuhkimus sanou:

– Mie otan puoli akkua selkähäni.

Toiset sanotah:

– Ei sitä pie ottua, ota ennenin muita kallehuksie.

Iivana nossalti puoli akkua olkapiälläh ta sanou:

– Tulkua perässä kun tulletta.

Hyö jouvuttih matalla tammen alla. Siinä on stola, rahua, kynttilä. Niinkun cletty ois. Iivana sanou:

– Tähä tulou jos ketä, nouskua tammeh.

Niin hyö noussah. Tammen alla tuli kolme pohatterie. Ne levitettih tammen alla rahat ta ruvettih peluamah korttih.

Tuhkimus sanou puussa:

– Milma, veikot, kusettau.

– Elä, velli, sitä čuutuo luaji.

Iivana lorahutti sieltä. Pohatterit sanotah:

– Kačo, kun satau, nin tammi vajattau.

Iivana sanou:

– Milma situttau.

Toiset sanotah:

– Elä, velli-rukka.

Iivana vain piästi sieltä kakaroita. Pohatterit sanotah:

– Kačo, kun rupei tuulomah, nin käpyjä kirpuou.

Tuhkimus sanou:

– Mie kirvotan heijän stolalla akan ruavon.

– Elä, velli-rukka.

Iivana kirvottua rusahutti akan ruavon stolalla. Pohatterit pakoh. Iivana heilä jälkeh tammesta. Yhen sai kiini ta leikkai kielen. Se huutau:

– Ykki-mykki, le-le-le, ykki-mykki, le-le-le, – se oli sanovinah, jotta yksi mušikka on, pohatterit, tulkua, nin otamma kiini, vain ei suattan sanuo, kun kieli oli leikattu.

Ne pohatterit mäntih pakoh. Iivana mänöy tammen alla ta sanou vellelläh:

– Tulkua nyt pois tammesta, enämpi ei tarviče varata.

Ne tultih alas ta korjattih rahat. Niin hyö mäntih kotih, luajittih uuvvet huonehet, otettih naiset. Iivanan naini oli kaikista viisahampi.

Siihi i loppu tuhkimuksen starina.

18. Тухкимус

Были раньше муж и жена. У них три сына. Один из них, младший, – Иван-Тухкимус [замарашка]. Два старших, более умных брата собираются на сенокос. Иван тоже просится на сенокос. Старшие братья говорят: «Пойдем тайком от Ивана, не возьмем Ивана». Братьям кладут в дорогу хлеб в два мешка. Поскольку Ивана не хотели брать с собой, он вытряхнул хлеб из одного мешка и сам залез в мешок; думает: «Возьмете да еще и понесете».

– Бежим быстрее от Ивана, – говорят старшие братья. И отправились, мешки закинули на спину. Тот, у которого Иван в мешке, говорит:

– Так тяжело! Давай поедим.

Стали открывать мешок с хлебом. Иван говорит:

– Уже догоняю – теперь я смогу пойти с вами.

Те обратно завязали мешок и – бежать, чтобы Иван не догнал. [Вот уже] не могут идти и говорят:

– Тяжело – давай убавим хлеб, – и открывают мешок. Иван выскакивает из мешка. Его начинают бить. Иван говорит:

– Не бейте, я в другой раз сделаю вам добро.

Братья заблудились, не нашли луг. Пошли они в лес, там – большой дом. На столе – всякой еды. В доме никого нет. Они поели и говорят:

– Кто-нибудь сюда придет, давайте спрячемся в подполе.

Утром приходит старшая девица, затапливает печь в избе. Открывает дверь в подпол и говорит:

– Выходи, старший баран, на жаркое для моей матери.

Братья забеспокоились и говорят:

– Иди, братец Иван, ты: ты ведь самый непутевый.

Иван выпрыгивает из [подпола] в избу. Девушка говорит:
– Садись на лопату: запеку тебя матери на обед.
Тухкимус одной ногой упирается в край устья печи, другую ставит на лопату, головой упирается в пол и отталкивается неуклюже. Девушка говорит:
– Не так!
Тухкимус говорит:
– Покажи, как надо.
Девушка села на лопату – Иван сунул ее в печь, хорошенько зажарил и поставил жаркое на стол, сам ушел в подпол.
Приходит старуха:
– Хух-хух-хух, какое хорошее жаркое дочь зажарила, – и стала есть свою дочь. Съела жаркое и говорит:
– Как будто родная кровь была.
Братья пробыли в подполе до следующего дня. Наутро опять приходит девушка – средняя дочь – и затапливает печь. Открывает дверь в подпол и говорит:
– Выходи, средний баран, моей матери на жаркое.
Старшие братья уговаривают Ивана. Иван выпрыгивает. Девушка велит ему сесть на лопату. Иван говорит:
– Покажи, как: я не умею.
Девушка стала показывать, села на лопату – он ее и засунул в печь, поджарил ее, поставил жаркое на стол, сам ушел в подпол. Приходит старуха в избу:
– Ой, опять дочь поджарила матери хорошее жаркое, – съела дочь и говорит:
– Как будто родная кровь была.
Наутро приходит младшая дочь старухи, открывает дверь в подпол:
– Выходи, младший баран, моей матери на жаркое.
Иван выпрыгивает из подпола к девушке. Та велит сесть на лопату. Иван говорит:
– Покажи, как.
Девушка стала показывать – он ее в печь. Слышит – старуха идет. Он, не дожарив, выдергивает дочь из печи, сам идет в подпол.
Старуха грызет кости и говорит:
– Негодяи, скормили мне родную дочь.
Старуха сварила большую кастрюлю мучной каши, положила глазок масла в кастрюлю и говорит:
– Выходите, бараны, кашу есть.
Братья боятся, Иван не боится. Он говорит:
– Бабка, я наступлю в кастрюлю с кашей.
И наступает ногой в лапте в середину кастрюли с кашей. Тухкимус разодрался со старухой. Тухкимус победил старуху и расколочил ее надвое, – так старуха умерла. Иван говорит братьям:
– Выходите кашу есть.

Братья едят.
Тухкимус говорит:
– Я возьму полстарухи, взвалю на спину.
Братья говорят:
– Не надо ее брать, лучше возьми другие ценности.
Иван взвалил полстарухи себе на плечо и говорит:
– Следуйте за мной, если пойдете.
В пути они оказались под дубом. Тут был стол, деньги, свеча – как будто тут живут. Иван говорит:
– Кто-нибудь сюда придет, залезайте на дуб.
И они залезли.
К дубу подошли три богатыря. Они разложили под дубом деньги и стали играть в карты. Тухкимус на дереве говорит:
– Братцы, я писать хочу.
– Не делай, брат, этого чуда.
Иван полил сверху. Богатыри говорят:
– Смотри – дождь идет, так дуб протекает.
Иван говорит:
– Я с...ть хочу.
Братья говорят:
– Не делай этого, братец.
А Иван все равно выпустил какашки. Богатыри говорят:
– Смотри-ка, ветер поднялся – шишки падают.
Тухкимус говорит:
– Я сброшу им на стол труп старухи.
– Не бросай, братец!
Иван с грохотом уронил труп старухи на стол. Богатыри – бежать. Иван [спрыгнул] с дуба и – за ними, поймал одного и отрезал язык. Тот кричит:
– Юкки-мюкки, ле-ле-ле, юкки-мюкки, ле-ле-ле!
Он хотел сказать, что «тут только один мужик, богатыри, возвращайтесь, схватим его», но не смог сказать, потому что язык был отрезан. Богатыри сбежали.
Иван подходит к дубу и говорит братьям:
– Слезайте с дуба, больше не надо бояться.
Те спустились и забрали деньги. Потом они вернулись домой, построили новые хоромы, женились. Жена Ивана была самой умной.
На этом и закончилась сказка про Тухкимуса.

19. Armottomat lapset

Tuatto ta muamo enmein kuolemuah sanottih lapsillah, jotta kun hyö kuollah, nin elkyä lähtekkyä mihikänä, eläkkyä koissa.

Tuatto ta muamo kuoltih, lapset jätih armottomiksi. Hyö syötih lehmät, lampahat ta kaikki, mitä oli. Nyt heilä enämpi ei ole ruokua, ei mitänä.

Poika sanou tyttärellä:

– Mäne sie aittah, pyyhi purnunpohjat, etkö hot löyvä yhtä jyvie, kun ei ole mitä syyvvä enämpi.

Tytär mäni aittah, pyyhki siivellä purnunpohjan ta löysi yhen rukehen jyvän. Mänöy pistäy peltoh: «Panen peltoh, eikö kasva meilä tästä ruokua».

Huomeneksella poika nousou makuamasta, sanou čikollah:

– Vuota lähen kačon, eikö jo ole kasvan meilä ruokua.

Mänöy kaččou – jo on olki kasvan, niinkun puu ta tähkyä on aivan juuresta suahe. Taivahah latva ulottuu. Poika lähtöy kapuamah olkie myöte ta nousou taivahah. Olen latvan kohassa on taivahan kannessa reikä, jotta poika mänöy reijästä taivahah. Kävälöy taivahassa: ei nävy mitänä, tyhjä taivas on. Löytäy pikkaraisen talon ta mänöy siämeh. Akka on karsinassa jauhomassa. Yksi on silmä ta senki on heittäen skuapin piällä. Suusta tulou sulččinua, kiästä piuruata, kiven alta kalittua ta kakkarua. Poika ottau säkin, kaččou: säkki on kiukuan korvalla. Poika mättäy säkin täyven sriäpnäy. Otti säkin selkähäh ta solahti alas kotih.

Čikollah sanou:

– Nyt on syömistä.

Avatah säkin ta ruvetah syömäh.

Čikko kysyy:

– Mistä sie näitä sait?

Poika kertou čikolla, mistä sai.

Yö muattih, poika suorieu tuas taivahah suamah uutta sriäpnäy.

Čikko sanou:

– Ota sie miutki kerallas.

Poika sanou:

– En ota, sie nakrat.

Poika tuas nousou taivahah ta mänöy siih taloh.

Akka tuas on karsinassa jauhomassa. Silmän on pannun skuapin piällä. Nyt poika panou keralla kaksi säkillistä sriäpnäy. Solahtau muaha ta vief tuas kotih syömiset. Ruvetah syömäh niitä, eletäh pekerrelläh. Nyt on heilä hyvyä syömistä.

Tytär sanou:

– Ota nyt, veikko, miut huomena kuitenkin kerallas.

Veikko sanou:

– En ota, sie nakrat.

Čikko vakuuttou, jotta hiän on hyväsesti.

Huomeneksella lähetäh nyt molommat, poika ta tyttö taivahah. Männäh taivahan taloh. Akka on tuas karsinassa jauhomassa. Silmä on skuapin piällä. Tyttö ta poika ruvetah panomah sriäpnie säkkih. Tytär rupei nakramah, siitä akka i huomuu skuapin piältä pistäy silmän piähä.

– Puuttu jo vorat kiini, työ oletta kahtena päivänä jo miulta varastan ta miula on vähä jäänyn, – ta kiini ottau tytön ta pojan.

Panou tulen rautaseh kiukuah:

– Nyt mie teijät korvennan, kun oletta varastamah käynyn.

Sanou pojalla:

– Rupie nyt lapien piällä, mie panen siut kiukuah, korvennan ta syön.

Poika rupieu lapiella. Panou jalat kiukuah päin, piän kiukuasta ulos päin, čirhistäy, jotta ei sopie kiukuah.

Akka sanou:

– Pitäy ruveta toisin päin, jotta mie suatan siut kiukuah.

Poika sanou akalla:

– Rupie juohattamah mitein pitäy ruveta lapiella.

Akka rupei trallahti lapiella selälläh, piän kiukuah päin, jalkah pani ulos päin. Poika otti ta pissälti hänet kiukuah ta pani umpeh pellin. Akka sielä palo ta i sinne i jäi kiukuah.

Poika solahti karsinah ta otti jauhinkiven selkäh. Niin hyö solahettih olkie myöten muaha ta olki leikattih muasta, jotta ei ni ken piäsis taivahah enämpi. Ta hyö ruvettih siinä jauhomah. Heilä tulou suusta sulččinua, kiästä piuruata, kiven alta kalittua ta kakkarua. Čuari suau tietyä, jotta lapsilla on semmoni kivi, jotta sriäpnäy jauhotah. Čuari mänöy ta i ottau lapsilta sen kiven ičelläh.

No lapsilla tuas, kun syötih ne loppuset sriäpnät, tuas nälkä i tuli.

Čuari pani latoh kiven ta alko jauhuo sillä sriäpnäy: suusta sulččinua, kiästä piuruata, kiven alta kalittua ta kakkarua.

Kukko juoksentelou ympäričči ta kiekuu:

– Kukolla on kultani kiperä, čuarilla ei ni hiuppua. Armottomien lapsien kivellä iččieh elättäy.

Monta kertua jo kukko hyppelöy ta laulau siinä kiven ympärillä.

Sanou čuari piijoilla:

– Ottakkua ta tappakkua tuo kukko, pistäkyä kiukuah ni mie syön sen.

Piika ottau, tappuau kukon, voissa paistau ta pistäy sen kukon kiukuah. Sanou čuarilla piika:

– Tule nyt syömäh, nyt on jo kypsät kukon lihat.

Čuari mänöy, syöy ne lihat. Rupei vaččua kivistämäh.

Kukko tuas alko marassa čuarilla laulua:

– Kukko kiekuu! Kukolla on kultani kiperä, čuarilla ei ni hiuppua. Armottomien lapsien kivellä piätäh elättäy.

Čuari alko pyytyä:

– Tule, kukkoseni, pois, kovuan rupeit vaivuamah vaččua.

Kukko sanou marasta:

– Kun antanet lapsilla kiven, ni tulen. Kun et antane, nin en tule ni konsana.

Čuari sanou:

– Annan lapsilla kiven, – ta sanou piijalla:

– Viekyä paikalla tämä kivi pois.

Piijat otetah ta viijäh lapsilla kivi poikes. Kukko hyppäi čuarilta takapuolesta ta juoksou lapsien luo, peloissah, jotta čuari hänet tappau.

Lapset suatih kivi ta kukko rupei lapsien kera elämäh. Sielä on ni tänä päivänä ta laulelou. Ta siihi loppu.

19. Сироты

Отец и мать перед смертью сказали детям, что, когда они умрут, «не уходите никуда, живите дома». Отец и мать умерли, дети остались сиротами. Они съели коров, овец и все, что было, – теперь у них нет больше еды, нет ничего. Мальчик говорит девочке:

– Пойди в амбар, подмети дно закромов: может, найдешь хоть немного зерен, а то нам больше нечего есть.

Сестра пошла в амбар, подмела птичьим крылом дно закрома и нашла одно ржаное зернышко. Пошла, посадила его в поле: «Посажу в поле, – может, вырастет из него нам еда».

Утром брат встает, говорит сестре:

– Дай пойду посмотрю, – может, выросла уже нам еда.

Приходит, смотрит – уже вырос стебель, как дерево, и колосьев на нем – начиная с самого корня, а вершина до неба достаёт. Мальчик стал забираться по стеблю и поднялся до неба. Напротив вершины стебля в небосводе – дыра, и парень через дыру поднимается на небо. Ходит по небу – ничего не видеть, пустое небо. Находит маленькую избушку и входит в нее. В подполе старуха мелет зерно; [у нее] один глаз, да и тот положила на шкаф. Из рта выходят сканцы, из рук – пироги, из-под жернова – калитки и блины. Мальчик берет мешок – увидел, что мешок лежит у печи – и набивает полный мешок стряпни. Поднял мешок на спину и спустился вниз, к себе домой. Говорит сестре:

– Теперь у нас есть еда, – открывают они мешок и начинают есть. Сестра спрашивает:

– Откуда ты это взял?

Мальчик рассказывает сестре, где взял. Проспали ночь; парень опять собирается на небо за новой стряпней. Сестра говорит:

– Возьми и меня с собой.

Мальчик говорит:

– Не возьму: ты засмеешься.

Мальчик опять поднимается на небо и приходит в тот дом. Старуха опять в подполе мелет зерно; глаз положила на шкаф. Теперь парень набирает два мешка стряпни, спускается на землю и опять несет еду домой. Едят ее, живут-поживают; теперь у них есть хорошая еда. Сестра говорит:

– Ты все же возьми меня, брат, завтра с собой.

Брат говорит:

– Не возьму: ты засмеешься.

Сестра убеждает, что она будет вести себя хорошо.

Утром отправляются на небо на этот раз оба: и мальчик, и девочка. Входят в небесный дом. Старуха в подвале мелет зерно; глаз на шкафу. Девочка и мальчик стали класть стряпню в мешок. Девочка засмеялась, – старуха и услышала, взяла со шкафа глаз и вставила его на место:

– Попались-таки, воры! Вы уже два дня у меня воруете, и мне мало остается, – и схватила девочку и мальчика. [Потом] она затопила железную печь:

– Теперь я вас зажарю, раз вы ходите воровать [у меня].

Говорит мальчику:

– Садись на лопату, я суну тебя в печь, зажарю и съем.

Мальчик садится на лопату ногами в сторону печи, головой в противоположную от печи сторону, растопыривается, чтобы не влезть в печь.

Старуха говорит:

– Надо сесть наоборот, чтобы я могла сунуть тебя в печь.

Мальчик говорит старухе:

– Ты покажи, как надо садиться на лопату.

Старуха плюхнулась спиной на лопату, головой в сторону печи, ногами наружу. Парень взял, да и сунул ее в печь и закрыл заслонку. Старуха сгорела, да там, в печи, и осталась.

Мальчик спустился в подпол и взял жернов себе на спину. Так они спустились по стеблю на землю и срезали стебель, чтобы больше никто не мог забраться на небо. И стали они молоть. У них выходят изо рта сканцы, из рук пироги, из-под жернова – калитки да блины.

Царь узнал, что у детей есть такой жернов, из которого они стряпню получают. Царь пошел и забрал у детей этот жернов себе.

Дети, когда доели остатки стряпни, опять стали голодать.

Царь поставил жернов в сарай и стал молоть стряпню: изо рта [выходят] сканцы, из рук пироги, из-под жернова – калитки да блины. Вокруг бегают петух и кукарекает:

– У петуха золотой гребешок, а у царя никакого нет. Жерновом детей-сирот себя кормит.

Уже много раз петух тут вокруг жернова попрыгивает и поет. Царь говорит служанкам:

– Возьмите и зарежьте этого петуха, суньте в печь, и я съем его.

Служанка взяла, зарезала петуха, зажарила его в масле и сунула в печь. Говорит служанка царю:

– Иди есть, теперь уже готово мясо петуха.

Царь пришел, съел это мясо, – у него заболел живот. Петух опять стал петь в животе у царя:

– Кукареку! У петуха золотой гребешок, а у царя никакого нет. Жерновом детей-сирот себя кормит.

Царь стал просить:

– Выходи, петушок, прочь: слишком ты стал мой живот беспокоить.

Петух говорит из живота:

– Если отдашь детям жернов, то выйду, не отдашь – так никогда не выйду.

Царь говорит:

– Отдам детям жернов, – и говорит служанке: – Отнесите сейчас же этот жернов.

Служанки берут и относят жернов детям. Петух выскочил у царя из задницы и побежал к детям, боясь, что царь его убьет.

Дети получили жернов, и петух остался жить у детей. Там и по сей день находится и попевает.

Тут и конец.

20. Čuari on kaksikymmentä viisi poikua

On ennen čuari akkoineh. Heilä on kaksikymmentä viisi poikua. Pojat lähettih pes's'otah. Čuari istuu omassa huonehessah ta kaččelou kirjojah. Sieltä löytäy semmosen paikan, mihi on kirjutettu, jotta yhellä akalla on kaksikymmentä viisi tytärtä muajilmassa. Čuari sanou akallah, jotta emmäkö myö rupie laittamah näitä poikie niillä tyttärillä sulhasiksi. Akka sanou:

– Jo nyt ollah nainta ijässä, kun lähettäneh, ni mänkäh.

Pojat tullah pes's'otasta. Čuari sanou pojillah:

– Nävin kirjoista, jotta vielä yhellä akalla pitäisi olla kaksikymmentä viisi tytärtä muajilmassa. Sieltähän työ voisitta ottua naiset ičellänä.

Pojat hyvin siihi suostu, jotta kun vallan antanetta, nin myö lähemmä. Čuari antau heposet heilä kaikilla ta rahua matkah. Pojat lähettih ajamah. Ajettih päivä iltah. Sanotah:

– Pitäis miän ruveta syömäh, nälkä tuli.

Nuorin poika sanou:

– Mie en rupie syömäh, työ syökyä. Lähen ielläh ajamah, enkö löyvä mistä yösijua.

Ta hiän läksi ielläh ajamah. On tievieressä talo. Mänöy taloh: akka nenälläh orresta piäličči liikuttelou tulihiilie, kiukua lämpiey. Akka sanou:

– Tulipahan venyähän vertä syyvväkseni, juuvväkseni, partahani pannakseni, liirahani liiviekseni.

Poika sanou:

– Mi miusta on, tätiseni, kopra luita, lusikka vertä. Mi on lihua, se on luina, mi on vertä, se on vetenä.

Akka sanou:

– Onnako olet nuorimman čikkonni poika, kun olet niin osava pakinoissa.

– Olen, tätiseni, – sanou poika.

– No minne nyt matkuat? – akka kysyy pojalta.

Poika sanou:

– Meitä on kaksikymmentä viisi vellestä. Tuatto kirjojah kerran kaččo ta löysi semmosen paikan kirjoistah, jotta pitäis olla muajilmassa yhellä akalla kaksikymmentä viisi tytärtä. Hiän käski miät nihi tyttärih sulhasiksi. Etkö tiijä, tätiseni, mitein myö piäsisimmä sinne, ta missä ne ollah? Toiset vellet tullah tuola jäessä, mie läksin yösijua eččimäh. Eikö tässä siun luona sais olla yötä?

Täti sanou:

– Olla suatta yötä. Tiijän, mitein työ sinne piäsettä. Tästä kun ajatta huomena päivän, nin tulou talo. Sen talon emäntänä on sen akan čikko, kellä on kaksikymmentä viisi tytärtä. Työ kun mänettä siih taloh, ruvekkua töihi, hiän panou tiät heposien paimeneksi. Yksi heponi akalla on pieni paharaiska, se tiät neuvou.

Tultih toiset pojat. Akka heitä syötti, juotti, piti hyvänä vierahana. Huomeneksella lähettih ajamah. Ta illalla näkyt tien vieressä talo. Männäh taloh. Akka kävelöy lattiella, kysyy:

– Minne matkuatta, ta mistä oletta?

Hyö sanotah:

– Työtä, ruokua läksimä eččimäh.

Akka sanou:

– Miula on työtä ta i ruokua, kun ruvennetta heposie paimentamah.

Pojat sanotah:

– Meilä on yhenmoini työ i paimentua.

Pojat ruvettih paimentamah. Hyö paimennettih kesäaika. Loppu paimennus. Sanotah: «Nyt myö lähemmä pois, matka on meilä matattava, muajilma kačottava».

Akka sanou:

– Kun näin hyväsesti paimentija ta heposet on lihavat, nin mie teilä hyvän palkan maksan.

Nuorin poika sanou:

– Meilä ei pie rahua. Myö missä ruamma, sielä i rahua suamma, vain kun antanet tuon paharaisan pienen heposen.

Akka sanou:

– En mie sitä voisi antua, vain kun noin hyväsesti paimentija, nin jos antanen.

Hyö lähettih ajamah. Tuli joki. Jovessa on koski. Kosesta poikki on hopieni silta, kultaset käsipuut.

Heponi alko paissa, sanou:

– Nyt myö mänenmä siihe taloh, missä on kaksikymmentä viisi tytärtä. Siitä talosta ympäri on sata seivästä pissytetty. Seiččemenkymmenen viijen seipähän nenässä on miehien piät. Kaksikymmentä viisi seivästä on ilman päittä, teijän päijän varalla. Akka vuottau teitä, jotta teiltä piät leikkuau. Nyt kun ajamma tästä sillasta poikki, akka tulou iče vastah. Hiän ottau vastah hyvin.

Pojat mäntih pihalla. Talo on kaunis. Akka ta kaksikymmentä viisi tytärtä tulou vastah ta sanotah:

– Kolme vuotta olemma vuottan teitä.

Akka sanou:

– Lasemma heposet kultatanhuoh, ta kultakakroja panemma heilä eteh syömiseksi.

Nuorin poika sanou:

– Miän heposet ei syyvvä kuin tulihiiilie.

Akka sanou:

– Ei ni mitä pihalla voi jättyä, ne kassutah. Yöllä voit tulla vesisaje.

Nuorin poika sanou:

– Kastukkah, märkänä on ni synnytty.

Nuorimman pojan heponi, se pieni paharaiska, sanou:

– Kun syöttä ta juotta, nin tule miun luo siitä käymäh.

Männäh pirttih kaikin. Syyvväh, juuvvah siinä kaikin.

Akka sanou:

– Nyt kun söittä ta joitta, nin ruvekkua kisuamah, kun teitä on tämmöni joukko purlakkua ta neičyttä.

Akalla on semmoni haitari, jotta ičekseh soittau. Kaikki mečän eläjät ruvetah plässimäh, kun se rupieu soittamah.

Alettih kisuamah. Siinä on semmoni jutke kun kontiet, hirvet ta kaikki mečän eläjät plässitäh.

Jo akka sanou:

– Vaivuitta, mie lähen luajin sijat.

Nuorin poika mänöy heposeh luo. Heponi sanou:

– Nyt hiän luatiu teilä sijat salih. Tyttäret panou yhellä puolella salih, tiät toisella. Kun tyttäret uinotah, ni kantakkaa hiät omilla sijoilla ta pankua omat lakkinna tyttärillä piähä. Akka tulou ta leikkua tyttäriltä piät. (Hiän kun toivou, jotta työ siinä makuatta.) Akka kun mänöy omah huoneheh, nin työ nouskua ta ruttoseh heposilla selkäh i lähtekkyä pakoh.

Poika mäni pirttih. Akka hiät pani muate. Tyttäret uinottih omilla sijallah. Nuorin poika valvou. Hiän sanou toisilla pojilla:

– Nouskua, nin kannamma tyttäret omilla sijoillana ta panemma heilä omat lakit piähä, iče rupiemma tyttärien sijoilla.

Niin kannettih tyttäret omilla sijoillah, pantih heilä omat lakit piähä ta iče ruvettih muate tyttärien sijoilla. Kuuntelou nuorin poika, kun akka miekkua hivou. Tuli ta leikkai kaikilta tyttäriltäh piät poikki. Akka sanou:

– No, nyt sain seipähät täyveksi. Sata seivästä on täysi. Huomeneksella kannan seipähih piät.

Akalla on rinnalla suuri kultani risti. Seinällä on semmoni sirkkalo, näyttäy muajilman rannasta muajilman rantah. Akka mäni omah huonehes, kun oli vaipun päitä leikatessa ta samassa uinoi. Nuorin poika nostau toiset vellekset ta sanou:

– Läkkä ruttoseh pois!

Niin noustih ta lähettih lakittomin päin ajamah.

Akka avai silmäh. Kaččou sirkkaloh, ka omilta tyttäriltä on piät leikkan. Akka sitä kyytie hyppäi jälkeh pojilla. Nuorin poika rikko männessäh sillan. Silta kirpoi koskeh, jottei akka piäsis.

Akka kosen laijalla karjuu:

– Rosvot, tapattija omat tyttäreni! Puututta työ vielä kiini!

Ajettih pojat erähän čuarin linnalla ta ruvettih čuarilla saltataksi. Nuorin poika on kaikista viisahin. Čuari antau hänellä jo pikkaraisen viran. Toisilla vellillä tuli kareh, kun nuorin velli on heistä parempi.

Čuarilla vielä ei ole naista. Toiset vellet sanotah:

– Min myö keksimmä sillä nuorimmalla vellellä. Eiköhän čuari tappais häntä tai panis tyrmäh. Sanokka myö čuarilla, jotta nuorin velli on sanon, jotta čuarilla ei ole neruo semmoista ristie suaha, mimmosen mie saisin. Čuari hänen panou käymäh ristie akalta, ni se hänet tappau.

Ta niin hyö sanotah čuarilla:

– Nuorin velli sanou, jotta siula ei ole neruo suaha semmoista ristie, mittyistä hiän sais.

Čuari kučču nuorimman vellen iččeh luo ta sanou:

– Mitä sie olet sanon, jotta miula ei ole neruo suaha semmoista ristie, kuin sie saisit. Mäne ta sua hyvä risti. Kun et suane, ni piä pois.

Poika mänöy heposeh luo ta sanou heposellah:

– Nyt čuari anto tehtävän suaha rissin akan kaklasta.

Heponi sanou:

– Suuri on kyllä tehtävä, vain läkkä, kuot`t`elemma, emmäkö sua.

Niin hyö lähettih. Poika nousi heposella selkäh. Mäntih kosen korvalla.

Heponi sanou:

– Nyt miän pitäis hypätä tästä kosesta piäličči.

(Akka on hankkin koiran, jotta se haukkuis, kun tullah.)

Heponi sanou:

– Annat koiralla leipyä, nin se ei hauku. Mänet pirttih. Orren piässä on rautaset keriččimet. Otat ne keriččimet. Akka makuau. Sie leikkua koitaskat ta ota hil`l`akkaiseh risti, ta tule miula selkäh.

Heponi hyppäi siitä kosesta piäličči. Poika anto koiralla leipyä. Koira ei virka ni mitä. Mänöy poika pirttih, ottau keriččimet orren piästä, leikkai koitaskat, otti akalta rissin hil`l`akkaiseh ta mäni hyppäi heposella selkäh. Heponi juuri kerkisi hypätä kosesta piäličči, jo akka hyppäi jälkeh ta karjuu:

– Veit, – sanou, – rosvo, rissin, vain tulet vielä kerran miun käsih.

Niin hiän vei čuarilla rissin. Čuari ei ole semmoista ennein nähny. Se on niin suuri ta kaunis kultani risti.

Čuari hänellä tuas virkua i kohotti. No toisilla vellillä tuli vielä suurempi kare, kun se nuorempi on heitä viisahampi. Ne tuas tuumitah:

– No ei se akka sitä tappan. Sanokka čuarilla, jotta hiän lupau suaha semmosen sirkkalon, mi näyttäy muajilman rannasta muajilman rantah. Čuari työntäy hänen sitä käymäh, ni eikö akka häntä sielä tapa.

Tai sanotah čuarilla:

– Tämä poika kehuu, jotta hiän saisi semmosen sirkkalon, mi näyttäy muajilman rannasta muajilman rantah, ta jotta čuarilla ei ole ičelläh neruo suaha semmoista sirkkaluo.

Čuari kučču pojan ta sanou:

– Mitä olet sie kehun? Mäne, käy sua se sirkkalo, jos et sua, ni piältäs pois.

Poika mänöy heposeh luo ta sanou:

– Nyt tuas annettih semmoni tehtävä, jotta čuarilla pitäis suaha sirkkalo akalta.

Heponi sanou:

– Nouse selkäh, lähemmä kuot't'elomah tuas.

Ta niin hyö lähettih. Mäntih kosen korvalla. Heponi sanou:

– Nyt akka makuau čirhottau, sirkkalo on polvien piällä. Anna koiralla leipyä, jottei koira haukkuis.

Heponi hyppäi kosesta ta poika mäni pirttih. Poika ottau sirkkalon hil'l'akkaiseh akan polvilta ta piäsöy heposellah kiirehen kautti selkäh, i hyppyäy kosesta piäličči.

Akka silmäh avai: sirkkalo on männyn. Hyppäi jälkeh. Poika oli jo toisella puolen kosen. Akka sanou:

– Tulet vielä kerran. Kyllä mie suan käsihini siun.

Viey sirkkalon čuarilla poika. No čuari siihi hyvin mielisty, kun näyttäy muajilman rannasta muajilman rantah. Čuari ei ole nähny, ei kuullun semmoista sirkkaluo. Ta tuas čuari nostau pojalla virkua. Panou hänen pieneksi herraksi. Toiset vellet vielä paremmin ollah hänen piällä vihaset, kun hänellä virkua kohotetah. Siitä vellet tuas tuumajjah, jotta pitäy sanuo čuarilla, jotta nuorin vellii lupai suaha semmosen haitarin, jotta se kun soittau, nin kaikki mečän eläjät plässitäh. Tai sanotah čuarilla:

– Nuorin velli lupuu suaha semmosen haitarin, mi ičekseh soittau, sen soitanta-aikana mečän eläjät kaikki plässitäh.

Čuari hänen kučuu ičekh luo ta sanou:

– Sie mäne sua nyt semmoni haitari, min olet luvan suaha. Kun et suane, nin piältäs pois.

Poika mänöy heposeh luo, sanou:

– Nyt miän pitäis suaha akalta se haitari, mi ičekseh soittau. Kun emmä sua, nin piältäni pois jouvun.

Heponi sanou:

– Mie pahua unta nävin tässä, kun makain. Meistä jos kumpani jäy sinne, ili toini sattautuu meistä.

Siitä hyö lähetäh haitarie käymäh. Männäh kosen laijalla.

Heponi sanou pojalla:

– Nyt makuau akka ikkunan kohassa. Haitari on hänellä polvien piällä ta hihnat on kaklassa. Mänemmä ikkunan alla. Ota ikkuna irallah, jottei akka kuule. Leikkaat hinnan veičellä poikki, haitarin otat ta pääset miula selkäh kiirehen kautti.

Ta niin hyö mäntih ikkunan alla. Akka makuau. Haitari on polvien piällä. Poika otti, ikkunan avai ta leikkai ne hihnat akan kaklasta. Otti haitarin ta juuri kerkisi heposellah selkäh piässä. Akka samassa hyppäi jälkeh. Heponi kun rupei hyppyämäh kosesta piäličči, nin akka sai heposen jalasta kiini ta jalka i läksi heposelta. Heponi pojan kera kirpoi koskeh. Kuitenki hiän hämäi mualla. Siitä heponi sanou pojalla:

– Tapa milma ta pane hautah. Mie en voi enämpi matata kolmella jalalla.
 Poika sanou heposella:
 – Kuin mie voin siun tappua, enkä mie voi männä čuarin luo, sehän miun tappau.
 Heponi sanou:
 – En voi enämpi kävellä kolmella jalalla.
 Poika hauvan kaivau, tappau heposeh, hautuau siihi kosen korvalla. Lähtöy poika mänömäh itkien poikes ta haitari on hänellä kainalossa. Matkuau vähäsen aikua tietä myöte. Tulou ukko pikkaraini hänellä vastah. Ukolla on ruoska kiässä. Kysyy pojalta:
 – Mistä matkuat, mistä olet, poika?
 Poika sanou, jotta tätä haitarie kävin yheltä akalta, čuarilla vien.
 Ukko sanou:
 – Vajehtakka se haitari miula tähä ruoskah.
 Poika sanou:
 – Enhän mie haitarie ruoskah vajeha, mitä mie sillä ruosalla ruan?
 Ukko sanou:
 – Tällä ruosalla kun kuollehie lyöt, nin ne virotah.
 Poika sanou:
 – Anna mie siun tapan.
 Ukko sanou:
 – Tapa milma ta lyö ruosalla, nin mie virkuon.
 Ta poika ukon tappo. Oli siinä vähäsen aikua. Tultih varikset ukon silmie n’okkimah. Poika otti variksen kiini, tappo sen. Löi kuollutta varista ruosalla ta se i virkoi. Poika ajattelou:
 – Enpä ukkuo ni virota, lähen virotan heposen, anna ukko jiäy siihi. Mie kun virotan ukon, ni hiän ottau miulta haitari.
 Poika sai haitarin ta i ruosan, millä kuollehie virottua. Mäni heposeh luo ta kaivo hauvasta. Löi hevoista sillä ruosalla. Heponi tuli niinkuin ennenki. Poika sanou heposellah kaikki, mitein hiän oli suanun tämän ruosan. Heponi sanou:
 – Lähemmä nyt čuarilla viemäh tätä haitarie.
 Viijäh čuarilla se haitari. Pani čuari haitarin ičekseh soittamah. Kaikki mečän eläjät, mitä muajilmassa on, ruvettih plässimäh (ta vielä suurempi jyräkkä, kun tämä sota oli). Čuari pani sen pojan jo suureksi herraksi. Toiset vellet vielä paremmin siänty, kun ei suatu henkeltä pois häntä. Sanotah čuarilla:
 – Tiän herra lupauu suaha siula Päivölän neiččyön morsiemekse.
 Čuari hänen i kuččuu tuas:
 – Kun olet luvannun suaha Päivölän neiččyön miula morsiemekse, ni sua. Kun et suane, ta i piältäs pois.
 Poika mänöy heposeh luo, sanou:
 – Nyt pitäis Päivölän neičyt suaha morsiemekse čuarilla, muitein mie jouvun piältäni pois.

Heponi sanou:

– Mäne yheksänkymmentä sylvä nahkaista remenie kysy čuarilta.

Poika mänöy ta sanou:

– Anna yheksänkymmentä sylvä remenie käymäh morsienta.

Čuari hänellä antau. Poika panou remenit heposellah selkäh, nousou iče selkäh. Heponi mänöy ičekseh. Poika ei tiijä, mihi viey heponi, nousou hyvin korkien vuaran piällä. Vuaran piältä mänöy reikä vuaran siämeh. Heponi solmiu remenin pojan keskisen kautta ta solahuttau sen reijästä vuaran siämeh.

Mänöy taloh poika. Talossa on akka ta oikein on lämmin pirtti. Akka sanou pojalla:

– Harvoinpa näitä vierahie näkyy tuolta yli-ilmoilta. Mitä olet, poikani, tänne lähten?

Poika sanou:

– Etkö, akkaseni, tiijä Päivölän neičyttä? Miun pitäis se suaha čuarilla morsiemekse.

Akka sanou:

– Se on miun tytär. Ruttoh tulou kotih. Hiän käyt joka päivä paistamassa taivahan rannassa. Hiän kun tulou, nin se on niin kuuma, jotta sie palat, vain mie siut kiukuah savien, silmät vain heitän näkymäh.

Akka hänen pani kiukuah, savieu, silmät vain heitti näkymäh.

No, tuli neičyt kotih. Se on niinkuin tulipačas. Akka sanou:

– Heitä ruttoseh ne vuattiet piältäs!

Tytär sanou:

– Mintäh siula on niin kiireh?

– Ka siuh tultih sulhaset.

Tytär loi tuliset vuattiet piältäh.

– Ken on, – sanou tyttö, – miula se sulhani?

Akka ottau kiukuasta pojan.

– Tässä on nyt, – sanou, – sulhani. Mitä ruvennou sanomah siula.

Poika sanou:

– Čuari käski kosjuo silma morsiemekse. Kun lähtenet, nin mie vien.

Tytär sanou:

– Lähen. Jo olen pitän aikua vuottan sulhasie, en rupie vanhaksi piijaksi. Parempi on olla ukon akkana, kun kesselin akkana.

Tytär suorisi ta lähettih pojan keralla. Akka jäi muan alla. Heponi hiät nostau vuaran piällä remenillä.

Männäh čuarih. Čuari on hyvällä mielellä, kun morsien on semmoni, jotta muajilman rannasta näkyy muajilman rantah. Čuari sanou:

– Nyt rupiemma häitä pitämäh tässä, kun toit näin hyvän morsiemien.

Tytär sanou:

– Emmä pie häitä vielä. Mänemmä pihalla ta mie muutun tuliseksi hauvaksi. Kumpani teistä suanou hauvasta piäličči heposellah hypätä, se i suau miut morsiemekse.

Mäntih pihalla. Morsien muuttu tuliseksi hauvaksi. Tuli palau räkäjäy hauvassa.

Čuari sanou pojalla:

– Mäne hyppyä sie iellä.

Hänellä on mielessä, jotta poika palau, kun iellä hyppyäy.

Poika kun hyppyäy ta tuli i sammu hauvasta. Poika piäsi piäličči hauvasta, sanou čuarilla:

– Hyppyä sie nyt!

Čuarin heponi kun rupei hyppyämäh, ni tuli i viriuty hauvassa. Čuari kirpoi hautah heposineh ta sinne i palo.

Poika piäsi čuariksi, Päivölän neičyt čarounaksi. Hänellä jäi oma suamah risti, sirkkalo, haitari, morsiemeh ta sai koko valtakunnan. Toiset vellet käski ampuo.

Ta siihi se i loppu.

20. У царя двадцать пять сыновей

Жил раньше царь со своей женой. У них двадцать пять сыновей. Сыновья отправились на посиделки. Царь сидит в своей комнате и листает свои книги. Там находит такое место, где написано, что у одной женщины есть двадцать пять дочерей. Царь говорит своей жене, что «не отправить ли нам наших сыновей свататься к тем девушкам?» Жена говорит:

– Они уже теперь в том возрасте, когда можно жениться: если пойдут, так пусть идут.

Сыновья приходят с вечеринки. Царь говорит сыновьям:

– Я увидел в книге, что еще у одной женщины на свете есть двадцать пять дочерей, – вы бы могли там сосватать себе жен.

Сыновья с радостью согласились с этим [предложением], мол, «если дадите на то волю, так мы отправимся». Царь дает им всем коней и денег в дорогу. Сыновья отправились в путь. Проехали день до вечера, говорят:

– Надо бы нам поесть: голодно стало.

Младший сын говорит:

– Я не буду есть, вы ешьте. Я поеду дальше: может, найду где место для ночлега.

И он поехал дальше. [Видит] – у дороги дом. Он входит в дом – [а там] старуха носом через грядку* ворошит горящие угли: печь топится. Старуха говорит:

– Явилась-таки русская кровь, чтобы мне поесть-попить, в рот положить, в пасть забросить.

Парень говорит:

– Да что с меня, тетенька, взять: пригоршня костей, ложка крови. Что есть мяса – то в виде костей, что есть крови – то вода.

Старуха говорит:

– Однако, ты сын моей младшей сестры, коли так речист.

– Да, тетенька, – отвечает парень.
– Так куда же ты путь держишь? – спрашивает старуха у парня.

Парень говорит:

– Нас двадцать пять братьев. Отец однажды просматривал свои книги и нашел в них такое место, что должно быть на свете у одной женщины двадцать пять дочерей. Он послал нас свататься к тем девушкам. Не знаешь ли ты, тетенька, как нам туда добраться и где они находятся? Остальные братья идут следом, а я пошел искать место для ночлега. Нельзя ли здесь у тебя переночевать?

Тетя отвечает:

– Можете переночевать. Я знаю, как вам туда добраться: завтра как отправитесь отсюда и проедете день – встретится дом. Хозяйка этого дома – сестра той женщины, у которой двадцать пять дочерей. Когда вы придете в тот дом – начните работать: она велит вам пасти лошадей. Одна лошадь у бабки маленькая, плохонькая – она вас научит, [что делать].

Прибыли остальные братья. Старуха их накормила, напоила – встретила, как дорогих гостей. Утром отправились в путь, и вечером у дороги показался дом. Входят в дом – там ходит старуха; спрашивает [у братьев]:

– Куда путь держите и откуда вы?

Те отвечают:

– Работу и еду пошли искать.

Старуха говорит:

– У меня есть и работа, и еда, если возьметесь пасти лошадей.

Парни отвечают:

– Нам и пастьба – тоже работа.

Стали братья пасти. Пасли все лето. Кончилась пастьба – они говорят:

– Теперь мы уходим: надо нам путь пройти, мир посмотреть.

Бабка говорит:

– Раз вы так хорошо пасли и лошади откормлены, так я вам хорошо отплачу.

Младший брат говорит:

– Нам не надо денег: мы где работаем, там и деньги получаем, но если можешь, дай ту плохонькую маленькую лошадку.

Бабка говорит:

– Я бы не хотела ее отдавать, но раз вы так хорошо работали, то, пожалуй, отдам.

И они поехали. Встретилась река, на реке – порог. Через порог – золотой мост с серебряными перилами. Лошадь заговорила:

– Теперь мы подходим к тому дому, где двадцать пять дочерей. Вокруг этого дома воткнуто сто колов; на концах семидесяти пяти колов – мужские головы, двадцать пять колов – без голов: они предназначены для ваших голов. Старуха ждет вас, чтобы отсечь у вас головы. Когда мы переедем через этот мост, старуха сама выйдет встречать, – она хорошо примет [нас].

Братья вошли во двор. Дом красивый. Старуха и двадцать пять дочерей вышли встречать [гостей] и говорят:

– Мы три года ждали вас.

Старуха говорит:

– Мы впустим лошадей в золотой скотный двор и подадим им золотой овес.

Младший брат говорит:

– Наши лошади не едят ничего, кроме горящих углей.

Старуха говорит:

– Их нельзя оставлять на улице – они промокнут: ночью может пойти дождь.

Младший брат говорит:

– Пусть промокнут: они и родились мокрыми.

Лошадь младшего брата – та маленькая, плохонькая – говорит:

– Когда поедите и попьете, ты приди потом ко мне.

Все входят в избу; едят там все, пьют. Старуха говорит:

– Раз все поели и попили, идите танцевать: ведь вас такая компания парней и девчат.

У старухи есть такая гармошка, которая сама играет; все лесные жители пускаются в пляс, когда она начинает играть.

Стали танцевать. Там стоит такой грохот, потому что пляшут медведи, лоси и все обитатели леса. Вот старуха говорит:

– Вы устали, я пойду, приготовлю постели.

Младший брат идет к своей лошади. Лошадь говорит:

– Теперь она постелет вам в зале постели: дочерей уложит по одну сторону зала, вас – по другую. Когда дочери уснут, вы перенесите их на свои места и оденете им свои шапки на голову. Старуха придет и отсечет у дочерей головы: она ведь будет думать, что вы там спите. Когда старуха уйдет в свою комнату, вы вставайте, быстро садитесь верхом на лошадей и убегайте.

Парень вернулся в избу. Старуха уложила их спать. Дочери уснули на своих постелях. Младший брат не спит. Он говорит другим братьям:

– Вставайте: перенесем девушек на наши постели и оденем им свои шапки на голову, сами ляжем на их постели.

И они перенесли девушек на свои постели, одели им свои шапки на голову, а сами легли спать на постели девушек. Младший брат слушает, как старуха точит меч. [Потом] она пришла и отсекала у всех своих дочерей головы. Говорит старуха:

– Ну, теперь все колы будут заняты, все сто колов. Утром отнесу и насажу головы на колья.

У старухи на груди висит большой золотой крест. На стене есть такое зеркало, которое показывает весь свет от края и до края. Старуха ушла в свою комнату [отдыхать], поскольку устала, отсекая головы, и сразу уснула.

Младший брат будит остальных братьев и говорит:

– Быстро уходим!

Они поднялись и с непокрытыми головами отправились в путь.

Старуха открыла глаза, смотрит в зеркало – оказывается, она у своих дочерей головы отсекала! Старуха тут же бросилась в погоню за братьями.

Уходя, младший брат сломал мост – мост рухнул в порог – чтобы старуха не могла догнать братьев. Старуха кричит на краю порога:

– Разбойники! Из-за вас убила собственных дочерей! Попадете вы еще!

Братья доехали до царства одного царя и нанялись к нему в солдаты. Младший брат самый умный. Царь дает ему уже маленькую должность. Другим братьям стало завидно, что младший брат лучше их. А у царя еще нет жены. Старшие братья говорят:

– Как нам поступить с этим младшим братом? Может, царь бы его убил или посадил в тюрьму? Давайте-ка мы скажем царю, что младший брат сказал, что «царь не сможет достать такой крест, какой я бы достал». Царь велит ему добыть крест у старухи, и та его убьет.

И они говорят царю:

– Младший брат говорит, что ты не сможешь достать такой крест, какой он бы достал.

Царь зовет младшего брата к себе и говорит:

– Почему ты говоришь, что я не смогу достать такой крест, какой ты бы достал? Иди и добудь хороший крест. Если не добудешь – голова с плеч.

Парень идет к своему коню и говорит:

– Теперь царь дал задание добыть крест с шеи старухи.

Конь говорит:

– Трудное, конечно, задание, но пойдем, попробуем: может, добудем.

Парень сел верхом на лошадь, и они отправились. Подошли к речному порогу, лошадь говорит:

– Теперь нам надо бы перепрыгнуть через этот порог.

(Старуха завела собаку, чтобы та лаяла, когда придут гости.)

Лошадь говорит:

– Дашь собаке хлеба, и она не будет лаять. Войдешь в избу. На грядке с краю есть железные ножницы для стрижки овец – возьмешь эти ножницы. Старуха будет спать. Ты отрежь цепь и возьми тихонько крест и возвращайся ко мне.

Лошадь перепрыгнула через порог. Парень дал собаке хлеба – собака не произнесла ни звука. Парень вошел в избу, взял с грядки ножницы, отрезал цепь, тихонько снял крест и вернулся, прыгнул верхом на коня. Лошадь едва успела перепрыгнуть через порог – уже старуха бросилась в погоню и кричит:

– Унес, – говорит, – вор, крест, но придешь ты еще раз ко мне в руки.

Так парень привез крест царю. Царь не видел такого раньше, – такой это большой и красивый крест. Царь ему опять и повисил должность. А других братьев еще больше гложет зависть, что младший брат умнее их. Они опять размышляют:

– Да, не убила его эта старуха. Давайте скажем царю, что он обещает достать такое зеркало, которое показывает весь свет от края и до края. Царь пошлет его за ним – и, может, старуха его там убьет.

И говорят царю:

– Этот парень хвастает, что он сможет достать такое зеркало, которое показывает весь свет от края и до края, и что сам царь не может достать такое зеркало.

Царь зовет парня и говорит:

– Что ты хвастаешься? Пойди достань это зеркало, а если не достанешь – голова с плеч.

Парень идет к своей лошади и говорит:

– Теперь опять дали такое задание, что царю надо бы принести от старухи зеркало.

Лошадь говорит:

– Садись на спину, пойдём попытаемся опять.

И они отправились. Подошли к речному порогу. Лошадь говорит:

– Старуха сейчас спит, дрыхнет, зеркало у нее на коленях. Дай собаке хлеба, чтобы она не лаяла.

Конь перепрыгнул через порог, и парень вошел в избу. Парень тихонько взял зеркало с коленей старухи и спешно вернулся, сел верхом на коня и перепрыгнул через порог.

Старуха открыла глаза – зеркало исчезло; бросилась вдогонку. Парень был уже на другом берегу реки. Старуха говорит:

– Придешь еще раз, попадешься ты мне в руки.

Парень привозит зеркало царю. Царь очень рад зеркалу, ведь оно показывает весь свет от края и до края, – царь не видал и не слышал о таком зеркале. И опять царь повышает парню должность, делает из него маленького господина. Другие братья пуше прежнего злятся на брата, что его должность повисили. Затем братья опять решают, что надо сказать царю, что младший брат пообещал достать такую гармошку, что, когда она играет, все жители леса пускаются в пляс. И они говорят царю:

– Младший брат обещает достать такую гармошку, что играет сама по себе. Во время ее игры все жители леса пляшут.

Царь зовет [младшего брата] к себе и говорит:

– Пойди теперь и добудь ту гармошку, которую обещал достать, а если не добудешь – голова с плеч.

Парень идет к своей лошади, говорит:

– Теперь нам надо бы добыть у старухи ту гармошку, что сама по себе играет. А если не добудем, я лишусь своей головы.

Лошадь говорит:

– Мне тут приснился плохой сон, когда я спала: кто-то из нас останется там или один из нас получит увечье.

И они отправились за гармошкой. Подходят к краю речного порога. Лошадь говорит парню:

– Старуха спит сейчас у окна. Гармошка у нее на коленях, а ремни на шее. Мы подойдем под окно. Ты открой окно, чтобы старуха не слышала. Разрежешь ножом ремень, возьмешь гармошку и быстро сядешь верхом на меня.

И они подошли под окно. Старуха спит, гармошка на коленях. Парень открыл окно, разрезал ремни на шее у старухи, взял гармошку и едва успел сесть верхом на коня, – старуха тут же бросилась следом. Когда конь стал перепрыгивать через порог, старуха схватила его за ногу, и нога оторвалась у коня. Лошадь вместе с парнем упала в реку. Все же она выбралась на берег. Потом лошадь говорит парню:

– Убей меня и похорони: я больше не могу идти на трех ногах.

Парень говорит коню:

– Как я могу убить тебя? И к царю я не могу пойти – он же меня убьет.

Лошадь говорит:

– Не могу я больше ходить на трех ногах.

Парень выкопал могилу, убил лошадь и похоронил тут у речного порога. Плача, пошел парень прочь, гармошка у него под мышкой. Прошел он некоторое время по дороге – навстречу ему идет маленький старичок. У старика в руках кнут. Спрашивает он у парня:

– Откуда идешь, откуда ты, парень?

Парень говорит, что «за этой гармошкой ходил к одной старухе, царю несущему».

Старик говорит:

– Давай поменяем гармошку на этот кнут.

Парень говорит:

– Зачем я буду менять гармошку на кнут, что я с этим кнутом буду делать?

Старик говорит:

– Если этим кнутом бить мертвых, они оживут.

Парень говорит:

– Дай я убью тебя.

Старик говорит:

– Убей меня и ударь кнутом, и я оживу.

И парень убил старика. Побыл там некоторое время – прилетели вороны клевать глаза у старика. Парень схватил одну ворону и убил ее, ударил по мертвой вороне кнутом – и она ожила. Парень думает: «Не стану ли я оживлять старика, пойду, оживлю лошадь, пусть старик останется здесь: если я оживлю старика, он заберет у меня гармошку».

У парня остались и гармошка, и кнут, которым можно оживлять мертвых. Пришел он к своему коню и выкопал его из могилы. Ударил кнутом коня – конь стал, как прежде. Парень рассказал лошади все, как он получил этот кнут. Лошадь говорит:

– Пойдем теперь отнесем царю эту гармошку.

Принесли царю гармошку. Царь велел гармошке играть самой по себе. Все лесные звери, что есть на свете, стали плясать (грохот стоял еще больше, чем в прошлую войну). Царь назначил этого парня уже большим господином. Другие братья еще больше рассердились, что не смогли его со свету изжить. Говорят они царю:

– Ваш господин обещает добыть тебе деву Пяйвелы в невесты.

Царь и призывает его опять:

– Раз обещал добыть мне деву Пяйвелы в невесты – так добудь, а не добудешь – так голова с плеч.

Парень идет к своей лошади и говорит:

– Теперь надо бы добыть деву Пяйвелы в невесты царю, иначе я лишусь своей головы.

Конь говорит:

– Пойди попроси у царя кожаный ремень длиной в девяносто саженей.

Парень идет к царю и говорит:

– Дай ремень в девяносто саженей – невесту добывать.

Царь дал ему ремень. Парень взвалил ремень лошади на спину, и сам сел верхом. Лошадь идет сама по себе, парень не знает, куда она несет его. Лошадь поднимается на очень высокую гору. С вершины горы ведет дыра внутрь горы. Лошадь обвязывает парня вокруг пояса ремнем и спускает его через дыру внутрь горы.

Парень заходит в дом. В доме – старуха, в избе очень тепло. Старуха говорит парню:

– Редко такие гости появляются: оттуда, из верхнего мира. Зачем, сынок, ты сюда пришел?

Парень говорит:

– Не знаешь ли ты, бабушка, деву Пяйвелы? Мне бы надо добыть ее в невесты царю.

Старуха говорит:

– Это моя дочь, она скоро придет домой: она каждый день ходит на край неба жарить солнце. Когда она придет – она такая горячая, что ты сгоришь, но я замурую тебя в печь, оставлю только глаза виднеться.

Старуха посадила его в печь, замазала вход в печь глиной, оставила только глаза виднеться.

Дева пришла домой – она как огненный столб. Старуха говорит:

– Сбрось быстрее эту одежду с себя!

Дочь говорит:

– Что ты так спешешь?

– Так к тебе пришли женихи.

Девушка сбросила огненную одежду.
 – Кто, – спрашивает девушка, – мой жених?
 Старуха выпускает парня из печи.
 – Вот, – говорит, – жених. Он что-то хочет тебе сказать.
 Парень говорит:
 – Царь велел сосватать тебя ему в невесты. Если пойдешь, так я отвезу.
 Девушка говорит:
 – Пойду: я уже давно жду женихов, не хочу остаться старой девой. Лучше быть замужней женой, чем незамужней [букв. женой берестяного кошеля].
 Девушка собралась, и они отправились с парнем; старуха осталась под землей. Лошадь с помощью ремней подняла их на поверхность горы.
 Пришли они к царю. Царь доволен, что невеста у него такая, что видна с одного края света до другого края света. Царь говорит:
 – Будем теперь свадьбу справлять, раз привез мне такую хорошую невесту.
 Девушка говорит:
 – Еще рано справлять свадьбу. Выйдем во двор, и я превращусь в огненную яму. Тот из вас, который сможет перепрыгнуть на своем коне через яму, и получит меня себе в невесты.
 Вышли во двор. Невеста обернулась огненной ямой: огонь горит, потрескивает в яме. Царь говорит парню:
 – Пойди прыгни сначала ты, – он думал, что парень сгорит, когда будет первым прыгать.
 Парень как прыгнул – огонь и потух в яме; парень перепрыгнул через яму и говорит царю:
 – Теперь ты прыгай!
 Конь царя как стал прыгать – огонь опять вспыхнул в яме. Царь вместе с конем упал в яму и сгорел.
 Парень стал царем, а дева Пяйвелы – царицей. У парня остались им самим добытые крест, зеркало, гармошка, невеста, и еще получил все государство. Других братьев он велел расстрелять.
 На этом конец.

21. Vanha saltatta

On ennein muajilmassa saltatta. Hiän slusiu kaksikymmentä viisi vuotta. (Ennein kun niin äijän slusittih.) Häntä piäsetäh sieltä jo pois. Häneltä loppu jo se sluspa. Hiän läksi kotihih päin mänömäh. Eksy matatessah. Mänöy pimieh meččäh. Meččässä on talo. Mänöy talon siämeh. Talossa on krovatti lattilla. Ympäri krovatista on saviessa. Krovatista alko paissa:

– Ota syö, vet siula on nälkä, – ta sanou, missä on ruokua.

Saltatta ottau ta syöy. Mänöy kaččou krovatista: sielä on suuri mato. Sulkkuni täkki on kattiena.

– Eikö, veikconi, voine milma pelastua, jotta enkö muuttuis ihmiseksi?

Saltatta sanou:

– Milläpä mie siun saisin pelassettuo?

– Rupiet molimah jumalua. Molit tämän yön, siitä mie ihmiseksi muutun.

Tuli ilta, pani saltatta oprasojen eteh tuohukset palamah ta rupieu jumalua molimah. Moliu siinä vähäsen aikua. Tulou siihi kaksi miestä. Ne otettih saltatta ta vietih pihalla, i sanotah:

– Mitä olet sie tänne tullun jumalua molimah, jo siula nyt riittäy, kun kaksikymmentä viisi vuotta olet čuarie molin.

Miehet häntä lyötih pahanpäiväseksi, jottei tiijä mitänä. Tiijottomana venyy pihalla.

Tulou kolme tytärtä, otetah saltatta, pessäh hyväseksi. Se tuli niinkun enneinki, sanotah:

– Mäne pirttih!

Mato sanou krovatista:

– Tule nyt milma kaččomah. Miula jo on ihmisen piä, kun molit.

Saltatta kaččou krovattih. Sielä on oikein kaunis tyttären piä. Se sanou:

– Mie aloin ihmiseksi muuttuo.

Tuas mato juohattau, missä on ruokua. Hiän, saltatta, syöy. Tyttären piä sanou:

– Etkö, veikkoni, voi toista yötä vielä molie, jotta mie piäsen ihmiseksi?

Saltatta sanou:

– En tiijä, lyötih lujasti milma.

– No rupie, – tyttären piä sanou, – ole niin hyvä!

– No, jos mie rupiesin molimah.

Ilta tuli. Saltatta tuas pani tuohukset oprasojen eteh ta rupieu jumalua molimah. Tuas kaksi miestä tulou, viijäh pihalla ta sanotah:

– Etkö jo tottele, kun sanottih, ta vielä rupiet molimah?

Tuas häntä niin äijän lyötih, jotta kaikki häneltä veri nahkasta juoksou.

Sielä hiän venyy tiijottomana. Tulou kolme tytärtä. Ne hänet hyväseksi pessäh verestä pois. Hänestä tuli hyvä, niinkun enneinki.

Mänöy saltatta pirttih. Tytär krovatista alko paissa:

– Tule nyt milma kaččomah!

Saltatta kaččou: se jo on ihmiseksi muuttun keskisestäh (vyöstäh) suahe. Käsköy saltatan syyvvä. Saltatta söi tuas. Sanou saltatalla tytär:

– Rupie vielä kolmas yö molimah. Siitä mie ihmiseksi piäsen, ta siula morsiemekse rupien.

– En rupie, milma kovasti lyyvväh.

Tytär vain moliu:

– Rupie, veikkoni, ta piässä milma tästä pois!

Ilta tuli. Saltatta pani tuohukset oprasojen eteh. Iče tuas jumalua molimah. Moliessah sanou:

– Piässä, jumalaiseni, tytär ihmiseksi, ni mie saisin hänestä morsiemien.

Tuas kaksi miestä tulou niin vihasena:

– Vieläkö sillä keinoin molit, jotta morsiemekse suaah?

Hänet tuas pihalla vietih ta sillä keinoin lyötih, jotta hiän on verissäh, eikä tiijä enämpyä ni mitä.

Ne tyttäret tuas tullah, pessäh, pannah puhtahat vuattiet piällä.

Mänöy saltatta pirtti: tytär jo kävelöy lattiella, sanou:

– Nyt mie ihmiseksi muutuin! Mie olen čuarin tytär, tänne kirottu mavoksi meččäh. Mie lähen hyt kotih čuarih ta huomena tulen käymäh silma yheksällä heposella.

Saltatta jäi siihi yöksi. Čuarin tytär läksi kotih. Ei koko yössä voi muata saltatta, kun vuottau huomenesta. Kaččou: jo i tullah. Mertä myöten yheksän hevoista ajau. Tulou akka. Akalla on marjoja staučassa, sanou:

– Ota, syö, poikani, tästä marjua. Ikävä siun on vuottua, kuni heposet tullah merestä poikki käymäh silma.

Saltatta otti akalta ne marjat tai söi. Siihi i uinoi. Tytär tuli, kaččou: makuau saltatta. Hiän ottau, kirjuttau kirjasen kormanoh: «Yheksällä heposella kävin silma. Kun ei passannun lähtie, mie toista kertua en tule. Miusta elä tunne, elä tiijä, mäne minne kačot».

Kun se tytär läksi ajamah, hiän samassa havaččeutu. Kaččou, kun heposet lähetti ajamah. Saltatta harmistu pahanpäiväseksi. Kuottelou kormanostah: löytäy kirjasen. Siihi čuarin tytär kirjutti: «Yheksällä heposella kävin, kun ei passannun lähtie, mie toista kertua en tule. Miusta elä tunne, elä tiijä, mäne minne kačot».

No, saltatta arvelou: «Lähtie pitäy, mitä mie tässä yksin rupien elämäh. Lähen, vajellan niinkun enneinki».

Matkai vähäsen tietä myöte. Jalopeura istuu tiellä. No, saltatta ei ruohi männä tietä myöten, eikä ruohi lähtie kulkomah, jotta syöy se hänet kuitenkin.

Jalopeura kápälällä lippuau saltattua iččeh päin, niinkun kuččuis. Saltatta ajattelou: «Jos mie en mäne, ni syöy se kuitenkin milma», ta niin hiän mänöy jalopetran luo.

Jalopeura sanou:

– Kápäläh pisti oksa, ni en voi kävellä. Ota miulta kiso oksa.

Saltatta kisko oksan veičellä. Jalopeura sanou:

– Lähemmä yhessä mänömäh, mie rupien siula koiraksi, jos siula missä tarviččou, ta rupiemma ristivelliksi, – vajehetah ristijäh.

Niin hyö lähetti, saltatta iellä, jalopeura jälestä matkuau. Tulou joki. Siinä on jovessa koski. Akka soutelou sitä koskie myöte alas ta ylös. Koira (se jalopeura) hänellä sanou, jotta hiän ei milma ottais veneheh, vain milma pitäy ottua.

Saltatta kučču akan ta sanou:

– Tule vie mejjät poikki.

Akka tulou, sanou:

– Koirua mie en ota veneheh.

Koiran kera kun akka toreutu, ta kun akka rupei koirua venehestä luomah, ni se hänet kaikki revitteli.

Piästih mualla. Jalopeura ta saltatta souvettih. Jalopeura sanou saltatalla:
– Nyt mänemmä sillä linnalla, missä on čuarin tytär. Hiän lupai tulla siula morsiemekse.

Mäntih linnalla. Pyrittih leskiakkah vatierah. Kysyy saltatta:

– Eikö i mitä, akka, kuulu uutta tällä linnalla?

Akka sanou:

– Kuuluu, kun čuarilla oli tytär kateissa viisi vuotta. Nyt tuli kotih. Čuari on luatin timanttivuaran (se on kallista ainehetta, se timantti), ta sen piällä on pannun stuulalla istumah tyttären. Ken suanou sinne hypätä sen tyttären luo, ni sillä tytär antau imennoisormuksen, ta se sulhaseksi tyttäreällä. Tänä päivänä pitäis männä niijen hyppyäjien, lähemmäkö i myö kaččomah?

Koira sanou:

– Lähemmäkö i myö, ristivelli, sinne hyppyämäh?

Saltatta sanou:

– Miula ei ole hevoista, millä se mie hyppyän?

Koira sanou:

– Mie olen siula heposena. Mie lähen hyppyän.

Koira lekahuttau häntyäh pikkusen. Sieltä kirpuou miekka, sanou:

– Ota tämä miekka. Mie kun hyppyän tyttären luo, ota pačkua se tytär stuulan kera alas ta kaikki riko se timanttivuaara.

Koira hyppäi sinne timanttivuaran piällä ta poika pačkai tyttären stuulan kera alas tulomah. Se timanttivuaara rikottih kaikki paloiksi. Jalopetra sen tallai ta saltatta miekallah leikkai. Männäh leskiakkah vatierah, saltatta koirah keralla. Čuari työntäy polkan saltattua jalopetrua ta saltattua tappamah. Akka sanou:

– Nyt teitä tulou tappamah polkka saltattua, millä, raukat, voinetta estyä?

Koira sanou:

– Mäne pihalla ta liikuttele miekkuas, ni ne kaikki koko polkka kuolou. Yksi sanansuattaja vain jätä.

Niin hiän mäni pihalla. Niin niitä saltattoja alko tulla piha täysi. Saltatta liikutteli miekkua ta ne kaikki tappo. Yhen jätti vain sanansuattajan čuarilla. Saltatta sano sanansuattajalla:

– Elkäh enämpi lähettäkkä saltattoja, myö kaikki ne tapamma!

Tulou čuari saltatan luoksi leskiakkah ta kysyy:

– Mi olet sie miehie, kun myö emmä voi siula puolija pityä?

A jalopetra juohattau, mitein sanuo čuarilla. Saltatta sanou:

– Mie olen siun tyttären molija. Hiän miun muanitti molimah kolmeksi yöksi ta sillä keinoin miun jätti sinne. Monta surmua miula jätti matalla, vain kaikistahan mie piäsin. Hiän lupai miula morsiemekse tulla.

Čuari sanou:

– Lähe nyt, otat morsiemekse! Piemmä hiät.

Koira sanou saltatalla:

– Läkkä, otamma myö hänet.

Ta niin piettih hiät. Koira sanou:
 – Läkkä nyt kävelömäh morsiemes kera meččäh.
 Niin hyö lähettih: saltatta, koira ta morsien.
 Koira sanou:
 – Onko siula miekka?
 Mäntih meččäh. Mečässä on hete. Koira sanou:
 – Ota, leikkua morsiemestas piä ta luo tuoho hettieh.
 Saltatalla on siäli leikata morsiemen piätä ta hettieh heitälyä.
 Saltatta leikkai piän morsiemestah ta loi hettieh.
 Koira sanou:
 – Leikkua miulta piä ta luo hettieh, ta katkua miekka, ta se luo hettieh.
 Saltatta leikkai koiralta piän, katkai miekan ta ne loi hettieh.
 Hettiestä nousi kaksi miestä ta naini. Jalopetra – mi oli koirana, sanou:
 – Nyt myö olemma kaikki ihmiset. Myö olemma čuarin pojat ta tytär.
 Meijät oli kironnun noita-akka meččäh. Sie pelassit miät kaikki.
 Siitä hyö männäh čuarin poikana, tyttärenä. Čuari heijät otti kaikki hyvin vastah.
 Sen pivus i starina.

21. Старый солдат

Жил раньше на свете солдат. Он отслужил двадцать пять лет: раньше ведь так долго служили. И вот его освободили, закончилась у него эта служба. Направился он в сторону дома. По пути заблудился, зашел в темный лес. В лесу стоит дом. Он входит в дом. В доме на полу стоит кровать, вокруг кровати – завеса. [Вдруг] с кровати заговорили:

– Поешь, ведь ты голодный, – и говорят, где еда.

Солдат поел и пошел посмотреть, [кто] в кровати, – а там большая змея, укрыта шелковым одеялом.

– Не можешь ли ты, братец, спасти меня, чтобы я превратилась в человека?

Солдат говорит:

– Как же я могу тебя спасти?

– Будешь молиться богу: помолишься всю эту ночь – и я стану человеком.

Наступил вечер. Солдат зажег перед образами свечи и стал молиться. Помолился некоторое время – входят двое мужчин. Они взяли солдата и вывели на улицу, и говорят:

– Зачем ты пришел сюда богу молиться? С тебя уже хватит: ты двадцать пять лет царю молился.

Мужчины сильно избили его, так, что он потерял сознание. Без сознания он лежит во дворе. Приходят три девушки, забирают солдата, отмыывают его – он становится таким, как прежде. Говорят:

– Входи в избу!

[В избе] змея говорит с кровати:

– Подойди посмотри на меня: у меня уже человеческая голова, потому что ты молился.

Солдат смотрит на кровать – а там очень красивая девичья голова. Она говорит:

– Я начала превращаться в человека.

Опять змея указывает, где еда. Солдат ест. Девичья голова говорит:

– Не можешь ли ты, братец, еще вторую ночь помолиться, чтобы я стала человеком?

Солдат отвечает:

– Не знаю: сильно меня побили.

– Помолись, – говорит девичья голова, – будь так добр!

– Ладно, помолюсь.

Наступил вечер. Солдат опять зажег свечи перед образами и стал молиться. Опять входят двое мужчин, выводят его на улицу и говорят:

– Почему ты не послушал, что тебе сказали, а снова стал молиться?

Опять его так сильно избили, что у него даже кровь бежит по коже. Лежит он там без сознания. Приходят три девушки. Они его хорошенько отмыли от крови – он стал таким же невредимым, как и прежде.

Входит солдат в избу. Девушка на кровати заговорила:

– Подойди посмотри на меня теперь!

Солдат смотрит – она уже до пояса превратилась в человека. [Девушка] велит солдату есть. Солдат опять поел. Говорит солдату девушка:

– Помолись еще третью ночь – тогда я стану человеком и буду тебе невестой.

– Не буду: меня сильно побьют.

Девушка уговаривает:

– Помолись, братец, спаси меня!

Наступил вечер. Солдат зажег свечи перед образами, сам опять стал богу молиться. Молясь, говорит:

– Сделай, господи, девушку человеком, и я получу ее в невесты.

Опять приходят двое мужчин сильно разозленные:

– Ты молишься так, чтобы еще и невесту получить?

Снова его вывели на улицу и так избили, что он весь в крови и потерял сознание. Те же девушки приходят, отмывают его, одевают ему чистую одежду.

Солдат входит в избу – девушка уже ходит по избе; говорит ему:

– Теперь я обернулась человеком! Я царская дочь, заклята быть змеей здесь в лесу. Сейчас я отправлюсь домой к царю, а завтра приеду за тобой на девяти конях.

Солдат остался там ночевать, а царевна отправилась домой. Солдат всю ночь не мог заснуть: все ждал утра. Смотрит – вот уже и едут, по морю скачут девять коней.

Входит старуха, у старухи в миске ягоды, говорит:

– Возьми, сынок, поешь этих ягод: скучно тебе ждать, пока кони пересекут море и придут за тобой.

Солдат взял у старухи ягоды и съел их – и тут же уснул.

Царевна подъехала, смотрит – спит солдат. Она взяла, написала письмо [и положила] в карман: «На девяти конях приезжала за тобой. Раз не захотел ехать – я второй раз не приеду. Обо мне забудь, иди, куда хочешь». Когда девушка отправилась в [обратный] путь, солдат тут же проснулся. Смотрит – кони уходят. Солдат очень расстроился. Пощупал в кармане – нашел письмо. В нем царевна написала: «На девяти конях приезжала. Раз не захотел ехать – я второй раз не приеду. Обо мне забудь, иди, куда хочешь». Ну, солдат думает: «Нужно уходить: зачем мне здесь одному жить? Пойду, буду странствовать, как и прежде».

Прошел немного по дороге. На дороге сидит лев. Ну, солдат не смеет идти по дороге и не смеет тронуться с места: [думает], что съест его лев. Лев лапой манит солдата к себе, словно зовет. Солдат думает: «Если я не пойду – все равно он меня съест», – и он подошел ко льву. Лев говорит:

– Мне в лапу воткнулся сучок, и я не могу ходить. Возьми, вытащи у меня сучок.

Солдат вытащил сучок с помощью ножа. Лев говорит:

– Пойдем вместе; я буду тебе собакой, если тебе где понадобится, и будем крестными братьями, – и [они] обменялись крестами.

Так они пошли: солдат впереди, а лев идет следом. Встречается им река, на реке – порог. Старуха гребет на лодке по тому порогу вниз и вверх. Собака – этот лев – говорит ему [солдату], что «она бы не хотела брать меня в лодку, но меня надо взять». Солдат подозвал старуху и говорит:

– Едь сюда, перевези нас через реку.

Старуха подъезжает, говорит:

– Собаку я не возьму в лодку.

Старуха с собакой как разодрались, и когда старуха стала выбрасывать собаку из лодки, та ее всю и разорвала.

Причалили к берегу (лев и солдат гребли). Лев говорит солдату:

– Сейчас пойдем в тот город, где живет царевна: она обещала стать тебе невестой.

Пришли в город. Попросились к вдове на квартиру. Солдат спрашивает:

– Есть ли, бабка, какие новости в этом городе?

Старуха отвечает:

– Новости такие, что царская дочь, которая пропала и пять лет не была дома, сейчас вернулась домой. Царь построил алмазную гору (это дорогой материал – алмаз) и посадил на ее вершине свою дочь на стуле. Кто сможет допрыгнуть до дочери, тому дочь даст именное колечко, и он станет женихом царевны. Сегодня должны прийти те, кто будут прыгать, – может, и мы пойдем посмотреть?

Собака спрашивает:

– Пойдем ли и мы, крестный брат, прыгать?

Солдат говорит:

– У меня нет коня – на чем я буду прыгать?

Собака говорит:

– Я буду твоим конем, я прыгну.

Собака чуть качнула хвостом – оттуда выпал меч. Говорит собака:

– Возьми этот меч: когда я прыгну к царевне, сбрось царевну вместе со стулом вниз и сломай всю алмазную гору.

Собака прыгнула на алмазную гору, и парень сбросил девушку вместе со стулом вниз. Ту алмазную гору они разбили на кусочки: лев ее топтал, а солдат рубил мечом.

Идут солдат с собакой на квартиру к вдове.

Царь послал полк солдат, чтобы убили льва и солдата.

Вдова говорит:

– Сейчас придет полк солдат, чтобы убить вас, – как же вы, бедолаги, сможете противостоять?

Собака говорит солдату:

– Выйди во двор и подвигай своим мечом, – и все они – весь полк – умрут, оставь [в живых] только одного гонца.

Он [солдат] вышел во двор. А те солдаты стали заполнять весь двор. Солдат подвигал мечом и всех их убил, оставил только одного гонца к царю. Солдат сказал гонцу:

– Пусть больше не посылает солдат – мы всех их уьем!

Приходит царь к солдату на квартиру вдовы и спрашивает:

– Что ты за человек, что мы не можем с тобой справиться?

А лев научил солдата, как отвечать царю. Солдат говорит:

– Я тот, кто молился за твою дочь. Она уговорила меня молиться три ночи, а потом бросила меня там. Много смертей она оставила на моем пути, но я со всеми справился. Она обещала стать моей невестой.

Царь говорит:

– Так пойдем возьмешь ее в невесты! Справим свадьбу.

Собака говорит солдату:

– Пойдем возьмем ее.

И так справили свадьбу.

Собака говорит:

– Пойдем погуляем с твоей невестой по лесу.

И они пошли: солдат, собака и невеста. Собака спрашивает:

– У тебя меч [с собой]?

Пришли в лес. В лесу – родник. Собака говорит:

– Возьми отсеки у своей невесты голову и брось в этот родник.

Солдату жалко отсекать у невесты голову и бросать в родник, [но] он отсек голову у своей невесты и бросил ее в родник. Собака говорит:

– Отсеки у меня голову и брось в родник, [а потом] сломай меч и брось его в родник.

Солдат отсек у собаки голову, сломал меч и бросил их в родник. Из родника вышли двое мужчин и женщина. Лев, который был собакой, говорит:

– Теперь мы все люди. Мы – сыновья и дочь царя. Ведьма закляла нас на жизнь в лесу, а ты нас всех спас.

Потом они – сыновья и дочь царя – пошли [к царю]. Царь их всех хорошо принял.

Вот такой длины сказка.

22. Tuhkimus ta hiiri-morsien

Oli ennenin čuari ta hänellä kolme poikua. Yksi poika on höperö. Sitä nimitetäh Tuhkimukseksi. Čuari luatiu kolme jousta puusta joka pojalla. Iivanalla luatiu kaikista pahemman, kun Iivana on paharaiska. Čuari sanou:

– Mänkyä nyt ampukkaa. Mihi päin pul'kka mänöy, sieltä teijän pitäy naiset ottua.

Vanhin poika ampu pul'kallah: se mäni čuarin leipomon piällä.

Keskimmäini poika ampu: se mäni čuarin keittiön piällä.

Nuorin poika, Iivana, ampu: se mäni pimeh meččäh.

Čuari sanou pojillah:

– Nyt teijän pitäy käyvä morsiemilta semmosie käsipaikkoja, mihi mie pruasniekkoina käsieni pyyhkisin.

Vanhemmat pojat lähetäh hyvällä mielellä, kun hyö tiijetäh, jotta missä morsiemet on. Iivana lähtöy pahalla mielellä pimeh meččäh.

Männäh vanhemmat pojat ta sanotah morsiemillah:

– Meijän pitäis suaha semmosie käsipaikkoja, mihi tuatto suau pruasniekkoina käsieh pyyhkie.

Iivana Tuhkimus mänöy meččäh. Sielä on hyvin vanha, paha meččäpirtti. Siinä on pikkaraini loukko, mistä siämeh männäh. Iivana Tuhkimus mänöy siitä pirtti. Istuuu laučalla ta kaččou: muuta ei ole kun hiirensittua late täysi. Iivana ajattelou: «Paikkah tulin nyt».

Sillanravosta nousou hiiri karsinasta. Sanou hiiri Iivanalla:

– Mitä, Ivan Čarovič, läksit?

Iivana sanou:

– Mitä i läksin, ni ei parene miun asiet tiälä.

Hiiri sanou:

– Sano, sano, asiet paretah!

Iivana sanou:

– No, semmosella asiella, kun čuari käski mejän kaikkien ampuo. Vanhimman velleh pul'kka mäni čuarin leipomon piällä, keskimmäisen – keittiön piällä, a miun – tuli meččäh. Näistä paikoista mejän pitäis suaha morsiemet. Näiltä naisilta pitäis suaha semmoset käsipaikat, mihi tuatto pyyhkis silmieh pruasniekkana.

Hiiri sanou:

– Pane huoli Jumalah. Makua yö kiukualla puksutta, huomeneksella suat käsipaikan.

Hiiri čuklahti karsinah.

Iivana nousi kiukualla, rupei muate. Nousi hiiri tuas karsinasta. Avai ikkunan, sanou:

– Tulkua, suuri sukukuntani, helie heimokuntani!

Niitä hiirijä alko tulla töihi niin äijän, jotta ei muajilmassa luulisi niitä enämmän olovan.

Hiiret ruveti: ken peltuo kyntämäh, ken kylvämäh pellavasta. Jo leikatti pellavasta, puijah, harjatah, kesrätäh, kankahalla pantih ta jo käsipaikka kuvotti. (Siellä työt joutu.) Käsipaikka valmistu ta hiiret kavotti. Hiiri sanou:

– Nouse pois, Ivan Čarovič, tuatollas viemäh käsipaikkua.

Antau Iivanalla käsipaikan. Iivana panou sen kormanoh ta lähtöy kotih.

Mänöy Iivana čuarih. Toiset vellet on jo tultu, vuotetah Iivanua, jotta nähtäis, kenen käsipaikka on paras. Čuari sanou:

– No, näyttäkyä nyt, pojat, käsipaikkojanna, kun min’ n’a on paras.

Vanhin poika vejältäy kormanostah käsipaikan, näyttäy. Čuari kaččelou sitä ta sanou:

– Mänkäh viekäh tämä sikalah, anna sikapiijat pyyhitäh tähä käsijäh, tämä ei miula sovi.

Näyttäy toini, keskimmäini poika käsipaikkua. Čuari sanou:

– Mänkäh viekäh tämä kasakkojen huoneheh, miula ei tämä kelpua.

Näyttäy Iivana. Čuari ottau käteh ta sanou:

– Mänkäh tämä viekäh miun huoneheh nuaklah, paremmilla vierahilla käsie pyyhkie.

– Nyt mänkyä huomena käymäh morsiemilta paitoja. Mityttä hyö paitua ommellah.

Čuari antau kaikilla pojilla kankasta, mistä morsiemet sais ommella pajjat.

Vanhemmat pojat sanotah:

– Meilä kyllä pajjat ommellah, vain ei ne hiiret ta skokunat Iivanalla ompele.

Vanhemmat pojat männäh morsiemeh luo ta sanotah:

– Tässä on kankasta, vain hyvät pajjat ommelkua. Iivanalla oli paras käsipaikka.

Morsiemet sanotah:

– Työnnämmä räkkikoiran kaččomah ta kuulomah, jotta mitä sillä Iivanalla on mečässä.

Sanotah koiralla:

– Mäne kačo, kun Iivana lähtöy, jotta minne hän mänöy ta miten ne hiiret ta skokunat ruatah. Elä vain niitä kose ta tule jälelläh sanomah.

Koira tulou ta sanou:

– Hiiri käski Tuhkimuksen muata puksuitta kiukualla. Sillä aikua tuli hiirtä

pirtti täysi. Yksi hiiri avai ikkunan, yksi otti sakset käteh ta leikkai kankaskappalehen aivan pieniksi palasiksi ta työnsi ikkunasta ulos, ta sano: «Vie, tuuli, kaikki nämä palaset ta tuo parempi paita sijah». Niin tuli sieltä semmoni paita, jotta ei missänä nähty, eikä tiijetty olovan.

Toisien poikien morsiemet otettih samoin ta leikattih kankas kappalehiksi, avattih ikkuna auki ta sanottih: «Vie, tuuli, kaikki nämä palaset ta tuo parempi paita sijah čuarilla pyhäksi päiväksi kirikköh piällä panna».

Morsiemet vuotettih tuon pitkyä, tämän lyhyttä, ei tullun paitua, eikä mitänä.

Morsiemet otettih omua kankasta ta ommeltih niistä pajat. Annettih sulhasillah čuarilla vietäväksi.

Hiiri sanou:

– Nouse pois, Ivan Čarovič, vie tuatollas paita, kun hiän lähtöy kirikköh.

Ivana lähtöy kotih tuatollah paitua viemäh.

Toiset vellet on jo tultu. Issutah stolan takuana. Iivanua vuotetah, jotta yhtäaikua näydetäh pajjat čuarilla. Čuari sanou pojillah:

– Näyttäkkyä nyt paitoja, mimmoset saitta!

Vanhin poika näyttäy tuatollah paitua. Čuari sanou:

– Viekyä kasakoilla, ei miula tämä kelpua!

Näyttäy keskimmäini poika paitua.

Čuari sanou:

– Viekyä, viekyä kiirehen kaupalla tämä kasakoilla, miula ei tämä kelpua!

– No, näytäi, Ivana, paitua!

Ivana näytti paitua. Čuari otti käteh, kaččo paitua. Se on semmoni, jotta siinä ei tunnu keskyämisen, kutomisen, eikä ompelomisen vikua. Čuari ei ole ijässäh semmoista nähny.

Čuari sanou:

– Tätä paitua ei ole joka pruasniekka piettävä. En ennen pane tätä piälläni, kun äijänä päivänä, kun tämä on näin hyvä. Nyt teijän, pojat, pitäy tämän yon aikana suaha morsiemistah proskurat kirikköh viijä. Ostakkua männessänä parasta lajie vahnäjauhuo, jotta morsiemet luatis proskurat ta huomeneksella tuotta ne.

Niin hyö lähettih. Ossettih männessäh hyvie jauhoja ta viettih morsiemilla. Sanotah:

– Nyt pitäis proskurat meilä suaha huomenekseksi tuatolla kirikköh.

Ivanaki mänöy tuas pieneh, pahah pirttih meččäh. Hiiri istuu kykyttäy kynnyksellä:

– Mintäh näin myöhäh tulet, Ivan Čarovič?

Ivana sanou:

– Vielä piti lakassa käyvä, ta pitäis luatie tuatolla proskura huomenekseksi kirikköh.

Hiiri sanou:

– Pane huoli Jumalah, makua kiukualla puksuitta, proskura tulou.

Toisien poikien morsiemet työnnetäh tuas räkkikoira kuuntelomah, jotta mitä se Iivana tuas mečässä ruatau.

Hiiri avai ikkunan ta sanou:

– Tulkua, suuri sukukuntani, helie heimokuntani, čuarilla proskuraa luatimah huomenekseksi kirikköh.

Hiiri põlähyttäy ne jauhot, mitä Iivana toi, ikkunasta tuuleh: «Tuokua kallehelta stolalta proskura sijah».

Monta hiirtä kokontuu vetämäh proskuraa. Kapusta on korjana ta siinä proskura. Se pannah stolalla ta hiiret kaikki kavottih.

Koira juoksou toisien vellien morsiemien luo ta sanou:

– Hiiri puissalti värčistä kaikki jauhot ikkunasta tuulella ta sano: «Tulkua, suuri sukukuntani, helie heimokuntani, čuarilla proskuraa luatimah huomenekseksi kirikköh». Hiiret vejettih kapussassa proskuraa, pantih stolalla ta iče kavottih.

Morsiemet avattih ikkuna ta lasettih jauhot tuuleh. Sanottih: «Tulkua, suuri sukukuntani, helie heimokuntani, čuarilla proskuraa luatimah huomenekseksi kirikköh».

Hyö vuotettih, vuotettih, ei kuulu, ei nävy proskuraa. Viimein omista jauhoistah hämmennettih viluh veteh ta luajittih proskurat. Ne paissettih, annettih sulhasillah: «Viekyä tuatollah proskurat!»

Hiiriki sielä sanou:

– Nouse pois, Ivan Čarovič, tuatollas proskuraa viemäh huomenekseksi kirikköh.

Iivana nousou ta lähtöy mänömäh kotih proskuran kera. Toiset vellet on jo tultu kotih. Čuari sanou pojillah:

– Näyttäkyäi nyt mimmoset on proskurat, voitko ottua kirikköh.

Vanhin poika näyttäy. Čuari sanou: «Ei tätä kirikköh voi viijä, mänkyä antakua lampahilla».

Näyttäy keskimmäini poika proskuran. Tämä ei ole mikänä proskura.

Näyttäy Iivana. Čuari sanou:

– Tämä ei ole tällä mualla luajittu. Tämä on taivahasta tuotu Ivan Pokoslovan proskuroita.

Čuari otti sen proskuran ta mäni kirikköh Jumalan palvelukseh.

Vanhemmat pojat on niin pahoillah ta ajatellah, jotta millä hyö vois Iivanalla kostua, kun hiän parempie tavaroita tuou.

Čuari tulou kiriköstä ta sanou:

– Mänkyä nyt morsiemie käymäh, kellä mittyöt on morsiemet!

Toiset pojat sanotah:

– Meilä se on ihmiset, vain mistä se Iivana Tuhkimus suau morsiemien.

Mitpä siitä, kunhan myö suamma hyvät.

Lähettilah vanhemmat vellet morsiemieh luo ta sanottih:

– Nyt pitäy lähtie mejän matkah.

Mänöy Iivanaki tuas sinne pahah pirttih. Sen late on pesty oikein puhtahaksi. Istuuu laučalla Iivana. Allapäin pahoilla mielin, kaiken kallella kypärin, kun hänellä ei ole morsienta.

Nousou hiiri karsinasta, sanou Iivanalla:

– Mitä issut, Ivan Čarovič, pahoilla mielin? Ollou mitä as's'ua, ni sano.

Iivana sanou:

– Ei sanomisella parene miun asiet tiälä.

Hiiri sanou:

– Ei ni pahene.

Iivana sanou:

– No, morsienta käymäh mie tiältä läksin.

Hiiri pistäyty karsinah. Nousou sieltä oikein kaunis tytär ta alko kävellä lattilla. Iivana ei ruoli virkkua ni mitänä. Tytär muuttu hiireksi ta pistäyty karsinah. Nousou tuas hiiri karsinasta, sanou:

– Eikö, Ivan Čarovič, morsien kelvan?

Iče čuklahti tuas karsinah. Sieltä nousou vielä kaunehmpi tytär. Iivana kaččou möllöttäy. Ei virka ei ni mitänä. Tytär muuttu hiireksi. Pistäyty karsinah. Nousou hiiri ta sanou:

– Eikö, Ivan Čarovič, morsien kelvan? Kačo, viime kerran tulen, kun ei kelvanne, hiireksi suat muuttuo i sie.

Nousou vielä kaunehmpi tytär, jotta leuvahaiset seinillä läikkyy. Mänöy Iivanalla eteh, kumartau: «Joko kelpuan, Ivan Čarovič, siula morsiemekse?»

Iivana otti kiästä kiini morsiemeh. Hyö oltih jo pihalla. Iivana ei tietän, millä aikua hyö ulos tultih jo pihalta. Siinä on joki, jovesta poikki silta. Hyö mäntih sillä sillalla. Hiiri on val'l'assettu kapustah, kapusta on korjana, hiiri – heposena. Siihi pitäis ruveta Iivanan morsiemineh istumah. Morsien sanou:

– Tässä on meilä heponi ta reki.

Iivana sanou:

– Mitein myö tähä kapustah istuuvumma?

Morsien otti ta potkai rävähytti sen hiiren, ta kapussan koskeh. Kosesta hyppäi heponi: karva kultua, toini hopieta, kolmannella ei ni sviuttua, kultani korja.

Morsien sanou:

– Tässä on nyt, Ivan Čarovič, meilä reki. Tähä myö istuuvumma čuarih männessä.

Morsien otti kaklastah sulkupaikan ta löi sillan piällä ristih. Sanou:

– Tähä hiiren valtakuntah tulkah semmoni linna, mihi mie mänen nyt čuarin pojalla morsiemekse. Hiiren valtakunta katokkah pois.

Morsien sanou:

– Kačo nyt, Ivan Čarovič, tuakses päin.

Iivana kaččou: samanmoini linna on kuin hänen tuatollah.

Morsien sanou Iivanalla:

– Ivan Čarovič, mäne nyt kuču tuatto ta muamo myötämänijäisillä ta ketä pantaneh heimokuntua.

Iivana mänöy čuarin tvorččah. Kumartau morsiemien tuattoo ta muamuo, sanou:

– Nyt, appi ta anoppi, tulkua myötämänijäisillä ta ketä heimokuntua pantanetta.

Ne luvattih tulla. Iivana mänöy kotih, čuarin linnah, morsiemeh kera. Čuari kačautau ikkunasta ta sanou:

– Onpa Iivanalla mitä oran vejellä, liinaharjan liikutella.

Toisilla velleksillä on kajeh, kun Iivanalla on niin kaunis morsien.

Čuari mänöy vastah akkoneh Iivanua ta morsienta. Ottau heijät hyvin vastah.

Toiset pojat on tultu morsiemineh jo aivompah. Iivana mänöy niisi morsiemeh kera stolan tua istumah. Tultih myötämänijäiset ta kaikki vierahat istuuvuttih stolan tuaksi. Iivanan morsien oli niin kaunis, jotta konsa ei kaččou mihinä muuvvalla, kun Iivanan morsiemeh. Iivanan morsien kun syöy, nin hiän panou leivän kappalehie, luita ta kalanruotie hiemahah. Toisien poikien morsiemet kun näki, jotta Iivanan morsien ruato sillä keinoin, ni hyö niisi ruvettih panomah hiemoih leivän kappalehie, luita ta kalanruotie.

Kaikki syötih, juotih siinä kylläseksi iččeh. Piästih syömästä. Iivanan morsien nousi stolasta. Kumarti kolme kertua lattiella. Pyörähti kantapiälläh kerran ta puissalti hiemastah leipäkappalehet, luut, ruuvvat.

Siihi tuli vesilampi. Lampih sorsat, kalat uijah, vil’l’aorahat kasvamah lammin laijoilla. Pyörähti jälelläh ta istuutu laučalla, ta ne kavottih kaikki.

Vanhempien poikien morsiemet noustih, mäntih kumarrettih lattiella kolme kertua, pyörähettih yhellä kantapiälläh, puissallettih hiemostah leipäkappalehie, luita, kalanruotie. Ne kaikki ihmisillä piällä. Hyö meinattih luatie lampie, niinkun Iivanan morsien, vain ei tullun mitänä. Čuari sanou:

– Mitä työ, morsiemet, nyt sillä keinoin lattien ruuhkuatta, ta ihmisien piällä luukappalehet heittelettä, eikö ole ni häpie nuorena ollessa!

Vierahat lähettih siitä kaikki pois hyvän morsiemeh nähtyö.

Čuari pani siitä Iivana-poikah čuariksi iččeh sijah. Tuhkimus-Iivanasta tuli čuari, ta hiiri-morsiemesta – čuarin naini.

Toisista vellistä tuli Iivanalla kasakkoja, ta heijän naisista piijat.

Siihi se i loppu.

22. Тухкимус и невеста-мышь

Был раньше царь, и у него [было] три сына. Один сын дурак, его зовут Иван-Тухкимус. Царь делает из дерева три лука: каждому сыну. Ивану делает самый плохой, потому что Иван и сам плохонький. Царь говорит:

– Пойдите теперь, выстрелите: в какую сторону пуля уйдет, оттуда вам нужно будет взять жен.

Старший сын выстрелил своей пулей – та ушла на крышу царской пекарни. Средний сын выстрелил – пуля ушла на крышу царской кухни. Младший сын, Иван, выстрелил – пуля ушла в темный лес.

Царь говорит сыновьям:

– Теперь вам надо сходить к своим невестам за такими полотенцами, в которые я вытирал бы руки по праздникам.

Старшие сыновья отправляются в хорошем настроении: ведь они знают, где их невесты. Иван, огорченный, идет в темный лес.

Старшие сыновья приходят к своим невестам и говорят:

– Нам нужны такие полотенца, в которые наш отец сможет по праздникам руки вытирать.

Иван-Тухкимус приходит в лес. Там стоит очень старая, худая лесная избушка. В ней есть маленькая щель, через которую можно попасть внутрь. Иван-Тухкимус входит через нее в избу, садится на лавку и смотрит – ничего нет, только мышиного помета полон пол. Иван думает: «Ну, и попал я». Через щель в полу из подпола выходит мышь. Спрашивает мышь у Ивана:

– Зачем, Иван царевич, пришел?

Иван говорит:

– Зачем бы ни пришел – мое дело не будет здесь справлено.

Мышь говорит:

– Скажи, скажи, – поправим дела!

Иван говорит:

– По такому я делу, что отец велел нам всем выстрелить. Пуля старшего брата попала на крышу царской пекарни, среднего – на крышу кухни, а моя прилетела в лес. В этих местах мы должны найти себе невест. У этих женщин мы должны получить такие полотенца, в которые отец вытирался бы по праздникам.

Мышь говорит:

– Доверь свою заботу Богу. Спи ночь на печи без портков – утром получишь полотенце, – и мышь нырнула в подпол.

Иван залез на печь, лег спать.

Мышь опять вышла из подпола, открыла окно и говорит:

– Придите, моя большая родня, мое звонкое племя!

Мышей прибежало на работу так много, что, вероятно, на всем свете их не могло быть больше. Стали мыши – кто поле пахать, кто лен сеять. Вот уже убирают лен, обмолачивают, чешут, прядут, ткут и вот уже выткали полотенце (там работа спорилась). Полотенце было готово, и мыши исчезли.

Мышь говорит:

– Вставай, Иван царевич, носи отцу полотенце, – и дает Ивану полотенце. Иван кладет его в карман и идет домой.

Приходит Иван к царю. Другие братья уже пришли, ждут Ивана, чтобы посмотреть, чье полотенце лучше. Царь говорит:

– Ну, показывайте, сыновья, полотенца: которая невестка лучше?

Старший сын вытягивает из кармана полотенце, показывает. Царь рассматривает его и говорит:

– Пусть отнесут это полотенце в свинарник: пусть свинарки вытирают в него свои руки, мне оно не годится.

Второй, средний брат показывает полотенце – царь говорит:

– Пусть отнесут это полотенце в комнату батраков, мне оно не годится.

Показывает Иван полотенце. Царь берет его в руки и говорит:

– Пусть отнесут это полотенце в мою комнату [и повесят] на гвоздь, чтобы самые дорогие гости руки вытирали. А завтра пойдите к невестам за рубашками – [посмотрим], какие они рубашки сошьют.

Царь дает всем сыновьям ткань, из которой невесты должны сшить рубашки. Старшие сыновья говорят:

– Нам-то рубашки сошьют, а вот Ивану мыши да лягушки [рубашку] не сошьют.

Старшие сыновья приходят к своим невестам и говорят:

– Вот ткань, только хорошие рубашки сшейте: у Ивана было лучшее полотенце.

Невесты говорят:

– Мы отправим дворняжку посмотреть и послушать, что там у Ивана в лесу происходит, – и говорят дворняжке:

– Когда Иван отправится, ты походи посмотри, куда он пойдет и как эти мыши да лягушки работают. Только не трогай их, а возвращаясь рассказать, [что видела].

Собака возвращается и рассказывает:

– Мышь велела Тухкимусу спать на печи без портков. Тем временем набежало мышей – полная изба. Одна мышь открыла окно, другая взяла ножницы в руки и разрежала отрез ткани на мелкие кусочки, выбросила их в окно и сказала: «Отнеси, ветер, все эти кусочки, а вместо них принеси лучшую рубашку», – и появилась оттуда такая рубашка, какой нигде не видывали и не знали о ее существовании.

Невесты других братьев тоже взяли и разрежали ткань на кусочки, раскрыли окно и сказали:

– Отнеси, ветер, все эти кусочки и принеси взамен лучшую рубашку для царя, чтобы он мог надевать ее, когда пойдет в церковь в выходные.

Невесты ждали – долго ли, коротко ли – не появилось ни рубашки, ничего. Невесты взяли свою ткань и сшили из нее рубашки и отдали своим женихам, чтобы те отнесли их царю.

Мышь говорит:

– Вставай, Иван царевич, отнеси рубашку отцу, чтобы он мог пойти [в ней] в церковь.

Иван пошел домой, понес отцу рубашку. Другие братья уже пришли, сидят за столом, ждут Ивана, чтобы одновременно показать рубашки царю.

Царь говорит сыновьям:

– Ну, показывайте рубашки: какие справили?

Старший сын показывает отцу рубашку – царь говорит:

– Отнесите батракам: мне она не годится!

Показывает средний сын рубашку – царь говорит:

– Отнесите, отнесите ее поскорей батракам: мне она не годится! Ну, покажи-ка, Иван, рубашку!

Иван показал рубашку. Царь взял в руки, посмотрел рубашку, – она была такая, что в ней не чувствовались изъяны ни прядения, ни тканья, ни шитья. Царь в жизни такой не видел. Царь говорит:

– Таковую рубашку не на каждый праздник можно одевать. Не одену ее раньше, как на Пасху: такая она хорошая. Теперь вам, сыновья, в течение предстоящей ночи надо принести от ваших невест просвиры, чтобы [я мог] отнести их в церковь. Купите по пути пшеничной муки лучшего сорта, чтобы невесты испекли просвиры, а утром вы их принесете.

И они пошли. По пути купили хорошей муки и отнесли ее своим невестам. Говорят:

– Теперь нам нужны просвиры, – они должны быть готовы к утру, чтобы отец мог отнести их в церковь.

Иван тоже идет в лес в маленькую, худую избушку. Мышь сидит на крыльце.

– Почему так поздно идешь, Иван царевич?

Иван отвечает:

– Пришлось еще в лавку зайти: к утру надо бы приготовить просвиры, чтобы отец отнес их в церковь.

Мышь говорит:

– Доверь заботы Богу. Спи на печи без портков – будет просвира.

Невесты других братьев опять посылают дворняжку подслушивать, чем же Иван в лесу занимается.

Мышь открыла окно и говорит:

– Придите, моя большая родня, мое звонкое племя, готовить просвиру для царя к утру, чтобы он мог отнести ее в церковь, – и мышь вытряхнула в окно на ветер ту муку, что принес Иван. – Принесите с дорогого стола просвиру вместо [муки].

Много мышей собралось, чтобы везти просвиру: половник вместо кареты, а в ней – просвира. Ее поставили на стол, и все мыши исчезли.

Собака бежит к невестам других братьев и говорит:

– Мышь вытряхнула всю муку из мешка в окно на ветер и сказала: «Придите, моя большая родня, мое звонкое племя, готовить просвиру для царя к утру, чтобы он мог отнести ее в церковь». Мыши привезли в половнике просвиру, поставили ее на стол, а сами исчезли.

Невесты открыли окно и пустили муку на ветер; сказали:

– Придите, моя большая родня, звонкое племя, готовить для царя просвиру к утру в церковь.

Они ждали, ждали – не слышать, не видать просвиры. В конце концов из своей муки замесили на холодной воде тесто и слепили просвиры, испекли их и дали своим женихам:

– Отнесите отцу просвиры!

Мышь в лесу тоже говорит:

– Вставай, Иван царевич, отнеси отцу просвиру к утру, чтобы он отнес ее в церковь.

Иван встает и отправляется с просвирой домой. Другие братья уже дома. Царь говорит сыновьям:

– Ну, показывайте, какие просвиры – можно ли их взять в церковь?

Старший сын показывает; царь говорит:

– Это нельзя относить в церковь – пойдите, отдайте овцам.

Средний брат показывает просвиру; царь говорит:

– Положите это телятам в поило: это никакая не просвира.

Показывает Иван [просвиру]. Царь говорит:

– Это не на этом свете сделано, это принесенная с небес просвира Ивана Богослова, – и царь взял эту просвиру и пошел в церковь на богослужение.

Старшие сыновья очень огорчились и думают, как бы им отомстить Ивану за то, что он приносит лучшие вещи, [чем они].

Царь приходит из церкви и говорит:

– Отправляйтесь теперь за невестами: [посмотрим], у кого какая невеста!

Старшие братья говорят:

– У нас-то [невесты] – люди, а вот откуда Иван-Тухкимус возьмет невесту? Да и что с того, – главное, что у нас хорошие невесты.

Пришли старшие братья к своим невестам и говорят:

– Теперь вам нужно пойти с нами.

И Иван приходит опять в ту же жалкую избушку. Ее пол вымыт начисто. Садится Иван на лавку унылый, голову повесив: ведь у него нет невесты. Из подпола выходит мышь и спрашивает у Ивана:

– Что сидишь, Иван царевич, в дурном настроении? Скажи, если что-то нужно.

Иван говорит:

– Если и скажу – это не поможет моему делу.

Мышь говорит:

– Но и не навредит.

Иван говорит:

– Я пришел сюда за невестой.

Мышь юркнула в подпол. Оттуда выходит очень красивая девушка и ходит по избе. Иван не осмеливается ничего сказать. Девушка превратилась в мышь и юркнула в подпол. Опять из подвала выходит мышь и спрашивает:

– Что, Иван царевич, не понравилась невеста? – а сама опять нырнула в подпол. Оттуда выходит еще более красивая девушка. Иван устался, ничего не говорит. Девушка обернулась мышью, юркнула в подпол. Выходит мышь и говорит:

– Что, Иван царевич, не понравилась невеста? Смотри, последний раз выйду, – если не понравлюсь – ты тоже превратишься в мышь.

Поднимается еще более красивая девушка, такая, что сиянье от стен отражается. Подходит к Ивану, кланяется:

– Уже ли гожусь, Иван царевич, тебе в невесты?

Иван взял невесту за руку. Они уже оказались на улице: Иван не понял, когда они вышли на улицу. Там была река, а через реку – мост. Они вышли на мост. [На мосту] стоит мышь, запряженная в половник: половник – вместо кареты, а мышь – вместо лошади. В эту карету должен сесть Иван вместе со своей невестой. Невеста говорит:

– Вот наша лошадь и карета.

Иван говорит:

– Как же мы сядем в эту поварешку?

Невеста взяла и пнула эту мышь и половник в реку. Из речного порога выскочил конь – одна шерстинка золотая, другая серебряная, а третьей и названия нет – с золотой каретой.

Невеста говорит:

– Вот нам, Иван царевич, карета – на ней мы поедем к царю.

Невеста сняла с шеи шелковый платок и ударила им над мостом крест-накрест, сказала:

– Вместо этого мышинного государства пусть появится такой замок, где я, невеста царевича, буду жить. Мышиное государство пусть исчезнет.

Говорит невеста Ивану:

– Теперь обернись, Иван царевич.

Иван смотрит – такой же дворец стоит, как у его отца.

Невеста говорит:

– Иван царевич, пойдя пригласи моих отца и мать – и кого еще они решат [взять] из родни – на предсвадебное угощение.

Иван идет в царский дворец, кланяется отцу и матери невесты и говорит:

– Приходите, тещь и теща, и кого вы еще возьмете из родни, на предсвадебное угощение.

Те пообещали прийти. Иван идет вместе с невестой домой, в царский дворец. Царь выглянул в окно и говорит:

– Да, есть кого Ивану на коне возить, на соловом катать.

Другим братьям завидно, что у Ивана такая красивая невеста.

Царь с супругой выходит встречать Ивана с невестой, хорошо их принимает. Старшие братья пришли со своими невестами уже раньше. Иван со своей невестой тоже проходит за стол. Пришли родственники невест, и все гости сели за стол. Невеста Ивана такая красивая, что народ не смотрел никуда, как только на невесту Ивана. Когда невеста Ивана ест, она кладет кусочки хлеба, говяжьки и рыбки кости себе в рукав. Когда невесты других братьев увидели, что невеста Ивана поступает таким образом, они тоже стали складывать в рукава куски хлеба, говяжьки и рыбки кости.

Все там наелись, напились досыта. Закончили трапезу. Невеста Ивана встала из-за стола, поклонилась три раза до пола, повернулась один раз на

пятке и высыпала из своего рукава кусочки хлеба и кости – появилось озеро. На озере – утки, в озере рыба плавает, по краям озера вырастают всходы зерновых. Повернулась [невеста] обратно и села на лавку – все исчезло.

Невесты старших братьев встали, поклонились три раза до пола, повернулись на одной пятке, вытряхнули из рукавов кусочки хлеба, говяжьи и рыбы кости – они все [полетели] в людей: они хотели сделать озеро, как невеста Ивана, но ничего не получилось. Царь говорит:

– Что же вы, невесты, так мусорите на полу и бросаетесь костями в людей? Такие молодые, и не стыдно?

Потом – увидев хорошую невесту – все гости разошлись.

Царь сделал сына Ивана царем вместо себя: Иван-Тухкимус стал царем, а невеста-мышь – царицей. Другие братья стали батраками Ивана, а их жены – служанками.

На этом – конец сказке.

23. Pieni lintu-tyttöni

On ennen ukko ta akka. Heilä ei ole lasta. Ukko lähtöy halkuo leikkuamah meččäh. Rupei puuta leikkuamah, vähäsen vasta leikkai, lentäy pikkaraini lintuni kannon piähä. Se on hyvin kaunis lintuni, ruskierintani. Rupei laulamah, niin kaunehesti, jotta ukko ei ole kuullun minkänä linnun niin kaunehesti laulavan. Ukko siihi i uinuou lintusen laulantah. Makai koko päivän. Havaččeutuu illalla. Päivä on jo lasken ta i lintuni männyn. Mänöy kotihih. Akka kysyy ukolta:

– Äijänkö leikkait halkuo?

Ukko sanou:

– En ni yhtä leikan. Yhtä puuta yritin leikkuamah ta i sitä en suanun poikki leikata.

Akka sanou:

– Mintähpä sie et leikan?

Ukko sanou:

– Kun lenti pikkaraini ruskierintani lintu, istuutu kannon piähä, rupei niin kaunehesti laulamah, jotta mie siihi i uinoin, ta makain koko päivän.

Mänöy ukko toisena päivänä meččäh. Rupei sitä samua puuta leikkuamah, mitä eklein yritti. Puolen puuta sai leikata. Tuas ni lenti se samani lintuni kannon piähä ta rupei niin kaunehesti laulamah. Ukko kuunteli ta i uinoin. Havaččeutu illalla, jo on päivä lasken. Lintuista ei ole kannon piässä. Mänöy ukko kotih, akka kysyy:

– Min verran leikkait halkoja?

– En ni yhtä, – sanou ukko, – kun tuli sama lintuni, mi ekleinki, rupei laulamah, mie siihi i uinoin.

Akka sanou:

– Etkö sie mitein vois suaha sitä lintuista kiini, ta toisit kotih?

Ukko lähtöy kolmantena päivänä leikkuamah halkuo. Sai sen puun poikki, mitä hiän jo on kolmantena päivänä leikkuamassa. Se puu kuuu. Sama lintu istu leikatun puun kannon piähä ta alko laulua. Ukko rupei kuuntelomah, makuu kannon juurella, jotta ei hiän nyt uinuo ta viiriy, jotta eikö sais lintuista. Lintuni kun laulo aikansa, ta i uinoi kannon piähä. Ukko nousi hil'akkaiseh ta otti lintusen kiini. Pani piäliseheh ta vei kotih. Sanou akallah:

– Nyt mie tämän lintusen toin.

Pannah orren piähä lintuni. Se rupei heilä laulamah. Hyö siihi, ukko i akka, uinottih ripsahettih.

Muattih yö, noustih huomeneksella. Ukko luatiu häkin, panou lintusen siihi häkkih. Tulou pyhäpäivä. Ukko ta akka lähetäh kirikköh. Ovet pantih kiini. Lintuni tulou häkistä ta muuttuu tyttäreksi. Se on niin kaunis, jotta kun kävelöy, nin kaikki huoneh valkoilou niinkuin tulessa.

Tytär lämmittäy kiukuan, luatiu murkinan, ruatau liävätyöt ta muuttuu lintuseksi i mänöy häkkih laulamah.

Tullah ukko ta akka kiriköstä, kačotah, kun on kiukuan lämmittän, murkinan luatin, stolalla on pannun ruuyvat, liävätyöt ruatan. Hyö ei arvata, jotta lintuni on muuttun tyttäreksi. Čuarin poika matkuu kyličči ta kuuntelou, kun pirtistä kuuluu kaunis laulu. Mänöy pirttih. Lintuni laulau heilä häkissä. Se laulo niin kaunehesti, jotta čuarin poika uinoi pirttih. Makai koko päivän. Haváččeutuu, ka ilta jo on. Ajattelou čuarin poika, jotta ei tämä ole oikie lintu, vuotahan lähen kysyn tietäjä-akalta, mi on tämä lintusija. Kysyy tietäjä-akalta:

– Etkö, akkaseni, tiijä, jotta mi se semoni lintuni on yhdessä talossa, kun laulau niin kaunehesti, jotta mieki siihi uinoin ta makain koko päivän?

Akka sanou:

– Tiijän. Se on taivahan tähti. Se taivahasta kirpoi. Ukko ta akka kun lähetäh pois, ni se lintuni tulou häkistä pois, typpiy ikkunat ta muuttuu tyttäreksi, i ruatau kaikki työt ukolla ta akalla.

Čuarin poika sanou akalla:

– Mitein mie saisin nähä sen tyttären?

Akka sanou:

– Mäne ikkunan alla ta kačo mistänih loukosta. Jos nähnet, nin hiän ei enämpi voi muuttuo lintuseksi.

Tuli pyhäpäivä. Ukko ta akka lähettih kirikköh, pantih ovet lukkuh. Čuarin poika mänöy talon ikkunan alla. Lintuni on tullun häkistä, typpin ikkunat, muuttun tyttäreksi ta iče kävelöy lattiella. Lämmittäy kiukuata, luatiu murkinua. (Oli vähäsen jiänyn yhen ikkunan kokkuu typpimättä, jotta čuarin poika näki.)

Čuarin poika mänöy kotih. Ukko ta akka tullah kiriköstä. Tytär ei voinun enämpi muuttuo lintuseksi, kun čuarin poika näki hänet.

Ukko, akka ihassuttih semmoseksi, kun heilä tytär rotih. Tytär sanou:

– Ken lienöy milma nähny, ni nyt en enämpi voi muuttuo lintuseksi.

Čuarin poika tuli sulhaseksi tyttäreh. Ukko ta akka ei häntä annettais, kun hyö lintusesta suatih tyttären.

Čuarin poika otti lintuistyttären morsiemekse, ukon ta akan otti kotih ta siihi ruvettih elämäh.

Se siihi loppu.

23. Маленькая девушка-птица

Были раньше старик и старуха. У них нет детей. Старик отправился в лес за дровами. Стал он дерево рубить, немного только и успел порубить – прилетает на пенек маленькая птичка. Это очень красивая птичка с красной грудкой. Она запела, да так красиво, что старик никогда раньше не слышал, чтобы какая-нибудь птица так красиво пела. И старик уснул под пение птички. Проспал весь день, вечером проснулся. Солнце уже село, и птичка улетела. Приходит старик домой. Старуха спрашивает:

– Много ли дров нарубил?

Старик говорит:

– Нисколько не нарубил: попытался срубить одно дерево, да и то не срубил до конца.

Старуха говорит:

– Почему же ты не срубил его?

Старик отвечает:

– Так прилетела маленькая красногрудая птица, села на пенек и так красиво запела, что я тут и уснул и проспал весь день.

Идет старик на другой день в лес и начинает рубить то самое дерево, которое вчера пытался срубить. Наполовину срубил его – опять прилетела на пенек та самая птичка и так красиво запела. Старик послушал и уснул. Вечером проснулся – уже солнце село, и птички нет на пне. Идет старик домой, старуха спрашивает:

– Сколько дров ты нарубил?

– Нисколько, – говорит старик, – прилетела та же птичка, что и вчера, стала петь – я и уснул.

Старуха говорит:

– Ты не мог бы как-нибудь поймать эту птичку и принести домой?

Старик на третий день отправляется рубить дрова. Срубил то дерево, которое он рубил уже третий день, – дерево свалилось. Та же птица села на пень срубленного дерева и запела. Старик стал слушать, лег у пня, [думает], что сейчас-то он не уснет и караулит, чтобы поймать птичку. Птичка попела какое-то время и уснула на пне. Старик тихонечко встал и взял птичку, положил ее в рукавицу и отнес домой. Говорит старухе:

– Я принес эту птичку.

Посадили птичку на край грядки*. Птичка стала им петь – старик со старухой тут и уснули.

Проспали ночь, утром встали. Старик сделал клетку, посадил в эту клетку птичку. Наступает выходной. Старик со старухой отправляются в церковь; дверь закрыли. Птичка выходит из клетки и превращается в девушку. Она такая красивая, что, когда она ходит, вся комната освещается, как от огня. Девушка затопила печь, приготовила завтрак, выполнила всю работу в хлеву и снова обернулась птичкой, вернулась в клетку петь.

Приходят старик со старухой из церкви, смотрят – кто-то протопил печь, приготовил завтрак, накрыл стол, выполнил всю работу в хлеву. Они не догадываются, что птичка превращалась в девушку.

Царевич проходит мимо и слышит, как из избы доносится красивое пение. Он входит в избу, а там птичка поет в клетке. Она пела так красиво, что царевич уснул в избе. Он проспал весь день, проснулся – уже вечер! Думает царевич, что «это не простая птица; дай-ка схожу, спрошу у знахарки, что это за птичка?»

Спрашивает у знахарки:

– Не знаешь ли ты, бабушка, что это за птичка такая есть в одном доме, что поет так красиво, что даже я уснул под это пение и проспал целый день?

Бабка говорит:

– Знаю: это небесная звездочка, она упала с неба. Когда старик со старухой уходят [из дома], эта птичка выходит из клетки, закрывает окна и превращается в девушку и выполняет все дела [по хозяйству] для старика и старухи.

Царевич спрашивает у знахарки:

– Как бы мне увидеть ту девушку?

Бабка отвечает:

– Иди под окно и смотри в какую-нибудь щель: если увидишь [девушку], то она больше никогда не превратится в птичку.

Наступил выходной. Старик со старухой пошли в церковь, дверь закрыли на замок.

Царевич пришел под окно дома. Птичка вышла из клетки, плотно закрыла все окна, обернулась девушкой и ходит по избе, топит печь, готовит завтрак. (Уголок одного окна остался незаткнутым, и царевич видел девушку.) Царевич ушел домой.

Старик со старухой приходят из церкви. Девушка больше не смогла превратиться в птичку, раз царевич ее увидел. Старик со старухой так обрадовались, что у них появилась дочь. Девушка говорит:

– Кто-то меня увидел, и я не могу больше стать птичкой.

Царевич пришел свататься к девушке. Старик со старухой не хотели ее отдавать, ведь птичка только что стала их дочерью. Царевич взял девушку-птицу в невесты, а старика и старуху взял к себе домой, и стали они жить-поживать.

И сказке конец.

24. Čoherapiäpoika

On enmein ukko ta akka. Heilä on yksi poika. Sillä on piä i toini čohera, niin kun mavolla. Heilä on nuapurina leskiakka. Leskiakalla on kolme tytärtä. Čoherapiäpoika sanou:

– Mänkyä, käykyä leskiakan vanhin tytär miula naiseksi.

– Mitein myö käymmä häntä naiseksi, kun sie semmoni olet? Siulahan ei tule ni ken.

Poika sanou:

– Jos että käy, nin mie syön kaikki tiät.

Männäh leskiakalta otetah tytär naiseksi čoherapiäpojalla. Pannah pariskunta muate. Ukko ta akka kuunnellah, kun yöllä on sielä kamarissa oikein suuri jyräkkä. Männäh huomeneksella nostamah pariskunta murkinalla. Ei ole kun pienijä luupalasie jäänyn siitä naisesta. Sanotah:

– Ka, syönykö sie olet naisen?

– Söin, – sanou, – oli tässä i toisie syöjje. Mänkyä käykyä keskimmäini leskiakan tytär miula naiseksi.

– Mitä myö, – sanotah, – käymmä, kun sie syöt. Eihän siula voija tulla ihmiset syötäväksi.

Käyväh toini keskimmäini leskiakan tytär. Pannah pariskunta muate. Sieltä kuuluu samoin kova jyräkkä. Sanotah:

– Tuas se syöy sitä naista.

Huomeneksella männäh kačcomah: ei ole kun luupalasie jälellä. Sanotah:

– Tuasko olet syöryn naisen?

– Söin. Mänkyä, käykyä nuorin tytär leskiakalta. Hyvä on liha niillä tyttärillä.

Ukko ta akka ei voitais lähtie käymäh, sanotah:

– Emmä voi tuuvva siula naista syötäväksi.

Männäh kuitenkin leskiakkah ta sanotah nuorimmalla tyttärellä:

– Nyt siun pitäis lähtie miän pojalla naiseksi.

Nuorin tytär sanou:

– Miihipä on suattan toiset čikkoni? Syönykö lienöy?

– Syöy se siut tiältäki, kun et lähtene.

Tytär sanou:

– Mänkyä kotihina, mie tulen illalla.

Leskiakan nuorin tytär mänöy rautaseppäh ta luajittau kolme rautaista totarkkua ta sata rautaista ansua.

Mänöy hiän čoherapiällä pojalla naiseksi, sanou:

– Nyt mie tulin.

– No, hyvä on kun tulit.

Pannah muate pariskunta. Tytär sanou:

– Mie lähen käyn ulkona.

Mäni ta pani joka oven ta ikkunan tuaksi niitä rautasie ansoja.

Ruvettih muate siih samah huoneheh, missä čoherapiä makai toisienki kera.

Ta rupei poika syömäh sitä naista. Naini otti rautasen totarkan ta alko lyyvvä niin äijän, mi kiästä piäsöy. Čoherapiä alko karjuo:

– Tulkua, pienet piessat, apuh! Tappo miut naini!

Piessoja kun rupei tulomah oviloista ta ikkunoista, nin ansoih kaikki i puututtih ta kuoltih pienet piessat.

Naini löi kolme totarkkua kappalehiksi. Čoherapiä muuttu koiraksi. Sanou naisella:

– Elä lyö enämpi!

Naini heitti lyönnän. Koira sanou:

– Ruvekka nyt hyväsesti muate.

Naini sanou:

– En mie koiran kera rupie muate. Vieläkö tarviččou kylyö?

Koira muuttu mieheksi. Siitä tuli niin komie mies, jottei tytär osan toivuokana.

Mies sanou:

– Mie olen päivät koirana, yöt miehenä, vain sie elä sano sitä ni kellä, jos sanot, nin mie pakenen.

Tullah huomeneksella kaččomah. Koira ta morsien muatah. Nossetah hiät murkinalla. Koira syöy ta lähtöy juoksentelomah, niinkun ainaki.

Naini rupieu taluo elämäh. Leskiakalla sanotah:

– Tyttäres on elävä, terveh, kaunis.

Leskiakka tulou kysymäh:

– No mitein sie piäsit elävänä, kun ei silma syöny?

Tytär sanou:

– Ei hän milma tahton syyvvä.

(Koira kun ei käsken sanuo.)

Hyö siinä eletäh. Koira yöt makuau miehenä naisen kera.

Miehen vanhemmat pietäh oikein hyvin naista. Eryähänä päivänä hyö kysytäh naiselta:

– Millä sie sait koiraksi?

Naini sanou:

– Jos mie virkkanen, nin se pakenou.

– No, kun puannou, nin jät sie tähä elämäh.

Naini ottau ta sanou, jotta hän niin löi totarkalla ta pani ansoja ikkunojen alla, ta jotta pienet piessat puuttu ansoih. Hiän on yöt miehenä, päivät koirana.

Samassa juoksou koira ta sanou:

– Kun et pitän kieles alla, nin nyt jät miusta.

Ta niin mäni männessäh. Naini ta vanhemmat ollah pahoillah, kun koira mäni. Naini suorieu pois. Vanhemmat sanotah:

– Elä mäne, elä miän kera, kun on millä elyä.

Tytär sanou:

– Mie lähen miestä eččimäh, – ta sanou muamollah, mitein se koira oli hänellä miehenä. Leskiakka sanou:

– Mäne rautaseppäh ta tavota kolmet rautaset kenkät, kolme rautaista sauvua ta kolme rautaista proskuraa. Kun lähet matkah, ni sini mäne, kuni nämä kaikki kulutat kenkät jalassa, sauvat kiässä, proskurat suussa. Kun yhet kulutat, toiset pane. Kun kolmannet kulutat, löyvät tätis (miun čikkoni). Hiän silma neuvou, missä miehes on ta miten sie sen suat.

Naini tavotti sepällä kolmet rautaset kenkät, kolme rautaista sauvua ta kolme rautaista proskuraa. Kenkät pani jalkah, sauvan otti käteh, proskuran suuhu ta läksi mänömäh tietä myöte. Astu niin kauvan, kuni kenkät kulu jalassa, sauva kiässä, proskura suussa. Pani kolmannet kenkät jalkah, otti kolmannen sauvan käteh, pisti kolmannen proskuran suuhu. Mäni naini viimesen taipalehen. Tulou talo. Talossa on akka. Akka sanou:

– Minne, tyttöni, matkuat ta ken olet?

Tytär sanou, jotta niin ta niin, tätiseni. Etkö ole muamon čikko?

Akka sanou:

– On miula čikkoja, vain en tiijä, missä hyö ollah. Ole tässä, tyttöseni, yötä, sano kuulumises ta mihi olet mänössä.

Naini hänellä kertou tämän starinan ta jotta miestä on eččimässä, etkö, tätiseni, vois juohattua?

Täti sanou:

– Tässä miän lässä on talo. Siinä eläy Syöjätär, sillä Syöjättärellä on miehenä. Kun mänet Syöjättären luo, nin hänellä on kolme aitallista liinua ta villua kesrättävyä. Hiän pyytäy silma kesryämäh. Kun et voine kahessa netälissä niitä kesrätä, nin silma syyvväh. Mie annan siula semmosen pillin, jotta kun puhallat, nin tulou neičyttä apuh ta työ suatta kahessa netälissä kesryätyksi. Siitä kun liinat ta villat kesryät, nin suoriuhu pois lähtömäh. Syöjätär kun tariččou siula palkkua, sie sano, jotta «en ota mitänä muuta, kun jos antanet yheksi yöksi miehes miula reunah muate, ni sillä on maksettu». Hiän siula antau sen miehen yöksi muate. Mänkyä kylyh muate miehen kera, ottakkua viisi kanan jäliččyä, pankua ne kylyn kiukuah ne jäliččät, iče lähtekkyä pakoh. Miehes siun tuntou. Syöjätär kun tulou pakauttamah teitä, nin ne jäliččät vassatah.

Naini panou muistih, mitä täti kasköy ruatua. Lähtöy mänömäh. Tulou Syöjättären kotih. Syöjätär kysyy naiselta:

– Mistä olet ta mitä olet lähten?

Naini sanou:

– En ole loittuota. Koista loppu kesryämini, nin läksin työtä eččimäh.

Syöjätär sanou:

– Miula olis kesryämistä. Kaksi aitallista on liinua ta villua, ne pitäy suaha kahessa netälissä kesrätä, muitein tiälä syyvväh silma.

Tytär lupai kesrätä. Tulou ilta, koira juoksou pirttih, pyörähtäy ympäräh ta mieheksi muuttuu. Naini kaččou: siinä on hänen mies. Ta i mies tuntou sen omah naiseh. Mies kysyy Syöjättäreltä:

– Kenpä tämä meilä on vieras?

Syöjätär sanou:

– Ei tämä loittuota ole. Tämä on kesryäjä. Otammako hänen kesryämäh?

Mies sanou:

– Otamma.

Naini sanou:

– Viekyä milma semmoseh suureh huoneheh, missä mie vois in kesrätä.

Naini pantih suureh huoneheh, tuotih villat, liinat siihi huoneheh. Naini rupei kesryämäh. Puhalti tätih antamah pillih. Siihi tuli niin äijän neiččyistä, jotta hiän ei voinun lukie. Kaikilla on kuosalit ta värttinät käsissä. Ne käväh öillä kesryämässä, päiväksi männäh pois, jottei Syöjätär näkis.

Syöjätär käy kaččomah päivällä kesryäjä, sanou:

– Kyllä sie olet joutusa kesryämäh, ta näin hyvyä lankua suat.

Tai mies käyt naista kaččomah. Jopa aletah hyö yhteh rakastuo, niinkuin enneinki.

Kaksi netälie kulu. Villat ta liinat tuli kaikki kesrätkyksi.

Mies kun käyt naisen luo ta sanou:

– Mitein myö piäsisimmä pakoh?

Naini sanou:

– Mie en muuta palkkua kysy, kun jos hiän antau silma miula yöksi vierelläni. Jos hiän antau, nin siitä mänemmä pakoh.

Niin naini sanou Syöjättärellä, jotta liinat ta villat on kesrätty.

Syöjätär kysyy:

– Mitä palkkua otat?

Naini sanou:

– Palkkua en ota ni mitänä, kun antanet miehes yheksi yöksi reunalla muate, nin sillä piäset, kun siula on noin kaunis mies.

Syöjätär kysyy mieheltä:

– Mänetkö?

Mies sanou:

– No voinhan mie männä vähäseksi aikua. En mie kuin reunalla makuan.

Syöjätär käsköy hiät kylyh. Naini sanou miehellä:

– Ota viisi kananjiäliččyä, kun lähemmä kylyh.

Pantih kylyh mies naisen kera. Naini pissältäy jäličät kiukuah ta sanou:

– Työ, jäličät, vassakkua, mitä Syöjätär kysyy.

Iče lähetäh pakoh. Hyö niin kiirehesti männäh, mi jalan alta piäsöy matkua.

Syöjätär jo ikävystyy vuotuaissah. Mänöy kylyn oven tuaksi ta sanou:

– Nouskua pois! Jo nyt oletta muannun!

Jiäličät vassatah:

– Vasta jaksauvumma. Emmä ole vielä i muannun.

Oli vähän aikua Syöjätär tuas pirtissä. Ajattelou: «Kun hyö ei puattais».

Mänöy kylyn oven tuaksi:

– Nouskua poikes! Jo oletta muannun.

Jiäličät vassatah:

– Vasta rupeima muate, emmä ole vielä i uinon.

Syöjätär sanou:

– Hyväpä on valvonta, kun että malta koko yössä i uinota.

Juuri käyksenteli Syöjätär pirttih ta tuas varajau: «Kun ei puattais».

Mänöy kylyn oven tuaksi:

– Joko nousetta?

Avuau kylyn oven. Kyllyssä enämpyä ei ni ketä.

Naini lähtiessäh piirti tiellä sauvallah ta sano: «Tulkah tähä semmoni miekka, jotta jalat leikkais, kun Syöjätär lähtöy meilä jälkeh».

Syöjätär läksi vihoissah juoksomah, jotta sais kiini. Miekka leikkai jalat poikki Syöjättäreltä. Syöjätär ei piässyn. Siihi jäi.

Naini mieheh kera mäntih miehen kotih. Vanhemmat otettih hiät hyvin vastah. Ihassuttih, kun naini sai mieheh, hyö pojan.

Siitä hyö alettih siinä elyä. Mies enämpyä ei koiraksi muuttun. Ta siihi loppu.

24. Змееголовый парень

Жили раньше муж и жена. У них один сын. У него есть голова и вторая, заостренная, как у змеи. По соседству с ними живет вдова, у вдовы – три дочери. Змееголовый сын говорит [родителям]:

– Пойдите приведите старшую дочь вдовы мне в жены.

– Как мы можем привести ее тебе в жены, когда ты такой? За тебя же никто не пойдет.

Сын говорит:

– Если не приведете, я съем всех вас.

Родители идут, сватают [букв. забирают] у вдовы дочь в жены змееголовому сыну. Молодых уложили спать. Ночью старик со старухой слышат, что в комнате [молодых] стоит сильный шум. Утром идут поднимать молодых на завтрак – а от той женщины остались только маленькие кусочки костей; спрашивают:

– Ты что, съел жену?

– Съел, – отвечает сын, – были тут и другие едоки. Пойдите приведите среднюю дочь вдовы мне в жены.

– Зачем же, – говорят родители, – мы будем ее приводить, если ты ее съешь? Не могут же люди приходиться тебе на съедение!

Все же привели вторую, среднюю дочь вдовы [сыну в жены]. Молодых уложили спать. От них опять слышен сильный шум. Говорят [старик со старухой]:

– Опять он ест жену.

Наутро идут смотреть – только кусочки костей остались [от женщины]. Спрашивают:

– Ты опять съел жену?

– Съел. Пойдите приведите младшую дочь вдовы: вкусное мясо у этих дочерей.

Старик со старухой не хотели бы идти за девушкой, говорят:

– Не можем мы привести тебе жену на съедение, – но все же идут к вдове и говорят младшей дочери:

– Теперь тебе надо бы пойти в жены нашему сыну.

Младшая дочь говорит:

– А куда же он подевал других моих сестер? Уж не съел ли?

– Съест он тебя и здесь, если не пойдешь.

Девушка говорит:

– Идите домой, я приду вечером.

Младшая дочь вдовы идет к кузнецу и заказывает три железных прута и сто железных силков. [Потом] она идет в жены змееголовому парню, говорит:

– Вот я и пришла.

– Хорошо, что пришла.

Укладывают молодых спать. Девушка говорит:

– Я схожу на улицу.

Она вышла и расставила под каждую дверь и окно те железные силки.

Они легли спать в той самой комнате, где змееголовый спал и с другими [сестрами]. И вот парень начал есть свою жену. Женщина взяла железный прут и стала им бить [змееголового] с такой силой, с какой только могла. Змееголовый закричал:

– Придите, малые бесы, на помощь! Жена убивает меня!

Бесы как начали лезть в двери и окна, так все в силки и попались, и погибли малые бесы.

Женщина избивала три кнута на кусочки – змееголовый превратился в собаку и говорит женщине:

– Не бей больше!

Женщина перестала бить. Собака говорит:

– Давай теперь ляжем спать по-хорошему.

Женщина говорит:

– Я не лягу спать с собакой. Еще нужна «баня»?

Собака превратилась в человека: из нее получился такой великолепный мужчина, о каком девушка и мечтать не могла. Муж говорит:

– Я буду днем собакой, а ночью человеком, только ты не говори об этом никому: если скажешь, я сбегу.

Утром [родители] приходят смотреть – собака и невеста спят. Будят их на завтрак. Собака ест и убегает на улицу, как положено. Жена начинает хозяйничать. Вдове говорят:

– Твоя дочь жива, здорова и красива.

Вдова приходит навестить дочь:

– Как ты осталась в живых, что он тебя не съел?

Дочь отвечает:

– Он не хотел меня есть, – (собака не велела рассказывать).

Так они живут. Ночи собака спит с женой в мужском облике. Родители мужа очень хорошо относятся к женщине. Однажды они спрашивают у нее:

– Как ты смогла превратить его в собаку?

Женщина отвечает:

– Если я расскажу, то она сбежит.

– Ну, если и сбежит, то ты останешься здесь жить.

Женщина и рассказала, что она так била его прутом, и что расставила силки под окнами, и что малые бесы попались в силки, что ночами муж в человеческом обличье, днями – в собачьем.

Тут же прибегает собака и говорит:

– Раз ты не удержала язык за зубами, останешься теперь без меня, – и убежала.

Жена и родители огорчились, что собака убежала. Жена собирается уходить, родители говорят:

– Не уходи, живи с нами, – ведь есть, на что жить.

Девушка отвечает:

– Я пойду искать мужа, – и рассказывает своей матери, как та собака была ей мужем. Вдова говорит:

– Пойди к кузнецу и закажи трое железных башмаков, три железных посоха и три железные просвиры. Когда отправишься в путь, то иди до тех пор, пока не износишь все эти башмаки на ногах, посохи в руке и просвиры во рту. Когда износишь одни – возьми другие, когда износишь третьи – найдешь свою тетю, мою сестру. Она тебе подкажет, где твой муж и как ты сможешь его вернуть.

Женщина заказала у кузнеца трое железных башмаков, три железных посоха и три железные просвиры. Обула башмаки, взяла в руку железный посох, положила в рот просвиру и отправилась в путь. Она шла до тех пор, пока не износились башмаки на ногах, посох в руке, просвира во рту. [И вот она] обула третьи башмаки, взяла в руки третий посох и сунула третью просвиру в рот. Прошла женщина последний отрезок пути – встречается дом. В доме – старуха. Старуха говорит:

– Куда, доченька, путь держишь, и кто ты?

Девушка отвечает: так, мол, и так, тетушка, «не ты ли сестра моей матери?»

Старуха отвечает:

– Есть у меня сестры, да не знаю, где они находятся. Оставайся здесь, доченька, на ночь, Расскажи о своих делах и куда идешь.

Женщина рассказала ей всю эту сказку и что ищет мужа:

– Не можешь ли ты, тетушка, помочь?

Тетя говорит:

– Тут рядом с нами есть дом, в нем живет Сюоятар: он в мужьях у этой Сюоятар. Когда придешь к Сюоятар, у нее три амбара льна и шерсти

для пряжи. Она попросит тебя пряхть. Если не сможешь за две недели все это спрясть, тебя съедят. Я дам тебе такую дудочку, в которую если дунешь, то придут девушки в помощь, и вы за две недели все спрядете. После того, как спрядешь весь лен и шерсть, собирайся в обратный путь. Когда Сюоятар будет предлагать тебе награду за работу, ты скажи, что «я не возьму ничего, но если разрешишь мне проспать одну ночь с твоим мужем – будем квиты». Она даст тебе мужа на ночь. Идите с мужем спать в баню, возьмите пять куриных яиц, положите эти яйца в каменку, а сами убегайте. Твой муж узнает тебя. Когда Сюоятар придет поговорить с вами, те яйца будут отвечать [за вас].

Женщина запомнила, что велела сделать тетя. Она пошла и пришла в дом Сюоятар. Сюоятар спрашивает у женщины:

– Откуда ты и зачем пришла?

Женщина отвечает:

– Я не издалека. Дома закончилось прядение, так я пошла искать работу.

Сюоятар говорит:

– Есть у меня, что пряхть: два амбара льна и шерсти, их нужно спрясть за две недели, иначе тебя здесь съедят.

Девушка пообещала спрясть.

Наступает вечер. Собака вбегает в избу, оборачивается вокруг себя и превращается в мужчину. Женщина смотрит – это ее муж. И муж тоже узнает свою жену. Муж спрашивает у Сюоятар:

– Что за гостя у нас?

Сюоятар отвечает:

– Да она не издалека, это пряха. Возьмем ли мы ее пряхть?

Муж отвечает:

– Возьмем.

Женщина говорит:

– Отведите меня в такую большую комнату, где я могла бы пряхть.

Женщину отвели в большую комнату, принесли ей шерсть и лен в эту комнату. Женщина стала пряхть. Дунула она в дудочку, которую ей дала тетя, – и появилось так много девушек, что она не могла их сосчитать. У всех в руках по прялке и веретену. Они приходят пряхть по ночам, а на день уходят, чтобы Сюоятар не увидела. Сюоятар приходит днем посмотреть на пряху; говорит:

– Как проворно ты прядешь и какую хорошую пряжу делаешь!

И муж приходит посмотреть, и они влюбляются друг в друга, как и прежде.

Прошло две недели. Вся шерсть и весь лен были спрядены. Муж приходит к жене и говорит:

– Как бы нам сбежать отсюда?

Жена говорит:

– Я не буду просить никакой другой оплаты [за работу], кроме того, чтобы она пустила тебя ко мне на ночь. Если она согласится, тогда мы сбежим.

И женщина сказала Сюоятар, что лен и шерсть спрядены. Сюоятар спрашивает:

– Что ты возьмешь в награду?

Женщина отвечает:
 – Я не возьму никакой платы, но если ты дашь мне своего мужа на ночь, этого будет достаточно: у тебя такой красивый муж.
 Сюоятар спрашивает у мужа:
 – Ты пойдешь?
 Муж отвечает:
 – Ну, могу я пойти ненадолго – я только рядышком посплю.
 Сюоятар велит им идти в баню. Жена говорит мужу:
 – Возьми пять куриных яиц, когда пойдем в баню.
 Мужа с женой отправили в баню. Жена сунула яйца в каменку и говорит:
 – Вы, яйца, отвечайте, о чем Сюоятар будет спрашивать, – и они бросились наутек. Они бегут так быстро, как только могут.
 Сюоятар уже наскучило ждать [мужа]. Она подходит к двери бани и говорит:
 – Вставайте уже! Хватит спать!
 Яйца отвечают:
 – Еще только раздеваемся, еще и не спали.
 Сюоятар посидела опять некоторое время в избе, думает: «Как бы они не сбежали». Подходит к дверям бани:
 – Поднимайтесь, хватит спать!
 Яйца отвечают:
 – Только легли, еще даже не уснули.
 Сюоятар говорит:
 – Хорошо же вы проводите время, если всю ночь не можете уснуть.
 Едва зашла Сюоятар в избу – и опять забеспокоилась: «Как бы не сбежали». Опять идет к дверям бани:
 – Вы встаете уже? – открывает дверь бани – а в бане никого нет.
 Уходя, женщина прочертила посохом [знак] на дороге и сказала:
 – Пусть здесь появится такой меч, что отрубит ноги, когда Сюоятар бросится нам вдогонку.
 Сюоятар, разгневанная, бросилась догонять [беглецов] – меч отрубил ей ноги, и Сюоятар не смогла настичь [беглецов], там и осталась.
 Жена с мужем пришли домой к мужу. Родители хорошо их встретили, обрадовались, что у женщины теперь есть муж, а у них – сын. И стали они тут жить. Муж больше не превращался в собаку.
 Тут и [сказке] конец.

25. Petra-starina

Oli kerran ukko ta akka, heilä ei ole lapsie. Akka sanou ukolla:

– Mäne tietäjällä, jotta emmäkö sua lasta?

Ukko mänöy tietäjäakan luo:

– Etkö, akkaseni, tiijä keinuo, jotta myö saisima lapsen?

Akka puhuu vettä tuijassuh.

– Elä juo, ukko, tätä vettä männessä. Vie akalla tämä.

Läksi ukko kotih mänömäh. Päivä paisto, ukolla tuli raukie ta uni, ottau ryyppyä tuijassusta pikkusen vettä. Viey akalla lopun vejen ta sanou:

– Tietäjä sano, jotta kun juot tämän vejen, nin tulet paksuksi, – sitä ukko ei sano, jotta hiän iče joi sitä vettä.

Akalla mara alko kasvua, ta i ukolla mara alko kasvua! Paksuksi tultih molommat. Hyö ollah oikein häpeissäh, kun hyö ollah molommat paksuna. Tuli heilä synnytsaika, ukolla alko pihissellä synnytys. Mänöy meččäh lasta synnyttämäh, kun ei ole miehet konsa synnyttän lapsie. Ta i synnyttäy ukko meččässä tyttären. Tyttärestä tuli oikein kaunis. Arvelou: «En mie ota tätä kotih». Luou tyttären puun oksalla.

Mänöy ukko kotih. Akka on synnyttän pojan. Čuarin poika ajelou mečällä heposen selässä, kun tulou sen puun kohalla, missä on tytär, nin koira rupieuhaukkumah puuhu. Čuarin poika ei niä ni mitänä, puu oli miin turpieoksani. Koirua lyöy toruu:

–Tyhjyä haukut!

Yön ajau čuarin poika, ajattelou, jotta kyllä kait sielä puussa oli jotain, kun mie en noussun hyväsesti kaččomah.

Toisena päivänä čuarin poika lähtöy tuas mečästämäh. Ajelou heposella, koira on mukana hänellä. Ajau saman puun luoksi, koira alko haukkuo vielä enämpi puuhu. Poika nousou puuhu kaččomah, näköy ihmisen huamun. Se on alačči. Čuarin poika sanou:

– Kun olet ihmini, nin tule alas, jos joku olento olet, ni kavo pois.

Tytär vastuau:

– Ihmini, veikkoni, olen, vain mie olen alačči, en mie ilkie tulla puusta alas.

Čuarin poika ottau jakkuh piältäh ta luou tyttärellä. Sanou:

– Pane tämä piälläs ta solaha alas.

Tytär pistäy jakun piällä ta tulou puusta alas. Čuarin poika sanou:

– Mistä sie olet, tyttöparka, joutun tänne puuhu?

Tytär sanou:

– Ukko miun kanto. Korppi miun kasvatti, tuulenhengi heilutteli, ilmanleikki liikutteli, taivahan vesi valeli.

Poika sanou:

– Mie otan siut heposen selkäh ta vien ihmisien ilmoilla.

Tytär, ukon synnyttämä, on oikein kaunis ta jo viisitoistavuotini. Hiän tulou čuarin pojan kera čuarin kotih. Hänet syötetäh, juotetah. Tytär suoritettih čarskoihformuh. Linnut ruvettih olkapäillä laulamah tyttärellä, käki piän piällä kukkumah, kellot helmoissa soittamah. Čuarin poika mielty siihi ta kysyy vanhemmilta lupua ottua se tyttö naiseksi. Vanhemmat hyvin myönty siihi. Siitä tuli oikein komie rouva čuarin pojalla. Hiän tuli paksuksi ta sai pojan. Čuari kävi Syöjättären puapoksi čuarinmin'n'alla. Lapsensuaja vietih kilyh. Sinne mäni i Syöjätärpuapo.

Syöjätär sanou:

– Syle, huora, huotrah, muutu mussaksi petraksi ta mäne meččäh laukkuamah.

Hiän sylki ta muuttu petraksi ta lenti meččäh. Syöjätär jäi kylyh lapsen kera čuarin pojan naiseksi.

Käyväh čuarin pojan naini kylystä, ei enyä linnut laula olkapäillä, ei käki kuku piän piällä, eikä kellot soita helmoissa. Lapsi itköy, ei millänä suaha viihtymäh. Čuarinpaimen käyt karjua paimentamah meččäh. Luatiu tulen meččäh, istuu tulen vieressä. Tulou harmua petra hänen luoksi, luou nahkah piältä ta muuttuu ihmiseksi. Paimen kaččou: se pitäis olla se čuarinmin`n`a ta kysyy:

– Mistä sie, raukka, olet tänne joutun?

Min`n`a sanou:

– Syöjätär miun kirosi tänne mussaksi petraksi. Iče on nyt miun tilalla čuarin pojan naisena. Kysyn siulta, paimenuiseni, sanomie. Itköykö miun poikani, lepajauko miun lehteni, laulauko miun lintuni, onko herrani murehellini?

Paimen vastuau:

– Itköy poikas, ei lepaja lehtesi, ei laula lintusi, herras on murehellini.

– Kysy sie, paimeneseni, eikö miula annettais poikuani, kun nännit on maituo täynnä. Imis tyhjäksi. Huomena lähetäh petrat ulkomailla, sinne i miun pitäy lähtie.

Paimen sanou:

– Sanuo mie voin, kun annettaneh, tuon siula huomena pojan tähä paikkah kesselissä.

Tyttö panou piällä tal`l`ah ta muuttuu petraksi.

Paimen sanou čuarin pojalla:

– Anna miula poikas huomena meččäh kesselih, jos se sielä heittäy itennän, kun sielä on niin kaunis ta linnut laulau.

Syöjätär karjuu, jotta hiän ei anna lasta jen syötäväksi.

Čuarin poika pistäy lapsen kesselih. Paimenukko piäsöy, missä eklein oli ta luatiu tulen. Rupei kuččumah petrua iččeh luo:

– Vuohikkiseni, tule lastas syöttämäh, ihoistas imettämäh, ei syö Syöjättareltä, ei juo Juojattarelta, eikä tuohitäyttysistä, eikä petkelemenistä.

Petra tulou, luou tal`l`ah poikes ta muuttuu ihmiseksi. Ottau lapsen sylih, alkau syöttäy nännilläh ta itköy lapseh kera. Sanou:

– Tuo, paimenuiseni, vielä huomena, – kiäriy kesselih lapsen. Naini lähtöy meččäh petrana. Paimen vei pojan kesselissä čuarin pojan luo. Lapsi ei ite koko yönä, kun sai syyvvä. Paimen sanou čuarin pojalla:

– Sielä on naises meččässä petrana, Syöjätär on sen tilalla siula akkana.

Čuarin poika kysyy:

– Mitein myö, paimenuiseni, saisima sen petran pois?

Paimen sanou:

– Kun mie kučun lasta syöttämäh, sie jä etemmäksi, jottei hiän niä silma.

Kun petra tulou, heittäy nahkah ta uinuou lapsen kera mättähällä, sie tule ta luo petran nahka hil' l'akkaiseh tuleh, anna palau.

Paimen, čuarin poika ta lapsi kesselissä lähettih meččäh. Čuarin poika jäi etemmäksi meččäh. Paimen kuččuu:

– Vuohikkiseni, vuohikkiseni, tule lastas syöttämäh, ihoistas imettämäh. Ei syö Syöjättäreltä, ei juo Juojattarelta, eikä tuohitäyttysistä, eikä petkelennenenistä.

Petra juoksou, loi nahkah, otti lapsen ta alko syöttyä. Uinosi lapsen kera mättähällä. Paimen kuiskuau čuarin pojalla. Čuarin poika pačkahti nahkan tuleh. Paimenukko tulta lisyäy. Nahka kun kuheutu palamah, naini havaččeutu ta sanou:

– Nyt nahka palo, mihi mie nyt jouvun, en piäse ihmiseksi, eikä petraksi?

Naini muuttu kiärmeheksi. Čuarin poika löi kiärmehen miekalla poikki. Naini muuttu skokunaksi. Hiän tuas löi sen miekalla poikki. Muuttu čičiliuskuksi. Senki leikkuau miekalla poikki. Muuttu piiruan puolikaksi, siitä muuttu ihmiseksi, niinkun oli enneinki čuarin pojan naini. Alko käki kukkuo piän piällä, linnut lauluo olkapäillä, kellot soittua helmoissa.

Naini sano:

– En lähe meččästä pois, Syöjätär kuitenkin miut tappau.

– Kyllä myö tiiämmä, mitä ruamma Syöjättärellä.

Ta niin hyö lähettih. Kun naini muuttu ihmiseksi, nin čuarin puistossa ruvettih puissa lehet heläjämäh. Čuari ta Syöjätär ihmetelläh sitä.

Paimen, čuarin poika, naini ta lapsi kesselissä mäntih čuarin kotih.

Čuari kaččou ikkunasta akkoineh, jotta entini min' n'aki tulou, ta oltih hyvällä mielellä.

Čuarin poika käsköy lämmittyä kylyn oikein kuumaksi. Kylyn oven kohtah käski kaivamah kolmie sylvä syvän hauvan ta siihi panna palamah tulta ta tervua. Piijoilla sanotah, jotta levittyä ruskiet hal' l'akat tuvasta kylyh suakka tiellä ta käsipuolesta viijä Syöjätär, ta pačkata hautah.

Piijat kuletetah Syöjätärtä. Syöjätär nakrau hyvällä mielin, piätäh puolesta toiseh heilutellen, jotta kun čuarin ainuota min' n'ua ruskiet hal' l'akkua myöte kylyh kuletetah.

Piijat paukatak tuliseh hautah Syöjätär. Se lukou tulen sejassa:

– Sormeni sotanoiksi,

Muan matosiksi,

Ilman itiköiksi,

Tukkani saraheiniksi,

Orjantappuroiksi.

Siitä Syöjättären tukista on kasvan orjantappurat ta saraheinät. Syöjättäret palo kaikki sielä hauvassa ta enämpi niitö ei ole, niinkun nykyjäh ei ole tietäjie.

Čuarin poika piäsi elämäh lapsineh, naisienh ta eletäh vielä tänä päivänäki.

Sen pituni se starina.

25. Сказка о важенке

Были однажды муж и жена, у них не было детей. Жена говорит мужу:

– Сходи к знахарке: [не поможет ли], чтобы у нас появился ребенок.

Муж идет к знахарке:

– Не знаешь ли, бабушка, средства для того, чтобы у нас появился ребенок?

Знахарка нашептала на воду в туюске.

– Не выпей, мужик, эту воду по пути, отнеси ее жене.

Отправился мужик домой. Светило солнце; мужик устал и захотел спать. Он взял и отхлебнул немного воды из туюска, оставшуюся отнес жене и говорит:

– Знахарка сказала, что, когда ты выпьешь эту воду, ты забеременеешь, – а того не сказал муж, что он и сам выпил этой воды.

У жены начал расти живот, и у мужа стал расти живот, оба беременны. Им очень стыдно, что они оба беременны. Пришло время им рожать. У мужа приближаются роды, и он идет рожать в лес: ведь мужчины никогда не рожали. И рождается у мужика в лесу дочь. Дочь получилась очень красивая. Думает мужик: «Не возьму я ее домой», – и забросил дочь на ветку дерева. Приходит муж домой – а жена родила сына.

Царевич ездит верхом по лесу, и когда подъезжает к тому дереву, где девочка, собака начинает лаять на дерево. Царевич ничего не видит, такие густые ветви у дерева. Он бьет, ругает собаку: «Лаешь попусту». Ночь проехал царевич, думает, что «наверняка там было что-то на том дереве, зря я не влез [на дерево] и не посмотрел хорошенько».

На следующий день царевич опять отправляется на охоту. Едет верхом на коне, собака у него с собой. Подъезжает к тому же дереву – собака еще пуще стала лаять на дерево. Парень влезает на дерево и видит призрака человека, человек голый. Царевич говорит:

– Если ты человек, то спускайся, если какое другое существо, то исчезни.

Девочка отвечает:

– Братец, я человек, но я голая, мне стыдно спускаться с дерева.

Царевич снимает с себя сюртук и бросает девочке, говорит:

– Надень это и спускайся.

Девочка надевает сюртук и спускается с дерева вниз. Царевич спрашивает:

– Как ты, бедная девочка, оказалась на этом дереве?

Девочка отвечает:

– Мужик меня выносил, ворон меня вырастил, ветерок укачивал, струи воздуха ласкали, небесная вода умывала.

Парень говорит:

– Я посажу тебя на коня и отвезу в человеческий мир.

Девочка, рожденная мужиком, очень красивая, и ей уже пятнадцать лет. Вместе с царевичем она приезжает в царев дом. Ее кормят, поят.

Девочку одели в царскую одежду. На плечах у девочки запели птицы, на голове у нее стала куковать кукушка, на подоле зазвенели колокольчики. Царевич влюбился в нее и спросил у родителей разрешения взять эту девушку в жены. Родители дали на это согласие. Из девушки получилась великолепная супруга для царевича. Она зачала и родила сына. Царь позвал Сюоятар в повитухи к царевой невестке. Роженицу отвели в баню, туда же пошла и Сюоятар-повитуха. Сюоятар говорит:

– Плюнь, потаскуха, в мои ножны, обернись черной важенкой и беги в лес.

Она [невестка] плюнула, обернулась важенкой и умчалась в лес. Сюоятар осталась с ребенком в бане вместо жены царевича.

Жену царевича привели из бани – птицы на плечах больше не поют, кукушка не кукует на голове, и колокольчики не звенят на подоле. Ребенок плачет, ничем не могут его утешить.

Пастух царя пасет в лесу стадо. Он разжег в лесу костер и сидит у костра. К нему подходит серая важенка, сбрасывает шкуру и оборачивается человеком. Пастух смотрит – «это, должно быть, невестка царя» – и спрашивает:

– Как ты, бедняжка, оказалась здесь?

Невестка говорит:

– Сюоятар заклала меня быть здесь черной важенкой. Сама она теперь жена царевича вместо меня. Хочу узнать у тебя, пастушок, новости: плачет ли мой сынок, колышется ли мой листок, поет ли моя птичка, печален ли мой господин?

Пастух отвечает:

– Плачет твой сынок, не колышется твой листок, не поет твоя птичка, печален твой господин.

– Попроси, мой пастушок, не дадут ли мне моего сыночка, ведь груди полные молока, пусть бы покормился. Завтра олени отправляются в дальние страны, туда и мне надо уходить.

Пастух говорит:

– Сказать я могу; если дадут, принесу тебе завтра сына на это место в кошеле.

Девушка набросила на себя шкуру и обернулась важенкой.

Пастух говорит царевичу:

– Дай мне завтра своего сына в лес, положу его в кошель: может, он в лесу перестанет плакать, ведь там так красиво, и птички поют.

Сюоятар кричит, что она не отдаст сына на съедение комарам. Царевич положил ребенка в кошель.

Пастух приходит на место, где был вчера, и разжигает костер. Стал подзывать важенку:

– Важенка моя, иди свое дитя кормить,

свою кровиночку поить:

не ест у Сюоятар,

не пьет у Юоятар,

ни из берестяного рожка,

ни с кончика песта.

Важенка прибегает, сбрасывает свою шкуру и превращается в человека; берет ребенка на руки, начинает кормить грудью и плачет вместе с ребенком. Говорит:

– Принеси, пастушок мой, еще завтра ребенка, – и заворачивает ребенка, кладет в кошел. Обернувшись в важенку, женщина убегает в лес.

Пастух отнес ребенка в кошеле к царевичу. Ребенок не плачет в течение всей ночи, потому что поел. Пастух говорит царевичу:

– Твоя жена там, в лесу, [бегает] важенкой, Сюоятар вместо нее у тебя в женах.

Царевич спрашивает:

– Как же мы, пастушок, могли бы вернуть жену-важенку?

Пастух говорит:

– Когда я позову ее кормить ребенка, ты останься стоять поодаль, чтобы она тебя не видела. Когда важенка придет, сбросит свою шкуру и уснет на кочке вместе с ребенком, ты подойди и тихонько брось оленью шкуру в костер, – пусть сгорит.

Пастух и царевич с ребенком в кошеле отправились в лес. Пастух зовет:

– Важенка моя, важенка моя,

приди свое дитя кормить,

свою кровиночку поить:

не ест у Сюоятар,

не пьет у Юоятар,

ни из берестяного рожка,

ни с кончика песта.

Важенка прибежала, сбросила шкуру и стала кормить ребенка, [потом] уснула вместе с ребенком на кочке. Пастух подзывает царевича – царевич бросает шкуру в огонь. Пастух добавляет огня. Шкура как вспыхнула, женщина проснулась и говорит:

– Моя шкура сгорела, что теперь со мной будет: не смогу быть ни человеком, ни важенкой?

Женщина обернулась в змею – царевич разрубил змею мечом. Женщина обернулась в лягушку – он опять разрубил ее мечом пополам, обернулась в ящерицу – и ее царевич разрезает мечом пополам. Обернулась в скалку, потом превратилась в человека, в жену царевича, какой раньше была. Закуковала кукушка у нее на голове, птицы запели у нее на плечах, колокольчики зазвенели на подоле. Женщина говорит:

– Я не уйду из леса: все равно Сюоятар меня убьет.

– Мы знаем, что сделать с Сюоятар.

И они пошли.

Когда важенка превратилась в человека, в царском саду зазвенели листья на деревьях; царь и Сюоятар удивляются этому.

Пастух, царевич, его жена и ребенок идут в царский дом. Царь с супругой смотрят в окно [и видят], что и прежняя невестка возвращается, и очень обрадовались.

Царевич велит истопить очень жаркую баню, под дверью бани велит выкопать яму глубиной в три сажени и зажечь в ней смолу. Служанкам сказали, чтобы они расстелили красную дорожку от избы до бани и вели Сюоятар под руки [в баню] и сбросили ее в яму.

Служанки ведут Сюоятар [в баню]. Сюоятар смеется, довольная, головой из стороны в сторону вертит: вот, мол, как единственную невестку царя ведут по красной дорожке в баню.

Служанки сбросили Сюоятар в огненную яму. Сгорая, та кричит:

– Пусть мои пальцы станут чертями,

Земляными червями,

Гнусом воздуха!

Волосы пусть превратятся в осоку,

В колючие заросли!

Потом из волос Сюоятар вырос колючий шиповник и осока. Ведьма Сюоятар сгорела в той яме, и сейчас ее нет, как нет и знахарей.

Царевич стал жить со своим ребенком и своей женой, и они живут еще и поныне.

Вот такой длины эта сказка.

26. Juakko-pastuhha

On ennein Juakko-pastuhha. Hiän paimentau lehmie kolmekymmentä vuotta. Palkkua ei ota ni keltä.

Lähtöy hiän paimenesta pois. Hänellä annetah yksi rieskani evähiksi.

Hiän lähtöy Jumalalta prosken`n`ua pyytämäh. Tai mänöy taivahan rantah. Sielä on traput. Nousou Juakko-pastuhha trappuja myöten. Piäsi yhet vajat. Kysyy:

– Onko Ivan Pahoslava koissa?

Sanotah:

– Ylempänä on vielä taivahassa.

Nousou toiset traput. Kysyy:

– Onko Ivan Pahoslava koissa?

Sanotah:

– Vielä ylempänä on taivahassa.

Nousou kolmannet traput. Piäsi taivahah. Kysyy:

– Onko Ivan Pahoslava koissa?

An`helit sanotah:

– On koissa.

Paimen mänöy Ivan Pahoslavan luo, sanou:

– Onko riähällä prosken`n`ua? Mie olen kolmekymmentä vuotta lehmie paimentan. Läksin prostiutumah siun luoksi.

Ivan Pahoslava sanou:

– Jumala prostiu.

– A miteinpä, kun yksi mies poltti toiselta mieheltä kojnin. Voitko senki prostie Jumala?

Ivan Pahoslava sanou:

– Hänen pitäy kolmekymmentä vuotta kantua suullah vettä jovesta palanuon talon sijalla. Siitä Jumala prostiu.

– Toini tytär sai mečässä lapsen, kun olin paimenessa. Hiän vuatetta pesi pruasniekkana. Voitko sen prostie?

Ivan Pahoslava sanou:

– Sen Jumala prostiu aivan paikalla. Hänen piti ne vuattieh pessä.

Paimen sanou:

– Kaksi naista kun maituo myötih rahvahalla ta puoleksi pantih vettä maijon sekah. Voitko Jumala sen prostie?

Ivan Pahoslava sanou:

– Ei sitä Jumala prosti. Hyö kun kuollah ne naiset, niin hiän pitäy tuossa ilmassa ilmani ikäh maituo selittyä vejestä. Yhteh ojah ammultua vesi, toiseh maito.

Juakko-pastuhha läksi taivahasta pois. Mänöy niijen naisien luo, mit oli pannun vettä maitoh, sanou:

– Teilä ei Jumala antan prosken`n`ua. Työ möittä vejen kera maituo rahvahalla. Tiän pitäy tuossa ilmassa ammultua yhteh jokeh vesi, toiseh maito ilmani ikäh.

Mänöy paimen sen miehen luo, mi toiselta mieheltä talon poltti. Sanou:

– Siula ei Jumala antan prosken`n`ua, ennein kun kolmekymmentä vuotta kannat suullas vettä palanehen talon sijalla.

Mänöy sen lapsensuajan naisen luo, mi pruasniekkana vuatetta pesi. Juakko-pastuhha sanou:

– Siula Jumala anto prosken`n`an. Siun piti likas pessä pruasniekkana.

Juakko-pastuhha mänöy siitä kotihih. Niin hiän poikamiehenä vanheni, eikä ottan akkua. Jumalanmolijana kuoli.

Siihi loppu Juakon starina.

26. Пастух Юакко

Жил раньше пастух Юакко. Он пас коров в течение тридцати лет, ни у кого не брал плату [за работу]. И вот он уходит из пастухов. Ему дают одну пресную лепешку в дорогу. Он отправляется просить прощенья у Бога. И вот он приходит на край неба – там лестница. Поднимается пастух Юакко по ступеням. Прошел одну лестницу, спрашивает:

– Дома ли Иван Богослов?

Отвечают ему:

– Он еще выше на небе.

Поднимается он по следующей лестнице; спрашивает:

– Дома ли Иван Богослов?

Отвечают:

– Он еще выше на небе.

Поднимается он по третьей лестнице – попал на небо. Спрашивает:

– Дома Иван Богослов?

Ангелы отвечают:

– Дома.

Пастух идет к Ивану Богослову и говорит:

– Есть ли прощенье греху? Я тридцать лет пас коров; пришел к тебе просить прощенья.

Иван Богослов говорит:

– Бог простит.

– А что, если один мужик сжег дом у другого мужика, – и это может Бог простить?

Иван Богослов говорит:

– Ему нужно тридцать лет носить во рту воду из реки на место сгоревшего дома – тогда Бог простит.

– Одна девушка родила в лесу ребенка, когда я пас коров. Она постирала свое белье в праздник. Это можно простить?

Иван Богослов отвечает:

– Это Бог сразу простит: ей нужно было постирать это белье.

Пастух продолжает:

– А когда две женщины продавали молоко людям и наполовину разбавляли его водой, может ли это Бог простить?

Иван Богослов говорит:

– Этого Бог не простит. Когда эти женщины умрут, им придется на том свете все время отделять молоко от воды – в один ручей сливать воду, в другой – молоко.

Пастух Юакко отправился с небес в обратный путь. Приходит к тем женщинам, что добавляли воду в молоко, говорит:

– Вас Бог не простил: вы продавали людям молоко с водой; вам придется на том свете весь век выливать в одну реку воду, в другую – молоко.

Приходит пастух к тому мужику, который сжег дом у другого мужика, говорит:

– Тебя Бог простит только [в том случае], если ты тридцать лет будешь носить ртом воду на место сгоревшего дома.

Приходит пастух к той роженице, что в праздник белье стирала; говорит пастух Юакко:

– Тебя Бог простил: тебе нужно было отстирать грязь в праздник.

Потом пастух Юакко пошел к себе домой. Так он холостяком и составил, не взял себе жены. Умер богомольцем.

Вот и конец сказке про Юакко.

27. [Ukon tytär ta Syöjättären tytär]

Oli ukko ta akka, ta heilä oli yksi tytär. Ukolta kuolou akka. Ukko jiiy leseksi. Hiän lähtöy akkua eččimäh. Tulou Syöjätär vastah ta kysyy:

– Mihi mänet, ukko?

– Akka kuoli, akkua eččimäh.

Syöjätär sanou:

– Ota milma akaksi.

Ukko sanou:

– Eikö tiälä muuta rahvasta ole kun Syöjätär? No lähe sie.

Syöjätär sanou:

– Mäne kotihis, ukko, mie lähen käyn prituaneita.

Ukko sanou tyttärelläh:

– Mie, tyttöni, löysin uuvven muamon siula. Mäni prituaneita käymäh.

Tulou tänä iltana.

Syöjätär tulou. Hänellä on prituaneita yksi tytär. Alettih elämäh siinä.

Syöjätär rupei vihuamah ukon tytärtä. Sanou:

– Mäne vie tyttäres meččäpirtillä kankasta kutomah.

Ukko sanou tyttärelläh:

– Suoriuhu, tyttäreni, ni mie vien siut meččäpirtillä kankasta kutomah.

Syöjätär panou evästä: tuhkuu jauhoksi, tervua voiksi, sammalta säkkih, mitä kesrätä kankahaksi. Ukko viey tyttären meččäpirttih. Tytär avuau säkin, näköy: sammalta on. Hiän itköy:

– Mitein tästä tulou lankua?

Rupei kesryämäh niitä, ne muuttu sulkuksi. Hiän kesryäy kaunistu sulkkurihmuu. Rupei keittämäh huttuo ičelläh. Avuau värčän: tuhkuu on värčissä. Kun rupei keittämäh, ne tuhkat muuttu vehnäjauhoksi. Keitti hutun, rupei syömäh. Terva muuttu voiksi. Syöy voin kera huttuo. Juoksou hiiri:

– Anna, čikkoni, miula huttuo, ni mie piässän surman tieltä.

Tytär nostau hänellä huttuo. Hiiri syyvvä naputtelou hutun ta voin sen piällä. Hiiri sanou tyttärelläh:

– Anna miula čiluses ta helyses. Kun ukko tulou siämeh, ni ei löyvä siuta.

Tytär antau ne. Hiiri mänöy piiloh. Tulou pirttih hyvin suuri ukko ta sanou:

– Luaji sija miula ovipenkillä, ičelläs peräpenkillä.

Tytär luatiu sijan. Tuli sammutetah. Hiiri tuli ta muutti tyttären nieklaksi, i pissältäy seinän rahoh.

Ukko i läksi eččimäh tytärtä, jotta söis. Hiiri alko juoksennella. Čiluset, helyset heläjäy. Hiiri juoksou joka juomukseh, joka rakoseh, jotta helyt heläjäy, eikä kuuluis tyttären henkitystä.

Kukko kieku puolenyön aikana. Ukko i kuoli pačkahti. Päivä valkuou huomeneksella. Hiiri muuttou nieklan jälelläh tyttäreksi. Mies makuau kuollehena. Pihalla on reki kultua, toini hopieta, kolmas samosvietloita kiviä. Tytär kesräi kaikki sulkut rihmaksiksi ta kuto sulkkukankasta. Ta sai kankahan valmeheksi. Vuottau, konsa tuatto tulou käymäh.

Ukko tulou käymäh tyttäreh. Tytöllä on kaikki valmehena. Lähetäh ajamah kolmella heposella.

Syöjättären tytär kaččou ikkunasta ta sanou:

– Ukko tulou tyttärineh: reki kultua, toini hopieta, kolmas samosvietloita kivie.

Koira haukkuu lattiella:

– Kiuk-kauk, kiuk-kauk. Ukko tulou tyttärineh: reki kultua, toini hopieta, kolmas samosvietloita kivie.

Syöjätär säplällä koirua piähä:

– Elä hauku sillä keinoin. Hauku, jotta ukko tulou – luut värčissä komajau.

Syöjätär karau: ukko tuli tyttärineh kolmella heposella pihah.

Syöjätär sanou tyttärelläh:

– Hyvin ruttoseh suoriuvu. Lähe kankasta kutomah meččäpirttih.

Suorittau tyttären. Panou sulkkuo värččih, vehnäjuhuhuo hutuksi ta voita tuijassuh. Lähtöy viey tyttären meččäpirtillä. Tytär rupieu sulkusta kesryämäh. Sulkut muututah sammaleksi, niistä ei tule ni mitänä. Rupei keittämäh huttuvo vehnäjuhuhosta. Jauhot muututtih tuhkaksi. Avuau voiaastien: voi on tervana. Rupieu syömäh. Juoksou hiiri:

– Anna, čikko, syyvvä.

Syöjättären tytär hiirtä kapustalla piähä:

– Vielä mitä siula, rupiesinki syöttämäh.

Hiiri kuoli. Tuli ilta. Tulou suuri ukko. Sanou tyttärellä:

– Luaji ičelläs peräpenkillä sija, miula ovipuoleh.

Ukko söi tyttären, leikkai vain nänmit pois. Panou ukko nänmit ta leuvan ikkunalla niinkun kaččomah. Toini ukko kanto entisen ukon ruavon pirttih oven piällä.

Syöjätär sanou:

– Pitäy lähtie kaččomah tyttäretä, joko on hyvin kankasta kuton.

Mänöy lähemmäksi meččäpirttie. Näköy nänmit ikkunalla. Sanou:

– Voi kun on kaunehie vehnäpullie paistan tytär, ta vielä nakrua irvottau.

Syöjätär oven avuau. Ukon ruavisko kirpoi hänen piällä. Ta siihi i kuoli Syöjätär.

Ukko vuottau akkua tai tyttäretä, jotta konsa tullah. Kun akka viipy, ukko läksi eččimäh akkua meččäpirtillä. Mänöy, kaččou: Syöjätär-muamo on kuollun, tytär syöty. Ukko juoksou hyvällä mielin kotih, kun piäsi pahoista eris. Ukko alko tyttären keralla elyäh hyväsesti.

Siihi se ni loppu.

27. [Дочь старика и дочь Сюоятар]

Были старик и старуха, и у них была одна дочь. Старуха умерла, и старик остался вдовцом. Отправился он искать себе жену. Идет навстречу ему Сюоятар и спрашивает:

– Куда, старик, направился?

– Старуха умерла, иду жену искать.

Сююятар говорит:

– Возьми меня в жены.

Старик отвечает:

– Что, здесь никого других нет, кроме Сююятар? Ну, пойдём.

Сююятар говорит:

– Ты иди домой, старик, а я схожу за приданым.

Старик говорит своей дочери:

– Я, доченька, нашел тебе новую мать, она пошла за приданым. Она придет сегодня вечером.

Приходит Сююятар. Приданого у нее – одна только дочь. Стали они тут жить. Сююятар возненавидела дочь старика. Говорит [старика]:

– Иди отведи свою дочь в лесную избушку ткать полотно.

Старик говорит своей дочери:

– Собирайся, доченька, я отведу тебя в лесную избушку: будешь ткать.

Сююятар собирает провизию: золу вместо муки, смолу вместо масла, мох кладет в мешок – из него надо спрясть волокно. Старик отводит дочь в лесную избушку.

Девушка открывает мешок и видит – там мох. Она заплакала:

– Как же из этого получится пряжа?

Стала она прясть – мох превратился в шелк; она прядет красивую шелковую нить. Стала она варить себе загусту. Открывает мешок – а в мешке зола. Когда она стала варить, эта зола превратилась в пшеничную муку. Сварила она загусту, стала есть. Смола превратилась в масло, – она ест загусту с маслом. Прибегает мышь:

– Дай мне, сестрица, загусты: я спасу тебя от смерти.

Девушка дала ей загусты. Мышь ест-уплетает загусту с маслом. Говорит мышь девушке:

– Дай мне свои бубенчики-колокольчики: когда старик войдет в избу, он не найдет тебя.

Девушка отдала их. Мышь спряталась.

В избу входит огромный старик и говорит:

– Постели мне постель на лавке у дверей, а себе – на лавке в задней части избы.

Девушка постелила постель. Погасили свет.

Прибежала мышь, превратила девушку в иголку и воткнула в щель в стене. Старик пошел искать девушку, чтобы съесть. Мышь начала бегать – колокольчики-бубенчики звенят. Мышь забегает в каждое углубление, в каждую щель, чтобы колокольчики звенели и не было слышно дыхания девушки.

В полночь пропел петух – старик и свалился, мертвый.

Забрезжил рассвет. Мышь превращает иглу обратно в девушку. Старик лежит мертвый. Во дворе стоят сани с золотом, вторые – с серебром,

третьи – с самоцветными камнями. Девушка спряла весь шелк в нити и стала ткать шелковую ткань. Вот уже ткань готова. [Девушка] ждет, когда за ней придет отец.

Приезжает старик за дочерью – у дочери все готово. Они едут домой на трех лошадях. Дочь Сюоятар смотрит в окно и говорит:

– Старик едет со своей дочерью: одни сани – полные золота, вторые – серебра, третьи – самоцветных камней.

Собака лает на полу:

– Киук-каук, киук-каук! Старик едет с дочерью: одни сани – полные золота, вторые – серебра, третьи – самоцветных камней!

Сюоятар стукнула собаку ухватом по голове:

– Не лай так, лай, что «старик едет – кости в мешке гремят».

Сюоятар смотрит – старик приехал со своей дочерью во двор на трех лошадях.

Сюоятар говорит своей дочери:

– Быстренько одевайся: отправляйся ткать в лесную избушку, – одевает дочь, кладет в мешок шелк, пшеничную муку на загусту и масло в туюсок. Отвезла дочь в лесную избушку.

Дочь стала прясть из шелка – шелк превратился в мох, из него ничего не выходит. Стала она варить загусту из пшеничной муки – мука превратилась в золу. Открывает она масленку – а там смола вместо масла. Стала она есть. Прибегает мышь:

– Дай мне, сестра, поесть.

Дочь Сюоятар стукнула мышь поварешкой по голове:

– Еще чего, буду я тебя кормить!

Мышь умерла. Наступил вечер. Приходит огромный старик, говорит девушке:

– Постели себе постель на задней лавке, а мне у дверей.

Старик съел девушку, только груди отрезал. Положил старик груди и челюсть на окно – якобы [девушка] смотрит. Этот старик положил труп предыдущего старика над дверью в избу.

Сюоятар говорит:

– Надо пойти проверить дочь: много ли она наткала.

Подходит она к лесной избушке, видит груди на окне, говорит:

– Ой, какие красивые булочки испекла дочь, да еще и смеется-скалится.

Сюоятар открыла дверь – и труп старика упал на нее; тут и померла Сюоятар.

Старик ждет жену с дочерью – когда придут. Поскольку жены уже долго не было, старик отправился на ее поиски в лесную избушку. Приходит, смотрит – Сюоятар-мать умерла, а ее дочь съедена. Старик бежит домой, радостный, что избавился от нечистых.

И стал старик жить со своей дочерью хорошо.

Тут и сказке конец.

28. Maitojoki-kiisseliranta

On naini ta mies. Heilä on kaksi lasta, poika ta tytär. Tytär on viisi vuotini, poika kolme vuotini. Mies ta naini lähetäh kyläh. Lapset jiahäh kotih. Muamo sanou tyttärellä:

– Olkua pirtissä, poikua ei sua viijä ulos.

Tytärellä tuli niin ikävä siinä olla. Hiän ottau sen pojan ta vicy pihalla. Tytär mänöy toisien lapsien keralla eloistelomah, pojan unohtau pihalla.

Hanhikarja lentäy. Hanhet poika otetah selkähäh ta viijäh männessäh. Tytär kun aikah elostelou toisien kera, juohtuu mieleh: «Olihan miula veikko».

Hiän sitä kyytie juoksomah, veikkuo eččimäh. Tytär mänöy siihi paikkah, mihi hiän jätti veikkoh. No poikua ei ole siinä. Tytär juoksomah. Hiän ei tiijä, mihi männä eččimäh nyt.

Tuattoh ta muamoh tullah kotih. Lapsija ei ole koissa ni kummaista. Hyö eččitäh mualta, vejestä, kylästä, joka paikasta. Ei lapsija tiijetä ni ken.

Tytär vain juoksou ta itköy. Tulou hanhi vastah. Kysyy tyttäreltä:

– Mitä sie, tyttöni, itet?

Tytär sanou:

– Kun veikkoni kato, ni sitä iten. Eikö, hanhi rukka, tiijä?

Hanhi sanou:

– Tiijän tai sanon, kun miulta nyhtänet nämä sulat.

Tytär sanou:

– Lujasta on hanhella sulka. En mie voi pienillä käsilläni nyhtie.

– No, kun et nyhi, nin en mie sano.

Hanhi lentämäh. Tulou kiukua vastah. Täysi on kiukua piiruata.

Tytär sanou kiukualla:

– Etkö, kiukuaseni, tiijä veikkuoni?

Kiukua sanou:

– Tiijän tai sanon, kun syönet miun kiukuasta piiruat.

Tytär sanou:

– Enkä voi syyvvä, enkä jouva.

– No kun et syö, nin en ni sano.

Mänöy tytär ielläh. Tulou maitojoki. Kiisselirannat on. Kiisseliranta kysyy:

– Mihi mänet, tytär?

Tytär sanou:

– Veikkuoni mänen eččimäh. Etkö, maitojoki-kiisseliranta, tiijä miun veikkuo?

Maitojoki-kiisseliranta sanou:

– Kun syönet maituo ta kiisselie tästä vähäsen, nin mie siun suatan veikkos luo.

Tytär söi kiisselimaituo. Sillä kertua oli pikkaraisessa pirtissä.

Kaččou: siinä pirtissä on hänen veikko, eloistelou lattiella. Kaikenmoista kukkaista on iessä. Poika sanou:

– O, čikko, tulit sie! Tule eloistelomah miun kera. Miula hanhit tuuvvah kukkaista.

Tytär sanou:
 – Lähe nyt, veikkoni, pois. Tuatto ta muamo ečitäh, eikä tiijetä, missä myö olemma.
 Ottau tytär pojan selkäh. Lähtöy kotih mänömäh.
 Maitojoki-kiisseliranta sanou:
 – Syökyä, lapset, tästä vähäni.
 Hyö syyvväh maituo ta kiisselie, ta piästih toisella puolen joven.
 Tytär otti selkäh pojan, läksi ielläh mänömäh. Mäni piiruakiukuan luo.
 Kiukua sanou:
 – En piässä, kun et ruvenne piuruata syömäh.
 Tytär sanou:
 – Nyt mie jouvan syömäh piiraita, kun veikkoni löysin.
 Hyö syötih niitä monies piirua ta lapset lähettih ielläh mänömäh.
 Männäh hanhen kohtah. Hanhi sanou:
 – Kun et nyhtine miulta sulkie, mie en piässä mänömäh.
 Tytär ta poika tartuttih hanheh kiini ta niin ruttoseh nyhittih ne sulat pois, ta piästih mänömäh ielläh.
 Tytär ta poika mäntih kotih. Tuattoh ta muamoh ollah niin harmissah jo kuolomah kielissä, kun lapset heiltä kavottih.
 Lapset heilä löyvyttih. Piästih etehpäin elämäh.
 Ta siihi loppu.

28. Молочная река – кисельные берега

Живут муж и жена. У них два ребенка, мальчик и девочка. Девочке пять лет, мальчику три года. Муж и жена уходят в гости, дети остаются дома. Мать говорит дочери:

– Сидите дома, брата нельзя выводить на улицу.

Девочке стало так скучно сидеть дома, – она взяла и вывела брата на улицу. Девочка пошла играть с другими детьми, а брата забыла во дворе.

Прилетела стая гусей. Гуси взяли мальчика, посадили на спину и унесли с собой.

Девочка поиграла какое-то время с другими детьми и вспомнила: «У меня же был брат [с собой]!». Она тут же побежала искать брата. Девочка прибежала на то место, где она оставила брата, – а брата там нет. Девочка бросилась бежать, но она не знает, где теперь искать брата.

Отец и мать приходят домой – детей нет дома. Они ищут на земле, в воде, в деревне – везде. Никто ничего не знает о детях.

А девочка все бежит и плачет. Встречается ей гусь, спрашивает у девочки:

– Что ты, девочка, плачешь?

Девочка отвечает:

– Мой брат потерялся, потому и плачу. Не знаешь ли ты, гусек, где он?

Гусь говорит:

– Знаю и скажу, если выщиплешь у меня эти перья.

Девочка говорит:

– Крепко держатся у гуся перья, не могу я маленькими ручками выщипать.

– Ну, раз не выщиплешь – я не скажу, – и гусь улетел.

Повстречалась девочке печь, печь – полная пирогов. Девочка говорит печке:

– Не знаешь ли ты, печенька, где мой братец?

Печь отвечает:

– Знаю и скажу, если съешь мои пироги.

Девочка говорит:

– Не могу я съесть, и некогда мне.

– Ну, раз не съешь – и я не скажу.

Идет девочка дальше. Встречается ей молочная река с кисельными берегами. Кисельный берег спрашивает:

– Куда идешь, девочка?

Девочка отвечает:

– Иду брата искать. Не знаешь ли ты, молочная река – кисельные берега, где мой брат?

Молочная река – кисельные берега отвечает:

– Если поешь отсюда немного молока и киселя, то я доставлю тебя к брату.

Девочка поела киселя с молоком – и в тот же миг оказалась в маленькой избушке. Смотрит – в этой избе ее брат, играет на полу, разные игрушки перед ним. Мальчик говорит:

– Ой, сестренка, ты пришла! Иди играть со мной, мне гуси приносят игрушки.

Девочка говорит:

– Пойдем, братец, отсюда. Отец и мать ищут нас и не знают, где мы.

Девочка посадила брата себе на спину и отправилась домой.

Молочная река – кисельные берега говорит:

– Поешьте, дети, отсюда немного.

Они поели молока и киселя – и попали на другой берег реки. Девочка взяла брата на спину и пошла дальше. Дошла она до печки с пирогами.

Печь говорит:

– Не пущу, пока не поешь пирогов.

Девочка говорит:

– Теперь я могу поесть пирогов, когда нашла брата.

Дети поели пирогов и отправились дальше. Приходят они в то место, где был гусь. Гусь говорит:

– Пока не выщиплешь у меня перья, я не пущу дальше.

Девочка и мальчик вцепились в гуся и так быстро выщипали те перья, и смогли отправиться дальше.

Пришли девочка и мальчик домой, – а родители так расстроены, чуть не умерли, оттого что у них дети пропали. [Теперь] их дети нашлись, и стали они жить дальше.

Тут и сказке конец.

29. Hätikkö-tyttären starina

Oli kaksi čikkuo. Toini on laiska. Sen nimi on Hätikkö. Toini on Virkku ta ruatau kaikki. Virkku-tytär pesi pyykkie. Mäni avannolla huuhtomah vuatteita. Hänellä oli pualikka. Se kirpoi avantoh. Tyttö hyppyäy avantoh pualikalla jälkeh. Järven pohjasta läksi levie tie. Tyttö ei löyvä pualikkua ta läksi tietä myöte mänömäh. Tien piässä tulou talo. Mänöy talon siämeh. Talossa on koukkuleuka- akka. Akka kysyy:

– Mistä olet, tyttön?

Tyttö vastuau:

– Tuolta olen yläilmoilta.

– Mitäpä sie tänne läksit? – kysyy akka.

– Läksin työtä-ruokua eččimäh. (Ei ruohti sanuo, jotta hiän läksi pualikkua eččimäh.)

– Miula on työtä i ruokua.

Syöttäy, juottau tyttären. Sanou:

– Mäne liäväh. Lypsä lehmät ta aseta hyväsesti.

Lehmät ollah pahansiivoset, sitassa. Tytär lämmitäy vettä ta pesöy ne hyväsesti. Lehmät ruokkiu, lypsäy, tulou pirttih, tuou majjon akalla.

Akka mänöy liäväh. Kysyy lehmiltä:

– Mitein uusi piika ruato, hyvinkö ruokki?

Lehmät sanotah:

– Hyväsesti pesi, ruokki, lämmitäy juomista anto, hyväsesti lypsi.

Akka syöttäy, juottau tyttären hyvällä mielin, kun niin hyväsesti ruato.

Tytär kysyy:

– Mitäpä nyt on työtä?

Akka sanou:

– Lämmitä kyly ta pese hyväsesti lapset.

Hiän mänöy, lämmitäy kyllyn, vejen kuumentau, vassat laittau valmeheksi. Tulou pirttih ta sanou:

– Kyly on, täti, valmis.

Akka panou tuohiropeheh sammakon poikasie ta čičiliuskuja, i sanou:

– Mäne pese nämä lapset.

Tytär mänöy ta ajattelou, jotta hyvät on nämä lapset. Tytär pesi lapset yksitellen, valo puhtahalla vejellä, pani ropeheh. Toi pirttih lapset akalla. Nosti kiukuahan korvalla. Akka kysyy lapsilta:

– Hyväsestikö kylvetti?

Lapset sanotah:

- Hyväsesti. Sie et ole meitä ni konsa niin hyväsesti pessyn. Hiän pesi ta valo meijät kaikki yksitellen.

Akka sanou:

- Nyt, tyttön, mäne poikes. Miula ei ole enämpi mitänä työtä.

Antau tyttärellä palkaksi kaksi lipasta. Tytär läksi, otti yhen lippahan yhteh käteh, toisen lippahan toiseh käteh ta männessäh löytäi i pualikan. Tulou kotih. Hätkkö-tytär sanou:

- Missä sie olit?

Hiän sanou:

- Huhhoin pyyhkie, kirvotin pualikan. Läksin sitä eččimäh. Jouvuin tietä myöten taloh. Olin sielä piikana. Nämä lippahat sain palkaksi.

Tyttö avuau lippahat: yhdessä on kultua, toisessa sulkkuo.

Hätikkö-tyttärellä rupei mieli tekömäh, jotta pitäy hänenki lähtie sinne ta suaha palkaksi semmoset lippahat. Hiän pesi vähäsen pyykkie, mäni huuhtomah, loi pualikan avannolla jiän alla ta iče hyppäi jälkeh. Mäni tietä myöte samaseh taloh, missä oli ollun čikko. Talossa akka kysyy:

- Mistä olet, tyttö, mitä läksit tänne?
- Tuoltahan yläilmoilta. Läksin työtä-ruokua eččimäh.

Akka sanou:

- Miula on työtä ta ruokua.

Syöttäy, juottau sen tyttären. Käsköy liäväh:

- Mäne juota ta lypsä lehmät.

Tytär mänöy liäväh. Trähniy kylmyä vettä eteh, miltä hännän, miltä nännin, miltä sarven kiskou ta vielä noituu lehmie. Tulou tupah:

- Tässä on maito, työt on ruattu!

Akka mänöy liäväh, kysyy lehmiltä:

- Mimmoni on piika?

Lehmät itetäh tusissah, kun hiän kellä mitäki pahua ruato. Akka kysyy:

- Mitä työ itettä?

Lehmät sanotah:

- Semmosen piijan laitoit, mi trähni viluo vettä eteh ta meijät kaikki vaivasilla päivillä löi.

Tulou akka pirttih. Sanou piijalla:

- Mäne lämmitä kyly.

Mänöy tyttö, pikkusen lämmittäy, savun keralla pačkuau kiukuan pellin. Tulou pirttih, sanou akalla:

- Kyly on valmis!

Akka panou lapset – sammakot ta čičiliuskut – tuohiropeh ta käsköy kylvettämäh. Tyttö viey kylyh lapset. Sielä on savuo. Pačkuau sammakot ta čičiliuskut ropeh yhtäaikua. Viluo vettä piällä. Eikä sen paremmiin kylvetä. Katkuau miltä hännän, miltä jalan, puhkou silmät. Lapset itetäh, karjutah. Akka kysyy:

- Mitein piika kylvetti?

Ne itetäh ta sanotah, jotta puolet tappo ta loput suatto vaivasiksi.

Akka sanou:

– Mäne nyt poikes. Ei ole työtä enämpyä meilä.

– Tytär lähtöy pois. Akka antau kaksi lipasta. Sanou:

– Kun mänet kotihis, avua nämä riihen kynnyksellä, nin se tulou täysi eluo.

Tytär mäni hyvällä mielin, jotta nyt hänellä on tavaruua näin kaunehissa lippahissa, ta mäni riiheh. Niin hiän avai lippahat: toisessa on tulta, toisessa tervua. Riihi sytty palamah. Hätikkö-tytär tuli niin mussaksi savusta, kuin terva, ta semmoseksi jäi koko ijäkseh.

Siihi se loppu.

29. Сказка о девушке-неряхе

Было две сестры. Одна – ленивая, ее зовут неряхой. Другая – прилежная и все делает. Прилежная девушка стирала белье. Пошла на прорубь полоскать белье. У нее был валеk, он упал в прорубь. Девушка спрыгнула в прорубь за вальком. На дне озера была широкая дорога. Девушка не нашла валька и пошла по дороге. В конце дороги стоит дом. Заходит в дом. В доме старуха-подбородок кочергой. Старуха спрашивает:

– Откуда ты, доченька?

Девушка отвечает:

– Оттуда, с верхнего света.

– Зачем ты сюда пришла? – спрашивает старуха.

– Пошла работы, еды искать. (Не смеет сказать, что она пошла валеk искать.)

– У меня найдется работа и еда.

Кормит-поит девушку. Говорит:

– Пойди в хлев. Подои коров и уברי хорошенько.

Коровы грязные, в навозе. Девушка греет воду и моет их хорошенько. Коров кормит, доит, приходит в избу, приносит молоко старухе. Старуха идет в хлев, спрашивает у коров:

– Как новая служанка работала? Хорошо ли накормила?

Коровы говорят:

– Хорошо вымыла, накормила, теплое пойло дала, хорошо подоила.

Старуха кормит-поит девушку, довольная, что [та] так все хорошо сделала. Девушка спрашивает:

– Что теперь делать?

Старуха говорит:

– Натопи баню и вымой хорошенько детей.

Она идет, топит баню, воду греет, веники готовит. Приходит в избу и говорит:

– Тетя, баня готова.

Старуха кладет в берестяной короб лягушат и ящериц и говорит:

– Иди вымой этих детей.

Девушка идет и думает, что ничего себе дети. Девушка вымыла детей поодиночке, окатила чистой водой, положила в короб. Принесла старухе в избу детей. Подняла на припечек. Старуха спрашивает у детей:

– Хорошо ли выпарила?

Дети говорят:

– Хорошо. Ты никогда нас так хорошо не мыла. Она вымыла и окатила всех нас поодиночке.

Старуха говорит:

– Теперь, доченька, иди обратно. У меня больше нет работы.

Дает девушке в награду два сундучка. Девушка пошла, взяла один сундучок в одну руку, другой сундучок в другую руку, а по пути нашла еще и валец. Приходит домой. Девушка-неряха говорит:

– Где ты была?

Она говорит:

– Полоскала белье, уронила валец, пошла его искать. Попала по дороге в дом, была там служанкой. Эти сундучки получила в награду.

Девушка открывает сундучки – в одном было золото, в другом – шелка.

Девушка-неряха тоже захотелось туда пойти и получить в награду такие сундучки. Она постирала немного белья, пошла полоскать, бросила валец в прорубь под лед и прыгнула сама следом. Пошла по дороге в тот же самый дом, где была ее сестра. В доме старуха спрашивает:

– Откуда ты, девушка, зачем пришла сюда?

– Оттуда, с верхнего света. Пошла работы и еды искать.

Старуха говорит:

– У меня есть работа и еда.

Кормит, поит эту девушку. Посылает ее в хлев:

– Иди напои и подои коров.

Девушка идет в хлев. Плеснула коровам холодной воды, у которой хвост, у которой сосок, у которой рог оторвала да еще кричит на коров. Приходит в избу:

– Вот молоко, работа сделана!

Старуха идет в хлев, спрашивает у коров:

– Какова служанка?

Коровы плачут от боли, ведь она каждой какой-нибудь вред причинила. Старуха спрашивает:

– Почему вы плачете?

Коровы говорят:

– Такую служанку прислала, которая плеснула нам холодной воды и всех нас искалечила.

Приходит старуха в избу. Говорит служанке:

– Иди натопи баню.

Идет девушка, немножко топит, с дымом закрывает баню. Приходит в избу, говорит старухе:

– Баня готова!

Старуха кладет детей – лягушек и ящериц – в берестяной короб и велит выпарить их. Девушка несет детей в баню, там дымно. Бросает лягушек и ящериц всех разом в корыто, холодную воду льет на них. И не попарила вовсе. Ломает кому хвост, кому ножку, глаза выкалывает. Дети плачут, кричат. Старуха спрашивает:

– Как служанка вас попарила?

Те плачут и говорят, что половину их она убила, а остальных сделала калеками. Старуха говорит [неряхе]:

– Теперь можешь идти. Нет у нас больше работы.

Девушка уходит. Старуха дает два сундучка. Говорит:

– Когда придешь домой, открой эти [сундучки] на пороге риги, и она будет полна добра.

Девушка пошла обрадованная, что у нее такие красивые сундучки с добром, и зашла в ригу. Как она открыла сундучки – в одном был огонь, в другом смола. Рига загорелась. Девушка-неряха почернела от дыма, как смола, и такой осталась на всю жизнь.

На том и кончилось.

30. Kultasirkka

Oli ennen ukko ta akka. Heilä on poika. Eletäh meren suassa. Poika otti naisen. Suatih tytär. Sillä pantih nimeksi Kultasirkka. Tytöltä kuollah tuatto ta muamo. Vanhalta ukolta, tyttären tuaton tuatolta, kuolou akka. Vanhalla ukolla jäi Kultasirkka kasvatettavaksi. Heilä on lehmä ta kissa. Lehmän nimi on Kirjo. Kissan nimi on Mirri. Kultasirkka ruokkiu Murrie, ukko ruokkiu lehmyä.

Kerran on kaunis päiväpaisto, Kultasirkka istuu kallivolla. Kaččou pal't'ahie jalkojah, kun ne on päivä puahtan ruskieksi. Sirkka solahtau rannalla ta rupieu pesömäh jalkojah, jotta ne valottais, kun päivä on puahtan ne ruskieksi. Suaren rannalla on turpie ruuvvikko. Sirkka kaččou, kun tuuli liikuttelou ruuvvon päitä. Ruuvvikosta nousou vihrie piä. Se lähenöy, lähenöy Sirkkua kohti. Hiän on põlästyn, jotta mi se on. Piä sanou tyttärellä:

– Eikö siula, tytär, ole ikävä elyä ukon kera kahen? Kačohan, kun meri on kaunis, laivat kulkou ta soitetah. Etkö lähe miun kera? Mie siut veisin semmoseh paikkah, missä olis hyvä olla.

Tytär nousi kallivolla. Hänellä tuli oikein uni. Hiän uino. Se pakauttaja oliki mato. Mato kuikerehti tyttären muatessa suuhu ta mäni vaččah. Tytär yht'äkkie nousi, mäni meren rantah ta mäni mereh. (Hiän ei tietän enämpyä mitänä ičestäh.)

No ukko häntä eččiy, ikävöiččöy. Mirri ikävöiččöy. Toisen pienen mökin poika, samanikähini kuin Sirkka, niisi eččiy. Sirkan tuuli kanto merestä poikki čuarin rantah. Mato mäni suusta järven pohjah. Tytär nousou portahalla ta hänen on nyt oikein paha olla. Hiän itköy, kun ei tiijä, jotta mihi hiän on nyt joutun. Siihi itkuh uinou čuarin portahalla. Mato tuas tulou ta mänöy suuhu

tyttärellä. Čuari kävelöy rannassa naiseh keralla. Heilä ei ole lasta. Nähäh kun portahalla makuau oikein kaunis tyttö. Sillä on oikein kaunehet kiharat tukat. Čuari sanou akallah:

– Otamma tämän tyttären ta viemmä kotih nukkuvana. Kun havaččeutuu, ni kysymmä, mistä hiän on tähä joutun.

Niin vietih Kultasirkka čuarin kotih, pantih krovattih muate. Kultasirkka havaččeutuu, avuau silmäh, kaččou kun on semmoset ohutapaikat, jotta hiän ei ole ijässäh nähyn. Čuari ta akka kačotah häntä, jotta mitä hiän rupieu sanomah.

Sirkka sanou:

– Missä on miun Mirri? Missä on miun ukko? Missä on Kirjo?

Kun häntä ruvettih pakauttamah, hiän on niin vihani, jotta kaikki sylköy silmillä. (Kiärmis kun on vačassa.)

Čuari ta čuarin akka suoritetah hänet hyvih vuateih, niinkun čuarin tytär ainaki. Syötetäh hyvyä ruokua ta käytetäh kaikissa hiviloissa. Kultasirkka vain on vihani ta sihajau niinkun kiärmis.

Pantih Kultasirkka muate. Kiärmis suusta nousi ta mäni mereh. Kiärmis sanou toisilla kiärmehillä:

– Kolmen päivän piästä Kultasirkka pitäy käyvä miula morsiemekse.

Kultasirkka havaččautu yöllä. Kaččou kun hiän on semmosessa huonehessa, jottei ole konsana nähyn niin hyvie paikkoja. Nyt hiän oli niinkuin ihmini ainaki (kun kiärmis ei ollun vačassa). Hiän itköy niin äjjän, jotta vesilampi tulou lattiella kyynälistä.

Suaressa ukon nuapuripoika sanou:

– Mie luajin pienen venehen ta purjehen, ta lähen Kultasirkkua eččimäh.

Poika luati venehen ta purjehen, ta läksi Kultasirkkua eččimäh.

Tuli myötätuuli. Poika alko seilata mertä myöte. Tuuli vei hänet čuarin rantah, siihi, missä on Kultasirkka.

Venehen perässä alko uallot paissa sillä pojalla:

– Mäne nyt ruttoseh, Kultasirkka on nyt rannassa, portahalla venyy. Hiän on čuarilla tyttärenä, čuarin tyttären vuateissa. Nyt hänellä ei ole mato marassa. Nyt mato tulou mereh. Kiirehä ruttoseh! Kun mänet, ni čuarin rannassa on kallivo. Sen lomassa on hyvin pität helmet. Ne on tultu Kultasirkan kyynälistä, kun hiän on niin äjjän itken. Ota ne helmet sieltä ta vie Kultasirkalla. Sano, jotta nyt tulou mato tähä portahan viereh. Kultasirkka ruvekkah muate siihi portahalla. Mato kun rupieu nousomah Kultasirkalla suuhu, ni sie heitä nämä helmet mavon piällä, ni se kuolou, eikä piäse enämpi Kultasirkalla vaččah.

Niin poika mäni rantah venehelläh purjehet kera. Kultasirkka siinä istuu ta itköy. Kultasirkka ihastuu, kun näköy pojan. Samoin ihastuu poika, kun näköy Kultasirkan. Poika sanou:

– Sie issu tähä portahalla, nin mie pelassan silma tästä.

Mato jo tulou. Heilä tulou kiireh. Kultasirkka venyttäytyy portahalla. Mato pitäy, jotta Kultasirkka on uinon ta hiän piäsöy Kultasirkalla suuhu. Mato kun

rupei nousomah Kultasirkalla suuhu, nin poika heittäy mavolla kaklah helmet, mit oli tuttu Kultasirkan kynnälistä, kun hiän oli tolkussah. Mato siihi i kuolou. Poika sanou:

– Nouse pois, Kultasirkka, nyt rupiemma pakajamah.

Sirkka vain itköy, kun ei tiijä, mitein on joutun.

Poika sanou:

– Mie luajin uuvven venehen ta purjehen ta läksin silma eččimäh. Miula tuli myötätuuli ta toi milma tänne čuarin rantah. Miula uallot, mi venehen perästä tuli, sanottih, jotta sie olet tiälä čuarin tyttärenä. Nämä helmet käsettih ottua kallivon lomasta ta panna mavolla kaklah, mi siula suusta käyt marah.

Sirkka kysyy pojalta:

– Vieläkö eletäh ukko, Mirri, Kirjo?

Poika sanou:

– Vielä eletäh kaikki tervehenä. Nyt lähemmä pois.

Kultasirkka sanou:

– Lähemmä käymmä čuarih hyvästi jättelömäh ta kiitämmä kaikesta. Nämä čuarin tyttären vuattiet mie vien poikes.

Kultasirkka mäni čuarin kotih. Pyytäy antieksi, kun hiän oli paha ta kertou koko sen starinan, min poika hänellä sano.

Čuari sanou:

– Etkö jiä meilä tyttäreksi, kun noin hyväksi tulit ta olet noin kaunis?

Kultasirkka sanou:

– En mie huoli čuarin elämästä. Mie mänen sinne pieneh mökkih, missä on ukko, Mirri ta Kirjo, sinne samah paikkah, missä olen syntyn.

Čuari antau hänellä hyvät jalkinehet, vuattiet, evästä ta kaikki mitä tarviččou.

Niin hyö, poika ta Kultasirkka, lähetti seiluamah. Tuas heilä tuli myötätuuli. Niin hyö mäntih Suaren rantah. Ukko tulou vastah. Kaččou: Kultasirkka on venehessä. Tytär kaččou: Mirriki juoksou hänellä vastah. Sirkka karjuu:

– Vieläkö Kirjo eläy?

Mänöy Sirkka pirtti. Se on oikein ruhkani ta likani, kun ei ole Kultasirkka ollun siivuomassa.

Kohta pirtti mäntih. Sirkka siivosi sen oikein puhtahaksi. Siitä tuli parempi koti kuin čuarilla (Sirkan mielestä).

Sirkka otti sen pojan miehekseh ta siinä hyö alettih elyä elvetellä.

Sen pituni se.

30. Златокудрая Сиркка

Были раньше старик и старуха. У них был сын. Они жили на острове в море. Сын женился, и у них родилась дочь, ее назвали Златокудрая Сиркка.

У девочки умирают отец и мать, и у старика – деда девочки – умирает жена. Осталась Златокудрая Сиркка деду на воспитание. У них есть корова

и кошка; корову зовут Кирьё, кошку зовут Мирри. Златокудрая Сиркка кормит кошку, а дед кормит корову.

Однажды, в красивый солнечный день, Златокудрая Сиркка сидела на скале. Смотрит она на свои голые ноги, – а они загорели на солнце. Сиркка спустилась на берег и стала мыть ноги, пытаюсь смыть загар. На берегу острова были густые заросли тростника. Сиркка смотрит, как ветер покачивает головки тростника [и видит], как из тростника поднимается зеленая голова. Она все ближе и ближе к Сиркке. Та испугалась: «Что это?» Голова говорит девочке:

– Девочка, тебе не скучно жить вдвоем с дедом? Смотри, какое красивое море, корабли плавают и музыка играет. Может, пойдешь со мной? Я отведу тебя в такое место, где тебе будет хорошо.

Девочка поднялась на скалу. Ей очень захотелось спать, и она уснула. А с ней разговаривал змей. Пока девочка спала, змей вполз через рот ей в живот. Девочка тут же встала, пошла на берег моря и вошла в воду, – она уже забыла, кто она.

Дедушка ее ищет, скучает, и Мирри скучает. Парень из другой маленькой избушки, ровесник Сиркки, тоже ее ищет. Сиркку ветер унес на другой берег моря, где жил царь. Змей выполз изо рта и ушел на дно. Девочка поднялась на мостки, и ей сейчас очень плохо. Она плачет, потому что не знает, где она. Так, плача, она и уснула на царских мостках. Змей опять приползает и вползает в рот девочке. Царь гуляет по берегу со своей женой. У них нет детей. Они видят, что на мостках спит очень красивая девочка: у нее очень красивые кудрявые волосы. Царь говорит своей жене:

– Давай возьмем эту девочку и отнесем ее спать домой. Когда проснется, спросим, как она здесь оказалась.

И они отнесли Златокудрую Сиркку домой, положили ее спать на кровать. Златокудрая Сиркка просыпается, открывает глаза и видит незнакомое место, которого она никогда раньше не видела. Царь и царица смотрят на нее: «Что же она скажет?»

Сиркка говорит:

– Где моя Мирри? Где мой дедушка? Где Кирьё?

Когда с ней пытались поговорить, она была такая злая, что аж плевалась (потому что змей был у нее в животе).

Царь и царица одели ее в красивые наряды – как настоящую царевну, хорошо кормят ее и водят по всем палатам. А Златокудрая Сиркка все злится и шипит, как змея.

Уложили Златокудрую Сиркку спать. Змей выполз изо рта и уполз в море. Говорит змей другим змеям:

– Через три дня надо привести Златокудрую Сиркку мне в жены.

Златокудрая Сиркка проснулась ночью и видит, что она находится в такой красивой комнате, – она никогда раньше не видела таких хором. Сейчас она как обыкновенный человек: змея-то нет в животе. Она так сильно плачет, что на полу образуется ламбина из ее слез.

На острове парень – сосед старика – говорит:

– Я построю маленькую лодку с парусом и отправлюсь на поиски Златокудрой Сиркки.

Парень смастерил лодку и парус и отправился искать Златокудрую Сиркку. Дул попутный ветер, и [лодка] плыла по морю. Ветер принес ее к царскому берегу, – туда, где была Златокудрая Сиркка. Волны за кормой лодки заговорили с парнем:

– Иди быстрее! Златокудрая Сиркка сейчас на берегу, лежит на мостках. Она в дочерях у царя, одета, как царевна. Сейчас у нее нет змея в животе, но змей скоро придет. Поспеш! Когда выйдешь на берег, [ты увидишь] скалу на берегу. В ее расщелинах – очень длинные бусы, они образовались из слез Златокудрой Сиркки: так много она плакала. Возьми эти бусы и иди к Златокудрой Сиркке. Скажи ей, что «сейчас к этим мосткам приползет змей». Пусть Златокудрая Сиркка ляжет спать на мостки. Когда змей попытается заползти ей в рот, ты брось эти бусы на змея, – и он умрет, не попадет больше Сиркке в живот.

Парень причалил на своем паруснике к берегу. Златокудрая Сиркка сидела там и плакала. Она очень обрадовалась, когда увидела парня, и парень тоже обрадовался, когда увидел Златокудрую Сиркку. Парень говорит:

– Ты садись на мостки, и я тебя спасу.

Вот уже змей приближается: им надо спешить. Златокудрая Сиркка легла на мостки. Змей думает, что она спит, и он сможет заползти Златокудрой Сиркке в рот, но как только он попытался это сделать, парень набросил змею на шею бусы, что образовались из слез Златокудрой Сиркки, и змей тут же умер. Парень говорит:

– Вставай, Златокудрая Сиркка, теперь мы можем поговорить.

Он продолжил:

– Я построил новую лодку с парусом и отправился тебя искать. Мне дул попутный ветер и принес меня сюда, к царскому берегу. Волны за кормой лодки рассказали мне, что ты здесь в дочерях у царя. Они велели взять эти бусы из расщелины скалы и бросить их на шею змею, который забирался к тебе в живот через рот.

Сиркка спросила у парня:

– Живы ли мой дедушка, Мирри и Кирьё?

Парень отвечает:

– Все живы, здоровы. Отправимся теперь обратно.

Златокудрая Сиркка говорит:

– Пойдем попрощаемся с царем и поблагодарим за все. Я верну эту одежду царевой дочери.

Златокудрая Сиркка пришла к царю. Она попросила прощения за то, что была плохой, и рассказала всю ту историю, которую ей рассказал парень. Царь говорит:

– Может, ты останешься и будешь нашей дочерью? Ты стала такой хорошей, и ты такая красивая.

Златокудрая Сиркка говорит:

– Не нужна мне царская жизнь. Я вернусь в ту маленькую избушку, где есть дедушка, Мирри и Кирьё, в то самое место, где я родилась.

Царь дал ей хорошую обувь, одежду, еду и все, что нужно. И они, парень и Златокудрая Сиркка, поплыли обратно. Опять им дул попутный ветер. Так они причалили к берегу острова. Дед вышел встречать, смотрит – Златокудрая Сиркка сидит в лодке. Девушка смотрит – и Мирри бежит встречать ее. Сиркка кричит:

– А Кирьё жива еще?

Входит Сиркка в избу, – а она такая грязная, потому что Сиркки не было, и некому было ее убирать. Сиркка навела порядок, и изба стала очень чистой. «Дом стал лучше, чем у царя», – так подумала Сиркка.

Сиркка вышла замуж за того парня, и стали они жить-поживать.

Такой длины сказка.

31. Osrat-kakrat erilläh, kiukua sijoillah

Oli ennen ukko ta akka. Heilä on tytär ta musta lammas. Lammas katou. Akka lähtöy lammasta eččimäh. Tulou Syöjätär vastah:

– Minne mänet, akka?

– Lammas kato, ni läksin eččimäh.

Syöjätär sanou:

– Syle, huora, huotrahas, muutu mussaksi lampahaksi.

– Enkä syle, enkä i muutu.

Syöjätär sanou toisen kerran:

– Syle, huora, huotrahas, muutu mussaksi lampahaksi.

Akka sylki huotrahas, muuttu mussaksi lampahaksi. Syöjätär akan tilah, läksi ukon luo ta sanou:

– Jo löysin lampahani, vain niin on paha, kun ei syö, eikä juo, tappua se pitäy.

Ukon tytär tuntou, jotta hänen muamo on mustana lampahana.

Tytär mänöy liäväh:

– Silma, muamoseni, tapetah. Syöjätär ei rupie syöttämäh.

Muamo sanou:

– Kun milma tapetah, elä syö rokkua, eläkä lihua. Kovo värččiseh luupalat ta vie valkieh vainijoh, valkien kiven alla.

Tapettih lammas, keitettih rokkua. Tytär ei syö rokkua, eikä ni lihoja.

Syöjätär sanou:

– Mitä tämä čirontka, kun ei syö rokkua, eikä lihoja!

Tytär sanou:

– Miula ei pie.

Tai ne kun syötih lihat lampahan. Tytär kaikki kovo luokappalehet värččiseh, vei valkieh vainijoh, valkien kiven alla.

Čuarissa tullah piirut sillä linnalla. Ukko, Syöjätär ta Syöjättären tytär suoritah piiruloih. Ukon tytärtä Syöjätär ei ota. Lähetäh, Syöjätär sanou:

– En muistan jättyä ukon tyttärellä työtä.

Muamoo Syöjätär jälelläh pirttih ukon tyttärellä työtä antamah. Kuatau kiukuan, panou osrua nellikkön, toisen kakrua sekalih ta käsköy ne erottamah. Siitä Syöjätär lähtöy. Tytär mänöy vainijoh, valkien kiven luo muamon lujien piällä ta itköy: millä hiän suau nyt osrat ta kakrat erottua?

Muamo sanou:

– Mitä, tyttöni, itet?

Tytär sanou:

– Tuatto ta Syöjätär tyttärineh lähettih čuarin piiruloih, miula Syöjätär jätti työtä: erottua nellä nellikköy osrua ta kakrua.

Muamo antau sauvan tyttärellä ta sanou:

– Mäne liikuta sauvalla osrie ta kakroja ta sano: «Osrat-kakrat erilläh, kiukua sijoillah». Kun osrat-kakrat männäh erilläh ta kiukua sijoillah, sie tule ta lyö sauvallas kolme kertua tätä kive ristih. Sieltä tulou semmoni heponi, millä on karva kultua, toini hopieta, kolmannella ei ni sviettua.

Tytär mäni kotih, liikutteli sauvalla ta sanou: «Osrat-kakrat erilläh, kiukua sijoillah».

Sillä kertua osrat-kakrat mäntih erilläh ta kiukua sijoillah.

Tytär mäni valkieh vainijoh, löi sauvalla kive ristih, sieltä tuli heponi, karva kultua, toini hopieta, kolmannella ei ni sviettua.

Heposen korvassa peseyty, toisessa suoriutu ta hänestä tuli niin vorssa neičyt, jotta ei ni missä muajilmassa ole nähty. Hyppyäy heposella selkäh, lähtöy ajamah čuarin piiruloih. Sitou paččahah heposen pihalla ta iče mänöy pirttih. Čuarin poika häneh hyvin mieltä. Häntä kisauttau. Viey syömäh, juomah ukon tyttären.

Syöjättären tytär ryömiksenteleöy stolan alla, kokuou suuhu muruja.

Ukon tytär potkai sitä Syöjättären tyttärtä. Siltä silmä i lähtöy. Čuarin poika tervuau skiäkän ovesta. Ukon tytär kun rupei lähtömäh, sormikas siilhi i tarttu. Hiän heposella selkäh ta ajo valkieh vainijoh, valkien kiven alla heposen pani ta i vuattieh. Mänöy kotih, alkau ruatua töitä. Ukko ta Syöjätär tyttärineh tullah. Tytär itköy-möläjäy, kun silmä piästä läksi. Ukon tytär sanou:

– Mitä tämä itkien tulou čuarin piiruloista?

Syöjätär sanou:

– Ka mitä hiän ei ite, kun čuarin pojan keralla hyppi palatti palatilta, sielä silmäh mänetti. (Hiän ei ni tiijä, jotta se ukon tytär potkai.)

Tulou čuarissa tuas piirut. Kaikki naisväki kavotah piiruloih, jotta kellä se sormikas passuau käteh. Suoritah ukko ta Syöjätär tyttärineh piiruloih. Syöjättären tyttärellä on hyvin suuret kiät. Syöjätär vestäy kirvehellä tyttären käsie pienemmäksi, jotta sormikas passais käteh.

Lähettih mänömäh čuarin piiruloih. Syöjätär tuas lähtiessäh kuato kiukuan ta pani osrat-kakrat sekasin, ta käski ukon tyttären panna kiukuan sijoillah, osrat-kakrat erilläh.

Ukon tytär hämmettäy sauvallah ta sanou: «Osrat-kakrat erilläh, kiukua sijoillah».

Osrat-kakrat mäntih erilläh, kiukua sijoillah.

Ukko, Syöjätär ta tytär mäntih piiruloih. Sielä jo on pirtti täynnä naisväkie. Sormikasta passautellah. Kun ei ni kellä passua. Čuarin poika sanou:

– No eikö ni missä ole enämpi naisväkie tällä linnalla, kun ei näillä passua?

Syöjätär sanou:

– Meilä on yksi paharaiska tyttö, kaikičči tuhkie sieklou kiukuan perässä.

Čuarin poika sanou:

– Se pitäy käyvä tänne, – ta työntäy sinne kävijät.

Männäh sinne ta sanotah ukon tyttärellä:

– Silma kučutah piiruloih.

Tytär sanou:

– Enhän mie vois lähtie rahvahan joukkoh, kun miula on niin pahat vuattiet.

Lähtöy hiän kuitenki ta mänöy čuarih. Čuarin poika panettelou hänellä sormikasta käteh. Se oli niinkuin hänen kiästä lähten, siihi i puuttu, ei lähe pois. Čuarin poika sanou:

– Tämä miun pitäy ottua morsiemekse, kun semmoni on sakona, jotta se pitäy ottua, kellä tämä sormikas passua.

Tytär sanou:

– Mie lähen suorien, siitä tulen uuvvestah.

Syöjätär karjuu:

– Mihi sie suorieta, siula ei ole ni mihi suorita, mäne kiukuan perih.

Niin tytär läksi valkieh vaihijoh, löi sauvalla valkieta kive ristih, sieltä hyppäi heponi, se sama, mi enneinki, karva kultua, toini hopieta, kolmannella ei ni sviettua.

Tytär korvassa peseyty, toisessa suorieu, panou päivänkirjaset vuattiet piälläh. Läksi čuarih ajamah heposen selässä. Sillalla Syöjätär-emintimä matkuau tyttärineh, rupei kaččomah ukontytärtä, sillä aikua ukon tytär potkai Syöjättären tytärtä. Silloin se kirpoi sillan alla.

Syöjätär ei kerin i kaččomah tytärtä, eikä tiijä, mihi se joutu.

Ukon tytär mäni čuarih. Kačotah: tämä on samani, miltä sormikas jäi skiäkäh ta se samani sormikas on hänellä kiässä.

Čuarin poika hänen ottau morsiemekse. Siinä pietäh hiät. Sielä oli i Syöjätär. Hiän toivo, jotta hänen oma tytär mäni kotih ta myösty jälkeh čuarih. Läksi mänömäh Syöjätär kotih. Sillankorvah on kasvan muaha oikein kaunis kukka. Syöjätär sanou:

– Vuota, otan tuon kukan, vien tyttärellä kostinčaksi, koissa se on, kotih se mäni.

Syöjätär rupei katkuamah sitä kukkua, sieltä karjeutuu:

– Elä, muamoseni, katkua miun n`apua. (Sen Syöjättären tyttären n`avasta oli kasvan kukka.)

Syöjätär sanou:

– Ka, mistä sie, tyttöni, olet tänne joutun?

– Ka čikkohan miun potkai sillalta tänne kun ajo sillä kaunhella heposella čuarin pojalla morsiemekse.

Siitä Syöjätär vasta suau tietyä, jotta se ukon tytär joutu čuarin pojalla morsiemekse.

Syöjätär ottau sieltä sen oman tyttäreh ta hautuau hyväsesti sen muaha. Niin ukko ta Syöjätär jiätih kahen elämäh.

Siihi se loppu.

31. Ячмень, овес – отдельно, печь – на место

Были раньше муж и жена. У них есть дочь и черная овца. Овца пропадает, и жена отправляется искать овцу. Навстречу ей идет Сюоятар:

– Куда идешь, старуха?

– Овца пропала, так я пошла ее искать.

Сюоятар говорит:

– Плюнь, шлюха, в ножны, обернись черной овцой!

– Не плюну и не обернусь.

Идет Сюоятар второй раз навстречу:

– Плюнь, шлюха, в свои ножны, обернись черной овцой!

Женщина и плюнула в свои ножны, обернулась черной овцой. Сюоятар вместо нее пошла к старику и говорит:

– Я уже нашла овцу, но она такая плохая, не ест, не пьет, – зарезать ее надо.

Дочь старика чувствует, что черная овца – это ее мать. Дочь идет в хлев:

– Тебя, мамочка, зарежут: Сюоятар не будет тебя кормить.

Мать говорит:

– Когда меня зарежут, ты не ешь ни похлебку, ни мясо. Собери в мешочек кости и отнеси на белую ниву, под белый камень.

Овцу зарезали, сварили похлебку. Дочь не ест ни похлебку, ни мясо. Сюоятар говорит:

– Что эта сиротка не ест ни похлебку, ни мясо?

Дочь говорит:

– Мне не надо [ничего].

Когда все мясо съели, дочь собрала все косточки в мешочек и отнесла на белую ниву, под белый камень.

А в этом царстве царь устраивает пир. Старик, Сюоятар и дочь Сюоятар собираются на пир; дочь старика Сюоятар не берет с собой. Когда они отправляются, Сюоятар говорит:

– Забыла дать работу дочери старика.

И Сюоятар возвращается в избу, чтобы дать работу дочери старика. Она разрушила печь, перемешала бочонок ячменя с бочонком овса и велела их

отделить. Потом Сюоятар ушла. Девушка идет на ниву, к белому камню, где закопаны кости матери и плачет: как она сможет отделить ячмень от овса? Мать говорит:

– Что ты, доченька, плачешь?

Дочь отвечает:

– Отец и Сюоятар со своей дочерью пошли на царский пир, а мне Сюоятар оставила работу: отделить ячмень от овса.

Мать дает дочери посох и говорит:

– Пойди помешай посохом ячмень и овес и скажи: «Ячмень, овес – отдельно, печь – на место!» Когда ячмень и овес отделятся, а печь встанет на место, ты приходи и ударь посохом три раза крест-накрест по этому камню – оттуда выйдет конь, у которого одна шерстинка золотая, другая серебряная, а третьей и названия нет.

Девушка пошла домой, пошевелила посохом ячмень с овсом и говорит:

– Ячмень, овес – отдельно, печь – на место! – ячмень и овес тут же отделились, и печь встала на место.

Девушка пошла на белую ниву, ударила посохом по камню крест-накрест, – оттуда появился конь: шерстинка золотая, другая серебряная, третьей и цвета не назвать. Девушка помылась в одном ухе коня, в другом оделась – и стала такой нарядной, какой нигде на свете не видели. Села она верхом на коня и отправилась на царский пир. На царском дворе она привязала коня к столбу, а сама вошла в избу.

Царевич сразу влюбился в нее, приглашает ее танцевать, ведет есть и пить дочь старика. Дочь Сюоятар ползает под столом, собирает в рот крошки. Дочь старика пнула дочь Сюоятар – у той глаз и выпал.

Царевич смазал дверную ручку смолой; дочь старика как стала выходить – перчатка к ней и прилипла. Девушка села верхом на коня и поскакала на белую ниву, оставила под белым камнем и коня, и одежду. Приходит домой, принимается за дела. Приходят старик и Сюоятар с дочерью. Дочь Сюоятар ревет: глаз потеряла. Дочь старика говорит:

– Что это [сестра] с плачем идет с царского пира?

Сюоятар отвечает:

– Да как ей не плакать, если с царевичем прыгала из палаты в палату – там и глаз потеряла. (Она не знает, что это дочь старика пнула ее дочку.)

У царя опять устраивают пир. Всех женщин приглашают на пир, чтобы [посмотреть], кому подойдет перчатка. Собираются и старик и Сюоятар с дочерью на пир. У дочери Сюоятар очень крупные руки; Сюоятар топором строгаёт руки дочери, чтобы перчатка влезла на руку. Отправились они на царский пир. Сюоятар опять перед уходом разрушила печь, смешала ячмень и овес и велела дочери старика собрать печь и отделить ячмень от овса.

Дочь старика перемешивает своим посохом [зерна] и говорит:

– Ячмень, овес – отдельно, печь – на место!

Ячмень и овес отделились, печь встала на место.

Старик, Сюоятар и дочь пришли на пир. Там полная изба женщин – перчатку меряют, а она никому не подходит. Царевич говорит:

– Неужели больше нигде в этом царстве нет девушек, если этим не подходит?

Сюоятар говорит:

– Есть у нас одна плохонькая девчонка, все время золу просеивает за печкой.

Царевич говорит:

– Ее надо привести сюда, – и отправляет за ней посланцев. Те приходят к дочери старика и говорят:

– Тебя зовут на пир.

Девушка говорит:

– Как же пойду к людям, когда у меня такая плохая одежда?

Все же она пошла к царю. Царевич меряет ей перчатку на руку, – а та ей как раз по руке, так и пристала, не снимается прочь. Царевич говорит:

– Эту [девушку] я должен взять в невесты, раз так решено, что надо взять ту, которой подойдет перчатка.

Девушка говорит:

– Я схожу переоденусь и опять приду.

Сюоятар кричит:

– Что ты наденешь? Тебе нечего надеть – иди за печку!

Девушка пошла на белую ниву, ударила посохом крест-накрест по белому камню, – оттуда выскочил конь – тот же, что и прежде – шерстинка золотая, другая серебряная, третьей и цвета не назвать. Девушка в одном ухе помылась, в другом оделась: одела расшитое солнышками платье. Поехала она верхом к царю. Идет по мосту Сюоятар со своей дочерью, засмотрелась на дочь старика, а дочь старика тем временем и пнула дочку Сюоятар, – та и свалилась под мост. Сюоятар не успела и заметить этого и не знает, куда пропала дочь. Старикова дочь прибыла к царю. Все смотрят – это та самая [девушка], чья перчатка прилипла к дверной ручке, и та самая перчатка у нее на руке. Царевич взял ее в невесты. Тут и свадьбу справили. Была на ней и Сюоятар. Она решила, что ее родная дочь ушла домой, и сама вернулась к царю. [После свадьбы] Сюоятар отправилась домой. У моста вырос очень красивый цветок. Сюоятар говорит:

– Дай сорву этот цветок, отнесу дочери в гостинец: дома она, домой ушла.

Стала Сюоятар срывать цветок, – а оттуда раздался крик:

– Не отрывай, матушка, мой пупок! – этот цветок вырос из пупка дочери Сюоятар.

Сюоятар говорит:

– Как же ты, доченька, сюда попала?

– Так сестра же меня сбросила сюда с моста, когда ехала на том красивом коне в невесты к царевичу.

Только теперь Сюоятар узнала, что это дочь старика стала невестой царевича. Сюоятар достала свою дочь [из-под моста] и похоронила ее, как положено, в землю. Так старик и Сюоятар остались жить вдвоем.

Тут и сказке конец.

32. Sinipeikaloini

Oli ennen ukko ta akka. Heilä on yksi tytär. Akalla on sinini peikalo ta tyttärellä on sinini peikalo. Akka rupei kuolomah ta sanou ukolla:

– Ei pie muista naija siun kun sinipeikalaisesta.

Akka kuolou kellahtau. Ukko lähtöy akkua eččimäh. Kävelöy, kävelöy linnalla, sinipeikalaisie eččiy, ei ni kellä ole, jotta sais akan. Tulou kotih ta sanou tyttärelläh:

– Ei ni kenellä ole sinipekaluo, siun pitäy ruveta miula akaksi, kun siula on sinipeikalo.

– En mie, tuatto, rupie siula naiseksi, ennenkuin et suane tähenkiljaista vuatteusta. (Hiän ei uso, jotta tuatto suau.)

Ukko lähtöy tähenkiljaista vuatteusta eččimäh. Juoksentelou joka kaupasta, joka lavkasta. Ei missänä ole tähenkiljaista vuatteusta. Jo on ilta pilkkosen pimie. Lähtöy ukko-raiska alla päin pahoilla mielin, kaiken kallella kypärän.

Kaččou: mečässä näkyy tuli. Juoksou tulta kohti. Sielä on talo. Kysyy talosta:

– Suanko tulla taloh?

– Suau tulla, – talonväki vassatah.

Kysyy ukko:

– Eikö tässä kylässä ole kauppuu ta ole tähenkiljaista vuatteusta myötävänä?

Talossa sanotah:

– On, ta on semmoista vuatteusta.

– Mitä maksau?

– Sata rupl'ua.

Ukko ottau vuatteuksen ta maksau sata rupl'ua. Niin ukko juoksomah kotihis vuatteuksen kera.

– Tässä on, tyttäreni, vuatteus. Ruvekka häitä pitämäh!

– En mie, tuatto, vielä tule. Kun suanet kuutamonkirjaisen, nin siitä tulen.

Ukko lähtöy eččimäh kuutamonkirjaista vuatteusta. Juoksentelou iltah suate, ei löyvä ni mistä. Lähtöy tulomah kotihis päin. Näköy mečässä tulen. Juoksou tulta kohti: sielä on talo.

– Eikö tässä talossa ole myötävänä kuutamonkirjaista vuatteusta?

– On.

– No mitä maksau?

– Kaksisatua rupl'ua.

Ukko ottau kuutamonkirjaisen vuatteuksen kainaloh ta mänöy kotihis. Sanou:
 – Tässä on, tytär, kuutamonkirjaini vuatteus, nyt lähemmä venčällä.
 – En, – sanou tytär. – Kun suanet päivänkirjaisen vuatteuksen, nin siitä lähemmä venčällä.
 Ukko tuas lähtöy eččimäh päivänkirjaista vuatteusta.
 Juoksentelou päivän, ei ni mistänä löyvä. Illalla näköy, mečässä on tuli ta sielä talo. Ukko mänöy, kysyy:
 – Eikö ole päivänkirjaista vuatteusta?
 – On, se maksau kolmesatua rupl'ua.
 – Maksakkah vaikka kolme tuhatta. (Totta se oli pohatta ukko.)
 Ta ukko ostau vuatteuksen. Ukko mänöy kotih ta sanou tyttärelläh:
 – Nyt lähemmä venčällä.
 Tyttö sanou:
 – Ensin on käytävä kilyssä.
 Ukko lämmittäy kylin ta sanou:
 – Nyt läkkä kilyh.
 Tyttö sanou:
 – Mäne sie iellä, mie tulen perässä.
 Ukko kylpöy kylin, tulou pirttih ta sanou:
 – Mäne sie nyt kylve, jotta piäsemmä venčällä rutompah.
 Tytär ottau ne kaikki kolme vuatteusta, ottau harjan, ottau sieran ta lähtöy kilyh kylpömäh.
 Tytär sylköy aitanahan piähä, sylköy lautiella ta laučalla. Iče oven umpelh ta mänöy männessäh ukkuo pakoh.
 Ukko vuottau: «Kunne nyt mäni, kun ei tule, pitäy lähtie eččimäh».
 Mänöy kylin oven tuakse:
 – Etkö ole vielä kylpen, miula on ruoka laitettu ta kaikki on valmehena.
 Tule rutompah.
 Laučalta vastuau:
 – Vasta jaksauvuin.
 Ukko tuas vuottau ta mänöy kysymäh. Kylin oven takuata kysyy:
 – Etkö sie vielä jovou? Pitältihän sie jouvat.
 Laučalta vastuau:
 – Vasta kylven.
 Jo päivä nousou. Ukolla käy ikäväksi, kun ei piäse venčällä. Ajattelou:
 «Vuotahan lähen eččimäh».
 Tulou kylin oven tuaksi:
 – Etkö sie vielä piäse?
 Sieltä laučalta vastuau:
 – Vasta peseyvyn.
 Ukko ajattelou: «Ei tämä ole oikieta meininkie».
 Tempuau kylin oven:
 – Oo, kiärnehnen siemen, pakeni.

Ukko juoksou perässä eččimäh. Juoksou, juoksou. Tytär kaččou jälelläh päin, aivan on kiini suamasillah. Luou kolikan ta sanou, jotta tähä tulis koivuni vuara, jotta ei piäsis yličči, ei ympärä, ei päičči, ei piäličči, ei siivinlentäjät, ei jaloin juoksijat.

Ukko arvelou: «Nyt se mäni. Vain kun olis kuokkani kotuota, eli kilpikirveheni, kyllä tien luatisin».

Ukko käyt kuokkah, koista ta kilpikirvehen, masto koivun meččästä. Minne peitän kirvehen ta kuokkasen? Rupieuv koivun alla peittämäh kirvestä ta kuokkua. Tijani alko puusta laulua:

– Tii-tii tijasen,
vaču-vaču varpusen,
ukko peiton peittäy,
mie peiton löyvän,
mie sanon kylän ukoilla,
kylän akat varassetah.

Ukko juoksou kotih peittämäh kirvestä ta kuokkua (suau se ukko-rukka juoksennella).

Tyttö tuas jälelläh kačahtau, jo on ukko aivan kiini suamassa. Tytär luou siihi harjan, jotta tulis semmonin rukavuara, jottei piäsis yličči, ei ympärä, ei päičči, ei piäličči, ei siivillä lentäjät, ei jaloin juoksijat.

Ukko tuas juoksou koistah kuokan ta kilpikirvehen: «Ruttoh mie tähä tien raivuan».

Ta i raivuu ruttoseh tien, rupieuv peittämäh kuokkua ta kirvestä puun juurella. Tijani tuas laulua:

– Tii-tii tijasen,
vaču-vaču varpusen,
ukko peiton peittäy,
mie peiton löyvän,
mie sanon kylän ukoilla,
kylän akat varassetah.

Ukko tuas mäni peittämäh kuokkua ta kilpikirvestä.

Juoksou tyttären jälkeh ta on melkein kiini ottamassa tukista.

Tytär loi sieran ta sanou, jotta tulisi tulini koski, jottei piäsis yličči, ei ympärä, ei päičči, ei piäličči, ei siivillä lentäjät, ei jaloin juoksijat.

Siihi tuli tulini koski. Ukko sanou:

– Vuotahan, mie moniehan sanan siula pakajan.

Tytär seisattu rannalla. Ukko luou tyttärelläh kalkkuh kaklah, jotta «matitelkäh nämä silma ilmasen ikäh».

Tytär mänöy linnalla ta palkkautuu čuarilla piijaksi, eikä ruohi mitänä paissa, kun kalkut matitellah.

Hiän kun sanou: «Antakkua työtä ta ruokua», kalkut sanou: «Antakkua työtä ta ruokua».

Hänet pannah sikapiijaksi. Tulou linnalla piirut-paalat. Čuarin poika suorieu piiruh, sikapiika-raiskua ei otettu. Čuarin poika sanou:

– Tuokah vettä, mie pesen silmie.

Toiset, paremmat piijat, sanou sikapiijalla:

– Mäne, vie vettä, sie paremmin joutat.

Hiän kun mänöy vettä viemäh čuarin pojalla, se häntä kauhalla očah:

– Eikö ollun parempie tuojie?

Hiän itkien pois.

Kaikki lähettih mänömäh piiruloih, hiän jiiy yksin siihi.

Tulou muamovainua ta sanou:

– Himottaisko siulaki, tyttöseni, piiruloih?

– Himottaupa tietenki.

Muamo anto sauvan ta sano:

– Mäne valkieh vainivoh, vihantah peltoh, sieltä tulou valkie kivi, lyö kivet ristin, sieltä tulou heponi: karva kultua, toini hopieta, kolmannella ei ni sviettua.

Niin tytär mäni ta luati mitä muamo käski, sieltä hyppäi heponi: karva kultua, toini hopieta, kolmannella ei ni sviettua. Hiän korvassa suorieu, toisessa peseytyy, ta lähtöy piiruloih, paaluloih, hyppyäy heposella selkäh. Ajau piirupaikalla. Pani päiväkirjaset vuattiet. Čuarin poika kučču kisuamah, kisautteli häntä, kysyy:

– Mistä olet?

– Olen sieltä, missä kauhalla očah lyyvväh.

Čuarin poika ei tiijä, missä se semmoni paikka tai valtakunta on missä očah lyyvväh.

Nyt tytär mänöy valkieh vainivoh, ta kerkiey muuttua sikapiijan vuattiet, kun čuarin poika ajau peräh, kalkut vain matitellah häntä.

Čuarin poika ruassalti sikapiijan vuattiet piältä ta tuleh. Hiän ei ruohi virkkua mitänä, kun kalkut matitellah. Čuarin poika sulhaseksi ta ottau sikapiijan morsiemekse. Pietäh hiät. Naini ei pakaja. Suau pojan. Otetah poika ta leikatah hänen polvella, ta silmät piästä kaivetah, ta hiän ei siinäkänä virka mitänä.

Čuarin poika sanou:

– Kun et pakaja, mäne matkahas, otan uuvven naisen.

Sikapiika keittäy ruokua, uusi morsien kumartau stolan takuata. Kuurottinapata kiehuu. Hiän maistelou ta sanou:

– Makie tämä tuli keitto.

Kalkut vastah:

– Makie i tuli.

Tyttö riputtau kapustan kaklah kalkkujen alapuolella ta sanou:

– Kaunehet tuattoni kalkut, maisselkua työki tätä rokkua, solahtakkua kapustah.

Kalkkuraisat pötkähettih kapustah. Hiän ne kuumah kattilah: ei enämpi matitella.

Sai keiton valmeheksi, kantau sitä stolalla helmallah vierahilla. Nuori morsien sanou:

– Kačo, helmoillah kantau kuurottinapatua stolalla.

Sikapiika sanou:

– Aivoiipa sie, morsien, rupiet pakajamah. Mie olen ollut tiälä talossa kolme vuotta, enkä ole paissun, vaikka puhtahani portimoini polvillani leikattiin, silmät piästä kaivettiin, siitäkänä mitänä virkkan, a sie ensimmäisessä stolassa pakajat.

Siitä lähtien sikapaimen rupei pakajamah. Uuvvelta morsiemelta vuattiet riisuttiin ta sikapaimen pani uuvvestah päivänkirjaset vuattiet, ta rupei čuarin naiseksi.

Ta niin eletäh tänäki päivänä.

32. Синепалая

Были раньше старик и старуха. У них была одна дочь. У старухи большой палец на руке синий, и у дочери большой палец синий. Старуха перед смертью говорит старику:

– Ни на ком не женись, кроме синепалой.

Старуха умерла. Старик отправился искать себе жену. Ходит, ходит по городу, ищет синепалых – ни у кого нет синего пальца, чтобы он мог жениться. Приходит он домой и говорит дочери:

– Ни у кого нет синего большого пальца. Придется тебе стать мне женой, раз у тебя синий палец.

– Я не стану, отец, тебе женой, прежде чем ты не достанешь мне расшитый звездами наряд. (Она не верит, что отец достанет такой.)

Старик отправляется на поиски расшитого звездами наряда. Оббегал все магазины, все лавки – нигде нет расшитого звездами наряда. Вот уже вечер непроглядный наступил. Идет старик, приуныв, повесив голову, смотрит – огонек в лесу виднеется. Он бежит на огонек – там дом. Спрашивает у хозяев:

– Можно войти?

– Можно, – отвечают хозяева. Старик спрашивает:

– Нет ли в этом селе магазина и не продается ли там расшитый звездами наряд?

Хозяева говорят:

– Есть [такой магазин] и есть такой наряд.

– Сколько стоит?

– Сто рублей.

Старик берет наряд и платит сто рублей. Бежит старик домой с нарядом:

– Вот, доченька, наряд – давай свадьбу справлять!

– Нет, отец, я еще не пойду за тебя. Если достанешь расшитый месяцами наряд, тогда пойду.

Старик отправляется на поиски расшитого месяцами наряда. Бегает до самого вечера – нигде не находит. Идет в сторону дома и видит огонек в лесу. Он бежит на огонек – а там дом.

– Не продается ли в этом доме платье, расшитое месяцами?

– Продается.

– А сколько стоит?

– Двести рублей.

Старик берет расшитый месяцами наряд под мышку и идет домой. Говорит [дочери]:

– Вот тебе, доченька, расшитый месяцами наряд; теперь пойдем венчаться.

– Нет, – говорит дочь, – вот если достанешь расшитый солнышками наряд, тогда пойдем под венец.

Опять старик отправляется на поиски расшитого солнышками наряда. Целый день пробегал – нигде не нашел. Вечером видит – в лесу горит огонек, и там стоит дом. Старик входит, спрашивает:

– Нет ли у вас расшитого солнышками платья?

– Есть, оно стоит триста рублей.

– Пусть хоть три тысячи стоит. (Видно, богатый был старик.)

И старик покупает наряд. Приходит старик домой и говорит дочери:

– Теперь пойдем венчаться.

Дочь говорит:

– Сначала надо сходить в баню.

Старик истопил баню и говорит:

– Пойдем в баню.

Дочь отвечает:

– Ты иди вперед, а я следом приду.

Старик попарился, приходит домой и говорит:

– Иди теперь ты попарься, чтобы могли быстрее пойти под венец.

Дочь берет все те три наряда, берет щетку, серу и отправляется мыться в баню. Девушка плюет на край корыта, плюет на пол и на лавку, а сама закрывает дверь и бросается в бегство от старика.

Старик ждет: «Куда подевалась, – не идет так долго; надо пойти искать». Подходит к двери бани:

– Ты еще не попарилась? У меня еда приготовлена, все готово – иди быстрее.

С лавки [слюна] отвечает:

– Я еще только разделась.

Старик опять подождал и пошел спрашивать. Спрашивает из-за дверей бани:

– Ты еще не готова? Долго же ты [паришься].

С лавки отвечает [слюна]:

– Еще только парюсь.

Уже рассветает. Старик опечален, что никак не может обвенчаться. Он думает:

«Дай пойду позову». Подходит к дверям бани:

– Ты выходишь?

С лавки отвечает [слона]:

– Я еще только моюсь.

Старик думает: «Тут что-то не так». Рванул дверь бани:

– О-о, змеиное семя, сбежала!

Старик бросился в погоню. Бежит, бежит... Дочь оборачивается – [отец] вот-вот поймает ее. [Девушка] бросает голик и говорит:

– Пусть здесь вырастет березовая гора, чтобы не могли преодолеть ее ни сверху, ни в обход, ни напролом, ни через нее, ни на крыльях летающие, ни ногами бегающие.

Старик думает: «Теперь она уйдет. Вот если бы у меня была с собой мотыга или тесак, я бы проложил дорогу». Старик сходил домой за мотыгой и тесаком и [прорубил дорогу] через лес из мачтовых берез. «Куда бы мне спрятать топор и мотыгу?» Стал прятать топор и мотыгу под березу. Синичка запела на дереве:

– Тий-тий, синичка, вачу-вачу, воробышек,
старик тайник прячет,
я тайник найду,
я расскажу деревенским мужикам, –
деревенские бабы выкрадут.

Старик бежит домой прятать топор и мотыгу (хватает же старику беготни).

Девушка опять оглядывается – старик уже вот-вот поймает. Девушка бросает гребень, чтобы появилась такая смоляная гора, которую не могли бы преодолеть ни сверху, ни в обход, ни напролом, ни через нее, ни на крыльях летающие, ни ногами бегающие. Старик опять сбежал домой за мотыгой и тесаком: «Быстро я здесь проложу дорогу», – и быстро проложил дорогу, стал прятать мотыгу и топор под деревом. Синичка опять поет:

– Тий-тий, синичка, вачу-вачу, воробышек,
старик тайник прячет,
я тайник найду,
я расскажу деревенским мужикам, –
деревенские бабы выкрадут.

Старик опять пошел [домой] прятать мотыгу и тесак. [Потом] бежит догонять дочь и уже чуть ли не схватил ее за волосы. Дочь бросила брусок и сказала, чтобы появился «огненный порог, который нельзя преодолеть ни сверху, ни в обход, ни напролом, ни через него, ни на крыльях летающие, ни ногами бегающие», – и тут появился огненный порог. Старик говорит:

– Погоди-ка, я скажу тебе несколько слов.

Дочь остановилась на берегу. Старик бросил дочери на шею свои яйца: «пусть передразнивают тебя всю жизнь».

Девушка приходит в царский дворец и нанимается в служанки к царю. Она не смеет ничего говорить, потому что яйца передразнивают ее. Когда

она говорит: «Дайте работу и еды», яйца повторяют: «Дайте работу и еды». Ее назначили свинаркой.

Наступает во дворце пир-бал. Царевич собирается на пир. Бедную свинарку не берут на бал. Царевич говорит:

– Пусть принесут воды, я умоюсь.

Другие, «лучшие» служанки говорят свинарке:

– Пойди отнеси воды: у тебя больше свободного времени.

Девушка понесла воду царевичу, а тот ее – ковшом по лбу:

– Никого получше не нашлось принести мне воды?

Девушка ушла, плача. Все отправились на пир, а она осталась одна.

Приходит ее мать-покойница и говорит:

– Ты хотела бы, доченька, тоже пойти на пир?

– Конечно, хотела бы.

Мать дала ей посох и сказала:

– Иди на белый луг, в зеленое поле – там увидишь белый камень.

Ударь по камню крест-накрест – оттуда появится конь: шерстинка золотая, другая серебряная, а третьей и цвета не называть.

И девушка пошла, сделала, как мать велела, – оттуда выпрыгнул конь: шерстинка золотая, другая серебряная, третьей и цвета не называть. Она в одном ухе умылась, в другом оделась и отправилась на пир-бал верхом на лошади. Приехала она на место. Она одета в платье, расшитое солнышками. Царевич приглашает ее на танцы; спрашивает:

– Откуда ты?

– Я оттуда, где ковшом по лбу бьют.

Царевич не знает, где такое место или государство, где бьют по лбу.

Потом девушка едет на белый луг, и только успевает переодеться в одежду свинарки, как царевич подъезжает к ней. (А яйца все передразнивают ее.) Царевич сорвал с девушки одежду свинарки и бросил в огонь. А она не смеет ничего сказать из-за того, что яйца ее передразнивают. Царевич женихается и берет свинарку себе в невесты. Справляют свадьбу. Жена не разговаривает.

Родила она сына. Забрали сына и зарезали у нее на коленях, а у нее самой глаза выкололи – она и тут ничего не говорит. Царевич говорит:

– Раз не разговариваешь – иди своей дорогой, а я возьму новую жену.

Свинарка готовит еду, а новая невеста кланяется из-за стола. В горшке варится похлебка. [Свинарка] пробует и говорит:

– Вкусный получился суп.

Яйца повторяют:

– Вкусный.

Девушка подвешивает поварешку на шею ниже яиц и говорит:

– Красивые отцовские яйца, попробуйте и вы эту похлебку, спуститесь в поварешку.

Яйца плюхнулись в поварешку, она их – в горячую кастрюлю: больше не будут передразнивать. Сварила суп, несет его подолом на стол гостям. Молодая невеста говорит:

– Смотри-ка, подолом несет горшок с похлебкой на стол.

Свинарка говорит:

– Рано же ты, невеста, заговорила. Я в этом доме живу три года и не разговаривала, даже когда моего чистого горнотайчика у меня на коленях зарезали, у меня глаза выкололи – и тогда ничего не сказала, а ты первая за столом заговорила.

С тех пор свинарка стала разговаривать. У новой невесты сняли [царскую] одежду, а свинарка опять надела расшитое солнышками платье и стала женой царевича. И так они живут и по сей день.

33. Kaunis Skatona

Oli čuari ta hänellä yksi poika. Čuari lähtöy ulkomailta as's'oillah. Sanou naisella, jotta tässä on siula avain, vain tähä huoneheh elä lase poikua.

Poika näköy kävellessäh, jotta seinässä on avaimen reikä. Hiän kysyy muamoltah:

– Etkö sie tiijä, muamo, missä on avain, kun tuossa on avaimen reikä, vain ovie ei näytä olovan?

Muamo sanou pojallah:

– En tiijä avainta.

Poika huomai muamon taskussa avaimen ta sanou:

– Ota sie, muamo, ta eči miulta piätä, kun on täitä!

Muamo pani pojan piän polvella ta rupei eččimäh. Poika otti muamoh tietämättä hänen hamehen taskusta avaimen. Muamo heitti piän ečinnän ta laski pojan kävelömäh.

Poika avai huonehen oven. Se on aivan tyhjä. Ei mitänä nävy. On vain yksi pieni ikkuna ta sen piällä on paperikappaleh. Ottau, sielä on valokuva niin kaunehen tyttären, jotta hiän ei ole missänä semmoista nähny. Niin ni on kirjutettu: «Kaunis Skatona».

Illalla muamo jaksautuu. Heittäy stuulalla vuattiet. Poika pistäy hänen tietämättä samah taskuh avaimen.

Poika alko männä pahaksi, kalvehtuu. Ei syö, eikä juo, eikä makua. Hänellä tuli semmoni ajatus, jotta hänen pitäis suaha morsiemekse se Kaunis Skatona.

Čuari tuli kotih ulkomailta ta kohta huomai, jotta nyt se poika on nähny sen valokuvan, kun se on niin pahaksi männyn. Sanou naisellah:

– Kyllä sie olet sen pojan piästän sinne huoneheh, kun se on niin pahaksi männyn.

Naini sanou:

– En mie ole piästän, vain jos lienöy viekkauvella käynyn.

Čuari kysyy pojalta:

– Olethan käynyn siihi kielletyh huoneheh, kun olet niin pahaksi männyn?

Poika sanou:

– Kävin, kun otin muamon taskusta avaimen.

– Mitä sie sielä nävit? – kysyy čuari pojalta. – Oliko sielä huonehessa mitä?

Poika sanou:

– Nävin mie sielä Kaunehen Skatonan valokuvan ta se pitäy miun suaha morsiemekse.

Tuattoh sanou:

– Sie sitä et sua, kun miekänä en suanun, vaikka olen viittä viisahampi ta kuutta kuulusampi.

Antau čuari hänellä kuitenkin rahua ta heposen, ta käšköy eččimäh, kun löytänöy.

Poika nousi heposen selkäh ta läksi ajamah. Ajo niin kauvan, kuni joutu toiseh valtakuntah.

Mänöy leskiakkaseh, pyytäy vatierua. Akka hänet ottau.

Akka kysyy:

– Mitäpä sie tänne olet tullun, onko siula mitä as's'ua, vain muiteinko olet tullun kaččomah?

Hiän sanou, jotta «olen toisen muan poika ta läksin eččimäh morsiemekse Kaunista Skatonua».

Akka sanou:

– No, sen suat, kun suattanet pyrkie. Mäne linnalla kävelömäh. Mitä tulou siula ensimmäiseksi vastah, nin sie ossa se.

Poika läksi leskiakasta. Mäni tietä myöten. Kolme miestä vetäy kelkassa vanhua ukkuo. Se huutau, karjuu käsissä, kun kolme miestä lyyvväh häntä.

Čuarin poika sanou:

– Mitä työ ukkuo sillä keinoin pieksättä, antakkua ukon olla rauhassa!

Miehet sanotah:

– Kun ollou suali, nin ossa. Maksa sata rupl'ua.

Ukko hyppyäy kirvehen kera pojan piällä:

– Jos ostanet miun, nin paikalla tapan.

Poika pakoh. Mänöy leskiakkah. Se sanou:

– Etkö i ostan sitä, mitä tuotih siula ensimmäiseksi eteh?

Poika sanou:

– Eihän sielä ollun myötävänä kuin yksi vanha ukko, ta seki lenti kirvehen kera miun piällä. En mie voinnun sitä ostua.

Akka sanou:

– Se ois pitän siun ostua, kun et ostan, nin et sua Kaunista Skatonua morsiemekse. Nyt kun lähet huomena, nin se ukko ossa. Maksakkah kuin äijän hyväh.

Poika lähtöy toisena päivänä samah paikkah, missä eklein oli. Tuas samua ukkuo kolme miestä vetäy kolkassa ta lyyvväh.

Čuarin poika sanou:

– Mitä työ ukosta lyöttä. Antakkua hänen rauhassa istuo!

Miehet ruassallettih ukko kelkasta.

– Kun siula on häntä suali, nin tuossa on, ossa! Maksa kolmesatua rupl'ua.

Ukko hyppyäy kirvehen kera:

– Jos vain miun ossat, nin mie tapan siun!

Poika luou miehillä kolmesatua rupl`ua ta ostau sen ukon.
 Ukko ei ole enämpi yhtänä vihani ta sanou pojalla:
 – Läkki vatierah.
 Männäh leskiakkah. Ukko kysyy pojalta:
 – Mänetkö sulhaseksi Kauneheh Skatonah?
 Poika sanou:
 – Niin, ukkoseni, mänen.
 Ukko sanou pojalla:
 – Läkki meččäh, emmäkö sua lintuo.
 Ta niin hyö lähettih. Mečässä on vesilampi. Siinä uit joučen. Ukko sanou pojalla:
 – Ammu tuo joučen. Viemmä kotih.
 Poika lammista ampu joučenen. Joučen kuoli. Joučen kato tai ukko kato.
 Poika jäi yksinä meččäh.
 Poika kačcelou tällistäytyy kun hiän jäi yksinä meččäh.
 Ukko mäni Kaunehen Skatonan luokse. Skatonalla on stolalla sormus ta kello.
 Skatona sanou:
 – Mitä sie, ukko, tänne tulit?
 Ukko sanou:
 – Tässä siula čuarin poika laitto joučenen kostinčaksi.
 Skatona ihmettelöy, mistä se čuarin poika hänet tietäy?
 Ukko pyytäy kosettua sormellah kelluo sekä sormusta.
 Tyttö sanou:
 – Ka, koseta, vain elä ota.
 Ukko kosettau, tai kello sekä sormukset katou, tai ukko katou.
 Kaunis Skatona jäi siihi alla päin pahoilla mielin, kun ukko vei sormukset.
 Ukko mäni pojan luo ta sanou:
 – Tässä on siula kello ta sormukset Kaunehelta Skatonalta kihloiksi.
 Mečässä jouksou repo. Ukko sanou pojalla:
 – Ammu repo!
 Poika ampuu. Repo kato tai ukko kato.
 No poika ajattelou: «Mihi kato ukko ta repo? Vielä se miut pahah suattau».
 Ukko mäni revon kera Skatonan luoksi ta sanou:
 – Tässä on siula čuarin pojalta repo. Luaji turkki.
 Skatona sanou:
 – Mi miehie, ku urohie oletta ta mitein sie tänne miun luo piäset?
 – Myö olemma sulhaset. Etkö tule sillä čuarin pojalla morsiemekse?
 – Tulisin mie ni morsiemekse, vain eihän miuta tuatto anna.
 Ukko alko kos`s`uo Skatonua čuarin pojalla morsiemekse. Skatona sanou:
 – Työ käykyä ielläpäin tuatolta kysymässä lupua. Työ sanokkua, jotta Skatona on teilä tuttava, muitein työ että piäse hänen luo.

Ukko juoksi pojan luo ta sanou:

– Läkkiä nyt Kaunista Skatonua kos`s`omah!

Männäh čuarih. Čuari kysyy:

– Mitä on as`s`ua?

Ukko ta poika sanotah, jotta tulima kos`s`omah morsiemekse Kaunista Skatonua.

Čuari kysyy:

– Onko Skatona teilä tuttava?

Hyö sanotah, jotta «on».

Čuari sanou:

– Kun piäsettä hänen luo, nin miusta kyllä on lupa.

Lähetih ukko ta poika čuarin tvorčista ulos.

Sanou ukko pojalla:

– Mie sivon siut remenih. Kun hätä tulou, nin miusta elä jia.

Ukko läksi juoksomah kivivuaran alla. Ei mitänä nävy, kuin yksi pimeys vain. Poika mänöy lompsuou ukon perässä, niin jotta vain yksi sormen nenä on remenissä kiini. Niin hyö piästih sen Kaunehen Skatonan luo.

Ukko sanou Skatonalla:

– No nyt tässä on sulhani, kun lähtenet morsiemekse.

Skatona sanou:

– Kun lienettä suanun tuatolta luvan, nin mie lähen.

Männäh čuarih. Ei enämpyä ollun ei kivikkyö, eikä kallivuo. Mäntih čuarin luo. Čuari hänen mielelläh anto. Piettih siinä hiät. Ollah siinä häijen jälkeh monies päivä.

Čuari antau heilä kaikilla heposet (totta silloin ei autoja ollun). Ta niin nuori pariskunta ta ukko lähetäh heposella ajamah. Ajettih päivä iltah. Iltä jo pimeni. Hyö ollah mečässä. Ukko luati teltan ta panou nuoren pariskunnan teltan siämeh muate. Ukolla sanotah:

– Tule sieki, kylmäthän sie!

Ukko sanou:

– En mie tule. Mie varteičen, jottei pevot teitä söis.

Pariskunta uinottih. Ukko istuu siinä teltan vieressä. Lentäy kolme pikkaraista lintuista ta istuuvvutah teltan piällä, missä pariskunta muatah. Ukko kuuntelou, kun lintuset ruvettih pakajamah. Yksi lintuni sanou:

– No nyt hyvä tuli, kun čuarin poika sai morsiemekse Kaunehen Skatonan, kun häntä ei ole ennein ni ken suanun.

Toini lintuni sanou:

– Sai hiän Kaunehen Skatonan morsiemekse, vain kun čuarin pojan muamo on kuollun ta čuarin akkana on Syöjätär, nin se kyllä Skatonan tai pojan tappau, kun panou čäijystokanah myrkkyö.

Ukko kuuntelou. Kolmas lintuni sanou:

– Ken tämän mejän keskustelun kuulou, nin muuttukkah mussaksi marmorikiveksi polvistah suate.

Yö muattih siinä. Huomeneksella lähettih etehpäin ajamah. Tuli tuas iltä. Ukko luati tuas meččäh teltan, missä hyö ruvettih muate.

Pariskunta sanou:

– Tule sie, ukko, niisi telttah, viluhan siun on.

Ukko sanou:

– En mie tule. Mie varteičen.

Pariskunta uinosi. Teltan piällä istuutuu kolme lintuista. Alettih paissa. Yksi sanou:

– Saipahan tämä čuarin poika Kaunehen Skatonan morsiemekse.

Toini lintuni sanou:

– Sai, vain ei pitälti eletä. Syöjätär on nyt čuarin pojan muamon tilalla. Syöjätär lämmittäy kylyn ta antau heilä uuvvet pajjat piällä. Hyö kun kylvetäh ta pannah uuvvet pajjat, nin kuollah.

Kolmas lintuni sanou:

– Ken tämän mejjän pakinan kuulou, nin se vyöstäh suahe muuttukkah mussaksi marmorikiveksi.

Päivä valkoi. Pariskunta nousi ta lähettih tuas etehpäin ajamah. Ajettih päivä iltah. Ukko tuas luati mečässä teltan ta panou nuoren pariskunnan teltan siämeh muate. Ukolla sanotah:

– Tule sie tänne lämpenömäh.

Ukko sanou:

– En tule, miun pitäy varteija heposie ta iččieh, jottei petoeläimet syötäis.

Teltan piällä tuas lentäy kolme lintuista. Yksi lintuni sanou:

– Jopahan čuarin poika sai Kaunehen Skatonan morsiemekse.

Toini sanou:

– Sai, vain kun čuarin pojan oma muamo on kuollun, nin Syöjätär panou hiät muate ta iče muuttuu kiärmeheksi, tai syöy nuoren pariskunnan.

Kolmas lintuni sanou:

– Ken tämän mejjän pakinan kuulou, nin muuttukkah mussaksi marmorikiveksi kokonah.

Päivä valkoi. Nyt lähettih ajamah viimeistä taivalta. Ajettih päivä iltah suate. Jo tultih čuarin pihalla, mistä poika oli lähten.

Čuari kaččou: «Jo tuli poika Kaunehen Skatonan keralla».

Hiät otetah hyvin vastah. Pannah syömäh ta juomah pariskunta ta ukko. Syöjätär heilä kuatau lasit täyvet čäijyö. Ukko luou kaikki lasit stolan alla, murottau ne, ei antan juuvva.

Syöjätär rupei kiruomah, kun tuommosie repalehie ukkoja otetah matkah. Syöjätär käsköy kylh nuoren parin ta antau heilä uuvvet pajjat. Ukko sanou, jotta hiänki lähtöy kylh.

Pariskunta peseyvyttih, ruvettih panomah uusie paitoja. Ukko otti pajjat, pissälti tuleh ta poltti. Skatonasta tuli niin paha, kun ukko ensin lasit rikko, nyt pajjat poltti. Poika ei välitä, kunhan vain sai morsiemien. Männäh kylystä pirttih. Syöjätär on niin vihani, jotta kaikki on syömässä silmie, kun ei suanun tappua heitä.

Ukko kysyy čuarilta:

– Anna miula vähäseksi ajaksi miekkua.

Syöjätär sanou:

– Elä anna, ukko miät tappau.

Ukko suau miekan. Hivou sen teräväksi. Syöjätär käsköy ukkuo pois. Hiän ei lähe, sanou viipyväsä vielä yhen yön.

Syöjätär käsköy pariskunnan kamarih muate. Ukko tahtou männä niisi. Syöjätär karjuu, eikä taho laskie ukkuo kamarih. Ukko miekan käteh ta rupei muate kamarin lattiella.

Uinottih pariskunta. Ukko valvou. Syöjätär muuttuu kiärmeheksi ta valmistuu syömäh poikua i min`n`ua. Kun kiärmis pisti kynnyksen alačči päin, ukko sivalti kiärmehen piän poikki miekallah. Siihi se Syöjätär kuoli.

Ukko sanou:

– Nouskua nyt pois. Mie teilä tahon kertuo starinan.

Pariskunta noustih. Ukko rupei heilä starinua kertomah.

Ukko sanou:

– Lintuset sanottih miula yöpaikalla, jotta Syöjätär panou čäijylasih myrkkö, mi tappau tiät. Sen takie mie murenin ne, enkä antan teijän juuvva.

Ta siinä ukko muuttu polvistah suate marmorikiveksi. Hiän sanou:

– Kun suatta ensimmäisen lapsen, nin tappakkua se miun piällä, mie kun olen kivi. Voijelkua miut sen verellä, ta mie muutun takaisin ukoksi. Kun myö tulima toiseh paikkah, nin lintuset sano, jotta Syöjätär antau teilä uuvvet pajjat ta ne tiät tappau. Sillä mie ne pajjat poltin.

Niin ukko muuttu vyöstäsistä suahe kiveksi. Piäpuoli vielä pakajau:

– Tuossa on nyt kynnyksen alla kiärmis, mie siltä leikkasin piän. Korjakkua pois.

Ta ukko muuttu kiveksi kokonah. Pariskunta nousi. Korjattih kiärmehen ruumehet poikes.

Čuari-tuatto heiltä kuoli. Poika tuli čuariksi tuattoh sijah. Koko valtakunta jäi hänen haltuh. Hyö elettih siinä kokonaini vuosi. Skatonalla synty poika. Yhen pyhän päivän huomenessa Skatona läksi kirikköh. Čuarin poika jäi lapsen kera kotih. Nyt čuarilla juohtu mieleh, mitä ukko oli käsken, ta samassa leikkua pojalta piän veičellä kiven piällä. Ajattelou: «Sanon Skatonalla, jotta kuoli muitein».

Čuari voiti koko kiven verellä. Yhtäkkie kivi muuttu tuas ukoksi. Ukko sanou:

– Onko siun siäli tätä lasta, kun miun takie tapoit?

Čuari sanou:

– Ei ole, kun sie luajit miula niin äijän hyvyä, nin ole sie elävänä.

Ukko kato. Hiän kävi hakemassa yheksän meren takuata elävyä ta kuollutta vettä. Voitau kuollehella vejellä lapsen kappalehet. Ne sitouvuttih kiini. Voiti elävällä vejellä – lapsi virko eläväksi.

Ukko sanou:

– Nyt mie lähen, poikani, pois. Hyvä kun ossit miut, luajit miula hyvän

työn. Vähemmällä oisit piässyn, kun olisit ostan jo ensi kerralla, kun miehet lyötih miuta.

Skatona tuli kiriköstä. Ta alettih elyä entiselläh. Ukko kato.

Ta sen pituni starina.

33. Красивая Скато́на

Жил царь, и у него был один сын. Царь отправляется за границу по делам. Жене говорит, что «вот тебе ключ, только в эту комнату не пускай сына».

Сын, проходя, замечает в стене дырку для ключа. Он спрашивает у матери:

– Ты не знаешь, мама, где ключ: вон тут замочная скважина, только двери не видать.

Мать отвечает сыну:

– Я не знаю, где ключ.

Сын заметил, что у матери в кармане лежит ключ, и говорит:

– Мама, поищи у меня в голове: вши завелись.

Мать положила голову сына себе на колени и стала искать в голове. Сын незаметно от матери взял из кармана ее юбки ключ. Мать, поискав в голове, отпустила сына погулять.

Сын открыл дверь комнаты – она была совершенно пуста: ничего не видать, есть только одно маленькое окошко, и над ним – клочок бумаги. Он берет его, а там – фотография такой красивой девушки, какой он нигде не видел. Так и подписано: «Красивая Скато́на».

Вечером мать раздевается, бросает одежду на стул. Сын незаметно кладет ключ в тот же карман.

Сын [вдруг] стал заболевать, побледнел, не ест, не пьет и не спит. Он решил, что должен получить в невесты ту Красивую Скато́ну.

Царь вернулся домой из-за границы и вскоре понял, что сын увидел ту фотографию, раз так плох. Он говорит жене:

– Ты пустила сына в ту комнату, раз он так плох.

Жена говорит:

– Я не пускала его, если только он хитростью не попал туда.

Царь спрашивает у сына:

– Ведь ты побывал в той запретной комнате, раз так болен?

Сын отвечает:

– Побывал: я взял ключ из кармана матери.

– Что ты там видел? – спрашивает царь у сына. – Что в той комнате было?

Сын отвечает:

– Я там видел фотографию Красивой Скато́ны, и я должен получить ее себе в невесты.

Отец говорит:

– Ты не сможешь ее получить, раз и я не смог, хотя в уме и знаменитости мне нет равных.

Все же царь дает сыну денег и коня и велит искать: может, найдет. Сын сел верхом на коня и отправился в путь. Ехал до тех пор, пока не оказался в другом государстве. Заходит к вдове и просится на постой. Вдова приняла его. Она спрашивает:

– Зачем ты сюда приехал: есть ли у тебя какое дело или так приехал, посмотреть?

Тот отвечает, что «я из другой страны и поехал искать Красивую Скатону себе в невесты».

Вдова говорит:

– Ты получишь ее, если сможешь попросить. Пойди погуляй по городу. Что первым тебе встретится, то ты и купи.

Парень отправился от вдовы. Идет по дороге. Три мужика везут на санках старого деда, а тот кричит, орет: три мужика бьют его. Царевич говорит:

– Зачем вы так старика избиваете, оставьте деда в покое!

Мужики говорят:

– Если тебе жалко, так купи его, заплати сто рублей.

Старик с топором бросается на парня:

– Если купишь меня – убью на месте.

Парень – бежать. Приходит к вдове. Та спрашивает:

– Так ты не купил то, что тебе первым преподнесли?

Царевич говорит:

– Так там ничего и не продавали, кроме старого деда, и тот с топором налетел на меня. Я не мог его купить.

Вдова говорит:

– Его ты должен был купить. Раз не купил, так не получишь Красивой Скатоны в невесты. Как пойдешь завтра, так купи того старика, сколько бы он ни стоил.

На следующий день парень идет на то же место, где был вчера. Опять того же старика три мужика везут на санках и колотят.

Царевич говорит:

– Что вы бьете старика? Дайте ему спокойно сидеть!

Мужики вытащили старика с санок:

– Раз тебе его жалко, так вот он, покупай – заплати триста рублей!

Старик бросается с топором:

– Если только ты меня купишь, я тебя убью!

Парень бросает мужикам триста рублей и покупает этого старика. Старик уже совсем не злой и говорит парню:

– Пошли на квартиру.

Приходят они к вдове. Старик спрашивает у парня:

– Ты идешь свататься к Красивой Скатоне?

Парень отвечает:

– Да, дедушка, иду.

Старик говорит царевичу:

– Пойдем в лес: не добудем ли птицу.

И они пошли в лес. В лесу – лямбина, по ней плавают лебедь. Старик говорит парню:

– Застрели этого лебедя, отнесем домой.

Парень застрелил лебедя. Лебедь умер. Лебедь исчез, и старик исчез. Парень остался один в лесу. Парень смотрит, озирается, поскольку остался один в лесу.

А старик отправился к Красивой Скатоне. У Скатоны на столе лежат кольцо и часы. Скатоны спрашивает:

– Зачем ты, дед, сюда пришел?

Старик отвечает:

– Вот тебе царевич послал лебедя в гостинец.

Скатоны удивляется, откуда царевич ее знает? Старик просит разрешения прикоснуться пальцем к часам и кольцу. Девушка говорит:

– Ну, прикоснись, но только не бери.

Старик прикоснулся – и часы и кольцо исчезли, и старик исчез. Красивая Скатоны осталась горевать, что старик унес украшения.

Старик приходит к царевичу и говорит:

– Вот тебе часы и обручальное кольцо в подарок от Красивой Скатоны.

По лесу бежит лиса. Старик говорит парню:

– Застрели лису!

Парень застрелил. И лиса, и старик исчезли. Парень думает: «Куда исчезли старик и лиса? Еще доставит мне неприятностей!»

Старик с лисой приходит к Скатоне и говорит:

– Вот тебе лиса от царевича, сшей себе шубу.

Скатоны говорит:

– Какого вы роду-племени, герои, и как ты каждый раз сюда ко мне попадаешь?

– Мы – женихи. Согласна ли ты стать невестой тому царевичу?

– Я бы согласилась стать невестой, только вот отец не отдаст меня.

Старик стал сватать Скатоны в невесты царевичу. Скатоны говорит:

– Вы сначала сходите, спросите разрешения у отца. Скажите, что вы знакомы со Скатоной, иначе вы к нему не попадете.

Старик бежит к царевичу и говорит:

– Пойдем свататься к Красивой Скатоне!

Приходят к царю. Царь спрашивает:

– Вы по какому делу?

Старик и парень говорят, что пришли сватать Красивую Скатоны. Царь спрашивает:

– Вы знакомы со Скатоной?

Они отвечают, что «да». Царь говорит:

– Если сможете к ней попасть, то я даю разрешение.

Старик и парень выходят из царского дворца. Старик говорит царевичу:

– Я привяжу тебя к своему ремню. Что бы ни случилось – ты от меня не отставай.

Старик побежал вниз с каменной горы. Ничего не видать, только темнота [кругом]. Парень едва поспевает за стариком, держась одним только кончиком пальца за ремень. Так они добрались до Красивой Скатоны.

Старик говорит Скатоне:

– Вот тебе жених, коли ты согласна стать невестой.

Скатона говорит:

– Если вы получили разрешение от отца, то я согласна.

Отправились они к царю, – и уже не было [на их пути] ни скалы, ни камней. Пришли они к царю. Царь отдал свою дочь замуж. Справили тут свадьбу.

После свадьбы прошло несколько дней. Царь дал всем им по коню (видно, тогда не было машин), и молодая пара и старик отправились верхом в [обратный] путь. Проехали они день до вечера. Уже стемнело. Они находятся в лесу. Старик построил шатер и отправил молодых спать в шатер. Старик говорит:

– Ты тоже иди, а то замерзнешь!

Старик отвечает:

– Я не пойду: я буду сторожить, чтобы хищные звери вас не съели.

Молодые уснули. Старик сидит рядом с шатром. Летят три маленьких птички и садятся на шалаш, в котором спят молодые. Старик слушает, о чем птички заговорили. Одна птичка говорит:

– Вот хорошо, что царевич женился на Красивой Скатоне, – ведь раньше никто не мог ее добиться.

Вторая птичка отвечает:

– Получил он Красивую Скатону в невесты, да только мать царевича умерла, и в женах у царя теперь Сюоятар – уж та-то убьет и Скатону, и царевича, добавив в стакан с чаем яду.

Старик слушает. Третья птичка говорит:

– Кто слышит нашу беседу, пусть превратится в черный мраморный камень по колено.

Проспали тут ночь. Наутро отправились дальше. Опять наступил вечер. Старик опять построил шатер, где молодые легли спать. Молодые говорят:

– Дед, иди ты тоже в шатер, тебе же холодно.

Старик отвечает:

– Я не пойду, я буду сторожить.

Супружеская пара уснула. На шатер садятся три птички, они заговорили. Одна птичка говорит:

– Получил-таки этот царевич Красивую Скатону в невесты.

Вторая птичка говорит:

– Получил, да долго не проживут: Сюоятар теперь на месте матери царевича. Сюоятар истопит баню и даст им новые рубашки. Когда они попарятся и наденут новые рубашки – они умрут.

Третья птичка говорит:

– Кто слышит этот наш разговор, пусть по пояс превратится в черный мраморный камень.

Рассвело. Супруги встали, и они поехали дальше. Проехали день до вечера. Старик опять сделал в лесу шатер и уложил молодых в него спать. Те говорят старику:

– Иди ты сюда греться.

Старик отвечает:

– Не приду: мне нужно сторожить лошадей и себя, чтобы хищные звери не съели.

На крышу шатра опять прилетают три птички. Одна птичка говорит:

– Получил-таки царевич Красивую Скатону в невесты.

Другая говорит:

– Получил, только вот родная мать царевича умерла, а Сюоятар уложит их спать, а сама обернется змеей и съест молодую пару.

Третья птичка говорит:

– Кто слышит этот наш разговор, пусть превратится полностью в черный мраморный камень.

Рассвело. Осталось проехать последний промежуток пути. Проехали день до вечера и прибыли на царский двор, откуда царевич отправился. Царь смотрит – вот и сын вернулся вместе с Красивой Скатоной. Их хорошо встретили, посадили есть и пить молодых и старика. Сюоятар наливает им полные стаканы чая. Старик сбросил все стаканы под стол и разбил их, не дал попить. Сюоятар стала ругать [молодых], что берут таких стариков-оборванцев с собой.

Сюоятар велит молодым идти в баню и дает им с собой новые рубашки. Старик говорит, что тоже пойдет в баню. Молодые помылись, стали одевать новые рубашки. Старик забрал рубашки, бросил их в огонь и сжег. Скатоны так огорчилась, что старик сначала стаканы разбил, а теперь рубашки сжег. Царевич не обращает на это внимания: главное, что он получил невесту. Приходят они из бани в дом. Сюоятар такая злая, что готова съесть их, раз не смогла убить. Старик просит у царя:

– Дай мне ненадолго меча.

Сюоятар говорит:

– Не давай: старик убьет нас.

Старик получил меч, наточил его остро. Сюоятар велит старику уходить. Он не уходит, говорит, что задержится еще на ночь.

Сюоятар велит молодым идти в комнату спать. Старик тоже хочет пойти туда. Сюоятар кричит и не хочет пускать старика в комнату. Старик берет меч в руку и ложится спать в комнате на полу.

Молодые уснули. Старик не спит. Сюоятар обернулась змеей и готовится съесть царевича и невестку. Когда змея высунула голову из-под порога, старик отрубил голову змеи мечом. Так Сюоятар умерла. Старик говорит молодым:

– Вставайте, я хочу рассказать вам историю.

Молодые встали. Старик стал рассказывать им историю. Старик говорит:

– Птички рассказали мне на месте ночлега, что Сюоятар добавит в чай яд, который убьет вас. Из-за этого я разбил стаканы и не дал вам попить чаю.

И тут старик по колени превратился в черный мраморный камень. Он продолжил:

– Когда у вас родится первый ребенок, вы убейте его надо мной – я ведь буду камнем. Смажьте меня его кровью – и я опять стану человеком. Когда мы прибыли на второе место ночлега, птички сказали, что Сюоятар даст вам новые рубашки, и они вас убьют, поэтому я сжег те рубашки.

И старик по пояс окаменел. Голова еще разговаривает:

– Вон под порогом змея, я отрубил у нее голову. Уберите ее.

И старик полностью окаменел. Супруги встали, убрали тело змеи.

Царь-отец у них умер, сын стал царем вместо отца. Все государство перешло ему во владение. Так они прожили год. Скато́на родила сына. В одно воскресное утро Скато́на пошла в церковь. Царь остался с ребенком дома. Тут царь вспомнил, что велел сделать старик, и тут же над камнем отрубил сыну голову. Он подумал: «Скажу Скато́не, что ребенок иначе умер».

Царь смазал весь камень кровью – камень тут же превратился в старика. Старик спрашивает:

– Тебе жалко этого ребенка, что пришлось из-за меня убить?

Царь говорит:

– Нет; ты сделал для меня столько добра, что живи ты.

Старик исчез. Он принес из-за девяти морей живой и мертвой воды. Он смазал мертвой водой части ребенка – те срослись, смазал живой водой – и ребенок ожил.

Старик говорит:

– Теперь я, сын, ухажу. Хорошо, что ты выкупил меня, сделал для меня хорошее дело. Тебе это обошлось бы дешевле, если бы ты купил меня в первый раз, когда мужики били меня.

Старик исчез. Скато́на вернулась из церкви. И стали они жить по-прежнему.

Вот такой длины сказка.

34. Ukon tytär Syöjättären vuatteissa

On ennen ukko ta akka. Ukolla ta akalla on yheksän poikua ta yksi tytär. Pojat lähetäh pois koistah. Tytär on heilä kaikkein nuorin. Tytär kasvau suureksi, sanou tuatollah ta muamollah:

– Eikö meilä ole ketänä muita lapsie, kun mie yksin?

Tuattoh ta muamoh sanotah:

– Oli meilä yheksän poikua ta sie kymmenes, vain ne mäntih mihi lienöy muajilmalla.

Tytär sanou:

– Työntäkyä milmä veikkojani eččimäh.

Tai työnnetäh häntä. Tytär lähtöy astumah. Matalla on järvi. Tytär ajattelou:

– Tuossa ois hyvä järvi kylpie.

Tulou Syöjättären tytär hänen luoksi, sanou:

– Läkkä, čikkoni, järvie kylpömäh.

Ukon tytär sanou:

– Mie olen sitä jo ajatellun, jotta tuossa ois hyvä järvie kylpie.

Tai jaksauvutah. Vuattiet heitetäh piältäh, Syöjättären tytär ei mäne järveh, a parempi tytär mäni. Syöjättären tytär otti sen toisen tyttären vuattiet ta pani piälläh. Rupieu ukon tytär vuatteitah eččimäh ta kačcou, jotta hänen vuattiet on Syöjättären tyttäreellä. Syöjätär luou omat vuattieh ta sanou:

– Pane nämä piälläs. Sie ole nyt Syöjättären tyttärenä, a mie olen siun sijassa. Sano, mihi sie mänet?

– Mie olen mänössä veikkojani eččimäh, vain mitein mie sinne voin männä, kun sie otit vuattiet miulta?

Syöjättären tytär sanou:

– Mie siun vien. Lähemmä yhessä.

Tai lähettih mänömäh, männäh vähäni matkua. Tulou talo. Männäh, sielä ukon tyttären vellet ta kaikilla vellillä on naiset. Naiset kysytäh:

– Mistä työ oletta, tyttäret? Ta ketä työ oletta?

Syöjättären tytär sanou:

– Mie olen tiän miehien čikko ta tämä toini on Syöjättären tytär.

Syöjättären tyttäretä pietäh hyvänä, kun hiän sano, jotta «mie olen tiän miehien čikko». Vellet tullah mečästä, naiset sanotah:

– Tässä on tiän čikko, tuli meilä vierahaksi.

Ukon tytär pannah lehmien paimeneksi, a Syöjättären tyttäretä pietäh čikkona. Ukon tytär lehmie paimentau, istuu kivellä ta niin itköy, jotta vesillä valautuu, kun joutu paimeneksi. Lentäy kolme joučenta. Tytär sanou jouččenilla:

– Lukluvaisen, lakluvaisen,

lentyä lupetteletta,

viekyä viesti tuatollani,

toini viesti muamollani.

Mie olen pal'lo paimenessa,

leinä lehmien ajossa.

Syöjätär on miun sijassa

yheksissä min'n'oissani,

yheksissä vellissäni,

vehnyä viilöy, kamkkua katkou

visapiällä veičellä,

sulkussa kävelöy,

kullassa heläjäy.

Toisen talon paimen mečässä kuulou mitein ukon tytär jouččenilla sanou. Illalla ukon tytär ajau lehmät kotih tai toisen talon paimen ajau lehmät kotih.

Toisen talon paimen sanou ukon tyttären vellillä, jotta sielä tiän paimen itki kivellä ta lenti kolme joučenta, ta jotta hiän sano:

– Lukluvaisen, lakluvaisen,
lentyä lupetteletta,
viekyä viesti tuatollani,
toini viesti muamollani.
Mie olen pal’l’o paimenessa,
leinä lehmien ajossa.
Syöjätär on miun sijassa
yhöksissä min`n`oissani,
yhöksissä vellissäni,
vehnyä viilöy, kamkkua katkou
visapiällä veičellä,
sulkussa kävelöy,
kullassa heläjäy.

Paimen sanou ukon tyttären vellillä, jotta «se paimen on tiän čikko, Syöjättären tytär on tiän čikon sijassa». Vellet kučutah paimentyttö ta kysytäh:

– Oletko sie miän čikko?

Tyttö sanou:

– Mie olen. Syöjättären tytär otti miulta vuattiet piälläh, kun läksimä järvie kylpömäh.

Vellet otettih Syöjättären tyttäreltä čikon vuattiet pois ta annettih čikon piältä repalehet vuattiet Syöjättären tyttärellä. Syöjättären tytär siinä tapettih valehtelemua ta vuatteijen ottamua. Čikko-tytär oli siinä min aikua lienöy ollun ta sanou:

– Nyt miun pitäy lähtie pois tuaton ta muamon luo.

Vellet čikon suorittettih hyväksi, annettih hänellä heponi ta reki täynnä vielä tavaruua ta evästä.

Mäni tytär kotihih kostinčojen keralla.

Siihi loppu.

34. Дочь старика в одежде Сюоятар

Были раньше старик со старухой. У старика и старухи девять сыновей и одна дочь. Сыновья уходят прочь из дома. Дочь в семье самая младшая. Дочь вырастает большой и спрашивает у отца и матери:

– Разве у нас нет других детей, только я одна?

Отец и мать говорят:

– Было у нас девять сыновей и ты десятая, но они покинули свой дом [букв. ушли куда-то в мир].

Дочь говорит:

– Отпустите меня братьев искать.

И ее отпустили. Девушка отправилась в путь. По пути ей встречается озеро. Девушка думает: «Вот подходящее озеро, чтобы искупаться». К ней подходит дочь Сюоятар и говорит:

– Пошли, сестрица, купаться.

Дочь старика и старухи говорит:

– Я как раз подумала об этом, что здесь хорошо купаться.

И они разделись, сбросили с себя одежду. Дочь Сюоятар не идет в воду, а хорошая девушка пошла. Дочь Сюоятар взяла одежду другой девушки и надела на себя. Дочь старика [и старухи] стала искать свою одежду и видит, что ее одежда на дочери Сюоятар. Дочь Сюоятар бросает ей свою одежду и говорит:

– Надевай вот это. Теперь ты дочь Сюоятар, а я буду вместо тебя. Скажи, куда ты идешь?

– Я иду искать братьев, только как я туда могу пойти, если ты забрала мою одежду?

Дочь Сюоятар говорит:

– Я тебя отведу, пойдём вместе.

И они пошли. Прошли немного пути – встречается дом. Входят [в дом]; там [живут] братья дочери старика [и старухи], и у всех братьев есть жены. Жены спрашивают:

– Откуда вы, девочки, и кто вы?

Дочь Сюоятар отвечает:

– Я – сестра ваших мужей, а это – дочь Сюоятар.

Дочь Сюоятар приняли хорошо, поскольку она сказала, что «я сестра ваших мужей». Братья приходят из леса – жены им говорят:

– Вот ваша сестра – пришла к нам в гости.

Дочери старика [и старухи] поручили пасти коров, а дочь Сюоятар держат за сестру. Дочь старика [и старухи] пасет коров, сидит на камне и так плачет, что слезами умывается, потому что вынуждена пасти коров. Пролетают три лебедя. Девушка говорит лебедям:

– Луглушки, лаглушки,
вы летите, крыльями машете.

Отнесите весть отцу,
а другую весть – матери:
я, бедняжка, в пастушках,
погоняю, горемычная, коров.

Сюоятар на моем месте
у девяти невесток,
у девяти братьев.

Она кроит камку*,
режет пшеничный хлеб
ножом с каповой ручкой,
ходит в шелках,
золотом звенит.

Пастух соседнего дома услышал в лесу, о чем девушка говорила лебедям. Вечером дочь старика [и старухи] пригнала коров домой, и пастух из соседнего дома пригнал коров домой.

Пастух из соседнего дома рассказал братьям дочери старика [и старухи], что там ваша пастушка плакала на камне; пролетали три лебедя, и она сказала им:

– Луглушки, лаглушки,
вы летите, крыльями машете.
Отнесите весть отцу,
а другую весть – матери:
я, бедняжка, в пастушках,
погоняю, горемычная, коров.
Сюоятар на моем месте
у девяти невесток,
у девяти братьев.
Она кроит камку*,
режет пшеничный хлеб
ножом с каповой ручкой,
ходит в шелках,
золотом звенит.

Пастух сказал братьям девушки, что «эта пастушка – ваша сестра, а дочь Сюоятар – на месте вашей сестры». Братья позвали пастушку и спрашивают:

– Ты наша сестра?

Девушка отвечает:

– Да, я. Дочка Сюоятар забрала у меня одежду и надела на себя, когда мы пошли купаться.

Братья отобрали у дочери Сюоятар одежду своей сестры, а рваную одежду, которая была на сестре, отдали дочери Сюоятар. Дочь Сюоятар тут и убила за обман и за то, что отобрала одежду [у сестры].

Сестра пожила тут некоторое время и говорит:

– Теперь мне пора возвращаться к отцу и матери.

Братья одели сестру хорошо, дали ей коня и сани, полные товаров и еды. Сестра поехала домой с гостинцами.

Тут и конец.

35. Harakkastarina

Čuarilla on kolme tytärtä ta yksi poika. Čuari ta čuarin akka kuollah. Hyö kuolintauvissah sanotah pojallah, jotta «elä ota akkuu», ta tyttärillä, jotta «elä ota ukkuo, kun on millä elyä».

Heilä on yksi vanha ukko palvelija. Sillä oli nimi Uskollini Jussi, joka taluo ohjasi. Hyö elettih siinä vähäni aikua, ta heilä oli niisi palvelusväkie ta oli yksi

kamaripiika. Piika rupei pölyjä pyyhkimäh lapsien kamarista ta avasi ikkunan. Ikkunasta lenti siämeh harakka ta muuttu mieheksi. No hyö siinä hämmästy, jotta «mi nyt ihme, kun harakka lenti ta mieheksi muuttu». Niin i käsetti vierasta istumah, niinkun ainaki. Jo vieras istuutu ta alko kos's'uo morsiemekseh vanhinta tyttärtä. Velleh ta toiset čikot sanottih, jotta kun vanhemmat kuoli, ni hyö ei käsetty männä naimisih. No mies sano tyttärellä, jotta «kun et tule miula ta että anna, nin suanko olla vaikka yötä?». Hyö sanottih, jotta «kyllä sie yötä suat olla, vain ei tyttärtä anneta». Syötettih, juotettih vieras ta käsetti muata. Huomeneksella nousou piika, keittäy čäijyt, ta ajau tyttärie ta poikie syömäh ta juomah. Mänöy vanhempua tyttärtä kuččumah, ta sitä ei ole ni missä. Eikä ole vierasta. Harakka oli vienyn vanhemman tyttären. Nyt toiset tyttäret ta pojat piätti, jotta pölyjä pyyhkiessä ei sua konsana avata ikkunua.

Siitä päivästä, kuin vanhin tytär katoi, kulu vuosi. Piika tuas pikkusen lonkasi ikkunua, jotta sormi välih mänöy, kun rupei pölyjä pyyhkimäh. Harakka tuas lenti ravosta pirtti. Jo tuas muuttu mieheksi, niinkun viimeki vuotena. Poika ta tyttäret hätävytti, jotta «tuas se tuli tyttärtä viemäh». Harakka alko kos's'uo keskimmäistä tyttärtä. Hyö vassatah, jotta «ei anneta, kun meiltä viime vuotena harakka vei vanhemman tyttären». Niin vieras pyrki yöksi. Hänet syötettih, juotettih, muata häntä pantih. Piika nousou huomeneksella. Ei ole vierasta, eikä keskimmäistä tyttärtä. Piika nossaltau kaiken talonväjen. No tytär on katon ta vieras on katon. Heilä on paha mielestä, kun čikko kato. Piikua varotetah, jotta «olkah vaikka kuin paksu pöly, nin jotta vain et enämpyä avuais ikkunua». Čikko ta velli ollah pahoillah, kun hyö jättih kahen.

Vuuvven kuluttuo, kun on kaunis kesä, piika tuas rupieuh pyyhkimäh pölyjä ta avuau ikkunua sen verran, jotta karpäni ravosta mahtuu. Siitä ravosta lentäy harakka ta muuttuu mieheksi. Se rupieuh kos's'omah nuorinta tyttärtä. Velli siäntyy harakan piällä ta sanou, jotta «nyt suat lähtie pois». Se ei lähten. (Velli luulou, jotta se on sama harakka, mi vei muutki čikokset ta nyt tuli viimeistä ottamah.) Vieras ei lähten pois. Siihi hiän yöksi jäi. Piika nousou huomeneksella. Nuorin tytär on katon. Ne mäni männessä. Niitä ei kuulu, ei nävy. Velli jäi yksinäh ikävöimäh.

Muutamana päivänä se poika kävelöy kaikki čuarin huonehet ta palatsit, mitä on. Hiän näköy yhessä huonehessa avuamen reijän. Avuanta ei mistänä lövyä. Luajittau sepässä avuamen, jotta saisi oven auki. Poika avuau oven. Sielä on aivan tyhjä pikkaraini huoneh. Ei ole muuta kuin pal'l'ahat seinät ta pieni ikkuna. Poika ajattelou: «Mitä tuostaki on lukittu, kun on aivan pal'l'ahat seinät», – ta läksi mänömäh pois siitä huonehesta. Kaččou – oven piällä on pikkaraini tilkku. Ottau ta kohottau sitä tilkkupalua. Sielä on valokuva. Hiän kun näki sen valokuvan, nin silloin kuation selällä. Se oli niin kaunis. Valokuvan toisella puolella oli kirjutettu: «Marija-prekrasnoi devuška». Poika kaččo tarkkaseh sen valokuvan, jätti oven piällä paikallah sen. Sanou uskollisella palvelijalla:

– Miun siitä Marija-prekrasnoi devuškasta pitäy suaha morsien.

Ukko sanou:

– Sie et sitä sua. Ennen tuattos oli viittä viisahampi, kuutta kuulusampi, ta sekänä ei suanun. Siun ei ole ni yrittämistä.

No poika piätti, jotta kyllä hiän lähtöy eččimäh sitä.

Niin hiän nousi heposella selkäh ta läksi ajamah. Ukon kera oli tehty sopimus kahen totistajan aikana, jotta jos čuarin poika ei tule kolmeh vuoteh takasin, nin ukko suau olla kaiken omistaja.

Poika ajo päivän iltah asti. On talo tien vieressä, kukon kannuksilla seisou. Poika alko sanuo:

– Talosen-malosen, myöstäyhy malostauhu, matkamiehen yösjäksi, viluhisen lämpimäksi.

Talo ei pyöri enämpi, seisattu paikalla. Poika mänöy taloh. Akka on pirtissä. Nenälläh orresta piäličči tulihiilie liikuttelou päčissä.

Akka sanou:

– Tulipahan venyähän vertä syyvväkseni, juuvvakseni, partahani pannakseni!

Poika vastuau:

– Mi on miusta syötäväksi: kopra luita, lusikka vertä. Mi on lihua, se on luina, mi on vertä, se on vetenä.

– Onnako olet nuorimman čikkoni poika, kun olet niin osava pakinoissah?

Poika vastuau:

– Olen, tätiseni.

Akka kysyy vierahalta sanomie:

– Mihin, poika, olet mänössä?

– Olen, tätiseni, eččimässä semmoista Marija-prekrasnoi devuškuu masiemekseni.

Akka vastuau:

– Tiijän. Äijä sinne on männehie, vähä pois tullehie.

Syöttäy, juottau pojan. Pitäy hänet yötä. Heponi tallih pannah. Poika makuau yön. Täti nossaltau murkinalla pojan. Sanou täti pojalla:

– Mie, poikan, annan siula teräskapie-heposen, jätä omas tähä. Se teräskapie-heponi siun suattau.

Akka antau pojalla heposen, millä on kynnet niinkun kissalla. Sanou:

– Kun tästä nyt päivän ajat, nin tulou kallivo, viittäkymmentä syltä korkie, niinkun seinä nousou. Lyö hevoista ruosalla, nin se hyppyäy ta piäsöy vuaran piällä.

Poika ajo päivän iltah asti. Tuli semmoni kallivo. Poika kaččou – kauhie on kallivo, miteinhän tuonne piäsöy? Löi ruosalla poika hevoista. Heponi hyppäi, alko krapastua ta niin se piäsi sinne ylös kallivon piällä.

Kaččou – suuri talo on, vaskini tarha. Kolme piikua pyyhkiy kolikoilla talon pihua. Piijat kačahettih ta sanotah:

– No mitä ihmettä nyt tuli, kun ei ole ni konsa ketänä tiälä käynyn?

Piijat ruvettih huutamah:

– Hoi, emäntä, velles tuli!

Sielä oli emäntänä pojan vanhin čikko. Harakka hänen toi tänne. Emäntä sanou:
 – Miun vellen luita ei tänne ole korppi kantan.
 Kačahtau ikkunasta:
 – Miun velli! – ta niin ikkunasta hyppyäy kohastah vellessäh vastah. –
 Mitein sie, vellen, tänne piäsit, mihi vain linnut lennetäh?
 Poika vastuau čikollah:
 – Piäsijä piäsöy, kun lähtöy eččimäh.
 Čikko viey vellen pirttih. Syöttäy, juottau. Poika kysyy:
 – A missä harakka on?
 Čikko sanou:
 – Alailmoilla lentelömässä.
 Juuri siihä samah pakinah lentäy harakka ta muuttuu mieheksi. Harakka sanou:
 – Terveh, mistä piäsit ta millä piäsit tänne?.. Nyt siun pitäy olla tiälä kolme kuukautta meilä vierahana.
 Poika vastuau harakalla:
 – En jouva mie niin pitälti olemah. Olen luatin kolmen vuuvven sopimuksen. Jos viivyn, nin miulta talo mänöy.
 Harakka sanou:
 – Mitä vassen olet lähten niin vähäksi aikua?
 Poika vastuau harakalla:
 – Čikkojani eččimäh, ta toini asie: Marija-prekrasnoi devuškuu morsiemekseni suahustamah.
 Harakka remahti nakramah. Kaikki häntä halkei harakalta.
 – Meitä on, – harakka sanou, – kolme vellessä. Kaikki olemma siivinlentäjät, a sie, jaloinjuoksija, elä ni yritä, kun myö siivinlentäjät emmä ole suanun.
 No kolme kuukautta kulu. Hauska oli olla sielä, jotta poika ei luullun vielä nin äijän aikua mänövänkänä. Harakka sanou pojalla:
 – No nyt mäne, jo aikas mäni.
 Poika jättäy hyvästit harakka-vävyllä ta čikollah. Harakka sanou, jotta «nyt tulou vastah sata sylvä suuri kallivo. Nin kun voinet sen yli piässä, sielä on keskimmäini čikkos».
 Ajo päivän tuas poika iltah suahe. Piäsi siihe kallivon viereh. Kačču poika: «Kauhie on kallivo, mitein voinen piässä?» Ta hevoistah poika tuas ruosalla löi. Se alko noussa krapastua. Nousi, nousi krapasti. Ei enämpyä kynnet pisy, kirpuou. No piäsi kumminki kallivon piällä.
 Kuusi piikua pyyhkiy pihua. Hopieni on talo, hopieset kaikki portahat. Kačahettih piijat tuakseh päin ta huuvetah:
 – Emäntä, velles tuli!
 Emäntä sanou:
 – Ei ni korppi ole kantan miun vellen luita tänne.
 Hiän kaččomah: ta velli i oli! Hyppyäy kohastah ikkunasta vellessäh kaklah:
 – A millä, veikkon, piäsit tänne?

Velli sanou, jotta «täti anto miula semmosen heposen, jotta se on piässyn näijen kollivojen piällä».

Čikko vey velleh pirttih, syöttäy, juottau. Poika kysyy:

– Missä harakka on?

Čikko sanou:

– Alailmoilla lentelöy.

Harakka lenti siihe pakinah pirttih ta muuttuu mieheksi. Kättelöy vierasta. Harakka kysyy:

– Mitein olet tänne piässyn?.. Nyt siun pitäy olla meilä vierahana kuusi kuukautta.

Čuarin poika sanou:

– En voi olla niin kauvan, miula on sopimus ei olla enämpyä kolmie vuotta.

Harakka kysyy:

– Miksi läksit niin vähäksi aikua?

Poika vastuu:

– Marija-prekrasnoi devuškuu morsiemekseni eččimäh.

Harakka remahti nakramah, kaikki häntä halkei. Harakka sanou:

– Mie siivillä olen lentän, en ole suanun. A sie, tyhmä poika, elä ni yritä.

Poika ei ni iče tiijä, kuin huvassa mänöy aika. Mäni kuusi kuukautta.

Harakka sanou:

– Nyt, niälämies, suat lähtie, jo on kuusi kuukautta kulun. Nyt kun lähet ajamah, tulou vastah satua viittäkymmentä syltä korkie kallivo. Sielä on kultani talo ta siinä on emäntänä siun nuorin čikko.

Čuarin poika läksi ajamah. Ajo päivän iltah asti. Piäsi sen kallivon viereh. Kaččelou, kummastelou poika: «Mitein voinen piässä tuon kallivon piällä, kun on puolitaivahassa korkevus?» Löi poika ruosalla hevoistah. Se läksi krapastamah sinne kallivon piällä. Ei voi enämpi heponi noussa. Kaikki jo sen kynnet katkielou. Vain piäsöy se kumminki häjin tuskin kallivon piällä.

Yheksän piikua pihua pyyhkiy, kultani talo on, kultaset portahat.

Piijat kaččomah rupauhuttih ta karjutah:

– Hoi, emäntä, velles tuli!

Emäntä sanou:

– Ei miun vellen luita ni korppi tänne kannu.

Kačahtau ikkunah – nin velli on! Hyppyäy suorah ikkunasta vellelläh kaklah ta itköy. Sanou čikko:

– Millä konstilla nyt, veikkon, piäsit tänne?

Poika sanou:

– Täti anto semmosen heposen, jotta sillä mie tulin.

Vey pirttih čikko velleh. Syöttäy ta juottau. Poika kysyy missä harakka-vävy. Čikko vastuu:

– Alailmoilla lentelöy.

Ei keritäh pakinan loppuh, kun tuas harakka viuhahtau pirttih ta muuttuu mieheksi.

– Vierasko on, – sanou, – meilä tullun?

Kättelöy ta kysyy:

– Mitein piäsit ta millä?

Harakka sanou, jotta «siun pitäy olla vierahana meilä yheksän kuukautta».

Poika sanou:

– En mie jouva olemah niin kauvan. Miulta mänöy koko talo ta valtakunta. Läksin čikkojäni eččimäh ta Marija-prekrasnoi devuškuu morsiemekseni kos's'omah.

Harakka remahtau nakramah, ta häntä häneltä halkei.

Niin ruttoh kulu yheksän kuukautta, jotta poika ei ni huomannun, kuin ruttoh se mäni. Harakka sanou:

– Nyt mäne, jo kulu yheksän kuukautta.

Poika lähtöy, hyvästi jättelöy. Lähtiessä sanotah:

– Et sie Marija-prekrasnoi devuškuu sua, kun emmä myö, siivinlentäjät, ole suanun.

Poika ajo päivän iltah asti. Tien vieressä on rautani talo. Mänöy taloh. Akka on suuri, kielelläh leipyä luou kiukuah. (On akalla enämpi suurutta kuin meilä!)

– Tuli, – sanou, – venyähän vertä syyvväkseni, juuvväkseni, partahani pannakseni.

– Elä, tätisen. Ei miussa ole syötävyä, eikä juotavua.

– Onnako olet nuoremman čikkoni poika, kun olet niin osava pakinoissa.

Akka syöttäy, juottau pojan, kysyy kuulumiset:

– Minne, poikan, matkuat?

Poika sanou:

– Marija-prekrasnoi devuškuu mänen morsiemekseni eččimäh. Etkö tiijä, mitein sen saisin?

Akka sanou:

– Ei ole linnut piästy Marija-prekrasnoi devuškan luo. Mitein sie, ukko rukka, piäset. Nyt kun päivän ajat, on päivähyksen piässä noita-akka. Sie rupie sillä toihe. Hiän panou heposie paimentamah. Elä sano, jotta sie mänet Marija-prekrasnoi devuškuu eččimäh. Sano, jotta «työtä-ruokua eččimäh läksin». Hiän ottau siut heposien paimentamaksi koko kesäksi. Sillä akalla on hyvin paharaiska heponi. Jos hiän siula palkkuu tariččou, nin elä suossu mihinkänä muuhu, kuin siihe heposeh. Se siula ohjeita antau, mitein saisit Marija-prekrasnoi devuškan morsiemekse.

Niin hiän läksi siitä tätih luota ajamah. Niin tuli talo, kun ajo päivän tuas. Mänöy taloh. Talossa on vihasen näköni emäntä. Kysyy akka:

– Minne matkuat, minne matan piet, prihaččuine?

– Läksin työtä-ruokua eččimäh.

Akka sanou:

– Miula on työtä ta ruokua, rupie heposie paimentamah. Miula on kolmesatua hevoista.

Poika rupei siihi paimeneksi. Hänellä annettih kolmesatua hevoista ta käsettih kolme kuukautta mečässä paimentua. Poika hoiti niinkun täti oli

neuvon, pahua hevoista hyvin. Kolmen kuukauven piästä poika tulou taloh. Heposet on oikein lihavat, kaunehet ta hyvin pietyt. Paimen on kolme päivyä vielä talossa. Emäntä tariččou palkkua. Sanou:

– Ota mitä tahot, ota kultua, ota hopieta.

Poika sanou:

– Rahua miula ei pie. Anna miula pahaččaini heponi.

Akka sanou:

– Sitä hevoista mie en anna, ennein annan kaikki kolmesatua hevoista, ennein kun sen yhen.

Ta niin poika pissälti lakkih piähä:

– Et anna, nin pie kaikki!

Akka juoksou jälkeh:

– Ota, ota, roisto, se heponi!

Poika otti pahan heposen. Akka sanou:

– Tulou se kuitenkin jälelläh.

Heponi rupieu pakajamah, sanou:

– Sie pie lujasti suiččie, jotta ei hiän sua jälelläh milma.

Poika läksi ajamah, ei antan suiččie akalla. Ajettih kotvan. Tuli linna. Heponi pakajau, sanou:

– Tässä, tällä linnalla on rajasuutari. Kysy rajasuutarilta, jotta suauko hiän neuluo semmosen kotkan, mi lentäy sinne, mihi ajattelet. Nin se kotka mänöy Marija-prekrasnoi devuškan luoksi.

Poika jättäy heposen peltojen perillä, iče lähtöy kaupunkilla. Poika mänöy siihi rautasuutarih. Sanou suutarilla:

– Etkö osua semmoista kotkua neuluo, millä henki tulou, ta mänöy sinne, minne iče ajattelet?

Suutari sanou:

– Suatan mie, olen mie neulon semmosie. Vain se maksau äijän – kaksitoista rupl`ua. Kahen netälin piästä tule käymäh.

Poika ei voinun olla kun kaksi päivyä, ei voinun enämpi kestyä ta mäni suutarih. Suutari sanoki, jotta valmis on. Poika makso monta tuhatta rupl`ua, vaikka suutari pyrki kahtatoista. Poika kun niin hyvin makso, nin suutari puhalti kotkah henken. Suutari sanou pojalla:

– Ajattele nyt, mihi pitäis männä.

Poika istuutu kotkalla selkäh ta ajatteli, jotta «nyt Marija-prekrasnoi devuškan luoksi lennä».

Kotka lenti kolmiäkymmentä kilometrie pitän kallivon siämeh. Sielä on suuret kaunehet huonehet. Avautu ovet. Čuarin poika mäni siämeh. Viimesen oven kun avai, nin sielä se neičyt istu. Se oli niin kaunis, jotta poika pyörty kynnyksellä. Nahkasta läpi lihat näky neiččyöllä, lihasta läpi luut, luista läpi ytimet – niin oli kaunis. Poika tointu. Neičyt otti hänet hyvin vastah, kysy:

– Ken olet ta mistä olet?

Poika sanou, jotta «silma olen eččin niin pitän aikua».

Tytär sanou:

– Tässä olen: mie siun, sie miun.

Marija-prekrasnoi devuška pani pojan erityiseh huoneheh, missä ei ni ken muu käynyn. Sano palvelijalla, jotta «tuo ruokua kaksi vertua enämpi, kuin ennein. Mie niin äijän syön». Eikä sano, jotta hänellä on sulhani. Sitä ihmetelläh, jotta mintäh niin äijän Marija-prekrasnoi devuška syöy.

Marija-prekrasnoi devuška oli čuarin tytär. Häntä ei voitu ihmisien seuroissa pityä, sillä hiän oli niin kaunis, jotta monet hänen kaunehuostah kuoli.

Niin se poika oli sielä kallivossa, min verran lienöy ollunki. Hauskasti sielä kulu aika. Marija-prekrasnoi devuška sanou:

– Mäne nyt pois. Jo on aika lähtie, muitein talos mänöy. Mie tulen jälkeh, konsa aika tulou.

Poika nousi kotkalla selkäh, jätti hyvästi Marija-prekrasnoi devuškalla. Lenti kotkalla omah valtakuntah, omilla čuarin pihoilla. Sielä oli pihalla jo se paha heponi. Marija-prekrasnoi devuška oli jo vuottamassa pojan kera. Hiän oli tullun vielä rutompah sillä heposella, kuin čuarin poika kotkalla.

Uskollini Jussi tulou vastah ottamah. Ei ollun enämpyä kuin kolme minuuttie, kun sopimus olis männyn umpheh, ta talo ta koko valtakunta olis männyn. Nyt čuarin poika sai oman talon ta valtakunnan, sekä Marija-prekrasnoi devuškan, ta vielä pojan ta heposen. Taloh jäi vielä Uskollini Jussi, ta niin eletäh tänäki piänä, kun ei liene kuoltu.

35. Сказка о сороках

У царя было три дочери и один сын. Царь и царева жена умирают. Они перед смертью говорят сыну, что «не бери жень», и дочерям, что «не берите мужей, коли есть на что жить».

У них был один старик-слуга. Его звали верный Юсси, он домом управлял. Жили они тут немного времени, и была у них еще прислуга и одна горничная. Горничная стала вытирать пыль в детской комнате и открыла окно. В окно влетела сорока и обернулась мужчиной. Ну, они тут растерялись, мол, что это за чудо, сорока прилетела и мужчиной обернулась. Пригласили гостя сесть, как полагается. И гость сел и начал сватать старшую дочь. Ее брат и другие сестры сказали, что когда родители умирали, то не велели выходить замуж. Ну, мужчина говорит, что «раз не выходишь за меня и не выдаете [замуж], то не могу ли я хоть переночевать здесь?». Они сказали, что «переночевать, конечно, можешь, только девушку не дадим». Накормили, напоили гостя и велели спать ложиться. Утром служанка встает, варит чай и будит сестер и брата есть да пить. Пошла старшую сестру звать, а ее нет нигде. И гостя нет. Сорока унесла старшую сестру. Ну, другие сестры и брат решили, что когда будут вытирать пыль, никогда нельзя открывать окна.

С того дня, как старшая сестра пропала, прошел год. Служанка опять чуть-чуть приоткрыла окно, настолько, что палец можно просунуть, когда стала пыль вытирать. Сорока опять влетела в ту щель. И опять обернулась мужчиной, как и в прошлый год. Парень и девушки испугались, что опять он пришел за одной из сестер. Сорока стала сватать среднюю дочь. Они отвечают, что «не выдадим, потому что в прошлом году у нас сорока утатила старшую дочь». Гость попросился на ночь. Его накормили-напоили, спать уложили. Служанка встает утром – нет ни гостя, ни средней сестры. Служанка поднимает весь дом на ноги. Ну, девушка исчезла, и гость исчез. Им горько оттого, что сестра пропала. Предупреждают служанку, что какой бы толстый слой пыли ни был, но чтобы больше ни в коем случае не открывала окна. Сестра и брат опечалены, оставшись вдвоем.

Через год, когда было прекрасное лето, служанка опять стала вытирать пыль и приоткрыла окно настолько, что муха лишь могла в щель пролететь. В эту щель прилетает сорока и оборачивается мужчиной. Он начинает сватать младшую сестру. Брат рассердился на сороку и говорит, что «теперь можешь убираться». Тот не ушел. (Брат думает, что это та же сорока, которая унесла двух сестер, и теперь прилетела за последней.) Гость не ушел. Остался тут ночевать. Служанка встает утром – младшая сестра пропала. Их след простыл, не слышно, не видно. Брат остался один скучать.

В один день обходит этот парень все царские комнаты и дворцы, чтобы узнать, что там есть. Видит он в одной двери замочную скважину, а ключа нигде не находит. Велит кузнецу сделать ключ, чтобы дверь открыть. Парень открывает дверь. Там совсем пустая маленькая комната. Нет ничего, кроме голых стен и маленького окошка. Парень думает: «И для чего запирать, коли одни голые стены?» – и пошел к выходу. Смотрит – над дверью маленький лоскут. Взял и приподнял этот лоскут. Под ним фотография. Он когда увидел эту фотографию, тут же упал навзничь. Такая там была красавица. На обороте фотографии было написано: «Мария-прекрасная девушка». Парень внимательно рассмотрел девушку, оставил [карточку] на месте над дверью. Говорит верному слуге:

– Мария-прекрасная девушка должна стать моей женой.

Старик говорит:

– Не получишь ты ее. Был прежде твой отец в пять раз умнее, в шесть раз знаменитее тебя, и даже он не добился ее. Тебе нечего и пытаться.

Ну, а парень решил, что все же он поедет искать ее. Он сел на коня и поехал. Со стариком был сделан договор при двух свидетелях, что если царев сын не вернется через три года, то старик будет владельцем всего.

Парень ехал целый день до вечера. Стоит дом у дороги, на петушиных шпорах стоит.

Парень начал говорить:

– Избушка-избушка, повернись-остановись, путнику заночевать, озябшему обогреться!

Дом не вертится больше, тут же остановился. Парень заходит в дом. В избе старуха. Носом через грядку горящие угли в печи мешает. Старуха говорит:

– Пришла-таки русская кровь, чтобы мне поесть-попить, в бороду класть!

Парень отвечает:

– Какая из меня еда: горсть костей, ложка крови. Сколько тела – то все кости, сколько крови – то все водица.

– Да ты никак сын моей младшей сестры, уж больно складно говоришь?

Парень отвечает:

– Да, тетенька.

Старуха спрашивает гостя о новостях.

– Куда, сынок, едешь?

– Иду, тетенька, искать Марию-прекрасную девушку себе в жены.

Старуха отвечает:

– Знаю. Много туда ушедших, мало возвратившихся.

Кормит-поит парня, на ночь оставляет. Лошадь ставят в конюшню. Парень ночь поспал. Тетка будит парня завтракать. Говорит тетке парню:

– Я, сынок, дам тебе коня-стальное копыто, оставь своего здесь. Этот конь-стальное копыто тебя доставит.

Старуха дает парню коня, у которого когти, как у кошки.

– Как проедешь день – встретится тебе скала отвесная, высотой пятьдесят саженей, как стена поднимается. Ударь коня хлыстом, и он прыгнет на ту скалу.

Парень ехал целый день до вечера. Встретилась та скала. Парень смотрит – страшная скала, как на нее подняться? Ударил парень коня хлыстом. Конь прыгнул, начал карабкаться и так взобрался на скалу.

Смотрит [парень] – стоит большой дом, медная ограда. Три служанки подметают голиками двор. Служанки взглянули и говорят:

– Что за чудо приключилось? Никто к нам никогда не заезжал!

Служанки стали кричать:

– Эй, хозяйка, брат твой приехал!

Хозяйкой там была старшая сестра парня. Сорока ее сюда принесла. Хозяйка говорит:

– Моего брата костей ворон сюда не занесет.

Взглянула в окно:

– Мой брат! – И так прямо в окно и бросилась брата встречать.

– Как ты, братец, сюда попал, куда только птицы прилетают?

Парень отвечает сестре:

– Желающий попадет, когда пойдет искать.

Сестра проводит брата в избу, кормит, поит. Парень спрашивает:

– А где же сорока?

Сестра отвечает:

– В нижнем мире летает.

Как раз при этом разговоре прилетает сорока и превращается в мужчину. Сорока говорит:

– Здравствуй, как ты попал и на чем ты попал сюда? Теперь тебе надо погостить здесь у нас три месяца.

Парень отвечает сороке:

– Не могу я так долго оставаться. Я сделал договор на три года. Если задержусь, то дом потеряю.

Сорока говорит:

– Зачем поехал на такой короткий срок?

Парень отвечает сороке:

– Сестер искать, и другое дело: Марию-прекрасную девушку в жены добывать.

Сорока расхохоталась, даже хвост надвое рассекся.

– Нас, – сорока говорит, – три брата, все на крыльях летающие. А ты, на ногах бегающий, даже не пытайся, раз мы, на крыльях летающие, не смогли добыть.

Ну, три месяца прошли. Так там было весело, что парень даже не думал, что так много времени прошло. Сорока говорит парню:

– Ну, теперь иди, уже время твое прошло.

Парень прощается с зятем-сорокой и с сестрой. Сорока говорит, что «теперь встретится скала в сто саженой высоты; если сумеешь через нее перебраться, то там живет средняя сестра».

Ехал опять парень целый день до вечера. Доехал до той скалы. Смотрит парень: «Страшная скала, смогу ли подняться?» Хлестнул парень своего коня кнутом. Начал конь карабкаться вверх. Поднимался, поднимался, карабкаясь. Уже больше когти не держат, падает. Но все же вскарабкался на скалу.

Там шесть служанок подметают двор. Дом серебряный, даже ступеньки серебряные. Оглянулись служанки и кричат:

– Хозяйка, твой брат приехал!

Хозяйка говорит:

– Даже ворон не принесет костей моего брата сюда.

Посмотрела она – так и есть, брат! Прыгает прямо из окна брату на шею:

– Как же, братец, ты сюда попал?

Брат говорит, что «тетка дала мне такого коня, который забрался на эти скалы». Сестра ведет брата в избу, кормит-поит. Парень спрашивает:

– Где сорока?

Сестра говорит:

– В нижнем мире летает.

При этих словах прилетела сорока в избу и обернулась мужчиной. Здоровается с гостем за руку. Сорока спрашивает:

– Как ты сюда попал? Теперь тебе придется у нас погостить шесть месяцев.

Царев сын говорит:

– Не могу я так долго. У меня договор на три года – больше я не могу пробыть.

Сорока спрашивает:

– Почему поехал на такой короткий срок?

Парень отвечает:

– Поехал Марию-прекрасную девушку в жены себе искать.

Сорока как расхохочется, даже хвост надвое рассекся. Сорока говорит:

– Я на крыльях летаю, и то не сосватал ее. А ты, глупый, и не пытайся.

Парень даже не замечает, как быстро проходит время. Прошли шесть месяцев. Сорока говорит:

– Теперь, шурин, можешь ехать, уже шесть месяцев прошло. Теперь как поедешь, встретится скала высотой в сто пятьдесят саженей. Там золотой дом, и в нем за хозяйку твоя младшая сестра.

Царев сын поехал дальше. Проехал день до вечера. Добрался до той скалы. Смотрит и удивляется: «Смогу ли забраться на эту скалу, до половины неба высота».

Ударил парень кнутом своего коня. Тот стал карабкаться на скалу. Не может больше конь подниматься. Уже когти у него ломаются, но все же кое-как поднимается он на скалу.

Там девять служанок двор подметают, дом золотой, золотые ступеньки. Служанки посмотрели и кричат:

– Эй, хозяйка, твой брат приехал!

Хозяйка говорит:

– Даже ворон не принесет сюда костей моего брата.

Взглянула в окно – а там брат! Прыгает прямо из окна брату на шею и плачет. Говорит сестра:

– Каким путем, братец, ты сюда добрался?

Парень говорит:

– Тетка дала такого коня, на нем я приехал.

Уводит сестра брата в избу. Кормит и поит. Парень спрашивает, где зять-сорока. Сестра отвечает:

– В нижнем мире летает.

Не успели поговорить, как опять прилетает сорока в избу и оборачивается мужчиной.

– К нам гость, – говорит, – приехал? – Здоровается за руку и спрашивает: – Как и на чем ты сюда попал?

Сорока говорит, что «тебе надо погостить у нас девять месяцев».

Парень говорит:

– Не могу я так долго пробыть. Я потеряю весь дом и царство. Поехал я сестру искать и Марию-прекрасную девушку сватать.

Сорока как расхохочется, даже хвост у нее надвое рассекся. Так быстро прошли девять месяцев, что парень даже не заметил, как скоро срок прошел. Сорока говорит:

– Теперь иди, уже прошло девять месяцев.

Парень отправляется, прощается. Перед уходом ему говорят:

– Не сосватать тебе Марию-прекрасную девушку, коли мы, на крыльях летающие, не смогли сосватать.

Парень ехал целый день до вечера. Возле дороги стоит железный дом. Заходит в дом. Там огромная старуха, языком хлебы в печь сажает. (По-больше нас с тобой старуха-то!)

– Пришла, – говорит, – русская кровь, чтобы мне поесть-попить, в бороду класть.

– Не надо, тетенька. Во мне нечего ни есть, ни пить.

– Ты хоть не сын ли моей младшей сестры, уж очень остер на язык?

Старуха кормит-поит парня, расспрашивает новости:

– Куда, сынок, едешь? Парень говорит:

– Еду Марию-прекрасную девушку себе в жены искать. Не знаешь ли ты, как ее найти?

Старуха говорит:

– Даже птицы не проникали к Марии-прекрасной девушке. Как-то ты, бедняга, попадешь? Теперь как день проедешь, есть за день пути старуха-колдунья. Ты наймись к ней на работу. Она велит тебе пасти лошадей. Не говори, что ты едешь искать Марию-прекрасную девушку. Скажи, что пошел искать работы и еды. Она возьмет тебя пасти лошадей на целое лето. У этой старухи есть захудалая лошадка. Если она будет предлагать тебе плату, то не соглашайся брать ничего, кроме этой лошади. Она тебе даст совет, как сосватать Марию-прекрасную девушку.

Так он поехал от тетки дальше. Проехал день, показался дом. Заходит в дом. В доме злая на вид хозяйка. Спрашивает старуха:

– Куда едешь, куда путь держишь, паренек?

– Поехал работы и еды искать.

Старуха говорит:

– У меня есть работа и еда, оставайся пасти лошадей. У меня триста лошадей.

Парень остался тут пастухом. Дали ему триста лошадей и велели пасти их три месяца в лесу. Парень, как посоветовала ему тетка, ухаживал за плохой лошадкой. Через три месяца парень возвращается в дом. Кони были в теле, красивые и откормленные. Пастух пробыл еще три дня в доме. Хозяйка предлагает плату. Говорит:

– Возьми что хочешь, возьми золота, возьми серебра.

Парень говорит:

– Денег мне не надо. Дай мне плохонькую лошадку.

Старуха говорит:

– Той лошади я не отдам, скорее отдам все триста лошадей, чем эту одну.

Тут парень нахлобучил шапку:

– Не отдашь, так пусть все твои останутся!

Старуха бежит за ним:

– Бери, бери, негодяй, ту лошадь!

Парень взял плохую лошаденку. Старуха говорит:

– Все равно она вернется обратно.

Лошадь начинает разговаривать, говорит:

– Ты держи покрепче уздечку, чтобы старуха не смогла вернуть меня обратно.

Парень поехал, не отдал уздечку старухе. Ехали долго. Встретился город. Лошадь говорит:

– Здесь, в этом городе, живет сапожник. Спроси у сапожника, что сумеет ли он сшить такого орла, который летит туда, куда задумаешь. Этого орел и долетит до Марии-прекрасной девушки.

Парень оставляет лошадь на краю поля, сам идет в город. Приходит парень к тому сапожнику. Говорит сапожнику:

– Сможешь ли ты сшить такого орла, который был бы живой и летел бы туда, куда сам задумаешь?

Сапожник говорит:

– Смогу я, я таких шивал. Только это дорого стоит – двенадцать рублей. Через две недели приходи.

Парень не мог ждать больше двух дней, не мог больше терпеть и пошел к сапожнику. Сапожник и говорит, что уже готово. Парень заплатил много тысяч, хотя сапожник просил двенадцать рублей. За то, что парень так хорошо заплатил, сапожник вдунул в орла дух. Сапожник говорит парню:

– Подумай теперь, куда надо лететь.

Парень сел на орла и подумал, что «теперь лети к Марии-прекрасной девушке».

Орел влетел внутрь скалы длиной в тридцать километров. Там были большие, красивые покои. Двери раскрылись. Царев сын вошел туда. Последнюю дверь как открыл, тут эта девушка и сидела. Она была такая красивая, что парень на пороге упал без памяти. Сквозь кожу у девушки мясо просвечивало, сквозь мясо – кости, сквозь кости мозг виднелся – такая была красивая. Парень пришел в себя. Девушка встретила его хорошо, спросила:

– Кто ты и откуда?

Парень говорит, что «тебя так долго искал». Девушка говорит:

– Я тут; я твоя, ты мой.

Мария-прекрасная девушка спрятала парня в особой комнате, куда никто не входил. Сказала прислуге, что «приноси еды в два раза больше, чем раньше. Я стала так много есть». А не говорит, что у нее жених. Мария-прекрасная девушка была дочь царя. Она не могла жить с людьми, потому что была такая красивая, что многие из-за ее красоты умирали.

Удивляются, что почему Мария-прекрасная девушка стала так много есть. Так этот парень жил там в скале, сам не знал, сколько времени. Весело проходило там время. Мария-прекрасная девушка говорит:

– Теперь уезжай. Уже пора отправляться, иначе дом потеряешь. Я приеду следом, когда время настанет.

Парень сел на орла, попрощался с Марией-прекрасной девушкой. Прилетел на орле в свое государство, на свой царский двор. Там во дворе стоя-

ла уже та плохая лошаденка. Мария-прекрасная девушка уже ждала его с сыном. Она на лошади прискакала скорее, чем царев сын на орле.

Верный Юсси идет их встречать. Осталось всего три минуты, как истек бы срок договора и дом и все государство бы пропали. Царев сын получил дом и государство, Марию-прекрасную девушку да еще сына и лошадь. В доме остался еще верный Юсси, и так живут они и по сей день, если не умерли.

36. Taikasormus

Oli ennenin ukko ta akka. Heilä on yksi poika. Pojalla annetah sata rupl'ua rahua ta työnnetäh linnalta leipyä ostamah. Poika matkuau kotvasen tietä myöte, tulou ukko vastah, pankavakka käsivarressa. Vakassa on pikkaraini kissanpoika. Se on oikein kaunis ta kaččou niin ystävällisesti poikah. Ukko kysyy pojalta:

– Minne mänet, poika?

Poika sanou:

– Linnalta leipyä ostamah.

Ukko sanou:

– Elä mäne leipyä ostamah. Ossa tämä kissanpoika.

Poika sanou:

– En mie ruohi ostua, milma kirotah. Leipyä meilä ei ole ni yhtänä koissa.

Ukko vain sanou:

– Ossa, ossa!

Pojasta on kissanpoika mielehini. Hiän ostau ta maksau sata rupl'ua. Viey kissanpojan kotih. Vanhemmat sanotah:

– Etkö i tuonun leipyä?

Poika sanou:

– Mie ossin tämän kissanpojan, kun oli niin kaunis.

Poikua ruvettih kiruomah, kun tyhjäh pani rahat. Kissanpoika i pakeni pojalta, ei nävy, ei kuulu i missä kissanpoikua.

Toisena päivänä tuas työnnetäh häntä leipyä ostamah. Annetah kaksisatua rupl'ua rahua. Poika läksi linnalta leipyä ostamah ta mäni samah paikkah, missä hiän ekleinki oli. Ta ukko tulou vastah, se samani, mi eklein oli. Koiranpentu on samassa pankavakassa, missä oli kissa. Ukko kysyy pojalta:

– Mihi mänet?

Poika sanou:

– Linnalta leipyä ostamah.

Ukko sanou:

– Elä mäne, poikani, leipyä ostamah. Ossa tämä koiranpentu.

Poika sanou:

– En ruohi ostua, milma kirotah.

Lopulta poika ostau koiranpennun. Maksau kaksisatua rupl'ua. Mäni kotihih, vei sen koiranpennun. Sanotah:

– Etkö i tuonun leipyä? – ta tuas kirotah, kun ei ole mitä syyvvä.

Koiranpentu i pakeni. Työnnetäh poika kolmantena päivänä linnalta ostamah leipyä. Annetah kolmesatua rupl'ua ta varotetah: «Ossa elä mitänä muuta kuin leipyä, nämä on viimeset rahat».

Poika läksi leipyä ostamah. Tuas samassa paikassa sama ukko tulou vastah pankavakka käsivarressa. Ukko kysyy:

– Mihi, poika, mänet?

– Leipyä ostamah.

– Elä ossa leipyä, ossa miulta mato.

Se mato kaččou poikah niin kaunehesti pankavakasta. Mato nousi pojalla olkapiällä ta ei lähe pois. Poika ei ostais sitä mielelläh, kun kaikki rahat mänettäy.

Ukko sanou pojalla:

– Anna rahat kolmesatua rupl'ua.

Niin poika ukolla rahat käteh. Mato lujiahti olkapiältä muaha, ta niin mäni meččäh. Sen näki sitä. Tai ukko mäni.

No poika jäi siihi itkömäh. Ei ole hänellä ni mitä, eikä ruohi kotih männä. Mänöy poika linnalla ta ruatau moniehan päivän, kun ei ruohi männä kotih ilman leipyä. Suau rahua töistäh ta ostau leipyä. Lähtöy kotih viemäh. Samassa paikassa tuas tulou sama ukko vastah hänellä. Poika ajattelou: «Mitä nyt miulta muanittau ukko, kun tuas on tuossa». Ukko kysyy pojalta:

– Mistä sie tulet?

Poika vastuau hyvin vihasesti:

– Mistä tulen, töistä tulen!

Ukko sanou:

– Kun on siula leipyä, nin vajeha se miula sormukseh.

Poika sanou:

– Sormusta ei voi syyvvä, a leipyä voit.

Ukko vain muanittau:

– Vajeha, vajeha!

Poika sanou:

– Mitä mie sillä sormuksella ruan?

Ukko sanou:

– Kun kiästä käteh käyttelet tätä sormusta, ni tulou kaksi miestä. Ne ruatah, mitä käskenet ruatua.

Poika otti sen sormuksen ta anto ukolla leipäkappalehet. Ukko katou häneltä silmistä. Poika käyttelöy kiästä käteh sormusta. Tuli kaksi miestä. Miehet sanotah: «Mitä työtä, uusi herra?»

– Ka miula pitäis olla leipyä. (Leivästä on vassus hänelläki.)

Miehet kysytäh:

– Kuin äijä siula pitäy leipyä?

Poika sanou:

– Niin äijä, kuin suatan kotih.

Siihi tuli leipyä. Miehet kato sormukseh. Poika viey kotih leivät. Tuattoh on jo sillä aikua nälkäh kuollun, kun ei ollun mitä syyvvä. Akka ihastu, kun poika leipyä toi. Syyvväh siinä yön aika. Huomeneksella poika sanou muamollah:

– Mäne, muamo, miula čuarin tytärtä morsiemekse kos's'omah.

Akka sanou:

– A-voi-voi, poika! Järeltäskö sie olet sekon, kun čuarin tytärtä kos's'omah käset?

Sormuksesta ottau tuas poika miehet. Ne kysytäh:

– Mitä tahot?

– Samasvietloita kivie, – sanou poika.

Ne samassa tuuvvah samasvietloita kivie. Poika antau ne muamollah ta sanou:

– Mäne vie nämä čuarilla kostinčoiksi ta kos's'o tytärtä miula morsiemekse.

Akka mänöy čuarih. Istuutu kattilalaučan piähä. Ta istuu iltah suati. Ei ruohi virkkua ni mitä. Čuari sanou akalla:

– Mitä sie issut, akka, koko päivän? Mäne nyt poikes, myö rupiemma jo muate, vain onko siula mitä sanottavua?

Akka antau samasvietloin kiven čuarilla ta sanou:

– Tässä on, poika työnti kostinččua ta käski kos's'uo siun tytärtä morsiemekseh.

Čuari rupei nakramah ta sanou:

– Ei surma hirvitä, kun čuarin tytärtä käski kos's'uo.

Akka siihi pölästy, hämmästy, ei tiijä, mitä i sanuo.

Čuari sanou:

– Kostinčča kyllä ois hyvä. Tämä kivi maksau enemmän, kuin miun puoli valtakuntua. Sano pojallas, jotta tämän yön aikana kun suanou semmosen kirikön, mi ei ole hiihnoilla taivahasta, eikä jaloilla muasta, ni siitä suau tyttären morsiemekseh.

Akka mänöy kotih, sanou pojallah, jotta «suuri sluuspa ili tehtävä on suoritettava, enneinkun suat čuarin tyttären morsiemekses. Pitäis suaha tämän yön aikana semmoni kirikkö, mi ei ole hiihnoilla taivahasta, eikä jaloilla muasta, ni siitä saisit čuarin tyttären».

Poika sanou muamollah:

– Rupie, muamo, muate, mie lähen kirikkyö luatimah.

Mäni poika pihalla, käytteli sormusta kiästä käteh. Tuli kaksi miestä. Miehet sanotah:

– Mitä työtä, uusi herra?

Poika sanou:

– Pitäis suaha čuarilla tämän yön aikana semmoni kirikkö, mi ei ole hiihnoilla taivahasta, eikä jaloilla muasta.

Miehet sanotah:

– Pitäis olla lisyä miehie. Sie käytlele sormusta kiästä käteh, jotta tulis enämpi.

Poika käytteli kiästä käteh sormusta ta sanou: «Kaksisatua miestä». Siihi tuli kaksisatua ta ruvettih luatimah kirikkyö. Miehet kun pauketah siinä kirikkyö luatiessah, ni čuari ei voi muata koko yössä. (Iče ei ni muissa, jotta hiän anto pojalla miäräyksen luatie kirikön.)

Tuli kirikkö valmeheksi. Miehet sanotah pojalla: «Sie koluttele tässä nuaklan päitä kuuteh suahе ta siitä mäne, aja čuarih». Miehet kavottih. Poika koluttelou nuaklan päitä kirikön salmoissa. Kello kuusi mänöy čuarih:

– Nouse nyt kaččomah kirikkyö.

Čuari läksi. Kaččou, jotta hiän ei ois tietän ni uavistua semmoista. Poika sanou:

– Joko nyt annat morsiemekse tyttären?

– En vielä anna, – sanou čuari, – kun suanet ensi yön aikana miun huonehien ympäri semmosen kanavan, jotta siinä laivat kulkis, sorsat uisi miun huonehista ympäri ta kanavan laijoilla olis kaunis puisto, ni siitä suat morsiemekses miun tyttären.

Mänöy poika kotih. On iltah suate. Mänöy pihalla, käyttelöy sormusta kiästä käteh. Tulou kaksi miestä ta kysytäh:

– Mitä työtä, uusi herra?

– Nyt pitäis suaha čuarin huonehien ympäri semmoni kanava, missä laivat kulkis, sorsat uisi ta kanavan laijoilla olis kaunis puisto.

Miehet sanotah:

– Pitäy miestä suaha lisyä.

Poika käyttelöy sormusta kiästä käteh ta sanou: «Nelläsatua miestä». Niitä tuli nelläsatua. No ne kaivettih kanava siinä paikassa, laivat kulkomah, sorsat uimah, puistot laijoilla. Kaikki tuli valmeheksi. (Čuarilla oli jo toini levotoin yö, kun oli semmoni jyrinä.)

Poika mänöy čuarin luo:

– Nouse, čuari, nyt kaččomah kanavua, mitys tuli.

No, čuari nousi, mänöy kaččomah ta sanou:

– Kyllä on hyvin ruattu.

Poika sanou:

– Joko nyt annat tyttäres miula?

Čuari sanou:

– En vielä anna, vain kun suanet ensi yön aikana tähä rannalla semmoset huonehet kuin miula, nin se on viimeni tehtävä.

Niin mäni poika kotih. On tuas iltah suahе. Mäni pihalla. Käytteli sormusta kiästä käteh. Sieltä tuas kaksi miestä: «Mitä työtä, uusi herra?»

Poika sanou:

– Nyt pitäis čuarin rinnalla suaha semmoset huonehet, kuin čuarilla.

Miehet sanotah:

– Pitäy suaha lisyä miestä.

Tuli kuusisatua miestä. Ruvettih luatimah huonehie. Semmoni paukeh tuli, jotta čuari siänty pahanpäiväseksi, jotta ken roisto se siinä paukkau? (Iče ei muistan, jotta käski luatie semmoset huonehet.)

Talo valmistu siihi. Poika mänöy čuarih ta sanou:

– Tulehan nyt taluo kaččomah.

Čuari kaččo ta sanou:

– Talo tuli vielä parempi kuin miula. Nyt suat tyttären. Poika mäni kotih, suoritti iččeh hyväksi. Muamoh vei uuteh kotih ta sanou:

– Sie, muamo, emännöiče, mie lähen käyn morsienta.

Poika mäni, čuari anto tyttären. Hiät piettiin. Poika vei kotih morsiemien. Siinä alettih elyä. Se morsien alko kysyö sulhaselta, jotta millä olet suanun nämä tämmöset laitokset ta miten?

Poika sanou, jotta miesvoimillah ne on luajittu.

Naini sanou:

– Ei yhen yön aikana miesvoimilla näitä voi luatie, mie en uso. Kun et sano, millä keinoin sie olet nämä suanun, nin et rakassa milma. Vain jos sanot, nin rakassat.

No, poika sanou:

– Kun siun pitäy tietyä suaha, ni mie sanon, jotta miula on semmoni taikasormus, jotta kun kiästä käteh käyttelen, ni siitä tulou kaksi miestä i ne ruatah, mitä käset.

Poika uinuou. Naini i ottau hänen kormanosta sen sormuksen. Käyttäy kiästä käteh sormusta. Sieltä tulou kaksi miestä. Ne sanotah: «Mitä työtä, uusi herra?» Naini sanou:

– Semmoni on nyt työ, jotta pitäis suaha pois tämä kirikkö, kanava ta nämä huonehet. Miun sulhasen pitäis suaha makuamah kiukuan piällä vanhah pirttih ta miut suattua ulkomuan čuarin pojalla morsiemekse. (Se ulkomuan čuarin poika oli hänen entini mielitetty.)

Kirikkö, kanava ta huonehet kavotti. Poika joutu kiukualla ta čuarin tytär morsiemekse ulkomuan čuarin pojalla.

Poika heryäy vanhan pirtin kiukualla ta sielä on i muamo. Kuottelou poika kormanuo ta sanou: «Kyllä se nyt sormuksen vei. Se oli männyn».

Čuari nousou huomeneksella: ei ole kirikkyö, ei kanavaa, eikä huonehie, kaikki oli kavottu. Poika käyväh pahasta koista, pannah tyrmäh ta määrätäh kolmen päivän piästä hirtettäväksi, kun hiän kavotti tyttären ta kaikki.

Poika ajattelou tyrmässä: «Ei ois pitän miun ostua kissanpoikua, koiranpentuo ta matuo, kun näin pahoilla päivin suatettih».

Kačahtau: mato on kaivan lattiasta läpi reijän ta nousou. Mato sanou pojalla:

– Mi on siula hätä?

Poika kertou, jotta kaikki kavotti ta morsien vei sormuksen, i nyt kolmen päivän piästä hirtetäh.

Mato sanou:

– Myö lähemmä sormusta eččimäh, kyllä myö tiiämmä, missä se on.

Niin mato čuklahti samasta reijästä, mäni kissan ta koiran luo ta sanou:

– Pojalta on sormus katon ta kolmen päivän piästä hänet hirtetäh.

Hyö lähettih juoksomah merenrantah. Uitih merestä poikki sillä linnalla, missä on se morsien. Mäntih čuarin ruokavarastoh, siih samaseh, missä on morsien. Siinä hiiret käyväh syömässä. (Niinkun hiiret prukkua käyväh ruokapaikoissa.) Kissa i ottau čupihieren kiini. Alkau sitä vankuttua. Sanou hiirellä:

– Kun työntänet poikies sormuksen suantah, ni piässän pois.

Hiiri kuččuou poikah ta sanou:

– Mäne čuarin tvorččah. Sielä morsien makuau, sormus on hänellä suupielissä. Kassa kermapataseh häntäs ta sillä vetele morsiemien huulie. Hiän kun rupieou oksentamah ta sormus kirpuou. Sie ota se suuhus ta juokse pakoh.

Hiirenpoiika sanou muamollah:

– Enhän mie voi sinne reikyä kaivua.

Mato sanou:

– Mie kaivan reijän, a sie tule jälkeh. Kun suat sormuksen, pissä miula se suuhu. Mie panen suun reijän kohalla.

Niin mato kaivo reijän, hiiri kasto häntäh kermapatasessa ta sillä kermahännälläh vetelöy čuarin tyttären huulie. Hiirenpoiika vielä kusi hänellä suuhu. Naini rupei oksentamah. Sormus tuli suupielestä oksennuksen kera. Hiirenpoiika otti sormuksen ta pissälti mavolla suuhu. Niin hyö mäntih alas kissan ta koiran luo. Mato sanou kissalla ta koiralla:

– Sain sormuksen, nyt piässä hiiri pois.

Kissanpoiika piässältäy hiiren ta lyöy sitä kápälälläh oččah, sanou:

– Tästä hyvästä kun sait sormuksen, sie ole koko muajilman hiiren kuninkas. Silma ei syö kissat eikä koirat. (Ta niin sitä čupihieirtä ei syvvä kissat, eikä koirat.)

Mato sanou:

– Nyt mejän pitäy lähtie. Ei ole äijyä aikua, kun mies hirtetäh.

Keskussellah siinä, jotta kellä sormus panna suuhu.

Mato sanou:

– Miula ei sua panna, kun miun pitäy pityä suuta kahallah mertä uijessa.

Koira sanou:

– Miula ei voi panna suuhu. Miula on harvat hampahat, se voit kirvota mereh.

Kissa sanou:

– Miula on pieni suu ta tuajat hampahat, mie otan sormuksen, miulta ei kirpuo.

Lähtih meren rantah. Koira otti kissan selkäh, mato iellä ta lähettih uimah. Jo ollah meren toisella puolella, rantah suamasillah. Koira sanou kissalla:

– Vieläkö siula on sormus suussa?

Kissa sanou:

– Vielä, – ta sormus kirpoi mereh suusta.

Uitih rannalla. Heilä on niin paha mieli, jotta «nyt se poika meiltä tapetah». Eikä ruohita männä pojan luo. Siinä rannalla vain juoksennellah.

Siinä on nuottamiehet. Tuotih mualla kalua keittämäh. Puhattih hauki. Kissa juoksentelou kalamiehien luo, jotta eikö sais kalua syvväkseh. Luotih hauvin suolet kissalla, sanotah:

– Syö, kissa, kun olet niin kaunis.

Kissa kun rupei syömäh, sielä sama taikasormus suolissa. Hyö tuas sormus ni suatih. Männäh tyrmän ikkunan alla, missä on se poika. Mato viey sen samasta reijästä ta sanou pojalla:

– Tässä on nyt sormus.

Oli enämpi kolme tuntie aikua, kun poikua olis ruvettu hirttämäh.

Poika käytti sormusta kiästä käteh: tuli kaksi miestä:

– Mitä työtä, uusi herra?

Poika sanou:

– Työtä on semmoista, jotta tyremssikät kaikki pois tyrmästä ta tyrmät palakkah, tai čuarinkoti palakkah, tai čuari siämeh palakkah. Čuarin tytär, se sama morsien, tänne jälelläh.

Ne oli kaikki niin ruattu, kuin hiän käski.

Morsien tuotih. Poika tuas käyttelöy sormusta ta käsköy miehie:

– Luatikka semmoni talo, kuin oli čuarilla ta mie tulisin čuariksi tällä linnalla.

Siihi tuli talo, hiän piäsi čuariksi linnalla, čuarin tyttären kera alettih elyä, kävi muamoh siih. Kissan, koiran, mavon, kaikkien kera yhdessä ruvettih elämäh. Eikä hiän enämpi näyttän sitä sormusta morsiemelläh, eikä ni kellä.

Ta siihi se loppu.

36. Волшебное кольцо

Были раньше старик и старуха. У них был один сын. Дают они сыну сто рублей и посылают в город купить хлеба. Парень прошел немного по дороге – идет навстречу старик: на руке лукошко, в лукошке – маленький котенок. Котенок очень симпатичный и смотрит на парня так ласково. Старик спрашивает у парня:

– Куда идешь, парень?

Парень отвечает:

– За хлебом в город.

Старик говорит:

– Не ходи за хлебом – купи у меня этого котенка.

Парень говорит:

– Я боюсь покупать котенка: меня заругают. У нас дома совсем не осталось хлеба.

А старик все твердит:

– Купи, купи!

Парню котенок понравился, он купил его, заплатил сто рублей. Принес котенка домой. Родители спрашивают:

– Ты что, не принес хлеба?

Сын отвечает:

– Я купил этого котенка, он такой симпатичный.

Парня стали ругать за то, что зря потратил деньги. А котенок и сбежал от парня – не видать, не слышать нигде котенка.

На следующий день опять отправляют парня за хлебом. Дают ему двести рублей. Парень пошел в город за хлебом и пришел на то же место, где был вчера. Идет старик навстречу: тот самый, что и вчера. У него щенок в том же лукошке, в котором была кошка. Старик спрашивает у парня:

– Куда идешь?

Парень отвечает:

– В город за хлебом.

Старик говорит:

– Не ходи, сынок, за хлебом – купи этого щенка.

Парень говорит:

– Не смею купить: меня будут ругать.

В конце концов парень покупает щенка, платит двести рублей. Пошел к себе домой, отнес этого щенка. Ему говорят:

– Ты [опять] не принес хлеба? – и снова ругают, потому что есть нечего.

А щенок и сбежал.

Отправляют парня на третий день купить хлеба, дают триста рублей и предупреждают:

– Не покупай ничего, кроме хлеба: это последние деньги.

Парень пошел за хлебом. Опять на том же самом месте тот же самый старик идет навстречу, на руке у него лукошко. Старик спрашивает:

– Куда, парень, идешь?

– За хлебом.

– Не покупай хлеб – купи у меня змею.

Та змея так красиво смотрит на парня из лукошка. Змея поднялась парню на плечи и не хочет уходить. Парень не хотел бы ее покупать из-за того, что все деньги потратит. Старик говорит парню:

– Давай триста рублей денег.

Так парень сунул деньги в руки старику. Змея сползла с плеч на землю и уползла в лес, столько ее и видели. И старик тоже ушел. Парень остался там плакать: ничего у него нет, и он боится идти домой.

Идет парень в город и работает несколько дней, потому как не смеет идти домой без хлеба. Получает он за работу деньги и покупает хлеба, несет его домой. В том же самом месте тот же старик идет ему навстречу. Парень думает: «Что теперь он у меня будет выманивать, раз опять он здесь?» Старик спрашивает у парня:

– Откуда ты идешь?

Парень очень зло отвечает:

– Откуда иду – с работы иду!

Старик говорит:

– Раз у тебя есть хлеб, так обменяй мне его на кольцо.

Парень говорит:

– Кольцо нельзя съесть, а хлеб можно.

А старик все уговаривает:

– Обменяй, обменяй!

Парень говорит:

– Что я буду с этим кольцом делать?

Старик говорит:

– Когда перебросишь это кольцо из руки в руку появятся два мужика.

Они сделают все, что ни прикажешь.

Парень взял это кольцо и дал старику куски хлеба. Старик исчез с глаз долой. Парень перекинул кольцо из руки в руку, – появились два мужика.

Мужики спрашивают:

– Что нам делать, новый господин?

– Мне нужен хлеб. (И для него хлеб – главное.)

Мужики спрашивают:

– Сколько тебе надо хлеба?

Парень говорит:

– Столько, сколько я смогу до дома донести.

Тут появился хлеб. Мужики убрались в кольцо. Парень приносит хлеб домой. Отец уже к тому времени умер от голода, потому что нечего было есть. Мать обрадовалась, что сын принес хлеба. Они всю ночь ели, а утром сын говорит матери:

– Пойди, мать, сватать за меня цареву дочь.

Старуха говорит:

– А-вой-вой, сын! Ты что, с ума сошел: велишь сватать за тебя цареву дочь?

Сын опять вызывает из кольца мужиков. Те спрашивают:

– Что желаешь?

– Самоцветных камней, – говорит парень. Те тут же приносят ему камней-самоцветов. Парень дает их матери и говорит:

– Пойди отнеси это царю в подарок и сосватай цареву дочь мне в невесты.

Старуха идет к царю, садится на лавке у входной двери и сидит там до вечера – не смеет ничего сказать. Царь спрашивает:

– Что ты, бабка, сидишь целый день? Уходи уже – мы ложимся спать, или ты хочешь что-нибудь сказать?

Старуха дает царю самоцветный камень и говорит:

– Вот, сын послал тебе гостинец и велел сосватать твою дочь ему в невесты.

Царь засмеялся и говорит:

– Видать, ему смерть не страшна, раз велел царевну сосватать.

Старуха так испугалась, растерялась – не знает, что и сказать. Царь говорит:

– Гостинец, конечно, хороший: этот камень стоит больше, чем половина моего царства. Передай своему сыну, что если за эту ночь он сможет

построить такую церковь, которая не подвешена на ремнях к небу и не стоит на ногах на земле, то тогда он получит мою дочь в невесты.

Старуха идет домой и говорит сыну, что «большую службу надо сослужить, прежде чем получишь царевну в невесты; за эту ночь надо построить такую церковь, которая не подвешена на ремнях к небу и не стоит на ногах на земле, – тогда ты получишь царевну». Парень говорит матери:

– Ложись, мать, спать – я пойду церковь строить.

Вышел парень во двор, перекинул кольцо из руки в руку – появились два мужика. Мужики спрашивают:

– Что делать, новый господин?

Парень говорит:

– Надо бы построить царю за эту ночь такую церковь, которая не подвешена на ремнях к небу и не стоит на ногах на земле.

Мужики говорят:

– Надо людей больше. Ты перекинь кольцо из руки в руку, чтобы появилось больше людей.

Парень перекинул кольцо из руки в руку и говорит: «Двести человек», – тут появились двести человек и стали строить церковь. Мужики так стучат, строя церковь, что царь не может уснуть всю ночь, – сам и не помнит, что велел парню построить церковь.

Церковь готова. Мужики говорят парню:

– Ты постучи тут по головкам гвоздей до шести часов, а потом поезжай к царю.

Мужики исчезли. Парень постукивает по головкам гвоздей по углам церкви. В шесть часов идет к царю:

– Вставай смотреть церковь.

Царь пошел, смотрит – такой он даже представить не мог. Парень спрашивает:

– Ну, что, дашь дочь в невесты?

– Пока не дам, – говорит царь. – Если за следующую ночь построишь вокруг моих палат такой канал, по которому ходили бы корабли, уточки бы плавали, а по берегам канала был бы красивый парк, – вот тогда получишь мою дочь себе в невесты.

Парень идет домой. Дождется вечера, выходит на улицу и перебрасывает кольцо из руки в руку. Появляются два мужика и спрашивают:

– Что делать, новый господин?

– Теперь надо бы построить вокруг царских палат такой канал, по которому ходили бы корабли, уточки бы плавали, а по берегам канала был бы красивый парк.

Мужики говорят:

– Нужны еще люди.

Парень перебрасывает кольцо из руки в руку и говорит: «Четыреста

человек». И появилось четыреста человек. Они тут же вырыли канал: корабли ходят, уточки плавают, по берегам – парк. Все готово. (А у царя была уже вторая беспокойная ночь – такой грохот стоял.) Парень идет к царю:

– Вставай, царь, смотреть, какой канал получился.

Царь встает, идет смотреть и говорит:

– Да, хорошо сделано.

Парень спрашивает:

– Теперь отдашь свою дочь за меня?

Царь говорит:

– Еще не отдам, но если в течение следующей ночи построишь тут, рядом, такие же палаты, как у меня, то это будет последним заданием.

И парень пошел домой. Опять дождался вечера, вышел во двор, перекинул кольцо из руки в руку – оттуда опять [вышли] два мужика:

– Что делать, новый господин?

Парень говорит:

– Теперь надо бы построить рядом с царским дворцом такие же палаты, как у царя.

Мужики говорят:

– Надо больше работников.

Появилось шестьсот человек; стали строить палаты. Такой поднялся грохот, что царь вконец рассердился: мол, что за негодьям там грохочет? (Сам и не помнит, что велел построить палаты.)

Дом был готов. Парень идет к царю и говорит:

– Иди-ка теперь смотреть дом.

Царь смотрит и говорит:

– Дом получился еще лучше, чем у меня. Теперь получишь дочь.

Парень пошел домой, хорошо оделся, отвел мать в новый дом и говорит:

– Ты, мать, хозяйничай, а я схожу за невестой.

Парень пошел, царь отдал [за него] свою дочь. Справили свадьбу. Парень отвел невесту к себе домой, и стали они жить. Невеста стала расспрашивать жениха, мол, «как ты смог построить такие хоромы?» Парень отвечает, что «так они же мужской силой построены». Жена говорит:

– За одну ночь человеческой силой такого не сделать, я не верю. Если не скажешь, как ты это сделал, то ты не любишь меня, а если скажешь – значит, любишь.

Ну, парень говорит:

– Раз ты хочешь узнать, так я тебе скажу, что у меня есть такое волшебное кольцо, что если его перекинешь из руки в руку, то из него появятся два мужика, и они сделают все, что велишь.

Парень заснул. Жена взяла из его кармана то кольцо, перекинула его из руки в руку – появились два мужика. Они спрашивают:

– Что делать, новый господин?

Жена говорит:

– Сейчас будет такая работа: надо бы убрать эту церковь, канал и эти палаты. Мой жених должен спать на печи в старой избе, а меня нужно доставить царевичу другой страны в невесты. (Этот царевич другой страны был ее прежним возлюбленным.)

Церковь, канал и палаты исчезли. Парень оказался на печи [старого дома], а царевна – невестой царевича другой страны. Парень просыпается на печи старой избы, там находится и его мать. Парень щупает карман и говорит:

– Она забрала мое кольцо – оно пропало.

Царь просыпается утром – нет ни церкви, ни канала, ни дворца: все исчезло. Съездили за парнем в старую избу, посадили в тюрьму и приговорили к повешению через три дня, раз он потерял и царскую дочь, и все.

Парень думает в тюрьме: «Не надо было мне покупать котенка, щенка и змею, раз довели меня до такой беды». Смотрит – змея прорыла в полу дыру и выползает [из нее]. Змея говорит парню:

– Что с тобой случилось?

Парень рассказывает, что он все потерял, что невеста забрала у него кольцо, и теперь через три дня его повесят.

Змея говорит:

– Мы отправимся искать кольцо: мы знаем, где оно.

И змея уползла через ту же дыру, явилась к кошке с собакой и говорит:

– У парня пропало кольцо, и через три дня его повесят.

Они побежали на берег моря, переплыли через море [и попали] в то царство, где была невеста. Пришли они в царскую кладовую при том самом дворце, где была невеста. Сюда мыши ходят есть. (Мыши ведь всегда ходят в места, где можно поесть.) Кошка и схватила мышью-землеройку, стала с ней играть. Говорит она мыши:

– Если пошлешь своих мышат добывать кольцо – тогда отпущу.

Мышь зовет мышонка и говорит:

– Иди в царский дворец. Там невеста спит, у нее кольцо в уголке рта. Обмакни свой хвост в горшочек со сметаной и поводи им по губам невесты. Когда ее затощит, кольцо и выпадет. Ты возьми его себе в рот и убегай.

Мышонок говорит своей матери:

– Так я же не смогу прокопать туда дыру.

Змея говорит:

– Я пророю туда дыру, а ты иди следом. Когда добудешь кольцо, сунь его мне в рот – я подставлю рот к дыре.

Так змея прорыла дыру. Мышонок макнул свой хвост в горшок со сметаной и стал водить хвостом по губам царевны; мышонок еще и помог ей в рот. Царевну стало рвать. Кольцо выпало изо рта вместе со рвотой. Мышонок схватил кольцо и сунул его в рот змее. Так они спустились к кошке с собакой. Змея говорит кошке:

– Я получила кольцо, отпусти теперь мышью.

Котенок отпускает мышь, ударяет ее по лбу лапой и говорит:
– За то, что ты помогла добыть кольцо, будь королевой мышей всего света. Тебя не будут есть ни кошки, ни собаки.

И так с тех пор землероек не едят ни кошки, ни собаки.

Змея говорит:

– Теперь нам пора возвращаться: осталось немного времени до казни парня.

Они решают, кто должен взять кольцо в рот. Змея говорит:

– Я не могу взять, потому что, переплывая море, я должна держать рот открытым.

Собака говорит:

– Я тоже не могу взять кольцо в рот: у меня редкие зубы, и оно может упасть в море.

Кошка говорит:

– У меня маленький рот и частые зубы, я возьму кольцо, и оно у меня не выпадет.

Пришли они на берег моря. Собака взяла кошку себе на спину, змея впереди – и поплыли. Вот уже находятся на другой стороне моря, подплывают к берегу. Собака спрашивает у кошки:

– У тебя кольцо еще во рту?

Кошка отвечает:

– Да, – кольцо и упало со рта в море.

Приплыли они на берег. Они так расстроены, что «теперь нашего парня убьют», – и не смеют к нему идти, так по берегу моря и бегают. А там на берегу рыбаки – вышли на берег сварить рыбы. Вспороли щуке живот. Кошка бежит к рыбакам – не дадут ли рыбки поесть. [Рыбаки] бросили щучьи кишки кошке, говорят:

– Ешь, кошка, раз ты такая красивая.

Кошка как стала есть, – а там то самое волшебное кольцо в кишках. Так они опять получили кольцо. Идут они под тюремное окно, где находится парень. Змея относит ему кольцо через ту же дыру и говорит парню:

– Вот тебе кольцо.

Оставалось всего три часа до того, как парня повесили бы. Парень перекинул кольцо из руки в руку – появились два мужика:

– Что делать, новый господин?

Парень говорит:

– Работа будет такая, что всех арестантов надо выпустить из тюрьмы, а тюрьмы пусть сгорят, и царский дом пусть сгорит вместе с царем. Царевну, ту самую, невесту, вернуть сюда.

Все было исполнено так, как он велел. Невесту вернули. Парень опять перебрасывает кольцо и велит мужикам:

– Постройте такой дом, какой был у царя, чтобы я стал царем в этом царстве.

Tut pojavilsja dom, i on stal carem v etom carstve. Stali oni žit' s carevnoj, i mat' privel sjudo. S koškoi, sobakoi, zmeej – vmeste so vsemi stali žit'. I bol'she on ne pokazival togo kol'ca ni neveste, nikomu.

Tut i skazke konec.

37. Pata-starina

On ennea leskiakka. Hänellä on suuri muuripata hinkalossa. Akalta loputtih puut, ei ole millä kiukuata lämmittyä. Sanou akka silla pualla:

– Kun, pataseni, loputtih halot, mistä nyt halkuo suamma?

Pata sanou:

– Piässä milma pihalla. Mie lähen halkuo käymäh.

Pata vieröy čuarin halkopinon viereh. Čuarinpiijat tullah halkuo kantamah. Kačotah, kun halkopinon luona on suuri pata:

– Panka tähä halkuo ta vieritämmä pirttih, suatamma enämmän.

Ta i pannah pata täysi halkuo ta ruvetah vierittämäh.

Pata kun rupei vierömäh, ta i vieri niin poikkoseh leskiakan oven tuakse, jotta čuarinpiijat ei ni tavotettu.

Pata sanou:

– Avua, akka, ovi, mie toin halkuo!

Akka avai oven, otti halot ta pani puan hinkalon peräh. On akka huomeneh, sanou pualla:

– Kun, pataseni, sait halkuo, ni mistä suamma ruokua, kun ei ole mitä keittyä?

Pata sanou:

– Piässä milma pihalla, mie lähen ruokua eččimäh.

Akka piässältäy puan tuas hinkalosta pihalla.

Pata vieröy tuas čuarin riihen pihalla. Čuarin piijat ollah riihtä puimassa. Kačotah, kun on pata suuri i sanotah:

– Panemma tähä patah jyvie ta viemmä kotih jyvät tällä pualla.

Pantih jyvä täysi pata. Pata pissälti laitah umpeh ta läksi vierömäh ta i jyvät vei čuarin piijoilta.

Mäni akan oven tua:

– Avua, akka, ovi!

Akka avai oven – ka jyvä täysi pata! Ottau puasta jyvät, panou hinkalon peräh puan. On huomeneh. Tuas pualla sanou:

– Nyt, pataseni, olisi puuta ta i ruokua, vain kalua ei ole.

Pata sanou:

– Piässä milma pihalla!

Akka piässälti tuas puan pihalla. Pata vieri järven rannalla. Nuottimiehet tultih järveltä mualla. Täyvet venehet on kalua:

– Tuossa on, – sanotah, – suuri pata. Panemma täyven kalua, kun ei ole vakkua.

Pannah täysi pata kalua. Pata laitah umpeh ta läksi vierömäh.

Vieröy akan oven tuakse:
 – Avua, akka, ovi!
 Akka avai oven – kalua pata täysi. Akka sanou:
 – No, hyvä i tuli, kun kalua toit.
 Panou puan hinkalon peräh. Nousou akka huomeneksella, rupieu kalarokkua keittämäh. Sanou pualla:
 – No, nyt ois kaikkie miula, nin ukkuo ei ole.
 Pata sanou:
 – Piässä milma pihalla!
 Akka piästi puan pihalla. Pata vieri čuarin liävän peräh. On oikein paha siä. Lunta satau purkuou. Čuari nousou patah, kun on paha siä. Pata laitah umpel liekai ta läksi vierömäh. Čuari puan siämessä, piä vain kolkkuau. (Čuari piäsi hyvyä kyytie akan oven tua, poikkompah kuin autolla.)
 – Avua, akka, ovi! – pata sanou akalla.
 No, akka avai oven. Pata mäni pirttih. Sanou:
 – Nyt mie toin siula čuarin ukoksi.
 Akka kun ihastu, kun čuarin ukoksi sai, nin kaikki plässiy lattiella.
 Puan pani hinkalon peräh. Sanou akka pualla:
 – No, passipo pualla, kun sait kaikkie miula. Nyt en ole köyhä, enkä kipie.
 Akka sai čuarin ukoksi.
 Sen pivus starina.

37. Сказка о котле

Была раньше вдова. У нее есть большой вмурованный в шесток котел. У старухи кончились дрова – нечем печь топить. Говорит старуха котлу:
 – Вот, котелочек, кончились дрова – где теперь дров взять?
 Котел говорит:
 – Отпусти меня на улицу: я пойду за дровами.
 Котел прикатился к царской поленице. Служанки царя приходят за дровами, смотрят – у поленицы стоит большой котел:
 – Давай сложим сюда дрова и прикатим в избу – больше дров принесем.
 И набили полный котел дров и стали его катить. Котел как покатился – и быстренько прикатился к дверям вдовы, царские служанки его и не догнали. Котел говорит:
 – Открывай, бабка, дверь: я дров принес!
 Старуха открыла дверь, взяла дрова и поставила котел на шесток. Дожила старуха до завтра, говорит котлу:
 – Дрова ты, котелочек, добыл, а где же нам еды достать, ведь варить нечего?
 Котел говорит:
 – Отпусти меня на улицу: я пойду еду искать.
 Старуха отпустила опять котел с шестка на улицу. Котел катится

опять во двор царской риги. Царские служанки молотят зерно в риге. Смотрят – какой большой котел, и говорят:

– Насыплем в этот котел зерно и отнесем зерно домой в этом котле.

Насыпали они полный котел зерна. Котел закрылся и покатился и унес зерно у царских служанок. Прикатился он к дверям старухи:

– Открывай, бабка, дверь!

Старуха открыла дверь – а там котел, полный зерна. Взяла зерно из котла, а котел поставила на шесток. Дожила до завтра – опять говорит котлу:

– Теперь, котелочек, есть и дрова, и еда, только рыбы нет.

Котел говорит:

– Выпусти меня на улицу!

Старуха опять выпустила котел на улицу. Котел покатился на берег озера. Рыбаки вернулись с озера на берег, лодки – полные рыбы.

– Вот, – говорят, – большой котел, наполним его рыбой, раз у нас нет корзины.

Наполнили они котел рыбой – котел закрылся и покатился. Прикатился к дверям старухи:

– Открывай, бабка, дверь!

Старуха открыла дверь – там котел, полный рыбы. Старуха говорит:

– Вот и хорошо, что ты рыбы принес, – и поставила котел на шесток.

Утром старуха встает, начинает варить рыбную похлебку. Говорит котлу:

– Теперь у меня все есть, нет только мужика.

Котел говорит:

– Пусти меня на улицу!

Старуха отпустила котел на улицу. Котел прикатился за царский хлев. Была очень плохая погода, мела метель. Царь забрался в котел, прячась от непогоды. Котел закрылся и покатился. Царь сидит внутри котла, только голова постукивает. (Царь быстро был доставлен к дверям старухи – быстрее, чем на машине.)

– Открывай, бабка, дверь! – говорит котел старухе.

Старуха открыла дверь – котел вкатился в избу и говорит:

– Я принес тебе царя в мужики.

Старуха так обрадовалась, что получила царя в мужики, что в пляс пустилась. Поставила она котел на шесток, говорит котлу:

– Спасибо тебе, котел: все ты для меня добыл, я теперь не бедная и не больная, и царя получила в мужья.

Такой длины сказка.

38. Köyhä velli ta pohatta velli

Oli ennenin köyhä velli ta pohatta velli. Hyö kylvettih ruista muaha kumpaniki omilla peltoloillah. Samassa aitauksessa heilä oli ne pellot kumpasellaki. Syksyllä tuli kylmä yö, halla pani köyhän vellen pellon. Ei

tullun suuhu pantavua. Pohatan vellen peltuo ei pannun halla. Köyhä velli tulou pelloilta ta sanou akallah:

– Mäne hoti tähkie keryä, jotta survomma.

Tulou pelloilta ta sanou akalla, jotta «mitein nyt rupiemma elämäh, kun halla pani pelloit?» Köyhän vellen akka sanou ukollah:

– Mäne ta sano Pakkasella, jotta antais syötävyä, kun pilasi pelloit.

Ukko suorieu yöllä ta lähtöy Pakkaista eččimäh. Mänöy meččäh pikkaraista tien tropinkkua myöte. Mečässä on pikkaraini mökki. Mänöy talon siämeh. Sielä on oikein pikkaraini lihava akka, kävelöy lattiella:

– Mistä olet, musikkaisen, tänne lanken ta mitä on as` s`ua siula?

– Akkasen, tiijätkö sie, missä on Pakkani?

Akka sanou:

– Tiijän, miun ukko on Pakkani, tässä on Pakkasen koti.

– Kun pani miulta pellon, pohatan vellen pelto on aivan vierellä eikä pannun. A miula on lapsie pirtti täysi ta nyt ei jäänyn suuhu pantavua. Läksin nyt ruokua kysymäh, eikö antais vaikka tähkie?

Akka sanou:

– Annahan tulou yöllä kotih, nin mie hänet haukun, kun pani pellon köyhältä mieheltä, a pohatalta velleltä ei lekahuttan.

Pakkasen akka antau köyhällä vellellä ruokua ta käsköy kiukualla muate. Köyhä velli on hyvilläh.

Tulou vanha ukko paharaiskani, niinkuin jäätukku – se on Pakkani. Akka sanou Pakkasella – ukollah:

– Meilä on vieras. Mimmoni sie olet, kun köyhältä velleltä panit pellon?

Pakkani sanou:

– Mistäpä mie tiesin, ken heistä on köyhä, ken pohatta? Kun oisin tietän, oisin pannun pohatanki pellon. Ka mie annan köyhällä hos mitä hyvitystä.

Sanou akallah:

– Mäne käy tuolta sarajalta kaikista pahin vanha kesseli. Annamma sen hänellä palkinnoksi, kun mie panin häneltä pellon.

Akka käyt kesselin ta sanou köyhällä ukolla:

– Nouse pois, ota tuo kesseli – siinä on siula palkinto pellosto.

Ukko nousou kööčöttäy. Panou selkähäh kesselin ta mänöy kotih päin. Köyhä ukko arvelou: «Mitä mie tällä ruan? Tällä ei sua kuin kerran päčin sytyttyä». Ottau ta viuhaltau kesselin. Sieltä kun tulou syömistä niin äijän, niin äijän! Ukko kokuou kaiken, suau kesselin kiini ta lähtöy kotih. Lapset juossah vastah: «Saitko sie mitä pellon apuo?»

– Sain mie tämän pikkaraisen kesselin.

Akka sanou:

– Miksi sie semmosen hapannehen kesselin otit, huppelo, tulou vain kerta tulta sytyttyä.

Ukko sanou:

– Elähän huoli.

Ta ottau avuau kesselin, puissaltau stolalla. Sieltä tuli kaikkie vain ei linnun maituo. Akka ihmettelöy:

– Mistä sie näitä kaikkie sait?

Hyö syömäh siih. Syyvväh monta päivyä, kun ollah oltu pitälti nälässä.

Lapset lähettih juoksentelomah pihalla. Mäntih pohattah velleh. Se kysyy:

– Missä työ oletta ollun, kun ei teitä ole näkyn, ta niin oletta riskistyn? Olettako työ mitä ruokua suanun?

Lapset sanotah:

– Oi, tiätä, kun meiltä Pakkani pellon pani. Tuatto kun mäni Pakkaselta kysymäh apuo, nin se anto semmosen kesselin, missä on kaikenmoista ruokua.

Pohatta sanou:

– Vuota kun mänen köyhällä vellellä ta ossan sen kesselin. Mitä köyhä semmosella ruatau?

Pohatta velli mänöy köyhän vellen luo. Köyhä velli puistau kesselistä ruokua, viinua ta mitä vain mieli teköy.

Juotih viinua. Köyhä velli joi iččeh humalah, jotta ei tiijä ni mitänä enämpi. Pohatta velli ei juonun ta kysyy:

– Etkö, veikkon, myö tätä kesselie miula? Ota kolme satua rupl'ua.

Antau rahat käteh. Köyhä velli möi kesselin. Akka on pahalla mielin: «Pitältikö sie kolmie satua rupl'ua syöt?»

Ne rahat hyö syötih ruttoseh. Tuas ni köyhyttih. Akka sanou:

– Mäne tuas, etkö sua Pakkaselta kesselie, kuolemmahan myö nälkäh.

Köyhä velli mänöy Pakkasen luo ta sanou:

– Kun möin kesselin, nin etkö voi toista antua, nälkäh kuolemma.

Pakkani sanou:

– Mintäh olet niin hölmö ta möit?

Sanou akallah:

– Mäne käy uusi, kaunis kesseli, annamma sen hänellä.

Akka tuou kesselin. Pakkani sanou:

– Ota nyt tämä kesseli, tästä suat vielä parempua ruokua.

Köyhä velli lähtöy hyvällä mielin, kun sai kaunehen kesselin ta jotta on vielä parempua ruokua. Mänöy kotihih, rävähyttäy kesselin stolah ta sanou:

– Tulkuat nyt syömäh!

Kesselistä hyppyäy kaksi miestä ta alettih lyyvvä pualikoilla isäntyä: «Siinä siula, kesselin antaja!» Köyhä ukko häin tuskin suatto miehet kesselih ta kesselin jälelläh umpoh. Lapsillah sanou:

– Mänkyä sanokkua tiätällä, jotta sain vielä paremman, kaunhemman kesselin.

Pohatta velli meinuau: «Lähen ta ossan sen kesselin. Välttäy hiän ilman kesselie ta pahemmilla ruuvvilla». Mänöy pohatta köyhän vellen luo, sanou:

– Etkö, velli, myö miula sitä uutta kesselie?

– En mie myö, sie kun olet pohatta, ota parempi, miula välttäy pahempiki. Vajeha jälelläh.

Pohatta ottau uuvven kesselin ta tuou köyhällä vellellä vanhan. Viey uuvven kesselin kotih akallah ta sanou:

– Kuču nyt kaikkie syömäh. Nyt siinä onki ruokua eri tavalla, kuin vanhassa kesselissä.

Akka käski kylästä suuriarvosie, pohattoja. Ne tullah kaikki vierahiksi. Käsetäh vierahat stolien tua istumah. Vierahat vuotetah hyvie herkkuja. Rikas mies puissaltau kesseliel. Sieltä kun porhahtau kaksi miestä rautapualikkojen kera ta ensimmäiseksi lyyvvä mäčkytetäh isäntyä ta siitä kaikkie vierahie. Ne hypätäh ken ikkunasta, ken ovesta pakoh. Pohatta mänöy köyhän vellen luo:

– Ota pois kesselis!

– En, velli!

Eikä antan enämpi vanhua kesseliel pohatalla vellelläh. Ta niin jäi elämäh. Siihi loppu starina.

38. Бедный брат и богатый брат

Были раньше бедный брат и богатый брат. Они посеяли рожь, каждый на своей полосе, а полосы их были в одной ограде. Осенней холодной ночью мороз сгубил рожь бедного брата. Нечего было рассчитывать на кусок хлеба. А поле богатого брата мороз не тронул. Приходит бедный брат с поля и говорит жене, что «как теперь будем жить – мороз погубил урожай». Жена говорит мужу:

– Иди к Морозу и скажи, чтобы дал еды, раз погубил урожай.

Муж собрался ночью и пошел искать Мороза. Идет по лесу, по маленькой тропиночке. Дошел до маленькой избушки. Заходит в избушку. Там маленькая полная старушка похаживает по избе.

– Как ты, мужичок, сюда попал и какое у тебя дело?

– Знаешь ли ты, хозяйюшка, где живет Мороз?

Старушка говорит:

– Знаю, мой муж и есть Мороз, а это дом Мороза.

– Вот заморозил у меня рожь, поле богатого брата рядом, а у него не тронул. У меня полная изба ребятишек, а есть нечего. Вот и пошел просить что-нибудь поесть, не даст ли хоть немного колосьев.

Старуха говорит:

– Погоди, как придет ночью домой, так я его отругаю, почему заморозил урожай бедного брата, а у богатого не тронул.

Жена Мороза накормила бедного брата и велела лечь ему на печь спать. Бедный брат доволен.

Приходит старый старичок захудаленький, как сосулька, – это и есть Мороз. Старуха говорит Морозу, своему мужу:

– У нас гость. Какой ты, право, зачем ты у бедного брата поле заморозил?

– Откуда я знал, кто из них богатый, кто бедный? Если бы знал, то заморозил бы и поле богатого брата. Ну, я дам бедному брату что-нибудь за это.

Говорит жене:

– Иди принеси с сарая самый плохой кошель. Дадим это ему взамен урожая.

Старуха приносит кошель и говорит бедному старику:

– Слезай, возьми этот кошель – это тебе за урожай.

Старик слезает с печи. Надел кошель на спину и пошел домой.

Бедный старик думает: «На что мне это? Этим можно только один раз печку растопить». Взял да и сбросил кошель. Оттуда повалилась всякая еда – много-много! Старик собрал все обратно в кошель и пошел домой. Дети бегут навстречу:

– Ты получил что-нибудь за урожай?

– Получил я вот этот захудалый кошель.

Жена говорит:

– Зачем же ты взял этот гнилой кошель, глупый? Им только раз печку растопить.

Старик говорит:

– Не торопись.

И берет кошель, открывает его и трясет над столом. Оттуда валится все, кроме птичьего молока. Жена удивляется:

– Откуда все это взялось?

Они давай есть. Едят несколько дней подряд, потому что долго голодали.

Потом дети опять побежали на улицу. Зашли в дом богатого брата. Тот спрашивает:

– Где вы были столько времени, что вас не было видно? И почему вы так поправились? Или вы достали еды?

Дети говорят:

– Ой, дядя, у нас ведь Мороз заморозил поле. Отец как пошел к Морозу просить помощь, то он дал такой кошель, где есть всякая еда.

Богач говорит:

– Пойду-ка я куплю у бедного брата тот кошель. Зачем бедняку такой?

Богатый брат идет к бедному брату. Бедный брат вытряхивает из кошеля еду, вино и все, что душе угодно. Пили вино. Бедный брат так напился, что уже ничего не понимает. А богатый брат не пил и говорит:

– Не продашь ли мне, брат, этот кошель? Возьми триста рублей.

И отдает ему деньги в руки. Бедный брат продал кошель. Жена горюет: «Надолго ли хватит этих трехсот рублей?» Эти деньги они быстро проели. Опять и обеднели. Жена говорит:

– Иди снова, не даст ли Мороз кошель, иначе умрем от голода.

Бедный брат идет к Морозу и говорит:

– Я тот кошель продал, так не можешь ли ты дать другой кошель, иначе мы от голода умрем.

Мороз говорит:

– Почему же ты такой глупый, что продал?

Говорит жене:

– Иди принеси новый красивый кошель, дадим ему.

Жена приносит кошель. Мороз говорит:

– Возьми теперь этот кошель, будет у тебя пища еще лучше.

Бедный брат уходит довольный, что такой красивый кошель получил, в котлом и еда получше. Приходит домой, бросает кошель на стол и говорит:

– Идите-ка кушать!

Тут из кошеля выскакивают двое мужчин и давай палками бить хозяина: «Вот тебе за то, что кошель отдал!» Бедный старик еле-еле загнал мужчин обратно в кошель и закрыл его. Говорит детям:

– Идите скажите дяде, что я получил кошель еще красивей и лучше.

Богатый брат думает: «Пойду и куплю тот кошель. Хорош он и без кошеля да без лакомств». Идет богач к бедному брату, говорит:

– Не продашь ли, брат, мне тот новый кошель?

– Я не продам, но давай поменяемся: ты богатый, так возьми кошель получше, а мне сойдет и похуже.

Богач берет новый кошель и приносит бедному брату старый. Принимает новый кошель домой и говорит жене:

– Позови-ка всех к нам в гости. Теперь есть чем угощать, этот даже лучше старого кошеля.

Жена позвала всех богатых и знатных деревни. Приходят гости. Гостям велят садиться за столы. Ждут гости лучших лакомств. Богач встряхнул кошель. Оттуда как выскочат двое мужчин с железными палками и в первую очередь начинают бить хозяина, а потом и всех гостей. Те бросаются кто в окна, кто в двери и наутек. Богач идет к бедному брату:

– Возьми свой кошель!

– Нет, брат!

И после этого не давал никогда богачу старого кошеля. Так и остался жить. На том и сказка кончилась.

39. Jauhinkivi

Köyhällä vellellä on äijän lapsie. Pohatalla ei ole ni yhtä. On tulossa rostuo. Köyhällä vellellä ei ole ni mitä syömistä. Köyhän vellen akka sanou ukollah:

– Mäne pohatan vellen luo, eikö anna meilä rostuoksi yhtä porsasta, kun sika porsi kaheksan porsasta.

Köyhä velli mänöy pohatan vellen luo:

– Etkö anna rostuoksi yhtä porsasta, kun ei ole mitä syyyvä.

Pohatta velli ottau soimesta yhen pahan porsassijan ta sanou:

– Na, vie hos helvettih.

Viey kotih sijanporsahan ta akallah sanou:

– Velli sano, jotta vie hos helvettih.

Akka sanou:

– Kun käski helvettih viijä, nin mäne vie helvetin ukolla se porsas. Niin köyhä ukko pistäy porsahan säkkih ta lähtöy helvettih viemäh.

Mänöy helvettih. Sen helvetin pihalla on vahti. Se kysyy:

– Mitä läksittä, mitä kysyttä? Kačo, isäntä on tiälä vihani.

Köyhä velli sanou:

– Mie läksin helvetin isännällä tuomah rostuoksi sijanporsasta.

Vahti sanou:

– Sitä se mielelläh i syöy, ta sitä on i vuottan. Jos hiän tariččou mitä lahjua, ni seinällä on pikkaraini jauhinkivi. Sano sillä helvetin ukolla, jotta en ota mitänä muuta, kun antanet tuon jauhinkiven. Pikkuni on osrie.

Köyhä velli mänöy pirttih helvetin ukon luo. Se istuu risteyksellä čirhottau. Karjautu kovalla iänellä:

– Mitä läksit tänne?

– Elä sie niin karju. Mie läksin, isäntäiseni, siula rostuolahjua tuomah.

Helvetin isäntä kysyy:

– Mitäpä sie toit?

– Ka toin mie sijanporsahan.

– No, kun toit sijanporsahan, se on hyvä rostuolahja. En ole suanun pitkäh aikah sijanlihua. No, mitäpä mie nyt siula annan. Ota sie leipyä tahi kultua, ni mie annan siula laihinoista.

– En ota, isäntäiseni, ni mitä muuta, kun antanet tuon jauhinkiven seinältä. On pikkusen osrie, jauhosin rostuoksi.

– En antais sitä mielelläni, vain kun noin hyvät lahjat toit, nin ota sie.

Ukko ottau jauhinkiven, pissältäy värččih ta lähtöy kotih mänömäh. Vahti sanou:

– Kun panet jauhomah tämän kiven, ni sano hänellä mitä mieles luatiu, ni sitä se jauhou.

Niin köyhä velli mäni kotihih sen kiven keralla. Rostuohuomenes tuli jo. Pani stolalla jauhomah. Käski jauhomah kaikkie hyvyä ruokua mitä on muajilmassa. Sieltä tuli hyvyä ruokua. Käski akan ta lapset syömäh. Ne syyvväh monta päiväy ta ollah iloset, kun heilä on kaikkie syömistä. Hyö syyvväh monta kuukautta. Ei käyvä tiätän, pohatan vellen, luo. Ta on jo syyspuoli, elonkorjuuaika. Lapset lähetäh pihalla juoksomah ta hyö ollah niin punakat ta lihavat, kun hyvyä ruokua syyvväh.

Tiätäh näki heijät pihalla ta sanou:

– No mistä työ oletta ruokua suanun, kun oletta niin lihavat, kaunehet ta iloset lapset?

– Ka sie, tiätä, annoit sijanporsahan rostuoksi, ta kun tuatto vei sen helvetin ukolla, nin se anto jauhinkiven, mi jauhou kaikenmoista ruokua.

– Pitäy lähtie ta ostua häneltä se kivi, kun hiän on jo monta kuukautta syöny n niin hyvyä ruokua, – sanou pohatta velli.

Mänöy pohatta velli köyhän vellen luo.

Köyhä velli pani kiven jauhomah:

– Tule, velli, nyt syömäh, nyt on miula millä kostittua.

Syöttäy, viinalla juottau ta i iče juou iččeh humalah köyhä velli.

– Etkö, veikko, myö tätä kiviä?

– Myön, mitä mie tällä ruan. Miula on eluo tovol'no.

Ta möi kiven. Pohatta velli vei sen kotih.

Elonkorjun ajalla pohatalla on suuret pelot. Pitäy suaha elonkorjuajat.

– Jottei tarviče ruokua laittua siun, akka, nin panemma kiven jauhomah.

Emäntä kokosi elonkorjuuväkeh ta lähettih elonleikkuantah.

Isäntä jäi jauhottamah elonkorjuajilla ruokua. Arvelou, mitä jauhottua.

Pani kiven jauhomah lintua, jotta tulou syyvvä elonkorjuajilla. Alko kivi jauhou lintua. Isäntä kantau asteita, mihi se jauhou. Sitä alko lintua tulla niin äijän, jotta kaikki astiet täyvet, eikä ollun enämpi, mihi panna. Stolat on täyvet, stolalta lattiella mänöy, jo tuli late täysi ta kynnyksestä piäličči mänöy. Isäntä kuation linnan piällä, kun niin äijän tuli. Elopellolla mäni elonleikkajat kumolleh linnasta, niinkun suossa. Pohatta velli häin tuskin piäsöy linnasta ta juoksou köyhän vellen luo:

– Tule korjua pois jauhinkives, kaikki tappo linnalla rahvahan. Vie helvettih jälelläh.

Köyhä velli korjuau kiven, pietti jauhomasta. Pohatta velli ei suanut pelolta yhtänä elolyhettä, kun kaikki sinne hapattih linnan kera.

Muutamana päivänä tulou ulkomailta laiva ostamah suolua pohatalta vellettä, kauppiehalta.

Pohatta velli sanou, jotta mänkäh toisen vellen luo. Hänellä on semmoni kivi, mi jauhou suolua.

Männäh kauppiehat ostamah köyhältä vellettä suolua. Nyt se on jo pohatampi pohattua velliä. Köyhä velli sanou:

– Ostakkua kivi, se teilä jauhou suolua.

Ne ossetah. Köyhä velli panou sen laivalla jauhomah suolua.

Kauppiehat lähettih ajamah sillä laivalla jälelläh, mistä oli tultu.

Kivi jauho täyven laivan suolua. Laiva upposi suofojen kera mereh ta i kivi mäni sinne.

Sielä nyt meren pohjassa vielä jauhou suolua ta niitä suofoja myö vielä tänäki päivänä syömmä. Ta sielä se on. Sen pituni starina. Se kivi antau tavarua.

39. Жернов

[Были] бедный брат и богатый брат. У бедного брата много детей, у богатого – ни одного. Приближается Рождество. У бедного брата нет никакой еды. Жена бедного брата говорит мужу:

– Сходи к богатому брату: не даст ли нам на Рождество одного поросенка, ведь у него свинья принесла восемь поросят.

Бедный брат идет к богатому брату:

– Не дашь ли на Рождество одного поросенка: нам есть нечего.

Богатый брат берет из яслей одного плохонького поросенка и говорит:

– На, неси хоть в ад.

Бедный брат приносит домой поросенка и говорит жене:

– Брат сказал: «Неси хоть в ад [этого поросенка]».

Жена говорит:

– Раз велел нести в ад, так иди отнеси хозяину ада этого поросенка.

И бедный брат сунул поросенка в мешок и понес его в ад. Приходит в ад. Во дворе ада – сторож. Он спрашивает:

– Зачем пришел, что [хочешь] просить? Смотри, хозяин здесь сердитый.

Бедный брат говорит:

– Я принес хозяину ада рождественский подарок – поросенка.

Сторож говорит:

– Его-то он с удовольствием съест, он уже его и поджидал. Если он будет предлагать какой-нибудь подарок, так на стене висит маленький жернов. Скажи хозяину ада, что «не возьму ничего, кроме того жернова, если дашь: есть немного ячменя».

Бедный брат заходит в избу к хозяину ада. Тот сидит враскорячку в углу на скрещении лавок, раскричался громким голосом:

– Зачем ты сюда явился?

– Не кричи ты так. Я пришел, хозяин мой, принести тебе рождественский подарок.

Хозяин ада спрашивает:

– А что ты принес?

– Да принес я поросенка.

– Ну, раз принес поросенка – это хороший рождественский подарок, у меня давно не было свинины. А что же я тебе дам? Возьмешь хлеба или золота – так я дам тебе за одолжение.

– Не возьму, хозяин мой, ничего другого, кроме того жернова со стены, если дашь. Есть немного ячменя – смолот бы к Рождеству.

– Не хотел бы я его отдавать, но раз ты принес такой хороший подарок, так, ладно, бери.

Мужик взял жернов, сунул его в мешок и пошел домой. Сторож говорит:

– Когда будешь молотить на этом жернове, ты скажи ему, чего тебе хочется, – и он тебе это наметет.

Так бедный брат пришел домой с этим жерновом. Уже наступило рождественское утро. Поставил он жернов на стол, велел молотить всякой вкусной еды, какая только есть на свете, и оттуда появилась хорошая еда. Зовет жену и детей есть. Те едят несколько дней и рады, что у них есть всякая еда. Они едят [уже] несколько месяцев и не ходят к дяде, богатому брату.

Приближается осень, стоит время уборки хлебов. Дети бегут на улицу, и они такие розовощекие и упитанные, потому что хорошо питаются. Дядя увидел их во дворе и говорит:

– Где вы взяли еду, что стали такими упитанными, красивыми и веселыми детьми?

– Так ведь ты, дядя, дал поросенка на Рождество, и когда отец отнес его хозяину ада, тот дал жернов, который мелет разную еду.

«Надо пойти купить у него этот жернов, раз он уже много месяцев так хорошо питается», – говорит богатый брат.

Идет богатый брат к бедному брату. Бедный брат поставил жернов молоть.

– Иди, брат, есть – теперь у меня есть, чем угостить.

Кормит, поит вином [брата] и сам напивается допьяна бедный брат.

– Не продашь ли ты, брат, мне этот жернов?

– Продам: зачем он мне, у меня довольно добра, – и продал жернов. Богатый брат отнес его домой.

На время жатвы – у богатого брата большие поля – надо нанять жнецов.

– Чтобы тебе, жена, не надо было готовить, велим жернову молоть [еду], – [говорит богатый брат своей жене].

Хозяйка собрала жнецов, и они пошли на жатву. Хозяин остался дома молоть жнецам еду. Думает, что бы ему намолоть? Велел жернову молоть загусту, чтобы хватило жнецам. Стал жернов молоть загусту. Хозяин носит посуду, куда жернову молоть [кашу]. Загусты стало уже так много, что вся посуда заполнилась, и больше некуда наливать. Стол весь в каше, со стола течет на пол, вот уже и пол весь залит, и [загуста] льется через порог. Хозяин упал в кашу – так много ее натекло. На хлебном поле жнецы все попадали под напором загусты, [завязли], как в болоте. Богатый брат с горем пополам выбрался из каши и бежит к бедному брату:

– Иди забирай свой жернов: весь народ поубивал загустой. Неси обратно в ад!

Бедный брат забрал жернов, остановил его работу. Богатый брат не получил ни одного снопа с поля – весь хлеб погиб под загустой.

В один из дней приплывает корабль из-за границы покупать соль у богатого брата-купца. Богатый брат говорит, чтобы они шли к другому брату: у того такой жернов, который мелет соль.

Приходят купцы к бедному брату покупать соль, – теперь он уже богаче богатого брата. Бедный брат говорит:

– Покупайте жернов – он вам наметет соли.

Те покупают. Бедный брат ставит его на корабле молоть соль. Купцы отправились на корабле обратно – туда, откуда прибыли. Жернов намолот полный корабль соли, и корабль с солью утонул в море, и жернов ушел [на дно].

Там он и теперь. И до сих пор еще мелет соль на дне морском, и ту соль мы и сегодня едим. Жернов дает товар.

Такой длины сказка.

40. Kulkijapoika

Oli kulkijapoika, pieni pikkaraini, pahaččaini. Hiän ei ni mitänä ruatan, varasteli vain (niinkuin muutama nyt). Erähyänä päivänä se poika matkuau meren rantua myöten. Kaččou, kun on rannassa tuhie tammi. Hiän mänöy tammen alla, makual'ou. Kuuntelou, kun pajatus kuuluu hänen selän takuana. Kiäntäy piän, ka mättähällä michenparta pajattua hikniu siinä. Hiän mänöy ta alkau potkie sitä partua jaloillah. Parta sanou:

– Elä, poikan, milma poti, ota ta hautua, ni mie siula annan hyvän esinehen. Tuon tammen alla suvipuolella on oksa. Katkuat sen oksan. Ta sillä oksalla kruapustelet tammen juurelta, nin siihi tarttuu skuatteri.

Poika hautuau tämän parran. Mänöy tammen luo, katkuau oksan ta alkuau kruapussella sitä tammenjuurta. Ta i puuttuu oksan nenäh skuatteri. Levähyttäy skuatterin tammen juurella. Siihi tulou niin äijän syömistä, juomista, viinua, tupakkua ta mitä tarviččou, jotta hiän ei ole ijässäh niin äijän nähny. Siinä se poika syöy ta juou monta päiväy ta kaikki kipeytyy syömisestä. «A lähen kävelömäh, mitä mie yksinäh tiälä rupien elämäh». Pistäy taskuhuh skuatterin ta lähtöy.

Mänöy kaupunkilla leskiakan luo. Pyrkiy kortterie. Akka hänen ottau kortterilla. Levittäy stolalla skuatterin ta sanou:

– Tulehan nyt syömäh. Miula on syömistä.

Syvväh siinä koko päivä mäčkätetäh. Akka käyt ruatamassa čuarin tyttärellä kaikenmoisie pienie töitä.

Siitä akka illalla lähtöy čuarin tyttärtä palvelomah. Sanou čuarin tyttärellä:

– Vain kun meilä tuli yksi vieras ta sillä kun on skuatterissa kaikenmoista hyvyä, ni ei ole semmoista teilä čuarissa.

Čuarin tytär sanou:

– Emmäkö myö voisi häneltä sitä muanittua, eli varastua, eli millä keinoin.

Akka sanou:

– Kučumma hänet tänne kostih, ni juotamma humalah ta siitä varassamma skuatterin.

Mänöy akka kotihis ta sanou vierahalla:

– Čuarin tytär kučču vierahaksi tänäiltana.

Ta i lähetäh illalla čuarin tyttären luo – hativiu. Akka sanou:

– Ota skuatteri matkahas.

Männäh čuarin tyttären luo. Poika sanou:

– Meilä ei tarviče ni mitä muuta, kun skuatteri levittyä, ni on kostinčču.

Tule sieki kaččomah.

Poika joi iččeh humalah, häntä juotettih niin, jotta ei tiijä ni mitänä enämpi. Häneltä skuatteri varassetih kormanosta ta iččeh luotih ulos pihalla. Akka mänöy kotihis. Poika toikaroiččou pihalla humalassa. Mänöy akan luo. Akka kiruou:

– Kačo nyt, min näköni olet, kaikki lijassa. Mihi skuatteri panit?

– Skuatteri on katon.

Poika itköy ta lähtöy, ajattelou, jotta «mänen ta potin tuas sitä ukon partua, eikö hiän tuas mitä anna». Mänöy meren rannalla, kaivuau hauvasta parran ta alkau potkie. Parta sanou:

– Mitä sie, poika, et anna miun hauvassa olla rauhassa. Mie siula annan toisen esinehen, jos hautuat hyväsesti. Mäne ta kruapustele sauvalla tammenjuurella, nin sieltä puuttuu semmoni haitari. Kun rupiet sillä haitarilla soittamah ni kaikki mečän ejäjät ruvetah sillä plässimäh.

Hiän hautuau ukon piän. Mänöy eččiy sauvalla. Sieltä puuttuu kepin nenäh haitari.

Rupieu soittamah. Ympärillä keräytyy kaikki mečän eläimet ta kuni hiän soittau, nin ne kaikki plässitäh. No kun soitannan lopetti, nin kaikki kavottih.

Lähtöy poika tuas kävelömäh linnalla ta mänöy saman akan luo. Akka sanou:

– Mitäpä nyt toit?

– Toin semmosen haitarin, jotta kun rupien soittamah, ni kaikki mečän eläimet ruvetah plässimäh.

Akka sanou:

– Lähemmä čuarin tyttären luo, ni soitat sielä, huvittelet čuarin tyttärtä.

Ta niin hyö männäh čuarin tyttären luo. Poika juotetah ta hiän soittau. Kaikki mečän eläjät ruvetah plässimäh. Poika humaltu tuas pahanpäiväseksi ta häntä luotih pihalla. Haitari varassetih.

Poika toikaroiččou ta mänöy leskiakan luo.

Leskiakka sanou:

– Missä olet ollut, kun tuas olet lijassa. Minnepä haitarin panit?

– Haitari kato.

Poika ajattelou tuas: «Lähen potin ukon partua, eikö mitä antais miula?»

Niin mänöy meren rannalla kaivuau ukon parran ta alkau potkie.

Parta siäntyy ta sanou:

– Nyt jos et pane milma hautah hyväsesti ta et anna rauhua enämpi, ni mie siun syön. Mäne eči sauvalla tammen juurella. Sielä on lentäjästuula, kun sillä istuuvvut, ni se viey kunne käsköy.

Poika istuutuu stuulalla ta käsköy:

– Lennä leskiakkah.

Stuula lenti. Leskiakka tuas ihastu:

– Mitä sie tuas sait?

– Sain lentäjästuulan.

Niin hyö istuuhutah leskiakan kera stuulalla ta lennetäh čuarin tyttären luo. Sielä heitä syöttäy ta juottau. Poika humaltuo česni ta häneltä stuula otetah ta työnnetäh pihalla.

Hiän toikaroičči ta ajattelou: «Nyt en voi männä ukon luo, enkä leskiakan luo. Lähen meččäh. Anna kuolen sinne».

Mänöy synkkäh, pimiäh meččäh. Sielä on pajikkoja. Niissä pajikoissa on kaunehie ruskeita marjoja, toisissa – sinisie marjoja. Hiän ottau ruskeita

marjoja, jotta syöy. Ne on oikein makiet ta hyvät. Ajattelou: «Vuota syön i näitä sinisie marjoja». Sinisen marjan kun pissälti suuhu, ni sarvi oččah kasvo. Ta syöy toisen sinisen marjan. Pajikko takapuoleh. Ei piäse enämpi ni kunne. Syöy vielä kolmannen marjan. Ajattelou: «Anna kuolen». Kun söi kolmannen marjan – kieleh puuttu pitkä miekka.

Nyt on kumma. Ei piäse ni minne, ottau syöy ruskien marjan. Sarvi kirpou očasta. Syöy toisen marjan – pajikko takapuolesta lähtöy. Kolmannen marjan syöy – miekka kielestä kirpuou. Ottau keryäy sinisie ta i ruskeita marjoja tuohiropeheh. Ajattelou, jotta «myön linnalla ta ossan leipyä». (Leivästä se on kaikičči kysymys.) Mänöy linnalla čuarinrantah. Rupieu niitä marjoja pienissä ropehissa kaupiččomah. Ruskeita marjoja myöy, a sinisie ensin ei myö. Iče poika kun söi ruskeita marjoja, nin hiän on hyvin kaunis. Jotta ei mualla moista, ei vesillä vertua.

Tullah čuarinpiijat vettä käymäh rantah. Hiän myöksentelöy siinä niitä marjovah. Piijat sanotah:

– Mistä sie, veikkoni, olet, kun olet niin kaunis, kun emmä ole miesväjestä vielä niin kaunista tavannun?

– A sieltä muajilmalta. En tiijä ičekänä, mistä olen joutun muajilmalla kulkomah. Haluottako työki kaunehiksi tulla? Mie teijätki suan kauneheksi.

– Voi, veikkosen, miksi emmä haluois, kun tulisima noin kauneheksi, kuin sie.

Hiän antau tyttärillä kummallaki ruskien marjan syötäväksi. Hyö tultih niin kaunehiksi, jotta ilma läikkyy.

Sanotah:

– Myötö meilä niitä marjoja? Meilä kun tuli pakanan muan čuarin tytär mejän čuarin pojalla morsiemekse semmosella lentokonehella, jotta myö emmä ole konsana nähny. Myö käsemmä sitä morsienta ostamah niitä marjoja.

Poika arvuau, jotta se on lentän sillä hänen stuulalla.

Piijat männäh morsiemien luo. Se kysyy:

– Mistä työ oletta, kun oletta niin kaunehet?

Morsiemella sanotah:

– Rannalla on yksi poika, mi myöy näitä marjoja. Niitä kun syöy, nin tulou näin kauneheksi.

Morsien sanou:

– Mänkyä ostakku miula niitä kolme marjua, – ta antau kolme satua rupl'ua.

Piijat sanotah:

– Myö mejän čuarin morsiemella kolme marjua.

Poika sanou:

– En myö vierahilla. Hiän suau tulla iče ostamah.

Piijat männäh, sanotah:

– Ei myönyn. Iččies kučču käymäh.

Morsien mänöy pojan luo rantah ta kysyy:

– Onko siula niitä marjoja, millä tulou kauneheksi, kun syöy? Mitä ne maksau, myö miula?

– Sata rupl'ua kappaleh.

Poika tuntou, jotta se oli samani naini, mi hänet humalah juotti ta kaikki häneltä varasti.

– Kumpasie marjoja siula tulou antua. Annanko näitä sinisie marjoja? Näitä kun syöy, nin tulou vielä kaunehemmaksi, kuin mie ta piijat olemma.

Poika myöy kolme marjua. Naini kysyy:

– Miteinpä näitä syyvväh?

– Elä ennein syö, enneinkun miehes keralla illalla rupiet muate. Siitä syöt ne kaikki kolme yhtä aikua ta tulet kauneheksi.

Hiän otti marjat, ei sano miehellä ta muate ruvetessa meinauu syyvvä.

Ruветah illalla muate. Pissälti ne kolme marjua kaikki suuhu ta nieli marahah morsien. Ka hänellä sarvi oččah, pajikko takapuoleh, a miekka kielen nenäh.

Mies hyppäi ylös ta sanou:

– Mi ihmehen čuuto siula tuli, kun tämmöset kasvo?

Naini ei suata paissa, eikä virka ni mitä. Mies juoksou kirvehellä, veičellä rupieu leikkuamah pajikkuo. Ei leikkua kirvehet, eikä veičet. Kaikki juoksou čuarin väki kaččomah, jotta mi nyt tuli, kun ei piäse ni kunne liikkehellä. Ovesta pihalla ei sovi. Huonehesta kisottih seinä ta laki, ta niin nossettih pihalla naini.

Kaupunkilla levisi huhu, jotta semmoni čuuto tuli čuarin naisella. Eikö mistä suatais liäkkehie, millä parentua. Levisi huhu jo, jotta eikö löytyis tietäjä. Poika sanou leskiakalla:

– Mie kyllä tietäsin. Lämmittäkkäh kyly.

Lämmitettih kyly ta käsetäh tietäjä. Morsien ei suata kylyh, muuta kun katto kisottih.

Poika sanou:

– Palvelija-akka pitäy tuuvva kylyn oven tuaksi, jotta jos mitä tarvis tulou, ni myö akan kučumma.

Akka jäi kylyn oven tuaksi. Poika luajitti sepässä kolme rautaruoskua. Anto ruskien marjan naisella. Sarvi kirposi. Otti rautasan ruosan ta alko lyyvvä čuarin pojan akkua. Ta sanou:

– Tuotko skuatterin, tuotko skuatterin?

Hiän väittäy:

– Miula ei ole skuatterie.

– Siula on, – ta sen uhemmin lyömäh.

Sanou čuarin pojan naini:

– Mäne tuo, akkasen, skuatteri.

Akka tuou ruttoseh skuatterin, poika pistäy kormanoh.

Otti toisen rautaruosan ta alko lyyvvä:

– Tuotko haitarin?

– Miula ei ole.

– Siula on, – ta sen uhemmin alko lyyvvä.

Akka toi haitarin.

Otti kolmannen rautatotarkan eli ruosan ta sanou:

– Tuotko stuulan?

– Mäne, akkasen, tuo stuula poikes.

Akka käy sen stuulan. Akan otti ta löi ruosalla niisi, ta sanou:

– Tässä teilä palkka!

Istuutu stuulah, otti sylihiih čuarin pojan akan ta vanhan akan.

Käski noussa ylähäksi pilvilöih sen stuulan. Nousi meren piällä ta sieltä pačkai akat mereh.

Poika lenti muajilmalla. Sielä on hänellä avaruutta. Vielä on sielä ni tänäpäivänä ta kotvan vielä huomena.

40. Парень-скиталец

Был парень-скиталец – малюсенький, плохонький. Он ничего не делал, только воровал (как некоторые сейчас). Однажды идет этот парень по берегу моря, видит – на берегу стоит пышный дуб. Он идет и ложится под дуб. Слышит – кто-то причитывает за его спиной. Поворачивает голову – а там на кочке мужская голова с бородой голосит. Парень подходит и начинает пинать эту бороду ногами. Борода говорит:

– Не пинай меня, сынок, а возьми и похорони, и я дам тебе хорошую вещь: под тем дубом, сбоку, есть ветка. Отломи эту ветку, и этой веткой поковыряй под дубом – и на нее подцепится скатерть.

Парень похоронил эту голову с бородой. Подошел к дубу, отломил ветку и стал ковырять ею в корнях дуба, – и за кончик ветки зацепилась скатерть. Парень расстелил скатерть под дубом, и на ней появилось столько еды, питья, вина, табака и всего, что угодно, сколько он в жизни не видел. Парень тут ест и пьет много дней подряд и даже заболевает от обжорства. «А пойду-ка я бродить: что я тут один буду жить». Сунул он скатерть в карман и отправился.

Приходит он в город и идет к вдове, просится на квартиру. Вдова взяла его на квартиру. Парень расстилает на столе скатерть и говорит:

– Иди-ка есть, у меня есть еда.

И они едят, уплетают целый день.

Вдова ходит к царевне выполнять разные небольшие поручения, и вечером она уходит обслуживать царевну. Говорит она царевне:

– А как к нам пришел один гость, и у него в скатерти есть всякого добра, какого и у вас, у царской семьи, нет.

Царевна спрашивает:

– Не могли бы мы ее у него выманить или украсть как-нибудь?

Вдова говорит:

– Пригласим его сюда в гости, напоим допьяна, а потом украдем скатерть.

Вдова идет домой и говорит гостю:

– Царевна пригласила [нас] в гости сегодня вечером.

И они живо отправляются вечером к царевне. Вдова говорит:

– Возьми с собой скатерть.

Приходят они к царевне. Парень говорит:

– Нам не требуется ничего, как только скатерть расстелить – и гостинцы будут. Иди и ты смотреть.

Парень опьянел: его так напоили, что он уже ничего не понимает. Украли у него из кармана скатерть, а самого выбросили на улицу. Вдова ушла домой. Парень ходит, шатаясь, пьяный по улице. Потом идет к вдове. Вдова ругает:

– Посмотри, как ты выглядишь – весь в грязи. А куда скатерть подевал?

– Скатерть украли.

Парень плачет и уходит, думает, что «пойду-ка я да попинаю опять эту голову мужика, – может, она опять что-нибудь даст?» Приходит он на берег моря, выкапывает из ямы голову с бородой и начинает пинать. Борода говорит:

– Что ты, парень, не даешь мне спокойно лежать в могиле? Я дам тебе вторую вещь, если похоронишь меня хорошенько. Пойди и покопай палкой под дубом, и там найдешь такую гармошку, что если будешь на той гармошке играть, все лесные жители пустятся в пляс.

Парень похоронил голову мужика. Пришел [к дубу], поискал палкой [под ним], – и за конец палки зацепилась гармошка. Стал он играть. Вокруг него собрались все лесные животные, и пока он играл, они все плясали, но как только он перестал играть, все они исчезли.

Парень опять идет в город и приходит к той самой вдове. Вдова говорит:

– Что на этот раз принес?

– Принес такую гармошку, что если начну играть на ней, все лесные животные пустятся в пляс.

Вдова говорит:

– Пойдем к царевне – ты там будешь играть, развлекать царевну.

И они отправились к царевне. Парня угощают вином, и он играет. Все жители леса пляшут. Парень опять сильно опьянел, и его выбросили на улицу, а гармонь украли.

Парень идет, шатаясь, и приходит к вдове. Вдова спрашивает:

– Где ты был, что опять весь в грязи? И куда ты подевал гармошку?

– Гармошка пропала.

Опять парень думает: «Пойду попинаю бороду мужика, – может, даст мне чего-нибудь?», – и он пришел на берег моря, выкопал голову мужика и стал ее пинать. Голова рассердилась и говорит:

– Если сейчас не похоронишь меня, как следует, и не оставишь меня в покое, я тебя съем. Пойди порой палкой под дубом: там есть летающий стул, как сядешь на него – он отнесет тебя, куда прикажешь.

Парень [так и сделал], сел на стул и велит:

– Лети к вдове.

Стул прилетел [к вдове]. Вдова обрадовалась:

– Что ты на этот раз раздобыл?

– Добыл летающий стул.

И они с вдовой сели на стул и полетели к царевне. Та их кормит и поит. Парень опьянел, у него отобрали стул, а самого выбросили на улицу. Идет он, шатаясь, и думает: «Теперь я не могу идти ни к бороде, ни к вдове. Пойду в лес – пусть я там умру».

Приходит он в мрачный, темный лес. Там растет ивняк. На этом ивняке [на одних кустах] красные ягоды, на других – синие ягоды. Он берет красные ягоды, чтобы поест. Они очень сладкие и вкусные. Думает парень: «Дай-ка, поем и этих, синих ягод». Как сунул синюю ягоду в рот – на лбу вырос рог. Съел вторую ягоду – на заду [вырос] ивняк, – он не может с места сдвинуться. Съел еще третью ягоду, думает: «Пусть умру». Как съел третью ягоду – на языке вырос длинный меч. «Вот чудеса», – [думает парень]. Никуда не может двинуться. Взял, съел красную ягоду – со лба отвалился рог. Съел вторую красную ягоду – ивняк отвалился от зада. Третью ягоду съел – меч отвалился от языка. Набрал он синих и красных ягод в берестяной короб, думает: «Продам в городе и куплю хлеба» (ведь хлеб – всегда главное).

Пришел он в город на царский берег, стал той ягодой в маленьких туесках торговать. Красную ягоду продает, а синюю пока не продает. Сам парень как поел красной ягоды, так он такой красивый, что ни на земле, ни в воде такого не сыскать.

Приходят царские служанки на берег за водой. Он [парень] продает там свою ягоду. Служанки спрашивают:

– Откуда ты, братец, что такой красивый, какого мы не встречали еще среди мужчин?

– А оттуда, с [белого] света. Я и сам не знаю, откуда я взялся бродить по свету. А вы хотите тоже стать красивыми? Я и вас сделаю красивыми.

– Ой, братец, почему же мы не хотели бы стать такими же красивыми, как ты?

Он дает каждой девушке съесть по красной ягоде. Они стали такими красивыми, что [вокруг них] свет переливается. Говорят девушки:

– Не продашь ли ты нам этих ягод: к нам прибыла царевна поганой страны в невесты нашему царевичу, – прилетела на таком самолете, какого мы никогда не видели. Мы скажем этой невесте, чтобы она купила этих ягод.

Парень догадался, что она прилетела на том его стуле.

Служанки пришли к невесте [царевича]. Та спрашивает:

– Откуда вы, такие красивые?

[Девушки] отвечают невесте:

– На берегу есть один парень, который продает эту ягоду. Ее как поешь – становишься такой красивой.

Невеста говорит:

– Пойдите купите мне три такие ягоды, – и дает триста рублей.

Служанки [приходят к парню] и говорят:

– Продай для нашей царской невесты три ягоды.

Парень отвечает:

– В чужие руки не продаю. Пусть она сама придет покупать.

Служанки возвращаются [к невесте], говорят:

– Не продал [нам], велел самой прийти.

Невеста идет на берег к парню и спрашивает:

– У тебя есть те ягоды, от которых, если съешь, становишься красивым? Продай мне. Сколько они стоят?

– Сто рублей штука.

Парень узнал в ней ту самую женщину, которая напоила его допьяна и украла у него все.

– Каких ягод тебе дать? Дать этих синих – их как поешь, станешь еще красивой, чем я и служанки? – и парень продал три [синих] ягоды.

Женщина спрашивает:

– А как их есть?

– Не ешь раньше, чем ляжешь вечером спать со своим мужем, – потом съешь их все три разом и станешь красивой.

Девушка взяла ягоды. Мужу ничего не говорит – хочет съесть их, когда ляжет спать.

Вечером ложатся спать. Невеста все три ягоды сунула в рот и проглотила, – и у нее [выросли] рог на лбу, ивняк на заду и меч на кончике языка. Муж вскочил и спрашивает:

– Что за чудо с тобой произошло, что такое выросло?

Женщина не может разговаривать и ничего не ответила. Муж сбегал за топором, ножом, пытается ими отрубить ивняк – не отрубить ни топором, ни ножом. Весь царский люд сбегался смотреть, что случилось, что невеста не может с места сдвинуться, не влезает в дверной проем. В комнате разобрали стену и крышу и подняли женщину на улицу. В городе распространился слух, что такое чудо произошло с женой царевича. Нет ли где лекарства, чем вылечить [женщину]? Распространился слух, что ищут знахаря.

Парень говорит вдове:

– Я бы мог помочь. Пусть истопят баню.

Истопили баню и позвали знахаря. Невеста не могла попасть в баню, пришлось крышу разобрать. Парень говорит:

– Надо привести служанку за дверь бани: если что-нибудь понадобится, мы позовем ее.

Старуха-служанка осталась за дверями бани.

Парень [загодя] заказал у кузнеца три железных прута. Дал [он] женщине красную ягоду – рог отпал. Он взял железный прут и стал бить жену царевича. И приговаривает:

– Принесешь скатерть? Принесешь скатерть?

Ta твердит:
 – У меня нет скатерти!
 – У тебя она, – и еще пуще бьет. Говорит жена царевича:
 – Пойди, служаночка, принеси скатерть.
 Служанка быстро принесла скатерть, парень сунул ее в карман. Взял он второй прут и стал бить [жену царевича]:
 – Принеси гармошку.
 – Нет у меня ее.
 – У тебя она, – и пуще прежнего стал бить.
 Служанка принесла гармошку.
 Парень взял третий прут и говорит:
 – Принесешь [летающий] стул?
 – Пойди, служаночка, принеси скорей стул.
 Служанка принесла стул. Парень и служанку огрел прутом и говорит:
 – Вот вам плата!
 [Потом] сел на стул, взял на колени жену царевича и старуху, велел стулу подняться высоко в облака, поднялся над морем и оттуда сбросил обоих в море.
 Парень полетел в мир – там ему хватает простора. Там и по сей день находится, еще и завтра будет.

41. Vetehini

Oli ennenin ukko ta akka. Heilä ei ole lasta. Ukko lähtöy meččäh halkuo leikkuamah, akka jiäy yksinäh kotih. Leikkuau vähäsen aikua, tulou Syöjätär. Tämä sanou ukolla:

– Nyt pitäy siun lähtie miula mieheksi.

Ukko sanou:

– En mie, miula on akka, enkä tarviče enämpi toisie akkoja.

Syöjätär näppyyä ukon selkähäh ta niin i vei kotih sen ukon. Akalla on mečässä hyvät huonehet ta kaikkie syömistä ta juomista, mitä tarviččou.

Ukko ei piäse mihikänä, iče lentelöy päivät, varastelou ta mitä mistäki suau ruokua, ta ukkuo syöttäy.

Ukko on sielä jo niin pitälti, jotta suahah Syöjättären kera poika. Pannah nimeksi pojalla Mikko Mieheläini. Poika kasvo päivässä vuotelhisen suuruseksi. Toisena päivänä niinkun kaksivuotini, kolmantena päivänä – kolmevuotini. Muutoman päivän kuluttuo jo on aikamies hiän.

Syöjätär tuas kun lentelöy missä lienöy, nin poika Mikko Mieheläini kysyy:

– Eikö, tuatto, muajilmassa ole ketänä muita, kun mie siun kera ta muamo?

Tuatto sanou:

– Oi, poikaseni, koko muajilma on tämmösie ihmisie täysi, kuin myö olemma. Vain tänne kun muamos suatto miut, nin ei lase pois.

Poika sanou:

– Läkki myö poikes, siun muajilmalla, missä on muita ihmisie.

Ukko sanou:

– Emmä ruohi lähtie, muamos tappau meijät.

– Ei tapa, – poika meinasi.

Pannah reppuh evästä ta lähetäh, kun Syöjätär on poissa.

Assutah tietä myöte, poika kysyy:

– Tuatto, eikö nävy ketä tulevan jälestä?

Ukko sanou:

– Tulou niinkun pimie pilvi tuola taivahalla.

Poika sanou:

– Se on meijän muamo, Syöjätär.

Ei keritty ni sanuo loppuh, kun jalkoih lenti ta sanou:

– Puuttu jo nyt kiini, rosvot.

Ta poika kun oli väkövä, pani muamoh yhen jalan jalkah alla, toisen olkapiällä ta veti halki sen Syöjättären.

Mäntih siihi kyläh, mistä se ukko oli ta hänen kotih.

Entini akka oli jo kuollun, koti oli tyhjänä. Ruvettih hyö siihi elämäh.

Poika kun pihalla juoksentelou toisien poikien kera, nin ne voimalla kuollah, kun se poika, Mikko Mieheläini, on niin väkövä.

Tuatolla tuuvvah tieto, jotta «siun poika on hävitettävä pois, kun se on niin väkövä, jotta tappau toiset pojat. Tahi pie missä hyvänsä, vain jotta et enämpi ulos piästäis».

Ukko sanou:

– Etkö sie, poikani, Mikko Mieheläini, mänis viijen virssan piähä onkella. Sielä on lampi ta puuttuu hyvin kalua, – ukko tahtou laittua pojan sinne, jotta Vetehini söisi, kun se on niin väkövä.

Poika lähtöy ta sielä on semmonni lampi, jotta jo etähältä viima vetäy Vetehisen syötäväksi.

Mikko Mieheläini sanou:

– Kyllä mie, tuatto, tiijän, mitä varten sie milma sinne toimitat. Vain ei milma Vetehini syö.

Vetehini alkau häntä vainullah vetyä ta huutau:

– Vejä hyvin, vejä hyvin, rutompah piäsen siun luo.

Hiän mäni, lammin laijalla on korkie vuara. Sen piällä Mikko Mieheläini alko luuvva paukuttua suurie kiviä. Puita pačkuttau juurineh lampih. Vetehini nousou ta sanou:

– Elä luo enämpi lampih kiviä, kaikki kotini rikoit ta lapset tapoit.

Mikko Mieheläini sanou:

– Heitän kiviä luomisen, kun tuot kalua niin suuren sylillisen, min jaksat kantua.

Vetehini tuou suuren takallisen kalua. Mikko Mieheläini sanou:

– Tuo vielä toini takallini kalua, pienen toit.

Vetehini tuou toisen takan. Mikko Mieheläini temppuau molommat takat selkäh ta vielä Vetehisen takkojen piällä. Vetehisellä on kaikki tukat torvella taivaseh suahe, kun Mikko Mieheläini mänöy niin poikkoseh. Mikko sitou Vetehisen tukasta kiini tallin soimeh ta viey kalat pirttih.

– Tässä on, tuatto, kalat iltaseksi.

Niitä kaloja oli niin äijän, jotta koko kylän väki kučuttih puhkuamah ta niistä tuli koko kylällä syötäväksi.

Mikko Mieheläini kun juoksou toisien lapsien kera pihalla, ni tuas joitai i tappau.

Tuas tuuvvah ukolla sualopa, jotta «pane poika kiini, kun kaikki toiset tappau».

Ukko sanou pojalla:

– Mäne, poikani, honkua käy viijen kilometrin piästä. Sielä on vuara ta sen piällä hyvyä honkua, ni lämmitämmä kylyö illalla.

Vuarassa on Mečänhaltie, mi syöy eläimet sekä ihmiset.

Ukko toimitti Mikko Mieheläisen, jotta eikö Meččähini söisi häntäki.

– Tijän mie, tuatto, miksi sie milma toimitit. Ei tämä Mečänhaltie vielä milma syö.

Poika lähtöy honkua käymäh. Mečänhaltie alkau häntä vainullah vetyä ta sanou:

– Vejä hyvin, vejä hyvin, rutompah piäsen siun luokse.

Mikko Mieheläini tulou vuarella. Tulou vastah Mečänhaltie. Suuri ukko, pitkä on parta hänellä.

– Mitä tänne läksit? – kysyy Mečänhaltie.

Mikko Mieheläini sanou:

– Honkua läksin, kylyö lämmittyä.

Mečänhaltie sanou:

– Ei tiälä mitänä honkua siula anneta, – ta i toreuvuttih Mikko Mieheläisen keralla.

Mikko Mieheläini on väkövämpi Mečänhaltijua. Otti parrasta kiini ta sito puuhu kiini Mečänhaltien.

Mikko Mieheläini ottau kaikista suuremman honkan juurineh muasta. Se on kolme sylvä paksu ympäri. Hiän rupieu rekie luatimah honkasta: kuusesta luatiu aisat, koivusta vempelhet, tammesta länket, pajusta rakkehet. Val'l'astau Mečänhaltijan honkanlatvah, iče rupieu tyvellä istumah. Pitän pajun ottau ruosaksi. Ajua kasutti, matalalla kylät rikko, tiet muretteli, mečät kuato ta piäsi viimein kotih pihalla. Pisti Vetehisen rinnalla tallih parrasta Mečänhaltien kiini.

Tuas pihalla Mikko Mieheläini viimalla tappau toisie poikie, kun vain mänöy sivučči. Ei hiän sitä tahtois, no kun on niin väkövä, nin ne viimasta kuavutah.

Ukolla annettih tuas varotus:

– Tästä päivästä lähtien korjua poikas, kun kaikki toiset tappau, muitein siut ičes tapetah.

Ukko arvelou: «Mihi mie hänet panen?» Sanou:

– Kun mänisit, poikarukkani, čuarin luo, kun se on velkua, etkö saisi velkua pois.

Ukko ajattelu, jotta čuari panou sotamiehet ampumah Mikko Micheläisen.

Mikko ottau, val’l’astau heposen honkah. Mečňanhaltien panou heposeksi, vetehisen kuskiksi, ottau ruosan käteheh ta iče herrana istuutuu honkan tyvellä. (Se on eri herra, kuin mejjän Toivoni, kumpaista autolla käytelläh. Mikko Micheläisellä on erimoini auto.)

Ruosalla löi korvilla «hevoista»:

– Mäne nyt čuarih.

Niin hiän ajo, rikko čuarinlinnan portit, seinät kruaputti semmosella heposella, eikä kenkänä uskaltan hänellä mitänä vastah sanuo.

Čuari sanou:

– Mi miehie, ku urohie sie olet, kun tällä tulit? Lupua et kysyn ni keltä?

– Mie tulin, čuari, kun olit ottan tuaton tuatolta kolme tynnyrie kultua velkua. Kun et maksane, ni hyvä ei seuraa.

Ensin čuari kiistämäh, jotta ei ole ottan, vain siitä lupua maksua.

Čuari panou kultua tynnyrin, panou toisen ta lupuau kolmannen vielä. Eččiy kaikki kullat kylästä ta koko valtakunnasta, vain ei sua kolmatta tynnyrie miteinkänä täyteh. Jotta tulis täysi, pani kultasie lusikkoja, kultasie kuppija, jo tuli täysi. Poika pani tynnyrit rekeh ta läksi tuas ajamah kotie kohti. Vei tuatollah ne ta sanou:

– Tässä on nyt tuatto velkas. Ota nyt kolme mahon lehmän nahkua ta neulo niistä miula reppu.

Tuatto neulo kolmen mahon lehmän nahkasta repun.

– Luaji miula evästä reppu täysi.

Ukko luati repun täyven kalakukkuo, leipyä ta mitä lienöyki luatin, ta pani repun täyven.

Niin Mikko Micheläini nosti repun selkäh, hyvästeli tuattuoh, piästi lähtiessäh tallista Vetehisen ta sanou:

– Nyt mie siut piässän, vain anna ihmisien käyväh rauhassa kalassa.

Vetehini mänöy tukka torvena, jotta taivasta tavottelou. Eikä luvannun enämpi liikuttua rahvasta.

Mikko piästäh Mečňanhaltien keralla tallista ta sanou, jotta antais ihmisien rauhassa käyväh honkassa ta marjassa.

Mečňanhaltie lupuau antua olla ihmisien rauhassa ta lähtöy, jotta parta jakautuu.

Mikko Micheläini läksi, eikä ni ken tietän, minne hiän mäni.

Siihi loppu starina, sen pituni se.

41. Водяной

Жили раньше муж и жена. У них нет детей. Муж отправляется в лес за дровами, жена остается одна дома. Рубит [мужик дрова] какое-то время, – подходит [к нему] Сюоятар. Она говорит мужику:

– Теперь ты должен пойти мне в мужья.

Мужик говорит:

– Я не могу: у меня есть жена, и другие жены мне не нужны.

Сюоятар взвалила мужика себе на спину и так и отнесла мужика к себе домой. У бабы [Сюоятар] в лесу хорошее жилье и всякая еда и питье, [все], что нужно. [Сюоятар] мужика никуда не отпускает, сама целыми днями летает, подворовывает и когда откуда добывает еду и кормит мужа.

Мужик находится там уже так долго, что у них с Сюоятар рождается сын. Сына назвали Микко Миехеляйни. Сын за день вырос таким большим, как годовалый ребенок, за второй день – как двухлетний, за третий – как трехлетний. Спустя несколько дней он стал уже взрослым.

В то время как Сюоятар опять где-то летала, сын Микко Миехеляйни спрашивает:

– Что, отец, в мире больше нет никого, кроме меня с тобой и матери?

Отец отвечает:

– Есть, сынок: весь мир полон таких людей, как мы. Вот только твоя мать доставила меня сюда и не отпускает.

Сын говорит:

– Давай уйдем отсюда в твой мир, где есть другие люди.

Отец говорит:

– Мы не смеем уйти: твоя мать убьет нас.

– Не убьет, – заверяет сын.

Кладут [они] в рюкзак еду и отправляются, когда Сюоятар нет дома.

Шагают они по дороге. Сын спрашивает:

– Отец, не видишь, не идет ли кто за нами?

Мужик говорит:

– Как будто темная туча надвигается там на небе.

Сын говорит:

– Это наша мать, Сюоятар.

Не успели они и договорить, как [та] прилетела им под ноги и говорит:

– Попались, разбойники!

А потому как сын был очень сильным, он положил одну ногу матери под свою ногу, вторую на плечо и разорвал эту Сюоятар.

Пришли они в ту деревню, откуда мужик был родом, и в его дом. Его прежняя жена уже умерла, дом был пуст. Стали они тут жить.

Сын как бегаёт на улице с другими ребятами, так те умирают от [исходящей от него] мощи, такой этот Микко Миехеляйни сильный.

Отцу приносят весть: мол, твоего сына надо уничтожить, раз он такой сильный, что убивает других детей, либо «держи его где угодно, только чтоб больше на улице не выпускал».

Отец говорит [сыну]:

– Не пошел бы ты, сынок, Микко Миехеляйни, за пять верст на рыбалку? Там есть ламба, где очень хорошо ловится рыба, – отец хочет отправить сына туда, чтобы Водяной его съел, раз он [слишком] сильный.

Сын отправляется. А там такая ламба, что уже издалека воздушный поток притягивает [людей] Водяному на съедение.

Микко Миехеляйни говорит:

– Я знаю, отец, зачем ты меня туда отправляешь, только Водяной меня не съест.

Водяной начинает его притягивать нюхом, а [Микко Миехеляйни] кричит:

– Тяни лучше, тяни лучше: быстрее попаду к тебе!

Он [Микко Миехеляйни] подошел [к ламбе]. На берегу ламбы – высокая гора. С нее Микко Миехеляйни начал с грохотом сбрасывать большие камни, и деревья с корнями бросает в ламбу. Водяной поднимается [из воды] и говорит:

– Не бросай больше в ламбу камней: весь дом разбил и детей убил.

Микко Миехеляйни говорит:

– Я перестану бросать камни, если принесешь такую охапку рыбы, какую сможешь унести.

Водяной приносит большой узел рыбы. Микко Миехеляйни говорит:

– Принеси еще второй узел рыбы: мало принес.

Водяной принес второй узел. Микко Миехеляйни забросил оба узла себе на спину, да еще Водяного сверху них. У Водяного аж волосы дыбом стоят до небес, так быстро идет Микко Миехеляйни.

[Придя домой], Микко привязал Водяного за волосы к яслям конюшни, а рыбу отнес в избу:

– Вот, отец, рыба на ужин.

Этой рыбы было так много, что весь деревенский люд позвали чистить ее, и ее хватило на еду всей деревне.

Микко Миехеляйни [опять] как бегает с другими детьми на улице, так опять кого-то и губит. Опять приносят отцу жалобу, мол, «запри своего сына, раз других убивает». Отец говорит сыну:

– Сходи, сынок, за сосновыми дровами за пять километров отсюда. Там есть хорошие сосны – вечером истопим баню.

На горе живет Леший, который ест и животных, и людей. Отец отправил Микко Миехеляйни, [надеясь], что, может, и его съест Леший.

– Знаю я, отец, зачем ты меня отправляешь. Этот Леший меня пока не съест, – и парень отправился за сосновыми дровами.

Леший начинает притягивать его своим нюхом, а [Микко Миехеляйни] говорит:

– Тяни лучше, тяни лучше: быстрее попаду к тебе.

Микко Миехеляйни приходит на гору, навстречу ему выходит Леший – высокий старик, у него длинная борода.

– Ты зачем сюда пришел? – спрашивает Леший.

Микко Миехеляйни отвечает:

– За сосной пришел – баню топить.

Леший говорит:

– Никакой сосны ты здесь не получишь, – и разодрались Леший и Микко Миехеляйни.

Микко Миехеляйни был сильнее Лешего. Он взял его за бороду и привязал Лешего к дереву. [Потом] Микко Миехеляйни вырвал из земли самую большую сосну вместе с корнями, она была в три сажени обхватом. Он стал делать сани из сосны; из ели сделал оглобли, из березы дуги, из дуба хомут, из ивы гуж. Запряг он Лешего в вершину сосны, сам уселся на комель, длинную иву взял себе в кнуты – и помчался; по пути деревни рушил, дороги разбивал, леса валил – прибыл наконец во двор своего дома. Привязал Лешего за бороду в конюшне рядом с Водяным.

И опять на улице Микко Миехеляйни своей мощью губит других ребят, лишь проходя мимо них. Сам он не хотел бы этого, но он такой сильный, что они гибнут от [исходящей от него] мощи.

Отца опять предупредили:

– Начиная с этого дня убери своего сына, раз он других убивает, иначе тебя самого убьют.

Мужик думает: «Куда же я его дену?» и говорит [сыну]:

– А не сходишь ли ты, сынок, к царю: за ним есть долг; может, получишь долг? – мужик думает, что царь велит своим солдатам застрелить Микко Миехеляйни.

Микко запрягает лошадь в сосну – Леший у него за лошадь, Водяной за ямщика, берет в руки кнут и сам, как господин, садится на комель [сосны]. (Это не такой господин, как наш Тойвонен, которого на машине возят: у Микко Миехеляйни другая машина.)

[Микко Миехеляйни] ударил «лошадь» по загривку:

– Пошла к царю!

И так он поехал. Сломал ворота царского двора, стены поцарапал таким конем – и никто не осмелился ничего сказать ему.

Царь спрашивает:

– Какого ты роду-племени, что приехал сюда, не спросив ни у кого разрешения?

– Я приехал, царь, потому, что ты взял у моего деда три бочки золота в долг. Если не заплатишь – хорошего не последует.

Сначала царь попытался спорить, мол, не брал он, но потом пообещал заплатить. Царь наполняет бочку золотом, наполняет вторую и обещает еще и третью. Собирает все золото в деревне и во всем царстве, но никак не может наполнить третью бочку. Чтобы ее наполнить, кладет золотые ложки, золотые чашки – наконец, бочка наполнилась.

Парень поставил бочки в сани и поехал в сторону дома. Привез отцу те [бочки] и говорит:

– Вот, отец, твои долги. Возьми теперь шкуры трех яловых коров и шей из них мне суму.

Oтец сшил суму из шкур трех яловых коров.

– Положи мне еды полную суму.

Oтец положил полную суму рыбников, хлеба и чего-то там еще – полную суму набил.

Так Микко Миехеляйни взвалил суму на спину, попрощался с отцом, отпустил, уходя, Водяного из конюшни и сказал:

– Теперь я тебя отпускаю, но дай людям спокойно ходить на рыбалку.

Водяной пошел – волосы дыбом, аж до неба достают, и пообещал больше не трогать людей.

Микко отпустил и Лешего из конюшни и наказал, чтобы тот дал людям спокойно ходить за дровами и за ягодами. Леший пообещал оставить людей в покое и пошел так [быстро], что борода разделилась надвое.

Микко Миехеляйни [тоже] отправился, и никто не знал, куда он ушел.

Тут и сказка кончилась, такой она длины.

42. Leppäpölkyn starina

Oli ennenin ukko ta akka. Heilä ei ole lasta. Akka sanou ukolla:

– Leikkuasit meččäh käyvessäs leppäpölkyn, kun meilä ei ole lasta, nin rupiesima sitä tuuvvittamah huviksena.

Ukko mänöy meččäh. Leikkuau leppäpölkyn. Tuou sen kotihih. Akka sanou ukolla:

– Luaji kätyt, mie rupien tätä tuuvvittamah.

Ukko luatiu kätkyön. Akka kiäriy ripakkoih leppäpölkyn. Alkau sitä tuuvvittua kätkyössä. Tuuvvittau kolme vuotta. Erähyänä huomenessa rupieu leipomah leipyä. Kätyt on hänellä siinä vieressä. Alko kätyt liikkuo ičekseh. Akka kaččou kätkyöh: poikalapsi nousi istumah siihe kätkyöh. Leppäpölkystä tuli kolmevuotini poika. Poika sanou:

– Luaji, muamo, miula rehennysrieska, miula on nälkä.

Akka luatiu pikkaraisen riesan ta pistäy sen kiukuan suuhu paistumah. Rieska kasvo niin suureksi, jotta ei sua sieltä kiukuan suusta pois, kaksinkerroin piti kiäntyä. Antou sen pojalla. Poika söi sen riesan ta sanou:

– Miula on vielä nälkä, luaji vielä toini rieska, pienempi kuin ensimmäini.

Muamo luatiu toisen riesan, vielä pienemmän, panou sen kiukuan suuhu paistumah. Se rieska tuli niin suureksi, jotta ei miteinkänä voi suaha sieltä kiukuan suusta pois. Antou sen pojalla. Poika söi sen riesan ta sanou:

– Luaji kolmas rieska, vielä pienempi.

Muamo ottou oikein pikkaraisen palasen tahasta ta pistäy kiukuan suuhu paistumah. Rieska tuli niin suureksi kiukuassa, jotta nellin kerroin piti kiäntyä, jotta sai sen ulos. Antou pojalla. Poika syöy sen riesan ta sanou:

– Nyt mie olen jo kylläni.

Kysyy poika:

– Missä on tuatto?

Muamo sanou:
– Pellolla on kyntämässä.
Leppäpölkky sanou:
– Tuo miula, muamo, vuattiet. Mie lähen kyntämäh, käsen tuaton poikes.
Muamo toi hänellä vuattiet. Poika suurieu. Hiän on niinkuin suuri mies, vaikka häntä on vain kolme vuotta tuuvvitettu.
– Nyt lähen, tuaton käsen kotih ta iče rupien kyntämäh.
Muamo sanou:
– Elä lähe, rutto tulou murkinalla.
Poika ei huolin mitänä muamoh sanasta ta mäni pellolla, sanou sinne mäntyö:
– Terveh, tuatto!
Ukko kaččomah rupieu ta sanou:
– Eihän meilä ole lasta.
Poika sanou:
– Miehän olen se leppäpölkky, mitä oletta työ tuuvvittan. Miusta tuli poika. Anna mie rupien kyntämäh. Sie mäne murkinalla, tuatto.
Rupei poika kyntämäh. Uatran pisti muaha vuarnahie myöte ta käski heposen männä.
Heponi yritti vetämäh uatrua – ei voi vetyä, niin syvällä oli pissetty uatra muaha. Löi ruosalla hevoista niin lujalla, jotta heponi hyppäi ta kuoli i siihe uatraki rikkautu. A ukko kaččou vieressä. Ukko sanou:
– Ka tapoithan sie heposen.
Poika sanou:
– Kun se kerran oli niin vähähenkini, jotta kuoli kun yhen kerran löin, nin anna mäni.
Ukko sanou:
– Lähemmä syömäh nyt.
Niin hyö lähetäh ukko pojan kera ta ruvetah syömäh. Poika söi kaikki ruuvvat, se kun on niin väkövä ta suuriruokani. Akka kantau, kantau – ei täyvy ni millä. Poika sanou:
– Mitäpä nyt, tuatto, ruattavua?
Tuatto sanou:
– Mäne aitua panomah siihi pellolla, missä kyntimä.
Poika mäni. Siinä pellon laijalla oli suuri meččä. Meččän kaikki kuato pellon piällä. Kirvehen katko, rautakanket paloiksi murotteli: niin oli väkövä se Leppäpölkky. Mänöy pirttih, sanou tuatollah:
– Tuommoset asiet miula ei kessä. Kaikki kirvehet ta rautakanket katkesi.
Ukko sanou:
– Eihän siula mitkänä asiet kessä. Kyllä sie suat lähtie meiltä pois, muuvvalta työtä eččimäh.
Poika sanou:
– Mie lähen. Antakkua miula ensin ruokua.

Akka sanou:

– Vastahan myö söimä. Ei ole mitänä ruokua.

Poika sanou:

– Onhan teillä härkie ta lehmie liävässä.

Akka sanou:

– Ne on vielä tappamatta.

Poika sanou:

– Miula kelpuau ne i tappamatta syyvvä.

Mänöy liäväh poika i syöy härän. Sitä ei tarvin tappua eikä keittyä, se mäni niin.

Poika läksi muajilmalla ta sanou:

– Kun mie olen niin väkövä, nin kaikki koko tämän linnan väen tapan ta syön. Lähen nyt toisie väkövie eččimäh.

Ukko ta akka ollah hyvilläh, kun piästih erilläh pojasta.

Leppäpölkky matkuau ta matan varrella näköy, kun mies puuta ruassaltau sijoiltah ta toiseh paikkah pissältäy. Leppäpölkky kysyy mieheltä:

– Mitä sie ruat?

Mies vastuau:

– Mie olen niin väkövä, jotten tiijä, mihi mie väkeni suan. Tulin meččäh, jotta kison puun sijoiltah ta toiseh paikkah issutan.

Leppäpölkky sanou:

– Mie olen niisi väkövä, emmäkö lähe eččimäh toisieki väkövie?

Kuuluu meččstä, kun pačkau oikein lujasti. Leppäpölkky sanou:

– Lähemmä eččimäh. Sielä on vielä muitaki väkövie.

Männäh kohti paukantua. Mies pačkuttau kahta kallivuo vassakkah.

Leppäpölkky kysyy:

– Mitä sie, mies, ruat?

– Mie kun olen niin väkövä, nin pitäy näitä kallivoita pačkuttua vassakkah, jotta väki vähenis. A ketäpä työ oletta?

Mies ta Leppäpölkky vassatah:

– Myö olemma samoin niitä väkövie ta väkövie eččimmä.

– No myöhän olemma kaikki väkövie. Läkki vielä eččimäh toisie väkövie.

Männäh vähäni matkua, tulou suuri talo. Männäh siihe taloh ta ruvetah siihe yöksi. Sanotah:

– Jos ketä tullou tähä, nin kyllä myö ne voitamma, kun olemma kolme väkövyä.

Muatah siinä yö. Huomeneksella Leppäpölkky sanou:

– Nyt kaksi lähtöy meččäh ta yksi jiiy keittämäh murkinua.

Jätetäh Puijenpissyttjä keittämäh murkinua, Leppäpölkky ta Vuarojenloukuttaja lähetäh meččäh. Leppäpölkky sanou Puijenpissyttjäällä:

– Käy liävästä lehmä, tapa ta keitä sen lihat kaikki.

Toiset miehet mäni meččäh. Puijenpissyttjä otti liävästä lehmäh, pani patah, rupei keittämäh. Keitti sen hyväksi, nosti rokkapuan tulelta pois, pani sen pölkyn piähä. Tuli ukko pirttih: ukko on kyynärän pivus, parta kahta kyynäryä pitkä. Ottau

sen Puijenpissyttäjän, pissältäy siltä piän pölkyn alla, iče kuatau rokan lattiella. Lihat syöy kaikki. (Se oli vielä väkövämpi kuin Puijenpissyttäjä.)

Puijenpissyttäjällä tuli semmoni hätä, jotta toiset tullah murkinalla ta semmoni tapahus on käynyn, jotta rokat on kuattu ta lihat syöty. Hiän tappau toisen lehmän, panou lihat kiehumah.

Ne ei keritty vielä kiehuo, kun toiset jo mečästä tullah. Puijenpissyttäjä kirotah, kun murkina ei ole valmis. Puijenpissyttäjällä ei sanua tule suuhu. Leppäpölkky ta Vuarojenloukuttaja purtih lihat uutena. (Heilä oli niin nälkä mečästä tultuo.) Oltih huomeneh. Leppäpölkky sanou:

– Nyt pitäy Vuarojenloukuttajan jiahä keittämäh, myö lähemmä Puijenpissyttäjän kera meččäh.

Niin hyö lähettih. Vuarojenloukuttaja tappau lehmän. Sai lihat kypsäksi, otti puan tulelta, pani pölkyn piähä jähtymäh. Tuli ukko kyynärän pivus, parta kahta kyynäryä ta kysyy:

– Kenen talossa työ elättä?

Vuarojenloukuttaja sanou:

– Omassa talossa.

Ukko sanou:

– Että elä omassa talossa. Tämä talo ta lehmät on miun.

Ukko panou Vuarojenloukuttajan piän pölkyn alla, kuatau rokan, syöy lihat ta tuas piästäy Vuarojenloukuttajan pölkyn alta. Vuarojenloukuttaja tappau toisen lehmän, panou patah kiehumah. Lihat ei vielä keritty i kiehuo, kun Puijenpissyttäjä ta Leppäpölkky tultih mečästä. Leppäpölkky on semmoseksi siäntyn, kun ei moneh päiväh ole suanun kunnan ruokua ta sanou:

– Että kehtua keittyä, kun makuatta.

Puijenpissyttäjä ajattelou: «Kyllä se ukko saman tempun teki Vuarojenloukuttajalla kuin miula eklein». Syötih tuas lihat uutena. Oltih huomeneh. Leppäpölkky sanou:

– Mie nyt jian murkinua keittämäh, mänkyä työ meččäh.

Leppäpölkky jäi kotih. Tappo lehmän, pani sen lihat patah. Sai rokan valmeheksi, nosti sen pölkyn piähä, niinkuin toisetki, jähtymäh. Tulou ukko kyynärän pivus, parta kahta kyynäryä ta sanou:

– Mitä työ tiälä meinuatta, kun söittä miulta kaikki lehmät?

Tai rupei panomah Leppäpölkkyö pölkyn alla.

– Elä, tovarissa! – sanou Leppäpölkky ukolla. Ottau sitä parrasta kiini ta sanou:

– Sie olet toisilla sitä tempuuo ruatan, vain nyt puutuit miehen käsih!

Niin Leppäpölkky vief meččäh kyynärän pituuvan ukon. Halkuau koivusen kannon ta siihi halkuantaisen välih panou ukon parran. Se siihe i liehahtau. Tullah toiset mečästä. Keitto on valmis heilä. Syötih siinä keitto. Leppäpölkky ei vielä syyvessä sano, jotta hänellä on ukko parrastah kiini. Sen verran sanou, jotta «miehän sain keiton kypsäksi». Syötih. Leppäpölkky sanou:

– Läkkä kačomma miun vankie!

Männäh kačcomah. Leppäpölkky sanou:

– Tämähän teiltä rokan söi. Ettäpä ole väkövie, kun tuommosen ukon annoitta rokan syyvvä.

Ottau vičan ta lyöy ukkuo. Ukko pieksäyty, pieksäyty, jo i parta katkei. Parta jäi kannon välih, iče pakeni. Ukko läksi juoksomah – Leppäpölkky jälkeh. Juossah, juossah jälekkäh. Juostih vuaran piällä. Kallivossa on reikä. Ukko siitä čuklahti ta mäni männessäh. Leppäpölkky tulou jälelläh ta sanou:

– Lähtekkyä ta solahuttakkua milma reikäh, nin mie lähen eččimäh. En mie niin vähällä sitä ukkuo jätä.

Toiset miehet, Vuarojenloukuttaja ta Puijenpissyttäjä, lasetah Leppäpölkky siitä reijästä kallivon siämeh. Sielä on talo. Leppäpölkky mänöy taloh. Tytär, nuori, kaunis kävelöy lattilla i kysyy:

– Mitä sie, veikon, tänne tulit? Nyt siun tuatto tappau, kun sie häneltä parran kisoit. Nyt hiän makuau toisessa huonehessa oikein kipienä. Mie olen čuarin tytär. Hiän miut varasti. Sie kun mänet hänen luo, työ toreuvutta. Hiän on silma väkövämpi. Nyt kun hiän tuli, nin joi elävyä vettä. Kun se ukko suau siun allah ta rupieu tappamah, nin sie sano: «Piässä milma kuulla ta päivällä prostiutumah». Sillä aikua sie levähä. Iče sie mäne aittah, juo pullosta elävyä vettä, elävän vejen sijah laita kuollutta vettä. Ukko kun käyt jalestä päin, nin juou kuollehen vejen.

Poika mänöy ukon luo. Ukko kroatissa läsiy tai sanou:

– Joko rosvoinnieikka tulit? Semmoseh paikkah tulit, jotta heität henkes.

Ukko hyppäi Leppäpölkyn piällä ta niin i kuato pojan. (Nyt ei ole hänellä partua. Parta jäi kannon välih.) Leppäpölkky sanou:

– Nyt tapat, piässä kuulla ta päivällä prostiutumah.

Ukko sanou:

– Mäne.

Leppäpölkky mäni aittah, joi elävän vejen, kuollehen vejen pani sijah ta tuas mäni ukon kera toruamah. Leppäpölkky kun joi sen elävän vejen, nin tuli ukkuo väkövämmäksi. Alko ukkuo kuristua.

Ukko sanou Leppäpölkkyllä:

– Piässä sie nyt milma kuulla ta päivällä prostiutumah.

Leppäpölkky sanou:

– Mäne.

Ukko juoksou ruttoseh aittah ta joi kuollehen vejen. Hiän luuli, jotta se on elävyä vettä, kun oli varustan valmeheksi. Siihi ukko i kuoli ta kuollessah karjuu työllä, jotta «sie miut suatoit kuolomah, kun sanoit Leppäpölkkyllä». Siihi ukko kuatu kellahti. Poika sanou tyttärellä:

– Nyt lähemmä poikes.

Tyttö sanou:

– Mielelläni lähenki, – ta antau Leppäpölkkyllä imennoin sormuksen.

Niin hyö otetah ukon koista kallehie tavaroita ta männäh kallivon reijän

kohalla. Leppäpölkky liikuttaa nuorua, jotta toiset nossettais jälelläh muan piällä. Sitou tytön nuorah ta sanou:

– Mäne sie iellä, ta nossatta siitä miut jälestä.

Miehet nossettih tytär muan piällä. Leppäpölkky jäi vielä sinne. Tyttö sanou:

– Leppäpölkky on sielä. Se pitäy nostua.

Vuarojenloukuttaja ta Puijenpissyttäjä sanotah:

– Ei nosseta, olkah sielä.

Kysytäh, kenen hiän on tytär. Tyttö sanou, jotta hiän on čuarin tytär. Hänet viijäh čuarih, sanotah:

– Myö tämän tyttären saimma muan alta.

Tytär ei voi virkkua ni mitänä.

Leppäpölkky kävelöy sielä muan alla. Ei piäse ni mitein poikes. Ukon talossa on kiukuan perissä ukon akka. Akka itköy, kun ukko kuoli. Leppäpölkky sanou sillä akalla:

– Etkö, akkasen, voi mitein suuttua milma muan piällä?

Akka sanou:

– Suattasin mie kyllä, vain kun ruavoit pahoin i tapoit miulta ukon.

Leppäpölkky sanou:

– Ičepähän oli syyssä, kun rupei miun kera toruamah.

Akka muuttuu hyvin vanhaksi korpiksi ta sanou:

– Istuuvvu sie miula selkäh, muitein sie et tältä piäse.

Korppi lenti reijän suilla, Leppäpölkyn loi muan piällä, iče mäni männessäh.

Leppäpölkky mäni samaseh taloh, missä eli Vuarojenloukuttajan ta Puijenpissyttäjän kera. Ei ole miehie, ei tytärtä. No totta siitä lähtie täyty johonki. Leppäpölkky mänöy sillä linnalla, missä on čuarin tytär. (Se kun oli sanon, min linnan čuarin tytär hiän on.) Mänöy leskiakkah vatierah. Kysyy leskiakalta:

– Eikö mitä tällä linnalla uutta kuulu?

Akka sanou Leppäpölkkyllä:

– Ei tänne muuta kuulu, kuin čuarin tytär oli kavoksissa muan alla viisitoista vuotta. Nyt kaksi miestä häntä löyvettih ta toisen kera pietäh häitä.

Leppäpölkky niijen jalkojeh sijalta pyörähtäy ta lähtöy čuarin kotih astumah. Tytär silminä-korvina varteiččou ikkunasta, jotta eikö näkyis sitä miestä, Leppäpölkkyö, mi pelasti hänet muan alta.

Leppäpölkky alko hypitellä čuarin ikkunan alla kiässäh sormusta. Čuarin tytär näköy ikkunasta samanmoisen miehen, kuin oli Leppäpölkky, ta kaččou: niin ois kuin hänen antama sormus. Čuarin tytär juoksou Leppäpölkyn luo ta kysyy:

– Mitein sie olet tänne piässyn? – ta kertou Leppäpölkkyllä, mitein hiän iče piäsi.

Čuarin tytär viey Leppäpölkyn tuattoh luo ta sanou:

– Tuatto, tämä on se mies, mi milma pelasti muan alta. Tässä on imennoi sormus, min mie olen hänellä antan, kun lupauvuin hänellä morsiemekse.

Čuari anto tyttären Leppäpölkkyllä. Ruvettih pitämäh häitä. Toiset, valehtelijat miehet, ammuttih.

Siihi se Leppäpölkyn starina i loppu.

42. Сказка об Ольховой Чурке

Были раньше старик да старуха. У них не было детей. Старуха говорит старику:

– Срубил бы ты в лесу ольховую чурку, хоть бы ее для забавы качали, раз у нас нет детей.

Старик идет в лес. Срубил ольховую чурку, принес ее домой. Старуха говорит старику:

– Сделай колыбель, я буду ее качать.

Старик сделал колыбель. Старуха завернула ольховую чурку в тряпки, начала ее качать в колыбели. Качала три года. Однажды утром стала хлеб печь. Колыбель около нее стоит. Начала колыбель сама по себе качаться. Старуха посмотрела: мальчик сидит в колыбели. Из ольховой чурки вышел трехлетний мальчик. Мальчик говорит:

– Испеки, мать, мне лепешку, я есть хочу.

Старуха сделала маленькую лепешку и сунула в устье печи. Лепешка стала такая большая, что ее нельзя было вынуть, пришлось сложить вдвое. Дала мальчику. Мальчик съел эту лепешку и говорит:

– Я еще есть хочу, сделай другую лепешку, поменьше первой.

Мать сделала лепешку еще меньше, положила в устье печи.

Лепешка стала такая большая, что еле удалось вытащить из печи. Дала лепешку мальчику.

Мальчик съел лепешку и говорит:

– Сделай третью лепешку, еще меньше.

Мать взяла махонький кусочек теста и сунула ее в устье печи. Лепешка стала такая большая, что пришлось вчетверо сложить, чтобы вынуть из печи. Дала мальчику. Мальчик съел и эту лепешку и говорит:

– Теперь я сыт.

Спрашивает сын:

– Где отец?

Мать говорит:

– В поле пашет.

Ольховая Чурка говорит:

– Принеси мне, мать, одежду. Я пойду пахать, отпущу отца.

Мать принесла ему одежду. А он как взрослый мужчина, хоть его только три года качали.

– Теперь пойду, отпущу отца домой, а сам буду пахать.

Мать говорит:

– Не ходи, он скоро придет обедать.

Сын не послушался матери и пошел в поле. Придя туда, говорит:

– Здравствуй, отец!

Старик посмотрел и говорит:

– У нас ведь нет сына.

Мальчик говорит:

– Я ведь та ольховая чурка, которую вы качали. Вот вам и сын. Дай я буду пахать. Ты, отец, иди обедать.

Начал сын пахать. Всадил соху в землю до самых сошников и понукает лошадь. Лошадь потянула – не может вытянуть, глубоко сидит соха в земле. Ударил лошадь плетью так сильно, что лошадь рванулась и дух испустила, тут и соха сломалась. А старик стоит рядом и смотрит.

Старик говорит:

– А ведь ты лошадь-то сгубил.

Сын говорит:

– Раз она была такая слабосильная, что от одного удара сдохла, так куда ей и дорога.

Старик говорит:

– Пошли теперь обедать.

Пошли старик с сыном и стали есть. Сын съел все, что было, – ведь ему надо было много еды, раз он был такой сильный. Старуха приносит, приносит еду – никак не накормит. Сын говорит:

– Что теперь, отец, надо делать?

Отец говорит:

– Иди поставь изгородь на то поле, где мы пахали.

Сын пошел. Возле поля был большой лес. Он тот лес свалил на поле. Топор сломал, железные ломы на кусочки искрошил – такой сильный был этот Ольховая Чурка. Пришел в избу, говорит отцу:

– Такие орудия не по мне. Все топоры и ломы сломались.

Старик говорит:

– В твоих руках все орудия сломаются. Придется тебе уйти от нас, в другом месте работы поискать.

Сын говорит:

– Я уйду. Дайте только мне сперва поесть.

Старуха говорит:

– Мы же только что ели. Еды никакой нет.

Сын говорит:

– Есть ведь у вас коровы и быки в хлеву.

Старуха говорит:

– Они еще не зарезаны.

Сын говорит:

– Для меня сойдут и незарезанные.

Идет в хлев и съедает быка. Не надо было ни резать, ни варить, так съел.

Сын собрался идти бродить по свету, говорит:

– Раз я такой сильный, то я в этом городе всех людей убью и съем. Пойду теперь других силачей искать.

Старик да старуха рады, что избавились от сына.

Ольховая Чурка отправляется в путь и по дороге видит, как человек

деревья с корнями вырывает и в другое место их сажает. Ольховая Чурка спрашивает у человека:

– Что ты делаешь?

Человек отвечает:

– Я такой сильный, что не знаю, куда девать свою силу. Пришел в лес, вырву дерево с корнями и пересажу в другое место.

Ольховая Чурка говорит:

– Я тоже сильный, не пойти ли нам вместе поискать других сильных?

Из лесу слышно, как что-то сильно стучит. Ольховая Чурка говорит:

– Пойдем поищем. Там есть и другие силачи.

Идут на этот стук. Человек скалой по скале бьет. Ольховая Чурка спрашивает:

– Что ты делаешь?

– Я такой сильный, что приходится скалой по скале стучать, чтобы силы убавилось. А вы кто такие?

Тот человек с Ольховой Чуркой отвечают:

– Мы тоже силачи и силачей ищем.

– Ну, так мы все силачи. Пойдем еще поищем силачей.

Идут немного, встречается большой дом. Заходят в дом и остаются тут ночевать. Говорят: «Если сюда кто придет, так уж мы его поборем, коли нас трое силачей собралось». Переспали тут ночь. Утром Ольховая Чурка говорит:

– Теперь пусть двое идут в лес, а один останется варить обед.

Оставляют того, кто деревья вырывал, варить обед, а Ольховая Чурка и тот, кто скалами стучал, отправляются в лес. Ольховая Чурка говорит тому, что деревья вырывал:

– Возьми в хлеву корову, зарежь и свари все мясо.

Другие ушли в лес, тот, кто деревья вырывал, взял в хлеву корову, положил в котел, начал варить. Сварил, снял котел с огня, поставил на колоду. Пришел в избу старик: сам ростом с локоть, а борода два локтя. Схватил того, кто деревья вырывал, сунул его голову под колоду, суп на пол вылил, все мясо съел. (Старик посильнее того человека, который деревья вырывал.) Повар засуетился – ведь скоро другие придут на обед, а с ним такая беда приключилась: суп вылит, а мясо съедено. Он режет другую корову, ставит мясо вариться. Не успело мясо свариться, как другие пришли из лесу. Ругают того, кто деревья вырывал, за то, что обед не готов. Тот слова сказать не может. Ольховая Чурка и тот, который скалами стучал, съели мясо недоваренным (такие были голодные, когда из лесу пришли). Настало другое утро. Ольховая Чурка говорит:

– Теперь останется варить тот, кто скалами стучал, мы пойдем в лес.

Так они пошли. Тот, кто скалами стучал, зарезал корову, мясо положил в котел вариться. Сварил мясо, снял котел с огня, поставил на колоду, чтобы остыло. Пришел старик: ростом с локоть, борода два локтя – и спрашивает:

– В чьем доме вы живете?

Тот, кто скалами стучал, говорит:

– В своем доме.

Старик говорит:

– Не в своем доме вы живете. Этот дом и коровы – мои.

Старик сунул голову того, кто скалами стучал, под колоду, суп вылил, мясо съел и потом отпустил повара. Тот быстренько режет другую корову, ставит котел на огонь. Мясо еще и не закипело, как пришли из лесу Ольховая Чурка и тот, кто деревья вырывал. Ольховая Чурка не на шутку рассердился, потому что несколько дней не видел настоящей еды, и говорит:

– Вам лень варить, спите, наверно.

Тот, кто деревья вырывал, думает: «Старик выкинул ту же штуку, что и со мной вчера». Опять съели мясо сырым. На утро Ольховая Чурка говорит:

– Теперь я останусь варить обед, идите вы в лес.

Ольховая Чурка остался дома. Зарезал корову, мясо положил в котел. Сварил суп, поставил его на колоду, чтобы остыл, – как и другие делали. Приходит старик: ростом с локоть, борода два локтя – и говорит:

– Что вы тут затеяли: всех коров у меня приели?

И хотел было засунуть Ольховую Чурку под колоду.

– Не выйдет, товарищ, – говорит Ольховая Чурка старику. Схватил его за бороду и говорит:

– Ты с другими такие штуки выкидывал, но сейчас ты попал в руки мужчине.

Ольховая Чурка уводит старика с локоток в лес. Расщепил березовый пень, и в ту щель положил бороду старика. Ее тут и прищемило. Приходят другие из лесу. Суп для них готов. Поели супа. Ольховая Чурка во время еды не говорит, что у него старик за бороду привязан. Только и сказал, что «я-таки доварил суп». Поели. Ольховая Чурка говорит:

– Пойдем посмотрим на моего пленника.

Пошли смотреть. Ольховая Чурка говорит:

– Этот ведь у вас суп съедал. Не очень вы сильные, коли такому старику дали съесть суп.

Взял прут и начал стегать старика. Старик рвался, рвался, борода и оборвалась. Борода осталась в щели пня, сам убежал. Старик пустился бежать – Ольховая Чурка за ним. Бегут, бегут друг за другом. Прибежали на вершину горы. В скале была дыра. Старик туда юркнул – и след его простыл. Ольховая Чурка возвращается обратно и говорит:

– Пойдемте, спустите меня в дыру, я пойду этого старика искать. Я так легко от него не отступлюсь.

Другие спустили Ольховую Чурку через ту дыру внутрь скалы. Там стоит дом. Ольховая Чурка заходит в дом. Девушка молодая, красивая, ходит по избе, спрашивает:

– Зачем ты, братец, сюда пришел? Теперь тебя отец убьет, за то что ты у него бороду оторвал. Он сейчас лежит в другой комнате совсем больной. Я

царская дочь. Он [старик] меня похитил. Ты как подойдешь к нему, вы начнете биться. Он сильнее тебя. Он как пришел, то выпил живой воды. Когда старик тебя одолеет и начнет убивать, то ты скажи: «Отпусти меня проститься с луной и солнцем». Тем временем ты поотдохнешь. Иди в клеть, выпей из бутылки живой воды, а вместо живой воды поставь бутылку с мертвой водой. Старик придет после тебя и выпьет мертвую воду.

Парень пошел к старику. Старик лежит на кровати и говорит:

– Уже пришел, разбойник? В такое место пришел, что дух испустишь.

Старик бросился на Ольховую Чурку и свалил парня. Теперь у него бороды-то нет. Борода осталась в щели пня. Ольховая Чурка говорит:

– Теперь ты меня убьешь. Отпусти с луной и солнцем проститься.

Старик говорит:

– Иди.

Ольховая Чурка пошел в клеть, выпил живую воду, на место поставил мертвую воду и опять пошел со стариком биться. Ольховая Чурка как выпил живую воду, то стал сильнее старика. Начал старика душить. Старик говорит Ольховой Чурке:

– Отпусти теперь ты меня проститься с луной и солнцем.

Ольховая Чурка говорит:

– Иди.

Старик живо побежал в клеть и выпил мертвую воду. Он думал, что это живая вода, которую заранее приготовил. Старик тут и умер и, умирая, крикнул девушке, что «ты меня до смерти довела, потому что сказала Ольховой Чурке». Старик тут упал замертво. Парень говорит девушке:

– Теперь уйдем отсюда.

Девушка говорит:

– С удовольствием уйду, – и дает Ольховой Чурке свое именное кольцо.

Взяли они из дома старика дорогие вещи и подошли к дыре. Ольховая Чурка дернул за веревку, чтобы те другие вытащили обратно на землю. Привязал девушку к веревке и говорит:

– Иди ты вперед, а потом меня поднимете.

Мужчины подняли девушку на землю. Ольховая Чурка там остался. Девушка говорит:

– Ольховая Чурка там, его надо вытащить.

Другие говорят:

– Не вытащим, пускай останется там.

Спрашивают, чья она дочь. Девушка говорит, что она дочь царя. Они приводят ее к царю, говорят:

– Мы эту девушку раздобыли из-под земли.

Девушка ничего не может сказать.

А Ольховая Чурка ходит там под землей. Никак не может оттуда выйти. В доме старика за печкой сидит старуха, жена старика. Она плачет, что старика убили. Ольховая Чурка говорит той старухе:

– Не можешь ли, бабушка, как-нибудь меня доставить на землю?

Старуха говорит:

– Я бы могла, но ты плохо сделал, что у меня старика убил.

Ольховая Чурка говорит:

– Он же сам был виноват, зачем стал со мной драться.

Старуха обернулась старым вороном и говорит:

– Садись мне на спину, иначе тебе отсюда не выйти.

Ворон подлетел к дыре, сбросил Ольховую Чурку, сам скрылся. Ольховая Чурка пошел в тот дом, где они жили втроем, три силача. Нет ни тех мужчин, ни девушки. Ну, надо, видно, куда-то податься. Ольховая Чурка идет в тот город, откуда была эта царская дочь. (Она ему сказала, какого царя она дочь.) Идет к старой вдове проситься на квартиру. Спрашивает у вдовы:

– Что нового слышно в этом городе?

Старуха говорит Ольховой Чурке:

– Ничего здесь нового нет, кроме как царская дочь была пятнадцать лет под землей, а теперь ее двое мужчин нашли, и за одного из них выдают ее замуж.

Ольховая Чурка тут же повернулся и пошел к царскому дому. Девушка глаз не сводит с окна, смотрит, не появится ли Ольховая Чурка, который ее освободил из-под земли.

Ольховая Чурка остановился под окнами царя и стал подбрасывать на ладони кольцо. Царская дочь видит в окно человека, похожего на Ольховую Чурку, и смотрит – как будто ее кольцо у него. Дочь царя подбегает к Ольховой Чурке и спрашивает:

– Как ты сюда попал? – и рассказывает ему, как сама оказалась здесь.

Она ведет Ольховую Чурку к отцу и говорит:

– Отец, это тот самый человек, который освободил меня из-под земли. Вот мое именно кольцо, которое я ему дала, когда обещала стать его невестой.

Царь выдал дочь за Ольховую Чурку. Начали играть свадьбу. Тех, обманщиков, расстреляли.

На этом и кончилась сказка про Ольховую Чурку.

43. Yheksän kullaista poikua

On usein leskiakka. Leskiakalla on kolme tytärtä. Tyttäret käyvä kylyh iltua istumah. Čuarin poika kerta matkuu pes`otasta. Kaččou: leskiakan kylystä näkyu tuli. Čuarin poika mänöy kylyn ikkunan alla, kaččou ikkunasta, kun sielä kolme tytärtä käsitöitäh ruatah. Vanhin tytär sanou, jotta «kun miut čuarin poika nais, nin mie saisin yhestä liinankuijusta sotaväjellä vuattiet». Keskimmäini tytär sanou, jotta «kun miut čuarin poika nais, nin mie saisin yhestä osran jyvästä sotaväjellä ruuvvan». Nuorin tytär sanou:

– Ohoh, työ höperöt, ruatamah rupiesitta. Miut kun nais čuarin poika, ni mie makuasin vain sen kera ta saisin kolmessa kohussa yheksän kullaista poikua.

Čuarin poika kuuntelou kylyn ikkunan alla. Mänöy čuarin poika kotihih, sanou tuatollah:

– Prostikkua, plahoslovikkua milma leskiakan nuorimpah tyttäreh sulhasiksi.

Tuattoh, muamoh sanotah:

– Jumala prostikkah.

Lähtöy čuarin poika leskiakan nuorimpah tyttäreh sulhasiksi. Alko kos's'uo. Sanou leskiakalla:

– Anna miula nuorin tyttäres morsiemekse.

Leskiakka sanou:

– Mitä sie, poikan, tulit meitä köyhie truasittamah?

Čuarin poika sanou:

– Mie en truasita, enkä petä, kun vain lähtenöy.

Tytär läksi. Männäh čuarin kotih poika morsiemien kera. Elettih siinä jo vuosi. Čuarin poika läksi merillä. Morsien suau jo kolme poikua. Kiät kultaset kalovehista suahe, jalat hopieset pohkeista suahe, simčukkaiset silmillä, kuutomaiset kulmilla, Otavaiset olkapäillä, taivon tähet harteilla. Čuari lähtöy puapuo eččimäh. (Ennein ei ollun kättilöitä.) Tulou čuarilla Syöjätär vastah:

– Mihi mänet, čuari-kormeličča?

Čuari sanou:

– Min`n`a sai lapset, nin mänen puapuo eččimäh.

Syöjätär sanou:

– Ota milma puapoksi.

Čuari sanou:

– En mie Syöjätärtä ota.

Čuari mänöy ielläh. Syöjätär juoksou poikkipolvelta vastah ta kysyy:

– Minne mänet, čuari?

– Mänen puapuo eččimäh.

Syöjätär sanou:

– Ota milma puapoksi.

Čuari sanou:

– Eikö tässä muita rahvasta ole, kun aivan Syöjättärie?

Syöjätär sanou:

– Ei tiälä tällä linnalla ole ketänä muita kuin Syöjättärie.

– No lähe sie, kun ei ole muita.

Syöjätär sanou:

– Mie käyn kotihini, tuon kostinččua rosenččalla.

Syöjätär mänöy kotih, ottau kolme variksen poikua, panou ne kultasien poikien tilalla.

Čuarin poika on merillä. Čuari kysyy Syöjättäreltä:

– Mitä on syntyn?

Syöjätär sanou:

– On sielä kolme variksen äpärehtä.

Čuari sanou:

– Mitä Jumala antau, sitä pitäy vastah ottua.

Ollah-eletäh. Čuarin poika tulou meriltä kotih. Naini tulou tuas paksuksi. Čuarin poika lähtöy merillä. Naini suau kolme kullaista poikua. Kiät kultaset kalovehista suahe, jalat hopieset pohkeista suahe, simčukkaiset silmillä, kuutomaiset kulmilla, Otavaiset olkapäillä, taivon tähet harteilla. Čuari läksi tuas puapuo käymäh. Tulou Syöjätär vastah:

– Mihi mänet, čuari?

– Puapuo eččimäh, – čuari sanou.

– Ota milma puapoksi.

– En ota Syöjätärtä.

Syöjätär juoksou poikkipolvelta čuarilla vastah:

– Mihi mänet, čuari?

– Puapuo eččimäh.

– Ota milma puapoksi.

Čuari sanou:

– Eikö tällä linnalla muita i ole, kun Syöjättärie? No tule sie.

Syöjätär sanou:

– Mie lähen koistani kostinččua rosenčalla.

Syöjätär ottau kolme harakan äpärehtä, panou ne kultasien poikien sijah ta ottau kultaset pojat i mihi vienöy.

Čuari kysyy Syöjättäreltä:

– Mitä sielä rotiiutu?

Syöjätär vastuau:

– On sielä kolme harakan äpärehtä.

Čuari sanou:

– Min Jumala antau, sitä pitäy ottua.

Tulou čuarin poika meriltä tuas kotih. Naini tulou paksuksi vielä kolmannen kerran. Čuarin poika lähtöy kolmeksi vuuvveksi merillä. Naini tuas suau kolme kullaista poikua. Kiät kultaset kalovehista suahe, jalat hopieset pohkeista suahe, simčukkaiset silmillä, kuutomaiset kulmilla, Otavaiset olkapäillä, taivon tähet harteilla.

Čuari lähtöy puapuo käymäh. Tulou Syöjätär vastah:

– Mihi mänet, čuari-kormeličča?

– Mänen puapuo eččimäh.

– Ota milma puapoksi.

– En ota Syöjätärtä.

Syöjätär juoksou poikkipolvelta čuarilla vastah:

– Mihi mänet, čuari?

– Puapuo eččimäh.

– Ota milma puapoksi.

Čuari sanou:

– Eikö tällä linnalla muuta rahvasta i ole, kun Syöjättärie?

– Ei ole, ota milma.

– No tule!

Syöjätär sanou:

– Mie lähen käyn koista rosenčalla kostinččua.

Syöjätär ottau kolme korpin äpärehtä ta mänöy lapsien synnyttäjän luo. Lapsensuaja yhen pojan peitti turkkih, jottei Syöjätär sua.

Syöjätär kysyy:

– Mihi panit yhen poika-lapsen?

Synnyttäjä sanou:

– Tällä kertua en suanun kuin kaksi kullaista poikua.

Čuari tietäy, jotta naini on suanun kolme kullaista poikua. Hiän kysyy Syöjättäreltä:

– No mitä rotiutu?

Syöjätär sanou:

– Sai kolme korpin äpärehtä.

Čuari ei sitä uso ta kirjuttau pojallah merillä kirjasen: «Naises sai kolme kullaista poikua».

Työntäy saltatan viemäh kirjaista. (Silloin kun ei ollun postija.)

Kirjasen viejä sattuki mänömäh sen Syöjättären taloh yöksi, mi oli puapona.

Syöjätär kysyy:

– Mihi sie olet mänössä?

Saltatta sanou:

– Čuarin pojalla kirjaista viemäh.

Syöjätär lämmittäy kylyn ta kysyy:

– Etkö mäne kylyh?

Saltatta sanou:

– Eihän kyly pahua luaji matkamiehellä, – ta lähtöy kylyh.

Sillä aikua Syöjätär ottau saltatan kormanosta kirjasen ta lukou. Hiän revittäy čuarin kirjuttaman kirjasen ta iče kirjuttau toisen kirjasen tilalla: «Tämän naisen suat hävittäy pois, myö emmä rupie tätä pitämäh, kun variksen, harakan ta korpin äpärehie suau joka vuosi».

Saltatta mänöy čuarin pojan luo merillä, antau sen kirjasen ta sanou:

– Naises sai kolme kullaista poikua.

Čuarin poika lukou kirjasen. Kirjaseh on kirjutettu, jotta «naini pitäy hävittäy pois, kun joka vuosi suau variksen, harakan ta korpin äpärehie».

Čuarin poika kirjuttau tuatollah kirjasen vastah, jotta «elkyä hävittäkkyä naista, enneinkun mie tulen kotih, pitäkkyä sen aikua».

Saltatta lähtöy kirjaista viemäh ta mänöy samah Syöjättären taloh yöksi. Syöjätär käsköy saltatan tuas kylyh. Sillä aikua ottau kormanosta čuarin pojan kirjuttaman kirjasen, revittäy sen ta toisen sijah kirjuttau: «Ennein miun tulomista naini hävittäkkyä pois».

Saltatta lähtöy. Mänöy čuarih, viey kirjasen ta sanou, jotta poika ei käsken naista hävittäy niin pitälti, kuin tulou iče. Čuari lukou kirjasen, mihi on kirjutettu: «Ennein miun tulomista naini hävittäkkyä pois».

Čuari sanou:

– Onnako on männyn pois järeltäh, kun niin hyvän naiseh käsköy hävittyä.

Čuari ta čuarin akka ollah pahoillah. No kun on kerran käsken hävittyä, ni čuari panou naisen rautaseh počkah poikah kera, panou kolmen vuuvven evähät. Työnnetäh počka mereh. Počkua tuuli kantelou meren pohjua myöte. (Rautani kun on, nin se ei piällä kupla.)

Alko počka kolkkuua kivikkyö vassen.

Poika počkassa jo kävelöy ta pakajau, sanou:

– Eikö siula, muamo, ole nuppinieklua, mie puhkuasin reijän počkan piähä, jotta näkisimä, missä počka on.

– Elä, poikani, puhkua, vesi tulou ta hukumma.

No anto muamo kuitenkin nuppinieklan. Poika puhkai reijän ta kaččou: niin ois kuin puuta ta semmoni kivikkö. Poika sanou:

– Maissa miän pitäis olla, – mie potkuan počkan piän.

Poika potkai počkan piän. Hyö ollah suaren rannalla kivikössä.

Ta i männäh mualla, noussah suareh.

No heilä on niin hyvä mielestä, kun piästih hyö mualla meren pohjasta. Naini ottau kakkalatah sulkкупаikan. Lyöy ristih paikalla meren suaren rannalla ta sanou:

– Tähä tulkah semmoset huonehet, kuin čuarilla, hopieni silta, kultaset käsipuut miän rannasta čuarin rantah. Ta satut miän huonehista ympäri ta mesimarjat puihi kasvamah.

Ta niin siihi i tuli huonehet, silta ta satut, ta puihi mesimarjat kasvamah.

Alettih hyö siinä poikah kera elyä. Muamo hänellä kertou, jotta on siula i toisie veikkoja, vain Syöjätär vei ne.

Poika sanou:

– Luaji nännimaitohos rieska – mie lähen eččimäh sen riesan kera veikkojani.

Muamoh sanou:

– Elä mäne, poikani, Syöjätär siunki syöy.

Luatiu muamo kuitenkin riesan, antau sen pojalla. Poika luou riesan pihalla ta sanou:

– Vieri, vieri, rieskaseni, veikkojeni luoksi.

Rieska mänöy vieröy, poika jälestä matkuau riesalla. Vieri rieska suuren kiven alla ta i poika jälkeh. Sielä on pikkaraini pirttini. Ei ketänä pirtissä. Poika ajattelou: «No tässä ne nyt ollah, kun rieska tänne vieri ta heitti liikunnan». Poika panou riesan stolalla ta iče pistäytyy stolan alla peittoh. Veikot ollah kyllssä. Tullah kylystä. Kačotah, kun on rieska kaunis stolalla. Pojat otetah kaikin maissellah muruni riesasta, sanotah:

– Vain kun on makie rieska, niin kuin muamon nännimajosta luajittu rieska. On meilä hos ketä. Tule pois riesan tuoja, jos ollet peitossa.

No poika nousi stolan alta, antau heilä kättä ta sanou:

– Mie olen teijän veikko ta läksin teitä eččimäh. Lähemmä pois muamon luo.

Lähetth, mäntih meren suareh muamoh luo. Muamo ihastu, jotta ei tiijä missä hiän on: muassako vain taivahassa, kun poikaseh sai.

Siinä hyö aletah elyä. Linnut puissa lauletah, hetelmie puissa kasvau kaikenmoisie.

Čuarin linnalla kävelöy kaksi kalikkaista, kačotah, kun meren suaren rannasta on čuarin rantah suahe hopieni silta – kultaset käsipuut. Kalikkaiset lähetäh siltua myöte mänömäh meren suareh. Männäh kalikkaiset meren suareh. Kačotah, kun suaren rannalla on talo parempi, kuin čuarilla. Naini kaččou ikkunasta ta sanou:

– Mitä, kalikkaiseni, pihalla tiivuo tiivittä, kummua kummitta? Pirtissä tiivat tiivitäh, kummat kummitah. Tulkua, kalikkaiseni, pirttih.

Kalikkaiset männäh pirttih, naini syöttäy, juottau hiät. Yheksän kullaista poikua kisatah. Kalikkaiset kačotah kummua, kun ei ole nähty semmosie lapsie. Naini panou kalikkaisilla evästä, min hyö jaksau kantua. Kalikkaiset lähetäh, männäh poikki sillan čuarih. Čuari kysyy kalikkaisilta:

– Mitä, kalikkaiseni, nyt tiijättä uutta valehella?

Kalikkaiset sanotah:

– Emmä nyt, čuari, valehtele, meilä on uutta sanomista. Tästä tiän rannasta lähtöy meren suareh hopieni silta, kultaset käsipuut. Mänimä suareh sitä siltua myöte. Sielä oli talo parempi, kuin siun. Naini oli talossa eläjä ta yheksän kullaista poikua. Mesimarjapuita kasvau ympäri huonehista. Naini syötti, juotti miät ta vielä evähiksi anto, min suattoma kantua.

Čuari sanou:

– Nyt valehteletta. Nyt että, kalikkaiset, totta pakaja.

– Mäne kaččomah rantah, kun et uso.

Kalikkaiset lähetäh pois. Čuari lähtöy kaččomah, jotta onko sielä rannassa mitä. Mänöy, ka, silta on! Lähtöy sitä siltua myöte mänömäh, mänöy meren suareh. Kaččou, kun on talo parempi, kuin hänellä. Naini sanou ikkunasta:

– Tule pirttih, čuari, mitä pihalla kaččelet?

Pojillah sanou:

– Tämä on tiän ukko. Kun tulou pirttih, ni sanokkua, jotta «terveh, ukko».

Čuari mänöy pirttih. Naini antau kättä ta pojat juossah ta sanotah:

– Terveh, ukko! Terveh, ukko!

(Se naini tuntou čuarin, a čuari ei tunne naista.) Čuari kysyy:

– Ken olet sie ta mistä olet tullun, kun ei ole enmein tällä suarella ollun eläjie?

Naini sanou:

– Siehän panit miät počkah pojan kera ta tänne jouvuima.

Čuari põlästy pahanpäiväseksi ta alko anteiksi pyytyä min`n`altah. Naini sanou:

– Et sie ollun siihi syyllini.

Syöttäy, juottau čuarin. Čuari sanou:

– Lähemmä nyt omah kotihina.

Naini sanou:
– En mie vielä lähe, jos siun poikas ei ottane vastah. Tulkua huomena käymäh, kun ottanou.
Čuari mänöy kotih ta sanou pojallah:
– Sielä on siun naini ta lapset, mäne käy hiät pois.
Lähettih käymäh naista ta poikija. Mäntih meren suareh, sanotah:
– Lähtekkyä poikes!
Naini ta pojat suoritah ta lähetäh. Lähtiessäh naini lyöy ristih sulkkupaikallah:
– Nämä huonehet katokkah, – ne kavottih.
Mäntih siltua myöte čuarin rantah. Naini löi paikallah sillan piähä:
– Silta katokkah tästä pois ijäkseh, – silta kato.
Tultih čuarin kotih. Alettih hyväsesti siinä elyä, yheksän kullaista poikua siinä kasvua.
No siihi se loppu.

43. Девять золотых сыновей

Была раньше вдова. У вдовы было три дочери. Дочери ходят в баню на сиделки. Царевич однажды идет с вечеринки, смотрит – в бане вдовы виднеется огонек. Царевич подходит под окно бани и видит в окно, что там три девушки занимаются рукоделием. Старшая дочь говорит, что «если бы царевич женился на мне, я бы из одного льняного волоконца соткала одежду для целого войска». Средняя дочь говорит, что «если бы на мне женился царевич, я бы из одного ячменного зернышка приготовила еду для целого войска». Младшая дочь говорит:

– Эх, вы, глупые, – работать бы стали. Вот если бы на мне женился царевич, я бы только спала с ним и за три раза родила бы девять золотых сыновей.

Царевич слушает под окном. Идет царевич домой, говорит отцу:

– Простите, благословите меня свататься к младшей дочери вдовы.

Отец и мать говорят:

– Бог простит.

Идет царевич свататься к младшей дочери вдовы. Начинает свататься, говорит вдове:

– Дай мне свою младшую дочь в невесты.

Вдова говорит:

– Что ты, сынок, пришел дразнить нас, бедных?

Царевич говорит:

– Я не дразню и не обманываю, если только она пойдет за меня.

[Младшая] дочь пошла за него, и царевич с невестой пришли в царский дом. Живут тут уже год. Царевич отправляется в море. Молодая жена рождает троих сыновей: руки золотые от запястий, ноги серебряные от

икр, жемчужины на глазах, по месяцу на висках, по Большой Медведице на плечах, звезды небесные на спине.

Царь отправляется искать повивальную бабку (раньше не было акушеров). Встречается царю Сюоятар:

– Куда идешь, царь-кормилец?

Царь говорит:

– Невестка родила детей, так иду бабку искать.

Сюоятар говорит:

– Возьми меня в бабки.

Царь говорит:

– Сюоятар я не возьму.

Царь идет дальше. Сюоятар забегает [по лесу] вперед, [опять] идет [царю] навстречу и спрашивает:

– Куда идешь, царь?

– Иду бабку искать.

Сюоятар говорит:

– Возьми меня в бабки.

Царь спрашивает:

– Что, здесь нет других людей, одни только Сюоятар?

Сюоятар отвечает:

– Нет в этом царстве никого других, кроме Сюоятар.

– Ну, пойдем, коли других нет.

Сюоятар говорит:

– Я схожу домой, принесу гостинцев роженице.

Сюоятар пошла домой, взяла трех птенцов вороны и положила их на место золотых сыновей. (Царевич находится в море.) Царь спрашивает у Сюоятар:

– Кто родился?

Сюоятар отвечает:

– Есть там три вороньих птенца.

Царь говорит:

– Что Бог даст, то нужно принимать.

Живут-поживают. Царевич возвращается с моря домой. Жена опять затяжелела. Царевич уходит в море. Жена рождает трех золотых сыновей: руки золотые от запястий, ноги серебряные от икр, жемчужины на глазах, по месяцу на висках, по Большой Медведице на плечах, звезды небесные на спине. Царь опять отправляется за бабкой-повитухой. Встречается ему Сюоятар:

– Куда идешь, царь?

– Бабку искать, – говорит царь.

– Возьми меня в бабки.

– Не возьму Сюоятар.

Сюоятар забегает вперед и идет [ему] навстречу:

– Куда идешь, царь?

– Бабку искать.
– Возьми меня в бабки.
Царь говорит:
– Что, в этом царстве и нет никого, кроме Сюоятар? Ну, ладно, пойдем.
Сюоятар говорит:
– Я схожу домой за гостинцами для роженицы.
Сюоятар взяла трех птенцов сороки, положила их на место золотых сыновей, а золотых сыновей забрала и куда-то унесла.
Царь спрашивает у Сюоятар:
– Кто там родился?
Сюоятар отвечает:
– Есть там три птенца сороки.
Царь говорит:
– Что Бог дает, то надо брать.
Возвращается опять царевич с моря домой. Жена затяжелела и в третий раз. Царевич уходит на три года в море. Жена опять рождает трех золотых сыновей: руки золотые от запястий, ноги серебряные от икр, жемчужины на глазах, по месяцу на висках, по Большой Медведице на плечах, звезды небесные на спине. Царь отправляется за бабкой-повитухой. Встречается ему Сюоятар:
– Куда идешь, царь-кормилец?
– Иду бабушку искать.
– Возьми меня в бабки.
– Не возьму Сюоятар.
Сюоятар забегает вперед и идет [царю] навстречу:
– Куда идешь, царь?
– Бабушку искать.
– Возьми меня в бабки.
Царь говорит:
– Разве в этом царстве нет других людей, кроме Сюоятар?
– Нет [других], возьми меня.
– Ну, пойдем!
Сюоятар говорит:
– Я схожу домой за гостинцами для роженицы.
Сюоятар берет трех птенцов ворона и идет к роженице. Роженица спрятала одного сына в шубу, чтобы Сюоятар не забрала. Сюоятар спрашивает:
– Куда дела одного ребенка?
Роженица отвечает:
– На этот раз я родила только двух золотых сыновей.
Царь знает, что женщина родила трех золотых сыновей. Он спрашивает у Сюоятар:
– Ну, кто родился?
Сюоятар говорит:
– [Невестка] родила трех птенцов ворона.

Царь этому не поверил и написал сыну письмо в море: «Твоя жена родила трех золотых сыновей», – и отправил солдата отвезти письмо (тогда ведь не было почты). Случилось так, что письмоносец остановился на ночь в доме Сюоятар, которая была бабкой. Сюоятар спрашивает:

– Куда направился?

Солдат отвечает:

– Несу письмо царевичу.

Сюоятар истопила баню и спрашивает:

– Может, в баню сходишь?

Солдат говорит:

– Баня не помешает путнику, – и идет в баню.

Тем временем Сюоятар берет из кармана солдата письмо и читает его. Она рвет написанное царем письмо и пишет вместо него другое: «Ты должен известить эту женщину, мы не будем ее содержать: только птенцов вороны, сороки и ворона рожают каждый год».

Солдат прибывает к царевичу на море, дает это письмо и говорит:

– Твоя жена родила трех золотых сыновей.

Царевич читает письмо. В письме написано, что жену надо известить, раз каждый год рожают птенцов вороны, сороки и ворона. Царевич пишет отцу в ответ письмо, что «не губите жену, прежде чем я вернусь домой, содержите это время».

Солдат отправляется с письмом обратно и останавливается на ночь в том же доме Сюоятар. Сюоятар опять отправляет солдата в баню, а тем временем берет из [его] кармана написанное царевичем письмо, рвет его и пишет вместо него другое: «Уничтожьте жену до моего возвращения».

Солдат отправляется [в путь]. Приходит к царю, отдает письмо и говорит, что его сын велел не губить жену до тех пор, пока сам не вернется. Царь читает письмо, в котором написано: «До моего возвращения уничтожьте жену». Царь говорит:

– Однако он лишился рассудка, раз такую хорошую жену велит известить.

Царь и царица огорчились, но раз [сын] велел известить [жену], так царь посадил женщину вместе с сыном в железную бочку, положил туда продуктов на три года. Бочку бросили в море.

Ветер гоняет бочку по дну морскому (она ведь железная, так не держится не плаву). Начала бочка стучать о камни. Сын в бочке уже ходит и разговаривает, он говорит:

– Нет ли у тебя, мама, булавки: я бы проткнул дырку в крышке бочки, чтобы мы могли увидеть, где бочка находится.

– Не протыкай, сынок, [дырку]: вода затечет и мы утонем.

Но все же мать дала булавку. Сын проткнул дыру и смотрит – как будто бы деревья видны и камни. Сын говорит:

– Похоже, мы на берегу, – я вышибу крышку бочки.

Сын вышиб крышку бочки – [оказалось], они на каменистом берегу

острова. И они вышли на берег, поднялись на остров. Они так обрадовались, что вышли на берег со дна морского. Женщина сняла с шеи шелковый платок, ударила платком крест-накрест по берегу морского острова и сказала:

– Пусть здесь появится такой дом, как у царя, серебряный мост с золотыми перилами от нашего берега до царского берега, и сады вокруг нашего дома, а на деревьях чтоб виноград рос.

И так там и появились дом, мост и сады, а на деревьях стал расти виноград. Стали они тут с сыном жить. Мать ему рассказала, что «есть у тебя и другие братья, только их забрала Сюоятар». Сын говорит:

– Испеки колобок на твоём грудном молоке – я пойду с ним искать своих братьев.

Мать говорит:

– Не ходи, сынок: Сюоятар и тебя съест.

Но все же мать испекла колоб, дала его сыну. Сын бросил колоб на улицу и сказал:

– Катись, катись, колобок, к моим братьям.

Колобок бежит, катится – мальчик идет следом за колобком. Закатился колобок под большой камень, и парень следом. Там – маленькая избушка. В избе никого нет. Мальчик думает: «Здесь они, раз колобок сюда прикатился и больше не движется». Мальчик положил колобок на стол, а сам спрятался под столом. Братья были в бане. Приходят они из бани, смотрят – а на столе красивый колобок. Братья берут, пробуют каждый по кусочку колобка и говорят:

– Какой вкусный колобок, словно из грудного молока нашей матери сделан колобок. Кто-то у нас есть. Выходи, кто принес колобок, если ты спрятался.

Ну, мальчик вышел из-под стола, подает им руку и говорит:

– Я ваш брат и отправился вас искать. Пойдемте к нашей матери.

Они пошли, пришли на морской остров к своей матери. Мать так обрадовалась, что сыновей обрела, что не может понять, где она находится, на земле или на небе. И начали они тут жить. Птички на деревьях поют, плоды разные на деревьях растут.

По царскому городу ходят два калики, смотрят – а с берега морского острова до царского берега перекинулся серебряный мост – золотые поручни. Калики пошли по мосту на остров в море. Приходят калики на морской остров. Видят – на берегу острова стоит дом, лучше, чем у царя. Из окна [дома] смотрит женщина и говорит:

– Что вы, калики мои, во дворе диву дивитесь, чуду удивляетесь? В избе надо диву дивиться, чуду удивляться – заходите, калики мои, в избу.

Калики входят в избу; женщина кормит, поит их. Девять золотых сыновей играют [в избе]. Калики диву дивятся: они никогда раньше не видели таких детей. Женщина собирает каликам в дорогу еды столько, сколько они могут нести. Калики уходят, идут по мосту к царю.

Царь спрашивает у калик:

– Ну, что, калики, теперь нового соврете?

Калики говорят:

– Теперь, царь, не соврем – у нас есть новости: отсюда, с вашего берега, на остров в море ведет серебряный мост – золотые поручни. Мы прошли на остров по этому мосту. Там был дом, лучше, чем у тебя. В доме живет женщина и девять золотых сыновей. Вокруг дома растет виноград. Женщина накормила, напоила нас да еще и в дорогу дала еды столько, сколько мы могли унести.

Царь говорит:

– Теперь вы врете, теперь вы, калики, говорите неправду.

– Пойди на берег, посмотри, если не веришь.

Калики уходят. Царь идет смотреть, есть ли что там, на берегу. Приходит – а там мост! Идет он по этому мосту, приходит на морской остров. Видит – стоит дом, лучше, чем у него. Женщина в окне говорит:

– Входи в избу, царь, что ты на улице поглядываешь? – а сыновьям говорит:

– Это ваш дед. Когда он войдет в избу, вы скажите: «Здравствуй, дедушка».

Царь входит в избу. Женщина подает ему руку, а мальчики подбегают и говорят:

– Здравствуй, дедушка! Здравствуй, дедушка!

(Эта женщина узнала царя, а царь не узнает женщину.) Царь спрашивает:

– Кто ты и откуда появилась [здесь], ведь раньше на этом острове не было жильцов?

Женщина отвечает:

– Ты же посадил нас с сыном в бочку, и мы оказались здесь.

Царь сильно перепугался и стал просить прощения у невестки. Женщина говорит:

– Не ты в этом виноват.

Она кормит, поит царя. Царь говорит:

– Пойдемте теперь в свой родной дом.

Женщина говорит:

– Я пока еще не пойду: вдруг твой сын не примет нас? Приходите завтра за нами, если примет.

Царь приходит домой и говорит сыну:

– Там твоя жена и дети; пойдти приведи их.

Пошли они за женщиной и сыновьями. Пришли на морской остров, говорят:

– Пойдемте отсюда!

Женщина и сыновья собрались и пошли. Уходя, женщина ударила крест-накрест шелковым платком:

– Пусть этот дом исчезнет, – и дом исчез.

Пришли они по мосту на царский берег. Женщина ударила своим платком по мосту:

– Пусть мост исчезнет навсегда, – мост исчез.

Пришли они в дом царя. Стали они тут жить хорошо, девять золотых сыновей – расти.

Ну, тут и сказке конец.

44. Starina Turkin sultanista

Turkin sultani oli naimaton. Ajelou polkupyörällä muantietä pitin, sen muantien vieressä on yksi pieni mökki. Siinä eläy vanha akka ta kolme tyttärtä. Se oli leskiakkani ta oikein köyhä. Kyläntöitä se ruatau: kesryäy, kutou ta min mitäki illoin ta öisin, samoin tyttäret, päivällä ruatah ulkotöitä.

Sultani ihmettelöy, mintäh heilä aina tuli palau niin myöhäh. Hiän kaččou ikkunah kun stavn'a on pikkusen lonkallah. Tyttäret issutah ikkunan vieressä ta min mitäki suutkitah.

Vanhin tyttäristä sanou:

– Miuta kun sultani ottais naiseksi, nin kätilöiččisin koko kaupunkilla.

Keskimmäini tytär sanou:

– Miut kun sultani naisi, nin saisin koko kaupunkilla leivän.

Nuorin tytär sanou:

– Oho, hupsut, miut jos naisi, nin en rupieis ruatamah, mie vain sultanin vieressä makuasin ta kolme kullaista lasta saisin.

Niin hyö keskenäh lörpötelläh, suutkitah. Sultani kuuntelou ta siitä ajattelou: «Miun pitäy ottua se nuorin, mi kolme kullaista lasta suau».

Ta hiän läksi huomena. Ajau heposella siihi mökkih. Ei hiän mitänä sano, jotta hiän kuuli eklisen keskustelun. Sultani sanou nuorimmalla tyttärellä:

– Nyt tuln siusta emäntyä käymäh.

Akka ruatau kiukualla. Nuorin kiukuulta vastuau ylpiesti:

– Välttäyhän se pilkka pienempiki, ei vain heposen kokoni: tiijämmähän, jottei sultani tosissah tullun.

Sultani vakuuttou, jotta hiän ei tullun pilkkuamah, vain aivan tosissah. Sultani pyrkiy tytön muamuo ta muitaki čikkoja lähtömäh pois köyhästä mökistä.

Lopulta asie otettih toveksi ta hyö suoritah.

Sultani panou vanhimman tyttären kätilökouluh. Toisen panou leipomon kouluh. Nuorimman pitäy emäntänä. Akka vain siinä vanhana eläy, eikä sillä mitänä ruata.

Sultanin rouva tulouki paksuksi ta synnyttäy pojan. Pojalla oli kiät kultaset kalovehista, jalat hopieset pohkeista suahe, simčukkaiset silmillä, kuutomaiset kulmilla, Otavantähet olkapäillä.

Ta i käyväh kätilö, se vanhin čikko. Čikolla tuli kareh, kun toini on sultanin naini ta sai kultasen pojan. Kätilö tuou harakanpojan ta kultaisen pojan ottua ičelläh.

Lapsensuaja vietih kylyh. Sultani kysyy:

– Joko sai lapsen?

Kätilö vastuu:

– Harakanpojan sai.

Sultani sanou:

– Mitä Jumala antau, sitä pitäy ottua vastah.

Kätilö kiäriy kultasen pojan ripakkoh, pistäy pärekorih ta laskou sen mänömäh jokie alas.

Jokivarrella on yksi mylläri, mi on aina jauhottamassa myllyssä.

Huomeneksella mylläri mäni pesömäh silmie jokirantah, kaččou, ka kori alas virtua tulou. Siinä korissa on liikehtä. Hiän ottau ta vetäy hualla mualla korin. Hiän ottau korin – sielä on kultani kaunis lapsi. Mylläriellä ei ollun lasta: hiän ottau sen lapsekseh. Viey kotih ta sanou emännällä:

– Otammako tämän kasvatettavaksi? Ei tämä ole ihmisistä syntyn, vain on Jumalan antama.

Emäntä suostu ottamah omaksi lapseksi ta ihastu kovin. Niin hyö ruvettih kasvattamah sitä lasta.

Kulu toini vuosi. Sultanin emäntä suau toisen pojan samanmoisen.

Kätilö käyväh lasta puapuimah, kun sitä vassen kävi koulun, jotta omie lapsie puapuimah.

Kätilö otti ta vei tuas variksenpojan, ta otti tuas tämän kultasen pojan.

Sultani kysyy:

– Mitä synty?

Kätilö vastuu:

– Variksenpojan sai, vaikka kultasie lapsie lupasi synnyttyä.

Sultani on pahalla mielellä, vain siitä sanou:

– Mitä Jumala antau, sitä pitäy ottua.

Kätilö otti tuas kultasen pojan, kiäri ripakkoh, pisti pärekorih ta laski virtua alas.

Mylläri tuas näköy huomeneksella, kun pärekori tulou alasvirtua. Se vetäy sen hualla mualla ta kaččou, jotta sielä on tuas samanmoini kultani poika, kuin viime vuotenaki. Ottau lapsen, viey kotih ta sanou:

– Jumala näitä tämmösie lapsie synnyttäy, eihän nämä ole tavallisen ihmisen lapsie.

Ta niin hyö otetah tämäнки pojan tuas ilomielin kasvatettavaksi.

Kolmantena vuotena sultanin akka suau tuas kolmannen lapsen, samanmoisen kultasen, vain tämä on tytär.

Kätilö ruatau saman tempun ta asettau tilalla korpinpojan.

Sultani kysyy:

– Mitä synty?

Kätilö vastuu:

– Korpinäpärehen sai.

Panou tuas sen pärekorih ta laskou virtah mänömäh. Sultani ottau oman naisen ta kutou kivikuvelman kirikön pihalla, panou sinne akkah seisomah,

jättäy vain pienen reijän, mistä annetah joka päivä sillä vain vettä ta leipyä. Kirjuttau kivikuvelman reunah, jotta jokahini, ken ohi kulkou, suau sylkie sen akan silmillä.

Sultani ottau kätilön emännäkseh.

Mylläri näköy jovesa tuas pärekorin ta vetäy sen keksilla rannalla. Hän kaččou – tytärlapsi on, vief sen kotih, kun ei tyttärie vielä ollunkana. Nyt Jumala anto molompie sukupuolie, vaikka ennein oltih lapsettomie. Emäntä ottau hyvin vastah, kun se on vielä tytärlapsi.

Lapset kasvetah monta vuotta. Ne on niin kaunehet ta lihavat. Ihmetelläh kun tuommosie lapsie on synnytetty vanhemmat.

Tuli yksi kaunis kesäaika. Lapset pihalla leikitäh. Tulou vanha akka sauvakiässä lapsien luo ta sanou:

– Voi, kun työ oletta kaunehet. Teilä ei puuttuis muuta, kun olis suihkuva lähe, helisevä koivu, laulava lintu, – ta akka kato pois.

Lapset mäntih pirttih ta sanotah, jotta heilä tati sano: «Teilä pitäis olla suihkuva lähe, helisevä koivu ta laulava lintu». Vanhemmat pietäh heitä omina lapsina ta sanotah, jotta akka valehteli, suihkuvua lähettä ei ole olomassa, eikä helisevyä koivuo ta laulava lintuo: vanhemmat varatah, jotta lapset lähetäh niitä eččimäh.

Vanhempi poika sanou:

– Vanhemmat, piästäkkyä milma eččimäh.

Hyö vakuutetah, jotta ei niitä ole olomassa missänä. Poika ei makua koko yössä, suoriutuu ta lähtöy ilman vanhempien lupua niitä eččimäh. Vanhemmat noussah makuamasta. Ei nävy poikua. Toiset lapset sanotah, ei hyö tiijä mihi on männyn.

Poika mäni yöllä ta tuli meččäh. Sielä on pieni talo. Talossa on yksi vanha ukko. Ukko sanou:

– Tule terveh taloh, kunne matkuat, sultaninpoika?

Poika ukolla vastuau:

– En mie ole sultaninpoika, mie olen myllärinpoika.

– No mihi sie mänet?

– Mie, ukkoseni, mänen semmosella asiella, eččimäh suihkuvua lähettä, helisevyä koivuo ta laulava lintuo.

Ukko sanou:

– Et, poikani, sinne piäse, vain suatanhan mie silma neuvuo. Annan siula lankakerän. Mäne muantietä myöte, kuni kerä heittäy pyörimästä, vain monta on mutkua sillä matalla.

Poika läksi mänömäh muantietä myöten. Kerä hänellä pyöriy jaloissa, silmät hänellä on kiini. Alko kuuluo laulanta, soitanta, tanssinta – mitä vain muajilmassa on, se hänen korvissa kuuluu. Tuli joku olento ta sanou:

– Tule miun keralla tanssimah.

Poika kun avasi silmäh, niin muuttu mussaksi marmorikiveksi.

Nyt lähtöy toini poika eččimäh suihkuvua lähettä, helisevyä koivuo ta laulava lintuo ilman vanhempien lupua.

Vanhemmat huomeneksella noussah, ei ole poikua. Sanotah vanhemmat pahalla mielellä:

– No mistä ollah tultu, sinne ni männäh ne lapset.

Poika mäni saman ukon luo, mihi vanhempi poika. Ukko kysyy:

– Mihi olet mänössä?

Poika sanou:

– Jos tietäisit, missä on suihkuva lähe, helisevä koivu ta laulava lintu, mänen sitä eččimäh.

Ukko sanou:

– Tiijän kyllä, vain äijän sinne on männehie, vähän pois tullehie, ta sie et piäse sinne.

Ukko anto tuas kerän. Poikua kysyttih tanssimah. Hiän avasi silmäh ta muuttu mussaksi marmorikiveksi tiepuoleh.

Nyt tytär arvelou ta ajattelou, pitäis suaha suihkuva lähe, helisevä koivu ta laulava lintu, ta niin hiän läksi yöllä mänömäh.

Tyttö mäni samah mökkih, missä ukko eläy. Ukko kysyy:

– Mihi olet, sultanintytär, matassa?

Hiän sanou:

– En mie ole sultanintytär, mie olen myllärintytär. Etkö, ukkoseni, tiijä, missä paikassa olis suihkuva lähe, helisevä koivu ta laulava lintu?

Ukko sanou:

– Tiijän, vain ethän sie, lapsi-rukka, sinne piäse, jos mie en neuvuo anna. Annan siula keräsen. Kuni tämä pyöriy, sini mäne, silmät pane kiini, elä ennein silmie avua, enneinkun kerä heittäy pyörinnän. Kun tulet lähtehellä, ota ruukkuh vettä, katkua oksa koivusta ta lintu ota häkin kera kainaloh.

Tytär pani kerän vierömäh ta alko männä. Matalla oli soittajua, plässijyä ta huvituksie kaikenmoisie, vain hiän ei huolin mistänä ta aina vain mäni ta piäsi paikan piällä. Kerä heitti pyörinnän. Avasi tyttö silmäh ta siinä oli suihkuva lähe, helisevä koivu ta lintu laulo kaunehesti oksalla. Tytär otti vettä astieh, katkasi koivusta oksan, otti linnun ta läksi jälelläh. Matkasi vähän matkua, tiepuolessa alko olla mustie marmorikivie. Tyttö priiskuttou astiesta koivun oksalla kivien piällä vettä. Sieltä alko virota ihmisie: miehie ta naisie, ta sieltä löyty hänen velletki: kivet muuttu ihmisiksi. Vellet sanou:

– Tässäkö se, čikko, sieki olet, mitein myö olemma nyt piässyn?

Tytär sanou:

– Miuttapa olisitta ollun ilmasen ijän tiälä, jos mie en ois pelastan teitä.

Niin hyö lähettih kävelömäh kotih päin.

Tultih ukon mökkih, missä hyö jo männessäh käytih kaikki. Ukko kysyy:

– Hyvinkö piäsit, tyttöseni, sinne, ta saitko suatavas?

Tytär sanou:

– Hyvin, ukkoseni, kävin ta sain, mitä mäniin suamah.

Ukko rupieu kertomah, jotta «työ että ole myllärin lapsie, vain sultanin. Muamo on kirikön pihalla kivikuvelmassa. Ken on ilkiempi ihmini, sylköy hänellä silmiäh, ken on siivompi – antau almuja, ruokua».

Lapset lähettih mänömäh myllärin taloh. Mäntih sinne. Mylläri akkoneh ihastuu ta kyselläh, missä hyö käytilh.

Hyö sanottih, missä hyö käytilh. Tytär kuatau astiesta vejen pihalla – siihi tuli suihkuva lähe. Lähtien laijalla pistäy oksan – siihi tulou koivu ta laulava lintu, ta se alko laulua kaunehesti.

Pojat pyrkiy:

– Piässä, tuatto, meitä meččäh.

– Kun että iččiennä ampuis, jos mie teilä antasin pyssyn, – sanou mylläri.

Mylläri antau pyssyn, pojat lähetah mečällä. Kuullah, kun mečässä oikein jalopeura kil’l’uu. Hyö männäh kil’l’ehtä kohti. Kačotah: mies istuu suurella kivellä, jalopeura ympäri kävelöy, miestä pyrkiy syyvväkseh. Pojat ammuttih se jalopeura ta sanotah miehellä:

– Tule nyt jo poikes sieltä kiven päältä.

Mies tulou ta kiittelöy poikie, kysyy:

– Kenen poikie työ oletta, kun piässittä miut jalopeuran käsistä?

– Myö olemma myllärin poikie, kenpä sie?

– Mie olen Turkin sultani. Nyt lähtekkä meilä murkinalla, siitä hyvästä, kun miut piässittä pahasta paikasta.

Pojat sanotah:

– Myö emmä lähe, lähe sie meilä, meijän koti on lähempänä.

Pojat viijäh sultani myllärin kotih ta sanotah myllärin emännällä:

– Paissa piirakkoja, siämeh luaji rautahelmie ta paissa oikein kuumassa.

Muamo ihmettelöy. Pojat vain käsetäh luatie.

Piirakat tulih kypsäksi. Ruvettih vierasta syöttämäh. Muuta ei mitänä annettu sultanilla, kun niitä kuumie rautahelmiipiirakkoja, ta oikein kuumie. Sultani sanou:

– En voi syyvvä näitä.

Pojat sanotah:

– Ne on syötävä. Eihän muamokana vois olla tuola kirikön pihalla kivikuvelmassa, vain sie panit hänet sinne. Sillä myö siulaki näitä syötämmä.

Pojat kerrotah elämästä sen, mitä ukko oli kerton heilä. Sultani rupei antieksi pyytämäh ta kuččuou kaikki sultanin kotih. Muamo otettih pois kivikuvelmasta matanvarrella, sillä ei ollun enämpi kun yksi heikko henki.

Kätילו ammuttih ilman mitänä tuomijuo suora.

Alettih elämäh entisellä.

Siihi loppu kissan virsi, katkesi Katin starina.

44. Сказка о турецком султани

Турецкий султан был холост. Ездит он на велосипеде по дороге, а рядом с той дорогой стоит одна маленькая избушка. В ней живет старая бабка и три [ее] дочери. Это была вдова, очень бедная. Она работала на сельчан: пряла и когда что делала по вечерам и ночам, так же и дочери, а днем они работали на улице.

Султан удивляется, почему у них всегда огонь горит так поздно. Он заглядывает в окно, потому как ставня немножко приоткрыта. Девушки сидят у окна и шутят о том о сем. Старшая из девушек говорит:

– Если бы меня султан взял в жены, я бы принимала роды у всего города.

Средняя девушка говорит:

– Если бы на мне женился султан, я бы всему городу пекла хлеб.

Младшая девушка говорит:

– Ох, вы, глупые: если бы на мне женился [султан], я не стала бы работать, а только спала бы рядом с султаном и родила бы трех золотых детей.

Так они между собой болтают, шутят. Султан слушает и потом думает: «Мне нужно взять [в жены] ту, младшую, которая трех золотых детей родит».

И он отправился наутро [свататься]. Приезжает он на коне к той избушке. Он не говорит, что слышал вчерашнюю беседу. Султан говорит младшей девушке:

– Я пришел взять тебя в хозяйки.

Вдова занимается [рукоделием] на печи. Младшая дочь отвечает с печи гордо:

– Достаточно и меньшей шутки, а не величиной с лошадь: мы же знаем, что султан не всерьез пришел [свататься].

Султан уверяет, что он не насмехаться пришел, а всерьез [хочет жениться]. Султан просит мать девушки и других сестер оставить эту бедную избушку. Наконец [мать и дочери] поверили, что дело обстоит серьезно, и они стали собираться.

Султан определил старшую девушку в акушерскую школу, вторую определил в хлебопекарную школу, а младшую держит как хозяйку. Вдова же, старушка, просто живет, и никакой работы ей не поручают.

Жена султана затяжелела и родила сына. У сына руки золотые от запястий, ноги серебряные от икр, жемчужины на глазах, по месяцу на висках, по Большой Медведице на плечах.

Привели акушерку – старшую сестру. Сестре стало завидно, что [младшая] сестра стала женой султана и родила золотого сына. Акушерка приносит птенца сороки, а золотого сына забирает себе. Роженицу отвели в баню.

Султан спрашивает:

– Уже ли [жена] родила?

Акушерка отвечает:

– Птенца сороки родила.

Султан говорит:

– Что Бог дает, то нужно принимать.

Акушерка завернула золотого сына в тряпку, положила в корзину из лучины и пустила ее плыть вниз по реке.

На берегу реки есть мельник, который всегда занят помолом на мельнице. Утром мельник пошел умываться на берег, смотрит – корзинка

плывет по течению. В этой корзинке что-то шевелится. Он взял и притянул корзину багром на берег. Он берет корзину – а там золотой красивый ребенок. У мельника не было детей, и он взял его себе на воспитание. Приносит [ребенка] домой и говорит хозяйке:

– Мы возьмем этого [ребенка] на воспитание? Он не людьми рожден, а Богом дан.

Хозяйка согласилась взять ребенка и очень обрадовалась. И они стали воспитывать этого ребенка.

Прошел второй год. Жена султана родила второго сына – такого же. Акушерку позвали ухаживать за ребенком, раз для этого обучалась, чтобы своих [царской семьи] детей принимать. Акушерка взяла и отнесла опять птенца вороны, а золотого сына опять забрала.

Султан спрашивает:

– Кто родился?

Акушерка отвечает:

– Птенца вороны родила, хотя золотых детей обещала рожать.

Султан огорчился, но все же говорит:

– Что Бог дает, то надо принимать.

Акушерка взяла опять золотого сына, завернула в тряпку, положила в корзину из лучины и пустила вниз по течению.

Мельник опять видит наутро, что корзина из лучины плывет вниз по течению. Он притягивает ее багром на берег и видит, что там опять такой же золотой мальчик, как и в прошлом году. Он берет ребенка, приносит домой и говорит [жене]:

– Бог таких детей создает, – ведь это не обычных людей дети.

И они с радостью взяли и этого ребенка на воспитание.

На третий год жена султана родила опять третьего ребенка, тоже золотого, но это была девочка.

Акушерка сделала то же самое и положила на место ребенка птенца ворона.

Султан спрашивает:

– Кто родился?

Акушерка отвечает:

– Птенца ворона родила, – сама опять кладет ребенка в корзину из лучины и пускает плыть по течению.

Султан берет свою жену, возводит каменное строение во дворе церкви и ставит свою жену стоять в нем, оставляет только маленькое отверстие, через которое ей каждый день дают только воду и хлеб. Рядом с каменным строением пишет, что каждый, кто проходит мимо, может плюнуть в глаза той женщине.

Султан берет акушерку себе в хозяйки.

Мельник видит опять на реке корзину и притягивает ее багром на берег. Он смотрит – это девочка, и относит ее домой, ведь девочек

еще не было. Теперь Бог дал им детей обоих полов, хотя до этого они были бездетными. Жена хорошо приняла ребенка, тем более что это была девочка.

Дети растут уже несколько лет. Они такие красивые и упитанные. [Все] удивляются, как такие дети родились у их родителей.

Наступило одно красивое летнее время. Дети играют во дворе. Подходит к детям старая бабка с посохом в руке и говорит:

– Какие вы красивые. Вам не хватает только бьющего ключом источника, звенящей березы и поющей птицы, – и старуха исчезла.

Дети приходят в избу и говорят, что им тетя сказала: «Вам нужен бьющий ключом источник, звенящая береза и поющая птица». Родители считают их своими детьми и говорят, что старуха соврала; такого источника не существует, как и звенящей березы и поющей птицы: родители боятся, что дети пойдут их искать. Старший сын говорит:

– Родители, отпустите меня на поиски.

Те уверяют, что этого всего нет нигде. Сын не спит всю ночь, одевается и отправляется без родительского разрешения искать их. Родители встают – не видать сына. Другие дети говорят, что они не знают, куда он ушел.

Сын ушел ночью и пришел в лес. В лесу – маленький дом, в нем один старый дед. Старик говорит:

– Добро пожаловать в дом. Куда путь держишь, сын султана?

Мальчик отвечает старику:

– Я не сын султана, я сын мельника.

– Ну, куда ты идешь?

– Я, дедушка, иду по такому делу: искать бьющий ключом источник, звенящую березу и поющую птицу.

Старик говорит:

– Ты, сынок, туда не попадешь, но я могу, конечно, дать тебе совет. Я дам тебе клубок ниток. Иди по дороге [до тех пор], пока клубок не перестанет катиться, но много поворотов на том пути.

Мальчик отправился по дороге. Клубок катится у него в ногах, глаза у него закрыты. Послышалось пение, музыка, танцы – каких только звуков в мире нет, все они звучат в его ушах. Какое-то существо подошло и сказало:

– Пойдем со мной танцевать.

Мальчик как открыл глаза – так и превратился в черный мраморный камень.

Теперь второй сын отправляется на поиски бьющего ключом источника, звенящей березы и поющей птицы без родительского разрешения. Родители встают утром – нет сына. Говорят родители с горестью:

– Ну, откуда пришли, туда и уходят дети.

Мальчик приходит к тому же старику, что и старший брат. Старик спрашивает:

– Куда путь держишь?

Мальчик говорит:

– Может, ты знаешь, где находится бьющий ключом источник, звенящая береза и поющая птица: я иду их искать?

Старик отвечает:

– Знаю, конечно, но многие туда ушли, немногие вернулись, и ты не попадешь туда.

Старик дал опять клубок. Мальчика пригласили танцевать. Он открыл глаза и превратился в черный мраморный камень на обочине дороги.

Теперь девочка думает-гадает: «Надо бы раздобыть бьющий ключом источник, звенящую березу и поющую птицу», – и она отправилась ночью в путь.

Девочка пришла в ту же избушку, где жил старик. Старик спрашивает:

– Куда ты, дочь султана, путь держишь?

Та отвечает:

– Я не дочь султана, я дочь мельника. Не знаешь ли ты, дедушка, в каком месте может быть бьющий ключом источник, звенящая береза и поющая птица?

Старик говорит:

– Знаю, но ведь ты, бедный ребенок, не попадешь туда, если я не дам тебе совет. Я дам тебе клубок, пока он катится – до тех пор иди. Глаза закрой и не открывай раньше, чем клубок перестанет катиться. Когда придешь на источник, набери в кувшин воды, отломай ветку березы и птицу вместе с клеткой возьми под мышку.

Девочка бросила клубок [на дорогу] катиться и пошла. В пути ей встретились музыканты, плясуны и разные развлечения, но она не обращала ни на что внимания, а только шла [вперед] и пришла на место. Клубок перестал катиться. Девочка открыла глаза – и там был бьющий ключом источник, звенящая береза, и птица красиво пела на ветке. Девочка набрала воды в посуду, отломала ветку у березы, взяла птицу и отправилась в обратный путь. Прошла немного пути – у дороги стали появляться черные мраморные камни. Девочка побрызгала веткой березы воды из посуды на камни – и из них стали оживать люди, мужчины и женщины, там нашлись и ее братья: камни превратились в людей. Братья говорят:

– И ты здесь, сестра? Как мы все освободились?

Сестра говорит:

– Вы бы навек остались здесь, если бы я вас не освободила.

И они отправились шагать в сторону дома. Пришли они в избушку старика, где все побывали по пути [на источник]. Старик спрашивает:

– Хорошо ли ты туда, доченька, добралась и получила ли, что хотела?

Девочка отвечает:

– Хорошо, дедушка, сходила и получила то, за чем пошла.

Старик стал рассказывать, что «вы дети не мельника, а султана. Ваша мать [заточена] в каменном строении во дворе церкви. Плохие люди плюют ей в глаза, те, кто получше, подают милостыню, еду».

Дети отправились к дому мельника, пришли туда. Мельник с женой обрадовались и стали расспрашивать, куда они ходили. Те рассказали, где они побывали. Девочка вылила воду из кувшина во дворе – там появился бьющий ключом источник. На краю источника воткнула ветку – там выросла береза, а [на ней] певчая птица красиво запела.

Сыновья просят:

– Отпусти нас, отец, на охоту.

– Как бы вы себя не подстрелили, если я дам вам ружье, – говорит мельник.

Мельник дает ружье, сыновья отправляются на охоту. Слышат, как в лесу громко кричит лев. Они пошли на крик, видят – мужчина сидит на большом камне, а лев ходит вокруг, хочет съесть мужчину. Парни застрелили того льва и говорят мужчине:

– Слезай уже с камня.

Мужчина спускается и благодарит парней, спрашивает:

– Чьи вы сыновья, что спасли меня от льва?

– Мы сыновья мельника, а ты кто?

– Я турецкий султан. Теперь давайте пойдем к нам на обед в благодарность за то, что вы спасли меня от беды.

Парни говорят:

– Мы не пойдем; пойдти ты к нам – наш дом ближе.

Парни приводят султана в дом мельника и говорят хозяйке мельника:

– Испеки пироги; внутрь положи железные бусины и пеки в очень жаркой печи.

Мать удивляется, а сыновья только требуют сделать так.

Пироги готовы. Стали угощать гостя. Ничего другого не подали султану, только эти горячие пироги с железными бусинами, очень горячие. Султан говорит:

– Я не могу их есть.

Сыновья говорят:

– Ты должен их съесть: ведь и наша мать не могла бы находиться там, во дворе церкви в каменном строении, но ты поместил ее туда, поэтому мы тебя и кормим этими [пирогам].

И сыновья рассказали о своей жизни то, что старик рассказал им. Султан стал просить прощения и пригласил всех в свой султанский дом.

По пути освободили мать из каменного строения – в ней едва теплилась жизнь. Акушерку сразу расстреляли без какого-либо суда.

Стали жить по-прежнему.

На этом кончилась кошачья песня, оборвалась сказка Катти.

45. Kissalan linnan prinsessa

Eli ennen ukko ta akka. Heilä on yksi tytär. Akka i kuolou ukolta. Ukko lähtöy toista akkua eččimäh. Tulou Syöjätär vastah ta kysyy:

– Mistäpä, ukko, tulet? Minne, ukko, mänet? Ota milma akakses.

– En ota mie Syöjätärtä.

Ukko mänöy ielläh, Syöjätär mänöy ielläh. Juoksou Syöjätär poikki polvelta ta kysyy:

– Minne, ukko, mänet?

– Akkua eččimäh, – sanou ukko.

– Ota milma akakses.

– Eikö tiälä muita olekana kuin Syöjättärie? No jos mie siun otan, kun muita ei ole.

Syöjätär sanou:

– Mäne kotihis, mie tulen jälestä, käyn vain prituaneita ottamassa.

Ukko mänöy kotihis. Syöjätär tulou jälestä, hänellä on prituaneita vain kaksi tytärtä. Ne on kuin rupiskokunat. Ukolla on niisi tytär.

Aletah siinä elyä. Syöjätär rupieu vihuamah ukon tytärtä. Syöjätär ottau vettä stauččah ta käsköy ukon tyttären juuvva. Toiset tyttäret sanotah:

– Elä juo, se on pahua vettä.

Ukon tytär sanou:

– Ei miula pie vettä, mie en juo.

Syöjätär luou tyttären silmillä sen vejen. Tyttärellä rupei siitä vačča kasvamah. Hiän tuli paksuksi. Syöjätär sanou ukolla:

– Suata pois tämä tytär. Tämä kun on kylässä juoksija, nin sai maran ičelläh.

Ukko sanou tyttärelläh:

– Suorie, tyttäreni, lähemmä meččäh.

Tytär arvuau, jotta nyt hänen tuatto tahtou viijä tapettavaksi. Läksi ukko tyttäreneh pimieh synkkäh meččäh. Hiän jättäy tytär-rukan meččäh, iče lähtöy pois. Tytär jiiy sinne itkömäh.

Luatiu meččäh ičelläh pikkaraisen pirtin ta alkau siinä elyä. Sai kissanpoikasen. Se rupei pakajamah, kun oli ihmisestä syntyn. Se kysyy:

– Etkö sie, muamo, vois mitä neuluo, mie läksisin linnah myömäh vaikka čuarin pojalla, emmäkö sais jauhuo.

Tytär neulou kaunehen käsipaikan puun juurista. Sitou sen kissanpojan kaklah ta käsköy viemäh čuarin pojalla, jotta eikö antais jauhuo.

Kissa viey ta sanou:

– Kissalan linnan prinsessa käski tämän tuomah siula ta kysy, jotta eikö olis antua jauhuo.

Čuarin poika ihmettelöy, kun käsipaikka on niin kaunis. Sitou kissalla kaklah pienen jauhopussin ta laittau muamoh luo. (Tytär oli kissanpoikua kieltän sanomasta muamoksi, vain käski sanomah Kissalan linnan prinsessaksi.)

Muamolla tuli paha mieli, kun čuarin poika mieltä siihe käsipaikkah.

Ta rupei varajamah, jotta čuarin poika voit tulla kaččomah, a hänellä on pieni kekälehistä luajittu pirtti.

Yhtäkkie tytön silmih ilmesty hänen kuollut oma muamoh ta antau tyttäreällä pikkaraisen sulkkupaikan, ta käsköy lyömäh ristiä, jotta tulis paremmat huonehet kuin čuarilla. Tytär ompelou kaunehen pajian, sitou kissanpojalla kaklah ta käsköy viemäh sen čuarin pojalla kostinčaksi.

Kissanpoika juoksuttau čuarin pojalla pajian ta sanou:

– Tässä Kissalan linnan prinsessa työnti pajian siula kostinčaksi.

Čuarin poika kirjuttau kirjasen ta panou kissanpojalla kaklah sen. Siihe on kirjutettu, jotta Kissalan linnan prinsessa tulis käymäh. Čuarin poika tahtou nähä, mimmoni se on, kun osuau semmosie neuluo.

Kissanpoika vie sen tytöllä. Tytär suorieu hyvih vuatteih. Kissanpoika lähtöy iellä juoksomah, jotta näyttäy, missä on čuarin koti. Tytär mänöy čuarih. Čuarin poika sanou čikollah, jotta «mäne kävelömäh tämän tytön kera. Jos hän likapaikoissa nostau helmojah, nin silloin se on mualaisie, jos ei, nin silloin se on prinsessa». Kissanpoika kuuli ta čuhuttau muamollah: «Likapaikoissa elä nossa helmojah».

Niin hyö lähettih kaupunkilla kävelömäh čuarin tyttären kera. Tytär kualau mahtavaksi, niinkuin ainaki herrasväki ta čuarin tytär, eikä lekahuta helmojah.

Tullah kotih, čuarin poika kysyy čikoltah:

– Mitein käveli?

Čikko sanou:

– Niin se käveli kuin mieki, ei se nostan helmojah.

Čuarin poika tuas sanou čikollah, jotta «kun käymmä muate, nin pane olkie alla. Jos se tietäy, jotta on olkie, nin se on Kissalan linnan prinsessa».

Kissa kuuli ta sano muamollah:

– Huomeneksella kun kysytäh siulta, kuin makasit, nin vastua: «Muitein oli hyvä muata, vain niin oli kuin hirret alla».

Pantih tytär muate ta olkie lakanan alla. Tyttö makuau yön siinä. Huomeneksella nossatetah vierasta murkinalla. Čuarin tytär kysyy:

– Mitein oli, čikko, muata meilä, oliko hyvä vain paha?

Kissalan linnan prinsessa sanou:

– Hyvä oli muitein muata, vain niin olis niinkuin hirsie ollun kylkeni alla.

Čuarin poika kysy tuas čikoltah ta usko, jotta kyllä se on Kissalan linnan prinsessa.

Čuarin poika sanou:

– Mie tulen silma käymäh morsiemekseni.

Tyttö mänöy kotih. Hänellä on koti niinkuin čuarilla.

Čuarin poika mäni sulhaseksi, toi morsiemien ta kissan toi matassah. Kissalan linnan prinsessa löi sulkkupaikallah, jotta Kissalan linnan huonehet kavottais pois. Siitä hyö alettih čuarissa elyä.

Sen pituni se.

45. Принцесса Кошачьего замка

Жили раньше старик и старуха. У них была одна дочь. Старуха и умерла у старика. Встречается ему Сюоятар и спрашивает:

– Откуда и куда, старик, идешь? Возьми меня в жены.

– Не возьму я тебя, Сюоятар.

Старик идет дальше, Сюоятар идет дальше. Бежит Сюоятар напрямиком [за поворотом опять встречается] и спрашивает:

– Куда, старик, идешь?

– Жену искать, – говорит старик.

– Возьми меня в жены.

– Так неужели здесь нет никого, кроме одних Сюоятар? Разве взять тебя, раз других нет.

Сюоятар говорит:

– Иди домой, я приду после, схожу только за приданым.

Старик идет домой. Сюоятар приходит следом, приданое ее – только две дочери. Они похожи на жаб. У старика тоже дочка.

Начинают тут жить. Сюоятар стала ненавидеть старикову дочь. Сюоятар берет воды в чашку и велит стариковой дочери пить. Другие дочери [Сюоятар] говорят:

– Не пей, это плохая вода.

Старикова дочь говорит:

– Не надо мне воды, не буду пить.

Сюоятар выплескивает эту воду в лицо [стариковой] дочери. У девушки от этого начал живот расти. Она забеременела. Сюоятар говорит старику:

– Уведи эту дочку. Она гулящая [букв.: по деревне бегающая], вот и стала с животом.

Старик говорит своей дочери:

– Оденься, доченька, пойдем в лес.

Дочь догадывается, что отец хочет увести ее, чтоб убить. Пошел старик с дочерью в темный, мрачный лес. Оставляет он бедняжку в лесу, а сам уходит прочь. Дочь остается там плакать. Строит она в лесу маленькую избушку и начинает в ней жить. Родила котенка. Он стал говорить, так как родился от человека. Он спрашивает:

– Не можешь ли, мать, что-нибудь сшить, я пошел бы в город продавать цареву сыну: может, муки получим.

Девушка сплела красивое полотенце из корней дерева. Привязывает она к шее котенка и велит нести цареву сыну: может, муки даст.

Котенок приносит и говорит:

– Принцесса Кошачьего замка велела это доставить тебе и спросить, нет ли муки дать [так!].

Царев сын удивляется, так как полотенце очень красивое. Привязывает котенку на шею маленький мешочек с мукой и посылает к матери.

(Девушка велела котенку называть ее не матерью, а принцессой Кошачьего замка.)

Мать опечалилась, оттого что цареву сыну так понравилось это полотенце, и стала бояться, что царев сын может прийти посмотреть, а у нее маленькая, сделанная из головешек избушка.

Вдруг перед глазами девушки встала ее покойная мать и дает дочери маленький шелковый платок и велит махнуть крест-накрест, чтобы стал дом лучше, чем у царя. У девушки стали покои лучше, чем у царя. Девушка сшила красивую рубаху, привязала на шею котенку и велит нести это цареву сыну в подарок. Котенок доставляет цареву сыну рубаху и говорит:

– Вот принцесса Кошачьего замка прислала тебе в подарок рубаху.

Царев сын пишет письмо и привязывает на шею котенку. Там написано, чтобы принцесса Кошачьего замка пришла к нему. Царев сын хочет увидеть, какова она, раз она умеет такое шить.

Котенок приносит это [письмо] девушке. Девушка надевает хорошую одежду. Котенок бежит впереди, чтоб показать дорогу к цареву дому. Девушка идет в дом царя. Царев сын говорит своей сестре, что «иди гулять с этой девушкой. Если она в грязных местах подберет подол, значит, она из деревенских, а если нет – то тогда она принцесса». Котенок услышал это и шепчет своей матери: «В грязных местах не подбирай подол».

Так они пошли гулять по городу с царевой дочерью. Девушка бредет [по грязи] так величественно, будто настоящая госпожа и царева дочь, не притрагивается даже к юбкам. Приходят домой; царев сын спрашивает у своей сестры:

– Как она гуляла?

Сестра говорит:

– Так же гуляла, как и я, не подбирала подол.

Царев сын опять говорит своей сестре, что «когда ляжете спать, то положи соломы под перины. Если она узнает, что там солома, то тогда она принцесса Кошачьего замка».

Кот услышал это и говорит матери:

– Утром, как у тебя спросят, как спала, то скажи: «Так-то спала хорошо, но как будто бревна были под боком».

Уложили девушку спать и положили соломы под простыню. Девушка спит тут ночь. Утром будят завтракать. Царева дочь спрашивает:

– Как, сестра, спалось у нас, хорошо было или плохо?

Принцесса Кошачьего замка говорит:

– Так-то хорошо было спать, но только мне показалось, будто бревна под боком.

Царев сын опять спросил у сестры и поверил, что все же это принцесса Кошачьего замка. Царев сын говорит:

– Я приду сватать тебя.

Девушка пошла домой. Дом у нее, как у царя. Царев сын пришел сватать, привел жену и kota с собой. Принцесса Кошачьего замка махнула шелковым платком, чтобы Кошачий замок исчез. Потом они начали жить в царском доме.

Вот такой длины эта [сказка].

46. Kultakrovun starina

Oli ennenin ukko ta akka. Heilä on yksi tytär. Ukolta akka i kuolou. Ukko ottau Syöjättären akakseh. Syöjättärellä on kaksi tytärtä. Hiän tuou ne ukon luo elämäh. Syöjätär rupieuh vihuamah ukon tytärtä. Sanou ukolla:

– Kun et tappane tuota tytärtä, ni mie en rupie siun kera elämäh.

Ukko sanou:

– Suorie tyttäreni ta lähemmä meččäh.

Tytär suorieu. Ukko viey hänen pimieuh meččäh ta sinne jätältäy.

Mänöy ukko kotih. Syöjätär kysyy:

– Suatoitko sie sen tyttären uhhotie mihi?

– Suatoin, suatoin.

Kun ukon tytär kävelöy, ni osuu taloh. Talossa on stolalla pantu kolmen henken ruoka. Tyttärellä on oikein nälkä. Tytär ottau ta syöy vähän kustaki astiesta niitä ruokie, mitä on pantu siihi stolalla. Oven suussa lattiella on kolmen miehen veriset vuattiet. Tytär ottau vettä, kuumentau, pesöy ne vuattiet oikein puhtahaksi ta panou kuivamah. Iče mänöy kiukuan perih peittoh. Ajattelou: «Tulou tähä vaikka ketä».

Oli vähäsen aikua kiukuan perissä – tulou kolme miestä. Oikein veressä ollah, jottei silmät piestä nävy. Kačotah, kun on vuattiet puhtahaksi pesty, ta ne on pantu kuivamah, – ne on keritty kuivua. Sanotah:

– Ketä meilä on nyt ristikansua käynyn, kun on vuattiet näin puhtahaksi pessyn?

Ruvetah syömäh. Sanotah:

– On tästä meiltä i syöty ruokie.

Syötih, sanotah:

– Panemma nyt puhtahat vuattiet piällä ta siitä rupiemma eččimäh, jotta ken tiälä on.

Niin hyö peseyhyttiuh, suorittiuh. Sanotah:

– Kun ollet ken, ni jiiäviyvy meilä, emmä myö luaji mitänä pahua.

Tytär sanou kiukuan peristä:

– Tytär mie oisin tiälä kiukuan perissä, vain en mie ruohi solahtua.

Miehet sanotah:

– Solaha pois. Myö vain pakautamma emmäkä rua siula mitänä pahua.

Hiän solahtau sieltä poikes. Miehet sanotah:

– Rupietko sie meilä naiseksi, eli čikoksi, eli miksi?

Tytär sanou:

– En mie naiseksi rupie. Mie rupiesin čikoksi, kun ottasitta.

Hyö sanotah:

– No ole čikkona, kun noin hyvin vuattiet peset ta hankit ruokua.

Tytär heilä tuas vuattiet pesöy, laittau ruokua, a vellet käyväh merenrantah kolmipäisen smejän kera voinah, sillä hyö ni veressä ollah.

Tytärtä hyvin pietäh, annetah syyvvä, hyvät vuattiet piällä: sielä kun oli naisenki vuatteita.

Syöjätär sielä koissah suau tietyä, jotta ukon tytär on miehien luona ta hyvin häntä pietäh. Syöjätär sanou vanhemmalla tyttärellä:

– Mäne viemäh čikollas kostinččua, – iče juohattau, minne paikkah on mäntävä.

Syöjätär luatiu piuruan ta käsköy, jotta «vie čikollas».

Syöjättären tytär mänöy ukon tyttären luo. Sielä on ovi salvassa. (Miehet kun oltih sanottu, jotta ei pie laskie ni ketänä pirttih.)

Syöjättären tytär sanou:

– Avua, čikko, ovi, mie tulin kostinččua tuomah. Muamo työnsi kostinččua.

Ukon tytär sanou:

– Mäne poikes matkahas. Miula ei pie kostinččua, eikä potarkkua.

Syöjättären tytär mänöy itkien muamoh luo ta sanou:

– Ei čikko lasken milma pirttih.

Syöjätär sanou:

– Ei lasken, vuota mie lähen iče.

Ottau uuvven pajjan kostinččaksi ukon tyttärellä. Mänöy oven tua:

– Avua, tyttöni, ovi muamollas.

Tytär sanou:

– Sie et ole miula muamo, etkä mi. Mäne poikes, mie en lase pirttih.

Syöjätär muuttuu nielklaksi ta läpi seinästä i mänöy pirttih. Tytär syöttäy, juottau hänet. Syöjätär antau hänellä pajjan:

– Tässä on paita kostinččaksi, pane pyhänä päivänä piälläs.

Syöjätär lähtöy pois. Mänöy kotihes.

Tyttärellä tullah veikot sovasta. Hiän on vuattiet pessyn, ruuvvat laittan stolalla, heilä muuta ei kun syömäh ruveta. Vellet jaksauvuttih, heitettih veriset vuattiet piältäh, pantih puhtahat vuattiet ta ruvettih syömäh. Vellet sanotah:

– No on meilä nyt hyvä, kun on čikko. Suamma joka päivä laittua puhtahat vuattiet piällä.

Tuli pyhäpäivä. Ei lähe nyt vellet sotah, hyö pietäh lepopäivyä.

Huomeneksella nousou tytär, laittau heilä tuas ruuvvan. Syyvväh siinä. Tytär pyörähtäy toiseh huoneheh ta ajattelou: «Vuota panen pruasniekan tähän muamon tuoman uuvven pajjan piällä». Kun pani sen pajjan piälläh, tai kuoli.

Vellet vuotetah:

– Minne meiltä čikko sai, kun ei tule ruokua laittamah?

Ruvetah eččimäh, männäh kamarih. Čikko on kuollun. Heilä on oikein paha mieli, sanotah:

– Emmä tätä hautua, käymmä hoti kaččomah.

Tai pannah kultaseh kropuh se tytär. Kropu pannah ylähäksi paččahan nenäh, jotta sielä hiän ei happane kun ilmassa on.

Heilä on paha mielestä, kaikin itetäh čikkuoh.

Yhtenä päivänä čuarin poika ajelou mečässä. On hänellä koira. Koira alko čuarin pojalla haukkuo taloh päin. Čuarin poika kaččou: sielä on talo. Talon nurkassa on pačas. Sen piällä mi kiiltänöy. Čuarin poika solahtau heposen selästä ta nousou trappuja myöte kaččomah, mi sielä kiiltäy. Avuau krovun kannen. Sielä on oikein kaunis kuollut tytär. Čuarin poika ottau sen krovun ta viey kotiheh, pistäy krovun oman krovattih alla.

Vellet kun tultih illalla, samassa juostih čikkuo kaččomah paččahan nenästä. Kropu oli katon siitä, eikä tuijetä, jotta mihi se sai siitä. Hyö ollah hyvin pahoillah, kun čikko kato heiltä kokonah.

Čuarin poika ajattelou, jotta millä hiän sais virkuomah sen kaunehen tyttären. Ei syö, ei juo eikä makua ta mäni oikein pahaksi.

Čuari mänöy tietäjaleskiakan luo ta sanou:

– Etkö, akkaseni, tuijä mi on tullun pojalla, kun on männyn niin pahaksi?

Akka arvottelou, tietohuiččou, jotta mi sillä pojalla on vaiva. Sanou:

– Hänen krovatin alla on kultani kropu, ta krovussa on kaunis kuollut tytär. Hiän sitä käyt kaččomah monta kertua päivässä ta hänellä on mielessä, jotta millä sais sen virkuomah. Hänellä oli Syöjätär emintimänä. Se toi paijan kostinčaksi. Tytär kun pani paijan piällä, ni i kuoli. Kun mänet, čuari, kotiheh, ota kiso siltä tyttäreltä paita piältä ta luo tuleh. Siitä se virkuou.

Čuari mäni kotih. Mäni pojan huoneheh. Otti krovatin alta krovun, riičči paijan pois piältä ta loi tuleh.

Tytär elävä, terveh, kaunis, alko paissa čuarin kera. Vietih hänet čuarin huoneheh. Suoritettih čuarin vuateih oikein vorssaksi. Siitä tuli niin kaunis, jotta ei sanomalla suata sanuo.

Tuli čuarin poika töistä kotih. Mänöy huoneheh. Kaččou krovatin alla. Krovussa ei ole enämpi tyttärtä. Se on männyn. Mänöy čuari jälkeh pojalla. Kaččou: poika on aivan kuolemankielissä, kun tyttö kato. Čuari sanou pojallah:

– Elä paheksi, se on nyt elävä, terveh, kaunis. Kun mieltynet, ni ota morsiemekses.

Poika ihastu semmoseksi, jotta ei tuijä mihi i suaha, kun näki sen kaunehen neiččöön.

Ta niin hyö ruvettih häitä pitämäh. Kysytäh tyttäreltä:

– Eikö siula ole ketä sukulaisie? Etkö heitä häilhi kuču?

Tytär sanou:

– Miula on kolme veikkuo.

Niin veikot kučutah häihi. Hiät piettih. Veikot mäntih kotih hyvällä mielellä, kun čikko piäsi čuarin pojan morsiemekse.

Siinä tytär ta čuarin poika alettih elyä, ta vielä eletäh, vain joko lienöy kuoltu.

Loppu.

46. Сказка о золотом гробе

Были раньше старик и старуха. У них одна дочь. У старика умирает старуха. Старик берет Сюоятар себе в жены. У Сюоятар есть две дочери. Она приводит их жить к старику. Сюоятар невзлюбила дочь старика. Говорит она старику:

– Если не убьешь эту [свою] дочь, я не буду с тобой жить.

Старик говорит [дочери]:

– Собирайся, доченька, и пойдём в лес.

Дочь собирается. Старик отводит ее в темный лес и бросает там.

Старик приходит домой. Сюоятар спрашивает:

– Так ты смог извести свою дочь?

– Смог, смог.

Дочь старика идет [по лесу] и попадает в дом. В доме накрыт стол на трех человек. Девушка очень голодна. Девушка берет и ест понемногу из каждой посуды той еды, которая поставлена на стол. У дверей на полу лежит окровавленная одежда трех мужчин. Девушка берет воду, нагревает ее, отстирывает ту одежду дочиста и вешает сушиться. Сама прячется на печи в уголке, думает: «Кто-нибудь да придет сюда». Побывла какое-то время на печи – приходят трое мужчин, они все в крови, даже глаз не видеть на лице. Смотрят – их одежда выстирана дочиста и повешена сушиться, – она уже успела высохнуть. Говорят [мужчины]:

– Что за человек к нам приходил, что так дочиста всю нашу одежду выстирал?

Стали они есть, говорят:

– [Кто-то] ел нашу еду.

Поели и говорят:

– Наденем чистую одежду и потом будем искать, кто здесь, – и они умылись, оделись. Говорят:

– Кто тут есть, появись перед нами – мы не сделаем тебе ничего плохого.

Девушка говорит с печи:

– Я – девушка, здесь, на печи в углу, только я не смею спуститься.

Мужчины говорят:

– Спускайся – мы только поговорим, и ничего плохого тебе не сделаем.

Та спустилась оттуда. Мужчины говорят:

– Будешь ли ты нам женой или сестрой, или кем?

Девушка отвечает:

– Я не буду [вам] женой. Я стала бы сестрой, если возьмете.

Те говорят:

– Ну, будь сестрой, раз так хорошо стираешь и готовишь.

Девушка им опять стирает, готовит еду, а братья ходят на морской берег воевать с трехглавым змеем – потому они и в крови. К девушке они хорошо относятся, кормят, одевают хорошо (там была и женская одежда).

Сюоятар у себя дома узнает, что дочь старика находится у мужчин, и они к ней хорошо относятся. Сюоятар говорит старшей дочери:

– Пойди отнеси своей сестре гостинцев, – и сама показывает, куда нужно идти. Сюоятар испекла пирог и велит: «Отнеси сестре».

Дочь Сюоятар приходит к дочери старика – там дверь на засове, потому как мужчины сказали, что не надо никого пускать в избу. Дочь Сюоятар говорит:

– Открой, сестра, дверь: я принесла тебе гостинцев, мать послала гостинцев.

Дочь старика отвечает:

– Уходи своей дорогой, мне не нужно ни гостинцев, ни подарков.

Дочь Сюоятар с плачем возвращается к матери и говорит:

– Сестра не пустила меня в избу.

Сюоятар говорит:

– Не пустила? погоди, я сама пойду.

Берет новую сорочку в подарок дочери старика. Приходит за дверь [падчерицы]:

– Открой, доченька, дверь матери.

Девушка отвечает:

– Ты мне не мать, никто. Уходи – я не пущу тебя в избу.

Сюоятар превращается в иглу и сквозь стену проходит в избу. Дочь кормит, поит ее. Сюоятар дает ей сорочку:

– Вот тебе сорочка в гостинец, надень ее в воскресенье.

Сюоятар уходит, идет к себе домой.

К девушке приходят братья с войны. Она уже постирала, еду подала на стол – им остается только садиться есть. Братья разделись, сбросили с себя окровавленную одежду, надели чистую одежду и стали есть. Братья говорят:

– Как нам теперь хорошо, что есть сестра: можем каждый день переодеваться в чистую одежду.

Наступило воскресенье, братья не пойдут теперь воевать, у них выходной. Девушка встает утром, готовит им опять еду; едят тут. Девушка выходит в другую комнату и думает: «Дай-ка, надену в честь праздника принесенную матерью новую сорочку». Как надела ту сорочку – так и умерла. Братья ждут:

– Куда у нас сестра подевалась, что не идет еду готовить?

Стали искать, заходят в комнату – сестра мертва. Они очень огорчились, говорят:

– Не будем ее хоронить: будем хотя бы приходить, смотреть на нее, – и положили в золотой гроб ту девушку. Гроб подняли высоко на столб: она там не испортится, поскольку на воздухе будет. Они очень расстроены, оплакивают сестру.

Однажды царевич ездил по лесу. У него с собой была собака. Собака царевича стала лаять в сторону дома. Царевич смотрит – там стоит дом. На углу у дома стоит столб, на нем что-то блестит. Царевич спускается с коня и поднимается по ступеням посмотреть, что там блестит. Открывает крышку гроба – а там очень красивая мертвая девушка. Царевич берет этот гроб и отвозит к себе домой, засовывает гроб под свою кровать.

Братья как пришли вечером домой, тут же побежали смотреть свою сестру, что на столбе, – гроб исчез оттуда, и они не знают, куда он подевался. Они очень огорчились, что сестра у них совсем пропала.

Царевич думает, как бы ему оживить ту красивую девушку? Не ест, не спит – совсем стал плох. Царь идет к вдове-знахарке и говорит:

– Не знаешь ли, вдовушка, что случилось с моим сыном, что совсем стал плох?

Вдова гадает, колдует, что за беда с парнем, говорит:

– Под его кроватью золотой гроб, а в гробу – красивая мертвая девушка. Он ходит смотреть на нее несколько раз в день, и он бы хотел ее оживить. У нее Сююцгар мачеха, она принесла ей сорочку в гостинец. Девушка как надела ее, так и умерла. Как придешь, царь, домой, возьми сорви с той девушки сорочку и брось в огонь – она и оживет.

Царь пришел домой, вошел в комнату сына, достал из-под кровати гроб, снял [с девушки] сорочку и бросил в огонь. Девушка – живая, здоровая, красивая – заговорила с царем. Ее отвели в комнату царя, одели в царские одежды очень нарядно. Она стала такой красивой, что словами не сказать.

Приходит царевич с работы домой, идет в свою комнату, смотрит под кровать – в гробу уже нет девушки, она исчезла. Царь идет следом за сыном, видит – сын просто при смерти, потому что девушка пропала. Царь говорит сыну:

– Не огорчайся: она теперь живая, здоровая и красивая. Если влюбишься – бери в невесты.

Сын так обрадовался, что не знает, что и делать, когда увидел эту красивую девушку.

И так они стали справлять свадьбу. У девушки спрашивают:

– Нет ли у тебя каких родственников, не пригласишь ли их на свадьбу?

Девушка говорит:

– У меня есть три брата.

И братьев пригласили на свадьбу. Справили свадьбу. Братья вернулись домой в хорошем настроении, что сестра стала невестой царевича.

Так девушка и царевич стали жить и до сих пор живут, если не умерли.

Конец.

47. Unennäkijä tyremssikkä

On enmein čuari. Čuarilla on kolme poikua. Hiän luatiu kaikilla pojillah omat talot ta sanou:

– Mänkyä nyt muate omih taloihina kuki, mitä unta nähnettä, ni siitä huomeneksella sanotta miula.

Pojat muattih yö omissa taloissah. Čuari kysyy vanhimmalta pojaltah, jotta mitä unta hiän näki. Se kertou unen. Samoin kysyy keskimmäiseltä, se niisi kertou. Kysyy nuorimmalta pojaltah. Se sanou:

– Mie en sano untani.

Čuari sanou:

– Kun et sano, nin mie lähen myön siun papilla.

Möi papilla pojan ta sanou:

– Tämä ei sano miula, mitä unta hiän näki, jos se siula sanonou.

Pappi sanou pojalla:

– Totta sie miula jumalanmolijalla sanot, mitä näit unta.

Poika sanou:

– Millä sie olet sen parempi kuin toisetki. Omilla vanhemmillani en ole sanon, nin en ni siula sano.

– Kun et sano, ni mie myön tuomarilla siun.

Tuomari sanou:

– Mintäh työ myöttä tämän pojan?

Pappi sanou:

– Hiän ei sano untah, mitä unta näki.

Tuomari sanou:

– Sano nyt miula unes, miehän olen kaikkien tuomari.

– En mie sano siulaki, ole tuomari eli mi hyväh. En ole sanon ni omilla vanhemmillä.

Tuomari hänen tyrmäh pani ta i mänöy erähällä čuarilla sanou:

– Mitä sillä pojalla luatie, kun ei se untah sano?

Čuari sanou:

– Tuo miun luo. Mousot hiän miula sanou, kun mie olen koko muajilman halliččija.

Kysyy čuari pojalta:

– Sano miula unes.

Poika sanou:

– En sano, ole hos kuin hyvä halliččija. Omilla vanhemmillä en ole sanon.

No, čuari hänen tyrmäh panou ta käyt joka päivä kysymäh, jotta «sano unes». Poika vain piättelöy:

– Mie en sano.

Yksi vanha ukko viey hänellä ruokua tyrmäh. Poika kysyy yhtenä päivänä ukolta:

– Mitäpä sinne nyt linnalla kuuluu?

Ukko sanou:

– Ka kuuluu meilä, jotta miän čuarin poika lähtöy pakanan muan čuarin tyttären sulhaseksi.

Tyremssikkä sanou:

– Piässä sie, ukkoseni, milmaki häihi.

Ukko sanou:

– Enhän mie, poikan, voi piästyä. Čuari kun suau tietyä, nin miun tappau, jos piässän siun.

No poika kuitenkin pyrkiy:

– Piässä milma. Luo koiralla ruuvvat, mitä miula tuot, čuari ei ni tiijä. Siksi kun čuarin poika tulou morsiemeh kera, nin mie olen jo tyrmässä jälelläh.

Ukko hänen piästäy. Hiän läksi mänömäh meččätietä myöte, ta čuarin poika läksi mänömäh kolmella laivalla mertä myöte sulhaseksi.

Poika kuuntelou, kun kaksi miestä riijelläh tien vieressä, kysyy:

– Mitä työ riitelettä?

Miehet sanotah:

– Tuatto-rukasta jäi näkymätöin furaška, kun sen panou piähä ta sanou: «Ne kriči moja furaška», ni ei niä ni ken. Sitä emmä sovi jakamah. Yksi i toini ottais sen.

Poika sanou:

– Mie teilä juan. Kun ammun jousella meččäh, ni kumpani pul'kan tavottanou, ni sillä i furaška.

Ampu poika jousella. Miehet lähettih pul'kkua tavottamah. Poika pani lakin piähäh ta sanou:

– Ne kriči moja furaška.

Silloin häntä ei nähty ni ken. Ta hiän läksi ielläh mänömäh. Miehet tullah siihe samah paikkah – ei ole poikua, eikä furaškua:

– No hyvä oli, kun piäsimä riitelömästä.

Matkuau poika vähäsen aikua, tiepuolessa kysyy näkymätöin:

– Minne mänet, tyremssikkä?

– Čuarin pojalla sulhaiskansah.

Näkymätöin sanou:

– Ota i milmaki.

– Mitä sie sielä ruat?

– Mie syön, mie olen Mõhõmaha.

Poika ta Mõhõmaha matatah vähän aikua. Tiepuolesta tuas kysyy toini näkymätöin:

– Mihi mänet, tyremssikkä?

– Čuarin pojalla sulhaiskansah.

– Ottakkua i milma!

Tyremssikkä kysyy:

– Mitä sie sielä ruat?

Näkymätöin sanou:

– Mie kuuntelen, miula on korvat suuret.

– Lähe, – sanotah.

Lähetit kaikki kolmen matkah.

Tuas tiepuolesta kysyy:

- Mihi mänet, tyremssikkä?
- Čuarin pojalla sulhaiskansah.
- Ottakkua i milma! – näkymätöin sanou.
- Mitä sie sielä ruat?
- Mie juon viinua.

Ta i otetah häntä tuas matkah. Matatah tuas vähäsen aikua. Tuas tiepuolesta näkymätöin kysyy:

- Mihi mänet, tyremssikkä?
- Čuarin pojalla sulhaiskansah.
- Ottakkua i milma!
- Mitä sie sielä ruat?
- Miula on seiččemen talven pakkani marassa, nin mie lämpenen sielä.

Ne otetah seki matkah. Mäntih merenrantah. Čuarin poika on tullun laivasatamah levähtämäh.

Tyremssikkä pyrkii:

- Etkö ota milma juoksupojaksi?

Čuarin poika ottau tyremssikän ta i näkymättömät mäntih.

Niin tyremssikkä palvelou juoksupoikana. Čuarin poika ei ni tiijä, jotta juoksupoika on tyremssikkä. Tyremssikkä sanou čuarin pojalla:

- Vajehtakka ristijänä, rupiemma ristivelleksikse.

Čuarin poika vajehti. Tyremssikkä sanou čuarin pojalla:

- Mitä työtä siula annettaneh, nin käy miula sanomah.

Ta i männäh pakananmuan čuarih. Aletah kos's'uo čuarin tytärtä morsiemekse. Čuari sanou:

– Kun voinetta syyvvä murkinan, kun mie hankin huomena, nin suatta tyttären morsiemeksena.

Čuarin poika sanou:

- No tuon mie huomeneksella sanan.

Čuarin poika mänöy tyremssikän luo ta sanou:

– Suamma tyttären kun voinen syyvvä huomeneksella čuarin hankkiman murkinan.

Tyremssikkä sanou:

- Mäne sano čuarilla, jotta tulemma myö syömäh.

Niin hyö huomeneksella männäh murkinalla. Čuarin poika ottau ristivellen joukkoh.

Viey čuari hiät syömäh ruokasalih. Seiččemen rekie on tuonun tukkuh tuahta ta sanou:

- Nämä kun syöt, ni siitä suat morsiemien.

Čuarin poika kaččou ta piätä lekahuttelou, jotta nytpähän puutuin murkinua syömäh, ken meistä tämän syönöy. Ristivelli i sanou Mõhömahalla:

- Rupie nyt syömäh.

Möhömaha rupei syömäh ta sillä kertua söi ločasteli kaikki. Sanotah čuarilla:

– Murkina on syöty.

Čuarin poika sanou čuarilla:

– Joko nyt annat tyttäres?

Čuari sanou:

– En anna vielä, enneinkuin suanetta tämän yön aikana kuunnella, mitä muajilmassa paissah.

Čuarin poika ristivelleltäh kysyy:

– Voimmako kuulla, mitä tämän yön aikana muajilmassa paissah?

Tyremssikkä sanou:

– Suamma kuulla, – ta sanou näkymättömällä Suurikorvalla:

– Mäne nyt kuuntele, mitä muajilmassa paissah.

Korva mäni muantien ojah ta kuunteli koko yön. Kaikki kuuli, mitä muajilmassa paistih. Huomeneksella Suurikorva sanou tyremsiekalla:

– Muajilmassa paistih, jotta sota tulou pakananmuan čuarie vastah. Mäne sano čuarin pojalla, jotta sotua valmissetah silma vastah.

Tyremssikkä sanou čuarin pojalla:

– Mäne sano čuarilla, jotta häntä vastah valmissetah sotua, niin paistih muajilmassa.

Čuarin poika kysyy pakananmuan čuarilta:

– Joko nyt annat tyttäres?

– En anna, enneinkuin juonetta tältä linnalta kaikki viinat.

Čuarin poika mänöy tuas ristivelleh luo ta kysyy:

– Voinemmako juuvva tältä linnalta kaikki viinat, jotta saisima morsiemien?

Tyremssikkä sanou:

– Juomma niin äijän kuin ollou tällä linnalla viinua.

Čuarin poika sanou čuarilla, jotta kyllä mie juon kaikki viinat tältä linnalta.

Čuarin poika mänöy ristivellen luo. Hyö otetah näkymätöin viinanjuoja. Tyremssikkä käski viinanjuojan juuvva kaikki viinat linnalta. Se joi kaikki, eikä vielä piisattu piihe ei piähä, ta čuarin poika lisyä kysyy. Čuari sanou:

– Ei ole viinua, loppu viina. En uso, jotta yksi mies noin äijän juou viinua.

Čuarin poika kysyy pakananmuan čuarilta:

– Joko nyt annat tyttäres?

– En vielä anna, vain jos täyttänet viimesen tehtävän. Mie vejän seiččemen rekie honkua, ne panen palamah. Kun voinet niiden piällä istuo, niin siitä suat tyttären morsiemekses.

Mänöy čuarin poika ristivelleh luo ta sanou:

– Nyt on semmoni viimeni tehtävä, jotta čuari vetäy seiččemen rekie honkua ta panou ne palamah. Miun pitäy istuo niiden piällä.

Tyremssikkä-ristivelli sanou:

– Mäne sano «vetäkkäh honkua, ta pankah palamah, mie issun niiden piällä».

Čuari veti honkat, pani tulen palamah. Tyremssikkä sanou näkymättömällä, millä on seiččemen talven pakkani marassa, jotta «mäne nyt issu palavien honkien piällä, ni kyllä lämpenet». Se istu, kuni ne honkat palettih ta sanou:

– En yhtänä lämmennyn. Oli siinä palavie honkie čuarilla, kun en suanun lämmintä, sen verran vain lämmitti.

Čuarin poika kysyy tuas pakananmuan čuarilta:

– Joko nyt annat tyttäres?

Čuari sanou:

– Miun puolesta kyllä suat. Mie tuon tyttären, kun hiän tullou siula.

Toi pakananmuan čuari tyttären toisen muan čuarin pojan eteh. Se alko čuarin poika kos's'uo tytärtä. Tytär sanou:

– Kun tämän yön aikana suanet luajittua ta kuluttua kävellennälläs semmoset stupnit, kuin mie suan, niin siitä tulen.

Čuarin poika mänöy ristivelleh luo, sanou:

– Tytär tulis, kun suanen semmoset stupnit, kun hiän suau, ta ne pitäis kuluttua kävelellällä, niin siitä saisin hänet morsiemekse.

Tyremssikkä sanou:

– Ole huolettas, mie ne suan, – ta sanou näkymättömillä, jotta «työ olkua tässä, mie lähen stupnija suamah čuarin pojalla». Pissälti furaškan piähä ta sanou:

– Ne kriči moja furaška, – heti čuarin tyttären huoneheh. Čuarin tytär sanou:

– Pitäy lähtie suutarilla stupnija luajittamah.

Čuarin tytär läksi, tyremssikkä furaška piässä hänellä jälkeh näkymättömänä.

Čuarin tytär sanou suutarilla:

– Ompele miula semmoset stupnit, mimmosie ei olla vielä tässä muajilmassa nähty.

Suutari ompeli hänellä stupnit – semmosie ei ole nähyn ni ken, ne tuli niin kaunehet.

Suutari sanou:

– Panemma vähäseksi aikua kuivah nämä.

Näkymätöin tyremssikkä otti ne stupnit, pissälti sisälöhöh. No hyö eččimäh stupnija. Ei löyvetä puusta, ei muasta, ne kato. Suutari ompelou toiset kiirehyksellä. Ne ei tultu niin hyvät kun ensimmäiset. Čuarin tytär mänöy kotih. Tyremssikkä mänöy ristivelleh, čuarin pojan luo ta sanou:

– Mäne nyt čuarin tyttären luo ta käse näyttäy mimmoset stupnit hänellä on. Iče näytät jälestä omat stupnit.

Mänöy čuarin poika ta sanou pakananmuan čuarin tyttärellä:

– Stupnit mie sain, vain näytä sie iellä, mimmoset siula on.

Čuarin tytär näyttäy stupnit ta siitä näyttäy poika. Čuarin tytär ajattelou: «Nämä on niin kuin ne stupnit, mit stupnit suutari iellä ompeli miula».

Čuarin poika kysyy:

– Joko tulet morsiemekse?

Čuarin tytär sanou:

– Kačomma, kumpi meistä voit nämä stupnit tämän yön aikana pahemmaksi kuluttua kävelennällä.

Čuarin poika mäni ristivelleh luo, sanou:

– Nyt pitäis nämä stupnit kuluttua kävelennällä tämän yön aikana. Jos en suane kuluttua pahemmaksi kuin čuarin tytär, niin silloin hiän ei tule miula morsiemekse.

Tyremssikkä ottau stupnit ta sanou:

– Ole huolettas, mie otan nämä stupnit.

Tyremssikkä pissältäy tuas furaškan piähäh ta sanou:

– Ne kriči moja furaška! – Muuttuu näkymättömäksi. Mänöy čuarin tyttären huoneheh. Čuarin tytär sanou:

– Pitäy lähtie stupnija kuluttamah.

Läksi. Tyremssikkä hänellä jälkeh. Tytär mänöy huoneheh, missä on late lyöty täysi rautanuakloja. Čuarin tytär alko kävellä ta kuluttua stupnija. A tyremssikkä ei kävele vain hivuttau stupnija nuakloja vassen, niistä jäiy vain varrensuut jälellä.

Läksi čuarin tytär pois, ta i tyremssikkä mäni čuarin pojan luo ta sanou:

– No mäne nyt näytä stupnija čuarin tyttärellä.

Mänöy čuarin poika, sanou tyttärellä:

– Näytä, mitein sie sait kuluttua.

Tytär näyttäy, pikkuni on vain pohjat kuluttu. Poika näyttäy: ei ole kun repalehie varrensuinta stupniloissa jälellä.

Tytär sanou:

– Sie sait paremmin kuluttua.

Čuarin poika sanou:

– Joko nyt tulet morsiemekse?

Tytär sanou:

– En vielä. Kun suanet semmosen sormuksen kun mie suan, siitä tulen.

Čuarin poika mänöy ristivelleh luo ta sanou:

– Nyt pitäis suaha semmoni sormus, kuin čuarin tytär suau, siitä vasta hiän tulou miula morsiemekse.

Tyremssikkä sanou:

– Ole huolettas, mie suan, – pissältäy tuas furaškan piähäh ta sanou:

– Ne kriči, moja furaška, – ta muuttuu tuas näkymättömäksi. Mänöy čuarin tyttären huoneheh. Čuarin tytär sanou:

– Pitäy lähtie nyt kultaseppäh, luajittamah sormusta.

Läksi tytär mänömäh kultaseppäh, tyremssikkä jälkeh. Mänöy seppäh tytär ta sanou:

– Vala nyt ruttoseh kultasormus. Miussa ollah sulhaset. Sormus pitäis suaha semmoni, jotta hyö ei suatais milma.

Seppä valo ruttoseh sormuksen. Se tuli semmoni, jotta ei pitäis ni missä olla niin hyvyä. Poika, tyremssikkä, tuas pissälti sen sormeh. Tytär rupei eččimäh sormusta, ei mistä ottua sormusta, se kato. Seppä valo toisen sormuksen – ei ni tullun niin hyvä.

Čuarin tytär mäni kotihih. Tyremssikkä mäni ristivelleh luo, sanou:
– Mäne nyt näytä čuarin tyttärellä tätä sormusta, vain elä iellä näytä, anna čuarin tytär näyttäy iellä.

Mänöy čuarin poika pakananmuan čuarin tyttären luo ta sanou:

– No, näytä sormustas!

Čuarin tytär näyttäy sormusta, siitä näyttäy čuarin poika. Čuarin tytär ajattelou: «Niin ois kuin se ensimmäini sormus, min seppä valo miula. Tämä on parempi kuin miun sormus». Čuarin poika kysyy:

– Joko nyt tulet miula morsiemekse?

– En vielä. Kun suanet tämän yön aikana semmosie tukkija, kuin mie suan niin siitä tulen.

Mänöy tyremssikkä-ristivelleh luo ta sanou:

– Kun suanet semmosie tukkija kuin čuarin tytär tämän yön aikana, niin siitä tulou miula morsiemekse.

Tyremssikkä sanou:

– Ole huolettas, suamma, – iče pissältäy tuas lakin piähäh ta sanou:

– Ne kriči, moja furaška!

Mänöy čuarin tyttären huoneheh näkymättömänä. Se justih suorieu tukkija käymäh. Nousou heposella selkäh ta lähtöy ajamah. Ta i tyremssikkä saman heposen selkäh. Tytär ihmettelöy:

– Mi on nyt heposella, kun näin hil'ah matkuau.

Ajo tytär merenrantah. Solahtau heposen selästä. Merenrannalla on lauvasta luajittu levie porras. Mänöy tytär sillä portahalla, kumartau kolme kertua ta sanou:

– Nouse, Ahti-tätiseni, merestä, mie viime kerran piätäs ečin!

Nousou vetehini, sanou:

– No mitä sie, tyttön, olet nyt tänne lähten?

– Läksin, kun miussa ollah nyt sulhaset, ulkomuan čuarin poika. Miun pitäis männä morsiemekse, vain en vois männä ulkomailla.

Tätih, se Ahti, sanou:

– Kun et voi männä, nin mie annan siula semmosen paikan, jotta kun lähettä laivalla mänömäh ulkomailla ta mänettä kesellä mertä, lyö tällä paikalla kolme kertua ristih mertä, ni muutut jouččeneksi ta lähet kotihis lentämäh.

Tytär otti paikan, sen nästyykin, pissälti kormanoh. Tyremssikkä sen i otti häneltä kormanosta. Rupei kuottelomah, ei ole paikka.

– Ka minne, tätiseni, sai paikka, kun ei ole enämpi kormanossa?

– Totta se mereh kirpoi.

Tätih, se vetehini, antau hänellä toisen paikan ta sanou:

– Tällä nyt lyöt mertä ristih, nin muutut sorsaksi ta lennät kotihis.

Tytär pissältäy sen sisälöhös. Tyremssikkä ei ni suanun sitä varastua.

Tytär sanou:

– Anna, tätiseni, mie ečin siulta piätä.

– Eči viimeni kerta, kun miehellä mänet.

A sillä vetehisellä on vaskiset, hopieset, kultaset tukat. Tytär kysyy täjiltäh:

– Anna sie, tätiseni, mie otan siulta yhen vaskisen tukan piästä.

Vetehini sanou:

– Ota sie yksi.

Kun tytär rupei yhtä tukkua ottamah, tyremssikkä koko koprallisen i ruassalti siltä piästä tukkija.

Vetehini sanou:

– Mintäh niin lujasti kisallit tukkua?

Tytär sanou:

– En, tätiseni, kuin yhen vain otin.

Eččiy vähäsen piätä, jo tytär kysyy:

– Anna sie, tätiseni, miula yksi hopieni tukka.

– Ota sie, vain elä niin lujasti kiso.

Tytär kun rupei yhtä tukkua ottamah, tyremssikkä i ruassaltau niin äijän, jotta puoli piänahkua läksi vetehiseltä. Vetehini sanou:

– Mitä sie miulta puoli piänahkua kisoit?

– En, tätiseni, ottan muuta kuin yhen tukan.

Rupei tytär kultasie tukkija eččimäh, jo i kysyy:

– Anna, tätiseni, yksi kultani tukka vielä.

Rupei yhtä tukkua ottamah tytär – tyremssikkä silloin ruassalti koko piänahan vetehiseltä tukkien kera.

Vetehini paukahti mereh ta karjuu:

– O, paholaini, kaikki tukkami veit piänahkan kera!

Tytär nousi heposellah selkäh itkien ta i tyremssikkä samalla heposella selkäh. Čuarin tytär mänöy kotihis, tyremssikkä čuarin pojan luo ta sanou:

– Mäne nyt näytä näitä tukkija čuarin tyttärellä ta sano, jotta miula ei ole yksi vain koko vyyhellini näitä tukkija.

Mänöy čuarin poika tyttärellä, sanou:

– Näytä nyt niitä tukkija, mimmosie sie olet suanun.

Čuarin tytär näyttäy vaskisen tukan, a poika ottau kormanosta tukkija koko vyyhellisen ta sanou:

– Ei mitä kehuo yhellä tukalla, miula on näitä koko vyyhellini.

Ottau čuarin tytär hopiesen tukan. Čuarin poika ottau kormanostah koko puolen piänahkua ta sanou:

– Miula on näitä enämpi, ei vain yksi.

Ottau kultatukan čuarin tytär ta sanou:

– Ei siula tämmösie ole kuiteinkana.

Čuarin poika ruassaltau kormanostah koko puolen piänahkua kultasie tukkie.

Čuarin tytär ajattelou, jotta «millä keinoin se on suanun miun täjin tukat?».

Čuarin poika kysyy:

– No, joko nyt tulet miula morsiemekse?

– Nyt tulen, tulkua huomena sulhasiksi.

Mäntih huomena koko joukolla sulhasiksi. Čuari anto tyttäreh. Piettih hiät, lähettih ulkomailla. Čuari kaimai hiät rantah. Niin hyö lähettih ta ajettih puolimerellä. Morsien otti paikan sisälöstäh, löi sillä merenpiällä kolme kertua ristih, muuttu sorsaksi ta läksi lentämäh.

Tyremssikkä toisella paikalla löi kolme kertua meren piällä ristih, muuttu jouččeneksi, läksi lentämäh sorsalla jälkeh ta sai kiini. Pani sorsan siipeh alla ta toi laivalla. Sorsa muuttu jälelläh naiseksi, joučen tyremssikäksi. Tyremssikkä sanou:

– Nyt sie elä enämpi pakene, vet’ myö olemma kaikki siun käskyt täyttän, etkä sie piäse ni minne meiltä.

Tytär anto lupauksen, jotta hiän ei enämpi pakene, vain mänöy siihi mihi viijäh.

Männäh siihe satamah, mistä tyremssikkä läksi heilä laivah. Tyremssikkä sanou ristivellessäh:

– Nyt, ristivelli, mie lähen pois.

Čuarin poika sanou:

– No, tule tulijaisih.

Tyremssikkä sanou:

– Mie tulen jälestä, kun kerinnen.

Niin hiän läksi näkymättömien keralla. Ne jätih niihi paikkoih, mistä oli lähetty keralla.

Tyremssikkä mänöy ukon luo tyrmäh. Ukko sanou:

– Olit hyvä poika, kun tulit. Ei se čuari ole tietän mitänä, jotta olet pois ollun.

Ukko mänöy čuarih. Sinne on tultu justih morsiemien kera. Čuari käsköy kaikki rahvahan linnalta morsienta kaččomah.

Čuari sanou:

– Joko kaikki on tältä linnalta rahvas tiälä meilä?

Ukko sanou:

– Kuččukkua se tyremssikkä-raiskaki, kun se on niin hyväsesti ollun.

Čuari sanou sillä ukolla:

– Mäne sie häntä tuo tänne tulijaisih.

Tyremssikkä tuotih ta pantih syömäh stolah, niinkuin muitaki vierahie. Tyremssikkä panou rinnallah vuatteijen piällä sen rissin, min vajehti čuarin pojan kera. Čuarin poika kačahtau siihi poikah, sanou:

– Tämä, tuatto, ei ole paha mies, mie tunnen tämän. Myö ristijä vajehtima ta hiän sai miula morsiemien.

Čuari sanou:

– No kun on hyvä, nin tämä pitäy tyrmästä pois ottua.

Tyremssikkä sanou:

– Nyt, čuari, mie rupien sanomah unta, mitä en ole sanon ni kellä.

Hiän tämän starinan justih kertou, kuin hiän sai čuarin pojalla morsiemien.

Čuari anto oman tyttären pojalla morsiemekse. Poika piäsi čuarin vävyksi.

Muuta ei voi tähä jatkua.

47. Сон арестанта

Был раньше царь. У царя было три сына. Он строит всем сыновьям свои дома и говорит:

– Идите теперь спать каждый в свой дом; какой сон увидите – мне потом утром расскажете.

Сыновья проспали ночь в своих домах. Царь спрашивает у старшего сына, какой сон ему приснился, – тот рассказал сон. Так же спрашивает у среднего – тот тоже рассказал. Спрашивает у младшего сына – тот говорит:

– Я не расскажу сон.

Царь говорит:

– Раз не расскажешь, так я пойду, продам тебя попу.

Продал попу сына и говорит:

– Этот не говорит мне, что ему приснилось; может, он тебе расскажет?

Поп говорит парню:

– Наверняка ты мне, богомольцу, расскажешь, что тебе приснилось.

Парень говорит:

– Чем ты лучше других? Я своим родителям не рассказал, так и тебе не расскажу.

– Раз не расскажешь, так я продам тебя судье.

Судья спрашивает:

– Зачем вы продаете этого парня?

Поп говорит:

– Он не рассказывает сон, какой ему приснился.

Судья говорит:

– Расскажи же мне свой сон, ведь я судья для всех.

– Я и тебе не расскажу, будь ты судья или кто угодно; я и своим родителям не рассказывал.

Судья его в тюрьму посадил и идет, говорит одному царю:

– Что с этим парнем делать, если он не рассказывает свой сон?

Царь говорит:

– Приведи его ко мне – может, он мне расскажет, ведь я правитель всего мира.

Просит царь парня:

– Расскажи мне свой сон.

Парень говорит:

– Не расскажу, будь ты хоть того лучше правитель; я и своим родителям не рассказывал.

Ну, царь его посадил в тюрьму и ходит каждый день просить, что «расскажи сон». Парень только твердит:

– Я не расскажу.

Один старый дед приносит ему еду в тюрьму. Парень спрашивает однажды у старика:

– Что там нынче слышно в городе?

Старик говорит:

– Да, слышно у нас, что наш царевич отправляется свататься к царевне поганой страны.

Арестант говорит:

– Отпусти ты, дедушка, и меня на свадьбу.

Старик говорит:

– Так ведь не могу я, сынок, отпустить [тебя]: если царь узнает, что я отпустил тебя, так убьет меня.

Но парень все равно просит:

– Отпусти меня. Бросай собаке еду, которую мне приносишь, – царь и не узнает. К тому времени, когда царевич приедет со своей невестой, я уже опять буду в тюрьме.

Старик его выпустил. Он отправился в путь по лесной дороге, и царевич отправился на трех кораблях свататься.

Парень слышит, как двое мужчин спорят у дороги и спрашивает [у них]:

– О чем вы спорите?

Мужчины отвечают:

– От отца-бедняги осталась фуражка-невидимка: если ее надеть на голову и сказать: «Не кричи, моя фуражка», то никто не увидит [тебя]. Ее мы и не можем поделить: и один, и другой взял бы ее.

Парень говорит:

– Я вам поделю [ее]: я выстрелю из лука в лес, и кто пульку догонит – тому и фуражка.

Парень выстрелил из лука – мужики побежали за пулькой. Парень надел шапку на голову и говорит:

– Не кричи, моя фуражка, – и тут же стал невидимым. И он пошел дальше. Мужики приходят на то же место – нет ни парня, ни фуражки:

– Ну и хорошо, что не надо спорить.

Парень немного прошел – с обочины спрашивает [кто-то] невидимый:

– Куда идешь, арестант?

– К царевичу в свадебную свиту.

Невидимка говорит:

– Возьми и меня с собой.

– Что ты там будешь делать?

– Я буду есть, я Толстопуз.

Парень и Толстопуз прошли немного – опять с обочины спрашивает второй невидимка:

– Куда идешь, арестант?

– К царевичу в свадебную свиту.

– Возьмите и меня!

Арестант спрашивает:

– А что ты там будешь делать?

Невидимка отвечает:

– Я буду слушать: у меня уши большие.

– Пойдем, – говорят [те]. Отправились в путь втроем.

Опять у дороги спрашивает [невидимка]:

– Куда идешь, арестант?

– К царевичу в свадебную свиту.

– Возьмите и меня! – говорит невидимка.

– Что ты там будешь делать?

– Я буду вино пить.

Ну, взяли и его с собой. Прошли еще немного.

Опять у дороги спрашивает [невидимка]:

– Куда идешь, арестант?

– К царевичу в свадебную свиту.

– Возьмите и меня!

– Что ты там будешь делать?

– У меня в животе мороз семи зим, так я погреюсь там.

Те взяли и его с собой. Пришли на берег моря. Царевич прибыл в порт отдохнуть. Арестант просит:

– Не возьмешь ли меня посыльным?

Царевич взял арестанта [посыльным], и невидимки прошли [вместе с ним].

Теперь арестант служит [у царевича] посыльным. Царевич и не знает, что посыльный – арестант. Арестант говорит царевичу:

– Давай обменяемся [нательными] крестиками – будем крестными братьями.

Царевич обменялся. Арестант говорит царевичу:

– Какое бы задание тебе ни дали – приди мне сказать.

И идут они к царю поганой страны. Начинают сватать царевну в невесты. Царь говорит:

– Если сможете съесть завтрак, который я приготовлю завтра, то получите дочь в невесты.

Царевич говорит:

– Ну, я принесу утром весть.

Царевич приходит к арестанту и говорит:

– Мы получим царевну, если я смогу съесть утром приготовленный царем завтрак.

Арестант говорит:

– Идем скажи царю, что мы придем завтракать.

И так они утром пошли на завтрак: царевич взял крестного брата в компанию. Царь приводит их есть в столовую. Семь саней навоза выгрозил в кучу и говорит:

– Вот это как съешь, так потом получишь невесту.

Царевич смотрит и головой покачивает, мол, «вот я попался – завтракать: кто из нас это съест?» Крестный брат и говорит Толстопузу:

– Начинай есть.

Толстопуз стал есть и тут же все съел, счавкал. Говорят царю:
– Завтрак съеден.
Царевич спрашивает у царя:
– Теперь отдашь свою дочь?
Царь говорит:
– Не отдам еще, пока не услышите этой ночью, о чем в мире говорят.
Царевич спрашивает у своего крестного брата:
– Мы сможем услышать, о чем этой ночью будут говорить в мире?
Арестант отвечает:
– Сможем услышать, – и говорит невидимому Большому Уху:
– Пойди теперь послушай, о чем в мире говорят.
Ухо пошел в канаву у дороги и слушал всю ночь – все услышал, о чем в мире говорили. Утром Большое Ухо говорит арестанту:
– В мире говорили, что война начнется против царя поганой страны. Пойди, скажи царю, что «войну готовят против тебя».
Арестант говорит царевичу:
– Пойди скажи царю, что против него готовят войну, – так говорили в мире.
Царевич спрашивает у царя поганой страны:
– Ну, теперь отдашь свою дочь?
– Не отдам, прежде чем выпьете все вино в этом царстве.
Царевич опять идет к крестному брату и спрашивает:
– Сможем ли мы выпить все вино в этом царстве, чтобы получить невесту?
Арестант отвечает:
– Выпьем столько, сколько есть вина в этом царстве.
Царевич говорит царю, что «да, я выпью все вино в этом царстве».
Царевич идет к своему крестному брату. Они берут [с собой] невидимку, пьющего вино. Арестант велел пьющему вино выпить все вино в царстве. Тот выпил все, и даже еще не хватило ни в зуб, ни в голову, [чтобы захмелеть], и царевич просит добавки. Царь говорит:
– Нет вина, кончилось вино. Не верю, что один человек может выпить так много вина.
Царевич спрашивает у царя поганой страны:
– Теперь уже отдашь свою дочь?
– Еще не отдам – лишь, если выполнишь последнее задание. Я привезу семь саней соснового леса и зажгу его. Если сможешь сидеть на нем, то тогда получишь мою дочь себе в невесты.
Идет царевич к своему крестному брату и говорит:
– Теперь дано такое последнее задание, что царь привезет семь саней соснового леса и зажжет его; мне нужно сидеть на нем.
Крестный брат-арестант говорит:
– Пойди скажи: «Пусть привезут лес и зажгут его – я буду сидеть на нем».
Царь привез лес, развел огонь. Арестант говорит невидимке, у которого мороз семи зим в животе, что «иди теперь, садись на горящий лес – на верняка согреешься». Тот сидел, пока бревна не сгорели, и говорит:
– Нисколько не согрелся. Были там горящие бревна у царя, но не смог согреться.

Царевич опять спрашивает у царя поганой страны:

– Теперь уже отдашь свою дочь?

Царь отвечает:

– По мне – можешь взять. Я приведу дочь, но пойдет ли она за тебя?

Привел царь поганой страны свою дочь к царевичу другой страны. Тот царевич начал свататься к девушке. Девушка говорит:

– Если за эту ночь сможешь пошить и износить при ходьбе такие туфли, какие я пошью, – тогда пойду [за тебя].

Царевич идет к своему крестному брату и говорит:

– Девушка пойдет [за меня], если я достану такие туфли, какие она достанет, и их надо бы износить при ходьбе [за ночь] – тогда я получил бы ее в невесты.

Арестант говорит:

– Не беспокойся: я их достану, – и говорит невидимкам, что «вы оставайтесь здесь, а я пойду добывать туфли царевичу». Надел на голову фуражку и говорит:

– Не кричи, моя фуражка, – и сразу [оказался] в комнате царевны. Царевна говорит:

– Надо пойти к сапожнику, заказать туфли.

Царевна пошла, а арестант в фуражке – следом за ней, невидимый. Царевна говорит сапожнику:

– Сшей мне такие туфли, каких на этом свете еще не видели.

Сапожник сшил ей туфли: таких еще никто не видел, такие они получились красивые. Сапожник говорит:

– Дадим им немного подсохнуть.

Невидимый арестант взял эти туфли, сунул за пазуху. А те – искать туфли. Не могут найти ни на деревьях, ни на земле – они исчезли. Сапожник спешно шьет вторые – они не вышли такие хорошие, как первые. Царевна идет домой. Арестант идет к своему крестному брату-царевичу и говорит:

– Иди теперь к царевне и вели показать, какие туфли у нее, а потом сам покажешь свои туфли.

Приходит царевич и говорит царевне поганой страны:

– Туфли я достал, но покажи сперва ты, какие у тебя [туфли].

Царевна показывает туфли, а потом показывает парень. Царевна думает: «Они похожи на те туфли, которые сапожник сшил мне сначала». Царевич спрашивает:

– Теперь станешь моей невестой?

Царевна говорит:

– Посмотрим, кто из нас сможет эти туфли за эту ночь сильнее износить при ходьбе.

Царевич идет к своему крестному брату и говорит:

– Теперь надо бы эти туфли износить при ходьбе за эту ночь. Если я не смогу износить их больше, чем царевна, то тогда она не станет моей невестой.

Арестант берет туфли и говорит:

– Не беспокойся, я возьму эти туфли.

Арестант надевает опять фуражку на голову и говорит:

– Не кричи, моя фуражка! – и становится невидимым. Приходит в комнату царевны. Царевна говорит:

– Надо пойти изнашивать туфли, – и пошла. Арестант – следом за ней. Царевна идет в комнату, в которой весь пол в железных гвоздях. Царевна начала ходить и изнашивать туфли. А арестант не ходит, а только трет туфли о гвозди – от них остаются лишь верхние части голенищ. Царевна уходит, и арестант идет к царевичу и говорит:

– Ну, пойди теперь покажи туфли царевне.

Идет царевич, говорит царевне:

– Покажи, как ты смогла износить.

Царевна показывает – только чуть-чуть подошва износилась. Парень показывает – от туфель остались лишь рваные верхние части голенищ. Девушка говорит:

– Ты смог больше износить.

Царевич спрашивает:

– Теперь ты станешь моей невестой?

Царевна отвечает:

– Нет еще. Если добудешь такое кольцо, какое я добуду, – тогда стану.

Царевич идет к своему крестному брату и говорит:

– Теперь надо бы раздобыть такое кольцо, какое царевна добудет, – только тогда она станет моей невестой.

Арестант говорит:

– Не беспокойся: я добуду, – надевает опять фуражку на голову и говорит:

– Не кричи, моя фуражка! – и опять становится невидимым. Приходит [арестант] в комнату царевны. Царевна говорит:

– Надо пойти теперь к ювелиру, заказать кольцо.

Отправилась царевна к ювелиру, арестант – следом. Приходит царевна к ювелиру и говорит:

– Отлей теперь быстренько золотое кольцо: ко мне женихи [сватаются]. Кольцо надо сделать такое, чтобы они не получили меня.

Ювелир быстренько отлил кольцо. Оно получилось такое, что нигде не должно быть такого хорошего. Парень – арестант – опять надел его себе на палец. Девушка стала искать кольцо – нигде нет кольца, оно пропало. Ювелир отлил второе кольцо – оно уже не получилось такое хорошее. Царевна пошла домой. Арестант приходит к своему крестному брату и говорит:

– Пойди теперь покажи царевне это кольцо, только первым не показывай: пусть сначала царевна покажет.

Идет царевич к царевне поганой страны и говорит:

– Ну, показывай свое кольцо!

Царевна показывает кольцо, потом показывает царевич. Царевна думает: «Как похоже на то первое кольцо, которое ювелир отлил мне. Это лучше, чем мое кольцо». Царевич спрашивает:

– Ну, теперь ты станешь моей невестой?

– Нет еще. Если добудешь в течение этой ночи такие волосы, какие я добуду, – тогда стану.

Идет [царевич] к своему крестному брату-арестанту и говорит:

– Если добудешь в течение этой ночи такие волосы, какие царевна [добудет], тогда она станет моей невестой.

Арестант говорит:

– Не беспокойся: добудем, – сам надевает опять шапку на голову и говорит:

– Не кричи, моя фуражка! – и идет в комнату царевны, невидимый. Та как раз собирается за волосами: садится верхом на лошадь и отправляется. И арестант тоже – верхом на ту же лошадь. Девушка удивляется: «Что это с лошастью, что так медленно идет?»

Приехала девушка на берег моря, слезла с лошади. На берегу моря из досок сделана широкая ступень. Девушка встает на эту ступень, кланяется три раза и говорит:

– Выйди, тетушка Ахти, с моря: я в последний раз поищу у тебя в голове!

Поднимается водяница, говорит:

– Ну, зачем ты, доченька, пришла сюда?

– Пришла, потому что у меня сейчас женихи: сын царя другой страны. Я должна стать его невестой, а я не могу уехать за границу.

Тетья – эта Ахти – говорит:

– Раз не можешь уехать, так я дам тебе такой платок, что когда отправитесь на корабле за границу и прибудете на середину моря, ты ударишь этим платком трижды крест-накрест по морю – и превратишься в лебедя и полетишь домой.

Девушка взяла платок – этот носовик, сунула в карман. Арестант и вытащил его у нее из кармана. Девушка стала проверять – нет платка.

– Куда же, тетушка, подевался платок, что нет его больше в кармане?

– Наверно, в море упал.

Тетья, то есть водяница, дает ей другой платок и говорит:

– А этим ударишь по морю крест-накрест – превратишься в утку и полетишь домой.

Девушка сунула его за пазуху – арестант и не смог его украсть. Девушка говорит:

– Дай, тетушка, поищу у тебя в голове.

– Поищи в последний раз: ведь замуж выходишь.

А у этой водяницы медные, серебряные и золотые волосы. Девушка спрашивает у тети:

– Разреши ты, тетушка, мне взять у тебя один медный волос с головы.

Водяница говорит:

– Ну, возьми ты один.

Когда девушка стала один волос срывать, арестант целую горсть волос и выхватил у той с головы. Водяница говорит:

– Зачем ты так сильно вырвала волосы?

Девушка отвечает:

– Я, тетушка, только один [волосок] взяла.

Немного поискала в голове – и опять просит девушка:

– Дай мне, тетушка, один серебряный волос.

– Ну, возьми, только не рви так сильно.

Девушка как стала брать один волосок – арестант и вырвал столько, что половина кожи головы оторвалась у водяницы. Водяница говорит:

– Зачем ты у меня половину кожи головы вырвала?

– Нет, тетушка, я взяла только один волосок.

Начала девушка искать в золотых волосах и просит:

– Дай, тетушка, еще один, золотой волос.

Стала девушка брать один волос – тогда арестант вырвал всю кожу с головы водяницы вместе с волосами. Водяница плюхнулась в море и кричит:

– О, чертовка: все волосы вырвала вместе с кожей головы!

Девушка с плачем села верхом на лошадь, и арестант сел на ту же лошадь.

Царевна идет к себе домой, арестант – к царевичу и говорит:

– Пойди теперь покажи эти волосы царевне и скажи, что «у меня не один волосок, а целый моток этих волос».

Идет царевич к девушке, говорит:

– Ну, показывай теперь те волосы, какие ты раздобыла?

Царевна показывает медный волос, а парень достает из кармана целый моток и говорит:

– Нечего хвастать одним волоском: у меня их целый моток.

Достает царевна серебряный волос – царевич достает из кармана целую половину кожи головы и говорит:

– У меня их побольше, а не один.

Достает царевна золотой волос и говорит:

– Таких у тебя все же нет.

Царевич выхватывает из своего кармана целую половину кожи головы золотых волос. Царевна думает: «Каким образом он раздобыл волосы моей тети?»

Царевич спрашивает:

– Ну, теперь ты уже станешь моей невестой?

– Теперь стану; приходите завтра свататься.

Назавтра пошли всей компанией свататься. Царь отдал свою дочь. Справили свадьбу, отправились за границу. Царь проводил их до берега.

Так они отправились и доплыли до середины моря. Невеста достала из-за пазухи платок, ударила им трижды крест-накрест по поверхности моря, обернулась уткой и полетела. Арестант другим платком ударил три раза крест-накрест по морю, обернулся лебедем, полетел вслед за уткой и поймал ее. Забрал утку себе под крыло и принес на корабль. Утка опять стала женщиной, лебедь – арестантом. Арестант говорит:

– Теперь ты больше не убегай, ведь мы исполнили все твои приказы, и ты никуда от нас не денешься.

Девушка пообещала, что она больше не сбежит, а последует туда, куда ее отвезут.

Прибывают они в ту гавань, в которой арестант сел на их корабль. Арестант говорит своему крестному брату:

– Теперь, брат, я ухожу.

Царевич говорит:

– Ну, приходи на свадьбу.

Арестант говорит:

– Я после приду, если успею.

И он отправился вместе с невидимками. Те остались в тех местах, откуда они отправились [с арестантом].

Арестант приходит к старику в тюрьму. Старик говорит:

– Ты молодец, что пришел. Царь не узнал, что тебя не было.

Старик идет к царю. Туда только что прибыла [свадебная свита] с невестой. Царь приглашает весь народ в царстве смотреть невесту.

Царь спрашивает:

– Уже ли весь народ этого царства здесь, у нас?

Старик говорит:

– Позовите и того беднягу-арестанта, ведь он так хорошо себя вел.

Царь говорит этому старику:

– Пойди ты приведи его сюда на свадьбу.

Арестанта привели и посадили есть за стол, как и остальных гостей. Арестант вешает себе на грудь поверх одежды тот крестик, которым он обменялся с царевичем. Царевич взглянул на этого парня и говорит:

– Это, отец, не плохой человек, я его знаю. Мы обменялись с ним крестиками, и он добыл для меня невесту.

Царь говорит:

– Ну, раз он хороший, так его надо освободить из тюрьмы.

Арестант говорит:

– Теперь, царь, я расскажу сон, который никому не рассказывал, – и он рассказал именно эту сказку: о том, как он добыл невесту для царевича.

Царь отдал свою дочь парню в невесты – парень стал зятем царя.

Больше сюда нечего добавить.

48. Orpopojan starina

Oli ennenin orpopoika, armotoin. Hänellä ei ollut tuuttua eikä muamuo. Hiän käveli kylässä kysymässä leipäpalaista. Ta kävi kirikköh Jumalua molimah. No hänellä sanotah:

– Moli hyvin Jumalua, niin Jumala antau leipyä.

Hiän pitäy, jotta pappi se Jumala i on. Hiän ajattelou: «Vuotahan lähen Jumalan akalta kysymäh leipyä».

Mänöy pappilah ta valehtelou papin akalla, jotta «Jumala käski siun antamah miula leipyä». Se papin emäntä antau hänellä kokonaisen pienenosen kuivan leivän:

– Tässä on leipyä.

Poika läksi hyvällä mielellä juoksumah, kun kokonaisen leivän sai. Sillä pihalla juoksi toisie poikie, samanmoisie kuin hiän. Häneltä kysyttih sitä leipyä ta hiän javotteli. Ičelläh ei jäänyn kun pieni kappaleh. Poika arvelou: «A lähen vielä Jumalan akalta kysyn leivän, antau hiän miula leivän». Mäni pappilah ta kysyy:

– Anna miula vielä leipyä, Jumalan akka.

– Mie jo annoin siula tänä päivänä leivän. Mäne matkahas. Miksi javoit toisilla leipäs?

Poika arvelou: «Vuota, kun lähen yksinä meččäh, luajin ičelläni pirtin ta rupien Jumalua molimah – Jumala antau miula leipyä».

Mäni meččäh, kokosi lahoja puita ta kekälehie, ta niistä luati ičelläh pirtin, eikä hänellä ollut kirvestä, eikä veistä. Sielä hiän molieu, molieu. Tuon pitkyä, tämän lyhyttä kokonaista nelläkymmentä vuotta. Oli pitkä nälkä. Pakajau ičekseh: «Lähen pois, kun ei kerran Jumala anna leipyä».

Lähtöy hiän muajilmalla pikkaraista tropinkkua myöte. Tulou vanha pikkaraini ukko sauva kiässä häntä vastah. Hiän kysyy pojalta:

– Mihi sie mänet ta kenen poika olet?

– Mie olen jumalanmolijapoika. Kenpä sie olet?

Ukko sanou:

– Mie olen niisi niitä jumalanmolijie, samanmoisie kuin i sie.

Ukko sanou pojalla:

– Kun sie olet jumalanmolija, niinkuin mieki, nin läkkä yhdessä muajilmalla.

Ukolla on selässä pikkaraini reppu, siinä on hänellä evästä.

– Rupiemma levähtämäh, – sanou ukko, – kotvaseksi aikua.

Niin hyö asetuttih levähtämäh. A jumalanmolijapojalla oli jo hyvin nälkä. Nelläkymmentä vuotta kun oli molin syömättä, nin hiän oli jo nälästyn.

Ukko uinuo kellahti. Ei hiän sitä kuitenki uinon, vain niinkuin olisi uinon.

Jumalanmolijapoika ajattelou, kun ukko uino: «Vuotahan kačon, mitä hänellä on repussa!» Poika avasi repun: sielä oli kolme proskuraa, ta yhen syöy peitočči siitä ukosta.

Kun syöy proskuran, ta i rupieu muate. Ukko i nousi ta sanou:
– Nouse pois, poikan, ta rupiemma syömäh. Lähemmä taipalella.
Poika nousou hyvällä mielellä, jotta nyt hiän suau syyvväkseh jo toisen kerran.
Ukko avai reppuh, ka kaččou – ei ole kuin kaksi proskurua. A kolme oli.
Ukko sanou pojalla:
– Etkö sie, krestovoi, syöнын yhtä proskurua, kun enyä ei ole kuin kaksi, a oli kolme?
Poika siäntyy tometuu ukon piällä, jotta «mie en ole niin nälkähini, jotta olisin siun repusta syöнын proskuran».
– No, syömmä nämä loppuset. Yksi yhen, toini toisen, – sanou ukko.
Ta niin hyö syötih ta lähettih matkoilla.
Mäntih yhellä čuarin linnalla, pyrittih leskiakkaselta vatierua. Leskiakka heijät ottau. Akka sanou:
– Miula, raukat, ei ole mitä teilä tarittavua. Suanetta kylästä, nin syönettä.
Ukko ta poika sanotah, jotta «suanemma, nin i siula annamma».
Ukko kysyy:
– Mitä, akkasen, tänne linnah kuuluu? Eikö mitä uutta kuulu, eli vanhua sanomisie mitä ole?
Akka sanou:
– Ei mitänä hyvyä tänne kuulu. Čuarin tytär on 30 vuotta läsin, ettäkö tiijä, mitein sen saisi parentua?
Ukko sanou:
– No, vois häntä kuotella. Eihän hyvästä pahua tulis. Mäne sano čuarilla, jotta lämmittäkkäh kyly. Mie kuottelen, jos se parenis.
Akka juoksou čuarih ta sanou:
– Meilä kaksi kalikkaista tuli. Käsettih kyly lämmittyä ta meinuau parentua tyttären.
Ne čuarissa lämmitetäh kylyn ta čuari juoksou lakittomin päin:
– Lähe nyt, ukko, parentamah tytär, kyly on lämmitetty.
Ukko sanou:
– Lähen; joko on kyly valmis? Viekyä sairas kylyh. Mie tulen tiältä ruttoh. Sairas vietih kylyh. Ukko otti havukirvehen ta pölkyn, ta mänöy kylyh. Sairas on jo kilyssä. Ottau se ni toverin, jumalanmolijan, sinne kaččomah. Sanou sairahan tuojilla:
– Mänkyä iče pois, kun parennan, nin iče tuon pirttih.
Ottau tyttären (läsijän) pölkyn piällä ta leikkuau sen niin pieniksi kappalehiksi, jotta juuri tuntuu liha- ta luupalat.
Jumalanmolija-poika sanou:
– Nyt puutut tyrmäh, miksi sie pilkoit niin pieniksi paloiksi čuarin tyttären?
Ukko sanou:
– Tämä on tapettu.
Ukko panou tuohiropeheh vettä ta panou kaikki kappalehet ropeheh, luut ta lihat, pesöy ne. Lat't'au kaikki kappalehet yhteh kasah. Puhaltau tyttärehe henken. Se tuli niin kauneheksi ta terveheksi ta omin jaloin astu kotih.

Čuari ihastu semmoseksi, kuin tytär tuli niin kaunehena ta tervehenä. Čuari sanou:

– Käykyä tietäjät pirttih ta kultanosselničoilla pankua heijät.

Ukko sanou:

– Piäsen mie ni astumalla čuarin kotih.

Sielä heitä hyvin pietäh kaksi-kolme päivyä, ei piäsettäis ni pois.

Tietäjäuikko sanou:

– Nyt myö lähemmä pois. Matka on meilä matattava, muajilma kačottava.

Čuari kieltäy:

– Olkua ta ruvekkua meilä vanhoiksi. Elkyä lähtekkyä kulkomah.

Ukko sanou:

– Ei, myö lähemmä pois, mitä myö yhdessä paikassa rupiemma syömäh.

Čuari sanou:

– No kun lähettä, ni lähtekkyä. Vain mitä mie annan teilä palkkua?

Ukko sanou:

– Kun antanet leipyä murusen.

Jumalanmolijapoika sanou:

– Mitä sie leipämurusella, – meilä pitäy antaa kultua värčči.

Čuari avuau kulta-aitan.

– Tulkua nyt, – sanou, – ottakkuu.

Nostau värččin. Panou kultua lapiellisen ta toisen. Jumalanmolijapoika sanou:

– Pane vielä kolmas.

Kultarahoja tuli jo niin äijän, jotta ei ni jaksa nostua.

Poika sanou ukolla:

– Nossahan selkäh.

Ukko sanou:

– Kun siula pitänöy, ni nossat, miula ei tarviče.

Ta i lähetäh tuas matalla ta männäh tuas eryähällä čuarin linnalla. Pyritäh tuas leskiakkaselta vatiertua. Leskiakkani heitä ottau. Akka sanou:

– Miula, raukat, ei ole millä syöttyä teitä, kun olen niin köyhä.

Jumalanmolijapoika sanou:

– Meilä on kultua, millä ossamma ta i siun elätämmä.

Ukko tuas kysyy akalta:

– Eikö, akkaseni, ole tällä linnalla tapahtun hyvyä eli pahua?

Akka sanou:

– Čuarin tyttärtä on tiälä 30 vuotta pahat piinattu. Sillä ei ole kuin heikko henki. Ettäkö työ, ukot, tiijä, millä parentua?

Jumalanmolijapoika sanou:

– Tiiämmä. Lämmittäkkäh kyly, ta kun on valmis, tulkah sanomah, nin kyllä parenamma.

Akka viey sanat čuarih:

– Lämmittäkkyä kyly. Sielä on kaksi tietäjäy, eikö hyö parentane?

Tuuvvah sana čuarista:

– Kyly on valmis, ta läshivä on kyllyssä.

Jumalanmolijapoika ottau kirvehen ta havupölkyn. Ukko ei ni lähe kylyh.

Poika mänöy kylyh ta panou ropeheh vettä. Tyttären leikkelöy pölkyn piällä pieniksi kappalehiksi. Rupieu asettamah kappalehie yheksi – ei ni suata, niinkuin ukko. Pesöy, asettelou koko päivän, puhuu henkie. Lihat jo alko hapata.

Čuari sanou:

– Mänkyä tiijustamah, mintäh se on niin pitälti. Eikö hiän liene tappan tyttärtä?

Männäh kačotah. Pieninä paloina on tytär. Jo alettih haisuo lihat. Viijäh čuarilla sana. TyrmAh pannah tietäjä – jumalanmolija – kun tappo tyttären.

Männäh ukkuo käymäh tyrmäh, jotta panna molommat, kun tapettih tytär.

Ukko sanou:

– Lähen mie kačon, mitein hiän on sen pilkkon.

Ukko mänöy, lät't'uau kappalehet yhteh, puhuu henken. Tytär virkosi ta omilla jaloillah mänöy kotih.

Čuarissa ihassuttih ta i käsetäh ukkuo käymäh pirttih.

Ukko mänöy pirttih. Hyvin häntä syötetäh ta juotetah sielä. Sanou ukko:

– Nyt mie lähen pois. Miula on matka matattava, miula on muajilma kačottava.

Čuari sanou:

– Jiä vanhaksi meilä.

Ukko lähtöy. Čuari sanou:

– Mitä otat tyttären parentamua?

Ukko sanou:

– En ota mitänä, kun piässättä pois sen tyrömssikän.

Čuari sanou:

– Tämmöni palkka on tyhjä, ottakkua enemmän.

Tyrömssikkä sanou:

– Pankua miula kultua värčči.

Čuari sanou:

– Pankua, pankua kultua värčči.

Hänellä ammulletah kultua lapiella, vain hiän vielä sanou:

– Pankua lisyä.

Rupieu selkähäh nostamah värččie, eikä jaksu nostua. Sanou ukolla:

– Auta selkäh!

Ukko sanou:

– Kun ottanet, ni nossa, eläkä milma kysele.

Auttau kuitenkin nostua värččin selkäh ta niin hyö lähetäh iellä päin.

Assutah vähäni matkua tuon pitkyä, tämän lyhyttä, assuttih siihi samaseh kohtah, millä hyö ensi kerran yhyttih vassakkah. Ukko sanou:

– Levältyä pitäy kotvasen, vaivuttamah rupei.

Ukko rupei muate, poika ei ni ruvennun: vuottau, kuni ukko uinuou.

Ukko uinosi. Poika alkau hautua kaivua ukon selän takana, jotta vois ukon

hautah vierittyä ta kullat jäisi hänellä. Ta i sai syvän hauvan valmeheksi. Rupei ukkuo vierittämäh. Ukko lenti hauvasta piäličči ta jumalanmolijapoika – iče hautah. Sielä hauvassa karjuu:

– Ota, veikkoseni, pois tiältä hauvasta.

A ukko läksi astumah ta sanou:

– Otan, kun sanonet, jotta söitkö kolmannen proskuran miun repusta.

Hiän karjuu:

– Mie en ole syönyn siun proskuraa, enkä ollun niin nälissäni, jotta olisin ruvennun varastamah.

Poika sanou:

– Anna hoti kultavärčit tänne, – ta tavottau käsilläh.

Ukko sanou:

– Ičelläs kaivoit hauvan, sielä ni pisy, – ta siirtäy värčit etemmäksi.

Poika moliu. Ukko viimein nostau hänet hauvasta pois.

Jumalanmolijapoika sanou, kun piäsöy hauvasta:

– Nossa miula kultavärčit selkäh.

Ukko sanou:

– Eipä nosseta kultavärčijä selkäh. Nyt rupiemma jakamah näitä kultie.

Ukko kuatau ne kultarahat molommista värččilöistä yhteh säkkih ta alkau jakua.

Kolmeh osah ne rahat jakau. Jumalanmolijapoika arvelou: «Kaksi vertua se ičelläh ottau, miula antau yhen osan. Mie sen tapan».

Ukko sanou:

– No nyt mie nämä javoin kolmeh osah. Kumpani meistä lienöy syönyn kaksi proskuraa, sillä kaksi vertua. Kumpani lienöy syönyn yhen, ni sillä yksi osa.

Ka jumalanmolijapoika hyppyäy kahen värčin peräh:

– Ka mie, velli, söin kaksi proskuraa. (Siinä i löyty proskuran syöjä.)

Ukko sanou:

– Ota i tämä kolmas osa, kun sanoit, jotta sie söit kaksi.

Ukko katoi siinä paikassa. Ei nävy, ei kuulu enämpyä. Poika sai kaikki rahat ta läksi hyvällä mielellä kantamah niitä.

Mäni poika suurella linnalla ta osti talon, vain ei vielä kerin maksua. Sanou:

– Huomena maksan.

Talossa oli tytär. Sen otti naiseksi. Muattih hyö siinä morsiemmen keralla.

Huomeneksella, kun noustih makuamasta, tulou samanmoini ukko, kun oli ennein pojan keralla.

Ukko kysyy miilostinua:

– Antakkua, nuoret pariskunta, leipyä muruni.

Jumalanmolijapoika karjahtau:

– Meilä ei leipyä anneta! Mäne ta ossa iče rahalla, niin äijän kun haluttau.

Rupei antamah kultarahua ukolla värčistä – ka tyhjä värčči. Ta ukko kato tuas silmistä. Siihi mäni häneltä kullat, ta i talonosto, ta i naini läksi pois.

Tämä oli starina jumalanmolijapojasta. Semmoista se on ahneus ta samanmoista jumalanmolinta.

48. Сказка о мальчике-сироте

Был раньше мальчик-сирота. У него не было ни отца, ни матери. Он ходил по деревне и просил подать кусочек хлеба. И ходил в церковь молиться Богу. Ну, ему говорят:

– Моли усердно Бога, и Бог даст [тебе] хлеба.

Он думает, что поп – это и есть Бог. Он размышляет: «Дай-ка, пойду, попрошу хлеба у жены Бога». Идет в дом священника и обманывает жену попа, мол, «Бог велел, чтобы ты дала мне хлеба». Эта попова хозяйка дает ему целый маленький сухой хлебец:

– Вот тебе хлеб.

Мальчик побежал, радостный, что целый хлебец получил. По тому двору бегали и другие мальчишки, такие же, как и он. [Дети] попросили у него этого хлеба, и он поделился, – самому остался лишь маленький кусочек. Мальчик думает: «А, пойду, попрошу у жены Бога еще хлеба – она даст мне хлебец». Приходит в поповский дом и просит:

– Дай мне еще хлеба, жена Бога.

– Я уже дала тебе сегодня хлеб – иди своей дорогой. Зачем ты раздал другим свой хлеб?

Мальчик думает: «Пойду-ка я один в лес, построю себе избу и буду Бога молить – Бог даст мне хлеба».

Пришел он в лес, собрал трухлявых деревьев и головешек и из них соорудил себе избу, – и не было у него ни топора, ни ножа. И там он молится, молится – долго ли, коротко ли – целых сорок лет: долгий был голод. Разговаривает он сам с собой: «Пойду прочь, раз Бог не дает хлеба».

Пошел он [ходить] по свету по узенькой тропиночке. Встречается ему маленький старичок с посохом в руке. Он спрашивает у парня:

– Куда ты идешь и чей ты сын?

– Я богомolec, а ты кто?

Старик отвечает:

– Я тоже из тех богомольцев, такой же, как и ты, – и старик говорит парню:

– Раз ты богомolec, как и я, так пойдем вместе ходить по свету.

У старика за плечами маленький мешок, в нем у него еда.

– Давай отдохнем, – говорит старик, – некоторое время.

И они устроились отдыхать. А парень-богомolec очень голоден: ведь он сорок лет молился без еды, так уже сильно проголодался.

Старик уснул, откинулся. На самом деле он не уснул, а только [притворился], как будто уснул. Парень-богомolec думает, когда старик уснул: «Погоди-ка, гляну, что у него в мешке?» Парень открыл мешок – а там три просвиры, и съел одну тайком от старика. Съел просвиру – и лег спать. А старик встает и говорит:

– Вставай, сынок: будем кушать, [а потом] отправимся в путь.

Парень встает, довольный, что сейчас он поест уже второй раз.

Старик открывает мешок, смотрит – а там всего две просвиры, а было три. Старик говорит парню:

– Не съел ли ты, крещеный, одну просвиру, потому как всего две осталось, а было три?

Парень рассердился, расшумелся на старика, мол, «я не такой голодный, чтобы съесть из твоего мешка просвиру».

– Ну, съедим эти, оставшиеся: один одну, другой другую, – говорит старик.

И так они поели и отправились в путь.

Пришли они в один царский город, попросились на квартиру к вдове. Вдова их приняла. Вдова говорит:

– Мне нечего вам, бедняги, предложить. Если добудете что на селе, так поедите.

Старик и парень говорят, что «если добудем, так и тебе дадим».

Старик спрашивает:

– Как, вдовушка, дела здесь, в городе? Не слышно ли чего нового или, может, старые вести имеются?

Вдова говорит:

– Ничего хорошего не слышно. Царевна тридцать лет болеет; вы не знаете, как ее можно вылечить?

Старик говорит:

– Да, можно попробовать: ведь от добра зла не будет. Пойди скажи царю – пусть истопит баню: я попробую – может, она поправится.

Вдова бежит к царю и говорит:

– К нам пришли два калики; велели баню истопить: [старик] хочет вылечить твою дочь.

Те – у царя – истопили баню, и царь бежит с непокрытой головой:

– Иди же, старик, лечить дочь: баня истоплена.

Старик говорит:

– Иду. Уже баня готова? Отведите больную в баню. Я скоро приду.

Больную отвели в баню. Старик берет обрубной топорик и чурку для рубки хвой и идет в баню (больная уже в бане). Берет он туда и товарища – богомольца – смотреть, [как будет лечить]. Говорит тем, кто привел больную:

– Вы уходите: если вылечу – сам приведу в избу.

[Старик] укладывает девушку (больную) на чурку и рубит ее на такие мелкие кусочки, что только можно определить куски мяса и кости. Парень-богомolec говорит:

– Теперя ты попадешь в тюрьму: зачем ты изрубил царевну на такие маленькие кусочки?

Старик говорит:

– Она убита.

Старик наливает в берестяной короб воды и складывает в короб все куски – кости и мясо, моет их. Складывает все куски в одну кучу, вдует в девушку дух. Она стала такой красивой и здоровой и своими ногами пошла домой.

Царь очень обрадовался, что дочь пришла такая красивая и здоровая. Царь говорит:

– Приведите знахарей в избу – на золотые носилки усадите их.

Старик говорит:

– Я дойду и пешком до царского дома.

Там о них хорошо заботятся в течение двух-трех дней, и не отпускали бы [вовсе]. Старик-знахарь говорит:

– Теперь мы уходим: мы должны путь пройти, мир посмотреть.

Царь уговаривает:

– Оставайтесь и живите у нас до старости, не ходите странствовать.

Старик говорит:

– Нет, мы пойдем: что мы будем в одном месте кормиться?

Царь говорит:

– Ну, раз отправляетесь – так отправляйтесь, но чем я отблагодарю вас?

Старик говорит:

– Разве что дашь крошку хлеба.

Парень-богомалец говорит:

– Что ты с одним кусочком [сделаешь]? Нам надо дать мешок золота!

Царь открывает амбар с золотом:

– Идите же, – говорит, – берите.

Берет [царь] мешок, насыпает лопату и вторую золота. Парень-богомалец говорит:

– Насыпь еще третью.

Золотых денег стало уже так много, что и мешок не поднять. Парень говорит старику:

– Забрось-ка [мешок] на спину.

Старик говорит:

– Коли тебе надо – так поднимешь; мне не надо.

И отправились они снова в путь и опять пришли в одно царство. Просят-ся опять на квартиру к вдове – вдова их принимает. Вдова говорит:

– Мне вас, бедняги, нечем покормить: такая я бедная.

Парень-богомалец говорит:

– У нас есть золото, на которое мы купим [еды], – и тебя тоже прокормим.

Старик опять спрашивает у вдовы:

– Не случилось ли, вдовушка, в этом царстве чего хорошего или плохого?

Вдова говорит:

– Царевну здесь уже тридцать лет нечистые мучают, она уже чуть жива. Не знаете ли вы, старики, как ее вылечить?

Парень-богомалец говорит:

– Знаем. Пусть истопят баню, и когда она будет готова, пусть сообщат; мы вылечим.

Вдова отнесла весть в царский дом:

– Истопите баню: там два знахаря – может, вылечат [царевну]?

Приносят весть из царского дома:

– Баня готова, и больная в бане.

Парень-богомалец берет топор и чурку для измельчения хвои. Старик и не пошел в баню. Парень приходит в баню и наливает в берестяной короб воды, изрубает девушку на чурбане на мелкие кусочки. Начинает соединять куски – а у него и не получается, как у старика. Моет, соединяет целый день, вдвует дух. Мясо уже стало портиться.

Царь говорит:

– Сходите узнайте, почему он так долго: уж не убил ли он дочь?

Пошли посмотреть – а царевна [изрублена] на маленькие кусочки, мясо уже начало пахнуть. Относят весть царю. Знахаря – богомольца – посадили в тюрьму за то, что убил царевну.

Пошли за стариком, чтобы обоих посадить в тюрьму, раз убили девушку.

Старик говорит:

– Пойду я посмотрю, как он ее изрубил.

Старик приходит, соединяет куски, вдвует дух. Девушка ожила и своими ногами пошла домой. В царской семье обрадовались и велют привести старика в избу. Старик приходит в избу. Его хорошо кормят и поят там. Говорит старик:

– Теперь я ухожу: я должен путь пройти, я должен мир посмотреть.

Царь говорит:

– Оставайся у нас жить-стариться.

Старик хочет уйти. Царь спрашивает:

– Что возьмешь за исцеление дочери?

Старик говорит:

– Не возьму ничего, но отпустите этого арестанта.

Царь говорит:

– Это никчемная плата – берите больше.

Арестант говорит:

– Наполните мне мешок золотом.

Царь говорит:

– Насыпьте, насыпьте мешок золота.

Ему начерпали золота лопатой, а он еще просит:

– Добавьте еще.

Стал поднимать мешок на спину – и не может поднять. Говорит старику:

– Помоги поднять [мешок] на спину!

Старик говорит:

– Раз берешь – так поднимай, а меня не проси!

Все же [старик] помог поднять мешок на спину, и они отправились дальше. Прошли они немного – долго ли, коротко ли – пришли на то самое место, где они в первый раз встретились. Старик говорит:

– Надо немного отдохнуть, я устал.

Старик лег спать, а парень и не лег: ждет, когда старик уснет. Старик уснул. Парень начал рыть яму за спиной у старика, чтобы столкнуть старика в яму, а золото оставить себе. И вырыл глубокую яму. Стал катить старика – старик перелетел через яму, а парень-богомалец – сам в яму. Кричит там в яме:

– Вытащи меня, братец, отсюда, из ямы.

А старик идет и говорит:

– Вытащу, если скажешь, съел ли ты третью просвиру из моего мешка.

Тот кричит:

– Я не ел твоей просвиры и не был так голоден, чтобы воровать.

[Потом] парень говорит:

– Дай хоть мешки с золотом сюда, – и тянется руками [к мешкам].

Старик говорит:

– Себе вырыл яму – там и сиди, – и отодвигает мешки подальше. Парень взмолился. Старик наконец вытаскивает его из ямы.

Парень-богомалец говорит, когда выбирается из ямы:

– Подними мне мешки с золотом на спину.

Старик говорит:

– Не будем поднимать мешки с золотом на спину: мы сейчас будем делить это золото.

Старик сыпает золотые монеты из обоих мешков в один мешок и начинает делить. Он делит деньги на три части. Парень-богомалец думает: «Две меры он возьмет себе, мне даст одну часть. Я его убью». Старик говорит:

– Ну, теперь я разделил деньги на три части. Тот из нас, кто съел две просвиры, получит две меры. Тот, кто съел одну, тому [достанется] одна часть.

Парень-богомалец как прыгнет к двум мешкам:

– Это я, брат, съел две просвиры. (Так и нашелся тот, кто съел просвиру.)

Старик говорит:

– Возьми и эту, третью часть за то, что сказал, что ты съел две [просвиры].

Старик тут же исчез – больше не видеть, не слышать. Парень получил все деньги и понес их, довольный.

Пришел парень в большой город и купил дом, но только не успел еще оплатить, говорит:

– Завтра заплачу.

В доме есть девушка – ее [парень] взял в жены. Проспали тут [ночь] с невестой. Утром, когда они встали, приходит такой же старик, какой был раньше с парнем. Старик просит милостыню:

– Подайте, молодая пара, кусочек хлеба.

Парень-богомалец крикнул:
– У нас хлеб не подают! Пойди и сам купи за деньги столько, сколько хочешь.

Стал он доставать золотые монеты из мешка, чтобы подать старику, – а мешок пуст. И старик опять исчез с глаз. Так у него [парня] пропало золото и покупка дома, и жена ушла.

Это была сказка про парня-богомольца.

Вот такова жадность, и такое же моление Богу.

49. Kotitoin poika

Oli kotitoin poika. Hiän käyt kirikköh niinkuin toisetki ihmiset. Toiset ihmiset palvellah jumalankuvan iessä. Oven piällä on piessan kuva. Ihmiset pannah tuohuksie jumalankuvan eteh. Hiän ottau tuohuksie ta panou piessankuvan eteh palamah.

Lähtöy kiriköstä pois. Pojalla tulou Musta Mies vastah. Mies sanou pojalla:

– Lähe meilä, sie olet miun vellenpoika, mie olen siula tiätä.

Poika ajattelou: «Kun ei miula ketänä miutakana ole, nin lähen. Olkah hiän hot piessa».

Mies vief meččäh sen pojan. Issutah suuren kiven reunah. Nostau sieltä kaikenmoista ruokua, mitä on muajilmassa ta sanou:

– Tässä on siula koti. Ruvekka ristivelleksiksi!

Vajehettih ristijäh ta ruvettih ristivelleksiksi. Musta mies sanou pojalla:

– Etkö rupie sulhasiksi? Emmäkö myö lähe siula naista eččimäh?

Poika sanou:

– Mitä mie sillä naisella ruan, vielähän mie olen nuori.

Musta Mies sanou:

– Ethän sie ole enyä mikänä nuori, kun tiälä olet ollun viisitoista vuotta.

Aika on männyn niin hyvästi.

Poika sanou:

– No voishan tuota männäki, vain mistä morsiemien löyvämmä?

Musta Mies sanou:

– Čuarilla on kolme tytärtä. Mänemmä sinne sulhasiksi.

Ta i lähettäh čuarih sulhasiksi. Musta Mies luatiu pojanki mussaksi, niinkuin iče.

Männäh čuarih. Aletah vanhinta tytärtä kos's'uo sillä pojalla morsiemekse.

Tytär sanou:

– En mie mäne noin mussalla miehellä.

Aletah keskimmäistä tytärtä kos's'uo. Se niisi sanou:

– Mie en mäne noin mussalla miehellä.

Nuurinta tytärtä ruvettih kos's'omah. Nuorin tytär sanou, jotta «mie mänen. Mies musta, leipä valkie».

Pietäh hiät. Mies vief pojan ta morsiemien meččäh. Sielä on oikein hyvä talo ta hyvät huonehet. Käsköy mies elämäh niissä huonehissa.

Musta Mies mänöy ta lämmittäy kylyn. Ottau pojan ta pesöy oikein kauneheksi, jotta ei semmoista miestä ole missänä. Suorittau hyvih vuatteih pojan. Ta i lähetäh čuarih ativoih poika morsiemien keralla. Čuari kačču ikkunasta ta sanou:

– Meijän tytär on, vain kun se mäni mussalla miehellä, vain tämä mies on niin kaunis.

Čikoilla tuli paha mieli, kun ei mänty tällä miehellä ta kun nuorin čikko sai noin kaunehen miehen.

– Nyt myö mänisimmä hot` piessalla mielipahoissana.

Ta i mäntih vanhemmat čikokset riiehel.

Vierahat on tuvassa: vävy, nuorin čuarin tytär ta Musta Mies kolmantena.

Tyttäret riiehellä harmista, kun ei mänty sillä miehellä, hirttävyvtti.

Čuari suau tietyä, jotta tytöt hirttävyvtti. Musta Mies sanou:

– Läkki pois, nyt jo olemma ollun tässä.

Lähetih pois. Musta Mies antau kättä ta sanou pojalla:

– Sie sait yhen morsiemien, mie sain kaksi.

Se Musta Mies oliki piessa. Se katoi ta poika jäi elämäh morsiemeneh.

49. Бездомный парень

Был бездомный парень. Он посещает церковь – так же, как и другие люди. Все люди совершают богослужение перед иконой. Над дверью висит изображение дьявола. Люди ставят свечи перед иконой, а он [парень] зажигает свечи перед изображением дьявола.

Выходит [парень] из церкви. Встречается парню Черный Человек. Человек говорит парню:

– Пойдем к нам: ты сын моего брата, я твой дядя.

Парень думает: «Раз у меня нет никого других (родственников), так пойду – пусть он будет хоть черт».

Человек отводит в лес этого парня. Садятся они рядом с большим камнем. [Черный Человек] достает оттуда всякой еды, какая только в мире имеется, и говорит:

– Вот тебе дом. Давай будем крестными братьями!

Обменялись они крестами и стали крестными братьями. Черный Человек говорит парню:

– Ты не хочешь жениться? Может, мы отправимся искать тебе жену?

Парень отвечает:

– Что я с этой женой буду делать, я же еще молодой.

Черный Человек говорит:

– Ты же уже вовсе не молодой, ведь ты здесь уже пятнадцать лет.

Так быстро время пролетело.

Парень говорит:

– Ну, можно и жениться, но где мы найдем невесту?

Черный Человек говорит:

– У царя есть три дочери – пойдём туда свататься.

И пошли они в царский дом свататься. Черный Человек и парня сделал таким же черным, как сам.

Приходят они к царю, начинают сватать старшую дочь этому парню в невесты. Девушка говорит:

– Я не пойду за такого черного мужчину.

Начинают сватать среднюю дочь. Та тоже говорит:

– Я не пойду за такого черного мужчину.

Младшую дочь стали сватать. Младшая дочь говорит:

– Я пойду: муж черный – хлеб белый.

Справили свадьбу. Черный Человек отвел парня и невесту в лес. Там – очень хороший дом и хорошие комнаты. Велит Черный Человек [молодым] жить в этом доме.

Черный Человек идет и топит баню, отмывает парня, – тот становится таким красивым, что такого мужчины нигде нет. Одевает парня в хорошую одежду, и парень с невестой отправляются в гости к царю.

Царь смотрит в окно и говорит:

– Это наша дочь, но вот только она выходила замуж за черного мужчину, а этот мужчина такой красивый.

Сестры расстроились, что не пошли за этого мужчину, а младшая сестра получила такого красивого мужа:

– Теперь мы пошли бы хоть за черта от огорчения.

И пошли старшие сестры в ригу. А гости в избе: зять, младшая дочь царя и Черный Человек – третий. Старшие дочери – от огорчения, что не пошли за того мужчину – повесились в риге. Царь узнал, что дочери повесились. Черный Человек говорит:

– Пойдем прочь: мы уже погостили здесь.

Они ушли. Черный Человек подает руку и говорит парню:

– Ты получил одну невесту, я получил две.

Этот Черный Человек и был черт. Он исчез, и парень остался жить со своей невестой.



**СКАЗКИ НОВЕЛЛИСТИЧЕСКИЕ, БЫТОВЫЕ,
СКАЗКИ-АНЕКДОТЫ, КУМУЛЯТИВНЫЕ,
НЕБЫЛИЦЫ, ДОКУЧНЫЕ И ДРУГИЕ**

50. Viisas papin tytär

Olipa kerran pappi ta hänellä kolme tytärtä. Joka tyttärellä pappi laitto kaupan. Tyttärillä kävi hyvin kauppa. Pappi lähtöy toiseh kyläh vierahiksi akkoneh. Tyttärillä sanotah:

– Eläkkyyä hyvin, elkyä nakrattakkua rahvasta.

Čuarin poika alko käyvä tavaru ostamah vanhimman tyttären kaupasta. Tuttavussuttih ta čuarin poika alko käyvä öisin papin vanhimman tyttären luona makuamassa. Vanhin tytär tuli paksuksi. Čuarin poika heitti käynnän hänen luona. Rupei viekottelomah keskimmäistä tytärtä. Se suostu ta tuli tuas paksuksi. Čuarin poika hänen heitti pois. Alko käyvä nuorimman tyttären kaupassa ta viekotella. Nuorin tytär oli ylpie, eikä čuarin poika sua häntä suostumah ni mitein.

Čuarin poika mänöy leskiakkah ta kysyy:

– Mitein mie saisin suostumah sen papin nuorimman tyttären? Jos neuvosit, ni mie siula maksasin niin äijän, jotta ei tarviččisi ikänä tietyä mitänä murehesta.

Akka sanou:

– Sehän on niin helppo pettyä. Ota nämä miun repalehet vuattiet, pane piälläs ta mäne kysymäh jyvie nuorimmalta papin tyttäreltä.

Čuarin poika illalla suorieu leskiakan pahoih vuatteih. Mänöy papin nuorimman tyttären ikkunan alla kysyjänä akkana. Panou pikkaraisen säkin ikkunan alla ta kysyy:

– Etkö vois antua miilostinua, jyvie eli hos mitä?

Nuorin tytär oli jo töistä tullun. Hiän otti kauhalla jyvie, kuato säkkih jyvät. Čuarin poika otti poikes säkin ikkunan reijän iestä ta jyvät mäntih muaha. «Kysyjä» rupei n’okkimah niitä jyvijä ikkunan alta yksitellen. Hänen mielessä oli n’okkie niitä iltah asti, jotta piäsisi yöksi nuorimman tyttären luoksi.

Tuli ilta, pimeni, «kysyjältä» kiät kylmettih jyvie n’okkiessa. Mänöy kysyjä tyttären luo pirttih, istuutuu kattilalaučan piähä. Tyttö karjeutu:

– Mitä tulit, likatukku, meilä, mäne poikes!

– Elä, tyttön, aja miuta pois. Miun kun piti jyvät n’okkie yksitellen, jotta mäni niin pitälti. En osua ni kunne enämpi.

Tytär sanou:

– Antasin mie siun muata siinä kattilalaučan alla, vain kun siussa ei olis täitä.

Kysyjä sanou:

– Ei miussa, tyttöseni, ole täitä, anna miun muata kyčöttyä tässä.

Papin tytär laitto ruuvvan, iltasen icelläh. Kysyjällä luou niisi kattilalaučan piällä ruokua. Kysyjä luou pois pahat vuattiet. Niijen alla oli hänellä čuarin pojan vuattiet. Jo alko tytärtä vickotella ta kos’s’uo. Tytär sanou:

– No ruvekka vain muate.

Tytär ottau ta luatiu ulkokuoneheh hyvän sijan. Maskiruiččou sen hyvillä lakanoilla, meinau: «Et miun kakaroita pilkkua». Sanou čuarin pojalla:

– No nyt lähekkä muate.

Čuarin poika ajattelou: «No sainpa jo ylpien tyttären puolellani». Sanou:

– Rupie sänkyh, mie tulen viereh.

Čuarin poika kun jaksautu ta rupei heittäytymäh krovatilla – tytär kahella kiällä vielä työnnältäy čuarin poikua. Se niin alusvuattesillah pačkahtau upornoih, kun siinä ei ollun kuin lakana piällä. Čuarin poika huutau tytöllä:

– Ota miut poikes tiältä!

Tytär meinau: «Annahan on huomenekseh suahe sielä». Čuarin pojan vuattiet jäi tyttärellä.

Huomeneksella päivä valko, tytär työnsi kenen lienöy vierahan ihmisen piästämäh čuarin poika pois upornoista – iče ei ruohtin männä. No jo oli kaunis čuarin poika, kun semmosessa asussa ta siivossa joutu mänömäh kotih!

Papin nuorin tytär myöpi kaupassa. Čuarin poika on niin siäntyn, jotta meinau kostua. Häpesi niin, jotta ei voinun kenelläkänä ilmoittua kuin tytär oli menetellyn. Čuarin poika sanou tuatollah:

– Emmäkö myö luaji kirikkyö, jotta siinä kävisi koko rahvas?

No hiän kun oli čuarin ainut poika, ni čuari suostu.

Papin tytär sai tietyä, jotta čuari luajittau semmoista kirikkyö, jotta kaikki rahvas kävis yhessä jumalan palvelukseh. Tytär on viisas ta arvua čuarin pojan meininkin. Hiän yhtenä päivänä suorieu čuarin pojan vuatteih (niihi, mit hänellä oli jäänyn, kun čuarin poika aiko yöksi jäähä). Tytär ottau rahua ta viinua matkah, mänöy kirikön luatijien luokse čuarin pojan nimissä ta juottau kirikön luatijat humalah. Sanou luatijilla:

– Luatikkua tähä semmoni luukku, jotta sitä ei ni ken tiijä. Panemma siihi lukun ta mie otan avuamen.

Ne luati semmosen luukun, mistä piäsi siäimestä ulos ta ulkuo siämeh. Tyttö pani luukun lukkuh, luatijilla makso rahat ta kielti kenelläkänä sanomasta.

Kirikkö suatih valmeheksi. Siihi aletti käyvä kaikki ihmiset. Papin tyttären pitäis lähtie loittoh kirikköh. Pappi tuli akkoineh kotih ta ollah niin häpeissäh, kun tyttäret on suatu lapset, a pappi pitäis ruveta tähä kirikköh palvelomah. Vanhin ta keskimmäini tytär mäntih rissittämäh lapset kirikköh omalla tuatollah.

Čuarista oli miäräys:

– Ken ei ruvenne käymäh tähä kirikköh, se hirtetäh.

Čuarin poika panou sotilahan ovella, jotta kun papin nuorin tytär tulou kirikköh, ni siämeh on piäsettävä, vain ulos ei.

Tytär mäni kirikköh – piäsettih siämeh. Jumalan palvelus loppu. Kaikki lähettih mänömäh kotiloihes. Sotamies varteiččou ovilla, jotta konsa tytär matkuau ni hiän ottau sen kiini. Tytär väkijoukossa avai lukun kenenkänä tietämättä ta niin mäni ulos. Sotamies ei nähyn nuorinta tytärtä ei ni missä. Pantih kirikkö tuleh, jotta jos on piilossa, nin kyllä se nyt palau. Kirikkö palo, vain ihan tyhjä.

Tytär mäni kauppah ta alko kaupita.

Čuarin poika mänöy kaččomah. Tytär kaupiččou niinkuin enneinki. Ajattelou, jotta millä hiän sais tappua sen petturitytön: «Lähen sulhasiksi: eikö vanhemmat pakota häntä tulomah miun naiseksi?»

Sanou vanhemmillah:

– Mie mänen sulhasiksi papin nuorimpah tyttäreh.

Mäntih pappilah sulhasiksi. Alettih kos's'uo nuorimpua tytärtä. Pappi sanou:

– Pitäy männä.

Tytär sanou:

– En mäne.

Hiät on pietävä. Tytär mäni vaksitehtahalla. Luajitti ihmisenmoisen kuvan, hunajua pani siämeh ta suoritti sen naisen vuatteih. Panou sen luatikkoh. Käsköy tuattoh tuomah luatikon myötäjäisiksi siihi huoneheh, mihi häntä muate pannah čuarin pojan keralla.

Niin morsien vietih čuarih. Čuari lähtöy sukulaisineh myötämänijäisillä. Prituanieluatikko tuotih makuukamarih sänkyn alla.

Vierahat syötih, juotih, lähettih pois. Pariskunta pantih muate. Čuarin poika sanou:

– Nyt sie puutuit!

Lähtöy toisesta huonehesta ottamah revolverie.

Tytär sillä aikua ottau luatikosta ihmisen kuvan ta asettau tilalla. Iče mänöy luatikkoh. Čuarin poika avuau oven ta ampuu kohti vaksi-ihmish. Sen siämestä pärahti hunajua čuarin pojan piällä, suuhu, seinillä ta koko huoneheh. Čuarin poika kuantu lattiella:

– Oi kuin makien morsiemmen ammuin!

Tytär hyppyäy luatikosta ta sanou:

– Kuvan ammuut, mie olen tässä! Nyt lupua, jotta et enämpi rua miula pahua, muitein mie ammun siut paikalla.

Čuarin poika nousi lattielta, otti sylihs morsiemmen, vakuutti icelläh, jotta ei rua enämpi mitänä pahua morsiemellah. Ta niin hyö ruvettih elämäh onnellisest.

Siihi se loppu.

50. Умная дочь попа

Был однажды поп, и у него [было] три дочери. Каждой из дочерей поп открыл магазин. У дочерей хорошо шла торговля. Поп отправляется в другую деревню в гости вместе с женой. Дочерям говорят:

– Живите хорошо, не смешите народ.

Царевич начал ходить за покупками в магазин старшей дочери. По-знакомились они, и царевич стал ходить по ночам к старшей дочери спать. Старшая дочь затяжелела. Царевич перестал к ней ходить, начал соблазнять среднюю дочь. Та согласилась – и тоже затяжелела. Царевич ее бросил. Стал ходить в магазин младшей дочери и соблазнять ее. Младшая дочь была гордая, и царевич никак не мог добиться ее согласия. Царевич идет к вдове и спрашивает:

– Как бы мне заставить согласиться эту младшую дочь попа? Если ты дашь совет, то я заплачу тебе столько, что век не придется знать никакой беды.

Вдова говорит:

– Ее же так легко обмануть. Возьми эту мою рваную одежду, надень на себя и иди просить зерна у младшей дочери попа.

Царевич одевается в плохую одежду вдовы, идет под окно младшей дочери попа в виде старухи-нищенки, подносит маленький мешок под окно и спрашивает:

– Ты не подашь милостыню: зерна или чего-нибудь?

Младшая дочь уже пришла с работы. Она зачерпнула ковшом зерна, стала высыпать зерно в мешок, но царевич убрал мешок от оконного проема, и зерно высыпалось на землю. «Нищенка» стала собирать эти зернышки под окном по одному. Он [царевич] задумал собирать их до [позднего] вечера, чтобы попасть на ночь к младшей дочери [попа].

Наступил вечер, стемнело. У «нищенки» замерзли руки при сборе зерна. Идет «нищенка» в избу к девушке, садится на конец скамьи у входа. Девушка раскричалась:

– Зачем пришла, замарашка, к нам? Уходи!

– Не выгоняй меня, доченька: мне ведь пришлось собрать все зерна по одному, вот и ушло много времени – больше никуда не попаду [на ночь].

Девушка говорит:

– Я бы разрешила тебе спать там под лавкой, только нет ли у тебя вшей?

«Нищенка» говорит:

– Нет у меня, доченька, вшей, дай мне поспать, свернувшись, здесь.

Поповна приготовила себе еду – ужин. «Нищенке» тоже бросает еду на лавку. «Нищенка» сбрасывает с себя плохую одежду, под ними – одежда царевича. И уже начинает [царевич] соблазнять и сватать девушку. Девушка говорит:

– Ну, давай ляжем спать.

Девушка взяла и постелила хорошую постель в уборной, замаскировала ее хорошими простынями, думает: «Моих какашек не осмеешь!»; говорит царевичу:

– Ну, теперь пошли спать.

Царевич думает: «Склонил-таки гордую девушку на свою сторону». [Девушка] говорит:

– Ложись в кровать, я лягу рядом.

Царевич как разделся и стал укладываться на кровать, – девушка двумя руками еще и толкнула царевича, тот так в нижнем белье и бухнулся в уборную, ведь там [над ямой] была только простыня. Царевич кричит девушке:

– Вытащи меня отсюда!

Девушка думает: «Пусть-ка посидит там до завтра». Одежда царевича осталась у девушки.

Утром рассвело, и девушка отправила какого-то постороннего человека вызвать царевича из уборной: сама не посмела пойти. Ну, и «красив» же был царевич, когда в таком наряде и виде пришлось идти домой!

Младшая дочь попа торгует в магазине. Царевич так разозлился, что решил отомстить. Ему было так стыдно, что он никому не мог рассказать, как девушка поступила [с ним]. Царевич говорит отцу:

– Не построить ли нам церковь, чтобы весь народ ходил в нее?

И поскольку он был единственный сын царя, то царь согласился.

Поповна узнала, что царь строит такую церковь, в которую все люди вместе будут ходить на богослужения. Девушка была умная и догадалась о помыслах царевича. В один из дней она одевается в одежду царевича – в ту, что осталась у нее, когда царевич намеревался остаться у нее на ночь. Девушка берет с собой денег и вина, идет к строителям церкви под видом царевича и поит строителей допьяна. Говорит строителям:

– Сделайте здесь такую дверцу, о которой никто не должен знать. Повесим на нее замок, и я возьму ключ.

Те сделали дверцу, через которую можно было попасть изнутри наружу и снаружи внутрь. Девушка закрыла дверцу на замок, строителям заплатила деньги и велела никому не говорить [о дверце].

Церковь построили. В нее стали ходить все люди. Поповна должна ходить далеко в церковь. Поп с женой вернулись домой, и им так стыдно, что [старшие] дочери родили детей, а поп должен служить в этой [новой] церкви. Старшая и средняя дочери пошли крестить детей в церковь к своему отцу.

От царя поступило указание:

– Кто не будет ходить в эту церковь – того повесят.

Царевич поставил солдата у дверей [церкви], с тем что когда младшая дочь попа придет в церковь, ее нужно впустить внутрь, а наружу – нет.

Девушка пошла в церковь – ее пустили внутрь. Богослужение закончилось, все стали расходиться по домам. Солдат сторожит у дверей, чтобы, когда девушка будет проходить, поймать ее. Девушка в толпе народа открыла

дверцу, никем не замеченная, и вышла на улицу. Солдат нигде не увидел младшей дочери [попа]. Церковь зажгли, с тем что если [девушка] спряталась, то теперь она сгорит. Церковь сгорела, но совершенно напрасно.

Девушка пошла в магазин и стала торговать.

Царевич идет посмотреть – девушка торгует, как и прежде. Царевич думает, как бы ему убить эту обманщицу: «Пойду свататься: не заставят ли ее родители стать моей женой?» Говорит своим родителям:

– Я пойду свататься к младшей дочери попа.

Пошли в поповский дом свататься. Стали сватать младшую дочь. Поп говорит:

– Надо идти [за царевича].

Дочь говорит:

– Не пойду.

Должна состояться свадьба. Девушка пошла на ваксовый завод, заказала чучело в виде человека, начинила его медом и одела в женскую одежду, положила его в коробку. Велит отцу принести коробку в приданое в ту комнату, в которой ее положат спать с царевичем.

Невесту отвели в царский дом. Царь с родней идет на свадебное угощение. Коробку с приданым принесли в спальную комнату под кровать. Гости поели, попили и разошлись. Молодых положили спать.

Царевич говорит:

– Теперь ты попалась! – и идет в другую комнату за револьвером. Девушка тем временем достает из коробки чучело человека и кладет его на свое место, а сама прячется в коробке. Царевич открывает дверь и стреляет в человека из ваксы – из него брызнул мед на царевича, в рот, на стены и на всю комнату. Царевич повалился на пол:

– Ой, какую сладкую невесту застрелил!

Девушка выпрыгивает из коробки и говорит:

– Ты чучело застрелил, я здесь! Теперь пообещай, что больше не причинишь мне зла, иначе я пристрелю тебя на месте.

Царевич поднялся с пола, обнял свою невесту и пообещал себе, что не сделает больше ничего плохого своей невесте. И они стали жить счастливо.

Тут и [сказке] конец.

51. Antti Puuhuara

On ennen ukko ta akka. Heilä on hyvin äijä lasta. Emäntä on tuas paksuna. Heilä tulou kauppatamkustaja heposella. Hyö otettih se yöksi. Pantih vieras erityiseh huoneheh, niinkuin ainaki vieras pannah. Vieras näköy unta, jotta ikkunan alla tuli harmuapiäukko. Ukko sanou vierahalla:

– Tänä yönä emäntä synnyttäy pojan ta se tulou elämäh siun onnellas.

Kauppies heräsi unestah ta alko tuumie: «Onkohan tuo totta, kun näin tuommoista unta?»

Emäntä synnytti pojan justih hänen havaččauvunta-aikana. Siihi noustih isännät ta kaikki lapset havaččauvuttih, kun lapsi synti. Vieras sanou:

– Ettäkö työ myö vastasyntyntä lasta, kun meilä ei ole lasta, myö olemma lapsettomie?

Isäntä sanou:

– Emmä myö voi myyvvä omua lasta, vaikka heitä on kuin äijän.

Emäntä sanou:

– Kyllä mejän pitäy myyvvä, kun meilä on näin äijän lapsie: vaikie mejän on elättyä näin köyhässä elämässä.

Myötih lapsi. Kauppies pistäy turkkih hiemah lapsen ta ajau meččäh. On kaksihuarani suuri puu. Ottau sen lapsen, luou puuhuarah ta sanou:

– Et miun onnella elä, jäät siihi.

Lapsi jäi siihi puuhuarah itkömäh. Juuri kauppies läksi ajamah ielläh, samua piätä jälkeh ajau toini kauppies. Kuuntelou: lapsen itku kuuluu puusta. Ajattelou kauppies: «Onko hiän linnunpoika, vain mi hiän on?», ta mänöy kaččomah. Ottau sen lapsen, pistäy turkkih hiemah ta viey sen kotih. Heilä ei ole lasta. Sanou emännälläh:

– Mie löysin poikalapsen, tämän mie otan kasvattua.

Pannah sillä nimeksi Antti Puuhuara. Siinä sitä lasta aletah kasvattua. Se on oikein vilkas poika. Jo alkau käyvä kouluo. Jo osuau lukie, kirjuttau.

Siihi taloh, missä on Antti Puuhuara, astuu sama kauppies, mi jätti pojan puuhuarah. Poikua pakautetah talossa nimeltäh: Antti Puuhuara. Kauppies sanou:

– Mintäh tällä on tämmöni nimi: Puuhuara?

Isäntä sanou:

– Mie kun ajoin kerran kauppamatalta, ni löysin tämän puuhuarasta. Mie otin lapsen ta olemma kasvattan omaksi pojaksi.

Kauppies ajattelou: «Sehän se on justih sama poika, mi synnytetih miun onnella elämäh». Hiän sanou:

– Isäntä ta emäntä, ettäkö työ työntäis tätä poikua viemäh miun kotih kirjaista?

Kirjuttau kirjasen, antau pojalla ta sanou:

– Mäne, juokse!

Pojalla pannah reppuh evästä, ta kirjani pannah reppuh.

Poika mänöy vähäsen aikua, istuutu suurella kivellä ta rupei syömäh. Kun soi vähäsen ta siihi kiven piällä uinosi. Matkuau kaksi solttuo. Saltatat istuuhuttih kivellä ta kačotah, mitä pojalla on repussa. Löyvetäh kirjani. Ne saltatut tunnetih hyvin sen kauppiehan. Hyö sanotah:

– Luvemma, mitä roisto on kirjuttan.

Luvetah, siinä on kirjutettu: «Kun tämä poika tuou kirjasen, ni hirttäkkyä hänet ta pankua rippumah pihakoivun oksalla. Mie iče tulen kahen päivän perästä kotih».

Soltut otettih ta revitettih kirjani, ta iče kirjutettih toini kirjani: «Tämä poika kun tulou kotih, ni työ ottakkaa tyttärellä mieheksi, hirttäkkyä hurttu miun tulemaksi koivun oksalla».

Saltatat lähettih ielläh mänömäh, eikä paistu mitänä. Pissettih reppuh kirjani. Poika makai aikah, nousi ta läksi mänömäh. Mäni kauppiehan taloh, antau tyttärellä kirjasen. Tytär lukou: «Ota tämä poika mieheksi. Hurtta riputtakkua koivun oksalla miun tulomaksi».

Tytär luki kirjasen ta sanou muamollah:

– Tuatto on käsken ottua tämän pojan miun miehekseni, hurtan riputtua koivun oksalla. Iče hiän tulou kahen päivän kuluttuo.

Muamo sanou:

– Kun kerta käski, ni otamma.

Sanotah Antti Puuhuaralla:

– Mäne riputa hurtta koivun oksalla.

Antti Puuhuara mäni hurtan riputti koivun oksah. Kulu siinä kaksi päivävyä. Isäntä tulou, ajau, kaččou kun koivun oksalla rippuu hurtta. Hiän toivou, jotta se Antti Puuhuara i rippuu siinä, sanou:

– Et enämpi miun onnella elä, kun siinä riput.

Isännällä vastah tullah pihalla akka, tytär, vävy. Isäntä huutau kuin leijona:

– Miksi että hirttän tätä poikua, kun hurtan oletta riputtan?

Tytär ta emäntä sanotah:

– Ičehän sie olet käsken ottua tämän vävyksi ta mieheksi, ta hurtan riputtua koivun oksalla.

Isäntä sanou:

– Meiltä suau männä pois niijen jalkojen sijalta. Mänet Louhi-Pohjolan emännällä, kysyt, jotta millä ihmini paremman onnen suavuttau?

Poika läksi astumah. Astu päivän iltah suahe. Kaččou, kun mies istuu suuren honkan latvassa. Jalat on muassa, piä pilvissä (niin on suuri jättiläini), keihäs kiässä. Se sanou:

– Kunne mänet, Antti Puuhuara?

– Mänen Louhi-Pohjolan emännältä kysymäh, millä ihmini parahan onnen suavuttau?

Jättiläini sanou:

– Kysy i, millä mie tästä puunlatvasta pois piäsisin, kun miun pitäy tässä ilmani ikä istuo aivan nälässä. Syömisenä miula on vain, jos ohi matkuau hirvi eli kontie, ta keihähällä pissällän, vain sitäki sattuu harvoin.

– No mie kysyn, – sanou Antti Puuhuara ta lähtöy ielläh mänömäh.

Tulou linna. Linnan ovija potkiu suuri jättiläini, kysyy:

– Minne mänet, Antti Puuhuara?

– Mänen Louhi-Pohjolan emännältä kysymäh, millä ihmini paremman onnen suavuttau?

Jättiläini sanou:

– Kysy, veikkon Antti Puuhuara, eikä hiän tiijä miun avuamie, kun miulta on avuamet kavottu ta kolmehkymmeneh vuoteh en piäse linnalla.

Mänöy Antti Puuhuara vähäsen matkua – tulou tulini joki. Akka venehellä soutelou kesellä jokie. Antti Puuhuara sanou:

– Tule, akka, ehätä milma tästä jovesta poikki.

Akka tulou, ottau hänen veneheh, viey toisella puolen joven.

Akka kysyy:

– Mihi mänet, Antti Puuhuara?

– Mänen Pohjolan emännältä kysymäh, millä ihmini parahan onnen suavuttau?

– Kysy, poikan, miunki as's'a, kun kolmekymmentä vuotta olen ehätellyn rahvasta, vain millä mie tästä pois piäsen?

Niin Antti Puuhuara mänöy tuas ielläh. Tulou oikein suurta peltuo. (Niinkuin nykyajan kolhosin pellot.) Kaččou Antti Puuhuara, kun on oikein suuri ihmini, ta niin äijän kuokkiu peltuo, jotta min ennättäy. Se pellonkuokkija on Louhi-Pohjolan emäntä.

Mänöy Antti Louhi-Pohjolan emännän kotih. Sielä on nuori tytär, sriäppi muamollah murkinua. Sanou tytär:

– Mitä läksit, Antti Puuhuara? Muamo on oikein vihani kaikkien piällä, se voit siun tappua.

Antti Puuhuara sanou:

– A mintäh hiän miun tappais?

– Sentäh, kun työ oletta laiskoja. Pitäy ruatua hyvin muata, siitä piäsisijä hyvin elämäh.

Antti Puuhuara sanou tyttärellä:

– Sitähän mie läksinki, jotta saisin tietyä, millä piäsöy parahiten elämäh.

Tytär sanou:

– Sano ruttoseh, mitä siula on as's'ua. Mie muamolta kysyn. Hiän kyllä tietäy kaikki.

Antti Puuhuara sanou, mitä as's'ua hänellä missäki sanottih. Tytär panou Antin peittoh. Tulou Louhi-Pohjolan emäntä murkinalla kotiheh, sanou:

– Oi, kun olen vaipun, niin äijän kuokin peltuo.

Tytär sanou:

– No miksi sie niin äijän kuokit, etkö sie vähemmällä tulis toimeh, kun meilä on tätä muata jo tovol'no?

Hiän vastuau tyttärelläh:

– Tiijäthän sie, jotta ihmini työnruannalla, muan muokkuannalla parahan onnen suavuttau. Laiskoja ei ni Jumala suvaiče.

Ruvettih syömäh. Tytär sanou:

– Mi tuola, muamo, pilvien rajassa näkyy? Tänä huomenessa kun oli niin selkie ilma, ni aivan kuin piä näkyis.

Louhi-Pohjolan emäntä sanou tyttärelläh:

– Sielä on yksi jättiläini, kolmekymmentä vuotta istuu honkanlatvassa. Se on niin suuri, jotta piä on pilvien rajassa, – se näkyy sieltä.

Tytär sanou:

– Eikö hiän ni konsa piäse sieltä pois?

Louhi-Pohjolan emäntä sanou tyttärelläh:

– Helposti se jättiläini piäsis, kun kennih ohikulkija hänen tietämättäh ottais keihähän ta kuatua rusahuttais honkan. Se sais vielä kaksi värččie kultarahua.

Antti Puuhuara kuuntelou. Tytär sanou:

– Koko huomeneksen tuolta loittuota kuuluu paukantua. Mitä paukutettaneh?

Louhi-Pohjolan emäntä sanou tyttärelläh:

– Sielä jättiläini kolmekymmentä vuotta potkiu linnan ovie vihoissah, kun linnan avuamet on kavottu.

Tytär sanou:

– Minne hiän on avuameh suattan?

Louhi-Pohjolan emäntä sanou:

– Ei ne ole loittuona: linnan portin kohassa on kolme vajua. Alimmaisen vajan alla on avuamet.

Tytär tuas sanou:

– Kun miula on ollun koko ajan mielessä kysyö, jotta mi souvanta tuolta kuuluu?

Louhi-Pohjolan emäntä sanou:

– Tässä ei ole loittona joki. Sielä on akka kolmekymmentä vuotta ehätellyn rahvasta, ni se kuuluu souvanta.

– Mintäh hiän siihi on joutun, ta mitein hiän piäsis pois?

– Kyllä se helposti piäsis, kun ymmärtäis iče piäsyn. Kun tulou ensimmäini ehäteltävä – akka kun on suattan sen toisella puolen joven – ta potkais vasemmalla kantapiälläh venehen mänömäh, ta sanois, jotta «ehättele sie nyt sen aikua, kun mie olen ehätellyn», ni akka piäsis pois ta ehäteltävä jäis siihi ijäkseh ehätelömäh.

Antti Puuhuara nyt kuuli jo kaikki, mitä hänen tarvičči suaha tietoja Louhi-Pohjolan emännältä.

Louhi-Pohjolan emäntä rupei muate. Tytär suatto Antti Puuhuaran ovesta ta kysyy:

– Kuulitko kaikki, mitä oli as's'ua?

Poika sano äijän passipuo tyttärellä ta läksi.

Akka soutelou jovella. Antti sanou:

– Tule, akkaseni, vie milma poikes!

Akka hänen viedy toisella puolen joven ta sanou:

– Kysyitkö, poikani, miun as's'asta?

Antti Puuhuara sanou:

– Nyt kun tulou ensimmäini ehätettävä, ni sie vie se toisella puolen joven. Iče potkua vasemmalla kantapiälläh venehtä ta sano: «Ehätä sie niin kavuan, kun mie olen ehättän», ni se siihi jäiy ijäkse.

Antti Puuhuara mänöy jättiläisen luo, mi avuamie eččiy. Jättiläini kysyy:

– Saitko tietyä, missä on miun avuamet?

Antti Puuhuara sanou:

– Sain: tuossa ollah linnanveräjän iessä vajan alla avuamet.

Jättiläini mänöy, nossaltau vajalauvan – avuamet tässä. Jättiläini sanou Antti Puuhuaralla:

– Elähän mäne, lähe palkkua ottamah tämän hyvän luatimua.

Viey hänen tanhuoh, sanou:

– Ota nyt tästä paras ori, kun miula tämän hyvän luajit, jotta avuamet löysin.

Antti Puuhuara sieltä ottau heposen, vielä pannah täysi kuorma – hiän lähtöy ajamah pohattana. Mänöy sen jättiläisen luo, mi istuu honkanlatvassa. Ottau siltä vihanvallassa keihähän kiästä ta lyöy rosahuttau honkan juureh.

Honka kuatuu, jättiläini piäsöy siitä. Honkan juuressa on kolme väröchie kultarahua. Jättiläini sanou:

– Ota ne palkaksi, kun tämän hyvän luajit, jotta piässit miun honkanlatvasta.

Antti Puuhuara nostau rekehes kultaväröcit ta lähtöy ajamah kauppiehan kotie kohti, mihi häntä vävyksi otettih.

Mänöy pihah. Kauppies sanou:

– Ei se sinnekänä hävinnyn, vielä se tuli tänne.

Kysyy kauppies Antti Puuhuaralta:

– No mitä sano Louhi-Pohjolan emäntä, millä ihmini parahan onnen suavuttau?

Antti Puuhuara sanou:

– Käski hyvin ruatua, muata kuokkie ta nämä vielä anto palkaksi: heposen, rejen täynnä tavaruua ta vielä väröcit kultua.

Kauppies sanou:

– Pitäy lähtie i miun eččimäh eluo, – Antti Puuhuaralla sanou:

– Sie jää tähä isännäksi. (Jo mielty, kun elon keralla tuli vävy.)

Kauppies läksi. Astelou niin pitälti, kuni tuli tulijoki. Sanou akalla:

– Tule ehätä milma jovesta poikki.

Akka sanou:

– Tulen, tulen, kaiken rahvahan olen ehätellyn tässä.

Akka soui hänen jovesta poikki, potkai vasemmalla kantapiälläh venehen ta sanou:

– Ehättele sie niin pitälti rahvasta, kun mie olen ehätellyn, – ta niin hiän mäni männessäh.

Kauppies jäi siihi ijäksi rahvasta ehättelömäh.

Antti Puuhuara jäi kauppiehan taloh isännäksi, hänen onnellah elämäh.

No, siinä kaikki.

51. Антти Пуухуара

Жили раньше муж и жена. У них очень много детей. Жена опять на сносях. К ним заехал торговец на коне; они взяли его на ночь. Они разместили его в отдельной комнате, как положено размещать гостя. Гость видит во сне, что под окно пришел седой старик. Старик говорит гостю:

– Этой ночью хозяйка родит сына, и он будет жить твоим счастьем.

Купец проснулся и стал думать: «Неужели правда то, что мне приснилось?»

Хозяйка родила сына как раз в то время, когда он проснулся. Из-за этого встали хозяева, и все дети проснулись, когда ребенок родился. Гость говорит:

– Не продали бы вы новорожденного ребенка: у нас нет детей, мы бездетные?

Хозяин говорит:

– Мы не можем продать своего ребенка, хотя у нас и так много детей.

Хозяйка говорит:

– Видимо, нам придется продать, ведь у нас так много детей: трудно нам их прокормить при такой бедной жизни.

Продали [они] ребенка. Купец засунул ребенка в рукав шубы и поехал в лес. [Там] стоит большое дерево с раздвоенным суком. Купец взял ребенка, забросил на развилину и говорит:

– Моим счастьем жить не будешь, здесь останешься.

Ребенок остался там, на развилине, плакать.

Только купец поехал дальше – тут же следом едет другой купец. Слышит – плач ребенка доносится с дерева. Думает купец: «Птенец ли это или еще кто?» – и идет посмотреть. Берет этого ребенка, сует в рукав шубы и везет домой: у них нет детей. Говорит хозяйке:

– Я нашел ребенка, мальчика. Я возьму его на воспитание.

[Они] назвали его Антти Пуухуара и стали тут воспитывать этого ребенка. Он был очень бойким мальчиком. Вот уже пошел в школу, уже умеет читать, пишет.

В тот дом, в котором живет Антти Пуухуара, приходит тот самый купец, который оставил мальчика на развилине. К мальчику обращаются в доме по имени: Антти Пуухуара. Купец спрашивает:

– Почему у него такое имя: Пуухуара?

Хозяин говорит:

– Когда я возвращался однажды с торговли, я нашел его на развилине дерева. Я взял ребенка, и мы воспитываем его как своего сына.

Купец думает: «Так это же тот самый ребенок, которого родили, что-бы он жил моим счастьем». Он говорит:

– Хозяин и хозяйка, может, вы отправите этого парня отнести письмо ко мне домой?

[Он] пишет письмо, дает парню и говорит:

– Пойди сбегай!

Парню положили в мешок еды, и письмо положили в мешок. Парень прошел немного, сел на большой камень и стал есть. Немного поел – и тут на камне и уснул. Идут два солдата. Солдаты сели на камень и смотрят, что у парня в мешке. Нашли письмо. Эти солдаты хорошо знали того купца. Они говорят:

– Прочитаем, что негодяй написал.

Читают – там написано: «Когда этот парень принесет письмо, повесьте его, и пусть висит на суку березы во дворе. Сам я приеду домой через пару дней». Солдаты взяли и порвали письмо, а сами написали другое

письмо: «Когда этот парень придет в дом, вы возьмите его [нашей] дочери в мужья. Повесьте собаку Хуртту к моему возвращению на суку березы». Солдаты пошли дальше, ничего не говоря. Письмо сунули в мешок.

Парень выпался, встал и отправился в путь. Пришел в дом купца, подает дочери [купца] письмо. Девушка читает: «Возьми этого парня себе в мужья. Собаку Хуртту повесьте на суку березы к моему возвращению». Девушка прочитала письмо и говорит матери:

– Отец велел взять этого парня мне в мужья, а собаку повесить на суку березы. Сам он придет через два дня.

Мать говорит:

– Ну, раз велел, так возьмем.

Говорят они Антти Пуухуара:

– Пойди повесь собаку на суку березы.

Антти Пуухуара пошел повесил собаку на суку березы.

Прошло два дня. Хозяин возвращается, едет, смотрит – на суку березы висит собака. Он думает, что это Антти Пуухуара висит там; говорит:

– Больше не будешь жить моим счастьем, раз там висишь.

Встречать хозяина выходят во двор жена, дочь, зять. Хозяин кричит, как лев:

– Почему вы не повесили этого парня, а собаку повесили?

Дочь и хозяйка говорят:

– Ты же сам велел взять его зятем и мужем, а собаку повесить на суку березы.

Хозяин говорит:

– Пусть уходит от нас сейчас же, – [и говорит Антти Пуухуара:]

– Пойдешь к хозяйке Похьелы Лоухи, спросишь, как человек может достичь большего счастья?

Парень отправился в путь. Прошел день до вечера, видит – мужик сидит на вершине большой сосны: ноги на земле, голова в облаках – такой большой великан – с копьем в руке. Тот говорит:

– Куда идешь, Антти Пуухуара?

– Иду к Лоухи, хозяйке Похьелы, спросить, как человек может достичь большего счастья?

Великан говорит:

– Спроси еще, как мне слезть с этого дерева, а то я вынужден всю жизнь сидеть здесь, совершенно голодным. Еда у меня есть только, если мимо пройдет лось или медведь, и я проткну его копьем, но и это случается редко.

– Ну, я спрошу, – говорит Антти Пуухуара и отправляется дальше.

Встречается замок. Двери замка пинает огромный великан, он спрашивает:

– Куда идешь, Антти Пуухуара?

– Иду к Лоухи, хозяйке Похьелы, спросить, как человек может достичь большего счастья?

Великан говорит:

– Спроси, братец Антти Пуухуара, не знает ли она, где мои ключи: у меня ключи потерялись, и я уже тридцать лет не могу попасть в замок.

Прошел Антти Пуухуара немного пути – встречается огненная река, старуха на лодке гребет на середине реки. Антти Пуухуара говорит:

– Греби сюда, бабка, переправь меня через реку.

Старуха спрашивает:

– Куда идешь, Антти Пуухуара?

– Иду к Лоухи, хозяйке Похьелы, спросить, как человек может достичь большего счастья?

– Спроси, сынок, и о моем деле: я тридцать лет переправляю людей – как бы мне избавиться от этого?

И Антти Пуухуара опять пошел дальше. Встречается очень большое поле (как сейчас колхозные поля). Смотрит Антти Пуухуара – [на поле] очень большой человек, и так рьяно мотыжит поле, как только может. Этот земледелец и есть Лоухи, хозяйка Похьелы.

Идет Антти в дом Лоухи, хозяйки Похьелы. Там молодая дочь [хозяйки], готовит матери завтрак. Говорит девушка:

– Зачем ты пришел, Антти Пуухуара? Мать очень зла на всех – она может убить тебя.

Антти Пуухуара говорит:

– А за что ей убивать меня?

– За то, что вы ленивы: нужно хорошо обрабатывать землю, тогда бы вы стали жить хорошо.

Антти Пуухуара говорит девушке:

– Так я же за этим и пошел: узнать, как добиться лучшей жизни.

Девушка говорит:

– Говори быстрее, что у тебя за дела: я спрошу у матери – уж она-то все знает.

Антти Пуухуара рассказал, о каких делах его где просили. Девушка спрятала Антти. Приходит Лоухи, хозяйка Похьелы, домой на завтрак и говорит:

– Ой, как я устала, так много мотыжила поле.

Дочь спрашивает:

– Ну, зачем ты так много мотыжишь, разве ты не обошлась бы меньшим, ведь у нас и так достаточно этих земель?

Та отвечает дочери:

– Ты же знаешь, что человек трудом, обработкой земли добивается большего счастья. Ленивых и Бог не любит.

Стали они есть. Дочь говорит:

– Что там, мама, под самыми облаками виднеется? Сегодня утром было так ясно, что как будто голова виднелась.

Лоухи, хозяйка Похьелы, отвечает дочери:

– Там один великан – тридцать лет сидит на вершине сосны. Он такой большой, что голова достает до облаков, – он там виднеется.

Дочь спрашивает:

– И он никогда оттуда не выберется?

Лоухи, хозяйка Похъелы, отвечает дочери:
– Великан легко выбрался бы, если бы кто-нибудь проходящий мимо незаметно от него [великана] взял копьё и свалил с треском сосну. Он еще и получил бы два мешка золотых монет.

Антти Пуухуара слушает. Девушка говорит:

– Все утро оттуда, издалека слышен грохот. Что грохочут?

Лоухи, хозяйка Похъелы, говорит дочери:

– Там великан тридцать лет пинает двери замка от злости, что ключи потерялись.

Дочь спрашивает:

– Куда он подевал свои ключи?

Лоухи, хозяйка Похъелы, говорит:

– Они не далеко: у ворот замка есть три ступени – ключи под нижней ступенью.

Дочь опять говорит:

– Мне все время хотелось спросить: что это за звуки гребли оттуда слышны?

Лоухи, хозяйка Похъелы, отвечает:

– Тут недалеко есть река. Там старуха тридцать лет перевозит людей, так эта гребля и слышна.

– Почему она там оказалась и как ей от этого избавиться?

– Она легко избавилась бы от этого, если бы сама нашла выход: когда придет следующий переправляемый и когда старуха перевезет его на другой берег реки, – если бы она левой пяткой оттолкнула лодку от берега и сказала: «Перевози теперь ты столько времени, сколько я перевозила», так старуха освободилась бы, а перевозимый остался бы навеки в перевозчиках.

Теперь Антти Пуухуара услышал все, что ему нужно было узнать у Лоухи, хозяйки Похъелы.

Лоухи, хозяйка Похъелы, легла спать. Девушка вывела Антти Пуухуара через дверь и спрашивает:

– Все услышал, что хотел узнать?

Парень сказал девушке: «Большое спасибо», – и отправился.

Старуха гребет на реке. Антти говорит:

– Подъезжай сюда, бабушка, перевези меня обратно!

Старуха перевезла его на другую сторону реки и говорит:

– Спросил ли ты, сынок, о моем деле?

Антти Пуухуара говорит:

– Теперь как подойдет к тебе следующий переправляемый, ты перевези его на другую сторону реки, сама оттолкни левой пяткой лодку и скажи: «Перевози ты так долго, как я перевозила» – и он останется тут навеки.

Антти Пуухуара подходит к великану, который ищет ключи. Великан спрашивает:

– Ты узнал, где мои ключи?

Антти Пуухуара отвечает:

– Узнал: ключи тут, у ворот замка под крыльцом.

Великан подходит, поднимает доску ступени – ключи здесь. Великан говорит Антти Пуухуара:

– Не уходи-ка – пойдём, получишь награду за то, что сделал это доброе дело, – и приводит его на скотный двор, говорит:

– Бери отсюда лучшего жеребца, раз сделал для меня такое доброе дело, что я ключи нашёл.

Антти Пуухуара взял там коня, и ещё нагрузили целый воз [товара], – он отправился в путь богатым.

Подъезжает он к тому великану, что сидит на вершине сосны, яростно выхватывает у него копьё из руки и ударяет им по корням сосны. Сосна упала, и великан слез с нее. Под корнями сосны – три мешка с золотыми деньгами. Великан говорит:

– Возьми их в награду за то, что сделал такое доброе дело и освободил меня от [заточения] на кроне сосны.

Антти Пуухуара поднял мешки золотом себе в сани и поехал в сторону купеческого дома, где его приняли как зятя. Приезжает во двор. Купец говорит:

– Он и там не пропал – опять сюда приехал.

Купец спрашивает у Антти Пуухуара:

– Ну, что сказала Лоухи, хозяйка Похьелы, – как человек может достичь большего счастья?

Антти Пуухуара говорит:

– Велела хорошо работать, мотыжить землю, и ещё это дала в награду: коня, сани, полные товара, и ещё мешки с золотом.

Купец говорит:

– Надо и мне пойти за добром, – а Антти Пуухуара говорит:

– Ты оставайся здесь за хозяина, – (уже и полюбил [зятя], что с добром вернулся зять).

Купец отправился. Шёл так долго, пока не появилась река. Говорит старухе:

– Подъезжай, перевези меня через реку.

Старуха говорит:

– Еду, еду: весь народ перевозжу здесь.

Старуха переправила его через реку, оттолкнула левой пяткой лодку и говорит:

– Переправляй ты народ так долго, как я переправляла, – и ушла своей дорогой. Купец остался там навеки перевозить людей.

Антти Пуухуара стал хозяином в доме купца – жить его счастьем.

Ну, это все.

52. Ukko ta piessa nakrismualla

Oli ennen ukko ta akka. Hyö pantih nakrista hyvin suuri mua. Heilä kasvo nakrista, tuli semmoni suinko louhikko nakrismua.

Ukolta ta akalta alettih joka yö varastua nakrista. Jo varassettih puoli nakrismuata, ei tiijetä, jotta ken sielä käy. Akka sanou ukolla:

– Mäne sie, ukko, yöllä varteimah, etkö sua kiini sitä varasta.

Ukko mänöy yöllä varteimah, istuu pientarella. Tuli paha mies (se on piessa). Rupei nyhtimäh nakrehie, panou värččih. Heitti nakrisvärčän pientarella. Ukko hiivou nakrisvärčän luo, a paha mies vielä nyhtiy nakrista. Sai toisen värčän täyveksi nakrehie piessa. Tuli sitä värččie ottamah, mi oli ukon luona. Ukko i tarttu häneh kiini:

– Puutuit, rosvo, nyt!

Tai kiistauvutah siinä. Piessa sanou:

– Miun on nakrismua.

Ukko sanou:

– Miun on nakrismua.

Piessa sanou:

– Tulkamai tähä nakrismualla, kumman on kummempi heponi, sen on ni nakrismua.

Ukko mänöy kotihih, tai piessa mänöy kotihin.

Ukko sanou akalla:

– Siun pitäy ruveta heposeksi, nin suamma nakrismuan poikes piessalta. Myö piessan kera luatiutuma, jotta kumpani kummemmalla heposella ajanou, nin se suau nakrismuan.

Männäh pellohla, ukko akkoneh. Panou ukko heposeksi akkah. Sitou värčän piähä. Nostau helmat korvih akaltah, sanou:

– Kun mie pissän takapuoleh sormellani, nin sie piere.

Nousou akallah selkäh ukko ta rupiecu ajamah vastahakua, akan takapuoli piessah päin.

Tulou piessa, jäniksellä selässä ajau. Piessa kun tuli lähemmäksi, ukko pissälti akalla takapuoleh sormellah, akka i pieri.

Piessa sanou:

– En mie ole tämmöistä hevoista nähny. Mitäpä se siun heponi sano?

Ukko sanou:

– Apetta kysyy.

Piessa sanou, jotta «pie nakrismuas, kun siula oli kummempi heponi». Ta ukko sai nakrismuah tai akkah.

Sen pivus i starina.

52. Старик и черт на репном поле

Были раньше старик и старуха. Они засеяли репой очень большое поле. У них выросла репа – репа уродилась довольно крупная и много.

Кто-то стал каждую ночь воровать у старика и старухи репу. Вот уже полполя репы своровали, – они не знают, кто туда ходит [воровать]. Старуха говорит старику:

– Пойди ты, старик, ночью сторожить: может, поймашь этого вора.

Старик идет ночью сторожить, сидит на краю пашни. Пришел нечис-

ттый человек – это был черт, стал вырывать репу и класть в мешок; бросил мешок на межу. Старик подкрался к мешку, а нечистый еще рвет репу. Набрал черт второй полный мешок репы, пришел за тем мешком, что был возле старика, – старик и вцепился в него [черта]:

– Теперь попался, вор! – и они заспорили. Черт говорит:

– Мое репное поле!

Старик говорит:

– Мое репное поле!

Черт говорит:

– Давай приедем сюда, на репное поле [верхом]: чей конь окажется чуднее – того и репное поле.

Старик идет к себе домой, и черт идет к себе домой.

Старик говорит старухе:

– Ты должна стать лошастью – тогда получим обратно репное поле у черта.

Старик залезает на спину старухе и едет задом наперед – задницей старухи в сторону черта. Появляется черт – едет верхом на зайце. Черт как приблизился, старик ткнул старуху в зад пальцем – старуха и пукнула. Черт говорит:

– Такого коня я еще не видел. Что это твоя лошадь сказала?

Старик говорит:

– Корм просит.

Черт говорит, что «пользуйся своим репным полем, раз у тебя конь оказался чуднее», – и старик получил и репное поле, и старуху.

Такой длины и сказка.

53. Viisas morsien

Oli ennen ukko ta akka. Hyö ollah pohatat. Heilä on yksi tytär. Se on oikein kaunis ta viisas. Yksi pohatan talon poika mielty ta tulou sulhasikse häneh. Poika kos's'ou:

– Lähe miula morsiemeksi!

Tytär sanou:

– En mie mäne.

Muamo käsköy mänömäh, kun mies on pohatta. Tytär sanou:

– Vielä on ämmörukan liinat kesryämättä. Ne pitäis kesrätä, ennen kun miehellä mänen.

Muamo sanou:

– Mie kesryän, mäne pois miehellä.

Ruvetah häitä pitämäh. Muamo sanou tyttärellä:

– Keitä čäijyö ta juota vierahie. Kua heilä juotavua parahih čuaškoih.

Tyttö tuou mitä pahempie tuohiropehie ta purkkie, ta niuhi panou čäijyö. Niistä juottau, syöttäy vierahat. Morsien suorittieh valmeheksi. Lähettih

viemäh sulhasen kotih astumalla, kun ei ollun autoja, niin kun nyt meilä. On pellolla kaksi hyvin suurta kiviä. Sulhani kysyy morsiemelta:

– Mitäpä ne nuo ollah?

Morsien sanou:

– Ne on ämmörukan värttinän kesrät.

Sulhani ajattelou: «Kun olisin heittä sen morsiemän kesryämäh, niin kuinpa se olisi tuommosie värttinöitä nossellun?».

Männäh vähäni aikua – on pellolla huas`s`a. Sulhani kysyy morsiemelta:

– Mipä se tuo on?

Morsien sanou:

– Se on ämmörukan pirta.

Sulhani ajattelou: «No kyllä se on väkövä, kun tuommosella pirralla on kankasta kuton».

Sulhani ta morsien matatah järven rantua. On kaksi uutta tervattuo venehtä järven rannalla. Sulhani kysyy morsiemelta:

– Mitpä ne nuo on?

Morsien sanou:

– Ne on ämmörukan pruasniekkastupnit.

Sulhani sanou:

– Ka meilähän näitä sanotah veneheksi, eikä stupniksi.

Morsien sanou:

– Ämmörukka kun ennein pruasniekkoina käveli, niin järvie myöten astu ne stupnit jalassa.

Mäntih sulhasen kotih. Sielä on hyvin suuri kiukua. Morsien sanou:

– Mie otan huomena tuon kiukuan ta vien järveh selässäni.

Sulhani ajattelou: «Tämä on huima. Vuota lähen pakoh tästä naisesta». Sulhani mäni sen silmän nävöllä pakoh, ei tiijä ni ken, mihi se mäni. Tyttö jäi pohattah taloh elämäh ta oli viisahampi, kuin sulhani. Ei pie väkeh antua tyttäre ni kenen.

Siihi se loppu.

53. Умная невеста

Были раньше старик и старуха. Они богаты. У них одна дочь, она очень красивая и умная. Один парень из богатого дома влюбился и пришел к ней свататься. Парень сватается:

– Стань моей невестой!

Девушка отвечает:

– Я не пойду [замуж].

Мать велит идти, ведь мужчина богат. Девушка говорит:

– Еще не спряден лен моей бедной бабушки. Надо бы спрясть его, прежде чем я пойду замуж.

Мать говорит:

– Я спряду, ты выходи замуж.

Стали они свадьбу справлять. Мать говорит дочери:

– Свари чай и напои гостей. Налей им питье в лучшие чашки.

Девушка приносит самые худые берестяные туюски и банки и наливает в них чай – из них поит, кормит гостей.

Невесту одели наготово, повели в дом жениха пешком: машин ведь не было, как сейчас у нас. На поле стоят два очень больших камня. Жених спрашивает у невесты:

– Что это такое?

Невеста отвечает:

– Это диски веретена моей бедной бабушки.

Жених думает: «Если бы я оставил эту невесту прясть, так как бы она поднимала такие веретена?» Прошли они немного – на поле стоит прясло. Жених спрашивает у невесты:

– Что это?

Невеста отвечает:

– Это бердо [ткацкого станка] моей бедной бабушки.

Жених думает: «Ну и сильна же она была, если таким бердо ткала ткань».

Жених и невеста идут по берегу озера. На берегу озера стоят две новые просмоленные лодки. Жених спрашивает у невесты:

– А это что такое?

Невеста говорит:

– Это праздничные башмаки моей бабушки.

Жених говорит:

– Так у нас же их называют лодками, а не башмаками.

Невеста говорит:

– Когда моя бедная бабушка ходила раньше в праздники, так по озеру шла в этих башмаках.

Пришли они в дом жениха. Там стоит очень большая печь. Невеста говорит:

– Завтра я возьму эту печь и отнесу на спине в озеро.

Жених думает: «Она сумасшедшая – дай-ка я сбегу от этой женщины». Жених исчез с глаз долой, и никто не знает, куда он пропал. Девушка осталась жить в богатом доме: она была умнее жениха.

Никому не надо выдавать девушек замуж насильно.

На этом и сказке конец.

54. Hölmöläiset

Eletäh sisär ta velli. Heilä on lehmä ta härkä. Tytär mänöy lehmyä lypsämäh huomeneksella tai pieröy lehmyä lympsyässäh. Härkä sanou: «Myy», justih silloin, kun tytär pieri. Mänöy tytär härän luo, jalkoih kumartau:

– Prosti, härkäsen, elä virka i kellä, kun mie pierin.

A velli tuli liävän oven tuaksi kuuntelomah, tai kuuli, mitä sisär pakai. Ajattelou: «Vuota lähen muita höperöitä ečcimäh, kun meilä on yksi höperö».

Mänöy velli vähäsen matkua tietä myöte. Tulou pikkaraini talo. Velli mänöy taloh. Talossa on mies keittän huttuo kattilalla. Ottau lusikalla huttuo

kattilasta. Voirenki on aitassa, ni hiän joka kerta käy voirenkeh kastamassa huttulusikkua. Poika sanou:

– Mitä sie tässä ruat?

Ukko sanou:

– Voirenki on aitassa, ni pitäy käyvä huttulusikkua kastamassa.

Poika kaččou, jotta «on niitä höperöitä muuvvallaki kuin meilä». Ottau luuvvan, käyt renkistä lohkuau voita ta tuou höperöllä miehellä. Pissältäy voin kattilah sulamah, sanou miehellä:

– Kassa nyt tähä, eläkä mäne aitasta joka lusikkua kastamah.

Höperö mies sanou:

– Passipo, veikko, neuvomuas, tämä hyvä i tuli.

Poika läksi ielläh. Mänöy tuas vähäsen matkua. Näköy pikkaraisen pirtin. Sielä on ukko kuton kiukuan, ei ole luatin savureikyä, värčillä kantau savuo pihalla.

Poika sanou:

– Mitä sie tässä ruat?

– Kun ei vejä tämä kiukua, ni värčillä pitäy kantua savuo pihalla.

Poika sanou:

– Oho, hölmö sieki. Onko siula kirves?

Ukko antau kirvehen pojalla. Poika leikkua pirtin lakeh reijän – savu läksi mänömäh lajesta. Ukko sanou:

– Nyt hyvä i tuli, kun savu läksi mänömäh ulos.

Poika sanou:

– Näin olisit ruatan jo aikoja.

Poika läksi pois. Ukko sanou:

– Passipo, veikkon, juohattamuas.

Poika kaččou – ukko on aijalla, puksut on pannun seipähien nenäh: ukko ei suata panna niitä muitein jalkahah, kuin aijalta hyppyäy. Poika sanou ukolla:

– Mitä sie tiälä ruat?

– Vet luajitin puksut, ne tultih niin pahat, jottei männä jalkah.

Poika ottau, ukon issuttau:

– Näin pane kaikičči puksut jalkahas.

Ukko sanou:

– Passipo, poikan, panomuas, nyt hyvä i tuli.

Poika lähtöy ielläh mänömäh. On lampi. Lammin rannalla on kaksi miestä. Lammissa kaksi sorsua uiksentalou. Miehet čuuruo pannah pissualih ta niillä ammutah sorsie lammista. Poika sanou:

– Mitä työ tässä ruatta?

– Noita sorsie olemma ampun koko päivän, eikä ole ukotin sorsih.

Poika ottau, panou pul’kan pissualih, ampuo paukahuttau – sorsat kuoltih.

Poika läksi pois mänömäh. Miehet sanotah:

– Millä nyt suamma nuo sorsat pois lammista?

Toini mies sanou:

– Mie lähen uimah. Osuan se i mie uija, kun sorsat osatah.

Toini mies sanou:

– Lähen i mie. Yksi ottau yhen sorsan, toini toisen.

Niin hyö lähettih uimah ta molommat hukuttih, kun ei suatettu uija.

Poika mänöy kotih, sanou čikollah:

– On muitaki höperöjä muajilmassa, ole i sie ikäs höperö kun lienet.

54. Жители деревни Хёлмёля

Живут сестра и брат. У них есть корова и бык. Сестра пошла доить корову утром и пукнула, когда доила корову. Бык сказал: «Муу» – именно тогда, когда девушка пукнула. Девушка подходит к быку, кланяется в ноги:

– Прости, бычок, не говори никому, что я пукнула.

А брат подошел к двери хлева послушать и услышал, что сестра говорила. Думает брат: «Пойду-ка я других глупцов искать, раз у нас есть одна глупая».

Прошел брат немного по дороге – встречается маленький домик. Брат входит в дом. В доме мужик – сварил кашу в кастрюле; берет ложкой кашу из кастрюли – ведро с маслом в амбаре, так он каждый раз бегаёт к ведру макнуть ложку с кашей в масло. Парень спрашивает:

– Что это ты тут делаешь?

Мужик говорит:

– Ведро с маслом в амбаре, так приходится ходить, чтобы макнуть ложку [в масло].

Парень смотрит, что «глупцы есть не только у нас». Берет тарелку, отламывает кусок масла в ведре и приносит глупому мужику, кладет масло в кастрюлю таять и говорит мужику:

– Макай сюда, а не бегай каждый раз в амбар макать ложку.

Глупый мужик говорит:

– Спасибо, брат, за совет – так удобно стало.

Парень отправился дальше. Прошел опять немного пути – видит маленькую избушку. Там мужик сложил печь – не сделал дымового отверстия – мешком носит дым на улицу. Парень спрашивает:

– Что это ты тут делаешь?

– Так не тянет эта печь – приходится мешком носить дым на улицу.

Парень говорит:

– Эх, и ты тоже глупец. У тебя есть топор?

Мужик дал парню топор, парень прорубил в потолке избы отверстие – дым стал выходить через [дыру] в потолке. Мужик говорит:

– Как хорошо стало, что дым стал выходить наружу.

Парень говорит:

– Тебе давно уже надо было так сделать.

Парень пошел прочь. Мужик говорит:

– Спасибо, братец, что научил.

Парень [идет дальше и] видит – мужик на заборе, штаны повесил на колья: мужик не может надеть их иначе, как прыгая [в них] с забора. Парень говорит мужику:

– Что это ты тут делаешь?

– Так ведь пошил штаны, и они получились такие плохие, что не лезут на меня.

Парень взял посадил мужика:

– Вот так надевай всегда штаны на себя.

Мужик говорит:

– Спасибо, сынок, что одел [штаны] – так хорошо теперь стало.

Парень отправился дальше. Встречается ламба. На берегу ламбы стоят два мужика. По ламбе плавают две утки. Мужики засыпают песок в пшаль и им стреляют по уткам на ламбе. Парень спрашивает:

– Что это вы тут делаете?

– По этим уткам стреляем целый день, да не попадаем в уток.

Парень взял зарядил пшаль пульей, выстрелил-бабахнул – утки умерли. Парень пошел дальше. Мужики говорят:

– Как мы теперь достанем этих уток с ламбы?

Один мужик говорит:

– Я поплыву; смогу и я плавать, раз утки умеют.

Второй мужик говорит:

– Я тоже поплыву: один возьмет одну утку, другой – другую.

И они поплыли, и оба утонули, потому что не умели плавать.

Парень пришел домой, говорит сестре:

– Есть и другие глупцы на свете – живи и ты свой век глупой, раз ты такая.

55. Seiččemen Simanua

Oli seiččemen vellestä. Nimet oli kaikilla Simanat. Mäntih linnalla ta ossettih säkillini talkkunajauhuo. Tuotih talkkunavärčči, luajittih voltuskua koko korvollini. Syötih se kaikki, sanotah:

– Vähä tuli meilä tästä, pitäy lähtie ostua enämpi. Ossamma värčän mieheh. Tuossa on lampi. Hämmennämmä lampih, jotta tulou meilä kyllälti syyvvä.

Ta niin hyö ossettih seiččemen värččie talkkunua, vietih lammin laijalla, puissallettih talkkunat lampih – ne sinne i kavottih, eikä tullun voltuskua, eikä ni mitänä. Yksi sanou:

– Mie lähen eččimäh pohjasta. Hämmennän niitä, siitä ne noussah.

Hiän paukahti lampih tai kato. Toiset vuotetah siinä, sanotah:

– Ei tule, yksinäh syöy kaiken.

Paukahtau toini sinne lammin pohjah – ei tule toinikana. Ottau kolme yhtäikua hyppyäy – ne sinne kavottih. Kaksi sanou:

– Myö tänne jäimä, ni lähemmä meččäh amnumma mečon. Siitä se tulou hyvä rokka.

Miehet männäh meččäh. Kačotah – meččo istuu puussa. Toini mies sanou:
– Ruvekka ampumah!
Ei ole millä ampuo. Toini sanou:
– Mie mänen käyn puuhu, otan sen, a sie mäne käy kattila ta vettä, jotta keitämmä rokan.

Mies nousi puuhu. Meččo läksi lentämäh meččäh, põlästy. Arvelou mies: «Vuota i mie lähen lentämäh». Kun läksi lentämäh puusta, kivikköh kirpoi ta siihi i kuoli.

Tulou toini mies, viimeni velli vesikattilan kera. Kaččou, kun velleltä veri juoksou leuvoista. Alko sitä potkie ta murmettau:

– Kaikki söit mečon, kun veri leuvasta tippuu, siihi i halkeit! Lähen lamminpohjasta syömäh, toiset on syöty jo kylläلتi, sielä nyt muatah.

Mäni čuklahü lampih jauhuo käymäh. Sinne seki jäi, ta sielä ollah nyt kaikki tänäki päivänä ta kotvan vielä huomenaki.

55. Семь Симанов

Было семь братьев, всех их звали Симана. Пошли они в город и купили мешок толокна. Принесли мешок толокна, сделали болтушки целый ушат, съели всю ее, говорят:

– Нам этого мало – надо пойти купить больше; купим по мешку на человека. Вот ламба, замесим [толокно] в ламбе, чтобы нам наестся досыта.

И так они купили семь мешков толокна, отнесли их на край ламбы и высыпали толокно в ламбу – оно там и исчезло, не получилось ни болтушки, ничего. Один [из братьев] говорит:

– Я пойду на дно искать [толокно]. Помешаю его – оно и поднимется, – и он бултыхнулся в ламбу и пропал. Остальные ждут там, говорят:

– Не идет – один все съест.

Бултыхнулся второй туда, на дно ламбы, – и второй не выходит. Трое [братьев] взяли и одновременно прыгнули [в воду], – и они там пропали. Двое [оставшихся] говорят:

– Мы тут остались, так давай пойдем в лес, подстрелим глухаря: из него-то получится хорошая похлебка.

Мужики пошли в лес, смотрят – глухарь сидит на дереве. Один мужик говорит:

– Давай подстрелим!

Нечем стрелять. Другой говорит:

– Я заберусь на дерево, поймаю его, а ты сходи за кастрюлей и водой, чтобы сварить похлебку.

Мужик влез на дерево – глухарь полетел в лес: испугался. Думает мужик: «Дай-ка и я полечу». Как полетел с дерева, упал на камни – и тут и умер.

Приходит второй мужик, последний из братьев, с кастрюлей с водой. Видит, что у брата кровь течет изо рта, – стал его пинать и ворчит:

– Всего глухаря съел, раз кровь изо рта капает, от этого и лопнул!
Пойду есть на дно ламбы, другие уже наелись досыта, спят там теперь.

Пошел и нырнул в ламбу за мукой – и он там остался, и все теперь там и по сей день, да еще и завтра будут.

56. Starina vanhasta pariskunnasta

Oli ennenin ukko ta akka. Hyö oltih jo vanhat ta lapsettomat. Oltih jumalanmolijat. Akka sanou ukolla:

– Miun pitäis pokuajutuo, miula on äijän riähkyä.

– Tiijän, – sanou ukko, – tuola on pellon perillä pokuajija Jermei. Mäne, ni sillä pokuajiuvtu. Mie lähen halkuo leikkuamah.

Akka nousou huomeneksella aikaseh, sriäppiy kalakukkuo, prossapiiraita papilla kostinčaksi. Ukko mänöy meččäh halonleikkuh. Akka suorieu puhtahih vuatteih, panou kostinčat vakkah ta lähtöy Jermein luo.

– Terveh, pačkoseni.

– Terveh, terveh, armahaiseni, – se hänen oma ukko oliki männyn Jermein tilalla ta pannun rokokosinan piähä, jotta saisi tietyä akan riähät.

Akka anto papilla kostinčat ta sanou:

– Etkö rupie pokuajimah, kun olen näin vanha ta äijä on riähkyä kokoutun miula.

– Pokuajin. Mitä siula, raukka, on riähkyä? Tule sano!

– Sano, tulouko siitä riähkä, kun miula on pyhävellijä?

Ukko sanou:

– Ka Jumala prostiu, kun vain sanot, ketä ne on.

– Yksi on Olli ojan korvalla, toini lauttamies lähen perässä, kolmas Pikku Pekka pellon piässä.

– No mitäpä vielä muuta riähkyä on? – kysyy pappi.

– Tulisko siitä, pappiseni, riähkä, kun mie rupien ukkuo hävittämäh, jotta eikö kuolis?

Pappi kysyy:

– Millä konstillapa sie meinuat hävittyä sitä ukkuo?

– Ka mie arvelin savuh juututtua hänen. Lasen savun pirttih ta anna kuolou hiän.

Pappi sanou:

– Ei, armahaiseni, savuh kuole. Savu on henkie, maitolinta surmua. Vanha kansa sanottih, jotta makie maitolinta tuopi pikemmin surman. Kun mänet kotihis, niin keitä ta anna ukollas, ni kuolou.

Akka lähtöy pois hyvällä mielin siitä, kun sai neuvuo, millä suau ukon kuolettua.

Akka kiirehen kautta juoksou kotih, lypsäy lehmän, keittäy maitolintua ta vielä voita panou sekah. Suau keiton valmeheksi. Tulou ukko meččätä:

– Niin olen, akkaseni, vaipun. Eikö ole ruokua?

– On, ukkoseni, makieta maitolintua keitin, rupie syömäh.
– Mistä sie sitä maitolintua keitit? Vanha kansa sanou, jotta savu on henkie, maitolinta surmua.

Ukko rupieu syömäh maitolintua. Syöy särpây. Ukko sanou:

– Mintäh alko silmieni hämärtyä? Nyt kun maitolintua syötit, niin onnakko kuolemah rupien.

Akka sitä enemmän syöttây maitolintua ta vielä voita lisyây. Ukko sanou:

– Nyt sokenen aivan ta kuolen.

Ukko söi içčeh kylläseksi ta nousi kiukualla. Makai yön tervehenä, kellotteli täyvellä pöçöllä.

Akka nousou tuas huomeneksella ta maitolintua keittäy hänellä.

– Nouse pois, ukko, lintua syömäh.

– Mitä mie nousen, kun en ni mitänä niä? Kun tappamah lienet ruvennun. Olisit luatin savun, nin enkö olisi parennun.

Ukko syöy retostau siinä. Sanou akallah:

– Kun meilä on suuri härkä ta mie jo kuolemah rupien, niin tappasin sen: lihua teköy mieli ennenin kuolemua. Kun saisit, akkaseni, häränpitäjän, nin mie tappasin.

Akka sanou:

– Vuotahan, käyn kuččumassa Olli Ojankorvan.

Akka juoksou Ollin luo:

– Lähe härkyä pitämäh. Ukko tahtou tappua sen ennenin kuolemua. Anna česniy, ni siitä myö jimmä kahen siun kerallas.

Olli sanou:

– Lähen, – ta niin puksutta i juoksou härkyä kiini pitämäh.

Akka sanou:

– Ukko, jo tuli Olli. Tule pois tappamah härkyä.

Ukko mänöy ta sitou härän paččahah kiini, jotta lyöy härkyä oččah. Olli rupei sitä härkyä pitämäh. Ukolla annettih kurikka käteh. Ukko rupei härkyä lyömäh ta i lyöy kurikalla Ollie oččah, – siihi mäni yksi pyhävellä.

Akka siänty semmoseksi, kun ukko miehen tappo.

– Mihi nyt suatamma kuollehen?

Ukko sanou:

– Elä virka, akkaseni, mitänä. Tanhuon alla hautuamma. Ei tiijä ei ni ken mitänä.

Ta niin hyö hauvattih peitočči se.

– Mäne, akka-rukka, etkö ketä sua häränpitäjy, jotta ennenin kuolemistani tappasin härän.

– On lauttamies lahen perässä, käyn sen.

Ta i kävi. Lauttamies juoksou puksutta härkyä pitämäh.

Ukko rupei härkyä lyömäh ta i lyöy lauttamiestä oččah. Siihi mäni toini pyhävellä. Akka tavottau tuas ukkuo, kun «tuas tapoit miehen». Ukko sanou:

– Kun sokiepäissäni löin.

Niin hyö hauvattih lauttamies.

– Mäne vielä, akkaseni, ta eči vielä pitämäh härkyä.

Mänöy akka Pikku Pekan luo pellon perillä. Se juoksou puksutta härkyä pitämäh. Kun Pikku Pekka rupieu härkyä pitämäh, ukko lyöy sitä oččah.

Akka nostau semmosen ulinan, kun viimeeni mies häneltä mäni. Ukko avuau silmäh ta sitou akan samah paččahah, ta samah nuorah, missä oli härkäki.

– Tässä siula pyhävellit, – lyöy čerttiy vičalla akkua. – Vieläkö piet pyhävellijä?

Akka moliutu:

– Elä, ukkoseni, lyö, en enämpi pie ijässäni pyhävellijä. Siun keralla rupien elämäh loppuikäni.

56. Сказка о старой супружеской паре

Были раньше муж и жена. Они были уже старые и бездетные. Они были богомольцы. Жена говорит мужу:

– Мне надо бы покаяться, у меня много грехов.

– Знаю, – говорит муж, – вон там в конце поля есть исповедник Ермей – пойди исповедайся ему, а я пойду дрова рубить.

Жена встает утром рано, печет рыбник, пироги с просом попу в гостинице. Муж идет в лес заготавливать дрова. Жена надевает чистую одежду, кладет гостинцы в корзину и отправляется к Ермею:

– Здравствуй, батюшка.

– Здравствуй, дорогая, – а это ее собственный муж пришел на место Ермея и надел на голову рогожку, чтобы узнать грехи жены. Жена дала попу гостинцы и говорит:

– Не исповедаешь ли ты меня: я уже такая старая, и у меня накопилось много грехов.

– Исповедаю. Какие у тебя, бедняжка, грехи? Подойди Расскажи!

– Скажи, будет ли грехом то, что у меня есть ухагеры?

Муж говорит:

– Так Бог простит, если только скажешь, кто они.

– Один – Олли у ручья, другой – паромщик в конце залива, третий – Пикку Пекка на краю поля.

– А какие еще грехи есть? – спрашивает поп.

– А будет ли, батюшка, грехом то, что я хочу извести мужа, чтобы он умер?

Поп спрашивает:

– А каким образом ты хочешь извести своего мужа?

– Да я надумала дымом задушить его: напушу дыма в избу – пусть он умрет.

Поп говорит:

– От дыма он, милая, не умрет: дым – это дух, а вот молочная каша – это смерть. Старые люди говорили, что сладкая молочная каша быстрее

приведет к смерти. Когда придешь домой, так свари [кашу] и дай своему мужу – он и умрет.

Жена пошла прочь довольная, что получила совет, как умертвить мужа. Жена спешно прибежала домой, подоила корову, сварила молочную кашу да еще масла добавила – каша готова. Приходит муж из леса:

– Как я, женушка, устал. Нет ли чего поесть?

– Есть, муженек: я вкусную молочную кашу сварила, садись есть.

– Из чего ты эту молочную кашу сварила? Старые люди говорят, что дым – это дух, а молочная каша – смерть.

Муж начал есть молочную кашу – ест, прихлебывает. Муж говорит:

– Почему-то стало глаза туманить. Ты как покормила меня молочной кашей, так, наверно, смерть наступает.

Жена тем пуще кормит его молочной кашей да еще масла добавляет. Муж говорит:

– Сейчас совсем ослепну и умру.

Муж наелся досыта и поднялся на печь. Проспал ночь здоровый, провалялся с полным пузом.

Жена встает опять утром и варит ему молочную кашу.

– Вставай уже, муж, кашу есть.

– Как я встану, если ничего не вижу? Не решила ли ты меня убить? Напустила бы дыма, так я бы, может, поправился.

Муж ест – брызги летят. Говорит жене:

– У нас есть большой бык, и раз я скоро умру, я бы забил его: хочется поесть мяса перед смертью. Если бы ты нашла, женушка, кого-нибудь, чтобы подержал быка, так я бы забил [быка].

Жена говорит:

– Погоди-ка, пойду позову Олли Оянкорва.

Жена прибегает к Олли:

– Пойди быка держать: муж хочет забить его перед смертью. Пусть сохнет, так потом мы останемся с тобой вдвоем.

Олли говорит:

– Иду, – и так без штанов и побежал быка держать.

Жена говорит:

– Муж, Олли уже пришел – иди же быка забивать.

Муж идет и привязывает быка к столбу, чтобы ударить его в лоб. Олли стал держать этого быка. Мужу дали дубину в руки. Муж стал бить быка и ударил дубиной Олли в лоб – так погиб один ухажер. Жена так рассердилась, что муж убил мужика.

– Куда теперь денем покойника?

Муж говорит:

– Не говори, женушка, ничего: похороним под загоном – никто ничего не узнает.

И так они тайно похоронили его.

– Пойди, женушка, может, найдешь кого подержать быка, чтобы я перед смертью забил быка.

– Есть паромщик в конце залива – схожу за ним, – и сходила.

Паромщик бежит без штанов быка держать. Муж стал бить быка – и ударил паромщика в лоб – так погиб второй ухажер. Жена опять бранит мужа, мол, «опять убил мужика». Муж говорит:

– Так ведь сослепу ударил.

И они похоронили паромщика.

– Пойди еще, женушка, и поищи [кого-нибудь] подержать быка.

Идет жена к Пикку Пекке на край поля. Тот бежит без портков быка держать. Когда Пикку Пекке стал держать быка, муж ударил его в лоб. Жена подняла такой вой, что последний мужик у нее пропал. Муж открывает глаза и привязывает жену к тому же столбу и на ту же веревку, на которой был бык.

– Вот тебе ухажеры, – бьет, полосует вицой жену. – Еще будешь держать ухажеров?

Жена взмолилась:

– Не бей, муженек, – больше вовек не буду держать ухажеров, с тобой буду жить до скончания века.

57. Vastahakani Marina

Ukolla on akka. Marina on nimi. Se ruatau kaikki vastahakua, vaikka mitä ukko sanois. Ukko sanou Marinalla:

– Et sie, Marina, vet kakkarua paissa?

Marina sanou:

– Paissan, paissan!

– Elä äijyä paissa.

– Äijän paissan, – sanou Marina.

Ukko sanou Marinalla:

– Elä pane kesselih kakkaroit.

Marina karjuu:

– Panen tai panen!

Ukko lähtöy meččäh, ottau kakkarakesselin selkäh. Mäni koivumeččäh ta joka koivun oksah riputtau niitä kakkaroit. Ukko oli ansoja kaččomassa, eikö mitä puuttun, ta järveh oli pannun rysijä. Meččo oli puuttun ansah. Mäni rysillä – rysässä oli hauki. Hiän vei hauvin ansah ta mečcon pani rysäh. Löysi uartenen – kolme kesselie kultua. Mänöy kotihih.

– Et vet, Marina, meččäh lähe.

– Lähen tai lähen.

Suorieu. Ukko lähtöy iellä, hiän jälessä. Mänäh koivumeččäh. Marina kysyy:

– Mintäh tiälä on, ukko, joka oksalla kakkarua?

Ukko sanou:

– Kakkaravualu matkai, ni joka oksalla sato kakkarua.

Ukko sanou:
 – Elä ota niitä kakkaroita kesselih.
 Akka sanou:
 – Kokuon tai kokuon! – Ta kokuou kakkarat kesselih. Männäh ansoja kaččomah: ansassa on hauki. Marina sanou:
 – Mintäh, ukko, hauki on ansassa, kun ei ole lintu?
 Ukko sanou:
 – Ka sentäh, kun on vastahakani akka, ni vastahakah puuttuu linnut tai kalat.
 Männäh rysyä kaččomah: rysässä on meččo. Marina sanou:
 – Mintäh, ukko, rysässä on meččo? Eihän ennenin mečot ole rysässä oltu?
 Ukko sanou:
 – Ei ole ennenin niin vastahakasia akkoja ollun kuin nyt.
 Männäh uarre-kesselien luo. Ukko sanou:
 – Elä vain ota kesselie selkäh.
 Akka sanou:
 – Otan tai otan! – Ta akka ottau selkäh kesselin, ukko toisen. Matatah čuarin talosta kyličči. Heposet toratah čuarin tallissa. Marina kysyy:
 – Mipä se semmoni iäni kuuluu?
 Ukko sanou:
 – Čuari akkuah lyöy, ni akka huutau sielä.
 Vähän aikua matatah. Päivä rupei jo nousomah mečän takuata. Marina kysyy:
 – Mipä se tuo rusottau tuola?
 Ukko sanou:
 – Kačo vain, kun piän leikkai čuari akaltah, ni veri juoksou.
 Männäh viijäh kotih kultakesselit. Pannah karsinah, hauvatah penkereh peittoh. Ukko sanou:
 – Elä vain, Marina, mäne čuarilla sanomah.
 Akka sanou:
 – Sanon tai sanon!
 Marina juoksi čuarin luo ta sanou:
 – Myö löysimä uartehen ukon kera!
 – Mistä työ löysijä?
 – Sieltä löysimä, missä oli ansassa hauki ta rysässä meččo.
 Čuari sanou:
 – Konsapa työ ne kotih toitta?
 – Silloin yöllä toimma, kun sie akkuas löit.
 Čuari sanou:
 – Konsa mie olen lyönyn akkuu?
 – Ka silloin, kun kaklan leikkait poikki, ta veri kaklasta juoksi.
 Čuari sanou:
 – Ei siula, akka, ole piässä piettävyä. Huima sie olet.

– Miula on huivi piässä, toini koissa.
 Čuari viey akan ukon luo ta sanou:
 – Tämä akka on huima, pitäy hävittyä hänet.
 Ukko piättelöy:
 – Niin se on, – ta lisyäy, – et vet sie, Marina, meččäh lähe?
 Marina sanou:
 – Lähen tai lähen.
 – Et vet pane kesselih kivijä?
 – Panen tai panen, – ta niin akka pani kesselih täyteh kivijä. Heilä tulou jovesta poikki männä puuta myöte. Ukko sanou:
 – Elä hypi puulla kivikesselin kera.
 Marina hyppi, juoksi puuta myöte kivikesselin keralla tai jokeh lankei.
 Ukko mäni hyvällä mielellä kotih, kun Marinasta piäsi. Oli moniehan päivän. Jo tuli Marinua ikävä ta sanou:
 – Paha on pahan keralla, paha sittäki pahatta. Pitäy lähtie eččimäh.
 Ottau nuoran ta kiven solmieu nuoran piähä. Alko vejellä nuorua vastavirtah. Kysytäh:
 – Mitä ečit vastavirtah?
 – Ka miula kun oli vastahakani akka ta puulta kirpoi. Sitä ni ečin.
 – Ka mitä sie vastah virtua ečit?
 – Kun oli vastahakani, vastavirtah ni nousou.
 Tai tarttu jovesta mi lienöy kiveh. Nostau ylös – ka sarviä härkä, yksi on sarvi. Ukko yritti luuvva jokeh jälleläh härkyä.
 – Elä, veikkoni, miuta jokeh työnnä Marinan keralla! Kaksi oli sarvie, ni toisen jo kisko!
 Ukko pačkai nuoran ta kiven tai härän jokeh:
 – Eläkkyyä sielä Marinat sekä härät!
 Semmoni oli Marina.

57. Упрямая Марина

У мужика есть жена, ее зовут Марина. Она все делает наоборот, о чем бы муж ни попросил. Муж говорит Марине:
 – Ты ведь, Марина, не будешь печь блины?
 Марина говорит:
 – Испеку, испеку!
 – Много не пеки.
 – Много испеку! – говорит Марина.
 Муж говорит Марине:
 – Не клади блины в кошель.
 Марина кричит:
 – А вот и положу!
 Мужик отправляется в лес, кошель с блинами поднимает на спину.

Пришел он в березовый лес и на каждую ветку березы вешает эти блины. Мужик проверял [в лесу] силки – не попалось ли что, и в озере у него были поставлены мережи. В силок попался глухарь. Пошел к мережам – в мереже была щука. Он отнес щуку в силок, а глухаря положил в мережу. Нашел клад – три кошелья золота. Приходит домой.

– Ты ведь, Марина, не пойдешь в лес?

– А вот и пойду! – и одевается.

Мужик идет впереди, она сзади. Приходят в березовый лес. Марина спрашивает:

– Почему здесь, муж, на каждой ветке по блину?

Муж отвечает:

– Туча с блинами прошла, так на каждую ветку нападало блинов.

Муж говорит:

– Не собирай эти блины в кошель.

Жена отвечает:

– А вот и соберу! – и собирает блины в кошель. Идут они проверять силки – в силке щука. Марина говорит:

– Почему, муж, в силке щука, а не птица?

Муж отвечает:

– Да потому, что [у меня] жена упрямая, так и птица с рыбой ловятся наоборот.

Идут проверять мережу – в мереже глухарь. Марина спрашивает:

– Почему, муж, в мереже глухарь, ведь раньше глухарей в мереже не было?

Муж говорит:

– Раньше и таких упрямых жен не было, как сейчас.

Подходят к кошелям с кладом. Муж говорит:

– Только не поднимай кошель на спину.

Жена отвечает:

– А вот и подниму! – и жена подняла один кошель на спину, муж – второй. Идут они мимо царского дома. В царской конюшне дерутся лошади. Марина спрашивает:

– Что это за звук такой слышен?

Муж говорит:

– Царь свою жену бьет, так жена кричит там.

Прошли они немного. Уже начало солнце всходить из-за леса. Марина спрашивает:

– Что это там краснеет?

Муж говорит:

– Смотри-ка – царь отрезал голову у своей жены, так кровь течет.

Приносят они кошели с золотом домой, прячут в подполье, закапывают под завалинку. Муж говорит:

– Только, Марина, не ходи к царю рассказывать [о кладе].

Жена говорит:

– А вот и пойду!

Марина прибежала к царю и говорит:

– Мы с мужем нашли клад!

– Где вы нашли?

– Нашли там, где в силке была щука, а в мереже глухарь.

Царь спрашивает:

– А когда вы их домой принесли?

– Ночью принесли, тогда, когда ты свою жену бил.

Царь говорит:

– Когда я бил свою жену?

– Да тогда, когда перерезал ей горло, и кровь из горла потекла.

Царь говорит:

– Пустая у тебя, баба, голова, ты сумасшедшая.

– У меня платок на голове, а второй дома.

Царь отводит женщину к мужу и говорит:

– Эта баба сумасшедшая, надо ее извести.

Мужик соглашается:

– Да, это так, – и добавляет: – Ты ведь, Марина, не пойдешь в лес?

Марина говорит:

– А вот и пойду!

– Ты ведь не будешь класть в кошель камней?

– А вот и положу! – и жена набила полный кошель камней.

Им надо было переходить через речку по бревну. Муж говорит:

– Не прыгай на бревне с кошелем с камнями.

Марина стала прыгать, бегать по бревну с кошелем с камнями и упала в речку. Мужик пошел домой довольный, что избавился от Марины. Прожил несколько дней – уже соскучился по Марине и говорит:

– Плохо жить с плохой, и без плохой плохо. Надо пойти искать [Марину].

Взял он веревку и привязал на ее конец камень. Стал водить веревкой [по дну реки] против течения. У него спрашивают:

– Что ты ищешь против течения?

– Так у меня была упрямая жена, она с бревна упала – ее и ищу.

– Так почему ты ищешь против течения?

– Она была такая упрямая, что против течения будет подниматься.

Вот что-то зацепилось в реке за камень. [Мужик] поднимает – а это рогатый бык, только один рог [у быка]. Мужик попытался сбросить быка обратно в реку.

– Не бросай меня, братец, в реку к Марине! У меня было два рога – так один уже выдрала!

Мужик бросил веревку с камнем и быка в реку:

– Живите там и Марины, и быки!

Такая была Марина.

58. Ukko emäntänä

On ennein ukko ta akka. Ukko akkuah haukkuu, jotta «sie vähän ruat». On heinäruunta-aika. Akka sanou ukolla:

– Jiä kotih murkinua luatimah. Mie lähen heinällä.

Ottau akka kolme henkie kylästä ta lähtöy heinällä. Ukko arvelou: «Mitä hänessä nyt luajittais ensimmäiseksi murkinaksi?»

Hänellä on leipätaikina happanomassa. Nostau taikinan stolalla, lähtöy käymäh jauhuo, jotta taikinan sotkou. Oven kun jätti kahallah, sika tuli ovesta ta söi sen taikinan. Ukko tulou – sika on syöryn taikinan. Ukko sanou:

– Voi, hemmetin hemmetti! Sika söi taikinan! Mitä nyt luajin? Pitäy ruveta makkarua luatimah.

Sai makkarat valmeheksi. Rupei ukkuo janottamah. Sinčissä on vuassapočka. Läksi ukko vuassua laskomah počkasta juotavakseh. Kissa hyppäi kiukualta, söi makkarat. Ukko justih otti tulpan. Počkasta alko vuassa tulla. Ukko näki, kun kissa makkaroita syöy. Hiän juoksomah tulppa kiässä kissua ajamah:

– Kis!

Vuassa juoksi tyhjäksi počkasta. Mänöy ukko vuassapočkan luo – se on tyhjä. Ukko piätäh kynsiy ta voivottelou:

– Pahoin ruavoin, kun haukuin emäntyä. Anna ois ollun koissa. Mitä nyt rupien luatimah?

On kuoretta pyöhtimessä. Ukko sitou kuorepyöhtimen nuoralla selkäh, jotta kun kävelöy, nin se tulou voiksi. Ajattelou: «Siinähän se kävellessä tulou voiksi, kun kuore pieksäytyy». Lähtöy ukko vejellä kaivolta. Kun rupei vettä ottamah kanteikalla kaivosta, kuore hänellä kaikki korvilla ta kaivoh mäni. Ukko itköy:

– Tuonne kuoreki mäni. En suanun voita. Mitä miula nyt akka sanou? Vielä on lehmä lypsämättä. Pitäy lähtie lehmä lypsyä.

Lypsi ukko lehmän, toi maitosaikan, pani lattiella. Rupei käsijäh pesömäh. Koira tuli sillä aikua ta söi majjon saikasta. Ukko vain piättelöy:

– Voi, voi, kun haukuin akkua, enkä antan hänen olla koissa. Nyt en suanun aikah mitänä, ta tuli vain äijän vahinkuo. Vielä on lehmä liävässä. Pitäy viijä lehmä pihalla syömäh.

Vetäy ukko liävstä lehmän pihalla. Kaččou: liävän piällä on oikein kaunista vihantua heinyä. Tai vetäy ukko liävän piällä lehmän syömäh niitä heinijä. Lehmän sitou sarvista, nuoran piän pujottau truvasta ales pirttih. Ukko mänöy pirttih ta sitou jalkahah nuoranpiän, ajattelou, jotta «kun lehmä kirvonnou liävän piältä, nin mie kuulen, se jalasta milmä kiinnittäy».

Rupieu ukko hinkalossa huttuo keittämäh. Panou vesipuan kiehumah. Rupei jauhuo panomah huttupatah. Lehmä kirpoi liävän piältä, ukon vejälti nuora trupah, piä jäi huttupatah. Ukon piä kiehuu huttupuassa, jalat truvassa ylähänä.

Akka niityllä ikävystyy, jotta ei tullun kuččumah murkinalla, sanou:

– Ei se juutas murkinua suanun. Läkkä pois, heinämiehet, syömäh!

Hyö mäntih liävän kyličči. Akka kaččou, kun lehmä keikottau nellä jalkua pissyssä.

– Oi juutas, nyt on lehmä kuristun ta kuollun!

Akka löi nuoran poikki viikattehella. Ukko kirpoi takapuolella huttupatah. Akka juoksou hättisäh pirttih. Ukko kiehuu puassa. Akka ruassaltau ukon tukista puasta:

– Enhän mie iččies käsken keittyä, onhan meilä muuta keittämistä murkinaksi!

Ukko alko moliutuo akalla:

– Elä, akkaseni, milma hauku! En ijässäni mie jää kotih. Emännöiče, kuni elänet.

Mieki olin kaččomassa, paha oli nähä sitä juttuo. Elkyä i konsa jääkyä, miehet, kotiemännäkse, ottakkua esimerkkie tästä ukosta, mitein hänellä kävi.

Siihi se loppu.

58. Муж в роли хозяйки

Были раньше муж и жена. Муж ругает жену, мол, «мало работаешь». Было время сенокоса. Жена говорит мужу:

– Оставайся дома готовить завтрак, а я пойду сено косить.

Жена позвала три человека из деревни [в помощь] и отправилась на сенокос. Муж думает: «Что бы мне приготовить на завтрак в первую очередь?» У него поставлено тесто для хлеба. Он поднимает тесто на стол и идет за мукой, чтобы добавить в тесто. Он оставил дверь приоткрытой – свинья и вошла через дверь и съела это тесто. Мужик приходит – а тесто свинья съела. Мужик говорит:

– Вот, черт: свинья съела тесто! Что мне теперь делать? Придется делать колбасу.

Приготовил он колбасу. Захотелось мужику пить. В сенях стоит бочка с квасом. Пошел мужик наливать квас из бочки, чтобы попить. Кошка прыгнула с печи, съела колбасу. Мужик как раз снял пробку, и из бочки полился квас. Мужик увидел, что кошка ест колбасу, и побежал с пробкой в руке прогонять кошку:

– Кыш!

Весь квас вытек из бочки. Подходит мужик к бочке с квасом – она пустая. Мужик чешет голову и охает:

– Зря я ругал хозяйку: лучше бы она осталась дома. Что мне теперь делать?

В маслобойке были сливки. Мужик привязал маслобойку веревкой на спину, чтобы, пока он ходит, сливки взбились в масло; думает: «При ходьбе ведь сливки собьются и получится масло». Пошел мужик за водой на колодец. Как стал набирать воду ведром из колодца – все сливки вылились ему на голову и в колодец. Мужик плачет:

– И сливки туда утекли – не получил масла. Что мне теперь жена скажет? Еще и корова не доена – надо пойти корову подоить.

Подоил мужик корову, принес шайку с молоком, поставил на пол, стал мыть руки. Тем временем пришла собака и вылакала молоко из шайки. Мужик только причитает:

– Ой, ой, зря я ругал жену и не дал ей остаться дома: ничего я не сделал, вышел только большой убыток. Корова еще в хлеву – надо вывести корову на улицу покормиться.

Выводит мужик корову на улицу, видит – на крыше хлева растет очень красивая зеленая трава. И мужик затащил корову на крышу, чтобы она поела этой травы. Корову привязал за рога, а конец веревки протянул через трубу в избу. Мужик пошел в избу и привязал конец веревки к своей ноге: думает, что «если корова упадет с хлева, то я почувствую, как она меня за ногу потянет». Стал мужик на загнетке кашу варить. Поставил котелок с водой кипеть. Стал сыпать муку в котелок. Корова свалилась с хлева, веревка дернула мужика [и затащила] в трубу, голова оказалась в котелке с кашей. Голова мужика варится в котле, а ноги – высоко в трубе.

Жена на покосе уже заждалась, что муж не пришел звать на завтрак, говорит:

– Этот негодный не приготовил завтрак. Пойдемте, косари, есть.

Проходят они мимо хлева, жена видит – корова болтается, задрав чешуе ноги.

– Вот, дьявол: корова удавилась и сдохла!

Жена перерезала веревку косой – муж свалился задницей в котел с кашей. Жена бежит, обеспокоенная, в избу – муж варится в котле. Жена выхватила мужа за волосы из котла:

– Я же не просила тебя самого себя варить, есть же у нас другая еда на завтрак!

Муж взмолился перед женой:

– Не ругай меня, женушка! Я больше вовек не останусь дома, хозяйничай, сколько проживешь.

И я это видела – жалкое было зрелище. Никогда не оставайтесь, мужчины, в домохозяйках, учитесь на примере этого мужика, [на том], что с ним случилось.

Тут и сказке конец.

59. Vora Kliimo

Oli yksi kulkijapoika. Sen nimi oli Kliimo. Kerta Kliimo läksi mänömäh meččätietä meččäh päin. Kaččou – mies härkyä vetäy. Kliimolla oli uuvvet suappahat jalassa. Kliimo meinasi: «Millähän mie tuon härän tuolta mieheltä saisin?» Hiän luou jalastah yhen suappahan, iče mänöy piiloh, jotta se mies ei näkis. Mies tuli härän kera suappahah asti, kaččou, kun on hyvä suapas tiellä.

– Ottasin tämän, no kun on yksi, – luou poikes ta lähtöy mänömäh härän kera.

Kliimo tuas juoksou poikkipolven tiellä vastah ta pistäy tuas suappahan tiellä, jotta ei mies niä.

Mies kaččou:

– Kah, siinähän on toini suapas, mänen käyn otan toisenki.

Kiäntyy jälelläh ta härän jättäy siihi tiepuoleh sekä toisen suappahan. Kliimo otti oman suappahan ta härän, kuni mies eččiy toista suapasta.

Kliimo sai omat suappahat ta härän. Mies tulou – ei ole suapasta, eikä ni härkyä. Kliimo mäni härän kera meččäh, tappo härän. Mečässä oli lampi. Piän leikkai härältä ta loi härän piän toisella puolella lammin, min reunat oli oikein pehmiet. Härän piän pisti seipähän nenäh ta seipähän suoho, lihat peitti meččäh.

Mies eččiy, eččiy härkyä – ei löyvä ni mistä.

– No mihi joutu härkä? Piäsikö se irti ta pakeni?

Mies mänöy meččäh ta ptrukottau:

– Ptruko, härkäni, ptruko, härkäni.

Kliimo vastuau meččäst:

– Möö!

Mies kiroilou ta sanou:

– No piessa siun on sinne vienyn.

Kaččou – lammin toisella puolella piä vain näky. Mies ei piäse mistänä härkyä ottamah suosta pois. Riivalluttau vuattiet piältäh ta uimah toisesh rantah härän luo.

Sillä aikua Kliimo varasti vuattiet mieheltä, – se oli varassellun jo enneinki. Kun mies mänöy toisella puolella ta ruassaltau härkyä sarvista, ta vielä sanou: «Tänne suatoit iččies eččimäh», – tyhjä piä.

– Jokohan tuo Kliimon roisto oli niin viekas ta tappo härän, ta piän loi suoho?

Uipi jälelläh – vuattiet on mänty!

– Kyllä se Kliimon roisto vei.

Mänöy kotih alastomana ta ilman härkyä.

– No mi siula tuli, huimennunko olet?

Mies kertou, jotta Kliimon rosvo se taisi sen tempun keksie, jotta härän tappo ta vuattiet vei.

Kun mies näköy Kliimon, kysyy häneltä:

– Etkö sie miulta härkyä varastan?

– Ka varassin.

Mies vicy Kliimon oikeuteh čuarih ta sanou čuarilla, jotta «suappahalla muanitteli, härän tappo ta vuattiet varasti. Min myö hänellä luajimma?».

Čuari sanou:

– Mintäh iče olit niin hölmö, hiän kun varasti niin varastakkah. Tämän kerran myö hänen prostimma, kun miun pettäy, nin emmä tuomiče.

Čuari kysyy Kliimolta:

– Voitko miun pettyä?

Kliimo sanou:

– Voin.

Čuari sanou, jotta «kun mie panen kymmenen hevoista laitimella ta kymmenen sotamiestä vahtih aseijen keralla, ta jos voinet varastua, nin emmä silma tuomiče. Tulehan yöllä ta varassa».

Kliimo lähtöy pois, ostau kaupasta uuvvet vuattiet, uuvvet suappahat ta suorieu niin vorssaksi, jotta ei ole enämpi voran näkönikänä, vain niinkuin herrasmies. Hiän siitä ostau vielä pienen tynnyrin viinua, min voipi kantua, ta panou säkkih. Yö kun tuli, nin otti säkin selkäh ta mänöy laitimella. Kliimo mänöy miehie kohti ta iče häilyy niinkuin humalahini vorssissa vuatteissa. Yksi sotamies sanou:

– Jo tulou Kliimo.

Toini sanou:

– Eikä ole, mi lienöy herrasmies.

Kliimo tulou horjuu ta sanou:

– Eikö pojilla pitäis viinua, mie juottasin?

Miehet otettih hyvällä mielellä vastah:

– Miksi ei, eihän saltatalla ole konsana viinua annettu.

Kliimo rupieu i juottau kaikki miehet humalah, iče ei juo. Miehet humalluttih, ken mäni kumol'lah pajikkoh, ken minneki, eikä muissa heposein vahit hevosie. Kliimo parahan orin ottau, käy sen selkäh ta läksi ajamah.

Čuari sanou:

– Lähtie pitäy kaččomah miehie.

Ne on kaikki humalassa pajikossa, hevosie on yheksän. Kuuntelou: yksi urajau pajikossa. Mänöy sen luo, alkau potkie sitä. Čuari panou kaikki vahit tymäh. Mänöy kotih. Kliimo on orin selässä čuarin ikkunan alla vorssissa vuatteissa.

Čuari kysyy:

– Saitko varastua?

Kliimo sanou:

– Ka tässähän mie olen.

– No vot ni Kliimo olet, vieläkö voit mitä varastua?

– Voin.

Čuari sanou:

– Kun suanet varastua perinät miun ta akkani alta, kun myö yöllä makuamma, niin siitä olet vora.

Kliimo päivällä pistäytyy sänkyn alla. Čuarin akalla on kiukualla vehnätaikina happanomassa. Ruvettih muate čuari akkoneh. Kliimo on sänkyn alla. Kun čuari akkoneh uinottih, Kliimo otti vehnätaikinan ta kuato heilä välih. Ka kun on märkä heilä väli. Čuari sanou:

– Mitä sie, akka, olet ruatan?

Paijat puututtih kiini taikinah. Riitauvuttih. Viimein sanotah:

– No kumpaselta lienöy männyn, ni se i hyvä. Läkkä peseytymäh.

Kun mäntih toiseh huoneheh, Kliimo kiärälti potuskat tukkuh ta nin i vei perinät.

Čuari ta čuarinakka pesehyttih ta tultih jälelläh. Ka tyhjä krovatti. Perinät ta potuskat on mänty. No ei hyö arvattu, jotta Kliimo ne vei. Hyö arveltih, jotta palvelusväki ne vei. Kysytäh:

– Kunne työ veittä makuuvuattiet?

A ne ei tietän niistä mitänä.

– No jokohan se Kliimo vei? Kyllä se teki temppusen.

Astuu Kliimo čuarin ikkunan alačči piä kallellah. Čuari kysyy:

– Veitkö sie, totuarina, perinät?

Kliimo sanou:

– Vein, kun käsit kerta viijä.

– Tule ensi yönä; kun suanet miulta rahalippahan, kun mie sen piällä issun, ni vot olet varas, – sanou čuari.

Kliimo sanou:

– Ka suan, mi sitä on suahessa?

Kliimo ajattelou: «Min mie nyt keinon keksin ta mitein? Suan hautausmualta ta kuletan yhen ruumehen sen eteh, ni anna hiän ampuu sen, jotta milma ei ampuis». Lähtöy mänömäh hautausmualla päin. Siinä on silta. Humalaini mies on piä jovessa, jalat ylöspäin, vähän vain urajau. Kliimo piilottelou sitä sillan alla, jotta ei ni ken nähtäis. Jo tuli yö pimie. Kaikki rahvas aseuvuttih muate jo. Kliimo lähtöy ruumehen keralla, kulettau lotuuttuu sitä čuarin taloh. Vei, pissälti kynnyksellä seisomah. Čuari ampu plakkautti sitä, ta se i kuatu, Kliimo jäi oven tuaksi elävänä. Čuari hyppäi ruumista viemäh jokeh, meinuau, jotta hiän ampu sen Kliimon:

– Nytpähän piäsin roistosta.

Rahalipas jäi paikallah. Kliimo ruassalti rahalippahan selkähäh ta mäni mänöjäh. Tuas ni sai čuarilta sen. Čuari tulou jälelläh. Ka rahalipasta ei ole enämpi siinä paikassa, mihi jäi. Kysyy akalta:

– Korjasitko sie rahalippahan?

– En, en ole tietän, enkä nähny n koko lipasta.

Kyselläh kaikilta talonväjeltä, ei ni ken tiijä, mihi se on joutun.

– No, – sanotah, – kyllä sen Kliimo vei.

Kliimo heposella, sillä orilla, tuas selkäh ta mänöy čuarin ikkunan luo. Hyvä on hyvällä ajella. Čuari kysyy Kliimolta:

– Veitkö rahalippahan?

Kliimo sanou:

– Ka vein kun käsit.

Čuari sanou:

– Mitäpä mie siula ruan. Pitänöy onnakko suutie.

Kliimo sanou:

– Ethän sie luvannun suutie, ičehän yllytit varastamah. Siihi kokoutu herrua ta pappie, ta kaikenmoista rahvasta suutimah Kliimuo.

Čuari kertou, mitein Kliimo on varastan. Yksi vanha pappi sanou, jotta «emmä vielä suuti, no kun miun suanou varastua, nin siitä kačomma».

– Kun miun suanet pettyä, nin siitä suat koko ikäs varastua, – sanou pappi.

Kliimo sanou:

– En mie muuta tahokana varastua, kun siun suanen varastua. Ičehän miuta yllytittä.

Niin hyö Kliimo piässällettih pois.

On pyhäpäivän iltä. Pappi mänöy kirikköh, sielä pitäy jumalanpalvelusta. Kliimo peittäytyy kellonjalkoih ta jäy sinne yöksi. Pappi ta kaikki rahvas mäntih kotih. Kun tuli muateruventa-aika, Kliimo panou tuohukset palamah jumalankuvien eteh kirikköh. Akka kysyy papilta:

– Jätitkö sie kirikköh tulen, kun tuli näky?

Pappi sanou:

– Enkö hoti, kaikkihan mie ne sammutin lähtiessäni pois.

Pappi juoksou kirikköh, kuuntelou kun veisuau. A Kliimo on suoriutun papin vuateih.

Pappi kysyy:

– Kenpä sie olet ta miun vuateissa?

Kliimo sanou:

– Mie olen taivahasta, Jumala miun on tänne lähettän silma käymäh taivahah. Mie olen An’heli Gavriil. Kun mänet kotihis nin keryä kaikki rahat säkkih ta tänä iltana tuo ne kirikköh. Lähtiessäs sano akalla, jotta hiän juakkah ne köyhillä siun henkes muissoksi huomena. Muissa, iče elä ni kopeikkua hukkaa.

Pappi mänöy kotihis ta sanou akallah:

– Keryä ruttoseh kaikki rahat, mie lähen taivahah.

Akka kokou kaikki rahat tukkuh. Pyyhkiy kaikki seinän juovat siivellä, jottei jäisi mihikänä kohtah yhtä kopeikkua.

Pappi sanou akalla:

– Silma tullah netälin piästä käymäh taivahah. Jua nämä rahat huomena köyhillä.

Iče rahasäkin selkäh ta mänöy kirikköh.

Kliimo sanou:

– Mie ompelen škol’an ta siinä vien siut taivahah. Rahat heitä tänne. Vain kun lähemmä taivahah, nin elä riähkyä luaji: elä pieri.

Kliimo läksi kantamah pappie škol’assa, jo nousi melkein kellon jalkoihi asti. Viimeni porras oli enyä harpattava kellon jalkoih asti. Ta Kliimo iče pieri ta sanou papilla:

– Jo luajit riähän – nyt et piäse taivahah.

Työnsi komahutti papin muaha. Iče Kliimo solahti papilla ruttoseh jälkeh, kirjuttau škol’an laitah: «Ken tulou ensimmäiseksi, ni se lyökäh pualikalla tätä škol’ua». Nossaltau škol’an lakeh rippumah. Pappi vain istuu škol’assa. Kliimo otti rahaset ta mäni männessäh, ta pappi-taivahah matkalaini jäi siihi.

Papin akka lähtöy kirikköh rahua jakamah, kaččou – škol’ah on kirjutettu: «Ken tulou ensimmäiseksi, ni se lyökäh pualikalla tätä škol’ua». Akka lyömäh škol’ua. Pappi sanou:

– Elä hot’ sie, akka-rukka, lyö. Mie kun pierin, nin en piässyn taivahah. Kylmän olen ta vähissä henkissä. Ota pois milma tiältä.

Akka suattau papin kotih sänkyh. Pappi-raiska kylmi ta kipeyty semmoseksi.

Kliimo mänöy čuarilla ta sanou:
 – Pappi läsiy hyvin huonona, silma kučču kaččomah.
 Čuari mänöy papin luo:
 – No mistä ta mitein sie olet kipeytyn?
 Pappi sanou:
 – Jumala lähetti An`helin käymäh milma taivahah. Jo olin melkein sielä, jäi vain yksi askel harpattavaksi, vain kun mie pierasin, nin en piässyn.
 Čuari sanou:
 – Kyllä sie olet Kliimon petoksissa.
 Čuari sen huomasi, jotta Kliimo on hänen pettän. Pappi sanou:
 – Jokohan tuo oli, kanalja, niin viekas, jotta sai miun tuommoseh kepposeh?
 Kučutah Kliimo pappilah. Kliimo tulou. Čuari sanou:
 – Veitkö papin kiriköstä rahat?
 Kliimo sanou:
 – Ka mikäpä miun oli viijessä, kun hiän kerran heitti siihi? Joko nyt, pappi, usot, jotta saiko Kliimo pettyä siun?
 Pappi ta i čuari sanou:
 – Nyt varassa tahi ole varastamatta, elä kuin tykkyät.
 Häntä ei suutittu. Kliimo sanou:
 – En enämpi varassa, enkä meinua varastua, kun mie sain čuarin sekä papin petetyksi.
 Kliimo kävi siivosti elämäh.
 Sen pituni starina.

59. Вор Клиймо

Был один парень-странник, его звали Клиймо. Однажды Клиймо отправился по лесной дороге в сторону леса. Видит – мужик быка тянет. У Клиймо были новые сапоги на ногах. Клиймо думает: «Как бы мне выманить этого быка у этого мужика?» Он сбросил с ноги один сапог, а сам спрятался, чтобы мужик его не увидел. Мужик дошел вместе с быком до сапога, видит – хороший сапог на дороге:

– Взял бы его, но он только один, – бросает его и идет с быком дальше. Клиймо опять забегает вперед так, чтобы мужик его не увидел, и снова ставит сапог на дороге. Мужик смотрит:

– Так вот же второй сапог – пойду, схожу за другим, – поворачивает обратно, а быка оставляет тут на обочине дороги, и сапог тоже. Клиймо забрал свой сапог и быка, пока мужик искал второй сапог. Так Клиймо получил свои сапоги и быка. Мужик приходит – нет ни сапога, ни быка.

Клиймо ушел с быком в лес, забил быка. В лесу была ламбина. Клиймо отрезал у быка голову и бросил на другой берег ламбы, где был очень топкий берег. Голову быка он надел на шест и воткнул шест в болото, а мясо спрятал в лесу.

Мужик ищет, ищет быка – не может нигде найти:

– Куда же подевался бык? Может, отвязался и сбежал?

Мужик идет в лес и зовет быка:

– Птруко, бычок, птруко, бычок!

Клиймо отвечает из леса:

– Муу!

Мужик ругается и говорит:

– Черт тебя туда унес! – видит – на другом берегу ламбы только голова виднеется. Мужик никак не может подойти, чтобы выпастить быка из болота. Он сбрасывает с себя одежду и отправляется вплавь на другой берег к быку.

Тем временем Клиймо украл у мужика одежду – он уже и раньше промышлял воровством. Мужик добрался до другого берега, рванул быка за рога да еще говорит: «Сюда заставил залезть искать тебя!» – а там одна голова.

– Уж не Клиймо ли, разбойник, был так хитер и убил быка, а голову бросил в болото?

Приплыл обратно – одежда пропала:

– Наверняка это Клиймо, разбойник, унес одежду.

Приходит [мужик] домой голый и без быка.

– Что с тобой случилось, уж не сошел ли ты с ума?

Мужик рассказывает [жене], что наверняка это Клиймо, разбойник, придумал такую хитрость – убил быка и одежду унес.

Когда мужик встретил Клиймо, он спросил у него:

– Не ты ли украл у меня быка?

– Да, я украл.

Мужик повел Клиймо на суд к царю и рассказывает царю, что [Клиймо] «сапогом приманил, быка убил и одежду украл; – что мы с ним сделаем?» Царь говорит:

– Почему ты сам был так глуп? Раз он украл – так пусть украл. На этот раз мы его простим, если ему удастся и меня провести, – не осудим.

Царь спрашивает у Клиймо:

– Ты сможешь меня провести?

Клиймо отвечает:

– Смогу.

Царь говорит, что «я выпущу десять лошадей на пастбище и поставлю десять солдат с оружием сторожить их, и если ты сможешь украсть [коней], то мы тебя не осудим. Приходи-ка ночью и [попробуй] укради».

Клиймо уходит, покупает в магазине новую одежду, новые сапоги и одевается так нарядно, что больше не похож на вора, а [выглядит], как господин. Потом он покупает еще маленький бочонок вина, какой может унести, и кладет его в мешок. Когда наступила ночь, он взвалил мешок на спину и отправился на пастбище. Клиймо идет в сторону солдат, а сам качается, как будто пьяный, в нарядной одежде. Один из солдат говорит:

– Уже идет Клиймо.

Второй говорит:

– Да нет, это не он, а какой-то господин.

Клиймо подходит, качаясь, и спрашивает:

– Не желают ли парни вина – я бы угостил?

Мужики с радостью согласились:

– Почему бы и нет: ведь солдату никогда вина не давали.

Клиймо стал поить всех мужиков допьяна, а сам не пьет. Мужики опьянели – кто упал вверх ногами в ивняк, кто куда – и забыли сторожа о лошадях. Клиймо выбрал лучшего жеребца, сел на него верхом и поехал.

Царь говорит:

– Надо пойти проверить мужиков.

А те все пьяные в ивняке, лошадей всего девять. Слышит царь – борочет один [солдат] в ивняке. Подходит к нему, начинает пинать его.

Царь посадил всех сторожей в тюрьму. Возвращается домой – Клиймо верхом на жеребце стоит под царским окном в нарядной одежде. Царь спрашивает:

– Ну, смог украсть?

Клиймо отвечает:

– Так вот же я – [верхом].

– Вот так Клиймо. Еще можешь что-нибудь украсть?

– Могу.

Царь говорит:

– Если ты сможешь украсть перины из-под меня и моей жены, когда мы будем спать ночью, – вот тогда ты [настоящий] вор.

Клиймо залез днем под [цареву] кровать. У жены царя на печи было поставлено кваситься тесто. Царь с женой легли спать; Клиймо под кроватью. Когда царь с женой уснули, Клиймо взял тесто и вылил его между ними – постель между ними промокла. Царь говорит:

– Что ты, жена, сделала?

Их сорочки прилипли к тесту, они разругались. Наконец говорят:

– Ну, кто бы это ни сделал – тот и хорош. Пойдем мыться.

Когда они вышли в другую комнату, Клиймо свернул подушки в кучу и так и унес [вместе] с перинами. Царь и царица помылись и вернулись обратно – а кровать пустая, перины и подушки исчезли. Но они не догадались, что это Клиймо их унес, они решили, что это слуги их унесли. Спрашивают:

– Куда вы постели унесли?

А те ничего не знают о них.

– Неужели это Клиймо унес? Это, конечно, его проделки.

Проходит Клиймо под окнами царя, склонив голову. Царь спрашивает:

– Это ты, татарин, перины унес?

Клиймо отвечает:

– Я унес, раз ты велел унести.

– Приходи следующей ночью: если сможешь украсть у меня сундук с деньгами, когда я на нем буду сидеть, – вот тогда ты [настоящий] вор, – говорит царь.

Клиймо говорит:

– Так смогу – почему не смочь-то?

Клиймо думает: «Что бы мне сейчас придумать и как? Возьму на кладбище и приволоку один труп к нему: пусть он стреляет в него, чтобы меня не застрелил». Идет он в сторону кладбища. По дороге есть мост. Пьяный мужик лежит головой в реке, ноги кверху, только бормочет изредка. Клиймо спрятал его под мост, чтобы никто не увидел. Вот уже наступила темная ночь, все люди уже легли спать. Клиймо пошел с трупом, тащит, волочит его к цареву дому. Приволок, поставил его стоять у порога. Царь выстрелил, бабахнул в него – тот и упал, а Клиймо остался живым за дверью. Царь бросился относить труп в реку, думает, что он пристрелил этого Клиймо:

– Избавился-таки от разбойника!

Сундук с деньгами остался на месте. Клиймо быстро взвалил сундук себе на спину – и был таков, выманил-таки его опять у царя.

Царь возвращается – а сундука с деньгами больше нет на том месте, где он был. Спрашивает царь у жены:

– Ты убирала сундук с деньгами?

– Я вовсе ничего не видела и не слышала о сундуке.

Спрашивают они у всех домочадцев – никто не знает, куда он подевался.

– Ну, – говорят, – это, конечно, Клиймо унес его.

Клиймо опять на коня – того жеребца – и едет под царское окно: хорошо ехать на хорошем [коне]. Царь спрашивает у Клиймо:

– Ты унес сундук с деньгами?

Клиймо отвечает:

– Так унес, раз ты велел.

Царь говорит:

– Что мне с тобой сделать? Надо, наверно, судить.

Клиймо говорит:

– Ты же обещал, что не будешь судить: ведь ты сам подбивал меня воровать.

Собрались там господа, попы и всякий люд судить Клиймо. Царь рассказал, как Клиймо воровал. Один старый поп говорит, что «не будем пока судить, посмотрим, сможет ли у меня украсть».

– Если сможешь меня провести – тогда весь свой век можешь воровать, – говорит поп.

Клиймо говорит:

– Я и не хочу никого обворовывать, если тебя смогу обворовать. Сами ведь меня побуждаете!

Так они отпустили Клиймо.

Был воскресный вечер. Поп пошел в церковь, проводит там богослу-

жение. Клиймо спрятался на колокольне и остался там на ночь. Поп и весь народ разошлись по домам. Когда пришло время ложиться спать, Клиймо зажег свечи перед образами в церкви.

Жена спрашивает у попа:

– Ты оставил в церкви зажженные свечи, что свет виден?

Поп говорит:

– Неужели? Ведь я все их погасил перед уходом.

Поп бежит в церковь, слышит – кто-то исполняет псалмы. А это Клиймо оделся в одежду священника. Поп спрашивает:

– Кто ты, да еще в моей одежде?

Клиймо отвечает:

– Я [спустился] с небес: Бог послал меня сюда за тобой. Я Ангел Гавриил. Когда придешь домой, собери все деньги в мешок и принеси их сегодня вечером в церковь. Уходя, скажи жене, чтобы она раздала их завтра бедным на помин твоей души. Помни: сам не потеряй ни копейки.

Поп идет к себе домой и говорит жене:

– Собери быстренько все деньги: я отправляюсь на небеса.

Жена собрала все деньги в кучу, вымела все щели в стенах птичьим крылом, чтобы нигде не осталось ни копейки. Поп говорит жене:

– За тобой придут через неделю, чтобы забрать на небеса. Завтра раздай эти деньги бедным, – сам поднял мешок с деньгами на спину и идет в церковь.

Клиймо говорит:

– Я сошью мешок и в нем отнесу тебя на небо. Деньги оставь здесь. Только когда отправимся на небо, не согреси: не пукни.

Клиймо понес попа в мешке, поднялся уже почти до колокольни; последнюю ступеньку осталось перешагнуть до колокольни – как Клиймо сам пукнул и говорит попу:

– Ты уже согрешил – теперь не попадешь на небо, – и сбросил, бабахнул попа на землю. Сам же Клиймо быстренько спустился следом за попом, написал на краю мешка: «Кто подойдет первым – пусть ударит палкой по этому мешку» – и подвесил мешок под потолок. А поп только сидит в мешке. Клиймо забрал денежки и исчез, а поп-путешественник на небеса остался тут.

Попадья идет в церковь раздавать деньги, видит – на мешке написано: «Кто подойдет первым – пусть ударит палкой по этому мешку». Попадья стала бить по мешку. Поп говорит:

– Да не бей хоть ты, женушка. Я как пукнул, так не попал на небо. Я замерз и едва жив, выпусти меня отсюда.

Жена привела попа домой, [уложила] в постель. Поп-бедняга замерз и разболелся.

Клиймо идет к царю и говорит:

– Поп очень болен, зовет тебя навестить его.

Царь идет к попу:
 – Ну, отчего и как ты заболел?
 Поп говорит:
 – Бог отправил Ангела, чтобы тот забрал меня на небо. Я уже почти был там, одну ступень осталось перешагнуть, но я как пукнул, так не попал [на небо].
 Царь говорит:
 – Наверняка это Клиймо тебя обжулил, – царь понял, что это Клиймо его провел. Поп говорит:
 – Неужели он, каналья, был так хитер, что так меня провел?
 Зовут Клиймо к попу. Клиймо приходит. Царь спрашивает:
 – Ты унес деньги попа из церкви?
 Клиймо отвечает:
 – А что мне мешало их унести, если он оставил их там? Ну, теперь, поп, ты веришь в то, что Клиймо смог провести тебя?
 Поп и царь говорят:
 – Теперь можешь воровать или не воровать – живи, как нравится.
 Его не осудили. Клиймо говорит:
 – Больше не буду воровать и не хочу воровать, раз я смог провести и царя, и попа.
 Клиймо стал жить порядочно.
 Такой длины сказка.

60. Viisas Homa

Eläy Homa akkoneh. Sanou akallah:
 – Luaji sie, akka, piiruata!
 Akka paistau piiruut. Ukko panou ne kesselih, ottau sen selkäh, keihähän ottau käteh. Lähtöy mies mänömäh tietä myöten. Ulkona on kova lumipyry. (Niin kun nytki on ollun.) Ukko alko peitellä piiraita tiepuoleh lumeh. Niin heitteli kaikki piiruut lumen alla.
 Ajau kaksi herrua puaralla. Homa siirtyy tiepuoleh ta alkau keihähällä kovota kesselih piiraita. Herrat nähtih se, sanotah:
 – Mitä sie nyt, Homa, ruat?
 – Ka miula on semmoni keihäs, jotta kun vain pissällän, niin aina piirua tartuu.
 Herrat sanotah:
 – Myö meilä se keihäs.
 Homa vastuau:
 – Myön.
 Herrat annettih kolmesatua rupl’ua keihähästä. Homa pistäy rahat taskuh. Piiruut kokuou kesselih ta mänöy kotih. Herrat kun oltih laiskoja, ni ei kehattu noussa kuot’ t’elomah, tulouko keihähäh piiraita. Niin i mäntih kotih. Herrat sanou:
 – Läkkiä nyt piiraita pistelömäh.

Otetah kesseli selkäh. Pisselläh, pisselläh keihähällä – piiruat ei tartu.
 – Valehteli Homa. Lähemmä tapamma myö hänet.
 Homa sanou akallah:
 – Lämmitä kiukua sukkelah ta kuumenna kolme rautasaponnikkua.
 Akka lämmittä kiukuan, kuumentau kolme saponnikkua. Homa sanou:
 – Nyt mie, akka, kuolen. Käyn tähä laučalla venymäh.
 Akka suoritti Homan valkeih vuatteih. Panou ukon laučalla niin kuin ruumehen. Homa sanou akalla:
 – Kun tullah herrat, sie ite, niin kuin olisin kuollut.
 Akka sanou:
 – Jo herrat tullah.
 Ukko sanou:
 – Tuo miula ruttoseh ne kaikki kolme kuumua saponnikkua.
 Akka vei saponnikat reunah, herrat justih tultih pirttih.
 – Missä on Homa?
 Akka sanou:
 – Homa-rukka kuoli, – iče iänellä itköy.
 – Mitä nyt ruamma hänellä, kun hiän meilä möi keihähän kolmesta suasta rupl'asta ta sano, jotta siih keihähäh tarttuu piiruata ta myö emmä ole suanun yhtänä piiruata?
 Yksi herra sanou:
 – Situmma kuollehella suuhu, kun hiän meijät petti.
 Herra solahutti housut, rupei sittumah. «Kuollut» Homa tösähytti persieh kuumalla saponniekalla. Herra hyppäi ulos ta sanou toisella herralla:
 – Situ nyt sie!
 Toini herra rupieu sittumah. Homa tuas syöksä saponnikan persieh ta kolmannen trähni ikkunasta heposella persieh.
 Sanotah:
 – Ei, elävä se Homa on. Kuollut ei olis tätä ruatan. Läkkä viemmä hänet järveh.
 Tai pannah Homa säkkih, säkki rekeh ta lähettih viemäh järveh. Mänäh ajetah järvellä, se on jässä. Ei ole millä reikyä jystyä jähä. Toini toistah käsetäh ottamah purasta. Ei kumpanikan taho lähtie yksin. Lopulta sanotah:
 – Läkkä kumpaniki.
 Homa-raiska itköy vurvettau säkissä, jotta nyt kun herrat tuuvvah puras, ni luuvvah häntä järveh.
 Ajau tuomari hyvällä heposella Homasta kyličči, kysyy:
 – Ken sielä on säkissä?
 Homa sanou:
 – Mie, veikkoni, olen, Homa.
 Tuomari kysyy:
 – Mitein sie olet säkkih joutun?
 Homa sanou:
 – Ka milma herrat pannah järveh, iče mäntih purasta käymäh, millä reikyä jystyä.

Tuomari kysyy:

– Mintäh siut järveh pannah?

Homa sanou:

– Sentäh kun en osua suutie, enkä riätie, kun en ole tuomari.

Tuomari sanou:

– Tule pois säkistä, anna mie mänen säkkih. Mie osuan suutie ta riätie, mie olen tuomari.

Tuomari puissaltau Homan säkistä, iče mänöy säkkih. Homa sivaltau säkin kiini. Iče mänöy kotih tuomarin heposella. Tultih herrat purahan keralla, ruvettih jystämäh reikyä.

Tuomari sanou:

– Elkyä miuta pankua järveh. Mie olen tuomari, osuan suutie ta riätie.

Herrat sanotah:

– Vain sie, Homa, vielä sanot tuomari olevas, yrität kielastua.

Ta niin herrat pačkahutettih tuomari järveh.

Mäntih herrat kotih. Sanotah:

– Piäsimä Homasta – järvessä on.

Homa val'tasti tuomarilta suanehen heposen ta läksi ajelemah linnalla. Herrat ukotitah justih tulomah vastah.

– No millä ta mitein sie olet piässyn järvestä?

Homa sanou:

– Kun työ loitta säkin keralla järveh, ni mie sanoin: «Pus-puuraita, harharmaita heposie», ta miula puara eteh. Ne miut tuotih jiän piällä ta ajoin kotih. Lähtekkyä kaččomah miun tallista. Mie kun ruosalla lyön hevoista, ni se tipahuttau satarupl'ahisen häntäh alta.

Hyö lähetäh kaččomah Homan hevoista tallista. Homa pissältäy satarupl'ahisen heposen hännän alla. Löi ruosalla hevoista. Heponi kun hypähti, ni satarupl'ahini kirpoi hännän alta.

– Tämmösie tippuu miun heposen hännän alta.

Herrat sanotah:

– Lähe, Homa-veikkon, suata meitäki jiän alla, jotta myöki saisima semmoset heposet.

Homa sanou:

– Lähekkä. Mie suatan teijät ruttoh. Ei teitä tarviče i säkkih panna. Kun luon teijät ilman säkkie järveh, ni rutompah suatta heposet.

Homa herrat rekeh, mäni reijän luo ta työnsi heijät järveh samasta reijästä, mistä tuomariki mäni.

Alettih sielä jiän alla huutua:

– Pul', pul', pul'. Miula on häntä, miula on harja.

A iče ollah toini toiseh tukissa kiini. Homa siitä sai nellä hevoista. Sai rahat ta rikastu loppu ijäkseh. Herrat jäi jiän alla.

Homa vielä eläy tänä päivänäki, kun ei liene kuollun.

Sen pituni se.

60. Умный Хома

Жил Хома со своей женой. Говорит он жене:

– Испеки ты, жена, пирогов!

Жена испекла пироги. Муж положил пироги в кошель, взвалил его на спину, в руку взял пику. Отправился мужик шагать по дороге. На улице была сильная метель. (Как и теперь в последнее время было.) Мужик стал прятать пироги вдоль дороги в снег.

Проезжают два господина на паре [лошадей]. Хома отошел на обочину и стал пикой собирать в кошель пироги. Господа увидели это и говорят:

– Что это ты, Хома, делаешь?

– Так у меня такая пика, что как только ткну ею, так пирог и подцепится.

Господа говорят:

– Продай нам эту пику.

Хома отвечает:

– Продам.

Господа дали триста рублей за пику. Хома сунул деньги в карман, пироги собрал в кошель и пошел домой. А господа были так ленивы, что не захотели встать и попробовать, подцепятся ли на пику пироги, – так и поехали домой. [Потом] господа говорят:

– Пойдем теперь пироги цеплять.

Взяли кошель на спину. Тыкают, тыкают пикой – пироги не цепляются.

– Соврал Хома. Пойдем, уьем его.

Хома говорит своей жене:

– Истопи быстро печь и раскали три железных шомпола.

Жена истопила печь, раскалила три шомпола. Хома говорит:

– Теперь я, жена, умру – лягу здесь на лавку.

Жена одела Хому в белые одежды, уложила мужа на лавку, как покойника. Хома говорит жене:

– Когда придут господа, ты плачь, как будто я умер.

Жена говорит:

– Уже идут господа.

Муж говорит:

– Принеси мне быстренько все те три горячих шомпола.

Жена положила шомпола рядом [с мужем], а господа как раз вошли в избу.

– Где Хома?

Жена говорит:

– Хома, бедняжка, умер, – а сама причитает.

– Что мы теперь с ним сделаем, если он продал нам пику за триста рублей и сказал, что на эту пику цепляются пироги, а мы не получили ни одного пирога?

Один господин говорит:

– На... умершему в рот, раз он нас обманул.

Господин спустил штаны, стал испражняться. «Умерший» Хома ткнул его в зад горячим шомполом. Господин выскочил на улицу и говорит другому господину:

– С... теперь ты!

Другой господин стал испражняться – Хома опять вонзил шомпол в зад, а третий метнул через окно лошади в зад.

Говорят [господа]:

– Нет – жив Хома: мертвый такого не сделал бы. Пойдем, отнесем его в озеро.

Посадили они Хому в мешок, мешок погрузили в сани и повезли на озеро. Подъехали к озеру – а оно во льду. Нечем прорубить дыру во льду. Друг другу [господа] велят сходить за пешней: ни который не хочет отправляться один. Наконец говорят:

– Пошли вместе.

Хома-бедняга плачет-ревет в мешке, потому что сейчас господа присут пешню и бросят его в озеро.

Едет судья на хорошем коне мимо Хома, спрашивает:

– Кто там в мешке?

Хома отвечает:

– Это я, братец, – Хома.

Судья спрашивает:

– Как ты оказался в мешке?

Хома говорит:

– А меня господа бросят в озеро – они пошли за пешней, чтобы прорубить дыру.

Судья спрашивает:

– Почему они тебя в озеро бросят?

Хома говорит:

– Потому что я не умею ни судить, ни рядить – я ведь не судья.

Судья говорит:

– Выходи из мешка – я сяду в мешок: я умею судить и рядить, я судья.

Судья вытряхнул Хому из мешка, сам сел в мешок. Хома завязал мешок, а сам поехал домой на коне судьи. Пришли господа с пешней, стали рубить дыру. Судья говорит:

– Не бросайте меня в озеро: я – судья, я умею судить и рядить.

Господа говорят:

– Так ты, Хома, еще и называешь себя судьей, пытаешься обмануть! – и так господа бухнули судью в озеро.

Поехали господа домой, говорят:

– Избавились от Хома – в озеро он.

А Хома запряг полученную у судьи лошадь и поехал в город – и как раз господа едут навстречу:

– На чем и как же ты выбрался из озера?

Хома говорит:

– Когда вы бросили меня в мешке в озеро, я сказал: «Бур-бурые, сер-серые лошади» – и передо мной оказалась пара лошадей. Они вынесли меня на поверхность озера, и я приехал домой. Пойдемте смотреть в мою конюшню – я как ударю коня плеткой, так он и выронит сторублевку из-под хвоста.

И они отправились смотреть лошадь Хомы в конюшню. Хома сунул сторублевку коню под хвост, ударил коня плетью – и сторублевка выпала из-под хвоста.

– Вот такие [денежки] падают из-под хвоста моей лошади.

Господа говорят:

– Пойдем, братец Хома, опусти и нас под лед, чтобы и мы получили таких лошадей.

Хома говорит:

– Пойдемте – я быстро доставлю вас [под лед], вас и в мешок не надо сажать: если брошу вас в озеро без мешка, вы быстрее получите лошадей.

Хома – господ в сани, приехал к проруби и толкнул их в озеро через то же отверстие, через которое и судья ушел [под лед].

Начали [господа] кричать подо льдом:

– Буль, буль, буль, у меня хвост, у меня грива! – а сами схватили друг друга за волосы.

Так Хома получил четыре лошади, получил деньги и разбогател до конца жизни. А господа остались подо льдом. Хома жив еще и по сей день, если не умер.

Такой длины сказка.

61. Tietäjäakka

Čuarin tyttärellä sielä ennein muajilmassa kavotah sormukset. Linnalla levisi pakina:

– Čuarin tyttäreltä sormus kato. Kun löytyis semmoni tietäjä, ken löytäis sormukset, se sais hyvän palkan. Yksi akka sielä i sanou:

– Kyllä ne löytyis, kun mie oisin paikalla.

Čuarilla viijäh sana, jotta on yksi tietäjäakka, se tietäy, ta čuari i työntäy saltatan tietäjäy käymäh. Saltatta val’l’astau heposen. Čuari panou potuskah kananjiälíčän. Čuari sanou saltatalla:

– Kun tietänöy, jotta tässä potuskassa on kananjiälíčöitä, nin silloin se on tietäjä. Kun ei tietäne, ni ei ole tietäjä.

Saltatta mänöy akan luo ta sanou:

– Čuari kučču siuta tietäjäksi.

A se akka ei tiijä ei ni mitä, ei ni taivahan pölyö. Hänen pitäis suorita ta lähtie, vain kun ei tiijä mitänä ni varajau. Suorieu kuitenkin ta mänöy rekeh. Rupei istuutumah potuskan piällä. On hätätytn, kun tietäjäksi pitäis männä, eikä tiijä ni mitä. Saltatta sanou:

– Issu sie pois rutompah, jotta piäsemmä mänömäh.

Akka sanou:

– Istuisin mie, vain kun mie pyörin, niin kuin kanan jäiliččöjen piällä.

Saltatta arvelou: «Tämä on tietäjä, kun tiesi, jotta potuskassa on kanan jäiliččäsie». Viey čuarilla akan ta sanou:

– Tämä on tietäjä, kun tiesi, jotta potuskassa on kananjäiliččöjä.

Čuarissa syötettih, juotettih akkua. Čuari sanou:

– Nyt pitäy ruveta tietohuimah, jotta ken ne sormukset varasti.

Akka sanou:

– Viekyä miut semmoseh omituiseh huoneheh, jotta mie sielä arvottelisin, ken ne on varastan.

Akka viijäh yhteh huoneheh. Joukko mäntih pois. Hiän jäi yksinäh siihi.

Seinän takuana toisessa huonehessa on nellä mieskasakkua. Akka moliu Jumalua, kun ei tiijä, missä on sormukset: meinuu, jotta hänet tapetah, kun ei sua tietyä missä ollah sormukset.

– A mi Miškalla, se i Griškalla, mi Očalla, se i Vačalla, kun tapettaneh, ni tappakkah.

Kasakat kuunnellah toisella puolella. Akka ei tiijä, jotta seinän takuana on ketänä. Kasakoilla on justih ne nimet: Miša, Griša, Očča, Vačča, kasakat oli varassettu sormukset čuarin tyttäreltä. Ne i hätävyyttih. Ne Jumalua molitah.

– Tässä on, kukki akkaseni, sormukset. Myö olemma nämä varastan, elä vain sano kenelläkänä.

– En sano, en sano, kunhan sain sormukset.

Akka piäsi hyvällä mielellä huomenesta vuottamah, kun sai sormukset.

Huomeneksella tullah tietäjä pois ottamah.

– Tässä on, čuari-kormeličča, sormukset: tuotih.

A iče on ihmeissäh, kun sai sormukset.

Čuari ihastu ikihyväksi. Sanou akalla:

– Mitä nyt palkkua otat tietohuimuas, kun tämän hyvän luajit meilä?

– En ota ni mitänä. Kun vain, čuari-kormeličča, antanet luvan, jotta ei ni ken miuta enyä tietäjäksi kuččuis.

Čuari luati semmosen luvan, jottei ni konsa enyä kuču kenkänä akkua tietäjäksi, ta anto vielä suuren palkan akalla.

Sen pituni se starina.

61. Ведунья

У царевны [где-то] там раньше в мире пропали кольца. По царству разнеслась молва:

– У царевны пропали кольца. Если бы нашелся такой ведун, который нашел бы кольца, он получил бы хорошую награду. Одна бабка там и говорит:

– Они наверняка бы нашлись, если бы я там была.

Царю отнесли весть, что есть одна ведунья – она узнает, [где кольца], и царь послал солдата за ведуньей. Солдат запряг лошадь. Царь положил в подушку куриное яйцо. Царь говорит солдату:

– Если она узнает, что в этой подушке есть яйца, тогда она ведунья, если не узнает – тогда она не ведунья.

Солдат приходит к бабке и говорит:

– Царь позвал тебя, как ведунью.

А та бабка ничего не ведает, ровным счетом ничего. Ей надо бы собраться и поехать, но потому как она ничего не знает, то боится. Все же она собралась и идет в сани. Собирается сесть на подушку – а сама так перепугана, что должна быть знахаркой и ничего не знает. Солдат говорит:

– Да садись же ты побыстрее – поедем наконец.

Бабка говорит:

– Я бы села, только вот верчусь, как курица на яйцах.

Солдат думает: «Она ведунья, раз узнала, что в подушке есть куриные яйца». Привозит он бабку к царю и говорит:

– Она ведунья: она узнала, что в подушке есть куриные яйца.

У царя накормили, напоили бабку. Царь говорит:

– Теперь надо начинать ворожить, чтобы узнать, кто эти кольца украл.

Бабка говорит:

– Отведите меня в такую отдельную комнату, где бы я могла гадать, кто их украл.

Бабку отвели в одну комнату. [Сопровождавшие ее] люди ушли – она осталась одна. За стеной в другой комнате были четыре работника. Бабка молит Бога, потому как не знает, где кольца: думает, что ее убьют, если она не узнает, где кольца.

– А, что Мишке, то и Гришке, что Очче, то и Вачче [букв.: что лбу, то и животу]: коль убьют – так пусть убьют.

Работники за стеной слушают. Бабка не знала, что за стеной кто-то есть. А работников как раз звали Миша, Гриша, Очча и Вачча. Работники украли кольца у царевны – они и испугались и стали Богу молиться.

– Вот, дорогая бабулечка, кольца. Это мы их украли, только не говори никому.

– Не скажу, не скажу – главное, что нашла кольца.

Бабка, довольная, что нашла кольца, стала дожидаться утра.

Утром пришли за ведуньей.

– Вот, царь-кормилец, кольца: принесли, – а сама себе удивляется, что раздобыла кольца. Царь обрадовался несказанно, говорит бабке:

– Какую же награду ты возьмешь за свою ворожбу, что такое доброе дело нам сделала?

– Ничего не возьму, если только, царь-кормилец, пообещаешь, что никто меня больше не будет звать ворожить.

Царь издал такой указ, чтобы никто никогда больше не звал бабку ворожить, и еще дал большую награду бабке.

Такой длины эта сказка.

62. Höperö poika

Oli ennen ukko ta akka. Heilä on yksi tytär. Tytär jalkah alta suau pojan. Tuattoh ta muamoh ei ni tiijetä, jotta hiän sai pojan. Tytär panou peittoh pokliettah pojan. Hyö eletäh siinä viisitoista vuotta. Tuattoh ta muamoh kuollah siltä tyttäreltä. Tytär ajattelou: «Lähen kaččomah poklietasta, jotta vieläkö sielä on sen lapsen luut. Kuoli se kuitenkin jo pienenä». Avuau oven. Sielä kävelöy suuri riski poika. Muamoh ottau pojan pois, suorittau niin kuin ainaki miehen. Poika on semmoni pöllöpäini, kun yksinäh on pimiessä kasvan. Muamoh sanou pojalla:

– Voita on renki, niin mäne myö se voi linnalla, nin suamma rahua.

Poika ottau voirenkin, panou kelkkah, lähtöy viemäh. Tien vieressä on vanha laho kanto. Sitä tuuli häilyttelöy, siltä on juuret jo hapattu. Poika sanou kannolla:

– Ossa, mies, voita!

Kun tuulou, nin kanto vain häilähtelöy. Poika sanou:

– Mitä piätäs kallistelet, ossa voita. Totta sie olet mykkä, kun et pakaja. Tässä on voirenki, vain huomena mie tulen veloillani, varussa rahat.

Nostau voirenkin poika kannon piähä ta mänöy kotih. Muamoh sanou pojalla:

– Saitko myyvvä voin?

– Sain. Yksi mies tuli vastah, mie heitin voirenkin velaksi, kun ei sillä ollun rahua.

Ollah huomeneh. Muamoh sanou pojallah:

– Mäne nyt sua pois rahat, kun voirenkin jätit.

Poika mäni kannon luo – voirenki on kirvonnun kannon piästä ta tyhjä on.

– Nyt maksa rahat, kun olet voin syönyn, renki on tyhjä.

Kanto vain häilähtelöy.

– Etkö taho maksua? Maksat miula!

Ta «korvalla» pačkai kantuo. Kanto kuatuo rysähti, sieltä kannon juuresta kultua värčči. Poika sanou:

– Maksoitpahan, et kunne piässyn.

Poika vief kultavärččin muamollah. Muamoh sanou:

– Mistä sie näin äijän sait rahoja?

Poika sanou:

– Eihän se ois mies mielelläh ruvennun maksamah voita, vain mie hänen tapoin ta otin kaikki rahat.

Muamoh sanou pojallah:

– No mäne tapa härkä, myöt lihat linnalla.

Poika tappo härän, pani lihat kelkkah ta läksi myömäh linnalla. Vetäy järvie myöte kelkkua. Tulou oikein monta koirua, koko suuri parvi koirie. Ne ruvettih haukkumah ta alettih kiskuo lihoja kelkasta. Poika sanou:

– Elkyä työ iče ottakkaa, ostakkaa rahalla.

Koirat enemmän ruvetah haukkumah. Poika luou kaikki lihat koirilla ta sanou:
 – Tuokua rahat lihoista huomena.
 Poika pyörähti kotih. Muamoh kysyy:
 – Saitko myyvvä lihat?
 – Sain velaksi: vastah tuli suuri joukko miehie, ne ossettih kaikki lihat miulta. Huomena luvattih maksua.
 No muamoh varajau, jotta kyllä se koirilla syötti ne lihat. Huomeneksella sanou:
 – Mäne käy rahat lihoista.
 Poika läksi ta i mänöy järvellä samah paikkah, missä koirat oltih eklein.
 Poika otti vielä koista nuoran, jotta kun ei ruvettane maksamah, nin sitou velkamiehiet ta viey čuarih suutuloihe.
 Koirat ollah samassa paikassa, tuas haukutah häntä. Poika nuoran kera ajelou koirie:
 – Maksakkua rahat kun ottija eklein lihua.
 Suau kaikki koirat nuorah:
 – Nyt lähtekkyä suutuloihe čuarih.
 Viey koirat čuarih. Koirat toratah männessäh. Čuari sanou:
 – Oletko sie hõperõ vain mitä, kun koirien kera tulet tänne?
 – En ole mie hõperõ, vain nämä miehiet eklein ossettih miulta ilman rahua lihua, eikä nyt makseta, nin mie toin ne suutuloihe. Mitä, čuari, nyt suutit näitä?
 Čuari kaččou, jotta hõperõ tämä on, ta kuččuou niijen koirien isännät suutuloihe.
 Isännät tullah.
 – Eklein kun tältä pojalta, – sanou čuari, – nämä koirat söi lihat, niin työ maksakkua.
 Koirien isännät maksettih rahat, ta poika läksi muamoh luo. Mänöy kotihih, sanou muamollah:
 – Tässä on rahat.
 Niin hyõ suatih rahua ijäkseh ta alettih elyä.
 Sen pivus i starina.

62. Глупый парень

Были раньше муж и жена. У них была одна дочь. Дочь родила сына вне брака. Отец и мать и не знают, что она родила сына. Дочь спрятала сына в подвал. Так они прожили пятнадцать лет. Отец и мать умерли у этой девушки. Девушка думает: «Пойду посмотрю в подполе, еще ли там есть косточки этого ребенка: он, конечно, умер еще маленьким». Открывает она дверь – а там ходит большой, здоровый парень. Мать выводит сына, одевает его, как настоящего мужчину. А сын такой глупый, потому что один рос в темноте. Мать говорит сыну:

– Есть ведро масла, так поиди продай это масло в городе – заработаем денег.

Сын взял ведро с маслом, поставил его на санки и повез. У дороги стоит старый трухлявый пенёк, его покачивает ветер: у него уже корни сгнили. Парень говорит пню:

– Купи, мужик, масло!

Дует ветер, и пенёк покачивается. Парень говорит:

– Что голову склоняешь – купи масло! Видимо, ты немой, раз не разговариваешь. Вот ведро с маслом, только завтра я приду за долгом – приготовь деньги.

Парень поднял ведро с маслом на пенёк и пошел домой. Мать спрашивает у сына:

– Удалось продать масло?

– Удалось: встретился один мужик – я отдал ведро масла в долг, потому что у него не было денег.

Живут они до завтра. Мать говорит сыну:

– Иди теперь получи деньги, раз оставил ведро с маслом.

Парень подходит к пню – ведро с маслом упало с пня и пустое.

– Плати теперь деньги, раз масло съел, – ведро пустое.

Пенёк только покачивается.

– Так ты не хочешь платить? Ты мне заплатишь! – и ударил пенёк «по му». Пенёк с треском развалился, а оттуда из-под корней пня показался мешок с золотом. Парень говорит:

– Заплатил-таки, никуда не делся.

Парень отнес мешок с золотом матери. Мать спрашивает:

– Где ты взял так много денег?

Сын говорит:

– Тот мужик ведь не хотел платить за масло, так я его убил и забрал все деньги.

Мать говорит сыну:

– Ну, иди забей быка – продашь мясо в городе.

Сын забил быка, сложил мясо в сани и повез продавать в город. Везет сани по льду озера. Встречается очень много собак – целая большая стая собак. Они начали лаять и стали хватать мясо с саней. Парень говорит:

– Вы так не берите – купите за деньги.

Собаки еще пуще лают. Парень бросил все мясо собакам и говорит:

– Принесите деньги за мясо завтра.

Парень развернулся и пошел домой. Мать спрашивает:

– Удалось продать мясо?

– Отдал в долг: встретилась большая толпа мужиков, они купили у меня все мясо. Завтра обещали заплатить.

А мать опасается, что наверняка он собакам скормил то мясо. Наутро она говорит:

– Пойди забери деньги за мясо.

Парень пошел и пришел на озеро, на то же место, где вчера были со-

баки. Парень взял еще дома веревку на тот случай, что если [те] не будут платить, то он свяжет должников и отведет к царю на суд. Собаки оказались на том же месте и опять стали лаять на него. Парень с веревкой стал гонать собак:

– Платите деньги, раз взяли вчера мясо!

Привязал он всех собак на веревку:

– Теперь пойдете на суд к царю.

Повел он собак к царю. Собаки по дороге дерутся. Царь говорит:

– Дурак ты или как, что пришел сюда с собаками?

– Я не дурак, а эти мужики вчера купили у меня мясо без денег, а теперь не платят [долг], так я привел их на суд. Как ты теперь, царь, осудишь их?

Царь видит, что дурак этот [парень], и вызывает хозяев этих собак на суд. Хозяева приходят.

– Вчера у этого парня, – говорит царь, – эти собаки съели мясо, так вы заплатите [за них].

Хозяева собак заплатили деньги, и парень пошел к матери. Приходит домой, говорит матери:

– Вот деньги.

Так они заработали денег на весь свой век и стали жить.

Такой длины сказка.

63. Vuota, muamo, huomena

On akka ta akalla poika. Lähtöy poika kyläh. Nyhitäh pellohlla nakrista. Poika alkau luoksennella nakrehija pellohlla, häntä i lyyvväh. Poika mänöy kotihih ta sanou muamollah:

– Milma lyötih.

Muamo kysy:

– Mintäh silma lyötih?

– Mitä lienöy tukkuloih vihantua nyhittih, mie niitä luoksentelin, siitä milma lyötih.

Muamoh sanou:

– Ei olis pitän siun luoksennella. Siun ois pitän sanuo, jotta «anna Jumala nelliköllä miärätä, rejellä kotih vetyä».

– Vuota, muamo, huomena, – poika sanou.

Huomena poika lähtöy kyläh. Vejetäh kuolieta muaha. Poika sanou:

– Anna jumala nelliköllä miärätä, rejellä kotih vetyä.

Poikua tuas lyötih. Hiän mänöy muamoh luo itkien, sanou:

– Milma, muamo, lyötih.

Muamo kysy:

– Mintäh silma lyötih?

– Mitä lienöy valkieta vejetty heposella rejessä. Mie sanoin: «Anna Jumala nelliköllä miärätä, rejellä kotih vetyä», siitä milma lyötih.

Muamo sanou:

– Ei olis pitän niin sanuo. Siun ois pitän laulua, niinkuin toisetki laulettih ta sanuo: «Prosti, pokoinniekkaseni!»

– Vuota, muamo, huomena.

Lähtöy tuas kyläh poika. Riihi palau. Sielä on sammuttajua. Poika mäni, alko laulua ta sanou: «Prosti, pokoinniekkaseni!» Häntä tuas lyyvväh riihen sammuttajat:

– Vieläkö tulet tänne laulamah tulipalolla?

Mänöy poika kotihih:

– Milma, muamo, lyötih.

– Mintäh silma lyötih?

– Mi lienöy ollun semmoni valkie ta siihi vettä kannettih. Mie lauloin ta sanoin: «Prosti pokoinniekkaseni».

Muamoh sanou:

– Miksi lauloit? Siun ois pitän vettä luuvva.

– Vuota, muamo, huomena.

Lähtöy tuas poika kyläh. Mies on luatin tulen tieviereh ta sikua korventau. Poika otti kanteikallisen vettä ta loi tuleh. Micheltä tuli sammu ta sijanlihat kaikki tuhkauu. Mies häntä löi.

Mänöy poika tuas muamoh luo itkien:

– Milma, muamo, lyötih.

– Mintäh silma lyötih?

– Kun oli tulipalo, niin löin vettä siihi, mies mitä lienöy rasvaista korventi.

– Siun ois pitän ottua keppi ta kohennella tulta ta sanuo: «Anna Jumala vilkoilla syyvvä, torielkoilla kantua Äijänpäivän murkinaksi!»

– No vuota, muamo, huomena.

Lähtöy poika tuas kyläh. Mies kyyköttäy tiepuolessa ta ähkiy.

Poika ottau kepin ta alkau hämmentyä ta sanou:

– Anna Jumala vilkoilla syyvvä, torielkoilla kantua Äijänpäivän murkinaksi!

Mies häntä lyöy ta karjuu:

– Mitä sie sittua hämmennät ta sillä keinoin sanot?

Mänöy poika kotih ta sanou:

– Milma, muamo, lyötih.

Muamoh sanou:

– Mintäh silma lyötih?

– Mies kun kyykötti tien vieressä ta ähki, mie sauvalla hämmentelin ta sanoin: «Anna Jumala vilkoilla syyvvä, torielkoilla kantua Äijänpäivän murkinaksi!»

Muamoh sanou:

– Siun ois pitän sylkie sinne päin ta männä kyličči.

– Vuota, muamo, huomena.

Läksi poika tuas huomena. Mänöy kyläh. Pappi tulou vastah rissin kera,

kirikköh mänöy. Poika papilla kun suuren tukun rekyä röksäi silmillä. Pappi häntä lyöy mäčöttäy rissillä. Poika mänöy kotihih itkien muamoh luo. Muamo kysyy:

– Mitä itet?

– Milma, muamo, lyötih.

– Mintäh silma lyötih?

– Ka miula mi lienöy tullun musta vastah ta mi lienöy ollun kiiltävä kiässä.

Mie sylin sillä silmillä, siitä lyötih.

Muamoh sanou:

– Siun ois pitän silmäs ristie ta suulastautuo siihi kiiltäjäh ristih.

– Vuota, muamo, huomena.

Läksi poika tuas kyläh. Kontie on sortan lehmän ta sitä syöy. Poika mänöy kontien luo ta silmijeh risti y ta suulastautuu. Häntä lyyvväh ta sanotah:

– Mintäh sie et ajan kontieta lehmän piältä?

Poika mänöy itkien muamoh luo.

– Mitä itet?

– Milma, muamo, lyötih.

– Mintäh silma lyötih?

– Mi lienöy musta ollun ta lihua söi, nin mie suulastauvuin.

Muamoh sanou:

– Siun ois pitän kenkällä lyyvvä sitä mustua.

– Vuota, muamo, huomena.

Lähtöy poika kyläh. Kaksi suurta herrua tiellä seisotah vassakkah, luvetah sanomalehtie. Poika mäni ta pačkai kenkällä niillä herroilla välih. Herrat tuas poikua lyötih.

Mänöy kotihih itkien:

– Milma, muamo, lyötih.

– Mintäh silma lyötih?

– Kaksi mustua seiso tiellä ta valkie oli välissä, niin mie löin kenkällä.

Muamoh sanou:

– Ne luvettih sanomalehtie. Siun ois pitän kysyö, mitä on lehessä, ta ruveta lukomah.

– Vuota, muamo, huomena.

Läksi poika tuas kyläh. Nuori pariskunta matatah. Poika ajautuu heilä välih ta karjuu:

– Mitä on lehessä?

Ne karjeuhuttih:

– Mäne česni, meilä ei ole lehtie, eikä paperie, – ta lyötih poikua.

Poika mänöy muamoh luo itkien:

– Milma, muamo, lyötih.

– Mintäh silma lyötih?

– Kaksi matkai, mie mäni välih ta sanoin, jotta «mitä on lehessä», siitä i lyötih.

Enämpi muamo ei työntän poikua ni mihi. Siihi loppu pojan kyläreissut.

63. Погоди, мама, – завтра

Живет женщина, а у женщины есть сын. Отправляется парень в деревню. [Видит] – на поле выдергивают репу. Парень начал выбрасывать репу с поля – его и побили. Парень приходит домой и говорит матери:

– Меня побили.

Мать спрашивает:

– Почему тебя побили?

– Что-то зеленое вырывали и в кучи складывали, а я это выбрасывал [с поля], за это меня побили.

Мать говорит:

– Не надо было тебе выбрасывать. Тебе надо было сказать: «Дай Бог четвертью мерить, санями домой возить».

– Погоди, мама, – завтра [скажу], – говорит сын.

Назавтра парень отправляется в деревню. Везут покойника хоронить. Парень говорит:

– Дай Бог четвертью мерить, санями домой возить.

Парня опять побили. Он идет к матери с плачем, говорит:

– Меня, мама, побили.

Мать спрашивает:

– Почему тебя побили?

– Что-то белое везли лошадью в санях. Я сказал: «Дай Бог четвертью мерить, санями домой возить», – за это меня побили.

Мать говорит:

– Не надо было так говорить. Тебе надо было петь так же, как и все пели, и сказать: «Прости, покойничек!»

– Погоди, мама, – завтра!

Опять отправляется парень в деревню. Горит рига. Там люди тушат пожар. Парень подошел, стал петь и говорит: «Прости, покойничек!» – его опять и побили те, кто тушили пожар:

– Придешь еще сюда петь на пожаре?

Идет парень домой:

– Меня, мама, побили.

– За что тебя побили?

– Было что-то такое светлое, и на него воду лили. Я спел и сказал: «Прости, покойничек».

Мать говорит:

– Зачем ты пел? Тебе надо было бросить воды [на огонь].

– Погоди, мама, – завтра.

Опять парень отправляется в деревню. Мужик развел у дороги огонь и палит свинью. Парень набрал ведро воды и выплеснул на огонь. Огонь у мужика погас, и вся свинина запачкалась золой. Мужик побил парня. Парень опять приходит домой, плача:

– Меня, мама, побили.
– За что тебя побили?
– Был пожар, и я бросил на него воды; мужик что-то жирное палил [на огне].

– Тебе надо было взять палку и поворошить в углях и сказать: «Дай Бог вилками есть, тарелками подавать на пасхальный обед!»

– Ну, погоди, мама, – завтра.

Опять парень отправляется в деревню. Сидит мужик на корточках на обочине дороги и кричит. Парень берет палку, начинает ворошить [под ним] и говорит:

– Дай Бог вилками есть, тарелками подавать на пасхальный обед!

Мужик его побил и кричит:

– Зачем ты дерьмо перемешиваешь и так говоришь?

Приходит парень домой и говорит:

– Меня, мама, побили.

Мать спрашивает:

– За что тебя побили?

– Так мужик сидел на корточках у дороги и кричал, а я палкой помешал и сказал: «Дай Бог вилками есть, тарелками подавать на пасхальный обед!»

Мать говорит:

– Тебе надо было плюнуть в ту сторону и пройти мимо.

– Погоди, мама, – завтра.

Назавтра парень опять отправляется, приходит в деревню. Встречается ему поп с крестом, в церковь идет. Парень как харкнул большую кучу соплей попу в лицо, – поп его бьет, колотит крестом. Парень идет домой к матери, плача. Мать спрашивает:

– Что ты плачешь?

– Меня, мама, побили.

– За что тебя побили?

– Так мне встретился кто-то в черном, и что-то блестящее было в руке. Я плюнул ему в лицо, за это меня побили.

Мать говорит:

– Тебе надо было перекреститься и поцеловать этот блестящий крест.

– Погоди, мама, – завтра.

Опять парень отправился в деревню. Медведь задрал корову и ест ее. Парень подходит к медведю, крестится и целует его. [Люди] его побили и говорят:

– Почему ты не отогнал медведя от коровы?

Парень идет, плача, к матери.

– Что ты плачешь?

– Меня, мама, побили.

– За что тебя побили?

– Был кто-то черный и ел мясо, а я его поцеловал.

Мать говорит:

– Тебе надо было ударить этого черного сапогом.

– погоди, мама, – завтра.

Отправляется парень в деревню. Два больших господина стоят на дороге друг напротив друга, читают газету. Парень подошел и двинул сапогом между этих господ. Господа опять парня побили. Идет он домой, плача:

– Меня, мама, побили.

– За что тебя побили?

– Два черных стояли на дороге, а между ними было белое, так я ударил сапогом.

Мать говорит:

– Они читали газету. Тебе надо было спросить, о чем пишут в газете, и начать читать.

– погоди, мама, – завтра.

Опять парень отправился в деревню. Идет молодая пара. Парень пропихнулся между ними и кричит:

– Что есть в газете?

Те раскричались:

– Чтоб ты сдох! У нас нет ни газеты, ни бумаги, – и побили парня.

Парень приходит к матери, плача:

– Меня, мама, побили.

– За что тебя побили?

– Шли двое, я залез между ними и спросил: «Что есть в газете?», – за это и побили.

Больше мать не отправляла сына никуда. На этом закончились походы парня в деревню.

64. Ville ta papinakan pyhävelli

Oli ennenin pappi, eläy akkah kera. Heilä kasvau oikein äijän vil'ua. Akka sanou papilla:

– Pitäis meilä kasakka suaha riihija puimah.

Pappi sanou:

– Mie lähen eččimäh kasakkuu linnalta.

Akka sanou:

– Elä vain Ville-nimisijä ota kasakakse.

Lähtöy pappi. Tulou mies vastah papilla. Mies kysyy:

– Mihi mänet, pappi?

– Mänen kasakkuu eččimäh, – sanou pappi.

Mies sanou:

– Ota milma kasakakse.

Pappi kysyy:

– Mi siula on nimi?

– Miula on nimi Villi, – mies vastuu.

Pappi sanou:
 – Ei akka käsken Ville-nimellisijä ottua.
 Pappi lähtöy ielläh mänömäh.
 Ville juoksou poikkipolveltah vastah papilla, kysyy:
 – Mihi mänet, pappi?
 Pappi sanou:
 – Kasakkua eččimäh.
 Ville sanou:
 – Ota milma kasakakse.
 Pappi kysyy:
 – Mi siula on nimi?
 – Ville.
 – Ei akka käsken Ville-nimisijä ottua. Eikö tiälä, – pappi sanou, – muun nimellisijä miehie ole, kuin Ville-nimisijä?
 – Ei ole tällä linnalla, muuta kun Ville-nimisijä.
 Ottau pappi Villen kasakaksi. Männäh kotih. Papinakka sanou:
 – Mi tällä on nimi?
 – Ville.
 – No miksi otit Ville-nimisen?
 Pappi sanou:
 – No kun ei ollun muun nimellisijä.
 Papinakka syöttäy, juottau kasakan i papin ta käsköy hiät riihtä puimah.
 Pappi ta Ville männäh riiheh. Alettih puija riihtä. Pappi sanou:
 – Nälkä tuli, pitäy lähtie käyvä savtrakkua.
 Ville sanou:
 – Elä lähe sie, lähen mie nuoremmtani.
 (A riihi on väki loittona papin koista.)
 Mänöy papin ikkunan alla ta kaččou, kun papinakka sriäppiy vehnäistä ta stolan piässä istuu toini pappi. (Se on papin akan pyhävellii.)
 Pyhävellii sanou papinakalla:
 – A kun pappi tulou savtrakkua, ni mihi se mie jouvun?
 Papinakka sanou:
 – Otat ukon mussan turkin, panet muurnin piälläs ta mänet liäväh lampahien sekah.
 Ville kolistau ovie. Pyhävellii-pappi juoksi turkki korvissa lampahien sekah.
 Akka kysyy:
 – No, mitä sie näin aivoin tulit savtrakkua käymäh?
 Ville sanou:
 – Pappi käski, jotta mousot on siula kiireh, nin ruan jos mitä tiälä.
 Akka sanou:
 – Ei ole vielä evähät valmehet.
 Ville sanou:
 – Mie lähen juotan lampahat ta ruan liävätöitä.

Papin akka sanou:
 – Mie iče juotan lampahat ta lehmät. Ota evähät ta mäne pois!
 Ville sanou:
 – A kun pappi käski, nin lähen juotan, en mie siun sanoja huoli.
 Otti sankollisen kuumua vettä, sevotti veteh ruumenta ta kuato sen papilla korvih.
 Pappi huimeni juoksomah karjunnan kera ta sinne i turkin loi jalkoih.
 Mänöy pirttih Ville ta sanou akalla:
 – Yksi pokko huimeni ta i nahkah loi lampahien sekah i kunne lienöy männyn.
 Akka panou evästä. Ville mänöy riiheh evähien kera.
 Pappi sanou:
 – Mitä sie sielä niin pitälti olit, kun olen yksin koko riihen puinun?
 Ville sanou:
 – Akka käski lampahie juottua, ni viivyin.
 Pappi sanou:
 – No, hyvä oli, kun autoit.
 Puijah riihi, männäh pappi ta Ville kotih. Toisena iltana tuas ni lähetäh riiehtä puimah. Puijah riiehtä yöllä vähäni aikua. Pappi sanou:
 – Nälkä tuli, pitäy lähtie savtrakkua käymäh.
 Ville sanou:
 – Mie juoksen nuoremmttani.
 Pappi sanou:
 – No, käy, vain elä ole pitälti, tule ruttoseh poikes.
 Mänöy Ville ikkunan alla pappilah. Akka sriäppi. Se samani pyhävellä on tuas stolan piässä ta sanou akalla:
 – Minne mie nyt mänen, kun pappi tulou savtrakkua?
 Akka sanou:
 – Mäne potvolkalla sulkavärččih.
 Ville kun kuuli ta i mäni ovie kolistamah. Pyhävellä sulkavärččih potvolkalla. Akka tuas kiruou, kun näin aivoin tuli. Ville sanou:
 – Pappi käski luatie potuskoikse sulat, mit on potvolkalla värččissä.
 Akka pölästy ta sanou:
 – Meilä on potuskua tarpeheksi, mäne matkahas.
 Ville sanou:
 – Kun kerran pappi käski, nin mie mänen otan sulat ta luajin potuskua.
 Mänöy Ville, nousou potvolkalla, ottau sen sulkavärččin, missä pappi on. Puistau papin ta i sulat tervapuisesh. Sulat tarttu pappih tervan kera. Pappi juoksomah pakoh, kun piäsi Villen käsistä. Ville mänöy akan luo ta sanou:
 – Sielä on lintu sulkavärččissä, ni lentoh läksi.
 Akka panou evästä. Ville mänöy riiheh, viey papilla. Pappi sanou:
 – Mitä sie sielä niin pitälti, koko päivän olet, mie koko riihen puin?

Ville sanou:

– Mie evähie vuottuaissani luajin potuskoja.

Pappi sanou:

– Hyvä oli, kun autoit.

Puijah riihi. Männäh pappilah. Ollah iltah sielä. Lähetäh riiheh. Alettih riihtä puija. Puitih vähäni aikua. Pappi sanou:

– Nyt lähen mie savtrakkua käymäh.

Ville sanou:

– Mie mänen, ruttoseh mie juoksen!

Mänöy Ville. Kuuntelou ikkunan alla ta kaččou: tuas on sielä samani pappi, pyhävellä. Se sanou:

– Mihipä mie nyt jouvun, kun pappi tulou savtrakkua käymäh?

Akka sanou:

– Mäne tuoho kamarih suuren oprasan tua, niin sieltä hiän ei löyvä.

Ville mänöy tuas, alkau ovie kolistua. Akka mänöy avuamah ta kiruou, kun joka päivä niin aikaseh tulou. Ville sanou emännällä:

– Tänä päivänä on pruasniekka, nin pappi käski kaikkien oprasojen eteh panna tuohukset palamah ta laulamah pikkaraisen kaunnoisen.

Akka sanou:

– Mie panen iče tuohukset, mäne pois!

– Ei, kun pappi kerran käski milma, nin mie panen.

Ville virittäy kaikkien oprasojen eteh tuohukset ta mänöy siihi kamarih, missä on pyhävellä. Hiän seisou oprasojen takuana. Ville sanou:

– Kun on vanha oprasa tiälä. Tähä pitäy panna monta tuohusta, eiköhän tämä ole Jumalan poika.

Ensimmäiseksi virittäy tuohuksen papin nenän piähä, pappi ei virka ni mitä. Virittäy tuohuksen leuvan piähä, joka sormen piähä. Papilta kun rökeyty parta palamah ta pappi pakoh. Ville mänöy emännän luo ta sanou:

– Mie kun viritin vanhan oprasan eteh tuohukset ta rupesin kaunnoista laulamah, ni oprasa pakoh. Mi oprasa se semmoni teilä on?

Akka ei osua sanuo ni halaistuo sanua. Akka panou evästä. Ville mänöy riiheh, vicy papilla.

Pappi sanou:

– Mitä sie sielä niin pitälti, koko päivän olet, mie koko riihen puin?

Ville sanou:

– Tänä päivänä on pruasniekka. Emäntä käski panna tuohukset palamah oprasojen eteh ta laulamah kaunnoisen. Meilä tulou riähkä, kun pruasniekkana ruamma.

Pappi sanou:

– No hyvä oli, kun sytytit ta lauloit.

Männäh pirtti, ollah iltah, tuas lähetäh riiheh. Sielä puijah. Pappi sanou:

– Nyt en silma työnnä savtrakkua tuomah, lähen iče.

Ville ei sano mitänä, pyörähti niijen jalkojen sijalta ta läksi.

Mänöy ikkunan alla, näköy: pyhävellä ta akka issutah stolassa ta paissah. Akka sanou:

– Kun mie kiellin ottamasta Ville-nimistä, ni mityttä čuutuo hiän meilä luati. Lienöy se sanon papilla tämän miän elämän. Tule illalla, mie mänen karsinah jauhomah, ta kaivan seinästä läpi loukon, siitä pakajamma, mitä pappi sanou, kun tulou kotih.

Ville rupei kolistamah ovie. Papin akka solahutti papin ikkunasta pihalla, tällä kertua Ville ei huomannun. Pappi piäsi pakoh. Akka piästi Villen pirttih, pani evästä. Ville mäni riih. Pappi sanou:

– Ruttoh sie nyt kävitki.

Ville sanou:

– Ei ollun nyt emännällä mitä työtä, ni sillä piäsinki ruttoh.

Puitih viimeni riihi. Mäntih pirttih. Ollah iltah siinä. Papin akka sanou:

– Pitäy lähtie karsinah jauhomah.

Ville sanou:

– Mie lähen, ei pie siun lähtie.

Akka sanou:

– Elä mäne, kyllä mie iče jauhon.

Ville ottau jyväropehen ta lähtöy jauhomah karsinah. Kaivau reijän kiven kohtah seinäh, rupei jauhomah. Tulou pappi ta kysyy:

– Oletko sie sielä?

Ville sanou:

– Olen.

– No onko pappi mitä sanon?

– Ei ole. Anna sormies, mie kuot't'elen.

Pappi kun pissälti reijästä sormen, Ville i leikkai sen poikki. Iče jauhou, eikä ole niitä miehijä.

Linnalla sanotah papin akalla, jotta toini pappi hyvin pahana läsiy. Papin akka kun sai kuulla, jotta pappi läsiy, ottau sriäppiy kostinčua. Luatiu kalakukkuo, panou suurta kuujua kalakukoksi. Mihi lienöy pyörähtän. Ville sillä aikua pissältäy pyhävellen sormen kalakukkoh.

Ville sanou papilla:

– Mie nävin semmoista unta, jotta miän emännällä očča halkieu tänä päivänä.

Pappi hätäyty ta sanou:

– Ka, mi hänellä nyt tulou?

Ollah siinä iltah suahe. Akka lähtöy viemäh kostinččua pyhävellä-papilla. Pappi on ynnäh vihassa: hiän toivo, jotta papin akka se i leikkai sormen. Anto akka papilla kostinčat. Pappi rupei syömäh ta i sormen löysi sieltä. Pappi kun vihan vallassa löi sillä sormellah akkua oččah, očča i halkei. Mänöy itkien kotihis. Ei hänellä olis niin paha oččan halkiennasta, kuin siitä, jotta pyhävellä siänty hänen piällä, ta sitä itköy.

Pappi kysyy:

– Ka mi siula nyt on tullun, kun olet oččas halan?

Akka sanou:

– Ka kylässä kun pimiessä kävelin ta kivikköh lankesin, ni siinä halkei očka.

Ville sanou:

– Vieläkö milma teilä tarviččou, vain joko mie lähen pois?

Pappi sanou:

– Vielä meilä ois töitä.

Akka sanou:

– Hyvin ruttoseh anna palkkarahat ta laita pois. Meilä ei tarviče häntä enämpi.

Pappi makso Villellä palkan. Ville läksi pois. Pappi jäi siihi akkoneh elämäh.

Ta siihi se loppu.

64. Вилле и любовник попадьи

Был раньше поп, жил со своей женой. У них росло очень много хлеба. Жена говорит попу:

– Надо бы нам взять работника молотить хлеб.

Поп говорит:

– Я пойду в город искать работника.

Жена говорит:

– Только не бери [мужиков] по имени Вилле в работники.

Поп отправляется. Встречается попу мужик. Мужик спрашивает:

– Куда идешь, поп?

– Иду работника искать, – говорит поп.

Мужик говорит:

– Возьми меня в работники.

Поп спрашивает:

– Как тебя зовут?

– Меня зовут Вилле, – отвечает мужик.

Поп говорит:

– Жена не велела брать [мужиков] по имени Вилле, – и поп отправился дальше. Вилле обегает сбоку и идет навстречу попу, спрашивает:

– Куда идешь, поп?

Поп говорит:

– Работника искать.

Вилле говорит:

– Возьми меня в работники.

Поп спрашивает:

– Как тебя зовут?

– Вилле.

– Жена не велела брать [мужиков] по имени Вилле. Разве здесь нет, – спрашивает поп, – мужиков с другими именами, кроме Вилле?

– Нет, в этом городе живут только [мужики] по имени Вилле.

Берет поп Вилле в работники. Приходят они домой. Попадья спрашивает:
– Как его зовут?
– Вилле.
– Зачем же ты взял работника по имени Вилле?
Поп говорит:
– Ну, потому что не было [мужиков] с другими именами.
Попадья кормит, поит работника и попа и велит им идти молотить [хлеб] в риге. Поп и Вилле идут в ригу. Начали молотить. Поп говорит:
– Есть захотелось – надо сходить за завтраком.
Вилле говорит:
– Ты не ходи – я схожу: я моложе.
(А рига находится довольно далеко от поповского дома.) Приходит Вилле под окно поповского дома и видит, что попадья печет булочки, а во главе стола сидит другой поп. (Это любовник попадья.)
Любовник говорит попадье:
– А как поп придет за завтраком, куда же я денусь?
Попадья говорит:
– Возьмешь черную шубу мужа, наденешь ее наизнанку и пойдешь в хлев, [спрячешься] среди овец.
Вилле стучится в дверь. Поп-любовник, натянув шубу на голову, побежал к овцам. Попадья спрашивает:
– Ну, что ты так рано пришел за завтраком?
Вилле отвечает:
– Поп велел – может, у тебя много дел, так пособлю здесь в чем-нибудь.
Попадья говорит:
– Харчи еще не готовы.
Вилле говорит:
– Я пойду напою овец и займусь делами по хлеву.
Попадья говорит:
– Я сама напою овец и коров, бери еду и уходи!
Вилле говорит:
– Раз поп велел – так я пойду напою: мне твои слова не указ.
Взял он ведро горячей воды, замешал в ней мякину и вылил ее прямо на попа. Поп с криком бросился бежать, там и шубу сбросил под ноги [овцам]. Вилле приходит в избу и говорит попадье:
– Один баран обезумел и шкуру сбросил [под ноги] овцам, а сам куда-то убежал.
Попадья собрала провизию. Вилле пришел в ригу с провизией. Поп спрашивает:
– Что ты там так долго был, я один обмолотил уже весь хлеб в риге?
Вилле говорит:
– Попадья велела овец напоить, так я задержался.

Поп говорит:
– Ну, хорошо, что помог.
Обмолотили они хлеб, и пошли поп и Вилле домой. На следующий вечер опять отправляются молотить. Помолотили немного ночью – поп говорит:
– Есть захотелось, надо сходить за завтраком.
Вилле говорит:
– Я сбегаяю: я моложе.
Поп говорит:
– Ну, сходи, только не будь долго, возвращайся поскорей.
Приходит Вилле под окно поповского дома. Попадья стряпает. Тот же самый любовник опять сидит во главе стола и говорит попадье:
– Куда мне теперь спрятаться, когда поп придет за завтраком?
Попадья говорит:
– Иди на чердак, в мешок с перьями.
Вилле услышал это и пошел стучать в дверь. Любовник – в мешок с перьями, на чердак. Попадья опять ругается, что работник так рано пришел. Вилле говорит:
– Поп велел сделать подушки из перьев, что на чердаке в мешке.
Попадья испугалась и говорит:
– У нас хватает подушек – иди своей дорогой!
Вилле говорит:
– Раз поп велел, я пойду возьму перья и сделаю подушки.
Вилле пошел, поднялся на чердак, взял тот мешок с перьями, в котором сидел поп, вытряхнул и попу, и перья в бочку со смолой. Перья прилипли к попу вместе со смолой. Поп бросился убежать, как только вырвался из рук Вилле. Вилле пришел к попадье и говорит:
– Там была птица в мешке с перьями, так улетела.
Попадья собрала еду, и Вилле пошел в ригу, понес [еду] попу. Поп спрашивает:
– Что ты там так долго – целый день был, я уже весь хлеб обмолотил?
Вилле говорит:
– Я, пока ждал еду, делал подушки.
Поп говорит:
– Ну, хорошо, что помогал.
Обмолотили они хлеб, идут в дом попа. Пробыли там до вечера, отправились в ригу. Начали молотить. Помолотили немного, поп говорит:
– Теперь я пойду за завтраком.
Вилле говорит:
– Я схожу, я быстро сбегаяю!
Идет Вилле, слушает под окном и видит – опять там тот же самый поп-любовник. Тот говорит:
– А куда я теперь спрячусь, когда поп придет за завтраком?
Попадья говорит:
– Пойди вот в ту комнату за большой образ: там он тебя не найдет.

Вилле опять идет, начинает стучать в дверь. Попадья идет открывать и ругается, что тот каждый день так рано приходит. Вилле говорит хозяйке:

– Сегодня праздник, так поп велел перед всеми образами зажечь свечи и спеть небольшой канон.

Попадья говорит:

– Я сама зажгу свечи – уходи!

– Нет: раз поп велел мне, так я зажгу.

Вилле зажег свечи перед всеми образами и пришел в ту комнату, где был любовник, – он стоял за образами. Вилле говорит:

– Какой старый образ тут, здесь надо зажечь много свечей; не Божий ли это сын?

В первую очередь зажег свечу перед носом попа – поп молчит. Зажег свечу перед подбородком и у кончиков каждого пальца. У попа борода как вспыхнула с треском – поп бежать. Вилле идет к хозяйке и говорит:

– Я как зажег свечи перед старым образом и стал петь канон, так образ сбежал. Что за образ у вас такой?

Попадья не может вымолвить ни слова. Попадья собрала еду, и Вилле пошел в ригу, понес [еду] попу. Поп спрашивает:

– Что ты там так долго – целый день был; я уже обмолотил весь хлеб?

Вилле говорит:

– Сегодня праздник, хозяйка велела зажечь свечи перед образами и спеть канон. Грех нам, что работаем в праздник.

Поп говорит:

– Ну, хорошо, что ты зажег свечи и спел.

Пошли они в избу, побыли там до вечера и опять отправились в ригу. Молотят там; поп говорит:

– Теперь не пошлю тебя за завтраком, сам схожу.

Вилле ничего не сказал, тут же развернулся и пошел. Приходит под окно, видит – любовник и попадья сидят за столом и разговаривают. Попадья говорит:

– Я ведь запрещала [мужу] брать [работника] с именем Вилле: вот что он нам натворил. Вдруг он рассказал попу о нашей жизни? Приходи вечером: я пойду в подвал молотить и сделаю в стене отверстие – поговорим потом [о том], что скажет поп, когда придет домой.

Вилле стал стучать в дверь. Попадья спустила попа через окно на улицу, – на этот раз Вилле не заметил его, поп смог сбежать. Попадья выпустила Вилле в избу, собрала еду, и Вилле пошел в ригу. Поп говорит:

– Быстро ты на этот раз сходил.

Вилле говорит:

– Не было сейчас у хозяйки никакой работы, так я и справился быстро.

Обмолотили они последний хлеб. Пришли в избу, побыли там до вечера. Попадья говорит:

– Надо пойти в подвал молотить.

Вилле говорит:

– Я пойду, тебе не надо ходить.

Попадья говорит:

– Не ходи: я сама смолочу.

Вилле берет берестяной короб с зерном и отправляется в подвал молоть. Проковырял в стене дыру напротив жернова и стал молотить. Приходит поп [любовник] и спрашивает:

– Ты там?

Вилле отвечает:

– Здесь я.

– Ну, говорил ли что поп?

– Нет. Дай мне свой палец, я потрогаю.

Поп как просунул палец в дыру – Вилле и отрезал его. А сам мелет, как ни в чем не бывало.

В городе попадье рассказали, что другой поп очень серьезно болен. Попадья как услышала, что поп болен, взяла напекла гостинцев. Сделала рыбник, положила большого лосося в рыбник. Куда-то отошла, а Вилле тем временем сунул палец любовника в рыбник.

Вилле говорит попу:

– Мне приснился такой сон, что у нашей хозяйки сегодня разобьется лоб.

Поп забеспокоился и говорит:

– Что же с ней теперь будет?

Прожили они тут до вечера. Попадья понесла гостинец попу-любовнику. Поп очень зол: он думал, что это попадья отрезала у него палец. Попадья дала ему гостинцы. Поп стал есть и нашел там палец. Поп в сердцах как стукнул попадью этим пальцем по лбу – лоб и разбился. Та идет, плача, домой. Она не столько переживала из-за того, что лоб разбился, как из-за того, что любовник на нее рассердился, и поэтому плачет. Поп спрашивает [у нее]:

– Что же с тобой произошло, что ты лоб разбила?

Попадья говорит:

– Так по деревне как шла в темноте и упала на камни, так там лоб и разбился.

Вилле спрашивает:

– Я еще нужен вам или уже могу уходить?

Поп говорит:

– Да, есть у нас еще работа.

Попадья же говорит:

– Побыстрее выдай ему заработок и отправь его прочь: нам он больше не нужен.

Поп выдал Вилле заработок, и Вилле отправился прочь. Поп остался жить со своей женой.

Тут и сказке конец.

65. Starina mylläristä

Yksi pariskunta ennen eletti ta heilä kasvo oikein äijän vil'ua. Mies suoriutuu myllyllä:

– Pitäy lähtie jauhuo suamah.

Val'astau heposen ta panou kuorman täyven, ta lähtöy myllyllä. Mänöy ta jauhattau ne jyväsč jauhoksi.

Lähtöy pois, panou kuorman täyveksi. Tulou vastamäki. Kuorma oli jykie – ei jaksan heponi nostua sitä kuormua, ta heposelta i katkei selkäranka poikki. Hiän leikkuau orehhapuun mečästä ta pistäy sen heposen selkärankaksi. Ta ajo siitä kotihis ta purki kuormah aittah. Lasetti heposen ta pisti tallih. Heponi ruokittih illalla ta iče ruvettih muate.

Isäntä nousi huomeneksella ta läksi heposellah heinie antamah. Heposella on kasvettu pähkinäpuunoksat selkärankasta läpi tallin luan taivahah asti. Isäntä ottau ta nousou oksie myöte taivahah. Sielä on talo, ta siinä eläy yksi akka. Osran ta kakran akanoita on akalla lattiellea suuri tukku. Se on sieklon jauhoja. Akka syöttäy, juottau ukkuo siinä. Ukko kun näki taivahan, nin läksi kotih, tahto solahtua oksie myöte alas. Kun mäni reijän kohtah – oksat oli leikattu ta ne oli ripsahtan muaha. Ukon akka oli lähten isännän perässä tallih ta näki heposen selässä oksat, nin leikkai ne. Sillä se ukko jäi taivahah.

Ukko mänöy jällelläh taloh taivahassa sen akan luo. Sanou:

– Eikö, akka-rukka, ole nuorua, jotta solahuttasit tiältä miun muaha, kun oksat oli leikattu pois?

Akka sanou:

– Ei ole nuorua, vain solmimma näistä kakran akanoista nuoran.

Ta niin hyö ruvettih akanoista nuorua solmimah. Solmittih nuorua suuri läjä. Akka sanou:

– Kyllä kai sitä nyt jo riittäy muaha asti.

Mäntih reijän suulla. Akka sito miehen nuorah kiini ta alko laskie siitä reijästä. Huutau ukolla:

– Jo loppu nuora!

A ukko on vasta muan ta taivahan puolivälillä.

Miehen täyty hypätä muaha ta kirpoi justih siihi myllykallivoh, ta piä jäi häneltä kallivoh. Kiskou, kiskou sitä ta ei sua pois. Ajattelou: «Olihan tuola myllyssä isävainuan rautakanki, jotta saisin kiskuo piäni pois». Mies kävelöy piättä. Kaččou: hukka oli jo puolen hänen piästä repin. Hiän löi rautakankella rusahutti hukkuu, ta hukalta piä poikki. Ta hiän sai ičelläh hukalta kokonaisen piän. Oma piänpuolisko jäi kallivoh. Ajattelou mies: «Kun mie hukalta piän sain, nin nyt suan syvvä hevosie ta lehmie». Mänöy kotihih ukko. Akka kaččou: «Miun ukko olis ruumeheltah, ka piä on hukan». Akka kysyy:

– Mistä sie sen piän sait ta oman piäs olet mänettän?

– Taivahasta miula lahjotettih tämä piä, kun taivahah kävin. Tämä tuli

parempi piä. Nyt miun ei tarviče muata villedlä, eikä myllyllä käyvä, kun voin syyvvä elukkoja: lehmie ta heposie.

Akka sanou:

– Enhän mie elukkoja voi syyvvä, miula täytyy olla jauhuo.

Ukko sanou:

– Eči ičelläs ruokua, mitä syöt.

Niin ne rupesi elämäh, ta muuta mie en heistä tiijä.

Siihi se loppu.

65. Сказка о мельнике

Жила раньше одна супружеская пара, и у них выросло очень много жита. Муж собирается на мельницу:

– Надо пойти молоть.

Запрягает лошадь, загружает полный воз [зерном] и отправляется на мельницу. Приезжает [на мельницу] и перемальвует это зерно в муку.

Отправляется обратно, загрузив полный воз. Встречается подъем в гору. Воз был тяжелый – лошадь не смогла поднять этот воз, и у лошади сломался хребет. Он [мельник] срубает в лесу ореховое дерево и вставляет его лошади вместо хребта. И так доехал до дома и выгрузил груз в амбар, распряг лошадь и поставил ее в конюшню. Вечером [хозяева] накормили лошадь, а сами легли спать.

Хозяин утром встал и пошел давать лошади сена. У лошади из хребта проросли ветки орехового дерева через крышу конюшни до самого неба. Хозяин берет и забирается по веткам на небо. Там стоит дом, и в нем живет одна старуха. На полу у старухи большая куча ячменных и овсяных высевок: она просеивала муку. Старуха накормила, напоила мужика. Мужик как повидал небо, так отправился домой – хотел спуститься по ветвям вниз. Как подошел к дыре [в небе] – [оказалось], ветки отрублены и свалились на землю: жена мужика отправилась вслед за мужем в конюшню и увидела ветки, торчащие из спины лошади, и отрубила их. Поэтому мужик остался на небе.

Мужик идет обратно в дом на небе к той старухе, говорит:

– Нет ли, бабушка, веревки, чтобы ты могла спустить меня отсюда на землю, потому как ветки отрублены?

Старуха говорит:

– Нет веревки, но свяжем из этих овсяных высевок веревку.

И они стали вязать веревку из овсяных высевок. Связали большую кучу веревки. Старуха говорит:

– Наверняка она уже достанет до земли.

Подходят они к отверстию. Старуха обвязала мужика веревкой и стала спускать через это отверстие; кричит мужику:

– Веревка уже закончилась!

А мужик только на середине пути между небом и землей. Мужiku пришлось прыгнуть на землю, и он упал как раз на скалу у мельницы, и его голова застряла в [расщелине] скалы. Вырывает, вырывает ее и никак не может вытащить. Думает: «На мельнице ведь есть железный лом покойного отца – им я смог бы вытащить свою голову». Идет мужик [с ломом] без головы. Смотрит – волк уже половину его головы изорвал. Он треснул железным ломом волка – у того голова и отвалилась, и мужик заполучил себе целую голову волка. Своя половинка головы осталась в расщелине. Думает мужик: «Раз я получил голову волка, так теперь я смогу есть лошадей и коров».

Приходит мужик домой. Жена смотрит: «Мой муж должен быть, судя по телу, только голова волчья». Жена спрашивает:

– Где ты взял эту голову и где свою потерял?

– Мне на небе подарили эту голову, когда я был на небе. Эта голова лучше [прежней]: теперь мне не надо землю возделывать и на мельницу ходить, ведь я могу есть скот, коров и лошадей.

Жена говорит:

– Я ведь не могу есть скот, мне нужна мука.

Муж говорит:

– Добывай сама себе еду, которую будешь есть.

Так они и стали жить, а больше я о них ничего не знаю.

Тут и конец.

66. Čulistarina

On ennen Čuli. Hiän mänöy taloh. Talossa emäntä rukilla kesryäy. Čuli sanou:

– Pitäykö emännällä sanuo starina?

Emäntä sanou:

– Sano, Čuli-kormeličča.

Čuli rupei starinua sanomah:

– Olin ennen aitassa, söin voin saikasta, syön vielä i siun rukin keralla.

Tai söi emännän ta rukin. Läksi talosta pois. Mänöy Čuli tietä myöte. Mies heposella halkuo vetäy. Čuli sanou halonvetäjällä:

– Pitäykö sanuo starina?

– Sano, Čuli-kormeličča.

Čuli sano:

– Olin ennen aitassa, söin voita saikasta, söin ni emännän rukin kera, syön vielä i siun halkojes ta heposes kera.

Tai söi. Läksi ielläh. Tulou mies vastah ta vetäy heposen kera havuo. Čuli sanou:

– Pitäykö sanuo havunvetäjällä starina?

– Sano, Čuli-kormeličča.

Čuli sanou:

– Olin ennen aitassa, söin voita saikasta, söin emännän rukin kera, söin halonvetäjän halkojen kera tai siun syön havujes kera tai heposes.

Tai söi. Iče ielläh. Mies tulou heposella, heinyä vetäy. Čuli sanou:

– Pitäykö sanuo heinänvetäjällä starina?

– Sano, Čuli-kormeličča.

– Olin ennen aitassa, söin voita saikasta, söin emännän rukin kera, söin halonvetäjän halkojen kera, söin havunvetäjän havuineh, heposineh, tai siun syön heposines ta heinines.

Tai söi. Iče eilläh. Mänöy meččäh. Mečässä on suuri karja pukkija.

– Pitäykö, pukit, starina sanuo?

Pukit sanotah:

– Pitäy.

– Olin ennen aitassa, söin voita saikasta, söin emännän rukin kera, söin halonvetäjän halkoneh, havunvetäjän havuineh ta heposineh, heinämiehen heinineh ta heposineh, tai tiät syön.

Pukit sanotah:

– Elä syö, kun on niin täysi vaččas. Rupie ensin honkan juurella levähtämäh, siitä syöt. Meistä tulou šiula suuri vero.

Čuli rupei muate honkan juurella. Čuli uinosi. Pukit pusettih honka hänellä piällä. Čulilta mara i halkei, sieltä suatih kaikki: ensin tuli aitta ta voisaikka, siitä emäntä rukin kera, halonvetäjä halkoneh, havunvetäjä havuineh ta heposineh, heinämiehen heinineh ta heposineh. Kaikki mäntih kotiloihet ta ruvettih elämäh.

Siinä i Čulistarina.

66. Сказка о Чули

Был раньше Чули. Заходит он в дом. В доме хозяйка на прялке прядет. Чули говорит:

– Рассказать хозяйке сказочку?

Хозяйка говорит:

– Расскажи, Чули-кормилец.

Чули начинает сказывать сказку:

– Жил прежде я в амбаре, ел масло из кадушки, съем и тебя с прялкой.

Да и съел хозяйку с прялкой. Ушел из дома. Идет Чули по дороге. Человек дрова на лошади везет. Чули говорит вознице:

– Рассказать сказку?

– Расскажи, Чули-кормилец.

Чули рассказал:

– Жил прежде я в амбаре, ел масло из кадушки, съел и хозяйку с прялкой, съем еще и тебя с дровами да лошадью.

Да и съел. Пошел дальше. Идет человек навстречу и везет на лошади хвою. Чули говорит:

– Рассказать сказку везущему хвою?

– Расскажи, Чули-кормилец.
 Чули говорит:
 – Жил я прежде в амбаре, ел масло из кадушки, съел хозяйку с прялкой, съел везущего дрова вместе с дровами да еще и тебя съем с хвоей и лошадью твоей.
 Да и съел. Сам дальше. Едет человек на лошади, сено везет. Чули говорит:
 – Рассказать сказку везущему сено?
 – Расскажи, Чули-кормилец.
 – Жил прежде я в амбаре, ел масло из кадушки, съел хозяйку с прялкой, съел везущего дрова вместе с дровами, съел везущего хвою вместе с хвоей и лошадью, да и тебя съем с лошадью да сеном твоим.
 Да и съел. Сам дальше. Идет в лес. В лесу большое стадо коз.
 – Рассказать вам, козы, сказку?
 Козы говорят:
 – Расскажи!
 – Жил прежде я в амбаре, ел масло из кадушки, съел хозяйку с прялкой, съел везущего дрова вместе с дровами, везущего хвою вместе с хвоей и лошадью, везущего сено вместе с сеном и лошадью, да и вас съем.
 Козы говорят:
 – Не ешь нас сейчас, когда у тебя и так живот полон. Приляг сперва, отдохни под сосной, потом и съешь. Из нас тебе выйдет один хороший обед.
 Чули лег спать под сосной. Чули уснул. Козы свалили [букв.: забодали] сосну на Чули. У Чули живот и лопнул. Оттуда вышли все: сперва вышли амбар и кадушка с маслом, потом хозяйка с прялкой, потом везущий дрова со своими дровами, везущий хвою со своей хвоей и лошадью, везущий сено со своим сеном и лошадью. Все разошлись по домам и стали жить.
 Вот и сказка про Чули.

67. Kultakenkät – hoipekaklat

On ennein akka ta ukko. Akka otti ukolta puksut, läksi rantah pesömäh. Ukko läksi puksutta juoksomah pakoh. Tulou hukka vastah:
 – Kunne mänet, kukkoviäkki?
 Ukko sanou:
 – Sota tuli, sota tuli! Akkua piähä ammuttih, iče puksutta pakoh.
 Hukka sanou ukolla:
 – Mihi mie jouvun?
 Ukko sanou:
 – Tule, mie nieläsen.
 Hukan ukko nieli marahah. Ukko juoksou etehpäin. Tulou kontie vastah, kysy ukolta:
 – Kunne mänet, kukkoviäkki?

Ukko sanou:
 – Sota tuli, sota tuli! Akkua piähä ammuttih, iče puksutta pakoh.
 Kontie sanou:
 – Kunnepa mie jouvun?
 Ukko sanou:
 – Tule, mie nielasen.
 Ukko nieli kontien. Kontie sanou hukalla ukon marassa:
 – Mitä sie tiälä olet?
 Hukka sanou:
 – Sota tuli, sota tuli, mie olen pavossa.
 Kontie sanou:
 – Niin olen mieki pavossa. Elä virka mitä, olka hil’l’akkaiseh!
 Ukko ielläh juoksou. Tulou vesilampi vastah. Vesilampi sanou ukolta:
 – Minne, kukkoviäkki, mänet?
 Ukko sanou:
 – Sota tuli, sota tuli. Akkua piähä ammuttih, iče puksutta pakoh.
 Vesilampi sanou ukolla:
 – Mihipä mie jouvun?
 Ukko sanou:
 – Tule, mie nielasen.
 Ukko nieli vesilammin. Lähtöy ukko ielläh mänömäh täyvellä maralla.
 Mänöy linnalla. Plässiy čuarin ikkunan alla. Čuari sanou:
 – Mitä tuo ukko hyppi? Pankua härkien sekah, anna häntä pusetah, kun on noin suuri mara.
 Tai piijat viijäh ukko härkien sekah. Härät ruvetah ukkuo puskomah. Ukko hukan piässältäy marastah. Hukka kaikki söi härät. Čuari sanou huomeneksella piijoilla:
 – Mänkyä, kovokkua ta luokua ukon luut pois härkien iestä.
 Piijat mäntih. Ukko vain plässiy härkien soimessa puksutta. Piijat sanotah:
 – Mihi suatoit härät?
 Ukko juohattau hukkuu:
 – Tuo härkähän söi härät.
 Sanotah piijat čuarilla:
 – Ukko sielä plässiy puksutta. Härät on härkä syönyn kaikki.
 Čuari sanou:
 – Viekyä upehilla sekah. Anna häntä potitah kuolleheksi.
 Tai vietih upehilla sekah. Ukko kontien piässälti marasta. Kontie söi kaikki upehet.
 Čuari sanou piijoilla:
 – Mänkyä luokua ukon luut upehilta sejasta.
 Männäh. Ukko ta kontie vain plässitäh upehien soimessa. Kysytäh:
 – Minne suatoit upehet?
 Ukko juohattau kontieta:
 – Tämä uveh söi upehet.

Viijäh čuarilla sana:

– Ukko vain plässiy upehen kera ta on elävä.

Čuari sanou:

– Lämmittäkkyä rautani kyly helmikumaksi, viekyä ukko sinne, anna palau.

Lämmitteh rautani kyly helmikumaksi. Ukko vietih kylyh. Ukko vesilammin marastah piässälti – kyly jähty aivan viluksi. Ukko mänöy čuarin ikkunan alla. Rupei plässimäh puksutta. Laulau:

– Tiitilän ukko, Tiitilän ukko

nurkassa naija naksuttau.

Puksuni putosi, heposeni jätti,

iče minä tänne puksutta jäin.

Čuari sanou:

– Tuokua se laulaja tänne, mie hänen syön. Ei siitä muitein eris piäse.

Čuari söi ukon. Ukko čuarin marassa plässiy. No čuarilla tuli hyvin vaikie, kun ukko jyskäy marassa puksutta.

Čuari sanou:

– Tule, ukkoseni, pois marasta miulta!

Ukko sanou:

– Mitäpä sie miula annat palkkua, kun mie marasta tulen?

Čuari sanou:

– Annan mie siula kultakenkät – hopiepaklat.

Ukko tulou čuarin marasta. Čuari antau hänellä palkoiksi kultakenkät – hopiepaklat. Ukko panou kenkät kainaloh, lähtöy kotihih. Männä ripsuttelou puksutta. Tulou mies vastah ukolla, kissa on kainalossa. Mies sanou ukolla:

– Mistä tulet, kukkoviäkki?

Ukko alko laulua:

– Tulen herroista hyrehtimästä,

pappiloista laulamasta.

Stelä kukuin kuusi vuotta,

seisoin seiččemen kesyä.

Kissankantaja-ukko kysyy:

– Mitäpä sait palkkua?

Ukko sanou:

– Kultakenkät – hopiepaklat.

Kissankantaja-ukko sanou:

– Vajehtakka kissah.

Tai vajehteti. Ukko otti kissan, kultakenkät – hopiepaklat anto toisella ukolla.

Mänöy iellä ukko kissa kainalossa. Tulou mies vastah, koirua vetäy. Koiranvetäjä-mies kysyy:

– Mistä tulet, kukkoviäkki?

– Tulen herroista hyrehtimästä,

pappiloista laulamasta,
sielä kukuin kuusi vuotta,
seisoin seiččemen kesyä.

– Mitä sait palkkua?

– Kultakenkät – hopiepaklat.

– Vajehtakka koirah kultakenkät – hopiepaklat.

Ukko sanou:

– Jo vajeihin kissah.

– No, vajehtakka kissa koirah.

Vajehteti kissa koirah. Lähtöy ukko mänömäh ielläh, koirua vetäy. Tulou mies vastah, pokkuo vetäy. Pokonvetäjä-mies sanou:

– Mistä tulet, kukkoviäkki?

– Tulen herroista hyrehtimästä,

pappiloista laulamasta, sielä kukuin kuusi vuotta,
seisoin seiččemen kesyä.

– Mitä sait palkkua?

– Kultakenkät – hopiepaklat.

– Vajehtakka pokkoh.

– Jo vajeihin kissah.

– Vajehtakka kissah!

– Jo vajeihin koirah.

– Vajehtakka koirah.

Vajehteti pokko koirah. Lähtöy ukko mänömäh ielläh, pokkuo vetäy. Tulou mies vastah, härkyä vetäy, kysyy:

– Mistä tulet, kukkoviäkki?

– Tulen herroista hyrehtimästä,

pappiloista laulamasta,
sielä kukuin kuusi vuotta,
seisoin seiččemen kesyä.

– Mitä sait palkkua?

– Kultakenkät – hopiepaklat.

– Vajehtakka härkäh.

– Jo vajeihin kissah.

– Vajehtakka kissah!

– Jo vajeihin koirah.

– Vajehtakka koirah.

– Jo vajeihin pokkoh.

– Vajehtakka pokkoh.

Vajehteti härkä pokkoh. Lähtöy ukko ielläh mänömäh, härkyä vetäy. Tulou mies vastah, uvehta vetäy, kysyy:

– Mistä tulet, kukkoviäkki?

– Tulen herroista hyrehtimästä,

pappiloista laulamasta,

sielä kukuin kuusi vuotta,
seisoin seiččemen kesyä.
– Mitä sait palkkua?
– Kultakenkät – hopiepaklat.
– Vajehtakka upeheh.
– Jo vajeihin kissah.
– Vajehtakka kissah!
– Jo vajeihin koirah.
– Vajehtakka koirah.
– Jo vajeihin pokkoh.
– Vajehtakka pokkoh.
– Jo vajeihin härkäh.
– Vajehtakka härkäh.

Tai vajehtettih uveh härkäh. Ukko lähtöy ielläh, uvehta vetäy. Tulou mies vastah. Kaksi sierua on kiässä. Kysyy mies:

– Mistä tulet, kukkoviäkki?
– Tulen herroista hyrehtimästä,
pappiloista laulamasta,
sielä kukuin kuusi vuotta,
seisoin seiččemen kesyä.
– Mitä sait palkkua?
– Kultakenkät – hopiepaklat.
– Vajehtakka sieroih.
– Jo vajeihin kissah.
– Vajehtakka kissah!
– Jo vajeihin koirah.
– Vajehtakka koirah.
– Jo vajeihin pokkoh.
– Vajehtakka pokkoh.
– Jo vajeihin härkäh.
– Vajehtakka härkäh.
– Jo vajeihin upeheh.
– Vajehtakka upeheh sierat.

Ukko otti sierat. Lähtöy kotihih päin mänömäh. Kaččou, järvessä uipi kaksi sorsua. Otti ukko, loi sieralla sorsua. Sorsa lentoh, siera mäni järveh. Löi toisella sieralla toista sorsua. Sorsa lentoh läksi, siera mäni järveh. (Siinä hänen kultakenkät ta hopiepaklat mäni.) Mänöy ukko kotihih. Akka sanou:

– Missä olit, ukkoseni?
– Herroissa hyrehtimässä,
pappiloissa laulamassa,
sielä kukuin kuusi vuotta,
seisoin seiččemen kesyä.

Akka kysyy:
 – Mitä sait palkkua?
 – Kultakenkät – hopiepaklat.
 Akka rupieu jalkojah pesömäh. Pesöy, pesöy. Ukko sanou:
 – Miksi sie, akkaseni, jalkojas peset?
 – Kultakenkie – hopiepakloja jalkahani panna.
 Ukko sanou:
 – Jo vajehin kissah.
 Akka kissalla mal'l'ua eččiy. Ukko kysyy:
 – Miksi sie, akkaseni, kissalla mal'l'ua ečit?
 Akka sanou:
 – Kissua syöttyä.
 Ukko sanou:
 – Jo vajehin koirah.
 Akka otti kirvehen. Vestäy koiralla allasta, mistä syöttyä.
 Ukko sanou:
 – Miksi sie, akkaseni, allasta vessät?
 Akka sanou:
 – Koirua syöttyä.
 – Jo vajehin pokkoh koiran.
 Akka pokolla sointa luatiu.
 – Miksi sie, akkaseni, soimie luajit?
 – Ka pokkuo panna soimeh.
 – Jo vajehin härkäh, – ukko sanou.
 Akka partta luatiu.
 – Miksi sie, akkaseni, partta luajit?
 – Ka härkyä pityä.
 – Jo vajehin upeheh.
 Akka upehella sointa luatimah, missä kiini pityä.
 Ukko kysyy:
 – Miksi sie, akkaseni, sointa luajit?
 – Uvehta pityä.
 – Jo vajehin sieroih.
 Akka sieraloutua luatimah, missä sieroja pityä.
 Ukko sanou:
 – Miksi sie, akkaseni, loutua luajit?
 – Ka mihi sieroja panna.
 – Ka jo loin sorsie sieroilla, – sanou ukko.
 Akka kattilua pesömäh, millä sorsie keittyä.
 – Miksi sie, akkaseni, kattilua peset?
 – Sorsie keittyä.
 – Ka en ni suanun, sierat mäni järveh, sorsat mäni lentoh, sinne mäni kaikki.
 Akka siänty pahanpäiväseksi, ukkuo alko korennolla lyyvvä pieksyä.
 Ukolla oli jo puksut kuivat. Alettih elyä.
 Sen pivus i starina.

67. Золотые башмаки – серебряные оборы

Были раньше старуха и старик. Старуха взяла штаны у своего старика и пошла стирать на берег. Старик без портков кинулся бежать. Встречается ему волк:

– Куда идешь, старик?

Старик отвечает:

– Война началась, война началась! Старухе стрельнули в голову, а я сам убегаю без штанов.

Волк спрашивает у старика:

– А куда мне деваться?

Старик говорит:

– Иди, я проглочу тебя.

Старик заглотил волка себе в живот. Бежит старик дальше. Встречается ему медведь, спрашивает у старика:

– Куда идешь, старик?

Старик говорит:

– Война началась, война началась! Старухе стрельнули в голову, а я сам убегаю без штанов.

Медведь спрашивает:

– А куда мне деваться?

Старик говорит:

– Иди, я проглочу тебя.

Старик проглотил медведя. Медведь спрашивает волка в животе у старика:

– Почему ты здесь?

Волк отвечает:

– Война началась, война началась – я прячусь.

Медведь говорит:

– Я тоже прячусь. Не говори ничего, давай тихо сидеть!

Старик бежит дальше. Встречается ламбина. Ламбина спрашивает у старика:

– Куда, старик, идешь?

Старик говорит:

– Война началась, война началась! Старухе стрельнули в голову, сам я без штанов убегаю.

Ламбина спрашивает у старика:

– А куда мне деваться?

Старик говорит:

– Иди, я проглочу тебя.

Старик проглотил ламбину. Отправляется старик дальше с полным брюхом. Приходит в город, пляшет под окном у царя. Царь говорит:

– Что этот старик прыгает? Отведите его [в загон] к быкам: пусть его забодают, раз у него такое большое брюхо.

И служанки отвели старика [в загон] к быкам. Быки начали бодать старика. Старик выпустил волка из живота – волк съел всех быков. Утром царь говорит служанкам:

– Пойдите соберите и выбросьте кости старика из-под быков.

Служанки приходят – а старик знай себе пляшет в яслях без штанов. Служанки спрашивают:

– Куда ты дел быков?

Старик показывает на волка:

– Так вот этот бык съел быков.

Служанки говорят царю:

– Старик там пляшет без штанов. А всех быков съел бык.

Царь говорит:

– Отведите его [в загон] к жеребцам: пусть затопчут его до смерти.

И отвели [старика] к жеребцам. Старик выпустил медведя из живота – медведь съел всех жеребцов. Царь говорит служанкам:

– Пойдите уберите кости старика из-под жеребцов.

Те приходят – а старик и медведь знай пляшут в яслях жеребцов. Спрашивают [служанки]:

– Куда ты подевал жеребцов?

Старик показывает на медведя:

– Этот жеребец съел жеребцов.

Относят царю весть:

– Старик знай пляшет с жеребцом и живой.

Царь говорит:

– Истопите железную баню до белого каления, отведите туда старика – пусть сгорит.

Истопили железную баню до белого каления, старика отвели в баню. Старик ламбину из живота выпустил – баня остыла полностью. Старик пошел под царское окно, начал плясать без штанов; поет:

– Мужик из Тийттиля, мужик из Тийттиля

в углу любовью занимается.

Мои штаны свалились,

мой конь меня бросил,

сам я остался здесь без штанов.

Царь говорит:

– Приведите этого певца сюда, я его съем: иначе от него не избавиться.

Царь съел старика. Старик в животе у царя пляшет. Ну, царю стало очень тяжело, что старик прыгает в его животе без штанов. Царь говорит:

– Выходи, старичок, из моего живота!

Старик говорит:

– А что ты дашь мне в награду за то, что выйду из твоего живота?

Царь говорит:

– Я дам тебе золотые башмаки – серебряные оборы.

Старик вышел из живота царя. Царь дал ему в награду золотые

башмаки – серебряные оборы. Старик взял башмаки под мышку и отправился домой. Идет, поспешает без штанов. Встречается старику мужик с кошкой под мышкой. Мужик спрашивает у старика:

– Откуда идешь, старик?

Старик запел:

– Ходил к господам напевать,
попам петь.

Там прокуковал шесть годов,
простоял семь лет.

Мужик, который нес кошку, спрашивает:

– А что ты получил в награду?

Старик говорит:

– Золотые башмаки – серебряные оборы.

Мужик с кошкой говорит:

– Давай поменяем [башмаки] на кошку, – и поменялись. Старик взял кошку, а золотые башмаки – серебряные оборы отдал другому мужику.

Идет старик дальше с кошкой под мышкой. Идет навстречу ему мужик, ведет собаку. Мужик, ведущий собаку, спрашивает:

– Откуда идешь, старик?

– Ходил к господам напевать,
попам петь.

Там прокуковал шесть годов,
простоял семь лет.

– Что получил в награду?

– Золотые башмаки – серебряные оборы.

– Давай поменяем золотые башмаки – серебряные оборы на собаку.

Старик говорит:

– Я уже поменял [их] на кошку.

– Ну, давай поменяем кошку на собаку.

Поменяли кошку на собаку. Отправляется старик дальше, ведет собаку. Встречается ему мужик, ведет барана. Мужик, ведущий барана, спрашивает:

– Откуда идешь, старик?

– Ходил к господам напевать,
попам петь.

Там прокуковал шесть годов,
простоял семь лет.

– Что получил в награду?

– Золотые башмаки – серебряные оборы.

– Давай поменяем [башмаки] на барана.

– Уже поменял на кошку.

– Давай поменяем [барана] на кошку!

– Уже поменял на собаку.

– Давай поменяем на собаку.

Поменяли барана на собаку. Отправляется старик дальше, ведет барана. Встречается мужик, быка ведет, спрашивает:

– Откуда идешь, старик?

– Ходил к господам напевать,
попам петь.

Там прокуковал шесть годов,
простоял семь лет.

– Что получил в награду?

– Золотые башмаки – серебряные оборы.

– Давай поменяем [башмаки] на быка.

– Уже поменял на кошку.

– Давай поменяем [быка] на кошку!

– Уже поменял на собаку.

– Давай поменяем на собаку.

– Уже поменял на барана.

– Давай поменяем на барана.

Поменяли быка на барана. Отправляется старик дальше, быка ведет. Встречается мужик, жеребца ведет, спрашивает:

– Откуда идешь, старик?

– Ходил к господам напевать,
попам петь.

Там прокуковал шесть годов,
простоял семь лет.

– Что получил в награду?

– Золотые башмаки – серебряные оборы.

– Давай поменяем [их] на жеребца.

– Я уже поменял на кошку.

– Давай поменяем [жеребца] на кошку.

– Уже поменял на собаку.

– Давай поменяем на собаку.

– Уже поменял на барана.

– Давай поменяем на барана.

– Уже поменял на быка.

– Давай поменяем на быка.

И поменяли жеребца на быка. Старик отправляется дальше, жеребца ведет. Встречается мужик, несет два бруска в руке. Спрашивает мужик:

– Откуда идешь, старик?

– Ходил к господам напевать,
попам петь.

Там прокуковал шесть годов,
простоял семь лет.

– Что получил в награду?

– Золотые башмаки – серебряные оборы.

– Давай поменяем на бруски.

- Я уже поменял на кошку.
- Давай поменяем [бруски] на кошку.
- Уже поменял на собаку.
- Давай поменяем на собаку.
- Уже поменял на барана.
- Давай поменяем на барана.
- Уже поменял на быка.
- Давай поменяем на быка.
- Уже поменял на жеребца.
- Давай поменяем бруски на жеребца.

Старик взял бруски, отправился в сторону дома. Смотрит – по озеру плывут две утки. Старик взял и кинул бруском в утку. Утка полетела, а брусок утонул. Кинул вторым бруском во вторую утку – утка полетела, брусок утонул. (Так его золотые башмаки – серебряные оборы и пропали.) Приходит старик домой. Старуха спрашивает:

- Где ты был, муженек?
- Ходил к господам напевать, попам петь.
- Там прокуковал шесть годов, простоял семь лет.

Старуха спрашивает:

- Что ты получил в награду?
- Золотые башмаки – серебряные оборы.

Старуха стала ноги мыть. Моет, моет... Старик спрашивает:

- Зачем ты, жenuшка, ноги моешь?
- Чтобы примерить золотые башмаки – серебряные оборы.

Старик говорит:

- Я уже поменял их на кошку.

Старуха ищет миску для кошки. Старик спрашивает:

- Зачем ты, жenuшка, ищешь миску для кошки?

Старуха отвечает:

- Чтобы накормить кошку.

Старик говорит:

- Я уже поменял ее на собаку.

Старуха взяла топор, тешет корыто, чтобы кормить собаку. Старик говорит:

- Зачем ты, жenuшка, корыто тешешь?

Старуха говорит:

- Чтобы собаку кормить.
- Я уже поменял собаку на барана.

Старуха делает ясли для барана.

- Зачем ты, жenuшка, ясли делаешь?
- Так чтобы барана поставить к яслям.
- Я уже поменял его на быка.

Старуха стойло делает.
– Зачем ты, женушка, стойло делаешь?
– Так чтобы быка держать.
– Я уже поменял его на жеребца.
Старуха давай ясли делать, чтобы жеребца привязать.
Старик спрашивает:
– Зачем ты, женушка, ясли делаешь?
– Чтобы жеребца поставить.
– Я уже поменял его на бруски.
Старуха давай сооружать коробку, где хранить бруски.
Старик спрашивает:
– Зачем ты, женушка, коробку делаешь?
– Так чтобы бруски положить.
– Да я уже бросил в уток брусками, – говорит старик.
Старуха – кастрюлю мыть, чтобы сварить в ней уток.
– Зачем ты, женушка, кастрюлю моешь?
– Уток варить.
– Да я и не поймал их: бруски утонули в озере, утки улетели – так все и пропало.
Старуха сильно рассердилась, стала бить-колотить старика коромыслом.
Штаны у старика уже давно высохли. Стали они жить [дальше].
Вот такой длины сказка.

68. Ruoččalaini ruotakoira

Ruoččalaini ruotakoira
Venäläisen verenjuoja,
Tappo tuaton, tappo muamon,
Tuli milma tappamah.
Mie pärähin päistäriillä,
Päistäret tuleh virisi,
Mie hyppäin aijalla,
Aita kuation kahen puolen.
Kavahin mie kuuseh,
Kuusi kuuvveksi palaksi
Seiččemeksi seipähäksi.
Mie lennin lepikköh,
Lepikkö leheksi muuttu.
Lehikkö miula sauvasen,
Sauvani minun tiehen suatto.
Tie minun veti taloseh,
Talosessa leipätyttö,
Leipätyttö leipomassa.

Tytär miula leivän,
Mie leivän kiukuah,
Kiukua miula suuren kiven.
Mie kiven mereh,
Meri miula suolasie.
Mie suolat kalamiehillä,
Kalamiehet kalasie.
Mie kalat riimiehillä,
Riimiehet jyväsie.
Mie jyvät sijalla.
Sika miula kylen.
Mie kylen koivulla,
Koivu miula oravan haukku.
Mie oravan papilla,
Pappi miula liinapaijan.
Mie liinapaijan kokolla.
Kokko miula siipysset.
Mie lennin yheksän meren yliče,
Meripuolen kymmeniče,
Tasaisilla tanterilla
Pyhän pellon pientarilla.
Sielä Maria makasi,
Pyhäristi riuvotteli.

68. Швед, костлявая собака

Швед, костлявая собака,
Русской крови жаждущий,
Убил отца, убил мать,
Пришел меня убивать.
Я вспорхнул на кострики*,
Кострики разгорелись.
Я прыгнул на изгородь,
Изгородь упала по две стороны.
Я вскочил на ель,
Ель – на шесть частей,
На семь колов [разломалась].
Я улетел в ольховник,
Ольховник листком обернулся.
Лиственный лес мне – посошок,
Посошок меня на дорогу вывел.
Дорога привела меня в домик.
В домике – хлебная девушка.

Хлебная девушка хлеб печет.
Девушка мне – хлеб,
Я хлеб – в печь.
Печь мне – большой камень.
Я камень – в море,
Море мне – соль.
Я соль – рыбакам,
Рыбаки мне – рыбки.
Я рыбу – молотильщикам,
Молотильщики мне – зернышек.
Я зерна – свинье,
Свинья мне – бок.
Я бок – березе,
Береза мне белку облаяла.
Я белку – попу,
Поп мне – льняную рубашку.
Я льняную рубашку – орлу,
Орел мне – крылышки.
Полетел я за девять морей,
Моря десять раз [пересек].
[Прилетел] на ровные поля,
на край святого поля.
Там Мария спала,
Святой крест [носящая] отдыхала.

69. Kol, kol, kolua

– Kol, kol, kolua,
Anna, akka, patua.
– Miksi siula patua?
– Pappie syöttä.
– Miksi siula pappie?
– Lasta ristie.
– Miksi siula lasta?
– Lasta lassun poimijaksi,
nokipölkyn nostajaksi,
väkipölkyn viäntäjäksi,
kaskipölkyn kankiejaksi,
juopukkaisen juontajaksi,
karpaloisen kantajaksi,
mussikkaisen muurtajaksi,
puolukkaisen poimijaksi,
malinaisen muanittajaksi,

lehmien lehosta tuojaksi,
vasikkojen vartiejaksi,
hevovarsan ruokkijaksi,
kaiken karjan kaččojaksi.

69. Кол, кол, колочек

– Кол, кол, колочек,
Дай, бабка, горшочек.
– Зачем тебе горшочек?
– Попа кормить.
– Зачем тебе поп?
– Ребенка крестить.
– Зачем тебе ребенок?
– Ребенок будет щепки собирать,
выжженные чурбаны поднимать,
огромные бревна выворачивать,
расчищать лес под пашню,
голубику добывать,
клюкву носить,
чернику мять,
бруснику собирать,
малину манить,
коров из рожи приводить,
телят сторожить,
жеребенка кормить,
все стадо пасти.

70. Mipä tuolla näkyү?

– Mipä tuolta näkyү?
– Kivi tuolta näkyү.
– Mipä kiven kukkulalla?
– Kirves kiven kukkulalla.
– Mipä kirvehen sisällä?
– Sormus kirvehen sisällä.
– Mipä sormuksen sisällä?
– Nimi sormuksen sisällä.
Nimi on Niikkana,
Papin panoma,
Lukkarin lukoma,
Panomarin porpottama,
Tijakkanan tijottama.

Ken tulou kourotasta,
Непоиста vetäy povotasta?
Kenen pihalla kivi?
– Talon pihalla kivi.
Siïhi kiveh on kirjutettu
Nuoren tytön nimi.

70. Что там виднеется?

– Что там виднеется?
– Камень там виднеется.
– А что на макушке камня?
– Топор на макушке камня.
– А что внутри топора?
– Кольцо внутри топора.
– А что внутри кольца?
– Имя внутри кольца.
Имя это – Нийккана,
Попом данное,
Псаломщиком прочитанное,
Пономарем пробормоченное,
Дьяконом сообщенное.

Кто идет из города,
Коня ведет за повод?
На чьем дворе камень?
– Во дворе дома камень.
На том камне написано
Имя молодой девушки.

71. Kunne, hiiri, mänet?

Kissa istuu kannon piässä,
Kysyy: – Kunne, hiiri, mänet,
Lyhytjalka, lynkytät?
– Meččähän mänen, poloni,
Korpehen, kovaosani.
– Mitä sinne tekemäh?
Kuta, raukka, ruatamah?
– Puitani pukkuamah,
Halkojani hakkuamah.
– A kun puu piälläs kuatuu?
– Mie juoksen juuren alla.

– Mitäpä sielä syömisenä?
– Koivun kuorija kovija.
– A kun vačas kivistäy?
– Mie pistän puikkosella,
Tärähytän tähkäsellä.
– A kun veri tulou?
– Veren tullaki pitäy.
Siihi loppu hiiren virsi,
Katkesi Katin tarina.

71. Куда, мышь, идешь?

Сидит кошка на пне, спрашивает:
– Куда, мышь, идешь,
Коротконогая, трусишь?
– В лес иду, бедняжка,
В глушь, несчастная.
– Что там делать будешь,
Чем, горемыка, заниматься?
– Лес валить,
Дрова колоть.
– А если дерево на тебя упадет?
– Я убегу под дерево.
– А что там есть будешь?
– Жесткую кору березы.
– А если живот заболит?
– Я уколою палочкой,
Проткну колоском.
– А если кровь пойдет?
– Кровь и должна пойти.
На этом закончилась песнь мыши,
Оборвалась история Катти.

72. Kana muni munasen

Oli ennen ukko ta akka,
Oli kirjava kanani.
Muni kirjavan munasen
Muna vierä hiilokseh.
Ukko, akka itkömäh,
Kanani kakettamah,
Musta lehmä amnumah,
Kynnykset kykettämäh,
Veräjäiset vierömäh,

Halkopino kuatumah.
Harakalta häntä halki,
Varikselta varvas poikki,
Joki vertä juoksumah
Virta vettä vierömäh,
Koski vettä kuohumah.
Pappilan piijat vejellä,
Rikottih korvoh,
Katattih korentoh
Papatja leipie paistuassa
Rikko leipäh, lapieh katko,
Katko kiukuan, murotti.

72. Снесла курица яйцо

Были раньше дед и баба,
Была у них курица ряба.
Снесла она рябое яйцо.
Яйцо укатилось в загнетку,
Дед, баба – плакать,
Курочка – кудахтать,
Черная корова – мычать,
Пороги – трещать,
Ворота – отворяться,
Поленицы – рассыпаться.
У сороки хвост – надвое,
У вороны палец сломался,
В реке кровь побежала,
В потоке вода потекла,
В пороге вода закипела.
Служанки попа – по воду,
Разбили ушат,
Сломали коромысло,
Попадья, выпекая хлеб,
Хлеб раскрошила, лопату сломала,
Уронила печь, разбила.

73. Harakka ta tervakatto

Ukko luati pirtin, tervai katon. Lenti harakka katolla. Harakka kun rupei n'okkimah, n'okka i puuttu. N'okka kun helppasi, häntä otti kiini. Häntä kun helppasi, n'okka otti kiini. N'okka kun helppasi, häntä otti kiini. Häntä kun helppasi, n'okka otti kiini.

(Та näin tätä piisuu Moskovah suahe, eikä i siitä loppu.)

73. Сорока и просмоленная крыша

Мужик построил избу, просмолил крышу. Прилетела на крышу сорока. Сорока как начала клевать – клюв и увяз. Когда клюв освободился – хвост увяз. Хвост освободился – клюв увяз. Клюв освободился – хвост увяз. Хвост освободился – клюв увяз.

(И так этой (сказки) хватит до Москвы, да и потом еще не кончится.)

74. Härän starina

Pitäykö sanuo härän starina? Mikko sanou: «Pitäy», Matti sanou: «Pitäy», Olli sanou: «Pitäy», Juakko sanou: «Pitäy», mie sanon: «Pitäy», härkä sanou: «Pitäy».

Pitäykö sanuo härän starina? Mikko sanou: «Pitäy», Matti sanou: «Pitäy»...

74. Сказка о быке

Надо рассказать сказку о быке? Микко говорит: «Надо», Матти говорит: «Надо», Олли говорит: «Надо», Юакко говорит: «Надо», я говорю: «Надо», бык говорит: «Надо».

Надо рассказать сказку о быке? Микко говорит: «Надо», Матти говорит: «Надо»...



ПРИМЕЧАНИЯ

Сказки нашего сборника записаны от Марии Ивановны Михеевой, 63 л., в п. Ухта (Калевала) Калевальского района Республики Карелия. Записи сделаны Э. С. Гуттари (Тимонен) в 1947 г. (72 текста). Две сказки записаны другими собирателями: У. С. Конкка (1959 г., Сб., № 8) и В. Я. Евсеевым (1966 г., Сб., № 71).

В примечаниях после заглавия текста мы даем ссылку на «Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка» (СУС)¹. В необходимых случаях имеется также ссылка на «Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне» Н. П. Андреева (АА)². Карельские и вепские сказки укладываются в данную классификацию; при неполном совпадении сюжета мы заключаем его индекс в круглые скобки.

После индекса СУС дается полное название сюжета, далее следует номер в Аннотированной описи сказок М. И. Михеевой, представленной в научном аппарате сборника (например, Оп., № 1), и затем перечисляются варианты к данному сюжету (Архивные варианты), отложившиеся в рукописном архиве Карельского научного центра РАН (АКНЦ). Варианты распределены по регионам: I ч. – Северная Карелия; II ч. – Средняя Карелия; III ч. – Южная Карелия. Каждый вариант обозначается следующим образом: первая цифра указывает на номер коллекции, следующая за ней – порядковый номер текста (единицы хранения) в коллекции, затем отмечается район записи. Называются также варианты из Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ (ФИАЯЛИ), через запятую указывается номер кассеты и после знака «/» номер записи на кассете.

В примечаниях называются также публикации вариантов к нашим текстам. Список сокращений дан в конце книги. Знаком равенства отмечаются тексты, перепечатанные из сборника У. С. Конкка «Карельские народные сказки» (М.; Л., 1963; например: КНС I, 5 = Сб., № 3). Дополнительные сведения по каждому тексту сборника находятся в разделе: «Аннотированная опись сказок М. И. Михеевой из коллекций архива КарНЦ РАН». Все тексты взяты из вышеназванного архива (фонд 1, опись 2, коллекция № 22 – в 5 томах).

Комментарии в основном даются с точки зрения композиции, характерных контаминаций, поэтики жанра, художественных особенностей источников конкретного текста.

¹ Сравни. указ. сюжет. См.: Список сокращений архивных и печатных источников.

² Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

1. *Repo ta ukko kalalla* – Лиса и старик на рыбной ловле.

[Слышала от бабушки Окку Йевлевой ребенком в Алозере (Alajärvi).]

СУС 1 «Лиса крадет рыбу с воза». Оп., № 1.

Архивные варианты. I ч.: 2, 135 (СУС 1+2 «Волк у проруби»); 55, 110 – Лоухский; 13, 23 (СУС 1+2); 19, 21; 20, 20 (СУС 1+2+3 «Лиса обмазывает голову тестом»)+4 «Битый небитого везет» +60 «Лисица и журавль» +1030 «Дележ урожая») – Калевальский. II ч.: 9, 26; 9, 30; 71, 68 – Кемский; 72, 84 (СУС 15 «Лиса-повитуха»)+1+2+3) – Кондопожский. III ч.: 135, 12 (СУС 1+2+3) – Олонецкий.

Публикации: SKS I, 3; KKN I, s. 14, 148–149; Mihejeva, s. 8–9; Remsu, s. 7–8; KHC I, 1 = Сб., № 1; KHC II, 1, 2; ASA, 91; КФ, 1992, с. 178–179.

Сказка из цикла повествований о хитрой лисе. Публикуемый вариант состоит из одного сюжета; в большинстве же случаев сюжеты о лисе вступают в контаминации друг с другом. Самый «полный» текст принадлежит севернокарельской сказочнице М. М. Хотеевой (АКНЦ, 20, 20). В финноязычном переводе Э. С. Гуттари (Mihejeva, s. 8–9) того же текста, что публикуется в нашем сборнике, имеются некоторые привнесения, усиливающие эмоциональную окраску сказки. Например, старуха, не найдя в саях ни рыбы, ни лисы, говорит: «Да здесь нет ни лисы, ни рыбы! *Что ты зря бормочешь?*» Или рассерженный старик ворчит: «*Ты что слепая, как не видишь?! Куда бы они могли пропасть?!*» (Mihejeva, s. 9). В публикуемом варианте удачно отражаются этнографические реалии, присущие Карелии: орудия лова и подледный лов рыбы, быт и взаимоотношения в семье. В карельской традиции «партнером» лисы может быть волк, как в сказках М. И. Михеевой и М. М. Хотеевой (АКНЦ, 20, 20), однако более характерен в этой роли для севернокарельской традиции медведь (КНС I, прим. № 2 на с. 501). В варианте Remsu, s. 7–8 (СУС 1+2) обращает на себя внимание этиологическая концовка: объясняется, почему медведь остался с коротким хвостом.

2. *Hukka ta repo – kuomakset* – Волк и лиса – кумовья.

[Слышала от бабушки Окку Йевлевой ребенком в д. Алозеро (Alajärvi).]

СУС 1030 «Дележ урожая»; СУС 15 «Лиса-повитуха». Оп., № 2.

Архивные варианты. (СУС 15). I ч.: 10, 219 (СУС 15+20А «Звери в яме» +21 «Пожирание собственных внутренностей») – Калевальский; 9, 21; 35, 21; 36, 15 (СУС 15+1030) – Кемский. II ч.: 34, 49; 34, 49; 64, 30 – Медвежьегорский; 72, 84; 72, 130; 73, 5; 77, 11 – Кондопожский; 45, 22 – Сеgezский; 72, 84 (СУС 15+1+2+3) – Кондопожский; 64, 30 (СУС 15+1030) – Медвежьегорский. III ч.: 133, 34; 138, 140; 142, 25 – Олонецкий; ФИАЛЛ, 787/7 (зап. В. Я. Евсеева, Ухта, 1966 г.);

(СУС 1030). I ч.: 13, 23 (СУС 1030+1+2); 20, 20 (СУС 1030+1+2+3+60 «Лисица и журавль») – Калевальский. II ч.: 72, 130; 77, 11 – Кондопожский; III ч.: 100, 20 – Пряжинский; 5, 78; 135, 95 – Олонецкий.

Публикации: Mihejeva, s. 10–13; KHC I, 3 и 4; KHC II, 1; ASA, 92; Евсеев, 1981, с. 224–225, 228–229; УПТК, с. 173; «Vienan Karjala», 2005, № 16 и № 17 (все публикации в этой газете сделаны мной. – *Н. О.*); КФ, 1992, с. 178–179.

Сюжет «Дележ урожая» (СУС 1030) в соединении со сказками о животных встречается довольно часто. Как правило, он контаминируется с типами СУС 1, 2, 3, 15, 20, 21, 60. В записях XIX в. этот сюжет, как и СУС 15 «Лиса – повитуха», представлен в автономном виде вне контаминаций (см. записи К. Крона, сделанные им в 1884 г.; тексты из-

данг. Евсеев, 1981, с. 224–225). Контаминация, представленная в сказке М. Михеевой, художественно вполне оправдана. Текст насыщен этнографическими реалиями. Из сказки читатель узнает, что в Карелии практиковалось подсечное земледелие, что люди сажали рожь, что у крестьян были риги для сушки зерна, мельницы для молотьбы и т. п. По замечанию У. С. Конкка, сюжет распространен в Финляндии (см., например, SKS I, 25, 26, 28, 32, 38), известен также в саамском и эстонском фольклоре (КНС I, прим. № 3 на с. 501). В финноязычном переводе Э. С. Гуттари (Mihejeva, s. 10–13) того же самого текста, что публикуется в нашем сборнике, почти нет отклонений от оригинала, если не считать удачных звукоподражаний, заменивших глаголы подлинника: зерно при молотье, по тексту Э. С. Гуттари, издает звуки «juŋin-jaten, juŋin-jaten», а мякина – «tissin-tassin, tissin-tassin, tissin-tassin». При внимательном сравнении оригинала с переводом замечаем, что в самом конце сказки опущен ожидаемый по ходу изложения мотив «вытапливания масла» у якобы съевшего его героя.

3. Ukko, akka ta orava – Старик, старуха и белка.

[Слышала от бабушки Окку Иевлевой ребенком в д. Алозеро (Alajarvi).]

СУС 20А = АА 20В «Звери в яме». Оп., № 3.

Архивные варианты. (СУС 20А). I ч.: 18, 89; 10, 219 (СУС 159 «Бычок смоляной бочок»+15+20А+21) – Калевальский; ФИЯЛП, 787/2 (зап. В. Я. Евсеева, Ухта, 1966 г.; издано: Евсеев, 1981, с. 233–235).

Публикации: SKS I, s. 12 и 458; КНС I, 5 = Сб., № 3; Евсеев, 1981, с. 233–235; «Vienan Karjala», 2005, № 11; ASA, 94; КФ, 1992, с. 180–181.

Сказка построена по кумулятивному принципу. В самом начале сказка разворачивается по сюжету: человек попадает в капкан и погибает; звери утаскивают добычу, мало-помалу съедают ее и больше не имеют пищи.

В сказке М. Михеевой обращает на себя внимание завязка, не свойственная русскому фольклору: старик лезет на крышу, чтобы выловить надоевшую белку, но та сталкивает ловца с крыши; когда белка, уложив мертвеца в акхиво, везет его по лесу, она встречается поочередно с разными зверями. С этого момента сказка строится по кумулятивному принципу. Звери съедают старика, после чего репают сожрать того, кто меньше всех. Затем повествование строится по схеме СУС 20А «Звери в яме», популярной и в карельской, и в русской традиции. Заканчивается цепочка повествования, как и положено в этих сказках, комическим эффектом: лиса и волк сбежали, а медведь, увидев уже пустые сани, с досады грохнул их о дерево. В сказке очень поэтичны медальные формулы-клише, зафиксированные также в материалах XIX в., на что обратила внимание У. С. Конкка (КНС I, прим. № 5 на с. 502; см. текст: SKS I, 12, 38)

4. Kontie ta tijani – Медведь и синица.

[Слышала ребенком, не помнит от кого.]

СУС (56А) «Лиса и дрозд»; СУС 2 «Волк у проруби». Оп., № 4.

Архивные варианты. (СУС 2) I ч.: 2, 135; 55, 110 – Лоухский; 13, 23; 19, 21; 89, 3 – Калевальский. II ч.: 72, 84 – Кондопожский; 135, 12 – Олонецкий. Архивные варианты по СУС 56А и публикации см. в примечании № 5.

Публикация: КФ, 1992, с. 178–179.

Сказка М. Михеевой представляет собой видоизмененную версию сюжета «Лиса и дрозд». Трансформация произошла из-за внутрисказочной замены персонажа: вместо лисы здесь выступает медведь, разоряющий гнездо синички. Мотив выкидывания птенцов из гнезда отсутствует. Бесхитрый медведь-увалень покоряется

маленькой синичке: «И отвела синица медведя в судилище», и присудили «быть ему без хвоста». Вполне логично в данном случае присоединение сюжета СУС 2: лиса советует медведю (волку) ловить рыбу в проруби. Укажем на этнографические реалии: у лисы имеется «копсель» с налимками («Такой же, как твой копсель в том углу» – ремарка сказочницы). Интересна этимологическая концовка: «И другие медведи стали бесхвостыми, как тот первый потерпевший».

5. Varis ta ropo – Ворона и лиса.

СУС 56А «Лиса и дрозд (ворона)»; СУС 33 «Лиса, журавль и волк в яме». Оп., № 5.
Архивные варианты. (СУС 56А). I ч.: 19, 82; 22, 71; 60, 12; 89, 2 – Калевальский; ФИЯЛИ, 787/8 (зап. В. Я. Евсеева, Ухта, 1966 г.). II ч.: 64, 7 – Медвежьегорский.

Публикации: SKS I, s. 81–82; KKN I, 54; KHC I, 7 = Remsu, s. 9–11; Евсеев, 1947, 35; Евсеев, 1981, с. 234–235; Пажлаков, с. 84–90; «Vienan Karjala», 2005, № 8 и № 12.

Сюжет «Лиса и дрозд (ворона)» бытует автономно, но изредка вступает в контаминации с другими сюжетами (СУС 60 – КНС I, 7; СУС 2 – Сб., № 4). Данная сказка нашего сборника – единственный вариант своеобразной контаминации (СУС 56А+33). Основной сюжет «Лиса и дрозд» характерен для карел и шире – для прибалтийско-финских народов (см. замечание У. С. Конкка – КНС I, прим. № 7 на с. 502). Во всех карельских вариантах обманутой оказывается лиса: пойманная вешунья сорока (или другая птица) перехитрила лису, улетев из западни (корзины, брошенной под гору). Второй сюжет (СУС 33), удачно присоединенный сказочницей, дополняет эпизоды обманов лисы: «Лиса хитрая, хитрая, журавль еще хитрее». Сюжет «Лиса, журавль и волк в яме» (СУС 33) в русском материале зарегистрирован в единственном варианте (Господарев, 76; сказочник, проживавший в Петрозаводске и рассказывавший сказки на русском языке, отметил, был белорусом).

6. Kurki ta ropo – kuomakset – Журавль и лиса – кумовья.

[Слышала от бабушки ребенком в Алозере (Alajärvi).]

СУС 60 «Лисица и журавль». Оп., № 6.

Архивные варианты. (СУС 60). I ч.: 19, 78; 29, 102; 20, 20 (СУС 60 в контаминации: 1030+1+2+3+4+60) – Калевальский. III ч.: 138, 26 – Олонекский.

Публикации: KKN I, 54; Remsu, s. 12; Конкка, с. 76–78; Евсеев, 1981, с. 226–227; КНС I, 6 = Mihejeva, s. 18–19 = Сб., № 6; КНС I, 7.

В нашем тексте и в остальных вариантах, где сюжет «Лисица и журавль» автономен, сказка излагается традиционно: «кумовья похлебкой поквитались». Лиса мучную похлебку (линду) выливает на скалу (на тарелку) и слизывает ее одна, а журавль съедает все из маслобойки (кувшина), и гостье-лисе также ничего не достается. Калевальская сказчица М. М. Хотеева этот же сюжет соединяет еще с пятью другими сюжетами (АКНЦк, 20, 20), т. е. создает цикл сказок о лисе. Похожие циклы мы наблюдаем в вариантах: АКНЦк, 72, 84 (Кондопожский) и 135, 12 (Олонекский) (см. КНС II, прим. № 1 на с. 492). Сказка известна в фольклоре разных народов и во многих литературных обработках.

7. Kalinan häistä lihat loppu – На свадьбе Калины мясо кончилось.

[Эту сказку слышала часто и от многих.]

СУС 130, 130А, 130В «Зимовье (ночлег) животных». Оп., № 7.

Архивные варианты. (СУС 130А, В). III ч.: 101, 15 – Пряжинский; 134, 88; 134, 114; 134, 150; 138, 139 – Олонекский.

Публикация: Евсеев, 1981, с. 227–228 = SKS I, s. 464 (зап. Варонена, д. Реболы, 1886 г.).

Публикуемый текст – самый полный из карельских вариантов. Хотя М. Михеева заявляла, что эту сказку слышала часто и от многих сказочников, записей, зафиксированных собирателями, оказалось мало, и сделаны они только в Южной Карелии. Во всех вариантах представлены одни и те же эпизоды: 1) хозяева для свадьбы собираются резать домашнее животное, животные поочередно сбегают в лес; 2) строят или находят дом; 3) к ним вламывается медведь (волк), они бросаются на него и растерзывают. Своеобразие сказки М. Михеевой заключается в том, что убежавшие из дому животные встречают лесных зверей (белку, зайца, лису, волка, медведя), которые присоединяются к сбегавшим, и цепочка диалогов-повторов, таким образом, увеличивается. В русских сказках Карелии эта деталь отсутствует. В них сюжет дополняется за счет эпизода строительства дома, где раскрываются «характерь» зверей, не желающих сообща работать (Ск. Поморья, 32; Ск. Заонежья, 18). Карельский вариант в записи К. Крона (SKS I, s. 126; д. Корписелька, 1884 г.) интересен тем, что эпизод строительства избушки домашними животными превращен в одноходовую сказку (см.: Евсеев, 1981, с. 225).

8. Härän starina – Сказка про быка.

СУС 159 «Бычок смоляной бочок». Оп., № 8.

Записала У. С. Конкка в 1959 г. в д. Алозеро Калевальского р-на (АКНЦк, 31, 3).

Архивные варианты. I ч.: 22, 51; 23, 8 – Калевальский.

Публикации: SKS I, s. 463; КНС I, 11 = Сб., № 8.

Все карельские записи сделаны в районе Калевалы. Сюжет редкий, особенно в общерусском материале: в СУС зарегистрирована только одна новгородская сказка. Из русских сказок Карелии известны 2 варианта: Ск. Пудожья, 4; АКНЦр, 127, 102. Если в русских сказках звери (лиса, медведь) откупаются от человека, пригоняют кур, уток, коров, быков, то в карельской хозяйин «смоляного бычка» режет всех прилипших зверей: «И старик лошадь запрыгает и кладет бычью тушу в сани, медвежью тушу в сани, лисью тушку в сани, да и заячью тушку. И шкуры все. Потом везет в город и продает». Это явное отражение в сказке новых форм хозяйствования. Публикуемый текст отличается своими художественными особенностями. Об одной из них – троекратном повторении – сама сказочница говорит, когда повторяет эпизоды или формулы-стереотипы: «...в третий раз – всегда ведь надо три раза, что ни плети». Особенно красочны в сказке М. Михеевой, как и во всей карельской традиции, разнообразные рифмованные формулы.

9. Kurki ta vanhapiika – Журавль и старая дева.

СУС 244А* «Журавль (анст) и цапля». Оп., № 9.

Архивные варианты. I ч.: 22, 46 – Калевальский.

Публикация: «Vienen Karjala», 2005, № 10.

Сюжет широко известен в мировой культуре. Древнейший текст содержится в «Панчатантре» («Пятикнижие») – древнеиндийском сборнике (предположительно VI в. н. э.), где повествование имеет правоучительный характер и похоже на басню. Совсем иной характер демонстрирует вариант М. Михеевой. По содержанию, поэтике, стилю и изложению ее текст представляет собой сказку. Сюжет дополнен, доработан сказочницей, в чем она сама призналась собирательнице. «Mihejeva on tehnyt omia muutoksia» – «Михеева внесла свои изменения», – пишет собирательница (АКНЦк, 22, 47). В сказке М. Михеевой обращает на себя внимание образ старой

девы (Vanhariika), играющей роль более привычной цапли. Не исключаем, что данный образ создан нашей сказочницей. Этот персонаж усиливает комический эффект сказки. В русской традиции сказка зарегистрирована в единственном вологодском варианте (Аф., 72), отличающемся краткостью, диалогичностью, морализованностью, т. е. по своим характеристикам текст напоминает басню. Вместо карельской старой девы, что вполне закономерно, здесь выступает цапля.

10. Orava, kinnas ta niekla – Белка, рукавица да игла.

[Не помнит, от кого слышала.]

АА 90 «Игла, перчатка и белка» (в СУС не зарегистрирован). Оп., № 10.

Архивные варианты. I ч.: 12, 29; 12, 48; 12, 63; 18, 86; 20, 26; 29, 101; 29, 104; 68, 1 – Калевальский. Повторная запись от М. Михеевой: ФИЯЛИ, 787/1 (зап. В. Я. Евсеева, Ухта, 1966 г.).

Публикации: SKS I, s. 175; SKSjT, s. 411–413; Mihejeva, s. 20–22; КНС I, 8 = Сб., № 10; Конкка, с. 10–12; Евсеев, 1949, 39; ASA, s. 141–143; КФ, 1992, с. 184–186.

«По имеющимся данным, область бытования сюжета ограничена районом Калевалы. Ни у русских, ни у финнов в публикациях этот сюжет не встречается», – пишет У. С. Конкка (КНС I, прим. № 8 на с. 503). Мы этот тезис можем подтвердить.

Вариант М. М. Хотеевой (АКНЦк, 20, 26) близок к тексту нашего сборника. Отличается только перемещением медиальной формулы-осведомления из-за перестановки порядка «добыч» – находок Иглы, но сама стихотворная вставка стереотипна. Примечательна концовка сказки М. М. Хотеевой, которая редко встречается в карельском материале: «Возвращение со свадебного пира сказочника» (СУС 1880). Обычно эта концовка встречается в волшебных сказках, но и здесь она оказалась вполне уместной.

СКАЗКИ ВОЛШЕБНЫЕ

11. Monipäiset kiärmehet – Многоглавые змеи.

[Слышала от старшей сестры Дарьи Поповой ребенком в Алозере (Alajärvi).]

СУС 300₁ = АА 300А «Победитель Змея». Оп., № 11.

Архивные варианты. I ч.: 2, 151; 10, 223; 13, 32; 18, 81; 19, 23; 19, 32а; 21, 6; 23, 13; 25, 154; 26-1, 30 – Калевальский; 10, 248 – Кемский; 35, 39 – Беломорский; 50, 1 – Муезерский. II ч.: 63 9; 63, 24; 63, 107; 65, 20 – Медвежьегорский; 80, 49–Суоярвский; 75, 7; 77, 6; 77, 10 – Кондопожский. III ч.: 92, 36; 98, 2; 99, 22; 100, 7; 101, 22; 114, 8 – Пряжинский; 132, 177а; 134, 8; 135, 108; 135, 179; 138, 45; 138, 65; 138, 85; 141, 12 – Олонецкий.

Публикации: Mihejeva, s. 65–68; Remsu, s. 15–18, 29–35; КНС I, 14 и 39; КНС II, 6.

Сказка змеборческого типа. В карельской традиции названный тип в автономном виде, как он представлен в нашем тексте, бытует редко; обычно он контаминируется с другими сюжетами. В тексте М. Михеевой схема сюжета СУС 300₁ повторяется дважды. Первая сюжетная линия завершается победой над многоглавыми змеями и освобождением трех царских дочерей. Далее повествование сосредоточивается на «главном» Змее, отце убитых, и освобождении четвертой дочери царя, т. е. второй «ход» сказки М. Михеевой является «плодом» нарушения сказочного канона троичности. Однако сказка так искусно скомпонована и логично завершена, что нарушения традиции не ощущаются; создается впечатление полной каноничности. Отсутствие

стабильных сюжетов о змеборстве в карельской традиции было отмечено У. С. Конкка (КНС II, прим. № 6 на с. 494). Подробнее о сказке см. во вступительной статье к нашему сборнику.

12. Kissanpoika ta Jelena-prekrasnoi devuška – Кошачий Сын и Елена-прекрасная девушка.

[Слышала от бабушки (по матери) в Алозере (Alajärvi).]

СУС 303 «Два брата (чудеснорожденные)»; СУС 300А «Бой на калиновом мосту»; СУС 513А «Шесть чудесных товарищей». Оп., № 12.

Архивные варианты. (СУС 303). I ч.: 2, 108 – Лоухский; 13, 4; 19, 5; 22, 41; 28, 164 – Калевальский; 35, 42; 36, 54 – Беломорский; 46, 14 – Муезерский; (СУС 300А). I ч.: 14, 13 – Калевальский; 10, 255 – Кемский. II ч.: 34, 48; 35, 42 – Сегежский; 72, 134 (СУС 303+300А) – Кондопожский. III ч.: 98, 7; 99, 34 – Пряжинский; 132, 110; 135, 108; 135, 146; 135, 179; 136, 114 – Олонецкий.

Публикации: КНС I, 14; Remsu, s. 15–18, 48–59; Mihejeva, s. 89–97.

Текст М. Михеевой дает традиционное описание змеборства. Имеется повторный вариант этого же сюжета в записи самой сказочницы (Mihejeva, s. 89–97). В повторном варианте дополнительно введен новый персонаж – спутник-невидимка героя (Большеухий). М. Михеева здесь также несколько изменила функцию наказания Костяного человека (Костяка): «Mies naugoi, naugoi ja viimein kuoli...» – «Мужик смеялся, смеялся и в конце концов умер от смеха» (Mihejeva, s. 97). Укажем на соответствие картины боя со Змеем в сказке нашего сборника описанию, данному в тексте КНС I, 39. По мнению У. С. Конкка, «формулы-обращения в таком оформлении характерны для севернокарельских сказок» (КНС, прим. № 39 на с. 512). Подробнее о карельских сказках, представляющих змеборческие мотивы, см. во вступительной статье данного сборника.

13. Nenä halki, suolua siämeh – Нос надвое, соли в рану.

[Слышала от Михаила Митрофанова, который знал и много других сказок. Слышала лет 30 назад (pullukatalla uõruessä – по дороге на мельницу, на ночлеге).]

СУС 306 «Ночные пляски»; СУС 518 «Обманутые черти»; СУС 1880 «Возвращение со свадебного пира сказочника». Оп., № 13.

Архивные варианты. (СУС 306). I ч.: 28, 248 – Калевальский; 9, 5 – Кемский; 47, 11 – Муезерский. III ч.: 132, 153 – Олонецкий.

Публикация: КНС I, 15 = Сб., № 13.

У. С. Конкка в примечаниях к своему сборнику отмечает, что карельские варианты к сказке М. Михеевой отсутствуют, однако мы обнаружили к основному сюжету СУС 306 «Ночные пляски» в Северной Карелии три варианта, а в Южной – один текст. Во всех вариантах сюжет излагается кратко, так же лаконично, как два русских текста (Аф., 298, 299). М. Михеева услышала эту сказку от бывшего мужа, знавшего много сказок и, видимо, рассказывавшего их в манере сказочника-профессионала, т. е. со всей сказочной обрядностью. Во всех вариантах есть обычный атрибут: шапка-невидимка, добывая либо у дерущихся персонажей, либо у встреченной старушки-дарительницы. Шапка-невидимка позволяет герою преследовать царскую дочь и разгадать ее «тайну». Отметим также характерную для севернорусской традиции деталь: три царства (медное, серебряное и золотое), куда тайком дочь царя убегает («повеселиться» (tuvettih kisuamah). Описание трех царств у М. Михеевой тяготеет к выработанной классической манере повествования. Насколько глубоко сказительница вникает в сюжет, ощущается не только в высокой художественности ее сказок, но даже в ее

ремарках. По замечанию У. С. Конкка, в популярном сборнике финских сказок Roine, s. 28–33, опубликован вариант, близкий по своему оформлению сказке М. Михеевой (КНС I, прим. № 15 на с. 505).

14. [Pyhä Miikkula – Святой Ми́йккула].

[Слышала от сестры Дарьи Поповой в Алозере (Alajärvi).]

СУС 307 «Девушка, встающая из гроба»; СУС (–849**) «Наказанная икона». Оп., № 14.

Архивные варианты. (СУС 307). I ч.: 35, 16 – Беломорский; 46, 7 – Муезерский; II ч.: 61, 10; 61, 18; 65, 5; 65, 43 – Медвежьегорский; 74, 14 – Суоярвский. III ч.: 92, 27; 99, 26; 112, 62 – Пряжинский; 5, 97; 135, 2 – Олонецкий.

Сюжет «Девушки, встающей из гроба» имеет внесказочную семантическую основу. Выход покойника из гроба (могилы) мог быть следствием несоблюдения похоронных ритуалов, на что указал В. Я. Пропп в своей книге «Исторические корни волшебной сказки» (С. 148). Встающая из гроба покойница всегда опасна для человека. Это отражено и в нашей сказке: «И теперь тебе заборы не помогут, я тебя съем. Стала (она) есть железные изгороди: съела забор, съела второй и уже третий грызет, так проголодалась. Наступила полночь. Пропел петух. Девушка опять упала в подпол. Парень остался цел!». Герой выдерживает испытание, возвращает девушку в мир людей и в конце концов женится на ней. По всему повествованию мы наблюдаем связь сказки с обрядами и поверьями, общими для карел и русских. Герой, как и в русской сказке (ср.: Ск. Заонежья, с. 129), читает «книгу» (псалтырь), которая выполняет роль чудесного оберега. Упоминаются и другие обереги: очерченный круг, железная изгородь, которую не могут одолеть даже железные зубы мертвеца. Любопытной деталью сказки является объяснение причины связи героини с нечистой силой: «Когда ко мне сватался царский сын из поганой страны, я не пошла за него, и за это ведьма заклала меня».

15. Kontie ta viisas tytär – Медведь и умная девушка.

[Слышала от маминной мамы Окку Йевлевой в Алозере (Alajärvi).]

СУС 311 «Медведь (лепший, чародей, разбойник) и три сестры». Оп., № 15.
Архивные варианты. I ч.: 2, 128; 3, 18; 84, 126; 84, 191; 106, 84 – Лоухский; 20, 22; 29, 151 – Катевальский. II ч.: 64, 18; 65, 23 – Медвежьегорский; 73, 2; 75, 6 – Кондопожский. III ч.: 101, 31 – Пряжинский; 135, 11; 135, 85 – Олонецкий.

Публикации: Mihejeva, s. 37–40; Пажлаков, с. 94–96; КНС I, 16; КНС II, 7.

Данный сюжет во всей Карелии интерпретируется традиционно, исключение составляет сказка, записанная от ребенка 9 лет (КНС I, 16). В финноязычный перевод сказки М. Михеевой по сравнению с текстом-оригиналом внесены небольшие правки (Mihejeva, s. 37–40). Когда младшая из сестер заглянула в запретную комнату, то увидела там полумертвых сестер: «Siellä olivatkin hänen sisarsensa puolikuolleina» (Mihejeva, s. 39). Здесь же в переводе опущено описание бочек с кровью и подвешенных трупов. В тексте нашего сборника все эти жуткие детали, восходящие, возможно, к обряду инициации, сохранены. По традиции в карельских сказках медведь убивает старших сестер, а младшая оживляет их с помощью «живой воды»; в нашем тексте просто дана констатация факта: девушка «оживила» сестер. Сказочная атрибутика в сказке М. Михеевой не востребована, как и в кондопожском варианте КНС II, 7. Согласно карельским (и русским) поверьям, медведь сродни человеку. В архаичных версиях сказки, рассчитанных на взрослую аудиторию, явственно прочитывается мотив брачных отношений героини с

медведем. Укажем также, что в сказочных традициях обоих народов популярен сюжет СУС 650А «Иван медвежье ухо», герой которого рожден от брака медведя и человека (КНС I, 13; КНС II, 29; ср.: Аф., 141 и 152). В карельских сказках обычно медведица утаскивает к себе в берлогу старика, и у них рождается сын – наполовину человек, наполовину медведь. У М. Михеевой, как и в некоторых других сказках, в сюжете СУС 650А фигурирует не тотемный предок-медведь, а ведьма Сюятар или хозяйка леса, которая похищает старика и приживает с ним сына-медведя (Сб., № 41; АКНЦк, 22, 84).

16. Vuakalintu, jouččenet, piessa ta kauppies – Птица вуака, лебеди, черт и купец.

[Слышала от Елены Васильевой уже давно, лет так 40 тому назад в Алозере (Alajärvi).]

СУС (222В*); 313В, С «Чудесное бегство». Оп., № 16.

Архивные варианты. (СУС 313А, В, С). I ч.: 2, 152 – Лоухский, 13, 34; 13, 73; 20, 8; 20, 27; 25, 116 – Калевальский, 10, 248 – Кемский, 36, 1 – Беломорский, 46, 2; 50, 7 – Муезерский. II ч.: 6, 33; 8, 1001; 33, 158; 61, 3; 63, 51; 65, 3; 67, 62 – Медвежьегорский, 72, 41; 79, 14; 79, 235 – Суоярвский, 75, 5 – Кондопожский, 45, 5 – Сегежский. III ч.: 96, 5; 103, 2; 114, 1 – Пряжинский, 70, 82; 132, 57; 132, 96; 133, 25; 133, 29; 134, 103; 135, 29; 137, 17; 138, 46; 138, 71; 141, 24; 142, 11; 142, 16 – Олонецкий.

Публикации: SKSJТ, s. 135–143; KKN I, s. 110–118; KKN II, s. 80–88; Белова, 5; КНС II, 8.

В заглавии сказки упоминается «Vuakalintu». Согласно калевальским рунам, «Vuaka-lintu» – это орел («tuline kokko»):

Väinämöine iski kobrie kokkola,
Vuagalinnun varbahie,
jäi yksi nimetöin sormi.

Вяйнямейне стукнул по лапам орла,
по вуага-птицы пальцам,
остался один безымянный палец.

(SKVR I, № 3, s. 6. Vienan lääni – зап. Borenius, Kellovaara, 1872. См.: там же, s. 12–14).

В словарях отмечено, что «vuagalintu» – сказочная птица, причем не уточнено какая. Вариант М. Михеевой близок к классической сказке. Для сравнения дадим примеры из другого калевальского варианта, где внутрисказочные замены и перестановки эпизодов заметно изменили сказку (АКНЦк, 20, 8; текст М. М. Хотеевой). Девушка-лебедь указывает герою дорогу в подземный мир («muuan siämeh»), где его устрашает своим ревом зверь, названный «хозяином». Здесь введен очень редкий мотив: в ином мире герой при встречах с «хозяином» иного царства ведет себя агрессивно и шумно. Видимо, это обращенная форма поведения живого человека в царстве смерти. Известна и литературная версия сюжета – «Сказка о царе Берендее» В. А. Жуковского, нашедшая отражение в русской устной традиции. В Карелии вариант, восходящий к В. А. Жуковскому, записан в г. Пудожье в 1946 г. (Ск. Пудожья, 22). Книжное влияние чувствуется также в поморском варианте (Ск. Поморья, 48). В севернокарельских сказках следов сказки В. А. Жуковского мы не обнаружили.

17. Mečäneläimet auttajina – Лесные животные-помощники.

СУС 315 «Звериное молоко». Оп., № 17.

Архивные варианты. I ч.: 2, 119 – Лоухский, 10, 213; 15, 96; 35, 37 – Беломорский. II ч.: 64, 28 – Медвежьегорский, 73, 12; 77, 6 – Кондопожский. III ч.: 100, 44; 101, 21; 102, 10; 102, 17 – Пряжинский, 132, 69; 132, 154; 138, 56 – Олонецкий.

Публикация: Remsu, s. 10–28.

Сюжет «Звериное молоко», иначе «Притворная болезнь», входит в число наиболее популярных русских сказок; в среде карел он менее распространен, особенно редок в Северной Карелии. Типологическая схема проста. Притворившись больной, сестра, реже мать, сговаривается с любовником (разбойником, чертом, Кашеем и другими демоническими существами) погубить юношу и посылает его за молоком волчицы, медведицы и львицы. Герой набирает этих зверей в свою «звериную охоту» и расправляется с врагом и притворщицей. Иногда этот сюжет контаминируется с СУС 300₁ «Победитель Змея». Тогда герой, попав в иное царство, борется с антагонистом, похитившим царскую дочь. Таковы кондопожские варианты (см.: АКНЦк, 77, 6; 77, 12; ср. русскую сказку Карелии: Ск. Поморья, 6). В Южной Карелии отмечается большее разнообразие в контаминациях: к основному сюжету могут быть добавлены СУС 650 (АКНЦк, 100, 44); СУС 313Н (АКНЦк, 138, 56); СУС 400₂ (АКНЦк, 132, 69); СУС 956А (АКНЦк, 102, 17) и др. Текст М. Михеевой в основном соответствует типовой схеме, но осложнен, перегружен дополнительными элементами из других сюжетов. На первый взгляд кажется, что эти многочисленные привнесения идут от творческой фантазии самой сказочницы, однако это не так. Нами обнаружено сходное изложение сюжета в другом калевальском варианте, записанном от М. Ремшу (см.: Remsu, s. 10–28). М. Ремшу, напомним, – представительница старшего поколения калевальских сказительниц и сказочниц (г. р. 1861); первые записи от нее были сделаны в начале 1930-х гг. При сопоставлении ее сказки с текстом М. Михеевой оказалось, что у этих двух сказочниц соблюдена общая композиция, использованы одни и те же функции, хотя описание их несколько различается (например, в сказке М. Михеевой герой падает шуку, в результате чего и получает чудесный меч; у М. Ремшу нет традиционной встречи с дарителем, волшебный меч герой просто находит).

18. Tuhkimus – Тухкимус.

[Слышала от бабушкиной сестры Агафьи Тимофеевой. У нее был богатый «запас» сказок.]

СУС 327А «Брат и сестра у ведьмы»; СУС 1132 «Бегство от работника»; СУС 1653А, В, С «Дурень, его братья и разбойники». Оп., № 18.

Архивные варианты. (СУС 327А). I ч.: 89, 72 – Лоухский; 12, 60; 12, 62; 16, 49; 19, 81; 20, 28; 22, 41; 22, 89 – Калевальский; 9, 28; 9, 31 – Кемский; 35, 28; 36, 11 – Беломорский. II ч.: 79, 13 – Суоярвский; 71, 7 – Кондопожский. III ч.: 70, 84; 132, 35; 134, 35; 134, 126; 134, 164; 135, 5 – Олонецкий.

Публикации: КНС I, 17; КНС II, 10; Евсеев, 1981, с. 263–264.

Сюжет «Брат и сестра у ведьмы» известен в среде карел в двух версиях. В севернокарельских вариантах дети попадают к людоедке Сююгтар, которая хочет их съесть, но младший из братьев (Тухкимус, Тухкимуричча) обманывает ведьму, поочередно сажает ее дочерей в печь, а ее убивает, спасая братьев. Южнокарельская версия тяготеет к западноевропейской традиции (наиболее ранний известный вариант – в сборнике братьев Гримм, 1812 г.; к гриммовской сказке близок текст КНС II, 10). Сказка М. Михеевой примыкает к севернокарельской версии сюжета. Своеобразие ее состоит в контаминациях. Вначале повествования действие разворачивается согласно сюжету СУС 1132 «Бегство от работника»: братья бегут от «непугевого» Тухкимуса. Заканчивается сказка темой «разбойники под деревом» (СУС 1653А, В, С). Эти дополнительные мотивы взяты из бытовых и анекдотических сказок.

19. Armottomat lapset – Сироты.

СУС 327А «Брат и сестра у ведьмы»; СУС 715А «Петух и жерновцы»; СУС 1960G «Горох до неба». Оп., № 19.

Архивные варианты. (СУС 715А.) I ч.: 16, 49; 20, 24; 22, 4; 22, 74; 22, 89 – Калевальский. II ч.: 65, 42 – Медвежьегорский. III ч.: 132, 62; 132, 184; 134, 126; 138, 14; 138, 63 – Олонецкий. Архивные варианты по СУС 327А см. в прим. № 18.

Публикации: KKN II, s. 62–64; Mihejeva, s. 73–76 (русский перевод см.: Евсеев, 1949, 54); KHC I, 50; KHC II, 41; Евсеев, 1981, с. 270–272.

Сказка М. Михеевой начинается с реминисценции древнего мотива – «переселение душ в иной мир». Здесь это мотив «дерева», по которому души попадают на небо (см.: Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 212–213). В нашей сказке дети-сироты по стеблю, выросшему из зерна, добиваются до небесной избушки, где и происходит их встреча с антагонистом – Сюоятар-плодоедкой. Далее кратко дается сюжет «Брат и сестра у ведьмы» (СУС 327А). Мальчик расправляется с ведьмой, забирает ее чудесный жернов и с сестрой опускается по стеблю обратно. М. Михеева и другие карельские сказочники логично вплетают в сказку мотив воровства у детей-сирот волшебного предмета (СУС 715А). Петух возвращает детям чудесный жернов, побывав в утробе антагониста (реминисценция обряда инициации). В сказке из сборника У. С. Конкка жерновки имеют не дети, а петух и курица (KHC I, 50). У М. Михеевой в другой сказке, отражающей этот же сюжет, антагонист побеждает старик («ukko kukkoviäkki») (Сб., № 67).

20. Čuarilla on kaksikymmentä viisi poikua – У царя двадцать пять сыновей.

СУС 327В «Мальчик с пальчик у ведьмы»; СУС 531 «Конек-горбунок». Оп., № 20.

Архивные варианты. (СУС 327В.) I ч.: 19, 83; 20, 28; 22, 88; 60, 5 – Калевальский; 46, 5 – Муезерский. III ч.: 99, 36; 112, 67; 112, 87 – Пряжинский; 132, 97; 132, 120; 136, 29; 136, 1; 136, 116 – Олонецкий; (СУС 531). I ч.: 1, 9 – Лоухский; 12, 74; 13, 42; 19, 87; 19, 83; 21, 12; 22, 88; 24, 122; 60, 5 – Калевальский.

Публикации: KKN I, s. 46–54, 131–132; KKN II, s. 77–78; Белова, 14, 16 (русский перевод этих вариантов см.: Пажлаков, с. 14–19; 20–26); Remsu, s. 36–43; KHC I, 34; KHC II, 23.

Контаминация сюжетов СУС 327В и СУС 531 характерна для севернокарельской традиции. Сказка обычно состоит из двух «ходов». В первом «ходе» сначала совершается порча или хищение посевов (вредительство); пойманный чудесный конь просит о пощаде, герой соглашается, в результате чего приобретает волшебного помощника. Братья (3, 9 или 33) отправляются в поиск за невестами – дочерьми Сюоятар-плодоедки, которая пытается убить женихов. Чудесный конь-помощник вовремя предупреждает героя об опасности и учит его помять головные уборы дочерей Сюоятар и братьев, что герой и делает. Антагонист (Сюоятар) отсекает головы у своих дочерей. В результате герою достаются волшебные предметы, понадобившиеся при спасении от погони (преследование – спасение). Антагонист погибает (наказание). Во втором «ходе» конь-помощник помогает герою во время службы у царя. Преодолевая козни братьев, герой добывает царю (царскому сыну) царевну, выполняет ее свадебные поручения, омолаживается, купаясь в кипящей смоле. Царь, пытаясь повторить купание, погибает. Сказка завершается традиционной свадьбой.

Сказка М. Михеевой, как и у других карельских сказочников, очень длинная, не менее 7–8 машинописных страниц. В ней наличествуют нестандартные ситуации, много искусственных привнесений. Сказка опускает начальный эпизод – получение

волшебного коня (ср. у М. Ремпу, в сказке которой имеется традиционное оформлен- ное мотива – выкармливание («паршивого жеребенка»; Remsu, s. 37). Далее первый «ход» сюжета доводится до конца традиционно, зато во второй «ход» М. Михеева, со- образуясь со своим личным опытом, вносит дополнительные детали. Герой добывает «гармошку», игра которой заставляет плясать все лесное зверье. Невесту царю герой находит в стране Пяйвеля. В описании девы Пяйвеля (она каждый день ходит на край неба к солнцу, одежды на ней огненные) мы замечаем реминисценции из рун. Русская сказка Карелии дает нам иную версию этой контаминированной сказки. Варианты, за- писанные от М. М. Коргуева (Корг., 16) и от А. Е. Старикова (АКНЦр, 49, 9), земля- ков из с. Кереть Лоухского р-на, почти идентичны. Карельский сказочник В. А. Собо- лев (Пряжинский р-н) также владел русской версией сказки (КНС II, 23).

21. Vanha saltatta – Старый солдат.

[Слышала от старшей сестры Анны Григорьевой лет сорок тому назад в п. Ухта.]

СУС 401 «Заколдованная (превращенная в животное) царевна»; СУС 400₂ «Царь-девица». Оп., № 21.

Архивные варианты. (СУС 401). II ч.: 64, 26 – Медвежьегорский; 77, 10 – Кон- допожский. III ч.: 98, 2 – Пряжинский; (СУС 400₂). I ч.: 10, 233; 19, 76; 19, 137; 25, 156; 28, 272 – Калевальский; 46, 7; 47, 13; 52, 4 – Муезерский. II ч.: 65, 3 – Медвежь- егорский; 75, 13; 75, 130 – Кондопожский. III ч.: 92, 47; 101, 4 – Пряжинский. 132, 69; 135, 182; 138, 45; 138, 83 – Олонецкий.

Публикации: SKS II, 12 (русский перевод см.: Конкка, с. 142–148); КНС II, 13.

Оригинальная контаминация сюжетов «Заколдованная царевна» и «Царь-де- вица», не зафиксированная нами в других текстах. Некоторое подобие находим лишь в одной из сказок Пряжинского района (АКНЦк, 98, 2). Сказка построена на мотивах, общих для сказочной традиции и мифологического сознания. В первом «ходе» центральным является мотив оборотничества: герой в течение трех ночей молитвами отчитывает заколдованную царевну-змею. Второй «ход» построен на мотиве поиска мужем исчезнувшей жены (ср. «Царевна-лягушка»): околдован- ный ведьмой, герой трижды просыпает свидание с царевной, после чего отпра- вляется на ее поиски. Оригинальным мотивом в сказке М. Михеевой является вве- дение в сюжет СУС 400₂ «Царь-девица» мотива предсвадебной задачи: герой с помощью волшебного помощника (льва), для того чтобы заполучить невесту, должен допрыгнуть до вершины алмазной горы.

22. Tuhkimus ta hiiri-morsien – Тухкимус и невеста-мышь.

[Слышала от вдовы-нищенки (leskiakalta – kerjäläisnaiselta) Окку Васильевой в Алозере (Alajärvi). Она часто ночевала у нас в доме и вечерами сказывала, расска- зывали эту сказку и другие.]

СУС 402 «Царевна-лягушка». Оп., № 22.

Архивные варианты. I ч.: 9, 18 – Кемский. II ч.: 80, 69 – Суоярвский; 72, 56 – Кондопожский; 45, 26 – Сегежский. III ч.: 101, 30 – Пряжинский.

Публикации: SKSjT, s. 277–286, 290–297; КНС II, 14.

Карельские записи немногочисленны. Как и в сказке М. Михеевой, сюжет СУС 402 в них представлен в автономном виде, т. е. в них отсутствует поиск героем исчезнувшей жены. Если же в сказках возникает мотив сжигания лягушачьей шкурки волшебницей-жены, то продолжением сказки является поиск исчезнувшей супруги (СУС 400₁): АКНЦк, 80, 69 – Суоярвский; 72, 56 – Кондопожский; SKSjT, s. 290–297. Порой в карельских вариантах невеста-лягушка заменена мышью, как в сказке

М. Михеевой и в SKSjT, s. 277–286; то же самое характерно и для финских сказок. Сказка М. Михеевой строится на том, что жена-мышь помогает мужу выполнить задачи царя. Сказка ярко разрабатывает мотив оборотничества: чудесная жена предстает в облике лягушки, мыши, птицы. И только в конце повествования, как и предполагается, устанавливается ее настоящий статус. Магические действия волшебницы и ее формулы-заклинания свидетельствуют о том, что она является хозяйкой лесных тварей и имеет власть над духами-хозяевами.

23. Pieni lintu-tyttöni – Маленькая девушка-птица.

[Слышала ребенком в Алозере (Alajärvi) от бабушки Окку Иевлевой.]

СУС 405 «Иоринда и Иорингель». Оп., № 23.

Архивные варианты. I ч.: 26/1, 31 – Калевальский. III ч.: 135, 151 – Олонецкий.

Редкий сюжет. В сказке М. Михеевой сюжет изложен сжато, с отступлениями от сказочного канона. Обратим внимание на мотив запрета сна при переходе в другой мир. В лесу под чудесное пение птички засыпают и старик и царевич. Чудесная птица-девушка, основной искомый персонаж сказки, стоит в том же функциональном ряду, что и героиня сказки «Царевна-лягушка (мышь)». Невеста-мышь (см. Сб., № 22) проявляет магические способности, традиционно выполняя лучше других невесток задания царя с помощью своего «рода-племени», а девушка-птичка данной сказки просто занята домашними работами, которые она выполняет для старика и старушки (обывовленный вариант сказочного мотива). В сказке интересно разработана, в инверсионном плане, мотив «невидимости» героини: на нее нельзя никому смотреть. Однако герой (Тухкимус) от бабки-знахарки узнает, как можно подсмотреть в щёлку, чтобы увидеть девушку-птичку. Увиденная посторонним человеком в облике девушки, героиня, таким образом, была расколдована.

24. Соherariäpoika – Змееголовый парень.

[Слышала ребенком от сестры Дарьи Поповой, которая сейчас живет в Кеми.]

СУС 406 «Людоед»; СУС 425А «Амур и Психея». Оп., № 24.

Архивные варианты. (СУС 406). I ч.: 18, 81; 25, 148 – Калевальский. II ч.: 63, 2; 65, 17 – Медвежьегорский; (СУС 425А). I ч.: 5, 281; 13, 25 – Калевальский; 46, 5 – Муезерский. II ч.: 34, 18; 63, 77 – Медвежьегорский; 150, 29 (зап. в Петрозаводске от информатора из Финляндии). III ч.: 96, 10; 99, 17; 113, 20 – Пряжинский; 132, 8; 132, 95, 135, 66 – Олонецкий.

Публикации: SKSjT, 11a, 11b; Конкка, с. 134–141; КНС I, 21; КНС II, 16.

Сюжет «Амур и Психея» весьма архаичен и распространен по всему миру. Во всех карельских вариантах муж-чудовище (собака, медведь), околдованный ведьмой Сюоятар, ночью превращается в красавца. В вариантах, записанных в XIX в., герой имеет более древний облик: «трехглавый морской зверь, покрытый шерстью» (SKS II, 11a, s. 70; ср.: s. 227). Суть сказки – расколдовывание героиней мужа-чудовища. Характерный пример расколдовывания брачного партнера дан в КНС I, 21: «Она берет третьи щипцы, поколачивает полено, в печь бросает и говорит: „Если крещеный, то выходи, если не крещеный, то не выходи“». Немного погодя из печи выходит мужчина». Подобная версия имеется у вепсов и ингерманландцев, т. е. сюжет довольно широко распространен у финно-угров. В одном из карельских вариантов жене не удается расколдовать мужа (АКНЦк, 132, 95). Сказка М. Михеевой и КНС I, 21 в исходной ситуации имеет мотив «плодородства» (СУС 406). Для карельских сказок данного типа характерно также еще одно своеобразное начало – СУС 621 «Шкура вши» (6 севернокарельских вариантов, 1 южнокарельский): вопль

выращивается до размеров большой свиньи, затем с нее сдирается шкура и распяливается на воротах, либо из шкуры пьются башмаки для девушки; затем бросается клич: «Кто отдадет, чья это шкура, тому невеста». В этой версии муж-чудовище предстает в облике змея.

25. Petra-starina – Сказка о важенке.

[Слышала от сестры отца Марты Васильевой ребенком в Алозере (Alajärvi).] СУС 409 «Мать-рысь». Оп., № 25.

Архивные варианты. I ч.: 13, 8; 15, 121а; 16, 46; 29, 41 – Калевальский; 52, 6 – Муезерский. II ч.: 63, 82; 64, 23 – Медвежьегорский; 72, 40 – Суоярвский. III ч.: 101, 12а; 114, 22 – Пряжинский; 70, 94; 132, 144; 134, 44; 134, 84; 134, 122; 137, 3; 141, 25; 157, 14 – Олонецкий.

Публикации: SKSjT, s. 65–73, 84–92; KKN III, s. 40–42, 63–65; Пажлаков, с. 51–57; Евсеев, 1949, 40; КНС I, 20.

Сюжет характерен для карельской сказочной традиции. В Карелии сказка бытовала в двух видах: автономном, как у М. Михеевой, и контаминированном (СУС 510А+409). В финском фольклоре сюжет 409 не зарегистрирован. Очень близок к сказке М. Михеевой калевальский вариант из д. Войницы (КНС I, 20). Сказка М. Михеевой начинается необычно разработанным мотивом чудесного рождения: героиня родилась от «забеременевшего старика» («Мужик меня выносил»). Полагаем, что это отголосок соответствующего обряда кувады. В бытовых сказках этот мотив получает комическую разработку³. Особое внимание привлекают поэтические формулы текста. На вопрос царевича, почему она оказалась в лесу, героиня отвечает: «Ворон меня вскормил, дыхание ветра баюкало. Воздушные струи качали, небесная вода умывала». Ярко описывается и перевоплощение героини: «На плечах стали птицы петь, на голове кукушка куковать, на подоле колокольчики звенеть». Обращают на себя внимание и формулы-обращения (героиня к пастушку: «Плачет ли мой сынок, колышется ли мой листок, поет ли моя птичка, печален ли мой господин?»; пастух к важенке: «Важенка моя, иди своё дитя кормить, свою кровиночку поить, не ест у Сюоятар, не пьет у Сюоятар, ни из берестяного рожка, ни с кончика песта»). В русском переводе стих передается речитативом, в оригинале же калевальская метрика усиливает художественное впечатление благодаря аллитерациям и параллелизмам.

26. Yuakko – pastuhha – Пастух Юакко.

СУС 460А, В «Путешествие к богу за наградой»; СУС 471 «Крестник бога». Оп., № 26.

Архивные варианты. I ч.: 2, 100 – Лоухский; 20, 12 – Калевальский. II ч.: 74, 20 – Суоярвский. III ч.: 112, 97 – Пряжинский.

Публикации: SKS II, 13с (здесь же краткое изложение еще пяти вариантов из Карелии, s. 265–269); КНС I, 24.

Сказка представляет собой переходный тип от волшебной к легендарной, что характерно для сказок поздних образований, имеющих налет христианских воззрений. Советы и действия святых по поводу грешников даны в духе христианской морали. Часть карельских вариантов предваряется сюжетом СУС 465С «Красавица-жена» (КНС I, 24). Далее присовокупляются легендарные мотивы с

³ См. подробнее: *Юдин Ю. И.* Дурак, шут, вор и черт. С. 164.

небесным помощником – святым (АКНЦк, 20, 12; 2, 100). В сказке М. Михеевой сюжеты СУС 460А, В и СУС 471 редуцированы и составляют не обычную полную версию контаминацию, а слияние частей того и другого сюжета. Очень близкое к сказке М. Михеевой оформление сюжета 460В имеет один из архивных вариантов (АКНЦк, 45, 23). Здесь, как и в сказках М. Михеевой, пастух Юакко, работая всю жизнь, не берет денег за свой труд, заимев же их порою, отдает бедным или церкви. За это Спас или Иван (Иоанн) Богослов его награждают.

Сопоставление карельских сказок с русскими сказками Карелии убеждает нас в том, что русская традиция испытала на себе влияние карельской. Поморская сказка М. М. Коргуева «Яков-пастух» (Альманах «Карелия». Петрозаводск, 1940. Кн. 4. С. 153–154; в архиве – АКНЦр, 47, 107) почти полностью идентична севернокарельской сказке «Пастух Юакко» (КНС I, 24). В примечании к последней У. С. Конкка пишет: «Несомненно явное доказательство взаимовлияния карельской и русской сказок. Возможно, Коргуев усвоил эту сказку от своей матери-карелки и данная версия сказки является карельской» (КНС I, прим. № 24 на с. 507). Заонежский вариант П. И. Рябинина-Андреева (Ск. Заонежья, 1) и пудожский текст Ф. А. Кошапкина (АКНЦр, 15, 16) также оказываются близки карельским сказкам (ср.: КНС I, 24 и Сб., № 26). Таким образом, карельская версия сюжета вошла в севернорусскую традицию благодаря двуязычию сказочников, рожденных в смешанных браках.

27. [Ukon tytär ta Syöjätteren tytär – Дочь старика и дочь Сюоятар].

[Слышала от бабушки Окку Иевлевой ребенком в Алозере (Alajärvi).]

СУС 480 = АА 480 *С «Мачеха и падчерица» («Игра в жмурки с медведем»). Оп., № 27.

Архивные варианты. I ч.: 9, 38; 28, 165; 29, 47 – Калевальский. II ч.: 6, 63; 6, 66; 7, 428 – Медвежьегорский; 74, 53 – Суоярвский; 45, 25 – Сегежский. III ч.: 92, 6 – Пряжинский; 132, 64; 132, 205; 134, 102 – Олонецкий.

Публикации: ККН I, s. 153–154; Mihejeva, s. 57–60; Евсеев, 1949, 49; КНС I, 26.

Сказка о невинно гонимой девушке, отданной во власть лесных демонов. В карельской традиции из разных версий сюжета о мачехе и падчерице популярен не тип «Морозко» (СУС 480 = АА 480 *В), а тип «Игра в жмурки» (СУС 480 = АА 480 *С). Сказка являет характерные карельские черты. С самого начала карельский колорит создает мачеха Сюоятар, которая дает неродной дочери в лесную избушку «золу вместо муки, смолу вместо масла, мох кладет в мешок – из него надо спрядать волокно». Это мотивы, общие для сказки и карельских рун. В русских вариантах сюжета в роли враждебного испытателя и одновременно невольного дарителя выступает, как правило, медведь. В сказке М. Михеевой, как и в некоторых других карельских вариантах, фигурирует старик из леса (леший). Он, не найдя девушку, спрятанную мышкой, оставляет сани с добром (серебром, золотом, жемчугами), а сам «с пенем петухов» погибает.

28. Maitojoki-kiisseliranta – Молочная река – кисельные берега.

[Слышала от бабушки Окку Иевлевой.]

СУС 480А* = АА 480 *Е «Сестра отправляется спасать своего брата». Оп., № 28.

Архивный вариант. I ч.: 46, 5 – Муезерский; 83, 58.

Редкий в карельской традиции сюжет. В русской традиции Карелии сюжет представлен гораздо большим количеством вариантов. В Заонежье записано 3 варианта (Карн., 87; Никиф., опись № 20; АКНЦр, 88, 13а), в Поморье – 1 запись (АКНЦр, 126, 75); в Пудожье – 5 (АКНЦр, 73, 52; 85, 61; 93, 219; 98, 68; 102, 32). Последние записи

относятся к 1970–1980-м гг. Муезерский текст дает сложную контаминацию: СУС 427В+480А*+425А (АКНЦв, 83, 58). В сказке М. Михеевой сюжет СУС 480А* представлен в автономном виде. Такая одноходовая сказка относится к детскому репертуару и рассказывается в назидательных целях. В сказке присутствует древний мотив «страны изобилия» («молочные реки, кисельные берега»). С точки зрения генезиса это очень ранняя форма сказочного «иного мира»⁴.

29. Hätkkö-tyttären starina – Сказка о девушке-перяхе.

[Слышала от бабушки. Рассказывала, когда хотела приохотить ребят к работе.]

СУС –480* = АА 480А «Мачеха и падчерица» («Пряхи у проруби»). Оп., № 29.

Архивные варианты. I ч.: 1, 17, 2, 120 – Лоухский; 12, 51; 12, 133 – Калевальский; 38, 29 – Беломорский; 50, 8 – Муезерский. II ч.: 63, 7 – Медвежьегорский; 45, 12 – Сегезский. III ч.: 101, 32а – Пряжинский; 132, 68; 134, 104; 134, 168; 135, 173 – Олонецкий.

Публикации: SKSJТ, s. 357–363; Mihejeva, s. 69–72 = Конкка, с. 47–50; КНС I, 25 = Сб., № 29; КНС II, 17.

В этой сказке М. Михеевой главенствует морально-этический план. В первом «ходе» изображаются добродетели падчерицы, во втором описывается нерадивость и грубость мачехиной дочери. Из ремарки сказительницы узнаем, что сказка рассказывалась детям, чтобы они прониклись уважением к труду и добродетели. Нами во вступительной статье отмечены две бытующие у карел версии сюжета «Пряхи у проруби», которые различаются предварительным испытанием. Сказка М. Михеевой относится к первой версии с «испытанием домашними работами», характерной для севернокарельской традиции. Вторая версия, отражающая «встречи с домашними животными» (будущими «дарамми» – коровами, лопадями, овцами), встречается в южнокарельской и русской традициях. Главный стержень в обеих версиях – мытьё в бане «лесных детей» хозяйки леса: лягушат, ящерич, мышей и пр. Текст М. Михеевой несколько раз публиковался до нашего сборника (см. КНС I, прим. № 25 на с. 507).

30. Kultasirkka – Златокудрая Сиркка.

[Слышала от матери Варвары Петровны Корккиевой (девичья фамилия Иевлева). Слышала в детстве от нее же сказку «Ольховая чурка». Мать рано умерла.]

СУС (–507С*) «Рыба-Счастье». Оп., № 30.

Архивный вариант: ФИЯЛЛ, 787/5 (фонозапись от М. И. Михеевой, сделанная в 1966 г. В. Я. Евсеевым; опубликовано: Mihejeva, s. 98–100).

Для основного содержания сказки в СУС соответствия не отмечены. Судя по финским именам и по стилизо изложению, можно предположить финское происхождение данной сказки. Основная масса сказок М. Михеевой была усвоена в детстве от бабушки Окку Иевлевой, эта же сказка – со слов матери. Известно, что в семье была финская книга для чтения («Lukukirja»). Возможно, она и является источником данного сюжета. Вторая часть сюжета с мотивом змеи, вползающей и выползающей изо рта сонной девочки, соответствует типу –507С*, поэтому номер СУС нами взят в скобки, ибо в указателе более подходящего индекса не нашлось.

31. Osrat-kakrat erilläh, kiukua sijoillah – Ячмень, овес – отдельно, печь – на место.

[Услышала ребенком в Алозере (Alajärvi) от одной очень старой женщины Марии Лаврентьевны Ульяновой.]

СУС 510А «Золушка». Оп., № 31.

⁴ Подробнее см.: *Прот В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. С. 291.

Архивные варианты. I ч.: 1, 17; 2, 141; 3, 36; 4, 55; 55, 155; 84, 28; 84, 218 – Лоухский; 10, 236; 10, 271; 42, 55; 13, 8; 18, 87; 20, 7; 22, 45; 29, 100; 29, 41; 46, 19; 89, 16; 89, 35 – Калевальский; 9, 1 – Кемский; 35, 43 – Беломорский; 46, 19; 50, 53; 52, 6 – Муезерский. II ч.: 6, 64; 7, 1002; 33, 158; 64, 23; 65, 46 – Медвежьегорский; 73, 6; 75, 1; 75, 4 – Кондопожский; 45, 9; 45, 19 – Сегежский. III ч.: 101, 102а; 115, 22 – Пряжинский; 70, 94; 132, 144; 133, 41; 134, 44; 134, 122; 135, 177; 137, 4; 141, 25 – Олонецкий.

Публикации: SKSjT, s. 65–73; KKN III, s. 40–42; Евсеев, 1949, 47; Конкка, с. 97–104; КНС I, 28; КНС II, 19; ASA, 97.

Сюжет «Золушка» распространен у многих народов. Известны 44 варианта, записанные у карел, из них севернокарельских 24. Основная коллизия мачехи и падчерицы разрешается с помощью сил материнского рода. О самобытности карельских вариантов см. во вступительной статье: образ ведьмы Сюоятар, уходящий корнями в карельскую мифологию; своевольное поведение героини-падчерицы; сходство предварительного и основного испытания героини с русской сказкой, а дополнительного (трансфигурация) – с западноевропейской. Свообразна в карельской традиции и контаминация СУС 510А+409, не замеченная ни в славянском, ни в западноевропейском фольклоре. В тексте М. Михеевой нет названной контаминации, а сюжет СУС 409 «Мать-рысь» ею оформлен автономно в очень поэтичную и цельную сказку (см.: Сб., № 25).

32. Sinipeikaloini – Синепалая.

[Не помнит, от кого слышала. И у других сказочниц есть эта сказка.]

СУС 510В «Свиной чехол»; СУС (510А) «Золушка»; СУС 887 «Терпеливая жена». Оп., № 32.

Архивные варианты (СУС 510В). I ч.: 1, 5; 1, 8; 2, 146; 3, 25; 3, 43; 55, 161; 84, 177 – Лоухский; 10, 222; 10, 269; 13, 5; 15, 93; 20, 2; 22, 16а; 22, 27; 29, 105; 82, 303 – Калевальский. II ч.: 6, 116; 8, 1002; 34, 17; 63, 43; 64, 24; 65, 149 – Медвежьегорский; 45, 11 – Сегежский. III ч.: 132, 9; 132, 107; 134, 75; 134, 108; 134, 135; 135, 15; 135, 40 – Олонецкий.

Публикации: КНС I, 29, 30, 31; КНС II, 20.

Сказка широко распространена по всей Карелии. Зачином служит мотив инцеста: старик ищет в жены женщину с синим (золотым, серебряным) пальцем, как у умершей жены, и, не найдя, желает жениться на дочери. У. С. Конкка следующим образом объясняет этот эпизод: «Здесь отец строго придерживается древнего брачного закона, по которому он может жениться только на женщине из рода покойной жены. Карельская сказка сохранила эту древнюю мотивировку поступков отца» (КНС I, с. 21). Сюжет сконцентрирован на мотиве бегства героини от домогательств отца. Формы побега в разных карельских сказках варьируются: 1) бросание чудесных предметов, образующих препятствия для преследователя; 2) уплывание в брошенном в воду вместе с героиней «фонаре» (сундуке); 3) побег в «свином чехле» (в «звериной шкуре») и др. В представленной здесь сказке героиня бежит, бросая чудесные предметы (СУС 313Н*). Эпизод бегства у М. Михеевой, как и у многих других талантливых карельских сказочниц, украшен гармонично встроенными троекратно повторяющимися стихотворными вставками калевальской метрики. Текст нашего сборника включает также редуцированный сюжет 510А («Золушка»), который так органично сливается с сюжетами

СУС 510В (предыдущий) и СУС 887 (последующий), что логика повествования не нарушена. Контаминация, имеющаяся в сказке М. Михеевой и других сказочниц-карелок, в очень близкой интерпретации зарегистрирована и у родственных карелам вепсов (см. Вепс. ск., 24 и прим. к тексту на с. 194). Сказка М. Михеевой, таким образом, представляет финно-угорскую версию сюжета. В русских текстах Поморья, Пудожья и Заонежья сюжет не зафиксирован.

33. Kaunis Skatona – Красивая Скато́на.

[Слышала ребенком в Алозеро (Alajärvi) от Пааво Тимофеева, известного сказочника.]

СУС 516 «Верный слуга». Оп., № 33.

Архивные варианты. I ч.: 5, 278; 28, 35 – Калевальский.

Редкий сюжет как в карельской, так и в русской традиции Карелии. В сказке древние мотивы подверглись значительной бытовизации, что отражает и текст М. Михеевой. Так, в «запретной комнате», своими корнями уходящей к обряду инициации⁵, герой находит фотографию красавицы, в которую влюбляется. Отправившись на поиск невесты, он заходит к некоей вдове, которая функционально соответствует древней Яге, живущей на границе нашего и иного мира. Перечисляя видоизменения персонажей сказочного канона, выполняющих функцию переправы в иной мир, В. Я. Пропп отмечает: «В какой-нибудь бабушке-задворенке легко показать поблекшую Ягу»⁶. В нашей сказке вдова – это еще более отдаленная от сказочного канона бабушка-задворенка, заменившая Ягу. Произопедная бытовая замена сказочного персонажа, естественно, стала причиной отсутствия характерного диалога при встрече героя с Ягой и других привычных в данной ситуации атрибутов. Претерпели бытовую замену и предвадебные испытания. Приобретение помощника в сказке М. Михеевой также обставлено в бытовом плане: герой выкупил старика у бьющих его мужиков.

34. Ukon tytär Syöjättären vuatteissa – Дочь старика в одежде Сюоятар.

[Не помнит, от кого слышала.]

СУС 533 «Подмененная царевна» или СУС 403 «Подмененная жена». Оп., № 34.

Архивные варианты. I ч.: 1, 6; 1, 21 – Лоухский; 16, 47; 23, 16 – Калевальский. II ч.: 6, 183; 33, 100; 34, 46; 63, 65; 65, 8; 65, 24; 66, 33; 67, 61 – Медвежьегорский; 79, 64 – Суоярвский. 72, 182; 75, 2 – Кондопожский; 45, 16; 45, 21 – Сегежский. III ч.: 113, 9 – Пряжинский; 132, 61; 132, 156; 133, 30; 135, 33; 137, 14; 138, 61; 138, 78 – Олонецкий.

Публикации: SKSJТ, s. 127–134; KKN II, s. 84–85; Белова, 9; КНС I, 35 и 28; Евсеев, 1981, с. 239–241.

В сюжетах о подмененной невесте (жене, сестре) (СУС 403, 409, 533) основным мотивом является подмена героини, причем все три сюжета порой сложно разграничить друг от друга. Сказку М. Михеевой в одинаковой мере можно определить как сюжет СУС 533 «Подмененная царевна», так и как СУС 403 «Подмененная жена». Сюжет в некоторых карельских вариантах отражает во вступительном эпизоде один из древнейших обычаев родового строя. Братья уходят из семьи и заявляют, что не вернуться, если мать родит еще одного сына. Родилась девочка, но Сюоятар

⁵ *Протт В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. С. 140–144.

⁶ Там же. С. 164.

подмывает «женский» знак (прялка, веретено и т. п.) на «мужской» (пешня, копье, топор и др.). Обманутые братья не возвращаются домой (КНС I, 35; Евсеев, 1981, с. 239–241). У М. Михеевой такое начало опущено. В ее тексте читаем: «Oli meilä yheksän poikua ta sie kymmenes, vain ne mäntih mihi lienöu muajilmalla» – «Было у нас девять сыновей да ты [дочь] десятая, но они ушли куда-то в мир» (Сб., № 34). Повествование начинается с уходом повзрослевшей сестры на поиски братьев. Подмена героини ее соперницей в сказке М. Михеевой происходит не в форме колдовского превращения, а путем простого переодевания: «Sie ole nyt Syöjättären tyttärenä, a mie olen siun sijassa» – «Ты будь теперь дочкой Сюоятар, а я буду тобой». В записях, сделанных в XIX в., Сюоятар меняется с девушкой не только платьем, но и лицом: «Сюоятар <...> сказала: „Твое лицо мне, а мое лицо тебе!“» (Евсеев, 1981, с. 240 – зап. Европеуса, 1845 г.; см. публикацию этого же текста: SKSjT, s. 127–134). В некоторых вариантах ведьма лишает девушку языка и даже разума. Весть о своей беде героиня обычно сообщает через пролетающих лебедей. Стихотворная формула-оповещение в большинстве текстов очень красочна, передана в калевальской ритмике (Сб., № 34; КНС I, 35; SKSjT, s. 127–134). Вторая часть формулы обычно варьируется. М. Михеева в ней подчеркивает незаслуженное благополучие Сюоятар: «...sulkussa kävelöu, kullassa heläjäu» – «в шелках ходит, золотом звенит». Среднекарельский вариант перечисляет козни Сюоятар, направленные против героини: «Преснушку из камня дали есть, рыбник из глины дали грызть, <...> у собачки ноги переломала, глаза выколола, в болоте загопгала, одежду укра-ла» (КНС I, 35). В записи Европеуса, упомянутой выше, рифмованная вставка-оповещение отличается от более поздних вариантов и напоминает по лексике, стилистике и ритмике руну.

35. Harakkastarina – Сказка о сороках.

[Эту сказку слышала от старшей сестры Дарьи ребенком.]

СУС 552A = AA552 «Животные-зятья». Оп., № 35.

Архивные варианты. I ч.: 25, 145 – Калевальский; 47, 7 – Муезерский. II ч.: 63, 3 – Медвежьегорский; 79, 266; 80, 45; 80, 46 – Суоярвский. III ч.: 91, 15; 98, 13; 99, 29; 101, 24 – Пряжинский; 132, 67; 132, 113; 136, 27; 136, 87; 136, 117; 141, 8 – Олонецкий.

Публикации: KKN III, s. 141–144; КНС I, 40 = Сб., № 35.

Согласно традиционному началу данного сюжета, в сказке М. Михеевой сороки похищают сестер героя. В русских сказках роль похитителей-зятьев играют вороны, орлы, соколы, в саамских – полени, моржи, олени. Герой отправляется на поиски собственной невесты и по пути в иное царство встречает охранительницу границы – персонаж, близкий скорее к русской бабе Яге, чем к карельской Сюоятар. Тем не менее многие детали текста М. Михеевой укореняют эту сказку в карельской традиции. Характерна, например, следующая фраза охранительницы границы: «Пришла-таки русская кровь, чтобы мне поесть-попить, в бороду класть!» Ответ героя также соответствует карельской традиции: «Какая из меня еда: горсть костей, ложка крови. Сколько тела – то всё кости, сколько крови – то все водича». Герой, навестив всех своих трех сестер и зятьев-сорок, в золотом царстве находит свою невесту. В агрибутивной «формуле девичьей красоты» отметим черты очень древнего происхождения, находящие отражение в карельских сказках и рунах: «Она была такая красивая <...> Сквозь кожу у девушки мясо просвечивало, сквозь мясо – кости, сквозь кости – мозг виднелся – такая была красивая». Укажем, что сказочница использует эту формулу не только в данной, но и в других сказках. Сказка М. Михеевой была ранее опубликована в

сборнике У. С. Конкка. В ее примечании к тексту читаем: «Вторая часть большинства карельских вариантов, особенно из Олонецкого района, отличается от данного варианта; там мы находим характерные для русских сказок мотивы» (КНС I, прим. № 40 на с. 512). Дополним, что упомянутая «вторая часть» текстов является дополнительным «ходом» этих сказок, отражающим сюжет «Смерть Кащея в яйце» (СУС 302₁), чего нет в тексте М. Михеевой. Цитируем далее: «О русском происхождении части карельских вариантов сюжета, помимо совпадения сюжетного хода и мотивов, говорит и появление русских имен, например, „Jelena – krasa, kuldani kassa“ (букв. перевод с русского: „Елена – краса, золотая коса“)» (Там же).

36. Taikasormus – Волшебное кольцо.

СУС 560 «Волшебное кольцо». Оп., № 36.

Архивные варианты. I ч.: 13, 36; 16, 21; 22, 53; 23, 9; 25, 137; 82, 300 – Калевальский; 36, 36; 37, 25 – Беломорский; 46, 13; 76, 12 – Муезерский. II ч.: 63, 49; 65, 40 – Медвежьегорский; 74, 49 – Суоярвский. III ч.: 95, 32; 102, 2 – Пряжинский; 132, 182; 134, 42; 141, 6; 142, 22; 143, 22 – Олонецкий.

Публикации: KKN I, s. 72–73, 131–131; KKN II, s. 12–14; KKN III, s. 12–15; SKS II, 7a, 7b, 7c; Пажлаков, с. 57–63; Евсеев, 1981, с. 272–275; КНС I, 43.

Сюжет достаточно широко распространен в карельской традиции. В сказке М. Михеевой отмечаются черты обывования волшебных мотивов. Для получения волшебного предмета герой по канону должен пройти испытание, но в нашей сказке старик просто обменивает кольцо на хлеб: «Раз у тебя есть хлеб, так обменяй мне его на кольцо». С помощью этого кольца герой репит предсвадебные задачи царя. В описании этих эпизодов также наблюдаются черты «реалистичности». Персонажи, выскакивающие из кольца, имея магическую силу, обычно все исполняют без людской помощи; в сказке М. Михеевой они вызывают для возведения церкви, канала и хором двести (четыреста, шестьсот) человек: «Такой грохот стоит, что царь все ночи спать не может». Конец первого «хода» сказки дан в редуцированном виде. Царь лаконично заявляет: «Теперь получишь дочь. <...> Царь отдал [за него] свою дочь. Справили свадьбу». Вторая часть сказки – вредительство жены-царевны, похитившей волшебное кольцо, и возвращение кольца с помощью когда-то спасенных героем кошки, собаки и змеи – построена по законам волшебной сказки. Здесь реалий быта меньше. Специально отметим наличие архаичного этимологического мотива, присутствующего в этой сказке: «Котенок отпускает мышь, ударяет ее лапой по лбу и говорит: „За то, что ты помогла добыть кольцо, будь королевой мышей всего света. Тебя не будет есть ни кошки, ни собаки“. *И так с тех пор землероек не едят ни кошки, ни собаки*».

37. Pata-starina – Сказка о котле.

СУС –560D* «Юноша получает чудесный мешок» (здесь – горшок); СУС (555) «Коток золотой лобок (золотая рыбка, чудесное дерево)»; АА 591 «Горшок-вор». Оп., № 37.

Архивный вариант. I ч.: 9, 52 – Кемский; III ч.: 101, 16 – Пряжинский.

Публикации: Mihejeva, s. 86–88; КНС I, 46.

В карельской традиции сказка зарегистрирована в четырех вариантах. У. С. Конкка пишет: «Сюжет этот у русских не встречается, не отмечен также в финском репертуаре по данным Аарне» (КНС I, прим. № 46 на с. 514). Сказка обращает на себя внимание тем, что в ней отсутствует традиционный мотив получения (приобретения) волшебного предмета (котла, горшка). Напомним, что В. Я. Пропп подчеркивает, что

«не всякий предмет каждого рода может быть волшебным, а только *добытый известным образом* <...>, волшебным является предмет взятый <...>, принесенный из иного мира, а по сказочному из тридцатого царства»⁷. В сказке же М. Михеевой происхождение чудесного котла никак не объяснено. Текст построен на принципе кумуляции: дан ряд последовательных эпизодов, трактующих «добычу» (хищение) горшком всего, что нужно старухе (дрова, зерно, рыба). Заканчивается цепочка «доставкой» старухе мужа («Получила царя в мужики»).

38. Köyhä velli ta pohatta velli – Бедный брат и богатый брат.

[Слышала от 90-летнего старика Макара Васильева в Алозере (Alajärvi).]

СУС (735) «Две Доли»; СУС 564 «Чудесные дары (Двое из сумы)». Оп., № 38.

Архивный вариант. I ч.: 60, 11 – Калевальский; II ч.: 75, 15 – Кондопожский. III ч.: 99, 21; 102, 1 – Пряжинский; 138, 68 – Олонекский.

Публикации: KKN I, s. 3–5; KKN II, s. 88–92; Белова, 13 (русский перевод см.: Пажлаков, с. 114–118); КНС I, 44 = Сб., № 38; КФ, 1992, с. 210–211 = КНС II, 44; Евсеев, 1981, с. 254–257, 284–287.

В самом начале XX в. профессор А. И. Сонни отмечал, что сюжет о двух Долях распространен в России, в то время как в Западной Европе он неизвестен⁸. По замечанию У. С. Конкка, для северокарельских сказок образ Доли (Счастья) не характерен; олонекские (южные) карелы, по мнению исследовательницы, могли заимствовать этот образ у русских⁹. Даритель, помимо образа Доли (Белова, 13; Евсеев, 1981, с. 284–287), может быть представлен в образе Мороза (Pakkaine) и Ветра (Евсеев, 1981, с. 254–257). В карельской традиции сюжет СУС 735 «Две Доли» контаминируется с сюжетом СУС 564 «Чудесные дары (Двое из сумы)» (южнокарельские варианты: Белова, 13; КНС II, 43; северокарельские варианты: Сб., № 38 = КНС I, 44; KKN I, s. 3–5 = Евсеев, 1981, с. 254–257; Евсеев, 1981, с. 284–287). Иной вид контаминации сюжетов имеет пряжинская сказка КНС II, 44: СУС 735 «Две Доли» + 567 «Чудесная птица».

39. Jauhinkivi – Жернов.

[Слышала от Макара Васильева ребенком в Алозере (Alajärvi).]

СУС 565 «Чудесная мельница». Оп., № 39.

Архивные варианты. I ч.: 2, 107 – Лоухский; 13, 27; 19, 17 – Калевальский.

Публикации: Remsu, s. 66–67 (русский перевод см.: Пажлаков, с. 78–79); Евсеев, 1949, 38; Евсеев, 1981, с. 246–247; Mihejeva, s. 77–80; КНС I, 45.

Сюжет бытует только в Северной Карелии, причем в очень малом количестве вариантов. В сказке речь идет о жернове, дающем, подобно Сампо в рунах, изобилие. Волшебным может быть предмет, «принесенный из другого мира» (см. подробнее в прим. к № 37). В сказке М. Михеевой «жернов» добывается именно таким образом. Наш жерновок преподнесен герою за его услугу лесному демону Хийси.

40. Kulkijaroika – Парень-скиталец.

[Слышала от бабушки ребенком.]

СУС 566 «Рога». Оп., № 40.

Архивные варианты. I ч.: 13, 14; 42, 43 – Калевальский. II ч.: 63, 101 – Мед-

⁷ *Протт В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. С. 196–197.

⁸ *Сонни А. И.* Горе и Доля в народной сказке // Университетские известия. Киев, 1906. № 10. С. 20.

⁹ *Конкка У. С.* Карельская сатирическая сказка. М.; Л., 1963. С. 41.

вежьегорский. III ч.: 92, 50; 99, 24; 101, 11; 102, 7 – Пряжинский; 134, 86; 135, 91; 143, 3 – Олонецкий.

Сказка М. Михеевой изложена в основном традиционно. Схема сюжета «Рога» проста: герой добывает волшебные предметы, царевна их присваивает, он возвращает их себе с помощью чудесных ягод, от которых вырастают рога. В русских сказках, в том числе и в Карелии, сюжет весьма популярен, но на севере Карелии среди карел этот сюжет встречается редко. В варианте М. Михеевой необычно разработан образ дарителя – борода, которая просит парня: «Не пинай меня, сынок, а возьми и похорони, и я дам тебе хорошую вещь». Парень хоронит бороду и в указанном ему месте под дубом находит волшебные предметы: скатерть («самобранку»), гармошку и летающий стул. Подобный даритель-помощник – не выдумка сказочницы. Напомним, что в мифах, а позже и в сказках, имеются «говорящие бородатые головы», торчащие или лежащие на земле. «В сказке голова есть не похороненный мертвец», – замечает В. Я. Пропп¹⁰. Многие волшебные предметы представлены в сказках частями предмета и олицетворяют функцию целого предмета. Так и в публикуемой сказке «борода» – это голова мертвеца с бородой, а голова – это мертвец. По обряду мертвеца следует похоронить, только тогда душа умершего успокоится и уйдет в иной мир. Неупокоенный мертвец становится агрессивным: «Если сейчас не похоронишь меня, <...> я тебя съем». В сказке герой хоронит «мертвеца» (бороду) и в лице его обретает помощника-дарителя. Иначе говоря, перед нами один из типов большой группы дарителей – благодарный мертвец. Этот персонаж характерен для сказок-бывальщин. В числе волшебных предметов у М. Михеевой появляется гармошка, игра которой привлекает лесных зверей (ср. игру на кантеле Вяйнямейнена). Совсем осовременен последний дар: вместо привычного ковра-самолета – «летающий стул». Описание лечения царевны дано в гротескно-ироническом плане.

41. *Vetehini* – Водяной.

СУС 650А «Иван медвежье ушко». Оп., № 44.

Архивные варианты. I ч.: 2, 142; 55, 150; 84, 133; 85, 55 – Лоухский; 12, 132; 13, 32; 20, 25; 22, 39; 22, 84 – Калевальский; 9, 25 – Кемский; 35, 15; 35, 37; 36, 10 – Беломорский. II ч.: 63, 46; 63, 79; 64, 19 – Медвежьегорский; 74, 6; 74, 59 – Суоярвский. III ч.: 95, 31; 99, 22; 99, 23; 100, 44; 112, 92; 114, 17; 114, 23; 135, 103 – Пряжинский; 134, 82а; 136, 3; 136, 120; 138, 84 – Олонецкий.

Публикации: SKSjT, s. 17–25; 25–35; Mihejeva, s. 61–64; КНС I, 13; КНС II, 29.

В карельских сказках в сюжете СУС 650А герой обычно является сыном человека и медведя (медведицы) или хозяйки леса (в тексте М. Михеевой – сын Сюоятар, живущей в лесу). Мужчина или женщина, попавшие на территорию лесного обитателя, не могут уйти из их логова, пока не подрастет сын, наделенный необычной силой. Сказка начинается с мотива чудесного рождения и роста ребенка. По мнению В. Я. Проппа, мотивы «чудесного рождения» и быстрого роста восходят к представлениям о реинкарнации¹¹. При любом виде чудесного рождения герой в сказке необычно силен. В нашей сказке Микко Миехеляйнен, уходя с отцом к людям, догнавшую их мать Сюоятар разрывает пополам. В деревенской жизни его непомерные силы не находят применения – от них идет только вред. Героя из дома отправляют на погибель к водяному и к лешему, но он их одолевает. При

¹⁰ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 152.

¹¹ Пропп В. Я. Фольклор и действительность. С. 237.

исполнении третьей задачи – «взять долг у царя» – герой едет уже на побежденных им лешем и водяном. От напуганного царя он привозит три бочки золота. Мотивы борьбы (состязания) с водяным (лешим, чертом) наличествуют и в сказках анекдотического типа. Яркий пример тому тексты, записанные нами от А. Е. Салониемы, 95-летней сказочницы из Лоухского района (АКНЦк, 55, 150; 84, 133). Сказка М. Михеевой необычна тем, что в ней основной сюжет представлен автономно. Это «одноходовая» волшебная сказка, с богатой сказочной обрядностью, логично заканчивающаяся «борьбой – победой» над мифическими враждебными силами. В текстах других сказочников сказка, начатая так же, как в публикуемом тексте (СУС 650А), имеет продолжение по типу сюжетов о змеборчестве и трех царствах¹².

42. *Leppärölkyn starina* – Сказка об Ольховой Чурке.

[Слышала от мамы, Варвары Петровны Корккиевой.]

СУС (650А) «Иван медвежье ушко»; СУС 513А «Шесть чудесных товарищей»; СУС 301А, В «Три подземных царства». Оп., № 45.

Архивные варианты. (СУС 301А, В). I ч.: 10, 268; 13, 17; 19, 13; 28, 253 – Калевальский (все тексты без контаминаций). II ч.: 63, 46 – Медвежьегорский; 74, 6 – Суоярвский; 7, 1; 72, 181 – Кондопожский (первые два текста предваряются сюжетом СУС 650А); (СУС 301А, В). III ч.: 95, 31 (+СУС 650А); 98, 12; 99, 15; 101, 25; 102, 3; 102, 49; 112, 22; 114, 17; 114, 20; 135, 99 – Пряжинский; 134, 6; 134, 82а (+СУС 650А); 134, 123; 135, 1; 138, 12; 138, 54, 138, 128; 138, 145; 139, 9 – Олонецкий. Архивные варианты по СУС 650А см. в примечании № 41.

Публикации: SKSJT, s. 17–35; Mihejeva, s. 65–68; Пажлаков, с. 64–70; Конкка, с. 23–26; Remsu, s. 15–19; КНС I, 13; КНС I, 47 = Сб., № 42; КНС II, 29.

Заглавие сказки говорит о чудесном рождении героя из ольховой чурки. Имея неумную силу, он углубляет соху в землю так, что лошадь не может ее сдвинуть, одним ударом кнута убивает лошадь. Необыкновенная сила героя не находит применения в хозяйстве, и Ольховая Чурка уходит из дому. По дороге ему встречаются другие силачи, с которыми ему предстоит освободить царевну (СУС 513А). Эта сказка относится к змеборческому типу, но схватка происходит не со Змеем, а со стариком, обитателем лесной избушки: «Пришел в избу старик: сам ростом с локоть, а борода два локтя». Сказка М. Михеевой – подлинный образец традиционности в построении сюжета. Подробнее см. во вступительной статье к нашему сборнику.

43. *Yhelsinki kullaista poikua* – Девять золотых сыновей.

[Не помню, от кого слышала.]

СУС 707 «Чудесные дети» (русская версия). Оп., № 48.

Архивные варианты. I ч.: 1, 19; 2, 122; 2, 146; 3, 50; 44, 311; 55, 154; 84, 115 – Лоухский; 10, 228; 10, 232; 13, 22; 18, 82; 19, 15; 20, 13; 25, 135; 26/1, 30; 28, 78; 28, 177; 29, 152; 42, 48 – Калевальский; 9, 37 – Кемский; 36, 9; 37, 42 – Беломорский; 46, 1; 50, 9 – Муезерский. II ч.: 6, 34; 6, 67; 6, 104; 7, 424; 34, 48; 63, 42; 64, 27; 65, 27; 65, 44; 68, 151 – Медвежьегорский; 72, 129; 72, 155 – Кондопожский; 45, 1; 45, 20 – Сегежский. III ч.: 70, 41; 95, 20; 100, 6 – Пряжинский; 132,

¹² Подробнее об эволюции данного сюжета см.: Конкка У. С. Карельская сатирическая сказка. Гл. I.

158; 132, 179; 132, 191; 134, 7; 134, 46; 134, 134; 135, 42; 138, 70; 138, 78; 138, 80; 138, 137; 141, 1 – Олонецкий.

Публикации: SKSJT, s. 93–103; 103–109; 109–113; KKN I, s. 55–58; KKN II, s. 4–8, 138–141; KKN III, s. 54–56, 169–171; Белова, 15, с. 77–82; Пажлаков, с. 27–32; Конкка, с. 128–133; КНС I, 48; КНС II, 38; Вепс. ск., 12.

В карельской устной традиции сюжет СУС 707 «Чудесные дети» имеет две версии: русская и западноевропейская. Почти все карельские варианты (более 50) относятся к русской версии: «золотых» детей царицы подменяют зверятами, ее бросают в бочке в море; сын, спрятанный царницей в бочке, ломает ее; магической силой герой строит на берегу дворец, находит братьев, добывает диковинки, привлекающие внимание царя-отца; семья воссоединяется. Текст М. Михеевой воспроизводит все основные структурные звенья этой версии. Вредителем в карельской сказке обычно, как и у М. Михеевой, является ведьма Сюоятар. Она подменяет детей царя зверятами, воронятами и т. п. Вне традиции в нашей сказке оформлен мотив строительства дворца и моста. Обычно, проявляя свои магические силы, эти чудеса совершает герой. В сказке М. Михеевой магические способности проявляет его мать. Она снимает с шеи шелковый платок, бьет им крест-накрест и говорит: «Пусть здесь появится такой дом, как у царя, серебряный мост с золотыми перилами от нашего берега до царского...» В другом варианте, записанном от А. Е. Салониemi, сын просит у матери косоплетку и бьет ею трижды крест-накрест, произнося императивную формулу заклинания (АКНЦк, 84, 115; повторно: 55, 154). Описание чудесных детей, данное в сказке А. Е. Салониemi, совпадает с описанием в варианте М. Михеевой: «Kiät kultaset kyynäpäistä suaten, jalat polvista suaten, kuutamaiset kulmilla, otavaiset olkapäillä, taivan tähet harteilla» – «Руки золотые от локтей, Ноги (золотые) от колен, По месяцу на висках, Большие Медведицы на плечах, Звезды небесные на спине» (АКНЦк, 84, 115). В вепсском варианте этого же сюжета в описании «золотых» сыновей остался только один признак – золотой цвет волос: «У первого волосы золотые, у второго – серебряные, у третьего – медные» (АКНЦк, 83, 12; зап. Р. П. Лониina, Прионежье, д. Залесье). В карельской традиции отмечена контаминация сюжета СУС 707 «Чудесные дети» и СУС 706 «Безручка» (АКНЦк, 20, 13; 26, 30; 42, 48; 138, 78; 141, 1). Среди карел бытовала и так называемая «душкинская» версия, связанная со сказкой поэта о царе Сатгане. Реминисценции данной версии ощущаются в карельской, вепсской и русской сказках Карелии (см. прим. в сборниках: КНС II, 38, Ск. Заонежья, 57; Вепс. ск., 12). О русских вариантах сюжета, записанных в Карелии, см.: Ск. Заонежья, прим. № 57 на с. 212–213¹³.

44. *Starina Turkin sultanista* – Сказка о турецком султানে.

[Слышала от Карпова Тимофея из д. Kentjärvi.]

СУС 707 «Чудесные дети» (западноевропейская версия). Оп., № 49.

Архивные варианты и публикации: КНС I, 49 = АКНЦк, 19, 15; Сб., № 44 = АКНЦк, 22, 13; Roine, s. 302–307; АКНЦк, 26/1, 30 – Калевальский, 50, 9 – Муезерский.

В примечании к № 43 мы отметили, что в среде карел бытуют две версии сюжета СУС 707: русская и западноевропейская. Вторая версия представлена в 5 севернокарельских текстах, что позволяет предположить, что в Карелию она проникла из Финляндии. В западной версии, как и в данном варианте М. Михеевой, из трех «золотых» детей одна обязательно является девочкой. Она-то и становит-

¹³ Подробнее о русской версии сюжета СУС 707 см. во вступительной статье к нашему сборнику, а также: *Онегина Н. Ф.* Из опыта структурно-типологического изучения русско-карельских сказочных параллелей. С. 161–164.

ся героиней. Героиня, выдержав испытание потусторонних сил, получает волшебные дары, оживляет добытой волшебной живой водой братьев, превращенных ранее в камни (ликвидация первоначальной беды)¹⁴.

45. *Kissalan linnan prinsessa* – Принцесса Кошачьего замка.

[Слышала от сестры Анны Григорьевой ребенком в Алозере (Alajärvi).]

АА 545А «Замок кошки». Оп., № 50.

Архивный вариант. I ч.: 18, 84 – Калевальский.

Публикация: КНС I, 36 = Сб., № 45.

В СУС сюжет не зарегистрирован. Сказка наиболее близка к СУС 708 «Царевич-чудовище», где, как и в сказке М. Михеевой, падчерица из-за волшебства злой мачехи изгнана и рождает чудовище. В тексте нашего сборника падчерица, изгнанная и околдованная мачехой Сюоятар, рождает котенка, который становится волшебным помощником и учит ее, как стать принцессой. Способы установления контактов героини с царевичем традиционны: котенок относит царевичу изготовленные матерью необычное полотенце и рубаху, заявляя, что это дары принцессы из Кошачьего замка. Мнимая принцесса озабочена тем, что царевич узнает о ней правду и увидит ее («лачужку из головешек»), но сразу же получает от покойной матери шелковый платок, который создает богатые покои. В публикуемой сказке можно найти сходжения с сюжетом «Кот в сапогах» (СУС 545В), который широко распространен в Западной Европе, особенно в ее северной части. Здесь кот, являясь волшебным помощником, помогает герою, мнимому барину, жениться на царевне. В нашем случае котенок, играя ту же роль волшебного помощника, помогает героине выйти замуж за царевича. Таким образом, в сюжетах СУС 545В «Кот в сапогах» и АА 545А «Замок кошки» один и тот же мотив представлен в мужской и женской версиях. Отметим, что в карельских вариантах помощник в повествование вводится разными способами: в тексте М. Михеевой из-за козней ведьмы «девушка родила котенка»; в другой сказке – «девушка получает кошку в наследство от матери» (АКНЦк, 18, 84). Сюжет АА 545А, кроме карел, популярен также у финнов, саамов, скандинавских народов. Вариант М. Михеевой в основной части обнаруживает сходство с финскими сказками на этот сюжет (см. КНС I, прим. № 36 на с. 511, где дается ссылка на Roine, s. 205–210).

46. *Kultakrovun starina* – Сказка о золотом гробе.

СУС 709 «Волшебное зеркальце (Мертвая царевна)». Оп., № 51.

Архивные варианты. I ч.: 29, 136; 26/I, 30 (СУС 709+706) – Калевальский; 35, 33 – Беломорский. II ч.: 7, 424; 63, 78 – Медвежьегорский; 77, 12 – Кондопожский. III ч.: 102, 6 (СУС 709+706) – Пряжинский; 132, 150; 135, 67; 138, 10 – Олонецкий.

Публикации: Евсеев, 1949, 50; КНС II, 39 и 40.

Известная сказка о спящей красавице, сюжет которой относится к группе о невинно гонимых. Сюжет СУС 709 «Волшебное зеркальце (Мертвая царевна)» широко известен по произведению А. С. Пушкина «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» (см. о

¹⁴ Структурно-типологическое описание западноевропейской версии и трактовку сюжета СУС 707 см.: *Онегина Н. Ф.* Русско-ветско-карельские фольклорные связи на материале волшебной сказки. С. 193–199. Историографическое изучение этой версии сюжета см.: *Зуева Т. В.* Образование одной из версий сказки «Чудесные дети» в восточном фольклоре // Проблемы изучения русского устного народного творчества: Республ. сб. М., 1979. Вып. 6. С. 3–16.

карельских текстах, восходящих к пушкинской версии, подробнее: КНС II, прим. № 39 на с. 503). В сказке М. Михеевой, как и во многих других карельских вариантах, внешне зеркальце опущено (АКНЦд, 29, 136; 63, 78; 102, 6). В севернокарельских сказках в центре конфликта не соперничество в красоте, где медиатором является зеркальце, а неприязнь мачехи (Сюоятар) к падчерице. Отведенная в лес героиня находит дом, где живут не разбойники, а воинственные лесные братья: «Девушка им <...> стирает, готовит еду, а братья ходят на морской берег воевать с трехглавым Змеем». Эти мотивы привнесены из сказок змееборческого типа. В севернокарельских сказках с трех-, шести- и двенадцатиглавыми змеями может бороться и героиня (АКНЦд, 26, 30; КНС II, 40). Ведьма Сюоятар не только «усыпляет» девушку отравленными «подарками», но и сама перевоплощается в иглу: «Сюоятар превращается в иглу и сквозь стену проходит в избу». Традиционные формулы-диалоги в варианте М. Михеевой видоизменены и редуцированы: «Кто тут есть, появься перед нами»; «Будешь ли ты нам женой или сестрой, или кем?»

47. Unennäkijä tyremssikkä – Сон арестанта.

СУС 725 «Нерассказанный сон»; СУС 518 «Обманутые черти»; СУС 513А «Шесть чудесных товарищей». Оп., № 52.

Архивные варианты. (СУС 725). I ч.: 13, 28; 17, 20; 22, 59; 25, 93; 29, 126 – Калевальский; 9, 5 – Кемский. II ч.: 61, 15; 65, 19 – Медвежьегорский; 74, 17 – Суоярвский; 77, 1 – Кондопожский. III ч.: 98, 10 – Пяржинский.

Публикация: КНС II, 42.

Сказка представляет собой искусную контаминацию трех сюжетов. В изложении данной многосюжетной сказки чувствуется профессионализм М. Михеевой (ср. редуцированный вариант, записанный от рядовой рассказчицы: КНС II, 42). Сюжет СУС 725 «Нерассказанный сон» в повествовании выполняет роль вступления. Персонаж, не рассказавший сон, подвергается гонениям: его сажают в тюрьму (поэтому он и прозывается арестантом). По ходу сказки он становится помощником героя, который по сказочным законам и должен решать свадебные задачи. Образ помощника осложняется атрибутами – волшебными предметами, полученными им в результате реализации сюжета СУС 518 «Обманутые черти». Дальнейшее усложнение повествования происходит за счет сюжета «Шесть чудесных товарищей»: чтобы решить свадебные задачи, герою нужен не только помощник (арестант), владеющий «фуражкой» (шапкой-невидимкой), но и чудесные искусники, присоединившиеся к «свадебной свите». Три невидимых искусника с оригинальными именами Толстопуз, Большие уши и Мороз семи зим выполняют свадебные задачи. Обратим внимание на то, что в сказке М. Михеевой наличествует скатологический мотив – Толстопуз съедает семь саней навоза. Оригинально последнее испытание, данное царем: «Я привезу семь саней соснового леса и зажгу его. Если сможешь сидеть на нем, то тогда получишь мою дочь себе в невесть». В большинстве сказок, как известно, Мороз, выполняющий эту задачу, проходит испытание раскаленной баней. Рамки текста М. Михеевой расширяются за счет заданий, которые выполняют уже не чудесные искусники, а помощник героя (арестант). Имея шапку-невидимку (фуражку), он проникает в покои царевны, забирает у нее тайком заказанные ею же вепцы и передает их царевичу-жениху.

48. Orporojan starina – Сказка о мальчике-сироте.

СУС 785 «Кто съел просвирку?». Оп., № 53.

Архивные варианты. I ч.: 13, 33; 22, 87 – Калевальский.

Сказка относится к сюжетам легендарного характера, которые не типичны для карельской традиции. В большинстве русских вариантов путешествующие по земле

святые Николай, Петр или сам Бог исцеляют царевну. В варианте М. Михеевой это легендарное начало воплощено в образе старика-богомольца. В сказке усилены морально-этические моменты. Старик-богомалец учит парня-сироту не лгать, не жадничать, не браться за сложное дело («лечение»), не имея магических знаний и умений. Но парень не внимает этим поучениям и поэтому в конце повествования оказывается жестоко наказанным: «Стал он доставать золотые монеты из мешка, чтобы подать старику, а мешок пуст. И старик опять исчез с глаз. Так у него [парня] пропало золото и покупка дома, и жена ушла». Укажем, что один из сюжетообразующих мотивов сказки – лечение царевны – имеет корни, уходящие в обряд инициации. Разрушение царевны на мелкие кусочки, а затем оживление ее, согласно В. Я. Проппу, есть воплощение мотива «временной смерти», которой посвящаемый подвергается во время обряда инициации¹⁵.

49. Kotitoin poika – Бездомный парень.

СУС –823** = АА *823 I «Черт помогает бедному жениху». Оп., № 54.

Архивные варианты. I ч.: 13, 29 – Калевальский. III ч.: 100, 28 – Пряжинский.

Редкий сюжет, как правило, включаемый в группу легендарных сказок о чертях. В центре повествования – черт, «нечистый», хотя своим именем этот персонаж в повествовании назван не сразу. Сказочница именует его «черным человеком», пришедшим из леса. В завязке сказки бездомный парень ставит свечку бесу (черту). Выходя из церкви, он встречается с «черным человеком», а тот называет себя его дядей, приглашает в гости. Парень подумал: «Так пойду, пусть он будет хоть чёрт». Тем самым герой заключает договор с чертом. Однако сущность «договора» с чертом в сказке выражена неясно. Только в самом конце мы понимаем, что, помогая герою заполучить в жены царскую дочь, черт одновременно заполучает себе две «души» – повесившихся от зависти двух старших сестер царевны. Таким образом, в сказке реализуются мотивы, имеющие широкое распространение в мифологическом сознании: договор человека с потусторонним существом, охота черта за душами людей, представление о греховности самоубийства.

СКАЗКИ НОВЕЛЛИСТИЧЕСКИЕ, БЫТОВЫЕ, СКАЗКИ-АНЕКДОТЫ, КУМУЛЯТИВНЫЕ, НЕБЫЛИЦЫ, ДОКУЧНЫЕ И ДРУГИЕ

50. Viisas papin tytär – Умная дочь попа.

СУС 883В «Хитрая девушка». Оп., № 57.

Архивные варианты. I ч.: 20, 57 – Калевальский; 35, 4; 36, 52 – Беломорский; 52, 3 – Муезерский. II ч.: 64, 15 – Медвежьегорский. III ч.: 132, 160; 135, 86; 138, 79 – Пряжинский.

Публикация: КНС I, 53.

Редкий сюжет из группы «Верность и невинность» новеллистических сказок. По замечанию У. С. Конкка, у финнов он не зарегистрирован. Как и во многих новеллистических и бытовых сказках, здесь решаются моральные проблемы. Старшие дочери не смогли выполнить наказ уехавших в гости родителей («Живите хорошо, не смейте народ») и уступили царевичу-соблазнительно; младшая сестра оказывает царевичу достойный отпор. Укажем также, что, оценивая

¹⁵ *Протт В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. С. 56.

нравственные нормы и бытовые отношения, сказка одновременно раскрывает и словесно-классовый аспект общества.

51. Antti Puuhuara – Анти Пуухуара.

[Слышала ребенком в Алозере (Alajärvi) от отца, Ивана Васильевича Корккоева, родом из д. Войница.]

СУС 930=461 «Марко Богатый» (СУС 460В «Путешествие к солнцу»). Оп., № 59.

Архивные варианты. I ч.: 20, 17; 22, 43а; 28, 42; 42, 25; 55, 125 – Калевальский; 35, 35; 36, 12; 36, 14 – Беломорский. II ч.: 63, 44 – Медвежьегорский; 74, 5; 80, 68 – Суоярвский; 45, 14 – Сегежский. III ч.: 134, 138; 135, 7; 135, 144; 138, 77; 142, 9; 157, 31 – Олонецкий; 101, 13; 101–I, 14; 112, 28 – Пряжинский.

Публикации: Евсеев, 1981, с. 89–291; УПТК, № 112, с. 186–188.

Сюжет из группы «Сказки о судьбе» новеллистических сказок. При сравнении нескольких севернокарельских вариантов данного сюжета обнаруживаются особенности интерпретации одних и тех же мотивов у разных сказочников одного региона. Традиционное для русской традиции имя Марко Богатый – купец, недоброжелатель главного героя – встречается только у М. М. Хотеевой (АКНЦк, 20, 17); у М. Михеевой и А. Е. Салониemi (АКНЦк, 55, 125) этот персонаж назван просто купцом. М. М. Хотеева и А. Е. Салониemi пребывание старика-богомольца в доме купца изображают в типично легендарной форме. Старика-богомольца в богатом доме купца отводит место в хлеву, где по божественному соизволению становится светло и чисто, загораются свечи, отражая блеск икон, и сам Бог (Спас) отвечает молящемуся, что Долго (Счастье) купца надо отдать ребенку бедного мужика (брата). У М. Михеевой этот эпизод дан в редуцированном виде, «реалистически»: «(купец) видит во сне, что под окно пришел седой старик. Старик говорит гостю (купцу): „Этой ночью хозяйка родит сынка, и он будет жить твоим счастьем“». Самые существенные различия между вариантами обнаруживаются в описании «инога царства», куда купец (Марко Богатый) отправляет героя. У М. Михеевой – это Похъела, хозяйкой которой является Лоухи. У А. Е. Салониemi на вопрос, куда пошел Антерус Пуухуара, тот отвечает, что отправляется к бесу, чтобы узнать, много ли у Петел-купца богатства: «Läksin, – sanou, – helvetistä tiijustamah, äijänkõ op Petelkupcal omaisuutta» (АКНЦк, 55, 125). В сказке М. М. Хотеевой отправка в «инога царство» выглядит очень неопределенной: «Menet semmoisella reisulla, mihin minä työnnän» – «Отправилась в ту дорогу, куда я тебя отправлю» (АКНЦк, 20, 17). Однако по прибытии в назначенное место герой встречает персонаж (naini) с атрибутами Яги, т. е. представительницу инога мира.

52. Ukko ta piessa nakrismualla – Старик и черт на репном поле.

СУС 1091 «Кто приведет более необыкновенное животное». Оп., № 61.

Архивные варианты. I ч.: 29, 106 – Калевальский. II ч.: 79, 265 – Суоярвский. III ч.: 112, 95 – Пряжинский; 135, 78; 135, 95 – Олонецкий.

Сказка, реализующая один из мотивов борьбы (состязания, соревнования) человека с чертом. В соответствии с жанровой разновидностью сказок (сказки об одураченном черте) борьба (и победа) человека с его противником представлена в комическом плане: в споре о том, кто придет на более необыкновенном животном, побеждает мужик, приехавший на собственной жене.

53. Viisas morsien – Умная невеста.

СУС (1151) «Людки – бапмаки дедушки, баня – его шапка». Оп., № 62.

Архивный вариант. I ч.: 28, 107 – Калевальский.

Публикация: NEVI, 9 (запись 1918 г. Л. Кеттунена от южных вепсов).

Редкая сказка. В русском фольклоре образ «лодки – бапки дедушки, баня – его шапка» зарегистрирован в единственном тексте (Онч., 32), однако связан он там с чертом, с которым связывается человек. В сказке М. Михеевой этот мотив помогает раскрыть тему умной невесты, избегающей от нежелательного жениха. По своему характеру сказка близка к группе повествований о глупых людях.

54. Hölmöläiset – Жители деревни Хёлмёля.

СУС 1263 «Едят кашу с молоком»; СУС 1245 «Носят солнечный свет в мешках»; СУС 1286 «Впрыгивают в брюки (сапоги)»; СУС (1290) «Плавают в гречневом (льняном) поле». Оп., № 63.

Архивные варианты. (СУС 1263). I ч.: 25, 158 – Калевальский; 52, 8 – Муезерский; 38, 8 – Беломорский. (СУС 1245+1286) II ч.: 63, 57; 64, 25; 65, 41 – Медвежьегорский. III ч.: 112, 40 – Пряжинский; 134, 76; 134, 158; 136, 17 – Олонецкий.

Публикация: УПТК, № 123, с. 229–231.

Публикуемый текст относится к сказкам о глупцах и простаках. Подобные сюжеты носят международный характер, причем у каждого из народов глупцами устойчиво выступает определенный этнос или жители определенной местности. У русских это пошехонцы, у болгар – габровцы, у южных карел – киндасовцы (д. Киндасово Пряжинского р-на), у финнов и северных карел – хёлмёляйсет (д. Хёлмёля). Истоки комизма сказочных мотивов кроются в алогизме совершаемых героями поступков. Их попытки руководствоваться внешними аналогиями (мешком выносят из избы вепци – значит, можно вынести мешком и дым, утки умеют плавать – значит, «и я умею плавать») приводят к комическим неудачам.

55. Seiččemen Simanua – Семь Симанов.

СУС 1227 «Хотят поймать белку»; СУС 1260 «Варят кашу в проруби». Оп., № 64.

Архивные варианты. (СУС 1227). I ч.: 84, 134 – Лоухский; (СУС 1260). II ч.: 80, 42 – Суоярвский; 77, 4 – Кондопожский. III ч.: 134, 158; 136, 13; 136, 52 – Олонецкий.

Сказка, реализующая два сюжета о глупцах и простаках. В качестве дураков выступают семь братьев Симанов, что, возможно, является отдаленной реминисценцией русской волшебной сказки «Семь Симеонов».

56. Starina vanhasta pariskunnasta – Сказка о старой супружеской паре.

СУС 1380 «Неверная жена и муж, притворившийся ослепшим». Оп., № 65.

Архивные варианты. I ч.: 2, 177 – Лоухский; 82, 24; 89, 36 – Калевальский; 35, 34 – Беломорский; 52, 5 – Муезерский. II ч.: 61, 55; 63, 6; 64, 6 – Медвежьегорский; 74, 19; 164, 10 – Суоярвский. III ч.: 99, 11; 112, 5; 132, 51; 132, 155; 135, 60; 141, 20; 142, 14 – Олонецкий.

Публикация: КНС I, 60; Евсеев, 1981, с. 303–305.

Сказка из группы анекдотов о глупых женах и хозяйках. Концовка повествования – муж расправляется с любовниками своей жены – создает основу для контаминации данного сюжета с сюжетом СУС 1536В «Мужик хоронит трех попов», что находит место во многих карельских сказках (АКНЦ, 112, 5; 132, 51, 132, 155 – Олонецкий р-н). То же и в русских вариантах (Ск. Поморья, 38; Ск. Пудожья, 49; Ск. Заонежья, 30). В сказке М. Михеевой сюжет СУС 1380 представлен в автономном виде.

57. Vastahakani Marina – Упрямая Марина.

СУС 1381 «Жена-доказница»; СУС 1365А «Упрямая жена»; СУС 1164 «Злая жена в яме». Оп., № 66.

Архивные варианты. (СУС 1381). I ч.: 19, 1 – Калевальский; 35, 7; 36, 22 – Беломорский; (СУС 1365А). I ч.: 25, 159; 29, 50 – Калевальский; 35, 9 –

Беломорский; (СУС 1365А). II ч.: 45, 8 – Сегежский; (СУС 1365А). III ч.: 102, 31 – Пряжинский; (СУС 1164). III ч.: 19, 20; 26, 153 – Калевальский.

Публикации: SKSjT, s. 351–353 (СУС 1164); КНС I, 59 (СУС 1164); КНС I, 61; КНС II, 67 (СУС 1381); УПТК, № 122, с. 227 (СУС 1381).

Сказка из группы анекдотов о глупых женах и хозяйках. Своеобразие публикуемого текста состоит в том, что сказочница объединила и очень удачно скомпоновала три сюжета в одной сказке, так что трудно отделить их один от другого, хотя есть примеры, когда каждый из сюжетов оформлен в самостоятельную сказку. Отметим два текста М. Ремппу (КНС I, 59 – СУС 1164; КНС I, 61 – СУС 1381) и сказку Ф. Ремппу (АКНЦк, 26, 153 – СУС 1365А). В сказке М. Михеевой обращает на себя внимание также то, что вместо традиционного черта в сюжете СУС 1164 «Злая жена в яме» выступает бык, который просит мужика выпастить его из воды, где хозяйкой стала его жена: «Не бросай меня, братец, в реку к Марине! У меня было два рога, так один уже выдрала!» О сюжете СУС 1381 «Жена-доказица» см.: Конкка У. С. Карельская сатирическая сказка. С. 135–138. Однотипные русские сказки Карелии см.: Ск. Заонежья, 11 (СУС 1381), 43 (СУС 1365А), 65 (СУС 1164), где каждый сюжет дан тоже автономно.

58. Ukko emäntänä – Муж в роли хозяйки.

СУС 1408 «Муж выполняет работу жены». Оп., № 67.

Архивные варианты. I ч.: 2, 106; 43, 312 – Лоухский, 19, 31; 22, 90 – Калевальский; 35, 19 – Беломорский. II ч.: 65, 25 – Медвежьегорский. III ч.: 134, 1 – Олонецкий.

Публикации: Rensu, s. 71–73 = АКНЦк, 19, 31 (русский перевод см.: Пажлаков, с. 133–134 и Конкка, с. 171–173); Mihejeva, s. 105–106 = АКНЦк, 22, 73; Евсев, 1949, 55; КНС I, 63.

Сказка принадлежит к группе повествований о злых, ленивых, хитрых женах и их мужьях. В этих сказках высмеивается уклад семейной жизни, а муж становится разновидностью дурака бытовой сказки. Именно «дурацкая логика» руководит поступками супруга, не способного договориться. «Смех торжествует над всем, что отягощает семью и отношения супругов непосильным грузом бед и несчастий. Тем самым этот веселый, всепобеждающий сказочный смех освобождает сознание от подавляющей власти гнетущих обстоятельств семейной жизни», – отмечает Ю. И. Юдин¹⁶. В отличие от финского фольклора (по замечанию У. С. Конкка: «Сюжет широко распространен у финнов (по данным Аарне – 99 вариантов)» – КНС I, прим. № 63 на с. 519), данный сюжет не нашел широкого распространения в карельской традиции. В сказке М. Михеевой рассказывается о супруге, упрекающем жену в том, что ей легче живется, так как она занята по хозяйству только дома. Но когда он остается хозяйничать в избе, то не может справиться с повседневными работами. Нанизывание эпизодов его хозяйственных просчетов может быть бесконечным. М. Михеева, по-видимому, сознательно опустила самое «жестокое происшествие», характерное для этого сюжета: смерть младенца, которого муж-недотёпа погубил по своей очередной оплошности (см.: Rensu, s. 71–73; КНС I, 63).

59. Vora Kliimo – Вор Клиймо.

СУС 1525D «Ловкий вор обманывает прохожих»; СУС 1525А «Ловкий вор»; СУС 1737 «Поп в мешке». Оп., № 69.

Архивные варианты. (СУС 1525D). I ч.: 19, 84; 21, 4 – Калевальский; 47, 10 – Муезерский; II ч.: 72, 184 – Кондопожский. III ч.: 112, 59; 134, 16 – Пряжинский; 138, 44; 138,

¹⁶ Юдин Ю. И. Дурак, шут, вор и черт. С. 167.

127 – Олонецкий; (СУС 1525А). I ч.: 16, 23; 19, 84; 20, 30; 20, 56; 28, 181; 28, 279 – Калевальский; 35, 1 – Беломорский; 47, 10 – Муезерский. II ч.: 64, 20 – Медвежьегорский; 74, 24; 72, 90 – Кондопожский. III ч.: 92, 48; 94, 1; 99, 4; 115, 9 – Пряжинский; 132, 7; 132, 98; 134, 92; 134, 144; 136, 84; 137, 10; 142, 4а; (СУС 1737). I ч.: 89, 73 – Лоухский; 75, 3 – Кондопожский. III ч.: 92, 48; 94, 1; 94, 89 – Олонецкий.

Публикации: KKN I, s. 101–103, 139–141; KKN III, s. 38–39; КНС I, 65; КНС II, 71 и 72.

Сказка принадлежит к группе анекдотов о хитрых и ловких людях. Сказки данного типа широко распространены, вариаций сюжетов и мотивов множество. Сюжет не является постоянным и неизменным. Импровизация рассказчиков делает разные варианты непохожими друг на друга. Из всего запаса сказочных мотивов о воровстве рассказчик выбирает отдельные типы и соединяет их в разнообразные цепочки. В варианте М. Михеевой контаминируются три сюжета (мотива). В разных карельских вариантах один и тот же сюжет (мотив) может получать различную обработку. Так, в публикуемом варианте и в южнокарельской сказке (КНС II, 72) воровство быка осуществляется на дороге с помощью подброшенных на пути простака одного за другим сапог; в другом варианте Клиймо, переодетый в одежду хозяина, забирает быка, обманув бдительность сторожей своим переодеванием (КНС I, 65). Лошадь (жеребца) в тексте М. Михеевой ловкий вор крадет, еще и подпоив сторожей водкой, т. е. воровство совершается «реалистическим» методом. В другом варианте ловкий вор Мокки крадет не жеребца или быка, а собаку хозяина, заманив пса куском мяса вовнутрь псуры убитой коровы (КНС II, 71). Совершенно по-сказочному происходит воровство сундучка (пшатулки, ларца) с деньгами. Клиймо (Мокки) заставляет обворовываемых покинуть место кражи с помощью подставленного им трупа: хозяин, стороживший сундук с деньгами, стреляет; решив, что убил вора, отправляется прятать труп, а в это время герой спокойно уносит деньги (см.: Сб., № 59; КНС I, 65; КНС II, 71). Сказки о ловких и хитрых людях нередко заканчиваются сюжетом СУС 1737 «Поп в мешке», как это происходит и в нашем тексте: парень выманивает у попа деньги, а самого священника сажает в мешок, чтобы «ангел (Бог) поднял его на небо» (КНС I, 65; КНС II, 71; АКНЦк, 47, 10; 75, 3; 92, 48; 94, 89; 94, 1; 134, 89).

60. Viisas Noma – Умный Хома.

СУС 1539 «Шут». Оп., № 70.

Архивные варианты. I ч.: 1, 39; 2, 96 – Лоухский; 13, 9; 13, 12; 13, 18; 18, 92; 19, 8; 19, 51; 19, 51а; 20, 10; 20, 23; 28, 275 – Калевальский; 35, 12; 35, 22 – Беломорский. II ч.: 63, 5; 65, 39 – Медвежьегорский; 74, 2; 74, 15 – Суоярвский; 45, 10 – Сегежский. III ч.: 68, 41а; 92, 51; 94, 25; 94, 26; 99, 2; 99, 7; 100, 18; 114, 19 – Пряжинский; 70, 81; 134, 11; 134, 113; 138, 68; 139, 5 – Олонецкий.

Публикации: KKN I, s. 16–18; KKN III, s. 48–49; Белова, 26 и 27; Пажлаков, с. 135–138; Remsu, s. 60–65, 80–82; Mihejeva, s. 107–110; КНС I, 67, 68, 69; КНС II, 74; Евсеев, 1981, с. 305–306; УПТК, № 124, с. 233–236.

Сказка принадлежит к группе анекдотов о хитрых и ловких людях. В севернокарельских сказках о путях героя за большие деньги продает простакам котел (горшок), который якобы сам варит (Remsu, s. 60–65; КНС I, 67, 68–69; КНС II, 74); шапку, которая якобы сама платит за поданное к столу (Remsu, s. 80–82; КНС I, 69); лошадь, испражняющуюся деньгами (Сб., № 60; КНС I, 67, 68; КНС II, 74), и т. д. Карельские сказочники придают международным мотивам детали, отвечающие быту данной территории. Например, вместо лошадей из подводного мира «добываются» олени, что весьма близко

и понятно жителям Крайнего Севера (КНС I, 68 – Ухта Калевальского р-на). Отметим, что жители Ухты в свое время имели стада оленей. Основной способ передвижения в данном регионе (сани) рождает сказочный образ саней-самоходов (КНС I, 69) и т. д.

61. Tietäjäakka – Ведунья.

СУС 1641 «Знахарь». Оп., № 71.

Архивные варианты. I ч.: 10, 272; 14, 14; 19, 50; 22, 23; 25, 121; 82, 141; 82, 212 – Калевальский; 50, 5 – Муезерский. II ч.: 64, 8; 65, 30 – Медвежьегорский. III ч.: 94, 90 – Пряжинский; 135, 13; 135, 34; 138, 2; 139, 2 – Олонецкий.

Публикации: Белова, 29 = КНС II, 77.

Сказка принадлежит к группе анекдотов о счастье по случаю. Здесь пародируется вера в колдунов (ср. также сюжетный тип СУС 1736 «Скупой поп и работник»). В сказках действуют не «реальные», а мнимые знахари. В большинстве вариантов бедняк желает разбогатеть посредством знахарства. Для этого он прячет лошадь богача в лесу, а затем предлагает свои услуги по ее поиску. «Найденная» им и возвращенная хозяину лошадь служит поводом признания его колдовских умений, вследствие чего его зовут в царский дворец найти потерявшуюся вещь. Сказка М. Михеевой, опустив вступительный эпизод с уворованной лошастью, начинается с оповещения-молвы: «У царевны пропали кольца. Если бы нашелся такой ведун, который нашел бы кольца, он получил бы хорошую награду». Героиня сказки берется найти кольцо. Во многих калевальских вариантах имеется мотив проверки способностей колдунов. Их везут в царские покои насильно: «„Да садись же ты побыстрее – поедем, наконец“. Бабка говорит: „Я бы села, только вот верчусь, как курица на яйцах“. Солдат думает: „Она ведунья, раз узнала, что в подушке [на которую ее усаживают] есть куриные яйца“» (Сб., № 61). Или: «Ukko sano <...> istun, kun kanan munien piällä» – «Старик говорит: „Сяду, как на куриных яйцах“» (АКНЦк, 19, 50). Во всех вариантах наличествует типовой для данного сюжета мотив угадывания имен похитителей царских вещей. Бабка «думает, что ее убьют, если она не узнает, где кольца. ... что Очче, то и Вачче [букв.: что лбу, то и животу]: коль убьют – так пусть убьют». Работники за стеной слушают <...> работников как раз звали... Очча и Вачча. ...они и испугались... „Вот, дорогая бабулечка, кольца. Это мы их украли, только не говори никому“» (Сб., № 61). Или: «Mi tulou očalla, ka se i vačalla <...> Piijalla nime Očča» – «Что будет лбу, то и животу <...> Служанке имя было Очча» (АКНЦк, 19, 50). В пряжинском варианте «колдун» говорит о себе: «Ох, плепивый, плепивый, последние дни доживаешь из-за украденного золотого колечка!» Вор, плепивый, бросается мнимому знахарю в ноги: «Ох, как ты узнал, что у меня колечко?» (КНС II, 77). В ряде сказок возвращенные ворами предметы (камушек, кольцо) скармливаются собаке или курице, а затем сообщается царю, где их искать. У М. Михеевой в этом звене наблюдается редукция: «„Вот, царь-кормилец, кольца принесли“ <...> Царь обрадовался несказанно».

62. Höperö poika – Глупый парень.

СУС 1643 «Дурак и береза»; СУС 1642 «Хорошая торговля». Оп., № 72.

Архивные варианты. (СУС 1643). I ч.: 10, 230; 19, 91; 82, 299; (СУС 1642). I ч.: 26, 117 – Калевальский. II ч.: 71, 52 – Кондопожский; III ч.: 100, 9 – Пряжинский; 134, 182; 135, 13; 137, 1 – Олонецкий.

Сказка принадлежит к группе анекдотов о счастье по случаю: дурак продает пню ведро с маслом – находит под пнем золото и т. д. В сказке М. Михеевой своеобразно объяснена причина дурости героя: рожденный вне брака, он был брошен матерью в подвал, где и вырос, не зная реалий мира.

63. Vuota, muamo, huomena – Погоди, мама, – завтра.

СУС 1696 «Набитый дурак». Оп., № 73.

Архивные варианты. I ч.: 10, 221; 26, 92; 82, 244 – Калевальский. II ч.: 65, 25 – Медвежьегорский. III ч.: 99, 13; 102, 50 – Пряжинский; 134, 116; 134, 130; 134, 146; 135, 90; 136, 83 – Олонецкий.

Публикации: KKN I, s. 73–74; КНС II, 79.

Сказка принадлежит к группе анекдотов о дураках. Несмотря на его добрые намерения, герой все время попадает в нелепые ситуации. Набор «дурацких» действий в каждом конкретном тексте может быть любым по мотивам и количеству. В сказке М. Михеевой разворачиваются восемь эпизодов, выявляющих «дурацкую» психологию героя и алогизм его мыслей и поступков. Виды сказочного алогизма бывают самые разные. В карельской сказочной традиции чаще всего наличествует «буквальное» выполнение совета, оказывающегося неприемлемым в определенной ситуации.

64. Ville ta rapinakan ruhävellä – Вилле и любовник попады.

СУС 1725 «Влюбленный поп». Оп., № 74.

Архивные варианты. I ч.: 19, 92 – Калевальский. III ч.: 98, 14; 101, 36 – Пряжинский.

Публикации: KKN III, s. 167–168; КНС II, 80.

Сказка относится к группе анекдотов о попах. По нашим данным, сюжет не получил широкого распространения ни среди карел (зарегистрировано всего 4 варианта вместе с публикуемым), ни среди вепсов, у которых известен только один текст (NÄKM, 97). Поп выступает в роли традиционного дурака, вынужденного терпеть насмешки и издевательства со стороны плута. В публикуемой сказке над любовником-попом издевается работник: «Взял он ведро горячей воды, замешал в ней мякину и вылил прямо на попа. Поп с криком бросился бежать». В другом варианте работник «берет корзину с пухом – как выпрыхнет через окно на улицу! (а дом был двухэтажный). Дьякон плюхнулся вниз» (КНС II, 80). В сказке М. Ремпу для влюбленного попа женщиной поговору с мужем был приготовлен ящик, куда герои положили смолу, мякину и перья. Народу объявили, что в ящике оказался черт. Весь в смоле, пуху и перьях, поп действительно стал похож на черта и был объявлен нечистой силой, нежитью, изгоняемой из дома (АКНЦ, 19, 92). Таким образом, в сюжете СУС 1725 пародируются известные по волшебной сказке представления о черте (СУС 330В). Карельская сказка знает пародию и на христианских святых – сюжет «Живой человек изображает статую (образ) святого» (СУС 1829). В одной из сказок попады велит попу-любовнику раздеться, встать на стол и, раскинув руки, не шевелиться: «Будешь, как крест, а на кресте – бог распятый» (КНС II, 80). В нашем тексте работник смотрит в передний угол: «„Какой старый образ тут, здесь надо зажечь много свечей, не божий ли это слы?“ В первую очередь зажжет свечу перед носом попа – поп молчит. Зажет свечу под подбородком и на кончике каждого пальца. У него борода как вспыхнула с треском, поп бежать».

65. Starina mylläristä – Сказка о мельнике.

СУС 1892 «На боках лошади вырастает верба»; СУС 1889Ж «Человек влезает на небо по дереву»; СУС (1900) «Волк выпаскивает человека из болота». Оп., № 75.

Архивные варианты. (СУС 1892). III ч.: 142, 28а; (СУС 1889Ж). III ч.: 138, 49 – Олонецкий; 101, 19 – Пряжинский; (СУС 1900). III ч.: 134, 39; 136, 2; 138, 48; 142, 38 – Олонецкий.

Публикация: Евсеев, 1981, с. 294–296.

Сказка принадлежит к группе небылиц, составляющих особый вид сказочного творчества. Такого рода фольклорные «нелепицы» были использованы впоследствии в литературе, в частности, в рассказах о Мюнхгаузене.

66. Čulistarina – Сказка о Чули.

СУС 2028 = АА 333 *В «Глиняный Иванушка». Оп., № 76.

Архивные варианты. I ч.: 28, 142 – Калевальский. II ч.: 73, 4 – Кондопожский. III ч.: 133, 40 – Олонецкий.

Публикации: КНС I, 18 = Сб., № 66; Mihejeva, s. 41–42; Евсеев, 1981, с. 261.

Кумулятивная по своей композиции сказка. Слово «чули» сказочница объяснить не смогла, но в русских, карельских и финских сказках герой порой называется «глиняный мальчик», что напоминает миф о создании первочеловека из глины. Принцип кумуляции, лежащий в основе композиции этой сказки, в связи с темой первочеловека ощущается как реликтовый¹⁷. Кумуляция, как отмечает исследователь, входит в систему некоторых обрядов, например, афинских буфоний. Ссылаясь на И. И. Толстого, В. Я. Пропп в связи с сюжетом о «глиняном паренке» вспоминает миф об Эрисихтоне, которого мучает неутолимый голод: «Эрисихтон пожирает одно блюдо за другим и никак не может насытиться. Постепенно поглощает он все имеющиеся в доме продовольственные запасы и весь животный инвентарь на дворе и в поле: сперва съедены им животные, содержащиеся в хлевах, потом пасущиеся в стадах...» и т. д.¹⁸ В сказке М. Михеевой кумуляция также основана на ряде пожираний: Чули съедает всех встречных, пока козы не свалили на него сосну: «У Чули живот лопнул. Оттуда вышли все».

67. Kultakenkät – horiepaklat – Золотые башмаки – серебряные оборы.

СУС (20С) «Звери бегут от кончины мира (войны)»; СУС 715А «Петух и жерновцы»; СУС 1415 «Мена»; СУС 2016*, 2018 «Кумулятивные (цепные) сказки разного рода». Оп., № 77.

Архивные варианты. (СУС 715А). I ч.: 16, 49; 20, 24; 22, 4; 22, 89 – Калевальский. II ч.: 65, 42 – Медвежьегорский. III ч.: 113, 8 – Пряжинский; 132, 62; 132, 184; 134, 126; 138, 14; 138, 63 – Олонецкий; (СУС 1415). I ч.: 2, 101 – Лоухский; 20, 24; 25, 91; 29, 42; 89, 39 – Калевальский. III ч.: 132, 66; 134, 74 – Олонецкий.

Публикации: (СУС 715А) KKN II, s. 62–64; Mihejeva, s. 73–76 (финский перевод варианта АКНЦк, 22, 4); Евсеев, 1949, 54; КНС I, 50, 64; КНС II, 41; Евсеев, 1981, с. 270–272.

Текст М. Михеевой состоит из ряда кумулятивных цепочек. Экспозиция дана по сюжету СУС 20С. Старик испуган: «Война началась, война началась! Старухе стрельнули в голову, а я сам убегаю без портков» (старуха их взяла в стирку). Далее идет ряд встреч старика (с волком, медведем, ламбушкой); диалог со всеми встречными повторяется один и тот же, и старик всех по очереди проглатывает. Затем развивается сюжет СУС 715А «Петух и жерновцы». В типовой версии данного сюжета основным действующим персонажем является петух, а не старик, как в сказке М. Михеевой (ср. КНС I, 50). Герой встречается с царем-антагонистом, тот пытается уничтожить назойливого старика, но последнему помогают звери и ламба, выпущенные из живота. Царь вынужден откупиться от «пляшущего» старика. Чтобы тот

¹⁷ Пропп В. Я. Русская сказка. С. 297.

¹⁸ Там же. С. 297–298.

вышел из его утробы, царь дарит ему «золотые башмаки». Здесь начинается новая «цепочка диалогов» со встречными и повторы «действий» по обмену золотых башмачков на кошку, кошки – на собаку, собаки – на барана и т. д. по восходящей линии, а затем – по нисходящей (от лучшего к худшему). Цепочка, таким образом, «расплетается» (СУС 1415), и старик приходит домой ни с чем. Далее начинается новая цепочка диалогов – уже со старухой. Когда старик закончил («Так всё и пропало»), старуха «стала бить-колотить старика коромыслом»: обычный финал в подобном рода сюжетах.

68. Ruoččalaini ruotakoira – Швед, костлявая собака.

СУС 2016*, 2018 «Кумулятивные (цепные) сказки разного рода». Оп., № 78.

Сказка кумулятивного характера. Некоторое своеобразие данного текста состоит в том, что звенья повествования перечисляются одно за другим по очереди, а предыдущие не повторяются. В экспозиции раскрываются деяния и намерения шведа-завоевателя («Убил отца, убил мать, припел меня убивать») и далее перечисляются действия героя, убегающего от погони. Запись от нашей сказочницы самая полная. Ср. текст из материалов кестеньских карел (Kiestingin kansanlauluja = Песенный фольклор кестеньских карел, раздел «Ketjuriņoja» = Кумулятивные песни, № 56, с. 225); здесь публикуются также поздние записи из Кестеньского региона – варианты карельских кумулятивных рунопевческих стихов.

69. Kol, kol, kolua – Кол, кол, колочек.

СУС 2016*, 2018 «Кумулятивные (цепные) сказки разного рода». Оп., № 79.

70. Mirä tuolla näky? – Что там виднеется?

СУС 2016*, 2018 «Кумулятивные (цепные) сказки разного рода». Оп., № 80.

71. Kunne, hiiri, mänet? – Куда, мышь, идешь?

СУС 2016*, 2018 «Кумулятивные (цепные) сказки разного рода». Оп., № 85.

72. Kana muni munasen – Снесла курица яйцо.

СУС 2022В. «Разбитое яйцо». Оп., № 87.

Карельская формулировка рядов кумуляции несколько отличается от русской, но во всех случаях персонажи сказки «убиваются по пустякам». «Цепочки» могут варьироваться, но всегда показана необычайная суматоха: люди совершают нелепые поступки, вещи разрушаются, природа «бунтует» и т. п.

73. Narakka ta tervakatto – Сорока и просмоленная крыша.

СУС 2300 «Докучные сказки». Оп., № 88.

Докучная сказка. В СУС под данным индексом зафиксированы разные сюжеты докучных сказок. Вариант М. Михеевой – о сороке, у которой то хвост, то клпов увязает в просмоленной крыше. Удачна ремарка сказочницы: «И так этой (сказки) хватит до Москвы, да и потом еще не кончится».

74. Härän starina – Сказка о быке.

СУС 2300 «Докучные сказки». Оп., № 89.

Классическая докучная сказка «про белого бычка». Сказочница перебирает имена всех слушателей, каждому из которых задается один и тот же вопрос, пока детям-слушателям не надоест.



**АННОТИРОВАННАЯ ОПИСЬ СКАЗОК М. И. МИХЕЕВОЙ
ИЗ КОЛЛЕКЦИЙ АРХИВА КАРЕЛЬСКОГО НАУЧНОГО
ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Мария Ивановна Михеева, 63 л.,
пос. Ухта Калевальского района Республики Карелия

Записи 1947 г. Э. С. Гуттари, содержащиеся в пятитомной коллекции № 22 (ф. 1, оп. 2)¹.

1. Наловил старик налимов целую мережу, вывалил улов в ахкиво (санки) и везет домой. Лиса, увидев рыбу, притворяется мертвой. Старик – лису в санки, а та выкидывает весь улов на обочину дороги. Остался старик ни с чем. СУС 1 – № 56. Сб., № 1.

2. У волка с лисой на общем пожоге выросла рожь. Вымолотили, стали делить по уговору: кто больше ростом, тому куча побольше. Волку и досталась солома, а зерно – лисе. Из общей бочки масла волку вновь ничего не досталось, все слизала хитрая лиса. СУС 1030; 15 – № 52. Сб., № 2.

2а. Повторный вариант: СУС 1030; 15 – ФИЯЛИ, 787/7. Зап. В. Я. Евсеева. Ухта, 1966.

3. Старик на крыше ставит капкан, в него попадает белка. Снятая из ловушки, она stalkивает старика вниз. Белка кладет мертвеца в ахкиво и тацит. Звери, встретившиеся в лесу, по кусочку откусывают от старика и затем помогают везти дальше. Когда от него ничего не остается, съедают меньшего (белку, затем зайца). Лиса и волк в испуге убегают от медведя. СУС 20А; АА 20В – № 21. Сб., № 3.

3а. Повторный вариант: СУС 20А – ФИЯЛИ, 787/2. Зап. В. Я. Евсеева. Ухта, 1966.

¹ Опись состоит из аннотаций всех сказок М. И. Михеевой, как публикуемых в настоящем сборнике, так и оставшихся в архиве. После индекса СУС дается номер единицы хранения (текста) в коллекции, а затем номер сказки в сборнике. В этой же коллекции № 22 есть записи других собирателей. Они даны в описи под литерными номерами: Э. М. Гран, зап. 1946 г., опись (оп.) № 19а, 20а, 53а, 67а; В. Меллери, зап. 1947 г., оп. № 32а. Только один текст обнаружен вне названной коллекции: У. С. Конкка, зап. 1959 г., оп. № 8, кол. 31, № 3 = Сб., № 8. Учтены и записи Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН (далее – ФИЯЛИ, № кассеты, № записи на кассете). Зап. В. Я. Евсеева, 1966 г.: ФИЯЛИ, 787/1–8, в описи см.: № 2а, 3а, 5а, 10а, 30а, 46а, 64а и 85 (Сб., № 71).

4. Мать-синичка улетает за червяками. Медведь разоряет ее гнездо с птенчиками. Синичка подает в суд на разорителя, где репают – укоротить хвост медведю. Совсем без хвоста он остается, когда по совету лисы «удит» рыбу в проруби. СУС (56А); 2 – № 71. Сб., № 4.

5. Лиса пилит дерево хвостом. Напуганная ворона откупается птенцами, выбрасывая их на съедение лисе по одному. Сорока раскрывает обман лисы, и та убегает искать новую жертву, однако попадает в ловушку мужика. СУС 56А; 33 – № 55. Сб., № 5.

5а. Повторный вариант: СУС 56А; 33 – ФИЯЛЖ, 787/6. Зап. В. Я. Евсеева. Ухта, 1966.

6. Лиса и журавль зовут друг друга в гости. Лиса слизывает со скалы всю свою похлебку. Журавль также сам съедает из кувшина еду, приготовленную гостю. Кумовья похлебкой «поквитались». СУС 60 – № 57. Сб., № 6.

7. Для свадебного стола хозяева собрались резать домашнюю живность. Кошка всех предупреждает. Корова, лошадь, собака, а вслед и кошка убегают из дому. По дороге к ним присоединяется лесное зверье. Они поселяются в доме разбойников, последние, получив трепку, убегают в испуге. СУС 130А; 130В – № 54. Сб., № 7.

8. Старичок отправляет быка в лес попасть, насолив ему спину. К бычку прилипают звери (поочередно – медведь, лиса, заяц), которых он доставляет хозяину, и тот их режет, забивает и самого добытчика. СУС 159 – № 3 (в колл. 31). Зап. У. С. Конкка, 1959. Сб., № 8.

8а. Повторный вариант: СУС 159 – № 51. Зап. Э. С. Гуттари. Ухта, 1947.

9. Журавль приходит к старой деве свататься, но она отказывает ему; пораздумав, идет к журавлю сообщить о своем согласии выйти замуж, но теперь тот ее выпроваживает, и так бесконечно ходят друг к другу. СУС 244А* = АА *244 I – № 47. Сб., № 9.

10. Три брата: белка, рукавица да игла пошли на охоту. Сколько бы ни ругали иглу, именно она убила оленя, «спила» из бересты котел, нашла дров для костра. Все вместе сварили мясо и наелись. В указателе СУС сюжет не зарегистрирован. АА 90 – № 69. Сб., № 10.

10а. Повторный вариант: ФИЯЛЖ, 787/1. Зап. В. Я. Евсеева. Ухта, 1966.

11. Герой трижды побеждает многоглавых змеев, освобождая царских дочерей. Затем отправляется на поиски четвертой, проглоченной и украденной Змеем. Разоряет все подводное змеиное царство. Женится на спасенной царевне. СУС 300₁ = АА 300А – № 32. Сб., № 11.

11а. Братья поочередно едут в чужеземное царство свататься. Корабли старших братьев в бурю разбиваются. Младший берет в дорогу старуху (дарительницу), та помогает спастись в бурю, избавляет от змей, тучей падающих на корабль. Герой заманивает царевну на корабль, увозит. Заезжает за братьями, те бросают его в море. Рыба проглатывает утопающего. Тот ножом вспарывает ей брюхо и, выкинутый волной на остров, с помощью волка возвращается домой во время свадьбы жены. Все выясняется. СУС 301D* = АА 301 *С – № 81. Собственноручная запись М. Михеевой, 1949.

12. Одновременно родились ребенок, котенок и кутенок. Три названных брата отправляются мир посмотреть. Кошкин сын убивает многоглавых змеев, подслушивает разговор их жен, избегает козней. С помощью чудесных товарищей добывает себе Елену Прекрасную. СУС 303; 300А; 513А – № 41. Сб., № 12.

13. Три брата нанимаются к царю в работники, но только Тухкимус смог выполнить задачу царя: увидеть, куда исчезает царевна ночами. СУС 306; 518; 1880 – № 35. Сб., № 13.

14. Девушка отказала жениху-царевичу, и ее околдовала ведьма (poita-akka). Парень спас поруганную икону. И теперь с помощью святого угодника расколдовывает девушку и женится на ней. СУС 307, (-849**) – № 20. Сб., № 14.

15. Все три сестры попадают в лапы медведя. Двух старших он убивает, а младшую берет в жены. Она заставляет медведя отнести в кошеле сестер, а потом и себя в родной дом. СУС 311 – № 29. Сб., № 15.

16. Охотник спасает птицу, та летит с ним в заморское царство, дарит ему волшебный ящичек, который он открывает раньше времени. Черт помогает ему закрыть чудесную шкатулку за обещание «отдать то, что дома родилось». Обещанный, теперь уже юноша, является к черту, выполняет все задачи и вместе с его дочерью бежит, превращаясь в разные предметы. СУС 222В*, 313В; (313Н*) – № 31. Сб., № 16.

17. Брат и сестра попадают в бесовский дом. Он золотым мечом (подарок пцуки) срубает головы чертям, но один из них спрятался в подвале и сговорился с освободительницей сгубить ее брата, посылая за «молоком» к зверям, но те спасают героя. СУС 315 – № 30. Сб., № 17.

18. Братья, отправляясь на покос, не берут с собой Тухкимуса, но он тайком забирается в их мешок с продуктами. Попав в дом ведьмы, он спасает братьев от козней ведьмы: жарит в печи ее дочерей. СУС 327А; 1132; 1653А, В, С – № 17. Сб., № 18.

19. Дети-сироты находят горошину и сажают. По взрослому стеблю попадают на небо к одноглазой старухе. Та хочет их изжарить в печи, но мальчик сам сажает ее в горящую печь. Жернов, доставшийся детям, отбирает царь. Петух отбирает жернов у царя и отдает детям. СУС 327А; 715А; 1960G – № 4. Сб., № 19.

19а. Повторный вариант: СУС 1960G; 327А; 715А – № 89. Зап. Э. М. Гран, 1946.

20. Двадцать пять братьев едут искать невест. Колдунья (poita-akka) ими обманута, и она рубит головы своим дочерям. Далее своеобразно изложенный сюжет про «конька-горбунка». Добывается невеста, Солнечная дева (Päivölään neičyt), которая, превратившись в огненную яму, сжигает старого царя. СУС 327В; 531 – № 58. Сб., № 20.

20а. Повторный вариант: СУС 327В; 531 – № 88. Зап. Э. М. Гран, 1946.

21. Солдат читает молитвы над превращенной в змею девушкой, расколдовывает ее. Ведьма расстраивает их встречи (усыпляет жениха). Ему приходится добывать нареченную с помощью благодарного помощника. Лев заменяет герою коня. СУС 401; 400₂ – № 44. Сб., № 21.

22. Царь приказал трем сыновьям стрелять из лука и по направлению упавших стрел искать себе невест. У младшего стрела улетела в лес, где оказалась его невеста – мшь. Именно она лучше всех исполняет задачи царя. СУС 402 – № 34. Сб., № 22.

23. Старик ловит в лесу птицу, приносит домой. Когда в доме никого нет, птица превращается в девушку и справляет все домашние дела. Ведунья (tietäjä-akka) подсказывает царевичу, как ее расколдовать. Свадьба. СУС 405 – № 62. Сб., № 23.

24. Парень-чудище (soheteriä) съедает двух своих жен. Третья расправляется с его помощниками-чертями, избивает его самого, и тот, превратившись в собаку, живет с победительницей, ночами превращаясь в мужчину. Нарушение запрета приводит к его исчезновению. Поиск. Жена находит его у Сюоятар и возвращает. СУС 406; 425А – № 63. Сб., № 24.

25. Чудеснорожденная девочка брошена стариком в лесу. Ее, уже повзрослевшую, подбирает царевич и женится на ней. Бабить приглашена Сюоятар, та превращает героиню в важенку (олениху). Ребенок плачет, пастух носит его в лес к

матери-важенке. Все выясняется. Стоюятар брошена в смоляную яму. СУС 409 – № 14. Сб., № 25.

26. Яков 30 лет пастушествовал, но не брал платы. И он отправляется к богу за благословением. Возвращаясь, объясняет грешникам, кого бог простил, кого нет. СУС 460А; 471 – № 76. Сб., № 26.

26а. Купец узнает, что народившийся в многолетней семье ребенок будет владеть его богатством. Он решает его погубить. Кушленный и затем брошенный в лесу ребенок был подобран и, когда вырос, вновь попадает в руки купца. Тот посылает его на погибель в Похьелу. По дороге встречаются грешники и просят узнать на том свете, когда их мучения кончатся. Герой выполняет все поручения и возвращается разбогатевшим, женится на дочери своего врага. СУС 460В; 461 – № 43. Зап. Э. С. Гуттари, 1947; № 43а. Собственноручная запись М. И. Михеевой, 1949.

27. Стоюятар велит старику отвезти родную дочь в лесную избушку. Для прядения мачеха дает с собой мох, вместо крупы – золу, смолу вместо масла. Добродетельной девочке помогает мышка, а старик-лепший погибает. Мачехина дочь за нерадивость наказана. СУС 480 = АА 480 *С – № 26. Сб., № 27.

28. Гуси унесли мальчика. Во время поиска сестра ласково обращается с молочной рекой, с печью, с гусыней. Они помогают ей вернуть брата домой. СУС 480А* = АА 480 *Е – № 72. Сб., № 28.

29. Одна сестричка прилежная, аккуратная, другая – неряха. Пошла первая белье поскокать, уронила валец в прорубь и прыгнула ему вслед. Там она хорошо убирает хлев, моет тщательно лесных «детей» (ящериц и лягушек), хозяйка одаривает ее золотом-серебром. Неряха все делает плохо и наказана. СУС –480* = АА 480А – № 25. Сб., № 29.

30. Из воды поднялась змея и вползла во время сна девочке в живот. Злые чары заманили ее в воду, волны вынесли на берег к царскому дворцу, где ее хорошо приняли. Соседский парень убивает змею ожерельем «из слез» девочки. Свадьба. СУС (–507С*) – № 38. Сб., № 30.

30а. Повторный вариант: СУС (–507С*) – ФИЯЛИИ, 787/5. Зап. В. Я. Евсеева. Ухта, 1966.

31. Стоюятар превращает мать девушки в овцу и заставляет падчерицу делать черную работу. Та все выполняет с помощью покойной матери. Во время пира она приглянулась царевичу, и ее находят по именному кольцу. Мачехина дочь погибает. СУС 510А – № 45. Сб., № 31.

32. По наказу умершей матери отец хочет жениться на синепапой дочери. Он добывает ей платья со звездами, луной и солнцем, но дочь убегает. При погоне отец бросает ей на шею яйца-дразнилки. Попав в царский дворец, она привлекает внимание царевича, но став его женой, вынуждена молчать, пока не избавилась от «дразнилок». СУС 510В; (510 А); 887 – № 16. Сб., № 32.

32а. Повторный вариант: СУС 510В; 887 – № 16а. Запись В. Меллери, 1947.

32б. Отец хочет жениться на дочери, но та требует купить ей платья, каких в мире не видано, и фонарь, куда вмещается человек. Во время венчания она убегает и прячется в этот золотой фонарь. Отец не может его открыть и со злости бросает в воду. Девушка оказывается в царском дворце. Свадьба. СУС –510В* – № 27.

33. Царевич видит в запретной комнате портрет красавицы и, влюбившись, отправляется на поиск. По совету старой вдовы он приобретает помощника-слугу, тот сватает ему невесту и предупреждает о кознях Стоюятар. Слуга превращен в черный мраморный камень. Царевич оживляет всех кровью своих детей. СУС 516 – № 19. Сб., № 33.

34. Сестра отправляется искать своих братьев, по дороге встречает дочь Сюоттар, и та после купания меняется одеждой, а при встрече с братьями героини выдает себя за их сестру. Пастушка, обращаясь к лебедям, поет о своей горькой судьбе. Братья казнят обманщицу. СУС 533 = АА 533А – № 70. Сб., № 34.

35. Вóроны, превращающиеся в мужчин, уносят к себе трех дочек царя. Брат отправляется их искать. «Вóроны» помогают ему добыть в жены Марию Прекрасную. СУС 552А = АА 552 – № 2. Сб., № 35.

37. Парень на последние деньги покупает котенка, щенка и змею. В дар он получает волшебное кольцо, с помощью которого решает все задачи царя: строит в одну ночь церковь, дворец, устраивает около дворца канал с кораблями. Царевна ворует у него кольцо, а благодарные животные возвращают. СУС 560 – № 53. Сб., № 36.

38. Чудесный горшок исполняет все желания старухи, его усилиями в доме появляются дрова, зерно, рыба, и сам царь становится мужем хозяйки горшка. СУС –560D*; (555); АА 591 – № 65. Сб., № 37.

38. Жена бедняка отправляет мужа к Морозу просить помощи. Богатый брат выманивает кошель, дающий еду. Голод в семье заставляет бедного снова ходить к дарителю. Напоследок из кошеля выскакивают два мужика и бьют обманщика, учат уму-разуму. Справедливость восстанавливается. СУС 735; 564 – № 8. Сб., № 38.

39. Богач отдает бедному брату в Рождество поросенка со словами: «Неси хоть к черту!» Тот и приносит подарок черту, получает взамен чудесную мельницу. Брат позавидовал и выпросил мельницу на время. Мельница мелет – всё в доме уже тонет в мучной похлебке. Пришлось просить бедного брата остановить мельницу. Новые владельцы мельницы – купцы. У них на море солью заполонило весь корабль, пришлось выкинуть приобретение в море. С тех пор вода в море соленая. СУС 565 – № 9. Сб., № 39.

40. Бродяга, отдыхая под дубом, видит голову с бородой, та издает странные звуки, просит похоронить ее. В награду парень получает волшебные предметы. Царевна обкрадывает его. Герой в лесу находит ягоды: от одних растут рога, от других – опадают. Он «излечивает» царевну железными прутьями и красными ягодами. СУС 566 – № 7. Сб., № 40.

41. Старику попадает чудесная птица, у которой под крылом написано: «Кто съест это, будет богатым». Любовник жены просит изготовить жаркое, но все съедают дети. Они избегают наказания, сбежав из дому. В дальнейшем их судьба складывается по предсказанию благополучно. СУС 567 – № 82. Собственноручная запись М. Михеевой, 1949.

42. Парню-пастуху удается вечерами пригонять всех зайцев, благодаря чудесному рожку из бересты. Выполнив все поручения царя, он получает руку царевны. СУС 570 – № 129. Собственноручная запись М. Михеевой, 1950.

43. Развернут только мотив выращивания вши. Старик «отгадывает», чья это пшкура, но девушка замуж за него не идет. Свадьба с царевичем. СУС 621 – № 6. Собственноручная запись М. Михеевой, 1949.

44. Сюоттар ворует старика и живет с ним в лесу. Родившийся сын оказывается необычайно сильным. Он с отцом уходит к людям в деревню, убив мать-ведьму. Его отправляют на озеро за «долгом», он привозит не только рыбу, но и самого водяного; запрягает в сани самого лешего. СУС 650А – № 10. Сб., № 41.

44а. Повторный вариант: СУС 650А – № 84. Собственноручная запись М. Михеевой, 1947.

45. Сын из ольховой чурки получится силы необычайной. Из дому его выпроваживают. По дороге он встречает других силачей. Но только Ольховая Чурка побеждает старика с локоток, убивает его, добывает себе невесту. СУС 650А; 513А; 301А, В – № 39. Сб., № 42.

46. Ивану в решето попадает щуренок. По воле щуки герой все делает без труда: заготовливает воду, дрова, ездит на печи. По заклинанию щуки царская дочь беременеет. Иван строит дворец, берет ее с сыном к себе. СУС 675 – № 33.

46а. Повторный вариант: СУС 675 – ФИЯЛЛ, 787/3. Зап. В. Я. Евсеева. Ухта, 1966.

47. Бедняк замечает, как в скалу входят разбойники. Он повторяет их заклинание, гора открывается, и ему достается много золота и серебра. Богатый брат забыл заклинание и застигнут разбойниками, убит. СУС 676 – № 42.

48. Царевич женится на младшей дочери, обещающей родить золотых сыновей. Сююатар подменивает их воронятами. Мать с одним из сыновей замуровывают в бочку и бросают в море. Сын разламывает бочку, и они попадают на остров. Мальчик находит своих братьев, возвращаются к отцу. СУС 707 (русская версия) – № 60. Сб., № 43.

49. Султан подслушивает разговор трех сестер и берет в жены младшую, обещавшую родить золотых сыновей, которых затем завистливая сестра-повариха подменивает щенятами. Двух царских сыновей и дочку бросают в реку, их подбирает мельник. Повзрослевшие, они идут на поиски чудесного родника, поющей птицы и звянящей березы. Только девочке удается все добыть и спасти братьев. СУС 707 (западноевропейская версия) – № 13. Сб., № 44.

50. Мачеха Сююатар околдовывает падчерицу и велит старику увести ее в лес. Там она строит избушку. У нее родился ребенок-кот. Тот носит рукоделие «матери» к царевичу от имени принцессы Кошачьего замка. Свадьба. СУС (708); АА 545 – № 15. Сб., № 45.

51. Мачеха Сююатар избавляется от дочери старика. Та живет у трех названных братьев в лесу. Ведьма превращается в иголку, проникает в лесной дом, умерщвляет падчерицу, которую «хоронят» в золотом гробу на видном месте. Царский сын, заметив сияние, находит уснувшую царевну. С нее снимают принесенную Сююатар рубашку, и она оживает. СУС 709 – № 40. Сб., № 46.

52. Младший из сыновей никому не рассказывает свой сон, царь сажает его в тюрьму. По сговору с охранником он сбегает и помогает царевичу добыть из чужеземного царства невесту. Свадьба. СУС 725; 518; 513А – № 59. Сб., № 47.

53. Сирота молится богу 30 лет, голодает. Встретив по дороге старичка, он у него, спящего, ворует просвирку, съедает, но не признается в содеянном. Наблюдая, как этот старик вылечивает царевну, сам пытается сделать то же, но не может и наказан. Тот же старичок (святой) вызволяет его из тюрьмы. Разбогатев, парень отказывает нищему в куске хлеба, и у него теряется все добытое золото. СУС 785 – № 1. Сб., № 48.

53а. Повторный вариант. СУС 785 – № 87. Зап. Э. М. Гран, 1946.

54. Бездомный парень ставит свечку в церкви не перед иконой, а над дверью, где изображен черт. Тот в виде черного мужика и подходит к парню, зазывает в гости, назвавшись дядей. Затем бес его женит на младшей дочери царя. СУС – 823** = АА *823 I – № 12. Сб., № 49.

55. В споре о верности жены выигрывает мошенник, ибо достает обманом вещи, доказывающие неверность супруги, но все выясняется, клеветник изобличен. СУС 882А – № 699 (в колл. 161). Собственноручная запись М. Михеевой, 1950.

56. В семейную жизнь Клауса и Элины вмешивается служанка Кристи, которой удается убедить хозяина в неверности его жены. Тот в гневе сжигает свой дом вместе с женой и ребенком. Мать с ребенком попадают на небо к богу, а Клаус и служанка тонут в море. (Это пересказанная прозой баллада «Клаус Курки») В СУС сюжет отсутствует – № 18.

57. Старшие дочери попа обмануты царевичем, они беременеют. А младшая выкидывает его из своей постели, позорит. Он решает убить ее в первую же свадебную ночь, но пуля попадает в подставленную ею куклу. Они мирятся. СУС 883В – № 28. Сб., № 50.

58. Братья судятся. Умная дочь бедняка вырывает отца, заставив судью отгадывать ее замысловатые загадки. В конце концов осужден богатый брат. СУС 921 – № 3 (в колл. 26/1). Зап. Э. С. Гуттари, 1948.

59. Кушцу во сне предсказано, что его богатством завладеет только что родившийся ребенок из бедной семьи. Он пытается всячески извести парня, но ему это не удается. Антти Пуухуара по дороге к хозяйке Похельды, Лоухи, встречает грешников и по возвращении объясняет, как им освободиться от наказаний, а купец остается вечным перевозчиком в царство мертвых. СУС 930 = 461; (460В) – № 43. Сб., № 51.

59а. Повторная запись: СУС 460В; 461 – № 43а. Собственноручная запись М. Михеевой, 1949.

60. Родители уходят в гости, поповна остается одна. В подвале прячется мужчина. Подружка, узнав об опасности, уходит с посылками. Поповна борется с насильником и убивает его. СУС 956В – № 64. Собственноручная запись М. Михеевой, 1949.

61. Старик сторожит свое поле: кто-то ворует репу. Оказался черт. Пойманный, он предлагает разойтись мирно. Кто приедет на более необыкновенном коне, тому и репа. Старик приезжает на жене. СУС 1091 – № 75. Сб., № 52.

62. Невеста запугивает жениха, заявляя, что лодки на берегу – это бапкимаки ее умершей бабушки, копка сена – ее шапка. Тот в испуге убегает. СУС 1151 – № 85. Сб., № 53.

63. Брат идет искать людей глупее сестры. В одной деревне мужик бегаёт в амбар с каждой ложкой каши, чтобы помазать; в другой – дым выносятся мешком из избы; мужик вырывается с забора в штаны, мужики, не умея плавать, пытаются подражать плавающей птице и тонут. СУС 1263; 1245; 1286; 1290 – № 36. Сб., № 54.

64. Семь Симеонов, купив на каждого по мешку толокна, замешивают его в ламбушке. Один за одним прыгают в озеро, боясь, что предыдущий съест все один, не оставит им похлебки. Вместо того чтобы застрелить глухаря, глупец лезет на дерево за ним и убивается. СУС 1227; 1260 – № 37. Сб., № 55.

64а. Повторный вариант: СУС 1227; 1260 – ФИЯЛИ, 787/4. Зап. В. Я. Евсеева, 1966.

65. Неверная жена хочет замолить свои грехи и по совету мужа идет к попу Еремею, но вместо святого кается перед неизвестным мужем. Тот советует кормить обманутого молочной похлебкой с маслом, чтобы скорее ослеп. Притворившись ослепшим, муж убивает ее любовников. СУС 1380 – № 3. Сб., № 56.

66. Жена у старика не только упрямая, но и доказчица. Она уверяет царя, что они нашли клад там, где щука попала в силки, а глухарь в мережу и т. п. Когда под тяжестью кошеля с камнями она падает в реку, муж ищет ее против течения и вытаскивает оттуда черта – быка, напуганного бабой. СУС 1381; 1365А; 1164 – № 22. Сб., № 57.

67. Жена ушла на сенокос, мужа оставила хозяйничать дома. У него все получается худо: тесто съедает свинья, кошка – колбасу, сам выпускает квас из бочки, со сбиванием масла тоже ничего не получается. Корову поднял пастишь на зеленевшую крышу хлева, откуда та и свалилась, сам хозяин угодил в кипящий котел. СУС 1408 – № 73. Сб., № 58.

67а. Повторный вариант: СУС 1408 – № 90. Зап. Э. М. Гран, 1946.

68. Дурак мечтает, как он на охоте убьет зайца, сошьет тулуп из его шкуры; женится, родятся дети. Затем он с сыновьями будет промышлять в лесу..., но заяц ускокал в лес, и мечта дурака не сбылась. СУС 1430 = АА 1430 *А – № 49.

69. Ловкий вор Клиймо обманывает прохожих, то быка сворует, подкидывая сапог на дороге, то у самого царя – коня из конюшни, перину из спальни, шкатулку с деньгами. В довершение всего Клиймо обманывает попа, обещая поднять его на небо. СУС 1525D = АА 1525D и 1525 *С I; 1525А; 1737 – № 11. Сб., № 59.

70. Хитрый Хома бросает по краям дороги пирожки, а снег их заносит. Едут два барина и видят, как мужик, протыкая снег палкой, достает пирожки и складывает в кошель. Не торгуясь, они покупают волшебную палочку. Пришедших рассчитывать с ним за путешествие, он опять обманывает, притворившись мертвым и в конце концов топиг их в озере. СУС 1539 – № 24. Сб., № 60.

71. Царь ищет знахаря, чтобы найти потерявшееся колечко царевны. Случайные репки «знахарки» помогают в поисках пропажи. СУС 1641 – № 23. Сб., № 61.

72. Дурак продает гнью кадку с маслом и находит клад, своротив пень; «продает мясо собакам, но с хозяев получает деньги». СУС 1643; 1642 – № 66. Сб., № 62.

73. Глупый парень, появившись на людях, говорит все невпопад. Мать советует на пожар лить воду на огонь, он же заливает мужику костер; шлоет на пола, а не на провинившегося, получает очередную нахлобучку. СУС 1696 = АА 1696А – № 68. Сб., № 63.

74. Поп с работником молотит рожь в риге. Работник приходит в дом за едой, застаёт у попадьи любовника и всласть измывается над ним. Обмакнув в бочку со смолой, обсыпает его перьями, зажигает на нем свечи, отрезает палец. СУС 1725 – № 61. Сб., № 64.

75. На боках лошади вырастают ветки орехового дерева. Старик влезает по ним на небо, но когда собрался обратно, веток не оказалось. Веревок из соломы не хватило до земли, и он упал, лишившись головы, но добыл голову волка, чему рад. Теперь он может питаться, как зверь, коровами и лошаадьми, а не заниматься тяжелым крестьянским трудом. СУС 1892; 1889К; 1900 – № 4 в колл. 22/1. Сб., № 65.

75а. Повторный вариант. СУС 1892; 1889К; 1900 – № 4. Собственноручная запись М. Михеевой, 1946.

76. В избе из амбара приходит Чули, съедает хозяйку с прялкой. На улице съедает всех встречных: мужиков с дровами, с сеном и лошадьми. Козы уговаривают Чули лечь отдохнуть под сосной и валят дерево на него. СУС 2028 = АА 333 *В – № 67. Сб., № 66.

77. Началом служит сюжет «Звери бегут от кончины мира (войны)». Здесь старик бежит от войны и всех встречных зверей (и ламбушку) проглатывает. Далее примыкает вторая часть сюжета «Петух и жерновць» (715А), только герой сказки не петух, а старик. СУС 20С; (2016*; 2018); 715А; 1415 – № 74. Сб., № 67.

78. «Ruoščalaini ruotakoira». – «Швед – костлявая собака». СУС 2016*; 2018 – № 28. Сб., № 68.

79. «Kol, kol, kolua». – «Кол, кол, колочек». СУС 2016*; 2018 – № 54. Сб., № 69.

80. «Mikä tuolla näky?» – «Что там виднеется?». СУС 2016*; 2018 – № 55. Сб., № 70.
81. «Oli ennen Onni-Manni». – «Был раньше Онни-Мани». СУС 2016*; 2018 – № 31.
82. «Sanon mie starinan». – «Расскажу я старину (сказку)». СУС 2016*; 2018 – № 30.
83. «Souvan Sorolah». – «Гребу я в Сорола». СУС 2016*; 2018 – № 39.
84. «Souva, souva, soutajaisen». – «Греби, греби, гребец». СУС 2016*; 2018 – № 42.
85. «Kunne, hiiri, mänet». – «Куда, мышь, идешь?». СУС 2016*; 2018. – ФИЯЛИ, 787/8. Зап. В. Я. Евсеева. Ухта, 1966 г. Сб., № 71.
86. «Tule tuatto kotih ruskiella ruunalla...». – «Приди, отец, домой». СУС 2016*; 2018 – № 33.
87. «Kana muni munasen». – «Снесла курица яичко, укатилось оно в горящие угли; дед да баба – плакать, курица – кудахтать, черная корова – мычать...». СУС 2022В = АА *241 III – № 32 в колл. 26/1. Сб., № 72 (по композиции – кумулятивная)².
88. «Harakka ta tervakatto». – Мужик смолит крышу. Прилетела сорока, клоует: «Клов завяз, клов выгацишь – хвост завяз, хвост выгацишь – клов завяз...». СУС 2300 = АА *2020 – № 48. Сб., № 73.
89. «Härän starina». – «Сказка о быке». Докучная сказка «про белого бычка». СУС 2300 = АА *2020 – № 50. Сб., № 74.

² Тексты данной описи № 77–87 находятся в АКНЦк в колл. 22/1 (оп. 2).



**УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ ВСЕХ СКАЗОК М. И. МИХЕЕВОЙ,
СОДЕРЖАЩИХСЯ В АРХИВЕ КАРЕЛЬСКОГО НАУЧНОГО
ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Индекс по СУС	Наименование сюжета	Порядковый номер по аннотированной описи сборника
1	Лиса крадет рыбу с воза (саней)	1
2	Волк у проруби	4
15	Лиса-повитуха	2, 2а
20А; АА 20В	Звери в яме	3, 3а
33	Звери бегут от кончины мира (войны)	76
33	Лиса, журавль и волк в яме	5, 5а
56А	Лиса и дрозд	4, 5, 5а
60	Лиса и журавль	6
АА 90	Белка, рукавица да игла	10, 10а
130, 130В	Зимовье (ночлег) животных	7
159	Бычок смоляной бочок	8, 8а
222В* = АА 222 *В	Эпизод вскармливания птицы (начало сказки типа № 313)	16
244А* = АА *244 I	Журавль и цапля	9, 9а
АА 333 *В = СУС 2028	Глиняный Иванушка	76
300А = АА 300 *В	Бой на Калиновом мосту	12
300 ₁ = АА 300А	Победитель змея	11
301АВ	Три подземных царства	45
301D* = АА 301 *С	Солдат находит исчезнувшую царевну	11а
303	Два брата	12
306	Ночные пляски	13
307	Девушка, встающая из гроба	14
311	Медведь и три сестры	15
313А, В, С	Чудесное бегство	16
313Н*	Бегство от ведьмы	17
315 = АА 315А	Звериное молоко	17
327А	Брат и сестра у ведьмы	18, 19а
327В	Мальчик с пальчик у ведьмы	20, 20а

400 ₂ = AA 400 *B	Царь-девица	21
401	Заколдованная царевна (превращенная в животное)	21
402	Царевна-лягушка	22
405	Иоринда и Иорингель	23
406	Людоед	24
409	Мать-рысь (важенка)	25
425A	Амур и Психея	24
460A	Путешествие к богу за наградой	26
460B	Путешествие к солнцу	59, 59a
461 = 930	Марко Богатый	26a, 59, 59a
471 = AA *804 I	Крестник бога (Христа)	26
480 = AA 480 *C	Мачеха и падчерица (Игра в жмурки с медведем)	27
480A* = AA 480 *E	Сестра отправляется спасти своего брата	28
-480* = AA 480 A	Мачеха и падчерица (Пряхи у проруби)	29
(-507C*)	Рыба-Счастье	30, 30a
510A	Золушка	31
510B	Свиной чехол	32, (32a)
-510B*	Золотой фонарь	32b
513A	Шесть чудесных товарищей	12, 45, 52
516	Верный слуга	33
518	Обманутые черти	13, 52
531	Конек-горбунок	20, 20a
533 = 403	Подменённая царевна (невеста, жена, сестра)	34
AA 545A	Замок кошки	50
552A = AA 552	Животные-зятя	35
(555)	Коток-золотой лобок (Золотая рыбка)	37
560	Волшебное кольцо	36
-560 D*	Юноша получает чудесный мешок (горшок)	37
564	Чудесные дары (Двое из сумы)	38
565	Чудесная мельница	39
566	Рога	40
567	Чудесная птица	41
570	Заячий пастух	42
AA 591	Горшок-вор	37
621	Шкура вши	43
650A	Иван-медвежье ушко	44, 44a, 45
675	По пучьему велению	46, 46a
676	Два брата и сорок разбойников	47
707	Чудесные дети а) русская версия	48
	б) западноевропейская версия	49
709	Волшебное зеркальце (Мертвая царевна)	51
715A = AA 715	Петух (мальчик с пальчик) и жерновцы	19, 19a, 77
725	Нерассказанный сон	52
735	Две доли	38

785	Кто съел просвирку?	53, 53а
–823** = АА *823 I	Черт помогает бедному жениху	54
–849**	Наказанная икона	14
882А	Спор о верности жены	55
883В = АА *875 II	Хитрая девушка	57
887	Терпеливая жена	32, 32а
921	Невестины загадки	58
930 = 461	Марко Богатый	59
956В	Девушка и разбойники	60
1030	Дележ урожая	2
1091	Кто приведет более необыкновенное животное	61
1132	Бегство от работника (дурака)	18
1151 = АА *1151 I	Лодки – башмаки дедушки, баня – его шапка	62
1164	Злая жена в яме	66
1227	Хотят поймать белку	64
1245	Носят солнечный свет в мешках	63
1260	Варят кашу в проруби	64
1263	Едят кашу с молоком	63
1286	Впрыгивают в брюки	63
1290	Плавают в гречневом (льняном) поле	65
1365А	Упрямая жена	66
1380	Неверная жена и муж, притворившийся ос- лепшим (Николай Душленский)	65
1381	Жена-доказница	66
1408	Муж выполняет работу жены	67, 67а
1415	Мена	77
1430 = АА 1430 *А	Разрушенные мечтания	68
1525А	Ловкий вор	69
1525D = АА 1525D и 1525 *С I	Ловкий вор обманывает прохожих	69
1539	Шуг	70
1641	Знахарь	71
1642	Хорошая торговля	72
1643	Дурак и береза	72
1653А, В, С	Дурень, его братья и разбойники	18
1696 = АА 1696А	Набигый дурак	73
1725	Влюбленный поп	74
1737	Поп в мешке	69
1880	Возвращение со свадебного пира сказочника	13
1889К	Человек влезает на небо по дереву	75, 75а
1892	На боках лошади вырастает верба	75, 75а
1900	Волк вытаскивает человека из болота	75, 75а
1960G	Горох до неба	19, 19а
2016*, 2018	Кумулятивные сказки разного рода	77–86
2022В = АА *241 III	Разбитое яйцо	87
2028 = АА 333 *В	Глиняный Иванушка	76
2300 = АА *2020	Докучные сказки	88, 89



СЮЖЕТНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КАТАЛОГИЗИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ КАРЕЛЬСКИХ СКАЗОК АРХИВА КарНЦ РАН ПО СЕВЕРНОЙ КАРЕЛИИ

Указатель систематизирует рукописный материал, хранящийся в фольклорном фонде архива Карельского научного центра (ф. 1, оп. 2). В нем учтен 771 текст сказок, собранных в карельских деревнях в 1930–1980-е гг. Нами охвачены все районы Северной Карелии: Лоухский, Калевальский, Кемский, Беломорский, Муезерский.

Принцип систематизации жанрово-географический: отмечен жанровый состав сказок, материал распределен по районам, последние именуются по административному делению времени записи.

Сказочный эпос весьма традиционен, его классификация по жанровым разновидностям дана в соответствии со славянским «Сравнительным указателем сюжетов» (СУС)¹. Ссылками на СУС снабжены все тексты. При неполном соответствии текста с формулировкой указателя индексе сюжета берется в скобки. Отсутствие ссылок на указатель означает, что данный сюжет в СУС не представлен и необходима аннотация. Каждый текст в корпусе обозначен порядковым номером. После номеров СУС, означающих сюжеты сказок, помечается номер единицы хранения, т. е. текста в коллекции архива с указанием листов подлинника. Тексты внутри коллекций сгруппированы по жанровым разновидностям, указанным в СУС: сказки о животных, сказки волшебные, легендарные, новеллистические, сказки-анекдоты и пр. Называется исполнитель и даются его паспортные данные, имеющиеся в подлиннике, а также фамилия собирателя, год и место записи.

Тематический указатель сюжетов по Северной Карелии, где каждый сюжет дан в отдельности, вне сказочной контаминации со ссылкой на порядковый номер корпуса, дан в конце каталога. Репертуар севернокарельских сказок представлен во всем объеме. Равным образом в указателе полностью представлен репертуар каждого отдельного информатора.

ЛОУХСКИЙ РАЙОН

Коллекция № 1 *Сказки волшебные*

Коптгаваара, Олангский с/с

Никитина Е. М., 50 л.

Зап. А. С. Воинов, 1939

1) СУС –480* = АА 480А; 510А – № 17, л. 76–88

¹ Сравн. указ. сюжет. См.: Список сокращений архивных и печатных источников.

- 2) СУС 510В – № 5, л. 5–9
- 3) СУС –510В* – № 18, л. 88–94
- 4) СУС 510В – № 8, л. 18–22
- 5) СУС 531 – № 9, л. 22–37
- 6) СУС 533 = АА 533А – № 6, л. 10–13
- 7) СУС 555 – № 7, л. 14–17

Оланга, Олангский с/с
Бородкина А. К., 34 л.

- 8) СУС 403 = АА 403А, В – № 20, л. 104–112
- 9) СУС 533 = АА 533А – № 21, л. 113–117
- 10) СУС 707 – № 19, л. 95–103

Канкаханколя, Олангский с/с
Муллиев О. Ф., 70 л.

Зап. А. С. Воинов, 1939

- 11) СУС 410* – № 15, л. 50–63
- 12) СУС –650В* – № 16, л. 63–75

Сказки-анекдоты

Канкаханколя, Олангский с/с
Муллиев О. Ф., 70 л.

Собственноручная запись, 1939

- 13) СУС 1535 = АА 1535А; 1535 *В – № 40, л. 168–175
- 14) СУС 1539 – № 39, л. 162–167

Коллекция № 2 ***Сказки о животных***

Запеек, Запешейский с/с
Середина А. Г., 56 л.

Зап. Д. М. Лажиев, 1956

- 15) СУС 1; 2 – № 135, л. 301–302
- 16) СУС 123 – № 133, л. 298–299
- 17) СУС (153) – № 134, л. 299–300

Сказки волшебные

Кестеньга, Кестеньгский с/с
Ложкин А. И., 56 л.

Зап. Д. М. Лажиев, 1956

- 18) СУС 301D* = АА 301 *С – № 94, л. 166–175
- 20) СУС 510А – № 141, л. 320–334
- 21) СУС 555 – № 97, л. 195–197
- 22) СУС (650А); 1000; –1004** – № 142, л. 335–343
- 23) СУС 707 – № 140, л. 310–319

Никитина А. А., 54 л.

Зап. Т. Кундозерова, 1956

- 24) СУС –650С* = АА *650 I – № 75, л. 113–116

Коккосалма, Кестеньгский с/с
Кириллова Е. Д., 69 л.

Зап. Д. М. Лажиев, 1956

- 25) СУС 303; 300А = АА 300 *В – № 108, л. 246–263
- 26) СУС 465С; СУС 471 – № 100, л. 204–213
- 27) СУС 565 (нет конца) – № 107, л. 243–245
- 28) СУС 675 – № 104, л. 226–234
- 29) Без № СУС – № 103, л. 224–226

Девочка попадает в дом к трем медведям. Сидит на их стульях, ест из их тарел-

лок, засыпает в самой маленькой кроватке. Медведи возвращаются домой, девочка просыпается и убегает от них.

Окунева губа, Кестеньгский с/с

Юнгин С. А., 41 г.

Зап. Т. Кундозерова, 1956

30) СУС 300₁ = АА 300А – № 151, л. 365–368

31) СУС 301D* = АА 301 *С – № 143, л. 344–352

32) СУС 510В; 707 – № 146, л. 356–361

33) СУС 530 = АА 530А – № 150, л. 363–365

34) СУС 313А – № 152, л. 369–372

Оланга, Олангский с/с

Архипова Х. М., 25 л.

35) СУС 403 = АА 403А, В – № 33, л. 43–47

36) СУС 450 – № 35, л. 53–57

37) СУС 451 – № 32, л. 38–42

38) СУС (553) – № 34, л. 48–52

39) Без № СУС – № 36, л. 58–61

Поп велит трем братьям (младший считается дураком) пасти теленка и сказать ему, какую траву теленок ел, какую воду пил. Дураку удастся узнать, где пасся теленок (на берегу серебряной реки), и увидеть, кто его кормил (девушка из медного двorca). За хорошую службу он женится на этой девушке – сестре попа.

Вдовина Е. Ф., 49 л

Зап. Д. М. Лажиев, 1956

40) СУС 311 – № 128, л. 291–294

41) СУС 315 = АА 315А – № 119, л. 270–275

42) СУС (–480* = АА 480А) – № 120, л. 276–277

43) СУС 707 — № 122, л. 282–288

Сказки новеллистические и анекдоты

Кестеньга, Кестеньгский п/с

Ложкин А. И., 56 л.

Зап. Д. М. Лажиев, 1956

44) СУС –855* = АА *855 – № 93, л. 159–165

45) СУС 881 – № 95, л. 176–189

Сидорова М. М., 37 л.

Зап. Т. Кундозерова, 1956

46) СУС 950 – № 17, л. 15–20

Окунева губа, Кестеньгский с/с

Юнгин С. А., 41 г.

47) СУС 883А = АА 883 – № 145, л. 354–355

48) СУС 950; (–855*) – № 153, л. 373–378

Оланга, Запейский с/с

Архипова Х. М., 25 л.

49) СУС 883А = АА 883 – № 31, л. 34–37

Кестеньга, Кестеньгский с/с

Ложкин А. И., 56 л.

Зап. Д. М. Лажиев, 1956

50) СУС 1030 – № 92, л. 158

- 50а) СУС –1441D* – № 90, л. 155–166.
51) СУС 1534 = АА 1660 – № 139, л. 305–309
52) СУС 1539 – № 96, л. 190–194
Сидорова М. М., 37 л. Зап. Т. Кундозерова, 1956
53) СУС 1640 – № 16, л. 12–14
Коккосалма, Кестеньгский с/с
Кириллова Е. Д., 69 л. Зап. В. Я. Евсеев, 1956
54) СУС 1380 – № 177, л. 403–406
Зап. Д. М. Лажиев, 1956
55) СУС 1408 – № 106, л. 241–242
56) СУС 1415 – № 101, л. 214–217
57) СУС 1535 = АА 1535А и 1535*В – № 102, л. 217–223
Вертоламбино, Кестеньгский с/с
Вдовина Е. Ф.
58) СУС 1651А = АА 1651* – № 121, л. 278–281

Коллекция № 3
Сказки волшебные

- Кестеньга, Кестеньгский п/с
Никитина А. А., 55 л. Зап. Т. Кундозерова, 1957
59) СУС (403) – № 53, л. 126–128
Еголаева М. Д., 74 л.
60) СУС 707 – № 50, л. 122–124
Боярская, Лоухский с/с
Сидоров Л. А., 77 л.
61) СУС 311 – № 18, л. 42–46
62) СУС 550 – № 16, л. 34–39
Сидорова Е. Е., 58 л.
63) СУС –650С* = АА *650 I – № 4, л. 6–15
Тухкала, Софьянгский с/с
Салониemi А. Е., 72 л.
64) СУС 510В – № 25, л. 64–68
65) СУС 518 – № 22, л. 51–55
66) СУС 545В – № 23, л. 56–59
Ротонен Я. П., 75 л.
67) СУС 510А – № 36, л. 92–95
Тунгозеро, Софьянгский с/с
Осипова М. Д., 69 л.
68) СУС 510В – № 43, л. 109–113

Сказка повелштическая, анекдоты и кумулятивная

- Тухкала, Софьянгский с/с
Салониemi А. Е., 72 л. Зап. Т. Кундозерова, 1957
69) СУС 881 – № 24, л. 59–63

Боярская, Лоухский с/с
Сидоров Л. А., 77 л. Зап. Т. Кундозерова, 1957
70) СУС 1960G = АА *1425, 1960G, 1960 *G I – № 17, л. 40–42

Тухкала, Софьянгийский с/с
Салониemi А. Е., 72 л.
71) СУС 1651А = АА 1651* – № 26, л. 68–70

Кестеньга, Кестеньгийский п/с
Никитина А. А., 55 л. Зап. Т. Кундозерова, 1957
71а) СУС 2016* – № 51, л. 125

Коллекция № 4 ***Сказки волшебные***

Кестеньга, Кестеньгийский п/с
Кундозерова М. А., 45 л. Зап. Т. Падарина, 1959
72) СУС (510А); (555) – № 55, л. 79–88
73) СУС (530); (530А) – № 57, л. 94–103
74) Без № СУС – № 56, л. 88–93

Мужчина нанимается на три года варить яйца. Заколдованная девушка просит его продлить срок службы еще на шесть лет, после чего она бы расколдовалась; мужчина соглашается, они женятся.

Коллекция № 43 ***Сказка-анекдот***

Кестеньга, Кестеньгийский п/с
Кальё А., 71 г. Зап. Н. А. Лавонен, З. М. Трофим-
(род. в д. Химаси, Лен. обл.) чик, Т. А. Коски, 1977
75) СУС 1408 – № 312, л. 341

Коллекция № 44 ***Сказки волшебные***

Кестеньга, Кестеньгийский п/с
Кемова А. В., 85 л. Зап. Н. А. Лавонен, Н. Ф. Онегина,
1975

77) СУС 707 – № 311, л. 212–214
Кемова А. Р., 74 л.
78) Без № СУС – № 284, л. 169–170

У женщины чудесным образом родится дочь, уходит из дому, выходит замуж, умирает, ее кладут в гроб под окном. Царский сын хочет жениться на ожившей красавице, уносит ее. (В завершение – мотив из СУС 709.)

Хейняярви, Елетярвский с/с
Еголаева В. М., 74 л.
79) Без № СУС – № 98, л. 50–52

У мужа с женой из ольховой чурки родится сын. Вырастает помощником, нанимается работником в богатый дом. Встречает красивую девушку, она оказывается переодетым медведем, хочет его съесть. Он уходит от нее, обещая принести ей овцу или корову.

Коллекция № 55
Сказка о животных

Софпорог, Софьянгский с/с
Мастинен Е. М., 74 л.

Зап. Н. А. Лавонен, Т. А. Коски,
З. М. Трофимчик, 1979

80) СУС 1; 2 – № 110, л. 149

Сказки волшебные

Тунгозеро, Софьянгский с/с
Салониemi А. Е., 94 г.

Зап. Н. А. Лавонен, Т. А. Коски,
З. М. Трофимчик, 1979

- 81) СУС 403 = АА 403А, В – № 156, л. 256–261
82) СУС 461 = АА 930 – № 125, л. 165–170
83) СУС 510А – № 155, л. 249–255
84) СУС 510В – № 161, л. 274–279
85) СУС (567) – № 128, л. 179–195
86) СУС 650А; –1060*, 1132 – № 150, л. 231–236
87) СУС 706 – № 157, л. 262–268
88) СУС 707 – № 154, л. 241–248

Сказка-анекдот

Костоваара, Олангский с/с
Никонова Д. А., 67 л.

Зап. Н. А. Лавонен, Т. А. Коски,
З. М. Трофимчик, 1979

89) СУС 1384; 1245 – № 57, л. 90–91

Коллекция № 84
Сказки волшебные

Тунгозеро, Софьянгский с/с
Салониemi А. Е., 95 л.

Зап. Н. А. Лавонен, Н. Ф. Онегина,
1980

- 90) СУС 311 – № 126, л. 212–214
91) СУС 403 – № 127, л. 215–218
92) СУС 501 – № 94, л. 142–144
93) СУС 510В – № 117, л. 192–197
94) СУС 550 – № 93, л. 133–141
95) СУС (563) – № 99, л. 157–162
96) СУС 707 – № 115, л. 183–189
97) СУС (735) – № 116, л. 190–191
98) СУС (735) – № 157, л. 272

Коккосалми, Кестеньгский с/с
Кириллова А. Н., 66 л.

Зап. Н. А. Лавонен, Н. Ф. Онегина,
1980

- 99) СУС 533 – № 220, 221, л. 349–355
100) СУС 311 – № 191, л. 311
101) СУС 510А – № 218, л. 344–347

Софпорог, Софьянгский с/с
Никонова Ф. Д., 77 л.

Зап. Н. А. Лавонен, Н. Ф. Онегина,
1980

102) СУС 510А – № 28, л. 40–44

Софьянга, Софьянгский с/с
Канноева Ф. С., 79 л.

Зап. Н. А. Лавонен, Н. Ф. Онегина,
1980

103) СУС (675) – № 89, л. 127–129

Сказки-анекдоты и кумулятивные

Тунгозеро, Софьянгский с/с
Салониemi А. Е., 95 л.

Зап. Н. А. Лавонен, Н. Ф. Онегина,
1980

104) СУС 1000; 650А; –1060*, 1132 – № 133, л. 231–235

105) СУС 1245; 1260 – № 134, л. 236

106) СУС 1739 – № 132, л. 227–230

Коккосалми, Кестеньгский с/с
Кириллова А. Н., 66 л.

Зап. Н. А. Лавонен, Н. Ф. Онегина,
1980

107) СУС 1535; 1537 – № 190, л. 308–310

107а) СУС 2016*, 2018 – № 222, л. 356

Софьянга, Софьянгский с/с
Канноева Ф. С., 79 л.

Зап. Н. А. Лавонен, Н. Ф. Онегина,
1980

108) СУС 2044 = АА 1960 *D I – № 90, л. 130

Коллекция № 85 *Сказка волшебная*

Тунгозеро, Софьянгский с/с
Салониemi А. Е., 96 л.

Зап. Н. А. Лавонен, 1981

109) СУС 706 – № 193, л. 263–273

Сказка новеллистическая

Софпорог, Софьянгский с/с
Мастинен Е. М., 76 л.

Зап. Н. А. Лавонен, З. М. Трофим-
чик, В. П. Федотова, 1981

109а) СУС 921 – № 4, л. 8

Сказки-анекдоты

Тунгозеро, Софьянгский с/с
Салониemi А. Е., 96 л.

Зап. Н. А. Лавонен, Н. Ф. Онегина,
1981

110) СУС 1063; 650А; –1060*, 1132 – № 55, л. 81–84

Тунгозеро, Софьянгский с/с
Салониemi А. Е., 96 л.

Зап. Н. А. Лавонен, Н. Ф. Онегина,
1981

111) СУС 1000; 1739; 1132 – № 54, л. 77–80

Коллекция № 89 *Сказки волшебные*

Софпорог, Софьянгский с/с
Зайкова И. И., 73 л.

Зап. А. С. Степанова, 1967

112) СУС (451) – № 53, л. 129–131

Софьянга, Софьянгский с/с
Пяттоева В. Л., 56 л. Зап. А. С. Степанова, 1967
113) СУС (-517*) – № 74, л. 157–159
114) СУС (327А) – № 72, л. 153–154

Сказка новеллистическая, анекдот и кумулятивные

Запеек, Запешский с/с
Артемьева С. А., 67 л. Зап. А. С. Степанова, 1967
115) СУС (883А = АА 883) – № 93, л. 204–211

Софьянга, Софьянгский с/с
Иванова Т. Т., 55 л. Зап. А. С. Степанова, 1967
116) СУС 2016*, 2018 – № 71, л. 152

Запеек, Запешский с/с
Архипова Д. Т., 70 л. Зап. А. С. Степанова, 1967
116а) СУС 2016*, 2018 – № 107, л. 234

Софьянга, Софьянгский с/с
Пяттоева В. Л., 56 л. Зап. А. С. Степанова, 1967
117) СУС 1737 – № 73, л. 155–156

Коллекция № 106

Сказка о животных

п. Амбарный, Амбарный п/с
Терентьева М. И., 72 л. Зап. Н. А. Лавонен, 1983
118) СУС 61В = АА *61 П – № 28, л. 39

Сказка волшебная

Лангуева В. В., 72 л.
119) СУС 311 – № 84, л. 99–100

Сказка-анекдот

п. Амбарный, Амбарный п/с
Терентьева М. И., 72 л. Зап. Н. А. Лавонен, 1983
120) СУС 1739 – № 24, л. 34–35

Сказка кумулятивная

120а) СУС 2016*, 2018 – № 1, л. 2

КАЛЕВАЛЬСКИЙ РАЙОН

Коллекция № 5

Сказки волшебные

Вокнаволоок, Вокнаволоокский с/с
Кондратьев Х., 83 г. Зап. В. Кауконен, 1942
121) СУС 325 – № 276, л. 360–361 (1 ч.)

Каменное озеро, Вокнаволоокский с/с
Лесонен П., 60 л.
122) СУС 400₁ = АА 400А – № 280, л. 373–376 (1 ч.)

123) СУС 425А – № 281, л. 377–392 (1 ч.)

124) СУС 516 – № 278, л. 364–367 (1 ч.)

Сказки новеллистические и кумулятивные

Вокнаволоок, Вокнаволоокский с/с

Кондратьев Х., 83 л. Зап. В. Кауконен, 1942

125) СУС 851 – № 277, л. 362–363

126) СУС 2016*; 2018 = АА *2015 I – № 93, л. 129 (1 ч.)

127) СУС 2016*; 2018 = АА *2015 I – № 152, л. 208 (1 ч.)

128) СУС 2016*; 2018 = АА *2015 I – № 153, л. 209 (1 ч.)

129) СУС 2016*; 2018 = АА *2015 I – № 126, л. 174

Пекпуева И. Л., 87 л.

130) СУС 2016*; 2018 = АА *2015 I – № 159, л. 215 (1 ч.)

Пирттигуба, Вокнаволоокский с/с

Каллио А., 31 л.

131) СУС 2016*; 2018 = АА *2015 I – № 7, л. 23

132) СУС 2016*; 2018 = АА *2015 I – № 63, л. 92

133) СУС 2016*; 2018 = АА *2015 I – № 239, л. 320–321

Ремпу В., 103 г.

134) СУС 2016*; 2018 = АА *2015 I – № 182, л. 245

Толлорека, Вокнаволоокский с/с

Тенессейнен А., 70 л.

135) СУС 2016*; 2018 = АА *2015 I – № 210, л. 280 (1 ч.)

136) СУС 2016*; 2018 = АА *2015 I – № 211, л. 281 (1 ч.)

Коллекция № 10

Сказка о животных

Юшкозеро, Юшкозерский с/с

Антипина К. С., 72 г.

Зап. А. С. Степанова, Ю. Е. Красовская,
1963

137) СУС (158); 15, 20А, 21 – № 219, л. 38–41

Сказки волшебные

Юшкозеро, Юшкозерский с/с

Антипина К. С., 72 г.

Зап. А. С. Степанова, Ю. Е. Красовская,
1963

138) СУС 403 = АА 403А – № 218, л. 31–37

139) СУС 403 = АА 403А – № 214, л. 8–12

140) СУС 502 – № 216, л. 15–24

141) СУС 554; 315 = АА 315А – № 213, л. 1–7

142) СУС –650С* = АА *650 I – № 220, л. 42–44

143) СУС 652 – № 217, л. 25–30

144) СУС 502 – № 216а, л. 15–24

Степанова У. Т.

145) СУС 510В – № 222, л. 50–54

Хайколя, Кепский с/с

Васильева А. И.

146) СУС 301D* = АА 301 *С – № 234, л. 118–125

147) СУС (400₂) = АА 400 *В – № 233, л. 110–117

148) СУС 403 = АА 403А – № 231, л. 98–101

149) СУС 510А – № 236, л. 129–133

150) СУС –516** = АА *515 I – № 237, л. 134

151) СУС 707 – № 232, л. 102–109

Кузьмина М. А., 62 л.

152) Без № СУС – № 235, л. 126–128

На перекрестке все три брата выбирают по очереди одну дорогу, где предлагается отдых на мягкой перине. Двух братьев девица спихивает в подвал, но младший освобождает братьев.

Шонга, Кепский с/с

Коски Р. И., 69 л.

153) СУС 532; 300₁ = АА 300А – № 223, л. 55–62

154) СУС 707 – № 228, л. 83–87

Калевала

Мелентьева У. М., 75 л.

154а) СУС 301 А,В – № 268, л. 228–230

155) СУС 510А – № 271, л. 236–238

156) СУС 510В – № 269, л. 231–233

Сказки новеллистические, анекдоты и кумулятивные

Шонга, Кепский с/с

Коски Р. И.

Зап. А. С. Степанова, Ю. Е. Красовская,
1963

157) СУС 882А – № 224, л. 63–67

Маликина М. В.

158) СУС 882А – № 226, л. 74–76

159) СУС 883А – № 227, л. 77–82

Калевала

Мелентьева У. М., 75 л.

160) СУС 882А – № 265, л. 220–222

161) Без № СУС – № 266, л. 223–225

Сестра, одевшись в мундир брата, служит в армии. В него (в нее) влюбляется царевна. Свадьба. Раздор. Отправка в путь по сбору «долгов». Встреча с чудесными спутниками. Герой (она) возвращается в семью царя.

162) Без № СУС – № 267, л. 226–227

Купец продает сундук, в котором спрятана его дочь. Купивший держит ее в сундуке, но она исчезает, одевшись в мужскую одежду. При выборе царя «свеча» загорается над ней, но она уступает корону возлюбленному.

164) Без № СУС – № 270, л. 234–235

Солдат встречается с женщиной, рассказывает о своих свиданиях начальнику, не догадываясь, что он – ее муж. Попадает в женский монастырь, соблазняет монашку и убегает с ней.

Юпкозеро, Юпкозерский с/с
Антипина К. С., 72 л.
164а) СУС 1696 = АА 1696А – № 221, л. 45–49
Федорова Т. Ф., 67 л.
165) СУС 1560; 1775 № 273, л. 242–244
166) СУС 1641 – № 272, л. 239–240

Хайколя, Кепский с/с
Васильева А. И.
167) СУС 1643; 910В – № 230, л. 92–97
168) СУС 1675 – № 229, л. 88–91

Шонга, Кепский с/с
Коски Р. И., 69 л.
169) СУС 1730 – № 225, л. 68–73
Кузьмина А. Я., 68 л.
170) СУС 2016*; 2018 = АА *2015 I – № 36, л. 38
Антипина К. С., 72 л.
171) СУС 2016*; 2018 = АА *2015 I – № 9, л. 9
172) СУС 2016*; 2018 = АА *2015 I – № 10, л. 10
173) СУС 2016*; 2018 = АА *2015 I – № 11, л. 11

Коллекция № 11 ***Сказки-анекдоты***

Юпкозеро, Юпкозерский с/с
Никулин Л. А., 32 л. Зап. Г. Х. Богданов, 1927
174) СУС 1640 – № 47, л. 70–73

Бабья губа, Бабьегубский с/с
Пянтти
175) СУС 1535 = АА 1535А и 1535 *В; 571 – № 1, л. 2–4

Коллекция № 12 ***Сказки о животных***

Вокнаволок, Вокнаволоцкий с/с
Артемьев Т. Зап. Т. Топшинен, 1934
176) Без № СУС; АА 90 – № 29, л. 30–31
Васара С., 10 л. Зап. В. Я. Евсеев, 1934
177) Без № СУС; АА 90 – № 48, л. 68–70
Митгоева Э., 6 л.
178) Без № СУС; АА 90 – № 63, л. 93
Девочка несет отцу еду в лес. Медведь все съедает.

Сказки волшебные

Вокнаволок, Вокнаволоцкий с/с
Васара С., 10 л. Зап. В. Я. Евсеев, 1934
179) СУС –480* = АА 480А – № 51, л. 73–74
Васара В. А., 78 л. Зап. У. Харламова, 1934
180) СУС 500 – № 72, л. 124–125
181) СУС 555 – № 73, л. 125–126

- Ремшу С., 12 л.
182) СУС 327А – № 60, л. 87–90
183) СУС 510А – № 55, л. 78–81
- Сутинен Е., 11 л.
184) СУС (327А) – № 62, л. 92
- Липкина А., 11 л.
185) СУС 313Н*, 531 – № 74, л. 126–130
- Никулин М.
186) СУС –756F** = АА *758 – № 3, л. 4–9
- Ухта, Ухтинский с/с
- Богданов В. М., 14 л.
187) СУС –480* = АА 480А – № 133, л. 34–41
- 188) СУС 650А – № 132, л. 31–33
- Кондока, Кондоковский с/с
- Иевлев И.
189) СУС –650В* = АА *650 II – № 142, л. 67–72

Сказки новеллистические и анекдоты

- Вокнаволок, Вокнаволоцкий с/с
- Никулин М.
190) СУС 921F – № 46, л. 64–67
- Кондока, Кондоковский с/с
- Иевлев И.
191) СУС –855* = АА *855 – № 141, л. 73–78
- Ухта, Ухтинский с/с
- Богданов В. М., 14 л.
192) СУС 1052; 1060А = АА 1060*; 1063 – № 137, л. 23–24
193) СУС 1063 – № 137, л. 25 (продолжение текста)

- Вокнаволок, Вокнаволоцкий с/с
- Никулин М.
194) СУС 1007 – № 4, л. 10–12
195) СУС 1131 – № 42, л. 42–56

Коллекция № 13

Сказка о животных

- Пирттигуба, Вокнаволоцкий с/с
- Ремшуева И. И., 85 л.
196) СУС 170 – № 20, л. 94–95

Сказки волшебные

- Ухта, Ухтинский с/с
- Митрофанов М.
197) СУС 650А; 300₁; –1060* – № 32, л. 486–504

- 198) СУС 665 – № 30, л. 466–475
 199) СУС 410* = АА *410 I – № 31, л. 476–485
 200) СУС (553); 313А – № 34, л. 521–533
 201) СУС 530А = АА 530 *В – № 26, л. 403–422
 202) СУС 560 – № 36, л. 540–555
 203) СУС 565 – № 27, л. 424–430
 204) СУС 725; 518 – № 28, л. 431–458
 Прохорова В. М.
 205) СУС 531 – № 42, л. 200–202
- Пиргтигуба, Вокнаволоцкий с/с
 Ремпуева И. И., 85 л. Зап. В. Кормуев, 1937
 206) СУС 301А, В – № 17, л. 70–79
 207) СУС 301D* = АА 301 *С – № 24, л. 104–107
 208) СУС 330В – № 15, л. 61–64
 209) СУС 518 – № 13, л. 57–58
 210) СУС 567; 566 – № 14, л. 57–58
 211) Без № СУС – № 10, л. 40–42
 Два брата строят избушку на участке старичка с ноготок, у которого есть волшебная сила. Он помогает герою приобрести в жены царевну.
 212) СУС (–307F*) – № 11, л. 42–45
- Каллио Н. М., 41 л.
 213) СУС 403 – № 7, л. 16–22
 214) СУС 510А; 409 – № 8, л. 23–30
 215) СУС 555; 425А – № 25, л. 108–118
- Антипина Е. Т., 65 л.
 216) СУС 510В; 887 – № 5, л. 9–13
 217) СУС 513А; 303 – № 4, л. 4–9
 218) СУС 706; 707 – № 22, л. 97–102
- Сказки бытовые, новеллистические и анекдоты***
- Пиргтигуба, Вокнаволоцкий с/с
 Ремпуева И. И., 85 л. Зап. В. Кормуев, 1937
 219) СУС 750В; 751 – № 21, л. 95–97
 Ухта, Ухтинский с/с
 Митрофанов М. Зап. И. Я. Пажлаков, 1939
 220) СУС 785 – № 33, л. 505–520
 221) СУС 810; (–823** = АА *823 I) – № 29, л. 459–465
- Пиргтигуба, Вокнаволоцкий с/с
 Антипина Е. Т., 65 л. Зап. В. Кормуев, 1937
 222) СУС 955 – № 3, л. 3–4
 223) СУС 1030; 1; 2 – № 23, л. 102–104
 224) СУС 1539 – № 18, л. 79–80
 225) СУС 1726А* = АА 1726**; 1731 – № 1, л. 1–2
 226) СУС –2220* – № 2, л. 2–3
- Чена, Вокнаволоцкий с/с
 Торвини И. П., 50 л.
 227) СУС 1539 – № 9, л. 31–39

Мяркяваара, Бабьегубский с/с
Богданов Р., 16 л.
228) СУС 1538* = АА*1538 I; 1539 – № 12, л. 45–56

Коллекция № 14
Сказка волшебная

Суоярви, Костомукшский с/с
Ругоева О. В., 19 л. Зап. Я. В. Ругоев, 1939
229) СУС 300А; 502; 850 – № 13, л. 32–45

Сказка новеллистическая и анекдоты

Ухта, Ухтинский с/с
Прохоров Е. С. Зап. Ф. Фомкин, 1939
230) СУС 921 – № 30, л. 103–111

Суоярви, Костомукшский с/с
Ругоева О. В., 19 л. Зап. Я. В. Ругоев, 1939
231) СУС 1538*; 1653А, В, С = АА 1653В – № 10, л. 21–27
232) СУС 1641 – № 14, л. 46–51

Коллекция № 15
Сказки волшебные

Резозеро, Ухтинский с/с
Леонтьев Р. Д., 56 л. Зап. А. Р. Леонтьева, 1941
233) СУС 465А – № 119, л. 167–170

Ухта, Ухтинский с/с
Маликина У. Т. Зап. Э. М. Гран, 1941
233а) СУС 409 – № 121а, л. 173–175
Маттинен И. С., 70 л. Зап. Н. О. Лехто, 1940
234) СУС 510В – № 93, л. 145–147
Лесонен М. С. Зап. М. В. Гордеева, Н. О. Лехто,
1941

235) СУС 576; 554; 315 = АА 315А – № 96, л. 152–156
Тикканен И. Х. Зап. А. Р. Леонтьева, 1941
236) СУС 570 – № 121, л. 95–96 (копия)
Саллинен Д.К. Зап. Н. О. Лехто, 1941

237) Без № СУС – № 91, л. 141–144
Служанка наговаривает мужу на жену. Муж поджигает дом. Когда начинается пожар, жена заклинает: «Пусть везде горит, только там, где нахожусь я с ребенком, – пусть льется вода». Они спасены. Приходит седовласый старик и одаривает ребенка золотой книгой, мать – шелком. Стул, на котором она сидела, становится золотым.

Сказка новеллистическая и анекдоты

Ухта, Ухтинский с/с
Пекпуева А. А., 66 л. Зап. Н. О. Лехто, 1941
238) СУС 938В = АА *931 I – № 95, л. 148–151

Лесонен Ф. Т., 96 л. Зап. А. Р. Леонтьева, 1941
239) СУС 790*; 1528 – № 118, л. 166

Вокнаволоок, Вокнаволоокский с/с
Васара Е. А.
240) СУС 1376В* = АА *1376В – № 120, л. 171–172

Коллекция № 16
Сказки волшебные

Ухта, Ухтинский с/с
Маликина У. Т., 50 л. Зап. Э. М. Гран, 1941

241) СУС 409 – № 46, л. 105–108

242) СУС 533 – № 47, л. 109–113

Лесонен И. О., 63 л.
243) СУС 330В; –330D* – № 22, л. 54–59

Тикканен И. Х.
244) СУС 570; 850 – № 48, л. 114–119

Панозеро, Шомбинский с/с
Попова Ф. И., 48 л.
245) СУС 560 – № 21, л. 36–53

Сказки новеллистические и анекдоты

Панозеро, Шомбинский с/с
Попова Ф. И., 48 л. Зап. Э. М. Гран, 1945
246) СУС 938В = АА *931 I – № 20, л. 27–35

Ухта, Ухтинский с/с
Лесонен И. О., 63 л. Зап. Э. М. Гран, 1945

247) СУС 1525А – № 23, л. 60–64

Лесонен Ф. Т., 96 л.
248) СУС 790* – № 29, л. 77–80

Тервонен А. Т., 50 л.
249) СУС 1960G; 327А; 715А = АА 715 – № 49, л. 120–126

Коллекция № 17
Сказка волшебная

Келлониemi, Юшкозерский с/с
Пекшуева, И. Л., 85 л. Зап. К. Луюто, 1941
250) СУС 725; (850) – № 20, л. 77–84

Сказка новеллистическая

Чикша, Ухтинский с/с
Богданова М. В. Зап. К. Луюто, 1941
251) СУС 920 – № 3, л. 14–21

Коллекция № 18
Сказки о животных

Ухта, Ухтинский с/с
Маликина А. Т., 26 л. Зап. Э. С. Гуттари, 1947

252) СУС 20А – № 89, л. 135–140

253) Без № СУС; АА 90 № 86, л. 120–121

Сказки волшебные

- Ухта, Ухтинский с/с
Маликина А. Т., 26 л. Зап. Э. С. Гуттари, 1947
254) СУС 403 = АА 403А, В – № 83, л. 102–109
255) СУС 510А – № 87, л. 122–131
256) СУС (708); АА 545А – № 84, л. 110–117
Лесонен С. Е., 68 л. Зап. Е. П. Каллио, 1947
257) СУС 300₁ = АА 300А; 406 – № 81, л. 1–30
- Пиргтигуба, Вокнаволоцкий с/с
Антипина А. И., 73 л.
258) СУС 707 – № 82, л. 31–39

Сказки новеллистические и анекдоты

- Войница, Войницкий с/с
Богданова А. С., 49 л. Зап. Э. С. Гуттари, 1947
259) СУС (926С*), 930Е*, АА 885 – № 46, л. 89–93
Летгиева М. С., 79 л.
260) СУС 921 – № 37, л. 67–68
- Ухта, Ухтинский с/с
Маликина А. Т., 26 л. Зап. Э. С. Гуттари, 1947
261) СУС 1030 – № 88, л. 132–134
262) СУС 1960G – № 85, л. 118–119
Лесонен С. Е., 68 л. Зап. Г. П. Каллио, 1947
263) СУС 1538; 1539 – № 92, л. 146–151

Коллекция № 19

Сказки о животных

- Вокнаволоц, Вокнаволоцкий с/с
Ремшу М. А., 76 л. Зап. П. Липкин, 1937
264) СУС 1; 2 – № 21, л. 70–71
Зап. Н. В. Хрисанфов, 1937
265) СУС 56А – № 82, л. 312–313
266) СУС 60 – № 78, л. 304
Зап. П. Липкин, 1937
267) Без № СУС – № 22, л. 71–72
У куща все животные бесхвостые. Начинают покупать себе хвосты.

Сказки волшебные

- Вокнаволоц, Вокнаволоцкий с/с
Ремшу М. А., 76 л. Зап. П. Липкин, 1937
268) СУС 301А, В – № 13, л. 55–57
269) СУС 300₁ – № 23, л. 73–76; № 32, л. 88–100; № 32а, л. 100–104
Зап. О. Ф. Демидова, 1937
269а) СУС 303; 300₁ – № 5, л. 26–38
270) СУС 315 – № 2, л. 3–14

- Зап. Н. В. Хрисанфов, 1937
- 271) СУС 327А; 1132; 1653А, В, С – № 81, л. 308–311
- 272) СУС 222В*; 4002; 4001 – № 76, л. 291–301
- 273) СУС 403 – № 75, л. 286–290
- Зап. П. Липкин, 1937
- 273а) СУС 410* = АА*410 I – № 24, л. 76–78
- Зап. О. Демидова, 1937
- 274) СУС 465А, С – № 3, л. 15–19
- Зап. П. Липкин, 1937
- 275) СУС 501 – № 10, л. 48–49
- 275а) СУС (–518А*) – № 16, л. 63–64
- Зап. Н. В. Хрисанфов, 1937
- 276) СУС 551 – № 86, л. 329–334
- 277) СУС 531 – № 87, л. 335–340
- 278) СУС 559 – № 80, л. 307
- 279) СУС 327В; 531 – № 83, л. 314–320
- Зап. П. Липкин, 1937
- 281) СУС 565 – № 17, л. 65
- Зап. О. Ф. Демидова, 1937
- 282) Без № СУС – № 4, л. 20–25
- Девушка трижды отказывает сватам царя и выходит замуж за выбранного ею парня.
- Зап. П. Я. Куйкка, 1939
- 284) СУС 671; 765 – № 36, л. 116–122
- Зап. П. Липкин, 1937
- 286) СУС 707 – № 15, л. 58–63 (западноевропейская версия)
- 287) СУС –735А** = АА *735 II – № 26, л. 80–81

Сказки новеллистические и анекдоты

- Ремпу М. А., 76 л. Зап. П. Липкин, 1937
- 288) СУС 410* = АА*410 I – № 24, л. 76–78
- 289) СУС (–518А*) – № 16, л. 63–64
- 290) СУС (–883А**) – № 11, л. 50–51
- 291) СУС 887; 407 – № 6, л. 39–41
- 292) СУС 920 – № 12, л. 52–55
- 293) СУС 921 – № 7, л. 42–44
- Зап. О. Демидова, 1937
- 294) СУС 921А – № 9, л. 47–48
- Зап. Н. В. Хрисанфов, 1937
- 295) СУС 926С* = АА *926 – № 88, л. 344–346
- 296) СУС 951В – № 79, л. 305–306
- Зап. П. Липкин, 1937
- 297) Без № СУС – № 33, л. 101а–103а

У мальчика неприятности из-за своих старых тапок. Поп заставляет платить штраф за то, что он пачкает в доме пол. Мальчик забрасывает их на крышу дома, весной тапки падают оттуда ребенку на голову. Опять штрафуют. (Ср. сюжет «Неудачи» – СУС 1681.)

- 298) Без № СУС – № 85, л. 326–328
Царя заточают в тюрьму. Его дочь идет на службу к другому правителю, по-
мощает его сыну выбраться из колодца, за это ее отца освобождают из тюрьмы.
- 299) СУС 1164 – № 20, л. 69–70
- 300) СУС 1381 – № 1, л. 1–2
- 300а) СУС 1408 – № 31, л. 86–87
- 301) СУС 1525D; 1525А – № 84, л. 321–325
- 302) СУС 1535 = АА 1535А и 1535 *В – № 19, л. 67–69
- 303) СУС 1539; 1535 = АА 1535 *В – № 51а, л. 187–209 (оригинал) (только за-
ключительный мотив)
- 304) СУС 1539; 1535 = АА 1535 *В – № 51, л. 185–186 (копия)
- 305) СУС 1534 = АА 1660 – № 53, л. 210–212
- 306) СУС 1539 – № 8, л. 39–41
- 307) СУС 1585 – № 77, л. 302–303
- 308) СУС 1643; 1600 – № 91, л. 355–361
- 309) СУС 1650 – № 112, л. 379–381
- 310) СУС 1650; (1045) – № 25, л. 79–80
- 311) СУС 1641 – № 50, л. 170–186
- 313) СУС 1725 – № 92, л. 362–364
- 314) СУС 1825 = АА 1825А – № 34, л. 104а–108
- 315) СУС 1825 = АА 1825А – № 38, л. 125–131

Коллекция № 20
Сказка о животных

- Ухта, Ухтинский с/с
Хотеева М. М., 73 л.
- 316) Без № СУС; АА 90 – № 26, л. 203–204

Сказки волшебные

- Ухта, Ухтинский с/с
Хотеева М. М., 73 л.
- 317) СУС 311 – № 22, л. 162–171
- 318) СУС 313А, В, С; АА 515 – № 27, л. 205–235
- 319) СУС 327В; 327А – № 28, л. 236–238

- Зап. Л. К. Грендал, 1937
- 320) СУС 461 = АА 930 – № 17, л. 148–152
321) СУС 465С – № 12, л. 109–113
322) СУС 510А – № 7, л. 56–59, 60–65
323) СУС 313А, В, С – № 8, л. 66–71, 72–79
324) СУС 502 – № 11, л. 101–108
325) СУС 510В – № 2, л. 13–17

Зап. О. Ф. Демидова, 1937

326) СУС 650А; 532 – № 25, л. 194–202

- Зап. Л. К. Грендал, 1937
- 328) СУС 403 – № 6, л. 39–42, 43–47, 48–52, 53–55
329) СУС 675 – № 5, л. 32–34, 35–38
330) СУС 706; 707 – № 13, л. 114–125

Зап. О. Ф. Демидова-Пергамент, 1937

331) СУС 715А; 1415 – № 24, л. 185–189, 190–194

Сказки новеллистические и анекдоты

Ухта, Ухтинский с/с
Хотеева М. М., 73 л. Зап. Н. В. Хрисанфов, 1937

- 332) СУС 883В = АА *875 II – № 57, л. 323–327
Зап. Л. К. Грендал, 1937

- 333) СУС 901В* = АА 901 *В – № 18, л. 153
334) СУС 910В – № 9, л. 80–86
335) СУС 955 – № 3, л. 18–20
336) Без № СУС – № 15, л. 139

Родители умирают, поповна остается одна. В подвале прячется неизвестный. Одна из девушек на посиделках роняет веретено. Поповна опускается за ним в подвал и кричит, испугавшись. Подружки убегают и насильник тоже. Она погибает.

337) Без № СУС – № 4, л. 25–31

Муж слышит, как у спящей жены «живот плачет». Это не к добру. После этого жена три года гуляет, три года ворует, три года мелет овес у своего отца. Исправляется, и муж приводит ее домой.

- 338) СУС 1030; 1; 2; 3; 4; 60 – № 20, л. 157
339) СУС 1525А – № 56, л. 319–322

Зап. Даниев, 1937

340) СУС 1525А – № 30, л. 240–241

- Зап. Л. К. Грендал, 1937
- 341) СУС 1538*; 1539 – № 10, л. 96–100
342) СУС 1534 = АА 1660 – № 19, л. 154–156

Зап. О. Ф. Демидова-Пергамент,
1937

- 343) СУС 1538*; 1539 – № 23, л. 172–179
Зап. Л. К. Грендал, 1937

- 344) СУС 1543А* = АА 1543*; 1739 – № 16, л. 142
345) СУС 1726А* = АА 1726** – № 21, л. 158–161
346) СУС 1358С – № 1, л. 7–9

Зап. Даниев, 1937

347) СУС 1730 – № 29, л. 239

Коллекция № 21
Сказки волшебные

- Ухта, Ухтинский с/с
Прохоров Е. С., 60 л. Зап. И. Я. Пажлаков, 1938
348) СУС 303; 532; 300₁ – № 6, л. 127–143
349) СУС –650В* = АА *650 II – № 1, л. 1–28
350) СУС 705; 531 – № 12, л. 191–222
351) СУС 705; 850 – № 16, л. 235–250
352) Без № СУС – № 2, л. 29–73

Царица с любовником убивает царя. Царский сын убегает из дворца, женится на царевне. С помощью богатыря побеждает царское войско. Становится правителем в своем государстве.

- 353) Без № СУС – № 14, л. 233–234
Мужчина видит во сне трех птиц: слепую, толстую и тощую. Он считает, что это к добру.

Сказки новеллистические и анекдоты

- Ухта, Ухтинский с/с
Прохоров Е. С., 60 л. Зап. И. Я. Пажлаков, 1938
355) СУС –855* = АА *255; 880* – № 5, л. 99–119
356) СУС 921 – № 22, л. 264–273
357) СУС 1525D; 950; 1525А – № 4, л. 75–98
358) СУС –1734** = АА *1734 – № 8, л. 155–166
359) СУС 1735; 1730 – № 7, л. 144–154
360) Без № СУС – № 9, л. 167–169

Поп требует, чтобы жена бедняка спала с ним после рождения каждого ребенка, иначе он не будет крестить детей. Она не соглашается. Дети остаются некрещеными.

Коллекция № 22²
Сказки о животных

- Ухта, Ухтинский с/с
Михеева М. И., 63 л. Зап. Э. С. Гуттари, 1947
361) СУС 1 – № 56, л. 320–321. Оп. 1
362) СУС 15; 1030 – № 52, л. 375–380. Оп. 2
363) СУС (20А) = АА 20В – № 21, л. 111–114. Оп. 3
364) СУС (56А); 2 – № 71, л. 439–443. Оп. 4
365) СУС 56А; 33 – № 55, л. 402–406. Оп. 5
366) СУС 60 – № 57, л. 322–323. Оп. 6
367) СУС 130, 130В – № 54, л. 396–401. Оп. 7
Зап. У. С. Конкка, д. Алозеро
Калевальского р-на, 1959
368) СУС 159 – № 3 (в кол. 31, л. 19–25). Оп. 8
Зап. Э. С. Гуттари, Ухта, 1947
368а) СУС 159 – № 51, л. 372–374. Оп. 8а

² В коллекцию № 22 входят все записи собирательницы Э. С. Гуттари от М. И. Михеевой, единичные записи других собирателей: В. Я. Евсеева, У. С. Конкка, Э. М. Гран, В. Меллери – оговариваются особо с указанием архивного шифра в «Аннотированной описи сказок М. И. Михеевой из коллекций архива КарНЦ РАН».

369) СУС 244А* = АА *244 I – № 46, л. 363–364. Оп. 9а; № 47, л. 365–368. Оп. 9

370) Без № СУС; АА 90 – № 69, л. 431–433. Оп. 10

Три брата: белка, рукавица да игла – пошли на охоту. Сколько бы ни ругали иглу, именно она убила оленя, «спшила» котел из бересты, нашла дров для костра. Все вместе сварили мясо и наелись.

371) АА 333 *В = СУС 2028 – № 67, л. 422–424. Оп. 76

Сказки волшебные

Зап. Э. С. Гуттари, Ухта, 1947

372) СУС 300₁ = АА 300А – № 32, л. 210–231. Оп. 11

373) СУС 301D* = АА 301 *С; № 81, л. 477–485. Оп. 11а

374) СУС 303; 300А; 513А – № 41, л. 302–316. Оп. 12

375) СУС 306; 518 – № 35, л. 254–266. Оп. 13

376) СУС 307; (–849**) – № 20, л. 97–110. Оп. 14

377) СУС 311 – № 29, л. 154–160. Оп. 15

378) СУС 313ВС; 313Н* – № 31, л. 182–209. Оп. 16

379) СУС 315 – № 30, л. 161–181. Оп. 17

380) СУС 327А; 1132; 1153 – № 17, л. 73–74. Оп. 18

381) СУС 327А; 1960G; 715А – № 4, л. 28–30. Оп. 19

Зап. Э. М. Гран, 1946

382) СУС 327А; 1960G; 715А – № 89, л. 530–531. Оп. 19а

383) СУС 327В; 531 – № 58, л. 324–342. Оп. 20

384) СУС 327В; 531 – № 88, л. 522–529. Оп. 20а

Зап. Э. С. Гуттари, 1947

385) СУС 401; 400₂ – № 44, л. 343–353. Оп. 21

386) СУС 402 – № 34, л. 240–253. Оп. 22

387) СУС 405 – № 62, л. 392–396. Оп. 23

388) СУС 406; 425А – № 63, л. 397–408. Оп. 24

389) СУС 409 – № 14, л. 61–64. Оп. 25

390) СУС 460А; 471 – № 76, л. 466–469. Оп. 26

Собственноручная запись

М. Михеевой, 1949

391) СУС 460В; 461 – № 43а, л. 337–342. Оп. 26а

Зап. Э. С. Гуттари, 1947

392) СУС 480 = АА 480 *С – № 26, л. 135–139. Оп. 27

393) СУС 480А* – № 72, л. 444–447. Оп. 28

394) СУС –480* = АА 480А – № 25, л. 130–134. Оп. 29

395) СУС (–507С*) – № 38, л. 273–280. Оп. 30

396) СУС (–507С*). Повторный вариант: ФИЯЛИ, 787/5. Зап. В. Я. Евсеев, 1966. Оп. 30а

Зап. Э. С. Гуттари, 1947

397) СУС 510А – № 45, л. 354–362. Оп. 31

398) СУС 510В; 887 – № 16, л. 67–70. Оп. 32

Зап. В. Меллери, 1947

399) СУС 510В; 887 – № 16а, л. 70–72. Оп. 32а

Зап. Э. С. Гуттари, 1947

400) СУС 510В* – № 27, л. 140–145. Оп. 32б

401) СУС 516 – № 19, л. 82–96. Оп. 33

402) СУС 533 = АА 533А – № 70, л. 435–438. Оп. 34

403) СУС 552А = АА 552 – № 2, л. 6–24. Оп. 35

404) СУС 560 – № 53, л. 381–395. Оп. 36

405) Без № СУС; АА 591 – № 65, л. 413–416. Оп. 37

Чудесный горшок исполняет все желания старухи, его усилиями в доме появляются дрова, зерно, рыба.

406) СУС 735; 564 – № 8, л. 39–41. Оп. 38

407) СУС 565 – № 9, л. 42–44. Оп. 39

408) СУС 566 – № 7, л. 35–38. Оп. 40

Собственноручные записи
М. Михеевой, 1949

409) СУС 567 – № 82, л. 486–490. Оп. 41

410) СУС 570 – № 129, л. 639–645. Оп. 42

411) СУС 621 – № 6, л. 33–34. Оп. 43

Зап. Э. С. Гуттари, 1947

412) СУС 650А – № 10, л. 45–48. Оп. 44

Собственноручная записка
М. Михеевой, 1947

413) СУС 650А – № 84, л. 507–512. Оп. 44а

Зап. Э. С. Гуттари, 1947

414) СУС 650А; 513А; 301А, В – № 39, л. 281–294. Оп. 45

415) СУС 675 – № 33, л. 232–239. Оп. 46

416) Повторный вариант: СУС 675 – ФИЯЛПИ, 787/3. Зап. В. Я. Евсеева, Ухта, 1966. Оп. 46а

Зап. Э. С. Гуттари, 1947

417) СУС 676 – № 42, л. 317–323. Оп. 47

418) СУС 707 – № 60, л. 365–377 (русская версия). Оп. 48

419) СУС 707 – № 13, л. 56–60 (западноевропейская версия). Оп. 49

420) СУС (708); АА 545А – № 15, л. 65–66. Оп. 50

421) СУС 709 – № 40, л. 295–301. Оп. 51

422) СУС 725; 518; 513А – № 59, л. 343–364. Оп. 52

Сказки легендарные, новеллистические и анекдоты

Ухта, Ухтинский с/с

Михеева М. И., 63 л.

Зап. Э. С. Гуттари, 1947

423) СУС 785 – № 1, л. 1–5. Оп. 53

Зап. Э. М. Гран, 1946

424) СУС 785 – № 87, л. 518–521. Оп. 53а

Зап. Э. С. Гуттари, 1947

425) СУС –823** = АА *823 I – № 12, л. 54–55. Оп. 54

Собственноручная записка
М. Михеевой, 1950

425а) СУС 882А – № 699, л. 206–212 (в кол. 161). Оп. 55

425б) Без № СУС – № 18, л. 206–212. Оп. 56

Служанка убеждает хозяина дома в неверности его жены. Тот в гневе сжигает свой дом вместе с женой и ребенком. (Пересказанная прозой баллада «Клаус Курки».) Зап. Э. С. Гуттари, 1947

Зап. Э. С. Гуттари, 1947

426) СУС 883В – № 28, л. 146–153. Оп. 57

427) СУС 921 – № 3, л. 9–15 (в кол. 26/1). Оп. 58

428) СУС 930 = 461; (460В) – № 43, л. 324–336. Оп. 59

429) СУС 956В – № 64, л. 409–412. Оп. 60

430) СУС 1091 – № 75, л. 463–469. Оп. 61

431) СУС 1151 – № 85, л. 513–516. Оп. 62

- 432) СУС 1227; 1260 – № 37, л. 271–272. Оп. 64
433) СУС 1263; 1245; 1286; 1290 – № 36, л. 267–270. Оп. 63
434) СУС 1380 – № 3, л. 25–27. Оп. 65
435) СУС 1381; 1365А; 1164 – № 22, л. 115–120. Оп. 66
436) СУС 1408 – № 73, л. 448–451. Оп. 67

Зап. Э. М. Гран, 1946

- 437) СУС 1408 – № 90, л. 532–533. Оп. 67а

Зап. Э. С. Гуттари, 1947

- 437а) СУС 1430 = АА 1430 *А – № 49. Оп. 68

- 438) СУС 1525D = АА 1525D и 1525 *С I; 1525А; 1737 – № 11, л. 49–53. Оп. 69

- 439) СУС 1539 – № 24, л. 124–129. Оп. 70

- 440) СУС 1641 – № 23, л. 121–123. Оп. 71

- 441) СУС 1643; 1642 – № 66, л. 417–421. Оп. 72

- 442) СУС 1696 = АА 1696А – № 68, л. 425–430. Оп. 73

- 443) СУС 1725 – № 61, л. 379–391. Оп. 74

- 444) СУС 1892; 1889К; 1900 – № 5, л. 31–32. Оп. 75

Собственноручная запись,

М. Михеевой, 1946

- 445) СУС 1892; 1900 – № 4, л. 7–8. Оп. 75а

Кумулятивные и докучные сказки

Зап. Э. С. Гуттари, 1947

- 446) СУС 20С; 2016*; 2018; 715А – № 74, л. 452–462. Оп. 77

- 447) СУС 2016*; 2018 – а) № 28, л. 34. Оп. 77; б) № 30, л. 35. Оп. 81; в) № 31, л. 36. Оп. 80; г) № 33, л. 38. Оп. 85; д) № 39, л. 42. Оп. 82; е) № 42, л. 47. Оп. 83; ж) № 54, л. 114. Оп. 79; з) № 55, л. 115. Оп. 78

Зап. В. Я. Евсеева, Ухта, 1966

- СУС 2016*; 2018 – ФИЯЛП, 787/9. Оп. 84

- 447а) СУС 2022В = АА *241 III – № 32, л. 37. Оп. 86

- 447б) СУС 2300 = АА *2020 – № 48, л. 112. Оп. 87; № 50, л. 113. Оп. 88, 89

Коллекция № 23

Сказки волшебные

Ухта, Ухтинский с/с

Хмяляйнен Е. И., 65 л.

Зап. В. Меллери, 1947

- 448) СУС 300₁ = АА 300А – № 13, л. 31–34

Собственноручная запись, 1947

- 449) СУС 403 = АА 403А, В – № 15, л. 37–40а

- 450) СУС 533 – № 16, л. 41–43

Зап. В. Меллери, 1947

- 451) СУС (560) – № 9, л. 20–24

- 452) СУС 576 – № 12, л. 27–30

Зап. Э. М. Гран, 1946

- 453) СУС (671) – № 3, л. 7–10

- 454) Без № СУС – № 11, л. 25–26

Девочке снится сон, что она нашла ржаной колосок, который принес ей счастье. Вскоре ее нанимают в богатый дом служанкой. Она находит ржаной колосок, благодаря которому становится богатой.

Сказки-анекдоты

- Ухта, Ухтинский с/с
Хямяляйнен Е. И., 65 л. Зап. В. Меллери, 1947
455) СУС 1545А = АА *1563 I – № 14, л. 35–36а
Зап. Э. М. Гран, 1945
456) СУС 1730 – № 2, л. 5а–6
457) СУС 1735 – № 4, л. 11–13
Зап. В. Меллери, 1947
458) СУС 1735 – № 10, л. 25–26

Коллекция № 24 Сказка волшебная

- Ухта, Ухтинский с/с
Пертунен Т. А. Зап. Э. С. Гуттари, 1949
459) СУС 530 = АА 530А – № 1, л. 1–12

Коллекция № 25 Сказки волшебные

- Вокнаволоок, Вокнаволоковский с/с
Кондратьев И. А., 38 л. Собственноручная запись, 1948
461) СУС 406 – № 148, л. 300
462) СУС 313А; 513А – № 116, л. 256
463) СУС 531 – № 122, л. 261
464) СУС 552А = АА 552 – № 145, л. 290–295
464а) СУС (560) – № 137, л. 279–280
465) СУС (676) – № 138, л. 281–287
466) СУС 707 – № 135, л. 272–276
467) СУС 720 – № 146, л. 296–297
468) СУС 725 – № 93, л. 239
469) Без № СУС – № 147, л. 298–304
Медведь просит дочь старика себе в жены. Старик соглашается, отдает дочь за-
муж за медведя. Спустя некоторое время обманом вызывает медведя и убивает его.
470) Без № СУС – № 147а, л. 305
Аннотацию см.: п. № 469 (текст № 147).
Ремшу Ф., 22 л. Собственноручная запись, 1934
471) СУС 403 = АА 403А – № 157, л. 336–340

Ухта, Ухтинский с/с
Васильев С. З., 51 г. Собственноручная запись, 1948
471а) СУС (–307F*); 400₂ – № 156, л. 330–335
472) СУС 502; 300₁ = АА 300А – № 154, л. 312–328
Мелентьева П. А. Собственноручная запись, 1950
473) СУС 325 – № 164, л. 357–361
Лейно С. К. Зап. Н. О. Лехто, 1941
474) Без № СУС – № 38, л. 88–93
Мельник обманывает короля, говорит, что его дочь прядет шелковую нить.
Король приказывает девушке напрясть и наткать шелку. Ей помогает старичок-
даритель (сюжет не развернут).

Вокнаволоок, Вокнаволоокский с/с
Лейно С. К. Зап. Н. О. Лехто, 1941
476) Без № СУС – № 37, л. 81–87
Юноша должен идти на военную службу, говорит: «Хоть бы черт пошел вместо меня». Черт идет на службу и ставит условие: три года не стричься, не мыться. Выдержав испытание, юноша женится.

Сказки новеллистические и анекдоты

Вокнаволоок, Вокнаволоокский с/с
Мелентьева П. А. Собственноручная запись, 1950
477) СУС 880 = АА 880А – № 71, л. 200
Кондратьев И. А., 38 л. Собственноручная запись, 1948
478) СУС 926С* = АА *926; 921 – № 114, л. 252
Ремшу Ф., 22 л. Собственноручная запись, 1934
478а) СУС 1384; 1286; 1263; 1245 – № 158, л. 341–345
479) СУС 1365А; 1164 – № 159, л. 346
Кондратьев И. А., 39 л. Собственноручная запись, 1949
480) СУС 1415 – № 91, л. 236–238
481) СУС 1641 – № 121, л. 260

Коллекция № 26 ***Сказки волшебные***

Нурмилакша, Луусальмский с/с
Реттиева А. М., 53 л. Зап. У. С. Конкка в Петрозаводске,
род. и жила в д. Нурмилакша, во время конференции, 1948
Луусальмский с/с,
Калевальский р-н
482) СУС 735 – № 51, л. 227–230
483) СУС 735А = АА *735 I – № 51а, л. 231–233

Сказки-анекдоты

Реттиева А. М., 53 л. Зап. У. С. Конкка в Петрозаводске,
во время конференции, 1948
485) СУС 1535 = АА 1535А и 1535*В – № 49, л. 220–224
486) СУС 1642 – № 117, л. 259
487) СУС 1696 = АА 1696А – № 92, л. 238
Ремшу Ф., 22 л. Собственноручная запись, 1934
488) СУС 1365А – № 159, л. 346
489) СУС 1384; 1245; 1263; 1286 – № 158, л. 346
Мелентьева П. А. Собственноручная запись, 1950
490) СУС (–1696*) – № 70, л. 198–199
Ухта, Ухтинский с/с
Васильев С. З., 51 л. Собственноручная запись, 1948
491) СУС 1640 – № 155, л. 328–329

Коллекция № 26–1 ***Сказки волшебные***

Нурмилакша, Луусальмский с/с
Реттиева А. М., 53 л. Зап. У. С. Конкка, 1948
492) 465А, С – № 26, л. 81–102
493) СУС 501 – № 23, л. 55–60
494) СУС 530 = АА 530А – № 25, л. 63–73

Ухта, Ухтинский с/с
Матилайнен А. Ф., 50 л.
495) СУС 405; 887 – № 31, л. 139–145
496) СУС 706; (300₁); 709, 707 – № 30, л. 112–138

Юшкозеро, Юшкозерский с/с
Саллинен А. П., 27 л.
497) СУС 403 = АА 403А, В – № 10, л. 24–43

Войница, Войницкий с/с
Богданова А. С., 50 л. Зап. Э. С. Гуттари, 1948
499) СУС 403 = АА 403А, В – № 110, л. 233–240

Сказки новеллистические и анекдоты

Ухта, Ухтинский с/с
Михеева М. И., 64 л. Зап. Э. С. Гуттари, 1948
500) СУС 921 – № 3, л. 9–15
501) Без № СУС – № 7, л. 21
Старик со старухой находят шкатулку, в которой лежит мышиный хвост.
Васильев С. З., 51 г. Зап. У. С. Конкка, 1948
502) СУС 926С* = АА *926 – № 29, л. 105–111

Нурмилакша, Луусалмский с/с
Реттиева А. М., 53 л. Зап. У. С. Конкка, 1948
503) СУС 1541 – № 24, л. 61–62

Коллекция № 27 ***Сказки волшебные***

Ухта, Ухтинский с/с
Перттунен Т. А., 69 л. Зап. П. Я. Куйкка, 1949
504) СУС 465А – № 15, л. 44–48
505) СУС (561) – № 17, л. 51–54

Коллекция № 28 ***Сказки волшебные***

Ухта, Ухтинский с/с
Карпова А. Т., 44 л. Зап. П. Я. Куйкка, 1956
506) СУС 303 – № 164, л. 161–170
507) СУС 480 = АА 480 *С – № 165, л. 171–173
Лесонен И. Л., 68 л. Зап. В. И. Кийранен, 1956
508) СУС 330В – № 36, л. 34–35
509) СУС 555 – № 37, л. 36–37
Лесонен А. Ф., 80 л. Зап. П. Я. Куйкка, 1956
510) СУС 460В; 926С* – № 176, л. 179–189
Хотеева И. Р., 61 г. Зап. В. И. Кийранен, 1956
511) СУС 516 – № 35, л. 27–33
Зап. П. Я. Куйкка, 1956
512) СУС 706 – № 153, л. 141–144
Перттунен Т. А., 78 л.
513) СУС 707 – № 177, л. 190–200

Васильева А. И., 84 л. Зап. А. П. Мякеля, 1956
514) СУС –307Г*; 400₂ – № 272, л. 329–330
Лафеева О. А., 43 л. Зап. П. Я. Куйкка, 1956
515) Без № СУС – № 233, л. 255 (фрагмент)
Золотая рыбка превращается в девушку. Один из братьев хочет взять ее в жены.

Вокнаволоок, Вокнаволоокский с/с
Мякеля М. П., 21 г. Зап. А. П. Мякеля, 1956
516) СУС (301А, В) – № 253, л. 299–307
517) Без № СУС – № 251, л. 296–298
Братья ходят сторожить ржаное поле. Младший ловит трех лебедей, которые превращаются в девушек-невест.

Толлорека, Вокнаволоокский с/с
Каплио А. И., 80 л.
518) СУС 306 – № 248, л. 275–278

Юпкозеро, Юпкозерский с/с
Антипина К. С., 65 л. Зап. В. И. Кийранен, 1956
519) СУС 403 = АА 403А – № 41, л. 44–46
520) СУС 461 = АА 930 – № 42, л. 47–49
521) СУС 652 – № 39, л. 41–43
Мякушкина А. Е., 51 л.
522) СУС 707 – № 78, л. 70–71

Сказка легендарная

Юпкозеро, Юпкозерский с/с
Антипина К. С., 65 л. Зап. В. И. Кийранен, 1956
523) СУС 751А* = АА *751 II – № 38, л. 38–40

Сказки новеллистические, анекдоты и кумулятивные

Ухта, Ухтинский с/с
Куйкка Д. Т., 71 г. Зап. П. Я. Куйкка, 1957
524) СУС 901 = АА 901А – № 166, л. 174
Хотеева (Хиетала) И. Р., 66 л. Зап. В. И. Кийранен, 1956
525) СУС 910В – № 34, л. 21–26

Чикша, Ухтинский с/с
Васильева А. И., 84 л. Зап. А. П. Мякеля, 1956
527) СУС 1675 – № 271, л. 326–328

Ухта, Ухтинский с/с
Лесонен И. Л., 68 л. Зап. П. Я. Куйкка, 1956
528) СУС 1525А – № 181, л. 205–216

529) СУС 1525А – № 279, л. 354–358
530) СУС 1586 – № 277, л. 348
531) СУС 1730 – № 276, л. 344–347
532) СУС 1775 – № 278, л. 349–353
Карпова С. Т., 44 л. Зап. П. Я. Куйкка, 1956
533) СУС 1360В; 1360А = АА *1360 II – № 162, л. 155–158
534) СУС (1743* = АА *1743) – № 161, л. 151–154

- Хотеева (Хиетала) И. Р., 66 л.
535) СУС 1534 = АА 1660 – № 154, л. 145–146
Зап. У. С. Конкка, 1954
536) СУС 1538*; 1539 – № 275, л. 339–343
537) СУС 1735 – № 155, л. 147–148

- Вокнаволок, Вокнаволоцкий с/с
Мякеля А. Ф., 63 л. Зап. П. Я. Куйкка, 1956
537а) СУС 1151; 1072 – № 107, л. 89–91
538) СУС 1240 – № 109, л. 93–94
539) СУС 2016*; 2018 = АА *2015 I – № 108, л. 2
540) СУС 2028 = АА 333 *В – № 142, л. 127–128

Коллекция № 29
Сказки о животных

- Ухта, Ухтинский с/с
Карпова А. Т., 46 л. Зап. В. И. Кийранен, 1957
541) СУС 60 – № 102, л. 159
542) Без № СУС; АА 90 – № 101, л. 157
Ярвисало У. П., 70 л.
543) Без № СУС; АА 90 – № 104, л. 159

Сказки волшебные

- Ухта, Ухтинский с/с
Карпова А. Т., 46 л. Зап. П. Я. Куйкка, 1957
544) СУС 480 = АА 480 *С – № 47, л. 85–88
Зап. В. И. Кийранен, 1957
545) СУС 510А; 403 = АА 403А, В – № 100, л. 152–156
546) СУС 551 – № 125, л. 173–177
Зап. П. Я. Куйкка, 1957
547) СУС 665 – № 48, л. 89–98
548) СУС 709 – № 136, л. 187–188
Ярвисало У. П., 70 л. Зап. В. И. Кийранен, 1957
549) СУС 311 – № 151, л. 199–200
550) СУС 510В; 887 – № 105, л. 160–161
Зап. П. Я. Куйкка, 1957
551) СУС 2016*; 2018 – № 43, л. 71–73
Ремшу М. С., 82 л.
552) СУС (400₂ = АА 400 *В); СУС 302₁ – № 137, л. 189–190
553) СУС 510А; 409 – № 41, л. 54–66
Самойлова А. П., 52 л.
554) СУС 403 = АА 403А, В – № 42, л. 66–70
Зап. В. И. Кийранен, 1957
555) СУС 707 – № 152, л. 201–202
Игнатъева А. Д., 70 л.
556) СУС 403 = АА 403А, В – № 153, л. 203–206 (на рус. яз.)
Лесонен И. Л., 75 л.
557) СУС 725 – № 126, л. 178–182

Сказка легендарная

- Ухта, Ухтинский с/с
Лесонен И. Л., 75 л. Зап. В. И. Кийранен, 1957
558) СУС (765) – № 139, л. 192

Сказки новеллистические и анекдоты

- Ухта, Ухтинский с/с
Игнатъева А. Д., 70 л. Зап. В. И. Кийранен, 1957
559) СУС 883А = АА 883 – № 154, л. 207–210
Карпова А. Т., 46 л. Зап. П. Я. Куйкка, 1957
560) СУС 883А = АА 883 – № 49, л. 99–106
Ярвисало У. П., 70 л. Зап. В. И. Кийранен, 1957
561) СУС 884 = АА 884А; *884 I – № 150, л. 198
Самойлова А. П., 52 л. Зап. В. И. Кийранен, 1957
562) СУС 1091 – № 106, л. 141
Лесонен И. Л., 75 л.
563) СУС 1384 – № 140, л. 187–188
Ярвисало У. П., 70 л. Зап. П. Я. Куйкка, 1957
564) СУС 1528 – № 44, л. 74
Карпова А. Т., 46 л.
565) СУС 1365А – № 50, л. 107–111

Коллекция № 31

Сказка о животных

- Ухта, Ухтинский с/с
Михеева М. И., 75 л. Зап. У. С. Конкка, 1957
566) СУС 159 – № 3, л. 19–25

Сказка волшебная

- Ухта, Ухтинский с/с
Федорова М. И., 70 л. Зап. У. С. Конкка, 1959
567) СУС 403 = АА 403А, В (фрагмент) – № 26, л. 66–67

Сказка новеллистическая и анекдот

- Ухта, Ухтинский с/с
Пекпуева М. М., 84 л. Зап. У. С. Конкка, 1959
568) СУС 875; 921 – № 2, л. 11–18
569) СУС 1540 – № 1, л. 7–10

Коллекция № 41

Сказки волшебные

- Вокнаволоок, Вокнаволоокский с/с
Дорофеева А. П., 65 л. Зап. Р. П. Ремпуева, 1978
570) СУС 461 = АА 930 – № 138, л. 123–124
571) СУС 519 – № 145, л. 130–135
572) СУС 567; (318) – № 151, л. 149–158
Кириллова И. И., 86 л.
573) СУС 545В (схематичное изложение) – № 90, л. 74–75

- Калевала, Калевальский п/с
Кегтунен А. В., 72 л.
574) СУС (676) – № 230, л. 236–238

Сказка новеллистическая

- Вокнаволоок, Вокнаволоцкий с/с
Кириллова И. И., 86 л. Зап. Р. П. Ремшпуева, 1978
575) СУС 926С*, 921 – № 89, л. 69–74

Коллекция № 42 Сказки волшебные

- Калевала, Калевальский п/с
Федорова О. Ф., 71 г. Зап. Р. П. Ремшпуева, 1979
576) СУС 403 – № 22, л. 21–24
577) СУС 461 = АА 930 – № 25, л. 27–31
578) СУС 567; 566 – № 43, л. 45–48
579) СУС 706; 707 – № 48, л. 54–60

Сказки-анекдоты

- Калевала, Калевальский п/с
Федорова О. Ф., 71 г. Зап. Р. П. Ремшпуева, 1979
580) СУС 1541 – № 45, л. 50–51
Лесонен А. А., 69 л.
581) СУС 1739 – № 50, л. 62–63

Коллекция № 46 Сказки волшебные

- Пирттигуба, Вокнаволоцкий с/с
Ремшпуева И. И. Собственноручная запись, 1941
582) СУС 510А – № 19, л. 60

- Ухта, Ухтинский с/с
Липкина Е. В. Собственноручная запись, 1941
583) СУС 655 = АА 925* – № 31, л. 86–90

Сказка новеллистическая и анекдот

- Ухта, Ухтинский с/с
Липкина Е. В. Собственноручная запись, 1941
584) СУС 883А = АА 883; 884 = АА 884А и *884 I – № 24, л. 68–75

- Пирттигуба, Вокнаволоцкий с/с
Ремшпуева И. И. Собственноручная запись, 1941
585) Без № СУС – № 25, л. 76–79
Юноша выигрывает спор с попом и получает 900 рублей.

Коллекция № 60 Сказка о животных

- Вокнаволоок, Вокнаволоцкий с/с
Ремшпуева А. А., 58 л. Зап. Р. П. Ремшпуева, 1972
586) СУС 56А – № 12, л. 93–97

Сказки волшебные

- Вокнаволоок, Вокнаволоцкий с/с
Липкина О. И. Зап. Р. П. Ремшпуева, 1972
587) СУС 327В, 531 – № 5, л. 41–55
588) СУС 550 – № 7, л. 63–69

- 589) СУС 561 – № 4, л. 28–40
590) СУС –650В* – № 8, л. 70–77
591) Без № СУС – № 6, л. 56–62

Два брата брошены девицей-ведьмой в подвал, а младший «роняет» с кровати в подполье саму ее и освобождает пленников, затем в ином царстве борется со старухой-воительницей, освобождает царевну. Свадьба.

- 592) СУС 403 = АА 403А – № 3, л. 18–27
Ремшугева А. А., 58 л.
593) СУС 564 – № 11, л. 83–92

Сказки новеллистические и анекдот

- Вокнаволок, Вокнаволоцкий с/с
Дорофеева О. П., 59 л. Зап. Р. П. Ремшугева, 1972
594) СУС –818***, 361 – № 1, л. 1–7
595) СУС 882А – № 2, л. 8–17
Ремшугева А. А., 58 л.
596) СУС 1831В = АА 1829* – № 10, л. 80–82

Коллекция № 68 Сказка о животных

- Вокнаволок, Вокнаволоцкий с/с
Капанен К. Е. Зап. В. Капанен, 1966
597) Без № СУС, АА 90 – № 11, л. 26–28

Сказка волшебная

- Чена, Вокнаволоцкий с/с
Лесонен, Е. В., 68 л. Зап. С. Реттеева, 1966
599) СУС 532 – № 54, л. 49–59

Сказки новеллистические

- Латвозеро, Вокнаволоцкий с/с
Лесонен А. Г., 80 л. Зап. Крончиева, 1966
600) СУС 921 – № 33, л. 41–43
Липкина М. К., 85 л. Зап. Л. Рясанен, 1966
601) СУС –992* = АА *992 – № 67, л. 62–65

Коллекция № 82 Сказки волшебные

- Вокнаволок, Вокнаволоцкий с/с
Ремшугева А. А., 61 г. Зап. Р. П. Ремшугева, 1975
602) СУС 327С, F, 1653В, С – № 283, л. 55–59
Кириллова И. И., 82 л.
603) СУС 500 – № 144, л. 64–67
Лесонен А. А., 74 л. 1984
604) СУС 510В – № 303, л. 79–81
605) СУС 560 – № 300, л. 67–74
Ремшугева А. Г., 69 л.
606) СУС 530 = АА 530А – № 216, л. 194–199
Ремшугева А. Ф., 73 л.
607) СУС 675 – № 254, л. 17–18

Сказки новеллистические и анекдоты

- Вокнаволоок, Вокнаволоокский с/с
Ремшуева А. Ф., 73 л. Зап. Р. П. Ремшуева, 1975
608) СУС –855* = АА *855 – № 263, л. 32–33
- Куйкканен У. И., 66 л.
609) СУС 900 – № 192, л. 163–168
- Кириллова И. И., 86 л.
610) СУС 926С* = АА *926; 921 – № 164, л. 97–102
- Лесонен М. Т., 65 л.
611) СУС 1380 – № 24, л. 43–46
612) СУС 1534 = АА 1660 – № 28, л. 54–57
613) СУС 1735 – № 27, л. 51–53
614) СУС 1739 – № 26, л. 48–50
- Кириллова И. И., 82 л.
615) СУС 1641 – № 143, л. 59–63
- Ремшуева А. Г., 69 л.
616) СУС 1641 – № 212, л. 186–188
- Лесонен А. А.
617) СУС 1643; 1600 – № 299, л. 62–66
- Мелентьева М. Г.
617а) СУС 1696 – № 244, л. 50–52

Коллекция № 89

Сказки о животных

- Пистолярви, Вокнаволоокский с/с
Прокопьева Е. К., 87 л. Зап. А. С. Степанова, 1967
618) СУС 2; 3 – № 3, л. 6–7
619) СУС 56А – № 2, л. 3–5

Сказки волшебные

- Калевала, Калевальский п/с
Ярвисало У. П., 90 л. Зап. А. С. Степанова, 1967
620) СУС 510А – № 35, л. 106–107
621) СУС 545В – № 37, л. 110–111
- Пистолярви, Вокнаволоокский с/с
Прокопьева Е. К., 87 л.
622) СУС 510А – № 16, л. 63–70
622а) СУС (–735А**) – № 1, л. 1–2

Сказки новеллистические и анекдоты

- Войница, Войницкий с/с
Игнатьева А. Д., 83 л. Зап. А. С. Степанова, 1967
623) СУС 883А = АА 883 – № 138, л. 286–293
- Пистолярви, Вокнаволоокский с/с
Прокопьева Е. К., 87 л. Зап. А. С. Степанова
624) СУС 1030 – № 17, л. 71–73

Калевала, Калевальский п/с
Ярвисало У. П., 90 л. Зап. А. С. Степанова, 1967
625) СУС 1380; (1537) – № 36, л. 108–109
626) СУС 1415 – № 33, л. 103–104

Коллекция № 161
Сказка новеллистическая

Ухта, Ухтинский с/с
Михеева М. И., 66 л. Собственноручная запись, 1950
628) СУС 882А – № 699, л. 206–212

Коллекция № 164
Сказка новеллистическая

Ухта, Ухтинский с/с
Хямяляйнен Е. И. Зап. У. С. Конкка, 1954
629) СУС 921 – № 12, л. 40–42

КЕМСКИЙ РАЙОН

Коллекция № 9
Сказки о животных

Подужемье, Подужемский с/с
Лисицын И., 10 л. Зап. Х. Ремпу, 1934
630) СУС 1 – № 30, л. 214а–215
631) СУС 1; 2 – № 26, л. 209–210
Зап. В. Я. Евсеев, 1934
632) СУС 15 – № 21, л. 199–200

Сказки волшебные

Маслозеро, Маслозерский с/с
Артемьев Г. Ф., 55 л. Зап. А. Г. Данильев, 1939
633) СУС 329 – № 16, л. 149–168
634) СУС –650С* = АА *650 I – № 15, л. 126–148
635) СУС 883А = АА 883 – № 17, л. 169–185

Подужемье, Подужемский с/с
Артемьев В. Е., 12 л. Зап. У. Харламова, 1934
636) Без № СУС, АА 591 – № 36, л. 220
Горшок исполняет желания хозяйки, убегая к ней от нашедших его людей с уворованной кашей, маслом и т. п.
637) СУС 707 – № 37, л. 221–222
Лисицын И., 10 л. Зап. Х. Ремпу, 1934
638) СУС 327А – № 28, л. 212–213
639) СУС 327А – № 31, л. 215
Зап. В. Я. Евсеев, 1934
640) СУС 555 – № 23, л. 202–203
Фадеева Е. Г., 50 л. Зап. А. Г. Данильев, 1939
641) СУС 402; 400₁ = АА 400А – № 18, л. 186–198
642) СУС 675; 551 – № 13, л. 99–115

- Антонова А. И. Зап. У. Харламова, 1934
643) СУС 480 = АА 480 *В – № 38, л. 223
- Мартынов П., 13 л. Зап. В. Я. Евсеев, 1934
644) СУС 650А – № 25, л. 205–208
- Минин Ф. В., 28 л. Зап. Г. Л. Ларионов, 1938
645) СУС 530 = АА 530А – № 8, л. 70–77
- Ларионов Ф. Л.
646) СУС 725; 301А; (306) – № 5, л. 35–36
- Пекпугева Е. А., 39 л.
647) СУС 510А – № 1, л. 1–24

Сказка новеллистическая и анекдоты

- Авнепорог, Подужемский с/с
Минин Ф. В. Зап. У. Харламова, 1939
649) СУС 910В – № 39, л. 224–227
- Подужемье, Подужемский с/с
Лисицын И., 10 л. Зап. Х. Ремпу, 1934
650) СУС 1115; 1132 – № 34, л. 218–219
- Лисицын И., 10 л.
651) СУС (1384) – № 29, л. 214

Коллекция № 10

Сказка о животных

- Панозеро, Панозерский с/с
Попова М. П., 81 г. Зап. А. С. Степанова, Э. С. Киуру,
1963
652) СУС 222В*; 313В; (300₁) – № 248, л. 161–176

Сказки волшебные

- Панозеро, Панозерский с/с
Попова Ф. И., 67 л. Зап. А. С. Степанова, Э. С. Киуру,
1963
653) СУС 300А; 513А – № 255, л. 193–202
654) СУС 451; 437 = АА 533 *В – № 256, л. 203–208

Сказка новеллистическая

- Панозеро, Панозерский с/с
Попова Ф. И., 67 л. Зап. А. С. Степанова, Э. С. Киуру,
1963
655) СУС 882А – № 254, л. 185–191

БЕЛОМОРСКИЙ РАЙОН

Коллекция № 35

Сказки о животных

- Компаково, Березовский с/с
Гужиев А. Н., 12 л. Зап. Я. В. Ругоев, 1937
656) СУС 15 – № 21, л. 26–27
657) СУС 103А – № 18, л. 24
- Иванова П. Т.
658) СУС 170 – № 11, л. 15

Веннасярви, Тунгудский с/с
Миронова А. И., 65 л.
659) СУС 125 – № 45, л. 101–102

Сказки волшебные

Берёзово, Березовский с/с
Естратова В. Я., 60 л. Зап. Я. В. Ругоев, 1937
659а) СУС 327А, В; 1653А, В, С – № 28, л. 40–41
659б) СУС 709 – № 33, л. 44–45
Щелин И. С., 54 л.
659в) СУС 332F – № 32, л. 43–44

Компаково, Березовский с/с
Гужиева М. Н., 56 л. Зап. Я. В. Ругоев, 1937
660) СУС 307 – № 16, л. 21–22

Гужиева М. А.
661) Без № СУС – № 3, л. 6

Опущен сюжет о добывании диковинок у дерущихся чертей (СУС 518), отсюда мотивы добывания предметов по требованию невесты при помощи шапки-невидимки превратились в рассказ о ловком воре, помогающем купцу сосватать невесту.

662) СУС (706) – № 2, л. 5
Гужиев А. Н., 12 л.
663) СУС 700 – № 20, л. 25

Лужманваара, Тунгудский с/с
Елагина Ф. А., 75 л.
664) СУС 403 = АА 403А, В – № 44, л. 95–98
665) СУС 465А – № 40, л. 81–84
666) СУС 508 = АА 508А – № 42а, л. 91–95
667) СУС 303 – № 42, л. 85–90

Маркова Гора, Березовский с/с
Марков А. В., 64 л.
667а) СУС 502; 570; 300₁ – № 39, л. 73–81
667б) СУС 567; 518 – № 36, л. 48–49
667в) СУС 650А; 315 – № 37, л. 50–69

Веннасярви, Тунгудский с/с
Миронов Х. Г., 11 л.
668) СУС 510А – № 43, л. 98–100

Сказки новеллистические и анекдоты

Компаково, Березовский с/с
Гужиева А. Н. Зап. Я. В. Ругоев, 1937
669) СУС 883В = АА *875 II – № 4, л. 7–8

Березово, Березовский с/с
Мопникова М. М., 54 л.
670) СУС 930 = 461 – № 35, л. 46–48

Гужиева Н. Н.

671) Без № СУС – № 6, л. 10

У жены «плачет живот». Она три года гуляет, три года ворует, три года при-
служивает у своего отца. Затем муж привозит ее домой.

Маркова Гора, Березовский с/с

Марков А. В., 64 л.

672) СУС 880* = АА *880 I – № 38, л. 70–72

Лужманваара, Тунгудский с/с

Елагина Ф. А., 75 л.

673) СУС 920 – № 41, л. 84–85

Компаково, Березовский с/с

Гужиева А. Н.

Зап. Я. В. Ругоев, 1937

674) СУС 1162; 1130 – № 8, л. 11

675) СУС 1164 – № 9, л. 12

Иванов А. И., 33 л.

676) СУС 1060; 1052 – № 13, л. 18

677) СУС 1653А, В, С – № 14, л. 18–19

Иванова А. А., 35 л.

678) СУС 1085; 1052; 1132 – № 10, л. 13

Григорьев И. В., 11 л.

Зап. Я. В. Ругоев, 1937

679) СУС 1358А = АА *1360 I – № 26, л. 35

Гужиева А. Н.

680) СУС 1381 – № 7, л. 10

Гужиев Н. А., 56 л.

681) СУС 1525А – № 1, л. 1–4

682) СУС 1440 – № 24, л. 31–32

Иванов А. И.

683) СУС 1539 – № 22, л. 28–30

684) СУС 1539 – № 12, л. 16–18

Гужиев Н. А., 56 л.

685) СУС 1358С – № 25, л. 32–34

Иванов А. И.

686) СУС –1545В* – № 23, л. 30

687) СУС 650А; 1132 – № 15, л. 19–20

Иванов В. М., 12 л.

688) СУС 1408 – № 19, л. 24–25

Иванова Ф. К.

689) СУС 1380 – № 5, л. 8–9

Березово, Березовский с/с

Щелин И. С., 54 л.

Зап. Я. В. Ругоев, 1937

690) СУС 1697 – № 34, л. 45–46

Естратова В. Я., 60 л.

691) СУС –1730А** – № 27, л. 36–40

Коллекция № 36
Сказка о животных

- Березово, Березовский с/с
Аникиева Е. И., 82 л. Зап. Х. В. Финберг, 1947
692) СУС 15; 1030 – № 15, л. 35–37

Сказки волшебные

- Березово, Березовский с/с
Мошникова М. М., 63 л. Зап. Х. В. Финберг, 1947
693) СУС 327А – № 11, л. 26–27
694) СУС 461(930) – № 12, л. 69–72; № 37, л. 27–31
695) СУС 560 – № 36, л. 65–67; № 9а, л. 13–15
696) СУС 707 – № 9, л. 11–12; № 35, л. 64–65
Самсонова Т. М.
697) СУС 313А, С – № 1, л. 1–5; № 30, л. 54–56

- Компаково, Березовский с/с
Аникиева Е. И., 82 л.
698) СУС 461(930) – № 14, л. 33–35; № 44, л. 76–77
699) Без № СУС – № 43, л. 76–77; № 13, л. 27 (фрагменты)

- Тунгуда, Тунгудский с/с
Миронова Е. В., 49 л. Зап. А. Р. Леонтьева, 1941
701) СУС 530А – № 57, л. 112–114
702) СУС 706 – № 56, л. 111–112
Богданова А. К., 56 л. Зап. О. П. Елисеев, 1941
703) СУС 403 = АА 403А, В – № 50, л. 89–90

- Лужманварра, Тунгудский с/с
Евтифеева С. К., 66 л. Зап. Х. В. Финберг, 1947
705) СУС 706 – № 32, л. 61–62; № 9с, л. 14–15
Елагина Ф. А., 82 л. Зап. О. П. Елисеев, 1941
706) СУС 303 – № 54, л. 101–104

Сказки новеллистические и анекдоты

- Тунгуда, Тунгудский с/с
Богданова А. К., 56 л. Зап. О. П. Елисеев, 1941
708) СУС 883В = АА *875 II – № 52, л. 93–94

- Лужманваара, Березовский с/с
Евтифеева С. К., 66 л. Зап. Х. В. Финберг, 1947
709) СУС (–996*) – № 9, л. 16–21

- Березово, Березовский с/с
Мошникова М. М., 63 л. Зап. Х. В. Финберг, 1947
710) СУС 1132; 592; 650А – № 10, л. 24–26; № 36б, л. 67–68

- Лехта, Лехтинский с/с
Иванова М. И., 64 л.
710а) СУС 1162 – № 26в, л. 49–50
711) СУС 1164 – № 26а, л. 48
712) СУС 1381 – № 22, л. 42–43

Коллекция № 37
Сказки волшебные

- Березово, Березовский с/с
Евсеева А. И., 83 л. Зап. Ф. Федоров, 1956
713) СУС 403 = АА 403А, В – № 45, л. 56–59
714) СУС 560 – № 25, л. 23–26
715) СУС 707 – № 42, л. 51–54

Коллекция № 38
Сказки волшебные

- Машозеро, Тунгудский с/с
Аникиева А. З., 88 л. Зап. И. П. Кондратьева, 1959
716) СУС 428 – № 3, л. 2–5
717) СУС 480* = АА 480А – № 29, л. 39–42
718) СУС 676 – № 27, л. 35–37
Малюкова Н. Е., 82 л.
719) СУС (532) – № 7, л. 10–13
720) СУС (532) – № 30, л. 43–47
721) СУС 677; 910В – № 11, л. 19–20

Сказка новеллистическая и анекдот

- Машозеро, Тунгудский с/с
Малюкова Н. Е., 82 л. Зап. И. Кондратьева, 1959
722) СУС 955 – № 5, л. 8.
Николаева А. Д., 42 л. Зап. И. Кондратьева, 1959
723) СУС 1210; 1286; 1245; 1384 – № 8, л. 14–16

МУЗЕРСКИЙ РАЙОН

Коллекция № 46
Сказка о животных

- д. Пертозеро, Ругозерский с/с
Сидорова Е. И., 77 л. Зап. Я. В. Ругоев, 1937
724) СУС 222В* = АА 222 *В; 313В; 513А – № 2, л. 4–10

Сказки волшебные

- д. Пертозеро, Ругозерский с/с
Кашинин К. Т., 60 л. Зап. Я. В. Ругоев, 1937
725) СУС 303 – № 14, л. 50–57
726) СУС 307; 400₂ – № 7, л. 22–29
727) СУС 560 – № 13, л. 41–49
Сидорова С. Ф., 77 л.
728) СУС 327В; 480А*; 425А – № 5, л. 18–19
Сидорова А. В.
729) СУС 560 – № 12, л. 38–40
730) Без № СУС – № 11, л. 37

Младший брат попадает к хозяину, у которого пасет скот. Юноше на выбор приводят 10 лошадей, 10 девушек, приносят золото и золу. По совету женщины он берет плохую лошадь, некрасивую девушку и золу. Плохая лошадь превращается в хорошую, некрасивая девушка – в красивую, зола – в золото.

- Ремпуева И. И. Собственноручная запись, 1941
731) СУС 510А – № 19, л. 60
- Сидорова Е. И. Зап. Я. В. Ругоев, 1937
732) СУС 707 – № 1, л. 1–3
- Хискозеро, Юпкозерский с/с
Елисеев И. Ф., 66 л. Зап. Я. В. Ругоев, 1937
733) СУС 530 = АА 530А – № 15, л. 58–59

Сказки новеллистические и анекдоты

- Пергозеро, Ругозерский с/с
Костина М. И., 28 л. Зап. Я. В. Ругоев, 1937
734) СУС 901В* = АА 901 *В – № 9, л. 33–35
- Сидоров И. П., 78 л.
735) СУС –956Е** – № 4, л. 13–17
- Сидоров Л. И., 50 л.
736) СУС –956Е**, –1527** = АА *1527 I – № 8, л. 30–33
- Сидорова А. В., 49 л.
737) СУС 1577* – № 10, л. 36

Коллекция № 47
Сказки волшебные

- Кимасозеро, Тикпшинский с/с
Алимшиева Т. К. Зап. О. Ф. Пергамент-Демидова,
1937
- 738) СУС 306 – № 11, л. 22–24
739) СУС 403 – № 12, л. 24–28
740) СУС 550 – № 9, л. 11–18
741) СУС 400₂ – № 13, л. 28–29
- Ругозеро, Ругозерский с/с
Аникиева А. Ф., 59 л. Зап. О. Ф. Пергамент-Демидова,
1937
- 742) СУС 552А = АА 552 – № 7, л. 6–9

Сказки легендарные, новеллистические и анекдоты

- Ругозеро, Ругозерский с/с
Аникиева А. Ф., 59 л. Зап. О. Ф. Пергамент-Демидова,
1937
- 743) СУС (–821Е*) – № 5, л. 5
744) СУС –750В** – № 3, л. 4
745) СУС 795 = АА 795А* – № 2, л. 2–3
746) СУС 839 – № 6, л. 6
747) Без № СУС – № 4, л. 5.
- Богатый брат не помогает многодетному бедняку. Умирая, бедный попадает в рай, а богатый – в ад. Богатый просит у бедного воды, тот не дает.

- Кимасозеро, Тикпшинский с/с
Ананина А. И., 61 г. Зап. О. Ф. Пергамент-Демидова,
1937
- 748) СУС 883А = АА 883 – № 8, л. 10
749) СУС 883А = АА 883 – № 38, л. 102–103

Алимшиева Т. К.

750) СУС 871* = АА *871 – № 20, л. 44–45

751) СУС 1525А; 1525D – № 10, л. 18–22

Коллекция № 50

Сказки волшебные

Кимасозеро, Тикшинский с/с

Ананина А. И., 61 г.

Зап. П. Я. Куйкка, 1939

752) СУС 502; 432 – № 2, л. 38–53

753) СУС 551; 300₁ = АА 300А – № 1, л. 1–37

754) СУС (–300**); (956А) – № 3, л. 54–60

Архипова М. К.

Зап. В. И. Воробьев, 1940

755) СУС 510А – № 53, л. 205–215

756) СУС 403 = АА 403А – № 48, л. 182–191

Ругозеро, Ругозерский с/с

Аникиева А. Ф.

Зап. Н. О. Лехто, 1941

757) СУС 313А – № 7, л. 75

758) СУС 530 = АА 530А – № 10, л. 81–82

д. Ондозеро, Ондозерский с/с

Емельянова М. Н.

Зап. Г. Х. Богданов, 1941

759) СУС –480* = АА 480А – № 8, л. 76

Клементьева Д. Л., 57 л.

760) СУС 707 – № 9, л. 77–80

Сказка легендарная

Ругозеро, Ругозерский с/с

Аникиева А. Ф.

Зап. Н. О. Лехто, 1941

761) СУС 795 = АА 795А* – № 6, л. 74

Сказки новеллистические и анекдот

Кимасозеро, Тикшинский с/с

Ананина А. И., 61 г.

Зап. П. Я. Куйкка, 1939

762) СУС –855* = АА *855 – № 4, л. 61–70

763) СУС 1641 – № 5, л. 71–73

Аникиева А. Ф.

Зап. Н. О. Лехто, 1941

764) СУС –934D*** – № 11, л. 83

Коллекция № 52

Сказка о животных

Реболы, Ребольский с/с

Тимофеева Е. С., 78 л.

Зап. Р. М. Пирхонен, 1958

765) СУС 103 – № 7, л. 48–50

Сказки волшебные

Кимасозеро, Тикшинский с/с

Алимшиева М. И., 78 л.

Зап. Т. В. Тунтуева, 1958

766) СУС 510А; 409 – № 6, л. 39–47

д. Конечостров, Ребольский с/с
Павлова А. С., 50 л. Зап. П. М. Пирхонен, 1958
767) СУС 4002 = АА 400 *В; 4001 = АА 400А – № 4, л. 27–32

д. Реболы, Ребольский с/с
Тимофеева Е. С., 73 л. Зап. Т. В. Тунтуева, 1958
768) СУС 555 – № 2, л. 7–13

Сказка новеллистическая и анекдоты

д. Реболы, Ребольский с/с
Тимофеева Е. С., 73 л. Зап. Т. В. Тунтуева, 1958
769) СУС 883В = АА *875 II – № 3, л. 14–26
770) СУС 1245; 1245А* = АА *1245 I; 1263; 1286 – № 8, л. 51–57

д. Кимасозеро, Тикпинский с/с
Алимпиева М. И., 78 л. Зап. П. М. Пирхонен, 1958
771) СУС 1380 – № 5, л. 33–38



УКАЗАТЕЛЬ СКАЗОЧНЫХ СЮЖЕТОВ ПО СЕВЕРНОЙ КАРЕЛИИ

Сюжеты по СУС или АА	Порядковые номера в Сюжетно-географическом указателе
1 Лиса крадет рыбу с воза	15, 80, 223, 264, 338, 361, 630, 631
2 Волк у проруби	15, 80, 223, 264, 338, 364, 618, 631
3 Лиса обмазывает голову сметаной	338, 618
4 Битый небитого везет	338
15 Лиса-повитуха	137, 362, 632, 656, 692
20А Звери в яме	137, 252, 363
20С Звери бегут от войны	446
21 Пожирание собственных внутренностей	137
33 Лиса, журавль и волк в яме	365
56А Лиса и дрозд (соловей, дятел)	265, 364, 365, 586, 619
60 Лисица и журавль	266, 338, 366, 541
61В = АА *61 II Кот, петух и лиса	118
АА 90 Игла, перчатка и белка	176–178, 253, 316, 370, 446, 542, 543, 597
103 (103А и 103А*) Кот и дикие животные	657, 765
123 Волк и козлята	16
125 Напуганные волки	659
130, 130А, 130В = АА 130 Зимовье (ночлег) животных	367
(153) Выхолощивание медведя	17
(158) Звери в саях у лисы	137
159 «Бычок, смоляной бочок»	368, 368а, 566
170 «За скалочку – гусочку»	196, 658
222В* Мышь и воробей (АА 222А – Война птиц и зверей)	272, 652, 724
244А* = АА *244 I Журавль и цапля	369
300 ₁ = АА 300А Победитель змея	30, 153, 197, 257, 269, 269а, 348, 372, 448, 472, 496, 652, 667а, 753
300А = АА 300 *В бой на калиновом мосту	25, 229, 374, 653
(–300**) Змей со звездой	754
301А, В Три подземных царства	154а, 206, 268, 414, 516, 646
301D* = АА 301 *С Солдат находит исчезающую царевну	18, 31, 146, 207, 373

302 ₁ Смерть Кащея в яйце	552
303 Два брата-близнеца	25, 99, 217, 269а, 348, 374, 506, 667, 706, 725
306 Ночные пляски	375, 518, 646, 738
307 Девушка, встающая из гроба	376, 660, 726
–307G* Юноша освобождает заклятую царевну, но нарушает запрет	514
(–307F*) Юноша освобождает царевну и исполняет обет	212, 471а
311 Медведь и три сестры	40, 61, 90, 100, 119, 317, 377, 549
313А, В, С Чудесное бегство	34, 200, 318, 323, 378, 462, 652, 697, 724, 757
313Н* = АА *313 I Бегство от ведьмы	185, 378
315 = АА 315А Звериное молоко	41, 141, 235, 270, 379, 667в
318 Неверная жена	572
325 Хитрая наука	121, 473
327А Брат и сестра у ведьмы	114, 182, 184, 249, 271, 319, 380, 381, 382, 638, 639, 659а, 693
327В Мальчик с пальчик у ведьмы	279, 319, 383, 384, 587, 728
327С, F Мальчик и ведьма	602
329 Елена Премудрая	633
330В Черти и Смерть в ранце	208, 243, 508
–330D* Человек и смерть	243
332F Смерть в бутылке	659в
361 Неумойка	594
400 ₁ = АА 400А Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену	122, 272, 372, 641, 767
400 ₂ = АА 400 *В Царь-девица	147, 272, 385, 471а, 514, 552, 726, 741, 767
401 Заколдованная царевна	385
402 Царевна-лягушка	386, 641
403 = АА 403А, В Подмененная жена	8, 35, 59, 81, 91, 138, 139, 148, 213, 254, 273, 328, 449, 471, 497, 499, 519, 545, 554, 556, 567, 576, 592, 664, 703, 713, 739, 756
405 Иоринда и Иорингель	387, 495
406 Людоед	257, 388, 461
407 Девушка-цветок	291
409 Мать-рысь	214, 233а, 241, 389, 553, 766
410* = АА *410 I Окаменелое царство	11, 199, 273а
425А Амур и Психея	123, 215, 388, 728
428 Девушка на службе у ведьмы	716
432 Финист – ясный сокол	752
437 = АА 533 *В Царевна и служанка	654
450 Братец и сестрица	36
451 Братья-вороны	37, 112, 654
460А Путешествие к богу за наградой	390
460В Путешествие к солнцу	391, 428, 510

461 = 930 Марко Богатый	82, 320, 373, 391, 428, 520, 570, 577, 670, 694, 698
465А Красавица-жена (Пойди туда, не знаю куда)	233, 274, 492, 504, 665
465С Красавица-жена	26, 321, 492
471 Крестник бога	390
480 = АА 480 *В Мачеха и падчерица (Морозко)	643
480 = АА 480 *С Мачеха и падчерица (Игра в жмурки)	392, 507, 544
-480* = АА 480А Мачеха и падчерица (Пряхи у проруби)	1, 42, 179, 187, 394, 717, 759
480А* Сестра отправляется спасать своего брата	393, 728
500 Имя черта	180, 603
501 Три пряхи	92, 275, 493
502 Медный лоб	140, 144, 229, 324, 472, 667а, 752
-507С* Рыба-счастье	395, 396
508 = АА 508А Благодарный мертвец	666
510А Золушка	1, 20, 67, 72, 83, 101, 102, 149, 155, 183, 214, 255, 322, 397, 545, 553, 582, 620, 622, 647, 668, 731, 755, 766
510В Свиной чехол	2, 3, 4, 32, 64, 68, 84, 93, 145, 156, 216, 234, 325, 398, 399, 409, 550, 604
-510В* Золотой фонарь	3, 400
513А Шесть чудесных товарищей	217, 374, 414, 422, 462, 653, 724
АА 515	318
516 Верный слуга	124, 401, 511
-516** = АА *515 I Волшебный мальчик	150
-517* Королевский сват – крестьянский сын Иванушка	113
-518А* Герои получают (покупают) чудесные предметы и женятся	275а
518 Обманутые черти	65, 204, 209, 375, 422, 667 б
519 Слепой и безногий	571
530 = АА 530А Сивко-Бурко	33, 73, 459, 494, 606, 645, 733, 758
530А = АА 530*В Свинка-золотая щетинка	73, 201, 701, 758
531 Конек-горбунок	5, 185, 205, 277, 279, 350, 383, 384, 463, 587
532 Незнайка	153, 326, 348, 599, 719, 720
533 = АА 533А Подмененная царевна	6, 9, 99, 242, 402, 450
АА 545А Замок копки	256
545В Кот в сапогах	66, 573, 621
550 Царевич и серый волк	62, 94, 373, 414, 588, 740
551 Молодильные яблоки	276, 546, 642, 753
552А = АА 552 Животные-зятья	403, 464, 742
553 Ворон-помощник	38, 200

554 Благодарные животные	141, 235
555 Коток Золотой лобок (Золотая рыбка, чудесное дерево или другой предмет)	7, 21, 72, 181, 215, 405, 509, 640, 768
559 Несмеяна-царевна	278
560 Волшебное кольцо	202, 245, 404, 451, 464а, 605, 695, 714, 727, 729
561 Лампа Аладина	505, 589
563 Чудесные дары	95
564 Чудесные дары (Двое из сумы)	406, 593
565 Чудесная мельница	27, 203, 407, 281
566 Рога	210, 408, 578
567 Чудесная птица	85, 210, 409, 572, 578, 667б
570 Заячий пастух	236, 244, 410, 667а
571 Диво дивное	175
576 Волшебный нож	235, 452
АА 591 Горшок-вор	405, 636
592 Чудесная скрипка (дудка)	710
621 Шкура вши	411
650А Иван-медвежье ушко	22, 86, 104, 110, 188, 197, 326, 412, 413, 414, 644, 667в, 687, 710
–650В* = АА *650 II Еруслан Лазаревич	12, 189, 349, 590
–650С* = АА *650 I Илья Муромец	24, 63, 142, 634
652 Счастливое дитя	143, 521
655 = АА 925* Умные братья	583
665 Скорый гонец	198, 547
671 Три языка	284, 453
675 «По пучьему велению»	28, 103, 329, 415, 416, 607, 642
676 Два брата и сорок разбойников	417, 465, 574, 718
677 В подводном царстве	721
700 Мальчик с пальчик	663
705 Рожденная от рыбы	350, 351
706 Безручка	87, 109, 218, 330, 496, 512, 579, 662, 702, 705
707 Чудесные дети	10, 23, 32, 43, 60, 77, 88, 96, 151, 154, 218, 258, 286, 330, 418, 419, 466, 496, 513, 522, 555, 579, 637, 696, 715, 732, 760
708 Царевич-чудовище	420
709 Волшебное зеркальце	421, 496, 548, 659б
715А = АА 715 Петух и жерновцы	249, 331, 381, 382, 446
720 «Мать меня убила, отец меня съел»	467
725 Нерассказанный сон	204, 250, 422, 468, 557, 646
735 Две Доли	97, 98, 482
735А = АА *735 I Горе (Нужда)	483
–735А** = АА *735 II Богатый и бедный братья	287, 622а
750В Чудесный странник	219
–750В** Чудесный странник	744

751 Скупая хозяйка	219
751А* = АА *751 II Бог в гостях	523
–756Г*** = АА *758 Убийца родителей	186
765 Мать, пытавшаяся убить своих детей	284, 558
785 Кто съел просвируку?	220, 423, 424
790* Золотое стремечко	239, 248
795 = АА 795А* Ангел на земле	745, 761
810 Сети злого духа	221
–818*** Свечка черту	594
–821Е* Черт наказывает богатого	743
–823** = АА *823 I Черт помогает бедному жениху	221, 425
839 Один грех влечет за собой другие	746
–849** Наказанная икона	376
850 Приметы царевны	229, 244, 250, 351
851 Неразгаданные загадки	125
–855* = АА *855 Солдат и царевна	44, 48, 191, 355, 608, 762
871* = АА *871 Смелая девушка	750
875 Семилетка	114, 568
880 = АА 880А Жена выручает мужа	477
880* = АА *880 I Солдат-генерал	355, 672
881 Оклеветанная жена	45, 69
882А Спор о верности жены	157, 158, 160, 425а, 595, 623, 628, 655
883А = АА 883 Оклеветанная девушка	47, 49, 115, 159, 559, 560, 584, 623, 635, 748, 749
–883А** Поп хитростью соблазняет девушку	290
883В = АА *875 II Хитрая девушка	332, 426, 669, 708, 769
884 = АА 884А, *884 I Покинутая невеста	561, 584
АА 885 Бедный жених	259
887 Терпеливая жена	216, 291, 398, 399, 495, 550
900 Гордая невеста	609
901 = АА 901А Укрощение строптивой	524
901В* = АА 901 *В Исправление ленивой	333, 734
910В Три добрых совета	167, 334, 525, 649, 721
920 Царь Соломон и его неверная жена	251, 292, 673
921 Невестины загадки	109а, 230, 260, 293, 356, 427, 478, 500, 568, 575, 600, 610, 629
921А = АА *921 I Куда тратятся деньги	294
926С* = АА *926 Сосватанные дети	259, 295, 478, 502, 510, 575, 610
930 = 461 Марко Богатый	428, 670
930Е* Воспитанник богача	259
–934Д*** Всякому своя доля	764
938В = АА *931 I Страдать лучше смолоду	238, 246
950 Дядя и племянник	46, 48, 357
951В Царь и вор	296
955 Жених-разбойник	222, 335, 722

956А Человек у разбойников	754
–956Е** Отец прогоняет сына из дома	735, 736
956В Девушка и разбойники	429
–992* = АА *992 Купеческая дочь и дворник	601
–996* Непокорная невеста-царевна	709
1000 Уговор не сердиться (Наём за щелчки)	22, 104, 111
–1004** Медведь в упряжке	22
1007 Порча (убой) скота каким-либо образом	194
1030 Дележ урожая	50, 223, 261, 338, 362, 383, 384, 624, 692
1045 Угроза морщить озеро веревкой	310
1052 Переноска дерева	192, 676, 678
1060 Кто раздавит камень	676
–1060* Игра в карты на орехи	86, 104, 110, 197
1060А = АА 1060* Кто сильнее пожмет руку	192
1063 Кто дальше бросит дубину	110, 192, 193
1072 Состязание в беге	537а
1085 Кто проткнет дерево	678
1091 Кто приведет более необыкновенное животное	430, 562
1115 Попытка убить топором	650
1130 Шляпа денег	674
1131 Горячие камни в пасть черта	195
1132 Бегство от работника	86, 104, 110, 111, 271, 380, 650, 678, 687, 710
115 = АА *1151 I Лодка – башмаки бабушки (бабушки), баня – его шапка и пр.	431, 537а
1162 Железный человек	674, 710а
1164 Злая жена в яме	299, 435, 479, 675, 711
1210 Тащат корову на крышу	723
1227 Хотят поймать белку	432
1240 Рубит под собой сук	538
1245 Носят солнечный свет в мешках	89, 105, 433, 478а, 489, 723, 770
1245А* = АА *1245 I Выносят дым решетом	723, 770
1260 Варят кашу в проруби	105, 432
1263 Едят кашу с молоком	433, 478а, 770
1286 Впрыгивают в брюки	433, 478а, 723, 770
1290 Плавают в гречневом поле	433
1358А Любownik в виде черта	679
1358С Попадья по-немецки заговорила	346, 685
1360А = АА *1360 II Наказанный любовник	533
1360В Спрятавшийся муж	533
1365А Упрямая жена	435, 479, 488, 565
1376В* = АА *1376В Солдат рассказывает сказки	240
1380 Неверная жена и муж, притворившийся ослепшим	54, 434, 611, 625, 689, 771

1381 Жена-доказчица	300, 435, 680, 712
1384 Муж ищет людей глупее жены	89, 478а, 489, 563, 651, 723
1408 Муж выполняет работу жены	55, 75, 300 а, 436, 437, 688
1415 = АА *1441 I Мена	56, 331, 480, 626
1430 = АА 1430 *А Разрушенные мечтания	437а
1440 Лошадь вместо девушки	682
-1441D* Хитрость молодухи	50а
1525А Ловкий вор	247, 301, 339, 340, 357, 438, 528, 529, 681, 751
1525D = АА 1525D и 1525 *С I Ловкий вор обманывает прохожих	301, 357, 438, 751
-1527** = АА *1527 I Бегство из амбара	736
1528 Сокол под шляпой	239, 564
1534 = АА 1660 Шемякин суд	51, 305, 342, 535, 612
1535 = АА 1535А и 1535 *В Дорогая кожа	13, 57, 107, 175, 302, 303, 304, 485
1537 Мертвое тело	107, 625
1538* = АА *1538 I Шут-невеста	228, 231, 263, 341, 343, 536
1539 Шут	14, 52, 224, 227, 228, 263, 303, 304, 306, 341, 343, 439, 536, 683, 684
1540 С того света выходец	569
1541 «Весна-красна»	503, 580
1543А* = АА 1543* Чесалка	344
1545А = АА *1563 I Парень хитростью овладевает девушкой	455
-1545В* Бабье пятно	686
1560 Будто бы еда, будто бы работа	165
1577* Слепой нищий	737
1585 Обманутый адвокат	307
1586 Глупец жалуется в суд на мух	530
1600 = АА 1600А Дурак-убийца	308, 617
1640 Фома Беренников	53, 174, 491
1641 Знахарь	166, 232, 311, 440, 481, 615, 616, 763
1642 Хорошая торговля	441, 486
1643 Дурак и береза	167, 308, 441, 617
1650 Счастье от наследства	309, 310
1651А = АА 1651* Соль	58, 71
1653А, В, С = АА 1653В Дурень, его братья и разбойники	231, 271, 602, 659а, 677
1675 Ученый бычок	168, 527
1696 = АА 1696А Набитый дурак	164а, 442, 487, 617а
-1696* «Дал, как заяц кобыле»	490
1697 «Мы трое», «Из-за денег», «Так и надо»	690
1725 Влюбленный поп	313, 443
1726А* = АА 1726** Поп обманывает жену мужа	225, 345
1730 Поп, дякон и дячок у красавицы	169, 347, 359, 456, 531
-1730А** Поп, дякон и цыган приходят к женщине	691

1731 = АА *1731 I Мужик продает глухаря	225
-1734** = АА *1734 Смех и слезы	358
1735 «Кто отдаст последнее, получит десяти- тирицею»	359, 457, 458, 537, 613
1737 Поп в мешке	117, 438
1739 Как поп телился	106, 111, 120, 344, 581, 614
1743* = АА *1743 Девушка попу пристыдила	534
1775 Голодный поп на ночлеге	166, 532
1825 = АА 1825А Прихожане жалуются	314, 315
1831В = АА 1829* Церковная служба	596
1880 Возвращение сказочника со свадеб- ного пира	258, 375
1889К = АА *1885 Человек влезает на небо по дереву	444
1892 На боках лошади вырастает верба (овес) до неба	444, 445
1900 Волк вытаскивает человека из болота	444, 445
1960G = АА *1425, 1960G, 1960G I Горох до неба	70, 249, 262, 381, 382
2016*, 2018 = АА *2015 I Кумулятивные сказки разного рода	71а, 107а, 116, 116а, 120а, 126–136, 170–173, 447, 539, 551
2022В = АА *241 III Разбитое яичко	447а
2028 = АА 333 *В Глиняный Иванушка	371, 540
2044 = АА 1960 *D I Репка	108
-2220* = АА *2080 Игра слов	226
2300 = АА *2020 Докучные сказки	447б



СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ И МАЛОПОНЯТНЫХ СЛОВ

- Ахкиво (карельское *ahkivo*) – санки охотника в виде лодочки с усеченной кормой.
- Важенка (карельское *petra*) – самка северного оленя.
- Верхница (карельское *piällini*) – кожаная или холщовая рукавица, которую надевают поверх шерстяной.
- Грядка (карельское *orsi*) – полка во всю стену.
- Загнетка (карельское *hütlos*) – место на шестке или в самой русской печи (около устья), куда загребают жар.
- Камка (карельское *kamka*) – шелковая ткань с узором.
- Кострика (карельское *päissär*) – отбросы льна и конопли после трепания и чесания.
- Ламба (карельское *lampi*) – небольшое лесное озеро без истоков.
- Лапаливо (карельское *lapalivo*) – синоним змей в карельском фольклоре; принимается также в качестве синонима Сюоятар.
- Линда (карельское *linta*) – мучная похлебка, сваренная на молоке.
- Оборы (карельское *paklat*) – веревки, завязки у лаптей.
- Птица вуака (карельское *vuakalintu*) – большая сказочная птица.
- Свитка (карельское *sviitka*) – длинная распахнутая верхняя мужская и женская одежда.
- Сопшича (карельское *soplicča*) – берестяная торба для кормления лошади зерном.
- Шесток (карельское *hinkalo*) – площадка между устьем и топкой русской печи.



СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ АРХИВНЫХ И ПЕЧАТНЫХ ИСТОЧНИКОВ

АКНЦ – Архив Карельского научного центра Российской академии наук (записи на карельском языке обозначены строчной буквой «к», на вепском – «в», на русском – «р», после аббревиатуры).

Аз. – Русские сказки в Карелии (Старые записи) / Подгот. текстов, ст. и коммент. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1947.

Аф. – Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. текстов и прим. В. Я. Проппа. М., 1957–1958.

Белова – Карэлийн рахвахан суарнат / Составила К. Белова. Петрозаводск, 1939.

Белом. – Сказы и сказки Беломорья и Пинежья / Запись текстов, вступ. ст. и коммент. Н. И. Рождественской. Архангельск, 1941.

Вепс. ск. – Вепские народные сказки. *Vepsän rahvahan sanad* / Составители Н. Ф. Онегина, М. И. Зайцева. Петрозаводск, 1996.

Господарев – Сказки Ф. П. Господарева / Запись текста, вступ. ст., прим. Н. В. Новикова. Общая редакция и предисловие М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1941.

Гура – Сказки, песни, частушки Вологодского края / Под ред. В. В. Гура. Вологда, 1965.

Евсеев, 1949 – Карельский фольклор. Новые записи / Вступ. ст., подгот., пер. текстов и примеч. В. Я. Евсеева. Под ред. В. Я. Проппа. Петрозаводск, 1949.

Евсеев, 1981 – Карельское народное поэтическое творчество / Подгот. и пер. текстов В. Я. Евсеева. Л., 1981.

ЗВ – Зеленин Д. К. Великорусские сказки Вятской губернии. Пг., 1915 (Зап. Рус. геогр. об-ва. Т. 41).

Карн. – Сказки и предания Северного края / Запись, вступ. ст. и коммент. И. В. Карнауховой. Предисловие Ю. М. Соколова. М.; Л., 1934.

КНС I – Карельские народные сказки / Изд. подгот. У. С. Конкка. М.; Л., 1963.

КНС II – Карельские народные сказки. Южная Карелия / Изд. подгот. У. С. Конкка, А. С. Тупицына. Л., 1967.

Комовская, ск. – Сказки, рассказы песни Горьковской области / Вступ. ст., запись, ред. текстов, коммент. Н. Д. Комовской. Горький, 1956.

Конкка – Карельские народные сказки / Сост., вступ. ст. и прим. У. С. Конкка. Петрозаводск, 1959.

Корг. – Сказки М. М. Коргуева / Записи, вступ. ст. и коммент. А. Н. Нечаева; Предисловие М. Азадовского. Петрозаводск, 1949. Кн. 1–2 (Сказки Карельского Беломорья; Т. 1).

- Корен. – Заонежские сказки П. Коренной. Петрозаводск, 1918.
- КФ, 1992 – Карельский фольклор. Хрестоматия. Karjalan rahvahan runoja. Lukukirja / Сост. Н. А. Лавонен. Petroskoi, 1992.
- КЭП – Карельские эпические песни / Предисл., подгот. текстов и коммент. В. Я. Евсева. М.; Л., 1950.
- Маскаев – Маскаев А. Мордовская народная сказка. Саранск, 1954.
- Мордов. этногр. сб. – Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910.
- Никиф. – Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л., 1961.
- Онч. – Северные сказки. Архангельская и Олонецкая губ. Сборник Н. Е. Ончукова. СПб., 1908 (Зап. Рус. геогр. о-ва; Т. 33).
- Пажлаков – Карельские сказки / Составил, перевел с карел. и литературно обработал И. Пажлаков. Петрозаводск, 1947.
- Саам. ск., 1959 – Саамские сказки / Вступ. ст. и подгот. текста А. Ермолова. Мурманск, 1959.
- Саам. ск., 1962 – Саамские сказки / Запись, пер., обраб., предисл. и прим. В. В. Чарнолуцкого. М., 1962.
- Саам. ск., 1980 – Саамские сказки / Составитель Е. Я. Пация. Под ред. Г. М. Керта. Мурманск, 1980.
- Ск. Заонежья – Сказки Заонежья / Сост. Н. Ф. Онегина. Петрозаводск, 1986.
- Ск. о мачехе и падчерице – Русские народные сказки о мачехе и падчерице / Сост. Е. И. Лутовинова. Новосибирск, 1993.
- Ск. Поморья – Русские народные сказки Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1974.
- Ск. Пудожья – Русские народные сказки Пудожского края / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1982.
- Сок. – Сказки и песни Белозерского края / Зап. Б. и Ю. Соколовы. М., 1915.
- Сравн. указ. сюжет. – Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Отв. ред. К. В. Чистов. Л., 1979.
- Терск. – Сказки Терского берега Белого моря / Изд. подгот. Д. М. Балашов. Л., 1970.
- УПТК – Устная поэзия тунгудских карел / Изд. подгот. А. С. Степанова. Петрозаводск, 2000.
- Фольклор Коми – Фольклор народа коми. Т. 1: Предания и сказки / Вступ. ст. А. А. Попова. Коммент. Г. А. Алексеева и А. А. Попова. Архангельск, 1938.
- Худ. – Великорусские сказки в записях И. А. Худякова / Изд. подгот. В. Г. Базанов и О. Б. Алексеева. М.; Л., 1964.
- АSA – Aukaisen saanaisen arkun. Хрестоматия по карельскому фольклору / Изд. подгот. А. С. Степанова. Петрозаводск, 1991.
- KKN I – Karjalan kielen näytteitä. Osa 1 / Julkaissut Eino Leskinen. Suomalaisen Kirjallisuuden seuran toimituksia. Osa 193. Helsinki, 1932.
- KKN II – Karjalan kielen näytteitä. Osa 2 / Julkaissut Eino Leskinen. Suomalaisen Kirjallisuuden seuran toimituksia. Osa 193. Helsinki, 1934.
- KKN III – Karjalan kielen näytteitä. Osa 3 / Julkaissut Eino Leskinen. Suomalaisen Kirjallisuuden seuran toimituksia. Osa 193. Helsinki, 1936.
- Kultur – Virtaranta, Pertti. Kulturengas korvaan (Vienalaisia satuja ja legendoja). Helsinki, 1971.

- Mihejeva – Mihejeva M. Karjalaisia kansansatuja. Petroskoi, 1951.
- NÄKM – Näytteitä Äänis- ja keskivepsän murteista. Keränneet E. N. Setälä ja J. H. Kala. Julkaisut ja suomentanut E. A. Tunkelo apunaan R. Peltola. Helsinki, 1951.
- NEVI, II – Kettunen Lauri. Näytteitä etelävepsästä. Helsinki. I – 1920, II – 1925.
- NVM – Näytteitä vepsän murteista. Keränneet ja julkaisseet L. Kettunen ja P. Siro. Helsinki, 1935.
- Remu – Remu M. Karjalais-suomalaisia kansansatuja. Petroskoi, 1945.
- Roine – Roine Paul. Suomen kansan suuri satukirja. Alkulauseen kirjoittanut Martti Haavio. Porvo; Helsinki, 1952.
- SKS I – Suomalaisia kansansatuja. I osa. Eläinsatuja / Toimittanut K. Krohn. Helsinki, 1886.
- SKS II – Suomalaisia kansansatuja. 2 osa. Kuninkaallisia satuja, 1 vihko / Toimittanut K. Krohn ja L. Lilius. Helsinki, 1893.
- SKSjT – Suomen kansan satuja ja tarinoita / Toim. E. Salmelainen. Helsinki, 1955.
- SKVR I – Suomen kansan vanhat runot. I osa / Julkaisut A. R. Niemi. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seuran kirjapaino, 1908.
- Suom. – Suomalaiset kansansadut / Ihmesadut / Toimittanut Pirkko-Liisa Rausmaa. Helsinki, 1972. Osa 1.



Приложение 1

РУНЫ М. И. МИХЕЕВОЙ И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАЛЕВАЛЬСКОЙ МЕТРИКИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В РАЗНЫХ ИЗДАНИЯХ

Карельский фольклор. Новые записи / Вступ. ст., подгот. текстов и примеч. В. Я. Евсеева. Под ред. В. Я. Проппа. Петрозаводск, 1949.

1. Антеро Виигунен. № 13. С. 37–38.
2. Похищение Солнца и Сампо. № 14. С. 38–39.
3. Лемминкяйнен на войне. № 15. С. 39–41.
4. Куллерво и его сестра. № 16. С. 41–42.
5. Лапландец Челли (предание). № 62. С. 153.
6. Уход лапландцев (предание). № 63. С. 154.

Карельские этические песни / Предисл., подгот. текстов и коммент. В. Я. Евсеева. М.; Л., 1950.

1. Анни отвергает жениха. С. 36–38.
2. Вяйнямейнен нисходит в утробу Виигунена. С. 38–39.
3. Вяйнямейнен освобождает солнце. С. 39–40.
4. Лемминкяйнен на пиру в Пяйвёле. С. 40–42.
5. Охота на лося. С. 42.
5. Куллерво узнает сестру. С. 42–43.

Karjalan kansan runot. I. Kalevalanaiheiset kertovaiset runot / Kokoannannut V. Jevseejev. Tallinn, 1976.

1. Viipusessa käynti. S. 269.
2. Hiiden hirven hiihdäntä. S. 269–270.

Karjalan kansan runot. II. Muita kertovaisin runoja. Historiallisia runoja / Kokoannannut V. Jevseejev. Tallinn, 1980.

1. Osapoika, onnipoika. S. 92–93.

Карельское народное поэтическое творчество / Подгот. и пер. текстов В. Я. Евсеева. Л., 1981.

1. «При встрече жениха в доме невесты» – свадебная песня. С. 138–139.
2. «Какую песню спеть» – лиро-эпическая песня калевальской метрики. С. 183–184.

Карело-финский народный эпос. Кн. 1. Тексты (оригиналы). Кн. 2. Переводы / Составление, вступ. ст., перевод, примеч. В. Я. Евсеева. М., 1994.

1. Mita laulanan lajia. Alkusanat. Кн. 1. № VI. S. 35–36.
А какую спеть мне песню. Пролог. Кн. 2. № VI. С. 10–11.
2. Antero Vipunen. Кн. 1. № 15. IV. S. 119.
Встреча с Випуненом. Кн. 2. № 15. IV. С. 98.
3. Niiden hirven hiihdäntä. Кн. 1. № 17. VIII. S. 129–130.
Погоня за лосем Хийси на лыжах. Кн. 2. № 17. VIII. С. 109.
4. Taistelu Sammosta. Кн. 1. № 20. VIII. S. 167–168.
Борьба за Сампо. Кн. 2. № 20. VIII. С. 147–148.
5. Päivölässä käynti. Кн. 1. № 33. XII. S. 293–294.
Поездка на пир в Пяйвелу. Кн. 2. № 33. XII. С. 270–271.
6. Sisaren tumelus. Кн. 1. № 36. XII. S. 335–336.
Инщест. Кн. 2. № 36. XII. С. 311–312.

Приложение 2

**РАЙОНЫ КАРЕЛИИ
ПО АДМИНИСТРАТИВНОМУ ДЕЛЕНИЮ 1968–1976 гг.**

1. Лоухский (входит бывший Кестеньгский район)
2. Калевальский
3. Кемский
4. Беломорский (входит бывший Тунгудский район)
5. Муезерский (входят бывшие Ругозерский и Ребольские районы)
6. Сегежский
7. Медвежьегорский (входят Заонежский и Сегозерский районы)
8. Суоярвский
9. Кондопожский (входит бывший Петровский район)
10. Пудожский
11. Сортавальский
12. Лахденпохский
13. Питкярантский
14. Пряжинский (входит бывший Ведлозерский район)
15. Прионежский (входит бывший Шелтозерский район)
16. Олонецкий



Н. Ф. ОНЕГИНА – УЧЕНЫЙ-ФОЛЬКЛОРИСТ

В 1954 г. окончила Ленинградский государственный педагогический институт по специальности «русский язык и литература».

Затем в течение 16 лет работала в школах Карелии. Переехав в Петрозаводск, стала научным сотрудником Института ЯЛИ Карельского филиала АН СССР.

В 1974 г. окончила аспирантуру при Институте русской литературы (Пушкинский Дом) и защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Русско-карельские фольклорные связи (Поэтика волшебной сказки)».

Занималась регулярно, как и все фольклористы, собирательско-экспедиционной работой. Значительная часть научной карьеры Н. Ф. Онегиной была посвящена системной научной обработке, по созданной ею методике, рукописного фонда одного из богатейших в России фольклорных архивов Института ЯЛИ КарНЦ РАН.

Основное направление научной деятельности Н. Ф. Онегиной – сказковедение. Среди 30 опубликованных работ научные сборники: «Сказки Заонежья», «Вепские народные сказки» и публикуемый сборник «Карельские народные сказки», посвященный впервые одной из талантливейших сказочниц Карелии М. И. Михеевой.



Научное издание

КАРЕЛЬСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Репертуар Марии Ивановны Михеевой

Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН

Художник *М. Л. Пуохокайнен*
Редактор *Л. В. Кабанова*
Оригинал-макет *Е. Е. Давыдова*

Сдано в печать 07.06.10. Формат 60х90¹/₁₆. Гарнитура Times.

Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 33,2. Усл. печ. л. 40,0. Изд. № 69.

Тираж 400 экз. Заказ 877

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50